

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

ЯНВАРЬ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Вновь открытыя строфы его романа «Евгеній Онегинъ». Путешествіе Онегина. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бичковъ.	231	VII. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1887 гг. Гл. I—II.	109
II. 8-е сентября 1862 г. Изъ воспоминаній современника.	1	VIII. Въ странахъ Средней Азій. Путевыя впечатлѣнія г. Мозера, 1868—1883 гг. Перел. В. В. Тяжолуцкь. Гл. I—IV.	137
III. Алексій Дмитріевичъ Галаховъ: 1. О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ. — 2. Автобиографическая замѣтка и перечень главнѣйшихъ трудовъ А. Д. Галахова.	17	IX. Разказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль (Guenble), рожд. 1800, † 1876. Гл. I—III.	169
IV. Ссылные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. Гл. XIV. Сост. М. А. Колчинъ	37	X. Рушунскій отрядъ въ 1877—1878 гг. Историческій очеркъ. Гл. I—II.	199
V. Воспоминанія о голодѣ на сѣверѣ Россіи въ 1868 г. Гл. I—IV	63	XI. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, столѣтній годовщина его рожденія, 1787—1887 гг.	261
VI. Записки Д. И. Ростиславова, проф. сиб. духовн. академіи о бѣдахъ духовенствъ. Гл. XXII	87	XII. Историческіе документы, замѣтки и стихи.: Московская старина (108).—Вас. Львовичъ Пушкинъ и кн. Шагинновъ (136).—Первая городск. читальня въ Сиб. (265).—Поэтъ К. К. Р. (168 и 259).	
		XIII. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Григорьевича Черилева.—II. Портретъ Генриха Мозера.—III. Рисунокъ: сартекая женщина.—IV. Рисунокъ: Луль киргизскій.—V. Карта дѣтвей Рушунскаго отряда въ 1877—1878 гг.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

☛ Все изданіе «Русской Старины» изд. 1887 г. разошлось сполна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи. Части I и II. Составилъ генералъ-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Сиб. 1879 и 1887 гг. 8 д., съ портретами и картами.

Первая часть этого труда вышла еще въ 1879 году; она обнимаетъ собою лѣтопись русскихъ инженерныхъ учреждений и дѣятельность нашихъ инженеровъ до начала настоящаго столѣтія. Отпечатанная иныи вторая часть этого вполнѣ замѣчательнаго, по полнотѣ и добросовѣстности, труда, содержитъ свѣдѣнія о дѣятельности инженернаго управленія въ Россіи съ 1800 по 1811 годъ включительно. Въ введеніи ко 2-й части, авторъ мотивируетъ трудъ своей слѣдующиимъ образомъ: «Въ настоящее время, когда наши государственнымъ учрежденія настолько сдѣлались самостоятельными, что могутъ, каждое, жить своею субъективною жизнью, и когда система управленія въ этихъ учрежденіяхъ, — правильно организованная и оправдываемая научными данными и долготѣнимъ опытомъ, — отвѣчаетъ требованіямъ общественнымъ и спеціальнымъ этихъ учреждений и государственнымъ потребностямъ, — вступило, намъ кажется, время познакомиться съ исторіею блжайшихъ къ намъ пріемовъ и правилъ, которыми эти учрежденія руководствовались при ршеніи многихъ жизненныхъ и научныхъ вопросовъ».

Уважаемый составитель настоящаго труда, сирочно названнаго «историческимъ очеркомъ», излагаетъ его, въ Порядкѣ хронологическомъ, какъ именно являлись — или въ видѣ законодательствъ, или въ формѣ руководящихъ правилъ — всѣ распоряженія по инженерному вѣдомству въ Россіи. Этотъ способъ изложенія, — по справедливому замѣчанію автора, — сохраняя за собою все выгоды безпристрастія и забавляя автора отъ произвольныхъ выводовъ, представляетъ читателю факты тѣхъ явленій, которыми опредѣляется и самая задача исторіи учреждений, и тотъ постепенный ходъ распоряженій по инженерному вѣдомству, которые должны были удовлетворять дѣляемъ правительствна.

Въ введеніи въ своему изслѣдованію А. И. Савельевъ бросаетъ общій взглядъ

на развитіе инженернаго дѣла въ Россіи, на постепенное освобожденіе русскихъ инженеровъ отъ опеки иностранцевъ и напоминаетъ о томъ, что замѣчено было по этой части опытами миновавшаго столѣтія. Текстъ труда г. Савельева состоитъ изъ массы архивныхъ матеріаловъ (196 параграфовъ и разныя къ нимъ дополненія, въ концѣ книги) и статистическихъ свѣдѣній, относящихся къ дѣятельности инженернаго управленія съ 1800 по 1811 гг. включительно. Въ заключеніи, авторъ указываетъ на значеніе дѣятельности инженернаго вѣдомства въ первые года царствованія императора Александра I, когда оно впервые получило отдѣльное существованіе.

Ко II-й части книги г. Савельева приложены портреты трехъ выдававшихся въ означенную эпоху дѣятелей по инженерной части: Сергія Козьмича Вязьмитинова (перваго военнаго министра), Карла Ивановича Оппермана (управлявшаго инженернымъ департаментомъ) и Христіана Федоровича Шванебаха (шефа 1-го Пювернаго полка); кромѣ того, приложено пять плановъ оренбургской и западно-сибирскихъ линій.

Всѣ интересующіеся развитіемъ инженернаго дѣла въ Россіи найдутъ въ разсматриваемомъ историческомъ трудѣ богатый и — главное — вполнѣ вѣрный источникъ для всевозможныхъ справокъ по этому дѣлу.

Пожелаемъ уважаемому историку-инженеру, онъ же и весьма извѣстному археологу, дѣятельныи члену император. русскаго археолог. общества, довести до конца свой «Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи». И. О. и Ред.

Е. С. Шумигорскій. Очерки изъ русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Сиб., 1887 г., въ 8 д., 67 стр. Цѣна 50 коп.

Брошюра составлена по печатнымъ источникамъ и представляетъ довольно бойкій, живо написанный очеркъ, главнымъ образомъ по періодическимъ журналамъ 1760—1770 годовъ. Книжечка полезная и написана съ искреннимъ сочув

Русская история

РУССКАЯ СТАРИНА

ЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1888.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1888 г.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ выходитъ въ 1888 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1888 года, награвировано художниками О. А. Мѣреинимъ на мѣди, И. И. Матюшинимъ, В. В. Матѣ и Г. И. Грачевымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедици заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, по прежнему, помѣщаетъ въ 1888 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна **ДЕВЯТЬ руб.** съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1888 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ Цинверлинга (Невскій пр., д. № 46), а въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова.

(см. на оборотѣ).

Продаются послѣдніе 198 экземпляра втораго изданія:

АЛЬБОМЪ Русскіе дѣятели въ гравюрахъ

академика Л. А. Сѣрякова

[пятьдесятъ гравюръ].

ЦѢНА ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить этотъ Альбомъ за ДВА руб. съ пересылкою. Новаго изданія этого альбома не будетъ въ виду значительности на этотъ предметъ издержекъ.

Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить по уменьшенной цѣнѣ, именно за ДВА руб. 50 коп. съ пересылкою (вмѣсто 3 руб. 50 коп.), книгу:

I. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе второе, значительно дополненное весьма интересными показаніями лицъ близкихъ къ покойному Государю. Издалъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1887 г., 517 стр.

II. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за ДВА рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.
(*Имѣется всего лишь около 200 экземпляровъ*).

III. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна одинъ руб. съ пересыл.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Имѣя въ распоряженіи небольшое количество оставшихся экземпляровъ нами изданныхъ книгъ, — предоставляемъ тѣмъ лицамъ, которыя по 1-ое февраля 1888-го ¹⁾ года возобновятъ подписку на —

„Русскую Старину“ изд. 1888 года,

получить нижеслѣдующія сочиненія по

весьма пониженнымъ цѣнамъ:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первые пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами, издана въ 1885 г. Цѣна **ОДИНЪ** рубль и *четыре семикопѣчныя почтовыя марки.*

II. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., 1884-го года, изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль и *четыре семикопѣчныя почтовыя марки.*

III. „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“, историческій очеркъ М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., 1884 г., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль и *четыре семикопѣчныя почтовыя марки.*

(см. на оборотѣ).

¹⁾ Срокъ обозначается въ виду малаго количества экземпляровъ всѣхъ трехъ ниже названныхъ книгъ.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору, удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,
Императоръ всероссійскій.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, — предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 лица, подписавшіяся на „Русскую Старину“ 1888 года по 1-ое февраля 1888 г. (срокъ устанавливается въ виду ограниченности числа экземпляровъ гравюры, значительно меньшаго противъ обычнаго числа подписчиковъ „Русской Старины“, но если къ 1-му февралю останутся еще экземпляры, то срокъ будетъ продолжаться), могутъ получить за семь семикопѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру — съ пересылкою въ хорошо укупоренномъ картонномъ свертѣѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“ изд. 1888 года.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ эпоху его великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

8-е СЕНТЯБРЯ 1862 года.

Изъ воспоминаній современника.

Въ тотъ день, которымъ озаглавленъ настоящій отрывокъ, предназначено было состояться открытію памятника тысячелѣтія Россіи. На избраніе этого дня указывали три праздничные мотива: празднованіе церковію Рождества Пресвятой Богородицы, — годовщина Куликовской битвы, и день рожденія, тогда еще не почившаго, государя цесаревича Николая Александровича.

Мы живемъ быстро въ нашъ вѣкъ и забываемъ пережитое еще быстрѣе, чѣмъ переживаемъ. Впрочемъ, время непрерывно уноситъ и тѣхъ, кто могли бы не забывать. Четверть столѣтія минуло съ того дня, когда совершилось событіе, о которомъ я вспоминаю. Много ли изъ числа его участниковъ или свидѣтелей теперь остается въ живыхъ? Почила царственная чета, своимъ присутствіемъ возвысившая блескъ и значеніе торжественныхъ обрядовъ. Еще ранѣе почилъ царскій первенецъ, бывшій на парадѣ въ строю войскъ. Отошли въ другой міръ почти всѣ сановныя лица, тогда сопровождавшія ихъ величества, и тысячи изъ тысячъ людей всѣхъ состояній и званій, въ тѣ дни собравшихся въ Новгородѣ. Но память объ этихъ дняхъ между живыми еще не всѣми утрачена.

Пріѣздъ ихъ величествъ ожидался 7 сентября. Съ раняго утра весь городъ въ этотъ день былъ украшенъ разноцвѣтными флагами, гирляндами живой зелени и цвѣтовъ, и множествомъ транспарантовъ. Флаги развѣвались на всѣхъ домахъ и балконахъ. На Волховѣ всѣ баржи и садки также были украшены

флагами. На городскихъ улицахъ происходило необычайное движеніе, которое послѣ полудня еще значительно усилилось. Толпы народа уходили далеко отъ города по обоимъ берегамъ рѣки, въ надеждѣ нѣсколько ранѣ завидѣть приближеніе парохода, на которомъ ожидалось прибытіе государя. На всемъ протяженіи Волхова, берега, близъ деревень, были украшены разноцвѣтными флагами и декорациями изъ зелени съ вензелями ихъ величествъ. Все сельское населеніе собралось около этихъ декораций.

Между тѣмъ государь императоръ, государыня императрица и другіе члены августѣйшаго семейства выѣхали по Николаевской желѣзной дорогѣ со станціи Колпино въ 12 часовъ дня и въ 2¹/₄ пополудни прибыли къ Соснинской пристани, гдѣ стояли приготовленные для дальнѣйшаго слѣдованія въ Новгородъ пароходы. На первомъ, подѣ названіемъ „Красотка“, изволили помѣститься ихъ императорскія величества, государь цесаревичъ Николай Александровичъ, великій князь Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій государь императоръ, великіе князья Владиміръ и Алексѣй Александровичи, Михаилъ Николаевичъ и Николай Константиновичъ, великія княгини Марія Николаевна и Ольга Ѳедоровна и княжна Марія Максимилиановна Лейхтенбергская. На томъ же пароходѣ, въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ ихъ императорскія величества, находились министръ императорскаго двора графъ Адлербергъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ, статсъ-дама княгиня Салтыкова, фрейлины ея величества и ихъ высочествъ, генераль-адъютанты графъ Строгоновъ и графъ Адлербергъ 2-й и министръ путей сообщенія. Другія лица свиты слѣдовали на второмъ пароходѣ, наименованіе котораго не припомню.

Видъ береговъ Волхова однообразенъ; но въ началѣ сентября того года они еще сохранили часть лѣтнихъ красокъ. Луговая зелень широкими свѣтлыми полосами отдѣлялась, при полуденномъ солнцѣ, отъ болѣе темной зелени кустовъ и деревьевъ. Мѣстами видѣлись села, зданія прежнихъ военныхъ поселеній и церкви. Изъ одной изъ такихъ церквей, болѣе близкой къ рѣкѣ, чѣмъ другія, духовенство вышло съ хоругвями и крестами, и сопровождаемое толпами народа ожидало на самомъ берегу прслѣдованія парохода. Государь обнажилъ голову и перекрестился. Всѣ бывшіе на пароходѣ стояли также съ обнаженными головами нѣсколько позади ихъ величествъ. Въ продолженіе двухъ

трехъ минутъ были слышны только доносившееся съ берега церковное пѣніе и влопотаніе пароходныхъ колесъ, отбрасывавшихъ за собою вспѣнныя ими струи Волхова. Казалось, что благословеніе Божіе нисходило, при звукахъ того пѣнія, на государя и на его путь и на то державное намѣреніе, съ какимъ путь имъ былъ предпринятъ. Но тотчасъ по минованіи пароходомъ мѣста, гдѣ остановилась процессія, громкое „ура“ народной толпы замѣнило пѣніе и вся толпа бросилась бѣжать вдоль берега, стараясь продержаться нѣкоторое время въ недалекомъ отъ слѣда парохода разстояніи. То-же самое повторялось вездѣ, гдѣ берега были декоративно украшены. На одномъ концѣ декораціи видѣлся вензель государя императора, на другомъ вензель государыни императрицы. Мужчины стояли подъ первымъ вензелемъ; женщины подъ вторымъ. Но вслѣдъ за пароходомъ обѣ толпы смѣшивались и при крикахъ „ура“ бѣжали вдоль берега.

Ровно въ шесть часовъ пополудни въ Новгородѣ начался звонъ во всѣхъ церквахъ. У пристани и въ городскомъ саду столпились еще болѣе густыя массы народа. Была торжественная минута. Со всѣхъ сторонъ слышалось: царь ѣдетъ! царь ѣдетъ! и эти возгласы звучали необыкновеннымъ умиленіемъ. Звонъ продолжался слишкомъ четверть часа, прежде чѣмъ мы ясно могли увидѣть приближавшіеся пароходы. На первомъ развѣвался императорскій флагъ. Раздались громкіе, затѣмъ уже не умолкавшіе, крики „ура“. Я былъ свидѣтелемъ всеобщаго порывистаго одушевленія. Лица всѣхъ званій и возрастовъ ему одинаково поддавались.

У пристани стоялъ почетный караулъ и ожидали государя и императрицу ихъ высочества великіе князья Николай Николаевичъ Старшій и Николай Николаевичъ Младшій, великая княгиня Александра Петровна, министръ государственныхъ имуществъ, начальникъ губерніи, воинскіе и гражданскіе чины, дворянство, купечество, волостные старшины и сельскіе старосты. До сихъ поръ живо припоминаю сцену прибытія ихъ величествъ въ ея разнообразныхъ, смѣшанныхъ, быстро измѣнявшихся, въ частности какъ бы неуловимыхъ очертаніяхъ, и припоминаю тѣмъ живѣе, что даже и въ тотъ день впечатлѣніе не могло быть отчетливымъ, опредѣлительнымъ въ частности, или на частности раздробленнымъ, но было чѣмъ-то сложнымъ, совокупнымъ,

сильнымъ и непродолжительнымъ. Солнце уже спускалось въ горизонтъ, когда пароходъ остановился, и пологіе лучи свѣта придавали нѣкоторымъ предметамъ неопредѣленные очертанія.

Ихъ величества, оставивъ пароходъ, направились въ кремль, сопровождаемые офицерами собранныхъ въ Новгородъ гвардейскихъ кавалерійскихъ частей. За экипажами высочайшихъ особъ слѣдовали, по тому же направленію, экипажи части ихъ свиты. Другая часть свиты направилась въ тѣхъ называемую торговую часть города, гдѣ для нея были приготовлены помѣщенія. Разъѣздъ совершался быстро. Между тѣмъ вечерѣло; крики „ура“ умоляли, народныя толпы рѣдѣли; массами овладѣвало то успокоеніе, которое обыкновенно смѣняетъ громкія и порывистыя проявленія чувствъ, вызванныхъ какимъ нибудь необычайнымъ событіемъ. Послѣ напряженнаго устремленія во внѣшность наступаетъ обращеніе во внутрь себя и при этомъ обращеніи стихаютъ и мысль, и рѣчь человѣка.

Меня тревожили опасенія на счетъ погоды. Для торжества нужно было солнце. Между тѣмъ, когда стемнѣло, небо покрылось низкими, хотя и не густыми облаками. Пошелъ дождь, мелкій, но тѣмъ не менѣе мѣстами тушившій иллюминацію. Я вышелъ, стараясь угадать, по свойству и направленію дождя, насколько онъ могъ продолжиться. На одной изъ улицъ была открыта и освѣщена часовня, ярко выдѣлявшаяся, своимъ свѣтомъ, изъ окружавшей ее влажной мглы. Этотъ свѣтъ напомнилъ мнѣ, что надъ всѣмъ, что на землѣ происходитъ, всегда и вездѣ царить нѣчто высшее, неземное, измѣнчивымъ случайностямъ не подчиненное, отъ нашихъ торжествъ и печалей не зависящее и постоянно присущее, хотя иногда внѣшними признаками не призывающее къ себѣ нашей мысли. На улицѣ не было прохожихъ. Я вошелъ въ часовню. Въ одномъ углу, передъ иконою Богоматери, стояла на колѣняхъ пожилая женщина, въ бѣдной одеждѣ, и молилась, не сводя глазъ съ иконы. Она плакала и глухой взрыдъ по временамъ вырывался изъ ея груди. Мнѣ стало жаль ее; потомъ пришло на мысль, что ея молитву не должно тревожить, и я тихо вышелъ; но въ дверяхъ встрѣтился съ офицеромъ, который на меня не обратилъ вниманія и сталъ на томъ самомъ мѣстѣ, у двери, которое я занималъ, молещницею не замѣченный. Я остановился, желая увидѣть послѣдуетъ-ли офицеръ моему примѣру; но онъ ему не послѣдовалъ. Онъ тихо

приблизился къ молеельщицѣ и, вѣроятно, спросилъ о чемъ она плачетъ, потому что она вздрогнула, встала, и между ними завязался разговоръ, мнѣ слышный отрывочно, но тѣмъ не менѣе по смыслу понятный. У молеельщицы была больная дочь въ Твери, которая звала ее къ себѣ, но средствъ на дорогу не имѣлось.

— Богъ вамъ посылаетъ средства по случаю приѣзда государя, — сказалъ офицеръ, и я видѣлъ, что онъ 25-рублевую бумажку подавъ молеельщицѣ, которая передъ нимъ бросилась на колѣни.

— Что дѣлаете вы, матушка? сказалъ офицеръ, поднимая ее за руку. Вы за меня Богу помолитесь и поставьте копѣечную свѣчку. Она мнѣ будетъ на счастье. Завтра парадъ, и я долженъ выѣхать на горячей лошади. Помолитесь, васъ Богъ услышитъ.

Женщина послушно стала вновь на колѣни и поклонилась въ землю. Офицеръ этимъ воспользовался, чтобы поспѣшно удалиться. Я смотрѣлъ вслѣдъ ему съ чувствомъ, похожимъ на зависть. Почему, думалось мнѣ, не сдѣлалъ я того, что онъ сдѣлалъ? Медленнымъ шагомъ, наклонивъ голову, я вернулся въ свою квартиру и на пути болѣе думалъ объ офицерѣ и бѣдной молеельщицѣ, чѣмъ о предстоявшемъ на слѣдующій день событіи.

Этотъ день начался пятью пушечными выстрѣлами, возвѣстившими жителямъ Новгорода о наступившемъ торжествѣ. Погода, къ счастью, прояснилась. Свѣжій вѣтеръ уносилъ облака; показалось солнце; все предвѣщало день не бѣдный его лучами. Народъ хлынулъ въ кремль. На площади, гдѣ возвышается монументъ, войска заняли указанные имъ мѣста. Близъ монумента была раскинута палатка для высочайшихъ особъ и для свиты. Еще наканунѣ, тотчасъ по приѣздѣ, ихъ величества посѣтили Софійскій соборъ, гдѣ 8 сентября должна была совершиться божественная литургія. Утромъ, до литургіи, государь императоръ изволилъ принимать дворянство и купечество. Губернскій предводитель, князь Мышецкій, поднося его величеству хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ, сказалъ слѣдующее:

— „Государь, поднеся вамъ хлѣбъ-соль русскую и съ благоговѣніемъ и сердечною радостью привѣтствуя приѣздъ вашъ въ колыбель царства русскаго, новгородское дворянство осмѣливается выразить своему монарху тѣ неизмѣнныя чувства горячей любви и преданности, которыми оно всегда гордилось и гордиться будетъ“.

Государь императоръ, отвѣчая на привѣтствіе дворянства, изволилъ произнести слѣдующія слова:

— „Поздравляю васъ, господа, съ тысячелѣтїемъ Россїи. Радъ, что мнѣ суждено было праздновать этотъ день съ вами въ древнемъ нашемъ Новгородѣ, колыбели царства всероссійскаго.

„Да будетъ знаменательный этотъ день новымъ залогомъ неразрывной связи всѣхъ сословій земли русской съ правительствомъ, съ единою цѣлью счастія и благоденствія дорогаго нашего отечества.

„На васъ, господа дворяне, я привыкъ смотрѣть какъ на главную опору престола, защитниковъ цѣлости государства, подвижниковъ его славы, и увѣренъ, что вы и потомки ваши, по примѣру предковъ вашихъ, будете продолжать вмѣстѣ со мною и съ моими преемниками служить Россїи вѣрою и правдою“.

„Благодарю васъ отъ всей души за радушный приемъ. Я вѣрою чувствую вашей преданности и убѣжденъ, что они никогда не измѣнятся“ ¹⁾.

Отвѣтная рѣчь государя была произнесена твердымъ, но исполненнымъ чувства голосомъ, и произвела электризующее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Слова: „будете . . . вѣрою и правдою“ вызвали громкій единодушный возгласъ: „будемъ, государь! будемъ!“ А при заключенїи рѣчи также единодушно и громко дворяне отвѣчали: „вѣрьте! государь! вѣрьте!“ Мнѣ говорили свидѣтели, что у многихъ были слезы на глазахъ.

Послѣ приема государь объѣхалъ войска и затѣмъ, возвратившись въ такъ называемый Митрополичій домъ, гдѣ остановились ихъ величества, отправился, вмѣстѣ съ императрицей и прочими членами августѣйшаго семейства, въ Софїйскій соборъ, для слушанія литургїи.

Глубокое впечатлѣніе должна была произвести и эта литургія. Она слушалась въ древнемъ соборѣ, выстроенномъ болѣе восьми столѣтїи предъ тѣмъ, и со дня освященія, въ 1051 году, сохранившемся въ его первоначальномъ видѣ, безъ всякихъ перемѣнъ. Подъ его вѣковыми сводами, подъ возвышающимся слишкомъ на 150 футъ его главнымъ куполомъ, предъ алтаремъ, предъ которымъ молился длинный рядъ поволеній, русскій государь, его царственная семья и его подданные возносили Царю царей новыя мольбы, благодаренія и упованія. Прошлое воскресало предъ настоящимъ. Древній Новгородъ единился съ нынѣшнимъ. Тотъ

¹⁾ „Сѣверная Почта“, № 197.

первый русскій царь, который носить историческое наименованіе собирателя русской земли и въ свое царствованіе сломилъ стародавнія новгородскія вольности, не предвидѣлъ, что именно въ Новгородѣ должно было состояться празднованіе тысячелѣтія русской державы. Еще менѣе могъ это предвидѣть тотъ другой царь, кровавой памяти, о которомъ новгородскій памятникъ не безъ намѣренія молчитъ ¹⁾.

Литургію совершалъ, соборно, высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій. По окончаніи ея все духовенство вышло изъ собора съ хоругвями и образами, и крестный ходъ направился къ памятнику. Государь, сѣвъ на коня, сопровождалъ церковное шествіе, а государыня императрица и прочіе члены августѣйшаго семейства, кромѣ великаго князя Николая Николаевича старшаго, который отправился къ войскамъ, слѣдовали за процессіей пѣшкомъ, до палатки. Тамъ государь сошелъ съ коня и сталъ подъ палатку для слушанія молебствія. Особенно торжественна была минута, когда государь, все августѣйшее семейство, войска и народъ преклонили колѣна при вознесеніи молитвы о благоденствіи Россіи ²⁾.

По окончаніи молебствія и по окропленіи памятника святою водою, государь императоръ изволилъ опять сѣсть на коня и проводилъ церковную процессію обратно до Софійскаго собора.

Между тѣмъ войска строились къ параду. Во время освященія памятника пѣхотныя части были расположены на площади, конныя за площадью. Всѣ войска проходили, при парадѣ, мимо государя императора и государыни императрицы, которая изволила остановиться нѣсколько вправо отъ мѣста, гдѣ сталъ государь. Мнѣ случилось стоять еще правѣе, недалеко отъ ея

¹⁾ Въ горельефномъ поясѣ, на пьедесталѣ, помѣщена Анастасія, между Сильвестромъ и Адашевымъ, для приведенія на память, какъ сказано въ изданномъ г. Петровымъ описаніи памятника, только блестящей эпохи Грознаго.

²⁾ Во время обряда съ площади снята фотографія, теперь уже рѣдко встрѣчающаяся, но вѣрно изображающая моментъ молебствія. Къ сожалѣнію, палатка видна съ тылу, и потому ни государя, ни другихъ высочайшихъ особъ на фотографіи не представлено, кромѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, который стоитъ на конѣ, съ обнаженною головою, у праваго задняго угла палатки. За нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, три адъютанта, также на коняхъ. Пѣхотныя части войскъ, въ колоннахъ, видны влѣво отъ палатки, фронтомъ къ памятнику и тыломъ къ зданію присутственныхъ мѣстъ.

величества, и я замѣтилъ, что офицеры, отсалютовавшіе государю, проходили мимо императрицы съ опущеннымъ оружіемъ, не повторяя салюта. Но при прохожденіи кавалеріи одинъ офицеръ, ѣхавшій передъ первымъ взводомъ своего эскадрона, поднялъ палашъ, и передъ ея величествомъ вновь опустилъ его такимъ быстрымъ движеніемъ, что я слышалъ звукъ разсѣваемого воздуха. Я всмотрѣлся въ офицера и узналъ того, кого наканунѣ вечеромъ видѣлъ въ часовнѣ. Онъ молодцемъ сидѣлъ на конѣ; конь замѣтно былъ горячій, но шелъ ровно, не сбиваясь съ указнаго шага. Я невольно вспомнилъ о молеальщицѣ и объ испрошенной отъ нея молитвѣ.

По окончаніи парада, въ 2 часа пополудни, государь императоръ, сошедши съ коня, подошелъ къ императрицѣ и вмѣстѣ съ нею изволилъ возвратиться въ занимаемые ихъ величествами въ митрополичьемъ домѣ покои. Въ это время народъ съ восторженными криками „ура“ бросился къ ихъ величествамъ и, проводивъ ихъ до воротъ митрополичьяго дома, съ нетерпѣніемъ ожидалъ вторичнаго появленія государя, который скоро вновь вышелъ съ императрицей и отправился на площадь, вѣ кремлевской стѣны, гдѣ накрыты были 360 столовъ для угощенія войскъ. Въ особой палаткѣ былъ приготовленъ столъ, съ закускою, для государя, его свиты и гг. офицеровъ. Ихъ величества подошли къ солдатамъ, расположеннымъ за столами, и громкое „ура“ раздавалось при ихъ появленіи. Государь изволилъ благодарить войска и пить за ихъ здоровье. Обойдя все столы, ихъ величества возвратились въ митрополичій домъ.

Во время угощенія войскъ группы любопытныхъ непрерывно собирались около монумента и въ средѣ ихъ слышались разнообразныя о немъ отзывы, конечно, зависѣвшіе, въ большей или меньшей мѣрѣ, отъ степени образованности и отъ настроенія тѣхъ, кто свои мнѣнія высказывали. Общее впечатлѣніе было благопріятно. Критика преимущественно относилась, какъ не рѣдко бываетъ въ первую пору, до деталей монумента, и особенное любопытство возбуждалъ сокращенный курсъ русской исторіи, заключающійся въ пояскомъ горельефѣ на пьедесталѣ. На главныя фигуры, въ верхнихъ группахъ, не многіе обращали достаточное вниманіе. Помню, что только одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ восхищался Рюрикомъ и Петромъ Великимъ, которые мнѣ особенно нравились еще до постановки памятника,

на заводѣ Когуна, гдѣ производилась отливка. Символическое значеніе того и другаго вѣрно понято и удачно выражено. Есть нѣчто таинственное, провѣщающее, провидящее въ фигурѣ Рюрика. Онъ неподвиженъ и неподвижность выражается тѣмъ, что его остроконечный щитъ передъ нимъ опирается въ землю. Онъ задумчиво смотритъ въ даль и производитъ впечатлѣніе какъ будто самъ смотритъ изъ далекой дали. Вѣка передъ нимъ. Онъ олицетворяетъ зарожденіе, въ туманной глубинѣ этихъ вѣковъ, той Руси, которой было предопредѣлено медленно развиваться, крѣпнуть, сплотиться и разрости до Петра. На противоположной сторонѣ монумента, и съ противоположными атрибутами, представленъ Петръ. Голова не покрыта шлемомъ, но увѣнчана побѣдными лаврами. Онъ въ рукѣ держитъ скипетръ и не стоитъ неподвижно, но явно и повелительно выступаетъ впередъ. Въ немъ олицетворена обновленная, преобразовавшаяся, враждебныхъ сосѣдей окончательно поборовшая и вмѣстѣ съ Петромъ на поприще всемірной исторіи безповоротно выступившая Россія.

Новгородскій памятникъ составляетъ, по основной идеѣ, исключеніе между всѣми историческими памятниками. Онъ не воздвигнутъ въ честь или воспоминаніе какого нибудь отдѣльнаго событія, или ряда событій, или лица, или многихъ лицъ, участниковъ того или тѣхъ событій, но свидѣтельствуетъ объ историческомъ цѣлѣ, обнимающемъ и объединяющемъ цѣлое тысячелѣтіе. Онъ изображаетъ, въ шести лицахъ, главныя эпохи нашей исторіи, и приводитъ на память замѣчательное передвиженіе виждущаго центра русскаго государства, сперва на югъ отъ Новгорода къ Киеву, затѣмъ въ средину страны къ Москвѣ и, наконецъ, снова на сѣверъ, но еще далѣе Новгорода, къ Балтійскому морю. Поэтъ не могъ-бы говорить Россіи о „хвалебномъ немолчномъ плескѣ семи морей“, если-бы она не стала, по выраженію другаго поэта, „твердою ногой“ при этомъ морѣ.

Выходя изъ Кремля, я встрѣтился съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ, который возвращался въ городъ, посѣтивъ вторично Софійскій соборъ и осмотрѣвъ церковь Андрея Стратилата, такъ называемую „обыденную“, потому что она была построена въ одинъ день, по обѣту, во время моровой язвы. Мы вмѣстѣ прошли черезъ мостъ на торговую сторону и разговорились о новомъ памятникѣ и о прежнихъ судьбахъ Новгорода.

— Странно, сказалъ между прочимъ мой собесѣдникъ, что народы иногда рано обнаруживаютъ гражданскія способности, которыя впослѣдствіи ими какъ будто утрачиваются. Въ Псковѣ и Новгородѣ нѣкогда существовали муниципіи въ европейскомъ смыслѣ. Но въ позднѣйшее время не было признавовъ муниципальной дѣятельности въ другихъ городахъ; а въ наши дни она не прививается даже въ столицахъ, не смотря на усилія законодательства.

Я отвѣчалъ, что полное развитіе муниципальной дѣятельности вообще требуетъ автономіи, несомвѣстимой съ дѣятельностью сильной государственной власти, и указалъ на то, что въ Германіи, прежнихъ Нидерландахъ и сѣверной половинѣ Италіи муниципальная самобытность также отошла въ область прошлаго.

Впрочемъ, продолжалъ мой спутникъ, я не слишкомъ долго думалъ, передъ памятникомъ, о славянскихъ муниципіяхъ и союзахъ съ Ганзой. Я вспомнилъ о Марѣ Посадницѣ Карамзина, а Марѣ Пасадница навела мою мысль на другой историческій фактъ. Наши лѣтописи крайне бѣдны женскимъ элементомъ. Этотъ фактъ долженъ былъ постоянно отражаться на нравахъ и объясняетъ позднее развитіе литературы. Общественные нравы и литература невозможны безъ женскаго элемента. Въ особенности невозможенъ историческій романъ, а онъ есть одинъ изъ признаковъ общечеловѣческаго содержанія самой исторіи. Карамзинъ сознавалъ значеніе этого пробѣла.

Я замѣтилъ, что Карамзину принадлежитъ починъ и въ сферѣ не историческаго романа.

— Помню и это, отвѣчалъ мой собесѣдникъ. Считаю Мароу Посадницу и Бѣдную Лизу особыми съ его стороны заслугами. Его исторія составляетъ нѣчто въ родѣ официальнаго, гражданскаго подвига; но истинные литературные подвиги Карамзина заключаются въ его двухъ повѣстяхъ. Тамъ онъ проводилъ новыя борозды въ полѣ.

Встрѣча съ однимъ изъ чиновъ мѣстной администраціи обратила разговоръ на разныя, въ этотъ день государемъ оказанныя, милости. Между прочимъ художнику М. О. Микѣшину были пожалованы орденъ св. Владиміра 4-й степени и пожизненная пенсія; а въ память торжества высочайше повелѣно впредь ежегодно отпускать особую сумму денегъ новгородской дирекціи училищъ для оказыванія пособій бѣднымъ воспитанникамъ

гимназій изъ обывателей города Новгорода и отличнымъ ученикамъ уѣздныхъ училищъ Новгородской губерніи.

Въ шесть часовъ пополудни государемъ императоромъ былъ данъ, въ залахъ дворянскаго собранія, обѣдъ, на который были приглашены всѣ дворяне и высшія должностныя лица. До обѣда государынѣ императрицѣ были представлены новгородскія дамы.

За обѣдомъ первый гость былъ провозглашенъ государемъ императоромъ за благоденствіе Россіи; второй—дворянами за государя императора; третій—государемъ императоромъ за благоденствіе всего русскаго дворянства и дворянства новгородскаго. При второмъ гостѣ хоръ военной музыки исполнилъ народный гимнъ. Послѣ обѣда государь императоръ и государыня императрица милостиво и съ особенною привѣтливостью разговаривали со всѣми дворянами.

Вечеромъ его величество изволилъ ѣздить на Рюриково городище (при истокаѣ Волхова изъ озера Ильменя), и вездѣ былъ встрѣчаемъ народомъ съ неимовѣрнымъ восторгомъ. Многіе снимали съ себя верхнюю одежду и бросали подъ ноги государя. Отъ криковъ „ура“ дрожали, такъ сказать, воздухъ. Весь городъ былъ иллюминированъ.

Въ воскресенье, 9-го сентября, государь императоръ изволилъ принимать хлѣбъ-соль отъ крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и временно-обязанныхъ. По Софійской площади трудно было проѣхать, такъ велико было стеченіе народа. Крестьяне удѣльные и государственные были одѣты въ парадные кафтаны, а волостные старшины и старосты временно-обязанныхъ крестьянъ имѣли на себѣ установленные должностныя знаки и медали на бронзовой цѣпи. На площади, близъ митрополичьяго дома, ожидали выхода государя министръ государственныхъ имуществъ, предсѣдатель департамента удѣловъ, новгородскій губернаторъ и мировые посредники.

Около 11 часовъ государь императоръ вышелъ изъ занимаемыхъ имъ покоевъ и громкое „ура“ раздалось при его появленіи. Онъ изволилъ сказать нѣсколько словъ крестьянамъ государственнымъ и удѣльнымъ, принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль; потомъ подошелъ къ временно-обязаннымъ крестьянамъ. Обращаясь къ нимъ, государь громко и внятно сказалъ имъ, чтобы они не вѣрили кривотолкамъ людей недоброжелательныхъ, исполняли въ точности Положеніе 19 февраля, не ожидали другой

воли, и всѣмъ объявили, что имъ лично сказалъ это самъ государь. Крестьяне, когда государь спрашивалъ: „понимаете-ли вы меня?“ отвѣчали: „понимаемъ, государь, понимаемъ“. Послѣ того его величество изволилъ принять отъ временно-обязанныхъ крестьянъ хлѣбъ-соль, поднесенную ими на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ и возвратился въ митрополичій домъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ снова раздались крики ура! Къ крестьянамъ вышла государыня императрица и привѣтливо благодарила ихъ за то, что ими было поднесено. Когда ея величество удалилась, народъ не расходился, желая вторично увидѣть государя и государыню, когда они будутъ садиться въ приготовленные, между тѣмъ, для нихъ экипажи. Послѣ 12 часовъ государь императоръ посѣтилъ гимназіи и Николаевскій пріютъ. Пріютъ посѣтили также государыня императрица, великія княгини Марія Николаевна и Александра Петровна и княжна Марія Максимилиановна.

Въ этотъ день, по высочайшему повелѣнію, былъ данъ обѣдъ новгородскому купечеству и государь императоръ восторженно встрѣченъ при его появленіи.

Въ 9 часовъ вечера почти все новгородское общество направилось къ дому дворянскаго собранія, гдѣ мѣстное дворянство давало балъ государю императору. Пригласительные билеты были разосланы отъ имени губернскаго предводителя. Домъ видѣлся изъ далека, въ полномъ смыслѣ слова залитый иллюминаціоннымъ огнемъ. Всѣ мужчины, кромѣ художника Миѣвшина, были въ мундирахъ. Около 10 часовъ вечера государь императоръ, государыня императрица, государь цесаревичъ и всѣ лица, принадлежавшія въ высочайшему семейству, прибыли на балъ. Музыка (извѣстный оркестръ Лядова) заиграла, и балъ открылся, по обыкновенію, польскимъ. Въ первой парѣ изволила идти государыня императрица съ губернскимъ предводителемъ княземъ Мышецкимъ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, во второй государь императоръ съ княгинею Мышецкой. Въ польскомъ принимали участіе всѣ особы императорской фамиліи, супруга губернатора, г-жа Скарятина, супруга вице-губернатора, г-жа Лерхе, лица свиты ихъ величествъ и мѣстныхъ власти. За польскимъ послѣдовали другіе танцы и его высочеству великому князю Николаю Николаевичу угодно было самому ими разпорядиться; государь императоръ подходилъ, во время танцевъ, къ многимъ дворянамъ и чрезвычайно милостиво изволилъ

говорить съ ними. Въ 1 часу пополудни начался ужинъ. Ихъ величества остались къ ужину и во все время съ особенною привѣтливостью изволили разговаривать съ присутствовавшими. За ужиномъ первый тостъ былъ провозглашенъ княземъ Мышечкимъ, въ званіи хозяина праздника, за здоровье государя императора и государыни императрицы. Его величество, поблагодаривъ дворянъ за балъ, изволилъ пить за ихъ здоровье. Послѣ этихъ тостовъ были еще провозглашены тосты за здоровье государя цесаревича и всего августѣйшаго семейства. По окончаніи ужина, ихъ величества и другія высочайшія особы оставили балъ, который продолжался, съ большимъ оживленіемъ, до ранняго утра.

Никто изъ бывшихъ въ тѣ дни въ Новгородѣ не забудетъ всеобщаго глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго милостивымъ радушіемъ и неизмѣнною привѣтливостью ихъ величествъ. Государь и императрица явно были довольны оказываемыми имъ со всѣхъ сторонъ искреннѣйшими чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, и довольны тѣмъ, что съ своей стороны они могли дать видѣть, что они довольны. Вторая половина 1862 года, вообще, была одною изъ наиболѣе благопріятныхъ эпохъ царствованія императора Александра II-го. Великая реформа 19 февраля совершилась безъ замѣшательства и затрудненій, предусматривавшихся и предсказывавшихся боязливыми умами. Государь внимательно слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, въ которомъ вѣрность его взгляда и непоколебимая твердость его воли съ начала до конца устраняли всѣ преграды и обезпечивали успѣхъ. Онъ сознавалъ, что въ державномъ подвигѣ ему принадлежала державная доля, и это сознаніе отражалось на общемъ настроеніи его мысли и чувствъ. Смуты 1863 года еще не бросили своей густой тѣни на дѣла западныхъ окраинъ имперіи. Передъ новгородскимъ торжествомъ ихъ величества осчастливили своимъ посѣщеніемъ прибалтійскія губерніи и затѣмъ имѣли въ виду провести начало зимы въ Москвѣ, гдѣ ихъ пребываніе въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ ознаменовалось тою же самою благосклонною привѣтливостью, которая всѣхъ восхищала въ Новгородѣ и оставила за собою неизгладимыя воспоминанія.

Чувства, воодушевлявшія новгородское дворянство, выразились въ слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ дворянскихъ предводителей.

— „Государь, съ разныхъ концовъ нашей области собрались мы подъ сѣнь святныя Софіи, чтобы въ стѣнахъ Великаго Новгорода отпраздновать тысячелѣтіе русскаго царства и почтить память его основателей“.

„Провидѣніе опредѣлило вашему величеству стать на рубежѣ двухъ тысячелѣтій нашего дорогаго отечества“.

„Государь! Вы достославно закончили минувшіе десять вѣковъ. Исторія и потомство не забудутъ вашего имени“.

„Мы неопитворно радуемся великимъ начинаніямъ вашимъ и искренно вѣря отеческой заботливости о благѣ всѣхъ членовъ нашей обширной семьи, спокойно и свѣтло смотримъ на будущее“.

„Да воздастъ же вашему величеству святое Провидѣніе, да благословитъ васъ святая Софія за всѣ труды, вами поднятыя на счастье и благо Россіи“.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшіе: новгородскій губернскій предводитель дворянства князь Мышецкій, новгородскій уѣздный предводитель Малевничъ, боровничскій Воейковъ, валдайскій Коссаговскій, тихвинскій Кіовъ, кирilloвскій Богдановичъ, череповецкій Зиновьевъ, старорусскій Норманскій, устюжскій Коковцевъ.

Означенное письмо было представлено начальнику губерніи и 10 сентября, въ Новгородѣ, далѣе представлено министромъ внутреннихъ дѣлъ на высочайшее воззрѣніе государя императора, соизволившаго изъявить за оное благодарность его величества.

Утромъ, 10 сентября, небо сильно нахмурилось; но потомъ погода нѣсколько прояснилась и показалось солнце, какъ будто желавшее озарить своими лучами послѣдніе часы пребыванія ихъ величествъ въ Великомъ Новгородѣ.

Въ 10 часовъ утра государь императоръ и государыня императрица посѣтили Юрьевскій монастырь, въ 3-хъ верстахъ отъ города на лѣвомъ берегу Волхова. Оттуда ихъ величества ожидались на пристани.

Съ ранняго утра народъ толпился на мосту, у пристани и на берегахъ Волхова. Отъ Кремлевской площади, вдоль пути, по которому долженъ былъ прослѣдовать государь, войска были расположены шпалерами. Близъ самой пристани стояли кадеты Аракчеевскаго корпуса, воспитанники гимназіи, дворяне, мировые посредники и лица свиты. Моимъ сосѣдомъ былъ тотъ педагогъ, котораго на памятникѣ особенно удовлетворяли фигуры Рюрика и Петра. Онъ сообщалъ мнѣ разныя подробности о мѣстныхъ древностяхъ и преданіяхъ. По его словамъ, еще не изгладилась изъ народной памяти поговорка, что новгородцевъ крестилъ мечемъ Путята, а огнемъ Добрыня. Поводомъ къ ней

было отпаденіе отъ водвореннаго въ 990 году христіанства. Великій князь Владиміръ послалъ въ 992 году, для окончательнаго ниспроверженія идолопоклонства, воинскую рать, подъ предводительствомъ витязей Добрыни и Путяты. Второй разбилъ новгородскую рать, а первый сжегъ софійскую сторону города. Великій князь Ярославъ княжилъ отдѣльно въ Новгородѣ до восшествія на великокняжескій престолъ, въ 1019 году. Послѣ него немногіе изъ новгородскихъ князей жили въ Кремлѣ. Ихъ постоянное мѣстопробываніе было на торговой сторонѣ, гдѣ теперь указываютъ мѣсто ярославова двора, близь собора Николая Дворищенскаго. Вѣче сходилось тамъ-же или въ Кремлѣ, передъ дворцомъ Ярослава, противъ Софійскаго собора. На мѣстѣ дома Мары Посадницы теперь находится вузница.

Я спросилъ, извѣстна ли могила Рюрика и сохранились ли, вообще, о немъ и его братьяхъ какія-нибудь мѣстные преданія.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мой собесѣдникъ. Я, вообще, ничего не могъ узнать о первыхъ временахъ варяжскаго господства, кромѣ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя перешли изъ древнихъ лѣтописей въ наши учебники. Тщетны были мои старанія разъяснить себѣ и другой меня интересовавшій вопросъ — о стародавнихъ путяхъ сообщенія. Припомните разстояніе между Новгородомъ и Киевомъ, и Киевомъ и Чернымъ моремъ. Какія понятія безъ географическихъ картъ могли о томъ имѣть Аскольдъ и Диръ, а затѣмъ Олегъ и Святославъ! Какъ совершались ихъ походы?

— Этотъ вопросъ, — замѣтилъ я, — представляетъ всеобщую историческую загадку. Какими понятіями и свѣдѣніями руководствовались, напримѣръ, римляне, при распространеніи своего владычества? какъ могли совершаться, въ древнія времена, передвиженія племенъ съ востока на западъ? Подумайте о значеніи продовольственнаго вопроса для нашихъ современныхъ армій. А тогда переходили съ мѣста на мѣсто и вытѣсняли другъ друга не организованныя и болѣе или менѣе дисциплинированныя войска, а цѣлые народы, съ женами и дѣтьми. Чѣмъ продовольствовались они?

— Вся исторія для меня рядъ загадокъ, — отвѣчалъ педагогъ. Намъ кое-какъ удастся регистрація фактовъ, но удастся ли регистрація причинъ? Сколько необъясненнаго и, по правдѣ сказать, необъяснимаго, остается для насъ въ зарожденіи

государствъ, въ отбѣнкахъ быта народовъ, и въ смѣнѣ событій. рѣшившихъ судьбы тѣхъ народовъ и государствъ! Свойства, поступи, вліяніе отдѣльныхъ лицъ поддаются анализу. Но настроеніе и движенія массъ! Что единить и порою воодушевляетъ ихъ?

— Вы тотчасъ будете свидѣтелемъ воодушевленія и единодушія массы,—сказалъ я, услышавъ издали первые крики „ура“, возвѣщавшіе о приближеніи государя. Эти крики быстро учащались, усиливались и вскорѣ раздались вокругъ насъ. Наконецъ, показалась коляска ихъ величества. Начался звонъ колоколовъ. Всѣ обнажили головы и восклицанія толпы слились въ одинъ общій гулъ, до того громкій, что если бы кто-нибудь изъ насъ попытался продолжать разговоръ, мы не могли бы слышать другъ друга.

Коляска остановилась. Было замѣтно, что ихъ величества тронуты искреннимъ и единодушнымъ изъявленіемъ чувствъ всѣхъ слоевъ народа. Увидѣвъ мировыхъ посредниковъ, государь подошелъ къ нимъ и поблагодаривъ за ревностное исполненіе ихъ трудныхъ обязанностей, изволилъ прибавить, что онъ увѣренъ, что они и впредь будутъ ревностно посвящать себя общему дѣлу.

На пароходѣ уже развѣвался императорскій флагъ. Вскорѣ раздался сигнальный свистокъ. Пароходъ сталъ отчаливать. Немолчавшее „ура“ было послѣднимъ напутственнымъ привѣтствіемъ ихъ величествамъ. Не смотря на поднявшійся вѣтеръ и налетавшій мелкій градъ, всѣ съ непокрытыми головами слѣдили за удалявшимся пароходомъ; толпа не расходилась, и даже когда онъ скрылся изъ виду, новгородцы продолжали смотрѣть на взволнованный Волховъ и мыслью провожать своего государя.

В. * * *

О ПОДРАЖАТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ ПЕРВОКЛАССНЫХЪ ПОЭТОВЪ.

ЗАМѢТКИ.

I.

Въ исторіи литературы каждаго европейскаго народа существовалъ періодъ подражательности, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, какъ внутреннимъ, зависящимъ отъ національнаго характера и быта, такъ и внѣшнимъ, происходящимъ отъ международныхъ сношеній. Чѣмъ моложе народъ, чѣмъ позднѣе выступилъ онъ на историческій путь, тѣмъ, конечно, сильнѣе былъ онъ подверженъ иноземному вліянію въ той или другой сферѣ своего развитія. Примѣръ тому представляетъ наша культурная отечественная литература, встрѣтившая особую невыгоду въ томъ, что начало нашего образованія было вмѣстѣ началомъ и нашего отчужденія отъ народной поэзіи, которая въ другихъ странахъ служила, напротивъ, первымъ источникомъ и образцомъ ихъ культурной поэзіи.

Съ реформы Петра I, въ теченіе почти полутора вѣка, до Пушкина, мы не имѣли собственно національной литературы, такъ что у иностранцевъ сложилось невыгодное мнѣніе о нашихъ духовныхъ силахъ: они отрицали въ насъ способность почина, самобытнаго движенія впередъ, творческаго дара, признавая за нами единственно „геній переимчивости“. Время обличило ихъ ошибку. По крайней мѣрѣ, литература наша, какъ извѣстно теперь самимъ иностранцамъ, не только досрочно

до любой изъ европейскихъ литературъ, но въ капитальныхъ своихъ проявленіяхъ даже взяла надъ ними преимущество.

Дѣйствительно, мы съ большимъ усердіемъ подражали иностраннымъ литературамъ, всего болѣе французской. Подражаніе отличалось наивностью, состоя въ переводѣ подлинника цѣликомъ или мѣстами. Часто переводчикъ не считалъ нужнымъ указывать источникъ своей работы; да читатели и не интересовались-бы этимъ указаніемъ, по незнакомству съ иностранными языками. Такое безцеремонное обращеніе съ чужимъ трудомъ могло-бы назваться, выражаясь вѣжливымъ, плягіатомъ, а говоря откровеннѣй—воровствомъ. Баснописецъ Дмитріевъ и былъ откровененъ въ извѣстной эпиграммѣ:

„Я раззорился отъ воровъ!“
 —Жалѣю о твоёмъ я горѣ.—
 „Урали пукъ моихъ стиховъ!“
 —Жалѣю я о ворѣ.

Но вотъ бѣда: и эта эпиграмма есть воровство. Нашъ баснописецъ укралъ ее у Жанъ-Батиста Руссо:

„On vient de me voler!“—Que je plains ton malheur!
 „Tous mes vers manuscrits“.—Que je plains le voleur!

Не только укралъ, но и попортилъ украденную вещь. Въ самомъ дѣлѣ, что это за „пукъ стиховъ“, вмѣсто „тетрадь, рукопись стиховъ“. Графъ Андрей Шуваловъ называлъ Сумарокова не воромъ, а переписчикомъ Расина: се copiste insensé des erreurs de Racine. Рассказываютъ, что Барковъ, посѣтивъ однажды нашего трагика, просилъ у него для прочтенія произведенія его пера, т. е. трагедіи. Возвращая потомъ книги, онъ будто сказалъ автору:

— „Извини, Александръ Петровичъ, я подчеркнулъ всѣ стихи, которые подлець Расинъ укралъ изъ твоихъ трагедій“.

Если это и выдумка, то очень забавная. Было-бы любопытно взглянуть въ это время на фізіономію трагика, столько же самолюбиваго, сколько и раздражительнаго.

Отъ этой первичной ступени подражательности, состоящей въ голомъ заимствованіи, до самобытнаго, творческаго усвоенія чужаго, причемъ усвоенное становится вровень съ образцомъ,

а порой и превышаетъ его, короче—до подражанія характеру, духу, такъ называемому стилю оригинальнаго творчества, еще очень далеко. Средину между этой вершиной и ея основаніемъ занимаетъ средняя ступень—усвоеніе частныхъ иностранныхъ классическихкихъ пѣтовъ и сочиненіе, по ихъ образцу, подобныхъ, примѣнительно къ своимъ собственнымъ вымысламъ. Примѣненіе можетъ быть и чисто внѣшнее, не подходящее ни къ характеру, ни къ положенію лицъ, и можетъ быть высовой пробы, имѣть художественное достоинство, основанное на сходствѣ того и другаго, т. е. характеровъ и положеній. Не велика важность замѣнить иностранныя имена русскими, даже такими, каковыхъ не найдешь въ самыхъ полныхъ святцахъ, или насильственно переложить чужіе нравы на отечественныя, отчего переложеніе является смѣшною, противоестественною помѣсью. Въ трагедіи „Лжедмитрій“ Сумароковъ ни къ селу, ни къ городу воспользовался монологомъ Ричарда III, послѣ тревожнаго сна (въ трагедіи Шекспира: „Ричардъ III“); никакихъ основаній къ тому не имѣлось, кромѣ того, что этотъ монологъ эффектенъ. Напротивъ, мастерски воспользовался монологомъ того-же лица (актъ I, сцена 1) Шиллеръ въ „Орлеанской Дѣвѣ“ (актъ IV, явленіе 1). По сходству положенія Ричарда III и французской героини нѣмецкій трагикъ заставилъ послѣднюю чувствовать и выражаться сходственно съ чувствами и рѣчью перваго. Въ чемъ-же сходство тамъ и здѣсь? Тамъ (въ Англіи) кончилась междуусобная война Бѣлой и Алой розы: іоркскій домъ восторжествовалъ надъ ланкастерскимъ; здѣсь (во Франціи) французы одолѣли англичанъ и Карлъ VII вступилъ въ Реймсъ для коронованія; тамъ и здѣсь—общее торжество при благоприятномъ исходѣ событій. Глостеръ изображаетъ радостныя послѣдствія прекратившейся войны:

Прошла зима междуусобій нашихъ,
 Подъ іоркскимъ солнцемъ лѣто распѣло,
 И тучи всѣ, нависшія надъ нами,
 Въ пучинѣ океана погреблись.
 Свое чело мы лавромъ увѣнчали,
 Сложили прочь избитыя доспѣхи,
 Весельемъ замѣнили грозный бой,
 А звуки трубъ—напѣвомъ пѣсни нѣжной.
 Разгладила морщинистый свой лобъ
 Война свирѣполицая—и нынче

Не на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Разносить страхъ по вражеской толпѣ,
А ловко пляшетъ въ залахъ, между дамъ,
Подъ сладострастно-тихой голосъ лютни.

Такого-же рода послѣдствія войны во Франціи—освобожденіе Орлеана и коронованіе въ Реймсѣ—изображаются монологомъ Іоанны д'Аркъ:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зяждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвинитъ живымъ вѣнцомъ;
И гости ждуть вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

Ни Ричардъ III, ни французская героиня не принимаютъ участія въ общемъ весельи: вотъ второе между ними сходство. Но причины, почему они лишены этого участія, различны. Ричардъ и по внѣшности, и по душевному строю обиженъ природой: онъ не сынъ ея, а пасынокъ, исчадіе, что и высказывается имъ во второй половинѣ монолога:

Одинъ я—не для нѣжныхъ созданъ шутокъ!
Не мнѣ съ любовью въ зеркало глядѣться:
Я видомъ грубъ—въ величіи любви
Не мнѣ порхать предъ нимфою безпутной;
И ростомъ я, и стройностью обиженъ,
Обезображенъ лживою природой,
Не конченъ, искривленъ и раньше срока
Я выброшенъ въ волнующійся міръ—
Наполовину недождѣлокъ я.
И вышелъ я такимъ хромымъ и гадкимъ,
Что, взвидѣвши меня, собаки лаютъ!

За первыми двумя строфами монолога „Орлеанской Дѣвы“ слѣдуютъ другія, выражающія различныя ощущенія, которыя волновали ея душу. Вина этого волненія—измѣна свыше назначенному ей подвигу: она полюбила англійскаго рыцаря Лионеля, тогда какъ должна была поражать враговъ своего отечества. Сходственно съ Ричардомъ III, она жалуется на свое трагическое, безысходное положеніе:

Лишь я одна, великаго свершитель,
 Ему чужда безчувственной душой;
 Ихъ счастья, ихъ славы хладный зритель,
 Я прочь отъ нихъ лечу моею мечтой;
 Британскій станъ—любви моею обитель,
 Ищу враговъ желаньемъ и тоской,
 Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
 Сокрять души преступное волненье.

Другимъ образцомъ частнаго, но столь-же изящнаго подражанія Шиллеръ одоленъ Гомеру. Преслѣдуя бѣгущихъ троянъ, Ахиллъ настигъ Ливаона, Приамова сына. Юноша обнимаетъ его колъна, предлагая за пощаду богатый выкупъ, но въ отвѣтъ услышалъ „нежалостный голосъ“:

Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
 Такъ, докогда Патроклъ наслаждался сіяніемъ соляца,
 Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ бывало приятно.
 Многихъ изъ васъ похлону и за многихъ выкупъ я принялъ;
 Нынѣ пощады нѣтъ никому, кого только демонъ
 Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Приамовой Трои!
 Всѣмъ вамъ, троянамъ, смерть, и особенно дѣтямъ Приама!
 Такъ, мой любезный, умри!—И о чемъ ты столько рыдаешь?
 Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходящій смертный!
 Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ,
 Сынъ отца знаменитаго, мать имѣю богиню!
 Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть:
 Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, въ вечеру, или въ полдень,
 Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
 Или копьемъ поразивъ, или крылатой стрѣлою изъ лука.
 (Иліада, XXI, 99—113).

Этой сценѣ соотвѣтствуетъ въ трагедіи Шиллера VII явленіе 2 акта. На полѣ битвы Іоанна встрѣчается съ валлійскимъ рыцаремъ Монгомерри. Послѣдній бросается къ стопамъ грозной дѣвы; онъ не ограничивается предложеніемъ богатаго выкупа: онъ умоляетъ о пощадѣ ея женскою прелестью, святымъ закономъ любви (на родинѣ у него невѣста), судьбою родителей, его ожидающихъ. Но всѣ эти мольбы напрасны: какъ Ахиллъ, по волѣ судьбы, не могъ пощадить Ливаона, такъ и Дѣва не можетъ склониться на жалость, потому что долгъ, подобно року, велитъ ей поработать мечемъ все, что богъ сраженій пошлетъ ей на роковую встрѣчу. „Итакъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть!“ восклицаетъ рыцарь. Въ отвѣтъ ему Іоанна, подобно Ахиллу, ставитъ себя примѣромъ:

Уми, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
 Предъ смертію, предъ неизбѣжной?... Смотри,
 Кто я. Простая дѣва; бѣдною пастушкой
 Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,
 Привыкнувшей носить невинно-легкій посохъ... (и дал.)

Таково сходство положеній. Но когда рыцарь палъ отъ меча неумолимой, выступаетъ различіе. Ахиллъ, бросивъ убитаго имъ въ рѣку, издѣвается надъ нимъ: „тамъ ты лежи между рыбами“ (Ил., XXI, 122—127); Іоанна, напротивъ, жалѣетъ падшаго:

О благодатная, что ты творишь со мною?
 Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
 Неумолимостью вооружаешь сердце;
 Тѣснится жалость въ душу мнѣ; рука, готовясь
 Сразить живущее созданіе, трепещетъ,
 Какъ будто храмъ божественный испровергая;
 Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ страшенъ...
 Но только повелитъ мой долгъ—готова сила:
 И неизбѣжный мечъ, какъ нѣвій духъ живой,
 Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

Еще болѣе изящное, болѣе художественное, чѣмъ у Шиллера, частное подражаніе Шекспиру находится въ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина, именно предсмертныя наставленія Бориса его сыну Теодору, въ параллель къ такимъ же наставленіямъ Генриха IV (историческая драма „Генрихъ IV“); мы не приводимъ этого подражанія, вызваннаго сходственными обстоятельствами въ судьбѣ Годунова и англійскаго короля, такъ какъ оно извѣстно даже учащимся.

II.

Въ сочиненіяхъ Гоголя также встрѣчаются подражанія, и прежде всего отечественнымъ писателямъ изъ малоруссовъ, особенно Нарѣжному, романы и повѣсти котораго сообщили ему нѣкоторый матеріалъ: въ „Аристѳонѣ“ панъ Тарахъ представляетъ черты, сходственныя съ Плюшкинымъ; описаніе бурсы, канты бурсаковъ и нѣкоторыя другія сцены (въ Віѣ) напоминаютъ „Бурсака“; другой романъ: „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“, даетъ, по моему мнѣнію, первообразы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Лирической тирадѣ Гоголя, заключающей характеристику Плюшкина: „нынѣшній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости“, отвѣчаютъ слова Нарѣжнаго о старости: „о! морщины и сѣдины не менѣе волшебнаго прута перемѣняютъ людей и дѣлаютъ ихъ истинными оборотнями“. Мы не сравниваемъ талантовъ Нарѣжнаго и Гоголя, ни значенія ихъ сочиненій, — мы говоримъ лишь о томъ, что чтеніе сочиненій Нарѣжнаго не осталось для Гоголя безслѣднымъ.

Но обращался ли Гоголь, въ своемъ подражаніи, къ иностраннымъ литературнымъ произведеніямъ? Извѣстно, что онъ не отличался большимъ знаніемъ языковъ, и потому склоняешься скорѣе къ отрицательному отвѣту, чѣмъ къ положительному. Но онъ могъ пользоваться переводами, которыхъ было не мало. Для примѣра, остановимся на Плюшкинѣ. Творцу этого типа скупца вообще, скупца русскаго въ частности, предстояли многіе образцы, начиная съ миѳическаго Кащея. Въ романахъ Вальтера Скотта, которые стали у насъ переводиться въ началѣ 1820-хъ годовъ, есть много лицъ, зараженныхъ скупостью. Наиболѣе отвратительный представитель этой страсти выведенъ въ „Приключеніяхъ Ниджеля“. Но не его имѣлъ въ виду авторъ „Мертвыхъ душъ“, а скорѣе—какъ мнѣ думается—одну изъ личностей, изображенныхъ англичаниномъ Матюриномъ въ его романѣ: „Мельмотъ свиталецъ“, который славился въ литературномъ мірѣ ¹⁾ и русскій переводъ котораго напечатанъ въ 1833 г.

¹⁾ Пушкинъ, въ Онѣгинѣ, называетъ его „гениальнымъ произведеніемъ“, а самого Мельмота—„мрачнымъ бродягой“.

Романъ этотъ начинается описаніемъ пріѣзда молодаго Мельмота (Джона) къ старому и больному его дядѣ, у котораго онъ жилъ, по смерти своего отца, до поступленія въ коллегію св. Троицы. Жизнь эта была самая печальная. За объѣдомъ ребенку давалась скудная порція бульона или тощая баранья кость, причемъ дядя совѣтовалъ ему не предаваться объяденію; ложиться спать онъ долженъ былъ какъ только смеркнется, хотя-бъ это было зимой, чтобы не тратить лишнихъ свѣчь. Старая экономка тайкомъ приносила ему остатокъ своего скуднаго обѣда, умоляя не проговориться объ этомъ дядѣ.

Пріѣхавъ ночью въ свое прежнее жилище, Джонъ нашелъ его въ крайнемъ запущеніи: окна были заколочены досками, а ступени крыльца поросли травой. Напрасно стучался онъ въ наружную дверь: мертвая тишина нарушалась только злостнымъ лаемъ цѣпной собаки. Не достучавшись, онъ кое-какъ добрался до кухни, гдѣ и встрѣтила его знакомая ему экономка и нѣсколько другихъ, бывшихъ у ней женщинъ. Завязался разговоръ, вскорѣ прерванный сильнымъ ударомъ звонка въ комнатѣ больнаго. Всѣ бросились къ нему. „Какой дьяволъ пригналъ васъ всѣхъ сюда?“ завричалъ онъ экономкѣ: „гони ихъ вонъ! Имъ не удастся пить водки, которую они тотчасъ украли бы, если-бъ могли“. При этомъ онъ досталъ изъ-подъ подушки ключъ и съ торжествующимъ видомъ показалъ его экономкѣ, давая тѣмъ знать, что онъ не позволитъ расточать его добро беззащитно.

— О Господи! — воскликнула экономка: да кто хочетъ васъ обворовывать?

„Ты, ты, старая чертовка. Развѣ ты не жжешь здѣсь четырехъ свѣчей и столько же навѣрное на кухнѣ?... Я отсюда чувствую запахъ мяса; я слышу, какъ ходятъ въ домѣ, говорятъ, отворяютъ двери.... О, зачѣмъ я не могу встать!... Но нѣтъ: видъ такого раззорительнаго расхода убилъ бы меня“.

Женщины хотѣли удалиться. „Куда?... опять на кухню объѣдать меня“.

Когда экономка предложила ему призвать священника для чтенія молитвъ, глаза Мельмота заблистали: „и для чего это священника? для того развѣ, чтобы дать ему подарокъ послѣ похоронъ? Читай сама, старая вѣдьма: этимъ мы что-нибудь сэкономимъ“.

Чтеніе, къ великому ужасу присутствовавшихъ, было прервано самимъ Мельмотомъ, который велѣлъ убавить въ кухнѣ огонь, истреблявшій много угля, и запереть входныя двери: „я не могу, сказалъ онъ, ни на что обращать вниманія, пока не услышу стука запираемыхъ дверей“.

Джонъ, стоявшій у постели на колѣняхъ, хотѣлъ встать. „Какъ“, сказалъ старикъ, усиливаясь приподняться, „ты хочешь оставить меня?“

— Нѣтъ, но я хотѣлъ бы вамъ дать какого-нибудь вѣрительнаго питья.

„Ахъ, да; но кому мнѣ довѣрить? меня, пожалуй, отравятъ“.

— Мнѣ. Я пойду въ аптеку и принесу вамъ облегченія.

Мельмотъ схватилъ руку Джона, бросивъ боязливый взглядъ на окружающихъ: „мнѣ хочется стаканъ вина—это подерѣсило бы мою жизнь на нѣсколько часовъ, но нѣтъ никого, у кого я могъ бы попросить: у меня украдутъ бутылку, раззорятъ меня“.

— Дозвольте мнѣ, сказалъ Джонъ, принести вамъ.

„Развѣ ты знаешь, гдѣ вино?“—спросилъ старикъ съ выраженіемъ недовѣрія.

— Нѣтъ, вамъ хорошо извѣстно, что я здѣсь былъ, какъ чужой.

„Ну, такъ возьми этотъ ключъ; въ кабинетъ есть мадера. Я всегда говорилъ имъ (прислугѣ), что тамъ ничего нѣтъ; но они не вѣрили мнѣ и украли вино“.

Джонъ взялъ у дяди ключъ и почувствовалъ пожатіе руки; сочтя это за выраженіе нѣжности, онъ отвѣчалъ тѣмъ же, но слѣдующія слова убѣдили его въ противномъ: „особенно, Джонъ, когда ты тамъ будешь.... не пей мадеры“.

Возмущенный молодой человекъ бросилъ ключъ на постель, но видъ искаженныхъ чертъ старика погасилъ его досаду: онъ далъ желаемое обѣщаніе и вошелъ въ кабинетъ, гдѣ шестьдесятъ лѣтъ не было ничьей ноги, кромѣ ноги Мельмота.

Скупецъ умеръ, какъ жилъ—въ припадкѣ свупости. Ужасны были его послѣдніе часы! то проклиналъ онъ конюха, заплатившаго нѣсколькими копѣйками больше за сѣно; то схватывалъ руки Джона, умоляя причастить его, причемъ увѣрялъ, что онъ крайне бѣденъ, что ему нечѣмъ заплатить священнику: „меня

считаютъ—бормоталъ онъ—богачемъ, но взгляни на мое ветхое одѣяло“. Потомъ, мечтая въ забытѣ видѣтъ священника, обращался къ нему съ такою рѣчью: „поистинѣ, святой отецъ, я бѣднякъ; надобно похлопотать о покупке гроба на счетъ прихода.... Я не оставляю ничего на похороны; я всѣхъ и каждаго увѣрялъ въ моей бѣдности, но чѣмъ больше говорилъ это, тѣмъ меньше мнѣ вѣрили“.

Послышался слабый крикъ больнаго. Экономка хотѣла надѣтъ на него чистое бѣлье, но онъ, при одномъ прикосновеніи ея руки, началъ кричать, хотя и съ усиліемъ: „Они хотятъ обокрасть меня! Джонъ, побудь при мнѣ, защищай меня! ты видишь, я умираю, какъ нищій: они стащатъ съ меня послѣднюю рубашку“.

Это были послѣднія слова новаго Гарпагона.

Другой типъ Скупаго представленъ Пушкинымъ въ драмѣ „Скупой Рыцарь“. Вторая ея сцена, то есть монологъ рыцаря въ подвалѣ, выражаетъ могущество, доставляемое золотомъ его владѣльцу. Въ одномъ изъ романовъ Вальтера Скотта есть подобный монологъ доктора Двининга, тоже скопидома, оправдывающаго свою страсть тѣмъ, что съ приобрѣтеніемъ сокровищъ чело-вѣкъ приобрѣтаетъ власть. Смотря съ наслажденіемъ на собранное имъ сокровище, къ которому только что привинулъ вновь полученныя деньги, онъ такъ говорилъ самому себѣ: „Двинингъ не тупоумный скупецъ, дивящійся единственно блеску золотыхъ монетъ. Онъ обожаетъ ихъ ради власти, которою онъ вооружаютъ владѣльца. Есть ли что нибудь на свѣтѣ, чего бы ихъ волшебное вліяніе не могло предоставить къ вашимъ услугамъ? Любите ли вы красотокъ, дурны ли собой, безобразны, стары, немощны: вотъ удочка, на которую пойдетъ самая гордая красавица. Слабы ли вы, нѣтъ у васъ поддержки, васъ притѣсняють: вотъ что вооружить за васъ защитниковъ, гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ тиранъ, котораго вы боитесь. Хотите ли во всемъ блескѣ выказать ваше богатство? этотъ сундукъ хранить въ себѣ много луговъ и холмовъ плодородныхъ, много лѣсовъ наполненныхъ дичью, тысячи кораблей. Желаете ли благоволенія дворовъ, привѣта владѣтельныхъ особъ, прощенія старыхъ грѣховъ, индульгенцій на совершеніе новыхъ золъ: все это приобрѣтете цѣною

злата. Даже мщеніе, которое боги, завидуя смертнымъ, представляютъ себѣ самимъ, можетъ быть куплено золотомъ“. Потомъ онъ заперъ сундукъ и, взявъ съ собой ключъ, отправился къ больнымъ. По пути онъ кланялся знакомымъ, а самъ думалъ въ глубинѣ своего сердца: „подлыя, глупыя твари! если-бъ вы знали, что этотъ ключъ можетъ открыть вашимъ взорамъ, какая буря помѣшала бы вамъ стоять передо мною съ открытой головой? Въ вашихъ лачугахъ нѣтъ такого грязнаго, отвратительнаго мѣста, на которомъ вы не замедлили бы пасть на колѣна и обожать владѣтеля столькихъ совровищъ“ ¹⁾).

III.

У Пушкина, въ концѣ „Капитанской дочки“, именно въ сценѣ свиданія Марьи Ивановны съ императрицей Еватериной II, есть тоже подражаніе. Здѣсь образцомъ служилъ также Вальтеръ Скоттъ, романы котораго очень цѣнились нашимъ поэтомъ, назвавшимъ ихъ, въ одномъ письмѣ, „пищей для души“. Дочь капитана Миронова поставлена въ одинаковое положеніе съ героиней „Эдимбургской темницы“, Джени, дочерью шотландскаго фермера. Какъ эта послѣдняя пѣшкомъ отправилась въ Лондонъ, гдѣ жилъ герцогъ Аргайлъ, покровитель своихъ земляковъ - шотландцевъ, просить у него ходатайства о помилованіи сестры, заключенной въ тюрьму и приговоренной къ смертной казни по обвиненію въ умерщвленіи своего незаконнорожденнаго ребенка, такъ первая изъ деревни Гринева поѣхала въ Петербургъ, чтобы лично подать просьбу государынѣ о помилованіи ея нареченнаго жениха, сына Гринева, напрасно обвиненнаго въ сообщничествѣ съ Пугачевымъ. Она остановилась у жены смотрителя, Анны Власьевны, племянницы придворнаго истопника, гордившейся знаніемъ обычаевъ придворной жизни. Джени, по приѣздѣ въ Лондонъ, остановилась у родственницы, тоже шотландки, державшей лавочку, доброй и

¹⁾ Пертская красавица, глава XXII.

услужливой, но болтливой, гордившейся знакомствомъ съ герцогомъ Аргайлъ: онъ покупалъ у нея нюхательный табакъ и въ это время любилъ поговорить съ ней, какъ съ землячкой.

Свиданіе Марьи Ивановны съ Екатериной произошло случайно, при прогулкѣ въ царскосельскомъ саду. Она никогда не видала государыни и потому разговаривала съ ней, какъ съ простой дамой, и въ разговорѣ даже дозволила себѣ рѣзкое возраженіе, заставившее государыню вспыхнуть. Соотвѣтственная этому сцена подробно изображена въ англійскомъ романѣ. Помиловать сестру Джени, какъ преступницу, осужденную закономъ, могъ только король, Георгъ II. Но не къ нему обратился герцогъ, а къ его супругѣ, Каролинѣ, имѣвшей сильное вліяніе на своего мужа. Аудіенція назначена была также въ дворцовомъ саду. Джени поѣхала вмѣстѣ съ герцогомъ, который очень опасался, какъ бы въ разговорѣ съ королевой у его protegée не вырвалось чего-нибудь неприличнаго. Королева вышла съ леди Суффолькъ, бывшей фавориткой Георга II. Джени упала передъ ней на колѣни.—„Встаньте, сказала королева: однако-жъ, въ какомъ еще варварствѣ должна быть ваша страна, если нашлись вынужденными издать такой жестокой законъ, осудившій вашу сестру“.

— Государыня, отвѣчала Джени, не въ одной Шотландіи бываютъ матери, жестокия къ ихъ собственной крови.

При этомъ отвѣтѣ Каролина покраснѣла, что объясняется отношеніями Георга къ его сыну Фридриху, наслѣднику престола. Отецъ не только не любилъ его, но даже преслѣдовалъ и оскорблялъ всевозможными способами. Общественный голосъ обвинялъ въ томъ Каролину. Бросивъ подозрительные взгляды на герцога и Джени, она увидала, однако-жъ, что въ словахъ послѣдней не было намѣренности, и успокоилась.

Чтобы поправить непріятное впечатлѣніе, леди Суффолькъ вмѣшалась въ разговоръ. Она обратилась къ Джени съ вопросомъ, по какимъ причинамъ развилось такъ сильно преступленіе, за которое осуждена ея сестра.

— Мадамъ, отвѣчала Джени, проступокъ моей сестры есть наказаніе всѣмъ людямъ легкаго поведенія, нарушившимъ одну изъ заповѣдей ¹⁾).

¹⁾ Не прелюбодѣйствуй.

Настала очередь покраснѣть бывшей фавориткѣ Георга. Но королевѣ понравилось неожиданное *bon mot* простодушной дѣвушки. Улыбаясь, она замѣтила герцогу: „у вашихъ соотечественниковъ должны быть строгіе нравственные принципы“.

Въ романѣ Скотта, для поѣздки во дворецъ, Аргайль присылаетъ за Джени своего камердинера. Глясь засуетилась и хотѣла провожать ее, но посланный сказалъ, что герцогъ проситъ къ себѣ только молодую особу. Тогда Глясь предложила ей свою шаль, такъ какъ неприлично ходить по лондонскимъ улицамъ съ пледомъ на плечахъ, но камердинеръ возразилъ, что онъ пріѣхалъ въ фіаврѣ и воротится съ дѣвицей въ томъ же экипажѣ. У Пушкина за капитанской дочкой пріѣзжаетъ камеръ-лакей въ придворной каретѣ. Когда онъ объявилъ, что государыня приглашаетъ къ себѣ дѣвицу Миронову, Анна Власьева изумилась и расклопоталась. „Ахти, Господи! закричала она: да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?“ На это камеръ-лакей возразилъ, что государынѣ угодно, чтобы Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ.

По возвращеніи Джени отъ герцога, мистрисъ Глясь засыпала ее вопросами, падавшими одинъ за другимъ на подобіе ніагарскихъ водъ: „видѣла-ль герцога? герцогиню? дочерей ихъ? —говорила-ль съ королемъ? съ королевой? съ принцемъ уэльскимъ? съ кѣмъ-нибудь изъ королевской фамиліи?—прощена ли сестра? полное помилованіе или только смягченіе наказанія?“... Но Джени отвѣчала на нихъ кое какъ, въ общихъ выраженіяхъ, не удовлетворившихъ ея любопытную родственницу. Такая же участь постигла разспросы Анны Власьевны, что было приписано застѣнчивости провинціальной дѣвушки.

Заступничество королевы оказало желанное дѣйствіе: король помиловалъ сестру Джени, но съ условіемъ изгнанія ея изъ Шотландіи на четырнадцать лѣтъ. Отъ королевы же за свой героическій подвигъ Джени получила 50 фунтовъ стерлинговъ на возвратный путь. Героическій подвигъ Марьи Ивановны увѣнчался болѣе полнымъ успѣхомъ: императрица, убѣдясь въ невин-

ности Гринева, освободила его отъ суда и устроила состояніе бѣдной дѣвушки. Въ тотъ же день, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, наша героиня обратно поѣхала въ деревню. И Глясь была удивлена отсутствіемъ любопытства въ Джени, не желавшей взглянуть на столичныя достопримѣчательности. „Какъ это странно! говорила она: человекъ, хотя и въ печали, а все-таки любить что нибудь видѣть, осмотрѣть,—это сокращаетъ время“.

Высшая степень раздражительности, сказали мы, обнаруживается не частностями, а созданіемъ цѣлаго произведенія въ духѣ изсраннаго оригинала. Примѣръ такого творчества мы видимъ въ „Борисъ Годуновъ“, Пушкина. Хотя эта піеса и не носитъ названіе драмы, но тѣмъ не менѣе представляетъ всѣ существенныя отличія Шекспирова драматическаго стиля: такое же непрерываемое развитіе дѣйствія, такая же полная характеристика дѣйствующихъ лицъ, такой же языкъ—живой, мѣткій, энергическій, выражающій съ одной стороны индивидуальность каждаго говорящаго, а съ другой—стремленіе его воли къ извѣстной цѣли.

А. Д. Галаховъ.

1-го октября 1887 г.
С.-Петербургъ.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ГАЛАХОВЪ

въ 1807—1887 гг.

Въ октябрѣ 1855-го года, восемнадцатилѣтній тогда юноша, нынѣ пишущій эти строки редакторъ «Русской Старины», прибывъ въ Москву, имѣлъ честь и истинное удовольствіе явиться съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Якова Ивановича Ростовцева къ Алексѣю Дмитріевичу Галахову.

Алексѣй Дмитріевичъ былъ уже тогда весьма извѣстнымъ и уважаемымъ писателемъ и еще болѣе писателемъ-педагогомъ.

По его учебнымъ книгамъ и изданіямъ знало его все, что читало и читаетъ на Руси.

Радущію и вниманію къ намъ А. Д. Галахова мы много обязаны: онъ ввелъ насъ въ кругъ писателей и ученыхъ, жившихъ тогда въ Москвѣ, укрѣпилъ въ насъ любовь къ литературѣ и научнымъ занятіямъ; по его совѣту мы стали посѣщать многія лекціи въ московскомъ университетѣ, а втянувшись въ трудъ,—пришли впоследствии къ мысли издавать «Русскую Старину».

Тѣмъ намъ пріятнѣе всегда видѣть сообщенія нашего высокоуважаемаго нѣкогда руководителя—на страницахъ нашего изданія «Русская Старина», а нынѣ, помѣстивъ выше одну изъ совершенно новыхъ статей Алексѣя Дмитріевича,—мы позволяемъ себѣ привести, вслѣдъ за нею, два весьма интересныхъ документа; оба они внесены собственноручно А. Д. Галаховымъ, по нашей настоятельной просьбѣ, въ нашъ альбомъ автобіографическихъ замѣтокъ: «Знакомые» (томъ III-й). Эти документа состоятъ изъ очерка главнѣйшихъ фактовъ въ жизни Алексѣя Дмитріевича Галахова и изъ перечня его историко-литературныхъ и историко-критическихъ трудовъ, главнымъ образомъ по исторіи отечественной словесности, разработкѣ которой посвящена вся, болѣе нежели полувѣковая, литературно-научная дѣятельность высокоуважаемаго профессора и писателя.

Мих. Семевскій.

I.

Автобіографическая замѣтка.

А. Д. Галаховъ.

Родился 1-го января 1807 года, Рязанской губерніи, въ городѣ Сапожкѣ, гдѣ отецъ мой служилъ, по выборамъ, уѣзднымъ судьей. Читенію училъ меня приходскій священникъ, а письму—мать. По выходѣ въ отставку, отецъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, той же губерніи и того же уѣзда. Небольшое состояніе не позволяло ему имѣть при мнѣ и братѣ моемъ гувернера, по обычаю зажиточныхъ дворянъ, почему онъ и пригласилъ въ учителя отставнаго моряка (фамиліи его не помню), охотника до рюмочки, но хорошо знавшаго математику, который и занимался съ нами ариметикой и грамматикой. Когда пришло время школьнаго образованія, все наше семейство перѣѣхало въ Рязань. Отецъ снова началъ служить, сначала засѣдателемъ въ гражданской палатѣ, а потомъ губернскимъ, уголовныхъ дѣлъ, стряпчимъ. Насъ (меня и младшаго брата) отдали въ уѣздное двухклассное училище, откуда, черезъ два года, мы перешли въ гимназію, состоявшую тогда изъ четырехъ классовъ, по одному году въ каждомъ. Позволяя себѣ съ удовольствіемъ и нѣкоторою гордостью сказать, что за всѣ шесть лѣтъ ученія я былъ постоянно первымъ ученикомъ. Братъ же мой, не кончивъ гимназическаго курса, поступилъ въ военную службу юнкеромъ и въ скоромъ времени умеръ.

Въ 1822 году, когда мнѣ было 16 лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ, началъ высшее образованіе въ московскомъ университетѣ, сперва по юридическому (тогда этико-политическому) факультету, но, увлеченный лекціями геометріи (профессора Перевощикова), перешелъ черезъ годъ на факультетъ физико-математическихъ наукъ, гдѣ кончилъ тогдашній трехъ-годичный курсъ въ 1825 году студентомъ, съ наградой золотою медалью, за лучшее сочиненіе по физикѣ (о дѣйствіи теплорода на тѣла). Черезъ годъ (1826) получилъ степень кандидата. Началъ служить съ 1827 года въ томъ же университетѣ помощникомъ инспектора своекоштныхъ студентовъ. Въ 1832 году поступилъ въ Александринскій сиротскій институтъ преподавателемъ русскаго языка (грамматики) и ариметики. Съ этого времени начинается моя официальная педагогическая карьера, хотя и до того за годъ или за два я безвозмездно обучалъ дѣтей бѣдныхъ родителей, умершихъ отъ холеры, въ сиротскомъ пріютѣ князя Павла Павловича Гагарина и трехъ благотворительныхъ дамъ. Кромѣ означеннаго института, я давалъ уроки русскаго языка и словесности въ другихъ (московскихъ): Александров-

скомъ и Николаевскомъ сиротскомъ. Съ 1840 по 1843 гг., не оставляя уроковъ, занималъ должность помощника инспектора классовъ въ двухъ институтахъ: Екатерининскомъ и Александровскомъ. Въ 1850 г., по случаю преобразованія Александринскаго института въ кадетскій корпусъ, вышелъ въ отставку, съ половиною пенсией, сохранивъ за собою другія учебныя заведенія вѣдомства императрицы Маріи, гдѣ давалъ уроки, какъ говорится, по приглашенію, частнымъ образомъ. Не мало было у меня уроковъ и въ частныхъ пансіонахъ и домахъ, благодаря возникшей тогда надобности въ знаніи отечественнаго языка, по требованію высшаго начальства. Я имѣлъ такіе уроки у кн. П. П. Гагарина, гр. Панина (брата министра), гр. Гудовича, кн. Трубецкаго, Новосильцевой и друг.

Въ томъ же 1850 году вѣдомствомъ военно-учебныхъ заведеній, чрезъ посредство К. Д. Кавелина, служившаго въ главномъ управленіи этихъ заведеній, поручено было мнѣ составленіе конспекта по русскому языку и словесности. За успѣшное исполненіе этого дѣла я удостоился высочайшаго благоволенія и денежной награды.

Въ 1856 году, по предложенію начальника военно-учебныхъ заведеній, Я. И. Ростовцева, занять кафедру русскаго языка и словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, я съ семействомъ оставилъ Москву, въ которой жилъ 34 года, и переселился въ Петербургъ. Кромѣ лекцій, мнѣ поручено было составить два руководства для военно-учебныхъ заведеній: исторію русской словесности и хрестоматію къ ней, что я и исполнилъ, хотя еще неокончательно. Въ 1863 году назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1865 году опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности въ с.-петербургскій историко-филологическій институтъ. Въ 1867 году московскимъ обществомъ любителей русской словесности избранъ въ дѣйствительные члены, а въ 1868 году—императорской академіей наукъ въ члены корреспонденты по 2-му отдѣленію, «въ уваженіе къ ученымъ трудамъ»¹⁾.

Того же 1868 года былъ приглашенъ св. синодомъ въ число членовъ временной комиссіи по пересмотру существующаго и начертанію новаго устава духовныхъ академій. Въ 1882 году, по прошенію, уволенъ отъ должности профессора историко-филологическаго института, съ пенсией (1,500 рублей), но продолжаю, по прежнему, занятія въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ академіи генеральнаго штаба.

¹⁾ Еще гораздо прежде я былъ почтенъ московскимъ обществомъ испытателей природы принятіемъ меня въ свою среду.

На ряду съ педагогическими занятіями шли неизмѣнно работы литературныя, какъ по составленію учебныхъ книгъ, такъ и по журнальному сотрудничеству. Это сотрудничество началось очень рано, еще на университетской скамьѣ. Первые опыты его явились въ «Магазинѣ натуральной исторіи, физики и химіи», 1820-хъ годовъ, издававшемся профессоромъ физики, И. А. Двигубскимъ. Исчислю всѣ періодическія сочиненія, — и московскія и петербургскія, — въ которыхъ печатались мои статьи:

а) Московскія: «Магазинъ натуральной исторіи» (проф. Двигубскаго); «Записки для сельскихъ хозяевъ» (пр. Павлова); «Телеграфъ» (Н. Полеваго); «Телескопъ» (пр. Надеждина); «Московский Вѣстникъ» (проф. Погодина); «Атеней» (Е. Θ. Корша); «Библиографическія Записки» (Аеанасьева); «Русскій Вѣстникъ» (Каткова).

б) Петербургскія: «Литерат. прибавленія къ Русскому Инвалиду» и «Отечественныя Записки», ред. А. А. Краевского (это—самое главное и долговременное сотрудничество, начавшееся въ «Прибавленіяхъ» съ 1836 года и продолжавшееся до конца ихъ существованія, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1839 года, т. е. съ ихъ основанія, и до 1858 года). Въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтняго моего сотрудничества въ этихъ изданіяхъ (съ 1836 по 1858 г.) вмѣстѣ со мною занимались тѣмъ же дѣломъ приглашаемыя мною лица въ Москвѣ: М. Н. Катковъ (съ 1838 по 1841 гг.—до отъѣзда за границу); В. Г. Бѣлинскій (въ 1838 и 1839 гг., до отъѣзда въ октябрѣ послѣдняго года въ Петербургъ); П. Н. Кудрявцевъ (съ конца 1839 по 1845 гг., до отъѣзда за границу, а потомъ и по возвращеніи въ 1847-мъ году). По временамъ принимали участіе: В. П. Воткинъ (авторъ Писемъ объ Испаніи); К. Д. Кавелинъ (адъюнктъ по юридическому факультету, въ московскомъ университетѣ, съ 1844 по 1847 гг.); К. Θ. Рулье (профессоръ зоологіи въ томъ же университетѣ) и Θ. И. Буслаевъ. «Современникъ» (ред. Некрасова и Панаева); «Вѣстникъ Европы» (ред. М. М. Стасюлевича); «С.-Петербургскія Вѣдомости»; «Новое Время»; «Русская Старина»; (ред. М. И. Семевскаго), «Историческій Вѣстникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; «Сынъ Отечества» (редакція Н. А. Полеваго).

Всѣхъ лѣтъ моего официального служенія (т. е. не во время отставки)—38. Но такъ какъ я служилъ и служу во все время двойной моей отставки, по приглашенію, то выйдетъ 60 лѣтъ (т. е. съ 1827 по 1887 гг.).

А. Д. Галаховъ.

23-го октября 1887 года.

С.-Петербургъ.

II.

Перечень главнѣйшихъ трудовъ А. Д. Галахова, какъ отдѣльно изданныхъ, такъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

А. Отдѣльно изданные:

1. Русская Хрестоматія, 2 тома. 1842.
2. Русская Хрестоматія для дѣтей. 1843.
3. Историческая Хрестоматія церковнославянскаго и русскаго языка, т. I (IX—XVIII в.). 1848.
4. Историческая Хрестоматія новаго періода Русской Словесности, 2 т. (1-й—1861, 2-й—1864).
5. Исторія Русской Словесности, древней и новой, 2 т., въ 3-хъ частяхъ (1-й т.—1863; 2-й въ двухъ выпускахъ—1867 и 1875).
6. Учебникъ Исторіи Русской Словесности. 1879.

Б. Статьи въ періодическихъ изданіяхъ:

Примѣч. Журнальное сотрудничество г. Галахова началось съ 1823 г. въ „Магазинѣ натуральной исторіи, физики и химіи“. Помѣщенные здѣсь, и частью въ другихъ журналахъ, статьи относятся къ предметамъ физико-математическаго факультета, въ которомъ авторъ окончилъ университетскій курсъ (въ Москвѣ). Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: Четыре возраста естественной исторіи (Московский Вѣстникъ, 1827, часть V, отдѣлъ „Науки“); О различіи (племенахъ) рода человѣческаго (Магазинъ натур. исторіи, 1828); Философія анатоміи (Отеч. Записки, т. XXVI, отд. 2, и т. XXVII, отд. 2).

Статьи по исторіи и теоріи словесности.

1839 г. Басурманъ, Лажечникова (От. Зап., т. II, отд. VI, критика). Безъ подписи.

— О новомъ правописаніи Лажечникова, въ романѣ Басурманъ, псевдонимъ Абеседеръ (Смыслъ Отечества, ред. Н. Полеваго, т. VII, отд. IV, критика).

1840. Русская грамматика для русскихъ, Половцева (ib., т. XII, отдѣлъ V, критика).

1841. Характеристика лирики В. Гюго, по его стихотвореніямъ: (Chants de séréniscale, Les voix intérieures, Les rayons et les ombres. Подъ псевдонимомъ Сто-одинъ (ib., т. XVII, отд. VI, французская литература).

1844. Баратынскій (характеристика его поэзіи). Сто-одинъ (ib., т. XXVII, отд. II).

1846. О преподаваніи отечественнаго языка, Ѳ. Буслаева (ib., т. XLVI, отд. V).

1847. Записки человѣка. Сто-одинъ (ib., т. LV, отд. I).

1848. Русская литература въ 1847 г. Безъ подписи (ib., т. LVI, отд. V, критика).

— Записки человѣка. Сто-одинъ (ib., т. LVII, отд. I).

— Сочиненія Кантемира, изд. Смирдина (ib., т. LXI, отд. V).

1849. Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. Смирдина (ib., т. LXII, отд. V).
 — Сочиненія Богдановича, изд. Смирдина (ib., т. LXIV, отд. V).
 — Сочиненія А. Е. Измайлова, статья I (Современникъ, т. XVIII, отд. III).
 1850. Сочиненія Измайлова, ст. 2 и 3 (Совр., т. XXIII, отд. III, ч. XXIV, отд. III).
 — Сочиненія Княжнина, изд. Смирдина, три статьи (Отеч. Зап., т. LXIX, LXXI и LXXIII, отд. V).
 — Забѣтки на статью Вл. С. (Стоюнина) о Княжнинѣ (ib., т. LXXI и LXXII, отд. V).
 1851. Сочиненія Кострова и Аблесимова, изд. Смирдина (ib., т. LXXIX, отд. V).
 1853. Карамзинъ. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности. Двѣ статьи (Совр., т. XXXVII, отд. III, и т. XLII, отд. III).
 1854. Сумароковъ и современная ему критика, Булича (Отеч. Зап., т. XCIV, отд. III).
 1856. „Были и небылицы“, Екатерины II (ib., CVIII, отд. II).
 — Мнѣніе о статьѣ Греча, въ 7-й кн. Морскаго Сборника 1856 г., Забѣтки о преподаваніи русск. языка и словесности“ (Спб. Вѣдом. 1856, №№ 266—268).
 1858. Карамзинъ какъ оптимистъ (От. Зап., т. CXVI, отд. III).
 — Идеаль нравственнаго достоинства человѣка, по понятію фонъ-Визина (Библиографическія Записки, т. I, № 13).
 — Избранныя сочиненія фонъ-Визина, изд. Перевгльскаго (Атеней, часть 6-я, стр. 20).
 — Воспоминанія о П. Н. Кудрявцевѣ (Русскій Вѣстникъ, т. XIII, февраль, книжка 2-я).
 — Лермонтовъ, три статьи (ib., т. XVI, июль, книга 1-я и 2-я, августъ кн. 2-я).
 1867. Біографическія и литературныя замѣтки о Карамзинѣ (Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, январская книжка).
 1875. Записки человѣка (Русскій Вѣст., т. CXX, стр. 62).
 1876. „ „ (ib., т. CXXIII, стр. 97).
 — „ „ (ib., т. CXXV, стр. 810).
 — „ „ (ib., т. CXXVI, стр. 182).
 1878. „ „ (ib., т. CXXXII, стр. 74).
 — „ „ (ib., т. CXXXV, стр. 533).
 1879. Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ (Русск. Старина, т. XXIV, стр. 317).
 1883. О книгѣ Загарина: Жуковский и его произведенія (Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, декабрьская книжка).
 1884. Н. И. Гнѣдичъ. О его лирическихъ стихотвореніяхъ, по поводу новаго ихъ изданія (ib., майская книжка).
 1885. П. Н. Кудрявцевъ въ 1842—1845 г.г. (Русская Старина, т. XLV, стр. 55).
 1886. Литературная кофейня въ Москвѣ (Русская Старина, т. L, стр. 181 и 691).
 — Записки человѣка (Историч. Вѣстникъ, ноябрьская книжка).

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

въ XVI—XIX вв.

Историческій очеркъ.

XIV¹⁾.

Въ 1826 г. по высоч. повелѣнію были присланы въ Соловецкій острогъ, при одномъ указѣ: шт.-кап. Щеголевъ, „вовлеченный безнравственностью и невѣжествомъ въ духовное преступленіе“, и есаулъ войска донскаго Евлампій Котельниковъ „за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ“. О Щеголевѣ изъ дѣла можно почерпнуть немного; начальникъ Соловецкаго острога доносить только архимандриту о слѣдующемъ „сумнительствѣ“. Когда Щеголева привели въ казематъ, тогда онъ съ гнѣвомъ объявилъ караульному офицеру, что если его долго будутъ держать тутъ, то онъ разобьетъ себѣ голову о стѣну. Въ 1831 г. онъ былъ освобожденъ изъ монастыря.

На счетъ Котельникова свѣдѣнія нѣсколько подробнѣе, при чемъ вырисовывается не совсѣмъ заурядная личность этого несчастнаго, душевно-больнаго фанатика, вынесшаго 28-лѣтнее заточеніе и дожившаго до 80 лѣтъ.

Котельниковъ, интересуясь религіозными предметами и желая постичь суть православія, обратился къ одному изъ архіереевъ за указаніями, гдѣ найти ему это. Архіерей указалъ ему на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71; ноябрь, стр. 333—360 и декабрь, стр. 591—617.

книгу „Добротолюбіе“. Будучи уже ранѣе начитанъ въ святомъ писаніи и духовныхъ книгахъ, Котельниковъ, прочитавъ „Добротолюбіе“, рѣшилъ выступить на защиту православія отъ разныхъ ересей и вольнодумства, чувствуя въ себѣ наитіе св. Духа.

Гдѣ у него кончался религиозный фанатизмъ и начиналось сумасшествіе—разобрать трудно, но защита православія и анаѣмствование ересей было такъ энергично, что представители церкви нашли нужнымъ услатъ яраго своего защитника на исправленіе въ Юрьевъ монастырь. Нѣкоторое время спустя, Котельниковъ согласился написать росписку въ раскаяніи и былъ освобожденъ ¹⁾. Но лишь только Котельниковъ почувствовалъ себя свободнымъ, вступилъ въ роль ветхозавѣтнаго пророка; началъ громить ереси, вольнодумство и нечестіе людей. Видя, что раскаяніе Котельникова ложно, начальство сочло за благо услатъ его въ Соловки на заточеніе. Но и тамъ, въ заточеніи, этотъ фанатикъ не переставалъ ратоборствовать въ защиту православія, ведя, при случаѣ, жестокіе, доходящіе до изступленія, споры съ другими арестантами и намѣреваясь написать книгу, которая объяснила бы все непонятное въ св. писаніи.

„Долженъ я, пишетъ онъ въ своей просьбѣ въ синодъ, раскрыть въ себѣ даръ Его (Бога) во славу Его, долженъ оправдать вѣру мою и во оправданіе ея написать небольшую книгу, предреченную пророкомъ Евдромъ, содержащую 204 книги или матеріи, которыя написаны въ ветхомъ и прояснены въ новомъ завѣтѣ. Первые 134 составляютъ явственно для чтенія достойныхъ и не достойныхъ, а послѣднія 70—сокрыты и предамы мудрымъ, ибо въ нихъ корень разума и премудрости источникъ. Книга сія расположится по числу 7 столбовъ, сущихъ въ домѣ премудрости, т. е. въ твари, писаніи и судѣ чистой совѣсти, оправдывающей и самого язычника....“

„Такъ возлюбленный востокъ открываетъ красоту восточныя невѣсты своея предъ глазами всего вольсудства и многочисленныхъ толковъ раскольническихъ въ Россіи; такъ покажетъ великолѣпное величіе ея предъ очами западныхъ церквей; такъ обличитъ дожь Магомета и вразумитъ о истинѣ ея язычниковъ и дикіе народы поразитъ свѣтомъ ея... Такимъ образомъ Богъ оправдываетъ церковь свою посредствомъ недостойной руки моея....“

При этомъ онъ проситъ у государя позволенія написать оправданіе вѣры своей подъ цензурою синода, при чемъ присо-

¹⁾ См. о пребываніи Котельникова въ Юрьевъ монастырь и его росписку въ раскаяніи въ „Русской Старинѣ“, т. IV, изд. 1871 г., стр. 91.

вокупляетъ, что хочетъ писать это не по какимъ-либо прелестнымъ видѣніямъ, которыхъ онъ чуждъ, но „по единому отверженію ума“ на разумѣніе св. писанія, слѣдуя руководительству св. духа, а не по собственному толкованію. Если онъ напишетъ свою книгу, то заключающійся въ библии донныѣ неудобовразумительный порядокъ въ созданіи невидимой и видимой, прежней и новой твари, въ тѣлесномъ, нравственномъ и духовномъ состояніяхъ, и во времени, мѣроу, числомъ и вѣсомъ, будетъ не труденъ и удивителенъ понятію даже обыкновеннаго ума.

Въ отвѣтъ на такое намѣреніе защитить православіе былъ полученъ изъ синода въ монастырь указъ, коимъ предписывалось усилить строгость заключенія Котельникова. Ему было запрещено пріобщаться св. таинъ, и это доставляло ему большую печаль. Много разъ Котельниковъ просилъ у синода разрѣшенія пріобщаться, но каждый разъ получался отказъ; причастить его разрѣшалось тогда, когда онъ чистосердечно раскается. Раскаяться для Котельникова значило отказаться отъ защиты православія, а это онъ считалъ смертнымъ грѣхомъ, и постоянно состязался о вѣрѣ съ другими сектантами-арестантами, проклиная ереси и защищая православіе. Монастырское начальство, не видя съ его стороны ни малѣйшаго желанія измѣнить свой образъ мыслей, изъ года въ годъ въ теченіи 25 лѣтъ аттестовало Котельникова такъ: „есаулъ Котельниковъ только по наружности кажется набожнымъ, но эту набожность прикрываетъ лицемеріемъ; въ церковь ходитъ рѣдко, не признавая себя однако принадлежащимъ къ ереси, а основываясь на томъ, что съ еретиками—бывшимъ игуменомъ Израилемъ, крестьяниномъ Степаномъ Сергѣевымъ, крестьящимся только двумя перстами и прельщеннымъ ложными видѣніями, да третьимъ бывшимъ послушникомъ Коневскаго монастыря Михайломъ Курочкинымъ, который имѣетъ привычку отъ легкомыслія объявлять предсказанія, оказывающіяся ложными; не можетъ имѣть общенія въ общемъ моленіи; пристрастенъ въ своевольному толкованію пророческихъ писаній; ожидаетъ, что будетъ вселенскимъ апостоломъ и учителемъ или самимъ Іисусомъ Христомъ и что будетъ во всемъ измѣненіе; гордится знаніемъ духовныхъ предметовъ; приписываетъ себѣ благодатное состояніе и считаетъ себя всѣхъ умнѣе, отчего не слушаетъ

дѣлаемыхъ ему внушеній; права вспыльчиваго и сварливаго, при томъ лживъ и не постояненъ въ рѣчахъ; отрекается отъ того, что говорилъ, и по хитрымъ оборотамъ своимъ весьма подозрителенъ въ противности православію“.

Такъ отзывались о немъ четыре архимандрита въ теченіе 25 лѣтъ, но вотъ въ 1853 г. пріѣзжаетъ архимандритъ Александръ и съ перваго раза аттестуетъ его такъ: „въ бесѣдахъ моихъ съ нимъ не замѣтилъ ничего противнаго ученію православной церкви и что онъ характера, по старости уже лѣтъ и по образу жизни, смирнаго, кротваго, благочестиваго и желающаго всѣмъ добра“. Синодъ, принимая во вниманіе отзывы прежнихъ настоятелей, недовѣрчиво отнесся къ одобренію архимандрита Александра, рекомендуя ему лучше узнать Котельникова. Но Котельниковъ не дождался повторенія рекомендацій: онъ вскорѣ, 3 марта 1854 г., умеръ, чистосердечно раскаявшись и причастившись, чего тщетно просилъ и домогался во время своего заключенія.

Вся тяжесть страданій и заключенія нисколько не поколебала его фанатизма и вѣры въ самого себя.

„Тогда какъ, пишетъ онъ, буря и всѣ волны моря обрушились на голову мою, вмѣсто боязни, возбудилась какъ отъ сна ревность противу маловѣровъ и всякаго нечестія для защиты преимуществъ православной вѣры съ клятвенною анаевою всѣхъ ересей, расколовъ, внѣ церкви стоящихъ и всякаго вольнодумства и лицемѣрія внутри ея находящихся, распинаясь, такъ сказать, предъ всякимъ спорщикомъ за нерушимость ихъ отъ точки до іоты... Проклять всякъ возбраняющій мечу своему отъ нравственной крови нечестивыхъ. Анаевои, если и апостолы и великаго совѣта ангелъ съ неба будутъ благовѣствовать не то, что они сами предали, и что потому содержитъ св. грекороссійская церковь. Тогда (послѣ этихъ заявленій) нмѣ мое сдѣлалось всеобщимъ предметомъ разговоровъ и пересудовъ во всемъ пространствѣ войска донскаго и дагѣе. Одни говорили, онъ сошелъ съ ума отъ учености, другіе—онъ зараженъ ересью—самарянинъ и бѣсъ въ немъ. И какъ казалось, самъ Богъ положилъ мнѣ быть униженному и какъ-бы на смерть осужденному. Самыя проясненія защиты моей усугубляли порицанія со всѣхъ сторонъ. Ибо я усиливался доказать необходимость св. причащенія достойнымъ всегда, а не достойнымъ никогда, что св. причастіе оживотворяетъ и возвращаетъ внутренніе признаки христіанина, физически: теплоту, сладость, умиленіе, слезы, свѣтъ, благоуханіе и всѣ плоды духа, что самое многимъ казалось непонятною странностью, чуждою христіанства, а инымъ сказкою и бредомъ, далекимъ отъ смысла писанія“.

Котельниковъ нѣсколько извѣстенъ и въ свѣтской литера-

турѣ: въ 1886 году издано его описаніе одной казацкой станицы ¹⁾).

Священникъ Тульской губерніи Василій Степановъ въ пьяномъ видѣ произносилъ дерзкія слова, относящіяся къ особѣ государя. Сдѣланъ былъ доносъ и священникъ преданъ суду. Тульская уголовная палата приговорила его къ каторгѣ, но государь повелѣлъ заключить его въ Новосилскій монастырь. Такъ какъ по отзывамъ монастырскаго начальства Васильевъ и тамъ велъ пьяную и буйную жизнь, то синодъ рѣшилъ послать его въ Соловецкій монастырь. Въ 1835 г. вышло повелѣніе, что въ Соловецкій монастырь сослать можно только по высочайшему повелѣнію, а такъ какъ Васильевъ былъ посланъ безъ вѣдома государя, то рѣшили его перевести въ Суздальскій монастырь.

Въ 1827 г. присланы два бывшіе православные, а потомъ сбѣжавшіе къ старообрядцамъ, попа Добронравовъ и Степановъ. Оба рассказали, сидя въ тюрьмѣ; изъ нихъ Степановъ былъ освобожденъ въ 1831 году, а Добронравовъ умеръ въ тюрьмѣ.

Гвардейцы Николаевъ и Богдановъ бѣжали изъ военной службы въ раскольническій скитъ, устроенный въ лѣсу мѣщаниномъ Соколовымъ. При поимѣ одинъ изъ нихъ отказался вовсе служить въ военной службѣ, какъ несогласной съ его убѣжденіями, и не хотѣлъ присягать, а другой и присягаль, но съ условіемъ, чтобы ему дозволено было исповѣдывать старообрядчество. Военное начальство рѣшило за такой проступокъ прогнать ихъ сквозь строй и отдать въ арестантскія роты, но государь повелѣлъ заточить ихъ въ Соловецкомъ острогѣ, въ 1827 г. Николаевъ умеръ въ тюрьмѣ, не рассказавшись, въ 1830 году, а Богдановъ раскаялся и былъ въ 1831 году опредѣленъ въ архангельскій баталіонъ рядовымъ.

Въ маѣ 1828 г., по высочайшему повелѣнію, присланы для заточенія въ Соловецкій острогъ студенты московскаго университета Поповъ и Критскій за соучастіе въ злоумышленномъ

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1886 г., октябрь, библиографическій листокъ.

обществѣ (декабристы). Въ 1835 году, по высочайшему повелѣнію, они были отданы въ военную службу рядовыми.

Въ 1827 г., по высочайшему повелѣнію, присланъ въ Соловецкую тюрьму подполковникъ Ганнибалъ за буйство и дерзкіе поступки. Въ 1832 году, по поводу просьбы жены его о возвращеніи мужа ея къ семейству, потребованы были свѣдѣнія отъ соловецкаго настоятеля о поведеніи Ганнибала и заслуживаетъ ли онъ, испрашиваемое женою его, всмилостивѣйшее прощенье? Отвѣтъ былъ утвердительный. Послѣ этого, по представленію гр. Бенкендорфа, государь изъявилъ соизволеніе на совершенное прощенье Ганнибала и дозволилъ назначить ему мѣсто жительства ближе къ Петербургу. Ганнибалъ имѣлъ ордена: Владимира съ бантомъ, Анны 3-й степени и высочайшее благоволеніе за сраженіе при Даневицѣ.

1829 г. Полтавской губерніи казачій сынъ Потапенко, будучи 10 лѣтъ, убилъ 8 мѣсячную дѣвочку, за что и былъ посланъ въ Соловецкій монастырь на 15-лѣтнее заключеніе съ употребленіемъ во всѣ тяжелья работы. Въ 1835 году сданъ въ солдаты.

Того-же года присланъ крестьянскій сынъ Коломенскаго уѣзда, д. Горы, Софронъ Соломатовъ за принадлежность къ жидовствующей ереси. вмѣстѣ съ нимъ сосланы его отецъ, дряхлый старикъ, и братъ, по разнымъ монастырямъ. Соломатовъ умеръ въ тюрьмѣ, безъ раскаянія, 31 января 1831 года.

Въ 1820-хъ годахъ шатался по монастырямъ одинъ юродивый, ходившій зимою босымъ, рассказывавшій пророчества и разныя нелѣпости въ родѣ того, что архангелы: Михаилъ Гавріиль и Рафаиль и святитель Николай Всевышнимъ владыкою за ослушаніе засажены въ небольшую избу подъ арестъ. Въ 1825 году полиція арестовала этого человѣка; онъ оказался безпаспортнымъ, звали его Егоръ Сергѣевъ, крѣпостной г. Дурново; ранѣ жилъ у барина, сначала фореиторомъ 8 лѣтъ, потомъ три года у буфета. Послѣ ареста его держали 14 мѣсяцевъ въ Шлиссельбургской крѣпости, потомъ 3 мѣсяца въ Литовскомъ замкѣ, а оттуда отправили въ монастырь на

Ужмѣ. На Ужмѣ онъ прожилъ 2 года и 8 мѣсяцевъ; въ монастырѣ онъ исполнялъ всѣ церковные обряды, но твердо держался двухперстнаго сложенія креста; все таки въ его поведеніи монастырское начальство усмотрѣло много такого, что указывало на помѣшательство его разсудка. Поэтому Сергѣевъ былъ отправленъ въ костромское губернское правленіе для освидѣтельствованія и признанъ умственно здоровымъ. Врачебное начальство дало такой отзывъ о немъ:

— „Крестьянинъ Сергѣевъ, при возбужденіи религіозныхъ ощущеній, воспаляется необыкновеннымъ энтузіазмомъ и воображеніе его, напитанное, можетъ быть, какими либо невѣжественными понятіями о духовномъ мірѣ, выходитъ изъ правилъ здраваго разсудка, но обществу никакого вреда нанести не можетъ, а потому считаетъ возможнымъ оставить его на свободѣ“. Синодъ съ этимъ заключеніемъ не согласился и рѣшилъ его заключить въ Соловецкій монастырь. Въ Соловки онъ прибылъ въ 1829 году и пробылъ тамъ до 1865 году, „расскаавшись во всемъ (?), кромѣ двухперстнаго сложенія“.

Въ 1830 г. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, мѣстнымъ исправникомъ были схвачены неизвѣстные мущина и женщина. При допросѣ мущина показалъ: зовутъ его Егоръ Ивановъ, откуда онъ—того не знаетъ, отца у себя, кромѣ Христа Спасителя, не имѣлъ и не имѣетъ, отъ роду 65 лѣтъ, пропитывался-же въ разныхъ мѣстахъ милостынею, а болѣе находился въ разныхъ государствахъ, какъ-то: въ Молдавіи, Турціи, Нѣмецкой землѣ. Женщина заявила, что зовутъ ее Ѳедосьей, отца не имѣла и не имѣетъ, кромѣ Христа Спасителя. Оба они у исповѣди и св. причастія отъ роду не бывали. Кромѣ того, при священническомъ увѣщаніи въ земскомъ судѣ, дополнили, что кромѣ одного небеснаго царя никого на землѣ, какъ-то: государя императора, установленнаго гражданскаго и духовнаго правительства не признаютъ. На вопросы кто они, откуда, какой секты, гдѣ ей научились — ничего не отвѣчали. Вызванный въ палату Егоръ Ивановъ повторилъ, что ему 70 лѣтъ, властей духовныхъ и гражданскихъ признаетъ только потому, что оныя на свѣтѣ существуютъ, но за истинныхъ христіанъ ихъ вовсе не признаетъ, а принимаетъ ихъ за отступниковъ

отъ правилъ религіи христіанской. За такое преступленіе Егоръ Ивановъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь для употребленія въ работы, но почему-то онъ содержался въ острогѣ, гдѣ и пробылъ до своей смерти, случившейся въ 1839 году. Умеръ твердымъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Въ 1829 г. іеромонахъ Тихвинскаго монастыря Іеронимъ послалъ нѣсколько писемъ с.-петербургскому военному губернатору, адмиралу Грейгу и гр. Бенкендорфу, въ которыхъ онъ, между прочимъ, просилъ ихъ ходатайствовать объ устроеніи памятника великому князю Рюрику и изъявлялъ желаніе объявить его и. в. какую-то тайну. Вслѣдствіе этихъ писемъ онъ былъ черезъ фельдгегера привезенъ въ С.-Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости гр. Бенкендорфъ подвергъ его допросамъ касательно объявляемой имъ тайны и нѣкоторыхъ выраженій, находящихся въ его письмахъ. Отвѣты Іеронима были такъ сбивчивы и не логичны, что возымѣли сомнѣніе о нормальности его умственныхъ способностей и, вслѣдствіе этого, приказали освидѣтельствовать его, не подвергается-ли онъ временному умопомѣшательству. Свидѣтельствовавшій его докторъ Петропавловской крѣпости Елькинъ далъ свое заключеніе, что этотъ монахъ отнюдь не сумасшедшій, но только сварливаго нрава, что доказывается и прежнимъ его поведеніемъ; съ этимъ мнѣніемъ вполне согласился и гр. Бенкендорфъ. На спросъ гр. Бенкендорфа ярославская духовная консисторія сообщила, что іеромонахъ Іеронимъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, былъ привлеченъ къ слѣдствію и суду по обвиненію его, въ отсутствіе настоятеля Тихвинскаго монастыря, въ кражѣ съ престола антимины и въ пьянственной и развратной жизни. По изслѣдованію дѣла судъ оставилъ его въ подозрѣніи относительно покражи антимины, но обвинилъ въ пьянственномъ и развратномъ поведеніи и приговорилъ къ лишенію священства; но приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе, потому что Іеронима подвели подъ милостивый манифестъ по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Касательно нѣкоторыхъ выраженій въ его письмахъ и его тайны онъ объявилъ слѣдующее:

— Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1828) во время про-

гулки его по стѣнѣ, окружающей Тихвинскій монастырь, часу въ 9 веч., примѣтилъ онъ двухъ человѣкъ разговаривающихъ, сидя подъ стѣною, но такъ тихо; что онъ едва могъ услышать часто повторяемую однимъ изъ нихъ фамилію Пестеля. Другой молчалъ или говорилъ тихо; наконецъ, первый сказалъ громко и съ жаромъ: „развѣ ты не знаешь, что у насъ миллионъ четыреста тысячъ массоновъ, это все Пестели“. Послѣ этого онъ, Іеронимъ, сказалъ въ свою очередь: „не вѣрь, друже, кромѣ него никого нѣтъ“. Услышавъ это, они встали и ушли послѣшно. Они были въ короткихъ сюртукахъ и шляпахъ. Кто они — онъ не знаетъ.

За подобныя лживыя доносы и прежнюю порочную жизнь Іеронимъ былъ посланъ въ Соловки, въ острогъ. Черезъ два года, въ 1832 г., во вниманіе его преклонныхъ лѣтъ и тихой жизни, онъ былъ освобожденъ изъ острога и отданъ подъ надзоръ, но съ тѣмъ, что если будетъ писать какіе-либо доносы и прошенія, то монастырское начальство можетъ своею властію снова посадить его въ тюрьму, донеся только объ этомъ синоду. Выпустивъ изъ тюрьмы, соловецкій настоятель послалъ Іеронима для житія въ Анзерскій скитъ. Но и тамъ Іерониму не жилось хорошо: анзерскій строитель нѣсколько разъ жаловался соловецкому архимандриту, что Іеронимъ права сварливаго, заводитъ несогласія, смущаетъ братію и что-то пишетъ. Не смотря на эти доносы, его все-таки не подвергали взысканію до 1844 г., когда онъ написалъ доносъ на высочайшее имя, обвиняя соловецкаго настоятеля въ кражѣ драгоценныхъ камней при сдачѣ-пріемѣ монастырскаго имущества. Доносъ этотъ былъ перехваченъ; обвиненія оказались ложными и Іеронимъ снова заключенъ въ острогъ. Въ острогѣ онъ просидѣлъ до 1846 г., когда во уваженіе 80-ти-лѣтней старости и скромнаго поведенія выпущенъ изъ острога и посланъ въ Анзерскій скитъ, гдѣ онъ и скончался въ 1847 г. Послѣ него остались обширныя записки-дневникъ, наполненный разными монашескими размышленіями въ духѣ мистицизма. Іеронимъ помѣщенъ въ соловецкомъ патерикѣ, наравнѣ съ великими подвижниками, прославившими сію обитель. Необходимо замѣтить, что Іеронимъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ.

Въ 1830 г., по высочайшему повелѣнію, былъ присланъ въ Соловки на заточеніе дворовый человекъ князя Лобанова-Ростовскаго Ѳедоръ Ив. Подшиваловъ за подбрасываніе писемъ, на высочайшее имя адресованныхъ, и за ложное толкованіе св. писанія относительно церкви и государства. Вотъ какъ онъ въ своемъ объясненіи соловецкому архимандриту описываетъ свои дѣянія:

— „Уроженецъ я Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, с. Александрина, изъ дворовыхъ людей кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Крещеніе и воспитаніе по религіозной части отъ рожденія моего принято мною отъ православной греко-россійской церкви. Въ семь состояніи пребывалъ до настоящаго 1830 г. Находясь въ услуженіи по поваренной части у флигель-адъютанта подполковника конно-гвардейскаго полка, Г. А. Захаржевскаго, гдѣ со мною случилось и самому мнѣ неожиданное слѣдующее несчастное приключеніе. Господу Богу такъ угодно было, или постигло меня искушеніе отъ дьявола, что я съ мѣсяца марта сего года силился слабымъ моимъ разсудкомъ постичь начала и причины бѣдствій рода человѣческаго и въ особенности страждущихъ отъ деспотизма. Отъ непросвѣщенія-ли людей это происходитъ, или это законы божескіе и гражданскіе, обуздывая грѣховныя страсти, тому причины? Это такъ сильно впечатлѣлось въ моемъ сердцѣ, что я денно и ночью размышлялъ о семъ предметѣ и искалъ таковыхъ книгъ и сочиненій, которыя-бы способствовали къ моей цѣли, но ни одной книги я не находилъ такой, чтобы съ мнѣніями моими была сходна, и потому ничто не казалось вѣроятнымъ. При томъ же по натурѣ слабого моего разсудка такія о сочиненіяхъ (разсужденія) дѣлать и судить я могъ, какъ можетъ отъ рожденія слѣпой судить о цвѣтахъ. Обращаясь по знакомству съ дворовыми людьми гр. Румянцова: официантомъ Григоріемъ Ивановымъ и поваромъ Леонтіемъ Дмитріевымъ, которые, читая вмѣстѣ со мною книги разныхъ свѣтскихъ сочиненій, замѣтивъ меня помѣшавшимся въ разсудкѣ, по той причинѣ, что я спорилъ съ ними о всѣхъ матеріяхъ и заключалъ, что всѣ книги исполнены пустяковъ. И когда старался увѣрить ихъ, что я не сумасшедшій, то болѣе ихъ утверждалъ въ томъ мнѣніи. Засимъ послѣдовали со мною сонныя видѣнія, которымъ я, по разсудку моему, очень вѣрилъ и толковалъ оныя, какъ внушало

мнѣ внутреннее побужденіе моего сердца, а именно: первый сонъ состоялъ въ томъ, что я видѣлъ въ самомъ сводѣ небесъ утвержденную блестящую алмазную луну, поддерживающуюся на облакахъ, и будто бы я, самъ находившись тутъ-же, слышалъ необыкновенный голосъ, говорящій, что здѣсь пребываетъ свѣтъ чистый и праведный. Я спрашивалъ, гдѣ же тѣ знаки или пятна, которые мы примѣчаемъ на лунѣ? Мнѣ отвѣтствовано, что подобный оному знакъ находится у меня на лѣвой рукѣ, на коей у меня дѣйствительно находилось, такъ называемое, родимое пятно. Изъ сего я понялъ, что для просвѣщенія народа и самъ я могу писать наставительныя книги.

„Вслѣдствіе сего и подобныхъ сему семи словъ, которыя описаны мною и представлены гр. Бенкендорфу; я усердно молился Господу Богу, дабы Онъ открылъ мнѣ истинное и совершенное просвѣщеніе. А какъ засимъ послѣдовало со мною необыкновенное сверхъестественное обуяніе, вѣроятно, отъ духа нечистаго, или естественно отъ приключившейся болѣзни, которую медики называютъ бѣлою горячкою, то я съ великимъ внутреннимъ движеніемъ и побужденіемъ принялся за перо и написалъ.... о свойствахъ и качествахъ человѣка, что я уже имѣю точныя свѣдѣнія распознавать его склонности; носилъ долгое время написанное при себѣ, воображая, что я уже нашелъ неопѣненное сокровище познанія. Вздумавши переписать оную тетрадь набѣло, по усилившемуся во мнѣ сумасшествію или болѣзни, прибавилъ я въ оную столько безсвязныхъ сумасбродныхъ идей, противныхъ религіи, законамъ гражданскимъ и здравому смыслу, что за слабостію памяти вспомнить теперь не могу, и чтобы, объясняя то въ здоровомъ умѣ, не могъ бы написать и того, чего тамъ вовсе не содержится.... Дѣйствіе моего бѣснованія столь было сильно, что я, чувствуя въ себѣ ужасныя перемѣны, то восхитительной радости, то ужаснѣйшаго страха, то душевнаго волненія чрезъ продолженіе двухъ недѣль, не вкушая почти пищи и безъ сна, чутъ было не лишился и самой жизни, если бы не покрыла меня всемогущая десница благодати Божіей, какъ видѣли всѣ находящіеся вокругъ меня, при томъ я всѣ силы къ тому употреблялъ, чтобы какъ можно скрыть всѣ чувства и движенія моего дѣйствія. Письма мои, которыхъ количества я не

упомню, адресованныя на имя его и. в., исполненные подобныхъ же безразсудныхъ, а можетъ быть, и хульныхъ изреченій, были мною составляемы въ подобномъ же сумасшествіи; даже однимъ словомъ сказать, что все оное произошло не отъ меня, или, лучше сказать, я въ такомъ положеніи не воленъ былъ управлять самимъ собою или здраво судить о чемъ бы то ни было, да при томъ, какъ нѣсколько теперь помнится, руководствуемъ я былъ въ томъ моемъ положеніи, отъ внѣ меня происходящимъ какимъ-то отголоскомъ, который былъ побудителемъ и совѣтникомъ во всѣхъ моихъ словахъ и поступкахъ. Всѣхъ же моихъ дѣйствій, случившихся во время болѣзни, я не упомяну. По открытіи моего сумасшествія предъ начальствомъ, взявъ я былъ въ собственную канцелярію упомянутого гр. Бенкендорфа, откуда въ непременяемомъ моемъ положеніи перевезенъ былъ въ богоспасаемую соловецкую обитель“. Далѣе слѣдуютъ увѣренія въ исполненіи православія и раскаяніе въ своихъ поступкахъ.

Подшиваловъ освобожденъ въ 1839 г. и отосланъ къ своему господину, противъ права власти котораго возникалъ было въ душѣ его протестъ.

Въ 1830-мъ году присланъ въ острогъ „бывшій іеромонахъ Боровскаго монастыря Ефимій за доносы бездоказательные, ложные, превратно изложенные, клеветническіе, вымышленные злостію“. Кромѣ того, онъ сочинилъ, яко-бы по повелѣнію Духа Божія, изъясненіе о сотвореніи міра и на первую главу евангелія Іоанна. Между прочимъ, онъ утверждалъ: а) что Духа Божія свойства: хладъ, теплота и сила, и это называетъ трипостась; первая вѣпостась—премудрость, вторая—разумъ, третья—разумъ или сила; б) что тьма, бывшая при сотвореніи міра, есть нечистота или духъ нечистоты, отъ которой произошла земля и вся еже на ней; в) что человѣкъ имѣетъ три вѣпостаси: теплоту, хладъ и силу; д) что въ Іисусѣ Христѣ духъ есть совершенный Богъ Отецъ, плоть Его—совершенный Богъ Сынъ; е) что нѣтъ никакого различія человѣка отъ скота, что человѣкъ хуже скота, птицы и пр. На намѣстника своего монастыря Теофила донесъ, что онъ открылся ему на исповѣди въ мудрованіи противъ божества Іисуса Христа, чтеніи противныхъ церкви книгъ и разговорѣ противъ государя и его фамиліи. Все это оказалось лож-

нымъ. Въ 1833 г., 14 октября, прибылъ въ Соловки изъ С.-Петербурга фельдъегерь, и Ефимій былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ.

1830 года. Бывшій хорунжій оренбургскаго казачьяго войска Василій Шулеповъ за нелѣпныя толкованія св. Писанія съ дерзновенными выраженіями противъ высочайшихъ особъ и власти. Онъ утверждалъ: а) что царь Алексѣй Михайловичъ преступилъ уложеніе св. отцевъ 7 вселенскаго собора, что въ царствованіе его Никонъ патріархъ перемѣнилъ нѣкоторыя слова въ писаніи Божіемъ и церковные обряды, отъ чего сдѣлался расколъ; а россійскіе возлюбили вмѣсто монастырей театры и трактиры; б) что императоръ Петръ I навлекъ на себя гнѣвъ Божій за утверженіе Никоновой перемѣны, уничтоженіе патріаршей власти и подчиненіе себѣ духовной власти и установленіе 25-лѣтней невольной службы съ принужденіемъ клясться предъ Всевышнимъ Богомъ; что гордые императора Петра I законы богопротивны, но, ради славы и корысти, угодны и понынѣ ; что императрица Елизавета такъ же, какъ и Петръ, по законамъ его судила, казнила и вѣшала (!?) безъ пощады своихъ подданныхъ христіанъ; с) что упоминаемые въ св. Писаніи рога агнца—суть (вожди) христіанскіе, что Николай и Михаилъ готовы предать его тѣло на смертное мученіе; d) называя нынѣшніе законы богопротивными, а начальство злымъ, уподобляетъ оныя звѣринымъ ногамъ и орлинымъ когтямъ; гербъ же россійскаго государства называетъ печатью антихриста; e) что его и. в. изволилъ сѣсть на царство не по порядку, минуя трехъ наслѣдниковъ, и во время бунта въ С.-Петербургѣ, хотя Богъ и сохранилъ его величество, но онъ будетъ царствовать,—въ одномъ мѣстѣ писалъ Шулеповъ не долго, а въ другомъ—долго,—а скончается внезапно. Послѣ противъ двухъ наслѣдниковъ Александра и Константина Николаевичей возстанетъ Константинъ Павловичъ и будетъ царемъ, а потомъ Михаилъ Павловичъ будетъ одинъ царствовать на всей землѣ; f) россійское государство Шулеповъ называетъ звѣремъ, имѣющимъ гербъ двухъ-главаго орла, т. е. правая и неправая вѣра во Христа.

Будучи подъ судомъ, Шулеповъ съ двумя сыновьями уѣхалъ изъ мѣста своего жительства, Троицка, скрылся въ лѣсъ, выстройлъ

тамъ землянку и въ ней жилъ до поимки его десять дней; а все бывшее при немъ имѣніе и лошадей съ повозкою роздалъ жителямъ Чебаркульской станицы. Во время производства суда передалъ атаману станицы 100 р. для внесенія за бѣдныхъ и малолѣтнихъ на земскія повинности. Заявилъ, что онъ не желаетъ имѣть офицерскаго чина и подъ выпиской расписался: „азъ есмь узникъ Христовъ смиренный христіанинъ В. Шулеповъ“.

Еще пишетъ, что нынѣ влисті духовныя проклинаютъ въ Россіи православныхъ христіанъ, за что получаютъ не принадлежащія имъ кавалеріи.

В. Шулеповъ умеръ въ соловецкой тюрьмѣ, вѣрный своимъ дивнымъ заблужденіямъ, 19 мая 1833 г.

Въ началѣ 1831 года въ г. Муромѣ, Владимірской губерніи, было возбуждено дѣло о подкидываніи „подметныхъ листовъ“ возмутительнаго содержанія, въ которыхъ порицалось крѣпостное право и совѣтовалось крестьянамъ писать письма къ дѣтямъ въ армію, совѣтуя имъ возмутиться для уничтоженія крѣпостнаго права. Листочки эти были разбрасываемы не по одной Владимірской губерніи. Между прочимъ, въ этому дѣлу были привлечены: муромскій протопопъ Лекторскій, священникъ Лавровскій и дьяконъ Васильевъ.

Жандармскій полковникъ Масловъ предложилъ свящ. Лавровскому 18 вопросовъ пунетовъ на три предмета: 1) имѣли ли огъ участіе въ сочиненіи съ бывшимъ муромскимъ протоіереемъ Лекторскимъ относительно многоженства или, по крайней мѣрѣ, зналъ-ли о его къ тому намѣреніи? 2) Какого рода листочки были присланы ему лѣтъ 15 назадъ прот. Лекторскимъ изъ Владиміра во время нахождения Лекторскаго подъ судомъ дух. консисторіи по дѣлу его помѣшательства въ умѣ, и какое изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе? 3) Муромскій дьяконъ Васильевъ показывалъ-ли ему письма, данныя Васильеву для прочтенія какимъ-то дворовымъ человѣкомъ, или, по крайней мѣрѣ, сказывалъ-ли онъ о нихъ и ихъ содержаніи? На эти вопросы Лавровскій отвѣчалъ, что прот. Лекторскій хотя и былъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но онъ не только не имѣлъ участія съ нимъ въ сочиненіи, но и не подозрѣвалъ его въ семъ

намѣреніи до времени публичной его, въ помѣшательствѣ ума, при многочисленномъ народѣ исповѣди; что листочки, присланные ему, содержали предсказаніе о скоромъ пришествіи Христа Спасителя при кончинѣ вѣка, которые Лекторскій просилъ его доставить нѣкоторымъ дворянамъ и въ томъ числѣ графу Зубову за его хлѣбъ-соль, но такъ какъ, по его мнѣнію, они содержали глупость, то онъ ихъ и сжегъ; что дьяконъ Васильевъ никакихъ писемъ ему не показывалъ.

На этомъ Лавровскій думалъ и успокоиться, но вышло не такъ. Въ одно мартовское утро къ его дому подъѣзжаетъ повозка съ фельдгегеремъ, и его увозятъ въ Петербургъ, заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость и держатъ его тамъ цѣлый годъ. Во время нахождения Лавровскаго въ крѣпости было поручено свящ. Мысловскому сдѣлать ему увѣщательные вопросы, но Лавровскій ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ. Въ результатѣ вышло высочайшее повелѣніе такого рода: „Протоіерея Лекторскаго, какъ человѣка вреднаго для общества своимъ пылкимъ умомъ, направленнымъ къ страннымъ преобразованіямъ, возвратитъ въ Суздальскій монастырь подъ строгій надзоръ тамошняго начальства; свящ. Лавровскаго заключить въ какой-либо отдаленный монастырь съ запрещеніемъ священнослуженія до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не исправится и не очиститъ себя монашескимъ искусомъ“. Лавровскій всѣми страшными клятвами клялся, что онъ къ этому дѣлу не причастенъ, но ничто не помогло, его услали въ Соловки и посадили въ острогъ. Во время ревизіи соловецкаго острога подполковникомъ Озерецковскимъ въ 1835 г. онъ вымолил себѣ облегченіе участи, изъ тюрьмы освобожденъ подъ монашескій надзоръ, а въ 1839 г. освобожденъ на родину съ отдачею подъ надзоръ гражданскаго начальства и благочиннаго.

Видимо, что это былъ человѣкъ дѣйствительно невинный, жертва ошибки со стороны правосудія. Послѣ него остались записки, рисующія положеніе арестантовъ въ его время, отрывокъ изъ которыхъ приведенъ мною ниже.

Въ 1831 г. по высочайшему повелѣнію присланъ въ Соловки подъ строгій надзоръ поручикъ 7 оренбургскаго линейн. баталіона А. С. Горожанскій за „дерзкій поступокъ и произнесеніе

неприличныхъ словъ на счетъ особы его величества“. Такъ какъ у Горожанскаго замѣчалось ранѣе умственное разстройство, то мать его подавала въ III отдѣленіе заявленіе объ этомъ, прося освидѣтельствовать его, на что государь положилъ резолюцію: „освидѣтельствовать и, что окажется, донести“. Результаты этого свидѣтельства неизвѣстны; участь Горожанскаго не измѣнилась, онъ сидѣлъ въ соловецкомъ острогѣ.

Въ 1832 г. 22 декабря Горожанскій сильно прибилъ караульнаго унтеръ-офицера. Военскій начальникъ, донося объ этомъ поступкѣ соловецкому архимандриту, замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, Горожанскій находится „въ весьма не здоровомъ разсудѣ“. Въ отвѣтъ на это донесеніе караульнаго офицера архимандритъ даетъ ему наставленіе строго слѣдить за арестантами, никуда не выпускать ихъ изъ чулановъ, кромѣ бани и церкви, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ обходиться со всѣми арестантами кротко и человѣколюбиво, безъ малѣйшей дерзости, въ особенности съ чиновниками, коимъ оказывали-бъ приличное уваженіе, „дабы при какомъ либо случаѣ не могло отнюдь со стороны арестантовъ произойти жалобы“.

1833 г. мая 9 дня поручикъ Горожанскій, выйдя для естественной нужды изъ своей каморы, взялъ непримѣтно висящій въ корридорѣ на стѣнѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь часоваго Свворцова, который отъ этого черезъ пять минутъ и умеръ.

При допросахъ онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что солдаты своимъ шумомъ мѣшаютъ ему сидѣть въ своей каморѣ, беспокоятъ его, а часовой не унимаетъ ихъ. Слѣдствіе выяснило, что поступокъ свой Горожанскій совершилъ въ припадкѣ сумасшествія, а потому государь повелѣлъ оставить его въ томъ же мѣстѣ. Умеръ онъ въ тюрьмѣ въ 1846 г.

Начальство, пріѣхавшее въ Соловки для производства слѣдствія по поводу убійства, совершеннаго Горожанскимъ, конечно, не могло не замѣтить тѣхъ безпорядковъ, кои испоконъ вѣка практиковались въ соловецкомъ острогѣ, и не преминуло донести объ этомъ въ Петербургъ. Узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, государь приказалъ произвести ревизію острога.

Съ 1830 по 1833 г. было много прислано въ Соловки солдатъ съ военныхъ поселеній, за расколъ и разныя религіозныя

преступленія. Нѣкоторымъ изъ нихъ бѣгствомъ съ пути удавалось освободиться отъ знакомства съ Соловками. Военный поселанинъ Мелентій Минкинъ, назначенный въ Соловки на покаяніе, во время пути бѣжалъ; вскорѣ его поймали и государь немедленно повелѣлъ отправить его къ мѣсту назначенія. Въ Соловкахъ ждали его 30 лѣтъ и не дождались и кончили тѣмъ, что сдали дѣло о немъ въ архивъ. Такимъ же способомъ избавились ссылки военный поселанинъ унт.-офицеръ Кузьма Макаровъ и крестьянинъ Евтрапій Блиновъ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка рядовой, Карпъ Петровъ, въ 1830 г. присланъ въ заточеніе за расколъ. Не раскаявшись, былъ въ 1833 г. отосланъ въ Бобруйскъ въ арестантскія роты.

Послушникъ Коневскаго монастыря Михаилъ Курочкинъ, изъ солдатъ, имѣлъ обыкновеніе дѣлать разныя предсказанія, толкованія сновъ, и этимъ возбуждалъ соблазнъ между монахами и окружающими жителями. За подобныя „нелѣпыя предсказанія“ онъ былъ въ 1833 г. отправленъ въ соловецкій острогъ. Изъ тюрьмы выпущенъ по слабости здоровья и малоумію въ 1846 г.

Военный поселанинъ Федоръ Хоменко распространялъ разныя нелѣпыя толки; ему снились разныя сны, на основаніи которыхъ онъ пророчествовалъ и даже объявлялъ сии пророчества начальству, которое и услало его въ соловецкій острогъ въ 1834 г. за такія объясненія. Освобожденъ изъ острога въ 1846 г.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго вѣка въ Троицко-савской крѣпости, Иркутской губ., появилась новая секта, основателемъ которой былъ настоятель Селенгинскаго монастыря игуменъ Израиль. Въ основу этой секты входили измѣненія церковныхъ обрядовъ; введена была умная молитва, сопровождающаяся всегда наитіями свыше и разными видѣніями, измѣненіе чина божественной литургіи и вѣра въ обновленіе церкви чрезъ игумена Израиля, котораго многіе изъ членовъ этой секты считали Христомъ Спасителемъ. Ихъ молитвенныя собранія отличались массовыми галлюцинаціями. Для примѣра, Израиль описываетъ одну всеобщую на Срѣтеніе Господне, во время которой все

совершаемое въ службѣ являлось имъ въ видѣніяхъ. Когда пѣли тропарь праздника: Радуйся, благодатная Богородице Дѣво, предъ ними являлась прекрасная дѣвица, — изъ тебѣ-бо возсія солнце правды и т. д., изъ женщины выходилъ свѣтъ; веселился и ты, старче праведный — являлся старецъ и т. д. Божественную литургію они замѣняли преломленіемъ хлѣбовъ и возліаніемъ вина въ чаши съ произнесеніемъ словъ изъ евангелія, относящихся въ сему дѣйствію; потомъ всѣ присутствующіе вкушали хлѣбъ и пили вино. Въ преломленіи хлѣбовъ участвовали всѣ мужчины и женщины. Членами этой секты были кяхтинскіе купцы, чиновники, монахи и монахини.

Основатель этой секты игуменъ Израиль происходилъ изъ крестьянъ Костромской губерніи, бѣдной семьи. Въ дѣтствѣ мать научила его читать и начаткамъ православія, потомъ онъ выучился малярному, а, наконецъ, и живописному мастерству. Уже съ ранняго дѣтства Иванъ (такъ въ мірѣ звали Израиля) началъ ощущать въ себѣ особія душевныя движенія, заставлявшія его углубляться въ самого себя и бѣжать мірской суеты. Благодаря своему живописному мастерству, онъ зарабатывалъ много денегъ; ему предстояла весьма выгодная женитьба, но ни деньги, ни счастливая брачная жизнь не влекли его сердца. Съ 20 лѣтъ онъ отправился въ монастырь, но общая монастырская жизнь не удовлетворила его. Онъ отправился странствовать по монастырямъ, желая найти въ нихъ опытныхъ подвижниковъ и отъ нихъ научиться жить по Божьему. Сильное вліаніе произвела на него одна подвижница-старуха, которую онъ нашолъ въ одной изъ деревень Ярославской губерніи. Послѣ странствованія онъ удалился въ лѣсъ и тамъ, въ вырытой имъ землянкѣ, прожилъ годъ, питаясь сухарями и кореньями. Вслѣдствіе какого-то сна, — которымъ онъ вѣрилъ, — онъ оставилъ пустыню и явился къ ярославскому архіерею, на котораго произвелъ хорошее впечатлѣніе и былъ рукоположенъ имъ сначала въ дьяконы, а потомъ въ іеромонахи. Потомъ, по вызову, онъ поѣхалъ въ Сибирь, въ Селенгинскій монастырь для возобновленія и устроенія его. При отъѣздѣ въ Сибирь онъ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, часто бывалъ у покойнаго митрополита Филарета и пользовался его благоволеніемъ; въ Москвѣ онъ приобрѣлъ много знатныхъ знакомствъ, какъ изъ ряда вонъ выдающійся монахъ. По приѣздѣ

въ Сибирь Израиль очень скоро возобновилъ и устроилъ свой монастырь и сдѣлался правою рукою иркутскаго епископа Иринея, о бунтѣ котораго интересныя сообщенія были напечатаны въ „Русской Старинѣ“. Въ Сибири Израиль скоро вошелъ въ славу, вся сибирская знать, начиная съ генераль-губернатора, относилась къ нему съ уваженіемъ. Онъ дѣлалъ много благодѣній окружающему бѣдному населенію, пользуясь вліяніемъ на богатыхъ кяхтинскихъ купцовъ; кормилъ голодныхъ, подавалъ помощь словомъ и дѣломъ несчастнымъ обѣднѣвшимъ семьямъ, устраивалъ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ и не только училъ ихъ, но кормилъ и одѣвалъ. Онъ бывалъ и въ рудникахъ у ваторжниковъ, посѣщалъ ссыльныхъ декабристовъ, вызывая у нихъ слезы своимъ душевнымъ словомъ. Александръ Николаевичъ Муравьевъ (декабристъ, впоследствии нижегородскій губернаторъ) былъ его близкимъ другомъ, писалъ и заботился о немъ даже тогда, когда онъ былъ въ Соловкахъ.

Разъѣзжая по распоряженію иркутскаго архіерея для осмотра церквей, Израиль очень круто обходился съ распущеннымъ сибирскимъ духовенствомъ и тѣмъ нажилъ себѣ массу враговъ.

Объ его нововведеніяхъ и измѣненіяхъ церковныхъ обрядовъ было донесено, и Израиля арестовали, отдали подъ судъ и по высочайшему повелѣнію, чрезъ фельдгегера, отправили въ соловецкій острогъ.

Вотъ выписка изъ указа синода, при коемъ былъ присланъ Израиль въ Соловки: „св. синодъ слушали выписку изъ дѣла о новой сектѣ, отрывшейся между жителями Троицко-савской крѣпости, въ составленіи и распространеніи которой обвиняются Селенгинскаго монастыря игумень Израиль съ іеромонахомъ Досифеемъ. Положили: согласуясь съ мнѣніемъ иркутскаго епархіальнаго начальства, которое обвиняетъ игумена Израиля во введеніи новаго ученія, противнаго ученію св. церкви, въ измѣненіи чина божественной литургіи, явно уничтожающемъ таинство евхаристіи, въ поруганіи всей церкви чрезъ мнимое обновленіе ея и въ прочемъ, а іеромонаха Досифея въ дѣятельномъ участіи съ Израилемъ къ распространенію его ученія, и св. синодъ изъ существа ихъ показаній еще усматриваетъ другія и не менѣе важныя обвиненія на нихъ въ томъ, что Израиль безстрашно дерзаетъ выдавать себя, а Досифей вѣрить, что онъ,

Израиль, есть истинный сынъ божій спаситель міра, а потому къ пресѣченію и совершенному истребленію столь нелѣпаго и вреднаго для православія лжеученія и нововведенія опредѣляетъ, относительно игумена Израиля: 1) отрѣшить его отъ управленія Селенгинскимъ монастыремъ, лишивъ его достоинства игуменскаго, священства и монашества, и заключить его навсегда въ Соловецкій монастырь подъ присмотръ военной стражи; 2) настоятелю Соловецкаго монастыря вмѣнить въ обязанность стараться вроткими и благоразумными увѣщаніями и вразумленіями разсѣвать въ немъ принятыя имъ ложныя мнѣнія какъ о тысячелѣтнемъ царствованіи Іисуса Христа на землѣ, начавшемся уже яко-бы въ лицѣ его, Израиля, такъ и въ учрежденномъ имъ новомъ и, по мнѣнію его, вѣчномъ служеніи“.

Въ Соловкахъ не могли разсѣять его ученія; тюрьма не вліяла на него подавляющимъ образомъ; онъ всю жизнь былъ полонъ вѣры въ самого себя, въ свое ученіе. Много разъ онъ просилъ доказать ему противность его ученія св. писанію, или освободить его, если оно не противорѣчитъ писанію, но все тщетно. Умеръ онъ въ Соловкахъ 2 ноября 1862 г., стоя на колѣняхъ, въ молитвенномъ положеніи.

Послѣ Израиля остались обширныя автобіографическія записки, полныя интереса, особенно въ психологическомъ отношеніи. Кромѣ того у него было написано нѣсколько рукописныхъ книгъ философско-религіознаго содержанія, гдѣ блестящія мысли перемѣшаны съ глупыми кабалистическими вычисленіями. Особенно хороша его маленькая брошюрка о брагѣ.

Въ 1835 г. въ Ярославской губ. пойманъ неизвѣстный чело-вѣкъ, называющій себя Иваномъ. Онъ заявилъ себя не признающимъ св. угодниковъ, императора и никакого начальства. По повелѣнію государя былъ отправленъ въ Соловки для употребленія по лѣтамъ въ работы. Въ томъ же году по высочайшему повелѣнію сданъ въ солдаты.

1835 г. была, по высочайшему повелѣнію, произведена ревизія соловецкаго острога; для этой цѣли былъ командированъ изъ Петербурга въ Соловки подполковникъ корпуса жандармовъ Озерецковскій, который пріѣхалъ въ Соловки 16 іюня. По пріѣздѣ

въ монастырь онъ потребовалъ вѣдомость о всѣхъ арестантахъ: кто, за что и какъ ведетъ себя. Посѣщая арестантовъ, онъ долгу бесѣдовалъ съ ними, спрашивалъ ихъ о житьѣ-бытьѣ въ острогѣ, входилъ въ ихъ жизнь. Приводимъ дѣлье, по окончаніи нашей статьи,—вѣдомость объ арестантахъ, представленную монастырскимъ начальствомъ Озерецковскому.

По изслѣдованію Озерецковскаго оказалось, что положеніе арестантовъ Соловецкаго монастыря весьма тяжелое, что нѣкоторые изъ нихъ искренно раскаиваются въ своихъ поступкахъ и что нѣкоторые арестанты несутъ наказаніе, весьма превышающее мѣру вины ихъ. Объ этомъ гр. Бенкендорфъ докладывалъ государю и Николай Павловичъ повелѣлъ: I. Изъ числа арестантовъ 15 чело-вѣкъ опредѣлить въ военную службу рядовыми, а именно:

- 1) Льва Павлова;
 - 2) Діомида Григорьева;
 - 3) Не помнящихъ родства: Василья;
 - 4) Ивана;
 - 5) Ивана Иванова;
 - 6) Клементія Григорьева;
 - 7) Ивана Низовцева;
 - 8) Степана Евсѣева;
 - 9) Александра Яковлева;
 - 10) Игнатія Дружинина;
 - 11) кантониста Кириллова;
 - 12) Ивана Кузнецова—расколоучитель;
 - 13) Николая Попова;
 - 14) Михайла Критскаго;
 - 15) Потапенко Ивана, казачій сынъ.
- } скопцы.
- } бывшіе студенты московскаго университета.

II. Священника Лавровскаго и корнета Спечинскаго оставить въ монастырѣ на свободѣ.

III. Крестьянъ: Ивана Безполченова, Ивана Низова и свящ. Ал. Степанова отправить на родину.

IV. Двороваго чело-вѣка помѣщика Амосова Ивана Кудимова, лишившагося зрѣнія, отправить въ с.-петербургскій институтъ слѣпыхъ.

V. Учителя Вас. Воскресенскаго освободить изъ заключенія и помѣстить въ число штатныхъ послушниковъ Соловецкаго монастыря, а если захочетъ, то и постричь въ монахи.

Въ Соловецкій монастырь съ того времени повелѣно ссылатъ не иначе, какъ по высочайшему соизволенію. Вскорѣ послѣ ревизіи бывшій въ то время архим. Досифей перемѣщенъ на другое мѣсто, а на этотъ постъ назначенъ архим. Иларій, коему было поручено реформировать острожные порядки.

Въ 1836 г. присланъ крестьянинъ Пермской губ. Петръ Вакоринъ за вторичное уклоненіе въ расколъ, самовольную отлучку въ лѣса, куда увлекалъ и другихъ, совращая ихъ въ расколъ и перекрещивая, и за непризнаваніе и дерзкіе отзымы на счетъ евхаристіи, священства и государя со властями. Судимъ былъ пермской уголовной палатой и присужденъ къ плетямъ и каторгѣ. Комитетъ министровъ отмѣнилъ это рѣшеніе и постановилъ отослать Вакорина въ Соловецкій монастырь на заключеніе съ тѣмъ, чтобы были употреблены всевозможныя мѣры къ обращенію его на путь истины. Первые годы заключенія Вакоринъ на всякія увѣщанія отвѣчалъ грубостію, дерзостію и богохульствомъ; такъ изъ монастыря относились въ синодъ, что нѣтъ никакой надежды на исправленіе. Но въ 1841 г. Вакоринъ, сверхъ ожиданія, подалъ письменное раскаяніе, а въ 1842 г. былъ освобожденъ съ учрежденіемъ надъ нимъ тайнаго надзора.

Поручикъ Украинскаго полка Веселаго, который, будучи судимъ за растрату казенныхъ денегъ, ложные доносы и т. п., былъ разжалованъ въ солдаты. Прослуживъ въ солдатахъ 5 лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку и скорѣ послѣ этого объявилъ себя политическимъ преступникомъ съ цѣлію имѣть свиданіе съ гр. Бенкендорфомъ, котораго онъ просилъ послать его въ монастырь. Государь, коему было доложено о просьбѣ Веселаго, повелѣлъ послать его въ Соловецкій монастырь. Изъ Соловокъ онъ былъ переведенъ въ Псковскій монастырь, затѣмъ въ г. Архангельскъ, писцомъ, но, поживя немного, былъ препровожденъ снова въ Соловки за беспокойный характеръ и дерзости. Жилъ въ Соловкахъ съ 1836 по 1854 г., когда былъ освобожденъ за участіе въ защитѣ монастыря отъ нападенія англичанъ.

1836 г. Наставникъ молоканской ереси, саратовскій мѣщанинъ Петръ Плехановъ. Черезъ годъ онъ подалъ архимандриту записку, въ коей раскаивался въ своей ереси. Содержание

этой записки, съ рѣшеніемъ освободить Плеханова, оберъ-прокуроромъ синода доложено было государю, который положилъ такую резолюцію: „согласенъ, но полезно испытать его, точно-ли онъ утвержденъ въ православіи, переведа для этого въ Юрьевъ монастырь“.

Въ томъ же году бѣглый іеромонахъ казанской епархіи Иларій, который будто бы жилъ въ раскольниковскихъ скитахъ Пермской губерніи, присланъ въ заточеніе въ соловецкій острогъ. Иларія много разъ и при поимкѣ, и чрезъ соловецкаго архимандрита спрашивали о мѣстонахожденіи скита и лицахъ, въ немъ живущихъ, но онъ ничего не хотѣлъ сказать на счетъ этого. Просидѣвъ въ острогѣ годъ, онъ вдругъ объявляетъ, что онъ вовсе не іеромонахъ Иларій, а бѣглый солдатъ Волковъ. Относительно того, какъ онъ попалъ въ Соловки вмѣсто настоящаго Иларія, онъ разсказалъ вотъ что. Происхожденіе его изъ дворовыхъ людей; сданъ бариномъ за пьянство въ солдаты, грамоты ни читать, ни писать не умѣеть. Послѣ рекрутства онъ вмѣстѣ съ арестантами переправлялся въ Нижегородскую губернію. Въ числѣ арестантовъ ихъ партіи находился лишенный іеромонашества Иванъ Нестеровъ, ссылаемый въ Соловки. Во время пути Нестеровъ и Волковъ познакомились и первый предложилъ второму помѣняться съ нимъ именемъ за 1,500 руб., на что Волковъ и согласился. Нестеровъ, разсказавъ ему свои обстоятельства, увѣрилъ, что въ монастырѣ онъ будетъ жить вмѣсто послушника, жизнь будетъ покойная, только ходи Богу молись, а если хорошо заживешь, добавилъ Нестеровъ, то черезъ годъ—два и вовсе отпустятъ. Самъ же Нестеровъ обѣщался бѣжать изъ военной службы и уйти къ раскольникамъ въ лѣса, и оттуда, если можно, догнать Волкова въ Вологодской губ. и освободить его. Всему этому Волковъ повѣрилъ. Обмѣнявшись именами, они притворились больными и отстали отъ партіи, Нестеровъ, давъ Волкову 120 р. и какого-то питья, отъ котораго тотъ былъ трое сутокъ безъ памяти, ушолъ съ партіей впередъ какъ рекрутъ Волковъ, и вскорѣ бѣжалъ, а Волковъ прослѣдовалъ со слѣдующей партіей въ Соловки подъ именемъ Иларія. По справкѣ, гдѣ слѣдуетъ, это показаніе оказалось правильнымъ, а потому ложный іеромонахъ Иларій былъ сданъ снова въ военную службу, получивъ предварительно достодолжное наказаніе на тѣлѣ, полагающееся за побѣгъ изъ

службы по военному артивулу. Нестеровъ-же, то есть настоящій Иларій, вовсе не былъ отысканъ.

Канцелярскій служитель Чевкуновъ за пьянство и безнравственное поведеніе, по просьбѣ отца, содержался въ Соловецкомъ монастырѣ подъ присмотромъ, „не въ родѣ арестанта“, съ 1848 по 1853 г.

Съ 1836 по 1846 г. нѣтъ извѣстій о присылкѣ новыхъ арестантовъ, но я думаю скорѣе, что извѣстія о нихъ утрачены, нежели вовсе не было присылки.

Въ 1846 г. по высочайшему государя императора повелѣнію присланъ въ соловецкій острогъ, съ надписью на бумагѣ, при которой онъ посланъ: весьма секретно, фельдфебель 6 дирекціи варшавской телеграфной линіи Яковъ Пыжьяновъ, православный, изъ кантонистовъ; за что—не сказано. Въ 1853 г., по ходатайству архимандр. Александра, Пыжьяновъ въ силу его желанія, былъ по царской волѣ зачисленъ въ послушники монастыря, а въ 1854 г. переведенъ унтеръ-офицеромъ въ 1-й архангельскій баталіонъ.

Въ 1849 г. присланъ раскольническій монахъ Иларій, котораго означали мирскимъ именемъ Иванъ Сорокинъ, для заключенія въ соловецкомъ острогѣ за расколъ. Человѣкъ онъ бывалый, начитанный; жилъ за границей, имѣлъ близкія знакомства съ главными вожаками раскола въ Австріи. Просидѣвъ 10 лѣтъ въ соловецкой тюрьмѣ въ особомъ мѣстѣ отъ прочихъ арестантовъ и не слушая никакихъ увѣщаній, вдругъ, вслѣдствіе какого-то чудеснаго сна, раскаялся и былъ присоединенъ къ церкви. Соловецкіе монахи, принимая во вниманіе строго подвижническую жизнь его, а главное—чудесное обращеніе къ православію такого закоренѣлаго въ раскольническихъ убѣжденіяхъ человѣка, внесли его въ свой патерикъ, какъ человѣка, прославляющаго сію славную обитель.

Рекрутъ изъ крестьянъ Московской губ. Иванъ Шуруповъ, 19 л., по принятіи на службу, отказался дать присягу, не смотря на всевозможныя принужденія. Свой отказъ онъ моти-

вировалъ тѣмъ, что, по слову Божію, нужно служить одному Богу, а потому служить государю онъ не хочетъ, и присяги принимать не желаетъ, боясь быть влѣтвопреступникомъ. Начальство, разсуждая, что разглашать это дѣло, предавъ Шурупова суду, было бы соблазномъ, а потому рѣшило заключить его въ монастырь. Императоръ Николай Павловичъ, на докладѣ о Шуруповѣ, положилъ такую резолюцію: „отправить упомянутаго рекрута за конвойными въ Соловецкій монастырь“. Вскорѣ по прибытіи въ монастырь Шуруповъ раскаялся, и въ 1854 г. выпущенъ изъ тюрьмы и назначенъ рядовымъ соловецкой конвойной команды. Шуруповъ значился молоканиномъ.

Въ 1851 г. придворный пѣвчій Александръ Орловскій, кончившій курсъ въ черниговской дух. семинаріи, присланъ за безбожіе, въ острогъ. Судя по его рукописному изложенію своей вины, безбожіе это состояло въ томъ, что Орловскій въ пьяной компаніи хотѣлъ похвастаться своею ученостію, своимъ вольнодумствомъ, и произнесъ нѣсколько дерзкихъ словъ на религію. Слова эти были кѣмъ-то изъ присутствующихъ переданы начальству. Началось „дѣло“, и Орловскому привелось познакомиться съ Соловками. Вскорѣ по прибытіи въ соловецкій острогъ, Орловскій написалъ на имя архимандрита подробное велерѣчивое покаяніе; покаянію этому повѣрили и освободили его изъ острога съ зачисленіемъ въ число послушниковъ монастыря. Пробывъ около двухъ лѣтъ послушникомъ, онъ былъ совсѣмъ освобожденъ изъ монастыря. По словамъ знавшихъ его монаховъ,—это былъ человѣкъ съ прекраснымъ теноромъ, но великій забудыга.

Въ 1850 г. присланъ бывшій студентъ Георгій Андрузскій по высочайшему повелѣнію, за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія. Вотъ что Андрузскій разсказываетъ о себѣ въ своемъ покаяніи соловецкому архимандриту: „Родился я въ 1827 г., до 1839 г. воспитывался дома, родомъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Съ 1839 по 1847 г. воспитывался въ 1-мъ благородномъ пансіонѣ 1-й кievской гимназіи, откуда поступилъ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1847 г. взятъ въ Петербургъ и по повелѣнію государя отправленъ въ казанскій университетъ для окончанія курса наукъ; причемъ мнѣ всеилости-

вѣйше пожаловано на первоначальное обзаведеніе 200 р. Причиной перемѣщенія были мои бумаги и стихи мятежнаго содержанія, имѣющіе цѣлю восстановленіе малорусской народности. Въ 1848 г., по окончаніи курса наукъ, переведенъ изъ Казани на службу въ Петрозаводскъ, вслѣдствіе поврежденія глазъ и неспокойнаго поведенія“. Въ Петрозаводскѣ служилъ или, лучше, числился въ олонецкомъ губ. правленіи при газетномъ столѣ писцомъ по 1-е мая 1850 г. 19 марта 1850 г., по распоряженію гражданскаго губернатора, обысканъ, арестованъ на дому, и чрезъ мѣсяць, по высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Соловецкій монастырь, о чемъ я узналъ частнымъ образомъ, по прибытіи въ Архангельскъ, гдѣ мѣсяць находился въ тюрьмѣ до вскрытія водъ. Причина этой ссылки: сочиненія предосудительнаго, а отчасти не религіознаго содержанія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ поступлено со мною справедливо и весьма снисходительно.... Впрочемъ, я никогда не возставалъ противъ монархіи, ни противъ личныхъ основъ царской власти, а только, полагая, что во всероссійской державѣ должно быть и всероссійское господство, вооружался на исключительное господство великороссіянъ въ защиту давно отжившей малорусской народности. Отъ церкви я никогда не отлучался.... Если же въ моихъ сочиненіяхъ и попадаются выходы противъ власти монархической и церковной, то онѣ вслѣдствіе молодечества и раздраженнаго воображенія“. Далѣе слѣдуютъ выраженія раскаянія, причемъ Андрузкій заявляетъ, что ему „нѣтъ дѣла ни до Малороссіи, ни до Европы, ни до всего свѣта—я желаю быть христіаниномъ“. Это раскаяніе было отправлено въ синодъ въ 1850 г., причемъ приложенъ отзывъ архимандрита, что Андрузкій ведетъ себя смиренно, въ церковь ходитъ; но освобожденъ онъ былъ лишь послѣ нападенія англичанъ, въ 1855 году.

М. А. Болчинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ГОЛОДѢ НА СѢВЕРѢ РОССІИ

въ 1868 г.

Стоить ли писать записки? Стоить ли составлять воспоминанія? Говорятъ, что стоить, что жизнь каждаго имѣеть столько интереса, что стоить воспроизвести ее и для другихъ. Но по моему, если писать записки и воспоминанія, то нужно писать ихъ правдиво, а иначе лучше ничего не писать совсѣмъ; писать такъ, чтобы не попадать въ тонъ общихъ мѣстъ. Каждая индивидуальная жизнь имѣеть свои особенности, ее отличающія. А потому и частная жизнь имѣеть свой интересъ тогда, когда она правдиво изложена. Тогда она въ общемъ сознаніи человѣчества будетъ имѣть интересъ, подобно тому, какъ имѣеть интересъ каждый оторванный и отдѣльно взятый листокъ и цвѣтокъ для ботаника, при изслѣдованіи общей жизни природы. Вѣдь досадно читать тѣ записки и замѣтки, которыя носятъ казенный характеръ. Каждый день считаютъ за правило записать казенную мысль, на другой день варианты этой мысли или отступленія отъ нея, и это называется дневникомъ, журналомъ или замѣтками. Назовите какъ хотите, характеръ останется одинъ и тотъ же. Я рѣшаюсь вписать сюда нѣсколько замѣтокъ и то только повинуюсь настоящему желанію нѣкоторыхъ. Не желаю въ нихъ ничего, кромѣ правды, какъ она является моему сознанію. Мои замѣтки попадаютъ въ тонъ воспоминаній. Отрѣшиться отъ себялюбія, взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія свидѣтеля безпристрастнаго—это мнѣ хотѣлось бы. Дай Богъ достигнуть этого, насколько могу. А главное, какъ бы заставить себя писать.

Уже я начиналъ это дѣло и не долго оно продолжалось. Какъ-то не хочется поднимать архивную пыль, не хочется, то есть, рыться въ памяти и воспроизводить событія.

Е. Д.

I.

Меня назначили въ Архангельскую губернію, въ Пертоминскій монастырь, на должность настоятеля. Первое извѣстіе о томъ я получилъ во время проживанія въ Кіевской лаврѣ, 2-го января 1868 г. Оно произвело на меня тяжелое впечатлѣніе, которое особенно усилилось отъ того, что ни въ адресъ-календарѣ, ни въ святцахъ не могли даже отыскать имени того монастыря, куда я долженъ былъ поступить въ настоятели. Но я рѣшился ѣхать; меня утѣшала возможность видѣть мѣста, доселѣ мною не виданныя. Итакъ я началъ готовиться. Послѣдній разъ служилъ я литургію въ соборѣ лавры, 14-го февраля, въ среду, на первой недѣлѣ поста, а въ пятницу 16-го февраля я выѣхалъ изъ Кіева. Не стоитъ труда описывать дорогу; другой разъ запишу пребываніе въ С.-Петербургѣ. Перехожу прямо къ впечатлѣніямъ пертоминскимъ, впечатлѣніямъ, вызваннымъ голодомъ.

Первыя впечатлѣнія были самаго непріятнаго свойства. Денегъ въ Пертоминскомъ монастырѣ совсѣмъ не было. Мы нашли съ казначеемъ о. С.—іемъ только $\frac{1}{2}$ к. въ комодахъ; книгъ приходо-расходныхъ не было ведено; квартира настоятельской грязна и съ тяжелымъ запахомъ; церковь теплая бѣдна и закопчена. Но какъ ни безотрадно было все, я былъ какъ-то покоенъ. Не знаю, быть можетъ, это было чувство какого-то утомленія, нравственной усталости, притупляющей все живое. Но во всякомъ случаѣ я чувствовалъ себя покойнымъ. Тутъ первый разъ пришлось возложить всю надежду на Бога, все устроющаго по своему премудрому изволенію.

Въ Пертоминскій монастырь прибылъ я въ 1868 г., 20-го марта, часу въ 3-мъ или 4-мъ пополудни. Послѣднюю станцію отъ деревни Сузьмы я ѣхалъ не перемѣняя лошадей на ст. Красногорской. Сдѣлалась мятель и морозъ. Меня везли по берегу моря, потомъ

губою. Прозабъ я порядочно; мятель застилала дорогу, морозъ сильно пробиралъ до костей. Не видя монастыря, я промерзшій терялъ терпѣнье и не могъ добиться толку отъ своихъ ямщиковъ. Будучи раскольниками (о чемъ я узналъ впоследствии), они не знали о томъ, далеко ли монастырь, и на вопросъ мой о близости обители отвѣчали полуулыбками. Но, наконецъ-то, я добрался. Не зналъ я тогда, что въ одно время со мною также направлялся человекъ къ монастырю, — человекъ, сдѣлавшійся жертвою голодной смерти.

Какъ ни тяжело было мое первое (выше высказанное) положеніе въ бѣдной обители, но нравственное страданіе началось на другой день по прибытіи въ пустынь.

Марта 21-го, какъ настоятелю, была встрѣча мнѣ въ монастырѣ. Меня встрѣтили, какъ настоятеля, съ крестомъ, я же вошелъ съ иконою Успенія Божіей Матери, данною мнѣ въ Киево-Печерской лаврѣ въ послѣднее мое служеніе. О значеніи и дѣйственности этого образа Пресвятыя Дѣвы я скажу въ другой разъ, если придется описать мое пребываніе въ Пертоминской пустыни. Теперь перехожу къ дальнѣйшему разсказу о голодѣ.

Первое извѣстіе о томъ, что дѣлается по монастырю, полученное мною отъ о. казначея, было то, что противъ моихъ оковъ не вдалекѣ отъ монастыря находится умершій — посада Луды мѣщанинъ Желѣзниковъ. Выслушать подобное извѣстіе было слишкомъ тяжело для меня. Господи Боже! думалъ я, что дѣлать? Средствъ у насъ нѣтъ достаточныхъ на то, чтобы прокормить голодныхъ, а между тѣмъ голодъ усилился до того, что умираютъ съ голода люди, идущіе въ монастырь за пропитаніемъ. Да къ тому же, если бы даже и были средства, то какъ устроить пособіе голоднымъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы помогать имъ не въ обители, а въ самыхъ мѣстахъ ихъ страданія?

Но какъ ни тяжело было мое личное состояніе, надо было принимать мѣры, прежде всего, по случаю смерти Желѣзникова, одиноко лежавшаго на губѣ Увской противъ оковъ настоятельскаго дома. Я сдѣлалъ распоряженія, разумность которыхъ оправдали послѣдствія. Изъ разспросовъ оказалось, что дорога изъ Луды въ монастырь обставлена была вѣхами, состоявшими изъ сосенокъ, которыя стояли довольно часто по дорогѣ, — обстоятельство не маловажное въ виду того, что послѣ было, какъ видно

будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. По этой дорогѣ отправились въ монастырь, 20 марта, изъ посада Луды, два мѣщанина съ возами сѣна, которое они везли для продажи въ монастырь, и Желѣзниковъ, отправлявшійся съ сѣномъ, чтобы навѣстить дочь и сына, жившихъ въ монастырѣ на свотномъ дворѣ, да встати тутъ же попросить хлѣба для остальнаго семейства и рубаху для себя. Сильная буря съ морозомъ захватила ихъ въ дорогѣ. Застигнутые ею мѣщане съ сѣномъ поѣхали впередъ, а Желѣзниковъ отсталъ отъ нихъ. Усталый, изнемогшій отъ голода и холода, онъ легъ около дороги, чуть не на самой дорогѣ, и тутъ предалъ духъ свой Богу. Какія чувства наполняли его душу въ послѣднія минуты—это извѣстно Всевѣдущему.

Первое извѣстіе о смерти несчастнаго Желѣзникова доставлено въ монастырь тѣми же мѣщанами, которые, продавши сѣно въ монастырь, возвращаясь домой, нашли Желѣзникова уже оконченѣвшимъ; съ ихъ словъ о. Савватій и мнѣ доложилъ.

По полученіи о томъ свѣдѣнія, я узналъ, что становой приставъ, отъ власти котораго зависѣло разрѣшить предать погребенію замерзшаго, находится въ Архангельскѣ, за 120 верстъ.

Дороги портились, наступали праздники, а между тѣмъ нельзя было оставлять тѣло на губѣ, да и стражу въ ожиданіи становаго пристава не легко было учредить на открытой вѣтрамъ и морозу губѣ. Поэтому я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: пригласить понятыхъ и начальство посада Луды; казначею монастыря съ ними осмотрѣть тѣло на мѣстѣ, составить о томъ актъ, каковой за общою ихъ подписью и препроводить къ становому, а тѣло принять съ моста и положить въ амбарѣ монастырскомъ въ ожиданіи прибытія или распоряженій его благородія г. становаго пристава.

Сдѣлавши эти распоряженія, я, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, вызваннаго въ душѣ моею видомъ голодной смерти, рѣшился описать въ газетѣ о голодѣ въ Архангельской губерніи, дошедшемъ до того, что умираютъ жители голодною смертью, и отнестись въ петербургскую комиссію, учрежденную для пособія голодающимъ; ей сообщить фактъ голодной смерти Желѣзникова и просить пособія монастырю для прокормленія голодныхъ.

Изъ разспросовъ о. Савватія и братіи я узналъ, что голодная смерть Желѣзникова была не единственный случай въ этомъ

родѣ. Изъ всѣхъ сель, окружавшихъ Пертоминскій монастырь, болѣе всѣхъ подвергалась бѣдствіямъ голода Красная гора. Красная по грунту и по живописному мѣстоположенію, она совсѣмъ не была красна по бѣдности жителей.

Они терпѣли всѣ бѣдствія голода. Въ этой-то деревнѣ одинъ крестьянинъ умеръ съ голода, жена его, испуганная голодною смертью мужа, схватила на руки ребенка, дѣвочку лѣтъ 8-ми, и принесла ее въ монастырь, оставивъ тамъ на скотномъ дворѣ. Братія не отказала ей въ пріютѣ, а мать, пользуясь пребываніемъ дочери, питалась тамъ-же. Кромѣ этого случая братія постоянно кормила, съ декабря 1867 г., всѣхъ голодныхъ, приходившихъ къ монастырю за пропитаніемъ. Если бы не такое устройство братіи, дѣлившейся, не смотря на скудость средствъ монастырскихъ, всѣмъ съ голодавшими, то много было бы жертвъ голода. Къ моему пріѣзду средства монастыря къ пособію нуждающимся оскудѣвали, голодь усиливался и братія была въ отчаяніи, съ одной стороны, побуждаемая необходимостью помогать, а съ другой—невозможностью дѣлать это, по неимѣнію на то средствъ.

Не разъ мнѣ говорила братія, по минованіи голода, при обзорѣннн путей Божьихъ, открывшихся въ этомъ бичѣ, что мой пріѣздъ случился именно тогда, когда она приходила къ отчаянію. Къ тому примѣшивалась не безосновательная боязнь того, что отказъ въ пособіи со стороны монастыря могъ вызвать въ несчастныхъ рѣшимость, вынужденную необходимостью, разграбить монастырь.

А я, вникая въ пути Промысла, всѣми обстоятельствами жизни нашей по своимъ цѣлямъ распоряжающагося, прихожу къ тому, что Господь, допустившій смерть голодную несчастнаго Желѣзникова, попустилъ ее съ тою цѣлью, чтобы одною жертвою спасти множество жертвъ, которыя безъ этого несчастнаго случая были бы неизбѣжны.

И по отношенію ко мнѣ смерть Желѣзникова была явленіемъ, пробудившимъ мою энергію. Убитый я ѣхалъ на сѣверъ; обстоятельства, предшествовавшія отъѣзду въ Пертоминскій монастырь, совершенно убили во мнѣ силу воли. На вопросъ моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ, чтѣ я буду дѣлать въ Архангельской губерніи, я отъ души отвѣчалъ, что зарююсь въ песокъ на мор-

скомъ берегу. Убитый я оставилъ Петербургъ. И въ пути не могла пробудиться моя энергія. Одна голодная смерть Желѣзниковъ пробудила меня отъ апатіи и я рѣшился написать и къ администраціи, — не мѣстной, о которой, равно какъ и о ея отношеніи къ такому явленію, какъ голодъ, я не имѣлъ понятія, а къ учрежденной для этого въ Петербургѣ, — и въ то же время сообщить обществу чрезъ газеты. Я составилъ статью, въ которой упомянулъ о томъ, что 20 марта, въ сильный морозъ и бурю, въ Пертоминскій монастырь изъ посада Луды шелъ Желѣзниковъ, скончавшійся отъ холода и голода, присовокупивъ, что Желѣзниковъ не одинъ можетъ сдѣлаться жертвою голода, если не будетъ получено пособія для голодающихъ, ибо Пертоминскій монастырь не въ состояніи долге кормить голодныхъ. Монастырь этотъ, такъ писалъ я, во время Петра I приготовилъ кирпичъ и камень для построенія церкви и ограды вокругъ обители. Но этотъ императоръ приказалъ то и другое отобрать у монастыря и построить изъ этого матеріала Новодвинскую крѣпость. Ограбленный такимъ образомъ монастырь, не поправившійся съ того времени, самъ будучи бѣденъ, сочувственно относится къ бѣдственному положенію населенія.

Это указаніе на простой историческій фактъ послужило поводомъ къ гоненію на меня, — гоненію, воздвигнутому нѣкоторыми лицами, послѣ того уже сошедшими со сцены административной дѣятельности. Но объ этомъ послѣ.

Статья эта была отослана въ газеты и въ комиссію въ Петербургъ. Въ то же время я обдумывалъ болѣе подробный планъ дѣйствій. Въ числѣ мѣръ къ пособію голодающимъ я не предвидѣлъ никакого другаго источника по пособію, кромѣ помощи, ожидаемой отъ истинно благодѣтельной петербургской комиссіи. Но при этомъ на меня напало раздумье, породившее тяжелое и невыносимое состояніе духа. Какъ всѣ воспитанники духовныхъ заведеній, я боялся писать въ Петербургъ.

Въ раздумьи и оттого въ тяжеломъ состояніи духа, я лежалъ на диванѣ въ вербное воскресенье 24 марта. Къ этому прибавилась тоска одиночества. Зброшенный на сѣверъ, не встрѣчая сочувствія ни въ комъ и ни въ чемъ, я былъ слишкомъ одинокъ. Боже, какъ мнѣ было тяжело! Въ комъ и въ чемъ найти утѣшеніе? Голодъ, нужда и бѣдность монастыря, начиная съ храма,

да къ тому нравственное отчужденіе и одиночество! Тяжесть моего положенія можетъ быть понята тѣмъ, кто самъ нѣчто подобное испыталъ. Подъ влияніемъ такого состоянія я вошелъ въ кабинетъ. Тамъ на угольномъ столикѣ лежало Евангеліе; я обратился за утѣшеніемъ къ этой священной книгѣ, составляющей неисчерпаемый источникъ утѣшенія для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. И мое обращеніе за утѣшеніемъ не осталось тщетнымъ. Первые слова, бросившіяся мнѣ въ глаза въ Евангелии, были: „не бойся, дщи Сіоня, се царь твой грядетъ тебѣ“. Слова простыя, указывающія на историческія событія, были полны жизни и смысла для меня. Не бойся, какъ-бы самъ Спаситель говорилъ моему отягощенному горемъ сердцу, не бойся, царь или сынъ царя, обречшій себя на подвигъ пособія голодающимъ, грядетъ къ тебѣ. Онъ не оставитъ тебя своимъ пособіемъ и помощію. Что это былъ въ Евангелии голосъ самого Господа, событія оправдали впоследствии. Для меня-же въ то время это было гласомъ Господнимъ. Время спало съ души моей и я легко и бодро принялся за дѣло. Между тѣмъ наступала недѣля страстей Господнихъ; марта 25-го, день Благовѣщенія, былъ въ понедѣльникъ. Я два дня сряду совершалъ литургію. Службы шли чинно, но пѣть было почти некому и это прибавляло горечи къ моей чашѣ. Но это не главное.

Одинъ разъ я провожалъ о. Савватія, отправлявшагося въ Неноксу на почту за полученіемъ корреспонденціи. Я ѣхалъ на санкахъ за нимъ. Простившись съ нимъ, я встрѣтилъ женщину, блѣдную и исхудалую, которая изъ Красной горы шла въ монастырь за чѣмъ-то. Я вошелъ въ разговоръ съ нею и узналъ отъ нея, что въ деревнѣ Красногорской голодъ силенъ. Пасхи, праздника столь радостнаго для другихъ, жители красногорскіе ожидали съ боязнью. Они не имѣли чѣмъ подкрѣпить свои изнуренныя голодомъ силы; у нихъ нечѣмъ было разговѣться. Мнѣ пришло на мысль оказать имъ помощь.

Это сдѣлано было слѣдующимъ образомъ. О. Савватій привезъ съ почты до 200 руб. сер., полученныхъ отъ разныхъ лицъ для монастыря къ свѣтлому празднику. Въ то же время пришли красногорскіе крестьяне просить пособія. Посовѣтовавшись съ братією, мы положили: купить для нихъ хлѣба въ Сюзьмѣ въ дирекціи. Купленный тамъ хлѣбъ положили раздавать тѣмъ, кто

не имѣлъ возможности купить, а кто имѣлъ возможность приобрести хлѣбъ на деньги, тѣмъ продавали. Здѣсь встаетъ сказать, что въ бѣдствіяхъ голода нужно отнести и то, что ближайшіе къ Архангельску крестьяне не имѣли возможности приобрести хлѣбъ въ этомъ городѣ; отдаленные отъ него, уже по тому одному должны были страдать отъ голода, что не имѣли возможности купить хлѣба. А потому мы и положили продавать тѣмъ, кто могъ купить хлѣбъ. Этимъ дѣломъ поручено было заниматься монаху о. Исаію.

Его милость становой прибылъ въ монастырь для распоряженій о погребеніи Желѣзникова въ среду или въ четвергъ страстной недѣли. Онъ не просилъ повидаться со мною, а только, осмотрѣвши тѣло Желѣзникова, распорядился насчетъ его погребенія, которое совершено было іеромонахомъ. Желѣзниковъ погребенъ на бору подъ сосною, на углу монастырской ограды, на видномъ мѣстѣ. Лѣтомъ, по моему распоряженію, сдѣланъ надъ его могилою деревянный срубъ, какъ памятникъ. Но крестьяне не успѣли поставить. А по моему отбытіи изъ монастыря такъ и осталась могила безъ креста.

II.

Наступилъ день св. Пасхи, 31 марта. Къ этому дню къ намъ стекались рабочіе и голодные изъ разныхъ окрестныхъ деревень. Никогда не могу забыть того впечатлѣнія, какое я испыталъ, встрѣчая этотъ великій день среди пустыни въ собственномъ смыслѣ этого слова. Тишина ночи, нарушаемая легкимъ шумомъ окрестнаго лѣса, огоньки въ веляхъ и храмѣ, вездѣ безмолвіе и покой невозмутимые. Около 12 часовъ пролетѣлъ надъ обителью блестящій метеоръ, освѣтившій яркимъ свѣтомъ всю обитель, и снова все погрузилось во мракъ.

Полночный пасхальный звонъ призвалъ всѣхъ на молитву. Тихи были удары негромкаго колокола; они вполне гармонировали съ безмолвіемъ пустыни; не громко было пѣніе, все по пустынному. Но молитва скорбящихъ и обремененныхъ Богомольцевъ и братіи, видно, была теплѣе и усерднѣе, чѣмъ въ

большихъ городахъ и богатыхъ обитателяхъ. Боже мой! я нигдѣ не испытывалъ такой радости въ день св. Пасхи, какъ тамъ среди сворбей и лишеній, гдѣ менѣе всего можно было надѣяться встрѣтить какую нибудь радость. Мнѣ было такъ хорошо среди бѣдныхъ и угнетенныхъ, какъ никогда не было среди роскоши. Да, я понимаю, что въ христіанствѣ и его Виновникѣ есть утѣшеніе и радость для тѣхъ, кто несетъ крестъ. И это пониманіе было не разсудочное—холодное, но душевное, всѣ силы духа обнимающее; подъ вліяніемъ этого настроенія я не чувствовалъ ни усталости, ни необходимости въ отдыхѣ. Послѣ заутрени я съ малыми послушниками пропѣлъ литургію въ храмѣ Преображенія. Затѣмъ самъ совершалъ литургію, принималъ братію, былъ въ трапезѣ; потомъ читалъ, писалъ безъ отдыха, служилъ вечерню и во все это время не чувствовалъ ни малѣйшей усталости.

На святой недѣли жители Луды, узнавши о томъ, что монастырь оказалъ пособіе красногорскимъ обывателямъ, явились съ своей стороны просить пособія, о чемъ они подали прошеніе на мое имя, со своею подписью и приложеніемъ церковной печати, удостовѣрившей въ томъ, что они дѣйствительно терпятъ бѣдствія отъ голода. Точно такое же прошеніе представили жители села Сузьмы.

Я помню одну изъ сценъ, бывшихъ при подобныхъ прошеніяхъ. Я стоялъ на монастырскомъ дворѣ; толпа голодающихъ обступила меня, прося отъ монастыря пособія. Я желалъ узнать сколько они дѣйствительно терпѣли нужды, столько и то—оказывается ли имъ пособіе отъ правительства и если оказывается, то въ какихъ размѣрахъ; затѣмъ я хотѣлъ имѣть понятіе о томъ хлѣбѣ, который составлялъ ихъ пищу въ то время.

Тяжело было видѣть толпу полуголодныхъ. Видъ ихъ производилъ въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе. Изможенные, съ потухшимъ взоромъ, таковы были они. Тупость и какое-то ожесточеніе проглядывали въ ихъ рѣчи. Да это и неудивительно; пищу ихъ составлялъ хлѣбъ изъ оленьяго мха и соломы, это лучшій, съ небольшою примѣсью ржаной муки. Я видѣлъ муку соломенную и мховую, видѣлъ хлѣбъ, испеченный изъ той и другой съ примѣсью ржаной, видѣлъ, но ни того, ни другаго хлѣба не пробовалъ. Что вредное дѣйствіе того и другаго хлѣба было

на организмъ, это несомнѣнно. Однажды мнѣ изъ посада Уны до Нижнеозерска пришлось ѣхать съ кучеромъ, который во время голода питался долго хлѣбомъ изъ мха. У него, бѣднаго, желудка страшно былъ разстроены, вонь отъ испарины его была невыносимая, онъ имѣлъ видъ вялый и болѣзненный. А такихъ былъ не одинъ десятокъ. И такими они сдѣлались вслѣдствіе долговременнаго употребленія пищи, не свойственной человѣческому организму.

Были и такіе случаи въ Пертоминской пустыни. Когда мы съ братіей положили кормить всѣхъ проходящихъ, не разъ случилось, что, поѣвши день, два, три, уходили отъ насъ больными тѣ, кто изнурены были голодомъ. Они страдали опухолью, неизбѣжною вслѣдствіе того, что желудокъ ихъ отвыкъ отъ сытной пищи. Набросившись на нее послѣ продолжительнаго голоданья, они уходили больные, и нѣкоторые, какъ слышно было, заплатились жизнью. Тогда мы сдѣлали распоряженіе не давать полной порціи хлѣба тѣмъ, кто приходилъ къ намъ за пропитаніемъ, а пріучать ихъ къ сытной пищѣ постепенно.

Таеъ - то толпы голодныхъ наполняли нашу Пертоминскую пустынь. Случалось съ ними вести рѣчь объ ихъ положеніи. При этомъ отерывалось: 1) безучастность мѣстной администраціи къ ихъ положенію. Если же и оказываемо было кое-какое пособіе, то оно, по неумѣнію распорядиться и по неумѣнію отличить дѣйствительно нуждающихся, не достигало цѣли, т. е. оно не облегчало участи настоящихъ бѣдняковъ. Насколько лица, управляшія въ Архангельской губерніи крестьянами, были безучастны къ ихъ положенію, столько же собственные ихъ братья—одни оставались безучастны и хладнокровны къ ихъ бѣдствію, другіе употребляли голодъ какъ средство къ своему обогащенію. Они продавали имѣющуюся у нихъ ржаную муку дорогою цѣною. При этой продажѣ они брали только деньги. На приносимыя въ завладѣ или въ обмѣнъ вещи такіе кулаки не обращали вниманія и людей, жаловавшихся на свое несчастное положеніе, отсылали съ пустыми руками. Не разъ съ болью сердца приходилось слышать о такомъ жестокосердіи крестьянъ къ своей же братіи.

Не разъ мнѣ было горько и тяжело выносить все то, что рассказы и видъ голодающихъ вызывалъ въ душѣ.

Подъ вліяніемъ горя, вызываемаго голодомъ, я писалъ, что

„смерть отъ голода будетъ не единственная, если не оказано будетъ пособія; голодные осыпаютъ насъ просьбами о помощи, писалъ я, а у обители средствъ нѣтъ. У насъ наличнаго капитала $\frac{1}{2}$ в. сер., запасы жизненные на исходѣ. А число голодныхъ не уменьшается, а увеличивается. Помогать этимъ несчастнымъ выпало на долю Пертоминской пустыни“. Я писалъ въ комиссію и газеты то, что видѣлъ; я писалъ потому, что пособие бѣдствующимъ было необходимо, и средствъ къ тому не было другихъ, кромѣ добровольныхъ жертвъ, а ихъ иначе нельзя было вызвать, какъ печатнымъ словомъ.

Но черезъ печатаніе правды и ожидали меня скорби. Въ чаяніи ихъ Господь подерѣпилъ меня слѣдующимъ видѣніемъ.

Одинъ разъ пономарь пришелъ за благословеніемъ къ началу литургіи. Давши ему благословеніе, я сѣлъ на диванъ совсѣмъ одѣтый съ тѣмъ, чтобы идти въ церковь. Сидя, я впалъ въ забытіе. Вижу такое видѣніе: я стою надъ ямою. Противъ меня стоитъ невѣдомый старецъ, видомъ похожій на св. Николая; я закинулъ уду въ яму, насъ раздѣлявшую, на нее попалась пара рыбе. Этою удою я вытащилъ ихъ не одну пару. На вопросъ мой, что это за рыбки, старецъ отвѣчалъ: это хорошая рыба. Тогда въ ямѣ, изъ которой я таскалъ рыбу, закипѣли змѣи; онѣ, шипя и клубясь, поползли прямо на меня, ползли по ногамъ моимъ, доползли до колѣнъ, но я страхнулъ ихъ опять въ яму и проснулся. Это былъ не сонъ, а видѣнье; во время его я не лежалъ, а сидѣлъ на диванѣ. Затѣмъ, оно было такъ мгновенно, что менѣе времени я былъ въ забытьи, чѣмъ только нужно, чтобы распознать это видѣнье.

Послѣ этого я пошелъ въ храмъ. Отъ литургіи пришли ко мнѣ о. Савватій и о. Иларіонъ. Я рассказалъ имъ это видѣнье и попросилъ ихъ молиться. Они очень были удивлены моимъ рассказомъ, но отнеслись къ нему, кажется, съ недовѣріемъ. Послѣдствія, какъ увидимъ, оправдали истину этого видѣнія.

Укрѣпленный такимъ образомъ, я безбоязненно принялся за дѣло. Прошенія жителей Луды и Сузьмы были посланы въ комиссію, статьи напечатаны въ газетахъ, оставалось ожидать результата отъ подобнаго образа дѣйствій.

III.

Наступилъ конецъ апрѣля 1868 г. Дороги обсохли; весна была ранняя, къ изумленію жителей; надобно было засѣвать поля, а сѣмянъ у жителей не было. Къ намъ были сѣмена привезены и мы раздавали ихъ жителямъ окрестныхъ сельъ. Наглость и безсовѣстность лицъ, отъ которыхъ зависѣла помощь бѣднымъ жителямъ, достойны вниманія.

Въ Архангельской губерніи, именно въ уѣздахъ сѣверныхъ, мнѣ извѣстныхъ, не засѣваютъ полей своими сѣменами, а для посѣва покупаютъ сѣмена, привозимыя изъ Вятской и Вологодской губерній. У насъ въ монастырѣ былъ запасъ сѣмянъ; ими мы надѣлили нуждающихся. Между тѣмъ мѣстное чиновничество, не озаботившееся заблаговременно о заготовленіи сѣмянъ, по бумагамъ вело дѣло такъ, что оно-то и облагодѣтельствовало жителей. Однимъ распоряженіемъ велѣно было старшинамъ донести—засѣяны ли поля тѣми сѣменами, которыя выданы отъ начальства? Другимъ распоряженіемъ, въ скоромъ времени за первымъ послѣдовавшимъ, вмѣнялось въ обязанность тѣмъ же старшинамъ уведомить попечительное, на бумагѣ, уѣздное начальство о томъ, каковы всходы сѣмянъ, отъ начальства (?!) розданныхъ. Старшины видѣли ложь, фальшь, обманъ, которыми ихъ хотѣли опутать, передавали о томъ своей же братіи и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлились бумагами со мною, сообщая мнѣ копіи таковыхъ распоряженій.

Въ то время, какъ мѣстное начальство заботилось о бѣдныхъ на бумагѣ, намъ приходилось заботиться о нихъ на самомъ дѣлѣ. А у насъ не доставало уже ни сѣмянъ для нихъ, ни муки ржаной для прокормленія нуждавшихся. Надобно было за тѣмъ и другимъ ѣхать въ Архангельскъ. Не зная самъ нивого въ этомъ городѣ, я рѣшился отправить туда о. казначея. Но съ чѣмъ отправить? На монастырѣ былъ долгъ до 700 р., цифра для такого бѣднаго монастыря, каковъ Пертоминскій, значительная. Можно ли было надѣяться получить сѣмена и хлѣбъ въ кредитъ? Предъ отъѣздомъ въ Архангельскъ о. Савватія собралась ко мнѣ братія на совѣтъ, на которомъ положили отправить его съ просьбою къ купцамъ—отпустить монастырю провизію въ кредитъ, а

долгъ потерпѣть. При разговорѣ о. Савватій сказалъ: „а что, если посадятъ въ тюрьму за долгъ?“ На что одинъ старецъ спокойно отвѣтилъ: „а если посадятъ, такъ и сиди. Четки не отнимутъ, псалтырь не отнимутъ, сиди и читай“. Хорошо приобрѣсти такое безстрашіе, такое спокойствіе духа, чтобы ничѣмъ не возмущаться, чтобы ни случилось! Но легко ли ихъ достигнуть? Отправляя о. Савватія въ Архангельскъ, я порѣшилъ проводить его до Ненокскаго посада, гдѣ былъ приѣмъ и выдача корреспонденціи.

Изъ монастыря выѣхали мы 1 мая. Погода была весенняя, не по сѣверному. Въ воздухѣ было тепло, солнце свѣтило ярво; запахъ сосноваго лѣса пріятно освѣжалъ атмосферу; все было такъ хорошо, что я почти забывалъ то, что я на сѣверѣ. По выѣздѣ изъ лѣса мнѣ представилась въ первый разъ безпредѣльная даль моря... До того времени я видѣлъ море, но не въ безграничномъ его пространствѣ. На водахъ морскихъ плавало безчисленное множество птицъ, по берегамъ расхаживали красивыя чайки или морскіе кулики; изрѣдка попадался акалефъ, выброшенный на берегъ; этихъ животно-растений, имѣющихъ видъ студени, внутри радужныхъ цвѣтовъ, поморяне называютъ морское масло; ихъ собираютъ и натираются ими отъ ревматизма; по временамъ бѣлуга показывала свою дугообразную спину. Къ этому постоянный плескъ волнъ морскихъ, то приходящихъ, то уходящихъ, все это освѣщено весеннимъ солнцемъ. Я забывалъ подъ вліаніемъ такой картины сѣверъ съ его всевозможными невзгодами. Моими впечатлѣніями я дѣлился съ моимъ спутникомъ, который настолько былъ развитъ, что понималъ меня вполнѣ.

Не менѣе хорошо было и среди лѣса. Сѣверная сосна своими густыми иглами дѣлала лѣсъ непроницаемымъ. Среди такого лѣса тихо журчала Сузьма, мѣстами съ шумомъ падавшая скалистыми водопадами. Сколько высокой поэзіи можно было отдаться на берегу моря и среди лѣса, столько же тяжелой тоски приходилось испытать на берегу морскомъ. Вѣтромъ наносимый песокъ образовалъ песчаные холмы; ряды ихъ стояли безмолвными стражами на берегу моря. Волны, не смотря на всю свою свирѣпость и высоту, отнюдь не достигаютъ ихъ. Сверхъ песчаныхъ холмовъ деревья, стоящія на берегу морскомъ, непріятное производятъ впечатлѣніе; ни одна вѣтвь на нихъ не

ростетъ на той сторонѣ, которая обращена къ сѣверу. Кустарники лозы и березокъ стоятъ отклонясь отъ сѣвера съ вер-хушками, какъ будто скошенными: сѣверные вѣтры такъ остри-гаютъ верхи ихъ. Такъ-то тяжело и неприглядно жить на сѣверѣ! Все уходитъ отъ него въ отрадному югу, оставляя сѣверу мерт-венность; но и въ ней есть своя поэзія...

Подъ вліяніемъ впечатлѣній то пріятныхъ, то грустныхъ при-были мы въ Ненокскій посадъ на станцію. Посадъ Ненокскій подобно другимъ посадамъ, былъ когда-то владѣніемъ новгород-скихъ посадниковъ. Въ память этого осталось за этими поселе-ніями названіе, заимствованное отъ имени новгородскихъ повели-телей. Ненокса, такъ ее называютъ мѣстные жители, состоитъ изъ домовъ, большею частью, двухъ-этажныхъ. Въ ней двѣ церкви старинной архитектуры и третья кладбищенская на горѣ, съ которой открывается видъ на отдаленную окрестность, не пред-ставляющуюся, впрочемъ, живописной по причинѣ низменности, покрытой малорослыми деревьями и кустарниками. Въ Неноксѣ два священника, изъ коихъ ни одинъ не имѣетъ обезпеченнаго состоянія. Положеніе ихъ хуже положенія крестьянъ, оттого они и бѣднѣ послѣднихъ. Морскими и рыболовными промыслами заниматься имъ нельзя; звѣриною ловлею также; участія въ соля-номъ промыслѣ они не имѣютъ; приходится жить жалованьемъ, слишкомъ ничтожнымъ, и доходами, слишкомъ скудными. И это нужно сказать не о ненокскихъ только іереяхъ. Въ Лудѣ поло-женіе священника еще хуже. Земли нѣтъ, сѣнокосовъ тоже; домъ стоитъ даже на такомъ сыромъ мѣстѣ, что до половины стѣны покрыты сыростью. Кромѣ іереевъ въ Неноксѣ живетъ соляной приставъ, выписывавшій даже журналъ. Посадъ управляется рату-шей, при которой есть секретарь, личность въ посадѣ весьма замѣчательная. вмѣстѣ съ священниками, приставомъ и стан-ціоннымъ смотрителемъ, они составляютъ аристократію посада. Были когда-то зажиточные купцы, но они свое состояніе про-жили и только дома, довольно большіе и еще не совсѣмъ упав-шіе, даже по наружному виду свидѣтельствуютъ о бывшемъ когда-то благосостояніи Неноксы. Въ одномъ изъ такихъ домовъ помѣщалась, во второмъ этажѣ, почтовая станція, съ начальникомъ ея, Арсеніемъ Васильевичемъ Карабановымъ. Въ залѣ, назначен-ной для проѣзжающихъ, по стѣнамъ висятъ не дурной литографіи

портреты государственныхъ людей временъ Екатерины Второй. Подъ каждымъ изъ нихъ французская подпись съ русскимъ переводомъ. Какъ они попали на сѣверъ, въ Неноксу, никто не могъ дать мнѣ о томъ свѣдѣнія: ни хозяинъ, онъ же и содержатель станціи, ни смотритель. По срединѣ залы висѣло что-то въ родѣ люстры, но до того испачканное мухами, что мнѣ всякій разъ, при взглядѣ на нее, становилось тошно. Не менѣе тошноты и нервного раздраженія производили часы, привѣшанные на стѣнѣ подлѣ печви. Гири ихъ были сдѣланы изъ желѣза, покрытаго ржавчиной; онѣ висѣли на толстыхъ веревкахъ. Стукъ маятника тяжело отзывался въ ушахъ и тяжелое чувство возбуждалъ въ душѣ. И часы будто хотѣли сказать: и намъ не легко на этомъ сѣверѣ. И ты, смотри, ни одну минуту не забывай о томъ, что ты живешь тамъ, гдѣ все близко къ замиранью, холодомъ наводимому.

На эту-то станцію прибыли мы съ о. Савватиемъ; смотритель встрѣтилъ насъ радушно. Послѣ чаю онъ отдалъ намъ корреспонденцію. При полученіи ея были мы очень обрадованы. На нашъ зовъ о помощи несчастнымъ добрые люди отозвались приношеніями. Кто жертвовалъ сотни, кто рубли и копѣйки. Я не могу выразить той благодарности Богу, какую я почувствовалъ въ душѣ моей. Это было въ среду 1-го мая; въ ожиданіи полученія почты, въ четвергъ, мы уснули спокойно.

Въ четвергъ, 2-го мая, получена была почта. Съ нею получено было нами еще довольно денегъ на вспоможеніе голодающимъ. Между другими жертвованіями, изъ редакціи газеты „Москва“, при письмѣ за подписью редактора И. С. Аксакова, получено было 500 р. Сколько пожертвованія, столько же и письмо И. С. Аксакова были честны, искренни. Сочувствіе русскаго общества, отозвавагоса пожертвованіями, повліяло отрадно на меня и на о. Савватія. Отдѣливъ ему денегъ на уплату долговъ въ Архангельскѣ и на покупку провизіи, я проводилъ его въ путь, а самъ возвратился въ монастырь. По приѣздѣ туда, въ трапезѣ мы отслужили благодарственный молебенъ Господу Богу за пособіе, оказанное намъ, бѣднымъ. Затѣмъ я велѣлъ раздавать пособіе всѣмъ нуждающимся.

Не могу при этомъ не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ тѣхъ добрыхъ свойствъ жителей сѣвернаго поморья, которыя мнѣ

пришлось видѣть во время голода. Обыкновенно говорятъ, что нужда вызываетъ всѣ дурныя инстинкты народа. Если это такъ, то голодъ въ Архангельской губерніи вызвалъ дурныя инстинкты прежде всего въ мѣстномъ чиновничествѣ.

Чуждая во всему остальному сѣверному населенію, считающая себя правоправящею краемъ, эта масса мелкаго чиновничества, полу-образованная, я говорю объ Архангельской губерніи, какъ вороны трупъ, она терзала все населеніе. Не сдѣлавъ въ свое время всего, что нужно для отвращенія такого бича, каковъ голодъ, эта масса увѣряла высшую петербургскую власть, что голода нѣтъ, что все молъ обстоитъ благополучно. Затѣмъ, чтобы поддержать себя, должна была, какъ увидимъ, всѣ мѣры употреблять, чтобы заглушить голосъ тѣхъ, кто осмѣлился, вопреки ей, утверждать о существованіи голода. Безсердечіе, безжалостность, при видѣ жертвъ голода, безсовѣстность въ бумагахъ, сокрытіе отъ высшей власти истиннаго положенія дѣла,—таковы черты архангельскаго чиновничества того времени, которыя вызваны были голодомъ населенія.

Затѣмъ безсердечіе и желаніе поживиться на счетъ голодавшихъ,—таковы инстинкты, вызванные голодомъ въ зажиточномъ населеніи. Я уже упомянулъ объ этихъ свойствахъ русскихъ кулаковъ.

За то добрыя свойства русскаго населенія рѣдко когда, кажется, могли обнаружиться съ такою силою и достоинствомъ, какъ въ это время. Прежде всего, немного было такихъ, которые просили пособія, какъ милостыни. Большею частью приносили что-нибудь продать. Мы покупали сѣно, котораго накупили столько, что на другую зиму оставалось; также чугуны или мѣдныя горшки, старое ржавое желѣзо, поломанные серпы, косы и пр., все покупалось лишь бы не отпустить жителей безъ пособія, а безъ обмѣна вещей на муку они не хотѣли получать пособія. Между множествомъ такихъ случаевъ стоитъ упомянуть хотя о двухъ. Одинъ разъ женщина принесла продавать коровье масло; за него она просила дать ей хлѣба. Когда мы хотѣли дать ей даромъ, а масло возратить, она на то не согласилась, говоря, что дѣтямъ нельзя ѣсть масло безъ хлѣба. Другой разъ женщина принесла продавать тулупъ. Это было въ холодный осенній день. Не согласившись взять у нея тулупа, я далъ ей не-

много денегъ и приказалъ отпустить ей хлѣба; то и другое она взяла неохотно. Нѣсколько дней спустя, я узналъ отъ казначея, что она принесла къ нему тотъ же самый тулупъ и до тѣхъ поръ не согласилась взять пособія хлѣбомъ, пока онъ не взялъ у нея тулупа. Такова была честность русскихъ людей.

Голодъ вынуждаетъ на воровство, между тѣмъ о немъ не было и слуха. Не только въ самомъ монастырѣ не было кражи, хотя топоры и прочія хозяйственныя принадлежности лежали открыто, но не было покражи нигдѣ. Въ монастырскихъ и крестьянскихъ амбарахъ и избахъ, выстроенныхъ на берегу моря, вдали отъ монастыря, все было въ сохранности.

Не менѣе честности удивительна терпѣливость населенія. Ъсть хлѣбъ изъ мха, переѣсть солому изъ гуменъ, съ крышъ, молоть или толочь гниль изъ сосновыхъ бревенъ, все это терпѣливо сносить,—черта удивительная русскаго крестьянина! Даже когда случалось прѣзжать съ пособіемъ, уже готовымъ, я не видѣлъ наглости и назойливости въ выпрашиваніи пособія. До чего доходила неохота и стыдливость въ просьбѣ пособій, свидѣтельствуется слѣдующій характеристическій случай. Въ одной деревнѣ жило семейство, терпѣвшее всѣ крайности голода. Оно состояло изъ старика-крестьянина, жены его, старухи брюзгливой, настойчивой. Она, съ бранью, не разъ заставляла своего мужа ходить просить милостыню. Тотъ шелъ неохотно. По возвращеніи домой его ожидала брань жены за то, что онъ приносилъ мало кусковъ хлѣба. Нѣсколько разъ подвергшись брани, старикъ ушелъ и болѣе не возвращался. Онъ бросился въ прорубь и утонулъ. Мученическою смертью въ холодной водѣ онъ искупилъ свою нетерпѣливость. Такихъ и многихъ другихъ подобныхъ случаевъ не хотѣли знать тѣ изъ мѣстной власти, отъ кого зависѣло облегчить участь несчастнаго страдальческаго населенія.

Въ такихъ свойствахъ населенія мнѣ пришлось убѣдиться при обзорѣнн селеній, страдавшихъ отъ голода.

Мая 9, въ день Вознесенія, я рѣшилъ съѣздить въ посадъ Луду, отстоящій отъ Пертоминской пустыни верстъ на 25, расположенный при концѣ Унской губы, при началѣ которой стоитъ монастырь. Послѣ обѣда, сопровождаемый нѣкоторыми изъ братіи, встрѣченный на пристани оленями и ими съ братією провожаемый, я сѣлъ на

корабль. Вѣтеръ былъ попутный. Отчаливъ отъ пристани, мы поставили паруса и помчались по водѣ. Я въ первый разъ испытывалъ удовольствіе ѣхать по морю подъ парусами. Легкій плескъ волнъ, дѣйствіе парусовъ, быстро мчавшееся судно, все пріятно занимало меня. Унская губа не велика. Ширина ея въ самомъ широкое мѣстѣ не болѣе $3\frac{1}{2}$ верстъ и длиною около 30 верстъ; на всемъ протяженіи ея берега покрыты лѣсомъ и при подѣздѣ къ Лудѣ на лѣвомъ берегу виднѣются лудскія поля. Берега низменны и на всемъ протяженіи оба видны. Посадъ Луды не представляетъ ничего живописнаго. Какъ большая часть поморскихъ поселеній, онъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ небольшой рѣчки, впадающей въ море. Рѣчки эти во время отлива такъ мелки, что дно видно, и нельзя ѣхать по нимъ, даже въ маленькомъ суднѣ, а во время прилива можно ѣздить по нимъ на довольно большихъ судахъ. Такова же и рѣчка Луда. По обѣимъ сторонамъ ея расположены дома большею частью двухъ-этажные. Но всѣ они стоятъ на грязномъ мѣстѣ, такъ что изъ дома въ домъ переходятъ по дощечкамъ.

По пріѣздѣ я былъ въ церкви; она недавно выстроена. Но внутри бѣдна утварью и книгами. Другая церковь старая, полуразвалившаяся. Изъ церкви я отправился въ домъ къ священнику. Онъ и жена его очень молодые и симпатичные люди. Но положеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ самое жалкое. Отъ священника я отправился по домамъ мѣщанъ по ихъ приглашенію. Въ каждомъ почти домѣ меня старались чѣмъ нибудь угостить: то ухой, то селедками, то чаемъ. Изъ рассказовъ лудскихъ мѣщанъ я узналъ, что главный промыселъ ихъ составляетъ: выварка соли, ловля рыбы, преимущественно сельдей, которыхъ они хорошо коптятъ. Я видѣлъ устройство коптиленъ, очень простое.

При разговорахъ съ жителями Луды я узналъ, что между ними доселѣ живо преданіе о томъ, что предки ихъ хотѣли когда-то изъ Пертоминскаго монастыря перевезти мощи Васіана и Іоны, но это не удалось имъ. Во время перевозки мощей сдѣлался туманъ, продолжавшійся цѣлую ночь. А во время сна угодники Божьи явились тѣмъ, кто хотѣлъ ихъ перевезти, и повелѣлъ ихъ отвезти на то мѣсто, съ котораго взяты были ихъ тѣла. Преданіе объ этомъ живо между жителями Луды.

Изъ Луды я отправился вечеромъ. Ночь была туманная и довольно холодная; для меня непріятенъ былъ переѣздъ по губѣ. Я возвратился сильно усталый и отъ впечатлѣній деревенскихъ, и отъ ѣзды. Одно осталось отрадное воспоминаніе о радушіи, съ какимъ меня принимали въ каждомъ мѣщанскомъ домѣ. Открытый видъ жителей, чуждыхъ угодничества и раболѣпства, прямота въ приемѣ, честность во взглядѣ и русское ты, чуждое фамиліарности, а тѣмъ болѣе нахальства, таковы черты населенія на сѣверѣ. Такія черты населенія, невольно располагавшія въ пользу его, дѣлали и самое пособіе ему очень желательнымъ и пріятнымъ.

Въ Лудѣ отъ одного мѣщанина, возвращавшагося изъ Архангельска съ хлѣбомъ и сѣменами, я узналъ, что и монастырскія ладьи съ жизненными припасами на возвратномъ пути изъ города. И въ самомъ дѣлѣ, онѣ прибыли изъ Архангельска въ тотъ же день, т. е. 10-го мая. Прибытіе ихъ обрадовало не одного меня. Между тѣмъ какъ я въ монастырѣ занимался обдумываніемъ средствъ помочь населенію, между тѣмъ какъ меня занимала мысль объ устройствѣ храма въ честь Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи, противъ меня собиралась цѣлая буря, которой я ни мало не чаялъ. Когда дѣлалось мнѣ тяжело, я уходилъ вдаль отъ монастыря на берегъ моря. Послѣ уединенія въ продолженіе четырехъ, пяти часовъ я возвращался подерѣвленный физически и нравственно. Живя въ пустынѣ, вдали отъ житейскихъ тревоженій, чуждый имъ, я не думалъ, что вызову на поверхность страсти людскія.

IV.

По прибытіи въ Архангельскъ, о. Савватій узналъ, что въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатана статья, въ которой писалось, что голода въ Архангельской губерніи, о которомъ-де заявилъ игумень (sic!!) Пертоминскаго монастыря, нѣтъ, что Желѣзниковъ умеръ также не отъ голода, а это извѣстно - де изъ вторичнаго дополнительнаго дознанія. Значить и факты голода и фактъ голодной смерти Желѣзникова — не правда. Голодъ существуетъ въ фантазіи Пертоминскаго настоятеля и англійскаго консула г. Рене. Оба эти лица, какъ фантазеры, создали себѣ мечту о голодѣ и голодной смерти въ Архангельской губерніи и хотятъ въ этомъ увѣрить все русское общество.

Таковъ былъ смыслъ статьи органа губернскаго чиновничества. О. Савватій, получивши эту статью, съ нарочнымъ препроводилъ ее ко мнѣ при письмѣ, которое начиналось такъ: „Батюшка, гады поползли!“... Прочитавъ статью, онъ вспомнилъ о бывшемъ мнѣ видѣніи и, убѣдившись въ его истинѣ, онъ и самое письмо началъ упоминаніемъ объ этомъ чудномъ проявленіи Божьяго всемогущества.

Получивъ письмо, я нимало не испугался такой тактики губернскихъ властей. Кого кромѣ петербургской власти хотѣла этимъ обмануть губернская администрація! Архангельскъ и губернія, органомъ которой служили Вѣдомости, знали о голодѣ; не безызвѣстны были и самыя явленія его. Значить, въ несуществованіи голода увѣрить нельзя было. А увѣреніемъ этимъ власть ставила себя предъ тѣми, надъ кѣмъ господствовала, въ положеніе фальшивое и унижительное для своего достоинства. Въ Петербургѣ такому заявленію, безъ сомнѣнія, не вѣрили. Меня же возмущала наглость заявленія мелкихъ провинціальныхъ властей. Я думалъ, что они чрезъ то усилятъ свою дѣятельность и намъ помогутъ въ борьбѣ съ голодомъ; оказалось, что они становятся нашими врагами.

Заявивъ печатно объ отрицаніи голода и голодной смерти, губернская власть на этомъ не остановилась. Она знала, что путемъ гласности не много возьметъ. А потому, вооружась бюрократическими приѣмами, она этимъ путемъ хотѣла заставить меня молчать.

Все, что можно было поднять на ноги, администрація под-

няла. Черезъ своихъ агентовъ она повліяла въ Петербургѣ. Тамъ въ (бывшемъ) главномъ управленіи по дѣламъ печати разсматривалась статья моя. Въ указаніи на тотъ историческій фактъ, что Петръ I отобралъ кирпичъ и камень у бѣдной Пертоминской обители и построилъ изъ онаго Новодвинскую крѣпость, управление по дѣламъ печати (1868 г.) увидѣло политическую рекламу, чуть не государственное преступленіе. Страннѣе такого отзыва трудно что нибудь придумать. Если указаніе на простой фактъ есть политическая реклама, такъ что же послѣ того вся исторія Россіи? Разумѣется, тѣ, кто находилъ въ этомъ указаніи на фактъ преступленіе, и сами сознавали лживость своей мысли о рекламѣ. Но надо же было найти къ чему придраться, и вотъ отыскивали рекламу тамъ, гдѣ ни одинъ свѣтлый умъ не могъ бы отыскать ее. По отысканіи рекламы сдѣлали сношеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, и положили подвергнуть настоятеля Пертоминскаго монастыря взысканію. Какому? объ этомъ не сказано. Неизвѣстно, что руководило при составленіи такого рѣшенія. Денежному взысканію меня, какъ настоятеля общежитія, гдѣ ни у кого нѣтъ имущества, подвергнуть было невозможно, да и о такомъ взысканіи не было упомянуто. Какому же взысканію подвергнуть? Другой архіерей, а не Наанаиль, спросилъ бы разъясненія, а Наанаиль, получивъ распоряженіе, прочиталъ оное мнѣ, и надписавъ: взысканіе сдѣлано, сдалъ въ консисторію. Этимъ и кончились всѣ происки губернской власти, желавшей, вѣроятно, добиться не такого результата, а болѣе важныхъ послѣдствій для меня.

Чиновникамъ губернскимъ досадно было, какъ я узналъ, что какъ смѣетъ какой-то монахъ, ничтожество, идти противъ мѣстной власти! Какъ онъ осмѣлился заявлять не то, что угодно архангельскому губернатору (нынѣ покойному)¹⁾. Какъ смѣетъ онъ стоять на сторонѣ народа и дѣйствовать въ видахъ его пользы? Здѣсь уже дѣло шло о нарушеніи принципа, а такого нарушенія не

¹⁾ То былъ князь Гагаринъ, унесшій съ собою въ могилу отвѣтъ за то небрежное отношеніе, какое онъ проявилъ къ своимъ обязанностямъ начальника губерніи, да и не одной, а послѣдовательно двухъ или трехъ. Это былъ сынъ знаменитаго гос. дѣятеля князя Павла Павловича Гагарина († 1872 г.), испутившаго многое въ своей жизни горячую преданность судебной реформѣ, которую онъ вынесъ на своихъ плечахъ. чѣмъ въ послѣдніе годы жизни своей справедливо весьма гордился.

прощаютъ. Дивно то, какъ послѣ такихъ толковъ не выставили меня демократомъ и во имя такого начала не потребовали надо мною не суда (духовныя лица не подсудны, т. е. безгласно осуждаются какъ жертвы), а заключенія куда либо. Одинъ Богъ, знавшій то, что я дѣйствую въ видахъ немедленной помощи бѣднымъ, а не по принципамъ, избавилъ меня отъ преслѣдованія, во имя принциповъ предпринимаемаго противъ тѣхъ, кто печется о пользѣ его народа.

Въ то время, какъ свѣтскія высокопоставленныя лица толковали мою дѣятельность во время голода, подводя ее подъ принципъ, нѣкоторыя духовныя провидѣли въ этой дѣятельности желаніе выдвинуться изъ ряда простыхъ смертныхъ, желаніе сдѣлаться извѣстнымъ! Да, легко было такъ рассуждать при свѣтлой, покойной, блестящей обстановкѣ. А каково было видѣть голодъ въ его тяжелыхъ проявленіяхъ! Каково было видѣть семидесяти и восьмидесяти-лѣтнихъ стариковъ и старухъ съ впалыми глазами и выдающимися скулами! Кости ихъ, обтянутыя кожей, торчали наружу; каково было положеніе, когда эти скелеты среди улицы селенія бросались на шею со слезами на глазахъ и со словами:

— Спаси отъ голодной смерти!

Каково было состояніе духа, когда подобный скелеть, въ морозный весенній день, по водѣ притащится верстъ двадцать съ тѣмъ, чтобы выпросить кусокъ хлѣба для утоленія голода? Кто испыталъ бы, какъ мнѣ приходилось, всѣ муки нравственныя при видѣ такихъ несчастныхъ, тотъ не счелъ бы моихъ заявленій о голодѣ за желаніе выдвинуться на видъ начальству. А нѣкоторые, трагую такъ мою дѣятельность, отнесли къ положенію голодающихъ съ убійственнымъ безучастіемъ. Викарій харьковскій ¹⁾ прислалъ, однако, 3 руб. Прочіе архіереи ни одной полшки не удѣлили голодающимъ; видимо, они были успокоены заявленіемъ архангельскихъ властей, что голодъ въ Архангельской губерніи есть изобрѣтеніе фантазіи. Я обращался и къ богатымъ монастырямъ съ просьбою о помощи между ними, просилъ пособія и у обитателей пустыни. Но настоятели ихъ, тратившіе десятки тысячъ нерѣдко на пенузныя ни Богу ни людямъ

¹⁾ Гурій, впоследствии епископъ кавказскій. Я послалъ ему образъ съ письмомъ, говоря, что только онъ одинъ изъ всѣхъ архіереевъ отозвался, тогда какъ другіе не прислали ни копѣйки.

украшенія святыхъ и священныхъ жилищъ иночествующихъ, не отдѣлили лепты отъ избытковъ своихъ для братіи о Христѣ. Добродѣтель помочь бѣднымъ, голоднымъ не нужна для нестяжательныхъ лицъ, коимъ за ихъ нестяжаніе прилагаются въ избыткѣ суммы не малыя. Послать отъ избытка ихъ бѣднымъ, значило бы показать себя стяжательными. Только одинъ московскій архимандритъ Іаковъ прислалъ 100 р., остальные остались безчувственны къ нуждамъ. Іеромонахи, іереи и даже вдовы, питающаеся подаваніемъ, всѣ сочувственно отозвались на зовъ о помощи; одни водители стада Христова, не повѣривъ существованію голода, остались глухи къ воплю бѣдныхъ и даже осудили тѣхъ, кто заявлялъ объ ихъ положеніи; этого мало, самое заявленіе они объяснили нечистымъ побужденіемъ. Фактъ знаменательный!

Губернская администрація, возбудивъ преслѣдованіе противъ меня въ Петербургѣ, въ то-же время хотѣла подавить зло на мѣстѣ. Для этого начались дѣятельныя сношенія съ епархіальною властью; къ счастью для меня и для дѣла, отношенія между губернаторомъ кн. Гагаринымъ и епископомъ Наонаиломъ были натянуты. Будь они дружны между собою, тогда бы я погибъ; но Наонаиль, видѣвшій не разъ, какъ онъ самъ рассказывалъ, невѣжество и грубость къ своей особѣ со стороны кн. Гагарина, не хотѣлъ ничего дѣлать по его желанію. А потому, когда кн. Гагаринъ чрезъ посредство ректора духовной семинаріи архимандрита Доната ходатайствовалъ о запрещеніи мнѣ печатать статьи, противныя видамъ мѣстной администраціи, то архіерей отвѣтилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ безъ формальнаго слѣдствія. А слѣдствія не желалъ губернаторъ, и архіерей, по нелюбви къ нему, не желалъ сдѣлать ему угоднаго¹⁾.

Архимандритъ Донатъ, принявшій на себя хлопоты о запрещеніи дѣйствовать въ пользу голодавшихъ, былъ такъ двуличенъ, что въ то-же время увѣдомилъ меня письмомъ о ходатайствѣ князя Гагарина предъ архіереемъ относительно запрещенія помогать голоднымъ. На это письмо, приложенное къ дѣлу о пособіи голодавшимъ, я отвѣтилъ, что нужда и голодъ несчастныхъ въ своихъ жертвахъ страшнѣе всѣхъ сіятельныхъ выговоровъ, о чемъ хлопоталъ князь, по словамъ о. Доната, а я оныхъ выговоровъ, а равно и слѣдствія не боюсь, потому что у нихъ самихъ на лицо

¹⁾ Переписка между архіереемъ и губернаторомъ по этому дѣлу въ копіи есть при дѣлѣ о голодныхъ въ Пертоминской пустынѣ.

всевозможные роды доказательствъ дѣйствительности голода. Къ этому я присовокупилъ, что о ходатайствѣ князя относительно выговора мнѣ, объ отказѣ добрѣйшаго архипастыря сдѣлать мнѣ выговоръ безъ формальнаго слѣдствія, о посредничествѣ, принятомъ на себя въ этомъ дѣлѣ его высокопреподобіемъ я сообщалъ въ Петербургъ въ такія сферы и такимъ лицамъ, вліяніе и званіе которыхъ сіятельному князю, какъ природному жителю Петербурга, не безызвѣстно. Въ сумму придирокъ и препирательствъ архангельская консисторія не преминула вложить свою долю. По инициативѣ Доната, въ ней господствовавшаго неограниченно, она хотѣла запутать меня въ этомъ дѣлѣ. Съ этою цѣлью она составила указъ, которымъ предписывала мнѣ представить объясненія противорѣчій между статьей моей и Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Въ этомъ указѣ консисторія ссылалась на сношенія губернатора съ архіереемъ, мнѣ неизвѣстныя. Отъ такой ссылки указъ вышелъ совершенно темный, а потому я просилъ консисторію или выслать мнѣ документы, на которые она ссылается, или же пояснить мнѣ свой указъ, для меня непонятный. Вслѣдствіе такого заявленія консисторія выслала мнѣ всѣ отношенія губернатора къ архіерею, не сообщивъ отношеній архіерейскихъ губернатору. Получивъ изъ консисторіи необходимыя мнѣ для дѣла бумаги, я отвѣчалъ ей, что разногласія статьи моей съ заявленіями губернской администраціи объяснены въ газетахъ съ достаточною для всякаго здравомыслящаго ясностью. Этимъ и кончились придирки консисторіи, которая, не желая попасть въ число нездравомыслящихъ, не продолжала по этому дѣлу переписки.

Такъ со всѣхъ сторонъ старались либо помѣшать дѣлу пособія несчастнымъ, либо остановить его, либо заподозрить въ нечистыхъ побужденіяхъ лицъ, занимавшихся кормленіемъ голодныхъ, потому что эти люди были близки къ обители. Мы бы и не знали объ этихъ интригахъ, если бы о нихъ не сообщали тѣ, кто намъ сочувствовалъ.

Отдаленные и отдѣленные пустынею отъ шума мірскаго, мы имѣли и свое горе пустынное, и свои радости пустынные.

1871 г.

Е. Л. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ,

† 18-го февраля 1877 г.

ГЛАВА XXII ¹⁾).

Замѣчанія о финансовыхъ способностяхъ насимовскаго училищнаго начальства и о хозяйственныхъ распоряженіяхъ его.

Почтеннаго нашего отца смотрителя и протоіерея Поликарпа Поликарповича я описывалъ только почти со стороны его ученой и дисциплинарной, отчасти и нравственной дѣятельности по училищу, но не касался еще его житейскихъ отношеній, финансовыхъ способностей и хозяйственной распорядительности; между тѣмъ въ этихъ предметахъ его высокочлагодословеніе выдвигается едва ли еще не величественнѣе.

Любилъ онъ пожить весело, слишкомъ рѣдкій день и вечеръ проходилъ безъ того, чтобы онъ или самъ не былъ гдѣ-нибудь гостемъ, или не принималъ у себя гостей. Едва ли четвертую часть вечеровъ онъ проводилъ у себя въ домѣ; любимымъ мѣстомъ, гдѣ онъ съ 5—6 часовъ просиживалъ до полуночи, былъ домъ богатаго купца Ивана Осиповича Алянчикова; затѣмъ отецъ протоіерей не отказывался ни отъ какихъ семейныхъ праздниковъ, происходили ли они у священника, дьякона, чиновника, барина, купца, мѣщанина, даже татарина, если только

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XVII и XVIII; изд. 1882 г., т. XXXIII и XXXIV; изд. 1884 г., т. XLII и XLIII; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 445—470.

тамъ было съ кѣмъ побесѣдовать и быть навеселѣ, но напиваться, какъ говаривали, въ корень или до положенія честныхъ ризъ онъ не любилъ. У себя не отказывался угощать и вечерами, но съ большимъ удовольствіемъ готовъ былъ принимать утромъ часу до втораго, и дѣйствительно умѣлъ угостить всякаго; даже дьячокъ почетный и богатый при разставаньи имѣлъ поводы благодарить его за угощеніе. Одѣвался онъ великолѣпно. Въ то время лисья теплая, холодная шелковая и бархатная ряса, пышные подрясники были рѣдкостью, но отецъ протоіерей все это имѣлъ. Была также у него громадная богатая муфта изъ дорогаго мѣха, достававшая отъ пояса почти до земли; голова зимою прикрывалась бобровою шапкою. Наконецъ, онъ воспиталъ и выростилъ сына и четырехъ дочерей, пристроилъ послѣднихъ замулъ. Конечно, приданными онъ едва-ли не всѣхъ зятьевъ обманулъ, но все-таки пятеро дѣтей стоили ему большихъ расходовъ. Откуда же онъ бралъ деньги на всѣ перечисленные мною предметы?

Доходы отъ собора, гдѣ онъ настоятельствовалъ, были очень незначительны, даже бѣдны; одинъ изъ соборныхъ священниковъ, отецъ Николай, человѣкъ степенный и не многосемейный, могъ поддерживать себя, занимаясь переплетнымъ мастерствомъ. Но смотритель имѣлъ много экстренныхъ по званію протоіерея доходовъ и умѣлъ даже изобрѣтать ихъ. Я уже говорилъ, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ городѣ. Поэтому нѣкоторые купцы дѣлали ему праздничные и именинные подарки. У другихъ онъ забиралъ разные запасы въ долгъ и когда кредиторъ съ достодолжнымъ уваженіемъ являлся къ нему съ просьбою о расплатѣ, то онъ, покачивая своею сѣдою головою, повертывая въ лѣвой рукѣ серебряную табакерку и уставляя одинъ изъ своихъ разкосыхъ глазъ на просителя, говаривалъ: „ишь ты, матушка моя! долженъ тебѣ заплатить. Да у меня денегъ нѣтъ. Гдѣ мнѣ ихъ взять? Но я вѣдь одинъ у васъ протопопъ въ городѣ, а ты со своимъ долгишкомъ пристаешь къ горлу, какъ будто ты съ голоду умираешь: вѣдь, слава Богу, ты состоятельный человѣкъ, не раззорись отъ меня; ступай съ Богомъ, вотъ тебѣ мое благословеніе“. Въ Касимовѣ было нѣсколько купцовъ, которые привозили съ нижегородской ярмарки свои товары. Отецъ протоіерей, пропустивши дня два, три, отправлялся со своимъ причетникомъ на барку. „Здравствуй“, N. N., говаривалъ онъ

хлопочущему хозяину. „Здравствуйте, о. протоіерей, благословите меня“. — „Да будетъ благословеніе Господне на тебѣ. Ну что, барочку пригналъ?“ — „Да, отецъ протоіерей, какъ видите“. — „Благополучно?“ — „Слава Богу.“ — „Вотъ то-то, слава Богу, а отслужилъ ли благодарственный молебенъ?“ — „Виновать, о. протоіерей, за хлопотами не успѣлъ.“ — „Видишь вы какіе, Богъ васъ бережетъ, а вы его и не благодарите. Ну, да я тебя отъ хлопотъ избавлю посылать за священникомъ. Эй, давай-ка эпитрахиль“, говорилъ онъ дьячку и, надѣвши ее, произносилъ: благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и пр., и начинался молебенъ. Если же купецъ отвѣчалъ, что ему отслужилъ уже молебенъ такой-то священникъ, то отецъ протоіерей говорилъ: „вѣдь это былъ молебенъ поповскій, а я тебѣ отслужу протопопскій“; дьячокъ подаетъ эпитрахиль, отецъ протоіерей торжественно провозглашаетъ: благословенъ Богъ и пр. Разумѣется, купцу нельзя было не поблагодарить отца протоіерея деньгами или вещами за его религіозныя назиданія; кто подогладивѣ, тотъ даже и безъ молебна посылалъ кулечекъ съ чѣмъ-нибудь. Сидѣлецъ, принеши его, говаривалъ: „N. N. вамъ свидѣтельствуется почтеніе и посылаетъ гостинчикъ, который онъ привезъ для васъ изъ Нижняго“. Благодарилъ его, отвѣчалъ отецъ протоіерей, и уже не находилъ нужнымъ служить молебенъ, вѣроятно поминая благотворителя въ своихъ святыхъ молитвахъ и на проскомидіи.

Между духовными лицами касимовскаго уѣзда было гораздо болѣе, нежели между мірянами, вольныхъ и невольныхъ охотниковъ выражать свою преданность и благодарность отцу протоіерею вещественными приношеніями. Да и какъ не выражать? Отецъ протоіерей былъ первымъ членомъ касимовскаго духовнаго правленія. Конечно, окончательное рѣшеніе всѣхъ почти дѣлъ, касающихся духовенства, принадлежало консисторіи; духовныя же правленія служили чѣмъ-то въ родѣ этапнаго мѣста для нихъ; впрочемъ, вѣдъ начальникъ этапа, продержавъ у себя арестанта недѣли и мѣсяцы, можетъ надѣлать ему много добраго, а еще болѣе недобраго. Далѣе отецъ протоіерей былъ цензоръ проповѣдей, которыя ученое духовенство уѣзда должно было говорить въ соборѣ, но не говорило; ему же предоставлено доносить епархіальному начальству о неисправныхъ въ этомъ отношеніи. Наконецъ, какъ смотритель училища, отецъ протоіерей распро-

странялъ свое вліяніе и на родителей, и на дѣтей ихъ. Какъ же теперь уѣздному духовенству отказывать въ приношеніяхъ той особѣ, которая съ одной стороны могла ихъ оправдывать въ дѣлахъ, поступившихъ на разсмотрѣніе правленія, не доносить о неисправностяхъ по проповѣдыванію слова Божія, перевести сына въ другой классъ, а съ другой стороны избрѣсти тысячи крючковъ, которыми и невиннаго можно обвинить за самое святое дѣло и лучшаго священника выставить предъ архіереемъ какъ нерадиваго проповѣдника, и оставить сына въ томъ же классѣ еще на два года, исключить изъ училища или самому пороть его или поручать это Михаилу Яковлевичу чуть не каждый день? Какъ угодно, а при этихъ условіяхъ самый скупой и бѣдный священникъ, дьяконъ и причетникъ ни въ чемъ не откажетъ отцу протоіерею, даже сами принесутъ все, чего онъ ни потребуеть. И отецъ протоіерей всѣмъ этимъ пользовался отлично.

Не проходило ни одного года, чтобы отецъ протоіерей не ѣздилъ самъ лично одинъ или со своимъ зятемъ Красновымъ или не посылалъ кого-либо съ окружнымъ посланіемъ отъ себя по всѣмъ селамъ уѣзда. Въ первомъ случаѣ онъ, пріѣхавши въ какое-либо село, лично излагалъ свои нужды или свои права и получалъ отъ причта въ собственныя руки благодарность за визитъ, самъ благодарилъ, если она была полновѣсна; въ противномъ случаѣ припрашивалъ. Окружное посланіе начиналось словами: „возлюбленная о Христѣ братія“, потомъ убѣдительнымъ языкомъ излагались тѣсныя обстоятельства отца начальника и, наконецъ, заключалось все предложеніемъ возлюбленной братіи развязать свой кошелекъ, вручить благую часть посланнику, записать, впрочемъ, свое приношеніе въ особую тетрадь, прошнурованную, скрѣпленную и печатью утвержденную; дѣло велось оффиціальнымъ почти образомъ. Подобные визиты или посланія непременно происходили каждый годъ; но если бы въ семействѣ отца протоіерея случилось какое-либо экстренное событіе, напр., выдача дочери въ замужество, то возлюбленная о Христѣ братія не въ зачотъ должна была принять участіе своимъ карманомъ въ этой семейной радости отца протоіерея.

Любилъ также почтенный Поликарпъ Поликарповичъ, чтобы пріѣзжавшія въ городъ духовныя лица отплачивали ему визиты. Въ этомъ случаѣ онъ почти что всякаго, смотря по рангу и

званію, угостить кого ласковымъ словцомъ, кого рюмкою водки, кого чаемъ, пуншемъ, даже закускою, но въ убыткѣ не бывалъ отъ такого гостепріимства. Всякій зналъ, что съ пустыми руками къ нему являться не слѣдовало; поль-штофы и штофы визлярской водки, бутылки рому, рижскаго бальзама и другихъ винъ, фунты и полуфунты чаю, фунты и головы сахару и пр., все приносилось и принималось и получало соотвѣтственное назначеніе безъ убытка хозяину. Стучалось и очень часто, что иное духовное лицо, пріѣхавъ для покупки чего-нибудь на базаръ, не хотѣло или не имѣло времени сдѣлать визитъ отцу протоіерею. Конечно, за всѣми усмотрѣть нельзя, но отецъ протоіерей любилъ проходить по базару и лавкамъ какъ бы мимоходомъ, и замѣтивъ священника и даже дьякона, а иногда и причетника, разумѣется такихъ, у которыхъ предполагались кошельки съ деньгами, непременно останавливался, здоровался и говорилъ: „ты здѣсь, а у меня не былъ; въ Римѣ, а папу не хочешь видѣть; пойдешь-ка, пойдешь ко мнѣ, да встати и о твоёмъ мальчуганѣ надобно поговорить; вѣдь ты и о немъ забылъ спросить, то-то вы, отцы, какъ заботитесь о дѣтяхъ“. Разумѣется, шли въ квартиру отца протоіерея, который угощалъ лично гостя чаемъ, бѣлымъ виномъ, пуншемъ и пр., только оказывалось, что тѣхъ или другихъ запасовъ едва, едва доставало на данный случай. „Эка, чай-то весь вышелъ“, или: „водочки-то только, но авось тебѣ достанетъ“, говаривалъ отецъ протоіерей. Но не задерживая долго, просилъ онъ гостя по исполненіи закупокъ придти опять къ нему и уже хорошенько посидѣть, поговорить и пр., „а чайку-то или водочки какъ-нибудь добуду“. Но гость былъ догадливъ, онъ или самъ приносилъ посильное приношеніе, или отъ недосуга посылалъ своего сынишку съ гостинцемъ къ отцу протоіерею, который въ такомъ случаѣ не изъявлялъ претензіи на то, что самъ отецъ не пришелъ. И это совершалось, какъ говорится, зазнамо всѣмъ. Поэтому небогатые или разсчетливые духовныя лица всячески старались избѣгать встрѣчи съ отцомъ протоіереемъ, даже прятались, завидя его; въ этомъ случаѣ имъ помогало то обстоятельство, что онъ былъ близорукъ, подслѣповать.

Но главнымъ источникомъ доходовъ отца протоіерея было училище. Когда по случаю бывшаго въ Касимовѣ пожара, въ то уже время, какъ я былъ въ семинаріи, не хотѣли было возоб-

новлять училищный домъ, то отецъ смотритель и его зять пришли въ ужасъ отъ такого намѣренія, не жалѣли денегъ, чтобы оно не исполнилось, и достигли своей цѣли. Далѣе. Всякій отецъ, отдавая своего сына въ училище, долженъ былъ непременно внести пять рублей ассигнаціями; это считалось не взяткою, а чѣмъ-то похожимъ на взносъ, который отдатчикъ рекрутовъ дѣлаетъ въ казначейство на обмундировку ихъ. Пять рублей рѣдко самъ отецъ протоіерей и бралъ; ихъ требовалъ исправлявшій должность писца, соборный дьячокъ Андрей. И если кто спрашивалъ: „за что же это?“ то или Андрей, или самъ протоіерей объясняли, что на бумагу. „На какую же бумагу?“ — „Да вотъ на какую. Вѣдь сколько ее испишется въ то время, какъ сынъ твой станетъ учиться. Вотъ мы теперь донесемъ о приѣмѣ его въ училище; каждую треть его нужно вносить въ списки; списки эти переписываются во многихъ экземплярахъ, посылаются въ семинарское правленіе и пр., развѣ мало испишется бумаги? Вѣдь казнѣ не свою же тратить бумагу на всякаго мальчишку“. Но это была казенная, необходимая подать; потомъ рѣдкій не считалъ обязанностью задобрить отца смотрителя особымъ приношеніемъ; вѣдь отецъ зналъ, что всѣ недоданные рубли, которыхъ смотритель ожидалъ, больно отзовутся или отомстятся на сынѣ. Люди богатые почти послѣ каждаго отпуска что-нибудь приносили или присылали отцу смотрителю, но послѣ каникулъ въ сентябрѣ даже опасно было не выразить своей благодарности за отческое попеченіе отца смотрителя о насъ, дѣтяхъ. Переводы изъ одного класса въ другой доставляли тоже хорошій ему доходъ. Я уже говорилъ, что у насъ почти вовсе не было экзаменовъ или они происходили самымъ незатѣйливымъ образомъ, только для формы, а между тѣмъ переводили, большею частію, почти всѣхъ; тутъ отцы по крайней мѣрѣ трети или четверти учениковъ должны были попросить отца смотрителя не оставлять ихъ дѣтей и просьбу свою подтвердить вещественнымъ приношеніемъ. Но и отцы хорошо учившихся дѣтей, которыхъ нельзя уже было безъ явной несправедливости оставлять еще на курсъ, послѣ каникулъ благодарили за совершившійся фактъ, нельзя было не дѣлать этого.

Отецъ Поликарпъ умѣлъ извлекать себѣ выгоды изъ учебныхъ нашихъ книгъ. Онъ самъ ихъ выписывалъ изъ правленія семинаріи и въ награду за хлопоты бралъ съ насъ двойную, а

иногда и тройную цѣну; за какую нибудь первую часть ариометики Куминскаго платили мы ему 2—2¹/₂ руб. асс., за церковный уставъ, менѣе въ полтора печатныхъ листа, 60—70 коп. и пр. Покупать учебники надобно было непременно всѣмъ, собственныя выгоды отца смотрителя требовали этого, развѣ только совершенно бѣднѣйшіе ученики увольнялись отъ покупки. Случалось не разъ, что напередъ собирали съ насъ деньги на выпускъ книгъ и потомъ чрезъ полгода или болѣе объявляли, что деньги тамъ вверху пропали, и заставляли насъ вносить новыя деньги. Но и деньги, о пропажѣ которыхъ вверху не было намъ заявлено, не доходили до семинарскаго правленія. Пока ректоромъ семинаріи былъ Іеронимъ, короткій пріятель Поликарпа, послѣдній почти никогда не отсылалъ денегъ за книги, проданныя по двойной и тройной цѣнѣ. Но послѣ смѣны Іеронима семинарское правленіе настоятельно потребовало всѣ суммы, накопившіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на Касимовскомъ училищѣ. Тогда видя бѣду неминуемую, но не желая брать изъ своего кармана истраченныя ими казенныя деньги, Поликарпъ съ зятемъ Красновымъ отправились лично по всѣмъ селамъ уѣзда. Я расскажу рѣчь, которую они говорили моему батюшкѣ.

„Знаешь ли, Иванъ Мартыновичъ, какую штуку съ нами сыграло семинарское правленіе?“ — Что такое, отецъ протоіерей? спросилъ мой батюшка. — „Да вотъ что: мы вотъ уже нѣсколько лѣтъ раздавали бѣднымъ ученикамъ учебныя книги, вѣдь по чемъ же имъ, бѣдненькимъ, учиться? Да и уставъ говорить, что бѣднымъ слѣдуетъ даромъ давать учебники. При Іеронимѣ все шло хорошо, а вотъ теперь наѣхали новыя умники въ семинарію, да и требуютъ отъ насъ денегъ за книги, и слышать не хотятъ, подавай деньги. Ну что, братъ, дѣлать, мы съ Авимомъ поѣхали по васъ попросить помочь намъ. Вѣдь дѣло-то мы дѣлали доброе, а теперь намъ приходится за него расплачиваться“. Батюшка мой подивился всему рассказанному и когда онъ вышелъ въ спальню, откуда мнѣ слышенъ былъ весь разговоръ, то я ему вздумалъ доложить: „да вѣдь они книгъ даромъ никому не давали, да и деньги съ насъ брали вдвое и втрое, какъ я узналъ въ Рязани“. „Ну слышишь ты тутъ фігу, сказалъ мнѣ батюшка, какъ будто я и безъ тебя не знаю, чтѣ это за штука,—не твое дѣло“. По слухамъ,

очень достовѣрнымъ, почтенное училищное начальство собранными приношеніями не только заплатило весь числившійся на немъ казенный долгъ, но и имѣло небольшой остатокъ за труды и хлопоты.

И при моемъ поступленіи всѣхъ насъ въ училищѣ было до 100 человекъ, а потомъ когда я уже обучался въ низшемъ классѣ, число учениковъ возрасло до 120, какъ помнится. Въ духовныхъ училищахъ очень многіе пользуются полнымъ казеннымъ или полуказеннымъ содержаніемъ, даже около четвертой части учениковъ. Но въ 3½ года моего касимовскаго житія я помню только пятерыхъ казенныхъ учениковъ: Селищина, Надеждина, женившася послѣ на моей сестрѣ Елизаветѣ, Горина, Добромыслова и Соловьева. Но изъ нихъ болѣе трехъ человекъ въ одно время не пользовалось казеннымъ пособіемъ. Что же это за немилость къ Касимовскому училищу? Прежде всего надобно сказать, что отецъ смотритель лично своею особою занималъ главный домъ училища, въ пяти большихъ комнатахъ котораго могло бы помѣститься до 30 и болѣе человекъ учениковъ, и дѣйствительно послѣ помѣщалось болѣе 20, да кромѣ того тутъ же имѣлъ квартиру учитель Рахманинъ. Для казеннокоптныхъ учениковъ оставалась только одна кухня, гдѣ жили училищные сторожа и женская прислуга протопопа. Поэтому послѣдній раздѣлил въ официальныхъ бумагахъ учениковъ, пользовавшихся казеннымъ пособіемъ, на два разряда; однимъ предполагалось выдавать денежные пособія въ родѣ стипендій, а другимъ давать квартиру и содержаніе въ училищѣ. О первыхъ почти никто и не зналъ; о нихъ ходатайствовало предъ семинарскимъ правленіемъ само училищное начальство, оно же получало стипендіи и удерживало у себя въ карманѣ. Предъ переходомъ учениковъ въ семинарію самъ отецъ Поликарпъ приглашалъ къ себѣ стипендіатовъ: „ну что, матушки, какъ вы поѣдете въ Рязань? Вѣдь подика деньжонокъ у васъ маловато“. Какія же у насъ деньги?—отвѣчали стипендіаты. „Знаю, знаю, матушка, вы люди бѣдные, вотъ я и хочу вамъ помочь. На-ка вотъ тебѣ, вотъ тебѣ“ и пр. и раздавалъ по цѣлевому или по синенькой, т. е. по пяти рублей ассигн. Ученики принимались благодарить и еланяться. „Ну полно вамъ, вѣдь надобно же помочь вамъ. А вотъ естати роспишется-ка здѣсь для памяти“, и указывая на мѣсто въ шнуровой

книгѣ, говаривалъ: „пиши-ка, оныя деньги получилъ“ и пр. Тогда еще можно было росписываться словами: оныя деньги, безъ означенія количества ихъ. Иной росписывался и уходилъ благополучно, получая напутственное благословеніе отца протоіерея. Но другой, успѣвши напередъ разсмотрѣть, что въ строкахъ, подъ которыми ему надобно росписываться, означена выдача не въ цѣлковый или въ пять рублей, а въ 20, 25 и болѣе, осмѣливался сказать: „отецъ протопопъ, здѣсь написано, что мнѣ дается не 5, а 20 рублей, такъ какъ же это?“— „Ну-ка? что тутъ такое? говаривалъ отецъ смотритель, разглядывая книгу. Такъ что же? Роспишешься или нѣтъ?“ И если ученикъ выражалъ желаніе получить остальное, то отецъ протопопъ говаривалъ: „ну хорошо, дай-ка мнѣ, что я тебѣ далъ“, и получивши выталкивалъ назойливаго молодца въ дверь, давая такой толчекъ, что молодецъ стучался лбомъ или въ полъ, или въ стѣну сѣней. Разумѣется, догадливые брали то, что даютъ, вѣдь все-таки годится и цѣлковый. А росписки въ книгахъ сочинялись другими, особенно Андреемъ, дьячкомъ соборнымъ. Жаловаться на это не было возможности; не всѣ понимали продѣлку отца протопопа, потому что, какъ я уже сказалъ, и не знали о назначеніи имъ стипендій. А если бы, поступивъ въ семинарію, и узнавали секреты отца протопопа, то ректоръ Іеронимъ не повѣрилъ бы жалобѣ и жалующагося счелъ бы кляузникомъ, и пожалуй отволотилъ бы свою руку; онъ любилъ поддерживать преданія старины.

Собственно казенные ученики, долженствовавшіе пользоваться полнымъ казеннымъ содержаніемъ, получали только квартиру въ кухнѣ и пищу. Кухня была холодная и грязнѣе даже приходскаго класса. Въ теплое время ученики могли спать гдѣ-либо на потолкѣ, на сушилкѣ, но зимою въ тулупѣ и въ обуви на лавкѣ очень холодно; забирались на печь и тамъ часто вмѣстѣ съ кухаркою и сторожами, тоже подъ тулупами, могли заснуть въ теплѣ. Пища была у всѣхъ жильцовъ кухни общая, поэтому еще не очень дурная, впрочемъ и хорошею назвать ее было трудно. Но и на это скудное содержаніе бѣдняки не всегда могли рассчитывать. Вспылить бывало отецъ протопопъ и убирайся долой на квартиру, а иногда на основаніи какихъ-то таинственныхъ, вѣроятно высшихъ соображеній, скажетъ:

— „Ну, дѣтушки, ступайте на квартиру; на васъ денегъ не выслали“.

Объ обуви и какомъ-либо влоѣ одежды нечего и говорить.

На ремонтровку дома отецъ протоіерей не любилъ тратить денегъ. При моемъ поступленіи въ училищѣ одной половинки воротъ не было и они всегда были открыты для всякаго входящаго и въѣзжающаго; въ такомъ же видѣ я ихъ оставилъ чрезъ 3½ года моей школьной жизни въ Касимовѣ. Слышалъ я отъ своихъ товарищей, что еще чрезъ два года ворота приведены были въ приличный видъ по случаю пріѣзда ректора семинаріи на ревизію. Мелкія поправки по каждому классу мы производили на свой счетъ. Для этого въ началѣ каждой трети мы въ общую кассу (или по тогдашнему нашему выраженію — не въ казну, а въ козну) вносили по 10—15 копѣекъ; если недоставало первоначальнаго сбора, то его пополняли послѣ новымъ въ 2—5 копѣекъ. Деньги хранились у старшаго и имъ расходывались безъ контроля. На нихъ покупались: мѣлъ, линейка, которою намъ давали пали (т. е. били по рукамъ), починивали или вновь дѣлали столики для учителя. Относительно разбитыхъ стеколъ существовало правило: если извѣстно было кто разбилъ стекло, то онъ и вставлялъ его, но если онъ этого не могъ сдѣлать по бѣдности или оставалось неизвѣстнымъ, кто разбилъ стекло, то вставка происходила на нашъ счетъ; даже раму новую мы дѣлали на свой счетъ, если прежняя оказывалась неудобною въ употребленію; отвѣчай за все общество круговую порукою. Обществомъ же мы должны были завалить осенью и отвалить весною завальни кругомъ класса.

Училищныхъ сторожей, напр., Троянова, мы всѣ знали, можетъ быть они и въ официальныхъ бумагахъ извѣстны были подъ этимъ названіемъ; потомъ непремѣнно жалованье имъ вносилось въ расходныя книги, но они вовсе его не получали, а довольствовались только квартирою и пищею въ надеждѣ будущихъ благъ. А эти блага являлись года черезъ три службы въ видѣ мѣста сторожа при соборѣ или какой-либо дьячковской должности; я и забылъ сказать, что всѣ сторожа были или исключенные ученики или не поступившіе въ училище церковники. Изъ трехъ сторожей, которыхъ я помню, Дмитрій и Ефимъ сдѣлались сначала сторожами въ соборѣ, а потомъ пономарями, но чѣмъ кончилась карьера Троянова, не знаю; ему бы всего лучше шла должность палача. Далѣе сторожа совершенно

напрасно носили названіе училищныхъ; они составляли собственно и единственно прислугу протопопа, отправляя должность кучера, чернорабочаго и т. п. Служба собственно для училища ограничивалась только тѣмъ, что въ экстренныхъ случаяхъ они насъ сѣвали розгами или плетью. Всѣ же обязанности, которыя бы они, какъ сторожа, должны были исполнять, лежали на насъ.

Я уже говорилъ о дневальныхъ, но кругъ ихъ дѣятельности не ограничивался однимъ приготовленіемъ и употребленіемъ розогъ и извѣщеніемъ учителя о пробитіи звонка. Дневальные обязаны были мести классы своими кушаками, полами платья или принесенными съ квартиры вѣниками, отапливать классы и рубить даже дрова для этого и проч. Бесовѣстность начальства доходила въ этомъ случаѣ до крайней степени. Намъ даже не давали лѣстницы, по которой можно было бы влѣзть на чердакъ, чтобы открыть и закрыть трубу. Для этого въ приходскомъ училищѣ мы отворяли дверь, взбирались на нее и становились на верхней ея части, оттуда цѣплялись за верхнее бревно стѣны на потолокъ и влѣзали туда. И тутъ, конечно, можно было, оступившись, особенно при спускѣ внизъ, слетѣть на полъ и порядочно убится. Но въ низшемъ и высшемъ отдѣленіяхъ открываніе трубы было еще опаснѣе. Тамъ тоже слѣдовало влѣзать на дверь стѣней, оттуда на крышу и пробираться по ней до слуховаго окна; на крышѣ не только лежалъ иногда снѣгъ, но она дѣлалась скользкою еще и отъ дождя, слякоти, льда и проч. Надобно еще удивляться, что дѣло обходилось безъ бѣды.

Дневальные, отслуживъ день въ классѣ обществу, въ слѣдующее утро отправлялись часу въ 7—8 къ учителю и являлись прямо на кухню.

— „Дневальные, что-ль, вы?“ спросить кухарка или сама учительша. — „Давно-бы пора придти; поставьте-ка самоваръ, сходите за водою, нарубите или наколите и принесите дровъ, отгребите отъ воротъ снѣгъ, выметите дворъ, вычистите изъ коровника навозъ“ и проч.

Обыкновенно почти до обѣда приходилось оставаться на посылахъ, въ лакеяхъ, притомъ не у учителя, котораго иногда и не видывали, а у жены его или кухарки. Иногда, но очень рѣдко, отпуская домой обѣдать, приказывали придти вечеромъ, чтобы поставить самоваръ, или сослужить еще какою-либо

службу. Въ первый день послѣ класснаго дневальства дневальные низшаго отдѣленія являлись къ Горохову, а въ другой—къ Краснову. Наконецъ, къ протопопу приходили на дежурство дневальные всѣхъ классовъ, слѣдовательно не менѣе шести человекъ. Обыкновенно всѣ стояли въ залѣ его или въ сѣняхъ, а въ холодное время часть отправлялась въ кухню; одинъ же, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ находиться въ залѣ, чтобы по первому крику: „Мальчикъ, поди-ка сюда!“ явиться къ его высокоблагословенію за полученіемъ приказаній. Здѣсь и шести дневальнымъ было много дѣла. Не смотря на двухъ сторожей, иногда случалось даже дрова рубить, а комнаты топили почти всегда мы. Главное же дѣло состояло въ бѣганьи по городу; то протопопъ, то его дочь пошлютъ туда съ запискою, сюда на словахъ и проч. Ночью же непременно всѣ дневальные оставались ночевать у протопоба и если не всѣ, то двое спали въ залѣ, на полу, въ одеждѣ, безъ подушекъ, если сами не догадывались принести ихъ съ квартиры; вотъ тутъ-то мы, дожидаясь возвращенія нашего высокопочтеннаго начальника, узнавали, что онъ изъ гостей приходитъ позднеенько и на-веселѣ. Другіе же дневальные спали на кухнѣ на печи, если оставалось мѣстечко. Мнѣ особенно много доставалось хлопотъ въ масленицу, во время которой почти всѣ ученики разъѣзжались, но меня никогда не бирали домой. Останется, бывало, насъ человекъ пятокъ и мы изволь чуть не каждый день дежурить у отца протопоба, но за то за наши услуги получали блина по два, а иногда угощаемы были до-сыта.

Но у всякаго учителя въ теченіи года встрѣчались по дому такія работы, которыхъ двумъ дневальнымъ нельзя-бы кончить въ недѣлю и болѣе, тогда мы отправлялись отрядами или даже цѣлымъ классомъ. Къ такимъ работамъ принадлежали—очистка снѣга съ лицевой стороны дома и со всего двора, провапыванье бороздъ для грядокъ въ началѣ весны подъ огородныя овощи, рытье картофеля и рубленье капусты, укладка дровъ въ полѣнницы, когда они покупались уже изрубленными, рубка ихъ, когда учителю кто-нибудь доставлялъ большія плахи, уборка щепъ, чурбановъ и бревенъ, если у учителя въ дому была какая-либо постройка. Но въ этомъ отношеніи самымъ безсовѣстнымъ образомъ поступалъ Красновъ. Онъ обыкновенно годовую пропорцію

дровъ покупалъ плотами на Окѣ. Эти-то плоты мы должны были, стоя по поясъ, а иногда по шею въ водѣ, разбирать и плахи выносить на берегъ; не говорю уже о томъ, что нужно было или всему измочиться, или нагому оставаться часа три; бывало весь изгрязнишься, потому что на дровахъ оставались большіе осадки грязи. Этимъ, впрочемъ, не оканчивалось дѣло. Когда дрова на берегу немного высыхали, то насъ отправляли цѣлымъ классомъ переносить ихъ на дворъ Краснова. Въ этомъ случаѣ каждый изъ насъ, взявши одну или двѣ плахи, смотря по ихъ величинѣ и своей силѣ, долженъ былъ саженой до 100 нести ихъ отъ берега Оки до двора отца инспектора, потомъ возвращаться на Озу, брать опять плахи и такимъ образомъ вояжировать назадъ и впередъ 3 или 4 часа. Впрочемъ, и батюшка тесть былъ не совѣстливѣе своего зятя. Онъ лѣтомъ очень часто любилъ принимать холодныя ванны. Хотя у него были двѣ лошади и для кухни вода привозилась съ Оки, но на ванну онъ считалъ нужнымъ доставать воду изъ родника, находившагося въ Никольскомъ оврагѣ. Вотъ ее-то мы ведрами и ушатами должны были таскать саженой за 200.

Кромѣ описанныхъ, былъ родъ работъ или занятій, на которыя насъ отправляли всѣхъ безъ исключенія отъ самаго рослаго высшекласнаго дѣтины 2½ арш. и болѣе роста до самаго маленькаго 8—9-лѣтняго мальчугана приходскаго училища. Занятія эти у насъ извѣстны были подъ названіемъ: „Ходить за травами или за цвѣтами“. Для объясненія происхожденія и цѣли ихъ надобно сказать, что почтенные отцы — смотритель и инспекторъ, равно какъ и ихъ семейные, вслѣдствіе прегрѣшенія нашихъ праотцевъ въ раю, подвержены были разнымъ немощамъ, для уврачеванія которыхъ находили нужнымъ прибѣгать къ помощи доктора и употреблять прописываемыя имъ лекарства. Но за это надобно было платить деньгами, а наше почтенное начальство любило жить на чужбинку и умѣло поставить лекаря въ такое положеніе, что онъ не только безденежно ѣздилъ къ нимъ и давалъ лекарства, но даже считалъ себя, пожалуй, въ долгу у нихъ. Въ то время было два медика въ Касимовѣ: одинъ казенный, нѣмецъ, который жилъ почти только одними взятками по ѣзду, а въ городѣ имѣлъ весьма мало практики. Общимъ же любимцемъ и благодѣтелемъ всѣхъ больныхъ былъ купецъ

митрій Сергѣевичъ Барковъ. По слухамъ онъ или состоялъ лакеемъ у одного доктора, или своимъ помѣщикомъ отданъ былъ въ Москву для изученія медицины; тѣмъ или другимъ способомъ онъ дѣйствительно приобрѣлъ большую опытность; освободившись отъ помѣщика и записавшись въ число касимовскихъ купцовъ, онъ имѣлъ обширную практику и свою аптеку, разумѣется безъ медицинскаго диплома. Послѣ, по настоянію новаго казеннаго доктора, Барковъ долженъ былъ прекратить свои врачебныя занятія и сдѣлаться настоящимъ купцомъ, но въ описываемое мною время онъ былъ еще докторъ и безденежно лѣчилъ и снабжалъ лекарствами напихъ училищныхъ начальниковъ. Чтобы вознаграждать его за это, они посылали насъ за разными растительными веществами, которыя входили въ составъ медикаментовъ и могли быть найдены въ окрестностяхъ Касимова. Вотъ подъ какими наименованіями намъ были извѣстны эти вещества: „трефоліумъ“, „миллефоліумъ“, бѣлая и сѣрая „буквица“, „медуника“, „вероника“, „липовый цвѣтъ“, „петровъ крестъ“, березовыя и сосновыя „почки“, „крапивное сѣмя“, „лопушный корень“, „розовый цвѣтъ“ или „сербаринникъ“, „дубовые желуди“ и проч. Коллекціи всѣхъ этихъ растительныхъ произведеній относились къ Баркову, только „розовый цвѣтъ“ отчасти оставался въ семействахъ протопопа и Краснова, отчасти посылаемъ былъ въ подарокъ знаменитымъ городскимъ дамамъ, напр., женамъ: городничаго, предводителя дворянства, уѣзднаго судьи, и проч.; по господствовавшему тогда мнѣнію, настой на „розовомъ цвѣтѣ“ дѣлалъ очень нѣжными лицо и ручки дамскія. Дмитрій Сергѣевичъ не былъ въ убыткѣ, дамы очень довольны, протопопъ и инспекторъ ничего, по крайней мѣрѣ, не теряли и даромъ лѣчились, все шло въ порядкѣ. Ну, а мы?

Посылали насъ за травами, за цвѣтами въ разное время года. Сосновыя и березовыя почки срывали мы еще въ апрѣлѣ, „крапивное сѣмя“ и кажется „лопушный корень“ собирали въ сентябрѣ, а все прочее между Пасхою и каникулами. Обыкновенно экскурсіи эти дѣлались въ послѣобѣденное время, во всѣ такъ называемыя рекреаціи, о которыхъ сказано будетъ ниже, въ большую часть воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ субботу, потому что въ этотъ день послѣобѣденныхъ классовъ не было, и если не въ половину, то, по крайней мѣрѣ, въ двѣ пятыхъ частей

учебныхъ дней. Выступали мы часу во второмъ колонноку, но въ разсыпномъ строю, маленькіе впереди, а большіе сзади; по прибытіи на мѣсто, намъ объявлялось, что и по сколько каждому нужно было собирать того или другаго снадобья; мѣрою были большею частью наши фуражки. Разсыпавшись по лѣсу, полю, болоту и проч., смотря по тому, гдѣ происходила экскурсія, мы часа 2 или 3 заняты были заданною намъ работою, потомъ, когда раздадутся голоса: „собираться!“ являлись на сборное мѣсто. Тутъ, такъ сказать, находился главный штабъ нашего отряда. Вышекласные хотя всегда и всѣ ходили за травами, но отъ сбора ихъ почти тоже всегда увольнялись, кромѣ тѣхъ, которые были смиренны по характеру и по успѣхамъ. Главнокомандующимъ былъ вышекласный старшій и на основаніи военныхъ обычаевъ имѣлъ право, конечно, не жизни и смерти, а право сѣчь тѣхъ изъ насъ, которые не исполнили заданной работы. Явившись на сборное мѣсто, мы, рядовые, составляли кругъ или полукругъ, въ центрѣ которыхъ стоялъ старшій съ своимъ штабомъ; нѣкоторые изъ штабныхъ въ качествѣ ликторовъ имѣли въ рукахъ напередъ заготовленные розги. Вышекласные сваливали свою добычу въ кучу безъ особыхъ церемоній; съ нихъ по товариществу ничего не взыскивали. Но низшекласныхъ и приходскихъ вызывали по списку. Вызванный подходилъ къ главнокомандующему, представлялъ ему плоды своей экскурсіи и если они находимы были достаточными, уходилъ съ миромъ. Въ противномъ случаѣ кого потаскаютъ за волосы, подерутъ за ухо, а иного отдадутъ штабнымъ и ликторамъ, которые вообще старались убѣждать старшаго быть построже. Осужденнаго не всегда клали на траву-мураву, а сѣкли на воздухъ или на вѣсу; я послѣ опишу подробно этотъ способъ, а теперь скажу только, что у насъ виновнаго брали за ноги и за руки, обнажали и, держа около аршина отъ земли, стегали прутьями. На это мы не были въ претензіи, работа давалась не трудная, не исполняли ее только лѣнливые или заигравшіеся гдѣ-нибудь; сѣкли не очень больно, какихъ-нибудь 5—10 розогъ, рѣдко болѣе, тогда какъ въ классѣ могло достаться больнѣе.

Но было много другихъ неприяностей. Приходилось ходить за 3—4 версты отъ города, поѣтому, побродивши еще часа 2—3 по лѣсу и потомъ вновь прошедши 3—4 версты, возвращались,

какъ мы говаривали, вовсе безъ ногъ, усталыми до-нельзя; а между тѣмъ надобно было въ слѣдующему дню учить урокъ. Потомъ часто нужно было бродить по топкимъ и болотистымъ мѣстамъ, напр., для сбора „трефоліума“, снимать съ себя не только портки, но и рубаху, и потомъ выйдешь изъ болота съ ногами, загрязненными до колѣнъ и гораздо даже выше; хорошо если была вблизи чистая вода, а то нерѣдко приходилось обмывать себя болотною же, грязною водою. Рвавши „розовые цвѣты“, искалывали себѣ пальцы и ладони и рвали платье объ острия иглы кустовъ, а отъ собиранья „красивнаго сѣмени“ на рукахъ бывало по нѣсколько волдырей; вырывая „петровъ крестъ“ изъ земли руками, грязнили ихъ чрезвычайно. Нечего говорить о томъ, что во время нашего движенія по городскимъ улицамъ мѣщанскіе и другихъ породъ мальчишки встрѣчали и провожали насъ словами: „кутейники, кутья прокислая“; но иногда завязывались даже и драки, особенно при проходѣ мимо татарскаго училища. Потомъ владѣльцамъ луговъ не могло нравиться, что мы, идя прямою дорогою въ болоту, гдѣ росъ „трефоліумъ“, приминали траву; три—четыре мужика только побранятся, а иногда являлась порядочная толпа, которая прогоняла насъ, а съ попавшимися въ руки расправлялась по-свойски. Наконецъ, однажды, переѣзжая Оку, мы всѣ чуть было не утонули. Перевозчики нагрузили нами одну лодку, отъ краевъ которой вода отстояла четверти на полторы. Отъ волненія, бывшаго въ то время, лодка начала качаться на ту и другую сторону, а вода заливалась въ нее; мы уже фуражками черпали ее и, право, даже какъ-то непонятно, какимъ образомъ спаслись,—такъ опасность утонуть была велика!

По отобраніи всего, что мы успѣли нарвать или нарять, отправлялись домой, но если были за Окою, то непременно купались на одномъ озерѣ. Намъ строго запрещалось шалить въ водѣ, потому что когда купаются 100 шалуновъ, изъ которыхъ многіе не умѣли плавать, и не замѣтишь, какъ иной отъ шалости другаго утопить; для этого старшему разрѣшено было тутъ же, не позволяя даже одѣваться, сбѣчь тѣхъ, которые въ водѣ любили, какъ мы выражались, топить другихъ, т. е. скунать ихъ въ воду, утаскивать далеко отъ берега и проч., но это не удерживало всѣхъ отъ шалостей. Въ одно изъ нашихъ купаній, когда я былъ

въ низшемъ отдѣленіи, товарищи мои—Петропавловъ и Свинцовъ, рослые ребята, насильно схватили меня, унесли на глубокое для моего роста мѣсто и начали учить плавать, но въ это время другіе шалуны, ухвативши ихъ за ноги, оттащили въ сторону и я остался одинъ, началъ биться ручонками, кричалъ, но въ суматохѣ меня не слышали; я уже хлебнулъ нѣсколько разъ воды, къ счастью дѣйствуя руками, я все-таки подавался къ берегу; наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, опустился на дно и вставши на пальчики, имѣлъ ротъ чуть-чуть повыше воды и могъ вздохнуть; будь мѣсто верхкомъ поглубже, я потонулъ-бы. Переведши духъ, я выбрался на берегъ; старшій, увидавъ меня блѣднымъ, испуганнымъ, задыхающимся, спросилъ о причинѣ; я, разумѣется, сказалъ, что меня Свинцовъ и Петропавловъ затаскивали въ глубь, оставили тамъ и я чуть было не утонулъ. Старшій сейчасъ приказалъ готовить розги изъ ивовыхъ вустовъ, тутъ же росшихъ; разставилъ часовыхъ, которые доставили-бы къ нему обоихъ виновныхъ, а они въ свое оправданіе указали на тѣхъ, которые ихъ утащили; такимъ образомъ, явилось четверо виноватыхъ, стоявшихъ предъ грознымъ судьей въ райской одеждѣ. Берегъ озера, гдѣ мы раздѣлись и происходилъ судъ, былъ песчаный. Старшій поэтому нашолъ нужнымъ сбѣчь ихъ на вѣсу.

Послѣ всѣхъ счастливыхъ или несчастливыхъ приключеній, наконецъ, мы возвращались въ городъ и разсыпались по своимъ квартирамъ. Обыкновенно это происходило въ 6—7 часу; надобно было спѣшить учить уроки къ слѣдующему дню, иначе по-утру Михаилъ Яковлевичъ или Акимъ Федоровичъ за незнаніе урока также накажетъ, какъ-будто и не было ботаническихъ занятій вечеромъ. Къ таковой печальной мысли располагало насъ и то, что будущій дневальный подъ полою своего халата или сибирки несъ тѣ розги, которыя надѣялся завтра употребить въ дѣло; разумѣется, будучи вырѣзаны на привольѣ съ любой березы по выбору, онѣ отличались лучшими качествами. Но не всѣ ботаники шли прямо на квартиру, небольшая часть ихъ вмѣстѣ со старшимъ отправлялась съ добычею къ Дмитрію Сергѣевичу или къ кому приказано было отнести. Я большею частію бывалъ въ этомъ числѣ по особенной причинѣ. Къ носовымъ платкамъ тогда мы были еще мало приучаемы, поэтому

они бывали только кое у кого и когда нужно было собранную коллекцію травъ и пр. нести въ городъ, то нерѣдко съ затрудненіемъ отыскивали потребное количество платковъ, въ которые-бы можно было завязать ихъ. Я сморкался, большею частію, какъ и прочіе, платкомъ изъ пяти пальцевъ, но все-таки имѣлъ въ карманѣ сюртучка и бумажный какой-нибудь платочекъ, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялся къ Дмитрію Сергѣевичу и пр., иначе платокъ могъ пропасть. Къ Дмитрію Сергѣевичу я любилъ и самъ ходить, живя у него очень долго для излѣченія отъ своей болѣзни; я былъ извѣстенъ всѣмъ въ домѣ его и потому, пришедши туда съ травами, принимаемъ былъ ласково и рѣдкій разъ не получалъ какого-либо гостинца, что служило предметомъ не малой зависти для моихъ товарищей.

Но иногда всѣ до одного ученики училища получали награды за свои ботаническіе труды. Вѣдь въ буквальномъ смыслѣ въ теченіе лѣта набирали возы разныхъ травъ и цвѣтовъ; такъ какъ же хоть разъ или два не наградить насъ за это? Случалось, что и Дмитрій Сергѣевичъ присылалъ полтинникъ, цѣлковый и даже синенькую на все училище, особенно же любили дамы дарить намъ что-нибудь за „розовый цвѣтъ“, который имъ мы приносили. Когда такого рода денегъ было не менѣе цѣлковаго, покупались калачи, раздѣлялись на три части по классамъ, а потомъ уже въ каждомъ классѣ старшій разламывалъ калачъ на двѣ и болѣе частей, чтобы кто-нибудь не остался безъ награды. Самый сытный кусокъ доставался высшекласснымъ, особенно училищному старшему и его штабу; доля нижеклассныхъ была поскуднѣе, а приходскимъ доставалось по небольшому кусочку калача; и все-таки мы были въ восторгѣ, получая его, и готовы были вновь идти хоть за пять верстъ, чтобы удостоиться еще такой награды.

Занимательнѣйшими экскурсіями были для насъ тѣ, когда съ нами отправлялись наши начальники и учителя съ семействами и приглашали кромѣ того своихъ знакомыхъ. Такъ какъ это случалось преимущественно въ такъ-называемыя рекреаціи, то напередъ, разумѣется, надобно сказать, что такое были рекреаціи.

Онѣ извѣстны были только въ однихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ моего времени; начало свое получили въ давно прошедшія времена и одолжены происхожденіемъ тому, соблюдав-

шемуся въ семинаріяхъ, принципу, чтобы уча не учить, и уча не учиться, и для этого сокращать сколько возможно число учебныхъ дней, не пропуская ни одного церковнаго праздника, яко-бы благочестія ради, и выдумывая свои праздничные дни. По существовавшимъ преданіямъ, для рекреаций назначались 1, 5, 10, 15, 20, 25, 30 и 31-го числа мая мѣсяца. Утромъ, въ восьмомъ часу этихъ дней, до начала класса, у насъ въ училищѣ старшіи и почетные ученики высшаго класса, вмѣстѣ съ пѣвчими, отправлялись въ сѣни въ протопопу и общимъ хоромъ начинали пѣть и распѣвать слѣдующій латинскій стихъ: *Reverendissime pater, nostrarum musarum rector, carissime rogamus recreationem!* Въ другихъ училищахъ этотъ гимнъ воспѣвался всѣмъ училищемъ на улицѣ предъ домомъ смотрителя. *Reverendissimus pater* никогда не давалъ рекреации, не выслушавъ гимна раза три, четыре, иногда доходило дѣло до десяти разъ. Потомъ, желая доставить инспектору и его семьѣ удовольствіе послушать пѣвчихъ, посылалъ ихъ просить и у него рекреации. Когда же такъ или иначе она была дана, то принимались бить въ звонокъ минутъ 5—10; ученики хватали свои книжонки, съ шумомъ и гамомъ, какъ угорѣлые, бѣжали, крича во все горло: рекреация, рекреация! Въ нашемъ училищѣ во всѣ вышеозначенныя числа мая, если падали они на учебные дни, почти всегда давалась рекреация. Но зачѣмъ же пропадать и тѣмъ изъ рекреаций, которыя приходились въ воскресные или праздничные дни. И вотъ обыкновенно въ слѣдующій за ними день или въ канунъ ихъ, часто неожиданно совершенно для смотрителя, раздавалось у него въ сѣняхъ или предъ окнами: *Reverendissime pater* и пр. Тутъ 3—4 раза было недостаточно пропѣть, тутъ пѣніе продолжалось полчаса, даже часъ; начальство иногда притворно, а иногда дѣйствительно принималось ругаться, грозить и тѣмъ, и другимъ; пѣвчихъ на улицѣ разгоняли сторожа метлами, у насъ выталкивали изъ сѣней, стращали розгами. Но воодушевленіе доходило до самопожертвованія, до экстаза; все-таки продолжали пѣть; тогда, смотря по душевному расположенію, или давалась рекреация, или принимались за розги. У насъ большею частію бывало первое, но помню, какъ однажды, когда я уже не жилъ у Бѣляевыхъ, насъ собрали всѣхъ въ одинъ классъ и потомъ очень больно пересякли всѣхъ, просившихъ неотступно рекреации, начиная отъ

старшаго вышекласнаго до самаго маленькаго пѣвчаго приходскаго училища, который пѣлъ по неволѣ, пѣлъ потому, что ему нельзя было не пѣть; тутъ досталось и нашему Якову Фодотовичу, который тоже увлекся желаніемъ услужить обществу и, какъ одинъ изъ лучшихъ вышекласныхъ учениковъ, былъ жестоко высѣченъ, яко зачинщикъ. Впрочемъ, не смотря ни на что, менѣе шести рекреаций у насъ не было, а иногда мы получали полныхъ семь.

У насъ строжайше приказывалось во время рекреации, отнесши книги домой, тотчасъ же опять приходить на училищный дворъ, который выметался самымъ чистымъ образомъ, даже иногда усыпался по мѣстамъ желтымъ пескомъ. Обыкновенная почти единственная игра, такъ сказать, специальная для этого дня, была игра въ бабки или пашки. Но если бы кто вовсе не хотѣлъ играть ни въ какую игру, то ему не позволялось оставаться въ квартирѣ; всѣ будъ на училищномъ дворѣ, только послѣ обѣда уже предоставлялось всякому проводить время по усмотрѣнію.

Но каждый годъ въ рекреацияхъ раза два, даже три принимало участіе и наше начальство со всѣми учителями и многими знакомыми. Для этого послѣ обѣда отправлялись за травами въ роци или у рѣчки Бабенки, или за рѣчкою Сиверкой. Наши, такъ сказать, гости рѣдко брали лошадей, даже у кого онѣ были, а находили лучшимъ прогуляться пѣшкомъ. Намъ поручалось нести самоваръ, чашки чайныя, подносы, разныя бутылки, штофы, закуски, ковры, скатерти, салфетки, даже стулья и пр. По прибытіи въ роцу все это складывалось на какомъ-либо лужку въ тѣни высокихъ деревьевъ; гости тутъ усаживались, кто какъ могъ и умѣлъ, или гуляли по лѣсу; насъ распускали собирать травы, оставляли только нѣсколькихъ челоувѣкъ для прислуживанья и разсылокъ. Потомъ не ранѣе 6—7 часа насъ скликали къ сборному мѣсту, тутъ мы шли не опасаясь ничего за свою безопасность; начальство при дамахъ не взыскивало, кто сколько бы ни набралъ, только очень усердныхъ, отличившихся собирателей награждали ласковою улыбкою, поглаживаньемъ по головѣ, кусочкомъ сахару, сухарикомъ и т. п. Большею частію гости еще не вдругъ оканчивали свою бесѣду, намъ нужно было ихъ ждать; чтобы не было имъ скучно, заставляли или однихъ

пѣвчихъ, или всѣхъ насъ пѣть пѣсни. Но рано или поздно, наконецъ, приподнимались со сборнаго мѣста и отправлялись въ городъ. Я уже говорилъ, что протопопъ любилъ повеселиться и быть навеселѣ, но пьянства не терпѣлъ. Поэтому всѣ наши гости могли съ нами возвращаться на своихъ ногахъ, кромѣ Горохова, котораго иногда приходилось поддерживать подъ руки. Возвращеніе почти всегда происходило съ пѣснями; по городскимъ улицамъ выступало множество народа, чтобы на насъ позѣвать, но никто уже не смѣлъ надъ нами смѣяться; протопопъ былъ грозенъ между горожанами, даже между татарами. Если возвращались уже поздно, то увольнялись мы отъ уроковъ на слѣдующій день; очевидное дѣло, что мы отъ такой льготы бывали въ восторгѣ. Описанныя прогулки начальства съ нами случались иногда и не въ рекреациі.

Д. И. Ростиславовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА.

Выписки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1786 года.

Любопытныя извѣстiя. Голландской анекдотъ.

Когда Лудовикъ XIV, французскiй король, осадилъ городъ Амстердамъ, которой готовъ уже былъ сдаться, то члены тамошняго правительства, собравшись, разсуждали, что имъ дѣлать въ таковыхъ обстоятельствахъ, и согласились единодушно, поднести ему ключи отъ города. Въ сiе время примѣчено, что одинъ старой бургомистръ заснулъ и не давалъ своего мнѣнiя. Онъ тотчасъ былъ разбуженъ и спросилъ, что положено на собранiи. Поднести французскому королю городскiе ключи.—Развѣ онъ требовалъ уже того? спросилъ сонный бургомистръ.—Нѣтъ еще, отвѣтствовали ему.—Въ такомъ случаѣ, государи мои, сказалъ онъ имъ, подождите, по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ потребовалъ ихъ.—Сiе единое слово спасло, сказываютъ, тогда всю республику“.

Въ Москвѣ июня 17.

На сiихъ дняхъ здѣшнiй именитый гражданинъ Демидъ Демидовичъ Мѣщаниновъ прислалъ къ его сiятельству, господину генераль-аншефу, главнокомандующему сей столицы и всей Московской губернiи, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Якову Александровичу Брюсу, письмо такого содержания: „Что онъ бывъ удостоенъ по высочайшему ея императорскаго величества благоволенiю чиномъ коллежскаго ассессора, не могъ ограничить благодарности своей въ одномъ только сердечномъ ощущенiи вѣрноподданническаго долгу и, желая ознаменовать свойство движенiй душевныхъ, избралъ путеказателемъ себѣ милосердiе, всегда присѣдающее престолу великiя монархини нашей, а потому и рѣшился, имѣя должныхъ ему разныхъ людей по девяносту протестованнымъ векселямъ единственно одной капитальной суммы на двадцать тысячъ рублей, истребить раздраженiемъ ихъ обязательствамъ всякую память его симъ людямъ одолженiя, и освободить тѣхъ, кои пришедъ въ несостоянiе къ уплатѣ, содержатся по законамъ подъ стражею, уничтожить навсегда для занимавшихъ и ихъ поручителей всякое безпокойство и разстроенiе мнѣнiй ихъ и обстоятельствъ“. Въ семь видѣ приложенъ отъ него и реестръ означеннымъ векселямъ съ протестами, съ прошенiемъ, чтобы доставлено было о томъ свѣдѣнiе къ тѣмъ его должникамъ и поручкамъ, которые живутъ въ отдаленiи отъ здѣшняго города. Таковое похвальное дѣло заслуживаетъ, конечно, вниманiе и признательность отъ каждаго благомыслящаго согражданина.

Сообщ. Авв. Н. Труворовъ.

РОССІЯ И ФИНЛЯНДІЯ.

Историческій очеркъ

1721 — 1809 — 1881 гг.

Въ 1809 году совершилось знаменательное для Россіи событіе. Присоединеніемъ Финляндіи Русская Имперія достигла на сѣверо-западѣ естественныхъ своихъ границъ и новая столица, смѣлою рукою Петра I перенесенная на берега Невы, съ тѣхъ поръ окончательно была обезпечена отъ опасности, угрожавшей ей прежде вслѣдствіе близости шведской границы.

Въ этомъ же году для финскаго народа началась самостоятельная національная и государственная жизнь и дана была Великому Князеству Финляндскому та организація, которая существуетъ и понынѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 75-ти лѣтъ... а важное значеніе этого событія не освѣщено въ надлежащемъ свѣтѣ и не выяснилось въ достаточной мѣрѣ русскому обществу. Не смотря на столь продолжительный срокъ, пока еще не образовался основанный на объективномъ изученіи фактовъ взглядъ на историческій ходъ событій этого года, не успѣлъ составиться однообразный выводъ о юридическомъ положеніи Великаго Княжества, наконецъ, не разрѣшенъ въ обществѣ вопросъ о цѣлесообразности, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, созданнаго въ 1809 году въ Финляндіи порядка вещей.

Эта неясность во взглядахъ русскаго общества проявляется двоякимъ образомъ: нѣкоторые вслѣдствіе незнакомства съ историческими фактами и законодательствомъ края отрицаютъ принципъ государственной обособленности Финляндіи и обязательность ея конституціи, другіе же хотя и признаютъ то и другое на основаніи историческихъ событій и законодательныхъ актовъ, однако, не усвоили себѣ внутренней идеи той политики, которой неуклонно слѣдовали русскіе

Императоры по отношенію къ Финляндіи, начиная съ первыхъ непосредственныхъ сношеній Ихъ съ финскимъ народомъ.

Въ совершенно иномъ видѣ представляется этотъ вопросъ въ Финляндіи. Такъ какъ съ событія 1809 года начинается національная самостоятельность финскаго народа, то неудивительно, что вниманіе мѣстныхъ историковъ сосредоточилось, главнымъ образомъ, на возможно подробномъ изученіи всего, касающагося этого періода финской исторіи. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ образовалось и проникло въ народное правосознаніе совершенно опредѣленное понятіе о юридическомъ положеніи края и ненарушимости тѣхъ законовъ, на которыхъ оно основано. Естественно, что этотъ взглядъ во многомъ противорѣчитъ вышеупомянутымъ понятіямъ, существующимъ на этотъ предметъ въ Россіи. Между тѣмъ, такое разногласіе приводитъ къ слѣдующимъ практическимъ результатамъ: проявленія національной обособленности и самостоятельности управленія финскаго народа часто вызываютъ въ Россіи удивленіе и даже глумленіе и считаются безосновательными притязаніями, которыя не мѣшало бы обуздывать. Съ другой стороны, въ Финляндіи такое отношеніе къ правамъ народа и проглядывающее въ немъ недоброжелательство къ его самостоятельному національному развитію возбуждаетъ недовѣріе къ русской интеллигенціи и боязнь за будущую судьбу. Такія недоразумѣнія и непониманіе другъ друга приводятъ часто лишь къ совершенно неосновательнымъ столкновеніямъ, и врядъ ли способствуютъ основанному на соблюденіи обоюдныхъ интересовъ сближенію финскаго народа съ русскимъ. Между тѣмъ, дѣйствительные государственные интересы многомилліоннаго русскаго народа не сталкиваются съ таковыми мѣстнаго финскаго населенія, наоборотъ, они сходятся, дополняютъ другъ друга и, въ этомъ отношеніи, можетъ быть достигнута счастливая гармонія ихъ, устраняющая всякое предположеніе о необходимости измѣненія нынѣ существующаго порядка вещей въ Финляндіи. Для разъясненія же этихъ недоразумѣній и для достиженія вышеозначенной цѣли лучшій путь лежитъ въ объективномъ изученіи взаимныхъ отношеній Россіи и Финляндіи, начиная съ непосредственныхъ сношеній русскаго правительства съ финскимъ народомъ въ 18-мъ столѣтіи и кончая направленіемъ политики Императора Александра II въ Финляндіи. Въ этомъ и заключается задача настоящей нашей статьи.

Нашъ очеркъ мы помѣщаемъ на страницахъ «Русской Старины». То спокойное, объективное отношеніе, которое приняло это изданіе съ самаго своего основанія ко всѣмъ событіямъ въ области исторіи Россіи, даетъ намъ право надѣяться, что именно здѣсь, въ этомъ

уважаемъ и повсюду въ Россіи читаемъ органъ печати, нашъ скромный трудъ будетъ совершенно у мѣста и, быть можетъ, послужитъ бесполезной справкой для тѣхъ, кто поинтересуется выясненіемъ себѣ отношеній могучей Русской Имперіи къ маленькой самоубытной странѣ, спокойно процвѣтающей подъ могучею и славною властью Императора Россіи и Великаго Князя Финляндскаго.

Е. Е.

I.

Скоро послѣ восшествія на шведскій престолъ короля Карла XII началась великая Сѣверная война Швеціи съ Петромъ Великимъ, Августомъ, королемъ польскимъ, и Фридрихомъ, королемъ датскимъ. Извѣстно, что первоначальнымъ блестящимъ побѣдамъ Карла надъ союзниками былъ положенъ конецъ Полтавскою битвою, послѣ которой Карлъ бѣжалъ въ Турцію, гдѣ пробылъ болѣе пяти лѣтъ. Тѣмъ временемъ царь Петръ успѣлъ завоевать Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію и утвердился на устьяхъ рѣки Невы, въ новой своей столицѣ С.-Петербургѣ. Въ 1710 году 18-ти тысячное русское войско, подъ командою Апраксина, двинулось въ Финляндію и приступило, въ маѣ мѣсяцѣ, къ осадѣ города Выборга. 14-го іюня послѣдовала сдача крѣпости и въ этомъ же году пала крѣпость Кексгольмъ на Ладожскомъ озерѣ. Наконецъ, въ 1713 году Апраксинимъ взяты были Гельсингфорсъ, Або, Нейшлотъ, вообще въ послѣдующіе годы войны почти вся Финляндія, за исключеніемъ сѣверной части ея, была завоевана русскими войсками. Въ 1718 году Карлъ XII былъ убитъ подъ Фридрихсгамомъ и въ 1721 году былъ заключенъ Ништадтскій миръ, по которому Лифляндія, Эстляндія съ островомъ Эзель, вся Ингерманландія, Выборгскій и Кексгольмскій уѣзды были присоединены къ русской имперіи. Остальная завоеванная часть Финляндіи была возвращена Швеціи.

Эта война и результаты Ништадтскаго мира произвели огромный переворотъ въ исторіи сѣверо-восточныхъ государствъ Европы. Вмѣстѣ съ этимъ миромъ заканчивается періодъ могущества Швеціи и созданная гениемъ Петра I русская имперія сразу возвысилась на степень великой европейской державы, столица которой, воздвигнутая на бухтѣ Финскаго залива, отнынѣ простирала свое господство надъ берегами Балтійскаго моря.

Швеція же не только лишилась обширныхъ своихъ владѣній, но и сошла съ преобладающаго между европейскими державами положенія, передавъ прежнее могущество восточному сосѣду. И передъ

этимъ могущественнымъ сосѣдомъ Финляндія, по своему географическому положенію, казалась лишь оплотомъ Швеціи, паденіе котораго было только вопросомъ времени. Такое же огромное вліяніе на послѣдующую судьбу Швеціи и специально Финляндіи имѣло основаніе Петербурга на берегу Финскаго залива, такъ какъ этимъ центръ русскаго государства перенесенъ былъ изъ Москвы въ ближайшее сосѣдство къ Финляндіи, которая съ тѣхъ поръ пріобрѣла важное стратегическое значеніе вслѣдствіе своей близости къ новой русской столицѣ. вмѣстѣ съ перенесеніемъ столицы должна была произойти перемѣна въ русской внѣшней политикѣ, которая отнынѣ стала стремиться къ обезпеченію Петербурга отъ Швеціи и къ достиженію Россією на западѣ естественныхъ своихъ границъ, т. е. Ботническаго залива. Дѣйствительно, мы видимъ, что съ этого времени русское правительство старается вмѣшиваться и пріобрѣтаетъ вліяніе какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику Швеціи, чему способствовала происшедшая послѣ полного ограниченія королевской власти и передачи управленія въ руки земскихъ представителей, борьба партій и неурядица, длившаяся въ такъ называемую «эпоху свободы» съ 1719 до 1772 года. Но власть, перешедшая теперь въ руки сословныхъ представителей, не была распределѣна въ равной степени между всѣми классами народа; наоборотъ, дворянству было дано значительное преимущество въ сравненіи съ прочими тремя сословіями, духовенствомъ, городскимъ и крестьянскимъ. Государственный совѣтъ, управлявшій фактически государствомъ, состоялъ исключительно изъ дворянъ, и въ комиссіяхъ и депутаціяхъ, учреждаемыхъ при сеймѣ изъ депутатовъ, засѣдало всегда двойное количество дворянъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ крестьянскіе депутаты вовсе были исключены. Такимъ образомъ фактически образовалась аристократическая республика на мѣсто монархіи и государственная власть переходила отъ одной партіи въ руки другой, постепенно лишаясь необходимой твердости и прежняго своего достоинства. Въ первый разъ на сеймѣ 1738 года образовалась партія противъ предсѣдателя секретной комиссіи графа Арвида Горна, который, не выждавъ конца борьбы, удалился, за что онъ и партія его были прозваны «ночными шапками или колпаками», между тѣмъ какъ побѣдители назвались «шляпами». Съ этихъ поръ начинается борьба этихъ двухъ партій, длившаяся до переворота 1772 года, при чемъ государственная власть поочередно переходила отъ одной партіи къ другой, часто при содѣйствіи русскихъ и французскихъ пословъ въ Стокгольмѣ, которые въ послѣднее время, даже посредствомъ подкуповъ, имѣли значительное вліяніе на направленіе внутренней и внѣшней политики Швеціи.

Такое полное ограниченіе королевской власти и сосредоточеніе власти въ рукахъ олигархіи не могло быть особенно пріятно или полезно финскому народу уже потому, что финнамъ въ управленіи государствомъ было предоставлено участіе далеко не въ мѣрѣ, соотвѣтствующей количеству народонаселенія края. Этому фактическому отстраненію отъ управленія государствомъ, а также бѣдственному положенію народонаселенія въ Финляндіи послѣ продолжительной Сѣверной войны приходится приписывать возрожденіе между нѣкоторыми финнами идеи о національной самостоятельности, причемъ по видимому уже тогда у нѣкоторыхъ стала вырабатываться мысль, что національная и политическая обособленность и самостоятельность скорѣе всего могла бы быть достигнута посредствомъ русской помощи ¹⁾. Развитію этой идеи, которая является естественнымъ продуктомъ ненормальнаго положенія Финляндіи послѣ Ништадскаго мира, не мало способствовали новыя бѣдствія, обрушившіяся на народонаселеніе края вслѣдствіе легкомысленно затѣянной партіею «шляпъ» войны съ Россіею.

Въ нашу задачу не входитъ разбирать причины возникновенія этой войны, скажемъ только, что тутъ были затронуты интересы прочихъ европейскихъ державъ и не послѣднюю роль играло здѣсь французское золото. Но военныя приготовленія далеко не соответствовали широко задуманнымъ завоевательнымъ планамъ и шовинизму, что естественно привело къ весьма плачевному результату. Послѣ долгихъ, но неуспѣшныхъ переговоровъ и приготовленій начались, въ 1741 году, военныя дѣйствія и въ этомъ же году русскія войска взяли Вильманstrandъ и Нейшлотъ, шведы отступили и сожгли Фридрихсгамъ, наконецъ, впоследствии, около 16,000 человекъ шведовъ сдались подъ Гельсингфорсомъ и почти вся Финляндія была завоевана въ продолженіе 10 недѣль. Конечно, подобный результатъ войны и въ особенности небрежный способъ веденія ея способствовали усиленію неудовольствія въ Финляндіи. Объ этомъ настроеніи умовъ въ Финляндіи, равно какъ о питаемыхъ нѣкоторыми финнами тайныхъ надеждахъ относительно образованія изъ края самостоятельнаго государства подъ защитою русской имперіи, имѣлись уже свѣдѣнія въ Россіи. Такъ, на примѣръ, русскій посолъ въ Стокгольмѣ, Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ, пишетъ ²⁾ еще до войны, что «жители финляндскіе такъ шведскимъ правительствомъ скучаютъ, что съ охотою поддадутся Россіи». Еще опредѣленнѣе выражена эта мысль

¹⁾ Finlands Historia. Koskinen.

²⁾ Исторія Россіи С. М. Соловьева, 21-й томъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1888 г., ТОМЪ LVII, ЯНВАРЬ.

въ манифестѣ Императрицы Елизаветы, обнародованномъ 18-го марта 1742 года въ Финляндіи также во время войны. Въ этомъ манифестѣ ¹⁾ жители страны приглашались не принимать участія въ несправедливой войнѣ, и въ случаѣ, если бы они захотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и составить независимое государство, то Императрица общала свое содѣйствіе; въ манифестѣ говорилось, что и сама Швеція не можетъ найти ничего дурнаго въ этомъ отдѣленіи, ибо, имѣя между собою и Россією независимое государство, избавится отъ всякихъ безпокойствъ и опасеній ²⁾. Впрочемъ, послѣ полнаго завоеванія края не упоминалось болѣе о таковой самостоятельности Финляндіи и русское правительство приступило къ управленію страной, какъ будто упомянутаго манифеста не существовало, но во всякомъ случаѣ здѣсь впервые въ официальной формѣ высказывается мысль, къ которой русская дипломатія впоследствии неоднократно возвращалась, причѣмъ этотъ манифестъ является первымъ шагомъ къ непосредственнымъ сношеніямъ русскаго правительства съ финскимъ народомъ. Въ 1743 году начались мирные переговоры, которые привели къ довольно благопріятному результату для Швеціи. Императрица Елизавета покровительствовала Адольфу-Фридриху, герцогу гольштейн-готторпскому, и требовала выбора его наслѣдникомъ шведскаго престола, за что согласилась возвратить Швеціи лучшую часть завоеванной Финляндіи. Сеймъ согласился на это условіе и Абоскій договоръ былъ заключенъ. Согласно постановленіямъ этого договора, изъ всей завоеванной Финляндіи остались за Россією только города Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ съ прилегающею къ нимъ землею. Такимъ образомъ образовалась русская или старая Финляндія изъ Выборга и Кексгольма, завоеванныхъ Петромъ I, и изъ вновь приобрѣтенныхъ Фридрихсгама, Вильманстранда и Нейшлота. Замѣтимъ здѣсь, что во время мирныхъ переговоровъ Императрица велѣла подать мнѣніе объ условіяхъ мира съ Швеціею нѣкоторымъ сановникамъ. Въ числѣ поданныхъ мнѣній были высказаны такія, которыя опять подтверждаютъ приведенное выше замѣчаніе, что русское правительство серьезно допускало мысль о созданіи изъ Финляндіи особаго государства. Такъ, фельдмаршалъ князь Трубецкой, между прочимъ, выразилъ мнѣніе, что въ случаѣ несогласія Швеціи уступить Финляндію, слѣдуетъ выговорить условія, чтобы Финляндія была отдѣльнымъ владѣніемъ подъ властью нейтральнаго государя. Приблизительно въ томъ же духѣ высказался графъ Михаилъ

¹⁾ Manifest an das Herzogthum Findland, въ публичной библиотекѣ.

²⁾ Исторія Россіи С. Соловьева, томъ 21. Finlands Historia Koskinen.

Бестужевъ, предлагая назначить герцога гольштейнъ-готторпскаго владѣтельнымъ княземъ Финляндіи. Наконецъ, братъ послѣдняго, вице-канцлеръ графъ Бестужевъ Рюминъ, представилъ такое мнѣніе, что въ случаѣ невозможности заключить миръ на условіи «uti possidentes», то на Абоскомъ конгрессѣ слѣдовало бы установить такую форму правительства въ Финляндіи, которая бы устранила всякія съ обѣихъ сторонъ непріятельскія столкновенія, на что исходатайствовать отъ другихъ державъ гарантію»¹⁾.

Событія и результаты этой войны подвинули Финляндію опять на шагъ ближе къ Россіи и не преминули способствовать развитію развѣ зародившейся идеи о самостоятельности въ финскомъ народѣ. Вообще духъ неудовольствія, который выказывался уже до войны, теперь сталъ проявляться безъ всякой окраски, даже въ Швеціи не считалось болѣе тайною, что между финнами господствуетъ раздраженіе и волненіе. Между тѣмъ, скоро послѣ Абоскаго договора отношенія между Россіею и Швеціею далеко не стали такъ дружественны, какъ можно было ожидать. Выбранный въ наслѣдники шведскаго престола герцогъ гольштейнскій Адольфъ-Фридрихъ присоединился къ враждебной Россіи партіи «шляпъ», что возбуждало крайнее раздраженіе въ Петербургѣ. Назначенный въ то время посломъ въ Стокгольмѣ баронъ Корфъ, крутымъ обращеніемъ съ наслѣдникомъ престола и угрозами противъ партіи «шляпъ», возбуждалъ только національное самолюбіе шведовъ, что съ своей стороны повело къ раздраженію противъ Россіи и къ поддержкѣ враждебной ей партіи «шляпъ» на сеймѣ 1746 года. Такое натянутое политическое положеніе только усиливало боязнь и неудовольствіе въ Финляндіи. Объ этомъ настроеніи умовъ въ край свидѣтельствовало уже то обстоятельство, что большая часть финляндскихъ депутатовъ на сеймахъ обыкновенно примыкала къ оппозиціонной партіи «шапокъ». Сверхъ этого, нѣкоторые изъ этихъ финскихъ представителей вступали въ сношенія съ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ и секретаремъ посольства Іоганомъ Симолинъ, который, будучи самъ выходецъ изъ Финляндіи, искалъ сближенія со своими бывшими земляками и поддерживалъ въ нихъ надежды на счетъ образованія изъ Финляндіи самостоятельнаго государства подъ покровительствомъ Россіи²⁾. Такое броженіе умовъ обратило на себя вниманіе шведскаго правительства, которое, съ одной стороны, мѣрами облегченія податной повинности, съ другой стороны, назначеніемъ въ край

¹⁾ Исторія Россіи С. Соловьева, т. 21.

²⁾ Finlands Historia. Koskinen.

генераль-губернатора съ особенными полномочіями старалось возстановить свой авторитетъ. О степени недовѣрія правительства этого времени къ Финляндіи можно судить по предложенію, которое обсуждалось въ секретной комиссіи сейма, именно о переводѣ коренныхъ финскихъ полковъ къ границѣ Норвегіи и о замѣнѣ ихъ шведскими полками. Новый генераль-губернаторъ, баронъ Розень, отличался строгостью въ преслѣдованіи лицъ, заподозрѣнныхъ въ агитаціи и тайныхъ сношеніяхъ съ русскими, и время его управленія характеризуется нѣсколькими политическими процессами, напр., судьи Юганна Викмана, казненнаго впоследствии, пастора Пакаленіуса, томившагося два года въ тюрьмѣ и освобожденнаго за неимѣніемъ уликъ, и барона Ганса Бойе, которому, впрочемъ, удалось выпутаться. Кромѣ того, есть свѣдѣнія о другихъ арестахъ и даже казни какого-то пастора, но всѣ такія дѣла велись тайнымъ образомъ и свѣдѣнія о нихъ весьма отрывочны ¹⁾. Эти происки были слѣдствіемъ общей неурядицы, царствовавшей въ то время въ Швеціи, и отчасти должны быть приписаны отношенію русскихъ пословъ въ Стокгольмѣ къ Финляндіи; но во всякомъ случаѣ они не могутъ считаться выраженіемъ стремленія всего финскаго народа, такъ какъ они были распространены въ нѣкоторыхъ слояхъ общества и не проникали въ низшіе классы народонаселенія. Въ виду несочувствія самаго народа, агитація эта была скоро подавлена, да и притомъ въ послѣдующіе годы русская политика, занявшаяся, главнымъ образомъ, Швеціею, послѣ Абоскаго мира, приняла постепенно другое направленіе и для Финляндіи наступило болѣе спокойное время, хотя зародившіяся разъ идеи о самостоятельности и не погасли совсѣмъ. Такъ прошло болѣе двадцати лѣтъ.

Въ 1771 году умеръ король Адольфъ-Фридрихъ и на престолъ возшелъ сынъ его Густавъ III, который уже въ слѣдующемъ году произвелъ государственный переворотъ, установившій правильное равновѣсіе между двумя факторами управленія государствомъ, т. е. между королемъ и народнымъ представительствомъ, при чемъ королевской власти отчасти было предоставлено преобладающее значеніе. Этотъ переворотъ произошелъ къ общему удовольствію шведскаго народа, утомленнаго борьбою партій въ эпоху свободы. Но довѣрчивыя отношенія, установившіяся было между королемъ и земскими чинами въ первые годы послѣ переворота, продолжались не долго, уже потому, что король, вступивъ разъ на ³скольскій путь реакціи, сталъ обнаруживать наклонность къ своевольнымъ толкованіямъ въ свою пользу слиш-

¹⁾ Föreläsningar öfver Finlands historia af Gabriel Rein. 2 delen.

комъ растяжимо редактированныхъ основныхъ законовъ, къ чему съ своей стороны земскіе чины, привыкшіе съ эпохи свободы къ оппозиціи, не могли оставаться равнодушными. Вообще, въ Швеціи воспоминанія о прежней власти земскихъ представителей не угасли въ народѣ. Между тѣмъ въ Финляндіи, въ особенности въ средѣ мѣстныхъ дворянъ, воскресло опять, и на этотъ разъ приняло болѣе опредѣленную форму, національное движеніе, выразившееся въ стремленіи отдѣлить родину отъ Швеціи и образовать изъ Финляндіи самостоятельное государство. Главнымъ поборникомъ этой идеи явился въ то время финскій дворянинъ баронъ Георгій-Магнусъ Спренгпортень, а въ числѣ соучастниковъ его могутъ быть названы баронъ Робертъ-Вильгельмъ де-Гефъ, майоры Егергорнъ и Кликъ, полковникъ Іоганнъ Гестеско, помѣщики: Глансеншерна, Тандефельтъ, Рамсай, Стакельбергъ и другіе. Повидимому, первоначально путь къ достиженію независимости Финляндіи въ умахъ самихъ заговорщиковъ не совѣтъ былъ выясненъ и твердо намѣченъ. Такая неясность плана явствуетъ уже изъ того, что когда Спренгпортень, въ 1784 г., предложилъ было герцогу Карлу, родному брату короля Густава, отъ имени нѣкоторыхъ финляндскихъ дворянъ, корону Великаго Княжества Финляндскаго, и тотъ не принялъ предложенія, весь замыселъ именно въ этой формѣ былъ оставленъ. Но впоследствии, когда Спренгпортень покинулъ Швецію и отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ Императрицею Екатериною съ большимъ почетомъ, то стало ясно, что настоящая цѣль поступленія Спренгпортена на русскую службу заключалась въ осуществленіи давно лелѣянной мысли объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и созданіи обособленнаго для Финляндіи государственнаго положенія подъ покровительствомъ Россіи. Тѣмъ временемъ, чтобы отвлечь и успокоить умы, король Густавъ задумалъ, въ 1787 году, войну противъ Россіи. Такъ какъ по конституціи 1772 года король не имѣлъ права начинать наступательной войны безъ вѣдома и согласія земскихъ чиновъ, то война эта съ самаго начала была непопулярна, какъ въ народѣ, такъ и среди войска. Этою непопулярностью войны и вялостью большей части офицеровъ воспользовались нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей въ отрядѣ, предназначенномъ къ осадѣ г. Фридрихсгама, между ними въ особенности финляндцы Гестеско, Оттеръ, Егергорнъ и другіе, чтобы произвести попытку къ возмущенію войска и открытому отказу слѣдовать за королевемъ, который находился при упомянутомъ отрядѣ. Хотя эта попытка и не удалась, но ненадежность офицеровъ и полная невозможность осуществить первоначальный планъ военныхъ дѣйствій заставили короля удалиться въ Гельсингфорсъ. Тогда заговорщики, переманивъ на свою сторону

главнаго начальника отряда, генерала Армфельта, рѣшились вступить въ переговоры отъ себя и отъ имени войска съ русскимъ правительствомъ. Съ этою цѣлью Егергорну было вручено для передачи Императрицѣ Екатеринѣ письмо, подписанное полковниками и военачальниками, причѣмъ Егергорнъ получилъ, сверхъ этого, порученіе изустно вести переговоры объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и объ образованіи обособленнаго и самостоятельнаго Великаго Княжества Финляндскаго подъ покровительствомъ Россіи. 20-го августа послѣдовалъ отвѣтъ Императрицы, въ которомъ требовалось, для успѣшности и прочности дѣла, чтобы финскій народъ выбралъ себѣ законное представительство, которое могло бы дать переговорамъ надлежащую прочность ¹⁾).

Тѣмъ временемъ составился въ имѣніи Авъяла, куда отступилъ отрядъ, бывшій подъ Фридрихсгамомъ, въ августѣ 1788 г., союзъ изъ 40 и болѣе офицеровъ. Этотъ союзъ хотя и входилъ въ сношенія съ находившимся у русской границы Спренгпортеномъ, вообще не состоялъ только изъ однихъ приверженцевъ идеи самостоятельности Финляндіи, наоборотъ, включалъ въ себѣ также и шведскихъ офицеровъ, недовольныхъ дѣйствіями короля и въ особенности противоконституціонно начатою войною съ Россіей. Согласно съ этимъ и была составлена программа дѣйствій союза, въ которую во всякомъ случаѣ не входило открыто выраженное намѣреніе отдѣлить Финляндію отъ Швеціи. Впослѣдствіи только, по возвращеніи короля въ Швецію, вслѣдствіе объявленія войны со стороны Даніи, изъ этого союза выдѣлилась фракція людей финляндскаго происхожденія, которые поставили себѣ задачею пропагандированіе въ средѣ дворянства и въ народѣ мысли о самостоятельности Финляндіи подъ покровительствомъ Россіи. Но средніе и низшіе классы финскаго народа еще не были подготовлены къ такой идеѣ государственной обособленности Финляндіи, наоборотъ, видѣли въ этой попыткѣ нѣкоторыхъ дворянъ лишь измѣну законному королю. Такимъ образомъ, агитація объ образованіи изъ Финляндіи государства не находила надлежащей почвы въ самомъ народѣ и уже потому мысль эта не могла быть осуществлена. Между тѣмъ, король Густавъ, побѣдивъ датчанъ и возвысившись въ общественномъ мнѣніи, вскорѣ принялся за заговорщиковъ; тѣ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ въ Россію, были арестованы и приговорены къ смертной казни или другимъ тяжкимъ наказаніямъ. Этимъ кончился такъ называемый Авъяласкій заговоръ. Въ этомъ же году, именно въ 1789 г., былъ изданъ, по почину короля и съ согласія трехъ низшихъ палатъ,

¹⁾ Finlands Historia. Koskinen.

но не безъ насилія по отношенію къ протестовавшему дворянскому сословію, и утвержденъ, какъ основной законъ, такъ называемый актъ соединенія и охраненія, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года. Этотъ актъ вводитъ новыя неясно и неопредѣленно выраженные ограниченія власти сейма и этимъ, можно сказать, незамѣтно опрокидываетъ фундаментъ, на которомъ построена форма правленія 1772 года, сохранившая обязательную силу во всѣхъ тѣхъ частяхъ, которыя не были измѣнены актомъ соединенія и охраненія. Между тѣмъ война съ Россіею все еще не была окончена и только въ 1790 г. состоялся миръ въ деревнѣ Верелѣ, который сохранилъ положеніе дѣлъ до войны. Два года спустя король Густавъ III былъ убитъ на маскарадѣ капитаномъ Анкарстремомъ и на престолъ вступилъ сынъ его Густавъ IV Адольфъ, въ царствованіе котораго произошла война между Швеціею и Россіею, кончившаяся присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи. На этомъ можно считать поконченнымъ историческій очеркъ политическихъ отношеній русскаго правительства къ финскому народу въ шведскій періодъ исторіи Финляндіи. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію исторіи завоеванія края и организаціи изъ онаго обособленнаго во внутреннемъ управленіи государства, мы позволимъ себѣ резюмировать вышеизложенное, повергая при этомъ на судъ читателя нѣсколько нашихъ выводовъ, основанныхъ на указанныхъ нами историческихъ фактахъ. Мы видѣли, что великая Сѣверная война и Ништадскій миръ произвели огромную перемѣну во взаимныхъ сношеніяхъ между собою какъ сѣверо-восточныхъ государствъ Европы, такъ и прочихъ европейскихъ державъ. Русская имперія, съ новою своею столицею на берегу Финскаго залива, разъ отгѣснивши нѣкогда могущественную Швецію, заняла преобладающее положеніе между великими европейскими державами и отнынѣ должна была стремиться къ обезпеченію за собою результатовъ Ништадскаго мира посредствомъ достиженія имперіею на западѣ естественной границы своей, т. е. Ботническаго залива. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого переворота на сѣверо-востокѣ Европы была борьба изъ-за Финляндіи, которая, вслѣдствіе своей близости къ новой русской столицѣ, приобрѣла важное стратегическое значеніе для имперіи. Дѣйствительно, мы видимъ, что неизвѣстный пока край съ его еще менѣе извѣстнымъ населеніемъ начинаетъ съ этого времени входить въ сферу дипломатическихъ комбинацій русскаго правительства. Постепенно политика Россіи въ Финляндіи приняла опредѣленное направленіе, выразившееся, главнымъ образомъ, въ стремленіи русскихъ пословъ въ Стокгольмъ, напр., Бестужева, Корфа, Панина и впоследствии Симолина, поддержать пробудившуюся между недовольными финнами

и постепенно выработывавшуюся мысль объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и образованія изъ края самостоятельнаго финскаго государства подъ покровительствомъ Россіи. Эта мысль повторялась по нѣсколько разъ и дала направленіе политикѣ русскаго правительства, по отношенію къ Финляндіи, начиная съ царствованія Императрицы Елизаветы, предложившей въ указанномъ нами манифестѣ 1742 г. финнамъ свое содѣйствіе къ отдѣленію края отъ Швеціи и созданія изъ Финляндіи самостоятельнаго государства и кончая Императрицею Екатериною II, которая на сдѣланное аньяласкими заговорщиками предложеніе отвѣтила выраженіемъ желанія вступить въ переговоры съ законнымъ представительствомъ Финляндіи, которое могло бы дать переговорамъ законную прочность. Сверхъ этого нельзя не замѣтить, что политика русскаго правительства въ Финляндіи отличалась не столько безусловнымъ стремленіемъ занять край военною силою и укрѣпиться на мѣстѣ при помощи войска и посредствомъ вытѣсненія шведской культуры и замѣны шведской государственной организаціи русскимъ строемъ управленія, сколько попытками создать себѣ въ мѣстномъ населеніи надежный оплотъ противъ внѣшнихъ враговъ имперіи и образовать возлѣ новой столицы дружественный и связанный интересами элементъ. Такой взглядъ русскаго правительства проявляется, главнымъ образомъ, во время окупаціи края русскими войсками въ войнѣ 1741—1743 гг., въ теченіе которой хотя и не было исполнено обѣщанное въ манифестѣ 1742 г. образованіе изъ страны самостоятельнаго государства, сохраненъ былъ государственный и административный строй края, при чемъ соблюдалась строжайшая дисциплина въ окупаціонномъ отрядѣ и были, по возможности, охраняемы русскими военными властями мѣстный законъ и права населенія. Такое направленіе политики основывалось, главнымъ образомъ, на проявленіи въ Финляндіи послѣ великой Сѣверной войны неудовольствія общимъ положеніемъ дѣлъ и на стремленіи отдѣлить родину отъ Швеціи и организовать изъ края самостоятельную автономическую единицу. Эта идея находила себѣ въ разные періоды времени послѣдователей, доказательствомъ чего могутъ служить нѣсколько политическихъ процессовъ, происходившихъ въ то время, неоднократно проявлявшееся броженіе умовъ въ странѣ, обратившее на себя, какъ извѣстно, вниманіе шведскаго правительства, и, наконецъ, аньяласкій заговоръ. Конечно, указанные нами примѣры лишь отдѣльные случаи, и мы не станемъ утверждать, что аньяласкіе заговорщики, въ особенности же Спренгпортень, руководствовались въ своихъ планахъ исключительно патріотическими соображеніями, но

во всякомъ случаѣ намъ кажется знаменательнымъ уже то обстоятельство, что неудовольствія въ Финляндіи выражались послѣдовательно именно въ этой формѣ и что вообще мысль объ отдѣленіи страны отъ Швеціи въ продолженіе извѣстнаго періода времени могла соединять между собою лицъ, недовольныхъ общимъ положеніемъ дѣлъ. Но эта идея о политической эманципаціи отъ Швеціи не проникла въ народъ и не могла нарушить въ большинствѣ народа чувства привязанности къ Швеціи, съ которою Финляндія жила одной культурной и государственной жизнью болѣе 6-ти столѣтій. Съ другой же стороны вполне должно признать, что живое чувство солидарности финскаго народа со шведскимъ, сознание общности интересовъ стали утрачиваться въ Финляндіи съ теченіемъ времени. Бѣдственное положеніе населенія послѣ великой Сѣверной войны, раздѣленіе края на шведскую и русскую части, успѣхи русской дипломатіи въ Швеціи и направленіе русской политики въ Финляндіи, наконецъ, убѣжденіе, что русская имперія заняла мѣсто Швеціи на сѣверо-востокѣ Европы,—все это подготовляло и способствовало укрѣпленію мысли о близкомъ присоединеніи края къ имперіи. Почва къ такому повороту судьбы мало по малу подготовлялась и тѣсныя связи съ Швеціею начали расшатываться. Между тѣмъ, плоды культуры и пробуждавшееся сознание національности въ финскомъ народѣ допускали возможность осуществленія идеи о самостоятельномъ существованіи. И новая связь съ Россіей, подъ условіемъ сохраненія такой самостоятельности, уже болѣе не страшна была народу, утомившемуся отъ періодически повторяющихся войнъ изъ-за обладанія края. Этимъ объясняется болѣе или менѣе спокойный переходъ финскаго народа въ новое подданство и твердое вступленіе на новый путь самостоятельнаго политическаго развитія подъ сѣнью русскихъ Императоровъ.

II.

Переходя въ настоящее время къ изложенію исторіи присоединенія Финляндіи къ Имперіи и образованія изъ края обособленнаго во внутреннемъ управленіи государства, мы остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ событіяхъ, описаніе которыхъ дастъ читателю опредѣленное понятіе о причинахъ и самомъ фактѣ созданія возлѣ Имперіи самостоятельной автономной единицы. Сюда входитъ, главнымъ образомъ, описаніе финляндской депутаціи 1808 года, отправленной изъ Финляндіи въ С.-Петербургъ и представившейся здѣсь Императору Александру I, затѣмъ изложеніе событій на Боргоскомъ сеймѣ съ относящимися сюда актами, манифестами и рѣчами, наконецъ, краткое изображеніе организаціи управленія Великаго Княжества. Въ этомъ отношеніи мы, конечно, не могли, какъ въ предъидущей главѣ, руководствоваться также русскими источниками, потому что таковыхъ, за малымъ исключеніемъ, вовсе нѣтъ, а должны были заимствовать историческія данныя для представляемаго очерка изъ сочиненій финляндскихъ ученыхъ, спеціально занимавшихся этимъ важнымъ для финскаго народа періодомъ времени, на примѣръ, изъ изслѣдованій недавно умершаго Кастрена ¹⁾ и историка Ирйо Коскинена ²⁾. При этомъ, однако, мы приведемъ въ переводѣ подлинный текстъ важнѣйшихъ актовъ и произнесенныхъ рѣчей, предоставляя читателямъ на основаніи оныхъ провѣрять наши послѣдующіе выводы.

Причина войны 1808 и 1809 годовъ, окончившейся завоеваніемъ Финляндіи, лежала, главнымъ образомъ, во внѣшней политикѣ короля Густава IV Адольфа. Питая непримиримую ненависть къ Наполеону, Густавъ въ 1805 и 1806 годахъ сталъ вмѣшиваться въ войны противъ Наполеона. Въ то время Наполеонъ, побѣдивши почти всю Европу, вводилъ всюду континентальную систему, которая должна была уничтожить всемірную торговлю Англіи. Густавъ IV не только упорно не соглашался ввести ее въ Швецію, но и не отказался отъ союза съ Англіею. Когда, наконецъ, въ Тильзитѣ состоялся миръ между Наполеономъ и Александромъ I и «раздѣлъ Европы между Франціею и Россіею», императоръ Александръ взялся заставить

¹⁾ „Skildringar ur Finlands nyare historia“ af Robert Kastren.

²⁾ Finlands Historia af Yrjo Koskinen.

Густава отказаться отъ союза съ Англіей, за что, съ согласіемъ французскаго императора, могъ завоевать и присоединить къ своей имперіи Финляндію. Въ 1808 году русскія войска, строго говоря безъ формальнаго объявленія войны, перешли границы Финляндіи. Русскими войсками командовалъ графъ Буксгевденъ, шведскими же Клеркеръ, а послѣдствіемъ графъ Клингспоръ. Начало войны было весьма неудачно для шведскихъ войскъ, потому что Клингспоръ не отличался способностью къ энергичнымъ дѣйствіямъ, наоборотъ, испортилъ съ самаго начала весь походъ. Вскорѣ вся южная часть Финляндіи, благодаря безумному отступленію Клингспора, была занята русскими войсками, и 8-го мая недоступная крѣпость Свеаборгъ сдалась на капитуляцію. Въ Петербургѣ считали уже Финляндію завоеванною и главнокомандующій Буксгевденъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ населенія къ присягѣ на вѣрноподданство Императора Александра I. Вообще первоначальный быстрый успѣхъ военныхъ дѣйствій, повидимому, имѣлъ вліяніе на направленіе политики въ завоеванномъ краѣ. Такъ, одновременно со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Финляндію, была обнародована прокламація о созывѣ, между прочимъ, депутатовъ финскаго народа на сеймъ въ г. Або «для совѣщаній о всемъ, относящемся къ пользѣ страны»¹⁾. Эту мѣру, а также и неоднократныя подтвержденія правъ населенія и конституціи края въ разныхъ манифестахъ и прокламаціяхъ приходится приписывать вліянію Спренгпортена, который, занимая выдающее положеніе при русскомъ дворѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ войны, былъ ближайшимъ совѣтникомъ Императора въ дѣлахъ, касающихся Финляндіи. Но по мѣрѣ успѣха военныхъ дѣйствій замѣтно отступленіе отъ первоначальнаго плана. Такъ, въ послѣдующихъ манифестахъ и прокламаціяхъ не упоминается болѣе объ Абоскомъ сеймѣ и въ деклараціи къ европейскимъ державамъ отъ 28-го марта говорится о присоединеніи края къ Россіи безъ всякой оговорки о правахъ или привилегіяхъ населенія. Вообще нужно замѣтить, что очень трудно разобраться въ часто противорѣчащихъ другъ другу манифестахъ, указахъ и прокламаціяхъ, которые въ то время, числомъ свыше пятидесяти, были обнародованы въ краѣ. Между тѣмъ, дѣла на сѣверѣ края пошли далеко не такъ успѣшно, какъ можно было предположить послѣ сдачи Свеаборга. Полководцы, какъ Адлеркрейцъ и Сандельсъ, командовали тамъ небольшими отрядами, которыми постоянно беспокоили русскія войска, то бросались имъ въ тылъ и жгли продовольственные магазины, то разбивали или брали

¹⁾ Прокламація 6 (18) февраля 1808 года, смотр. Finska Deputationen 1808 Robert Kasstrén.

въ плѣнъ отдѣльныя части русскаго войска, даже на время заставили отступить всю русскую армію. Такого рода положеніе дѣлъ на сѣверѣ и повторяющіяся народныя возстанія въ уже завоеванныхъ частяхъ края убѣдили Императора, что покореніе края и умиротвореніе населенія далеко не были окончены. Потребовалась присылка подкрѣпленій въ Финляндію, но и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно возвращеніе къ первоначальному плану будущей организаціи края. Отошедшій было на задній планъ Спренгпортенъ явился снова со своими совѣтами и по инициативѣ его главнокомандующій графъ Буксгевденъ обнародовалъ прокламацію, въ которой онъ приглашалъ жителей выбрать отъ себя представителей и снарядить депутацію въ Петербургъ, гдѣ она могла-бы представить предъ Императоромъ желанія и нужды финскаго народа. Дѣйствительно, депутація собралась и отправилась въ С.-Петербургъ. Депутація состояла изъ четырехъ дворянъ, барона Маннергейма, Сильвершѣльда, Ротчирха и Краббе, четырехъ лицъ духовнаго званія, семи представителей городскаго и пяти крестьянскаго сословія. 18 (30) ноября депутація представилась Императору въ Зимнемъ дворцѣ въ присутствіи тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ графа Салтыкова и барона Спренгпортена. Предсѣдатель депутаціи, баронъ Маннергеймъ, обратился къ Императору съ рѣчью, въ которой выразилъ благодарность за всемилостивѣйшее обѣщаніе сохранить религію и основныя законы и прочія права и привиллегіи, которыми издавно пользовались жители Финляндіи вообще и сословія въ отдѣльности. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Императоръ Александръ I выразилъ намѣреніе сохранить вѣру, законы и права населенія и содѣйствовать по мѣрѣ силъ благополучію Финляндіи. На слѣдующій день, 1-го декабря, всѣ депутаты подписали особый меморандумъ, въ которомъ они указали на незаконность ихъ избранія и описали настоящую законную организацію сейма и выборы къ нему. Также заявили они, что не считаютъ себя компетентными представителями сословія, и просили Императора собрать законныхъ земскихъ чиновъ на сеймъ согласно конституціи страны. Александръ I милостиво принялъ меморандумъ и тутъ же назначилъ барона Спренгпортена генераль-губернаторомъ Финляндіи. Вскорѣ послѣ того Спренгпортенъ принесъ депутаціи отвѣтъ Императора, въ которомъ Александръ I выразился, что онъ вполне понимаетъ значеніе этой депутаціи и что онъ намѣренъ созвать въ скоромъ времени въ Финляндіи всеобщій сеймъ. Дѣйствительно, 1-го февраля 1809 года, слѣдовательно до заключенія мира въ Фридрихсгамѣ, было обнародовано обѣщанное высочайшее повелѣніе о созваніи земскихъ чиновъ на общій сеймъ въ городѣ Борго на 10 (22) марта того же года. Оно гласитъ въ переводѣ со

шведскаго (русскаго текста нѣтъ и по всей вѣроятности вовсе не было): «Божіею Милостію Мы Александръ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч., Великій Князь Финляндскій, съ помощію Всевышняго посылаемъ благосклонное Наше привѣтствіе вамъ, любезновѣрнымъ подданнымъ Нашимъ, жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго, графамъ, баронамъ, рыцарямъ, епископамъ, духовенству, городскому и крестьянскому сословіямъ. Такъ какъ Мы Божіею помощію и благодаря успѣхамъ Нашего войска присоединили навсегда Великое Княжество Финляндское, то счастье и благоденствіе его составляютъ первый предметъ Нашей заботы. Убѣжденный, что земскіе чины Финляндіи соединять свои усилія для споспѣшествованія и достиженія этой цѣли, приказываемъ и повелѣваемъ Мы собрать всеобщій сеймъ, согласно законамъ страны, въ городѣ Борго, на 10-е марта нынѣшняго года. Въ силу сего обязаны явиться туда земскіе чины, согласно сеймовому порядку, для совѣщаній по тѣмъ дѣламъ которыя Намъ благоугодно будетъ предложить имъ на обсужденіе».

Къ назначенному времени собрались представители финскаго народа и 15-го марта прибылъ, какъ извѣстно, самъ императоръ, сопровождаемый блестящею свитою изъ первыхъ сановниковъ имперіи, напр., графомъ Румянцевымъ, графомъ Толстымъ, графомъ Аракчеевымъ, княземъ Гагаринымъ ¹⁾ и М. М. Сперанскимъ. За день передъ тѣмъ были назначены предсѣдатели трехъ недворянскихъ палатъ, ландмаршаломъ же (предсѣдатель палаты дворянъ) былъ опредѣленъ баронъ Робертъ-Вильгельмъ Де-Гееръ. Послѣдній былъ однимъ изъ участниковъ анъяласкаго заговора и послѣ неудачнаго исхода его лишился должности губернатора и жилъ въ своемъ помѣстьѣ до войны 1808 года; во время этой войны онъ, находясь въ сношеніяхъ съ Спренгпортенемъ, отправился въ Петербургъ для содѣйствія Спренгпортену въ его планахъ объ организациі самостоятельнаго Великаго Княжества въ соединеніи съ русскою Имперіею. Послѣ сейма Де-Гееръ, возведенный въ графское достоинство, былъ назначенъ членомъ хозяйственнаго департамента учрежденнаго въ то время правительственнаго совѣта, переименованнаго впослѣдствіи въ финляндскій сенатъ.

Тутъ же передъ открытіемъ сейма возвращены были права дворянства нѣкоторымъ лицамъ, лишеннымъ этого права за участіе

¹⁾ По пріѣздѣ въ Петербургъ кн. Гагаринъ изложилъ свои впечатлѣнія о Финляндіи въ маленькой книжкѣ подъ заглавіемъ „Les treize journées ou la Finlande“, которая, впрочемъ, ничего важнаго для нашего предмета не содержитъ. Е. Е.

въ анъяласкомъ заговорѣ, напримѣръ, Спренгпортену, Егергорну, Глансеншерна, Ладау и сыну маюра Клика. Изъ нихъ засѣдали въ дворянской палатѣ Егергорнъ, назначенный послѣ сейма членомъ комитета финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ, и Ладау, состоявшій впослѣдствіи сенаторомъ. Въ предсѣдатели палаты духовенства Императоромъ былъ выбранъ абоскій епископъ Тенгстрёмъ, съ которымъ, какъ съ примасомъ финляндской церкви, еще въ началѣ войны Императоръ велъ конфиденціальные переговоры, черезъ посредство какого-то агента, о будущемъ положеніи Финляндіи ¹⁾.

16-го марта послѣдовало торжественное открытіе сейма. Послѣ богослуженія въ соборѣ, Императоръ и земскіе чины собрались въ залу гимназіи, гдѣ воздвигнуть былъ тронъ, съ котораго Императоръ Александръ краткою французскою рѣчью провозгласилъ сеймъ открытымъ. Затѣмъ выступили по очереди ландмаршалъ и предсѣдатели палатъ и произнесли привѣтственные рѣчи Императору, послѣ чего юстиціи-канцлеръ баронъ Тандефельдъ прочелъ четыре высочайшихъ предложенія, внесенныхъ на обсужденіе сейма. При этомъ велъ протоколъ засѣданія вновь назначенный статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи М. М. Сперанскій, при содѣйствіи помощника его, барона Ребиндера ²⁾. Такимъ образомъ былъ открытъ первый финляндскій сеймъ согласно предписаннымъ закономъ формальностямъ и только на другой день, именно 17-го марта, произошла торжественная присяга представителей финскаго народа на вѣрноподданство Императору Александру. Въ этотъ знаменательный для исторіи финскаго народа день земскіе чины собрались снова въ соборѣ, куда и прибылъ Императоръ со своею свитою. Церемоніаль начался съ произнесеній ландмаршаломъ и предсѣдателями палатъ благодарственныхъ рѣчей за всемилостивѣйшее обѣщаніе «сохранить въ силѣ конституцію Финляндіи», затѣмъ земскіе чины, каждая палата по очереди, выступали и повторяли за юстиціи-канцлеромъ слова присяги, въ которой, главнымъ образомъ, обязались «имѣть и почитать своимъ законнымъ верховнымъ главою августѣйшаго монарха Александра I, Императора и Самодержца всей Россіи, Великаго Князя Финляндскаго, и ненарушимо сохранять въ силѣ основные законы и конституцію страны, которые нынѣ приняты и признаны обязательными». Послѣ этой присяги генераль-губернаторомъ Спренгпортенемъ было прочтено, подписанное Императоромъ 15 марта, утвержденіе конституціи Великаго Княжества, слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Souvenirs de ma vie, Robert-Henrik Rehbinder.

²⁾ Послѣ Сперанскаго баронъ Ребиндеръ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи.

«Божією милостію, Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволимъ» ¹⁾.

Послѣ чтенія этого манифеста Императоръ обратился къ депутатамъ съ слѣдующими словами:

— «Глубоко тронутый, я внемлю присягѣ, принесенной мнѣ на вѣрнопоподданство и послушаніе жителями Финляндіи черезъ ихъ законно-выбранныхъ представителей. Узы, соединяющія меня съ ними, подкрѣпленныя свободнымъ проявленіемъ преданности ихъ и освященныя этимъ торжественнымъ актомъ соединенія, становятся еще драгоцѣннѣе моему сердцу, соотвѣтствуютъ еще болѣе моимъ принципамъ. Обѣщаясь сохранить ихъ вѣру и основные законы, я этимъ хотѣлъ удостовѣрить, насколько я цѣню проявленіе искренней любви и довѣрія ко мнѣ. Молю Всевышняго о дарованіи мнѣ силы и мудрости, чтобы править этимъ достопочтеннымъ народомъ согласно его законамъ и неизмѣнному порядку вѣчнаго правосудія» ²⁾.

По провозглашеніи затѣмъ герольдомъ Императора Александра Великимъ Княземъ Финляндскимъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго торжество кончилось.

Чтобы характеризовать настроеніе умовъ нѣкоторыхъ участниковъ этого акта, мы приведемъ выписку изъ относящагося сюда мѣста въ мемуарахъ графа Манергейма ³⁾. Онъ пишетъ: «Утромъ 29-го марта н. с. объявлено было двумя герольдами, что земскіе члены имѣютъ собраться въ соборъ къ 12 часамъ дня, для присутствованія при торжественномъ актѣ и для присяги на вѣрнопоподданство. По собраніи земскихъ чиновъ въ соборѣ, его Императорское Величество изволилъ явиться туда въ торжественномъ шествіи, сопровождаемый

¹⁾ Прибавленіе къ уложенію Вел. Кн. Финляндскаго, стр. 233, текстъ русскій.

²⁾ Сборникъ постановленій Вел. Кн. Финляндскаго, часть I, 1808—1812 гг., текстъ шведскій.

³⁾ Баронъ Манергеймъ — одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ дѣятелей боргоскаго сейма, впослѣдствіи былъ возведенъ въ графское достоинство.

свитою, и занялъ тронъ, послѣ чего его величество открылъ собраніе краснорѣчивою и трогательною рѣчью на французскомъ языкѣ, которая затѣмъ была прочитана генераль-губернаторомъ въ шведскомъ переводѣ. Государь Императоръ, во время произнесенія рѣчи, видимо былъ тронутъ, въ особенности въ моментѣ, когда, обратившись къ алтарю, призывалъ милосердіе и благословеніе Провидѣнія для того, чтобы съ кротостью и справедливостью править честнымъ финскимъ народомъ и содѣйствовать его будущему благополучію. По призыву затѣмъ юстиціи-канцлера, стоявшаго на второй ступени трона, выступили члены рыцарства и дворянства передъ трономъ и вслѣдъ за канцлеромъ произнесли съ поднятыми перстами слова присяги на вѣрноподданство. Такимъ же порядкомъ присягали и прочіе земскіе чины, одно сословіе за другимъ. Послѣ этого генераль-губернаторъ объявилъ, что Его Императорскому Величеству благоугодно было все-милостивѣйше утвердить конституцію Финляндіи въ настоящей ея обязательной силѣ, также какъ и права и привилегіи каждаго сословія, и съ этою цѣлью выдалъ подкрѣпленное его подписью высочайшее утвержденіе, которое было прочтено генераль-губернаторомъ, а затѣмъ передано ландмаршалу. Послѣ этого слѣдовали всеподданнѣйшія благодарственныя рѣчи ландмаршала и тальмановъ по очереди. Затѣмъ выступилъ герольдъ дворянства и рыцарства и провозгласилъ громкимъ голосомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ: «Да здравствуетъ Александръ I, Императоръ всей Россіи, Великій Князь Финляндскій». По совершеніи затѣмъ боргоскимъ домпробстомъ благодарственной молитвы, былъ пропѣтъ «Те Деумъ», при звукахъ трубъ и литавръ, послѣ чего Государь Императоръ удалился въ свои покои.

«Такъ завершился, добавляетъ Манергеймъ, этотъ знаменательный въ исторіи Финляндіи день и пусть населеніе Финляндіи никогда не будетъ имѣть причины сожалѣть о томъ, что тогда совершилось передъ алтаремъ Господнимъ. Высочайшее Государя Императора утвержденіе конституціи—эта magna charta Финляндіи—была затѣмъ напечатана и съ тѣхъ поръ хранится во всѣхъ церквяхъ края».

На другой день императоръ уѣхалъ изъ Борго и черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда императора, именно 23-го марта (4-го апрѣля) было обнародовано высочайшее объявленіе ко всѣмъ жителямъ Финляндіи, относящееся къ совершившемуся въ Борго событію. Оно гласитъ въ переводѣ ¹⁾. «Собравъ земскіе чины Финляндіи на общій сеймъ и принявъ принесенную ими присягу на вѣрноподданство, Мы

¹⁾ Сборникъ постановленій В. К. Ф., ч. I, стр. 23, переводъ съ шведскаго языка.

признали за благо, при этомъ случаѣ торжественнымъ, въ присутствіи ихъ учиненнымъ и въ храмѣ Божіемъ обнародованнымъ, актомъ удостовѣрить ихъ религію и подтвердить основные законы, равно какъ всѣ права и привилегіи, коими каждое сословіе въ отдѣльности и всѣ жители Финляндіи вообще до сихъ поръ пользовались. Предоставляя симъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ Финляндіи вышеозначенный актъ, Мы вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что, подтвердивъ и примѣнивъ Себя къ вѣками сложившемуся въ странѣ порядку, Мы считаемъ присягу, на вѣрноподданство земскими чинами вообще и представителями крестьянскаго сословія въ особенности добровольно и непринужденно отъ своего и отъ имени отсутствующихъ согражданъ принесенную, обязательною для всѣхъ безъ исключенія жителей Финляндіи. Будучи совершенно убѣждены, что сей добрый и честный народъ всегда будетъ питать къ Намъ и Нашимъ наслѣдникамъ ту-же вѣрность и неизмѣнную преданность, Мы не преминуемъ съ помощью Всевышняго явить ему примѣры постоянной Нашей отеческой о благосостояніи его заботливости».

Послѣ отъѣзда императора изъ Борго земскіе чины занялись обсужденіемъ высочайшихъ предложеній, которыя касались, главнымъ образомъ, сформированія туземнаго войска, порядка взиманія податей и налоговъ, установленія монетной и денежной системы и организаціи управленія Великимъ Княжествомъ. Первые три предложенія были распредѣлены, для предварительной разработки, между состоящими изъ земскихъ депутатовъ гражданско-хозяйственной и финансовою комиссіями, въ составъ которыхъ вошли 15 человекъ, по 6-ти дворянъ и по 3 съ трехъ остальныхъ сословій. При этомъ эти предложенія, относящіяся къ главнѣйшимъ задачамъ внутренняго устройства Княжества, не были составлены въ видѣ подлежащихъ проектовъ, съ готовымъ указаніемъ или направленіемъ разрѣшенія вопросовъ, а заключали въ себѣ лишь общіе предметы обсужденія земскихъ чиновъ, открывая такимъ образомъ представителямъ народа широкій просторъ и самостоятельную инициативу въ разрѣшеніи этихъ первостепенныхъ по важности вопросовъ внутренней организаціи создаваемого государства. На высочайшее предложеніе, касающееся сформированія туземнаго войска, представители отвѣтили ходатайствомъ о сохраненіи прежней организаціи воинской повинности или такъ называемой поселенной системы, введенной королемъ Карломъ XI въ концѣ XVII столѣтія. По этой системѣ населеніе края было освобождено на вѣчныя времена отъ рекрутской повинности, съ тѣмъ, однако, чтобы жители сами отъ себя ставили и содержали необходимое число солдатъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время

Съ этою цѣлью весь край былъ раздѣленъ на извѣстное число округовъ, называемыхъ гота. Каждая такая рота, состоящая изъ одного или двухъ имѣній, носила обязанность поставки, вооруженія и содержанія пѣхотнаго солдата. Сверхъ этого было выдѣлено извѣстное число лучшихъ имѣній, которыя должны были нести повинность поставки и содержанія конницы. вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе чины просили, чтобы офицеры и солдаты милиціи исключительно состояли изъ уроженцевъ края и чтобы это національное войско было предназначено только для защиты родины и не могло быть выведено на походы и войны внѣ границъ Финляндіи. Императоръ утвердилъ рѣшеніе сейма и одобрилъ петиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ пока расформировать земскую милицію. Тѣмъ не менѣе, прежняя поселенная система была сохранена въ принципѣ, такъ какъ приписанныя къ поставкѣ и содержанію пѣхоты и конницы имѣнія, которыя теперь освободились отъ натуральной повинности поставки войска, были обложены ежегодно, такъ называемою, вакантною податью. Эта подать, вмѣстѣ съ прочими специально военскими налогами разныхъ наименованій, не входили въ общій счетъ доходовъ края и откладывались въ милиціонный фондъ, изъ котораго, начиная съ 1812 года, покрывались издержки на вербовку людей въ учрежденную въ то время финскую національную милицію. Эта система сохранилась до введенія общей воинской повинности въ 1881 году, при чемъ и тутъ остался въ силѣ принципъ національности финскихъ войскъ. Второе высочайшее предложеніе касалось взиманія государственныхъ налоговъ и податей.

Въ это сообщеніе земскимъ чинамъ былъ включенъ принципъ самостоятельности финансоваго хозяйства Великаго Княжества, выраженный въ формальномъ опредѣленіи, что доходы края имѣютъ поступать только въ пользу и на благо Финляндіи. Затѣмъ частная разработка вопроса объ организаціи финансовъ и государственнаго бюджета края была предоставлена земскимъ чинамъ, которые предварительно занялись установленіемъ и регулированіемъ поземельныхъ налоговъ и системы казенныхъ податей, а затѣмъ, по обсужденіи вопроса объ улучшеніи общаго положенія чиновниковъ посредствомъ увеличенія ихъ содержанія и усиленія состава ихъ, также какъ и вопроса объ ассигнованіи необходимыхъ суммъ на общепользные учрежденія, приступили къ установленію бюджета государственныхъ доходовъ и расходовъ Великаго Княжества. Рядомъ съ установленіемъ нормальнаго бюджета финансовою комиссіею былъ обсужденъ вопросъ о введеніи въ край однообразной денежной и монетной системы для регулированія обращенія шведскихъ и русскихъ денежныхъ знаковъ.

По передачѣ затѣмъ отзыва комиссіи въ отдѣльныя палаты, земскіе чины, принявъ большинствомъ трехъ сословій противъ одного русскую денежную систему, вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовали объ учрежденіи особаго для края національнаго банка, находящагося подъ покровительствомъ императора и управляемаго земскими чинами. Это постановленіе сейма въ послѣдствіи было одобрено императоромъ Александромъ I и по представленіи тогдашнимъ правительственнымъ совѣтомъ проекта, уставъ такъ называемой мѣняльной ссудо-сберегательной конторы для Великаго Княжества Финляндскаго былъ высочайше утвержденъ 12-го декабря 1811 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ этой конторѣ былъ выданъ изъ государственныхъ суммъ основной капиталъ въ размѣрѣ милліона рублей ассигнаціями. Первоначально банкъ состоялъ подъ контролемъ и высшимъ управленіемъ хозяйственнаго департамента сената, при чемъ ревизія суммъ и управленія банка ежегодно производилась подъ руководствомъ одного сенатора и въ присутствіи четырехъ уполномоченныхъ, избираемыхъ ежегодно сенатомъ изъ представителей четырехъ сословій края. Такой порядокъ участія уполномоченныхъ въ ревизіи капиталовъ сохранился до 1867 года, когда обнародованы были новыя постановленія, въ силу которыхъ управленіе банкомъ, завѣдываніе и отвѣтственность за состоящіе въ банкѣ основной и депозитный капиталы возлагаются на земскихъ чиновъ при посредствѣ четырехъ избираемыхъ на каждомъ сеймѣ банковыхъ уполномоченныхъ, по одному изъ cadaго сословія. Эти уполномоченные обязаны руководствоваться инструкціями, изданными для нихъ земскими чинами, которые на каждомъ срочномъ сеймѣ въ лицѣ четырехъ ревизоровъ производятъ ревизію управленія банка и составляютъ отчеты его. Такимъ образомъ банкъ находится въ завѣдываніи представителей народа, причемъ начало такому порядку управленія его было положено на боргоскомъ сеймѣ.

Наконецъ, для разработки вопроса объ учрежденіи высшаго центрального управленія, подъ названіемъ правительственнаго совѣта, гдѣ всѣ отрасли управленія могли бы сосредоточиваться для возможности совокупнаго надзора за ними и направленія ихъ дѣятельности, была составлена комиссія для предварительной обработки проекта таковаго учрежденія. Въ этой комиссіи засѣдали епископъ Тенгстремъ въ качествѣ предсѣдателя, членъ гофгерихта Гюльденстоल्पе, баронъ Манергеймъ, членъ суда баронъ Ребиндеръ, профессоръ Гадолинъ и лучший законовѣдъ того времени, профессоръ Калоніусъ, который хотя и отсутствовалъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ большое вліяніе на общее направленіе занятій комиссіи. Этотъ проектъ былъ посланъ въ С.-Петербургъ, гдѣ удостоился высочайшаго утвержденія, а затѣмъ доставленъ

въ Борго барономъ Ребиндеромъ и принять сеймомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Александръ предложилъ представителямъ народа выбрать четырнадцать челоуѣкъ изъ уроженцевъ края, по равному числу дворянъ и горожанъ, въ члены этого правительственнаго совѣта, что и было исполнено сеймомъ. Такимъ образомъ организація высшаго центральнаго управленія въ краѣ была предоставлена инициативѣ земскихъ чиновъ, также какъ и первоначальный составъ этого учрежденія, по волѣ императора, былъ поставленъ въ зависимость отъ свободнаго выбора депутатовъ. Этотъ уставъ совѣта, принятый сеймомъ, былъ высочайше утвержденъ 18-го августа 1809 года и съ тѣхъ поръ совѣтъ, переименованный въ 1816 году въ финляндскій сенатъ, сохранилъ, за нѣкоторыми частными измѣненіями, въ главныхъ основаніяхъ первоначальную свою организацію, полученную на боргоскомъ сеймѣ ¹⁾. Организація его состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ. Сенату, имѣющему мѣстопробываніе въ столицѣ края, Гельсингфорсѣ, и состоящему нынѣ изъ 19-ти членовъ, назначаемыхъ срокомъ на три года Государемъ изъ финляндскихъ гражданъ, вѣрено, во первыхъ, высшее мѣстное управленіе Финляндіей въ предѣлахъ закона и, во вторыхъ, судопроизводство въ высшей инстанціи, кромѣ дѣлъ, подлежащихъ собственному разрѣшенію Государя и докладываемыхъ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества. Согласно этой двоякой компетенціи, сенатъ раздѣленъ на два департамента, именно на хозяйственный, состоящій изъ шести экспедицій, и на судебный департаментъ. Хозяйственный департаментъ сосредоточиваетъ въ себѣ высшую администрацію края по всѣмъ отраслямъ управленія, распределеннымъ по категоріямъ дѣлъ между экспедиціями: гражданскою, соотвѣтствующею по своей компетенціи приблизительно министерству внутреннихъ дѣлъ, финансовою—вѣдающею финансы края, торговлю и фабричную промышленность, камерною или контрольною, съ функціями государственнаго контроля, милиціонною, въ которой сосредоточена хозяйственная часть мѣстнаго военнаго вѣдомства, экспедиціею духовныхъ дѣлъ, завѣдывающею народнымъ просвѣщеніемъ и дѣлами церкви и, наконецъ, недавно учрежденною земледѣльческою экспедиціею, въ вѣдѣніи которой также находится главное управленіе путей сообщенія. Что же касается дѣлопроизводства въ сенатѣ, то дѣла, смотря по характеру ихъ, приготавливаются первоначально въ соотвѣтствующихъ экспедиціяхъ и затѣмъ рѣшаются въ общемъ собраніи хозяйственнаго

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Финляндіи можно получить въ недавно вышедшей брошюрѣ сенатора Л. Мехелина: „Précis du droit public du Grand Duché de Finlande“.

департамента. Съ другой стороны, судебный департаментъ представляетъ высшую судебную инстанцію, вѣдающую вмѣстѣ съ тѣмъ судебную администрацію по подвѣдомственнымъ ему высшимъ и низшимъ судебнымъ учрежденіямъ края. Кромѣ этихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ по департаментамъ, нѣкоторыя общія и болѣе важныя дѣла разбираются непосредственно въ общемъ собраніи сената, причемъ предсѣдательствуетъ генераль-губернаторъ. Наконецъ, къ составу сената принадлежитъ еще прокуроръ, являющійся высшимъ блюстителемъ законности и основныхъ началъ конституціи, имѣющій въ нѣкоторыхъ случаяхъ право непосредственнаго доклада Государю Императору. Изъ этого видно, что сенатъ представляетъ собою высшее центральное правительство въ Финляндіи, гдѣ всѣ касающіяся края дѣла рѣшаются не единоличною властью, а коллегіальнымъ порядкомъ за общею отвѣтственностью. Въ этомъ отношеніи сенатъ ближе всего подходитъ къ типу западно-европейскихъ кабинетовъ, но съ другой стороны существенно отличается отъ нихъ отвѣтственностью передъ монархомъ, а не передъ народнымъ представительствомъ, и порядкомъ разбора нѣкоторыхъ болѣе важныхъ дѣлъ совмѣстно съ высшею судебною инстанціею, т. е. судебнымъ департаментомъ сената. Замѣтимъ еще, что дѣла, подлежащія рѣшенію Государя, приготавливаются сенатомъ и затѣмъ вмѣстѣ съ отзывомъ генераль-губернатора выходятъ нѣкоторыя черезъ состоящій при статсъ-секретаріатѣ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, нѣкоторыя же непосредственно черезъ министра статсъ-секретаря на благоусмотрѣніе Государя Императора. Таковы въ краткихъ чертахъ соображенія земскихъ чиновъ боргоскаго сейма на переданныя имъ на обсужденіе четыре высочайшихъ предложенія. Кромѣ этихъ предложеній, депутатами были обсуждаемы нѣкоторыя петиціи, подаваемые на высочайшее имя, такъ что сеймъ воспользовался предоставленнымъ ему по конституціи правомъ непосредственнаго обращенія къ монарху съ ходатайствами или готовыми проектами въ видѣ всеподданнѣйшихъ петицій.

Засѣданія сейма продолжались до 5-го (17-го) іюля того же года. Въ этотъ день Императоръ Александръ снова прибылъ въ Борго и на слѣдующій день, закрывая засѣданія сейма, обратился къ депутатамъ съ слѣдующею рѣчью:

— «Собравъ земскіе чины Финляндіи на общій сеймъ, Я желалъ узнать мысли и желанія націи въ отношеніи къ истинному благу края. Я обратилъ ваше вниманіе на вопросы высшей важности, касающіеся общаго благополучія. Будучи убѣжденъ въ искренности вашего образа мыслей, такъ какъ вамъ не безызвѣстны Мои благія намѣренія, Я предоставилъ вамъ полнѣйшую свободу въ вашихъ сужденіяхъ. Ни повелѣнія

ни постороннія неумѣстныя вліянія не стѣсняли свободы вашихъ совѣщаній. Я самъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ваши занятія не встрѣчали никакихъ стѣсненій и препятствій, и хотя Я и отсутствовалъ, но пожеланія Мои объ успѣхѣ въ вашихъ совѣщаніяхъ были съ вами. Соображенія, которыя Я принялъ отъ васъ, обнаруживаютъ вашу разсудительность и вашу любовь къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе при составленіи конституціи, которую я намѣренъ дать для блага Финляндіи. Ваши работы окончены въ настоящее время, но разойдясь, вы должны исполнить важную обязанность. Вы должны унести съ собою на родину и запечатлѣть въ сердцахъ вашихъ согражданъ то взаимное довѣріе, которое руководило вашими совѣщаніями. Сохраните тотъ же образъ мыслей и тѣ же убѣжденія о важной выгодѣ вашего политическаго положенія, о святости вашихъ законовъ, о личной безопасности и неприкосновенности права собственности. Принятый въ настоящее время въ число націй, подъ защитою своихъ законовъ, народъ сей будетъ вспоминать о прежнихъ своихъ правленіяхъ только для того, чтобы еще сильнѣе поддержать узы дружбы, которыя возстановятся вмѣстѣ съ миромъ. Я же воспользуюсь лучшими плодами Моихъ заботъ тогда, когда увижу, что народъ сей счастливъ, не подвергается нападенію извнѣ, свободенъ и занимается, подъ защитою своихъ законовъ и обычаевъ, земледѣліемъ и другими дозволенными средствами существованія. Тогда, достигнувъ истиннаго благоденствія, народъ сей оправдаетъ Мои намѣренія, и самъ будетъ благословлять свою судьбу».

Таковы всѣ внесенныя въ Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго акты и рѣчи Императора Александра I, относящіяся къ боргоскому сейму. Мы позволили себѣ привести ихъ потому, что всѣми этими актами и рѣчами Императора, въ ихъ совокупности, всесторонне освѣщается совершившееся въ Борго событіе. На этомъ сеймѣ какъ бы былъ заключенъ окончательный миръ, закрѣпленный договоромъ, между Императоромъ Александромъ I, подтвердившимъ и «примѣнившимъ себя къ вѣками сложившемуся въ странѣ порядку», и законно выбранными представителями финскаго народа, «свободно и непринужденно присягнувшими», отъ своего имени и отъ имени финскаго народа, на вѣрноподданство Императору. Этотъ договоръ, конечно, не представляетъ собою юридически сформулированнаго трактата между двумя самостоятельными государствами, но съ другой стороны, нельзя также отрицать юридическаго значенія этого документальнаго подтвержденія конституціи, равно какъ и нравственно-обязательной силы самаго «акта соединенія». Такимъ образомъ заключенный на боргоскомъ сеймѣ «договоръ», не имѣя

значенія международнаго трактата, все-таки долженъ быть разсматриваемъ какъ добровольное, съ цѣлью умиротворенія и возможно лучшаго устроенія финскаго народа, соглашеніе между императоромъ и народомъ, выразившееся именно со стороны императора—въ подтвержденіи конституціи края и признаніи основаннаго на ней обособленнаго государственнаго положенія Финляндіи, а со стороны финскаго народа—въ добровольномъ вступленіи въ подданство Россійскаго Императора. Къ этому нужно прибавить, что официально все еще продолжалась война между Россією и Швецією и только послѣ смѣлой попытки русскихъ перенести театръ войны въ Швецію и происшедшаго, вслѣдствіе движенія русскихъ войскъ черезъ ледъ Ботническаго залива въ Швецію, низверженія короля Густава IV, состоялся мирный договоръ, который послѣ долгихъ переговоровъ, 17-го сентября 1809 года, былъ заключенъ въ Фридрихсгамѣ. По этому договору Швеція уступила Россіи всю Финляндію съ Аландскими островами и частью Вестерботенъ до рѣки Торнео и Муоніо. Кромѣ этой территоріальной уступки, въ договорѣ нѣтъ опредѣленій о политическихъ правахъ Финляндіи и ея населенія, а есть лишь указаніе на состоявшееся на боргоскомъ сеймѣ соглашеніе въ слѣдующей формѣ. Такъ, 7-я статья договора гласитъ: «послѣ того какъ Его Величество Императоръ всероссійскій представилъ самыя несомнѣнныя доказательства своей справедливости и мягкости, съ которыми Его Величество высказалъ намѣреніе управлять жителями края, пріобрѣтеннаго Имъ, тѣмъ, что Онъ великодушно, самостоятельно и по собственному почину подтвердилъ за ними свободу исповѣданія ихъ религіи, право собственности, права и привиллегіи, Его Величество король шведскій считаетъ себя освобожденнымъ отъ священной, въ противномъ случаѣ, обязанности сдѣлать какія либо представленія въ пользу бывшихъ своихъ подданныхъ».

Такимъ образомъ совершился переходъ финскаго народа изъ-подъ власти Швеціи въ подданство русскихъ Императоровъ. Узы, соединившія его со шведскимъ народомъ въ продолженіе шести вѣковъ, были порваны и наступила новая эра для финскаго народа,—эра самостоятельнаго политическаго существованія подъ благотворною сѣнью власти русскихъ Императоровъ.

Е. Е.

Октябрь 1885 г.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Вас. Львов. Пушкинъ и князь Шаликовъ.

Въ памятной книжкѣ моей покойной матери находятся списанными слѣдующія въ стихахъ записочки:

Князю Шаликову.

I.

Нельзя-ли, милой князь, оставить вамъ газеты?
 Ко мнѣ собираются любимцы музъ, поэты —
 И завтра васъ прошу на скромный мой обѣдъ.
 Неужли скажите вы къ огорченію нѣтъ?
 Неужель въ четвертокъ вамъ должно быть въ конторѣ?
 И не участвовать въ пріятномъ разговорѣ?..
 Оставьте ложь. Прошу и ожидаю васъ;
 А я подагрой страдаю всякій часъ.

Вас. Пушкинъ

II.

Любезный Шаликовъ, прозаникъ и поэтъ!
 Ты завтра пріѣзжай къ больному на обѣдъ.
 Бояринъ Сонцовъ здѣсь — пріѣдетъ онъ съ тобою;
 А я—вечернею порою,
 На Пресню отвезу, какъ водится, тебя.
 Ты посѣщеніемъ обрадуешь меня!

Вас. Пушкинъ.

III.

В. Л. Пушкину.

Соперникъ счастливый Грессета!
 Жалѣю всей душой, что нынче у поэта
 Съ любезнымъ Сонцовымъ обѣдать не могу,
 Затѣмъ, что нынѣшній день жи я посвящаю —
 То есть газеты выправляю!
 Но что васъ искренно люблю
 Я въ томъ не лгу.

Кн. Шаликовъ.

Сообщ. Алекс. Тулова.

ТН. СИМОНЕТ

МИХАИЛЬ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЯЕВЪ.
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.
1883 г.

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера

1882—1883 гг.

Въ концѣ іюля мѣсяца 1887 года, въ бытность нашу въ Швейцаріи, между прочимъ въ Люцернѣ, мы, осматривая различныя достопримѣчательности этого прелестнаго города, посѣтили бывшую тамъ выставку различныя произведеній средне-азіятскихъ странъ. Выставка занимала два довольно большіе зала и привлекала къ себѣ путешественниковъ, которые въ это время обыкновенно толпятся въ Люцернѣ. Выставлено было много весьма интересныхъ и хорошихъ предметовъ средне-азіятскаго быта.

Тутъ мы видѣли всевозможные ковры, драгоценное оружіе, различныя одежды мужчинъ и женщинъ, книги, обувь, монеты, сосуды, предметы произрастеній и множество весьма хорошо выполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ городовъ, селеній, кочевовъ, каравановъ, зданій, памятниковъ, типовъ разныхъ народностей и проч., и проч.

Тутъ же продавалось, отлично отпечатанное, роскошное изданіе на французскомъ языкѣ, съ 170 гравюрами, 16 геліотипіями и большою картою, книга, изданная въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „A travers l'Asie Centrale. La steppe Kirghise—le Turkestan Russe—Boukhara—Khiva—le pays des turcomans et la Perse.—Impressions de voyage par Henri Moser“. Издано у E. Plon въ Парижѣ, въ 6. 8 д., 464 стр. Книга вышла въ свѣтъ въ ноябрѣ 1885 года.

Книга посвящена „Его превосходительству генералъ-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Черняеву, какъ знакъ признательности“.

Мы успѣли приобрести это роскошное изданіе и быстро заинтересовались оживленнымъ, вполне интереснымъ, искреннимъ разсказомъ Генриха Мозера; ему же принадлежало и все собраніе имъ вывезенныхъ предметовъ средне-азіятскаго быта, торговли и промышленности. собраніе которыхъ мы видѣли на выставкѣ въ г. Люцернѣ.

Оставя Люцернъ, мы проѣхали въ г. Шафгаузенъ; здѣсь, въ роскошномъ Швейцарскомъ отелѣ (Швейцергофъ) имѣли истинное удовольствіе встрѣтиться и хорошо познакомиться съ Генрихомъ Мозеромъ, который и былъ самымъ любезнымъ и просвѣщеннымъ спутникомъ нашимъ при обзорѣніи достопримѣчательностей весьма интереснаго города Шафгаузена, главнаго города кантона того же имени.

Вотъ нѣсколько главнѣйшихъ данныхъ изъ біографіи этого швейцарскаго путешественника.

Генрихъ Мозеръ родился 18-го мая 1814 года въ Петербургѣ. Отцемъ его былъ знаменитый въ Петербургѣ часовой мастеръ, владѣлецъ одного изъ самыхъ лучшихъ часовыхъ магазиновъ въ русской столицѣ. Генрихъ Мозеръ-отецъ нажилъ себѣ въ Россіи многіе милліоны рублей своимъ искусствомъ часовщика и мастерствомъ своихъ произведеній и торговли.

Пятилѣтнимъ мальчикомъ Генрихъ Мозеръ-сынъ былъ отправленъ отцомъ въ Швейцарію, въ родной городокъ этой фамиліи—Шафгаузенъ, гдѣ послѣдовательно прошелъ онъ курсъ начальной школы, затѣмъ реальной и классической гимназіи. Степень бакалавра Генрихъ Мозеръ получилъ въ Женевѣ. Послѣ того поступилъ онъ на службу въ швейцарскую кавалерію, имѣлъ чинъ поручика колоновожатыхъ (1863 г.), былъ адъютантомъ главнаго инспектора всей швейцарской арміи (1864 г.). Затѣмъ, выйдя въ отставку, вернулся въ Россію (1865 г.).

Къ верстаку часоваго мастера онъ не имѣлъ ни малѣйшаго влеченія, равно какъ вообще ко всей промышленности и торговлѣ своего отца. Въ Генрихѣ Мозерѣ-сынѣ весьма рано развилась страсть къ путешествіямъ и вотъ въ 1867 г. онъ ѣдетъ въ Сибирь; въ 1868 г. совершаетъ первое путешествіе въ Центральную Азію; въ 1869 г. дѣлаетъ второе путешествіе, изъ котораго въ 1871 г. возвращается въ Европу; затѣмъ въ 1882—1883 гг. совершаетъ третье путешествіе въ Центральную Азію и сообщаетъ свои путевыя впечатлѣнія въ цѣломъ рядѣ бойко набросанныхъ, весьма интересныхъ, очерковъ, напечатанныхъ въ женевской газетѣ въ 1885 г. Эти письма, вновь пересмотрѣнныя и обработанныя Генрихомъ Мозеромъ, были изданы въ вышеупомянутомъ роскошномъ иллюстрированномъ изданіи въ Парижѣ, у Плона, въ ноябрѣ того же года.

Кромѣ названной книги, г. Мозеру принадлежатъ статьи по политическо-й экономіи и по вопросамъ о внѣшней торговлѣ, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ, газетахъ и отдѣльными брошюрами.

Въ одномъ изъ засѣданій географическаго общества въ Парижѣ, членомъ котораго г. Мозеръ состоитъ, было сдѣлано имъ подробное сообщеніе о его путешествіяхъ въ Азію.

Восемь географических обществъ въ разныхъ городахъ избрали его своимъ почетнымъ членомъ; почетнымъ же членомъ онъ состоитъ въ швейцарскомъ обществѣ натуралистовъ.

Г. Мозеръ—высокій, стройный, сильный мужчина 43-хъ (въ 1887 г.) лѣтъ отъ роду, молодой наружности, истинный джентльменъ въ своихъ пріемахъ, вѣжливый, предупредительный, многосторонне образованный. Недавно онъ женился на весьма симпатичной, молодой своей племянницѣ, но нѣжныя узы Гименея не привязали его къ родному краю, Шафгаузену: мы нашли его уже, такъ сказать, почти наканунѣ отъѣзда изъ Швейцаріи

Въ бытность нашу въ Шафгаузенѣ г. Мозеръ предназначилъ уже къ продажѣ свою прелестную виллу, доставшуюся ему отъ покойнаго отца, и, распродавъ всю свою движимость, онъ ожидалъ лишь послѣдняго момента продажи своихъ владѣній, чтобы оставить Швейцарію, а затѣмъ и Европу, и направиться въ Азію, съ тѣмъ, чтобы проѣхать (такъ онъ тогда, въ августѣ 1887 г. предполагалъ) чрезъ русско-азиатскія владѣнія въ Индію.

Этотъ швейцарскій путешественникъ хорошо понимаетъ по русски, но почти по русски не говоритъ; онъ горячо любитъ Россію и русскій народъ. Нашъ знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій считаетъ г. Мозеромъ идеаломъ всѣхъ путешественниковъ, „и физическія, и нравственныя качества г. Пржевальскаго какъ бы слились, по выраженію г. Мозера, въ ту форму, которая необходима для созданія самаго отличнаго путешественника. Въ самомъ дѣлѣ: сильный, здоровый, превосходный стрѣлокъ, добродушный, но въ то-же время твердый въ своихъ отношеніяхъ къ членамъ своей экспедиціи“, г. Пржевальскій привлекаетъ всѣ симпатіи г. Мозера.

— „А вотъ другое дѣло г. Стэнли“, говорилъ намъ Генрихъ Мозеръ, — „это сибаритъ, холодный эгоистъ, скряга, какихъ мало, заботящійся всегда только объ обстановкѣ себя всевозможными удобствами и ни мало не дорожащій ни жизнью, ни интересами своихъ спутниковъ. Нерѣдко случается, это я хорошо знаю,—разсказывалъ намъ г. Мозеръ,—когда Стэнли утопаетъ во время путешествій въ роскоши и угощается лучшими консервами, запивая ихъ самыми тончайшими винами,—спутники его чуть не умираютъ съ голоду. Такимъ образомъ Стэнли—не Пржевальскій, который дѣлитъ послѣдній ломъ хлѣба съ товарищами своего путешествія, раздѣляетъ съ ними всѣ тяжести, всѣ иногда непоимѣрные труды и всѣ опасности“.

Нравятся г. Мозеру французскіе путешественники: „ихъ обыкновенно называютъ авантюристами, но кто изъ заправскихъ путешественниковъ не суть авантюристы!“ Но за то удалъ, предприимчивость французовъ для г. Мозера вполне увлекательны.

Мы передали г. Мозеру о желаніи нашемъ сдѣлать извлеченіе изъ его книги на страницахъ „Русской Старины“. Швейцарскій путешественникъ,

принявъ это заявленіе съ величайшимъ удовольствіемъ, поспѣшилъ намъ подарить экземпляръ своей книги, съ весьма любезнымъ автографомъ ¹⁾ и съ необыкновенною предупредительностью предложилъ намъ выбрать наиболѣе интересныя гравюры изъ тѣхъ, которыя помѣщены въ его книгѣ.

Мы выбрали десять гравюръ и онъ поспѣшилъ написать своему издателю въ Парижъ о высылкѣ въ редакцію „Русской Старины“ всѣхъ клише выбранныхъ нами портретовъ и полиптижаей.

Извлеченія и разборъ книги г. Мозера сдѣланы нашею постоянною сотрудницею Вѣрою Васильевною Тимошукъ; клише гравюръ получены и отпечатаны, и все это являе:ся предъ читателями „Русской Старины“ на страницахъ нашего изданія.

Искреннѣйше благодаримъ почтеннаго г. Генриха Генриховича Мозера за его любезность, оказанную имъ нашему журналу, и горячо желаемъ ему полного успѣха и счастья въ его послѣдующихъ путешествіяхъ на пользу науки и ко благу человѣчества.

Печатаая настоящій обзоръ книги г. Мозера въ „Русской Старинѣ“, мы обратились къ достоуважаемому генералу Михаилу Григорьевичу Черняеву, живущему въ Москвѣ, съ просьбою сообщить намъ свѣдѣнія о знакомствѣ его съ упомянутымъ путешественникомъ.

— „Г. Мозера я знаю настолько, любезно отвѣчалъ намъ отъ 30-го ноября 1887 г., между прочимъ. Михаилъ Григорьевичъ.— насколько можно узнать человека, пропутешествовавшего вмѣстѣ отъ Москвы до Ташкента и совместно прожившаго мѣсяцъ въ одномъ домѣ, такъ какъ онъ имѣлъ помѣщеніе въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

„Г. Мозеръ человекъ любознательный. Путешествовалъ онъ на свои средства, которыхъ у него было достаточно. Книгу его я прочиталъ, необылицъ въ ней не встрѣтилъ... Она имѣетъ интересъ, какъ картинное изображеніе современнаго нашего положенія въ Средней Азійи и сосѣднихъ ханствахъ. Онъ много натерпѣлся въ Мервскихъ пустыняхъ и издержалъ много денегъ, чтобы составить свою книгу“.

Мих. Семевскій.

¹⁾ Вотъ эта надпись автора на подаренномъ имъ экземплярѣ его книги: «A monsieur M. J. Semewsky. Cet essai litteraire m'a procuré le bonheur de Vous servir de cicerone à travers un pays aussi peu connu dans Votre patrie, que ne l'est l'Asie Centrale chez nous, puissiez Vous garder de la petite république et canton de Schaffhouse un aussi bon souvenir, que celui auquel est échu l'honneur de Vous servir de guide. Schaffhouse, 10 Août, 1887. H. Moser».

СТРАНЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ВЪ ПУТЕВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ

Генриха Мозера.

1883 г.

Въ концѣ 1885 г., у книгопродавца Плона, въ Парижѣ, появилось на французскомъ языкѣ весьма изящно изданное описаніе путешествія, совершеннаго швейцарцемъ г. Мозеромъ въ Туркестанскій край, Бухару, Хиву и Персію; отпечатанная въ количествѣ 4,000 экземпляровъ и разошедшаяся почти сполна, книга эта украшена многочисленными полтипажами, которые исполнены съ фотографій, снятыхъ самимъ авторомъ во время путешествія, снабжена картою тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ, и посвящена генералу М. Г. Черняеву, при любезномъ содѣйствіи коего г. Мозеру удалось совершить это трудное путешествіе, за что онъ питаетъ къ генералу чувства живѣйшей и вполнѣ искренней признательности и вспоминаетъ о немъ постоянно въ самыхъ теплыхъ и даже восторженныхъ выраженіяхъ. Задавшись исключительно цѣлью представить читателю картину тѣхъ мѣстъ, которыя онъ посѣтилъ, и описать нравы и обычаи разныхъ племенъ и народовъ, съ которыми ему удалось ознакомиться, авторъ нигдѣ не вдается въ область политики и не претендуетъ на научность изложенія, но сообщаетъ, между прочимъ, кое-какія историческія свѣдѣнія о завоеваніяхъ, совершенныхъ за послѣдніе годы русскими войсками въ Средней Азій, и рисуетъ прошлое этихъ странъ; рассказъ его вполнѣ безпритязателенъ, мѣстами веселый, мѣстами дышащій грустью, смотря по удачамъ или невзгодамъ, испытаннымъ имъ во время странствованій, но за то всегда искренній и правдивый.

Вы не встрѣтите здѣсь выдуманныхъ происшествій, на которыя бывають такъ щедры иностранцы, говоря о Россіи; не найдете тутъ описаній какихъ либо героическихъ подвиговъ или чего либо необычайнаго; все рассказываемое авторомъ происходитъ просто и обыденно и невольно внушаетъ къ нему довѣріе и симпатію, а между тѣмъ его путешествіе и безъ прикрасъ было своего рода подвигомъ, такъ какъ онъ отважился предпринять его, располагая лишь самыми скудными средствами, и вторично, когда его матеріальное положеніе было вполнѣ обезпечено, не задумался вновь оставить родину и всякіе денежные

интересы и добровольно пошелъ на встрѣчу всевозможнымъ неудобствамъ, лишениямъ и даже опасностямъ, съ коими было сопряжено это путешествіе.

Для русской публики, и въ особенности для жителей нашей столицы, сочиненіе г. Мозера имѣетъ еще тотъ интересъ, что имя ея автора хорошо извѣстно всему Петербургу, гдѣ его отецъ, родомъ швейцарецъ, пріѣхавшій въ Россію съ живописныхъ береговъ Рейна, изъ г. Шафгаузена, содержалъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, на Невскомъ проспектѣ часовой магазинъ, которымъ онъ нажилъ себѣ миллионное состояніе; часовая фирма Мозера пользуется донинѣ вполне заслуженною извѣстностью.

Но сынъ трудолюбиваго швейцарца не захотѣлъ стать за верстакъ отца, чѣмъ послѣдній былъ крайне недоволенъ, такъ что когда молодой Мозеръ заявилъ ему, въ 1868 г., о своемъ желаніи отправиться въ Среднюю Азію, то онъ отказалъ ему въ матеріальной поддержкѣ, думая удержать этимъ сына при себѣ и заставить его заняться своимъ ремесломъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ не остановилъ, однако, энергичнаго юношу, жаждавшаго испытать свои силы въ борьбѣ съ жизнью; онъ не побоялся пуститься въ дальній путь, имѣя въ карманѣ всего нѣсколько сотъ рублей, но за то съ богатымъ запасомъ энергіи и съ надеждою создать себѣ въ этихъ странахъ независимое положеніе личнымъ трудомъ.

Мы увидимъ, какъ плохо оправдались надежды молодаго путешественника, какъ много встрѣтилъ онъ неудачъ и препятствій къ осуществленію задуманнаго имъ дѣла, и какъ подъ вліяніемъ этихъ неудачъ остыла энергія и охладѣли его мечты; однако, неудовлетворенная любознательность и прежняя страсть къ путешествію, посѣянная въ немъ въ дѣтствѣ чтеніемъ книгъ, увлекли его вновь, черезъ 13 лѣтъ, въ тѣ страны Средней Азіи, которыя съ молодыхъ лѣтъ такъ занимали его воображеніе, и на этотъ разъ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны русскихъ властей, въ особенности со стороны знаменитаго и достойнѣйшаго генерала Михаила Григорьевича Черняева.

Плодомъ этого втораго, болѣе продолжительнаго путешествія, и явилось то сочиненіе, о которомъ мы говоримъ; несомнѣнныя достоинства этой книги побудили насъ обратить на нее вниманіе читателей и представить на стран. «Русской Старины», въ нашемъ извлеченіи, наиболѣе интересныя эпизоды этого путешествія.

Вѣра Вас. Тимошукъ.

I

Въ 1868 г., имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду, г. Мозеръ простился съ Петербургомъ и направился на востокъ, имѣя, какъ мы уже говорили, непреодолимое желаніе посѣтить только что приобретенныя Россіей земли въ Средней Азіи. Изученіе языка и нравовъ киргизъ задержало его нѣсколько мѣсяцевъ въ Оренбургѣ; наконецъ, достаточно подготовившись къ путешествію и имѣя прекрасныя рекомендаціи, онъ вознамѣрился продолжать свой путь, но генераль Крыжановскій, тогдашній губернаторъ Оренбурга, рѣшительно отказалъ ему въ разрѣшеніи выѣхать изъ Оренбурга, безъ соизволенія на то военнаго министра, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что Туркестанъ находился въ то время въ военномъ положеніи и поэтому не всѣ могли имѣть туда свободный доступъ.

Не желая терять времени въ ожиданіи разрѣшенія отъ министра, г. Мозеръ, подъ покровомъ темной ночи, оставилъ городъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ему друзей, и избѣгая большаго караваннаго пути, изъ опасенія быть возвращеннымъ погоней отъ оренбургскаго владыки, останавливался лишь въ аулахъ кочевниковъ, гдѣ ему оказывали вездѣ гостепріимный приемъ, благодаря рекомендаціямъ, коими снабдили его нѣкоторые султаны въ Оренбургѣ. Путешествуя такимъ образомъ, онъ добрался въ четыре мѣсяца до Ташкента.

Генераль-губернаторъ Туркестанской области, ген. Кауфманъ, былъ окруженъ въ ту пору толпою молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, покинувшихъ Европу съ цѣлью стяжать себѣ славу или загладить нѣкоторые проступки, содѣланные на родинѣ, вслѣдствіе чего Ташкентъ получилъ названіе «Сибири гвардейскихъ кутилъ», и жилось въ немъ, разумѣется, весело. Шампанское, не смотря на чудовищную цѣну, отъ 15 до 25 р. за бутылку, лилось рѣкою; дуэли между офицерами были не рѣдкостью, они затѣвали ихъ, чтобы поддержать въ себѣ воинственный духъ, ибо въ то время не было никакой экспедиціи, которая могла бы удовлетворить жажду дѣятельности, обуревавшую эту пылкую молодежь.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ташкентъ, кошелькъ нашего путешественника замѣтно опустѣлъ и ему надобно было подумать о томъ, чѣмъ бы заработать себѣ денегъ; ненавидя гарнизонную службу, онъ отказался отъ мысли поступить въ армію и занялся на первыхъ порахъ объѣздой степныхъ лошадей, которыхъ онъ продавалъ офицерамъ, но вскорѣ знакомство съ однимъ итальянцемъ, пріѣхавшимъ въ Ташкентъ, открыло ему новый источникъ заработка.

Этотъ итальянецъ былъ торговцемъ сѣменами, прїѣхавшимъ въ Ташкентъ съ цѣлью прїобрѣсти яички шелковичнаго червя и доставить ихъ въ Италію, гдѣ болѣзнь производила большія опустошенія среди этихъ драгоцѣнныхъ насѣкомыхъ. Онъ обратилъ вниманіе г. Мозера на огромную будущность, которую могла имѣть эта вывозная торговля, такъ какъ яички этого червяка обходились въ Туркестанѣ по 1 франку унція, а въ странахъ зараженныхъ продавались по 25 франковъ. Съ этого момента г. Мозеръ занялся исключительно этимъ вопросомъ и составилъ статистическую таблицу распространенія шелковичнаго дерева въ Туркестанѣ.

«Съ этой цѣлью я проѣхалъ всю страну, говорить онъ, проникъ до Кокана и надѣялся добраться до Кашгара, но, къ сожалѣнію, это мнѣ не удалось, такъ какъ Якубъ-Бекъ, отважный татарскій искатель приключеній, образовавшій небольшое владѣніе въ западной части Китая, не допускалъ въ свою землю ни одного европейца. Итакъ я вернулся въ Ташкентъ, съ намѣреніемъ ѣхать обратно въ Европу для выполненія моихъ замысловъ.

«Генералъ Кауфманъ отвесилъ къ моимъ планамъ сочувственно и, отпуская меня въ Россію, поручилъ мнѣ лично переговорить объ этомъ съ итальянскимъ посланникомъ, который уже неоднократно обращался къ нему съ предложеніемъ начать переговоры съ итальянскимъ правительствомъ, желавшимъ завязать торговыя сношенія съ Центральной Азіей.

«Въ итальянскомъ посольствѣ, въ С.-Петербургѣ, мнѣ былъ оказанъ весьма сочувственный прїемъ; лишь только я заявилъ о моихъ планахъ, ко мнѣ явился уполномоченный отъ итальянскаго правительства, которому было поручено вступить со мною въ переговоры для организаціи этой вывозной торговли на широкихъ основаніяхъ, но въ то же время я получилъ запросъ по этому поводу изъ азіатскаго департамента и мнѣ пришлось имѣть первое столкновеніе съ бывшимъ директоромъ этого департамента, который заявилъ мнѣ, что никакая международная сдѣлка между туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ и европейскими государствами не можетъ быть заключена, безъ утвержденія этого департамента, и что въ настоящую минуту я могу считать мои хлопоты бесполезными и неудавшимися.

«Это свиданіе разрушало всѣ мои мечты, но такъ какъ въ молодости человѣкъ не легко отказывается отъ своихъ надеждъ, то я не унывалъ.

«Между тѣмъ, моими планами заинтересовался канцлеръ, кн. А. М. Горчаковъ, и мнѣ удалось доказать, на основаніи составленныхъ мною отчетовъ, что этотъ новый предметъ вывозной торговли могъ бы

САРТСКАЯ ЖЕНЩИНА.

1883 г.

приобрѣсти со временемъ огромное значеніе и что Центральная Азія будетъ въ состояніи доставлять ежегодно яичекъ шелковичнаго червя на 25 милліоновъ франковъ.

«Эти ли доводы или какая нибудь иная причина вызвали неожиданный поворотъ въ образѣ мыслей директора азіятскаго департамента; какъ бы то ни было, онъ вступилъ въ роль моего бывшаго покровителя, ген. Кауфмана, и командировалъ меня въ Италію, гдѣ мнѣ было поручено непосредственно вступить въ переговоры по этому предмету.

«По пріѣздѣ моемъ во Флоренцію, тамъ образовалось общество для закупки яичекъ, которыя я обязался доставлять изъ Туркестана; вступивъ въ компанію съ опытными торговцами, располагавшими значительными капиталами, я направился снова на Востокъ.

«Я и не подозрѣвалъ, какой пріемъ ожидаетъ меня въ Ташкентѣ, куда я пріѣхалъ теперь въ качествѣ уполномоченнаго отъ азіятскаго департамента. Генералъ Кауфманъ принялъ меня довольно холодно и, услыхавъ о переговорахъ, веденныхъ мною въ Италію, его превосходительство объявилъ мнѣ, что онъ воспрещаетъ впредь вывозъ яичекъ шелковичнаго червя изъ Туркестана и что мнѣ остается возвратиться въ Петербургъ и объявить моимъ покровителямъ, что если они считаютъ себя всемогущими въ столицѣ, за то въ провинціи полновластнымъ хозяиномъ является онъ.

«Эта аудіенція навела меня на горестныя размышленія о суетѣ мірской, о единомысліи, существующемъ между русскими сановниками, и объ удивительномъ единодушіи, съ коимъ они трудятся на пользу общества!

«Однако, мнѣ оставалось еще одно средство для достиженія моей цѣли: это было письмо директора азіятскаго департамента къ дипломатическому агенту, состоявшему при генералѣ К. П. Кауфманѣ, котораго онъ просилъ оказать мнѣ содѣйствіе въ моемъ предпріятіи. Я ухватился за это средство. Г. Струве, бывший со мною въ очень хорошихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ все возможное, чтобы примирить эти двѣ враждовавшія стороны, дѣлавшія мое положеніе до нельзя щекотливымъ. Къ счастью, въ то время снаряжалось посольство въ Бухару, отправленіе его было нѣсколько ускорено и мнѣ было официально объявлено, что я могу исполнить мои контракты, закупивъ требуемыя яички во владѣніяхъ эмира.

«Но за нѣсколько дней до нашего отъѣзда чрезвычайный посоль, отправлявшійся въ Бухару, полковникъ N (кн. Витгенштейнъ?), обратился ко мнѣ приблизительно со слѣдующею рѣчью:

«— Любезный другъ, желая вамъ добра, я хочу дать вамъ добрый совѣтъ. Соберите ваши пожитки и покидайте сію волшебную

страну. Уѣзжайте, отказавшись отъ мысли уладить дѣло у насъ. Его пр—ство поручилъ мнѣ истолковать вамъ смыслъ письма, даннаго вамъ въ Ташкентѣ. Если на французскомъ языкѣ возможна игра словъ, то и на нашемъ языкѣ, подъ перомъ генерала, можетъ быть высказано много такого, что могло быть для васъ непонятнымъ; изъ этого письма вы заключили, конечно, что вы будете принадлежать къ составу нашего посольства, между тѣмъ, генералъ приказалъ мнѣ объяснить вамъ его въ томъ смыслѣ, что вамъ предоставляется право отправиться въ Бухару, одновременно съ посольствомъ, не считаясь, однако, официально въ составъ этого посольства. Излишне было бы говорить, что если вы рискнете ѣхать въ эту страну при подобныхъ условіяхъ, то вамъ угрожаетъ участь тѣхъ трехъ итальянскихъ посланцевъ, которые пробыли 11 мѣсяцевъ въ плѣну у эмира, изъ коихъ одинъ умеръ отъ вынесенныхъ имъ страданій».

«Я пожалъ руку честному полковнику и на слѣдующій день, съ восходомъ солнца, отправился въ путь одинъ, конвоируемый нѣсколькими отважными уральскими казаками, которые согласились сопутствовать мнѣ за большое вознагражденіе».

Благополучно отдѣлавшись отъ нападенія фанатичной толпы, осадившей караванъ-сарай, въ которомъ онъ укрывался по пути, Мозеръ добрался до Бухары безъ особенныхъ приключеній и тутъ, по обыкновенію, былъ объявленъ плѣнникомъ эмира; но все же ему удалось сдѣлать необходимую закуску и по истеченіи положеннаго срока онъ бодро отправился въ обратный путь, во главѣ большаго каравана.

«Но бѣдствія мои этимъ не кончились, говоритъ авторъ, русскіе готовили мнѣ на своей границѣ пренепріятнѣйшій сюрпризъ: всѣ мои товары были конфискованы и я считалъ, что мнѣ лично настолько угрожала опасность, что я поспѣшно направился въ степь, съ цѣлью пробраться въ Европу, глубоко возмущенный тѣмъ, какъ со мною тутъ поступили, и вдобавокъ совсѣмъ больной отъ усталости и лишеній».

Не смотря на столь неудачный результатъ этого перваго путешествія, Мозера постоянно преслѣдовало воспоминаніе о независимой жизни, которую онъ велъ во время этой экспедиціи, преисполненной опасностями и тревоженіями, но имѣвшей для него неотразимую прелесть; вотъ почему, тринадцать лѣтъ спустя, узнавъ о смерти генерала К. П. Кауфмана, онъ вновь возымѣлъ желаніе отправиться въ Среднюю Азію. Подобное путешествіе, со временъ извѣстнаго Марко Поло, совершилъ только одинъ европеецъ, именно венгерецъ Беженчей (Berzenzsey), который, выѣхавъ изъ Вѣрнаго въ 1874 г., достигъ Кашгара и Яркенда и пробрался оттуда въ Индію, но объ его путешествіи имѣется весьма мало свѣдѣній, такъ какъ онъ скончался вскорѣ по возвращеніи въ Европу.

Прежде чѣмъ отправиться въ путь, г. Мозеру надо было заручиться разрѣшеніемъ русскихъ властей; встрѣтивъ въ этомъ отношеніи на первыхъ порахъ нѣкоторыя затрудненія, онъ рѣшилъ обратиться къ туркестанскому генераль-губернатору, генералу М. Г. Черняеву, который долженъ былъ пріѣхать въ Москву на коронацію нынѣ благополучно царствующаго государя императора; заручившись рекомендательными письмами, г. Мозеръ явился къ нему, и съ первой же аудіенціи дальнѣйшая участь его путешествія была рѣшена.

— «Поѣжайте, сказалъ ему генераль, вы сами увидите, удобно ли вамъ будетъ исполнить ваше намѣреніе, я же съ своей стороны готовъ оказать вамъ помощь во всемъ, что отъ меня будетъ зависѣть».

Ласковый пріемъ, оказанный Генриху Мозеру М. Г. Черняевымъ, пріятливое обращеніе и содѣйствіе, дѣйствительно оказанное генераломъ путешественнику, сдѣлали г. Мозера горячимъ поклонникомъ Михаила Григорьевича; вотъ какими чертами описываетъ онъ личность завоевателя Туркестана и впечатлѣніе, производимое имъ на окружающихъ.

«Генералу Черняеву 57 лѣтъ (1883 г.); у него чисто военная осанка, черты лица крупныя, взглядъ быстрый и властительный; необыкновенная доброта, въ соединеніи съ замѣчательной энергіей, составляютъ отличительныя черты его характера; у него есть время для всякаго просителя, онъ готовъ выслушать всякую просьбу. Эта доступность, эта врожденная пріятливость много содѣйствовали его популярности; доброе сердце М. Г. Черяева извѣстно въ арміи всякому, а его военные подвиги установили за нимъ славу человѣка храбраго, энергичнаго, хладнокровнаго, вообще превосходнаго боеваго генерала; своею извѣстностью и своему быстрому повышенію онъ обязанъ исключительно самому себѣ, прошедши всѣ ступени своей блестящей карьеры, не имѣя покровителя и пробивши себѣ дорогу исключительно своими собственными силами и обширными военными дарованіями ¹⁾).

«Произведенный въ гвардейскіе офицеры въ 1845 г., Черняевъ отличился въ Крымскую войну, за что получилъ чинъ капитана, а въ 1859 г. былъ назначенъ главнымъ квартирмейстеромъ арміи въ Терскую область. Впослѣдствіи онъ занималъ мѣсто начальника штаба въ Оренбургѣ и, наконецъ, въ 1864 г., во главѣ отряда, стоявшаго въ Вѣрномъ, численностью въ 2,000 человѣкъ, устремился на покореніе

¹⁾ Прилагаемъ портретъ генерала М. Г. Черяева; клише гравюры весьма обязательно сообщено намъ авторомъ обозрѣваемой книги, равно какъ и прочая девяти гравюръ, помѣщенныхъ далѣе въ настоящемъ изложеніи его путешествія. См. „Русская Старина“ изд. 1888 г. книги январь, февраль и мартъ.

новой области, имѣя въ отрядѣ лишь 10 орудій, помнившихъ еще 1812 годъ. Первымъ его подвигомъ была побѣда подъ стѣнами Чимкента надъ арміей коканскаго хана, численностью въ 40,000 чел., бывшею подъ командою доблестнаго воина Алымъ-Кулы. Дальнѣйшій путь Черняева, отъ Чимкента до Ташкента, составляетъ дѣлю эпопею; солдаты, терпя нужду въ продовольствіи, плохо одѣтые и вооруженные, шли по совершенно незнакомой мѣстности, какъ бы на открытіе Новаго Свѣта. Когда, наконецъ, Ташкентъ, ключъ всего Туркестана, былъ уже почти въ его рукахъ, Черняевъ получилъ неожиданно отъ военнаго министра приказаніе вернуться.

— «Я положилъ депешу въ карманъ и овладѣлъ Ташкентомъ», рассказывалъ намъ однажды генералъ, когда намъ удалось добиться отъ него рассказа о нѣкоторыхъ эпизодахъ этого похода.

На другой день послѣ рѣшительной битвы подъ Ташкентомъ, въ которой былъ убитъ Алымъ-Куль, Черняевъ одинъ, безъ конвоя, отправился въ городъ, занятый его заклятыми врагами. Этимъ смѣлымъ поступкомъ онъ пріобрѣлъ уваженіе туземцевъ, которые преклоняются передъ всѣмъ необычнымъ и дѣйствующимъ на ихъ воображеніе.

«Эти военныя побѣды упрочили славу завоевателя Туркестана; о подвигахъ его войскъ сложились въ степи дѣльныя легенды, передаваемые до сихъ поръ (1885 г.) солдатами; даже туземцы прославляютъ его въ своихъ балладахъ, подъ именемъ Ширъ-Наипа, что значитъ львоподобный.

«Столь блестящій походъ, столь быстрыя побѣды окончились для героя громовымъ ударомъ: онъ подвергся совершенной опалѣ, долженъ былъ удалиться отъ дѣлъ и прожилъ въ безызвѣстности, при крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, дѣльныхъ двѣнадцать лѣтъ, т. е. до 1876 г., когда, въ качествѣ главнокомандующаго, онъ принялъ участіе въ Сербской войнѣ, а затѣмъ, по восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Императора и со смертію генерала Кауфмана, вступилъ вновь въ отправленіе своихъ прежнихъ обязанностей.

«Вотъ въ силу какого сдѣпленія обстоятельствъ, говоритъ Мозеръ, я имѣлъ счастье познакомиться въ то время съ этимъ генераломъ, образъ котораго постоянно занималъ мое воображеніе и коимъ я восхищался не столько за его подвиги, сколько за достоинство, съ какимъ онъ перенесъ постигшія его превратности судьбы».

II.

Итакъ, ободренный обѣщаніемъ ген. Черняева, г. Мозерь сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовления къ поѣздкѣ и отправился въ Оренбургъ, гдѣ онъ долженъ былъ присоединиться къ свитѣ генерала. Отъ Оренбурга до Орска путь ихъ лежалъ по мѣстности, населенной оренбургскими казаками, за Орскомъ начиналась степь — мѣстожительство киргизъ кочевниковъ, ихъ родина, которую они обожаютъ, воспѣвая ея своеобразныя прелести въ своихъ пѣсняхъ. Только въ безграничной степи киргизъ чувствуетъ себя счастливо и привольно, хотя въ этой степи ему нерѣдко приходится терпѣть страшный холодъ, въ особенности зимою во время бурана, который засыпаетъ иногда цѣлый караванъ ледянымъ покровомъ; но за то, кажется, нѣтъ въ мірѣ народа выносливѣе киргиза; не смотря на то, что климатъ степи весьма измѣнчивъ и температура колеблется между 30° Р. мороза зимою и 35° тепла лѣтомъ, ихъ зимняя одежда ничѣмъ не отличается отъ лѣтней и состоитъ круглый годъ изъ вышитыхъ кожаныхъ или бархатныхъ шароваръ, бешмета и халата, дѣлаемаго изъ бархата, шелка или бумажной ткани, смотря по состоянію. Голову они брѣютъ, прикрывая ее скуфейкой, сверхъ которой надѣваютъ высокую шапку на лисьемъ или овечьемъ мѣху. Одежда женщинъ ничѣмъ не отличается отъ мужской; костюмъ замужней женщины, никогда не показывающей свои волосы, отличается огромнымъ бѣлымъ шарфомъ, которыми онѣ окутываютъ голову и нижнюю часть лица. Волосы, составляющія лучшее украшеніе дѣвушекъ, заплетаются въ длинныя косы, которыя украшаютъ лентами и монетами, если же они не достаточно длинны, то въ нихъ искусно вплетаются конскій волосъ. Вышедши замужъ, киргизка отказывается отъ всякихъ удовольствій, не думаетъ болѣе о своемъ туалетѣ и предается исключительно заботамъ о домѣ и хозяйствѣ. Когда родится ребенокъ, мать усердно моетъ его въ теченіи 40 дней, послѣ чего онъ считается чистымъ и всю жизнь не нуждающимся въ омовеніи. До десятилѣтняго возраста костюмъ дѣтей обоого пола отличается величайшею простотою: родители считаютъ достаточнымъ брить дѣтямъ голову и тѣмъ ограничиваются всѣ заботы объ ихъ одеждѣ; они ходятъ голые круглый годъ. Хотя киргизы мусульмане, но въ одной и той же палаткѣ рѣдко можно встрѣтить двухъ женщинъ; богатые позволяютъ себѣ роскошь имѣть нѣсколько женъ, но держать ихъ въ разныхъ аулахъ, что въ случаѣ домашней ссоры даетъ имъ возможность искать утѣшенія возлѣ другой супруги.

Наибольшимъ почетомъ у киргизъ пользуется племя Адакъ, кочующее въ степяхъ между Каспійскимъ моремъ и владѣніями хивинскаго хана; это единственное племя, сохранившее доблесть и храбрость предковъ. Баранты или вооруженные набѣги не считаются у нихъ чѣмъ либо предосудительнымъ, но въ настоящее время русскіе всячески стараются внушить имъ, что эти прославленные баранты не что иное, какъ отъявленный грабежь, строго наказуемый закономъ.

Киргизъ, сдѣлавшійся самымъ вѣрнымъ союзникомъ Россіи, честенъ, но далеко не такъ смѣлъ и отваженъ какъ туркменъ, за то онъ не такъ фальшивъ, какъ сартъ, гораздо менѣе его образованъ, и хотя мусульманинъ, но отнюдь не можетъ быть названъ фаятикомъ, поэтому надобно видѣть съ какимъ пренебреженіемъ относится къ нему сартъ, считая киргиза немногимъ выше верблюда, съ которымъ тотъ появляется на городскихъ улицахъ и базарахъ.

Еще въ первую поѣздку въ Среднюю Азію, въ 1868 г., Мозеру удалось ознакомиться довольно близко съ бытомъ киргизъ, о которыхъ онъ много говоритъ въ своемъ сочиненіи; во время его остановки въ Оренбургѣ съ нимъ познакомился и очень привязался къ нему Сулейманъ султанъ, владѣтель Оренбургской степи. Видя, какъ усердно изучалъ путешественникъ киргизскій языкъ, онъ предложилъ ему посѣтить его аулъ и поохотиться въ его владѣніяхъ.

Въ киргизскомъ аулѣ г. Мозеръ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, въ юрту султана собралось множество его родственниковъ и послѣ обычныхъ привѣтствій и омовенія рукъ была подана баранина, мясо молодаго откормленнаго жеребенка и мясо молодаго верблюда, которое подается лишь въ торжественныхъ случаяхъ; эти блюда сопровождались пилавомъ. Оставшись съ султаномъ наединѣ, Мозеръ угостилъ его, въ свою очередь, наливкой, послѣ чего хозяинъ сталъ еще радушнѣе и, желая оказать ему величайшую честь, какая можетъ выпасть на долю христіанина, познакомилъ его съ любимой своей супругой, Фатьмою, которая поразила гостя своею красотою и роскошнымъ нарядомъ; она охотно позволяла разсматривать себя и съ удовольствіемъ выслушивала комплименты, дѣлаемые ей европейцемъ.

Вернемся, однако, къ прерванному разсказу о путешествіи Мозера, котораго мы оставили по дорогѣ въ Орскъ. Караванъ, съ коимъ онъ ѣхалъ, состоялъ изъ пяти экипажей, запряженныхъ тройками; въ первой легкой дорожной коляскѣ ѣхалъ М. Г. Черняевъ, со своимъ адъютантомъ, кап. Алабинимъ; во второй — ген.-ад. кн. Витгенштейнъ, предложившій Мозеру мѣсто въ своей коляскѣ; въ третьей — полковникъ Серметъ, бывший военный уполномоченный при французскомъ посольствѣ въ С.-Петербурѣ, и полковникъ Рихтеръ, состо-

явший при генераль-губернаторѣ; въ четвертой коляскѣ сидѣлъ ординарецъ генерала и его секретарь и, наконецъ, въ пятой везли багажъ. На всѣхъ станціяхъ атаманы казацкихъ селеній выходили, по большей части въ полной формѣ, на встрѣчу генераль-губернатору, и сами наблюдали за тѣмъ, какъ перепрягались лошади. Когда же караванъ миновалъ Орскъ, со всѣхъ сторонъ начали сбѣгаться любопытные киргизы, желавшіе взглянуть на проѣзжавшихъ властей. На протяженіи отъ Орска до Аральскаго моря находится всего лишь одинъ населенный форпостъ Иргизъ,—небольшое укрѣпленіе, выстроенное среди песковъ; за земляными окопами возвышается нѣсколько хижинъ, съ плоскими крышами, нѣсколько лавчонокъ и казармы; далѣе во всѣ стороны тянется безпредѣльная степь, безъ малѣйшаго признака растительности.

«За Иргизомъ мы вступили въ область зыбучихъ песковъ, говоритъ авторъ, въ которой имѣется всего три станціи и гдѣ лошади замѣняются уже верблюдами; скучный переѣздъ совершается съ убійственною медленностью; верблюды идутъ шагъ за шагомъ, издавая прозвительный крикъ, который, мало по малу, невыносимо раздражаетъ нервы; хотя генераль запретилъ устраивать при проѣздѣ его какія бы то ни было манифестаціи, однако, на послѣдней станціи насъ ожидала оживленная картина: тутъ собралась толпа просителей и киргизскіе бей, бывшіе помощниками генерала при завоеваніи; они явились хорошо вооруженные, на своихъ маленькихъ степныхъ лошадяхъ, и присоединились къ нашему каравану.

«Но вотъ, наконецъ, показалаась зелень, деревья; это сады, окружающіе Казалинскъ. Это торговый центръ степи, куда съѣзжаются киргизы, чтобы промѣнять свои произведенія, сырыя кожи, овечью и верблюжью шерсть, на русскія или бухарскія издѣлія. Городскія власти вышли намъ на встрѣчу, поѣздъ остановился, всѣ сошли съ коней, чтобы присутствовать, стоя, при поднесеніи генералу хлѣбасоли. Громадная толпа народа привѣтствовала его восторженными криками: ура! Тутъ были представители всевозможныхъ типовъ: на первомъ планѣ русскіе, далѣе сарты, узбеки и евреи верхами, позади всѣхъ киргизы на верблюдахъ. Трудно описать живописную прелесть этой картины и богатство красокъ, коими блистали одѣянія этой разноплеменной толпы.

«Но что это за группа людей, истощенныхъ, съ длинными бородами, бѣдно одѣтыхъ, которые стоять уныло и безмолвно, составляя яркій контрастъ среди веселой, восторженной толпы? Когда Черняевъ поровнялся съ ними, они всѣ пали передъ нимъ на колѣна,—ихъ было до трехсотъ человекъ.

«— Ваше пр—во, сжальтесь надъ ними, мы добиваемся нашихъ правъ!»

«Этотъ вопль вырвался изъ всѣхъ устъ; на лицахъ просящихъ запечатлѣлось отчаяніе и они съ трудомъ сдерживали слезы, выступавшія у нихъ на глазахъ! Это были казаки.

«Всѣмъ извѣстны дикіе нравы и набѣги, которые совершались нѣкогда днѣпровскими и донскими казаками; ихъ потомки поселились по теченію Урала, образовавъ тамъ оплотъ противъ татарскихъ набѣговъ, а сами существовали грабежами и морскимъ разбоемъ на Каспійскомъ морѣ. Сознавая пользу, которую казаки приносили въ то время государству, императрица Екатерина II даровала имъ нѣкоторыя права и привилегіи, которыми они дорожатъ и гордятся. Впослѣдствіи, въ виду административныхъ цѣлей, этихъ казаковъ пытались заставить отбывать воинскую повинность, но они энергично возстали противъ этой мѣры, ссылаясь на указъ, разрѣшавшій имъ поставлять вмѣсто себя наемныхъ рекрутъ; отсюда возникли столкновения и серьезные беспорядки, вслѣдствіе чего двѣ тысячи наиболѣе вліятельныхъ уральскихъ казаковъ были сосланы. Ихъ имущество было распродано и деньги, вырученные за него, поступили въ казну, такъ какъ ни одинъ казакъ не захотѣлъ получить изъ оныхъ ни одного рубля; семейства ихъ, впавшія въ крайнюю нищету, были отправлены въ Туркестанъ, гдѣ шесть лѣтъ уже томились въ ссылкѣ эти несчастные. Правительство готово было ихъ помиловать; имъ было разрѣшено вернуться на родину, но ни одинъ казакъ не воспользовался этою милостью. Они требуютъ возстановленія своихъ правъ, пересмотра указа, предпочитаютъ ссылку и нищету позору вернуться на родину неоправданными злодѣями. Эта геройская черта, проявляемая единодушно такою массою людей, поистинѣ достойна удивленія.

«Храбрые степные офицеры въ глубинѣ души относились всегда съ крайнимъ сожалѣніемъ и сочувствіемъ къ этимъ жертвамъ ошибокъ администраціи, встрѣтившей, наконецъ, препону въ твердой волѣ императора, повелѣвшаго положить этому конецъ».

III.

Передъ самымъ прїѣздомъ ген. Черняева въ Казалинскъ въ этомъ городкѣ было совершено звѣрское преступленіе: плацъ-адъютантъ, его жена и семимѣсячная малютка ихъ были убиты съ цѣлью грабежа; топоръ и желѣзный брусокъ послужили орудіями въ рукахъ убійць. Подозрѣніе пало тотчасъ на трехъ солдатъ мѣстнаго баталіона, поступившихъ туда изъ отставныхъ матросовъ Аральской флотиліи. Надобно замѣтить, что матросы этой флотиліи пользовались въ то время самой незавидной репутаціей; казенные пароходы, на которыхъ они служили, по причинѣ мелководія Сыръ-Дарьи, имѣющей мѣстами не болѣе 2 или 3 футъ глубины, зачастую садились на мель, вслѣдствіе чего ихъ приходилось, разумѣется, стаскивать съ мели, и такъ какъ на это требовалось не мало времени, то матросы, находясь между тѣмъ въ бездѣйствіи, страшно деморализировались и грабили, какъ настоящіе пираты, по побережью рѣки. Слѣдующій фактъ даетъ понятіе о томъ, что это были за экипажи; въ то время, когда Мозеръ находился въ Казалинскѣ, изъ 12 офицеровъ одного экипажа девять были сосланы въ Сибирь или находились подъ судомъ; въ странѣ боялись этихъ людей какъ чумы.

М. Г. Черняевъ остановился въ Казалинскѣ на три дня, чтобы учинить судъ надъ виновными; они вскорѣ сознались въ своемъ преступленіи и были приговорены къ разстрѣлянью: приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на слѣдующій день.

«Я прибылъ на мѣсто казни въ ту минуту, какъ преступники исповѣдывались, говоритъ Мозеръ; на груди у каждаго изъ нихъ была дощечка съ надписью: «убійца»; возлѣ мѣста казни стояли шпалерами солдаты гарнизона. Я могъ рассмотреть осужденныхъ вблизи: никогда еще не приходилось мнѣ видѣть лицъ болѣе апатичныхъ и равнодушныхъ, повидимому, далекихъ отъ всякаго раскаянія; они подходили къ своимъ могиламъ твердою поступью, какъ идетъ человѣкъ со спокойною совѣстью. Приготовленія къ казни показались мнѣ безконечно длинными; наконецъ, солдаты, одѣвавшіе на нихъ рубашки, отошли и передъ нашими глазами трое осужденныхъ выдѣлились зловѣщимъ пятномъ на желтоватомъ фонѣ необъятной пустыни. Забилъ барабанъ... Кажется, всю жизнь будетъ раздаваться въ моихъ ушахъ залпъ, произведенный взводомъ: человѣческая справедливость была удовлетворена».....

Съ удовольствіемъ покинулъ нашъ путешественникъ Казалинскъ,

оставившій въ немъ весьма тяжелое воспоминаніе; за Казалинскомъ ихъ ожидали на каждой станціи киргизскія лакомства: превосходный пилавъ, шашлыкъ и кумысъ; со всѣхъ сторонъ стекались кочевники, кто просто желалъ увидѣть генераль-губернатора, кто являлся съ просьбою, кто съ жалобою.

«Черняевъ, со свойственною ему добротою, выслушивалъ всѣхъ и каждаго: бековъ принималъ въ своей палаткѣ, а тѣмъ изъ нихъ, которые чѣмъ либо отличились, дарилъ халаты; кочевники, съ своей стороны, являлись съ подарками; приносили граціозныхъ живыхъ газелей, степныхъ орловъ, пеликановъ замѣчательной величины; всѣ эти представители степной фауны увеличили коллекцію генерала.

«Киргизы, сопровождавшіе караванъ, предавались по пути своей любимой забавѣ, состоящей въ томъ, чтобы поднять съ земли, на полномъ скаку, козленка или барана. Этотъ спортъ требуетъ большой мускульной силы и не меньшей ловкости, въ особенности твердой посадки: всадникъ, наклонивъ корпусъ впередъ, на полномъ скаку, поднимаетъ съ земли эту тяжелую массу, но его нагоняютъ тотчасъ другіе всадники и стараются отнять у него барана, при чемъ наѣздникъ нерѣдко летитъ со своей ношей кубаремъ на песокъ; но ловкость киргизъ такъ велика, что конь и всадникъ немедленно встаютъ и уносятся въ карьеръ, поднимая облако пыли».

14-го числа караванъ прибылъ въ фортъ Кармакчи, а на слѣдующій вечеръ въ фортъ Перовскій; не доѣзжая трехъ верстъ отъ этого пункта, начинаются обработанныя поля, которыя представляютъ отрадное зрѣлище послѣ утомительной бѣлизны степи.

На слѣдующій день по приѣздѣ въ ф. Перовскій, Черняевъ намѣревался отправиться на пароходѣ по Сыръ-Дарьѣ для инспектированія канализаціонныхъ работъ, производившихся, по его мысли, въ этой мѣстности.

«Промѣнявъ политику на земледѣліе, побѣдитель Туркестана поставилъ себѣ задачей доставить управляемой имъ странѣ новые источники богатства. Въ то время его занимали два вопроса первостепенной важности.

«Первый изъ нихъ состоялъ въ увеличеніи количества пахотной земли, посредствомъ устройства новой системы канализаціи. Мѣстные условія какъ нельзя болѣе благоприятствовали этому, ибо многочисленные аулы киргизъ являлись ежегодно на зимовку на берега Сыръ-Дарьи, между Казалинскомъ и Чимкентомъ, и занимались тутъ обработкою полей; наблюденія показали, что число кочевниковъ, занимающихся земледѣліемъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ: пока кочевой образъ жизни даетъ киргизу возможность удовлетворять своимъ

нуждамъ и потребностямъ своей семьи, до тѣхъ поръ онъ предпочитаетъ вести лѣнливую и привольную жизнь пастуха, но такъ какъ падежъ скота въ послѣднее время уменьшилъ чувствительнымъ образомъ его стада, и новые налоги, а быть можетъ и перемѣна администраціи создали довольно многочисленный классъ пролетаріевъ, то масса этихъ бѣдныхъ кочевниковъ, нѣкогда столь гордыхъ и смотрѣвшихъ на земледѣліе, какъ на постыдное ремесло, были вынуждены обрабатывать землю, лично для себя или въ качествѣ наемныхъ работниковъ у тѣхъ земельныхъ собственниковъ, которые создаются новой администраціей степи, т. е. у волостныхъ писарей.

«Генераль Черняевъ всѣми мѣрами старался поощрить эти занятія земледѣліемъ, которыя могутъ значительно увеличить благосостояніе Туркестанскаго края, создавъ по теченію Сыръ-Дарьи цѣлый рядъ колоній.

«Другой, не менѣе важный, вопросъ, занимавшій генераль-губернатора, было устройство новыхъ путей сообщенія, по которымъ могли бы сбываться въ Россію произведенія Туркестана.

«Вслѣдствіе завоеванія Ташкента, бывшаго центромъ средне-азиатской торговли, торговныя сношенія этой страны съ Россіей стали быстро развиваться; въ настоящее время на рынкахъ Туркестана преобладаютъ русскія мануфактурныя издѣлія, откуда они почти окончательно вытѣснили англійскіе товары, привозимые изъ Индіи. Однако, медленность, съ какою двигаются караваны, проходящіе всего 25 верстъ въ день, и обусловленная этимъ дороговизна транспортировки представляютъ серьезныя препятствія для развитія торговли съ Россією. Главною артерією для передвиженія войска и каравановъ служитъ дорога отъ Оренбурга до Казалинска, откуда она раздваивается, направляясь въ Бухару и Ташкентъ; этотъ караванный путь идетъ по степи, изобилующей колодцами и населенной многочисленными аулами, которые доставляютъ верблюдовъ, необходимыхъ для перевозки.

«Въ періодъ времени съ 1850 по 1869 г. русское правительство перевезло съ неимовѣрными трудностями изъ Оренбурга въ Аральское море нѣсколько судовъ, построенныхъ въ Швеціи, Англии и Бельгіи, въ надеждѣ создать тамъ флотъ для перевозки боевыхъ снарядовъ, а съ теченіемъ времени правительство полагало увеличить количество судовъ въ интересахъ средне-азиатской торговли. Но такъ какъ эти суда сидѣли слишкомъ глубоко, то по причинѣ мелководія они не могли принести ожидаемой отъ нихъ пользы и попытка воспользоваться Аральскимъ моремъ и Сыръ-Дарьей, какъ путемъ сообщенія, послужила лишь къ тому, чтобы выказать всѣ трудности, связанныя съ осуществленіемъ этого проекта.

«Итакъ, эти попытки не увѣнчались успѣхомъ; между тѣмъ, нѣкто Ванюхинъ, рыбный торговецъ, нашелъ болѣе короткій путь и съ успѣхомъ провезъ, неоднократно, свой товаръ изъ Аральскаго моря въ Каспійское черезъ Усть-Уртское плоскогорье; это обстоятельство надѣлало много шума и генераль Черняевъ поручилъ полковнику Александрову изслѣдовать это плоскогорье, съ цѣлью опредѣлить, возможно ли соорудить тамъ дорогу, которая соединила бы Кунградъ, лежащій по нижнему теченію Оксуса, съ Яманъ-Айракты, находящимся при заливѣ Мертвый Култукъ, переименованномъ нынѣ въ заливъ Цесаревича; выгоды этого пути, сравнительно съ прежней оренбургской дорогой, громадны, ибо, отправившись изъ Оренбурга, караванамъ приходится ѣхать до Ташкента 1,705 верстъ сухимъ путемъ, тогда какъ, направляясь черезъ Усть-Урту, придется ѣхать сухимъ путемъ до Кунграда всего 440 верстъ, а далѣе водою, ибо Аму-Дарья судоходна на большей части своего теченія.

«Весьма благоприятный отзывъ, данный объ этомъ новомъ пути сообщенія полковникомъ Александровымъ, побудилъ генерала Черняева лично посѣтить Усть-Уртское плоскогорье въ 1883 году. Полковникъ Бѣлявскій, которому было предложено дать свое заключеніе на счетъ проектированной дороги, вполне подтвердилъ данныя, сообщенныя его предшественникомъ. Усть-Уртское плоскогорье пользуется климатомъ здоровымъ, средняя температура зимою не падаетъ ниже 8°; одинъ изъ конечныхъ пунктовъ предполагаемаго пути—заливъ Мертвый Култукъ имѣетъ довольно значительную глубину, такъ что пароходы могутъ свободно приставать въ немъ, и хотя море замерзаетъ тутъ съ декабря по мартъ мѣсяць, но это не представляетъ особеннаго неудобства, ибо для перевозки товаровъ достаточно остальнаго времени года.

«Создать въ Яманъ-Айракты гавань, съ плотинами и маяками, построить черезъ Усть-Урту до Кунграда дорогу, удобную для ѣзды въ экипажахъ, съ телеграфомъ или даже желѣзную дорогу—вотъ задача будущаго; огромное преимущество этой дороги заключается еще въ томъ, что она центральная и примыкаетъ къ большой судоходной рѣкѣ. Уже въ настоящее время большія барки, построенныя въ Ургенчѣ, перевозятъ товары между Иль-Джикомъ и Кунградомъ; они легко могутъ быть замѣнены пароходами, такъ какъ Аму-Дарья имѣетъ достаточно глубины, а саксаулы, растущіе въ изобиліи на ея берегахъ, обезпечать этимъ судамъ превосходное топливо.

«Такимъ образомъ, старинная дорога отъ Оренбурга до Казалинска будетъ современемъ посѣщаться гораздо менѣе, такъ какъ она слишкомъ длинна и проходитъ по бесплоднымъ степямъ, и главная тор-

говля Средней Азии пойдет по желѣзной дорогѣ, какъ по наиболѣе краткому и дешевому пути; хотя постройка этой дороги будетъ произведена другими лицами, но все же честь и слава ея будетъ принадлежать ген. Черняеву, и его имя всегда будетъ связано съ этимъ предпріятіемъ».

Итакъ, на слѣдующій день по прибытіи въ фортъ Перовскій, Черняевъ отправился на пароходѣ по Сыръ-Дарьѣ для осмотра вновь сооруженнаго канала, соединившаго маленькое озеро Джала-Куръ съ Сыръ-Дарьей; «каналъ этотъ проведенъ по плану мѣстныхъ инженеровъ и надъ нимъ трудились 400 каракалпаковъ, прибывшихъ изъ Хивы; это сооруженіе поистинѣ изумительное, такъ какъ единственный инструментъ, которымъ рабочіе туземцы пользовались при нивелировкѣ, состоялъ изъ пузыря, до половины наполненнаго водою. Система плотинъ, придуманная генераломъ Черняевымъ, также весьма оригинальна и прекрасно приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ: она состоитъ въ употребленіи старыхъ рыбацкихъ сѣтей, нагруженныхъ камнями и поддерживаемыхъ столбами; иль, наносимый рѣкою, образуетъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, столь прочную плотину, что она въ состояніи направить теченіе рѣки къ тому пункту, куда этого желаютъ: разъ теченіе установилось, русло канала увеличивается само собою».

Пока генераль инспектировалъ работы, спутники его охотились по берегамъ Сыръ-Дарьи, изобилующимъ всякаго рода дичью; по-этому пребываніе въ ф. Перовскомъ, благодаря этой маленькой экскурсіи водою, оставило въ нихъ самое пріятное воспоминаніе, но такъ какъ генераль-губернатора ожидали въ Ташкентѣ, то имъ не долго пришлось воспользоваться этимъ пріятнымъ отдыхомъ; впрочемъ, мѣстность, по которой они ѣхали отъ ф. Перовскаго до Джулека и отъ Джулека до развалинъ Сорана, была не такъ однообразна, какъ предыдущая дорога, ее оживляла масса всевозможной дичи: фазаны перебѣгали дорогу подъ самыми ногами лошадей и путешественники стрѣляли по нимъ, не выходя изъ экипажа. Наконецъ, показались вдали купола обширной мечети, построенной въ самомъ центрѣ города Туркестана, перваго большаго сартскаго города, гдѣ Мозеру пришлось остановиться. «Эта мечеть, одно изъ самыхъ большихъ и великолѣпныхъ зданій Средней Азии, построена въ XIV вѣкѣ великимъ завоевателемъ Тимуромъ, чтобы служить могилою его внучкѣ; размѣры мечети столь велики, что ее видно въ степи за 25 верстъ; изящные купола этого зданія, покрытые нѣкогда изразцами бирюзоваго цвѣта, значительно пострадали отъ времени; мозаики и прочія драгоценности,

находившіяся въ немъ, исчезли вслѣдствіе нерадѣнія муллъ, приставленныхъ смотрѣть за мечетью, и можно сказать, что она сохранилась для потомства только благодаря щедрости русскаго императора. По случаю коронаціи Александра III-го бухарскій эмиръ послалъ царю, въ числѣ прочихъ подарковъ, 100 тысячъ рублей золотою монетою; эта сумма была пожертвована государемъ исключительно на дѣла мусульманской благотворительности; такъ, напр., медресе, построенное въ Бухарѣ благодаря щедротамъ императрицы Екатерины II, получило въ даръ 40 тысячъ рублей; 15 тыс. руб. ассигнованы на поправку и поддержаніе Газрети Тимура; остальная сумма назначена на поддержаніе разныхъ сооружений въ Самаркандѣ».

Осѣдлые жители Туркестана, составляющіе коренное населеніе этой мѣстности,—сарты, которые совершенно утратили нынѣ отличительныя черты своего племени и языка отъ смѣшенія съ арабами, индусами и узбеками. Идеаль всякаго сарта сдѣлаться купцомъ, только самые бѣдные изъ нихъ занимаются земледѣліемъ; они лицемѣрны, лживы и пользуются, за эти качества, всеобщимъ презрѣніемъ.

«Сартъ брѣдетъ себѣ голову, прикрывая ее вышитой скуфейкой, поверхъ которой надѣвается чалма; размѣръ этой чалмы зависитъ отъ средствъ. Бумажные шаровары его на-половину прикрываются бешметомъ съ узкими рукавами, сверхъ котораго надѣвается халатъ, съ длиннѣйшими рукавами, и чѣмъ богаче сартъ, тѣмъ большее число халатовъ онъ надѣваетъ на себя».

Что касается сартской женщины, то ея домашній костюмъ донельзя простъ, и состоитъ, въ теплое время года, изъ длинной кисейной или шелковой рубашки и шелковыхъ шароваръ, стянутыхъ внизу и украшенныхъ вышивкой. Шелковыя рубашки, продаваемыя въ Самаркандѣ, бываютъ тонки, какъ паутина, и, сжатая рукою, помѣщаются въ кулакъ; не смотря, однако, на столь несложный нарядъ, сартка постоянно занята своимъ туалетомъ; богатая женщины, на которыхъ не лежатъ заботы о хозяйствѣ, проводятъ за туалетомъ большую часть дня. Молодая дѣвушка носятъ рубашку, вырѣзанную на шеѣ и украшенную широкой вышивкой; рубашка замужней женщины имѣетъ разрѣзъ, доходящій до пояса и сдерживаемый у шеи металлической застежкой; рукава ея чрезвычайно широки и, при малѣйшемъ движеніи, обнажаютъ руку по плечо. Зимомъ женщины надѣваютъ поверхъ рубашки одинъ или нѣсколько халатовъ ¹⁾.

Женщина-сартка бываетъ обыкновенно средняго роста; величайшая прелесть ея состоитъ, безспорно, въ большихъ глазахъ, миндале-

¹⁾ См. приложенныя дагѣ гравюры: изображеніе сартской женщины и киргизскій аулъ.

видной формы, которые она искусно подводит, чтобы придать имъ болѣе блеска. Чѣмъ ближе срослись брови, тѣмъ болѣе страстнымъ темпераментомъ обладаетъ, по ихъ мнѣнію, женщина, поэтому онѣ разрисовываютъ себѣ обыкновенно брови такъ, чтобы онѣ сходились на лбу. Цвѣтъ лица у нихъ, по болѣе части, смуглый, но встрѣчаются также лица замѣчательной бѣлизны; ноги и руки у нихъ маленькія, но походка чрезвычайно не граціозна. Волосы темнаго цвѣта, грубые и жесткіе, раздѣляются правильнымъ проборомъ посреди лба и на вискахъ и усердно смазываются помадой; молодыя дѣвушки заплетаютъ ихъ въ пять косъ, а замужнія женщины въ двѣ косы, которыя бываютъ иногда невѣроятной длины и украшаются монетами, лентами и амулетами; особеннымъ шикомъ считается красить себѣ зубы черной краской. Золотыя и серебряныя украшения, осипанныя бирюзой, изумрудами, рубинами и другими камнями, въ большой модѣ у сартской женщины; на лобъ онѣ надѣваютъ діадему, изогнутую дугообразно, подражая формѣ бровей, къ которой прикрѣпляется жемчужина или маленькій колокольчикъ, ниспадающій на носъ; всѣ онѣ носятъ серьги, которыя бываютъ весьма тонкой и изящной филиграновой работы и висятъ зачастую до плечъ; на шеѣ носятъ ожерелье съ подвѣсками, а руки украшаются браслетами.

«По этому описанію легко составить себѣ понятіе объ общемъ видѣ сартской красавицы, когда она у себя дома, но въ такомъ нарядѣ европейцу рѣдко удастся ее увидѣть; когда же она выходитъ на улицу, то надѣваетъ сверхъ всего «фереджи», отвратительный балахонъ, имѣющій видъ мѣшка и прикрывающій ее съ ногъ до головы, оставляя открытою лишь часть лица, которая прикрывается, въ свою очередь, плотной сѣткой изъ конскаго волоса».

Отъ г. Туркестана до Чимкента путь идетъ все по той же однообразной степи, не представляющей для путешественника ничего интереснаго; только въ Иканѣ, неподалеку отъ Чимкента, обращаетъ на себя вниманіе «черный деревянный крестъ, напоминающій собою одинъ изъ самыхъ доблестныхъ подвиговъ русскаго войска, совершенный въ эпоху завоеванія этого края. Тутъ 104 уральскихъ казака, подъ командою эсаула Сѣрова, имѣя всего лишь одно орудіе, держались два дня въ открытомъ полѣ противъ 10 тысячъ сартовъ, соорудивъ себѣ ограду изъ своихъ убитыхъ товарищей и ихъ коней. Комендантъ Чимкента, узнавъ объ ихъ отчаянномъ положеніи, послалъ имъ на выручку роту стрѣлковъ: болѣе сильнаго подкрѣпленія онъ не могъ доставить имъ, опасаясь ослабить свой фортъ. Но когда офицеръ, командовавшій стрѣлками, увидѣлъ легіонъ враговъ, окружавшихъ казаковъ, то онъ отступилъ. Подъ конецъ втораго дня

казаки, не имѣя съѣстныхъ припасовъ, задыхаясь отъ зловонія труповъ, за которыми они прятались, не были въ состояніи держаться далѣе и рѣшились, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь; они сдѣлали вылазку и достигли форта, непрестанно сражаясь по пути, такъ что изъ 104 человекъ достигли Чимкента всего 9 человекъ, при чемъ всѣ были ранены».

Отъ Чимкента до Ташкента, столицы края, всего 120 верстъ; тутъ мѣстность оживляется, повсюду видна вода и растительность, сартскія деревни попадаются безпрестанно. Изъ Ташкента выѣхали на встрѣчу генераль-губернатору его адъютанты и чиновники и два посланника отъ бухарскаго эмира. Одинъ изъ нихъ ожидалъ пріѣзда генерала съ апрѣля мѣсяца, а другой, Рахметъ Уллахъ, весьма важный бухарскій чиновникъ, одѣтый въ парчевой халатъ, съ бѣлою чалмою на головѣ, только что пріѣхалъ.

Въѣздъ генераль-губернатора въ Ташкентъ совершился съ истинно восточною пышностью. Генераль помѣстился въ своемъ большомъ ландо, имѣя по лѣвую сторону Рахметъ Уллаха; всѣ экипажи были окружены ординарцами и джигитами верхами.

«Мы подвигались медленно, окруженные густымъ облакомъ пыли, рассказываетъ Мозеръ, дорога была окружена экипажами, наполненными дамами, любопытствовавшими взглянуть на Чернаева; генераль, по обыкновенію, заѣхалъ прежде всего въ церковь, гдѣ онъ былъ встрѣченъ духовенствомъ, затѣмъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ его ожидала цѣлая толпа офицеровъ высшихъ чиновъ въ полной парадной формѣ. Боже! какіе они были чистенькіе въ своихъ кителяхъ, въ сравненіи съ пріѣзжими, которые были покрыты желтоватою пылью, дѣлавшею ихъ неузнаваемыми».

Созданіе современнаго Ташкента представляетъ одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые подъ силу только русскимъ и американцамъ. Представьте себѣ среди голой степи хорошенькій и веселенькій городокъ, съ широкими, правильно разбитыми, улицами, окаймленными по обѣимъ сторонамъ каналами, вдоль которыхъ вы идете въ тѣни деревь, освѣняющихъ тротуары; дома, окруженные садами, бывають нерѣдко двухэтажные; а нѣкоторыя общественныя зданія достойны занять мѣсто въ любомъ городѣ Европы. Казенныя зданія отличаются прочностью постройки и красивой архитектурой; военный клубъ походить на казино германскихъ курортовъ; въ его роскошныхъ залахъ даются балы, на которые съѣзжается отъ 400 до 500 человекъ, и въ довершеніе всего, въ Ташкентѣ имѣется театръ, въ которомъ устраиваются даже маскарады!

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЙ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г.

АУЛЪ КИРГИЗОВЪЪ.

принадлежитъ къ «РУССКОЙ СТАРИЦѢ» №1. 1888 г.

ЭКСПОЗИЦІЯ ЗАГОВОДИНИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЪЗЛАГЪ.

«Умственная жизнь чрезвычайно развита въ этомъ степномъ городѣ, имѣющемъ библиотеку и двѣ газеты: «Туркестанскія» и «Азіятскія Вѣдомости», учительскую семинарію и двѣ гимназіи. Чтобы дать понятіе объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ цивилизаціей въ краѣ, замѣтимъ, что въ 1868 г. въ немъ было лишь 17 элементарныхъ школъ съ 737 учениками, а въ настоящее время (1883 г.) ихъ насчитываютъ до 60, и число учениковъ доходить въ нихъ приблизительно до 4 тысячи. Въ русскомъ Ташкентѣ есть также русская школа для туземцевъ, въ которую является всегда болѣе желающихъ, нежели имѣется свободныхъ мѣстъ».

Чтобы облегчить желающимъ занятіе наукою, извѣстному энтомологу Ошанину было поручено составить естественно-историческій музей, но за недостаткомъ средствъ эта коллекція находится (1883 г.) въ весьма жалкомъ состояніи, за то астрономія составляетъ излюбленное дѣтище правительства.

Обсерваторія г. Ташкента имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что изъ всѣхъ существующихъ обсерваторій она занимаетъ наиболѣе континентальное положеніе, будучи отдѣлена отъ океана пространствомъ земли болѣе, нежели въ 4 тысячи километровъ. Въ силу этого обстоятельства она находится въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для наблюденій: если сравнить ее въ этомъ отношеніи, напримѣръ, съ Пулковской обсерваторіей, то окажется, что въ то время, какъ въ Пулковѣ едва насчитываютъ въ годъ 100 дней благоприятныхъ для наблюденій, а слѣдовательно 260 бываютъ потеряны для науки, въ Ташкентѣ бываетъ, наоборотъ, 260 полезныхъ дней и только 100 дней бываютъ потеряны для наблюдателя.

Прозрачность воздуха въ этой мѣстности центральной Азіи необычайная; немудрено поэтому, что создателями астрономіи были халдейскіе пастухи. Всѣ эти благоприятныя условія сдѣлали бы положеніе астронома, занимающагося наблюденіями въ Ташкентѣ, крайне затруднительнымъ, если бы этотъ городъ былъ соединенъ телеграфной проволокой съ обсерваторіями всѣхъ странъ свѣта; въ такомъ случаѣ наблюдателю пришлось бы цѣлый день не отрываться отъ зрительной трубы, но, къ счастью для него, Ташкентъ соединенъ телеграфомъ лишь съ обсерваторіями Москвы и Петербурга.

Ташкентская обсерваторія снабжена всѣми необходимыми инструментами: въ ней есть рефракторъ, помѣщающійся въ каменной башнѣ съ подвижнымъ куполомъ, меридіанный кругъ, утвержденный на двухъ кирпичныхъ столбахъ для измѣренія восхожденія и склоненія звѣздъ, наконецъ, сисмографъ для наблюденія колебаній почвы, которая бываетъ въ Ташкентѣ весьма часты, хотя и не отличаются особенною силою.

«Можно себя представить, съ какими трудностями было сопряжено устройство этой обсерваторіи, такъ какъ всѣ приборы пришлось везти черезъ степь, на верблюдахъ, а затѣмъ передъ установкой на мѣсто потребовалось исправить ихъ и провѣрить опытными механиками. Генераль Черняевъ, готовый оказать поддержку всему, касающемуся науки и развитію человѣческаго ума, принималъ и въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. Что же касается сартскаго населенія, то оно продолжаетъ смотрѣть на эту башню и на все происходящее въ ней какъ на дьявольское изобрѣтеніе; во время луннаго затмѣнія, которое было видимо въ Ташкентѣ въ 1882 г., все туземное населеніе этого города было объято ужасомъ и успокоилось, лишь увидѣвъ, что луна снова заблестала на небѣ; даже старикъ сартъ, служащій при обсерваторіи, не смотря на всѣ объясненія, былъ до крайности перепуганъ и полагалъ, что насталъ конецъ міра.

«Мы имѣли случай посѣтить обсерваторію, говоритъ Мозеръ: прекрасный садъ, среди котораго возвышается это зданіе, построенное въ 4-хъ верстахъ отъ города, былъ освѣщенъ по этому случаю а гіогно; насъ встрѣтилъ директоръ обсерваторіи, полковникъ Померанцевъ, повелъ насъ на верхъ башни и посвятилъ насъ въ тайны астрономіи, показавъ намъ комету, которую нью-йоркскіе астрономы тщетно искали на небѣ, подозрѣвая ея существованіе, и которую ему удалось открыть благодаря неутомимымъ наблюденіямъ и прозрачному небу Туркестана. Начальникъ штаба, генераль Новицкій, увѣрялъ насъ, что это та самая комета, которая была видима въ 1812 году».

Дворецъ генераль-губернатора представляетъ собою обширное и роскошное зданіе, окруженное великолѣпнымъ паркомъ, въ которомъ можно найти прохладу въ самые жаркіе дни. У себя дома М. Г. Черняевъ былъ также любезенъ и доступенъ, какъ и въ Россіи, и какимъ онъ былъ съ своими спутниками во время путешествія.

За обѣдомъ, который подавался въ 6 часовъ вечера, кромѣ домашнихъ, присутствовали всѣ офицеры и высшія должностныя лица, но на завтракъ приглашались лишь самыя приближенныя лица, съ которыми генераль охотно бесѣдовалъ; эти бесѣды, по словамъ нашего путешественника, составляли самое пріятное изъ его ташкентскихъ воспоминаній; «послѣ завтрака мы отправлялись курить въ кабинетъ, рассказываетъ онъ; тутъ генераль показывалъ намъ сабли, подаренныя ему хивинскимъ и бухарскимъ ханами; это знаменитыя произведенія Хорасана, которыми можно разрѣзать пополамъ батистовый платокъ, брошенный на воздухъ; стоимость этихъ клинковъ неоцѣнима, такъ какъ ихъ нельзя купить ни за какую цѣну; ножны ихъ

блестять богатыми золотыми и серебряными украшениями, осыпанными драгоценными камнями, но завоеватель Туркестана особенно дорожить самой простой изъ этихъ сабель, той, которая была взята у Алимъ-Куля, главнаго вождя туземцевъ, побѣжденнаго и убитаго подъ Ташкентомъ».

IV.

«Завоеваніе Туркестана стоило Россіи огромныхъ жертвъ и затратъ, которыя не вознаграждаются до сихъ поръ доходами съ этихъ земель. Первою побудительною причиною къ этимъ завоеваніямъ послужила необходимость обезопасить восточныя границы имперіи отъ нападеній сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, существовавшихъ только грабежами и набѣгами. Когда эти племена были покорены и обратились къ болѣе мирной жизни, они стали подвергаться въ свою очередь нападеніямъ своихъ беспокойныхъ сосѣдей, съ которыми Россіи пришлось воевать, чтобы защитить своихъ новыхъ подданныхъ, и такимъ образомъ, отодвигая постоянно свои границы имперіи, она очутилась, наконецъ, у предѣловъ Афганистана».

Положеніе Россіи въ центральной Азій было таково же, какъ и положеніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ кочевыми, полудикими племенами; надобно было положить предѣлъ ихъ набѣгамъ и съ этою цѣлью приходилось время отъ времени предпринимать экспедиціи противъ непріятеля, неуязвимаго въ своей социальной организаціи. Чтобы положить предѣлъ этимъ нескончаемымъ стычкамъ, Россія занимала мало по малу въ этой странѣ нѣкоторые укрѣпленные пункты; при этомъ наступательномъ движеніи русскаго войска въ глубь Средней Азій, воинственный духъ русскихъ генераловъ иной разъ ускорялъ событія, опережая виды дипломатіи и намѣренія правительства.

Въ 1839 г. императоръ Николай I поручилъ генералу Перовскому овладѣть нѣкоторыми пунктами во владѣніяхъ кочевниковъ, тревожившихъ своими нападеніями восточныя границы имперіи, укрѣпиться въ этихъ пунктахъ и заставить такимъ образомъ эти дикія племена уважать Россію.

Первая экспедиція была направлена противъ хивинскаго хана, который забиралъ въ плѣнъ множество русскихъ подданныхъ, грабилъ караваны и подстрекалъ къ возмущенію киргизъ, бывшихъ данниками русскаго царя; но эта экспедиція окончилась самымъ плачевнымъ

образомъ: 1,000 человекъ войска и 9,000 верблюдовъ погибли отъ холода и голода въ степяхъ, между Аральскимъ моремъ и р. Эмбою; послѣ этой неудачи русскихъ хивинскій ханъ еще болѣе возмечталъ о своей силѣ.

Не желая вновь пускаться на удачу по Аральскимъ степямъ, русское правительство рѣшило нанести хану окончательный ударъ, принявъ операціонной базой Сыръ-Дарью. Надобно было овладѣть Коканскимъ ханствомъ, которое бухарскій эмиръ Насръ-Уллахъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ въ 1840 г., умертвивъ его владѣтеля и уведя сына его въ плѣнъ, въ Бухару.

Въ 1847 г. было построено въ степи нѣсколько фортовъ; это были первыя звенья той цѣпи, которая должна была современемъ соединить Россію съ Сыръ-Дарьею; въ томъ же году въ Оренбургѣ были сосредоточены большіе запасы всякаго продовольствія, а на Аральскомъ морѣ появилась и флотилія, и такимъ образомъ генер. Перовскій могъ двинуться впередъ, хотя медленными, но вѣрными шагами, строя по пути, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, цѣлый рядъ фортовъ, для защиты киргизскихъ племенъ отъ хищниковъ лѣваго берега Сыръ-Дарьи.

«Русскими была произведена рекогносцировка вплоть до коканской крѣпости Акъ - Мечеть (Ak Mesdjet) и на слѣдующій годъ Перовскому удалось провести черезъ степь Кара-Кумъ довольно многочисленное войско, для осады этой крѣпости, которая пала, послѣ геройской защиты, въ іюнь 1853 года и была названа фортъ Перовскій.

«Крымская война и событія въ Польшѣ отвлекли на нѣкоторое время вниманіе русскихъ отъ этихъ странъ, тѣмъ не менѣе въ послѣдующіе годы было занято нѣсколько важныхъ пунктовъ къ югу отъ Сибири и, наконецъ, въ 1854 г. было основано Вѣрное. Между тѣмъ въ Коканѣ вспыхнуло возстаніе и Мозаффаръ-Эддинъ, сынъ Насръ-Уллаха, явился во главѣ арміи бухарцевъ на помощь коканскому хану Кудеяру, освободилъ его отъ враговъ и раздѣлилъ его владѣнія на двѣ части, одну изъ нихъ отдалъ Кудеяру, а другую оставилъ себѣ, назначивъ туда малолѣтняго правителя, а себя объявивъ его опекуномъ. Это событіе имѣло для Мозаффаръ-Эддина пагубныя послѣдствія; сдѣлавшись верховнымъ владѣтелемъ Кокана, онъ тѣмъ самымъ долженъ былъ защищать своего вассала отъ нападений его враговъ и такимъ образомъ ему пришлось вступить непосредственно въ столкновеніе съ Россіей. Въ 1861 г. былъ занятъ Джулекъ, между тѣмъ какъ отрядъ, направлявшійся изъ Семирѣченска, медленно подвигался на югъ и присоединился въ 1864 г. къ колоннѣ, дѣйствовавшей на Сыръ-Дарьѣ. Въ іюнь мѣсяцѣ того же года былъ взятъ г. Туркестанъ, а

нѣсколько времени спустя ген. Черняевъ однимъ ловкимъ ударомъ овладѣлъ Чимкентомъ; въ 1865 г. взять имъ Ташкентъ.

«Получивъ извѣстіе объ этой побѣдѣ, бухарскій эмиръ послалъ Черняеву приказаніе возвратить завоеванныя имъ области, грозя въ противномъ случаѣ начать священную войну. Такъ какъ въ это самое время генераль Черняевъ былъ отозванъ изъ Туркестана, то его преемнику, ген. Романовскому, было поручено отомстить эмиру за оскорбленіе, нанесенное Россіи въ лицѣ его посланника, Струве, который былъ заключенъ въ Бухарѣ въ тюрьму. Ген. Романовскій, во главѣ 3,600 человекъ войска, напалъ на 40-тысячную армію Мозаф-фара, наэлектризованную желаніемъ истребить невѣрныхъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1866 г., между Самаркандомъ и Ташкентомъ, произошло кровопролитное сраженіе, оказавшееся гибельнымъ для бухарскаго эмира, который спасся бѣгствомъ, но не терялъ надежды современемъ побѣдить русскихъ и поспѣшно занялся укрѣпленіемъ Самарканда.

«Въ это самое время русское правительство рѣшило упростить администрацію Туркестана, сосредоточивъ гражданскую и военную власть въ этомъ краѣ въ рукахъ одного лица. Генераль Кауфманъ, которому былъ вѣренъ этотъ важный постъ, получилъ званіе туркестанскаго генераль-губернатора и избралъ своимъ мѣстопробываніемъ г. Ташкентъ.

«Непріязненные столкновенія съ бухарцами, приостановившіяся было на нѣкоторое время, возобновились опять; въ маѣ мѣсяцѣ 1868 года Кауфману пришлось оставить занятую русскими позицію при Ташъ-Купрүкѣ, лежавшемъ на Самаркандской дорогѣ, и двинуться съ 3,500 чел. войска на встрѣчу бухарцамъ; они выслали парламентаря, предлагая заключить миръ, но когда русскіе, на ихъ требованіе вывести изъ страны всѣ войска, отвѣчали отказомъ, то завязалось сраженіе, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ бухарцевъ.

«Вечеромъ, въ день битвы, побѣдители расположились бивуакомъ на полѣ сраженія; на слѣдующее утро въ главную квартиру явилась депутація изъ Самарканда, неся ключи крѣпости. Кауфманъ потребовалъ, чтобы ему были открыты городскія ворота, русскія войска вступили въ Самаркандъ и цитадель его была приведена въ оборонительное положеніе; городское населеніе отнеслось къ этому событію, повидимому, совершенно спокойно.

«Оставивъ боевые снаряды и походные госпитали подъ охраною гарнизона, численностью въ 700 человекъ, подъ команду храбраго майора фонъ-Темпеля, ген. Кауфманъ вновь пустился преслѣдовать непріятели. Тогда самаркандцы, полагая, что имъ легко удастся

справиться съ горстью людей, оставленныхъ въ крѣпости, открыли городскія ворота воинственнымъ и фанатичнымъ горцамъ, которые помогли имъ осадить гарнизонъ цитадели, подвергшейся такимъ образомъ неожиданному нападенію со стороны 9—10 тысячнаго непріятеля. Въ теченіи 6 дней, съ 14-го по 20-е іюня, майоръ Темпель со своимъ отрядомъ совершилъ чудеса храбрости: всѣ русскіе, бывшіе въ цитадели, даже больные и ампутированные, дотащились до амбразуръ, чтобы защищать окопы, тянувшіеся на версту. Выдержавъ столь упорную осаду, гарнизонъ не въ силахъ былъ болѣе защищаться, когда на помощь ему подоспѣлъ, наконецъ, ген. Кауфманъ, который и разсѣялъ непріятеля.

«Чтобы наказать самаркандцевъ за измѣну и дать примѣръ прочимъ азіатскимъ народамъ, генераль отдалъ Самаркандъ на три дня на разграбленіе солдатамъ; эти дни грабежа и кровавой расправы разъ навсегда запечатлѣли въ умѣ сартовъ, какія печальныя послѣдствія можетъ имѣть сопротивленіе ихъ власти русскихъ, а бухарскій эмиръ съ своей стороны понялъ, что прочность его царствованія зависитъ не отъ доблести его арміи, а отъ снисходительности Бѣлаго Царя, и послѣшилъ поэтому заключить миръ, въ силу котораго русскіе присоединили къ своимъ владѣніямъ среднее теченіе Зеравшана съ Самаркандомъ и Катта-Курганомъ.

«Мирный договоръ, заключенный въ іюнь мѣсяцѣ 1868 г. съ бухарскимъ эмиромъ, заключалъ, между прочимъ, слѣдующія условія:

1) Всѣ русскіе подданные, безъ различія вѣроисповѣданій, получаютъ право свободной торговли на всемъ протяженіи бухарской территоріи. Эмиръ отвѣтственъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, за безопасность русскихъ купцовъ, ихъ каравановъ и имущества.

2) Русскимъ купцамъ предоставляется право имѣть своихъ агентовъ во всѣхъ городахъ Бухары.

3) Русскіе товары, ввозимые въ Бухару, не должны быть обложены пошлиной, превышающей 2¹/₂ процента ихъ стоимости.

4) Русскіе купцы пользуются правомъ безпрепятственнаго проѣзда черезъ Бухару, при слѣдованіи ихъ въ сосѣднія земли.

«Грозные уроки, данныя русскими бухарскому эмиру, не пошли въ прокъ хивинскому хану; вмѣсто того, чтобы жить съ своимъ сѣвернымъ сосѣдомъ въ согласіи, онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы вызвать вооруженное столкновеніе, и былъ разбитъ русскими въ 1873 г.; побѣдители присоединили къ Туркестану часть ханства, лежавшую на правомъ берегу Оксуса.

«Наконецъ, коканцы, выведенные изъ терпѣнія жестокостью и чрезмѣрною скупостью своего правителя, обратились къ генералу

ГЕНРИХЪ МОЗЕРЪ.
ВЪ 1883 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», ИЗД. 1893 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 г.

ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗАГОТОВЛЕНІЕМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.
Digitized by Google

Кауфману съ просьбою о помощи; поэтому послѣ блестящей кампаніи, совершенной М. Д. Скобелевымъ въ 1875—1876 гг., онъ лишилъ Будаляръ-хана его владѣній и Коканъ былъ присоединенъ къ русской имперіи, подъ названіемъ Ферганской области.

«Итакъ, въ 1866 г. русскій Туркестанъ состоялъ изъ двухъ областей: Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской, въ 1868 г. къ нему присоединенъ Зеравшанскій округъ, отнятый у Бухары, въ 1873 г.—Аму-Дарьинская и, наконецъ, въ 1876 г.—Ферганская области».

Генрихъ Мозеръ.

Извлеч. и переводъ Вѣры Вас. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блаженъ, кто улыбается,
 Кто съ радостнымъ лицомъ
 Несетъ свой крестъ безропотно
 Подъ терновымъ вѣнцомъ;
 Не унываетъ въ горести,
 Въ печали терпѣливъ
 И слезы копить бережно,
 Ихъ въ сердцѣ затаивъ.
 Блаженъ, кто скупъ на жалобы,
 Кто свѣтлою душой
 Благословляетъ съ кротостью
 Суровый жребій свой;
 Кто средь невзгодъ, унынія,
 Тревоги и скорбей
 Не докучаетъ ближнему
 Кручиною своею;
 Кто помня цѣль завѣтную,
 Безтрепетной стопой
 И весело, и радостно
 Идетъ своей стезей.
 Блаженъ, кто не склоняется
 Передъ судомъ молвы,
 Предъ мнѣніемъ толпы людской
 Не клонитъ головы;
 Кто злыми испытаньями
 И горемъ закаленъ,
 Исполненный отвагою,
 Незыблемъ и силенъ,
 Пребудетъ твердъ и мужественъ
 Средь жизненной борьбы,
 Стальною наковальнею
 Подъ молотомъ судьбы.

К. К. Р.

1885 г.

Примѣчаніе. Приведенное стихотвореніе перепечатываемъ изъ сборника „Стихотвореній К. Р. Сиб. 1886 г.“, изъ каковой, весьма изящно изданной книжечки, не поступившей въ продажу, мы привели уже въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г., въ книгахъ августъ, октябрь и ноябрь, нѣсколько стихотвореній молодого и весьма талантливаго поэта.

Ред.

РАЗСКАЗЫ ПРАСКОВЬИ ЕГОРОВНЫ АННЕНКОВОЙ.

рожденной Гебль (Gueuble)

род. 1800, † 1876.

Помѣщаемые нами далѣе рассказы-воспоминанія принадлежать Прасковьѣ Егоровнѣ Анненковой. Это супруга одного изъ бывшихъ декабристовъ, одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя прославились самоотверженною преданностью своему долгу жены и матери и явились героинями легендъ, стихотвореній и цѣлыхъ романовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ изъ лицъ, слѣдившихъ за судьбою цѣлой группы замѣчательныхъ и достопамятныхъ людей земли русской, извѣстныхъ подъ названіемъ «декабристовъ», кто не знаетъ Юшневскую, Муравьеву (рожденная графиня Чернышева), княгиню Волконскую (дочь знаменитаго героя 1812 года—генерала Раевского), княгиню Трубецкую (рожденная графиня Лаваль), фонъ-Визинъ (рожденная Апухтина), Давыдову, Ивашеву (рожденная Ледантю), баронессу Розенъ, Янтальцеву, наконецъ, упомянутую нами П. Е. Анненкову, рожденную Гебль.

Въ этой плеядѣ русскихъ женщинъ, Прасковья Егоровна Анненкова, рожденная Гебль, хотя чистая француженка по происхожденію, но двѣ трети своей жизни посвятившая Россіи, занимаетъ видное мѣсто.

Родилась Полина Гебль 9-го іюня 1800 г.; дѣтство ея сопровождалось самыми тревожными, можно сказать, потрясающими событіями, о которыхъ она и рассказываетъ сама на страницахъ настоящей книги «Русской Старины».

Въ 1824 г. пріѣхала Полина Гебль въ Россію и познакомилась съ красавцемъ кавалергардомъ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ; то былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова ¹⁾, не

¹⁾ О красотѣ Ивана Александровича Анненкова свидѣтельствуеетъ портретъ его, превосходной кисти славнаго Кипренскаго; въ нашей обширной

только въ физическомъ отношеніи, но достойнѣйшій въ нравственномъ и умственномъ отношеніи представитель блестящаго общества гвардейскихъ офицеровъ 1820-хъ годовъ. Отлично образованный, спокойнаго, благороднаго характера, со всѣми приемами рыцаря-джентльмена, И. А. Анненковъ очаровалъ молодую, бойкую, умную и красивую француженку: та страстно въ него влюбилась и, въ свою очередь, крѣпкими узами глубокой страсти привязала къ себѣ Ивана Александровича Анненкова. Но вотъ, едва-ли годъ спустя послѣ ихъ связи, разразилась бѣда: Анненковъ, принадлежавшій къ сѣверному тайному обществу, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, и для его возлюбленной началась продолжительная и самая мучительная истома нравственныхъ страданій.

Въ юлѣ 1826 года Анненковъ сосланъ въ каторжную работу, въ Восточную Сибирь. Полина Гебль ни на минуту не задумывается слѣдовать за нимъ; въ своемъ намѣреніи она встрѣчаетъ, однако, препятствія: шефъ жандармовъ не разрѣшаетъ ей ѣхать въ Сибирь, такъ какъ Гебль не была еще обвинена съ Анненковымъ; притомъ молодая, красивая француженка вызвала въ лицахъ, у власти стоявшихъ, невольное сочувствіе и они всячески старались удержать ее въ С.-Петербургѣ, спасти отъ добровольной тяжелой ссылки въ Сибирь. Но вотъ Полина Гебль смѣло обращается въ Москвѣ, въ дни коронаціи императора Николая, къ самому государю съ мольбою разрѣшить ей отправиться къ ея жениху. Государь благосклонно выслушиваетъ повергшуюся предъ нимъ красавицу и пытается отвлечь ее отъ осуществленія ея намѣренія: указываетъ всю тяжесть ея самую создаваемого себѣ положенія—жены каторжника, но, чуждая страха, Полина Гебль не внемлетъ и со слезами вымаливаетъ себѣ высочайшее разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь.

Тысячи верстъ пришлось скакать въ жестокую морозную зиму. Легко и картинно это вымолвить, но воображеніе отказывается создать всю ту муку, какую должна была испытать молодая двадцатипятилѣтняя женщина, еле-еле понимавшая русскій языкъ, во время этого пути, среди трудностей самаго пути при русскомъ бездорожьѣ и ежеминутныхъ опасностяхъ, хотя бы только отъ грубости ямщиковъ и всевозможныхъ случайностей. Но вотъ тысячи верстъ пронеслись! Надежда видѣть жениха и явиться къ нему ангеломъ утѣшителемъ и охранителемъ вливала бодрость и энергію. Полина Гебль въ Читѣ. Въ церковь приводятъ ея жениха, оковы падаютъ на крыльцѣ

коллекціи портретовъ русскихъ людей 1820-хъ годовъ мы имѣемъ литографію съ упомянутаго портрета.

Ред.

храма съ его ногъ и предъ алтаремъ Господнимъ сочетаютъ ихъ на вѣки неразрывными узами.

Гель прѣѣхала какъ разъ во-время, чтобы спасти Анненкова отъ развитія тяжкаго душевнаго недуга, въ который онъ отъ тоски разлуки съ нею и отъ тяжести заключенія, не столько въ Читѣ, сколько подъ мрачными сводами казематовъ Петропавловской крѣпости, уже сталъ погружаться.

Прасковья Егоровна Анненкова поселилась въ одномъ изъ выстроенныхъ домиковъ, на такъ называемой Дамской улицѣ Петровска, куда въ особо устроенный для декабристовъ острогъ перевели всѣхъ ихъ въ 1830 году. Въ ея домикъ отпускали къ ней на побывку, въ извѣстные дни и часы, и ея мужа изъ острога.

Восемь лѣтъ спустя молодая чета, выпущенная изъ заключенія, отправляется поселенцами въ селеніе Бѣльскъ, на р. Бѣлой, въ 130 верстахъ отъ г. Иркутска; въ 1842 г. И. А. Анненкову разрѣшено вступить на службу и онъ поселяется въ Тобольскѣ, гдѣ и доживаетъ до амнистіи, дарованной всѣмъ декабристамъ манифестомъ императора Александра II въ августѣ мѣсяцѣ 1856 года.

Постоянное присутствіе любимой женщины, молодой, веселаго, подвижнаго характера, не унывающей ни отъ нравственныхъ, ни отъ матеріальныхъ лишеній, благотворно дѣйствовало на Ивана Александровича, этого мыслителя съ меланхолическимъ и отчасти мрачнымъ характеромъ, съ дѣтства своего страдавшаго отъ непривѣтливости своей холодной и крайне эгоистичной матери — Анны Ивановны Анненковой. Она жила постоянно въ Москвѣ, обладая какъ своимъ весьма крупнымъ состояніемъ, полученнымъ отъ отца ея Якобія, бывшаго въ эпоху Екатерины II намѣстникомъ Сибири, такъ и Анненковымъ, находившимся у нея въ пожизненномъ владѣніи, и хотя во время ссылки сына мать высылала ему деньги, но крайне неакуратно, отчасти по своей безсердечности, отчасти находясь въ зависимости отъ цѣлой толпы приживалокъ, которыя въ первой половинѣ этого столѣтія обильно наполняли наши богатые помѣщичьи дома.

Восемнадцать дѣтей дала Прасковья Егоровна своему мужу: шестеро изъ нихъ остались живы ко времени возвращенія супруговъ въ 1857 г. въ Россію, гдѣ они и поселились въ Нижнемъ Новгородѣ.

Нѣкоторая часть изъ бывшихъ имѣній Ивана Александровича была добровольно возвращена ему его родственниками: Андреемъ Дмитриевичемъ Анненковымъ, Маріей Ивановной Кушелевой, рожденной Анненковой, и, главнымъ образомъ, Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ, впоследствии генералъ-губернаторомъ юго-западной Россіи и членомъ государственнаго совѣта, а прежде того бывшимъ государ-

ственнымъ — контролеромъ. Въ наидостойнѣйшей супругѣ Н. Н. Анненкова Вѣрѣ Ивановнѣ, рожденной Бухариной, бывшіе сибирскіе поселенцы Анненковы нашли самого добраго, самого внимательнаго къ себѣ друга, каковымъ Вѣра Ивановна, достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ женщина, остается и по сіе время для дѣтей и внуковъ Ивана Александровича и Прасковьи Егоровны Анненковыхъ.

Двадцать лѣтъ, т. е. до самой кончины своей, Анненковы прожили въ Нижнемъ-Новгородѣ. Подобно другимъ декабристамъ, дожившимъ до возвращенія въ отечество, Иванъ Александровичъ былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ своими соотечественниками; онъ удостоился выбора, и притомъ многократнаго, на различныя должности общественной службы, и, между прочимъ, въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ предводителемъ дворянства Нижегородскаго уѣзда; Анненковъ участвовалъ при этомъ въ различныхъ трудахъ, къ которымъ привлекаемо было дворянство, а затѣмъ и земство по поводу многихъ реформъ, свершенныхъ по великому почину Государя-Освободителя; всею душою сочувствовалъ онъ, бывший декабристъ Анненковъ, великому дѣлу освобожденія крестьянъ и участвовалъ въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, которыя были вызваны актомъ 19-го февраля 1861 г. Неоднократно Анненковъ являлся въ составѣ депутацій къ Государю Александру II, посылаемыхъ нижегородскимъ дворянствомъ; содѣйствовалъ учрежденію народныхъ школъ въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, словомъ, подобно другимъ, увы, немногимъ, декабристамъ, имѣвшимъ счастье дожить до манифеста Царя-Освободителя, Иванъ Александровичъ явился энергическимъ, умѣлымъ и всѣми любимымъ участникомъ въ кипучей общественной дѣятельности, ознаменовавшей жизнь русскаго народа въ 1860-хъ годахъ.

Доброю, неизмѣнно любящею и самую заботливою женою и другомъ оставалась для Ивана Александровича Прасковья Егоровна, спутница всей его жизни. Живая, веселая, говорливая, превосходно знавшая характеръ своего мужа, самая нѣжная и заботливая мать, Прасковья Егоровна была дѣйствительнымъ ангеломъ хранителемъ Ивана Александровича Анненкова

14-го сентября 1876 г. Прасковья Егоровна безъ болѣзни внезапно скончалась.

Иванъ Александровичъ впалъ въ тяжкую ипохондрію, къ которой былъ уже расположенъ и ранѣе: тотъ самый недугъ душевной болѣзни, который въ немъ начинался подъ сводами казематовъ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ въ тюрьмѣ острога въ Читѣ, внезапно явился и овладѣлъ имъ на закатѣ дней и сталъ быстро усиливаться, послѣ

внезапной кончины его нѣжнаго друга. Связь ихъ такъ была сильна, что онъ не могъ усвоить себѣ мысли, что навсегда потерялъ спутницу всей своей жизни....

27-го января 1878 года пресѣклась жизнь этого достойнѣйшаго чловѣка и русскаго гражданина.

Прахъ обоихъ супруговъ погребенъ въ женскомъ монастырѣ Воздвиженія Креста Господня въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мы знали покойныхъ И. А. и П. Е. Анненковыхъ съ 1860 года, когда они впервые, послѣ 34 лѣтъ, пріѣхали въ Петербургъ и оставались у своего зятя, инженеръ-полковника, впоследствии генералъ-лейтенанта, Константина Ивановича Иванова, этого любезнѣйшаго, добрѣйшаго и постоянно веселаго генерала, котораго такъ недавно еще, именно на страстной недѣлѣ 1887 г., внезапно лишилось петербургское общество, весьма хорошо знавшее генерала К. И. Иванова.

Какъ ясно оживаетъ въ нашей памяти эта прекрасная чета Анненковыхъ! Высокій красивый старикъ, съ густыми, кудряво-вьющимися сѣдыми волосами и подлѣ него, — нѣсколько полная, необыкновенно подвижная, съ весьма симпатичными чертами лица и съ постоянною французскою рѣчью на устахъ, его супруга Прасковья Егоровна. Многіе часы скоротали мы, въ 1860 году, въ С.-Петербургѣ, и лѣтомъ 1861 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, слушая оживленные рассказы Прасковьи Егоровны о пережитомъ и выстраданномъ ею и ея мужемъ; говорила она на языкѣ французскомъ и весьма охотно согласилась, чтобы ея рассказы были записаны за нею по русски, что и было тогда же исполнено ея дочерью, нынѣ вдовою генералъ-лейтенанта, достоуважаемою Ольгою Ивановною Ивановою. Впоследствии рукопись эта была передана намъ самою Прасковьею Егоровною съ тѣмъ, чтобы была напечатана послѣ ея смерти, каковой завѣтъ и исполняемъ. Къ величайшему сожалѣнію, записано было, сравнительно, немного. Этимъ немногимъ, но полнымъ интереса сказаніемъ мы и дѣлимся нынѣ съ читателями нашей «Русской Старины».

Мих. Семеvскій.

1-го декабря 1887 г.

I.

Я помню себя очень рано, съ полуторагодоваго возраста; это, конечно, покажется невѣроятнымъ каждому, но, право, я ничего не преувеличиваю. Мать моя всегда изумлялась моей памяти, когда я ей рассказывала какой-нибудь случай, поразившій меня въ дѣтствѣ, и всегда сознавалась въ вѣрности моего рассказа. Самое первое мое воспоминаніе то, что я чуть-чуть не выпала изъ окна, куда посадила меня одна изъ моихъ тетушекъ, чтобъ смотрѣть на иллюминацію; окно было закрыто persienne, которая не открывалась уже нѣсколько лѣтъ; ее задерживалъ снаружи камень — тутъ вдругъ камень этотъ свалился и persienne растворилась,—едва только тетушка успѣла схватить меня, и я хорошо помню свои слезы отъ испуга и ужасъ тетки. Происходило это въ г. Saint-Miuhel, гдѣ жили тогда мои родители.

Родилась я въ Лотарингіи, въ замкѣ Шампиньи, близъ Нанси, въ 1800 г., 9 июня. Замокъ, château, Шампиньи, принадлежавшій когда-то владѣтелямъ (seigneurs) того же имени, стоитъ на горѣ и окруженъ стѣною и башнями (теперь, можетъ быть, это уже развалины). Какъ всѣ средневѣковые замки, Шампиньи имѣлъ подвалы, гдѣ хоронились его владѣтели.

Революція, ничего не щадившая, потревожила кости seigneurs-овъ Шампиньи; подвалы были перерыты и скелеты выброшены изъ своихъ пышныхъ гробовъ. Я хорошо знала потомъ одну истую революціонерку, citoyenne Mallerme, участницу въ раззореніи катакомбъ: она забавлялась тѣмъ, что скатывала съ горы, на которой стоялъ замокъ, черепа его владѣтелей; одинъ изъ череповъ попался ей набитый золотомъ. Эта женщина оказала семьѣ моей огромную услугу: она спрятала отца отъ жандармовъ, имѣвшихъ приказаніе арестовать его, въ тѣхъ самыхъ катакомбахъ, которыя были предметомъ ея ненависти; не смотря на то, что отецъ мой былъ аристократъ и роялистъ, citoyenne Mallerme сжалилась надъ нимъ.

Во время самаго сильнаго разгара революціи, въ 1793 году, отцу моему было 17 лѣтъ; онъ служилъ dans les Royals-Dragons и стоялъ съ своимъ полкомъ въ Безансонѣ. Однажды, не знаю по какому случаю, офицеры этого полка, а въ томъ числѣ

и отецъ мой, вышли на площадь безансонскую и прокричали: *vive le Roi!!* прибавя ругательство на республику. Народъ бросался въ изступленіи на нихъ и, схвативши за косы (тогда военные носили косы), повлекъ въ крѣпость. Дорогой несчастные молодые люди были жестоко избиты, ихъ били чѣмъ попало и билъ кто хотѣлъ—и женщины, и дѣти.

Отецъ мой получилъ въ голову нѣсколько ранъ обломками какого-то стула. Въ крѣпости они просидѣли полтора года; ихъ было 16 человекъ и всѣ почти подверглись казни. Въ крѣпости ихъ содержали жестоко, давали на каждого только по 6 золотниковъ хлѣба въ сутки, и если-бъ не благодѣтельная сестра Марта, которая приходила къ нимъ съ набитыми хлѣбомъ карманами, они бы умерли съ голоду. Сестра Марта получила потомъ крестъ отъ Александра I-го за ея добродѣтельные подвиги. Отца моего спасла молодость, да подоспѣвшее во-время паденіе Робеспьера. Отецъ былъ выпущенъ изъ крѣпости, но получилъ бумагу, въ которой было сказано: *indigne de servir la republique*. Съ этой бумагой онъ отправился къ Моро, тотъ сказалъ ему: „*gardez ces papiers, jeune homme, ils vous seront utiles un jour*“, но не смотря на одобрительныя слова Моро, отца моего уже нигде не принимали, и онъ долго былъ безъ мѣста, вотъ почему и жилъ онъ въ замкѣ Шампиньи у своего пріятели Шосоне, который купилъ замокъ. Женился онъ въ 1799 году на *m-lle Gorsy*. Когда былъ открытъ заговоръ Жоржа Кадуделя и Пишегрю, отца заподозрили въ соучастіи съ ними, но это было несправедливо; вѣроятно, поэтому его и оставили въ покоѣ.

Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого заговора Наполеону подставили адскую машину и онъ, такъ счастливо спасшійся отъ нея, съ яростью преслѣдовалъ виновниковъ этого дѣла. Отецъ мой снова палъ подъ подозрѣніе и на этотъ разъ былъ преслѣдованъ. Жандармы отыскивали его и явились къ его матери; та, чтобы спасти себя, выдала сына и открыла имъ мѣсто его жительства, даже сама привела жандармовъ въ Шампиньи. Такіе примѣры во время революціи было нерѣдки, но не менѣе того они приводятъ сердце въ содраганіе. Вотъ отъ этихъ-то жандармовъ и спасла отца та женщина, о которой я уже говорила. Въ благодарность за ея доброе сердце и великодушное дѣло я всегда называла ее: „*maman Mallette*“. Это ей льстило, но она часто говаривала: „*oui! maintenant maman, maman, et quand tu seras grande, les aristocrates*

t'apprendront à dire: fi, Mallerme". Въ то время, когда явилась къ намъ бабушка съ жандармами, мнѣ было только нѣсколько мѣсяцевъ, мать держала меня на рукахъ; она пришла въ такое негодованіе на старуху, что схватила что-то, чтобъ бросить въ нее, и меня выронила изъ рукъ; я была поднята однимъ изъ жандармовъ и осторожно передана матери. Она рассказывала потомъ, что не понимала, какъ я могла уцѣлѣть, потому что полъ, на который я упала, былъ изъ каменныхъ плитъ. При вторичномъ появленіи жандармовъ отецъ спрятался въ пшеницу, которая во Франціи растетъ очень высоко, но, какъ кажется, онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ также и тому, что его не слишкомъ тщательно розыскивали.

Такимъ образомъ ему удалось спастись отъ преслѣдованій.

Въ 1802 г. отецъ мой, поддерживаемый протекціей и ходатайствомъ разныхъ лицъ, былъ, наконецъ, принятъ на службу Наполеономъ I-мъ. Мнѣ было два года и я хорошо помню, какъ отецъ отправился въ булонскій лагерь, гдѣ получилъ мѣсто *rayeur de la machine*. На немъ былъ голубой мундиръ съ малиновыми отворотами и серебряные эполеты. Мундиръ мнѣ чрезвычайно нравился; къ отцу я была привязана до крайности съ самыхъ пеленокъ и отбѣздъ его врѣзался у меня въ памяти со всѣми подробностями.

Мать моя отправилась за отцомъ, оставя насъ въ пансіонѣ. Моложе меня была еще сестра. Потомъ насъ обѣихъ привезли въ Булонь; тамъ мы обѣ носили матросское платье, и насъ выдавали за мальчиковъ, потому что на нихъ шло особенное содержаніе: выдавалось по 33 фр. въ мѣсяць на каждыя и кромѣ того припасы. Не знаю, было-ли это общее положеніе для всѣхъ служащихъ въ булонскомъ лагерѣ, но помню, что и посторонніе въ лагерѣ, кто имѣлъ сыновей, получали то-же самое. Мнѣ было тогда четыре года; отецъ любилъ меня безъ памяти, баловалъ ужасно и всюду таскалъ съ собою; такимъ образомъ, я бывала съ нимъ часто у адмир. Камбиза; однажды тотъ, лаская меня, взялъ на руки и говоритъ: „какой ты хорошенькій мальчикъ!“ Я на ухо отвѣчала ему: „тебя обманули, г-ль, я—дѣвочка, а не мальчикъ“. Онъ очень смѣялся надъ моимъ отвѣтомъ, но сдѣлалъ видъ, какъ будто не понялъ въ чемъ дѣло. Часто также отецъ водилъ меня съ собою въ лагерь, но такъ какъ для 4-хъ-лѣтняго

ребенка путь былъ неблизкій, то меня всегда почти несъ на рукахъ кто-нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ, которыхъ у отца было очень много; каждый день рѣшительно обѣдало человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ. Когда мы подходили къ лагерю, я съ большимъ любопытствомъ слѣдила за отцемъ, пока онъ переговаривался съ часовымъ въ полголоса. Мнѣ страхъ хотѣлось узнать, что именно было сказано, и когда отецъ отказывался отвѣчать на мои пытливые вопросы, я начинала цѣловать офицера, у котораго была на рукахъ, умоляя его объяснить мнѣ загадку, и потомъ долго сердилась на нихъ за то, что они не хотѣли удовлетворить моему дѣтскому любопытству. Лагерь меня очень занималъ; я помню палатку, въ которой останавливался Наполеонъ, когда объѣзжалъ лагерь; она ничѣмъ не отличалась отъ солдатскихъ палатокъ, была такая же небольшая и простенькая, убрана внутри также незатѣйливо; желѣзная кровать, столъ и маленькое зеркало составляли всю меблировку; на стѣнѣ висѣли сѣрый плащъ и трехугольная шляпа; помню и самого Наполеона, всегда сопровождаемого своимъ неизмѣннымъ мамелюкомъ Рустаномъ. Когда намъ случалось встрѣчать его, я мигомъ снимала свою матросскую шляпу и, поднимая ее вверхъ на шпагъ моего отца, кричала: *vive l'Empereur!* и властелинъ Франціи всегда ласково и улыбаясь кивалъ мнѣ своей могучей головой. У меня до сихъ поръ живы въ памяти спектакли, которые давались въ Булонѣ; однажды взяли меня на представленіе битвы подъ Маренго. Въ другой разъ я была съ матерью въ ложѣ. Меня поразило, когда мы вошли, что всѣ бинобли обратились на насъ. Мать моя, какъ я узнала потомъ, считалась красавицею и обращала на себя вниманіе вездѣ, гдѣ появлялась. Въ этотъ вечеръ на ней было черное креповое платье, отдѣланное оранжевымъ атласомъ (*bouton d'or*), и, вѣроятно, въ этотъ вечеръ она была особенно хороша, потому что и на меня сдѣлала впечатлѣніе; я все время смотрѣла на нее и любовалась. На другой день я рассказывала всѣмъ и каждому все, что видѣла и слышала въ театрѣ; отца это очень забавляло и онъ, сажая меня къ себѣ на колѣни, заставлялъ безпрестанно повторять всѣ куплеты, которые я напѣвала съ большою вѣрностью. Вообще у меня еще съ дѣтства была страсть къ музыкѣ и какая-то особенная способность передавать голосомъ все, что я слышала; такъ, я помню

маршъ, который играли, когда войска отправлялись въ походъ въ 1805 г. передъ аустерлицкимъ сраженіемъ. Отецъ потомъ выучилъ меня словамъ. Вотъ они, ихъ сложили солдаты:

Adieu, péniche et bateau plat,
 Et prame, et canonnière,
 Tambour, il bat, il fuit partir
 A l'heure qu'on nous appelle.
 Adieu, nos chers petits pigeons
 Cantine et cantinière,
 Nous reviendrons dans nos cantons.
 Oui! dam! après la guerre.

Остальные куплеты я не помню. Отецъ заставлялъ меня безпрестанно напѣвать этотъ маршъ. Что я любила еще—это слушать его рассказы про чью-нибудь храбрость. Меня очень занимала исторія Латуръ-д'Овернея и его сердца, которое сохранилось въ полеу, получившемъ названіе отъ своего храбраго солдата. Сердце находилось въ урнѣ, и всякій вечеръ, когда дѣлали овлигъ солдатамъ, первый гренадеръ выходилъ съ урною въ рукахъ и, поднимая ее вверхъ, отзывался: *présant!* потомъ, опуская, прибавлялъ: *mort au champ d'honneur!* Къ намъ часто ходилъ изъ этого поля баталіонный командиръ Камбронъ; мы его очень любили за то, что онъ позволялъ дѣлать съ собою, что хотѣлось. Часто поваливши его на полъ, мы лазили по немъ безъ всякой церемоніи. Я помню Камброна, какъ онъ, отправляясь въ походъ, проходилъ съ своимъ баталіономъ мимо балкона, на которомъ мы стояли съ отцемъ, и кричалъ ему, дѣлая саблей знакъ прощанія: *il ne faut pas que cela te dégar-guille!* Тогда была мода между военными говорить такимъ языкомъ. Впрочемъ, не одинъ Камбронъ баловалъ насъ, всѣ офицеры были чрезвычайно ласковы, безпрестанно приносили намъ букеты цвѣтовъ, лучшіе фрукты и подаривали игрушками. Только одного изъ нихъ не любили мы—это капитана *Creve-Oeil*; у него былъ негръ, съ которымъ онъ иногда дурно обходился. Однажды бѣдный *Mouchette*—такъ звали негра, заснулъ; капитанъ, чтобъ разбудить его, зажегъ свертокъ бумаги и поднесъ ему подъ носъ; такое обращеніе привело насъ въ величайшее негодованіе; мы съ сестрою бросились на безжалостнаго капитана и грозили, что выколемъ ему глазъ, если онъ не оста-

вить бѣднаго Мушета; Creve-Oeil, nous te creverons un oeil! кричали мы ему и отстояли своего любимца негра.

Я уже сказала, что отецъ мой былъ—*payeur de la marine*. Каждое первое число къ нему приносили нѣсколько ящиковъ, наполненныхъ мѣшками съ золотомъ и серебромъ; на каждомъ мѣшкѣ была означена сумма денегъ, заключавшихся въ немъ; надо было все повѣрять и этотъ трудъ лежалъ на моей матери. Однажды, повѣряя мѣшки, она нашла одинъ съ золотомъ между тѣми, которые были съ серебромъ; онъ былъ наполненъ франками вмѣсто су; ошибка была огромная.

Отецъ мой, узнавши объ этомъ, тотчасъ же отправился съ мѣшкомъ къ Бутро (*caissier général*). Бутро, увидя мѣшокъ и думая, что ошибка въ свою пользу, сказалъ отцу, не дожидаясь объясненія, что не онъ виноватъ, коль скоро деньги были уже приняты отцемъ. Отецъ былъ ужасно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, *sacreimbécile, c'est à ton désavantage que tu l'es trompé!* отвѣчалъ онъ ему, оставляя мѣшокъ. Такія ошибки случались нерѣдко. Разъ отецъ былъ обсчитанъ на 800 фр., но Бутро отказался возвратить ему деньги. Когда отцу случилось потомъ найти данный лишній мѣшокъ, онъ опять отнесъ его къ Бутро и, бросивши на полъ, повернулся къ нему спиною, не сказавши ни слова. Когда жалованье раздавалось, меня заставляли помогать отсчитывать деньги, и я ставила тоже столбики изъ золотой и серебряной монеты на бюро отца. Мѣдная и мелкая монета раздавалась на вѣсъ; для этого были устроены особенные вѣсы; монета высыпалась на полъ, ее сгребали и клали, какъ теперь помню, на вѣсы лопатами.

Отецъ мой былъ всѣми очень уважаемъ и любимъ за свой прямой и благородный характеръ, по особенно онъ былъ извѣстенъ своею честностію, безкорыстіемъ и былъ отлично аттестованъ адм. Камбозомъ. При раздачѣ крестовъ почетнаго легіона Наполеонъ, читая аттестатъ отца, спросилъ его: „vous êtes garçon, Monsieur?“—Non, Sire, j'ai quatre enfants.—„Cela vous fait d'autant plus honneur“,—сказалъ Наполеонъ и подалъ ему крестъ. Когда войска выступили въ походъ, мѣсто, занимаемое отцемъ, было упразднено. Ему обѣщали другое при Иосифѣ Бонапартѣ—королѣ неаполитанскомъ, но отецъ сильно захворалъ и мѣсто было отдано другому. Мы жили тогда въ Переи—одно изъ предмѣстій Коронси.

Болѣзнь, которой подвергся отецъ, была эпидемическая—кажется—тифъ. Не только онъ слегъ въ постель, но и мать, и маленькій братъ мой, и всѣ люди, такъ что во всемъ домѣ не оставалось ни одного человѣка на ногахъ, кромѣ стараго матроса и меня. Сестра моя была тогда въ Нанси въ семействѣ Гюго, куда увезли ее изъ Булона. Отецъ мой былъ очень друженъ съ четырьмя братьями Гюго, отцемъ и дядями поэта. Всѣ они служили въ Булонскомъ лагерѣ. Наполеонъ, узнавши о болѣзни отца, прислалъ своего доктора Лоре. Заставши всѣхъ въ постеляхъ, Лоре съ удивленіемъ спросилъ, кто ходитъ за больными, и еще больше удивился, когда узналъ, что *garde-malade* была я—семилѣтняя дѣвочка.

Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ я сохранилась отъ эпидеміи, особенно ухаживая за больными, какъ я дѣлала, не отходя отъ нихъ ни днемъ, ни ночью; я всѣмъ давала лекарство и приготавливала тоже тизону съ помощію стараго матроса, который приносилъ мнѣ дрова и разводилъ огонь.

Лоре, послѣ сдѣланнаго имъ визита, прислалъ отъ себя доктора и двухъ *gardes malades*. Отецъ мой выздоровѣлъ прежде матери и поѣхалъ въ Лотарингію, взявши меня съ собою, потому уже пріѣхала и мать съ братомъ.

Вскорѣ отецъ получилъ мѣсто при Іосифѣ Бонапартѣ, котораго Наполеону вздумалось пересадить на испанскій престолъ. Іосифъ находился тогда со всѣмъ дворомъ своимъ въ Бургосѣ. Отецъ отправился туда, получивши 2,000 фр. на дорогу.

Мать осталась на время съ нами въ Шампиньи; только мы въ это время жили уже не въ томъ замкѣ, гдѣ я родилась. Въ Шампиньи былъ еще другой замокъ подъ горою, изъ котораго Наполеонъ сдѣлалъ прекрасный артиллерійскій паркъ, гдѣ главнымъ докторомъ былъ отецъ моей матери.

У него-то и оставались мы. Начальникомъ парка былъ *m-g Castingue*—негръ, женатый на *m-lle de-Богарне*. Страннымъ покажется, какимъ образомъ *m-lle de-Богарне* была замужемъ за негромъ! Но во время революціи, въ это страшное время смѣшеніе всѣхъ и всего—все было возможно.

M-lle de-Богарне должна была погибнуть *dans les noyades de Nante*. Въ то время, какъ ее уже связанную съ кѣмъ-то готовились бросить въ воду, *Castingue* заявилъ желаніе жениться на ней.

Разбирать было некогда—и m-lle de Богарне приняла руку и сердце великодушнаго негра.

Наполеону не могло нравиться такое родство, а отвергнуть его было невозможно. Чтобы помирить одно съ другимъ, Castingue'a держали въ Шампиньи, гдѣ онъ былъ скрытъ отъ всѣхъ глазъ, а между тѣмъ занималъ приличное мѣсто и получалъ большое содержаніе. Мать моя была довольно близка съ m-me Castingue. Я хорошо помню какъ ее, такъ и ея мужа. У нихъ былъ сынъ, который, не смотря на то, что не былъ такъ черенъ, какъ отецъ, былъ гораздо безобразнѣе его; это ему, однако-жъ, не помѣшало жениться на хорошенькой дѣвушкѣ m-lle de Blei; они имѣли человѣкъ 5 дѣтей, одни были мулаты, другіе совершенно бѣлые.

Въ Шампиньинскомъ паркѣ было 4,500 человѣкъ однихъ рабочихъ. Мы должны были оставаться тутъ до приѣзда отца въ Мадридъ, куда мать собиралась за нимъ ѣхать. Насъ съ сестрой она хотѣла помѣститъ въ пансіонъ въ Нанси, а подлѣ въ Шампиньи мы ходили въ школу, которая была учреждена монахинями. Онѣ сами занимались съ нами и имѣли обычай—тѣмъ, кто хорошо велъ себя въ продолженіе недѣли, раздавать серебряныя медали съ изображеніемъ Божьей матери и надписью „за хорошее поведеніе“. Сестра моя получала медаль каждую субботу, я — никогда, потому что была воплощенная шалость и всегда болтала безъ умолку, а святыя сестры любили, чтобъ держали себя тихо и скромно.

Мать часто упрекала меня за то, что я не умѣла заслужить медали. Мнѣ страшно хотѣлось ее утѣшить, но сдержать свою буйную натуру я не была въ состояніи, особенно помолчать было выше силъ моихъ, и я рѣшилась на хитрость: выходя изъ школы, я сорвала медаль съ сестры, прежде чѣмъ она успѣла оглянуться, и бросилась бѣжать домой. Мать очень удивилась, увидя на мнѣ медаль, поздравила меня и утѣшила сестру, которая шла за мною вся въ слезахъ; мать вообразила, что ея другая дочь плачетъ о томъ, что, привывши получать медаль каждую субботу, возвращалась теперь безъ нея.

Но вслѣдъ за нами явилась монахиня и объяснила въ чемъ дѣло; тогда меня наказали. Странное дѣло, мать моя была чрезвычайно строга, я ее страхъ боялась, но это не мѣшало мнѣ

нисколько дѣлать разныя шалости, на которыя я была чрезвычайно изобрѣтательна. Между прочимъ я была очень дружна со всѣми крестьянскими дѣвочками, всего больше я любила мѣняться съ кѣмъ нибудь изъ нихъ платьями; часто надѣвала ихъ костюмъ и находила, что онъ удобнѣе и красивѣе моего.

Когда отецъ оставилъ насъ, мнѣ было восемь лѣтъ; я горько и неутѣшно плакала, разставаясь съ нимъ, какъ будто предчувствовала, что не увижу его болѣе. Никогда не забуду, какое это было грустное прощаніе для всѣхъ насъ. Самъ онъ былъ страшно печаленъ въ день отъѣзда.

Изъ Паіона онъ писалъ метери: „c'est aujourd'hui que je mets le pied sur le territoire d'Espagne, j'ai un pressentiment, que je ne reverrai plus ma patrie. Je ne sais pourquoi, les paroles de cet homme, dont je t'ai parlé, me reviennent toujours à la mémoire“. Когда отца выпустили изъ Безансонской крѣпости, онъ хотѣлъ видѣть Моро и для этого поѣхалъ въ Парижъ; дорогой въ одной изъ гостинницъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который произвелъ на него странное впечатлѣніе. То былъ нѣмой. Долго онъ всматривался въ отца, наконецъ, спросилъ, написавши на столѣ, не желаетъ-ли онъ узнать будущее? Отецъ не вѣрилъ въ предсказанія, но изъ любопытства просилъ таинственнаго незнакомца сказать ему что нибудь. Тотъ написалъ: „vous vous marierez bientôt, vous aurez beaucoup d'enfants et un dans le nombre, du quel on parlera beaucoup, vous ne mourrez pas de votre belle mort, mais dans un pays étranger“. Вотъ эти-то послѣднія слова и тревожили отца моего. Изъ Бургосса онъ писалъ, что былъ прекрасно принятъ королемъ Іосифомъ и казался очень доволенъ своимъ мѣстомъ, которое должно было принести 30,000 франковъ содержанія. Письмо это изъ Бургосса было послѣднее. Вскорѣ дворецъ Іосифа отправился въ Мадридъ. Не знаю почему—отецъ мой хотѣлъ непременно ѣхать верхомъ и купилъ для этого лошадь. Братья Гюго, которые перешли вмѣстѣ съ нимъ къ Іосифу, неотступно уговаривали его не отставать отъ свиты короля и сѣсть лучше въ одну изъ каретъ.

Но есть какой-то неизбѣжный рокъ, который иногда нами управляетъ. Не смотря на добрые совѣты своихъ друзей и видимую опасность при путешествіи одному по дорогѣ, гдѣ часто путешественники были останавливаемы гверильясами, и опасность эта

увеличивалась тѣмъ, что съ нимъ были бумаги и деньги, но не смотря на это все, отецъ выѣхалъ изъ Бургосса верхомъ, сопровождаемый своимъ человѣкомъ. Съ ними была еще третья лошадь, запасная, на которую они привязали чемоданъ съ бумагами. Въ одно время съ ними выѣхали братья Гюго, но они были въ экипажѣ.

Подъѣзжая къ деревнѣ Аранда, человѣкъ замѣтилъ отцу, что его лошадь расковалась; отецъ отвѣчалъ: „можно заѣхать въ деревню, чтобъ подковать ее“.

Аранда лежала немного въ сторонѣ отъ дороги; онъ прищиприлъ свою лошадь, поклонился Гюго и поскакалъ туда, крикнувъ имъ, что скоро надѣется догнать ихъ. Человѣкъ послѣдовалъ за нимъ.

23-го октября 1809 года въѣхали они въ Аранду, но ужъ оттуда имъ не было суждено выѣхать. Отецъ, человѣкъ, лошади, бумаги все пропало безъ вѣсти. Предполагаютъ, что они должны были быть убиты гверильясами.

Король Іосифъ далъ приказаніе розыскать, по крайней мѣрѣ, слѣдъ этого убійства, но всѣ труды были напрасны—ничего не было открыто, найдено только въ володцахъ пропасть изрубленныхъ тѣлъ, но кто были эти несчастные—невозможно было узнать.

Всѣ эти подробности были сообщены моей матери однимъ изъ Гюго, который осгорожно извѣщалъ ее о несчастіи, такъ ужасно и такъ внезапно разразившемся надъ нами. Невозможно описать въ какое отчаяніе впала бѣдная мать моя; она уже никогда не могла оправиться отъ этого удара, да и некогда было: одно несчастіе слѣдовало за другимъ, какъ это почти всегда и бываетъ.

II.

Матери моей было 27 лѣтъ, когда она осталась вдовою съ четырьмя дѣтьми. Она имѣла свое состояніе, но по французскимъ законамъ не могла распоряжаться имъ, потому что отецъ не оставилъ ни духовной, ни довѣренности, а мы были малолѣтніе.

Состояніе перешло въ руки опекуновъ.

Главнымъ изъ нихъ былъ дядя Леклеръ—мужъ сестры матери моей, человѣкъ крутой и скупой до крайности. Онъ самовольно сталъ распоряжаться всѣмъ, давалъ что хотѣлъ матери, и часто оставлялъ насъ въ самой крайней нуждѣ. Мать моя, какъ женщина, не умѣла бороться съ нимъ, притомъ-же здоровье ея все болѣе и болѣе разстроивалось.

Ужасные нервные припадки начали часто посѣщать ее. Она слабѣла и падала духомъ.

Мнѣ было 9 лѣтъ, когда мать заставила меня подать просьбу императору Наполеону. Онъ тогда возвращался, уже не знаю откуда, въ Парижъ и долженъ былъ остановиться для обѣда въ Вуа — станція въ 6-ти или 7-ми лье отъ Шампиньи и недалеко отъ г. Комлорси, гдѣ находился дворецъ, въ которомъ сгорѣлъ король польскій Станиславъ-Лещинскій.

Извѣстно, что обѣды Наполеона продолжались недолго. Мы рано встали утромъ и спѣшили въ Вуа въ день его прїѣзда. Туда бѣжалъ народъ толпою, чтобъ посмотреть на своего идола. Мать надѣла мнѣ бѣлое платье, взяла за руку и повела къ дому, гдѣ остановился Наполеонъ. Въ то время, когда онъ готовился сѣсть въ карету, она выдвинула меня впередъ, и я протянула прошеніе. Наполеонъ приказалъ взять его и, разспрашивая мать, чего она желаетъ, потрепалъ меня по щекѣ.

Прошеніе было о пенсіи, потомъ мать просила, чтобъ когонибудь изъ насъ приняли для воспитанія въ какоенибудь казенное заведеніе. Наполеонъ прислалъ ей 12,000 франковъ единовременнаго пособія, положилъ пенсіонъ въ 2,000 франковъ и соглашался принять или меня съ сестрою къ m-me Samprant, или братьевъ въ Сенъ-Сирское училище, предоставляя выборъ волѣ нашей матери. Она, разсчитывая, что дѣвочекъ легче будетъ

воспитывать дома, чѣмъ мальчиковъ, просила принять братьевъ. Ихъ записали, но поступить они въ то время не могли, потому что были малы.

Послѣ того какъ я подавала просьбу Наполеону, мы провели годъ въ Турѣ у своихъ знакомыхъ, потомъ переѣхали въ Сень-Миель. Тутъ мы жили у прабабушки, со стороны моей матери. Это была старенькая, маленькая женщина и чрезвычайно добрая. Въ 11 лѣтъ я была съ нею почти одного роста и водила ее подъ руку каждое воскресенье къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни у ея дома собирались нищіе, выносили всегда корзинку съ хлѣбами и пирогами, а карманы ея были наполнены мелкими монетками и она всѣмъ раздавала милостыню. На похоронахъ у нея было 800 нищихъ и умерла она 115-ти лѣтъ. Она была *m-lle de Saint-Henrie*, вела родословную отъ какихъ-то королей и говорила, что сдѣлала мезальянсъ, выйдя замужъ за прадѣдушку *Gorgu*, который былъ сынъ аптекаря. Это не помѣшало имъ, однако-жъ, прожить 58 лѣтъ вмѣстѣ въ невозмутимомъ согласіи.

Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, *m-lle Додо*, монахиня, одна изъ тѣхъ монахинь, которыхъ революція разбросала всюду, отнявши у нихъ монастыри, начала готовить меня къ говѣнію. Она наставляла меня и толковала мои обязанности.

La prêtrière communion у католиковъ играетъ очень важную роль и приготовленія къ этому дню большія. Въ продолженіе двухъ лѣтъ надо ходить каждое воскресенье въ церковь на уроки катехизиса, а послѣднія шесть недѣль—каждый день.

Насъ было всего 500 человекъ дѣвочекъ и мальчиковъ, ходившихъ на уроки къ *curé Marquis*. Всѣ мы съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ожидали торжественнаго дня, и, право, это былъ лучший день въ жизни.

Когда насталъ этотъ день, меня одѣли въ бѣлое платье съ голубымъ кушакомъ и на голову надѣли большой вуаль и вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ. Всѣ должны быть непременно одѣты одинаково для этой церемоніи, и въ этомъ случаѣ самые бѣдные не отстаютъ отъ другихъ. Иногда родители работаютъ цѣлые годы, чтобы только прилично одѣть ребенка, который идетъ въ первый разъ къ причастію.

Между тѣмъ мать моя продолжала плакать, и ребяческое мое

сердце разрывалось, при видѣ ея страданія. Всегда больная, она не выходила почти изъ дому и я, какъ старшая въ семьѣ, замѣняла ее во всемъ: ходила на рынокъ, хлопотала по хозяйству и съ раннихъ лѣтъ приучилась обо всемъ заботиться. Во Франціи принято вообще, чтобы всѣ дѣвушки зарабатывали деньги на свои мелочные расходы, и мы съ сестрою не отставали отъ другихъ.

Продавая свое шитье и вышиванье, мы получали отъ 4-хъ до 5-ти франковъ въ день. Но недалеко отъ насъ жила дѣвушка, которая выручала до 36 франковъ въ день, за то бѣдная вогнала себя въ чахотку. Въ Сенъ Миелѣ было много семействъ, потерявшихъ все въ революцію, и дочери ихъ работали. Впрочемъ m-lles Thiery, Обгу работали тоже, не смотря на то, что отцы ихъ имѣли состояніе. Но дѣло дѣломъ, а шалости тоже шли своимъ чередомъ; я умѣла то и другое вести вмѣстѣ. Влѣзть куда-нибудь было моимъ лучшимъ удовольствіемъ. Однажды пришли сказать моей матери, что я на крышѣ дома; она выбѣжала, чтобъ заставить меня сойти, но, увидя въ какой я находилась опасности, не имѣла духу ничего сказать и упала въ обморокъ. Черезъ 10 минутъ я была возлѣ нея и покрывала руки ея поцѣлуями. Она была съ нами чрезвычайно строга и ничего намъ не спускала, но въ этотъ разъ, вѣроятно обрадовавшись, что я цѣла и невредима, оставила меня безъ наказанія. Спускаясь съ крыши, я чуть не разбила себѣ голову, но это мнѣ не помѣшало, однако-жь, выкинуть другую штуку въ этомъ же родѣ и не менѣе опасную; домъ, гдѣ мы жили тогда, былъ огромный; это была прежде церковь (l'église des larmes), принадлежавшая въ монастырю, который находился тутъ, но въ революцію былъ разоренъ. Изъ дортуаровъ монахинь сдѣлали театръ, а церковь обратили въ домъ, гдѣ надѣлали квартиръ. Мы занимали второй этажъ. Возлѣ нашего дома, какъ разъ подъ моимъ окномъ, находился небольшой домикъ и такой низенькій, что крыша его была на аршинъ ниже моего окна. Мнѣ пришло въ голову, что хорошо бы было вылѣзть въ окно, а крыша маленькаго домика, какъ нарочно поставленнаго тутъ, меня очень соблазняла; только не легко было попасть на нее, потому что она была очень повата, къ тому-же она находилась не совершенно подъ моимъ окномъ, а подавалась немного назадъ, и надо было смѣло шагнуть изъ окна, чтобъ попасть только на самый крайчикъ крыши. Но чѣмъ

больше нужно было смѣлости, тѣмъ сильнѣе она являлась во мнѣ. Опасность имѣла для меня какую-то прелесть, и я, не разсуждая нисколько, что могла дорого поплатиться за свою храбрость, отправилась въ окно и въ мигъ была на крышѣ—къ изумленію всѣхъ подругъ моихъ, которыя были свидѣтельницами этого воздушнаго путешествія. Теперь, какъ я вспомню, мнѣ кажется, что все это произошло во снѣ. Съ крыши надо было какънибудь попасть внизъ, но это уже меня нисколько не затрудняло, я вошла преспокойно въ слуховое окно, прошла чердакъ, спустилась по маленькой скверной лѣсенкѣ и очутилась въ комнатѣ среди множества сапожниковъ, прилежно сидѣвшихъ за своимъ дѣломъ. Добрые люди ужасно перепугались и удивились моему появленію. Я просила у нихъ позволенія пройти черезъ ихъ квартиру и возвратилась домой. Но матери уже донесли о моемъ походе и на этотъ разъ мнѣ не прошло даромъ: меня посадили на хлѣбъ, на воду и заперли въ пустую комнату, которая была въ третьемъ этажѣ. Сидѣть взаперти было для меня невыносимо, не смотря на то, что подруги не оставляли меня безъ утѣшенія; онѣ на другой же день заключенія подали мнѣ въ окно по веревкѣ, которую я связала изъ всего, что попало мнѣ подъ руку и спустила имъ, корзину съ фруктами.

Мнѣ слѣдовало просидѣть въ моей тюрьмѣ недѣлю, но я ранѣе заслужила свое прощеніе. Въ комнатѣ, куда меня заперли, былъ комодъ съ старыми вещами, между которыми я отыскала два старыхъ платья; одно—сестрино, другое—мое; оба они были изъ одной матеріи и не годились намъ, потому что мы изъ нихъ выросли, но я раскудила, что изъ обоихъ всетаки должно выйти одно, и принялась шить для себя платье. Подруги подали мнѣ, опять таки въ окно, иглоу, нитокъ и ножницы. Работа приходила уже къ концу, когда мать, которая приходила навѣщать меня каждый день, замѣтила ее. Она нашла, что платье очень удачно и ловко сдѣлано, и за такое прилежаніе выпустила меня. Послѣ такого урока я по крышѣ уже болѣе не лазила, но всетаки и послѣ этого еще не разъ мои шалости приводили бѣдную мать въ отчаяніе.

Въ Сень-Міелѣ у насъ было много знакомыхъ, кромѣ того я помню всѣхъ, кто тамъ жилъ, и, между прочими, семейство Соса, того самаго Соса, который остановилъ Людовика XVI во время

его бѣгства въ Варенѣ. Тогда Сосъ былъ купцомъ, marchand de chandelle, и держалъ небольшую свѣчную лавку. Потомъ Наполеонъ далъ ему мѣсто въ Кольмарѣ, и онъ значительно разбогатѣлъ, а послѣ, не знаю почему, Сосъ переѣхалъ въ Сенъ-Миель. Мать моя рассказывала мнѣ, что когда прусское войско, ожидавшее Людовика XVI на границѣ, вошло въ Варенѣ, то жена Соса въ испугѣ бросилась въ колодезь, и хотя была вытащена оттуда, однако-жъ, вскорѣ послѣ этого скачка умерла. Сосъ женился вторично на дѣвушкѣ, получившей порядочное воспитаніе, и отъ втораго брака имѣлъ дочь, которая была большая красавица, но странное дѣло—она не находила себѣ жениха. Всѣ обѣгали ее... Отъ первой жены у Соса было, кажется, двое дѣтей. Я помню дочь его, m-me Bonnet. Она любила рассказывать про тѣ дни, которые провела у нихъ несносная семья, т. е. Людовикъ XVI и Марія-Антуанета, и всегда повторяла съ наслажденіемъ, какъ она отвѣчала m-me Elisabethte:

— „Je n'ai que du fromage blanc et c'est encore trop bon pour toi“, когда та просила у нея бульону.

Мать никогда не могла слышать этихъ словъ и умоляла Бонне замолчать, но та въ отвѣтъ на ея просьбы заливалась громкимъ смѣхомъ. Но есть несповѣдимый законъ, по которому намъ всегда возвращаются страданія, причиненныя нами ближнему. Бонне умерла преждевременно отъ тяжелой и мучительной болѣзни. Предсмертныя ея страданія были такъ невыносимы, что крики ея долетали до сосѣдей. Народъ говорилъ: „la Bonnette paye ses vieux pêches“.

Всѣ воспоминанія моего дѣтства до того разнообразны и такъ многочисленны, что все это составляетъ какой-то странный калейдоскопъ въ головѣ моей.

Я видѣла знаменитую комету, предшествовавшую войнѣ 1812 года, и помню, какъ французскія войска отправились въ походъ, когда Наполеону вздумалось покорить всю Европу. Въ этомъ походѣ участвовалъ одинъ изъ моихъ дядей—братъ матери. Наканунѣ своего выѣзда онъ ужиналъ у насъ и, прощаясь съ матерью, сказалъ:

— „Dieu sait, si je reviendrai; nous allons nous battre contre les premiers soldats du monde; les russes ne reculent pas“.

Слова эти поразили меня; я пристально посмотрѣла на дядю.

Онъ какъ будто предсказалъ судьбу свою, потому что легъ на полѣ Бородинской битвы.

Кто не былъ очевидцемъ того горя и отчаянія, которое овладѣло Франціею послѣ кампаніи 1812 года, тотъ не можетъ себѣ представить, что за ужасное то было время! Повсюду слышались плачь и рыданія. Не было семьи, которая бы не надѣла трауръ по мужѣ, сынѣ или братѣ... Но тутъ начинается цѣлый рядъ бѣдствій для всей Франціи, и стоны, и слезы увеличились, когда Наполеонъ сдѣлалъ второй наборъ. Тогда забирали всѣхъ безъ исключенія, не щадя и 17-ти лѣтнихъ юношей. Въ городѣ, гдѣ мы жили, не оставалось буквально ни одного мужчины, кромѣ стариковъ и дѣтей.

Но всего страшнѣе и печальнѣе было видѣть возвращеніе солдатъ послѣ Лейпцигской битвы, когда Наполеонъ, разбитый, долженъ былъ отступать. Солдаты шли въ беспорядкѣ, измученные, недовольные, убитые духомъ, проклиная того, кого сперва боготворили. Они были въ такомъ изнеможеніи, что едва передвигали ноги и безпрестанно останавливались подъ окнами, чтобъ попросить кусокъ хлѣба или напитокъ.

За ними слѣдомъ шла ужасная болѣзнь — чума; увеличивая ихъ бѣдствія, она сообщалась и жителямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя они проходили. Госпитали въ городахъ были наполнены больными. Каждый день умирало невѣроятное число несчастныхъ. Священники и сестры милосердія, ухаживая за ними, получали болѣзнь и умирали тоже. По утру, когда отворялись окна, глазамъ представлялось ужасное зрѣлище; по улицамъ вездѣ лежали мертвыя тѣла или умирающіе солдаты.

Въ то время стояла суровая зима и была гололедица, несчастные скользили, падали и не имѣли силъ подняться на ноги. Ихъ собирали въ повозки, которыя проѣзжали каждое утро. Въ то время и мать моя захворала и слегла надолго въ постель. Все тѣло ея покрылось черными пятнами.

Между тѣмъ союзныя войска подвигались.

Вся Франція трепетала.

14 января 1814 г. въ Сень-Миель вступили донскіе казаки. Ихъ разставили по домамъ; на нашу долю пришлось тоже порядочное число.

Матери моей было хуже. Болѣзнь ея усиливалась и стано-

вилась опасною. Она была совершенно увѣрена, что уже не встанетъ и, боясь оставить насъ въ городѣ, который былъ занятъ непріателемъ, рѣшилась отправить къ бабушкѣ — матери отца моего, жившей не на большой дорогѣ. Мать рассчитывала, что тамъ мы будемъ въ безопасности, и, призвавши меня, какъ старшую въ семьѣ, приказала собираться въ дорогу, но нелегко ей было оторвать меня отъ себя: я ни за что въ свѣтѣ не рѣшилась покинуть ее одну въ такую минуту, и она, наконецъ, должна была согласиться оставить насъ при себѣ. Къ счастью, ей вскорѣ стало лучше, только она очень медленно поправлялась, а войска все тянулись. Одни смѣнялись другими. За донскими казаками, которые составляли авангардъ, шли пруссаки, потомъ австрійцы, баварцы, саксонцы и снова русскіе, но имъ мы были рады. Они были очень тихи и невзыскательны и удивляли насъ своею кротостію и вѣжливостію. Только имъ не нравился нашъ бѣлый хлѣбъ, они просили все чернаго и жаловались, что вино не довольно крѣпко. Самые песносные и дерзкіе были австрійцы. Ихъ мы терпѣть не могли.

Ужасно что стоило содержать и прокормить эти войска! Мѣста, гдѣ они проходили, были совершенно раззорены.

Мать моя еще больше другихъ почувствовала всю тяжесть расходовъ. Средства ея истощились, она должна была истратить небольшой капиталъ, который ей удалось скопить, и этого даже не достало.

Въ добавокъ ко всему этому горю мать лишилась пенсїи, когда Священный союзъ заставилъ Наполеона удалиться на островъ Эльбу; тогда и братья мои лишились права вступить въ Сень-Сирское училище. Но въ это время мать еще надѣялась найти поддержку въ Бурбонахъ, которые возвращались.

Вмѣстѣ съ другими роялистами, она много ожидала отъ новаго короля, хотя въ сущности она не принадлежала ни къ какой партїи, и хотя нужда заставляла ее склонить голову и передъ Наполеономъ, но въ душѣ она оставалась вѣрна своимъ убѣжденіямъ, была преданная роялистка и съ ужасомъ смотрѣла на перевороты, сдѣланные революціей.

Наполеона она ненавидѣла и называла кровопійцемъ Франціи, *buveur de sang*.

Съ возвращеніемъ Бурбоновъ роялисты оживились. Многие

изъ нихъ были хороши съ матерью: les d—lles de Bousmard et de Filquelmont потащили и меня съ собою на благодарственный молебень. Тогда они пѣлись во всѣхъ церквахъ. Мнѣ тоже налѣпили на голову бѣлую кобарду, величиной въ тарелку. Потомъ, когда Рошефувельдъ, осматривая Лотарингію, проѣзжалъ черезъ Сень-Миель, меня заставили кричать, поднимая платокъ вверхъ—vive le Roi! Это было тѣмъ страннѣе, что я стояла въ то время на балконѣ съ другими молодыми дѣвушками, болѣе подходящими къ моему возрасту, которыя всѣ принадлежали къ краснымъ, но Бусморье и Филькельманте, бывшіе въ это время въ домѣ противъ нашего балкона, дѣлали мнѣ въ окно знаки, чтобъ я была за нихъ. Красныя очень обидѣлись моею выходкою и одна изъ нихъ, m-lle Ликеть, явилась къ матери моей съ объясненіями. Насилу мать успокоила молодую гражданку. Меня водили также, одѣтую въ глубокой трауръ, на панихиду по Людовигѣ XVI.

Тутъ я увидѣла съ большимъ удивленіемъ m-lle Сось, стоящую у самаго катафалка. Она была, какъ и другіе, вся въ черномъ, горячо молилась и плакала. Красота ея въ эту минуту еще болѣе бросилась въ глаза.

Недолго продолжалось торжество роялистовъ.

Черезъ годъ толпа разъяреннаго народа съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ бѣгала по улицамъ, врывалась въ дома и заставляла всѣхъ подписываться за Наполеона, угрожая смертью тѣмъ, кто вздумалъ-бы сопротивляться. Бѣдная мать моя тоже подписалась.

Роялисты были въ опасности.

Народъ посылалъ имъ безпрестанно ругательства и грозился истребить ихъ; особенно кричали противъ Бусморьевъ. Мать велѣла мнѣ одѣться въ платье нашей горничной, надѣть ея крестьянскій чепчикъ и вмѣстѣ съ нею послала къ Бусморамъ, чтобъ посовѣтывать имъ оставить лучше Сень-Миель, но я нашла ихъ уже совсѣмъ готовыхъ къ отъѣзду и они въ ту же ночь выѣхали. Вскорѣ и мать моя должна была удалиться изъ Сень-Миеля.

Послѣ Ватерлоскаго сраженія она боялась, чтобъ не пришлось опять прокармливать войска и бѣжала въ Бове, оставя насъ на время,—сестру и меня, у дяди Леклера. Мы прожили тутъ зиму, съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, когда должны

были вернуться къ матери. Житье у дяди было очень плохое. Онъ былъ отвратительно скупъ; считалъ каждый кусокъ хлѣба, который мы вляли въ ротъ, а по вечерамъ гасилъ свѣчи, утѣряя насъ, что можно работать и при свѣтѣ камина. Все это было тѣмъ болѣе безсовѣстно съ его стороны, что въ рукахъ его находилось все состояніе моей матери, но любовь къ деньгамъ заглушала въ немъ всѣ чувства и доходила до такой степени, что онъ пряталъ ихъ даже отъ жены своей.

Однажды она нашла нечаянно мѣшокъ съ золотомъ, запрятанный имъ гдѣ-то очень далеко. Въ мѣшкѣ было 5,000 фр., и благодаря этой находкѣ, тетка насъ одѣла, въ чемъ сестра и я давно нуждались.

Наконецъ, насъ отвезли въ Бове. Тутъ у матери моей было много кузинъ и знакомыхъ. Насъ очень обласкали и полюбили, особенно меня, вѣроятно, за мой веселый и живой характеръ. Но жизнь становилась все труднѣе и труднѣе.

Лишившись пенсіона, мать должна была довольствоваться доходами съ своего имѣнія, а доходы эти были до того ограничены заботами дядюшки, что не было возможности существовать на нихъ. Мать приходила въ отчаяніе и не знала что дѣлать, Мы съ сестрою принялись работать, но при всѣхъ нашихъ желаніяхъ не могли зарабатывать достаточно, чтобъ существовать такъ, какъ уже привыкли; особенно мать, прежде очень избалованная, не могла безъ страданія отказываться отъ своихъ привычекъ. Притомъ же было еще два маленькихъ брата. Родственники и знакомые совѣтывали матери помѣстить насъ куда-нибудь; но это не такъ легко было сдѣлать, какъ имъ казалось.

Въ гувернантки мы не годились. Работая постоянно, мы мало имѣли времени учиться и основательно образоваться.

На меня, какъ на старшую, мать положила всѣ свои труды. У меня тогда уже открывался большой голосъ, и еще съ дѣтства Богъ надѣлилъ меня необыкновенно вѣрнымъ слухомъ. Не смотря на то, что я совсѣмъ не знала музыки, я пѣла всѣ романсы и всѣ аріи, какіе только попадались мнѣ подъ ухо, и, вѣроятно, пѣла недурно, потому что меня слушали съ удовольствіемъ и заставляли всегда повторять. Чувствуя въ себѣ большія способности къ музыкѣ и страстно любя ее, я умоляла мать помѣстить меня въ консерваторію; родные

были за меня, но мать никакъ не соглашалась: „je ne consentirai jamais à voir ma fille sur les tréteaux“, — говорила она, обливаясь слезами, и согласилась лучше заставить меня приобрести другимъ трудомъ, который она считала болѣе честнымъ, и она отдала меня dans une maison de commerce.

Послѣ революціи это было принято.

Много бѣдныхъ дѣвушекъ изъ лучшихъ разоренныхъ фамилій поступало въ магазины учиться работать или въ купеческія конторы.

Я забыла рассказать, что въ то самое время, какъ разсуждали о томъ, куда помѣстить меня, за меня сватался одинъ молодой человекъ.

Всѣ родные хоромъ рѣшили, что я должна выйти за него.

Въ 17 лѣтъ не трудно уговорить дѣвушку и я согласилась принять сдѣланное мнѣ предложеніе, тѣмъ болѣе, что мать моя желала этого. М-г Libeg не то, чтобы мнѣ нравился, не то, чтобы нѣтъ.

Онъ былъ собою недурень, а главное—сердце мое было свободно. Начались уже приготовленія къ свадьбѣ, когда вдругъ неожиданный случай спасъ меня отъ величайшаго несчастія выйти замужъ за человека нелюбимаго; къ намъ зашелъ одинъ родственникъ, который былъ въ Бовѣ проѣздомъ; ничего не зная о моей свадьбѣ, онъ началъ разсказывать, что передъ тѣмъ, какъ къ намъ зайти, былъ въ кондитерской, гдѣ встрѣтилъ бывшаго своего пріятеля Антона Либеръ, и что тотъ проигралъ при немъ 18,000 фр. на билліардѣ.

Родственникъ нашъ очень сожалѣлъ о несчастіи, постигшемъ его пріятеля, но никакъ не подозрѣвалъ, какую важность имѣлъ разсказъ его въ эту минуту. Какъ только онъ вышелъ, я бросилась къ ногамъ матери и умоляла ее отказать моему жениху. Мнѣ казалось, что если онъ былъ въ состояніи проиграть въ одинъ вечеръ такъ много денегъ, такъ проиграетъ и меня, если я сдѣлаюсь его женою.

Я пришла въ такое отчаяніе отъ этой мысли, что начала увѣрять мать мою, что брошусь въ рѣку, если она не согласится отказать немедленно Либеру; она, впрочемъ, и не думала сопротивляться моему требованію, и свадьба моя, такимъ образомъ, разстроилась.

Вскорѣ послѣ неудачнаго сватовства Либера, мать моя заключила контрактъ съ коммерческимъ домомъ въ Парижѣ Моно, по которому я должна была прожить у нихъ три года. Надо было разстаться съ Бове и ѣхать въ неизвѣстный мнѣ и совершенно чуждый Парижъ. Грустно было отрываться отъ родныхъ и покидать все, что было дорого сердцу, но въ 17 лѣтъ все легко принимается. Я тогда, конечно, не предвидѣла, да и не могла предвидѣть, сколько горя и испытаній ожидали меня въ новой жизни, которая открывалась предо мною. Я вступила въ нее совершенно повойно. Мать и родные долго и горько плавали обо мнѣ, а я старалась ихъ утѣшить и мало думала о себѣ самой.

III.

5-го февраля 1817 г. я оставила Бове, гдѣ такъ тихо провела нѣсколько лѣтъ между родными и подругами. Переѣздъ былъ небольшой: я на другой же день была въ Парижѣ. Тутъ только я почувствовала всю горечь моего новаго положенія, очутившись между людьми мнѣ незнакомыми, совершенно чужими, въ тому же мало образованными.

Ихъ привычки, образъ мыслей, обхожденіе — все меня шокировало, и много стоило мнѣ слезъ и усилій, чтобъ сломить себя и привыкнуть къ нимъ, во-первыхъ, а потомъ привыкнуть и къ моимъ новымъ обязанностямъ, которыя были совсѣмъ нелегки. Условія контракта были самыя строгія: я не могла никуда выйти безъ позволенія хозяевъ. Впрочемъ, не имѣла охоты, потому что Парижъ возненавидѣла и во все время, проведенное мною тамъ, я ни разу не видѣла ни Версаля, ни другихъ окрестностей Парижа, а ходила только къ одной изъ моихъ тетокъ, которая, потерявъ мужа своего въ кампаніи 1812 года и оставшись тоже безъ всякихъ средствъ, должна была идти въ гувернантки и жила тогда у графини де-Блакеръ.

Сама графиня и ея дѣти были очень пріятливы и ласковы; у нихъ-то я и проводила по воскресеньямъ нѣсколько пріятныхъ часовъ, а кромѣ этого не имѣла никакихъ другихъ развлеченій.

1823 года 17 сентября я выѣхала изъ Парижа — тогда истекъ

срокъ контракта съ домоу Моно. Меня не пускали купцы, совѣтовали мнѣ открыть торговый домъ и предлагали въ кредитъ товаръ, но я не была увѣрена тогда въ своихъ силахъ, сомнѣвалась въ умѣнии повести такое большое дѣло и не рѣшилась принять ихъ предложеніе, а приняла другое: именно предложеніе ѣхать въ Россію.

Какая-то невидимая сила влекла меня въ эту неизвѣстную въ то время для меня страну. Все устраивалось какъ-то неожиданно, какъ будто помимо моей воли, и я заключила другой контрактъ съ домоу Дамоніи, который въ то время дѣлалъ блестящія дѣла въ Москвѣ.

Мать моя ужасно плакала, провожая меня.

Я ее утѣшала тѣмъ, что вернусь скоро, но послѣднія слова ея были, что она больше не увидитъ меня, и она мнѣ напомнила одинъ престранный случай, о которомъ въ то время я совсѣмъ позабыла.

Однажды въ Сень-Міелѣ, когда я сидѣла въ кругу своихъ подругъ, тѣ шутили и выбирали себѣ жениховъ, спрашивая другъ друга кто за кого хотѣлъ-бы выйти; я была между ними всѣхъ моложе, но дошла очередь и до меня, тогда я отвѣчала, что ни за кого не пойду, кромѣ русскаго.

Всѣ очень удивились моему отвѣту, много смѣялись надо мною и замѣтили, что у меня странная претензія, и гдѣ же взять мнѣ русскаго!

Я, конечно, говорила это тогда не подумавши, но странно, какъ иногда предчувствуешь свою судьбу.

Съ матерью простилась я довольно легко, не смотря на то, что страстно любила ее. Братъ провожалъ меня до Руана, гдѣ я должна была сѣсть на купеческое судно, послѣднее, которое отправлялось тогда, потому что былъ уже сентябрь мѣсяцъ 1823 года.

Въ Руанѣ я сдѣлала неожиданную встрѣчу, которая принесла мнѣ потомъ еще болѣе неожиданную пользу: когда обѣдали мы съ братомъ за *table d'hôte*, я назвала его, какъ обыкновенно дѣлается во Франціи, по фамиліи; къ намъ тотчасъ же подошелъ человекъ почтенныхъ лѣтъ и спросилъ: не дѣти-ли мы того Gueuble, у котораго онъ служилъ въ булонскомъ лагерѣ? и очень былъ радъ узнать, что дѣйствительно его любимый

начальникъ былъ нашъ отецъ. Теперь онъ былъ капитаномъ купеческаго судна и отправлялся въ Кильбевъ, гдѣ оно стояло.

То, на которое я должна была сѣсть, было датское, очень маленькое судно, а намъ предстоялъ очень трудный путь. Всего тяжелѣе было для меня выѣхать изъ Руана, гдѣ я должна была разстаться съ послѣднимъ, близкимъ мнѣ человѣкомъ—съ моимъ братомъ. Точно у меня что оторвалось отъ сердца, когда мы отошли отъ берега и скрылся Руанъ; я упала на свою койку и горько зарыдала.

Въ Кильбевѣ мы должны были ждать попутнаго вѣтра.

Я забыла сказать, что, уѣзжая изъ Парижа, я оставила тамъ собачку, которую нашла на улицѣ. Эта собачка была такъ ко мнѣ привязана, что стала страшно тосковать безъ меня и мать прислала мнѣ ее въ Руанъ. Долго это животное было мнѣ неизмѣннымъ и вѣрнымъ другомъ, проводило въ 1826 г. въ Сибирь и никогда не отходило отъ меня, пока не издохло у моихъ ногъ.

Приѣхавъ въ Кильбевъ, мы бросили якорь. Въ тотъ же день отправлялся оттуда на своемъ суднѣ мой знакомый капитанъ, но отходя отъ берега, онъ какимъ-то образомъ зацѣпился своимъ судномъ за наше и что-то попортилъ.

Мой бѣдный капитанъ былъ въ отчаяніи; начались переговоры между капитанами, и я служила переводчикомъ, потому что одинъ былъ французъ, а другой—датчанинъ, и они другъ друга не понимали.

Дѣло, впрочемъ, устроилось. Нашему капитану заплатили за убытки, а судно надо было поправить и мы прожили въ Кильбевѣ цѣлый мѣсяць.

Пока капитаны переговаривались и заставляли меня переводить, французскій прислалъ мнѣ огромный ящикъ съ разными винами и фруктами.

Все это мнѣ очень потомъ пригодилось. Вина, конечно, не для меня самой, а моимъ спутникамъ были очень полезны, когда насъ застала страшная буря у норвежскихъ береговъ, продолжавшаяся цѣлую недѣлю.

Ужасное было время! Паруса обрывало безпрестанно, матросы не успѣвали чинить ихъ. Всѣми овладѣло страшное уны-

ніе, молодые матросы всё лежали безъ чувствъ, старые держались, но были мрачны и угрюмы.

Пока мы стояли въ Кильбеувѣ, я наняла квартиру въ гостиницѣ, которая стояла на берегу моря и была содержима добрейшими людьми въ мірѣ.

То было семейство честнаго нормандскаго крестьянина. Эти люди ласкали меня какъ родную; дочь находила особенное удовольствие наряжать меня въ свой востюмъ; сынъ, ходившій на охоту и возвращаясь каждый день съ добычей, отдавалъ ее всегда мнѣ; даже попугай, котораго они держали, былъ привѣтливъ ко мнѣ. Онъ безпрестанно повторялъ слова своихъ гостепримныхъ хозяевъ: „с'est pour madame Paule“.

Еще было у меня развлеченіе въ Кильбеувѣ—это бѣгать по доскѣ, а это была очень опасная шутка. Доска лежала однимъ концемъ на набережной, другимъ на борту судна; она имѣла по крайней мѣрѣ 4 сажени длины и была такая тоненькая, что теперь, когда я вспомню, у меня замираетъ сердце, а тогда я бѣгала по этой дощечкѣ безъ малѣйшаго опасенія. Когда я достигала середины, доска подо мною подгибалась, потомъ подбрасывала меня довольно высоко, но меня это нисколько не пугало, и я нѣсколько разъ въ день совершала это путешествіе!

Когда я хлопотала о паспортѣ, я познакомилась съ писателемъ Шатобрианомъ, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Онъ пожелалъ меня видѣть, потому что рѣшимость двадцатитрехъ-лѣтней молоденькой женщины ѣхать въ Россію заинтересовала его. Онъ сказалъ мнѣ, что удивляется моей храбрости ѣхать въ такую дальнюю и холодную страну.

Я отвѣчала, что самъ-же онъ не боялся путешествій и онъ, улыбаясь, взялъ меня за руку, говоря: „je vous souhails beaucoup, beaucoup de courage, mon enfant!“ Какъ теперь вижу предъ собой его сѣдую голову и пронизательный взглядъ. Слова Шатобриана не могли не сдѣлать на меня впечатлѣнія, но ничто не могло поколебать меня въ моемъ желаніи ѣхать въ Россію; я рѣшилась на это совершенно покойно, не мало не думая о трудностяхъ, которыя мнѣ предстояло побороть.

Мнѣ казалось, что все это такъ и должно быть.

Если я вхожу въ такія подробности моего дѣтства и первой молодости—это для того, чтобъ объяснить разныя недоразумѣнія

на счетъ моего происхожденія и тѣмъ прекратить толки людей, не знавшихъ правды, которую по отношенію ко мнѣ и моей жизни часто искажали, какъ, на примѣръ, это сдѣлалъ Александръ Дюма въ своей книгѣ „Mémoires d'un maître d'arme“. въ которой онъ говоритъ обо мнѣ и въ которой больше вымысла, чѣмъ истины.

П. Е. Анненкова,
рожденная Гебль.

Примѣчаніе. Записано въ 1861 г. со словъ своей матери, Прасковьи Егоровны Анненковой, по нашей просьбѣ, О. И. Ивановою, рожденною Анненковою.
Ред.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУЩУКСКІЙ ОТРЯДЪ

въ 1877—1878 гг.

Историческій очеркъ.

30-го ноября 1887 года исполнилось десять лѣтъ со времени сраженія при Мечѣ и Трестеникѣ. Этимъ сраженіемъ блистательно закончилась боевая дѣятельность Рущукскаго отряда, которымъ, какъ извѣстно, командовалъ въ Турецкую кампанію 1877—1878 гг. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ.

Среди большого количества сочиненій и журнальныхъ статей о событіяхъ минувшей кампаніи, невольно бросается въ глаза пробѣлъ въ отношеніи дѣйствій Рущукскаго отряда. Дѣйствительно, мы можемъ указать (за время по 30-е ноября 1887 г.) лишь на три статьи, изъ коихъ двѣ были помѣщены въ „Военномъ Сборникѣ“ ¹⁾, а третья составляетъ отдѣлъ въ хроникѣ послѣдней войны, изданной подъ редакцію генерала С. П. Зыкова ²⁾. Если и появлялись, независимо отъ сего, небольшія журнальныя замѣтки о Рущукскомъ отрядѣ, то онѣ или были вызваны вышеприведенными сочиненіями, или же говорилось въ нихъ о нѣкоторыхъ лишь отдѣльныхъ эпизодахъ. А между тѣмъ,

¹⁾ 1) Обзоръ дѣйствій Рущукскаго отряда со времени его сформированія до октября 1877 г. С. 2) Матеріалы для описанія дѣйствій Рущукскаго отряда. Н. фонъ-Фохта

²⁾ Война 1877—1878 гг. Выпуски V и VI. Издано подъ редакцію генерала С. П. Зыкова.

дѣйствія этого отряда представляютъ, вообще, существенный интересъ.

Рущукскому отряду пришлось держаться исключительно оборонительнаго образа дѣйствій въ теченіе почти шести мѣсяцевъ и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Сравнительно съ незначительными силами, всего два корпуса (около 60.000 человекъ), отряду пришлось оборонять доступы къ рѣкѣ Янтрѣ со стороны восточныхъ крѣпостей на протяженіи около 80 верстъ (отъ Дуная до предгорій Балканъ), имѣя противъ себя 110.000 непріятельскихъ войскъ, опиравшихся на четыре сильнѣйшія крѣпости: Рущукъ, Силистрію, Шумлу и Варну. Такимъ образомъ, Рущукскому отряду приходилось имѣть дѣло съ превосходнымъ, по силамъ, и сосредоточеннымъ противникомъ, который имѣлъ всѣ средства и побужденія въ энергичному прорыву нашей растянutoй линіи, при чемъ армія непріятеля, при первой же неудачѣ, могла быстро отойти подъ защиту своихъ крѣпостей, дѣлая, такимъ образомъ, невозможнымъ ея преслѣдованіе; расположеніе же Рущукскаго отряда въ открытомъ полѣ, безъ прочныхъ опорныхъ пунктовъ позади, допускало, въ извѣстныхъ случаяхъ, возможность преслѣдованія; но отступать нашимъ войскамъ возможно было лишь до Янтры, такъ какъ отступление за линію этой рѣки равнялось бы полному пораженію, ибо за Янтрой непосредственно лежала единственная коммуникаціонная линія нашей арміи—Систово-Тырново. Для обороны этой линіи, кромѣ Рущукскаго отряда, южнѣе его, были расположены еще два отряда: Тырновскій и Елененскій; всѣ эти войска, такимъ образомъ, имѣли одну цѣль—охранять коммуникаціонную линію арміи и тылъ войскъ, расположенныхъ подъ Плевною, а также дѣйствовать противъ одного и того же противника—восточно-дунайской турецкой арміи. Между тѣмъ, эти отряды не были связаны единствомъ командованія. Имѣя передъ собою одну турецкую армію, опиравшуюся на сильнѣйшія крѣпости, подчиненную одному начальнику, обладавшему свободою дѣйствій,—наши отряды, благодаря отсутствію единства командованія, не могли состязаться съ противникомъ въ быстротѣ сосредоточенія своихъ силъ на любомъ угрожаемомъ пунктѣ. Непріятель могъ этимъ пользоваться и, демонстрируя противъ одного отряда, наносить удары на другой. Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на линіи Янтры также не со-

средоточивались у насъ въ однѣхъ рукахъ, равно какъ и не изъ однѣхъ рукъ выходили распоряженія о предупрежденіи опасности на всѣхъ пунктахъ этой линіи; вслѣдствіе этого, каждый изъ отрядовъ долженъ былъ быть въ постоянной готовности встрѣтить врага, по большей части, безъ всякой надежды на своевременную помощь сосѣдняго отряда, какъ бы ни были велики силы противника. Для Рущукскаго отряда такое положеніе было особенно тяжело, какъ оберегавшаго наибольшее пространство съ наиболѣе важными пунктами на линіи рѣки Янтры и слѣдовательно и наиболѣе подверженными настойчивымъ дѣйствіямъ противника. Точно также и 14-й корпусъ, расположенный въ Добруджѣ, если бы былъ подчиненъ начальнику Рущукскаго отряда, могъ бы принести существенную пользу; между тѣмъ никакой связи не было между этими двумя отрядами, благодаря чему 14-й корпусъ оставался безъ пользы, вполнѣ изолированнымъ, во все время кампаніи. Невыгода положенія Рущукскаго отряда обуславливалась еще условіями мѣстности, весьма всхолмленной, лѣсистой, безъ хорошихъ продольныхъ путей. Кромѣ того, характеръ мѣстности, на которой пришлось дѣйствовать Рущукскому отряду, имѣлъ ту особенность, весьма невыгодную въ военномъ отношеніи, что, при наступательномъ движеніи нашихъ войскъ отъ Янтры на востокъ, турки всегда занимали господствующія высоты, такъ какъ мѣстность отъ запада къ востоку постоянно возвышается уступами, опредѣляемыми теченіемъ рѣкъ—Лома и его притоковъ (Акѣ-Ломъ съ Соленивскимъ ручьемъ (Умурскій-Ломъ); Кара-Ломъ съ Баницкимъ-Ломомъ). Понятно, что, при такомъ положеніи, для Рущукскаго отряда наступали иногда весьма тяжелыя минуты, выпутываться изъ которыхъ удавалось отряду, соблюдая постоянную бдительность, осторожность и расчетанность въ его движеніяхъ.

Рущукскій отрядъ, не взирая на всю тяжесть своего положенія, исполнилъ возложенную на него задачу съ честью: 110.000 турецкая армія, съ знаменитымъ четырехугольникомъ крѣпостей, во всю кампанію оставалась совершенно изолированной и наша армія, благодаря стойкости Рущукскаго отряда, могла довести благополучно до конца свои операціи подъ Плевною, Шипкою, перейти Балканы и дойти до Константинополя.

Въ то время, какъ на прочихъ пунктахъ театра войны

возникали постепенно: Плевна, Шипка, Горній Дубнякъ и другіе, — Руссукскому отряду удалось избѣгнуть такихъ случайностей. Интересенъ тотъ фактъ, что, одновременно съ движеніемъ Османа изъ Видина на Плевну, турки выслали 27 таборовъ изъ Разграда на Бѣлу; а между тѣмъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ никакой Бѣлы, подобной Плевнѣ, не возникало, не смотря на то, что Плевна отстоитъ отъ Видина въ 7—8 переходахъ, а отъ Бѣлы до Разграда и Русука—въ двухъ. Кавалерія Руссукскаго отряда предупредила турокъ въ Бѣлѣ и, быстрымъ движеніемъ за Янтру, очистила отъ непріятели впереди лежащую мѣстность, верстъ на 50, сразу отодвинувъ, такимъ образомъ, противника на значительное разстояніе отъ нашей коммуникаціонной линіи. Противъ Руссукскаго отряда дѣйствовали, послѣдовательно, три турецкихъ главнокомандующихъ,—всѣ они оказались бессильными сломить сопротивленіе отряда и, одинъ за другимъ, были смѣнены турецкимъ правительствомъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы поставили себѣ цѣлью представить въ общихъ чертахъ дѣйствія Руссукскаго отряда, останавливаясь подробнѣе лишь на нѣкоторыхъ фактахъ, заслуживающихъ особаго вниманія.

Къ очерку нашему мы приложили карту. Считаемо необходимымъ здѣсь же оговорить, что названія мѣстностей приняты въ настоящемъ очеркѣ тѣ, которыя употреблялись войсками въ минувшую кампанію и вошли въ „Журналъ военныхъ дѣйствій Руссукскаго отряда“; но въ скобкахъ помѣщены нами соответствующія названія мѣстностей по картѣ, къ очерку приложенной. Карта составлена военно-историческою комиссіею и на ней названія мѣстностей заимствованы изъ статистики Болгаріи, составленной къ 1-му января 1881 года. („Предварительни резултати отъ преброяванъето населението на 1 януарий 1881 г. издава статистическото бюро“).

I.

Послѣ переправы черезъ Дунай, 15-го іюня 1877 г., Великій Князь главнокомандующій поставилъ себѣ цѣлью: 1) выдвинуть нашу кавалерію возможно далѣе на востокъ, югъ и западъ, чтобы охватить ея наибольшее пространство наблюденія, войти въ соприкосновеніе съ противникомъ и доставить свободу дѣйствій русской арміи въ сѣверной Болгаріи; 2) захватить одинъ изъ проходовъ Балканскихъ горъ и укрѣпиться на немъ; 3) выставить надежные заслоны къ востоку и западу, чтобы изолировать непріятельскія войска, сосредоточенныя въ районѣ крѣпостей, отъ войскъ у Никополя и Видина. По свѣдѣніямъ полевого штаба, въ четырехугольникѣ крѣпостей было сосредоточено у турокъ, независимо отъ гарнизоновъ крѣпостей, 85.000 подвижныхъ войскъ подъ начальствомъ главнокомандующаго сердаръ-экрема Абдуль-Керима; въ Никополь—слабый гарнизонъ и у Видина до 60.000 подъ начальствомъ Османа-паши. Точныхъ свѣдѣній о турецкихъ силахъ за Балканами и въ горахъ не имѣлось.

Для дѣйствія противъ войскъ Абдуль-Керима были назначены 12-й и 13-й корпуса ¹⁾, которые, получивъ названіе Рушукскаго отряда, были подчинены Наслѣднику Цесаревичу.

Командиромъ 12-го корпуса назначенъ великій князь Владиміръ Александровичъ на мѣсто генераль-лейтенанта П. С. Ванновскаго, назначеннаго начальникомъ штаба рушукскаго отряда ²⁾. 13-мъ корпусомъ командовалъ генераль-лейтенантъ А. Ѳ. Ганъ.

Въ заслонъ на западъ былъ назначенъ 9-й корпусъ генерала Крюднера съ кавказской казачьей бригадой. Для захвата прохода на Балканахъ—передовой отрядъ генерала Гурко (10 ¹/₂ баталіоновъ, 12 ¹/₂ эскадроновъ и 19 сотенъ), который долженъ былъ быть поддержанъ 8-мъ корпусомъ.

Взглядъ на карту сѣверной Болгаріи приводитъ къ заключенію о необходимости, во исполненіе начертаній главнокомандующаго, занять на правомъ флангѣ Никополь и Плевну; на лѣвомъ—Тырново и Бѣлу.

¹⁾ Пѣхота 13-го корпуса съ тремя полками 8-й кавалерійской дивизіи.

²⁾ Приказъ по дѣйств. арм. 22-го іюня 1877 г.

Бѣла была занята кавалерією рущукскаго отряда (Стародубовскіе драгуны) 23-го іюня; Тырново — передовымъ отрядомъ 25-го іюня; Никополь — 4-го іюля 9-мъ корпусомъ и Плевна — турками 27-го іюня.

29-го іюня рущукскій отрядъ, въ полномъ составѣ, сосредоточился на Янтрѣ, между Бѣлоу и устьемъ этой рѣки. Первоначально цѣлью отряду было поставлено — наступать къ Рущуку, обложить его и стараться имъ овладѣть ¹⁾. 10-го іюля войска отряда развернулись на линіи Лома противъ Рущука, въ 12-ти верстахъ, съ заслономъ къ сторонѣ Разграда, — центрального пункта въ районѣ крѣпостей ²⁾. Кавалерія отряда очистила всю мѣстность между рѣками Янтрой и Ломомъ съ его притоками (Кара, Акъ и Баницкій-Ломъ) отъ шаекъ вооруженныхъ жителей. Рядъ рекогносцировокъ и набѣговъ кавалеріи къ сторонѣ непріятеля показавъ, что турки, при нашемъ наступленіи, отходили за Ломъ, сосредоточиваясь къ югу отъ Рущука у Кадкѳоя (Кадкѳой), а затѣмъ къ Разграду. При своихъ набѣгахъ, кавалерія доходила почти подъ стѣны Рущука, уничтожая телеграфъ и разру-

¹⁾ Секретный отзывъ нач. полев. штаба отъ 22 го іюня № 637.

²⁾ Наступленіе рущукскаго отряда къ Лому было весьма медленно, вслѣдствіе того, что за время съ сформированія отряда, т. е. съ 22-го іюня, по 10-го іюля, нѣсколько разъ измѣнялась поставленная отряду цѣль. Такъ, 22-го іюня, главнокомандующій, какъ было сказано, предписавъ 12-му и 13-му корпусамъ, по соединеніи ихъ на Янтрѣ, наступать къ Рущуку съ цѣлью овладѣть этою крѣпостью.

Письмомъ отъ 27-го іюня, начальникъ полевого штаба увѣдомлялъ Наслѣдника Цесаревича, что рущукскому отряду предписано не вдаваться въ осаду Рущука, а активно обронтаться на Янтрѣ.

5-го іюля главнокомандующій писалъ Цесаревичу, что, вслѣдствіе вѣстїи Никополя, рущукскому отряду выдвинуться впередъ, ближе къ Рущуку, и быть готовымъ быстро начать обложеніе и осаду Рущука, если бы того потребовали обстоятельства.

Наконецъ, 9-го іюля главнокомандующій предписывалъ, въ виду успѣховъ генерала Гурко за Балканами, рущукскому отряду энергично дѣйствовать противъ Рущука для скорѣйшаго овладѣнія этою крѣпостью.

Вслѣдствіе этихъ противорѣчивыхъ приказаній, можно предположить, что наврядъ ли задача рущукскаго отряда была ясно созвана полевымъ штабомъ при самомъ началѣ сформированія отряда. Повидному, она выла-лась сама собою, въ силу естественнаго хода событій, а не въ силу заблаговременно разсчитаннаго плана. Дѣйствія отряда за этотъ періодъ кампаніи носили, такимъ образомъ, то активный, то наблюдательно-оборонительный характеръ. Но независимо даже отъ вышензложенныхъ обстоя-

шая во многихъ мѣстахъ желѣзную дорогу ¹⁾). Когда рущукскій отрядъ былъ готовъ приступить къ обложенію Рущука, — послѣдовали, одна за другой, наши неудачи подъ Плевною (8-го и 18-го іюля). Эти неудачи, въ связи съ отгѣсненіемъ передоваго отряда генерала Гурко изъ-за Балканъ (20-го іюля), положили предѣлъ наступательнымъ дѣйствіямъ рущукскаго отряда и привели его къ роли исключительно оборонительной — прикрывать нашу переправу, коммуникаціонную линію и вообще тылъ войскъ, расположенныхъ у Тырнова и подъ Плевною, отъ главной турецкой арміи на восточномъ фронтѣ.

Къ этому времени произошла перемѣна турецкаго главнокомандующаго. Турецкій военный совѣтъ, не оцѣнивъ плана сердаѣ-экрема Абдуль - Керима и, подъ вліяніемъ паники, охватившей Константинополь, вслѣдствіе появленія нашего передоваго отряда за Балканами, на пути къ Адрианополю и Константинополю, — рѣшился его смѣнить и на его мѣсто былъ назначенъ Мехметъ - Али, командовавшій дотолѣ войсками въ Албаніи. Планъ Абдуль-Керима, какъ теперь извѣстно, заключался въ томъ, чтобы дать нашей арміи, слабой по численности,

тельствъ, дѣйствія отряда противъ Рущука должны были бы въ то время замедлиться еще изъ-за осадныхъ парковъ, которые, благодаря недостатку въ перевозочныхъ средствахъ, задержались въ Румыніи.

¹⁾ Турки, за это время, не обнаруживали активныхъ дѣйствій и только 25-го іюня, съ лѣваго берега Дуная, было замѣчено, что турецкій лагерь снялся подъ Рущукомъ и 26-го непріятель двинулся значительными массами войскъ въ направленіи отъ Рущука къ Бѣлѣ; передовыя части турецкихъ войскъ, въ этотъ день, встрѣтили нашу кавалерію (Донской № 12-й полкъ съ конною батареею, поддержанный, подошедшимъ на выстрѣлы, Стародубовскимъ Драгунскимъ полкомъ съ конною батареею) у Обрѣтеника, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлы по шоссе къ Рущуку, и, послѣ перестрѣлки, турки отошли къ Лому. Послѣ того, за все время движенія рущукскаго отряда къ сторонѣ крѣпости, турки ограничивались лишь высылкою небольшихъ отрядовъ, вѣроятно, съ цѣлью отгѣснить нашу кавалерію для производства рекогносцировокъ; наша кавалерія, поддержанная пѣхотными частями, заставляла турокъ отходить и затѣмъ безпрепятственно продолжала свои развѣдки. Свѣдѣнія о непріятелѣ сводились къ тому, что турки массировались въ окрестностяхъ Рущука, занимая, значительными силами, Кадыкюй (Кадыкьой), расположенный къ югу отъ крѣпости на правомъ берегу Лома; по рѣкѣ, во многихъ мѣстахъ, находились летучіе отряды, которые, къ нашей сторонѣ, высылали партіи черкесовъ; подъ прикрытіемъ этихъ войскъ, непріятель приступилъ къ передвиженію значительныхъ частей отъ Рущука на югъ къ Разграду и Шумлѣ. М. С.

углубиться въ страну и затѣмъ, воспользовавшись ея слабостью, недостаточнымъ, по силамъ, обезпеченіемъ фланговъ, чрезмѣрно удлиненною операціонною линією и не прочнымъ базисомъ, — отрѣзать ее отъ путей сообщенія и поставить ее тѣмъ въ критическое положеніе. Паника и общественное мнѣніе въ Константинополь взяли верхъ надъ разсудкомъ: Абдуль - Керимъ — отданъ подъ судъ, Мехметъ - Али — назначенъ главнокомандующимъ.

Къ августу 1877 года общее положеніе на театрѣ войны было слѣдующее: наша армія занимала линію по эллипсу отъ Никополя на Порадимъ, Сельви, Габрово, Шипку, Беброво, Кацелево, устье Лома, у Дуная, и до Систова. Оси эллипса отъ Систова до Шипки 120 верстъ, отъ Кацелева до Порадима ок. 100 верстъ. На этой линіи были разбросаны 6 корпусовъ ¹⁾; независимо отъ сего, 14-й корпусъ въ Добруджѣ. Турки занимали охватывающее положеніе нашего кордона: до 50,000 Османа въ Плевнѣ и Ловчѣ; до 50,000 Сулеймана въ Иени-Загрѣ и 110,000 Мехмета-Али (не считая гарнизоновъ вѣрностей) между Разградомъ и Ески-Джумой. Плевна, какъ крупный вопросительный знакъ, выросла на нашемъ правомъ флангѣ. Отвѣтомъ на него было, — что мы начали войну съ несоразмѣрно малымъ числомъ войскъ, что дальнѣйшее наше наступленіе, до уничтоженія арміи Османовъ, немислимо, а это, въ свою очередь, вело къ необходимости вызвать изъ Россіи подкрѣпленія; до прибытія же ихъ, — русскимъ войскамъ оставалось держаться на всѣхъ фронтахъ оборонительнаго образа дѣйствій.

Съ своей стороны турки, ясно отдавая себѣ отчетъ въ положеніи русскихъ войскъ, рѣшаются изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное и, совокупностью дѣйствій трехъ армій—Мехмета-Али, Сулеймана и Османа пашей, разбить нашу армію и заставить ее очистить сѣверную Болгарію до прихода къ ней подкрѣпленій.

¹⁾ IV-й и IX-й въ Порадимѣ передъ Плевною; VIII-й и XI-й между Бебровымъ и Сельви, занимая Шипку и съ резервомъ въ Тырновѣ; XII-й и XIII-й на Ломѣ и Кара-Ломѣ.

II.

Мехметъ-Али прибылъ въ Шумлу 21 іюля (н. с.) и, перорганизовавъ ввѣренную ему армію, сосредоточенную въ четыреугольникѣ крѣпостей, и усиливъ ее какъ подошедшими подерѣвленіями, такъ и на счетъ избытка войскъ въ гарнизонахъ крѣпостей,—довелъ ее съ 65,000 до 110,000 подвижныхъ войскъ, которыя онъ сосредоточиваетъ между Разградомъ и Ески-Джумою. Цѣль его, притянувъ часть войскъ Сулеймана изъ-за Балканъ въ Османъ-Базару, сосредоточить 120,000 человекъ, оставить заслоны противъ лѣваго фланга расположенія Руссукскаго отряда (на пути отъ Русука къ Бѣлѣ) и противъ Шипки, и съ главными силами произвести наступленіе между Бѣлою и Тырновымъ, что неминуемо заставило бы какъ войска, расположенныя у Тырнова, такъ и Руссукскій отрядъ отступить къ Дунаю; русскія войска сосредоточенныя въ Порадимѣ, въ свою очередь, должны были бы отступить, что дало бы возможность Осману перейти въ наступленіе и войти въ связь съ 120,000 Мехмета-Али.

Руссукскій отрядъ, въ этому времени, т. е. въ началу августа, въ силу приказанія Главнокомандующаго, извѣщеннаго о намѣреніи непріятеля произвести концентричное наступленіе на Тырново, — растянулся по линіи Лома и Кара-Лома на 80 верстѣ.

Августѣйшій Главнокомандующій, опасаясь движенія турокъ со стороны Османъ-Базара и Ески-Джумы на Тырново, предписалъ 13-му корпусу сосредоточиться на путяхъ предполагаемаго наступленія противника и быть готовымъ или идти на помощь Тырновскому отряду къ позиціи Лѣсковеца и Раховица, или отразить наступленіе турокъ отъ Разграда на Бѣлу; противъ Русука оставить одну дивизію, такъ какъ наступленіе отсюда на Бѣлу представлялось наименѣе вѣроятнымъ, и затѣмъ одну дивизію поставить въ резервъ и ей быть готовой поддержать 13-й корпусъ въ случаѣ наступленія противъ него главныхъ силъ турецкой арміи ¹⁾.

¹⁾ Отзвъ начальника полевого штаба отъ 23-го іюля 1877 года.

Во исполненіе приказанія Главнокомандующаго, на нижнемъ Ломѣ, противъ Рущуга, оставлена одна дивизія 12-го корпуса (12 пѣхотная дивизія) подъ начальствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича. 13-й корпусъ былъ сосредоточенъ у Ковачицы, съ передовыми отрядами въ Попкіюф (Попъ-Къой) и Гаговѣ: въ случаѣ наступленія противника изъ Разграда и Эски-Джумы на Тырново или Бѣлу черезъ Церковно. онъ не могъ миновать позиціи 13-го корпуса. Наконецъ, резервъ изъ дивизіи 12-го корпуса (33 пѣхотная дивизія) расположился въ центрѣ, въ Острицѣ, занявъ впереди позиціи у Кацелево и Аблавы (Абланово), находившіяся на прямомъ пути наступленія противника изъ Разграда въ Бѣлу. Кавалерія была выдвинута къ Бѣлому-Лому и занимала линію наблюденія слишкомъ въ 80 верстѣ отъ Дуная, впереди Рущуга до расположенія кавалеріи Тырновскаго отряда. При такомъ расположеніи, войска Рущукскаго отряда растянулись въ тонкую линію, тремя группами, при чемъ оставались не занятыми, по р. Кара-Лому, два весьма значительныхъ промежутка: между 12 пѣхотною дивизіею и центромъ (33 пѣхотной дивизіей) около 20 верстѣ и отъ этого послѣдняго до расположенія 13-го корпуса почти столько же; наконецъ, между войсками 13-го корпуса и 11 пѣхотною дивизіею, Тырновскаго отряда, расположенной на османъ-базарской дорогѣ, было до 30 верстѣ. Промежутки эти прикрывались одною лишь кавалеріею.

Задача Рущукскаго отряда была весьма сложная: на войска 13 го корпуса ложилась обязанность служить, съ одной стороны, связывающимъ звеномъ между 12-мъ корпусомъ и войсками, занимающими Тырново со стороны Османъ-Базара, а съ другой—охранять среднее теченіе Янтры и г. Бѣлу отъ противника, который наступалъ бы по путямъ, пролегающимъ въ этомъ направленіи отъ Разграда и Шумлы черезъ Кацелево или Попкіюф (Попъ-Къой). Подкрѣпленій къ Рущукскому отряду, въ виду общаго положенія на театрѣ войны, ожидать было невозможно; позади отряда рѣка Янтра съ слабо укрѣпленною позиціею у Бѣлы; отступать за Янтру было немислимо, за нею непосредственно лежала главная артерія всей арміи—наша коммуникаціонная линія и единственная наша переправа на Дунаѣ у Систова. Наслѣдникъ Цесаревичъ, вполне сознавая опасность такого положенія отряда, считалъ наиболѣе вѣроятнымъ наступленіе непріятеля на

центръ нашего растянутого расположенія. Въ этомъ случаѣ наши позиціи у Кацелево и Аблавы (Абланово) приобрѣтали особенно важное значеніе, какъ узлы дорогъ, идущихъ отъ Рушукъ и Разграда на Бѣлу и на югъ въ тылъ расположенія войскъ 13-го корпуса. Вслѣдствіе приказанія Главнокомандующаго и за недостаткомъ силъ, Его Императорское Высочество не могъ ихъ занять болѣе, чѣмъ дивизією, а потому было обращено особенное вниманіе на укрѣпленіе этихъ позицій, а также на разработку продольныхъ путей отсюда къ позиціямъ 13-го корпуса.

Если сравнить положеніе обѣихъ сторонъ въ началѣ августа, то мы увидимъ, что турки массировались главными силами противъ нашего центра, 57 турецкихъ баталіоновъ расположились въ окрестностяхъ Разграда, имѣя противъ себя 11 русскихъ баталіоновъ ¹⁾; на нашемъ лѣвомъ флангѣ, противъ 12 баталіоновъ 12 пѣхотной дивизіи, находилось 20 баталіоновъ турокъ въ Рушукѣ; на правомъ флангѣ противъ нашихъ 24 баталіоновъ 13-го корпуса ²⁾ турки сосредоточили на позиціи у Сарнасуфлара и Леникіоя (Ени-вѣй) 30 баталіоновъ и, наконецъ, на османъ-базарской дорогѣ, противъ войскъ 11 пѣхотной дивизіи, стоялъ турецкій отрядъ изъ 18 баталіоновъ. Такимъ образомъ, если планъ Мехмета-Али, соединиться съ частью войскъ Сулеймана, осуществился бы, то 120,000 турокъ сосредоточивались, не оголая своихъ позицій на флангахъ, противъ 70,000 русскихъ, растянутыхъ почти на 80 верстъ. При такомъ положеніи Мехмету-Али не представилось бы затруднительнымъ, раздавивъ 13-й корпусъ, отрѣзать 12-й и предупредить его въ Бѣлѣ. Понятно, какія рѣшительныя послѣдствія могла имѣть эта операція на всю кампанію.

Сулейманъ-паша отклоняетъ планъ Мехмета-Али, ссылаясь то на возмущеніе въ Румелии, то на директивы, которыя онъ непосредственно получаетъ изъ Константинополя, и рѣшается самостоятельно атаковать шипкинскій переваль съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ имъ, спуститься по сѣвернымъ склонамъ Балканъ и

¹⁾ Одинъ баталіонъ 33 дивизіи находился въ конвоѣ при главной квартирѣ Цесаревича.

²⁾ Весь 13 корпусъ сосредоточился лишь въ половинѣ августа, т. е. 14 числа. До того же 2 бригада 11 пѣхотной дивизіи, до 2 августа, находилась при Императорской главной квартирѣ въ Бѣлѣ, а съ 2 по 14 августа—въ отрядномъ резервѣ въ Острицѣ.

тогда войти въ связь съ Мехметомъ-Али и Османомъ. Нельзя не отмѣтить характерной черты въ отношеніяхъ турецкаго главнокомандующаго къ его подчиненнымъ. Мы останавливаемся на этомъ фактѣ потому, что онъ имѣлъ для насъ весьма благопріятныя послѣдствія. Назначая Мехмета-Али на мѣсто Абдуль-Керима главнокомандующимъ всѣхъ турецкихъ войскъ въ Болгаріи, турецкое правительство возлагало на него большія надежды; эти надежды не оправдались въ виду весьма важныхъ двухъ обстоятельствъ, которыя были упущены сераскириатомъ и которыя неминуемо должны были подорвать авторитетъ новаго главнокомандующаго: во первыхъ, его происхожденіе (нѣмецъ-рenegатъ), благодаря которому въ глазахъ турокъ онъ былъ все-таки ненавистнымъ гіауромъ, и во вторыхъ, по своему положенію онъ стоялъ дотолѣ ниже такихъ пашей, какъ Сулейманъ, Османъ и Ахмедъ-Эюбъ, которые теперь должны были ему подчиниться. Эти паши, крайне оскорбленные возвышеніемъ Мехмета-Али, поставили себѣ цѣлью интригами парализовать всѣ распоряженія новаго главнокомандующаго, подорвать его довѣріе въ военномъ совѣтѣ, добиться его смѣщенія и одному изъ нихъ занять его мѣсто. Мы видѣли, что Сулейманъ, на первыхъ же порахъ, отказывается исполнить весьма остроумный и соотвѣтствующій обстановкѣ планъ; Мехметъ-Али не только не имѣетъ возможности заставить Сулеймана исполнить свое приказаніе, но даже не можетъ добиться отъ него, подчиненнаго ему, свѣдѣній о числѣ войскъ, находившихся подъ его начальствомъ¹⁾. Сулейманъ, какъ и другіе два названные паши, пользовался сильною поддержкою въ Константинополѣ. Самъ же Мехметъ-Али хотя и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми арміями въ Болгаріи, но полныхъ уполномочій для стратегическаго управленія ими ему не было дано; онъ не былъ возведенъ въ званіе сердаръ-экрема, а слѣдовательно и былъ лишенъ правъ, присвоенныхъ этому званію, и самостоятельно могъ распоряжаться только операціями арміи на восточномъ фронтѣ Болгаріи. Намъ кажется, что именно въ этихъ причинахъ надо, главнымъ образомъ, искать объясненія въ неудачныхъ дѣйствіяхъ Мехмета-Али, а не въ его неспособности, въ чемъ нерѣдко его теперь упрекаютъ.

¹⁾ Procès de Suleiman Pacha. T. II, p.p. 103—107.

Когда Мехмету-Али сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что Сулейманъ атакуетъ Шипку ¹⁾, онъ рѣшается съ своею арміею, сосредоточенною между Разградомъ и Ески-Джумою, произвести наступленіе противъ центра растянутого Рущукскаго отряда. Его цѣль—оттѣснить наши войска за Янтру и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить успѣхъ предпріятія Сулеймана на Шипеѣ. Съ 9-го по 14-е августа и 5-го сентября 1877 года Сулейманъ энергично атакуетъ отрядъ генерала Радецкаго, но всѣ его атаки отбиты и Шипка остается въ нашихъ рукахъ. Мехметъ-Али начинаетъ свои наступательныя дѣйствія 10-го августа. Чтобы обезпечить успѣхъ противъ нашего центра, Мехметъ-Али рѣшается наступленіемъ противъ расположенія 13-го корпуса оттѣснить кавалерію и передовые отряды нашего праваго фланга, выставленные на правомъ берегу Кара-Лома и по Агъ - Лому, съ одной стороны, чтобы лишить нашъ правый флангъ возможности наблюдать за передвиженіями и сосредоточеніемъ турецкихъ войскъ къ пункту главной атаки, съ другой стороны, чтобы утвердить во мнѣніи, распространенномъ газетами, что турецкій главнокомандующій избралъ для своего наступленія путь отъ Ески-Джумы и Османъ-Базара на Тырново. Одновременно войскамъ, сосредоточеннымъ въ Рущукѣ, предписывается демонстрировать противъ 12 пѣхотной дивизіи на нижнемъ Ломѣ съ цѣлью удержать ее на ея позиціяхъ и не дать возможности посылать къ центру подкрѣпленій. Главныя силы Мехметъ-Али сосредоточиваетъ у Разграда и, подготовивъ успѣхъ своихъ операций, предполагаетъ двинуть ихъ на Кацелево, Аблаву (Абланово) и Бѣлу. Въ началѣ планъ Мехмета-Али ему вполне удастся; 10 августа турецкая бригада занимаетъ высоты у Аяслара на правомъ берегу Кара-Лома и противъ нашей передовой позиціи у Попкѳоя (Попъ-кѳой), по той же сторонѣ этой рѣки. Высоты у Аяслара занимались нами съ 25 іюля дежурнымъ батальономъ, съ 2 орудіями и сотнею казаковъ, отъ войскъ попкѳойскаго отряда. Командиръ 13-го корпуса, генераль-лейтенантъ Ганъ, принимая въ соображеніе, что высоты у Аяслара охраняютъ и обезпечиваютъ наши передовыя позиціи, предписываетъ начальнику попкѳойской позиціи, генераль-лейтенанту Прохорову, занять ихъ и укрѣпиться на нихъ.

¹⁾ 9-го августа 1877 года.

Это распоряженіе повело къ аясларскому бою, который начался вечеромъ 10 августа и окончился на другой день, 11-го числа, передъ вечеромъ. Нашихъ 7 баталіоновъ, 18 орудій и 2 сотни выступили въ 9 часовъ вечера и атаковали высоты, занятыя непріателемъ, при лунномъ свѣтѣ; турки были сбиты съ позиціи, но потомъ они ведутъ послѣдовательно, одну за другою, 12 атакъ и, наконецъ, заставляють 11 числа, въ 5 часу пополудни, отступить наши войска, измученныя 18 часовымъ боемъ, невыносимою жарою (до 40° R.) и жаждою. Аясларская позиція остается въ рукахъ турокъ. Съ ихъ стороны дѣйствовали 8 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 3 сотни и 20 орудій, и 11 числа подошла еще бригада, въ составѣ 7 баталіоновъ, изъ Ески-Джумы.

Ободренный этимъ успѣхомъ, Мехметъ-Али, преслѣдуя свою задачу—оттиснуть всѣ наши передовыя части за Кара-Ломъ,— 18 августа атакуетъ нашу передовую позицію у Кара-Хасанкіюя (Карахасанъ-кьой). Она была занята отрядомъ генерала Леонова изъ 3 баталіоновъ, 2 эскадроновъ, 1 сотни казаковъ, при 10 орудіяхъ; независимо отъ сего, впереди, къ сторонѣ Разграда, находились 2 эскадрона лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка. Мехметъ-Али сосредоточилъ 59 баталіоновъ, 18 эскадроновъ, 104 орудія, изъ коихъ, для непосредственной атаки отряда генерала Леонова, были назначены 29 баталіоновъ, 18 эскадроновъ при 48 орудіяхъ, съ черкесами и баши-бузуками. Не взирая на несоразмѣрно превосходнаго противника, генералъ Леоновъ выдержалъ съ своимъ отрядомъ 8 часовой упорный бой, и, наконецъ, не получая серьезной поддержки ¹⁾ и угрожаемый съ фланговъ и на пути отступления, благополучно отступилъ по единственному въ тылу мосту черезъ рѣку Ломъ. Въ сраженіяхъ при Аясларѣ (10 и 11 августа) и Кара-Хасанкіюѣ (18 августа) наши потери состояли изъ 171 убитыхъ и 659 раненыхъ. Неудачи при Аясларѣ и, главнымъ образомъ, Кара-Хасанкіюѣ заставили войска 13-го корпуса очистить долину Кара-Лома и сосредоточиться на сильно укрѣпленной позиціи у Ковачицы. Въ 13-мъ корпусѣ уворенилось убѣжденіе въ первостепенной важности этой позиціи, вслѣдствіе чего

¹⁾ Изъ Гаюва подошли, къ концу боя, 9 ротъ Моршанскаго полка; но эта помощь, по словамъ генерала Леонова, оказалась слишкомъ слабою противъ чрезвычайно большихъ силъ непріателя (донесеніе ген. Леонова).

не признавалось необходимымъ упорно отстаивать впереди лежащія позиціи (Попкѣйой, Хайдаркѣйой и Кара-Хасанкѣйой). Въ подтвержденіе этого можно указать на приказаніе по войскамъ 13-го корпуса, отъ 13 августа, въ которомъ опредѣлялось значеніе занятыхъ позицій, причемъ на попкѣйской и кара-хасанкѣйской рекомендовалось только заставить непріятеля развернуться; при этомъ относительно послѣдней сказано: „избѣгать высылать въ Кара-Хасанкѣйой большихъ поддержекъ, въ виду необходимости отходить этому отряду по дефиле (мостъ)“.

Мехметъ-Али, какъ мы видѣли, весьма успѣшно выполнилъ первую задачу, — оттѣснилъ нашъ правый флангъ за Кара-Ломъ и, завладѣвъ командующими высотами праваго берега этой рѣки, открылъ себѣ свободное движеніе къ центру нашего стратегическаго фронта. Онъ тотчасъ-же пользуется своимъ положеніемъ: онъ организуетъ войска въ двѣ арміи — разградскую (79 баталіоновъ, 36 эскадроновъ, 108 пѣх. орудій) и южную (31 баталіонъ, 22 эскадрона, 66 орудій) и, оставивъ южную армію для обезпеченія своихъ операцій со стороны 13-го корпуса, — разградскую армію сосредоточиваетъ противъ Кацелево и Аблавы (Абланово) съ цѣлью повести здѣсь рѣшительную атаку. Движеніе непріятеля къ нашему центру было обнаружено нашею кавалеріею съ 19 августа. Это движеніе продолжалось до 23 августа, такъ что въ этотъ день Наслѣдникъ Цесаревичъ телеграфировалъ Главнокомандующему, что, „насколько можно судить, по полученнымъ донесеніямъ, главный пунктъ атаки турокъ есть Аблава“. Въ виду этого, въ подерѣпленіе 33 пѣхотной дивизіи, была послана изъ 13-го корпуса бригада 1 пѣхотной дивизіи.

Мехметъ - Али, сосредоточиваясь противъ Аблавы, не прекращалъ демонстративныхъ дѣйствій противъ лѣваго фланга Руцувскаго отряда, на которомъ, во всѣ предшествовавшіе дни, были стычки съ турецкими, болѣе или менѣе значительными, отрядами, а 23-го числа 17 турецкихъ баталіоновъ атаковали нашу передовую позицію Кадыкѣя (Кады-кѣйой) на правомъ берегу Лома, но наши 19 ротъ отбили эту атаку.

Для атаки Кацелево и Аблавы (Абланово) Мехметъ-Али назначилъ 24 августа.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ днѣ и на послѣдующихъ дняхъ, такъ какъ они имѣли не

только весьма важное значеніе для Рущукскаго отряда, но и для всей русской арміи на театрѣ войны.

Припомнимъ общее положеніе войскъ въ Болгаріи: на правомъ флангѣ 70,000 русскихъ подъ Плевною противъ 50,000 Османа; на Шипкѣ 20,000 генерала Радецкаго противъ 50,000 Сулеймана; на восточномъ фронтѣ около 65,000 (Рущукск. отр. и 11-я пѣх. див.) противъ 110,000 Мехмета-Али.

Въ частности, сравнивая расположеніе Рущукскаго отряда и войскъ Мехмета-Али 24-го августа,—мы видимъ:

1) Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ 12,000 противъ 10,000 войскъ гарнизона Рущука, свободныхъ для внѣшнихъ дѣйствій.

2) 16,000 въ центрѣ, въ точкѣ удара, противъ 55,000 разградской арміи.

3) 18,000 13-го корпуса противъ 25,000 южной турецкой арміи.

4) 18,000 11-го корпуса противъ 15,000 османъ-базарскаго отряда ¹⁾.

Такимъ образомъ Мехметъ-Али, сосредоточивъ 55,000 противъ 16,000, расположенныхъ въ центрѣ нашего фронта, имѣлъ въ точкѣ удара $\frac{2}{3}$ своихъ войскъ, оставивъ $\frac{1}{3}$ для обезпеченія операціи, въ то время, когда въ Рущукскомъ отрядѣ, въ силу многосложной его задачи, длинной линіи по фронту, условій мѣстности и, главное, превосходства силъ противника,—въ точкѣ удара имѣлась $\frac{1}{3}$, а въ другихъ пунктахъ $\frac{2}{3}$ его войскъ. Слѣдовательно, въ силу той обстановки, въ которую былъ поставленъ Рущукскій отрядъ, ему пришлось измѣнить основному принципу военнаго искусства, заключающемуся въ томъ, чтобы на важнѣйшемъ пунктѣ, въ рѣшительную минуту, быть сильнѣе противника. Преимущества турокъ заключались еще въ томъ, что они базировались на укрѣпленный лагерь въ Разградѣ, имѣя на флангахъ вѣрности, а Рущукскій отрядъ — на слабо-укрѣпленную позицію Вѣлы; за Янтрою шла наша коммуникаціонная линія и далѣе войска подъ Плевною. Отступить за Янтру, какъ уже было сказано,—равнялось пораженію русской арміи.

¹⁾ Цифровыя данныя и сравненіе положенія войскъ заимствуемъ изъ сообщенія штабъ-капитана Васкакова о дѣйствіяхъ Рущукскаго отряда съ 22 іюля по 21 сентября 1877 г.

Въ такомъ положеніи пришлось принять бой 24-го августа у Кацелева и Аблавы. На позиціи у Кацелева, въ день боя, было 5 баталіоновъ, а на аблавской позиціи было всего $8\frac{2}{5}$ баталіона и 1 батал. въ резервѣ, который участія въ бою не принималъ. Войска на обѣихъ позиціяхъ находились подъ начальствомъ генераль - лейтенанта барона А. Ф. Дризена. Изъ 79-ти баталіоновъ Разградской арміи приняли участіе 40 турецкихъ баталіоновъ, а 39 оставались для ихъ поддержки. Первоначально Мехметъ-Али атаковалъ нашъ передовой отрядъ въ Кацелевѣ, который, послѣ 8 часоваго упорнаго боя, отступилъ передъ превосходствомъ силъ противника. Тогда турки обрушились всѣми силами на нашу главную позицію, на которой, какъ сказано, было всего $8\frac{2}{5}$ баталіона. „Было около 2 часовъ пополудни, доносились потомъ, въ реляціи, ген.-маіоръ А. А. Тимофѣевъ, командующій 33-й пѣхотн. дивизіею, когда турецкій артиллерійскій огонь съ батарей, поставленныхъ на высотахъ у Кацелево, прежде занятыхъ нами, усилился и фланкировалъ плато у Аблавы и устроенныя тамъ батареи. Длинная, верста около 4-хъ, дуга турецкихъ стрѣльцовъ въ 8 и болѣе линій наступала на 131-й полкъ, виноградникъ и Аблаву; эти стрѣлки осыпали массою пуль наши позиціи, даже не прицѣливаясь; сомкнутыхъ частей за ними не было и всѣ попытки ввести сомкнутыя части были разрушаемы нашею артиллеріею, стрѣлявшею шрапнелью“ ¹⁾. Объяснивъ затѣмъ, какъ, вслѣдствіе натиска турокъ, наши войска начали постепенно отходить къ гребню высоты и турки заняли виноградникъ на нашей позиціи, — генераль Тимофѣевъ прибавляетъ: „я видѣлъ, что приближалась рѣшительная минута, а подѣхавшій ко мнѣ генеральнаго штаба полковникъ Дохтуровъ ²⁾, объѣзжавшій позицію, своими замѣчаніями вполне увѣрилъ меня въ этомъ ³⁾.

¹⁾ Какъ очевидецъ этого боя, могу подтвердить слова генерала А. А. Тимофѣева: огонь нашей артиллеріи былъ такъ дѣйствителенъ, что турки не рѣшались выводить изъ-за гребня высотъ, которыя окружали съ трехъ сторонъ нашу позицію, сомкнутыхъ частей; онѣ развертывались или, вѣрнѣе, размѣнились еще за гребнемъ и вся масса турокъ наступала на аблавскую позицію, одной за другою, дѣяями, которыми они буквально покрыли скаты возвышенностей, обращенныхъ къ намъ. Они наступали охватывающею дугою, такъ что ихъ правый флангъ приходился противъ нашего тыла.

²⁾ Помощникъ начал. штаба Рущукск. отряда.

³⁾ Отступать наши войска могли только до гребня, такъ какъ позади былъ крутой спускъ, по тропинкамъ, въ ущельѣ, по которому шелъ един-

Тогда, вставъ впереди отступавшихъ, я приказалъ ударить атаку. Люди съ „ура“ бросились за мною и молодецкимъ напоромъ ринулись на врага, не обращая вниманія на массу огня турокъ, засѣвшихъ во рву виноградника“.

Съ своей стороны начальникъ отряда генералъ Дризенъ также подскакалъ къ отступавшимъ, воодушевилъ ихъ словомъ и заставилъ повернуться и присоединиться къ частямъ, слѣдовавшимъ за генераломъ Тимофѣевымъ. Воодушевленные примѣромъ своихъ начальниковъ, менѣе девяти русскихъ баталіоновъ обращаютъ въ бѣгство въ пятеро сильнѣйшаго противника и гонятъ его до его ложементовъ по ту сторону рѣки. Такимъ образомъ, атака была отбита и разбитъ планъ Мехмета-Али, который онъ такъ тщательно подготовлялъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ спасено рискованное положеніе Рущукскаго отряда и вообще русской арміи. Въ этомъ бою наши потери простирались до 1,309 человекъ; турки показываютъ свои потери около 1,300 человекъ.

Въ иностранныхъ сочиненіяхъ говорится собственно о дѣлѣ подѣ Аблавою какъ-то вскользь, какъ бы о демонстративныхъ дѣйствіяхъ съ цѣлью отвлечь вниманіе аблавскаго отряда отъ Кацелева. Такимъ образомъ, г. Тишке, въ статьѣ „О дѣйствіяхъ Мехмета-Али-паши на рѣкѣ Ломѣ отъ 21-го іюля по 2-е октября 1877 г.“, говоритъ, что наступленіе на Аблаву произвели только два баталіона, подѣ начальствомъ полковника Ибрагима, изъ бригады дивизіи Сабита, съ черкесами; турки заняли деревню, но неожиданное наступленіе русскихъ баталіоновъ противъ ихъ лѣваго фланга и тыла заставило турокъ отойти въ полномъ порядкѣ за Ломъ¹⁾.

Наступленіе турокъ на Аблаву началось около двухъ часовъ дня, т. е. послѣ отступленія кацелевскаго отряда, слѣдовательно, никакъ нельзя принимать его за демонстрацію для отвлеченія вниманія аблавскаго отряда отъ Кацелева. Принимавшимъ участіе

ственный путь отступленія съ позиціи; этимъ путемъ было почти немисливо воспользоваться, такъ какъ онъ былъ загроможденъ обозомъ, отправленнымъ съ позиціи, и обозомъ, который втянулся въ ущелье за бригадою 1-й пѣхотн. дивизіи. Дорога эта, при томъ, обстрѣливалась непріятельскою фланговою батареею.

¹⁾ „Воен. Сборн.“ 1879 г. № 9, стр. 116.

въ отбитіи атаки турокъ на аблавской позиціи ясно было видно, что перешли въ наступленіе противъ насъ не только непріятельскія войска, сосредоточенныя противъ фронта и праваго фланга нашей позиціи, но и тѣ войска, которыя заняли Кацелево и которыя преслѣдовали отступившій оттуда отрядъ.

Какъ уже было сказано, непріятель повелъ наступленіе войсками, расположенными по дугѣ, длиною около 4-хъ верстъ, противъ центра аблавской позиціи, охватывая, въ то-же время, ея фланги; густыя турецкія цѣпи сплошь покрывали спуски къ рѣкѣ и, переправившись черезъ нее, атаковали деревню на нашемъ правомъ флангѣ, виноградникъ и Тираспольскій полкъ,— въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ позиціи. Г. Тишке говоритъ, что переправились черезъ Ломъ, на нашу сторону, только два баталіона; но какъ могли эти два баталіона, т. е. всего 1,200 человекъ, растянувшись на столь длинную линію по фронту, представить такую компактную массу, какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, г. Тишке говоритъ, что турки заняли только деревню; но въ такомъ случаѣ, кто же занялъ виноградникъ и кто выбилъ наши войска, расположенныя въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ позиціи? ¹⁾ Очевидно, иностранцы, принимавшіе участіе въ кампаніи съ турецкой стороны, не могутъ безпристрастно относиться къ дѣлу: подъ Кацелевымъ турки разбили русскихъ, а подъ Аблавою сами потерпѣли поражение; ясно, что имъ нѣтъ никакого расчета распространяться объ аблавскомъ боѣ и они стараются придать ему значеніе лишь демонстративныхъ дѣйствій. Но удивительно то, что и у насъ, при разборѣ аблавскаго сраженія, начинаютъ усваивать себѣ взглядъ на это дѣло съ точки зрѣнія г. Тишке. Намъ пришлось слышать на одномъ сообщеніи о дѣйствіяхъ Руцувскаго отряда, что Мехметъ-Али не атаковалъ Аблавы, такъ какъ тогда дальнѣйшее наступленіе еще не составляло его ближайшей цѣли, и вслѣдствіе этого онъ, ограничившись занятіемъ Кацелева, не нашелъ даже нужнымъ развить успѣхъ частей, которыя, демонстрируя противъ Аблавы, заняли эту деревню. Мы можемъ отвѣтить

¹⁾ Вообще, нельзя вполне довѣрять описаніямъ г. Тишке сраженій: говоря, напримѣръ, о дѣлѣ 11-го августа у Аяслара, онъ смѣшиваетъ эпизоды этого боя съ поискомъ 9-го августа.

на это словами самого Мехмета-Али, лично распоряжавшагося боемъ 24-го августа.

Когда, послѣ войны, нашъ Августѣйшій Главнокомандующій спросилъ бывшаго турецкаго главнокомандующаго, какъ могъ онъ не оцѣнить слабости нашего отряда у Аблавы и почему не продолжалъ онъ наступленія на Бѣлу, для чего ему достаточно было выставить заслонъ къ Аблавѣ,—Мехметъ-Али чистосердечно сознался, что цѣль его была прорвать центръ растянутаго расположенія Рущукскаго отряда и наступать на Бѣлу и далѣе на соединеніе съ Османомъ, что для этой цѣли онъ атаковалъ сперва нашъ передовой отрядъ у Кацелева, а, разбивъ его, обрушился всѣми силами на Аблаву; при этой атакѣ, его войска потерпѣли таковой ужасный погромъ, что они были приведены въ полнѣйшее разстройство, вслѣдствіе чего о дальнѣйшемъ наступленіи немислимо было и думать. Онъ былъ убѣжденъ, что ошибся въ своихъ расчетахъ, что противъ него превосходный въ силахъ противникъ, къ которому успѣли подойти подкрѣпленія, и что русскіе сами на другой день перейдутъ въ наступленіе. Боясь этого, Мехметъ-Али, подъ предлогомъ уборки раненныхъ, просилъ на слѣдующій день перемирія до вечера, такъ какъ наступленіе русскихъ могло бы имѣть для него гибельныя послѣдствія. Въ теченіе дня онъ надѣялся привести въ порядокъ свои войска. Онъ былъ очень обрадованъ, когда русскіе согласились на перемиріе, и затѣмъ былъ крайне удивленъ, когда узналъ объ общемъ отступленіи русскихъ войскъ къ Янтрѣ; тогда только онъ понялъ свою ошибку.

Побѣда подъ Аблавою разстроила планы Мехмета-Али и остановила его наступленіе; но пока эта побѣда не улучшила рискованнаго положенія Рущукскаго отряда. Дѣйствительно, положеніе аблавскаго отряда оставалось въ высшей степени опаснымъ. Войска на этой позиціи были ослаблены понесеннымъ урономъ и разстройствомъ нѣкоторыхъ частей, а главное — потерю кацелевской позиціи. Туркамъ, послѣ занятія ея, не было нужды вновь атаковать Аблаву. У нихъ было такое превосходство въ силахъ, что они могли оставить лишь заслоны противъ Аблавы, а съ остальными войсками двинуться внизъ по рѣкѣ Кара-Лому, занять Острицу и, частью силъ, Еренджики (Юренджекъ), чтобы совсѣмъ отрѣзать путь отступленія аблавскому

отряду¹⁾ и затѣмъ наступать отъ Широко (Широково) на Бѣлу, на пути къ которой они встрѣтили бы лишь въ Острицѣ разстроенныя части 132 пѣх. Бендерскаго полка съ 1-й бат. 33 артил. бригады, отступившія изъ Кацелева. Въ Бѣлѣ, отстоявшей отъ Широко въ 20 верстахъ, были сосредоточены обозы, госпиталь, склады, при которыхъ находилась всего одна рота. Помѣшать наступленію турокъ на Бѣлу не было никакихъ средствъ. Противъ 12-й пѣхотн. дивизіи турки продолжали демонстрировать и 24-го августа, во время аблавскаго боя, произвели наступленіе значительными силами; въ тотъ же день они демонстрировали и противъ 13-го корпуса отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія.

Единственное, что оставалось теперь сдѣлать войскамъ Рушукскаго отряда, когда ясно обнаружилась намѣренія противника, — демонстрируя противъ фланговъ, прорвать центръ, — это отказаться отъ тяготѣнія къ правому флангу, вызванному опасеніями полеваго штаба относительно наступленія турокъ по османъ-базарской дорогѣ на Тырново, и, быстро отступивъ, сосредоточиться на пути въ Бѣлу. Отступление и сосредоточеніе отряда дѣлалось настоятельною необходимостью, такъ какъ только этимъ можно было спасти оба корпуса и продолжать выполненіе возложенныхъ на отрядъ задачъ, а также этою операціею разрушался планъ противника, имѣвшаго въ виду воспользоваться нашимъ растянутымъ положеніемъ. Вотъ почему Наслѣдникъ Цесаревичъ, получивъ донесеніе о положеніи подъ Аблавою, рѣшился немедленно произвести общее отступление за Баницкій Ломъ и сосредоточить свой отрядъ подъ Бѣлой. Хотя исполненіе этой задачи обставлено было исключительными трудностями, такъ какъ приходилось выполнить его въ виду превосходныхъ силъ противника, при отсутствіи удобныхъ дорогъ, тѣмъ не менѣе Его Высочество полагалъ, что теперь, послѣ блистательнаго отбитія атаки Мехмеда-Али на Аблаву, была, быть можетъ, единственная и самая удобная минута начать столь желательное сосредоточеніе войскъ. Предположенія Августѣйшаго начальника отряда оправ-

¹⁾ Отрядъ этотъ пока вовсе не имѣлъ пути отступления: единственная узкая дорога въ Еренджикъ, идущая 7 верстъ ущельемъ, была буквально загромождена фургонами съ ранеными; отъ дождя эта дорога пришла въ такое состояніе, что лошади съ трудомъ вытягивали фургоны. Всю ночь здѣсь бились повозки и стонали раненые.

дались: 25-го августа Мехметъ-Али просилъ перемирія до вечера для уборки раненыхъ; этимъ перемиріемъ отрядъ генерала Дризена могъ воспользоваться, чтобы эвакуировать раненыхъ и въ ночь отойти съ позиціи. Такимъ образомъ облегчалось отступление аблавскаго отряда, поставленнаго въ наиболѣ затруднительное положеніе: отступать въ глазахъ 55,000 противника.

Вслѣдствіе приказанія начальника Рущукскаго отряда, отступление должно было совершиться одновременно съ обоихъ фланговъ: 12 пѣх. дивизія должна была отойти на позицію Трестеникъ — Домогилу (Трастеникъ — Двѣ-могили, по сторонамъ шоссе изъ Рущука въ Бѣлу) и держаться на ней для обезпеченія отступления аблавскаго отряда и сосредоточенія 13-го корпуса у Бѣлы. 13-му корпусу велѣно отступить къ Бѣлѣ, выслать къ Баничѣвъ (Банница) боковой авангардъ для прикрытія своего фланговаго движенія; передовые отряды 13-го корпуса должны были остаться въ арьергардѣ и отходить на слѣдующій день отступления корпуса съ ковачицкой позиціи. Отряду генерала Дризена слѣдовало оставить аблавскую позицію только послѣ эвакуаціи раненыхъ и отступить за Баницкій-Ломъ ¹⁾.

Успѣхъ отступления обуславливался строгимъ порядкомъ въ нашихъ войскахъ, а также и мѣрами, которыя были приняты для скрытія отъ непріятеля передвиженія войскъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ съ 19-го августа находился въ Ковачицѣ, при войскахъ 13-го корпуса. 25-го числа Его Высочество, отдавъ приказаніе объ отступленіи, изволилъ переѣхать со штабомъ отряда въ Копровицу (Копривецъ), куда къ вечеру должна была подойти головная бригада 13-го корпуса. Ночью съ 25-го на 26-е получена была генераломъ Ванновскимъ депеша отъ начальника штаба 12-го корпуса, что, по свѣдѣніямъ отъ разъѣздовъ, турки съ ночи начали въ большихъ массахъ перенравляться у Широко (Широково). Положеніе Рущукскаго отряда дѣлалось критическимъ: 12 дивизія оставалась еще на прежней позиціи; части 13-го корпуса 25-го еще не подходили къ Копровицѣ вслѣдствіе сильно разгрязненной дороги отъ дождей и скопленія обозовъ. У генерала Дризена продолжалась, въ теченіе дня, эвакуація раненыхъ. Непріятель могъ, такимъ образомъ, отрѣзать аблавскій отрядъ

¹⁾ Приказ. по Рущук. отр. 25 авг. № 62.

и, выславъ части войскъ противъ 12 пѣх. дивизіи для совмѣстныхъ дѣйствій противъ нея съ гарнизономъ Руцуба, припереть ее къ Дунаю, а съ главными силами Мехметъ-Али могъ предупредить 13-й корпусъ въ Бѣлѣ. На пути наступленія въ Бѣлѣ пока не было ни одной части; а въ Бѣлѣ—части войскъ, отступившихъ изъ Кацелева.

Его Высочество приказалъ выслать эскадронъ, находившійся въ конвоѣ, къ Широко для провѣрки свѣдѣній о наступленіи противника, и, независимо отъ сего, было послано приказаніе войскамъ 13-го корпуса спѣшить въ Копровицѣ. 26-го утромъ разъяснилось, что турки оставались спокойно на позиціи противъ Аблавы, и въ Широко показывались лишь небольшіе разѣзды черкесовъ, которые и были приняты нашими казаками за главные силы турокъ; авангардъ 13-го корпуса подходилъ къ Копровицѣ; генераль Дризень къ 6-ти часамъ утра уже находился въ 7 верстахъ позади Аблавы и продолжалъ безпрепятственно свое отступление; 12 пѣх. дивизія заняла назначенную ей позицію. Турки не тревожили войска лѣваго фланга и центра, а арьергардъ 13-го корпуса имѣлъ стычки лишь съ насѣдавшими черкесами ¹⁾. Такимъ образомъ войска благополучно отступали и окончательно весь отрядъ сосредоточился на указанныхъ позиціяхъ 29-го августа. Наслѣдникъ Цесаревичъ поставилъ цѣлью отряду: оборону по линіи Баницваго Лома, чтобы воспрепятствовать непріятелю переправиться между Пепелене (Пепелина) и Копровицею и не дать ему утвердиться на лѣвомъ берегу этой рѣки. По новой дислокаціи, войска отряда развернулись пофронту на 35 верстъ. Такимъ образомъ совершенно было одно изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ передвиженій войскъ Руцубскаго отряда. По сосредоточеніи отряда, онъ былъ усиленъ главнокомандующимъ 26 пѣх. дивизією и 2 Донской казачьєю дивизією.

¹⁾ Г. Ташке говоритъ, что, когда русскіе, 27-го августа рано утромъ, намѣревались очистить Попкію, Салихъ-паша поспѣшилъ къ пр. Гассану (командовавшему южною армією), чтобы получить позволеніе начать тотчасъ же атаку; но послѣдній, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность, хотѣлъ посоветываться со своимъ штабомъ. Послѣ продолжительныхъ конскіихъ совѣщаній штабъ былъ найденъ на вершинѣ Сахаръ-Тепе (Эшекдюю), причѣмъ штабные выражали свою радость о выступленіи русскихъ войскъ тѣмъ, что положили длинную доску на срубъ дерева и, сидя на ней верхомъ, стали на ней качаться; на предложеніе же начать атаку противъ Попкіи они возражали, что это предпріятіе слишкомъ опасно.

Для выполненія цѣли, поставленной Цесаревичемъ отряду, — двѣ дивизіи (1-я и 33-я) были расположены на высотахъ лѣваго берега Баницкаго Лома, между Батинцею (Батинница) и Баничкою (Банница); одна дивизія (12-я) на позиціи Трестеникъ-Домогила (Трастеникъ—Двѣ-могили), прикрывая подступы къ Бѣлѣ со стороны Рущука; вновь прибывшая 26-я дивизія, къ 8-му сентября, сосредоточилась у Копровицы, составляя правый флангъ войскъ, назначенныхъ для обороны по линіи Баницкаго Лома, и въ то-же время служила звеномъ, связывавшимъ войска рущукскаго отряда съ тырновскимъ, котораго 6 батал., 8 эскадр. и 22 оруд., подъ начальствомъ генерала Татищева, занимали Чаиркюй (Чаиръ-кюй, южняе Копровицы въ 10 верстахъ), а прочія войска 11-го корпуса оставались на османъ-базарской дорогѣ у Кесарово (около 18-ти верстъ отъ Чаиркюя).

Командиръ 11-го корпуса, князь Шаховской, телеграфировалъ Наслѣднику Цесаревичу 31-го августа, что всѣ инструкціи имъ даны генералу Татищеву для совмѣстнаго дѣйствія съ 26-ю дивизіею и вообще съ войсками рущукскаго отряда. На позиціи у Чаиркюя онъ предполагалъ, въ случаѣ наступленія турокъ, ихъ задержать „во что-бы то ни стало“.

Всѣ позиціи рущукскаго отряда были сильно укрѣплены, продольныя дороги между позиціями исправлены и поставлены указатели дорогъ; въ Бѣлѣ сосредоточены боевые и продовольственные запасы для войскъ отряда и позиція у Бѣлы укрѣплена, по обѣимъ сторонамъ р. Янтры, на два корпуса. Для подвоза продовольствія и вообще для сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Дуная, приступили къ постройкѣ моста у Батина (въ тылу лѣваго фланга позиціи 12 пѣх. дивизіи и въ 10 верстахъ ниже устья Янтры), а пока здѣсь былъ устроенъ паромъ. Эта переправа прикрывалась особымъ отрядомъ отъ войскъ 12-й пѣх. дивизіи.

Такимъ образомъ рущукскій отрядъ, который былъ вынужденъ, ходомъ событій и распоряженіями полеваго штаба, въ началѣ кампаніи, выдвинуться далеко во внутрь непріятельской страны и стать лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ противникомъ, на крайне растаянутыхъ позиціяхъ, безъ всякой надежды на поддержку и подвергнутый участи быть разбитымъ по частямъ, — смѣлою рукою августѣйшаго своего начальника былъ быстро вырванъ изъ-подъ нанесеннаго на него удара въ самый крити-

ческий для него моментъ, когда непріятель собирался уже торжествовать свою побѣду. Сосредоточенныя за Баницкимъ Ломомъ войска отряда могли рассчитывать на поддержку сосѣднихъ частей и исчезала опасность быть разбитыми по частямъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ по превосходству въ силахъ, такъ и по благоприятному стратегическому положенію,—перевѣсъ оставался все-таки на сторонѣ противника; положеніе русской арміи, по прежнему, до прихода подкрѣплений, оставалось весьма рискованнымъ и одно сраженіе, выигранное Мехметомъ - Али на восточномъ фронтѣ, могло оказать рѣшающее вліяніе на всю кампанію. Великій князь главнокомандующій, сознавая это положеніе, телеграфировалъ Наслѣднику Цесаревичу 26-го августа:

„Въ виду дѣла подъ Плевною и войскъ, занимающихъ Тырново, Шипку, Ханкойю, необходимо Тебѣ держаться съ Твоимъ отрядомъ до послѣдней крайности, иначе Богъ знаетъ что можетъ выйти. Сохрани Васъ Богъ отступать за Янтру“.

Мехметъ - Али, послѣ неудачной попытки прорыва центра расположенія рущукскаго отряда, рѣшается произвести наступленіе противъ крайняго его праваго фланга и бить насъ въ самую слабую часть нашей оборонительной линіи—въ интервалъ между войсками Рущукскаго и Тырновскаго отрядовъ, и затѣмъ, дѣйствуя на сообщеніе Бѣлы и Тырнова, заставитъ русскія войска очистить эти пункты и отойти къ Систову. Понятно, что если бы этотъ планъ удался Мехмету-Али, то судьба кампаніи окончательно была бы рѣшена въ пользу турокъ!

Для достиженія своей цѣли, Мехметъ-Али приказалъ Разградской и Джумской арміямъ выступить, 31-го августа, съ занимаемыхъ ими позицій на Кара-Ломѣ, и произвести наступленіе къ Баницкому-Лому правымъ флангомъ къ Синанкюю (Сенанъ-кюю), а лѣвымъ къ р. Кадивюю (притокъ р. Янтры).

Съ сосредоточеніемъ обѣихъ армій, послѣ нѣкоторыхъ частныхъ перемѣнъ въ ея организаціи, силы турецкихъ войскъ, предназначенныхъ для наступленія къ Баницкому Лому, были доведены до 95 баталіоновъ ¹⁾; 20 баталіоновъ оставались еще при

¹⁾ Разградская армія Ахмедъ-Эюба состояла изъ четырехъ дивизій (Азафа, Неджиба, Фуада и Сабита), всего 55 баталіоновъ. Джумская армія принца Гассана состояла изъ двухъ дивизій (Салиха и Изманла), всего 31 батал., и 9 баталіоновъ, прибывшихъ изъ Сухумъ-Кале. Дѣйствіями джумской арміи распоряжался лично Мехметъ-Али.

этомъ въ Русчукѣ и на нижнемъ Ломѣ для демонстрацій противъ 12 пѣхотной дивизіи, угрожая нашей переправѣ у Батина; а 13 баталіоновъ на лѣвомъ флангѣ, на османъ-базарской дорогѣ, для удержанія частей 11-го корпуса и прикрытія праваго фланга турецкой арміи. Сулейману предлагалось поддержать наступленіе Мехмета-Али движеніемъ на Елену.

Что могъ противопоставить этимъ 128 непріятельскимъ баталіонамъ Русчукскій отрядъ?

На Баницѣомъ-Ломѣ, между Батинцею (Батинница) и Чаиркіоємъ (33, 1 и 26 дивизіи и отрядъ генерала Татищева), было 42 баталіона на лѣвомъ флангѣ, между Янтрой и нижнимъ Ломомъ—12 баталіоновъ; въ резервѣ за этими войсками 12 баталіоновъ; на османъ-базарской дорогѣ у Кесарово и Джулины (Джулюница) 12 батал. Слѣдовательно, противъ 95 баталіоновъ, которые Мехметъ-Али имѣлъ въ виду сосредоточить на Баницѣомъ Ломѣ, мы имѣли 42 баталіона, расположенныхъ на позиціяхъ по рѣкѣ, на протяженіи 25 верстъ, съ резервомъ въ 12 баталіоновъ.

Мехмету-Али, благодаря интригамъ противъ него подчиненныхъ ему пашей, и на этотъ разъ не удалось выполнить планъ, который, какъ видно, вполне отвѣчалъ обстановкѣ. Ахмедъ-Эюбъ, также какъ и Сулейманъ, желая играть выдающуюся роль и недовольный своимъ подчиненіемъ Мехмету-Али, всякими средствами старался помѣшать его распоряженіямъ и, въ данномъ случаѣ, оказалъ столько противодѣйствія плану главнокомандующаго, что соответствующія ему распоряженія никогда не были вполне приведены въ исполненіе. Благодаря этому, вмѣсто 95 баталіоновъ, которые имѣлъ въ виду сосредоточить Мехметъ-Али для производства рѣшительнаго удара, 8 сентября, на Баницѣомъ Ломѣ, оказалось всего 66 баталіоновъ, расположенныхъ въ трехъ группахъ на протяженіи 20 верстъ, изъ коихъ, непосредственно, онъ могъ распоряжаться 40 баталіонами ¹⁾: въ Синанкіюфъ (Сенанъ-кьой), на правомъ флангѣ 13 баталіоновъ, противъ которыхъ у насъ въ

¹⁾ Мехметъ-Али требовалъ отъ Ахмедъ-Эюба откомандировать въ южную армію дивизію Сабита (13 баталіоновъ). Ахмедъ-Эюбъ не имѣлъ ничего противъ передачи этой дивизіи въ южную армію, но считалъ безусловно необходимымъ, чтобы она въ атакѣ съ войсками южной арміи участія не принимала, а оставалась позади для прикрытія лѣваго фланга Разгъ адской арміи; онъ грозилъ отойти съ своею арміею за Кара-Ломъ, если желаніе его не будетъ исполнено.

Банничкѣ (Банница) сосредоточены были 9 баталіоновъ, въ Батинцѣ (Батинница) 12 баталіоновъ и 9 баталіоновъ въ резервѣ, въ 7—8 верстахъ позади, т. е. всего 30 баталіоновъ.

Въ Осиковѣ, въ центрѣ, 13 баталіоновъ противъ 12 русскихъ баталіоновъ у Копровицы.

На позиціи между Водицею и Кылычларомъ, на лѣвомъ флангѣ, 40 баталіоновъ противъ 12 русскихъ баталіоновъ на позиціи у Чаиркюя. 31-го августа, 2-го и 3-го сентября отъ войскъ Рущукскаго отряда были произведены рекогносцировки отрядами изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Онѣ выяснили наступленіе непріятеля и массивованіе его противъ Церковны и Чаиркюя. Въ виду сего, Чаиркюйскій отрядъ былъ усиленъ до 12 баталіоновъ и столько же баталіоновъ было сосредоточено въ Копровицѣ.

Въ такомъ положеніи Мехметъ-Али рѣшается 9-го сентября атаковать нашу позицію у Чаиркюя; его цѣль—разбить отрядъ генерала Татищева и продолжать свое наступленіе на сообщеніе нашихъ войскъ между Бѣлою и Тырновымъ. Время для наступательныхъ операцій признавалось весьма благопріятнымъ: новая неудача русскихъ подъ Плевною 30-го и, какъ полагалъ Мехметъ-Али, деморализація войскъ Рущукскаго отряда.

Не взирая даже на интриги Ахмеда-Эюба, силы Мехметъ-Али, въ день сраженія, почти въ четверо превосходили нашъ отрядъ на позиціи у Чаиркюя; со стороны турокъ 40 баталіоновъ, 28 эскадроновъ, 84 орудія; у генерала Татищева: 12 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 46 орудій.

Мехметъ-Али имѣлъ непосредственно въ резервѣ 13 баталіоновъ дивизіи Сабита; генераль Татищевъ могъ быть поддержанъ 12 баталіонами изъ Копровицы.

По диспозиціи Мехмета-Али дивизія Измаила (15 баталіоновъ) должна была атаковать правый флангъ нашей позиціи, дивизія Салиха (16 баталіоновъ) демонстрировать частью противъ центра, частью противъ лѣваго фланга позиціи, въ резервѣ оставалось 9 баталіоновъ, прибывшихъ изъ Сухумъ - Кале, и ожидалось 13 баталіоновъ Сабита изъ Осикова; но Сабитъ, какъ сказано, вопреки диспозиціи, остался позади, вслѣдствіе чего Мехметъ-Али нашелъ нужнымъ выдѣлить изъ дивизіи Салиха 10 баталіоновъ въ резервъ, а на демонстрацію со стороны лѣваго фланга и центра назначилъ всего по три баталіона. Выполненіе

боя было рядомъ послѣдовательныхъ ошибокъ со стороны турокъ; а главная ошибка заключалась въ томъ, что дѣйствія демонстрирующихъ войскъ открылись на три четверти часа позже, чѣмъ дѣйствія Измаила на главномъ пунктѣ, что дало возможность генералу Татищеву усилить войска праваго фланга и отбить рѣшительную атаку; дивизія Измаила не успѣла ввести въ дѣло большую часть своихъ баталіоновъ, такъ какъ неудачи переднихъ баталіоновъ распространили панику въ прочихъ баталіонахъ, не введенныхъ въ дѣло, и вся дивизія отступила въ безпорядкѣ. На лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ порѣшило нашъ успѣхъ прибытіе изъ Копровицы двухъ батал. 102-го Вятскаго полка, который былъ назначенъ на смѣну 1-го Невскаго полка.

Такимъ образомъ, судя по турецкимъ источникамъ, изъ 40 баталіоновъ, принимали, со стороны турокъ, участіе въ дѣлѣ всего девять баталіоновъ, т. е. въ рѣшительную минуту турки оказались слабѣ русскихъ. 31 турецкій баталіонъ остались не введеннымъ въ дѣло, а 13 баталіоновъ Сабита—далеко позади. Наши потери простирались до 501 человекъ; у турокъ до 1500 человекъ.

Неудачная атака разстроила весь планъ Мехмета-Али. Возобновить атаку онъ считалъ бесполезнымъ, такъ какъ на содѣйствіе Ахмеда-Эюба онъ окончательно потерялъ всякую надежду: Ахмедъ заявилъ, что желаетъ отступить съ своими войсками за Кара-Ломъ. Слѣдовательно, подъ рукой у Мехмета-Али оставались все тѣ-же двѣ дивизіи, теперь крайне деморализованныя неудачею; съ другой стороны, можно было ожидать, что къ Чаиркіюю подойдутъ подкрѣпленія, и тогда всѣ выгоды, Мехметъ-Али полагалъ, перейдутъ на сторону русскихъ. Дѣйствительно, въ ожиданіи повторенія боя у Чаиркіюя, распоряженіями штаба Рущукскаго отряда и по инициативѣ генерала Эррота ¹⁾, начальника южнаго отряда 11-го корпуса, войска на чаиркіюйской позиціи могли быть усилены до 27 баталіоновъ, 24 эскадроновъ и 108 орудій; независимо отъ сего, отрядный резервъ,

¹⁾ Противъ войскъ генерала Эррота на османъ-базарской дорогѣ турки не демонстрировали, такъ какъ, по словамъ Бекера: „по обыкновенной забывчивости штаба, османъ-базарскому отряду не было послано приказаніе о наступленіи отъ Яйлы на высоты Кесарова“. Baker. War in Bulgaria, vol. I, p. 210. М. С.

изъ 9-ти баталіоновъ, былъ передвинуть болѣе къ югу и, находясь въ пяти верстахъ отъ Копровицы, могъ освободить, въ случаѣ надобности, войска, расположенныя на этой позиціи, для подрѣпленія еще нѣсколькими полками чаиркюйскаго отряда.

Вслѣдствіе всего этого, Мехметъ-Али рѣшился отступить за Кара-Ломъ. Отступление турокъ, по описаніямъ Бекера, имѣло видъ полнаго бѣгства вслѣдствіе паники, распространившейся отъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ ¹⁾. Наша кавалерія захватила, по отступленіи турокъ, значительные запасы продовольствія и телеграфнаго матеріала; палатки и шалаши турки сжигали.

Такъ какъ изъ Константинополя не переставали требовать отъ Мехмета-Али наступательныхъ дѣйствій, то Мехметъ-Али рѣшилъ сосредоточить армію Ахмедъ-Эюба у Кадыкюя (Кады-кюй), противъ расположенія 12-й пѣхотн. дивизіи; южную армію сосредоточить на позиціи у Сарнасуфлара и произвести атаку на лѣвый флангъ Русуевскаго отряда. Во исполненіе этого плана, къ 21 сентября три дивизіи разградской арміи были сосредоточены у Кадыкюя и одна дивизія Сабита у Соленика (Сваленикъ). На разсвѣтъ 21-го, войска изъ Кадыкюя должны были, переправившись черезъ Ломъ у Ювана-Чифтлика (Иваново-Чифликъ), атаковать 12-й корпусъ. Всѣ пріготовленія были сдѣланы, войска стояли подъ ружьемъ, — какъ была получена депеша изъ Константинополя, извѣщающая о смѣщеніи Мехмета-Али и о назначеніи на его мѣсто Сулеймана. Мехметъ-Али отказалъ диспозиціи и тотчасъ же уѣхалъ изъ Кадыкюя для слѣдованія въ Константинополь.

Нельзя не признать, что Мехметъ-Али обладалъ военными способностями. Всѣ его планы вполне соответствовали обстановкѣ: когда Русуевскій отрядъ, растанувшись на 80 верстъ, обезсилилъ свой центръ, — Мехметъ-Али сосредоточиваетъ именно противъ наиболѣе слабаго пункта русскихъ, центра, свои войска, съ цѣлью прорвать расположеніе Русуевскаго отряда, разобщить его войска и, наступленіемъ на Бѣлу, поставить русскую армію въ критическое положеніе. Когда этотъ планъ ему не удается, — Русуевскій отрядъ отражаетъ ударъ въ центръ и отступаетъ, сосредоточившись за Баницкимъ Ломомъ, —

¹⁾ Baker. War in Bulgaria, vol. I, pp. 226—234.

Мехметъ-Али выбираетъ точкою удара вновь наиболѣе чувствительное мѣсто на восточномъ фронтѣ русскихъ войскъ — интервалъ между отрядами Рущувскимъ и Тырновскимъ. Эта попытка также не удается; тогда Мехметъ-Али, предполагая, что русскіе стянули къ югу, на подкрѣпленіе ген. Татищева, свои войска, ослабивъ черезъ то свой лѣвый флангъ,—переноситъ ударъ противъ 12-й пѣхотной дивизіи. Итакъ, соображенія вѣрны — исполненіе неудачно. Это послѣднее находится въ прямой зависимости, по свидѣтельству очевидцевъ-иностранцевъ, отъ распушенности турецкихъ порядковъ, отъ крайней неспособности большинства подчиненныхъ Мехмету-Али пашей и, наконецъ, главнымъ образомъ, что уже высказывалось нами, отъ интригъ, которыя велись противъ него какъ въ Константинополѣ, такъ и въ арміи, и которыя парализовали самыя лучшія его распоряженія. У Мехмета-Али не хватало энергіи и характера поборотъ эти интриги.

Передвиженіе турокъ къ сѣверу и сосредоточеніе ихъ у Кадыкіюа были обнаружены двумя рекогносцировками начальника штаба Рущувскаго отряда генерала Ванновскаго, съ офицерами генеральнаго штаба, 18-го и 20-го сентября.

20-го ясно было замѣчено движеніе колоннъ къ Кадыкіюу и расположеніе ихъ у послѣдняго лагеремъ. Въ виду этого 12-й корпусъ былъ сосредоточенъ на позиціи у Трестеника (Трастеникъ), выставивъ отрядъ къ Дунаю, у Мечки, для прикрытія переправы и 5 баталіоновъ, въ 5 верстахъ, на позиціи у Домогилы (Двѣ-могили), какъ фланговой. Войска 13-го корпуса, усиленные 1-й бригадой 32 пѣх. дивизіи, вошедшей въ составъ войскъ Рущувскаго отряда, продолжали занимать позиціи по Баницеому Лому, отъ Батинцы (Батинницы) до Копровицы, выставивъ авангарды на правомъ берегу рѣки и передовой отрядъ изъ 6 баталіоновъ, 7 сотенъ, 24 орудій, въ Табачкѣ, на Кара-Ломѣ, въ 7 верстахъ къ востоку отъ Домогилы. 26-я дивизія вышла изъ состава Рущувскаго отряда и была подчинена командиру 11-го корпуса. Она была расположена въ Чаиркіюѣ съ цѣлью служить связью между Рущувскимъ отрядомъ и войсками 11-го корпуса, сосредоточившимися на османъ-базарской дорогѣ для прикрытія Тырнова.

Такимъ образомъ, въ случаѣ наступленія турокъ изъ Кады-

віоя на Бѣлу, съ фронта могли, у Трестеника, встрѣтить его 18 баталіоновъ, 84 орудія, 23 эскадрона и сотень ¹⁾).

Эти войска могли быть поддержаны отрядами, расположенными на флангѣ въ Домогилѣ и Табачкѣ (до трестенинской позиціи въ 5 и 7 верстахъ), т. е. 11 баталіонами, 48 орудіями и 13 сотнями, и независимо отъ сего 6 баталіонами, 24 орудіями и 6 сотнями изъ отряднаго резерва (15 верстъ по шоссе). Слѣдовательно, всего можно было выставить на лѣвомъ флангѣ, въ случаѣ атаки турокъ, 35 баталіоновъ, 156 орудій и 42 эскадрона и сотень, не оголяя при этомъ позиціи по Баницкому Лому, гдѣ для охраненія переправъ черезъ рѣку отъ Батинцы (Батинница) до Копровицы оставались еще 18 баталіоновъ, 82 орудія, 23 сотни эскадрона, которые съ праваго фланга прикрывались 12 баталіонами, 54 орудіями и 8 эскадронами чаиркюйскаго отряда.

У турокъ, въ Кадыкюѣ, по показаніямъ Сулеймана - паши, были сосредоточены 46 баталіоновъ, которые могли быть поддержаны 20-ю баталіонами изъ Рущука и 14-ю баталіонами изъ Соленика (Сваленикъ); наконецъ, въ Джумской арміи онъ считалъ всего 20 (?) баталіоновъ и 13 баталіоновъ на османъ-базарской дорогѣ ²⁾).

Назначеніе Сулеймана-паши было вызвано желаніемъ турецкаго правительства замѣнить Мехмета - Али болѣе энергичнымъ главнокомандующимъ. Зная рѣшительный образъ дѣйствій Сулеймана, его ожесточенныя атаки шипкинскихъ позицій, въ которыхъ онъ не жалѣлъ людей, въ Рущувскомъ отрядѣ, со дня на день, стали ожидать атаки.

Между тѣмъ, съ назначенія Сулеймана и до 14-го ноября, дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничивались лишь рядомъ рекогносцировокъ.

Сулейманъ изъ рѣшительнаго, энергичнаго подъ Шипкою, обращается въ пассивнаго, нерѣшительнаго на Ломѣ. Изъ процесса Сулеймана мы узнаемъ, что, съ назначеніемъ его главнокомандующимъ, онъ старается подъ разными предлогами откладывать наступленіе: то дожди и распутица мѣшаютъ наступательнымъ дѣйствіямъ, то недостатокъ продовольствія въ войскахъ,

¹⁾ 1 баталіонъ и 1 сотня были въ конвоѣ у Наслѣдника Цесаревича.

²⁾ Procés de Suleiman Pacha. Т. III, р. 6.

и, наконецъ, свѣдѣнія объ усиленіи отрядовъ Цесаревича и генерала Циммермана приводятъ его къ заключенію о необходимости отказаться вовсе отъ наступленія и принять оборонительный образъ дѣйствій до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ подъ Плевною и Шипкою. Эта пассивность въ дѣйствіяхъ Сулеймана дала возможность нашимъ войскамъ подъ Плевной спокойно выждать прибытія гвардіи и другихъ подкрѣпленій; войскамъ генерала Радецкаго быть спокойнымъ за свой тылъ, а войскамъ Руссукскаго отряда укрѣпиться на своихъ новыхъ позиціяхъ и приготовиться къ отпору въ случаѣ наступленія противника. Общій характеръ дѣйствій на Ломѣ за все время до ноября заключался: со стороны турокъ въ рядѣ рекогносцировокъ въ направленіи позицій 12-го корпуса, съ нашей стороны—въ наступленіи небольшими отрядами, какъ для отраженія непріятельскихъ рекогносцировокъ, такъ и для произведенія таковыхъ же, преимущественно въ направленіи на Кадыкюй.

Одна изъ рекогносцировокъ непріятеля на Трестеникъ, 3-го октября, совпала съ объѣздомъ Наслѣдника Цесаревича позицій 12-го корпуса. По переходѣ Лома, турки раздѣлились на три отряда, изъ коихъ одинъ направился на Пиргосъ (въ 3-хъ верстахъ впереди лѣваго фланга позицій 12-го корпуса), Ханъ-Гюль-Чесме (Гюръ-Чешме, въ 5-ти верстахъ отъ праваго фланга позиціи) и изъ Юванъ-Чифтлика (Иваново-Чифлика, на Ломѣ, въ 10-ти верстахъ отъ праваго фланга позиціи) на Трестеникъ. Всѣ три отряда были встрѣчены передовыми частями 12-го корпуса и артиллерійскій огонь вынудилъ турокъ прекратить дальнѣйшее наступленіе. Объѣздъ Государемъ Наслѣдникомъ позицій, совпавшій случайно съ этими рекогносцировками, былъ весьма эффектенъ: въ то время, какъ турки подходили къ нашимъ позиціямъ,—вдоль фронта послѣднихъ развѣвалось знамя Цесаревича; солдаты, выстроенные на бивакѣ, громкимъ, восторженнымъ „ура“ привѣтствовали своего августѣйшаго начальника, а вторя имъ, батарея на передовой позиціи мѣткимъ огнемъ громила непріятеля, наступавшаго изъ Юванъ-Чифтлика и заставила его, въ безпорядкѣ, броситься назадъ къ Лому.

М. П. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЯ СТРОФЫ ЕГО РОМАНА

„Евгеній Онѣгинъ“.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОНѢГИНА.

1827—1830.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕВГЕНІЯ ОНЪГИНА.

Вновь открытыя строфы романа

А. О. ПУШКИНА.

Въ черновыхъ бумагахъ Пушкина находился листокъ съ означеніемъ времени написанія каждой главы Евгенія Онъгина. Объ VIII-й главѣ, которая выпущена поэтомъ изъ романа и изъ которой онъ одновременно (въ 1827 и 1830 годахъ) напечаталъ нѣсколько отрывковъ, имѣлась слѣдующая замѣтка: „VIII пѣснь. Странствіе. Москва. Павл. Болдино. 1829“.

П. В. Анненковъ по нѣкоторымъ признакамъ, впрочемъ, имъ не указаннымъ, полагалъ, что, не смотря на увѣренія самого автора и даже на этотъ листокъ, „собственно отдѣльнаго описанія Странствій Онъгина въ полномъ, оконченномъ видѣ не существовало“ ¹⁾. Но это предположеніе едва ли вѣрно.

Въ письмѣ Пушкина къ П. А. Плетневу, отъ 9-го декабря 1830 года, изъ Москвы, по возвращеніи изъ Болдина, находится слѣдующее мѣсто: „Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онъгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя къ печати...“ ²⁾. Слѣдовательно, VIII глава Евгенія Онъгина существовала въ оконченномъ видѣ, такъ какъ была приготовлена къ печати. На это же указываетъ и слѣдующее мѣсто изъ предисловія къ двумъ послѣднимъ главамъ (VIII и IX) Евгенія Онъгина, которое было написано 21 ноябра 1830 года

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова, т. I (Спб., 1855), „Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина“, стр. 338.

²⁾ Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, изд. подъ редакціею академика Я. К. Грота, т. III (Спб., 1885), стр. 358.

въ Болдинѣ и осталось въ бумагахъ Пушкина по случаю уничтоженія восьмой главы: „Какъ бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одною римскою цифрою, но побоялся критики, къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны“¹⁾.

При выпускѣ въ свѣтъ въ 1832 году VIII главы, которая въ общемъ планѣ романа долженствовала быть девятою, Пушкинъ сопровождалъ ее слѣдующею замѣткою:

„Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но во избѣжаніе соблазна рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
Я девять пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ —
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.».

Это же самое было повторено Пушкинымъ при Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина, помѣщенныхъ въ первомъ полномъ изданіи Евгенія Онѣгина, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1833 году, съ прибавленіемъ еще слѣдующихъ строкъ:

„П. А. Катенинъ (воему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ, т. V (Спб., 1887 г.), стр. 131.

Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ.—Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ“.

Слѣдовавшіе за симъ отрывки составляютъ въ печатаемомъ нынѣ Путешествіи Евгенія Онъгина стихи 72—84, 113—152 и 163—365.

Ранѣе этого Пушкинъ, какъ самъ замѣтилъ, напечаталъ два отрывка изъ VIII-й главы Евгенія Онъгина. Первый отрывокъ былъ помѣщенъ въ № VI-мъ „Московского Вѣстника“ 1827 г., подъ заглавіемъ: „Одесса. (Изъ седьмой главы Евгенія Онъгина)“, съ раздѣленіемъ его на 14 строфъ, изъ которыхъ 3-я, 4-я и 5-я пропущены. Онъ занимаетъ въ нашемъ изданіи стихи 225—354.

Второй отрывокъ появился въ первомъ номерѣ „Литературной газеты“ 1830 года, гдѣ онъ озаглавленъ: „Отрывокъ изъ VIII главы Евгенія Онъгина“ (составляетъ стихи 169—221 ¹⁾ нашего изданія).

П. В. Анненковъ, разбиравшій черновыя бумаги Пушкина для своего изданія, извлекъ изъ нихъ два отрывка, относящіеся къ Путешествію Онъгина, одинъ въ четыре, а другой въ четырнадцать строкъ (нашего изданія стихи 57—60 въ нѣсколько другой редакціи и 383—396 съ пропусками вслѣдствіе цензурныхъ условій того времени) ²⁾.

Затѣмъ В. Е. Якушкинъ, разсматривавшій черновыя тетради Пушкина, принесенныя въ даръ Румянцовскому музею его сыномъ, А. А. Пушкинымъ, составилъ имъ обстоятельную опись, напечатанную въ „Русской Старинѣ“ 1884 года, т. т. XLI—XLIV. Въ этой описи помѣщены имъ разобранные, дотолѣ неизвѣстные, наброски и стихотворенія Пушкина, и въ томъ числѣ нѣсколько

¹⁾ Съ пропускомъ 221-го стиха:

„Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ“.

²⁾ Сочиненія Пушкина, т. 1 (Спб., 1855), стр. 338 и 339.

мѣсть изъ Путешествія Онѣгина. Эти мѣста, частью съ пропусками, соотвѣтствуютъ въ нашемъ изданіи стихамъ: 15—34, 43—64, 65—70, 71—74, 85—98, 141—144, 155—158 и 159—160.

Къ этимъ отрывкамъ В. Е. Якушкинъ въ 1887 году прибавилъ нѣсколько новыхъ въ отдѣльномъ изданіи Евгенія Онѣгина, напечатанномъ отъ Общества любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ. Эти добавленія указаны въ вариантахъ нашего изданія.

Въ восьмомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина, вышедшемъ подъ редакціей П. А. Ефремова, находится три отрывка изъ Путешествія Онѣгина, заимствованные изъ черновыхъ тетрадей поэта; они соотвѣтствуютъ стихамъ нашего изданія: 15—27, 57—60 и 383—396.

П. О. Морозовъ, редакторъ сочиненій Пушкина, изданныхъ „Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, повторилъ всѣ отрывки, которые были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ „Русской Старинѣ“, кромѣ одного, соотвѣтствующаго 85—98 стихамъ нашего изданія, и сверхъ того присоединилъ къ нимъ 14-ти строчный отрывокъ, находящійся въ изданіи Анненкова (нашего изданія стихи 383—396).

Л. И. Поливановъ въ изданныхъ имъ Сочиненіяхъ А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзыовъ критики перепечаталъ (т. IV, Москва, 1887, стр. 279—280) изъ изданія В. Е. Якушкина помѣщенные тамъ всѣ черновые наброски изъ Путешествія Онѣгина.

Въ черновой рукописи Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2382, Путешествіе Онѣгина начинается непосредственно послѣ XII строфы нынѣшней VIII главы, что весьма естественно и по ходу разсказа. Къ сожалѣнію, въ этой рукописи мы имѣемъ только часть набросковъ этого путешествія¹⁾.

Въ моихъ рукахъ находится собственноручная тетрадь Пушкина, состоящая изъ восьми листковъ въ четвертую долю и

¹⁾ Мы имѣли возможность пользоваться этою черною рукописью (№ 2382). Но черновой рукописи поэта, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2370, въ которой находится первоначальная редакція стиховъ 225—364 нашего изданія, мы не имѣли у себя подъ руками, а потому указываемъ изъ нея лишь тѣ разнорѣчія, которыя приведены В. Е. Якушкинымъ въ „Русской Старинѣ“ и въ отдѣльномъ изданіи „Евгенія Онѣгина“. А. В.

содержащая въ себѣ отрывки изъ Путешествія Онѣгина, частію въ отдѣланной, частію еще въ черновой редакціи ¹⁾).

Шесть изъ этихъ листовъ, довольно четко написанныхъ, съ небольшими поправками, перенумерованы, какъ и всѣ бумаги, оставшіяся послѣ смерти Пушкина, красными чернилами (л.л. 57 — 62), что даетъ поводъ предполагать, не принадлежали ли они къ той тетради, привезенной поэтомъ изъ Болдина, о которой онъ говоритъ въ письмѣ къ Плетневу и утрата которой составляетъ невознаградимую потерю для литературы. Предположеніе это подтверждается еще и тѣмъ, что листокъ, гдѣ находятся стихи:

«Прекрасны вы, берега Тавриды»,

и слѣдующіе, имѣетъ на полѣ страницы приписку руки Пушкина: „Пришлите мнѣ назадъ листикъ этотъ“; сверху этой приписки другою рукою написано: „Отрывокъ изъ Евг. Онѣг. глава VIII“. Значитъ, листокъ этотъ былъ выдѣленъ изъ тетради и препровожденъ въ редакцію „Литературной газеты“, для напечатанія въ ней отрывка.

Текстъ стиховъ, находящихся въ печатаемой тетради, сличенъ съ текстомъ тѣхъ же стиховъ, сохранившихся въ черновой рукописи Пушкина, если таковыя въ ней имѣются. Заимствованные изъ нея варианты, помѣщенные внизу страницъ, означены буквою *М* (Музей Румян.). Первоначальная редакція стиховъ, находящаяся въ печатаемой тетради, приведена также внизу страницъ и означена буквою *П*. Отрывки изъ Путешествія, напечатанные самимъ Пушкинымъ, введены въ текстъ нашего изданія безъ всякихъ измѣненій ²⁾, но съ указаніемъ внизу страницъ разнорѣчій, представляемыхъ тетрадю *П* и рукописью *М*.

Такимъ образомъ, какъ кажется, удалось возстановить въ цѣломъ видѣ исключенную поэтомъ главу романа.

Путешествію Онѣгина предпослана, какъ служащая вступленіемъ къ нему, XII-я строфа нынѣшней VIII-й главы Евгенія Онѣгина, но въ той редакціи, которая находится въ черновой рукописи.

¹⁾ Въ отдѣланной редакціи стихи: 15—225, 365—382 и 397—410 нашего изданія, а въ черновой редакціи стихи 187—210.

²⁾ Сдѣлано единственное исключеніе для образованія строфы; см. стихи 153—158 и примѣчаніе къ нимъ.

Кромѣ нѣсколькихъ новыхъ картинъ и стиховъ, за которые несомнѣнно будутъ благодарны почитатели Пушкина, и восстановления правильнаго чтенія стиховъ, невѣрно прочтенныхъ или вовсе не разобранныхъ издателями, пользовавшимися черновою рукописью поэта, печатаемый нами текстъ Путешествія Онѣгина разрѣшаетъ разныя предположенія П. В. Анненкова, который въ своихъ „Матеріалахъ къ біографіи Пушкина“, сообщая о трудности разбора черновыхъ рукописей Пушкина, дающихъ нерѣдко только нѣсколько словъ и обломковъ стиховъ, не вязущихся между собою, говоритъ далѣе: „Одно только мѣсто эпизода успѣли мы разобрать въ рукописи, но оно особенно замѣчательно. Судя по этому мѣсту ¹⁾, Онѣгинъ долженъ былъ встрѣтиться съ самимъ Пушкинымъ въ Одессѣ! Извѣстно, что выдержки изъ пропущенной главы кончаются у Пушкина стихомъ:

И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ...

Послѣ этого стиха начиналось у него описаніе встрѣчи съ Онѣгинымъ. Нельзя не пожалѣть, — замѣчаетъ Анненковъ, — о потерѣ этого описанія. Тутъ должны мы были видѣть бесѣды героя романа съ своимъ лѣтописцемъ, тутъ должны они были сойтись на короткой ногѣ. Пушкинъ зналъ Онѣгина еще въ Петербургѣ. Вторая встрѣча послѣ довольно долгой разлуки, вѣроятно, много измѣнила взглядъ историка на главное дѣйствующее лицо романа и на нравственную фізіономію его. Не развиваемъ далѣе предположеній нашихъ. Въ какомъ видѣ, въ какомъ душевномъ состояніи нашелъ Пушкинъ утомленнаго и уже старѣющагося Онѣгина въ Одессѣ — остается неизвѣстнымъ и вѣроятно такъ и останется навсегда“ ²⁾.

А. Э. Вычговъ.

¹⁾ Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ....
²⁾ Сочиненія Пушкина, т. I (Спб., 1855), стр. 338—339.

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЪГИНА.

1. Предметомъ ставъ суждений шумныхъ,
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
5. Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онъгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
10. До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ ¹⁾.

* *
*

¹⁾ Эти четырнадцать стиховъ взяты, какъ сказано выше, изъ черновой рукописи Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2382. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ были передѣлываемы Пушкинымъ; приводимъ ихъ въ первоначальной редакціи:

Ст. 1. Предметомъ ставъ суждений строгихъ.

Ст. 5. Мельмотомъ (Злодѣемъ), квакеромъ, масономъ.

Ст. 8. Онъгинъ (вновь займемся имъ).

Между 8 и 9 стихами находится три редакціи зачеркнутаго стиха:

а) Прохладнаго слуга досуга.

б) Слуга холоднаго досуга.

в) Томимый быть слугой досуга.

Ст. 13. а) Случая (Зѣвая) съ дѣломъ и безъ дѣлъ.

б) Не зная ни заботъ, ни дѣлъ.

Ст. 14. а) Быть чѣмъ то захотѣлъ.

б) Заняться чѣмъ то захотѣлъ.

в) Переродиться захотѣлъ.

15. Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патриотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
20. Ему понравилась отъѣздно,
И рѣшено—ужь онъ влюбленъ,
Ужь Русью только бредить онъ!
Ужь онъ Европу ненавидить
Съ ея политикой сухой,
25. Съ ея развратной суетой.
Онъѣздить ѣдетъ; онъ увидить
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря ¹⁾).

* * *

Онъ собрался—и слава Богу!

30. Юня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудинкой
Онъ видить Новгородъ-Великой:

¹⁾ Стихи 15—28 въ тетради П перечеркнуты. Стихи 16, 17, 20, 21 и 23—27 въ черновой рукописи М имѣютъ окончателъную редакцію ту-же, какъ и въ тетради П.

Ст. 15. а) Наскуча слыть или Мельмотомъ (П и М).

б) Наскуча щеголять Мельмотомъ (М).

Ст. 16. Или чудовищемъ инымъ (М).

Ст. 17. Онъ быть задумалъ патриотомъ (М).

Ст. 18. а) Въ Hôtel de Londres, что въ Морской (П и М).

б) Дождливой вешней порой (П).

Ст. 19. Россія!... Русь!... она мгновенно (М).

Ст. 21. а) И онъ (И вотъ) влюбился безъ ума (М).

б) Влюбился онъ въ святую Русь (М).

Ст. 22. а) Ужь ею только бредить онъ (М).

б) Россіей только бредить онъ (М).

Ст. 24—25. Онъ хочетъ Русь свою узнать (М).

Ст. 26. а) Онъ ѣдетъ; онъ Русь увидить (М).

б) Онъ тотчасъ ѣдетъ; онъ увидить (М).

Ст. 27. Ея поля, ея гѣса (М).

Ст. 28. а) Дубравы, степи и моря (М).

б) Дубравы, горы и моря (М).

в) Селенья, грады и моря (М).

35. Смирились площади—среди нихъ
 Мязежный колоколь утихъ,
 Но бродягъ тѣни великановъ:
 Завоеватель Скандинавъ,
 Законодатель Ярославъ,
 40. Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
 И вокругъ поникнувшихъ церквей
 Кишитъ народъ минувшихъ дней ¹⁾.

* *
 *

- Тоска, тоска! Спѣшитъ Евгенийъ
 Скорѣе далѣе... Теперь
 45. Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
 Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
 Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
 Беретъ три связки онъ баранокъ;
 Здѣсь покупаетъ туфли,—тамъ
 50. По гордымъ Волжскимъ берегамъ
 Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
 То по горамъ, то вдоль рѣки;
 Мелькаютъ версты; ямщики
 Поютъ, и свищутъ, и бранятся;
 55. Пыль вьется.—Вотъ Евгенийъ мой
 Въ Москвѣ проснулся на Тверской ²⁾.

* *
 *

¹⁾ Стихи 30, 32—35 и 39—42 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту-же, какъ и въ тетради П.

Стихи 36—38 сохранились въ черновой рукописи М въ неотдѣланномъ видѣ; они всѣ зачеркнуты, и можно только прочесть слѣдующія фразы и слова, дающія понятіе о томъ, что намѣревался сказать поэтъ: „И древняго Волхова берега“, „Кругомъ его монастырей“, „И колоколь“, „рокетомъ“, „И тѣни прежнихъ поколѣній“.

Ст. 29. а) И вотъ собрался онъ въ дорогу (М).

б) Собрался—слава Богу (М).

Ст. 31. Коляска Вѣнская въ дорогу (П и М).

Ст. 38. Мощный Скандинавъ (М).

Ст. 41. Сидятъ—и около церквей (М).

²⁾ Стихи 43, 44, 46, 50, 51, 53 и 56 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту-же, какъ и въ тетради П.

- Москва Онѣгина встрѣчаетъ
 Своей спесивой суетой,
 Своими дѣвами прельщаетъ,
 60. Стерляжей подчуеть ухой.
 Въ палатѣ англійскаго клоба
 (Народныхъ застѣданій проба),
 Безмолвно въ думу погружонъ,
 О кашахъ пренья слышитъ онъ.
 65. Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуеть
 Разнорѣчивая молва.
 Имъ занимается Москва,
 Его шпиономъ именуеть,
 Слагаетъ въ честь его стихи
 70. И производитъ въ женихи ¹⁾).

* *
 *

- Ст. 46. а) Предъ нимъ мелькають, будто тѣни (М).
 б) Мелькають, какъ пустыя тѣни (П и М).
 Ст. 47. а) Тамъ у привязчивыхъ крестьяноковъ (М).
 б) Здѣсь у привязчивыхъ крестьяноковъ (П и М).
 Ст. 49. Тутъ онъ обѣдаетъ,—а тамъ (П).
 Ст. 56. Въ Москвѣ очнулся на Тверской (П).
 Стихи 48—56 въ черновой рукописи М читаются такъ:
 Береть онъ баранокъ;
 Здѣсь (Тамъ) онъ обѣдаетъ, а тамъ
 По гордымъ Волжскимъ берегамъ
 Онъ скачетъ сонный. Коня мчатся
 (Пылъ вѣется; свищуть ямщики)
 Сквозь лѣсъ, чрезъ холмы, вдоль рѣки;
 Мелькають версты (села); ямщики
 Поютъ, свищуть, бранятся;
 Пылъ вѣется—и Евгений мой
 Въ Москвѣ очнулся (проснулся) на Тверской.

¹⁾ Стихи 57, 59—61, 65, 66 и 70 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради П.

- Ст. 58. а) Своей роскошной суетой (М).
 б) Своею важной суетой (М).
 Ст. 59. Старинной кухней угощаетъ (М).
 Ст. 61. Онъ пренья Англійскаго клоба (М).
 Ст. 64. О кашѣ пренья слышитъ онъ (П).
 Послѣ этого стиха въ тетради П зачеркнуты слѣдующіе три:
 Онъ слышитъ (И слезы) на большихъ обѣдахъ
 Разказы (И ропоть) отставныхъ бояръ.
 Онъ видитъ Кремль, Тверской бульваръ.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочеть,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочеть,
Кипить обиліемъ своимъ.

75. Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды
80. И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ ¹⁾.

* * *

Ст. 66. Велерѣчивая Москва (П и М).

Ст. 68. Его масономъ (повѣсой) (шпіономъ) именуеть (М).

Ст. 69. Силетаетъ про него стихи (П и М).

Въ черновой рукописи М стихи 62—70 сохранились еще въ слѣдующей первоначальной редакціи:

О вистѣ (Безмолвно) преня слышнеть онъ,
Глубоко въ думу (Въ раздумье молча) погруженьъ.
Онъ видитъ башни Годунова,
Дворцы и площади (И храмы древняго) Кремля,
И храмъ, гдѣ царская семья
Почіетъ близъ мощей Святова.
Онъ ходить (бродить) межъ густыхъ алей
Въ садахъ Московскихъ богачей.

*) Ст. 71 и 72. Тоска, тоска! Онъ далѣ (Онъ ѣхать) хочеть,
Онъ скачетъ въ Нижній. Передъ нимъ (П).

Ст. 73. Какъ море, ярманка хлопочеть (П). — Затѣмъ исправленъ какъ въ текстѣ.

Ст. 78 и 76. Заводчикъ изъ своихъ степей
Пригналъ бракованныхъ коней (П).

Затѣмъ эти стихи исправлены какъ въ текстѣ.

Ст. 83. Начинаясь въ П: И всюду; затѣмъ эти слова замѣнены словомъ: Всякъ.

Въ черновой рукописи М стихи 71—84 читаются, насколько возможно было ихъ разобрать, такъ:

Тоска, тоска! Онъ далѣ хочеть,
(Тоска, тоска! Онъ мчится далѣ (Онъ далѣ мчится)
(Въ торговый Нижній. Передъ нимъ)

85. Тоска! Евгенийъ ждетъ погоды.
 Ужь Волга — рѣкъ, озеръ краса —
 Его зоветъ на пышны воды
 Подъ полотняны паруса:
 Взманить охотника не трудно.
90. Нанявъ купеческое судно,
 Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
 Надулась Волга; бурлаки,
 Опершись на багры стальные,
 Уныннымъ голосомъ поютъ
95. Про тотъ разбойничій пріютъ,
 Про тѣ разъѣзды удалые,
 Какъ Стенька Разинъ въ старину
 Кровавилъ Волжскую волну ¹⁾;

* * *

Онъ скачетъ въ Нижній. Передъ нимъ
 (скуная) арманка хлопочетъ,
 Блестить (Кипитъ) обиліемъ своимъ
 И всюду меркантильный
 (Индѣецъ желтый, Нѣмецъ чистый).
 Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
 Поддѣльны вина Европеецъ;
 Заводчикъ порченыхъ коней;
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ — спѣлыхъ дочерей,
 А дочка — прошлогодни моды.

¹⁾ Стихи 86, 90—94 и 96—98, въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ въ тетради П.

Ст. 85. Тоска, тоска!... Досады полный (П).
 Тоска, тоска!... Но Волга (М).

Ст. 86 и 87. Но Волга — рѣкъ, озеръ краса —
 Его манить на пышны воды (П и М).

Ст. 89. Взманить Онѣгина (Евгенія) не трудно (П).
 Онѣгина взманить не трудно (М).

Ст. 92. Надулась (Струится) Волга. Бурлаки (М).

Ст. 95. а) Про свой разбойничій пріютъ (П и М).
 б) Про Стеньки Разина пріютъ (М).

Ст. 96. Да про разъѣзды удалые (П).
 Про ихъ разъѣзды удалые (М).

- Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
 100. Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
 Среди степей своихъ песчаныхъ,
 На берегу соленыхъ водъ
 Торговый Астрахань открылся.
 Онъгинъ только углубился
105. Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
 Какъ жаръ полуденныхъ лучей
 И комаровъ нахальныхъ тучи,
 Пища, жужжа со всѣхъ сторонъ,
 Его встрѣчаютъ—и, взбѣшонъ,
110. Каспійскихъ водъ берега сыпучи
 Онъ оставляетъ тотъ же часъ.
 Тоска! Онъ ѣдетъ на Кавказъ ¹⁾.
- * * *
- Онъ видитъ: Терекъ своенравный
 Крутые роетъ берега;
115. Предъ нимъ парить орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога;
 Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
 Въ лугахъ несется конь Черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
120. Пасутся овцы Калмыковъ.
 Въ дали—Кавказскія громады:

¹⁾ Ст. 99—106, 108, 109, 111 и 112 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 101 первоначально: Среди степей своихъ сыпучихъ (М).

Ст. 103 первоначально: Вотъ Астрахань торговый (М).

Ст. 104 первоначально: Онъгинъ молча поклонился (М).

Ст. 106 первоначально: Но жаръ полуденныхъ лучей (М).

Ст. 107. И комаровъ докучныхъ тучи (П).

а) И комаровъ гисливыхъ жала (М).

б) И комаровъ кричливыхъ тучи (М).

Ст. 109. первоначально: а) Его объемлютъ... онъ. (М)

б) Его преслѣдуютъ — взбѣшонъ, (М).

Ст. 110. Каспійской лужи берегъ сыпучій (П и М).

Ст. 115 и 116 первоначально:

Надъ нимъ (Вдали) парить орелъ державный,

Вѣжитъ олень, склонивъ рога (П).

Ст. 118 первоначально: Въ лугахъ гуляетъ конь Черкеса (П).

- Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
 За ихъ естественную грань,
 Черезъ ихъ опасныя преграды;
 125. Брега Арагвы и Куры
 Узрѣли Русскіе шатры ¹⁾.

* * *

- Уже пустыни сторожъ вѣчный,
 Стѣсненный холмами вокругъ,
 Стоять Бешту остроконечный
 130. И зеленѣющій Машукъ,
 Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
 Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
 Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
 Кто жертва чести боевой,

¹⁾ Ст. 120 первоначально: Стада пасутся Калмыковъ (II).

Ст. 121—123 первоначально:

Онъ видитъ горныя громады,

Сію естественную грань.

Къ нимъ (Въ нихъ) путь пробить. Промчалась брань (II).

Ст. 122. Къ нимъ путь открытъ. Промчалась брань (II).

Ст. 124. Черезъ ихъ узорныя преграды (II).

Ст. 125 и 126 первоначально: И берегъ Арагвы и Куры
 Увидѣлъ Русскіе шатры (II).

Изъ черновой рукописи М приводятся здѣсь разобранные стихи; наброски стиховъ, зачеркнутыхъ потомъ, помѣщены въ скобкахъ:

Онъ видитъ: Терекъ своенравный

Крутые роетъ берега

(Его крутые берега)

(То голы... въ тѣни дубравной на днѣ спать)

(И вдали символъ державный)

орелъ державный,

Олень стоитъ, склонивъ рога

(Черкесь Калмыкъ кочуетъ)

(Вдали громады горъ снѣговыхъ)

(Черкесь добычи просить)

(Возносится, блеститъ какъ туча)

(Черкесь въ ущельи)

(Черкесь пицаль наводитъ)

(Вѣлѣются среди луговъ)

(Кибитки мирныхъ Калмыковъ)

Въ глухихъ разсѣлинахъ утеса

(Въ ущельяхъ ютятся)

135. Кто почечуя, кто Киприды;
 Страдалецъ мыслить жизни нить
 Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
 Кокетка—злыхъ годовъ обиды
 На днѣ оставить, а старикъ
140. Помолодѣть—хотя на мигъ ¹⁾.

* * *

- Питая горьки размышленья,
 Среди печальной ихъ семьи,
 Онъгинъ взоромъ сожалѣнья
 Глядитъ на дымныя струи
145. И мыслить, грустью отуманенъ:
 Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
 Зачѣмъ не хилой я старикъ,
 Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
 Зачѣмъ, какъ Тульскій засѣдатель,
150. Я не лежу въ параличѣ?
 Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ

(Блестить оружіе Черкеса)
 Верблюду лежитъ въ тѣни утеса
 (Вдали бѣжить, свачеть, мчитса конь Черкеса)
 Онъ видитъ горныя громады
 (Казбекъ (славную) естественную грань)
 (Но ужъ давно брань)
 (Великолѣпныя врата)
 (Враждебной Грузіи мѣста)
 (Давно уже промчалась брань)
 За ихъ естественную грань
 (Попралъ природныя преграды)
 Черезъ ихъ упорныя преграды,
 Чтобъ на берегахъ Куры
 Раскинуть Русскіе шатры.

¹⁾ Стихи 127—129, 131—134, 136 и 138—140 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту же, какъ и въ тетради П.

Ст. 127 первоначально:

Пошолъ!.. (Вокругъ) (Предъ нимъ) пустыни сторожъ вѣчный (П).

Ст. 130. И соблазнительный Машукъ (М).

Ст. 133 и 134 первоначально:

Больныхъ блуждаетъ бѣдный рой;
 Кто жертва жизни боевой (П).

Ст. 135. Кто геморою, кто Киприды (П).

Кто ревматизма, кто Киприды (М).

Хоть ревматизма? -- Ахъ, Создатель!
 [И я, какъ эти господа,
 Надежду могъ бы знать тогда! ¹⁾

* *
 *

155. Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
 Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
 Но я здоровъ, я молодъ, воленъ];
 Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...
 Простите, снѣжныхъ горъ вершины
160. И вы, Кубанскія равнины!
 Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ.
 Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.
 Воображенью край священный:
 Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
165. Тамъ заколося Митридатъ,
 Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
 И, посреди прибрежныхъ скалъ,
 Свою Литву воспоминалъ ²⁾.

* *
 *

Ст. 136 первоначально:

- а) Кто мыслить юность обновить,
 б) Старикъ надѣясь жизни нить (М).

Ст. 137. Въ волнахъ могущихъ укрѣпить (П и М).

Ст. 140. Помолодѣть—хотя бѣ на мигъ (П).

¹⁾ Ст. 141—144. Онѣгнѣнъ взоромъ сожалѣнья

На воды дымныя глядить

размышленья

печальной сей семьи (М).

Ст. 144. Глядите на чудные ручьи (П).

Ст. 145. Онъ мыслить, грустью отуманенъ (П).

Стихи 153—158 были исключены Пушкинымъ при печати и замѣнены слѣдующимъ: „Я молодъ, жизнь во мнѣ вѣрка“.

Ст. 154. а) Надежду зналъ бы я тогда (П).

б) Надежду-бѣ могъ имѣть тогда (П).

²⁾ Стихи 159—162 и 164—166 имѣютъ въ черновой рукописи М ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 156. Блаженъ, чья смерть уже близка (П).

Ст. 159—160. Прощайте, снѣжныхъ горъ вершины,
 Вы, Закубанскія равнины,
 Вы, степи (М).

- Прекрасны вы, брега Тавриды,
 170. Когда васъ видишь съ корабля
 При свѣтѣ утренней Киприды,
 Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
 Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
 На небѣ синемъ и прозрачномъ
175. Сіяли груди вашихъ горъ,
 Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
 Разостланъ былъ передо мною.
 А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ.
 Какой во мнѣ проснулся жаръ!
180. Какой волшебною тоскою
 Стѣснилась пламенная грудь!
 Но, Муза! прошлое забудь ¹⁾.
- * * *
183. Какія бѣ чувства ни таились
 Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:

Ст. 161. Онъ (скачетъ) къ берегамъ инымъ (М).

Ст. 163 первоначально: Онъ зреть поэту край священный (П и М).

Ст. 165 первоначально: Тамъ умеръ гордый Митридатъ (П и М).
 Тамъ (отравился) Митридатъ (М).

Ст. 166. Тамъ пѣлъ изгнанникъ вдохновенный (П).

Стихи 155—168 въ тетради П перечеркнуты.

Въ черновой рукописи М послѣ 162-го стиха находится нѣсколько зачеркнутыхъ стиховъ, и въ числѣ ихъ:

Онъ видитъ Керчь уединенный.

¹⁾ Стихи 170—172 и 174 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 169. Прелестны вы, брега Тавриды (М).

Ст. 173. Вы мнѣ явились въ блескѣ брачномъ (М).

И въ П стихъ этотъ первоначально также начинался:

Вы мнѣ яви.

Стихи 175 и 176 первоначально:

Темнѣли груди вашихъ горъ;

Долинъ, деревьевъ, скалъ узоръ (П).

Ст. 175. Темнѣлись груди вашихъ горъ (М).

Ст. 178 первоначально: а) Бѣгли хижинки Татаръ (П).

б) И между хижинокъ Татаръ (П).

Ст. 187. Стѣснилась пламенная грудь (П).

Ст. 183 первоначально: Но полно! старое забудь (П).

185. Они прошли иль измѣнились...
 Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
 Въ ту пору мнѣ казались нужны
 Пустыни, волнъ края жемчужны,
 И моря шумъ, и груды скалъ,
190. И гордой дѣвы идеаль,
 И безыменныя страданья...
 Другіе дни, другіе сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарныя мечтанья,
195. И въ поэтический бокаль
 Воды я много подмѣшалъ ¹⁾.
- *
*
*
- Иныя нужны мнѣ картины:
 Люблю песчаный косогоръ,
 Передъ избушкой двѣ рябины,
200. Калитку, сломанный заборъ,
 На небѣ сѣренькія тучи,
 Передъ гумномъ соломы кучи —
 Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
 Раздолье утокъ молодыхъ;

¹⁾ Стихи 183—186 въ черновой рукописи М имѣютъ ту же окончательную редакцію, какъ и въ тетради П.

Ст. 184 первоначально: Тогда во мнѣ, но ихъ ужъ нѣтъ (П).

Ст. 186. Миръ вамъ, мечтанья прежнихъ лѣтъ (М).

Ст. 187 первоначально:

Тогда, тогда мнѣ были (стали) нужны (П).

Ст. 188 первоначально: а) Стремнины, волнъ берега жемчужны (П).

б) Широкихъ водъ берега жемчужны (П).

Ст. 189 первоначально: а) И бури шумъ, и груды скалъ (П).

б) Стремнины, груды горъ и скалъ (П).

Ст. 190 первоначально: а) И между ими идеалы (П).

б) Какойнибудь надменной дѣвы (П).

в) Мнѣ дѣвы идеаль (П).

Ст. 191 первоначально: а) И безнадежныя страданья (П).

б) И славы блескъ, и мракъ изгнанья (П).

Ст. 192 набросанъ первоначально такъ: Мнѣ другіе дни, сны (П).

Ст. 196 первоначально: Я много прозы подмѣшалъ (П).

205. Теперь мила мнѣ балалайка
 Да пьяный топотъ трепака
 Передъ ногогомъ кабака.
 Мой идеаль теперь—хозяйка,
 Мои желанія—покой,
210. Да шей горшокъ, да самъ большой ¹⁾.

* * *

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!

¹⁾ Ст. 197 первоначально: Милѣй мнѣ скромныя картины (П).

Ст. 199 первоначально: Ручеекъ среди долины (П).

Ст. 200 первоначально: а) Колодезь, сломанный заборъ (П).

б) Да гдѣ нибудь избушку и заборъ (П).

в) Плотины, сломанный заборъ (П).

За этихъ стихомъ слѣдовали наброски слѣдующихъ стиховъ:

Да черезъ свѣтлую полянку
 (И съ ведромъ черезъ полянку)
 Вдали бѣгущую крестьянку
 (Къ ручью бѣгущую крестьянку) (П).

Стихи 201 и 202 въ первоначальной редакціи:

а) За нивой дымные овны,
 (Солому дымную (свѣжую) въ овниѣ)
 (Подъ коромысломъ)

Да стройныхъ прачекъ у плотины
 (Веселыхъ прачекъ на плотинѣ) (П).

б) На небѣ сѣренькія тучки,
 Дѣтей кучки.

Теперь гуляя на досугѣ (П).

в) Зачеркнуты:

Часовню, дымные овны,
 Да стройныхъ прачекъ у плотины (П).

Передъ 205 стихомъ зачеркнутый:

Ребятъ, приказныхъ, франтовъ шайка (П).

Ст. 206 первоначально: Да пьяный топотъ ямщика (П).

Ст. 207 первоначально: Предъ всякой дверью кабака (П).

Послѣ стиха 207 зачеркнуть слѣдующій:

Иль (Да) колокольчикъ ямщика (П).

Ст. 208 первоначально: а) Мой идеаль теперь хозяйка

(Простая добрая душа)

Простая, тихая (добрая) жена (П).

б) Мой идеаль: жена-хозяйка (П).

215. Таковъ ли былъ я, раздвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навель твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
220. Зарему я воображалъ...
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустия три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ ¹⁾.
- * * *
225. Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
230. Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Итали златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходить гордый Славянинъ,
235. Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали... ²⁾

* * *

¹⁾ Стихи 211—214 и 219—224 въ черновой рукописи М имѣютъ окончательную редакцію ту-же, какъ и въ тетради П.

Ст. 214 первоначально: Фламандской школы гадкій соръ! (П и М).

Ст. 220 первоначально: Гиреевъ я воспоминалъ (П и М).

Стихи 222—224 въ тетради П перечеркнуты.

²⁾ Въ концѣ 225-го стиха въ тетради П написано: etc.

Въ черновой рукописи М:

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все движетъ лирою пѣвца,

и внизу:

Я жилъ поэтомъ —
Везъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ
Но всякій...

Одессу звучными стихами

240. Нашъ другъ Туманскій описаль,
 Но онъ пристрастными глазами
 Въ то время на нее взираль.
 Приѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
 Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
245. Одинъ надъ моремъ—и потомъ
 Очаровательнымъ перомъ
 Сады Одесскіе прославиль.
 Все хорошо, но дѣло въ томъ,
 Что степь нагая тамъ кругомъ;
250. Кой-гдѣ недавный трудъ заставиль
 Младня вѣтви въ знойный день
 Давать насильственную тѣнь ¹⁾.

* *

А гдѣ, бишь, мой рассказъ несвязной?
 Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.

255. Я бь могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
 И тутъ бы право не солгалъ.
 Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
 По волѣ бурнаго Зевеса,
 Потоплена, запружена,
260. Въ густой грязи погружена.
 Всѣ дома на аршинъ загрязнуть;
 Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
 По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
 Кареты, люди тонуть, вязнуть,
265. И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
 Смѣняетъ хилаго коня ²⁾.

* *

¹⁾ Ст. 242. Повѣрьте, на нее взираль (М).

Ст. 245. Плѣнился моремъ — и потомъ (М).

Ст. 251 и 252. Кой гдѣ упорный трудъ заставиль
 Сухія вѣтви въ янойный день.

²⁾ Стихи 257—259. По манію Зевеса

Въ году недѣли три Одесса
 Запачкана, запружена (М).

Но ужъ дробить камня молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
270. Какъ будто кованной броней.

Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чего бъ вы думали?—воды.
Потребны тяжкіе труды...

275. Что жъ? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошрины привезено.
Но солнце южное, но море....
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?

280. Благословенные края!

* * *

Бывало, пушка зарева
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.

285. Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный

290. Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

* * *

295. Глядишь и площадь заперѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.

Дитя расчета и отваги,
300. Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлють ли небеса

- Ему знакомы паруса?
 Какіе новые товары
 Вступили нынче въ карантинъ?
 305. Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
 И что чума? И гдѣ пожары?
 И нѣтъ ли голода, войны,
 Или подобной новизны? ¹⁾
- * * *
- Но мы, ребята безъ печали,
 310. Среди заботливыхъ купцовъ,
 Мы только устрицъ ожидали
 Отъ Цареградскихъ береговъ.
 Что устрицы?—Пришли!—О, радости!
 Летитъ обжорливая младость
 315. Глотать изъ раковинъ морскихъ
 Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
 Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
 Шумъ, споры—легкое вино,
 Изъ погребовъ принесено
 320. На столъ услужливымъ Отономъ ^{*)};

* *

- Часы летать, а грозный счетъ
 Межъ тѣмъ невидимо растеть ¹⁾.
 Но ужъ темнѣеть вечеръ синій,
 Пора намъ въ оперу скорѣй:
 325. Тамъ упоительный Россіи,
 Европы баловень — Орфей.
 Не внемля критикѣ суровой,
 Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
 Онъ звуки льетъ — они кипятъ,

¹⁾ Ст. 299. Расчетовъ сынъ и другъ отваги (М).

^{*)} Известный рестораторъ въ Одессѣ.

²⁾ Ст. 310. Въ толпѣ заботливыхъ купцовъ (М).

Ст. 316—318. Чуть-чуть обрызгнувъ ихъ лимономъ.

Шабли—студеное вино —
 Изъ погреба принесено (М).

330. Они текутъ, они горять,
 Какъ поцѣлуи молодые,
 Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
 Какъ зашипѣвшаго Аи
 Струя и брызги золотые...
335. Но, господа, позволено ль
 Съ виномъ равнять do-re-mi-sol? ¹⁾.

* * *

- А тольколь тамъ очарованій?
 А разыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
340. А prima dona? а балетъ?
 А ложа, гдѣ красой блистая,
 Негоціанка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена?
345. Она и внемлетъ и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ фора закричить,
350. Зѣвнетъ — и снова захрапить ²⁾.

* * *

- Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
 Шума, торопится разъѣздъ;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескѣ фонарей и звѣздъ.
355. Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривой,
 Его невольно затвердивъ,
 А мы режемъ речитативъ.
 Но поздно. Тихо спитъ Одесса;

Ст. 326. Нашъ избалованный Орфей (М).

Ст. 336. Съ виномъ равнять ре-ми-фа-sol! (М).

²⁾ Ст. 349. Въ просонкахъ фора проворчить (М).

360 И бездыханна и тепла
 Нѣмая ночь. Луна взошла,
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчить;
 Лишь море Черное шумить... ¹⁾.

* *
 *

365. И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ
 Средь новоизбранныхъ друзей,
 Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
 Героѣ повѣсти моей.
 Онѣгинъ никогда со мной

370. Не хвасталъ дружбой почтовой.
 А я, счастливый человѣкъ,
 Не переписывался вѣкъ
 Ни съ кѣмъ. Какимъ же изумленьемъ,
 Судите, былъ я пораженъ,

375. Когда ко мнѣ явился онъ
 Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
 И какъ заахали друзья,
 И какъ обрадовался я! ²⁾

* *
 *

Дань дружбы... гласъ природы!!...

380. Взглянувъ другъ на друга, потомъ,
 Какъ Цицеронови авгуры,
 Мы разсмѣялися тишкомъ...

.
 ³⁾.

* *
 *

¹⁾ Стиховъ 226—364 нѣтъ въ тетради П.

²⁾ Стихъ 366 начинался зачеркнутымъ словомъ: Забывъ (П).

Ст. 369. Онѣгинъ никогда предъ мною (П).

Ст. 371. А я, гнѣвный (свободный) человѣкъ (П).

Ст. 377. Какъ громко ахнули друзья (П).

³⁾ Ст. 379. а) Дань сердца, гласъ природы! (П).

б) Святая дружба, дань природы! (П).

Ст. 382. Мы засмѣялися тишкомъ (П).

Послѣ этого стиха въ тетради П слѣдуетъ нѣсколько строкъ точекъ.

- Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
385. Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный
И тѣмъ, что видѣлъ, насыщенный,
Пустился къ Невскимъ берегамъ,
390. А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ Черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
395. Въ далекій сѣверный уѣздъ, —
И былъ печаленъ мой пріѣздъ ¹⁾.
* *
О, гдѣ бь судьба ни назначала
Мнѣ безыменный уголокъ,
Гдѣ бь ни былъ я, куда бь ни мчала
400. Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бь ни сулила,
Гдѣ бь ни ждала меня могила,
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
405. Нѣтъ, нѣтъ! нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
410. Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ ²⁾.
Сообщ. академикъ А. Э. Вычговъ.

¹⁾ Стиховъ 383—396 въ тетради П нѣтъ.

Ст. 385. Судьбы опять опредѣлили (М).

Ст. 386. Намъ и разлуку, и походъ (М).

Ст. 391. Отъ устрицъ Черноморскихъ (М).

Ст. 395. Въ пустынный сѣверный уѣздъ (М).

Ст. 396. И былъ печаленъ мой отъѣздъ (М).

²⁾ Ст. 404. Благословлю въ душѣ моей (П).

Ст. 405. О, нѣтъ нигдѣ не позабуду (П).

Поэту К. К. Р—ву.

Въ октябрьской книгѣ уважаемаго журнала «Русская Старина», изд. 1887 г., я прочелъ стихотвореніе поэта К. К. Р.—«Умерь».

Теплыя, сердечныя строки чарующаго гармоничнаго стиха, въ которыхъ вылилось такъ много правды,—глубоко запали въ мою душу. Будучи самъ солдатъ, я въ теченіи трехъ лѣтъ своей службы могъ убѣдиться, что человѣкъ, выражающій такую любовь, такое участіе, такое соболѣзнованіе къ жизни солдата, есть честной и благородной души человѣкъ. Чтобы передать такія чувства къ нему, надо жить его радостью, страдать его горемъ, плакать его слезами. Я собралъ тѣхъ, которые заслужили любовь благороднаго пѣвца, и прочелъ имъ его стихотвореніе.

О, если бы онъ видѣлъ, какое чудное дѣйствіе имѣли на нихъ его вдохновенныя строки, онъ бы сказалъ: вотъ моя лучшая награда.

Принося поэту искреннюю и сердечную признательность отъ всѣхъ безхитростныхъ и честныхъ солдатскихъ сердецъ за его добрыя къ нимъ чувства, я сообщаю на страницы уважаемаго журнала мои слабыя строки, прямо вызванныя стихотвореніемъ К. К. Р—ва:

Пѣвецъ, я твои вдохновенныя строки
 О братъ усопшемъ прочелъ,
 Какъ много души въ нихъ, какъ мыслью глубоки
 И горечью жизненныхъ золъ.
 Звучить въ нихъ любовь и участіе къ солдату,
 Незримыя слезы видны,—
 Пѣвецъ, эти чувства покойному брату —
 Тобой такъ тепло отданы.
 Я вѣрю—душа твоя тяжело скорбѣла,
 Я знаю—ты много страдалъ,
 Когда на холодно остывшее тѣло

Усопшаго брата взиралъ.
Припомнились тутъ тебѣ руки мальченни,
Жена его, дряхлая мать
И края роднаго родныя избенки,
Которыхъ ему не видать.
И сердце сжималось твое отъ печали,
Душа омрачалась тоской,
И тихо уста твои брату шептали
Послѣдній привѣтъ и покой.
Одинъ ты, быть можетъ, сердечной слезою,
Одинъ ты почтилъ бѣдняка,
Когда его прахъ засыпала землею
Людская чужая рука.
Предъ свѣжей могилой, съ любовію братской,
Одинъ ты страдая стоялъ,
И послѣ разсказъ намъ о долѣ солдатской
Ты въ чудныхъ строкахъ передалъ.
Прими же за это, пѣвецъ незабвенный,
Привѣтъ и признанья мои,
Спасибо тебѣ за порывъ вдохновенный,
За добрыя чувства твои.

Гвардеецъ.

20-го ноября 1887 г.
С.-Петербургъ.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ.

Столѣтняя годовщина его рожденія

1787—1887 гг.

22-го ноября 1887 года, столѣтняя годовщина рожденія славнаго поэта, предшественника и, такъ сказать, учителя А. С. Пушкина,—Константина Николаевича Батюшкова,—торжественно чествовалась въ С.-Петербургѣ, въ Императорской Академіи наукъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ академіи, этого высшаго ученаго въ Россіи учрежденія, свято оберегая славу памяти лучшихъ нашихъ писателей, устроило въ этотъ день, въ честь поэта Батюшкова, торжественное засѣданіе.

Къ двумъ часамъ дня, въ обширной, декорированной растеніями, конференцъ-залѣ академіи собралось блестящее петербургское общество. Въ собраніе прибыли: высокопреосвященный митрополитъ московскій, нѣсколько другихъ высшихъ духовныхъ іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, министры народнаго просвѣщенія и путей сообщенія, товарищъ государственнаго контролера, множество представителей различныхъ высшихъ учреждений, предсѣдатель комитета литературнаго фонда, редакторы различныхъ изданій, многіе писатели, наконецъ, прибыла депутація отъ С.-Петербургской Городской Думы, съ городскимъ головою В. И. Лихачевымъ и въ составѣ слѣдующихъ лицъ: А. А. Краевскій, И. И. Домонтовичъ (старѣйшій гласный вынѣшняго состава Думы), М. И. Семевскій, М. М. Стасюлевичъ, П. В. Жуковскій и И. С. Аладовъ.

Почетными и дорогими гостями собранія были Помпей Николаевичъ Батюшковъ, братъ поэта, съ супругой Софьей Николаевной.

Засѣданіе открылъ высокоуважаемый предсѣдатель отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ—акад. Я. К. Гротъ.

Надъ академическою каедрою, на высокомъ пьедесталѣ, стоялъ превосходно выполненный знаменитымъ нашимъ скульпторомъ Парменомъ Петровичемъ Забѣлло, мраморный бюстъ поэта Батюшкова.

Этотъ бюстъ—одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній рѣзца славнаго нашего скульптора—вылѣпленъ имъ по двумъ оригинальнымъ портретамъ поэта, кисти знаменитаго нѣкогда портретиста Кипренскаго. Собственно изваяніе изъ мрамора выполнено во Флоренціи, однимъ изъ лучшихъ мастеровъ Италіи. Тонкость работы скульптора П. П. Забѣлло и сходство съ портретомъ поэта Батюшкова поразительны ¹⁾.

Городской голова, приблизившись къ бюсту, сказалъ слѣдующее: — «Высоко дѣянія заслуги на поприщѣ русской словесности К. Н. Батюшкова, предшественника и «учителя» великаго нашего поэта А. С. Пушкина, С.-Петербургская Городская Дума, отъ лица городского общества, въ собраніи 18-го сего ноября, единогласно постановила: въ знакъ глубочайшаго уваженія къ памяти гражданина и писателя возложить лавровый вѣнокъ на бюстъ покойнаго К. Н. Батюшкова въ торжественномъ, по случаю исполнившагося столѣтія его рожденія, засѣданіи Императорской Академіи наукъ».

При послѣднихъ словахъ г. Лихачева на бюстъ поэта былъ возложенъ лавровый вѣнокъ и залъ огласился шумными аплодисментами.

Затѣмъ на кафедрѣ вошелъ Я. К. Гротъ и произнесъ, какъ всегда, превосходно составленную имъ рѣчь, вполне академическую, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; вся она была посвящена очерку личности и поэзіи Батюшкова ²⁾.

Болѣе подробный обзоръ дѣятельности и выясненіе значенія заслугъ К. Н. Батюшкова на поприщѣ отечественной словесности былъ предоставленъ члену-корреспонденту академіи наукъ Леониду Николаевичу Майкову, составителю извѣстной уже всѣмъ обширной и превосходно разработанной монографіи о жизни и сочиненіяхъ чествуемаго поэта. Рефератъ г. Майкова составлялъ сущность его обширнаго изслѣдованія и отличался тѣми же достоинствами: онъ ясно, полно, въ высокой степени обстоятельно выяснилъ предъ многочисленнымъ собраніемъ слушателей то положеніе, которое долженъ имѣть въ благодарной памяти потомковъ поэтъ и писатель Батюшковъ

¹⁾ Бюстъ исполненъ издивеніемъ П. Н. Батюшкова, не останавливавшегося предъ издержками какъ въ этомъ случаѣ, такъ и на извѣстное отнынѣ изданіе произведеній своего знаменитаго брата. Бюстъ подаренъ Помпеемъ Николаевичемъ біографу поэта; на пьедесталѣ бюста высѣчена надпись: „1787—1887. Моему біографу Леониду Николаевичу Майкову“.

²⁾ Рѣчь эта напечатана въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 1887 года, ноября 23-го, а вслѣдъ затѣмъ въ Запискахъ Академіи Наукъ и вышла отдѣльнымъ оттискомъ, Спб. 1887 г., 8 д., 17 стр. См. также оттискъ: „Торжественное собраніе отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 г. посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. Спб. 1887, въ 8 д., стр. 38.

въ длинномъ ряду дѣятелей на нивѣ російской словесности вообще и по отношенію къ другому свѣтилу, его блистательно замѣнившему и затмившему—Пушкину, въ особенности. Обширную рѣчь свою г. Майковъ перемежалъ чтеніемъ мастерски выбранныхъ, цѣльныхъ и въ отрывкахъ, лучшихъ произведеній музы Батюшкова.

По окончаніи чтенія Л. Н. Майкова, предсѣдатель собранія Я. К. Гротъ прочелъ нѣсколько привѣтственныхъ телеграммъ, между прочими—отъ «Общества любителей російской словесности въ Москвѣ», членомъ котораго былъ чествуемый поэтъ, а также Яковъ Карловичъ заявилъ о преподнесеніи вѣнковъ на бюстъ К. Н. Батюшкова отъ потомковъ самыхъ близкихъ друзей поэта, именно: отъ внучки Алексея Николаевича Оленина, г-жи Стояновской, и отъ сына-поэта Василя Андреевича Жуковского, художника П. В. Жуковского.

Въ заключеніе, редакторъ и издатель «Русской Старины», М. И. Семеvскій, сказалъ слѣдующее:

— «Къ привѣтамъ, обращеннымъ къ Отдѣленію русскаго языка и словесности академіи наукъ по поводу сегодняшняго торжества, позвольте присоединить привѣтъ отъ редакціи историческаго и историко-литературнаго изданія «Русская Старина».

«Для этого изданія, въ теченіе многихъ лѣтъ сообщившаго на своихъ страницахъ множество матеріаловъ къ исторіи отечественной словесности, особенно дороги литературныя поминки, подобныя настоящему торжеству въ честь и прославленіе славнаго поэта и писателя К. Н. Батюшкова, предтечи и учителя великаго Пушкина.

«Не могу не заявить и твердо увѣренъ, что въ моемъ заявленіи сольются, въ настоящую минуту, голоса не одной лишь редакціи изданія «Русской Старины», но и всѣхъ органовъ современной русской печати, такъ какъ всѣ они съ величайшимъ сочувствіемъ встрѣтили, въ нынѣшнемъ 1887 году, появленіе монументальнаго, превосходнѣйшаго изданія полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова, исполненнаго Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ,—итакъ, повторяю, въ моемъ заявленіи, конечно, будутъ услышаны голоса всѣхъ органовъ современной русской печати о томъ, что чествованія, подобныя сегодняшнему, устраиваемыя академіею наукъ, весьма дороги для современнаго русскаго общества.

«Въ самомъ дѣлѣ, мы присутствовали въ стѣнахъ академіи наукъ на торжествахъ въ память: Ломоносова, Карамзина, Державина, Крылова, Гнѣдича, Жуковского; мы видѣли то живое сочувствіе и участіе, какое приняло въ особенности русское отдѣленіе академіи наукъ въ сооруженіи памятника великому Пушкину. Наконецъ, сегодня мы присутствуемъ на торжествѣ въ честь Батюшкова.

«Весь этотъ рядъ торжественныхъ поминокъ оживляетъ въ памяти всего грамотнаго русскаго народа тѣ возвышенныя идеалы, къ которымъ стремились наши лучшіе писатели въ ихъ произведеніяхъ, стремились ко благу горячо любимаго ими Отечества!»

«Но важность таковыхъ литературныхъ тризнь усиливается, когда мы вспомнимъ, что они упрочиваютъ въ современномъ обществѣ значеніе вообще нашихъ писателей, посвящающихъ свои дарованія на служеніе Россіи: въ виду таковыхъ торжествъ, каждый изъ нихъ невольно сознаетъ, что заслуги ихъ, кромѣ оцѣнки со стороны современниковъ, будутъ почтены признательностію самыхъ отдаленныхъ потомковъ.»

«Итакъ, привѣтъ и признательность отдѣленію русскаго языка и словесности въ академіи наукъ, этому достойному преемнику бывшей россійской академіи, привѣтъ отъ органовъ русской печати и искреннѣйшее поздравленіе со столѣтней годовщиной дня рожденія даровитаго писателя и поэта К. Н. Батюшкова».

Продолжительными рукоплесканіями многочисленнаго общества заключилось это привѣтствіе, а съ тѣмъ и настоящее торжество, которое надолго останется дорогимъ воспоминаніемъ въ петербургскомъ обществѣ и, конечно, послужитъ хорошимъ примѣромъ для подобныхъ чествованій другихъ отшедшихъ въ иной уже міръ славныхъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ родной словесности.

Намъ лично, редактору «Русской Старины», было весьма пріятно видѣть у себя, на другой день, почтеннаго брата поэта Батюшкова, Помпея Николаевича, явившагося благодарить за наше скромное участіе въ чествованіи памяти его незабвеннаго брата, и въ тотъ же день особенно пріятно было получить слѣдующія строки отъ маститаго предсѣдателя II-го отдѣленія императорской академіи наукъ, академика Я. К. Грота:

— «Не могу отказать себѣ въ удовольствіи принести вамъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, отъ имени второго отдѣленія академіи наукъ искреннѣйшую признательность за живое и теплое слово, въ которомъ вы такъ кстати, въ присутствіи блестящаго собранія, отдали справедливость нашей дѣятельности, направленной къ пользѣ и славѣ отечественной литературы. Душевно преданный Я. Гротъ».

ПЕРВАЯ БЕСПЛАТНАЯ ГОРОДСКАЯ ЧИТАЛЬНЯ

въ С.-Петербургѣ

24-го ноября 1887 года.

24-го ноября 1887 года, въ день св. Екатерины, нѣкогда день тезоименитства великой основательницы народныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ—императрицы Екатерины—открыта здѣсь первая бесплатная городская читальня.

Учреждена она и открыта С.-Петербургскою городскою думою, которая въ послѣднія пятнадцать лѣтъ—именно со времени введенія Городоваго Положенія—создала много добраго, много благотворнаго для населенія столицы.

Открыта читальня въ память великаго поэта Пушкина и открыта на одной изъ городскихъ окраинъ, на углу Обводнаго канала и Рузской улицы, въ хорошемъ помѣщеніи, уступленномъ за весьма умѣренную цѣну гласнымъ думы В. А. Ратьковымъ-Рожновымъ въ одномъ изъ домовъ, ему принадлежащихъ.

На открытіи присутствовало довольно большое собраніе гласныхъ думы и лицъ, пожертвованіями своими обогатившими нынѣ открытую читальню.

Послѣ рѣчи городского головы В. И. Лихачева,—напомниваго рядъ дѣйствій правительства и частныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ въ С.-Петербургѣ народному просвѣщенію, сказалъ нижеслѣдующую рѣчь одинъ изъ гласныхъ думы и членъ городской училищной комиссіи М. И. Семевскій:

— «Мм. Гг.! Между нами, здѣсь присутствующими гласными, нѣсколько лицъ состоятъ членами городской думы въ теченіе многихъ лѣтъ, и, конечно, всѣ мы, старые гласные, вспоминая объ открытіяхъ всевозможныхъ городскихъ учреждений, на которыхъ мы присутствовали, должны признать, что сегодняшнее торжество, какъ оно, повидимому, ни скромно, но имѣетъ весьма важное значеніе.

«Въ самомъ дѣлѣ, если бы настоящая бесплатная народная читальня была открыта какимъ либо частнымъ лицомъ, то и тогда это составляло бы весьма отрадное явленіе, но это — начало дѣла,

взятаго на себя городскою думою, дѣло, могущее быть, по своимъ послѣдствіямъ, въ высшей степени благотворнымъ. На почвѣ городского общественнаго самоуправленія столицы возникла и раскинулась съ 1877 года по всему Петербургу обширная сѣть начальныхъ городскихъ училищъ; но чѣмъ болѣе упрочивалось и развивалось дѣло начального образованія въ столицѣ подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и на издержки городского управленія, тѣмъ болѣе сознавался и по нынѣ сознается слѣдующій серьезный недостатокъ, который не могъ не обращать на себя вниманія лицъ, интересующихся ходомъ образованія низшихъ классовъ населенія города, а именно: ученики и ученицы городскихъ школъ кончаютъ образованіе только грамотностію, и затѣмъ, частію за недостаткомъ учебныхъ заведеній, частію по бѣдности и необходимости обратиться къ заработкамъ, постепенно утрачиваютъ въ жизни то, что приобрѣли въ нашихъ превосходно поставленныхъ городскихъ школахъ. Доживемъ ли мы до того, что будемъ имѣть и средства, и право на учрежденіе двухъ, трехъ и четырехъ классовыхъ училищъ, вполне соответствующихъ потребностямъ населенія города, — я не знаю; но знаю и твердо увѣренъ, что возникновеніе бесплатныхъ народныхъ читаленъ является весьма важнымъ пособникомъ святому дѣлу нашихъ городскихъ училищъ: посредствомъ бесплатныхъ читаленъ мы надѣемся развить и упрочить, преимущественно въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія столицы, привычку, а затѣмъ и потребность къ чтенію. Отсюда понятно, что то сокровище, которое вынесетъ народъ изъ нашихъ городскихъ школъ, а именно, любовь къ чтенію — не будетъ утрачена: читальни явятся продолжателемъ того образованія, которое петербургскіе бѣдняки получаютъ въ городскихъ нашихъ школахъ.

«Едва ли надо говорить, что разъ городская дума взялась за это дѣло—оно пойдетъ вполне разумно, и, будемъ надѣяться, что и въ этомъ дѣлѣ городская дума приобрететъ то довѣріе высшей власти и всего населенія столицы, какимъ она пользовалась и пользуется по отношенію къ устройству и управленію городскими начальными училищами.

«Въ 1877 году, когда мы, члены училищной комиссіи — ея перваго состава, открывали первыя, по времени, на почвѣ общественнаго самоуправления столицы начальныя городскія училища, мы не дерзали и думать, что ничтожная цифра 16-ти намъ переданныхъ, весьма бѣдненькихъ, школъ разовьется въ 10-ть лѣтъ до 240 превосходно обеспеченныхъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, отлично поставленныхъ училищъ. Въ виду этого факта, едва ли можетъ быть слишкомъ смѣлою надежда, что въ предстоящее десятилѣтіе—изъ двухъ

городскихъ бесплатныхъ читалень, являющихся въ этомъ году заботливостью и иждивеніемъ городской думы, образуются, быть можетъ, десятки такихъ же читалень, и водворятся онѣ въ различныхъ концахъ широко раскинушагося дорогаго нашего Петербурга.

«Итакъ, пожелаемъ добраго успѣха святому дѣлу, при началѣ котораго сегодня мы имѣемъ истинное удовольствіе присутствовать».

Рѣчь эта была покрыта рукоплесканіями, послѣ чего всталъ маститый предсѣдатель городской училищной комиссіи, одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ думы, А. А. Краевскій, и словомъ признательности привѣтствовалъ городского голову В. И. Лихачева, взявшаго на себя починъ въ осуществленіи давно уже высказывавшейся въ городской думѣ мысли о крайней необходимости учрежденія бесплатныхъ городскихъ читалень.

Помѣщаемъ на страницахъ «Русской Старины» настоящую замѣтку объ открытіи первой бесплатной читальни, именно, какъ о событіи вполне историческомъ въ жизни города Петербурга. Вмѣстѣ съ симъ считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь же свѣдѣнія о первыхъ дняхъ дѣятельности этого благотворнаго учрежденія.

Свѣдѣнія эти весьма обязательно сообщилъ намъ гласный думы и членъ училищной комиссіи П. А. Потѣхинъ, энергіи и просвѣщенной заботливости котораго читальня весьма много обязана. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ намъ Павелъ Антиповичъ Потѣхинъ:

«Благодаря усиленнымъ трудамъ бібліотекарши О. Б. Барсуковой, я могу сообщить вамъ данныя о числѣ посѣтителей читальни и о количествѣ выданныхъ для чтенія книгъ, со дня открытія читальни, т. е. съ 24-го ноября по 16-е декабря 1887 г., но предварительно нахожу не лишнимъ познакомить читателей «Русской Старины» съ самою читальнею.

«Въ ней находится нынѣ около 4,000 томовъ, изъ коихъ пожертвовано до 1,900 томовъ, стоимостью приблизительно 1,200 рублей. Штатъ служащихъ состоитъ изъ: бібліотекарши, ея помощницы, мальчика, сторожа и одной женской прислуги. Читальня устроена на 50 мѣстъ; она открыта въ будни отъ 5 до 10 часовъ вечера, а въ праздники отъ 1 часа до 9 часовъ вечера. Въ послѣднее время признано возможнымъ увеличить число мѣстъ и теперь въ читальнѣ имѣется 60 мѣстъ. Въ читальнѣ ведется довольно сложный статистическій счетъ посѣтителей, по роду ихъ занятій, требованій ими книгъ и по отдѣламъ выданныхъ книгъ.

«Съ 24-го ноября по 16-е декабря 1887 г. въ читальнѣ было читателей: офицерскихъ чиновъ 2, юнкеровъ и вольноопредѣляющихся 1, нижнихъ чиновъ—12; писателей, художниковъ и лицъ свободныхъ профессій—171; служащихъ въ общественныхъ и частныхъ учреж-

деніяхъ—12; начальниковъ и учащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ — мужчинъ 14 и женщинъ—4; купцовъ и фабрикантовъ—1; фельдшеровъ—18; акушеровъ—2; учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужчинъ—50, женщинъ—6; то же въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ мужчинъ—1,103, а женщинъ—65; лицъ живущихъ своимъ капиталомъ: мужч.—48, женщ.—27; лицъ живущихъ на средства семьи: мужч. 128, женщ. 62 и малолѣтнихъ 201; мелкихъ промышленниковъ: мужч. 62, женщ.—24; рабочихъ на фабрикахъ: мужчинъ 168, женщ. и малолѣтн. 85; прислуги—мужч. 10, малолѣтнихъ — 3; временно заѣзжіе въ столицу—11.

«А всего въ двадцать два дня было читателей—2,290.

«Входныхъ билетовъ выдано 914. Число читателей бываетъ въ будни отъ 88 до 130, въ праздники отъ 150 до 170. Въ первое время по открытіи читальни приходилось, за недостаткомъ мѣстъ, отказывать до 100 лицамъ въ день.

«По отдѣламъ число выданныхъ книгъ распадается такъ: богословіе—99; исторія—150; біографія—68; исторія литературы и критики—18; языковѣдѣніе—11; искусство—14; географія — 19; путешествія—255; философія и психологія — 22; педагогика — 12; юридическія и общественныя науки—7; геологія, минералогія, зоологія, ботаника—20; анатомія и фізіологія—8; медицина и гигиена—16; физика и химія — 27; промышленность — 7; сельское хозяйство—3; оригинальная беллетристика—1,437; переводная беллетристика—527; дѣтскія книги—513; смѣсь—2; журналы—551 и газеты—21; всего же книгъ было выдано — 3,807».

17-го декабря 1887 г. открыта въ С.-Петербургѣ вторая безплатная городская читальня. Она помѣщается на Выборгской сторонѣ, на Сампсоніевскомъ проспектѣ, домъ № 23, входъ съ Выборгской улицы. Распорядителемъ второй читальни, отъ завѣдывающей читальнями городской училищной комиссіи, членъ ея и гласный думы—Н. А. Варгунинъ.

Итакъ, въ добрый часъ! Да развивается новое дѣло на пользу просвѣщенія! ¹⁾

¹⁾ Декабря 20-го въ 1887 году, въ воскресенье, мы посѣтили первую читальню въ три часа пополудни. Обѣ ея залы были полны читающими, не было ни одного свободнаго мѣста; читатели по преимуществу молодежь—разныхъ классовъ населенія столицы; тишина, порядокъ во всемъ замѣчательныя. Съ видимымъ удовольствіемъ и интересомъ разсматривались и читались иллюстрированныя изданія. На лѣстницѣ стояла толпа — ожидающихъ очереди войти въ читальню, когда очистится въ ней мѣсто. Такъ велика потребность въ чтеніи, такой настоятельной нуждѣ идти на встрѣчу Городская Дума, учреждая безплатныя читальни. Повторяемъ, въ добрый, въ добрый часъ!

EXTRAIT DU CATALOGUE

d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,

commissionnaires de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg, des Musées Publique et Roumiantzof de Moscou, de la Bibliothèque de l'Université Impériale de Varsovie, etc.

A FRANCFORT S. MEIN.

(Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise d'une librairie).

120¹⁾. **Fabrieus, M. P.**, Le Kremlin de Moscou, esquisses et tableaux Autrefois et aujourd'hui. Ouvr. orné de 75 dessins et de 14 photogravures. Moscou 1883. gr. 8°. br. M. 16.—

121. **Fahne, A.**, Geschichte der Westphälischen Geschlechter unter des Berücks. ihrer Uebersiedelung nach Preussen, Curland und Liefland. Mit fast 1200 Wappen etc. Cöln. 1858. Folio. (M. 42). br. M. 32. —

122. **Finlay, G.**, History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453. 2 vols With a plate. London 1853—1854. gr. 8°. Lwd. M. 18. —

123. **Finsch, O.**, Reise nach West-Sibirien im J. 1876, unternommen mit A. E. Brehm u. K. v. Waldburg-Zeil-Trauchburg. Mit 56 Illustr. u. 4 Karten. 2 Thle. Berl. 1879. Imp. 8°. (M. 20.—) br. M. 6. —

124. **Fischer, J. B. v.**, Liefländisches Landwirthschaftsbuch auf die Erd- gegend von Lief-, Est- u. Curland eingerichtet. Riga 1772. 8°. Pbd. M. 8.—

125. **Fischer, J. Eb.**, Recherches historiques sur les principales nations établies en Sibirie et dans les pays adjacens, lors de la conquête des Russes. Trad. du Russe par Stollenwerck. Paris s. d. gr. 8°. gr. M. 4. —

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь и декабрь, объявления въ концѣ книгъ.

126. (Frédéric II). Considérations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand envoyées en 1737 à Voltaire par le Prince Roy de Prusse. Berlin 1791. 8°. Hfrz. M. 4.—
127. Freshfield, D. W., Travels in the Central Caucasus and Bashan. London 1869. 8°. With plates and maps. (18 sh.). Lwd. M. 10.—
128. Gaal, G. v., Die nordischen Gäste oder der 9 Januar 1814. (Kaiser Alexander und die Königin Catharina von Württemberg am Rheinfall bei Schaffhausen. Gedicht im 12 Gesängen. Mit 1 Vignette. Wien 1819. Imp. 8°. Velinpapier. Cart. M. 6.—
129. Galitzin, Prince E., La Finlande. Notes recueillies en 1848, pendant une excursion de St.-Petersbourg à Tornéo, accomp. de 2 cartes. Paris 1852. gr. 8°. (16 Frcs.) br. M. 6.—
130. Gamba, Voyage dans la Russie Méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase. Paris 1826. 2 vols. avec 4 cartes. gr. in 8° et Atlas de 60 planches coloriées in 4°. Hfrz. M. 54.—
- * Colorirte Exemplare sind sehr selten.
131. Geheimnisse, die, des Sächsischen Cabinets, Ende 1745 bis Ende 1756. Archival. Vorstudien für die Geschichte des 7 jähr. Krieges. 2 Bde. mit 4 Litograph. Stuttg. 1866. gr. 8°. (M. 20). Pbd. M. 8.—
- * Enth. auch viele interessante Aktenstücke zur russischen Geschichte
132. Geissler et Gruber, Costumes, moeurs et coutumes des Russes. Avec 40 planches coloriées. Leipzig s. d. 4°. Hfrz. Schönes Ex. M. 40.—
133. Gentz, Fr. v. Fragmente aus der neuesten Geschichte des politischen Gleichgewichts in Europa. St. Petersb. 1806. 8°. br. M. 3.—

La Librairie Joseph Baer & Co. à Francfort s. Mein possède un assortiment de plus de 300,000 ouvrages anciens et modernes en toutes langues, classés systématiquement: histoire, sciences politiques, généalogie, numismatique, littérature, beaux-arts, arts industriels, sciences exactes et naturelles etc. Elle distribue régulièrement des catalogues spéciaux, qui sont à la disposition de quiconque lui fera l'honneur de les demander.

Prière d'adresser les commandes directement à Francfort s. M. ou par l'entremise d'une librairie de St. Pétersbourg ou de Moscou.

(Продолжение слѣдуетъ).

ПОДПИСКА НА ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ 1888 году

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

съ 1-го января будетъ выходить еженедѣльно въ г. Иркутскѣ,

подъ редакціей Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

Цѣна газеты съ приложеніемъ 10 руб., на годъ безъ приложеній 8 руб., на 9 м. 6 руб., на 6 м. 5 руб., на 3 м. 3 руб.

При газетѣ принимаются объявленія по 15 коп. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, Кавалергардская, д. 20, кв. 3, въ Иркутскѣ въ редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“, а также въ Томскѣ въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.

2. Отдѣлъ officialный — важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.

4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.

5. Политическія извѣстія общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.

6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.

7. Научный отдѣлъ — открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

8. Литературное обозрѣніе — критика и библиографія, особенно — сочиненій объ Азій. Извѣченія и переводы.

9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10. Фельетонъ.

11. Судебная хроника.

12. Биржевой отдѣлъ — свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13. Объявленія казенныя и частныя.

Въ продолженіе истекшихъ лѣтъ въ газетѣ помѣщались статьи, касающіяся главныхъ вопросовъ края: его администраціи, экономической жизни, поземельнаго вопроса, переселенческаго, ссыльнаго и инородческаго вопросовъ, городского и сельскаго самоуправленія, вопроса о золотопромышленности и другихъ, причемъ особое вниманіе издавія было обращено на положеніе крестьянскаго дѣла въ Сибири. Изданіе, посвященное изслѣдованіямъ въ Азій, новостямъ Политики, Наукъ и Общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ, стараясь сгруппировать лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей.

Газета пользуется правомъ выпускать ежегодно приложенія; выпущено 6 книгъ.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

ПОЛЕЗНОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ БЕСѢДЪ СО СТАРООБРЯДЦАМИ.

Трудъ единовѣрческаго священника Іоанна Малышева. Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ типографіи Святѣйшаго Синода и у автора, село Болотское, Лугскаго уѣзда, и посадъ Сольцы, Псковской губ., у купца Макарія Лазарева.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

(ГОДЪ 14-й).

Будетъ въ 1888 г. выходить съ 7 Іюня одинъ и два раза въ недѣлю, въ размѣрѣ 2-хъ и болѣе листовъ, всего около 40 номеровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 6 книгъ переводныхъ романовъ и 4 номера Парижскихъ Модъ.

Главная цѣль газеты, по прежнему, давать въ сжатомъ, но полномъ видѣ безпристрастный отчетъ по внѣшней и внутренней политикѣ, а также со-общать свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ въ литературѣ, прессѣ, наукѣ, искусствахъ, ремеслахъ и торговлѣ. Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти, рассказы и стихотворенія. Рисунки помѣщаются относящіеся къ современ-нымъ событіямъ и явленіямъ жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1888 г. 4 руб.

Разрочка допускается по 2 руб. черезъ 3 мѣсяца духовенству, училищамъ и войскамъ.

 Подписчики 1887 г., не дополучившіе „Газеты“ по случаю приоста-новки ея г. Министромъ Вн. Д., будутъ бесплатно получать ее съ Іюня по Сентябрь 1888 г.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Никитскій бульварь, д. Гатцука.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ВТОРУЮ СЕРІЮ выпусковъ (№ 11—20)

НОВОЙ КНИЖКИ:

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней)

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ болѣе или менѣе пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе. Каждая изъ болѣе пространныхъ статей распадается на: I) часть біографическую, II) часть библиографическую (а. полный перечень произведеній даннаго автора и б. полный перечень того, что о данномъ авторѣ написано и III) часть критическую, намѣчающую характерныя черты духовной фізіономіи разсматриваемаго автора. Въ статьяхъ объ ученыхъ отмѣчаются результаты, къ которымъ они пришли въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

По примѣру иностранныхъ объемистыхъ изданій и въ видахъ удобства пріобрѣтенія, «Критико-біографическій словарь» выходитъ періодическими выпусками въ 3 печатныхъ листа (48 страницъ). Всѣхъ выпусковъ появится около 200.

Цѣна cadaго выпуска 35 коп. съ пересылкою 45 коп. При подпискѣ-же на 10 выпусковъ цѣна понижается до 2 р. 50 к. безъ пересылки и 3 р. съ пересылкою или доставкою. Подписывающіеся на все изданіе вносятъ 20 руб. безъ пересылки и 22 р. съ пересылкою или доставкою.

Для подписывающихся на 10 или болѣе выпусковъ допускается разсрочка платежа, но не менѣе какъ по 1 р. въ мѣсяць, причемъ служащимъ, представляющимъ ручательство казначеевъ, высылаются разомъ всѣ вышедшіе выпуски, не представляющимъ-же такого ручательства—по мѣрѣ взносовъ. Для подписывающихся на все изданіе разсрочка допускается только въ исключительныхъ случаяхъ.

Иногородные обращаются неключительно по адресу: С.-Петербургъ, Лиговка, 47. Семену Афанасьевичу Венгерову.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ИЗД. 1886 г.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Содержаніе: Русские избранники и случайные люди въ XVIII в. Состав. Гельбингъ.—Зап. Ал. Мих. Тургенева,—Павла Вас. Чичагова,—ген. Чаплица (1812 г.),—Э. И. Стогова,—Ф. Я. Мирковича (1840 г.),—Л. А. Загоскина, 1822—1826,—М. Я. Ольшевскаго (1826—1833 гг.),—докт. Я. А. Чистовича.—Литературная кофейня въ Москвѣ, 1830—1840 гг., воспом. А. Д. Галахова.—Старый судъ, очерки и воспом. Н. М. Колмакова.—Моск. университетъ, въ очеркѣ и характеристикѣ А. Н. Афанасьева (1850 г.).—Нѣмецъ и французъ въ запискахъ о Россіи 1839 г.—Въ учил. правовѣдѣнія, воспом. И. А. Тютчева и К. К. Арсеньева.—На Дунаѣ и въ Савастополѣ, 1854—1855 гг., зап. П. В. Алабина и Н. А. Кржжановскаго.—Воспом. декабристовъ А. П. Бѣляева и М. И. Муравьева-Апостола.—Воспом. Татьяны Петр. Пассекъ.—Польская смута, 1861—1863 гг., въ очеркахъ А. Вязмитинова и В. Баратынскаго.—Театральное училище, изъ зап. Н. И. Куликова.—Петерб. итал. опера 1840-хъ гг., изъ воспом. А. Н. Яхонтова.—Война 1877—1878 гг., зап. ген.-отъ-инф. П. Д. Зотова.—Плевенское сраженіе 1877 г., очеркъ Н. К. Шильдера.—Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, 1881—1883 гг.—Записки композ. Гавр. Як. Ломакина,—артиста Л. Л. Леонидова.—Зап. Дм. Ив. Кишіани.—Феофилактъ Лопатинскій, архіеп. тверской, 1706—1741 г., очеркъ И. Я. Морошкина.—Митроп. Іоаннъ Максимовичъ, † 1715 г.—Филаретъ Дроздовъ, митр. московскій, 1782—1867 гг.—Елена Андр. Гавъ, біогр. очеркъ Е. С. Некрасовой.—Ник. Ив. Костомаровъ, очерки и воспоминанія В. И. Семевского, Д. Л. Мордовцева и Н. А. Бѣлозерской.—Проф. К. А. Коссовичъ.—Н. И. Пироговъ, очеркъ жизни и рассказы о немъ.—В. И. Водовозовъ, воспом. о немъ и посмертн. стихотв.—Проф. живоп. И. И. Кѣлеръ.—Гр. Дм. Ал. Милютинъ 1861—1881 гг.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.—Фетх-Али-шахъ и его дѣти, истор. очеркъ Ад. П. Берже.—Война съ Польшею въ перепискѣ имп. Николая I съ гр. Дибичемъ, 1831 г.—Цесар. Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ К. К. Мердеру.—Рассказы объ имп. Николай I ген.-л. Е. А. Егорова.—Записка К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ.—Крѣпостное право въ народныхъ пѣсняхъ, собранъ П. В. Шейнъ. Стихотворенія: Ив. Серг. Аксакова, 1841—1844 гг.,—С. Т. Аксакова, 1857 г.,—С. П. Шевырева, 1858 г.,—Н. М. Языкова,—А. Н. Яхонтова,—А. Подолинскаго,—Н. Добролюбова,—Н. А. Некрасова.—Походъ русской арміи въ Индію, проектъ ген.-л. Евг. Егорова, 1854 г.—Николаевская жел. дорога, очеркъ А. И. Штукенберга.—Кавказъ и его военачальники, 1854—1864 гг., очеркъ И. С. Кравцова.—Послѣдніе дни въ русской Америкѣ, 1867 г., очерки очевидца М. И. Вавилова.—Письма Н. В. Гоголя къ М. С. Щепкину,—Ив. Серг. Тургенева къ его брату, 1863—1878 гг.,—А. Н. Островскаго, и многіе другіе статьи и матеріалы.

Портреты: въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ II, гравюра на мѣди Ф. А. Мѣркина.—Гр. Вик. Ник. Панинъ и сенаторъ Як. Александр. Соловьевъ, гравир. И. И. Матюшинъ.—Генер. Н. И. Евдокимовъ, гравир. Грачевъ.—Ген.-отъ-инф. П. Д. Зотовъ, грав. Матѣ.—Ген.-ад. гр. Дм. Алексѣев. Милютинъ, гравир. на мѣди акад. И. В. Пожало-стинъ (отпечат. въ Парижѣ).—Проф. Т. Н. Грановскій,—композ. Г. И. Ломакинъ, грав. В. В. Матѣ.—Э. И. Стоговъ, грав. Г. И. Грачевъ,—Ад. П. Берже и В. И. Водовозовъ, грав. на мѣди Ф. А. Мѣркинъ.—М. И. Муравьевъ-Апостолъ, † 1886 г.,—проф. И. И. Кѣлеръ, грав. И. И. Матюшинъ.—Петръ Мих. Еропкинъ, † 27 іюня 1740 г., гравир. Г. И. Грачевъ. Рисунки: Памятники Александру II, сооруженные крестьянами;—видъ дома и церкви въ селѣ Вишнѣ, въ имѣніи Н. И. Пирогова;—памятникъ на общей могилѣ Волмнскаго, Еропкина и Хрущова, сооруженъ въ 1886 г., и барельефъ на этомъ памятникѣ, гравюры В. В. Матѣ;—памятникъ гр. Н. И. Евдокимову, грав. Г. И. Грачевъ;—памятникъ Славы въ Сиб. (сооруж. въ 1886 г.), грав. А. И. Даугель.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

ствіемъ къ Екатеринѣ II — императрицѣ-ублидисту.

Матеріалы для біографіи Инокентія Борисова, архіепископа херсонскаго и таврическаго. Собралъ и издалъ профессоръ спб. духовной академіи Николай Барсовъ. Выпускъ 2-й. Спб. 1888 г.

Настоящее изданіе главнымъ образомъ состоитъ изъ обширной коллекціи бумагъ, оставшихся послѣ смерти великаго русскаго іерарха, принесенныхъ въ даръ Императорской публичной бібліотекѣ Н. Х. Палаузовымъ. Въ настоящемъ второмъ томѣ помѣщены письма самого Инокентія, въ числѣ 25-ти, письма къ Инокентію юрьевскаго архимандрита Фотія, обрисовывающія вторую половину жизни этого знаменитаго дѣятеля эпохи Императора Александра I, Гавріила, архіепископа рязанскаго, хіевскаго протоіерея И. М. Свирцова, Иринѣ Нестеровича, архіепископа армянскаго (знаменитаго своимъ столпоустроеніемъ съ гражданскою администраціей), вологодскаго протоіерея В. И. Нордова, знаменитаго проповѣдника, Геремія, архіепископа илжегородскаго, архіепископа Макарія Глухарова (знаменитаго миссіонера и переводчика бібліи на русскій языкъ), протоіереевъ Г. П. Павскаго, Кочетова и Голубиленскаго, святогорца Серафима и др. Письмамъ каждаго изъ этихъ корреспондентовъ предпосланы біографическіе этюды о нихъ и сами письма снабжены примѣчаніями. О большинствѣ этихъ историческихъ дѣятелей извѣстны значительныя матеріалы въ «Русской Старинѣ» (см. по «Росписи» Старинны, изд. въ 1885 году).

В. Ж.

Графъ Л. П. Толстой, какъ художникъ и мыслитель.—Критическіе очерки и замѣтки А. М. Скабичевскаго.—Цѣна 1 руб. Спб. 8 д. 1887, стр. 234.

Книга эта имѣетъ вполнѣ заслуженный успѣхъ и не потому только, что предметъ ея служить нашъ геніальный романистъ, который вызываетъ всеобщій интересъ и вниманіе,—но и потому, что составлена критикомъ даровитымъ, опытнымъ, весьма свѣдущимъ, приобретающимъ, въ теченіе болѣе четверти вѣка, сочувствіе

русскихъ читателей своими критическими статьями, помѣщавшимися въ лучшихъ органахъ русской печати. Въ настоящую книгу вошли слѣдующіе статьи и очерки г. Скабичевскаго (1872—1887 гг.):

Общая характеристика литературной дѣятельности гр. Л. Толстого по 1872 г.—Разладъ художника и мыслителя (по поводу романа «Анна Каренина»).—Мысли и замѣтки по поводу нравственно-философскихъ идей гр. Л. Толстого: I. По поводу книги М. С. Громеки.—II. По поводу статей «Изъ воспоминаній о переносѣ».—III. По поводу статьи: «Въ чемъ счастье».—IV. О женскомъ вопросѣ.—V. Мой отвѣтъ г. Оболенскому.—VI. «Трудъ мужчинъ и женщинъ» гр. Л. Толстого и новыя возраженія мои.—VII. Нужны ли для народа особенныя науки и искусства.—VIII. Нападки г. Оболенскаго на критиковъ гр. Л. Толстого.—IX. Идеалы гр. Толстого въ связи съ общественнымъ настроеніемъ.—Власть тѣмъ.

М. С.

Расколъ-сектанство. Матеріалы для изученія религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Собр. А. С. Пругавинимъ. В. I. Библіографія старообрядчества и его развитій. М. 1887. 521 стр. Ц. 3 р. 50 коп.

Между тѣмъ какъ мы никакъ не можемъ достигнуть завѣтнаго желанія любителей исторической науки — имѣть по возможности полную историческую бібліографію, въ послѣднее время все чаще стали появляться отдѣльныя указатели матеріаловъ мѣстныхъ, этнографическихъ и т. п. Такую же монографію по одному изъ крупныхъ вопросовъ русской исторіи представляетъ и настоящій трудъ. При составленіи его авторъ пользовался бібліотеками Румянцевскаго музея, Московскою епарх., Чертковскою и университетскою — и все таки не могъ достигнуть желательной полноты. Работа издателя представляетъ перечень статей, по извѣстнымъ отдѣламъ, а при менѣе доступныхъ изъ нихъ онъ сообщаетъ содержаніе ихъ и дѣлаетъ даже болѣе или менѣе обширныя извѣщенія (напр., изъ газетъ и мѣстныхъ изданій).

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (39 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., вид. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портрет., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый. **ФЕВРАЛЬ.** 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I-го, 1806—1815 гг. Гл. I—IV. Издѣловъ. Состав. Н. К. Шляхтеръ.	269	VIII. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности	457
II. Руцунскій отрядъ въ 1877—1878 гг. Историческій очеркъ. (Окончаніе). Составилъ М. П. Степановъ.	321	IX. Сергій Ивановъ Зарудный. Сообщ. Д. П. Шубанъ-Поздѣвъ.	477
III. Десятилѣтняя годовщина Санъ-Стефанскаго договора, 1878 (19-го февраля) 1888 гг. Историческая поправка. Ред.	533	X. Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Первое его десятилѣтіе, 1878—1888. Обзоръ дѣятельности и его задачи. Сообщ. профессоръ П. Е. Андреевскій	487
IV. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Замѣтки кн. В. Д. Дабича. Гл. I—VII.	355	XI. Профессоръ живописи Ѡ. Г. Солицевъ—почетный членъ крестованъ-художниковъ въ академіи художествъ, 1858—1888 гг.	555
V. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. (Окончаніе). Составилъ М. А. Колчинъ.	385	XII. Замѣтки и стихотворенія: Одинокъ изъ душевладѣльцевъ крѣпостной эпохи (408).— Н. П. Надеждинъ (407).—Памятникъ Ал. П. Берзе (485).—Сочиненія К. Н. Батюшкова (560).—А. Д. Галахова (563).—Стихотворенія К. Р. (320, 354, 384, 518, 566).	
VI. Воспоминанія о голодѣ на сѣверѣ Россіи въ 1868 г. (Оконч.). Сообщ. Вафлякъ Доброленскій.	409	XIII. Библиографическій листочекъ. Замѣтки Н. П. Куликова, Ред. и В. С. Иконникова.	
VII. Разказы Прасковьи Егоровны Анненовой, рожденной Гельбъ. Гл. IV—VI.	433		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Терентьевича Осинина, трапированъ на мѣди художникъ Ѡ. А. Мѣрвинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

☛ Все изданіе „Русской Старины“ изд. 1887 г. разошлось сполна.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. Т. I. Второе исправленное изданіе. Спб. 1888 г.

Чѣмъ важнѣе и ближе къ жизни дѣло, тѣмъ дороже живое и сознательное къ нему отношеніе. Педагогическое дѣло вообще, а народное образованіе — по преимуществу, — требуетъ любви, убѣжденія и живой, сознательной дѣятельности со стороны лицъ, посвящающихъ ему скромные свои труды. Поэтому мы съ особеннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ и рекомендуемъ, для чтенія и руководства, вышеозначенный почтенный трудъ 12 учительницъ Харьковской воскресной школы. Въ большомъ томѣ (I—VIII; 1—805 стр.; 1—XXI), напечатанномъ убористымъ шрифтомъ въ два столбца, при относительно недорогой цѣнѣ (2 руб.), заключается критическій разборъ 1032 книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, при томъ только книги для виѣ-класснаго чтенія (книжки для класнаго чтенія и учебники вошли въ составъ «Систематическаго обзора Спб. Комитета Грамотности»). Кромѣ общихъ примѣровъ краткаго критическаго обзора, для многихъ изъ разсматриваемыхъ книгъ приведены вопросы, по которымъ лицо, дающее книгу для прочтенія, можетъ провѣрить, насколько она понятна прочитавшему ее, и, кромѣ того, отзывы и отвѣты учащихся, прочитавшихъ книгу. Каждому изъ 7 отдѣловъ предшествуетъ вступленіе, въ которомъ высказывается общій взглядъ на литературу каждаго отдѣла и на тѣ выводы, къ какимъ пришли составительницы труда, на основаніи ближайшихъ надъ самымъ дѣломъ наблюденій. Часто встрѣчаются весьма интересныя замѣтки подъ заглавіемъ: «Изъ записной книжки сельской учительницы». Кромѣ того, послѣ каждаго отдѣла помѣщенъ указатель, распределяющій книги отдѣла по возрасту и подготовкѣ читателей. Рекомендуемый нами трудъ явился плодомъ самаго внимательнаго и сознательнаго отношенія 12 учительницъ къ педагогическому ихъ труду въ 4-хъ школахъ (1—городская и 3 сельскихъ). Кромѣ указанія на хорошія книги и часто весьма

обстоятельнаго разбора ихъ, — встрѣчаются дѣльныя рецензіи и такихъ книгъ, которыя признаются составительницами труда плохими и бесполезными для народнаго чтенія. Особенно интересны и полезны отдѣлы II (Литература) и III (Естествознаніе). Книга эта, конечно, на ряду съ крупными достоинствами, имѣетъ и нѣкоторые недостатки (поспѣшность отзыва, иногда замѣтно-искусственная редакція отвѣтовъ маленкихъ читателей). Указывая на этотъ трудъ, какъ на весьма цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу и какъ на важное подспорье въ трудѣ для народнаго образованія, — мы выражаемъ желаніе, чтобы и другія учительницы съ такимъ же сознаніемъ относились къ своему дѣлу и также ознакомили бы насъ съ результатами своихъ наблюденій и опытности. Отъ учительницъ нашихъ столичныхъ начальныхъ городскихъ училищъ, послѣ 10 лѣтняго опыта ихъ дѣятельности, мы особенно въ правѣ ожидать живаго подражанія благому примѣру трудолюбивыхъ харьковскихъ учительницъ.

Н. К.

Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики. Состав. метрикантъ С. Л. Пташицкій. Спб. 1887, 278 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Начатое въ 1875 г. описаніе и изданіе Литовской метрики прекратилось на первомъ выпускѣ (Л. М. Зельверовичъ: Литовская метрика при Правительствующемъ Сенатѣ. Спб. 1883, стр. 112), а остальной матеріалъ, приготовленный съ большою кропотливостью, сгорѣлъ въ квартирѣ вдовы покойнаго Зельверовича. Послѣ этого планъ изданія описанія метрики былъ значительно измѣненъ. Теперь признано необходимымъ издать общее описаніе метрическаго архива съ тѣмъ, чтобы дать возможность ознакомиться съ его составомъ лицамъ, интересующимся хранящимся въ немъ матеріаломъ и чтобы оно могло служить введеніемъ къ будущей подробной описи. Такимъ образомъ, описаніе раздѣлено на два отдѣла: въ первомъ сообщаются общія свѣдѣнія о метрикѣ и дана точная характеристика всѣхъ отдѣловъ ея; во второмъ помѣщена инвентарная опись книгъ и актовъ, составляющихъ метрику. Свѣ-

Wm. Brewster

Ш. Омелян

РОССІЯ ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРОПѢ

въ царствованіе императора Александра I-го

1806 — 1815 гг.

«Для настоящаго времени прошедшее
есть самый полезный урокъ; но къ
несчастью человѣческаго рода, все забыва-
ется, и люди живые думаютъ всегда
быть умнѣ умершихъ».

Графъ Ростопчинъ въ 1800 г.

2 (14) іюня 1807 года на берегахъ рѣки Алле совершилось событіе огромной исторической важности, истинное значеніе котораго не сразу выяснилось современникамъ.

Императоръ Наполеонъ разбилъ въ этотъ день подъ Фридрихландомъ русскую армію, предводительствуемую генераломъ Бенигсеномъ; затѣмъ предстояло уже единоборство между побѣдоноснымъ вождемъ французскаго народа и Россією, за возвращеніе Фридриху Вильгельму III Безземельному утраченнаго имъ королевства.

Но къ счастью на землѣ положенъ предѣлъ даже русскому безграничному великодушію!

„Бываютъ обстоятельства, признался императоръ Александръ князю Куракину, среди которыхъ надобно думать преимущественно о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства“ ¹⁾.

¹⁾ Эти слова были сказаны императоромъ Александромъ I 10 (22) іюня 1807 года въ Шавлѣ, когда государь разяснялъ князю Куракину причины, заставлявшія его желать мира: „Il y avait des circonstances où il fallait

Подъ гнетомъ этихъ обстоятельствъ императоръ Александръ временно позабылъ Потсдамскую мелодраму 1805 года ¹⁾, и, обратясь къ другимъ болѣе реальнымъ идеаламъ, отказался отъ сомнительной чести прослыть освободителемъ Европы. И такъ, ради самосохраненія, Россія вынуждена была уклониться отъ принятой на себя съ 1799 года неестественной и неблагодарной роли спасительницы Европы и снова вступить на путь прежней національной политики, завѣщанной имперіи славными преданіями Петра I и Екатерины II.

Представимъ теперь очеркъ обстановки, среди которой совершился столь крутой и неожиданный переломъ въ русской политикѣ, усвоенной правительствомъ со дня кончины великой императрицы.

Н. III.

songer de préférence à sa propre conservation et ne suivre d'autres règles que le bien de l'état". (Князь Курakinъ—императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, того же числа)

Н. III.

¹⁾ На слѣдующій день по подписаніи потсдамской конвенціи (22 октября (3 ноября) 1805 года) императоръ Александръ полагалъ уѣхать. Во время ужина онъ выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ Потсдамъ не воздавши своей дані уваженія останкамъ великаго Фридриха.

„На это еще хватить времени“, отвѣтилъ король

Въ одинадцать часовъ оба монарха и королева Луиза встали изъ - за стола; въ полночь они спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами славнаго гроба, поцѣловавъ его, протанулъ руку королю и королевѣ и поклонился имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ котораго будетъ освобожденіе Германіи. „Эту клятву, пишетъ нѣмецкій историкъ (Nahn: Geschichte des preussischen Vaterlandes), произнесенную въ столь торжественную минуту и въ столь священномъ мѣстѣ, оба государя исполнили, хотя Германія и была освобождена позднѣе, чѣмъ они рассчитывали, и уже послѣ кончины благородной женщины, скрѣпившей своими слезами ихъ обѣщанія и сердце которой было надломлено униженіемъ ея отечества“.

Н. III.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношенія императрицы Екатерины II къ европейской коалиціи, направленной противъ Франціи. — Очеркъ русской политики, установившейся съ 6-го ноября 1796 года.—Война 1806 и 1807 годовъ.—Фридландское пораженіе.—Продолженіе войны признано невозможнымъ.—Перемиріе.—Бесѣда императора Александра съ княземъ Куракинимъ.—Свиданіе Наполеона съ императоромъ Александромъ на Нѣманѣ 13 (25) и 14 (26) іюня.

I.

Съ 6-го ноября 1796 года государственный эгоизмъ, составляющій, по справедливому выраженію неподражаемаго политическаго учителя новѣйшаго времени, единственную здоровую основу великаго государства, совершенно исчезаетъ съ послѣдующихъ страницъ русской исторіи ¹⁾. Настаетъ царство романтики! Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго измѣненія въ политическихъ взглядахъ явилось убѣжденіе, что екатерининскій государственный эгоизмъ составляетъ заблужденіе и тяжкій грѣхъ царствованія великой императрицы! ²⁾

Тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что императрица Екатерина на закатѣ дней своихъ выступила бы, во главѣ европейской коалиціи, противъ революціонной Франціи. Такимъ образомъ Екатеринѣ приписываютъ намѣреніе принять на себя политическую роль, усвоенную ея преемниками. Доказать несомнѣннымъ образомъ справедливость подобнаго заключенія довольно трудно; во всякомъ случаѣ оно противорѣчитъ духу и великимъ дѣламъ болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго царствованія. Смерть прервала воинственные помыслы императрицы — это не подлежитъ сомнѣнію, но цѣль, намѣченная ея гениемъ, состояла не въ сокрушеніи Франціи.

¹⁾ „Единственная здоровая основа великаго государства, и ею единственно отличается оно отъ государства малаго, есть государственный эгоизмъ, а не романтика, и недостойно великой державы бороться за дѣло, не касающееся ся собственнаго интереса“. Бисмаркъ въ 1850 году.

²⁾ Баронъ Брунновъ писалъ въ 1838 году: „les moyens choisis par l'impératrice Catherine pour l'exécution de ses plans, sont loin de s'accorder avec ce caractère de droiture et de loyauté, qui fait aujourd'hui la règle invariable de notre politique“. (Aperçu des transactions politiques du cabinet de Russie).

Что же мы видимъ въ дѣйствительности: Екатерина проповѣдывала крестовый походъ противъ революціи и западныхъ безбожниковъ; она признавала дѣло французскаго короля дѣломъ всѣхъ государей ¹⁾, но затѣмъ императрица не пожертвовала для этой чуждой Россіи цѣли ни однимъ солдатомъ ²⁾. Содѣйствіе, оказанное коалиціи, ограничивалось субсидіями, покровительствомъ французскимъ эмигрантамъ, нищенствовавшимъ по чужимъ дворамъ, и неопредѣленнымъ обѣщаніемъ въ будущемъ новыхъ благодѣяній. вмѣстѣ съ тѣмъ достойно изученія, съ какимъ искуствомъ Екатерина пользовалась замѣшательствомъ, производимымъ французскою революціею среди западной Европы, чтобы продолжать попрежнему вести съ немалымъ успѣхомъ свое маленькое хозяйство. Съ Турціей заключили выгодный миръ. „Основа добра, писала Екатерина; теперь ткачей назначать, кои ткать будутъ“ ³⁾. Раздѣлавшись съ Оттоманской Портой, императрица, въ исходѣ 1791 года, сказала своему секретарю Храповицкому: „Je me casse la tête, чтобы подвинуть вѣнскій и берлинскій двory въ дѣла французскія... прусскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій... Il y a des raisons qu'on ne peut pas dire; je veux les engager dans les affaires, pour avoir les soudées franches. У меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали“ ⁴⁾.

Вотъ соображенія, которыми неуклонно руководствовалась Екатерина въ сношеніяхъ съ Вѣною и Берлиномъ, не только на бумагахъ, но и на дѣлѣ; они служатъ ключемъ къ истинному пониманію политики послѣднихъ годовъ этого достопамятнаго царствованія. При подобной политической подкладкѣ, пользуясь

¹⁾ „La cause du roi de France est celle de tous les rois“ (Записка императрицы Екатерины II 1792 года о мѣрахъ къ восстановленію во Франціи королевскаго правительства).

²⁾ „Ловкая Екатерина удовольствовалась возбужденіемъ однѣхъ надеждъ и оказаніемъ помощи эмигрантамъ; она проповѣдовала Крестовый походъ не пославши ни одного солдата“... „Екатерина всегда стремилась усложнить положеніе дѣлъ на западѣ для того, чтобы имѣть предлогъ къ вмѣшательству или же чтобы имѣть возможность дѣлать въ Польшѣ все, что ей вздумается. „Thiers: Histoire de la révolution française“. Т. 10.

³⁾ Письмо Екатерины II графу Ивану Григорьевичу Чернышеву отъ 13-го августа 1791 года („Русскій Архивъ“ 1870 года).

⁴⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго. 1782 — 1793 г. (Изданіе Барсукова, стр. 386).

анархическимъ положеніемъ Европы, покончены были расчеты съ Рѣчью Посполитою и совершился третій раздѣлъ Польши. Если же затѣмъ воинственные помыслы продолжали занимать императрицу, то они направлялись не въ сторону Рейна или Италіи, но на Востокъ ¹⁾. Европейскимъ дипломатамъ, желавшимъ выманить русскую армію за границу, Екатерина говорила: „Que voulez vous, la peau est plus près que la chemise“ ²⁾, а своимъ приближеннымъ признавалась, что скоро потеряетъ терпѣніе и покажетъ туркамъ, что также легко войти къ нимъ въ столицу, какъ совершить путешествіе въ Крымъ ³⁾, что она не умретъ, пока не выгонитъ изъ Европы турокъ. Въ виду подобныхъ намѣреній военныя приготовленія усиленно поддерживались; но при Екатеринѣ суворовскіе солдаты едва ли занялись бы „спасеніемъ царей“ запада; для нихъ приберегались подвиги, болѣе согласныя съ историческимъ призваніемъ Россіи. Графъ Валеріанъ Зубовъ долженъ былъ осуществить мысль Екатерины объ установленіи торговли съ Индіею; ему поручено было, занявъ Каспійское побережье, обратиться затѣмъ къ Анатоли, между тѣмъ какъ Суворову предстояло перейти Балканы и двинуться къ Цареграду, который одновременно подвергся бы нападенію съ моря. Къ осуществленію этого плана приступлено въ 1796 году: начался персидскій походъ, но неожиданная кончина императрицы остановила дальнѣйшее выполненіе ея грандіозныхъ предначертаній.

Съ 6-го ноября 1796 года начинается новая эпоха въ русской исторіи ⁴⁾. „Называли ее, пишетъ современникъ Ѡ. П. Лубяновскій, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—

¹⁾ Si je dois être de la partie, писала Екатерина Гримму въ 1793 году, ce ne sera pas dans le chemin des sottises que je m'embarquerai“.

²⁾ Von de Sevennen bis zur Nawa (1740—1805) von A. Grafen Thürheim Wien. 1879.

³⁾ Письмо Ростовчина графу С. Р. Воронцову отъ 9-го (20-го) марта 1794 года (Архивъ князя Воронцова. Книга 24-я).

Державинъ въ своихъ запискахъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ отзывовъ Екатерины: „Вырывались также у нея незапно рѣчи, глубину души ея обнаружившія. Напримеръ: „Ежели-бъ я прожила 200 лѣтъ, то бы, конечно, вся Европа подвержена-бъ была Россійскому скипетру“. Или: „Я не умру безъ того, пока не выгоню турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индіей не осную торговлю“. Или: ...„Я теперь вяжу узелки, пусть ихъ развяжутъ“. (Сочиненія Державина, т. 6, стр. 632).

⁴⁾ Опасенія Екатерины оправдались, она говорила: „Боюсь, какъ бы моя смерть, какъ смерть Елизаветы, не послужила знакомъ къ переимѣннѣ всей системы русской политики“.

возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; въ тайнѣ между четырехъ глазъ—затмѣніемъ свыше!“¹⁾ Системы внѣшней и внутренней политики 34-хъ лѣтняго царствованія были преданы полному забвенію и незаслуженному оужденію; началась беспощадная ломка всего созданнаго для Россіи гениемъ Екатерины. „Вообще сказать можно, писалъ графъ А. Р. Воронцовъ, былъ хаосъ совершенный!“²⁾ Политическая система имперіи Россійской должна была изъ соображенной на видахъ приобрѣтеній обратиться въ удаленную совершенно отъ всякаго желанія завоеванія; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено: „противиться всевозможными мѣрами нестойкой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія!“³⁾ Послѣднее условіе при всей скромности политической программы, установленной въ 1796 году, открывало широко двери проiscaмъ Тугута и Витворта, и поэтому пренужное и желаемое отдохновеніе, которое предполагалось даровать Россіи послѣ 40 лѣтъ военной тревоги, продолжалось недолго. Вскорѣ Суворовъ на поляхъ Италіи и среди Альпъ завязываетъ ту борьбу, которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ. Съ этого времени за русскою арміею надолго упрочивается значеніе дивизіи: „de la grande armée de la bonne cause“⁴⁾.

Отношенія Россіи къ Турціи установились также на небывалыхъ доселѣ основаніяхъ. Русскій флотъ, дѣйствительно, явился передъ Цареградомъ, но въ качествѣ союзника Оттоманской Порты. „Свѣтъ увидѣлъ съ удивленіемъ русскую эскадру, вступившую въ Босфоръ и проходившую подъ самыми стѣнами серала. Русскій флагъ, столь ненавистный туркамъ, какъ символъ полного разрушенія Оттоманской имперіи, развивался на Босфорѣ въ знакъ дружбы и согласія между обѣими имперіями“⁵⁾.

¹⁾ Воспоминанія Федора Петровича Лубяновскаго 1777—1834. Москва, 1872, стр. 91.

²⁾ Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я.

³⁾ Циркулярная нота графа Остермана. (Д. Милютинъ: Исторія войны 1799 года. Т. I, стр. 10).

⁴⁾ Выраженіе это принадлежитъ императору Александру и сообщено, по высочайшему повелѣнію, въ письмѣ князя Меншикова графу Головинну въ 1821 году (Военно-ученый архивъ, № 541).

⁵⁾ Barante: Histoire du Directoire, t. III, p. 336.

Дѣйствительно, Турція въ 1798 году присоединилась къ союзу, состоявшемуся между Россією, Англією, Неаполемъ и Австрією и направленному противъ неистовой французской республики, въ которой террористическое правительство успѣло уже преобразоваться въ добродушную директорію.

Въ концѣ своего царствованія Павелъ все-таки прозрѣлъ и убѣдился, что рыцарское, великодушное и безкорыстное заступничество его, въ истинно мальтійскомъ духѣ, послужило только для упроченія чужихъ выгодъ; въ сознаніе его стало входить, что политика наша сбилась съ прямого пути; пришлось возвратиться къ мыслямъ императрицы Екатерины II.

Въ исходѣ сентября мѣсяца 1800 года императоръ Павелъ приказалъ графу Ростопчину письменно изложить свои мысли о политическомъ состояніи Европы и отношеніи къ ней Россіи. Исполнивъ волю государя, Ростопчинъ представилъ меморіаль, „не полагая ни мало, какъ пишетъ графъ, что онъ произведетъ столь важную перемѣну въ политикѣ и будетъ служить основаніемъ новой системѣ“ ¹⁾. Продержавъ записку два дня, императоръ Павелъ возвратилъ ее Ростопчину съ слѣдующей высочайшей конфирмаціей отъ 2-го октября 1800 года: „Апробую планъ вашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго: дай Богъ, чтобъ по сему было“.

Сущность записки графа Ростопчина заключалась въ предложеніи тѣснаго союза съ представителемъ мятежной, но теперь успокоенной Франціи и связаннаго съ нимъ раздѣла Турціи ²⁾.

¹⁾ Витъортъ, еще задолго до появленія этой записки, призналъ графа Ростопчина творцомъ подготовлявшагося русско-французскаго союза и излилъ свое горе въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. (17-го ноября 1799 года). Онъ пишетъ, что мы обязаны Ростопчину этой роковой перемѣнѣ въ мысляхъ и намѣреніяхъ императора. „Я долженъ признаться, говорить англійскій дипломатъ, что онъ уже давно присоединялся къ мнѣнію тѣхъ, которые полагаютъ, что Россія можетъ съ полною безопасностію изолироваться и совершать паденіе другихъ правительствъ, не опасаясь для себя подобной участи“.

²⁾ Относительно политическаго положенія Оттоманской Порты графъ Ростопчинъ отзывался слѣдующимъ образомъ:

„Порта, разстроенная во всѣхъ частяхъ, отнимаетъ нерѣшимостію и послѣднія силы своего правленія. Всѣ мѣры, ею нинѣ предпринимаемыя, не что иное, какъ лекарство, даваемое безнадежному больному, коему

Центромъ сего плана долженъ былъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ, какъ сказано въ меморіалѣ, и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утверженію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей сдѣланныхъ. Оканчивается представленіе графа Ростопчина слѣдующими словами: „если творецъ міра, съ давнихъ временъ хранящій подъ покровомъ своимъ царство россійское и славу его, благословитъ и предпріятіе сіе, тогда Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ в. и. в., соединившаго водино престолы Петра и Константина, двухъ великихъ государей, основателей знатнѣйшихъ имперій свѣта!“¹⁾

Первый консулъ, желая установить союзъ съ Россіею и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать угодное императору Павлу, объявилъ, что освобождаетъ безъ всякаго размѣна всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи. Государь принялъ предложеніе генерала Бонапарта съ живѣйшею радостію и отправилъ во Францію генерала графа Спренгпортена, для приѣма и вывода русскихъ плѣнныхъ.

18-го октября Спренгпортенъ прибылъ въ Берлинъ и встрѣтилъ здѣсь французскаго посла Бёрновиль, который сказалъ ему, что въ Парижѣ всѣ затрудненія къ умиротворенію Европы могутъ быть окончены въ четверть часа времени при личномъ свиданіи съ первымъ консуломъ; относительно Россіи и Франціи онъ замѣтилъ, что оба государства: „en tenant aux deux extrémités du globe, sont faits pour le dominer“, или, какъ онъ выразился при другомъ свиданіи: „sont faits pour gouverner l'Europe“

10-го декабря Спренгпортенъ представлялся въ Парижѣ генералу Бонапарту, который принялъ его съ особенною благо-

медки не хотятъ объявить объ его опасности. Робость же и отчаяніе Оттоманскаго правительства обнаруживаются въ готовности принять всякую помощь отъ христіанскихъ державъ“.

Отсюда видно, что названіе „больнаго человѣка“ присвоено Турціи задолго до Севастопольской войны. Впрочемъ, императрица Екатерина придала этой мысли еще болѣе рѣзкій оборотъ: „разсыпьте всѣ сокровища міра, вы не воскресите мертваго“ (on aurait beau dépenser tous les trésors imaginables, on ne ressusciterait pas un mort). Изъ письма Екатерины II Циммерману отъ 26-го января 1791 года.

¹⁾ Любопытно, что противъ заключенія императоръ Павелъ начерталъ слова: „А меня все таки бранить стануть“.

Н. Ш.

склонностию. Первый консуль высказалъ, между прочимъ, императорскому посланному, въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ, свое непремѣнное желаніе заключить миръ съ русскимъ государемъ, связавъ такимъ образомъ интересы обоихъ государствъ, созданныхъ по своему географическому положенію (онъ въ особенности отгвнилъ это выраженіе) къ тому, чтобы жить въ тѣсной между собою связи ¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого разговора, въ первые же дни 1801 г., Бонапартъ получилъ письмо императора Павла, отъ 18-го декабря 1800 года. Приведемъ здѣсь содержаніе этого замѣчательнаго и своеобразнаго письма, преисполненнаго истинно царскаго достоинства, но не появлявшагося доселѣ въ печати ²⁾:

„Господинъ первый консуль. На тѣхъ, кому Всевышній вручилъ власть править народами, лежитъ обязанность думать и заботиться объ ихъ благосостояніи. Поэтому предлагаю вамъ войти со мною въ соглашеніе относительно средствъ, какъ прекратить и заставить прекратить бѣдствія, которыя тяготѣютъ надъ всей Европой въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ различнаго рода, усвоенныхъ тою или другою страной. Постараемся возвратить покой и тишину міру, въ которыхъ онъ такъ нуждается, и которыя, повидимому, такъ отвѣчаютъ непреложнымъ законамъ Вѣчнаго Бога. Я готовъ выслушать васъ и войти съ вами въ соглашеніе. Я тѣмъ болѣе считаю себя въ правѣ предложить вамъ это и поступить такъ, что я находился вдали отъ борьбы, въ которой если я и принималъ участіе, то лишь какъ вѣрный пособникъ тѣхъ, которые не соблюли вѣрности относительно меня. Вамъ уже извѣстно и узнаете еще лучше, въ чемъ заключаются мои предложенія и

¹⁾ „Il déclara au reste de la manière la plus positive son vœux de faire la paix avec V. M. I. en réunissant par là et dans la même ligne, l'intérêt des deux puissances géographiquement créées (il appuya beaucoup sur ce terme) pour être étroitement liés. (Донесенія графа Спренгпортена императору Павлу. Военно-ученый архивъ № 231).

²⁾ Въ исторіи войны 1799 года Д. Милютина помѣщенъ только отрывокъ письма императора Павла, взятый изъ записокъ Наполеона. По всѣмъ вѣроятіямъ, замѣчаетъ авторъ, содержаніе письма не совсѣмъ близко къ тексту подлинника; предположеніе это, какъ указано будетъ ниже, оказалось болѣе, чѣмъ справедливымъ. Н. III.

мои желанія; но это еще не все: я приглашаю васъ возстановить вмѣстѣ со мною всеобщій миръ, котораго трудно будетъ насъ лишить, если мы только захотимъ. Сказаннаго достаточно, дабы вы могли оцѣнить мой образъ мыслей и мои чувства. Да хранитъ васъ Господь подъ своимъ святымъ и праведнымъ покровомъ. Павелъ“.

„Мой уполномоченный Колычевъ выѣзжаетъ вслѣдъ за этимъ письмомъ“¹⁾).

¹⁾ Monsieur le premier Consul. Il est du devoir de ceux à qui Dieu a remis le pouvoir de gouverner les peuples de penser, et s'occuper de leur bien-être. Je vous propose à cette fin de convenir entre nous des moyens de finir et faire finir les maux qui désolent depuis onze ans l'Europe entière. Je ne parle ni ne veux discuter ni des droits de l'homme, ni des principes des différens gouvernements que chaque pays a adopté. Cherchons à rendre le repos, le calme au monde dont il a tant besoin et qui semble être si conforme aux lois immuables de l'Eternel. Me voici prêt à vous écouter, et m'entendre avec vous. Et je crois être d'autant plus fondé en droit de vous le proposer et le faire, que j'étais loin de la lutte à laquelle si même j'ai participé, ce n'a été que comme auxiliaire fidèle de ceux qui ne l'ont pas été vis à vis de moi. Vous connaissez déjà, et saurez encore ce que je propose, ce que je désire, mais ce n'est pas tout, je vous invite à retablir avec moi la paix générale, qui si nous la voulons difficilement pourrait nous être ravie. C'est vous en dire assez pour vous faire apprécier ma façon de penser et mes sentiments. Que Dieu vous aie en sa sainte et digne garde. Paul.

Mon plénipotentiaire Kolitschew va suivre cette lettre.

Въ „Исторіи войны 1799 года“ письмо императора Павла заимствовано изъ записокъ Наполеона и приведено въ слѣдующемъ видѣ:

„Citoyen premier Consul. Je ne vous écris point pour entrer en discussion sur les droits de l'homme ou du citoyen: chaque pays se gouverne comme il l'entend. Partout où je vois à la tête d'un pays un homme, qui sait gouverner et se battre, mon coeur se porte vers lui. Je vous écris pour vous faire connaître le mécontentement que j'ai contre l'Angleterre, qui viole tous les droits des nations, et qui n'est jamais guidée que par son égoïsme et son intérêt. Je veux m'unir avec vous pour mettre un terme aux injustices de ce gouvernement“.

Очевидно, что Наполеону, по прошествіи болѣе, чѣмъ пятнадцати лѣтъ, нѣсколько измѣнила память; онъ смѣшалъ два письма императора Павла, присовокупивъ къ письму отъ 18 декабря 1800 г. содержаніе позднѣйшаго письма отъ 15 января 1801 г., въ которомъ государь дѣйствительно жалуется на поведеніе Великобританіи по отношенію къ Россіи и къ сѣвернымъ державамъ въ особенности и приглашаетъ перваго консула предпринять что-либо противъ береговъ Англіи, чтобы положить предѣлъ ея деспотизму и выскому торговлѣ:

„Ce n'est point à moi à vous indiquer ce que vous avez à faire, mais je ne puis ne pas vous proposer s'il ne serait pas possible d'entreprendre ou du moins produire quelque chose sur les côtes de l'Angleterre, qui au moment

Перейдемъ теперь отъ фактическаго изложенія къ анекдотической сторонѣ исторіи сближенія Россіи съ Франціею.

Де-Сангленъ ¹⁾ повѣствуетъ въ своихъ Запискахъ о томъ, что императоръ Павелъ приказалъ принести карту Европы, разложилъ ее на столѣ, согнулъ на двое, провелъ по лбу рукою и сказалъ: „только такъ мы можемъ быть друзьями“ ²⁾. Анекдотъ ли это или несомнѣнный историческій фактъ — рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, вышеприведенныя слова государя вполнѣ соотвѣтствуютъ духу тѣхъ гениальныхъ проблесковъ, которые нерѣдко, въ свѣтлыя минуты, составляли удѣлъ императора Павла. Одно несомнѣнно — англичане оцѣнили по достоинству это пагубное для нихъ настроеніе русскаго государя; они спохватились вовремя и ловко воспользовались для своихъ цѣлей благопріятной обстановкой. 12-го марта гора спала съ плечъ англійскихъ государственныхъ людей; началось безмѣрное ликованіе въ лагерѣ противниковъ русско-французскаго союза, и Витвортъ, преисполненный восторга, пишетъ графу С. Р. Воронцову: „En-fin donc nous pouvons espérer de voir renaître le bon temps où la Russie et l'Angleterre ne faisaient qu'un“.

où elle se voit isolée peut produire un effet à la faire repentir de son despotisme et de son arrogance. Je vous prie de prendre en considération ce que je vous propose et vous indique“.

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1882 и 1883 гг., тт. XXXVI и XXXVII.

²⁾ Достоинно вниманія, что Наполеонъ сошелся съ императоромъ Павломъ во взглядѣ на смыслъ и значеніе русско-французскаго союза. Въ 1808 году Наполеонъ обратился къ флигель-адъютанту князю Никитѣ Григорьевичу Волконскому со слѣдующими словами: „Скажите вашему государю, что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ поссорить. Если мы въ союзѣ, миръ будетъ принадлежать намъ. Свѣтъ какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получить половину. Для этого намъ только нужно быть согласными, и дѣло сдѣлано“.—Императоръ Александръ отнесся къ этой аллегоріи самымъ скептическимъ образомъ и замѣтилъ Волконскому, когда онъ отдавалъ отчетъ о поѣздкѣ своей во Францію: „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую“.—Опасенія Наполеона оправдались; императоръ Александръ подпалъ подъ влияніе враговъ русско-французскаго союза, которые изъ-за своихъ эгонистическихъ расчетовъ разсорили тильзитскихъ друзей.—(Русскій Архивъ 1874 г., стр. 1,048).

Н. Ш.

II.

Первый консуль, мечтавшій уже увлечь Россію за собою въ походъ на Индію, принялъ извѣстіе о кончинѣ императора Павла какъ личное несчастье; въ порывѣ гнѣва и пегодованія онъ придалъ объявленію о перемѣнѣ правленія въ Россіи форму грозной выходки противъ Англіи.... Такимъ образомъ, намѣреніе Бонапарта соединить неразрывными узами два самые могущественные народа міра ¹⁾ прервалось въ самомъ зародышѣ.

Императоръ Александръ счелъ нужнымъ провозгласить въ манифестѣ, обнародованномъ по вступленіи на престолъ, что онъ будетъ царствовать по духу и разуму своей великой бабки. Но эти благія намѣренія не получили осуществленія на дѣлѣ. Екатерининскія преданія не воскресли и при ея любимомъ внуку; духъ и разумъ ея правленія были утрачены, отъ нихъ не осталось и слѣдовъ.

Внѣшнія сношенія на первый разъ приняли безцвѣтный характеръ; о географическомъ союзникѣ, конечно, позабыли, и Бонапартъ пересталъ быть центромъ политическаго плана, предложеннаго менѣе года тому назадъ графомъ Ростопчинымъ ²⁾.

Другія идеи стали отнынѣ занимать государственныхъ дѣльцовъ, стоявшихъ у кормила правленія; замыслили перестроить

¹⁾ Письмо генерала Бонапарта императору Павлу: „30 Frimaire an neuf („Je désire voir promptement et irrévocablement réunies les deux plus puissantes nations du monde“).

Въ тотъ же день, когда это письмо было получено въ Петербургѣ, а именно 2-го января 1801 года, императоръ Павелъ послѣдшилъ отвѣтить въ благопріятномъ смыслѣ для предлагаемаго союза: „Не подлежитъ сомнѣнію писалъ государь, что соглашеніе между двумя великими державами повліяетъ положительнымъ образомъ на карту Европы и я готовъ это исполнить“. -- (Il est sûr que deux grandes puissances qui s'entendent entre elles influeront d'une manière positive sur la carte de l'Europe et je suis prêt à le faire).

²⁾ Въ вышеупомянутой запискѣ графа Ростопчина сказано: „Центръ сего плана долженъ быть Бонапартъ. Онъ увидитъ и найдетъ въ предпринимаемомъ раздѣлѣ (Турціи) вѣрнѣйшій способъ къ униженію Великобританіи и утверженію при общемъ мирѣ всѣхъ завоеваній, Франціей слѣдующихъ“.

Европу на туманныхъ началахъ порядка, справедливости и христіанской нравственности!!

Возрѣнія императора Александра на предстоящія Россіи политическія задачи вполне выяснились въ перепискѣ государя съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. Приведемъ изъ нея слѣдующіе отрывки:

„Я буду стремиться слѣдовать преимущественно національной системѣ (système national), писалъ государь, т. е. системѣ, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи къ той или другой державѣ, какъ это часто случалось. Если я найду это выгоднымъ для Россіи, я буду хорошъ съ Франціей, точно также, какъ та же самая выгода Россіи побуждаетъ меня теперь поддерживать дружбу съ Великобританіею“ ¹⁾. Что же касается до Оттоманской Порты, то императоръ Александръ признавалъ однимъ изъ основаній своей политической системы „стремленіе поддерживать всѣми силами государство, слабость и дурная администрація котораго служатъ драгоцѣннымъ ручательствомъ безопасности“ ²⁾.

Въ письмѣ отъ 20-го января 1803 года проглядываетъ уже сильное неудовольствіе противъ перваго консула и высказано убѣжденіе, что чрезмѣрное властолюбіе, не знающее границъ и не оставляющее никого въ покоѣ, можетъ побудить Россію, не взирая на ея миролюбіе, прибѣгнуть къ войнѣ, единственною цѣлью которой было бы общее благо и возстановленіе спокойствія въ Европѣ.

Въ 1804 году императоръ Александръ признаетъ уже, что Россія и Англія единственныя державы въ Европѣ, не имѣющія враждебныхъ между собою интересовъ ³⁾. Подобныя убѣжденія должны были неминуемо привести къ новой

¹⁾ Императоръ Александръ графу С. Р. Воронцову 31-го октября 1801 г. (Архивъ князя Воронцова).

²⁾ Императоръ Александръ графу С. Р. Воронцову 5-го іюля 1801 года.

³⁾ Инструкція тайному совѣтнику Новосильцеву отъ 11-го сентября 1804 года, посланному въ Англію для привлеченія ея къ союзу противъ Франціи.

Въ той же инструкціи высказано было желаніе войти съ Англіею въ искреннее соглашеніе на счетъ судьбы Оттоманской Порты, въ случаѣ если бы дальнѣйшее существованіе Турецкой имперіи въ Европѣ содѣлалось невозможнымъ.

Н. Ш.

коалиціи противъ Франціи, въ которой первенствующую роль приняла на себя Россія ¹⁾). Когда походъ австро-русскихъ войскъ кончился аустерлицкимъ погромомъ, Австрія немедленно смирилась, но Пруссія, временно помирившись съ Наполеономъ, ждала только случая обновить лавры Фридриха Великаго; Россія же обѣщала поддержать ее въ этомъ предпріятіи.

Въ началѣ 1806 года императоръ Александръ поставилъ цѣлью внѣшней политики Россіи: „находиться въ сильномъ оборонительномъ положеніи, имѣя армію, готовую идти на помощь сосѣдей, если они будутъ атакованы Наполеономъ, сохранять самыя тѣсныя связи съ Англіею, удерживать Австрію и Пруссію отъ излишней покорности Наполеону“ ²⁾).

Злой рокъ продолжалъ, однако, преслѣдовать наши гуманныя затѣи; не успѣлъ еще другъ явиться на помощь союзнику, какъ судьба Пруссіи уже рѣшилась неудачнымъ исходомъ одного сраженія. Въ восемь дней армія, монархія, союзники Пруссіи — все было сокрушено счастливымъ корсиканцемъ. Причины этого явленія небезызвѣстны: „Слабость короля, нерѣшительность въ совѣтахъ, разногласіе и зависть среди генераловъ, полное незнаніе французской системы веденія войны, непринятіе мѣръ на случай неудачи, отсутствіе общественнаго духа среди народонаселенія — а среди арміи самомнѣніе, доведенное до безразсудства“ ³⁾).

¹⁾ Забыты были въ то время преданія старой русской дипломатіи. Припомнимъ здѣсь, что писалъ нѣкогда графъ М. П. Бестужевъ вице-канцлеру графу М. Д. Воронцову (18-го марта 1753 года)* по поводу участія Россіи въ европейскихъ союзахъ: „Здѣсь (въ Дрезденѣ) подъ рукою заподлинно отзываются, яко бы вѣнскій дворъ, не знае для чего, показываетъ въ себѣ многія важности и нужду, и сильное стараніе прилагаетъ привлечь Россію въ нѣкоторыя новыя обязательства единственно для своей нужды; ... всякому изъ насъ честному челоуѣку и радѣтельному патриоту желать надобно, чтобъ въ томъ дѣлѣ поступлено было со зрѣлымъ разсмотрѣніемъ, и отнюдь себя въ ономъ не преципировать; ибо лишніе ангажементы ни къ чему иному, какъ токмо къ нашему большому отягченію, а со временемъ и предосуденію, причиною будутъ; напротивъ же того, въ случаѣ какой нужды прямо намъ полагаться не на кого, и прежніе примѣры тому довольно свидѣтельствуютъ“.

²⁾ Высочайшее повелѣніе въ такомъ смыслѣ было сообщено русскимъ посламъ: графу С. Р. Воронцову въ Лондонѣ (25-го января 1806 года) и графу А. К. Разумовскому въ Вѣнѣ (12-го февраля 1806 года).

³⁾ Mémoire politique et militaire sur la guerre actuelle de la Russie 24 Décembre 1806. (Военно-ученый архивъ. № 1586). Н. III.

Не мало не колеблясь, императоръ Александръ рѣшился выручить друга и союзника, хотя новымъ положеніемъ дѣль, вмѣсто наступательной войны, надобно было помышлять о защитѣ границъ Россіи. Письмо государя къ королю отъ 22-го октября 1806 года, написанное послѣ іенскаго погрома, служить тому лучшимъ доказательствомъ:

„Въ этомъ состояніи безпокойства и неизвѣстности долгомъ считаю вновь торжественно подтвердить в. в., что каковы бы ни были послѣдствія вашихъ великодушныхъ усилій, я никогда не отважусь отъ извѣстныхъ в. в. намѣреній. Будучи вдвойнѣ связанъ съ в. в. въ качествѣ союзника и узамъ нѣжнѣйшей дружбы, для меня нѣтъ ни жертвъ, ни усилій, которыхъ я не принесъ бы, чтобы доказать вамъ всю мою преданность дорогимъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня этими двумя именами. Соединимся тѣснѣе, нежели когда-либо, пребудемъ вѣрны принципамъ чести и славы и предоставимъ прочее Промыслу, который не преминетъ положить предѣль успѣхамъ узурпаціи и тиранства, даруя торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу (*en faisant triompher la plus juste et la plus belle des causes*)“.

16-го ноября 1806 года императоръ Александръ объявилъ о началіи войны съ французами. Предвидя возможность вторженія непріятели въ русскіе предѣлы, 30-го ноября послѣдовалъ манифестъ о составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій или милицій въ 612,000 ратниковъ ¹⁾. Всѣ сословія государства были вызваны къ жертвованіямъ деньгами, хлѣбомъ, аммуничными вещами и особенно оружіемъ. Синодъ предписалъ духовенству внушать прихожанамъ, что православная наша церковь, угрожаемая нашествіемъ непріятели (!!!), призываетъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ временному ополченію, что не исканіе тщетной славы, но безопасность предѣловъ государства, собственное личное благосостояніе каждаго влагаютъ имъ въ руки оружіе ²⁾.

¹⁾ По недостатку ружей вооружили ими только пятую часть милиціи, а остальнымъ ратникамъ были даны пикн и копья. Приказано было купить въ Лондонѣ и Вѣнѣ 160,000 ружей.

²⁾ Объявленіе св. синода вслѣдствіе именнаго указа 13-го декабря 1806 года (Полное собраніе законовъ, т. XXIX, № 22,394). Н. III.

Въ каждое воскресенье и каждый праздничный день читали, по высочайшему повелѣнію, въ церквахъ, по окончаніи литургіи, объявленіе синода, гдѣ было сказано, что неистовый врагъ мира и благословенныя тишины, Наполеонъ Бонапарте дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрасеніемъ православной церкви, что во время революціи онъ отложился отъ Христовой вѣры, воздавая поклоненіе, одному Богу подобающее: истуканамъ, человѣческимъ тварямъ, блудницамъ и идольскимъ изображеніямъ; въ Египтѣ приобщился къ гонителямъ церкви Христовой, проповѣдывалъ алкоранъ магометовъ, объявилъ себя защитникомъ мусульманъ, торжественно показывалъ презрѣніе къ пастырямъ церкви Христовой, наконецъ, къ выщему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, установилъ новый великій сангедринъ еврейскій, сей самый богопротивный соборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Спасителя—и теперь помышляетъ соединить іудеевъ, гнѣвомъ Божиимъ разсыпанныхъ по всей землѣ, устремить ихъ на ниспроверженіе церкви Христовой и, „о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!“—на провозглашеніе въ его лицѣ Мессіи. Синодъ сзывалъ духовенство вооружиться силою слова Божія, не бѣжать подобно наемникамъ, имѣть попеченіе о спасеніи правовѣрныхъ, не приобщаться къ богопротивнымъ начинаніямъ и разглашеніямъ Наполеона, примѣромъ и увѣщаніями возбуждать въ душѣ каждаго мужество на пораженіе враговъ и исполненіе присяги. Въ заключеніе синодъ говорилъ: Наполеонъ дерзаетъ противъ Бога и Россіи; „явите себя защитниками славы Божіей и вѣрными сынами Россіи. Отринувъ мысли о правосудіи Божиемъ, онъ начинаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи. Покажите ему, что онъ тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія. Благодаръ Божія отступила отъ него; ничто уже не соединитъ его съ Богомъ, Которому онъ сдѣлался столь ужасно невѣрнымъ. Не вѣрьте ему, испровергните его злодѣйства, наважите безчеловѣчія, оказанныя надъ многими невинными; ихъ гласъ вопіетъ на Небо: осужденіе вѣчное преслѣдуетъ его!“

Перечитывая эту грозную филиппику, которую преподносили

тогда въ храмахъ молящемуся народу на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшему, при содѣйствіи іудеевъ, провозгласить себя Мессіей! Въ виду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполне понятнымъ народу; но за то, когда въ послѣдствіи война закончилась дружественнымъ договоромъ съ Франціею, послѣдній неизбѣжно получилъ въ глазахъ народной массы окраску какъ бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе!

22-го октября русскія войска перешли границу у Гродно въ составѣ четырехъ дивизій, которыми предводительствовалъ генералъ Беннигсенъ. Изъ Россіи поджидались подрѣпленія. Прусскій король подчинилъ Беннигсену единственный удѣлѣвшійся остатокъ своей арміи, 14,000 корпусъ Лестока, и сказалъ, что представляетъ жребій Пруссіи императору Александру.

Оставалось еще избрать достойнаго главнокомандующаго войскъ, двинутыхъ на помощь Пруссіи. Въ 1806 году общественное мнѣніе указывало на 69-ти-лѣтняго старца фельдмаршала графа М. Ѡ. Каменскаго, какъ на спасителя отечества. „Полагаясь на мысли всего государства“, императоръ Александръ назначилъ его главнокомандующимъ заграничною арміею ¹⁾, предоставивъ ему дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію. Графъ Каменскій, въ которомъ надѣялись найти другаго Суворова, провель три недѣли въ дорогѣ изъ С.-Петербурга до Вильны, по причинѣ разстроенаго здоровья. Изъ Вильны онъ донесъ государю: „я лишился почти послѣдняго зрѣнія: ни одного города на картѣ самъ отыскать не могу.... Боль въ глазахъ и въ головѣ; не способенъ я долго верхомъ ѣздить; пожалуйста мнѣ, если

¹⁾ Армія состояла изъ трехъ корпусовъ: Беннигсена, графа Буксгевдена и Эссена. Всего до 120,000 человекъ при 600 орудіяхъ. Графъ Буксгевденъ прибылъ 22-го ноября въ Остроленку, а Эссенъ подходилъ въ декабрѣ къ Бресту.

можно, наставника, друга вѣрнаго, сына отечества, чтобы сдать ему команду и жить при немъ въ арміи. Истинно чувствую себя неспособнымъ къ командованію столь обширнымъ войскомъ“. По прїѣздѣ въ Пултускъ (7-го декабря) графъ Каменскій продолжалъ писать государю въ томъ же духѣ: „старъ я для арміи; ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣни, какъ другіе; мѣсть на ландартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю.... дерзаю спрашивать себѣ перемѣны. Подписываю не знаю что“.

Семь дней фельдмаршалъ предводительствовалъ войскомъ ¹⁾ и запуталъ до неимовѣрности всѣ дѣла, едва не погубивъ при этомъ арміи. Не довѣряя самому себѣ, еще менѣе довѣряя своимъ подчиненнымъ, онъ входилъ въ самыя мелочныя распоряженія, своеручно писалъ маршруты, лично отправлялъ курьеровъ, ѣздилъ отъ одной дивизіи къ другой и отдавалъ встрѣчаемымъ на пути полкамъ, мимо ихъ прямыхъ начальниковъ, приказанія, противорѣчившія одно другому; мечталъ даже вторгнуться въ прусскую Силезію ²⁾. Начался рядъ дѣлъ на р. Верѣ. Но фельдмаршалъ уже не былъ въ силахъ вести армію въ бой. Ночью на 14-е декабря графъ Каменскій измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе. Бушевала буря, пронзительный вѣтеръ разметывалъ биваки русскихъ и французовъ, дождь и снѣжныя хлопья затмѣвали воздухъ. Фельдмаршалъ изнемогалъ силами. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго ³⁾: „бремя заботъ и отвѣтственности, усугубляемое частыми порывами гнѣва, подавило старца, лишило его сна и довѣренности къ себѣ. Среди бореній стихій боролся онъ самъ съ собою“. Наконецъ, главнокомандующій послалъ за Бенигсеномъ; когда тотъ явился, было

¹⁾ „Графъ, по обыкновенію преемниковъ власти и по врожденной его запыльности и опрометчивости, нашелъ всѣ распоряженія предшественника своего дурными, безъ внимательнаго соображенія, далъ новое направленіе полкамъ и много надѣлалъ путаницы“. („Журналъ князя Щербатова относительно военныхъ дѣйствій 1806 и 1807 годовъ“. В. У. А. № 1590).

²⁾ Объ этомъ любопытномъ и несообразномъ предположеніи Каменскаго можно найти указаніе въ „Запискахъ прусскаго генерала Марвица (Aus dem Nachlasse F. A. von der Marwitz. I. B. Berlin 1852).

³⁾ Описаніе второй войны императора Александра I-го съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ. Спб. 1846 г.

три часа пополуночи, онъ вручилъ ему письменное повелѣніе о „ретирадѣ въ наши границы“ и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ Остроленку, откуда въ донесеніи къ государю писалъ: „Увольте старика въ деревню.... таковыхъ, какъ я, въ Россіи тысячи“. Графу Буксгевдену фельдмаршалъ приказалъ бросать на дорогѣ батарею артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ, и заботиться единственно о спасеніи людей. Начальникамъ дивизій главнокомандующій прямо отъ себя предписывалъ имѣть „ретираду“ на російскія границы, „а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману“.... „а вошедъ въ границу послѣ такого несчастія явиться къ старшему“. Оправдались слова Екатерины II: „отъ Каменскаго при арміи добра не будетъ.... въ нему довѣренности имѣть едва ли возможно“ ¹⁾.

На наше счастье, Наполеонъ не могъ знать царствовавшей у насъ неурядицы и приписалъ сначала перепутанное отступленіе русскихъ войскъ и безсвязность нашихъ дѣйствій какому либо задуманному маневру. Это опасеніе вызвало со стороны Наполеона промедленіе въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ, спасшее нашу армію отъ окончательнаго пораженія.

Бенигсенъ рѣшился послушаться приказанія идти обратно въ Россію, и ожидать, напротивъ того, нападенія французовъ въ занятой подъ Пултускомъ позиціи. Самыя обстоятельства вынуждали его принять здѣсь бой; войска, утомленные передвиженіями по плохимъ дорогамъ, обратившимся въ бездонныя топи, при

¹⁾ Письмо императрицы Екатерины В. С. Попову.

Приведемъ здѣсь еще слѣдующее оригинальное оправданіе дѣйствій графа Каменскаго, высказанное имъ нѣсколько лѣтъ спустя А. П. Ермолову посѣтившему его въ 1809 году въ деревнѣ:

„Всѣмъ извѣстно, сказалъ фельдмаршалъ, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена для добыванія себѣ пищи и отвѣщиванія въ огородахъ картофеля; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ (?); мнѣ, къ концу моего долгаго поприща показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Вугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіи 56-ти лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію. Я сѣумашедшій“. (Сочиненія Д. В. Давыдова, т. 2-й).

Н. Ш.

отсутствіи продовольствія, подверглись бы совершенному разстройству. Занявъ позицію у Пултуска, можно было замедлить движеніе противника и выиграть время для сосредоточенія силъ. 14-го декабря Бенигсенъ, не побоявшись отвѣтственности, принялъ сраженіе, вопреки приказанію графа Каменскаго и не узнавъ воли графа Буксгевдена, которому онъ былъ подчиненъ какъ старшему повелѣніемъ фельдмаршала. Успѣхъ увѣнчалъ собою бой подъ Пултускомъ, а „побѣдителей не судятъ“. Побѣда подъ Пултускомъ неоспоримо принадлежитъ Бенигсену, хотя онъ ее сильно преувеличилъ въ донесеніи государю ¹⁾, и даже долженъ былъ на другой день отступить, вслѣдствіе появленія французовъ у Голымина на правомъ флангѣ. Русскія войска ночевали однако на полѣ сраженія, и на другой день наши разѣзды не встрѣтили непріятеля на разстояніи десяти верстъ. Все это пространство покрыто было валявшимися въ грязи ранеными и усталыми французами, равно какъ обозами и пушками, брошенными отступавшимъ Ланномъ. Эти пушки, равно какъ и брошенныя нашими войсками при отступленіи отъ Вкры, оставались въ грязи до весны, такъ какъ не было средствъ вытащить ихъ изъ „пятой стихіи“, открытой Наполеономъ въ Польшѣ ²⁾. Весною французы отправили наши орудія въ Варшаву, выставивъ ихъ на показъ, какъ трофеи.

Императоръ Александръ получилъ почти одновременно извѣстіе о бѣгствѣ фельдмаршала изъ вѣренной ему арміи и о побѣдѣ, одержанной Бенигсеномъ подъ Пултускомъ. Снова пришлось рѣшить въ Петербургѣ замысловатый вопросъ кому быть главнокомандующимъ!

„Трудно описать затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, писалъ императоръ Александръ графу П. А. Тол-

¹⁾ Императоръ Александръ I пожаловалъ Бенигсену орденъ св. Георгія 2-й степени и 5,000 червонцевъ. Бенигсенъ въ пышной реляціи донесъ государю будто противъ него сражался Наполеонъ съ цѣлою французскою арміею, имѣя подъ своимъ начальствомъ двухъ маршаловъ Даву и Ланна; между тѣмъ въ дѣйствительности Наполеонъ находился у Голымина, и противъ Бенигсена дѣйствовалъ одинъ Ланнъ.

²⁾ Оттепель, сопровождаемая дождемъ и снѣгомъ, обратила дороги въ бездонныя топи. Люди проваливались нерѣдко по полямъ въ грязь и погибали, если не получали своевременной помощи; даже лошаки, навьюченный картами, кушаньемъ и бѣльемъ Наполеона, потонули въ грязи. Н. III.

стому ¹⁾). Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ, который соединялъ бы военныя дарованія съ необходимою строгостію въ дѣлѣ командованія? Что касается до меня, то я его не знаю. (Quel est donc chez nous cet homme jouissant de la confiance générale, qui réunisse les talents militaires à une sévérité indispensable dans le commandement? Quant à moi je ne le connais pas). Ужъ не Михельсонъ ли, Григорій Волконскій изъ Оренбурга, Сергѣй Голицынъ, Георгій Долгорукій, Прозоровскій, Мейендорфъ, Сухтеленъ, Кноррингъ, Татищевъ? Вотъ они всѣ и ни въ одномъ изъ нихъ я не вижу соединенія требуемыхъ качествъ ²⁾).

Выборъ императора Александра остановился на мнимомъ побѣдѣ Наполеона подъ Пултускомъ—генералъ Бенигсенъ. Графу Буксгевдену приказано быть рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Наконецъ, послѣ этихъ назначеній, въ арміи водворилось единство власти ³⁾).

27-го января 1807 года новый главнокомандующій разыгралъ кровопролитный бой при Прейсишъ-Эйлау, стоившій намъ 26.000 человѣкъ убитыми и ранеными ⁴⁾. На этотъ разъ Бенигсенъ имѣлъ дѣйствительно дѣло съ самимъ Наполеономъ. Обѣ воевавшія стороны снова приписали себѣ побѣду подъ Эйлау, хотя Бенигсенъ въ 10 часовъ вечера приказалъ арміи отступить къ Кенигсбергу. Впрочемъ, въ 1809 году, Наполеонъ, прогуливаясь въ Шёнбрунскомъ саду съ ротмистромъ Чернышевымъ и бесѣдуя съ нимъ о войнѣ 1807 года, сказалъ: „Если я назвалъ себя

¹⁾ 3-го января 1807 года. Военно-ученый архивъ № 429. Графъ П. А. Толстой занималъ должность дежурнаго генерала при главнокомандующемъ; облеченный полнымъ довѣріемъ императора, онъ долженъ былъ доносить обо всемъ откровенно государю, изображая при арміи, такъ сказать, око монарха.

²⁾ Въ этомъ спискѣ отсутствуетъ имя Кутузова. На немъ лежала опала за Аустерлицъ. Въ 1806 году Кутузовъ былъ кievскимъ военнымъ губернаторомъ.

³⁾ Указъ объ увольненіи графа Каменскаго (отъ 24-го декабря) засталъ фельдмаршала въ Гроднѣ, гдѣ онъ продолжалъ запутывать дѣла. „Хотя и съ прискорбіемъ, сказано въ указѣ, но не обинуясь долженъ я сказать вамъ, что таковой предосудительный поступокъ, если бы онъ сдѣланъ былъ кѣмъ либо другимъ, надлежало бы предать строжайшему военному суду, коего неминуемымъ послѣдствіемъ было бы лишеніе живота“.

⁴⁾ „Ce n'était pas une bataille, mais un carnage“, сказалъ впоследствии Наполеонъ генералу Бенигсену (Записки Бенигсена, собственноручно имъ исправленныя, 25-я глава. Архивъ канцеляріи военнаго министерства).

побѣдителемъ подѣ Эйлау, то потому только, что вамъ угодно было отступить“. Но эту битвою Наполеонъ не приобрѣлъ особыхъ выгодъ; онъ потерялъ семь знаменъ, не отбивъ ни одного, и, простоявъ девять дней на полѣ сраженія, отступилъ за Пасаргу. Армія его, говоритъ Михайловскій-Данилевскій, какъ изстрѣлянный линейный корабль, съ подбитыми снастями, колыхалась, неспособная не только къ нападенію, но даже къ движенію и бою: на каждое орудіе оставалось только по семи зарядовъ.

Обѣ арміи расположились на зимнихъ квартирахъ — французы продолжали осады Грауденца и Данцига.

16-го марта императоръ Александръ отправился изъ Петербурга на театръ военныхъ дѣйствій. Пребываніе государя въ арміи ознаменовалось бартенштейнскою союзною конвенціею, заключенною 14-го апрѣля подѣ личнымъ руководствомъ императора. Еще тѣснѣе сплотился союзъ съ Пруссіею, имѣвшій цѣлью предоставить человѣчеству блага всеобщаго и прочнаго мира, обезпеченнаго ручательствомъ всѣхъ державъ¹⁾. Не побѣдивъ еще Наполеона, намѣревались соорудить незыблемое политическое зданіе, которое не могло бы разрушиться при первомъ покушеніи потрясти его. Съ этою цѣлью для утвержденія независимости Германіи, предполагалось уничтожить рейнскій союзъ, заставить Наполеона отвезти его войска за Рейнъ и основать въ Германіи новую конституціонную федерацію подѣ покровительствомъ Австріи и Пруссіи. Въ случаѣ присоединенія Австріи и Англій къ союзу, имъ обѣщано было територіальное расширеніе. Россія за всѣ пожертвованія въ пользу общаго дѣла не выговаривала себѣ ничего; къ довершенію же всѣхъ прелестей предложеннаго безкорыстнаго размежеванія Европы, 12 статьею обезпечивалась еще независимость и неприкосновенность Турціи!!! Высокія договаривавшіяся стороны высказывали, что онѣ не потерпятъ, чтобъ ей нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ! Любопытно, что въ договоръ могла быть включена подобная статья, если

¹⁾ „L'histoire de nos jours n'offre malheureusement que peu d'exemples de pareilles transactions, dont le but n'est uniquement que le bien général sans aucune arrière pensée de la part des puissances contractantes, et par conséquent sans articles secrets“. (Императоръ Александръ русскому послу въ Лондонѣ Анстету. 19-го апрѣля 1807 г.).

принять въ соображеніе, что Россія съ 1806 года вела войну съ Оттоманской Портой. Вообще основаніемъ дѣйствій союзниковъ положены: безкорыстіе, уваженіе правъ собственности и умѣренность ¹⁾).

Къ счастью для Россіи ни одна держава не нашла для себя возможнымъ присоединиться къ конвенціи 14-го апрѣля и вступить въ предлагаемый безкорыстный союзъ.

Вѣнскій дворъ призналъ условія бартенштейнской конвенціи столь неумѣренными, что полагалъ невозможнымъ добиться предположенной цѣли даже послѣ ряда самыхъ блистательныхъ военныхъ успѣховъ ²⁾). Вообще въ Вѣнѣ, по традиціонному предубѣжденію, взирали крайне несочувственно на Пруссію и на затѣянную ею войну; однажды графъ Стадіонъ въ припадкѣ откровенности высказалъ нашему послу графу Разумовскому слѣдующее: „Tenez, voulez vous que je vous dise ce qu'on pense ici. C'est que vous faites la guerre pour la Prusse“ ³⁾).

Не менѣе остроумно отнесся Каннингъ къ настоящему приглашенію Алопеуса приступить къ бартенштейновской конвенціи. Онъ признался, что королю извѣстенъ проектъ Гарденберга объ организаціи сѣверо-германскаго союза; главою этого союза долженъ быть прусскій король. По мнѣнію Каннинга, при такой организаціи Германіи военное господство въ Европѣ перейдетъ къ Пруссіи, которое будетъ сходно съ деспотическою властью Наполеона надъ членами рейнскаго союза, и обратитъ германскихъ князей въ вассаловъ прусскаго короля!! Алопеусъ возражалъ, что императоръ Александръ никогда не будетъ содѣйствовать какимъ-либо насильственнымъ замысламъ! ⁴⁾). Кромѣ того, въ Англіи отказали императору Александру даже въ скромномъ займѣ въ шесть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, который намѣревались сдѣлать при посредничествѣ Великобританскаго правительства, и нещадно торговались о субсидіяхъ для Пруссіи и Швеціи.

¹⁾ Бартенштейновскую конвенцію подписали: баронъ фонъ-Гарденбергъ и Андрей Будбергъ.

²⁾ Делепша графа Разумовскаго отъ 24-го мая 1807 года. — Кромѣ того Австрія относилась съ недоувѣріемъ къ тѣмъ средствамъ, которыми располагали союзники для намѣченной передѣлки карты Европы.

³⁾ Письмо графа Разумовскаго барону Будбергу отъ 1-го февраля 1807 г.

⁴⁾ Делепша Алопеуса отъ 5-го мая 1807 года.

Мало того, Англія придала еще своему отказу относительно содѣйствія въ дѣлѣ займа оскорбительную для императора Александра форму. Лордъ Говикъ призналъ опаснымъ гарантировать заемъ, потому что въ случаѣ разрыва между правительствами можно было опасаться, что желаніе причинить зло неприятелю возьметъ верхъ надъ честнымъ соблюденіемъ принятыхъ на себя обязательствъ. Императоръ Александръ былъ возмущенъ отказомъ и почувствовалъ себя оскорбленнымъ неблаговидною причиною, которою англійское министерство оправдывало принятое рѣшеніе.

Наконецъ, новыя побѣды Наполеона окончательно избавили императора Александра отъ пагубныхъ бартенштейновскихъ обязательствъ.

III.

2 (14) іюня произошло фридландское сраженіе, послѣ котораго не подлежало уже сомнѣнію на чьей сторонѣ находилась побѣда. Генераль Бенигсенъ, величавшій себя доселѣ побѣдителемъ непобѣдимаго (*le vainqueur de l'invincible*) ¹⁾, былъ на этотъ разъ окончательно разбитъ „искателемъ приключеній Бонапартомъ“ ²⁾. Результатомъ боя оказались громадныя потери (болѣе 15,000 человекъ и до 16-ти орудій), отступление русской арміи за Нѣманъ и занятіе Кѣнигсберга французами. Фридрихъ-Виль-

¹⁾ 8-го февраля 1807 года, послѣ Эйлаускаго сраженія, императоръ Александръ I-й писалъ генералу Бенигсену:

„C'est à vous, mon général, qu'a été réservé la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore“.

²⁾ Наканунѣ Фридландскаго сраженія 1 (13) іюня Бенигсенъ мечталъ еще сокрушить Бонапарта, если только Австрія присоединится къ коалиціи; по этому поводу онъ писалъ графу П. А. Толстому (командовавшему въ то время отдѣльнымъ корпусомъ) слѣдующее:

„Что дѣлаютъ австрійцы? Ихъ поведеніе постигъ непонятно; какой удобный случай представляется Австріи напасть на искателя приключеній Бонапарта (*l'aventurier Bonaparte*), рискнувшего снова зайти такъ далеко; если они только захотятъ, этотъ человекъ долженъ быть вскорѣ уничтоженъ и эрцъ-герцогъ Карлъ, этотъ великій человекъ, можетъ нанести ему послѣдній ударъ. Нѣтъ, я всегда утверждалъ, что Бонапартъ болѣе, чѣмъ счастливъ.“
(В. У. А. № 1609).

гельмъ III сдѣлался окончательнo королемъ безземельнымъ. Вся Пруссія отъ Везера до Нѣмана, кромѣ Кольберга, Пиллау, Грауденца и Мемеля, находилась во власти Наполеона ¹⁾.

Россія среди борьбы, поднятой въ порывѣ великодушія за чуждое ей дѣло: спасеніе Европы, осталась въ самый критическій моментъ войны безъ союзниковъ. Вѣйскій кабинетъ объявилъ, что австрійскія войска ранѣе 1809 года не могутъ быть поставлены на военную ногу; графъ Разумовскій тщетно хлопоталъ втянуть Австрію въ войну. Что-же касается Англій, то она отнеслась ко всѣмъ предложеніямъ Россіи съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и приготовленія ея къ высадкѣ на германскомъ прибрежьи для рѣшительной диверсіи въ тылу лѣваго фланга Наполеона кончились подобно прежнимъ — одними обѣщаніями. вмѣсто ожидаемыхъ 30,000, только до 6,000 англичанъ прибыли, наконецъ, на сборное мѣсто высадки къ острову Рюгену, въ то время, когда участь кампаніи уже рѣшилась подъ Фридрихландомъ.

Отнынѣ императору Александру предстояло выбрать одно изъ двухъ рѣшеній: или заключить миръ съ Франціею, или продолжать единоборство съ Наполеономъ на русской территоріи; остановились на первомъ рѣшеніи.

Императоръ Александръ въ слѣдующихъ словахъ сдѣлалъ оцѣнку событій, которыя привели его къ примиренію съ Франціею:

„Руководствуясь постоянно неизмѣнными правилами справедливости, безкорыстія и непреложною заботливостію о моихъ союзникахъ, я не пренебрегъ ничѣмъ находящимся въ моей власти для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатическихъ сношеній, сдѣланныхъ съ этою цѣлью по моему повелѣнію, я два раза вступалъ въ борьбу съ Франціею, и, конечно, не будутъ меня упрекать ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ въ преслѣдованіи какихъ либо личныхъ выгодъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ уже столько вѣковъ основывалось спокойствіе и благосостояніе Европы, я чувствовалъ, что обязанность и достоинство російскаго государя обязывали меня не оставаться празднымъ зрителемъ этого окон-

¹⁾ Въ Силезіи не успѣли еще сдаться французамъ крѣпости Козель, Зильбербергъ и Глацъ.

чательнаго разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго ошибками другихъ доведены были дѣла,—когда мнѣ одному пришлось бороться со всѣми силами Франціи, поддержанными огромными средствами, доставляемыми ей Германією, Италією, Голландією и даже Испанією; когда я былъ совершенно оставленъ союзниками, на которыхъ я имѣлъ поводъ всего болѣе рассчитывать; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моей имперіи подвергаются опасности отъ сдѣленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ невозможно было тотчасъ отвратить,—я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, неоднократно сдѣланными мнѣ въ продолженіе сей войны императоромъ французовъ. (*J'ai pensé que j'étais pleinement en droit de profiter des propositions que pendant cette guerre l'Empereur des français m'avait fait faire à plusieurs reprises*). Тогда и я въ свою очередь рѣшился предложить перемиріе, за которымъ въ скоромъ времени послѣдовалъ окончательный миръ между Россією и Францією¹⁾.

Еще до фридландскаго боя среди арміи начали раздаваться вліятельные голоса въ пользу мира. Къ нимъ принадлежалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, вообще не любившій войны. Великій князь прибылъ въ Тильзитъ послѣ гейльсбергскаго сраженія и горячо убѣждалъ своего державнаго брата вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Подобно тому, какъ и въ 1812 году, когда Барклай отправилъ цесаревича изъ арміи въ Петербургъ, онъ повторялъ всякому встрѣчному, что надо просить мира и добиться его во что-бы то ни стало. Насколько подобное предложеніе было неумѣстно въ тяжелую годину отечественной войны, настолько оно было цѣлесообразно въ 1807 году, на берегу Нѣмана²⁾.

¹⁾ Изъ высочайшей инструкціи, отъ 14-го сентября 1807 года, данной графу Толстому при отправленіи его посломъ въ Парижъ.

²⁾ Вольцогенъ въ своихъ запискахъ (*Wolzogen: Memoiren, Leipzig, 1851*, стр. 42 и 43) упоминаетъ о бурной сценѣ, разыгравшейся въ Тильзитѣ, за два дня до фридландскаго сраженія, между императоромъ Александромъ и цесаревичемъ по поводу замиренія съ Францією. Тотъ же Вольцогенъ говоритъ, что еще до событій 2-го іюня среди русской арміи поднялся всеобщій ропотъ и ставился вопросъ: „для чего намъ продолжать сражаться изъ-за личной дружбы нашего императора къ королю прусскому?!“ Константинъ Павловичъ вообще не стѣснялся высказывать свое нерасположеніе къ пруссакамъ, утверждая „*qu'il était en cela bon russe*“.

Въ Тильзитѣ царствовало въ это время, по свидѣтельству очевидца князя Куракина ¹⁾, настоящее вавилонское столпотвореніе; это было смѣшеніе языковъ и чувствъ; въ одно время и страшились, и надѣялись, волновались, говорили, разспрашивали и не понимали другъ друга; никто не зналъ чтѣ говорить, чего ожидать и куда идти.

Умолкли голоса стратеговъ, которые твердили при началѣ прусско-русскаго столкновенія съ Франціею: если война затянется, она послужитъ школой для Россіи; нужно стараться даже придать ей такой характеръ; французы, оставшись побѣдителями, окажутъ императору Александру ту же услугу, какъ нѣкогда шведы Петру Великому, и такимъ образомъ рано или поздно съверъ Европы оплатитъ югу за его неблагоразумные уроки ²⁾.

Неожиданный прїѣздъ изъ арміи цесаревича произвелъ сильное впечатлѣніе. Лица, предположившія, что онъ представитъ государю вѣрную картину положенія дѣлъ, не ошиблись въ своихъ расчетахъ; всѣ обрадовались, когда стало извѣстнымъ, что цесаревичъ явился ходатаемъ за восстановленіе мира. Однако, на этотъ разъ, императоръ Александръ не внялъ доводамъ сторонниковъ прекращенія военныхъ дѣйствій, приказалъ цесаревичу возвратиться къ арміи и уѣхалъ въ Юрбургъ на встрѣчу къ прибывшимъ изъ Россіи резервамъ ³⁾.

Въ Тильзитѣ цесаревичъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ князя Куракина и Н. Н. Новосильцова. Коснувшись въ разговорѣ положенія дѣлъ, великій князь высказалъ мнѣніе, что было бы весьма желательнымъ, сохраняя армію въ полной боевой готовности, послать парламентаря къ Бонапарту, чтобы вывѣдать его

¹⁾ Письмо князя Куракина — императрицѣ Маріи Федоровнѣ отъ 3 (15) іюня 1807 года.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ въ 1807 году назначенъ былъ посломъ къ вѣнскому двору; окончателныя инструкціи онъ долженъ былъ получить отъ императора Александра на театрѣ военныхъ дѣйствій, и потому на пути изъ Петербурга въ Вѣну остановился въ Тильзитѣ.

²⁾ *Mémoire politique et militaire*. 1806. (В. У. А. № 1586).

³⁾ Въ бытность въ Тильзитѣ императоръ Александръ I-й, 29-го мая 1807 года, послалъ генералу Бенигсену краткую записку слѣдующаго содержания:

„J'attends de vous que vous remplirez ce que votre devoir, l'honneur et la gloire de la Russie exigent de vous“.

Бенигсенъ отвѣтилъ на этотъ прїзывъ—Фридландомъ. Н. Ш.

дальнѣйшія намѣренія, равно какъ и условія возможнаго съ нимъ соглашенія. вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ замѣтилъ, что такой образъ дѣйствій не только соотвѣтствовалъ бы выгодамъ Россіи, но и ободрительно повліялъ бы на армію, которая увидѣла бы въ этомъ доказательство заботливости объ ея сбереженіи.

Изъ лицъ, окружавшихъ императора Александра, по отзыву цесаревича, только министръ иностранныхъ дѣлъ генераль баронъ Будбергъ настаивалъ на необходимости продолжать войну ¹⁾. По этому поводу великій князь разсказалъ еще Курякину, что наканунѣ утромъ генераль Будбергъ пришелъ къ нему и откровенно высказалъ свой образъ мыслей, въ присутствіи князя Чарторижскаго и Новосильцева. Министръ съ жаромъ отстаивалъ свое мнѣніе, утверждая, что наша армія еще не разбита, что у насъ имѣется еще резервная армія и что мы можемъ разсчитывать на вѣрность нашихъ польскихъ провинцій, а государь можетъ положиться на свой народъ. Князь Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, увѣряя генерала Будберга, что онъ сильно ошибается относительно настроенія нашихъ польскихъ подданныхъ, что сѣмя возстанія распространено между ними, и что они, безъ сомнѣнія, поголовно возстанутъ, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы. Великій князь, съ своей стороны, замѣтилъ, что сторонники войны напрасно разсчитываютъ на поддержку большой резервной арміи; напротивъ того, вся наша надежда и все наше спасеніе находятся въ зависимости отъ цѣлости и сомнительныхъ успѣховъ только одной арміи Бенигсена; что въ настоящее время резервы состоятъ въ дѣйствительности только изъ двухъ дивизій Лобанова и Горчакова въ составѣ едва 35,000 человекъ. Кромѣ того, цесаревичъ указалъ еще на другія неблагопріятныя къ продолженію войны обстоятельства, вслѣдствіе недостатка у насъ оружія, припасовъ и денегъ. Что-же касается русскаго народа, то хотя онъ

¹⁾ Любопытно, что самый ревностный сторонникъ войны съ Франціею баронъ Будбергъ признавался многими современниками виновникомъ примиренія Россіи съ Наполеономъ. Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ бранилъ его въ своей перепискѣ самымъ нещаднымъ образомъ, заподозрѣвая въ немъ мнимаго творца Тильзитскаго соглашенія (*Le scélérat Budberg, un Livonien d'extraction, un ancien sujet suédois* и т. п.). Н. III.

извѣстенъ своею доблестію и безпредѣльною преданностію своимъ государямъ, но въ случаѣ вторженія побѣдоносной арміи населеніе не можетъ оказать сопротивленія безъ регулярныхъ войскъ.

Между тѣмъ во время отсутствія изъ арміи цесаревича, участь похода 1807 года была рѣшена въ фридландской бойнѣ; выѣхавъ изъ Тильзита, великій князь встрѣтилъ остатки разбитой арміи въ Инстербургѣ!... Счастливый завоеватель, по выраженію Дениса Давыдова, уже съ высокихъ береговъ Нѣмана пожиралъ землю русскую, синѣющую на горизонтѣ.

4-го іюня императоръ Александръ производилъ близъ Юрбурга смотръ пришедшей изъ Москвы 17-й дивизіи князя Лобанова-Ростовскаго, когда получено было извѣстіе о фридландскомъ пораженіи. Генералъ Бенигсенъ въ заключеніи своего краткаго донесенія отъ 3-го іюня изъ Алленбурга, повергалъ на благоусмотрѣніе государя мнѣніе о необходимости завязать мирные переговоры (*quelques négociations de paix*) съ непріятелемъ, чтобы выиграть хотя бы нѣкоторое время, нужное для вознагражденія потерь, понесенныхъ арміею.

Но независимо отъ донесенія главнокомандующаго, императоръ Александръ прочелъ еще частное письмо старшаго дипломатическаго чиновника въ арміи Цизмера въ министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ говорилось по поводу постигшаго насъ злополучія, что генералъ Бенигсенъ, не желая огорчить государя, пишетъ ему не все и представляетъ дѣло въ менѣе мрачномъ видѣ, нежели какъ было на самомъ дѣлѣ ¹⁾. Если очевидно всей кампаніи позволено будетъ откровенно говорить начальнику, связано въ письмѣ, то доложу, что намъ остается одно средство: какъ можно скорѣе предложить перемиріе, или вступить въ переговоры о мирѣ. (*Il me paraît qu'il n'y a plus rien à faire que demander le plus tôt possible un armistice, ou aussi d'entamer des négociations de paix, tandis que le reste de l'armée et les secours qui lui arrivent placés derrière la Prégel, pourront nous donner encore les moyens d'obtenir des conditions honorables* ²⁾).

¹⁾ „Ce fut une déroute complète, пишетъ Цизмеръ, sans ordre ou commandement“.

²⁾ Очевидецъ событій 1807 года Д. В. Давыдовъ, занимавшій въ то время должность адъютанта князя Багратіона, штабъ-ротмистръ л. гв. гусарскаго полка, въ мрачныхъ краскахъ представляетъ безотрадную картину

Всѣ эти безотрадныя вѣсти побудили императора Александра написать въ тотъ же день (изъ Олты) генералу Бенитсену слѣдующее собственноручное письмо:

„Ввѣривъ вамъ, генераль, армию прекрасную, я совершенно не былъ подготовленъ получить извѣстія, которыя вы мнѣ нынѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ открытія переговоровъ о перемиріи, нѣтъ другихъ средствъ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находитесь, то разрѣшаю вамъ сіе исполнить, но съ тѣмъ, однако, чтобы вы договаривались отъ имени вашего. Я призналъ за благо отправить къ вамъ генераль-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ получить отъ васъ порученіе для веденія этихъ щекотливыхъ переговоровъ (*de cette épineuse négociation*)¹⁾).

упадка духа въ русской главной квартирѣ, въ которой многія лица еще за нѣсколько дней съ увѣренностью мечтали о предстоящемъ низложеніи Наполеона:

„Я прискакалъ въ главную квартиру 6-го іюня, которую составляла толпа людей различнаго рода. Тутъ были: англичаве, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной, и гражданской, туеядцы, интриганты,—словомъ, это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкротившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ... все было въ полной тревогѣ, какъ будто чрезъ полчаса должно было наступить свѣта - представленіе. Одинъ Бенитсенъ оставался невзмѣннымъ; онъ видимо страдалъ, но скорбію безмолвною, мужественною, римскою; то былъ Сципіонъ, пораженный Анибаломъ при Тессинѣ“.

Давыдовъ отбѣняетъ въ своемъ разсказѣ разницу, усмотрѣнную имъ между настроеніемъ умовъ въ главной квартирѣ и среди войскъ, вовсе не упавшихъ духомъ:

„Тутъ только я узналъ, пишетъ Давыдовъ, въ какой міръ я попалъ, и убѣдился, до какой степени та часть арміи, которая живетъ подъ крышами и такъ рѣдко вдается въ случайности сраженій, отличается отъ той, которой крышею служитъ шатеръ небесный; я оставилъ эту послѣднюю, за два часа передъ тѣмъ, подъ пулами и ядрами, готовою даже на безконечныя войны“.

(Сочиненія Д. В. Давыдова. Москва, 1860 г. Т. 2-й. Тильзитъ въ 1807 году). Н. III.

¹⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій родился въ 1758 г. Онъ былъ раненъ при взятіи Очакова и Измаила и участвовалъ въ побѣдѣ Рѣвнина надъ турецкою арміею при Мачинѣ; за эти подвиги Лобановъ награжденъ былъ орденами св. Георгія 3-го и 4-го классовъ. Затѣмъ онъ отличился при взятіи Праги Суворовымъ. При императорѣ Павлѣ князь

Онъ словесно передастъ вамъ приказанія, которыми я его снабдилъ, и посовѣтовавшись съ генераломъ Поповымъ ¹⁾, отправьте его къ Бонапартію. Вы должны чувствовать, сколь тяжело мнѣ обратиться къ сему средству. (Vous devez sentir tout ce qu'il m'en coute de passer par ce moyen)⁴.

Письмо на имя главнокомандующаго государь отправилъ подъ открытою печатью въ армію къ В. С. Попову для прочтенія и, полагаясь на его безпристрастное сужденіе, уподномочивалъ его рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли армія до такой степени разстроена, какъ утверждаетъ Бенигсенъ, что надобно прекратить военныя дѣйствія? Въ послѣднемъ случаѣ Поповъ долженъ былъ передать главнокомандующему письмо государя.

Нѣмецкіе историки не могутъ простить императору Александру переворотъ, совершившійся въ его политическихъ воззрѣніяхъ послѣ Фридланда, и поставившій пользы и выгоды Россіи выше сохраненія цѣлости Пруссіи; они приходятъ въ негодованіе, что рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ могло быть довѣрено интендантскому чиновнику: „diesem Porow“, презрительно говорить Бернгарди въ своей исторіи Россіи ²⁾, и, въ довершенію

Лобановъ былъ осыпанъ наградами, произведенъ въ генераль-майоры, черезъ два года въ генераль-лейтенанты, а въ исходѣ 1797 года князь былъ уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1806 г. императоръ Александръ предложилъ князю Лобанову принять начальство надъ формируемою въ Твери 17-ю дивизію.

Князь Лобановъ приходился двоюроднымъ братомъ князю Александру Борисовичу Куракину.

¹⁾ Въ царствованіе императрицы Екатерины Василій Степановичъ Поповъ въ чинѣ генераль-майора награжденъ орденами св. Владиміра 1-й степени и св. Александра Невскаго. При Павлѣ I генераль Поповъ переименованъ въ тайные совѣтники и затѣмъ преданъ суду и уволенъ отъ службы. Когда во время войны 1806 года обнаружилось крайне неудовлетворительное положеніе интендантскихъ дѣлъ въ заграничной арміи, императоръ Александръ вызвалъ, въ началѣ 1807 года, Попова изъ деревни и отправилъ его къ генералу Бенигсену для приведенія въ порядокъ хозяйственнаго управленія арміи. 19-го мая государь писалъ Попову: „Пріятно мнѣ весьма, что нашелъ я человека, который себя ставитъ свѣше той пріязни, которую привлекаютъ къ себѣ пагубнымъ потворствомъ и снисхожденіями, и предпочитаетъ пользу службы личнымъ непріятностямъ“. Эти строки обрисовываютъ вполне ту степень глубокаго довѣрія и уваженія, съ которою императоръ Александръ относился къ этому удѣльшему обломку Екатерининской славы.

²⁾ Bernhardi: Geschichte Russlands und der europäischen Politik bis 1831. — 2-й т., стр. 535.

Н. III.

горя, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ королемъ прусскимъ, находившимся въ Мемелѣ!! Но порицатели тильзитскаго соглашенія и сторонники Безземельнаго короля забываютъ, что В. С. Поповъ состоялъ въ военной службѣ съ 1765 по 1797 годъ, принималъ участіе во второй екатерининской войнѣ съ Турціею и, пользуясь особеннымъ довѣріемъ князя Потемкина, прошелъ при свѣтлѣйшемъ въ качествѣ правителя его канцеляріи такую школу, что не могъ оставаться чуждымъ и военному дѣлу. Поэтому его слѣдуетъ признать полноправнымъ судьбою въ рѣшеніи вопроса, возложеннаго на него высочайшимъ довѣріемъ ¹⁾).

Поповъ донесъ императору Александру о необходимости прекратить на время военныя дѣйствія ²⁾ и вручилъ генералу Бенигсену письмо государя. Когда такимъ образомъ главнокомандующему развязали руки, онъ обратился 7-го іюня къ маршалу Бертю съ письмомъ, въ которомъ выражалъ готовность положить предѣлъ дальнѣйшему кровопролитію и вступить съ французами въ переговоры. Князю Багратиону, командовавшему нашимъ арьергардомъ, поручено было отправить письмо съ офицеромъ къ непріятелю, но не ранѣе какъ послѣ перехода всѣхъ нашихъ войскъ на правый берегъ Нѣмана ³⁾).

¹⁾ Гарденбергъ приписываетъ измѣненіе въ политической системѣ Россіи гнусному заговору, жертвою котораго сдѣлался императоръ Александръ, по свойственной ему слабости характера (?!): „Une cabale abominable dont le général Benigsen a été l'âme et à la tête de laquelle on a su placer le grand-duc Constantin, a commencé par paralyser l'armée et faciliter à Napoléon la réussite de tous ses plans. Non content de ne rien faire, on a sacrifié l'armée russe au but qu'on se proposait depuis longtemps, de se retirer derrière le Niémen et de forcer l'Empereur à faire la paix. Quoique averti sa faiblesse extrême l'empêcha de prendre un parti décisif on a fini la retraite longtemps arrêtée et par forcer la main à l'empereur, qui, malgré ses assurances réitérées, s'est jeté inopinément aux pieds de la France“. (Баронъ Гарденбергъ Штейну, 28-го іюня 1807 г., изъ Мемеля).

²⁾ 3-го іюня князь Куракинъ встрѣтилъ Попова въ Тильзитѣ и узналъ отъ него, что мы потеряли очень много людей; цѣлой трети гвардейскихъ полковъ не стало; Бенигсенъ почти потерялъ голову; армія жаждетъ мира; войска сражались какъ львы и встрѣчая смерть какъ герои, утомились войною, которую они ведутъ.

³⁾ 7-го іюня Мюратъ занялъ Тильзитъ. Русскія войска, перейдя Нѣманъ, зажгли за собою мостъ и расположились вдоль рѣки, гдѣ они приступили къ постройкѣ укрѣпленій.

Письмо русскаго главнокомандующаго встрѣтило въ французской главной квартирѣ, какъ и слѣдовало ожидать, самый сочувственный пріемъ.

Наполеонъ издавна уже сознавалъ, что ему нужно приобрѣсти для Франціи вѣрнаго континентальнаго союзника, на котораго можно было бы положиться въ будущемъ. Событія войны 1806 и 1807 годовъ еще болѣе убѣдили его въ необходимости прочнаго союза съ одною изъ европейскихъ главныхъ державъ. „Необходимо, писалъ Наполеонъ Талейрану, чтобы все это окончилось системою тѣснаго союза или съ Россіею, или съ Австріею“ Вѣнскій кабинетъ не сумѣлъ воспользоваться благоприятной обстановкой и своевременно извлечь для себя возможныя выгоды изъ борьбы, завязавшейся въ сѣверо-восточной окраинѣ прусскаго королевства. Пока австрійскіе дипломаты колебались и не знали къ какому берегу пристать, фридландское сраженіе опредѣлило дальнѣйшее направленіе французской политики; въ крайнему огорченію вѣнскаго кабинета, Наполеонъ протянулъ руку примиренія Россіи и на этотъ разъ не встрѣтилъ отказа со стороны императора Александра!

Маренго обезпечилъ за Наполеономъ владычество въ Италиі, Аустерлицъ повергъ къ его стопамъ Австрію, Фридландъ привлекъ къ побѣдителю союзника, содѣйствіе котораго входило съ 1801 года въ политическую программу французскаго владыки. Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ съ своей стороны искренно желалъ мира и сознавалъ необходимость остановиться на сей разъ на Нѣманѣ. Хотя впоследствии Наполеонъ писалъ императору Александру (28-го февраля 1811 года): „я могъ быть въ Вильнѣ черезъ двѣнадцать дней послѣ сраженія при Фридландѣ“,—но занятіе Вильны, конечно, не рѣшало исходъ борьбы съ Россіею, требовавшей громадной подготовки, которая отсутствовала у французовъ въ эпоху фридландскаго погрома.

Вечеромъ 7-го іюня къ русскому главнокомандующему прибылъ генералъ Дюрокъ, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1801 году въ Петербургѣ. Дюрокъ, между прочимъ, увѣрилъ Беннигсена, что Наполеонъ искренно желаетъ сближенія съ императоромъ Александромъ: „*mais qu'il fallait s'entendre*“¹⁾; онъ

¹⁾ Записки генерала Беннигсена (25-я глава).

нѣсколько разъ повторялъ это выраженіе, которое, по мнѣнію Бенигсена, содержало намекъ на свиданіе между обоими монархами.

8-го іюня Бенигсенъ направилъ къ маршалу Бертье князя Лобанова-Ростовскаго, присланнаго государемъ для веденія переговоровъ по заключенію перемирія. Послѣ нѣкоторой задержки въ ходѣ переговоровъ, вызванной требованіемъ Наполеона о сдачѣ ему прусскихъ крѣпостей: Грауденца, Кольберга и Пиллау ¹⁾, все приняло желаемый оборотъ, когда узнали о желаніи императора Александра воспользоваться перемиріемъ для заключенія окончательнаго мира съ Франціею. Князь Лобановъ счелъ, однако, долгомъ предупредить Бертье, что императоръ Александръ, при всей готовности положить конецъ кровопролитію, не согласится на миръ оскорбительный для достоинства Россіи, а тѣмъ менѣе не потерпитъ самозвѣрнаго измѣненія въ границахъ Россіи. Бертье объявилъ, что со стороны французовъ почитаютъ обиднымъ одно предположеніе о возможности касаться предѣловъ нашихъ—Наполеонъ и не помышляетъ объ этомъ.

10-го іюня состоялось первое свиданіе князя Лобанова съ Наполеономъ. „Я много наслышался о васъ хорошаго“, сказалъ Наполеонъ князю, пристально смотря ему въ глаза, и благодаренъ императору Александру за сдѣланный имъ выборъ ²⁾.

¹⁾ Императоръ Александръ писалъ по этому случаю Бенигсену изъ Шавли 8-го іюня: „Грауденцъ, Кольбергъ и Пиллау мнѣ не принадлежать. Въ этихъ крѣпостяхъ не находится даже моихъ войскъ, слѣдовательно, не въ моей власти соглашаться на уступку ихъ. Вообще это требованіе, по моему мнѣнію, не можетъ быть допущено. Поручите князю Лобанову передать маршалу Бертье отвѣтъ въ этомъ смыслѣ и сказать ему, что я искренно раздѣляю желаніе ихъ положить предѣлъ кровопролитію заключеніемъ мира“.

Король прусскій находился въ то время у государя въ Шавли. Донесенія Бенигсена и князя Лобанова привезены были цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ императорскую главную квартиру. Н. III.

²⁾ Богдановичъ въ Исторіи императора Александра I-го замѣчаетъ, что довольно трудно объяснить, почему князь Лобановъ, храбрый воинъ, но незнакомый съ дипломатіей, не обладавшій счастливою внѣшностью, чловѣкъ довольно грубый, съ угловатыми манерами, получилъ такое порученіе? На этотъ упрекъ, сдѣланный почтеннымъ историкомъ, слѣдуетъ отвѣтить новымъ вопросомъ: находилось ли подъ рукою государя другое лицо, которому можно было поручить веденіе столь щекотливыхъ переговоровъ? Генералъ

Потомъ приблизившись къ столу, на которомъ лежала карта, онъ прибавилъ, указывая на Вислу: „вотъ граница обѣихъ имперій: съ одной стороны долженъ владычествовать вашъ государь; съ другой я“ ¹⁾. Но русскій государственный эгоизмъ еще не созрѣлъ тогда до сочувственнаго отношенія къ подобнымъ предложеніямъ Наполеона! Вѣроятно въ умѣ французскаго владыки созрѣлъ уже планъ, о которомъ онъ впоследствии упомянулъ князю Волконскому въ 1808 году: „свѣтъ какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ; мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получитъ половину; если мы въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ“. Князь Лобановъ, памятуя данныя имъ инструкціи, преисполненныя политическимъ великодушіемъ, свойственнымъ новѣйшей, не екатерининской дипломатіи, отвѣчалъ: „государь мой твердо намѣренъ защищать владѣнія союзника своего, короля прусскаго“. По поводу этого заявленія импровизированнаго русскаго дипломата можно только замѣтить, повторяя слова незабвеннаго Н. Я. Данилевскаго ²⁾, сказанныя при разборѣ другаго случая нашей политической исторіи: „умно ли это или нѣтъ, ужъ не знаю; но за то великодушно въ высшей степени, изъ рукъ вонъ какъ великодушно“. Наполеонъ тѣмъ не менѣе продолжалъ излагать

Будбергъ былъ явный противникъ новой политической системы, которая зарождалась въ умѣ императора Александра I-го. Князю Чарторижскому, по причинѣ его крайнихъ польскихъ тенденцій, неудобно было вручать судьбу Россіи въ такую критическую минуту. Н. Н. Новосильцевъ, ѣздившій въ 1804 году въ Англію съ туманнымъ планомъ всеобщаго европейскаго замиренія, также не подходилъ для предстоящей тильзитской миссіи. Оставался еще оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой; но графъ Николай Александровичъ еще подъ Аустерлицомъ заявилъ одному лицу, просившему его отклонить государя отъ роковаго боя: „qu'il se mêlait de poulandes, du vin“, предоставляя генераламъ вести войну. Князя А. Б. Куракина приберегали для позднѣйшихъ мирныхъ переговоровъ; притомъ этотъ далеко не воинственный царедворецъ не могъ принять на себя полу-военную миссію, которая требовалась тогда обстоятельствами въ Тильзитѣ. Итакъ, императору Александру I-му не оставалось иного выбора, какъ снова обратиться къ другому удѣльшему обломку екатерининской славы: князю Лобанову. Н. Ш.

¹⁾ Вантышъ-Каменскій. Биографическій очеркъ князя Дмитрія Ивановича Лобанова - Ростовскаго, — (Библіотека для Чтенія 1839 года и Словарь достопамятныхъ людей русской земли. — Спб., 1847, т. 2).

²⁾ Н. Я. Данилевскій: Россія и Европа. — Спб. 1871, стр. 16.

Лобанову доводы въ пользу своихъ предположеній. Князь слушалъ его хладнокровно и потомъ напомнилъ о цѣли своего прїѣзда. Наполеонъ, готовясь къ соглашенію съ Россіею, собралъ уже предварительно вѣрныя данныя о характерѣ и особенностяхъ императора Александра; вступая съ нимъ въ переговоры, онъ зналъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Въ одномъ онъ только ошибся: онъ думалъ, что, вѣрный словамъ своего манифеста, изданнаго при восшествіи на престолъ, онъ вполне раздѣлялъ всѣ великія мысли своей гениальной бабки ¹⁾. Отвѣтъ князя Лобанова отрезвилъ Наполеона: замѣтивъ, что краснорѣчіе его политической импровизаціи не встрѣчаетъ ожидаемаго отголоска со стороны русскаго посланнаго, императоръ обратился къ Бертье и приказалъ ему заняться редакціею перемирія, согласно полученному уже наставленію.

Въ тотъ же день, 10-го іюня, перемиріе было подписано. Пятою статьею этого договора императоръ Россійскій и императоръ французскій обязывались назначить въ самомъ скорѣйшемъ времени полномочныхъ для постановленія окончательнаго мира между обоими народами. Съ Пруссіею Наполеонъ предоставлялъ себѣ право заключить особое перемиріе.

Въ седьмомъ часу пополудни Наполеонъ пригласилъ къ своему столу князя Лобанова, и обошелся съ русскимъ уполномоченнымъ весьма ласково. Въ продолженіе обѣда, къ которому приглашены были также Бертье и Дюрокъ, Наполеонъ потребовалъ шампанскаго, налилъ себѣ и князю Лобанову, ударился съ нимъ рюмками и провозгласилъ здоровье императора Александра. Когда затѣмъ за обѣдомъ зашла рѣчь объ императрицѣ Екатеринѣ, и при воспоминаніи о ней на глазахъ у Лобанова навернулись слезы, Наполеонъ, схвативъ за руку сидѣвшаго возлѣ него своего гофмаршала, сказалъ ему: „*Regardez, regardez, Ducos, comme les russes aiment leurs souverains*“. Князь Лобановъ остался у Наполеона одинъ до девяти часовъ вечера. „Онъ былъ веселъ и говорливъ до безконечности, доносилъ князь Лобановъ государю, повторялъ мнѣ не одинъ разъ, что онъ всегда былъ преданъ (*devoué*) и чтилъ ваше императорское величество,

¹⁾ А. А. Васильчиковъ: Семейство Разумовскихъ. Т. 4-й, стр. 386.

что польза взаимная обѣихъ державъ всегда требовала союза, и что ему собственно никакихъ видовъ на Россію имѣть нельзя было. Онъ заключилъ тѣмъ, что истинная и натуральная граница російская должна быть рѣка Висла“.

Въ то время, когда въ Тильзитѣ изготавляли договоръ о перемиріи, императоръ Александръ I-й имѣлъ въ Шавли съ княземъ Куракинымъ достопамятный разговоръ, въ которомъ исчислилъ всѣ соображенія, заставившія его желать мира. Государь сказалъ слѣдующее: мы потеряли ужасающее число офицеровъ и солдатъ; всѣ наши генералы, и въ особенности лучшіе, ранены и больны; въ арміи только пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, которые, какъ напримѣръ: Горчаковъ, Уваровъ и Голицынъ, не имѣютъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ, и что, слѣдовательно, у насъ нѣтъ свѣдущихъ начальниковъ, способныхъ командовать войсками и отдѣльными корпусами. Ему невозможно продолжать войну одному, безъ помощи союзниковъ; Англія вела себя дурно съ самаго начала и теперь дала незначущее обѣщаніе выставить вспомогательный корпусъ численностію отъ 10 до 15,000 человекъ, не опредѣляя въ точности въ какое время она приступитъ къ его исполненію, и когда придутъ эти войска, будетъ уже слишкомъ поздно¹⁾; лордъ Говеръ, прибывшій съ этими увѣреніями, объяснилъ также, что Англія не можетъ назначить болѣе 2.200,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ для поддержки своихъ континентальныхъ союзниковъ, и что эту сумму должно еще раздѣлять между Россіей, Пруссіей и Австріей; подобная незначительная денежная поддержка не можетъ ему служить облегченіемъ въ виду предстоящихъ громаднхъ издержекъ; онъ надѣется, что Франція не нарушитъ неприкосновенности нашихъ границъ, а для возврата Пруссіи ея владѣній онъ можетъ предложить соотвѣтственные эквиваленты, какъ то: Молдавію, Валахію и семь Ионическихъ острововъ. Наконецъ, бывають обстоятельства, среди которыхъ надобно думать преимущественно

¹⁾ Въ то самое время, когда Англія равнодушно взидала на пораженіе пруссаковъ и русскихъ и оттягивала исполненіе столь необходимой для насъ диверсіи на нѣмецкихъ берегахъ, она не жалѣла средствъ и щедро расточала свои силы для чисто англійскихъ предпріятій: адмиралу Дуворту приказано произвести нападеніе на Египеть, открыты дѣйствія противъ Буэносъ - Аиресъ и Лоплата, расширено владѣнство въ Индіи. (Lefebvre: Histoire des cabinets de l'Europe. (1800—1815). Т. 4, р. 97). Н. III.

о самомъ себѣ и руководствоваться однимъ побужденіемъ: благомъ государства.

Относительно Бенигсена государь замѣтилъ тому же князю Куракину, что онъ понять не можетъ, какимъ образомъ объ этомъ генералѣ сложилось въ столицѣ такое высокое мнѣніе; его нисколько не уважаютъ среди арміи; всѣ находятъ его вялымъ и лишеннымъ энергіи; онъ послѣ каждой битвы только все отступаетъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, какъ въ тому привыкъ русскій солдатъ и какъ это всегда исполнялъ Суворовъ, и что нашими побѣдами при Пултускѣ и Эйлау мы обязаны не ему и его мнимымъ талантамъ, а единственно доблести нашихъ войскъ.

11-го іюня князь Лобановъ отправился въ императору Александру, прибывшему въ Таурогенъ, съ актомъ перемирія. Государь встрѣтилъ князя съ распростертыми объятіями и благодарилъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Радость преисполнила сердца сторонниковъ мира: „Ничего болѣе счастливаго для насъ не могло случиться! сообщалъ князь Куракинъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Небо ниспослало намъ благословеніе и оказало покровительство въ самую трудную пору, въ какой только Россія находилась когда-либо!“

Императоръ Александръ уполномочилъ князя Лобанова вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ его, княземъ А. Б. Куракинымъ, приступить въ Тильзитѣ къ соглашенію о мирѣ, и снабдилъ Лобанова слѣдующимъ собственноручнымъ наставленіемъ: „Вы засвидѣтельствуете императору Наполеону искреннюю мою благодарность за все переданное вами по его порученію и увѣрите его въ моихъ пожеланіяхъ, чтобы тѣсный союзъ (*union étroite*) между обоими нашими народами загладилъ прошедшія бѣдствія. Скажите ему, что этотъ союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній, и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастье и спокойствіе земнаго шара. Система совершенно новая должна замѣнить ту, которая донинѣ существовала, и я льщу себя надеждою, что мы съ императоромъ Наполеономъ легко придемъ къ соглашенію, если мы только войдемъ въ переговоры безъ посредствующихъ лицъ. (*Un système entièrement nouveau doit remplacer celui qui a existé jusqu'ici, et je me flatte, que nous nous*

entendrons facilement avec l'empereur Napoléon, pourvu que nous traitons sans intermédiaires). Прочный миръ можетъ быть заключенъ между нами въ нѣсколько дней, если онъ того желаетъ“. Итакъ, переходъ Россіи къ новой политической системѣ былъ рѣшенъ въ благоприятномъ для русско-французскаго союза смыслѣ.

Возвратившись въ Тильзитъ, князь Лобановъ увѣдомилъ Бертье объ утвержденіи перемирія императоромъ Александромъ. Размѣнъ ратификацій Дюрокомъ имѣлъ мѣсто въ часъ пополуночи на 12 іюня. Дюрокъ, въ разговорѣ съ Лобановымъ, спрашивалъ, не имѣетъ ли онъ какихъ приказаній отъ своего государя относительно будущихъ переговоровъ. „Взаимное объясненіе монарховъ, отвѣчалъ князь, много можетъ облегчить ихъ и ускорить окончаніе ¹⁾. Заявленіе это доставило Дюроку видимое удовольствіе и онъ обѣщалъ передать его Наполеону. Оказалось, что обѣ договаривавшіяся стороны стремились къ достиженію одной и той же цѣли.

Король прусскій, прибывшій изъ Мемеля къ императору Александру въ Павли, нашелъ уже всю систему измѣнившуюся какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла. Ему только оставался одинъ исходъ—послѣдовать примѣру императора Александра и вступить въ переговоры о перемирії съ своимъ грознымъ противникомъ. „Считаю излишнимъ представить на судъ вашего величества, писалъ Фридрихъ Вильгельмъ III шведскому королю, могъ ли я, въ ужасномъ моемъ положеніи, отдѣлиться отъ Россіи“. Но къ величайшему огорченію всѣхъ добромыслящихъ пруссаковъ, Безземельный король поручилъ заключеніе перемирія фельдмаршалу графу Калькрейту; по неосторожности уполномоченнаго, онъ принялъ самыя невыгодныя для Пруссіи условія. Такъ, на примѣръ, относительно вѣрностей, еще не сдавшихся французамъ, Калькрейтъ изъявилъ согласіе, чтобы онѣ не были снабжаемы провіантомъ въ продолженіе перемирія, и не озаботился объ опредѣленіи участи гарнизоновъ, въ случаѣ, когда голодъ принудитъ ихъ къ сдачѣ ²⁾. Гарденбергъ, не смотря на настойчивыя его старанія, не былъ допущенъ въ переговоры; когда-же

¹⁾ Вантышъ-Каменскій.

²⁾ Hörfner: Der Krieg von 1806 und 1807.—Berlin 1855. Band 3.

имя составителя бартенштейновскаго договора было произнесено, Наполеонъ, гнѣвно топнувъ ногою, сказалъ: „Я знать не хочу Гарденберга, не имѣю къ нему довѣрія и готовъ вести войну еще 40 лѣтъ, чтобы не допустить его къ переговорамъ“ ¹⁾.

Желая находиться ближе къ мѣсту переговоровъ, императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля прусскаго, направился изъ Шавли черезъ Таурогенъ въ селеніе Питвупененъ. Здѣсь 12-го іюня явился къ государю генералъ Дюрокъ, чтобы поздравить его величество отъ имени императора Наполеона съ превращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложить свиданіе. Императоръ Александръ принялъ приглашеніе, послѣ чего условились съѣхаться на слѣдующій день 13 (25) іюня на Нѣманѣ.

IV.

Наполеонъ пожелалъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, придать свиданію съ своимъ могущественнымъ противникомъ возможную торжественность. Съ этою цѣлью онъ приказалъ артиллерійскому генералу Ларибоазіеру построить посреди Нѣмана ²⁾, противъ Тильзита, плотъ съ двумя четырехугольными павильонами, обтянутыми бѣлымъ полотномъ. Одинъ изъ нихъ, назначенный для обоихъ монарховъ, былъ обширнѣе и украшенъ съ возможною роскошью; другой — меньшій — предназначался для ихъ свиты. На фронтонахъ палатокъ было зеленою краскою нарисовано съ нашей стороны огромное А, а со стороны, обращенной къ Тильзиту, такой же величины N. Къ неудовольствію пруссаковъ, вензель Фридриха-Вильгельма III отсутствовалъ на украшеніяхъ нѣманскаго плота. Французская гвардія выстроилась въ нѣсколько линій, фронтомъ къ рѣкѣ. „Все это войско, пишетъ очевидецъ Д. В. Давыдовъ ³⁾, ожидало появленія непобѣдимаго вождя своего, громоноснаго своего полубога,

¹⁾ Въ письмѣ къ Штейну отъ 28-го іюня, изъ Мемеля, онъ говоритъ: „Le grand Napoléon me traite avec une haine implacable qui ne caractérise pas le grand homme“.

²⁾ Демаркаціонная черта проходила по тальвегу рѣки.

³⁾ Сочиненія Д. В. Давыдова, т. 2-й.

чтобы привѣтствовать его въ минуту быстрого его проскока къ пристани“. Тысячи тильзитскихъ жителей и французскихъ военныхъ покрывали высокій лѣвый берегъ Нѣмана.

Съ нашей стороны не было никакихъ приготовленій, кромѣ лодки съ гребцами ¹⁾ и двухъ взводовъ кавалергардовъ и эскадрона прусской кавалеріи, расположившихся по берегу Нѣмана, подлѣ разворенной корчмы Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ; здѣсь государь предполагалъ остановиться, по прибытіи изъ главной квартиры Амтъ-Баубленъ, чтобы потомъ сѣсть въ лодку и причалить къ плоту не ранѣе и не позже Наполеона.

Разочарованный въ своихъ союзникахъ и въ политической системѣ Россіи, преслѣдовавшей съ 1801 года одну цѣль—общее благо, въ ущербъ истиннымъ выгодамъ имперіи, — Александръ Павловичъ опасался встрѣтить въ Наполеонѣ суроваго побѣдителя! Дѣло предстоящаго соглашенія затруднялось еще тѣмъ, что въ мирныхъ переговорахъ приходилось отстаивать дальнѣйшее существованіе Пруссіи, спасти отъ ошочательной гибели бывшаго союзника ²⁾.

...Было надъ чѣмъ призадуматься! Что же услышалъ государь въ эти тяжелыя минуты отъ близкихъ къ нему лицъ? Для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ въ то время въ императорской главной квартирѣ, приведемъ здѣсь уцѣлѣвшую записку генераль-адъютанта Федора Петровича Уварова, написанную за нѣсколько часовъ передъ тильзитскимъ свиданіемъ ³⁾.

„Ваше величество иногда позволили мнѣ вамъ говорить то, что чувствую, и потому и теперь сію бумагу прочтите; найдете оную вздорною—безъ уваженія раздерите. Я такъ мыслю, что при первомъ свиданіи съ Бонапартомъ, избалованнымъ счастіемъ

¹⁾ Гребцы были набраны изъ рыбаковъ и одѣты наскоро въ бѣлыя куртки и шаровары. У Наполеона гребцами были матросы французскаго гвардейскаго экипажа, одѣтые въ синія куртки, съ красными гусарскими шнурами и въ синія шаровары. Они имѣли кивера. Этотъ экипажъ подаѣ мысль къ учрежденію у насъ гвардейскаго экипажа. (Воспоминанія Ф. Бугарина. Спб. 1847. Ч. 3-я).

²⁾ „Je ne plaide que la cause d'un allié malheureux“, писалъ вполсѣдствіи императоръ Александръ Наполеону, находясь уже въ Тильзитѣ. (22-го іюня 1807 г.).

³⁾ Военно-ученый Архивъ, № 139. Всеподданнѣйшая записка генераль-адъютанта Уварова 1807 г.: „На правомъ берегу рѣки Нѣмана, за нѣсколько часовъ передъ свиданіемъ государя съ Бонапартомъ“. Н. III.

и потому надменнымъ ¹⁾ надлежитъ начать съ того, что встрѣчаетесь съ нимъ промежду двухъ армій, которыя дрались всегда отчаянно и заставили своимъ оружіемъ уважать себя; всѣ націи и теперь еще готовы, сражаясь, безъ сумнѣнія, пролить до послѣдней капли крови; бывъ оныхъ предводителемъ, судьба дала трактовать объ участи цѣлой Европы, и потому надлежитъ быть справедливымъ и къ несчастнымъ снисходительнымъ, тогда только отъ всѣхъ народовъ заслужимъ похвалу и благодарность. А затѣмъ, войдя въ подробности, надлежитъ стараться взять къ Россіи сколько можно болѣе не для того, чтобы сдѣлать приобрѣтеніе, Россія въ ономъ нужды не имѣетъ, но для того, чтобы: во-первыхъ, менѣе досталось сторонѣ противной, во-вторыхъ, чтобы было изъ чего удѣлить тѣмъ союзникамъ, которые пострадали и необходимую въ ономъ нужду имѣютъ“.

Вся эта откровенная исповѣдь солдата, но не дипломата, все-таки, какъ и слѣдовало ожидать, сильно отзывалась бартенштейновскимъ безкорыстіемъ и романтикой; между тѣмъ съ политическими мечтами, построенными на этихъ началахъ, приходилось теперь разстаться! Уже приближался часъ, когда вѣнценосному ученику Лагарпа предстояло услышать изъ устъ великаго человѣка гениальную импровизацію на политическія темы болѣе реальнаго свойства, построенную на сознаніи истинныхъ выгодъ Россіи!! И что же за совѣтъ готовилъ Наполеонъ для своего будущаго союзника: продолжать политику Великой Екатерины.

Около 11-ти часовъ утра 13 (25) іюня императоръ Александръ, король прусскій, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и лица свиты сѣли въ Амтъ-Баубленѣ въ коляски и отправились къ берегу Нѣмана, по тильзитскому тракту. Прочіе генералы съ адъютантами своими скакали верхами по обѣимъ сторонамъ колясокъ. По прибытіи въ Оберъ-Мамельшенъ-Кругъ всѣ вошли въ огромную сельскую горницу ²⁾. Государь сѣлъ

¹⁾ Точки поставлены въ подлинникѣ.

²⁾ За исключеніемъ этой корчмы, не существовало никакого другаго строенія на правомъ берегу Нѣмана; всѣ были разобраны на бивачные костры. Впрочемъ, и это строеніе представляло вмѣсто крыши одни строения; вся солома, служившая крышею, была снята войсками для кормленія лошадей, нуждавшихся не только въ снѣгѣ, но и соломѣ. Н. III.

близь окна, лицомъ къ выходу; онъ положилъ свою шляпу и перчатки на столъ, стоявшій возлѣ него. Вся горница наполнилась генералами.

Императоръ Александръ имѣлъ на себѣ преображенскій мундиръ, покроя того времени; на каждой сторонѣ воротника было вышито по двѣ маленькихъ золотыхъ петлицы такого же почти рисунка, какой теперь на воротникахъ преображенскаго мундира, но несравненно меньше; эксельбантъ висѣлъ на правомъ плечѣ, эполетъ же тогда не носили. Панталоны были лосинныя бѣлыя, ботфорты короткіе. Прическа отличалась тѣмъ только отъ прически нынѣшняго времени, что была покрыта пудрою. Шляпа была высокая; по краямъ ея выказывался бѣлый плюмажъ, и черный султанъ вѣялъ на гребнѣ ея. Перчатки были бѣлыя лосинныя, пипага на бедрѣ; шарфъ вокругъ талии, а Андреевская лента чрезъ плечо. Такъ одѣтъ былъ, по словамъ Д. В. Давыдова, императоръ Александръ ¹⁾.

„Я не спускалъ глазъ съ государя, продолжаетъ тотъ же очевидецъ; мнѣ казалось, что онъ прикрывалъ искусственнымъ спокойствіемъ и даже иногда веселостію духа различныя чувства, его обуревавшія и невольно обнаружившіяся въ ангельскомъ его взглядѣ и на его открытомъ, высокомъ челѣ. И какъ могло быть иначе? Дѣло шло о свиданіи съ величайшимъ полководцемъ, политикомъ, законодателемъ, администраторомъ и завоевателемъ, поразившимъ въ теченіи двухъ только лѣтъ войска всей Европы и уже два раза нашу армію и нынѣ стоявшимъ на рубежѣ Россіи. Дѣло шло о свиданіи съ человѣкомъ, обладавшимъ даромъ неограниченно господствовать надъ всѣми, съ коими онъ имѣлъ дѣло, и замѣчательнымъ по своей чудесной проницательности“.

Черезъ полчаса послѣ прибытія императора Александра къ

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что только вторая война наша съ Наполеономъ избавила русскую армію отъ косъ.

2-го декабря 1806 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, объявленное военной коллегіи генераль-адъютантомъ графомъ Ливеномъ: „Государь императоръ, въ облегченіе войскъ, высочайше повелѣть изволилъ: всѣмъ нижнимъ вонноскимъ чинамъ, исключая гвардіи и гусарскихъ полковъ, обрѣзать косы подъ гребенку; что же касается до генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, его величество предоставляетъ имъ поступить въ семъ случаѣ по собственной ихъ волѣ“.

Нѣману, поставленный на берегу флигель-адъютантъ торопливо отворилъ дверь корчмы и сказалъ: „ѣдетъ, ваше величество“. Государь хладнокровно и не мало не торопясь, всталъ съ своего мѣста, взялъ шляпу, перчатки и вышелъ съ спокойнымъ лицомъ и обыкновеннымъ шагомъ изъ комнаты. Взоры всѣхъ устремились за Нѣманъ. Наполеонъ съ пышнымъ конвоемъ несся на лошади между двухъ рядовъ своей старой гвардіи. Гулъ восторженныхъ привѣтствій и восклицаній гремѣлъ вокругъ него и доносился до нашего берега ¹⁾.

Оба императора вступили въ лодки въ одно время. Государя сопровождали: цесаревичъ Константинъ Павловичъ, генераль Бенигсенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ генераль баронъ Будбергъ, генераль-адъютанты: графъ Ливенъ и Уваровъ и генераль князь Лобановъ-Ростовскій. Съ Наполеономъ находились: Мюратъ, Бертъе, Бессьеръ, Дюрокъ и Коленкуръ.

Когда обѣ лодки отчалили, величіе зрѣлица, ожиданіе событийъ міровыхъ взяли верхъ надъ всѣми чувствами. Всеобщее вниманіе обращено было къ лодкѣ, „несущей этого чудеснаго чело-вѣка, этого невиданнаго и неслыханнаго полководца со временъ Александра Великаго и Юлія Цезаря“ ²⁾.

Наполеонъ стоялъ въ лодкѣ впереди своей свиты, особо и безмолвно, со сложенными на груди руками, какъ его представляютъ на картинахъ. На немъ былъ мундиръ старой гвардіи и лента Почетнаго Легіона черезъ плечо, а на головѣ та маленькая историческая шляпа, которой форма сдѣлалась извѣстною всему свѣту. Причаливъ нѣсколько ранѣ императора Александра къ плоту, Наполеонъ быстро взошелъ на него и поспѣшилъ на встрѣчу государю. Соперники подали одинъ другому руку и молча вошли въ павильонъ, сопровождаемые радостными криками войскъ и жителей страны, свидѣтелей міроваго событія, примиренія Россіи съ Франціею ³⁾. Въ ту же минуту отчалило отъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій: Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ и Сочиненія Д. В. Давыдова. Часть 2-я. Н. III.

²⁾ Д. В. Давыдовъ.

³⁾ Тьеръ говоритъ: „Le premier mouvement de Napoléon et d'Alexandre en s'abordant fut de s'embrasser“. Д. В. Давыдовъ и Михайловскій-Данилевскій, равно какъ и Булгаринъ объ этомъ умалчиваютъ и всѣ упоминаютъ только о рукопожатіи.

Лефебръ въ „Histoire des cabinets de l'Europe 1800—1815, t. 4, также

лѣваго берега Нѣмана большое судно съ вооруженными солдатами—ихъ было человекъ двадцать—и стало между плотомъ и нашимъ берегомъ! Какъ видно, Наполеонъ не поцеремонился принять явныя мѣры предосторожности противъ возможныхъ случайностей, которыхъ, онъ, вѣроятно, опасался, благодаря пылкому воображенію и чувству подозрительности, свойственными ему какъ итальянцу!...

Въ этотъ день король прусскій не ѣздилъ на свиданіе. Наполеонъ не пожелалъ его видѣть; онъ оставался на правомъ берегу Нѣмана. „Въ роковой часъ, когда рѣшался жребій его монархіи, онъ постоянно устремлялъ взоръ и слухъ на плотъ, какъ будто желая вслушиваться въ разговоры обоихъ императоровъ. Одинъ разъ онъ поѣхалъ съ берега въ рѣку, и остановился, когда вода была по поясъ лошади его“ ¹⁾.

Первое свиданіе Александра и Наполеона, продолжавшееся часъ и пятьдесятъ минутъ, происходило безъ свидѣтелей. Въ чемъ же заключался разговоръ государя съ Наполеономъ? Бесѣду эту, имѣвшую столь важное значеніе для послѣдующей судьбы Европы, можно отчасти возстановить по перепискѣ Савари и Коленкура, бывшими по заключеніи мира представителями Наполеона въ Петербургѣ и которымъ государь въ частыхъ и продолжительныхъ разговорахъ сообщалъ нерѣдко подробности о тильзитскомъ свиданіи. Наполеонъ въ отвѣтахъ къ своимъ посламъ поправлялъ и дополнялъ рассказы императора Александра. Такимъ образомъ можно воспроизвести довольно вѣрную картину переговоровъ, начавшихся 13 (25) іюня на нѣманскомъ плоту.

„Я ненавижу Англію не менѣе васъ, было первымъ словомъ

утверждаетъ, что недавніе соперники облобызались при первой встрѣчѣ. — Беннгсенъ говоритъ въ своихъ запискахъ: *Les deux souverains s'embrassèrent amicalement*“.

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій приводитъ этотъ рассказъ со словъ свидѣтеля генералъ-адъютанта князя Петра Михайловича Волконскаго.

Д. В. Давыдовъ посвящаетъ въ своихъ запискахъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ Безземельному королю.

„О, какъ явственно,—не взирая на мою молодость,—какъ явственно повяла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого истиннаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человека! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего, при гибели, казалось, неотразимой и окончательной“.

Н. III.

императора Александра, и готовъ васъ поддерживать во всемъ, что вы предпримите противъ нихъ“¹⁾).

„Если такъ, отвѣтилъ Наполеонъ, то все можетъ быть улажено и миръ упроченъ“²⁾).

Наполеонъ, пользуясь враждебнымъ къ Великобританіи настроеніемъ императора Александра, началъ грозную филиппику противъ коварнаго Альбіона, изображая его лихоимною, алчною, всегда готовою жертвовать всѣми, даже самыми вѣрными союзниками, ради наживы, націю. Онъ постарался внушить государю, что онъ былъ жертвою своихъ союзниковъ, что онъ ошибается, покровительствуя нѣмцамъ, этимъ неблагодарнымъ и завистливымъ сосѣдямъ, и поддерживая интересы жадныхъ купцовъ, служащихъ представителями Англіи; онъ приписалъ эту ошибку чувству великодушія, доведеннаго до крайности, и недоразумѣніямъ, вызваннымъ неспособными или подкупленными министрами. Затѣмъ Наполеонъ сталъ восхвалять поразившія его подъ Аустерлицемъ, Эйлау и Фридландомъ доблесть и храбрость русскихъ войскъ; онъ находилъ, что солдаты съ обѣихъ сторонъ сражались какъ истинные титаны (*un bandeau sur les yeux*), и что соединенныя арміи Россіи и Франціи могутъ поработить весь міръ (*maîtriser le monde*), даровавъ ему благоденствіе и спокойствіе. До сихъ поръ Россія расточала даромъ свои силы, не имѣя въ виду никакого вознагражденія; въ союзѣ съ Франціею, она приобрѣтетъ славу и во всякомъ случаѣ существенныя выгоды. Россія связана, конечно, обязательствами съ Пруссіею и необходимо въ этомъ дѣлѣ оградить честь императора Александра.

¹⁾ „Je hais les Anglais autant que vous les haïsez, et je serais votre second dans tout ce que vous ferez contre eux“.

²⁾ „En ce cas tout peut s'arranger, et la paix est faite“. Слова эти приводятся двумя французскими историками, Биньономъ (*Histoire de France t. 6, p. 316*) и Лефевромъ (*Histoire des cabinets de l'Europe 1800—1815, t. 4, p. 114*).

Въ письмѣ Наполеона императору Александру отъ 1-го (13-го) іюля 1812 г. изъ Вильны, переданномъ государю генераль-адъютантомъ Балашевымъ, сказано:

„J'avais été à la conférence du Niémen avec la résolution de ne pas faire a paix, que je n'eusse obtenu tous les avantages que les circonstances me promettaient. J'avais en conséquence refusé d'y voir le roi de Prusse. Votre Majesté me dit: je serai votre second contre l'Angleterre. Ce mot de Votre Majesté changea tout; le traité de Tilsit en fut le corrolaire“. Н. III.

Въ заключеніе Наполеонъ высказалъ намѣреніе возвратитъ Пруссіи столько земли, чтобы съ почетомъ развязать государя съ союзниками; послѣ этого, утверждалъ онъ, русскій кабинетъ въ состояніи будетъ слѣдовать новой политикѣ, сходной во всемъ съ политикою великой Екатерины. Только эту политику Наполеонъ признавалъ единственно возможною и выгодною для Россіи! (Seule vraie, seule profitable).

Польстивъ Александру какъ государю, Наполеонъ, чтобы довершить очарованіе, принялся льстить и чловѣку. „Мы скорѣе придемъ къ соглашенію, сказалъ онъ, если вступимъ въ непосредственные переговоры, отстранивъ министровъ, которые насъ нерѣдко обманываютъ или же не понимаютъ; мы вдвоемъ въ одинъ часъ болѣе подвинемъ дѣла, чѣмъ наши посредники по прошествіи нѣсколькихъ дней. Между вами и мною никого не должно быть. Я буду вашимъ секретаремъ и вы будете моимъ“, прибавилъ Наполеонъ ¹⁾. На этомъ основаніи онъ предложилъ императору Александру переселиться, ради удобства переговоровъ, въ Тильзитъ, объявивъ городъ нейтральнымъ. Государь съ удовольствіемъ принялъ сдѣланное Наполеономъ приглашеніе. Условились немедленно приступить къ переговорамъ для окончательнаго соглашенія по этому дѣлу.

Навонецъ, оставалось еще поговорить о несчастномъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, пребывавшемъ на правомъ берегу Нѣмана въ полномъ невѣдѣніи участи, предстоявшей королевству, проигранному имъ на Іенскомъ полѣ. Наполеонъ примирился уже съ мыслью сохранить политическое бытіе Пруссіи и потому охотно уступилъ настоятельнымъ просьбамъ императора Александра, согласившись допустить короля къ свиданію на плоту на слѣдующій день 14 (26) іюня.

Тогда Наполеонъ вышелъ изъ павильона и ласково привѣтствовалъ лицъ государевой свиты, которыя были ему представ-

¹⁾ „Entre vous et moi il ne doit y avoir personne. Je serai votre secrétaire, sire, et vous serez le mien“. Но, замѣчаетъ Гарденбергъ въ своихъ запискахъ, Наполеонъ имѣлъ за собою лукаваго Талейрана, независимо отъ своей опытности и присущаго ему притворства. И съ такимъ противникомъ императоръ Александръ помышлялъ вступить въ состязаніе. (Eigenhändige Memoiren des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg, herausgegeben von Leopold von Ranke. 2-ter Band. Leipzig, 1877). Н. III.

лены императоромъ Александромъ, начиная съ цесаревича Константина Павловича. Беннигсену Наполеонъ сказалъ: „мы уже встрѣчались съ вами, генераль, и я нашель, что вы были иногда злы!“ ¹⁾ Затѣмъ Наполеонъ представилъ императору Александру свою свиту; государь обратился съ лестною рѣчью къ Мюрату и Бертѣе, признавъ ихъ достойными помощниками величайшаго полководца новѣйшихъ временъ.

Такъ какъ Наполеонъ встрѣтилъ императора Александра при выходѣ его изъ барки, то этикетъ требовалъ, чтобы государь проводилъ Наполеона до лодки, на которой онъ прїѣхалъ, что и было исполнено. Тѣмъ заключилось первое свиданіе будущихъ союзниковъ, и можно присовокупить—къ обоюдному ихъ удовольствію. Французы ликовали; въ русскомъ лагерѣ проявлялось менѣе воодушевленія и сочувствія. Прусская дружба пустила столь глубокіе корни, что трудно было съ нею разстаться. Признавали срамомъ приступать къ миру, не отомстивъ за Фридландъ! По словамъ Давыдова: „1812 годъ стоялъ уже посреди насъ русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ ножомъ въ крови по локоть“. Немного было у насъ прозорливыхъ людей, смотрѣвшихъ на предстоявшій русско-французскій союзъ съ другой точки зрѣнія, болѣе соответствовавшей истиннымъ выгодамъ Россіи.

Въ виду предстоявшаго переселенія императора Александра въ Тильзитъ условились раздѣлить городъ на двѣ половины: одну для русскихъ, а другую для французовъ, и ввести въ него по одному баталіону русской и французской гвардіи и при нихъ

¹⁾ Въ запискахъ Беннигсена (25-я глава) сказано: „Napoléon s'approcha de moi pour me dire ces mots flatteurs: „Nous nous sommes déjà rencontrés général, et je vous ai trouvé quelquefois méchant“.

Д. В. Давыдовъ передаетъ эти слова Наполеона нѣсколько въ иномъ видѣ: „Между прочимъ, онъ сказалъ ему: „вы были злы подѣ Эйлау“ (Vous étiez méchant à Eylau), выражая симъ изреченіемъ упорство и ярость, съ какими дрались войска наши въ этомъ сраженіи, и заключилъ разговоръ съ нимъ этими словами: „Я всегда любовался вашимъ дарованіемъ,—еще болѣе вашею осторожностью“. J'ai toujours admiré votre talent,—votre prudence encore plus). Самолюбіе почтеннаго старца воина приняло эту полуэпигramму за полный мадригалъ... Беннигсенъ рассказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ и каждый разъ съ новымъ удовольствіемъ (Сочиненія Давыдова, ч. 2-я, стр. 253).

небольшія конныя части для конвоя. Государь назначилъ комендантомъ нашей половины Тильзита, командовавшаго Преображенскимъ полкомъ, полковника Козловскаго и велѣлъ ему переговорить съ Дюрокомъ о раздѣленіи Тильзита и учрежденіи карауловъ. Приѣхавъ въ Тильзитъ, Козловскій получилъ отъ Дюрока, уже утвержденное Наполеономъ, письменное условіе, сообразное тому, что между нимъ и государемъ было положено на словахъ, съ прибавленіемъ, что пароли, отзвы и лозунги будутъ общіе русскимъ и французскимъ войскамъ ¹⁾. Прочитавъ условіе, императоръ велѣлъ Козловскому переправить въ Тильзитъ первый баталіонъ Преображенскаго полка, нѣсколько кавалергардовъ, лейбъ-гусарь и лейбъ-казаковъ, съ подтвержденіемъ обращаться съ французами какъ можно ласковѣе. Строго запретили называть Наполеона Бонапартомъ, а до тѣхъ поръ другаго имени ему у насъ не давали ²⁾. Первымъ баталіономъ Преображенскаго полка командовалъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ; онъ по образу мыслей своихъ до такой степени не сочувствовалъ союзу съ Франціею, что сказался больнымъ и не пошелъ съ баталіономъ на лѣвый берегъ Нѣмана, не желая видѣть того, что должно было произойти въ Тильзитѣ ³⁾. Въ отношеніи наполеонофобіи графъ Михаилъ Семеновичъ оказался достойнымъ сыномъ графа Семена Романовича, который впослѣдствіи, по случаю торжественнаго возвращенія гвардіи изъ прусскаго похода въ Петербургъ, предлагалъ, чтобы сановники, подписавшіе тильзитскій договоръ, парадировали при этомъ на ослахъ ⁴⁾.

14 (26) іюня императоръ Александръ отправился для вторичнаго свиданія съ Наполеономъ на Нѣманѣ въ сопровожденіи короля прусскаго. Въ свитѣ короля находились графъ Калькрейтъ, генераль Лестокеъ и флигель-адъютантъ Клейстъ. Наполеонъ появился на свиданіи со звѣздою Чернаго орла. Фридрихъ-Виль-

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій: Описаніе войны 1806 и 1807 гг., стр. 368.

²⁾ Id., стр. 369.

³⁾ Этотъ фактъ заимствованъ нами изъ рукописи Михайловскаго-Данилевскаго о войнѣ 1806 и 1807 годовъ, хранящейся въ Военно-ученомъ архивѣ (№ 1525). Разказъ о графѣ Воронцовѣ не былъ апробованъ предержавшими властями, державшими цензуру рукописи, и не допущенъ въ 1846 г. къ печати.

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова. Книга 17-я, стр. 172.

гельмъ, по словамъ Гарденберга, съ величайшимъ отвращеніемъ возложилъ на себя орденъ Почетнаго легіона. Фридрихъ-Вильгельмъ держалъ себя съ достоинствомъ передъ побѣдителемъ. Тьеръ говоритъ: „il fut triste, digne et roide“. Онъ постарался доказать Наполеону, что причиною его разрыва съ Франціею было нарушеніе нейтралитета Пруссіи въ 1805 году занятіемъ Ансбахской области. Наполеонъ утверждалъ съ своей стороны, что всѣ бѣдствія, постигшія Пруссію, вызваны происками англичанъ; затѣмъ онъ повторилъ королю рѣшимость свою не допускать Гарденберга къ переговорамъ о мирѣ ¹⁾, порицалъ прусскія войска и гражданское управленіе. Разставаясь, Наполеонъ пригласилъ императора Александра къ обѣду у себя въ 8 час. вечера. Король остался безъ приглашенія. При прощаніи, Наполеонъ не счелъ даже нужнымъ представить ему своихъ генераловъ.

Король возвратился на правый берегъ Нѣмана въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Онъ сказалъ въ присутствіи Гарденберга и другихъ близкихъ къ нему лицъ, что Наполеонъ прекрасно знакомъ съ недостатками прусскихъ войскъ и что его собственное мнѣніе, которое онъ постоянно поддерживалъ, вполнѣ подтвердилось: капитаны имѣютъ слишкомъ много доходовъ. *Die Capitaine hätten zu viel Einkommen*). Императоръ Александръ замѣтилъ, что разговоръ на сегодняшнемъ свиданіи былъ въ высшей степени непріятенъ, но что онъ не отчаивается достигнуть лучшаго результата ²⁾.

Этимъ эпизодомъ закончился прологъ тильзитскаго соглашенія; слѣдующія дѣйствія этой исторической драмы разыгрались уже на правомъ берегу Нѣмана, среди военной ставки Наполеона.

Знаменитый плотъ на Нѣманѣ, гдѣ положено было начало

¹⁾ «J'avoue que je suis vindicatif, сказалъ Наполеонъ, le baron Hardenberg peut-être un homme respectable, mais il m'a offensé, moi et la nation française, par sa conduite envers mes ministres, et c'est comme s'il m'avait donné un soufflet à moi». Когда король возразилъ, что онъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи другаго лица, пользующагося его довѣріемъ, Наполеонъ назвалъ Шуленбурга, Цастрова, Штейна.

²⁾ Разсказъ очевидца барона Шлядена въ его дневникѣ (*Preussen in den Jahren 1806 und 1807*).

дружбы и будущему союзу Александра и Наполеона, былъ прославленъ рѣзцомъ, вѣстью, стихами. Музыканты также не отстали въ дѣлѣ прославленія событія 13-го іюня; они сочиняли и играли марши и танцы разнаго рода въ честь достопамятнаго свиданія, въ честь дружбы великихъ монарховъ....

Вѣрнымъ выраженіемъ образа мыслей современниковъ о великости событія этого дня слѣдуетъ признать стихи, написанные тогда въ Парижѣ ¹⁾:

Sur un radeau
 J'ai vu deux maîtres de la terre;
 Sur un radeau
 J'ai vu la paix, j'ai vu la guerre
 Et le sort de l'Europe entière
 Sur un radeau;
 Je gagerai que l'Angleterre
 Craindrait moins une flotte entière
 Que ce radeau.

Н. Е. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Рукопись Михайловскаго-Данилевскаго. В. У. А. № 1585.

ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Помнишь, порою ночью
 Наша гондола плыла,
 Мы любовались луною,
 Всплескамъ внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
 Тихимъ Венеція сномъ,
 Въ сонныя воды канала
 Звѣзды глядѣлись кругомъ.

Мимо палаццо мы дожей,
 Мимо Пяццетты колоннъ
 Плыли съ тобою... О, Боже,
 Что за чарующій сонъ!

Искрились волны лагуны...
 Гдѣ-то вдали голубой
 Плакали нѣжныя струны, —
 Пѣлъ гондольеръ молодой!

Пѣлъ онъ про мѣсяцъ и море,
 Про голубую волну,
 Пѣлъ про блаженство и горе,
 И про любовь, и весну.

Дивная пѣснь навѣвала
 Грезы блаженной любви,
 Въ душу она проникала,
 Страсть разжигала въ крови...

Помнишь, порою ночью
 Тихо гондола плыла,
 Мы любовались луною...
 О, что за ночь то была!

Изъ сборника стихотвореній К. Р., изд. 1886 г.

1882 г.

РУЩУКСКІЙ ОТРЯДЪ

въ 1877—1878 гг.

Историческій очеркъ.

III ¹⁾.

9-го октября были произведены рекогносцировки отъ войскъ Русскаго отряда; онѣ показали, что Сулейманъ отвелъ бѣльшую часть своихъ войскъ изъ - подъ Кадыкюя. „Новороссійскій Телеграфъ“ сообщалъ извѣстіе, отъ 5-го октября, что турецкій главнокомандующій отдѣлилъ 30,000 войскъ и направилъ ихъ противъ 14-го корпуса, расположеннаго въ Добруджѣ, а въ „l'Orient“, отъ 11-го октября, была напечатана депеша изъ Константинополя, отъ 9-го октября, что армія Сулеймана 7-го октября отошла къ Разграду, чтобы занять позиціи болѣе удобныя для подвоза продовольственныхъ запасовъ къ зимѣ. Для провѣрки всѣхъ этихъ свѣдѣній, Наслѣдникъ Цесаревичъ призналъ необходимымъ произвести по всему фронту расположенія Русскаго отряда одновременныя рекогносцировки, за прр. Ломъ и Кара - Ломъ, достаточно самостоятельными отрядами. Рекогносцировки были назначены на 12-е октября. Въ этой общей рекогносцировкѣ должны были одновременно принять также участіе и войска 11-го корпуса, въ предѣлахъ фронта, ими занятаго. Отъ войскъ Русскаго отряда было назначено 6 колоннъ подъ личнымъ руководствомъ Наслѣдника Цесаревича. Наблюденіе за дѣйствіями трехъ рекогносцирующихъ колоннъ 12-го корпуса было

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LVII, январь, стр. 199—230.

поручено командующему 33-й пѣхотной дивизіею генералу Тимофѣеву, подъ руководствомъ великаго князя Владиміра Александровича, а трехъ колоннъ 13-го корпуса — командиру его, генераль-адъютанту князю Дондукову-Корсакову¹⁾. Всѣ шесть колоннъ, имѣя въ виду открытіе силъ и расположенія противника, должны были сбить передовые посты или слабые авангарды непріятеля и, дойдя до указанныхъ имъ, приказаніемъ по отряду, пунктовъ, выслать имѣющуюся при нихъ кавалерію на возможно большее протяженіе, съ цѣлью открыть непріятельскіе биваки или лагеря и, при малѣйшей возможности, дойти до Руцукъ - Разградскій желѣзной дороги, которую, въ такомъ случаѣ, предполагалось испортить. Если-бы, по ходу дѣла, оказалось возможнымъ, безъ особенныхъ усилій, занять селеніе Кадыкіой (Кады-Кьой), то на этомъ пунктѣ должна была быть оставлена, въ видѣ передоваго отряда, бригада пѣхоты, и войскамъ надлежало немедленно укрѣпить позицію. Въ случаѣ же серьезнаго сопротивленія, не втягиваясь въ бой, отойти за Ломъ. Силы каждаго отряда были отъ 2-хъ до 3-хъ батальоновъ, 2-хъ—4-хъ эскадроновъ, при 4-хъ—12-ти орудіяхъ.

Главный бой разгорѣлся въ центрѣ у Чифтлика (Иваново-Чифликъ) и Кошова. Херсонскій полкъ, наступившій къ первой деревнѣ, послѣ упорнаго боя, выбилъ батальонъ непріятельской пѣхоты изъ деревни, переправился черезъ рѣку и бросился къ Кадыкію; но въ это время турки, вышедшіе изъ Руцукъ и изъ-за Кадыкіоя, успѣли сосредоточиться на позиціи и открыли жестокій ружейный и артиллерійскій огонь противъ херсонцевъ, которые, подъ прикрытіемъ Одесскаго и Бендерскаго полковъ, вызванныхъ изъ резерва, отступили обратно на лѣвый берегъ Лома. Тираспольскій же полкъ съ казаками, переправившись, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ изъ редутовъ Кадыкіоя, черезъ Ломъ, у Кошова, дошелъ до Акъ - Лома; двѣ роты переправились черезъ эту рѣку и вошли на противоположный гребень; но тутъ было

¹⁾ Приказомъ по войскамъ Руцукскаго отряда, 24-го сентября № 27, было объявлено, что командиръ 13-го корпуса, генераль-лейтенантъ Ганъ, по болѣзни, увольняется отъ занимаемой должности; вмѣсто него, на время войны, высочайше повелѣно вступить въ командованіе корпусомъ кievскому, подольскому и волынскому генераль-губернатору, генераль-адъютанту, генераль-лейтенанту князю Дондукову-Корсакову. М. С.

обнаружено, что подъемъ къ селенію Кадыкіюю представляетъ рядъ укрѣпленныхъ позицій, и значительныя силы турокъ начали опускаться противъ насъ. Съ тираспольцами наступалъ великій князь Сергій Александровичъ. Получивъ около 12-ти часовъ дня отъ Цесаревича, слѣдившаго за рекогносцировками у Кошова, а потомъ у Табачки, приказаніе отступить, тираспольцы, съ перестрѣлкою, отошли за Ломъ и присоединились къ средней колоннѣ. Въ прочихъ отрядахъ дѣло ограничилось перестрѣлкою: сбивъ непріятельскіе посты, наши отряды заставляли непріятеля развертывать на позиціяхъ свои войска и тѣмъ обнаруживать свои силы.

Рекогносцировки показали, что если непріятель и отвелъ часть своихъ войскъ отъ Кадыкіоя, то тѣмъ не менѣ эта деревня еще сильно занята и подступы къ ней настолько укрѣплены, что фронтальная атака этой позиціи должна быть признана весьма затруднительною; она можетъ быть обойдена только съ лѣваго фланга; но такое наступленіе возможно лишь при предварительномъ выбитіи турокъ изъ Соленика (Сваленикъ), также сильно укрѣпленнаго и трудно доступнаго съ фронта; позицію у Соленика непріятель занимаетъ въ силахъ не менѣ бригады; обойти эту позицію возможно черезъ Церовце (Церовецъ) и Констанце (Костанденецъ), обезпечивъ свой флангъ прикрытіемъ со стороны Турлака (Торлакъ) и Разграда. По свѣдѣніямъ 11 корпуса, — у Сарнасуфлара и Карахасанкіоя продолжаютъ быть сосредоточенными войска южной арміи; а у Разграда, по показаніямъ плѣнныхъ турокъ, сосредоточены значительныя силы непріятеля. Вообще турки во время рекогносцировки не обнаруживали наступательныхъ цѣлей.

Если сличить эти свѣдѣнія съ тѣми свѣдѣніями, которыя намъ теперь извѣстны относительно тогдашняго расположенія турецкихъ войскъ, то увидимъ, что они, въ общемъ, были довольно полны и соответствовали настоящему положенію войскъ Сулеймана. Изъ процесса Сулеймана мы узнаемъ, что къ этому времени турецкій главнокомандующій рѣшилъ принять на Ломѣ оборонительное положеніе; для этого онъ перевелъ 6-го октября изъ Кадыкіоя въ Разграду, въ видѣ резерва, двѣ дивизіи (Фуада и Неджиба), оставивъ въ Кадыкіюѣ лишь одну дивизію Асафа; дивизію Сабита расположилъ, по бригадно, въ Соленикѣ и

Констанце для прикрытія лѣваго фланга кадыйкойской позиціи; по высотамъ Акъ - Лома, отъ Нисова до устья Лома у Дуная, были насыпаны ложементы для стрѣлковъ, а позади, на позиціи у Кадыйкоя,—15 редутовъ; Джумская армія оставлена на позиціяхъ у Сарнасуфлара и Карахасанкоя и османъ - базарскій отрядъ—у Яйлы, на дорогѣ въ Тырново. Дивизіи у Разграда должны были, въ случаѣ надобности, быть готовыми поддержать войска на флангахъ. Если бы сераскириатъ настаивалъ на наступленіи, то Сулейманъ, какъ онъ въ послѣдствіи утверждалъ на судѣ, предполагалъ произвести его со стороны Османъ-Базара на сообщенія Тырново съ Систовымъ. Османъ-папа долженъ былъ, въ такомъ случаѣ, отступить съ частью войскъ изъ-подъ Плевны и, присоединивъ къ себѣ корпусъ Шевкета-паши изъ Орханіи, вновь занять Ловчу и Сельви и притянуть къ себѣ балканскую армію Реуфа, черезъ проходы западнѣе отъ Габрова; затѣмъ, движеніемъ на Тырново войскъ Османа и Сулеймана, совершилось бы, наконецъ, соединеніе всѣхъ турецкихъ армій. Сулейманъ основывалъ свой планъ на томъ предположеніи, что мы оттягиваемъ свои войска изъ-подъ Плевны и Шипки къ Янтрѣ и что всѣ подкрѣпленія, идущія изъ Россіи, слѣдуютъ къ Цесаревичу и въ Добруджу ¹⁾.

Общая потеря наша въ рекогносцировкѣ 12-го октября заключалась въ 552 раненыхъ и убитыхъ и въ томъ числѣ убитъ наповаль пулею въ лобъ князь Сергій Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Его Высочество былъ назначенъ въ отрядъ, который наступалъ къ Іованъ-Чифтликъ. Подѣхавъ къ отряду, уже во время его наступленія, князь Сергій Максимиліановичъ потребовалъ отъ своего казака - ординарца

¹⁾ Отрядъ Цесаревича Сулейманъ исчислялъ въ 90,000 человекъ, не считая Еленинскаго отряда, который составлялъ лѣвый флангъ русскихъ войскъ, расположенныхъ на Балканахъ. Отрядъ Цесаревича состоялъ, по свѣдѣніямъ турецкаго главнокомандующаго, изъ 12, 13 и 11 корпусовъ и 26 пѣх. дивизій и гвардейской дивизіи. Кромѣ 11 корпуса, всѣ прочія войска онъ полагалъ сосредоточенными у Вѣлы; 11 корпусъ—противъ Джумской арміи. Свои войска на Ломѣ онъ исчислялъ въ 70,000, разбросанныхъ на линіи въ 35 часовъ ходу. Дѣйствительно, Рущукскій отрядъ былъ усиленъ 3-ю гренадерскою дивизіею, но она, прибывъ 9-го октября, 14-го была отправлена, по приказанію главнокомандующаго, подъ Плевну.

Какъ будетъ разъяснено ниже, едва ли Сулейманъ имѣлъ серьезное намѣреніе избрать главною цѣлью своихъ дѣйствій—Тырново. М. С.

бинокль, взялъ его въ руки и въ это время былъ пораженъ пулею въ голову. Смерть была мгновенна: пуля прошла сквозь околышъ фуражки, лѣвѣе коварды. Вскорѣ прибылъ сюда Великій Князь Владиміръ Александровичъ и отсюда наблюдалъ за дѣйствіями херсонцевъ ¹⁾.

Какъ извѣстно, въ тотъ же день, 12-го октября, на западномъ фронтѣ театра войны войсками гвардіи былъ взятъ Горный Дубнякъ. 16-го октября нашими гвардейцами взятъ Телишъ и 20-го занятъ Д. Дубнякъ. Такимъ образомъ, наши войска утвердились на Софійскомъ шоссе и блокада Плевны съ тѣхъ поръ стала совершившимся фактомъ. Плѣненіе арміи Османа дѣлалось теперь вопросомъ времени, который находился въ зависимости отъ количества имѣвшихся въ Плевнѣ запасовъ; по свѣдѣніямъ же, это количество было незначительно и слѣдовательно можно было предвидѣть скорую развязку съ Плевною.

Когда въ Константинополѣ сдѣлалось извѣстнымъ взятіе Горнаго Дубняка, тотчасъ же было предписано Сулейману-пашѣ принять энергическія мѣры, чтобы спасти армію Османа-паши; безъ этихъ мѣръ положеніе его считалось критическимъ. Между тѣмъ, прошло почти три недѣли, пока Сулейманъ, наконецъ, не остановился на планѣ одновременнаго наступленія: изъ Орханіи на Ловчу—отряду Мехмета-Али для выручки Османа-паши; на Елену и Тырново—самому Сулейману съ цѣлю оттянуть наши силы отъ Плевны. Таковы показанія Сулеймана на судѣ. Но спрашивается, какимъ образомъ могъ Мехметъ-Али исполнить предписаніе главнокомандующаго и двинуться на Ловчу, будучи припертъ сильнымъ отрядомъ генерала Гурко, и какъ могло наступленіе на Елену оттянуть наши силы отъ Плевны? Критикуя Мехмета-Али за его бездѣйствіе у Орханіи, Сулейманъ говоритъ, что онъ, съ своей стороны, все-таки рѣшилъ наступать на Елену; а для успѣха этого предпріятія ему необходимо было отвлечь вниманіе арміи Цесаревича отъ этого пункта,

¹⁾ Его императорское высочество князь Сергій Максимиліановичъ, съ сформированія Русскаго отряда, состоялъ при главной квартирѣ Наслѣдника Цесаревича и принималъ участіе въ Аблавскомъ бою 24-го августа и въ рекогносцировкѣ отъ войскъ отряда 31-го августа. За Аблавскій бой его императорское высочество былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью „за храбрость“.

и потому онъ нашель нужнымъ, въ видѣ демонстраціи, атаковать нашъ лѣвый флангъ со стороны Рущука и Кадыйюя. Свои активныя дѣйствія Сулейманъ начинаеть съ 3-го ноября и они выразились въ цѣломъ рядѣ наступленій противъ Мечки-Трестеника (Трастеникъ), позиціи 12-го корпуса, сперва небольшими, а потомъ все болѣе и болѣе значительными частями войскъ.

Эти дѣйствія по числу войскъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, и по энергичности ихъ веденія, сравнительно съ численностью войскъ, сосредоточенныхъ у Елены, скорѣе надо признать за операціи рѣшительныя, чѣмъ демонстративныя.

Къ ноябрю войска Рущукскаго отряда были сосредоточены слѣдующимъ образомъ: весь 12-й корпусъ съ Донскимъ казачьимъ № 37 полкомъ (23 батал., 12 эск., 11 сот., 108 оруд.) ¹⁾, на позиціи у Мечки-Трестеника—10 верстъ.

5 батал., 24 оруд., 6 сот., отъ 13-го корпуса, занимали фланговую позицію у Табачки и Домогилы (Двѣ - могилы), въ разстояніи первая 7-ми, а вторая 5-ти верстъ отъ праваго фланга позиціи 12-го корпуса.

15 баталіоновъ, 64 орудія, 13-го корпуса, занимали переправы на Баницкомъ Ломѣ, отъ Батинцы (Батинница) до Банички (Банница), на протяженіи 8 верстъ. Впереди ихъ расположенія, къ сторонѣ Кара-Лома, были выставлены передовые отряды изъ трехъ родовъ оружія (всего 3 бат., 8 эск., 14 сот., 26 оруд.) ²⁾; лѣвый флангъ расположенія 13-го корпуса находился въ 6 верстахъ отъ Домогилы и 11 верстахъ отъ праваго фланга позиціи 12-го корпуса.

Отрядный резервъ, изъ 6-ти баталіоновъ, 32 орудій, 32-й дивизіи, находился въ Дольнемъ и Горнемъ Монастыряхъ въ 14 верстахъ отъ праваго фланга 12-го корпуса и въ 7 верстахъ отъ пунктовъ расположенія войскъ 13-го корпуса на Баницкомъ Ломѣ.

¹⁾ Одна сотня отъ 12-го Донск. полка находилась при главной квартирѣ Цесаревича въ Брестовцѣ. Независимо отъ сего, въ Брестовцѣ находились въ конвоѣ 1 батал. 138 полка п л.-гв. Атаманскій полкъ. Одинъ баталіонъ и 4 орудія отъ войскъ 12-го корпуса съ 6 ноября находился въ Батинѣ для охраненія уже построеннаго моста.

²⁾ Кавалерія 13-го корпуса была усилена дивизиономъ Терско-Горскаго конно-регулярнаго полка. М. С.

Такимъ образомъ, войска Русцукскаго отряда занимали по фронту около 30 верстъ.

Въ Чаиркюѣ оставались 26-я пѣх. дивизія съ бригадою 11 кавалер. дивизіи (12 бат., 8 эск., 54 ор.). Этотъ отрядъ, не входя въ составъ Русцукскаго отряда, былъ, въ командномъ отношеніи, подчиненъ Наслѣднику Цесаревичу. Онъ служилъ связью Русцукскаго отряда съ Тырновскимъ, который, имѣя главныя силы на османъ-базарской дорогѣ, близъ Тырнова у Лесковаца (Лѣсковецъ), занималъ передовыми отрядами Кесарово и Марену съ поддержками этихъ авангардовъ въ Джулиницѣ (Джулюница), Златарицѣ и Еленѣ (всего въ Тырновскомъ отрядѣ было 18 бат., 12 эск., 4 сот., 82 орудія) ¹⁾.

Итакъ, на восточномъ фронтѣ русской арміи, отъ Дуная до Елены, противъ арміи Сулеймана, было сосредоточено 84 бат., 42 эскадр., 36 сотенъ и 390 орудій.

Авторъ „Матеріалы для описанія дѣйствій Русцукскаго отряда“ выводитъ силы Сулеймана, противъ нашихъ войскъ на Янтрѣ, считая Русцукскій гарнизонъ, Кадыкюйскій, Соленикскій, Разградскій, Эски-джумскій и Османъ-Базарскій отряды, въ 115 батал., 42 эскадр. и 162 орудія. Независимо отъ сего, противъ корпуса Цимермана, въ Добруджѣ, Сулейманъ имѣлъ 33 бат., 12 эск., 24 оруд. и, наконецъ, располагалъ резервомъ въ Шумлѣ и Варнѣ (18 батал., 4 эскадр., 42 орудія), который могъ быть употребленъ на оба фронта ²⁾.

Въ такомъ положеніи находились обѣ стороны, когда Сулейманъ началъ свои активныя дѣйствія.

5-го ноября турки выдвинули нѣсколько колоннъ, между Кошовою и Бесарбовою, на лѣвый берегъ Лома, съ цѣлью произвести рекогносцировку нашихъ позицій; въ общей сложности они вывели 17 баталіоновъ, которые были отброшены нашими 19-ю ротами пѣхоты.

Утромъ 7-го ноября непріятель, развивая задуманный планъ наступательныхъ движеній противъ нашего лѣваго фланга, произвелъ довольно серьезное нападеніе на авангардныя позиціи 12-го

¹⁾ Въ резервъ этимъ войскамъ, въ окрестностяхъ Тырнова, была расположена 4-я стрѣлковая бригада.

²⁾ Матеріалы для описанія дѣйствій Русцукскаго отряда. „Воен. Сборн.“ 1885 г. № 6.

корпуса у Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме (Гюръ-чешме). Турки вывели противъ этихъ пунктовъ 20 баталіоновъ, 24 орудія, 8 эскадроновъ и нѣсколько сотенъ черкесовъ, раздѣливъ эти силы на два отряда. Благодаря стойкости нашихъ незначительныхъ передовыхъ отрядовъ¹⁾, нападеніе турокъ было съ успѣхомъ отражено. Хотя наши два баталіона, занимавшіе Пиргосъ, и должны были отступить передъ превосходствомъ силъ противника, но турки, въ свою очередь, должны были очистить эту деревню, вслѣдствіе наступленія бригады 12-й пѣх. дивизіи съ мечкинской позиціи и движенія противъ лѣваго фланга непріятеля 5 эскадроновъ отъ 1 бригады 12 кавалерійской дивизіи. У Ханъ-Гюль-Чесме наши два баталіона съ частями 12 кавалерійской дивизіи, подъ общимъ руководствомъ ея начальника барона Дризена, отразили всѣ попытки наступленія противника и сами, перейдя въ наступленіе, заставили турокъ окончательно отступить. Наши потери убитыми и ранеными были 194 человекъ.

Судя по сообщенію „Times“, 7-го ноября турками была произведена усиленная рекогносцировка съ цѣлью ознакомиться съ позиціями русскихъ впереди Янтры и „опредѣлить, гдѣ главная квартира Цесаревича“²⁾.

Рекогносцировка, какъ видно, не привела турокъ къ желаемымъ результатамъ: развернулась только бригада на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а прочія войска, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ на передовыхъ позиціяхъ, не имѣли надобности выстраивать боеваго порядка и, такимъ образомъ, бѣольшая часть нашихъ силъ оставалась скрытою отъ взоровъ противника.

Въ тотъ же день турки демонстрировали незначительными отрядами противъ передовыхъ частей 13-го и 11-го корпусовъ.

Одновременно съ наступательными дѣйствіями противъ лѣваго фланга Русщукскаго отряда, турки обнаружили съ первыхъ

¹⁾ Въ Пиргосѣ находился 3-й бат. Днѣпровскаго полка, поддержанный во время боя 1 бат. Азовскаго полка, который прибылъ смѣнить дежурную авангардную часть.

Въ Ханъ-Гюль-Чесме находился 2-й бат. Украинскаго полка съ 2 орудіями, поддержанные 2-мъ бат. Одесскаго полка съ 2-мя орудіями, также прибывшими для смѣны авангарда.

²⁾ Матеріалы для описанія дѣйствій Русщукскаго отряда. „Воен. Сборн.“ 1895 г. № 8. М. С.

же чисель ноября активную дѣятельность на крайнемъ правомъ флангѣ нашего восточнаго фронта, противъ Елененскаго отряда. Начальникъ полеваго штаба, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣдомлялъ штабъ Руссукскаго отряда, что, судя по сосредоточенію части войскъ Сулеймана у Разграда, появленію новыхъ войскъ противъ Елены со стороны Старо-Рѣки и Сливно и по производящимся работамъ по устройству шоссе отъ Сливно къ Старо-Рѣкѣ,—можно ожидать наступленія арміи Сулеймана на Тырново черезъ Елену.

Слѣдовательно, Руссукскому отряду надо было приготовиться или встрѣтить противника, если бы онъ повелъ рѣшительное наступленіе на лѣвый флангъ нашего восточнаго фронта, или же быть готовымъ поддержать войска генерала Радецаго въ случаѣ рѣшительныхъ дѣйствій противника противъ нашего крайняго праваго фланга. Послѣ 7-го ноября, въ теченіе 6-ти дней, турки оставались въ бездѣйствіи, вслѣдствіе чего ихъ наступленіе 7-го числа скорѣе могло быть принято за демонстрацію, чѣмъ за усиленную рекогносцировку, такъ какъ послѣдняя тогда только можетъ принести существенную пользу, когда имѣется въ виду тотчасъ же воспользоваться добытыми ею свѣдѣніями для производства атаки. Между тѣмъ, турки, послѣ 7-го ноября, ничего не предпринимали. Сопоставляя эти данныя съ свѣдѣніями, полученными отъ начальника полеваго штаба, можно было ожидать, что наступательныя дѣйствія противъ позицій 12-го корпуса были лишь демонстраціями для отвлеченія нашего вниманія отъ Елененскаго отряда. Его Высочество, начальникъ Руссукскаго отряда, призналъ необходимымъ, во избѣжаніе случайностей, усилить 13-й корпусъ и тѣмъ дать ему возможность принять болѣе сосредоточенное расположеніе къ югу, дабы быть ближе къ войскамъ 11-го корпуса на случай необходимости ихъ поддержать, но при непремѣнномъ условіи не оголять центра расположенія Руссукскаго отряда. Во исполненіе предназначеній Наслѣдника Цесаревича, части 13-го корпуса, занимавшія Домогилу и Табачку, были отведены въ районъ расположенія 13-го корпуса, отрядный резервъ передвинуть нѣсколько къ югу, благодаря чему 13-й корпусъ могъ, занявъ частью войскъ Копровицу (Копривецъ), дать возможность войскамъ Чапиркойскаго отряда, въ случаѣ надобности, идти на поддержаніе Елененскаго отряда. Вслѣдствіе этого явилась необхо-

димостью занять позиціи у Домогилы и Табачки бригадою 12-го корпуса. Высоты у Домогилы и Табачки командуютъ надъ шоссе изъ Рущука въ Бѣлу и войска, расположенныя на нихъ, обезпечиваютъ правый флангъ позиціи у Трестеника и Мечки. Находясь въ 2-хъ часахъ перехода до трестенинской позиціи, части войскъ, занимающія позицію у Домогилы, могли своевременно поддержать правый флангъ нашего расположенія у Трестеника и Мечки, или же, фронтальнымъ наступленіемъ на Іованъ-Чифтлигъ, выйти во флангъ и тылъ противнику, атакующему позицію 12-го корпуса. Въ случаѣ наступленія непріятеля на Домогилу, онъ имѣлъ бы на своемъ флангѣ войска 12-го корпуса. Наконецъ, при наступленіи непріятеля изъ Разграда противъ расположенія 13-го корпуса на Баницвомъ Ломѣ, наши войска у Домогилы и Табачки выходили на флангъ противника и могли быть поддержаны 12-мъ корпусомъ, который оставилъ бы заслонъ на позиціи Трестеникъ-Мечка. Вотъ причины, почему считалось штабомъ Рущукскаго отряда необходимымъ имѣть не менѣе бригады на укрѣпленныхъ высотахъ Домогилы и Табачки.

Съ отдѣленіемъ бригады на эту позицію у Трестеника-Мечки, съ резервомъ въ Обрѣтенигѣ, оставалось 18 бат., 88 оруд., 12 эскадр. и 5 сотенъ ¹⁾).

Въ такомъ положеніи были войска 12-го корпуса, когда 14 ноября, послѣ шестидневнаго бездѣйствія, Сулейманъ значительными силами атаковалъ наши позиціи у Трестеника-Мечки.

Такъ какъ въ послѣдующихъ событіяхъ Рущукскаго отряда первенствующую роль играетъ позиція при Мечкѣ и Трестенигѣ, то считаемъ необходимымъ сдѣлать ея краткое описаніе. Эта позиція составляла лѣвую оконечность восточнаго фронта нашихъ войскъ и простиралась отъ шоссе у Трестеника до Дуная почти на 10 верстъ. Она состояла изъ двухъ участковъ: возвышенности къ сѣверо-востоку отъ Трестеника и возвышенности къ западу отъ Мечки; онѣ раздѣлялись оврагомъ, который начинался близъ Кошова и, углубляясь, огибалъ съ фронта и лѣваго фланга трестенинскую возвышенность и съ тылу мечкенскую,

¹⁾ 1 баталіонъ и 4 орудія оставались у Батина и 1 сотня при главной квартирѣ.

слѣдуя затѣмъ вплоть до Дуная. Такимъ образомъ, оба участка раздѣлялись оврагомъ, который, впрочемъ, благодаря пологимъ скатамъ, не препятствовалъ сообщенію войскъ между обоими флангами. Впереди мечкинскаго участка, въ разстояніи 3-хъ верстъ, гаходились высоты Пиргоса, а противъ трестенинскаго участка, въ 5-ти верстахъ, высоты Ханъ-Гюль-Чесме. Обѣ эти передовыя позиціи были укрѣплены и занимались небольшими авангардами съ цѣлью заставить непріятеля заблаговременно развернуться. Главныя позиціи у Мечки и Трестеника были укрѣплены, при чемъ укрѣпленія были прикрыты сухою травою, чтобы маскировать ихъ отъ противника.

Невыгоды позиціи заключались главнымъ образомъ въ длиннѣ ея, которая не соотвѣтствовала величинѣ отряда (двѣ дивизіи на 10 верстъ).

Не смотря на эту существенную невыгоду, являлось обязательнымъ занять оба участка: мечкинскій участокъ прикрывалъ прямой путь къ нашей переправѣ у Батина и слѣдовательно пріобрѣталъ весьма важное стратегическое значеніе; Трестенинская же позиція лежала на прямомъ пути наступленія отъ Рущука и Кадыкіоя къ Бѣлѣ. Лѣвый флангъ позиціи, у Мечки, прикрывался теченіемъ Дуная, при чемъ наши батареи, на лѣвомъ берегу Дуная, могли принять участіе въ обстрѣливаніи наступающаго непріятеля по высотамъ праваго берега этой рѣки; правый флангъ у Трестеника былъ совершенно открытъ и въ этомъ отношеніи, для обезпеченія его, какъ уже было сказано, пріобрѣтали значеніе высоты Домогилы и Табачки. Мѣстность впереди нашихъ позицій хорошо обстрѣливалась изъ укрѣпленій; позади мѣстность способствовала укрытію резервовъ и свободному движенію войскъ. Наконецъ, особенность всѣхъ этихъ позицій заключалась въ томъ, что, прежде чѣмъ атаковать ихъ, непріятель долженъ былъ переправиться черезъ рѣку Ломъ, при чемъ разстояніе отъ рѣки до передовыхъ позицій было не менѣе 5—6 верстъ; всего же отъ главнаго турецкаго лагеря у Кадыкіоя до нашихъ позицій было около 14 верстъ. Движеніе турокъ могло быть всегда заблаговременно обнаружено, до переправы ихъ черезъ Ломъ, такъ что напасть на насъ врасплохъ они не могли ни въ какомъ случаѣ.

Уже съ утра, 13-го ноября, обнаружилось появленіе непріятельскихъ партій почти на всемъ протяженіи Лома, въ особенности въ сторонѣ позицій 13-го корпуса; къ вечеру же было замѣчено усиленное передвиженіе войскъ противъ Кадыкюя, что могло быть предвѣстникомъ или серьезнаго наступленія противъ войскъ 12-го корпуса, или такихъ же рекогносцировокъ, которыми неоднократно тревожили насъ турки.

На другой день оказалось, что турки предприняли рѣшительное наступленіе на позиціи у Мечки-Трестеника. Подъ начальствомъ Асафа приняли участіе въ атакѣ 51 баталіонъ, 9 батарей (54 оруд.), два полка кавалеріи и нѣсколько сотенъ черкесовъ. Турки наступали тремя колоннами: правая, подъ начальствомъ Селима-паши, должна была атаковать нашу передовую позицію у Пиргоса и затѣмъ, соединившись съ среднею колонною Ибрагима-паши, атаковать Мечку; лѣвая колонна Османъ-Бея была направлена на Ханъ-Гюль-Чесме и Трестеникъ; въ резервъ была оставлена бригада Гассана-паши.

У насъ, согласно диспозиціи е. и. в. великаго князя Владиміра Александровича, позиціи были заняты: у Мечки 6 баталіоновъ, 16 орудій съ авангардомъ, изъ одного баталіона и 2-хъ орудій у Пиргоса ¹⁾; у Трестеника 9 баталіоновъ, 44 орудій съ авангардомъ изъ одного баталіона и 2-хъ орудій, у Ханъ-Гюль-Чесме. Кавалерія, 8 эскадронъ, 6 сотенъ, 10 орудій, была расположена за Трестеникомъ и независимо отъ сего 4 эскадрона были на передовыхъ постахъ ²⁾.

Войска могли быть усилены тремя полками 33 пѣхотной дивизіи изъ Обрѣтеника, Домогилы и Табачки. Начальникомъ позиціи былъ генераль баронъ Фирсъ, начальникъ 12-й пѣхотной дивизіи. Переправивъ еще наканунѣ часть войскъ черезъ Ломъ, турки начали наступленіе противъ нашихъ передовыхъ позицій въ 8 часовъ утра. Передовыя позиціи были усилены баталіонами, назначенными на смѣну дежурныхъ авангардныхъ частей. Когда обнаружилась серьезность наступленія непріятеля на нашъ лѣвый флангъ, баронъ Фирсъ рѣшился усилить войска

¹⁾ 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ генерала Цитлядзева.

²⁾ 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ генерала Фофанова и кавалерія подъ начальствомъ генерала барона Дризена.

на Мечкинской позиціи съ тѣмъ, чтобы, отбивъ здѣсь атаку, затѣмъ направить съ лѣваго фланга войска противъ непріятеля, наступавшаго на Ханъ-Гюль-Чесме и Трестеникъ; войскамъ на послѣдней позиціи удерживаться до послѣдней крайности, — до прихода подкрѣпленій изъ Мечки, Обрѣтенива и Домогилы, и затѣмъ, образовавъ резервъ изъ подошедшихъ частей, перейти въ наступленіе. Распоряженіемъ штаба 12-го корпуса, два полка 33-й пѣхотной дивизіи изъ Обрѣтенива и Домогилы должны были идти къ Трестенику.

Непріятель повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ 15 баталіонами, сбиль нашъ авангардъ и успѣлъ уже къ 9 часамъ утвердиться въ Пиргосѣ. Изъ Пиргоса онъ продолжалъ наступленіе на Мечкинскую позицію. Въ подкрѣпленіе нашимъ войскамъ было послано изъ Трестеника въ Мечку два баталіона Бессарабскаго полка съ 8 орудіями и во флангъ турецкимъ войскамъ, атаковавшимъ Мечкинскую позицію, два баталіона Одесскаго полка съ 6 орудіями и тремя эскадронами Стародубовскихъ драгунъ.

Генералъ Цитлядзевъ, начальникъ мечкинской позиціи, не дождавшись еще прибытія бессарабскихъ баталіоновъ, воспользовался неудачнымъ веденіемъ турками атаки и рѣшился, въ 12-мъ часу дня, наступленіемъ довести успѣхъ дѣла на лѣвомъ флангѣ до конца, чтобы помочь затѣмъ войскамъ на Трестеникской позиціи, гдѣ въ то время уже разгорался упорный бой. Энергичнымъ наступленіемъ нашихъ 6-ти баталіоновъ непріятель былъ отброшенъ, а успѣвшіе выйти ему во флангъ одесскіе баталіоны довершили его разстройство и турки отступили въ полнѣйшемъ безпорядкѣ къ Рушуку.

Овладевъ Пиргосомъ, генералъ Цитлядзевъ, въ виду того, что турецкія лѣвыя колонны повели настойчивую атаку на Трестеникъ и часть непріятельскихъ силъ показалась въ промежуткѣ между Трестеникомъ и Мечкою, возвратился, около 2-хъ часовъ дня, съ колонною къ Мечкѣ, не развивая далѣе преслѣдованія непріятеля. Къ Трестенику, для дѣйствія во флангъ наступавшему непріятелю, генералъ Цитлядзевъ отправилъ два Одесскихъ баталіона и Азовскій полкъ; Бессарабскимъ баталіонамъ, прибывшимъ по отраженіи турокъ, предписано было идти обратно въ Трестеникъ.

Нашъ правый флангъ, на которомъ, за отправленіемъ 4-хъ баталіоновъ къ Мечкѣ, оставалось всего 5 баталіоновъ, непріятель атаковалъ 36 таборами. Наши войска съ упорствомъ удерживали свои позиціи въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій; тѣмъ не менѣе положеніе ихъ становилось до крайности затруднительнымъ: фланги наши обхватывались, и непріятель началъ даже заходить въ тылъ нашего лѣваго фланга, такъ какъ промежутокъ между Мечкою и Трестенивомъ оставался открытымъ. Непріятель засыпалъ насъ массою пуль и обстрѣливалъ самую деревню Трестенивъ, откуда жители бѣжали въ смятеніи. Въ такомъ трудномъ положеніи наши войска оставались до 3¹/₂ часовъ пополудни. Къ этому времени начали подходить подкрѣпленія: подошли 7 баталіоновъ изъ Мечки и 6 баталіоновъ изъ Обрѣтенива и Домогилы. Такимъ образомъ, противъ турокъ, на правомъ флангѣ, мы сосредоточили 18 баталіоновъ, 14 эскадроновъ и 54 орудія. Наши войска перешли въ наступленіе. Азовцы и Одесцы, пришедшіе изъ Мечки, двинулись противъ праваго фланга непріятеля; баронъ Дризенъ повелъ кавалерію противъ лѣваго фланга противника, а генераль Фофановъ съ командиромъ 1-й бригады 33-й пѣхотной дивизіи, генераломъ Корево, повели войска съ фронта. Турки держались упорно, но должны были уступить дружному напору нашихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что Азовскіе баталіоны зашли въ тылъ ихъ праваго фланга. Съ наступленіемъ сумерокъ, непріятель былъ въ полномъ отступленіи къ Кара-Лому.

Наша потеря состояла въ 793 человекѣхъ убитыхъ и раненыхъ. Турки оставили на мѣстѣ до 500 тѣлъ и лишились 3-хъ офицеровъ и 80 человекъ плѣнными¹⁾. Сулейманъ-паша въ донесеніи своемъ опредѣлилъ свою потерю въ 1,200 человекъ.

Августѣйшій начальникъ отряда удостоилъ войска 12-го армейскаго корпуса слѣдующимъ приказомъ, отъ 15-го ноября за № 54:

„Поздравляю храбрыхъ и доблестныхъ войска 12-го армейскаго корпуса со славною побѣдою надъ врагомъ 14-го ноября и съ

¹⁾ Плѣнные офицеры показали, что турки имѣли въ виду сбить насъ съ трестенинской позиціи во что бы то ни стало; они хорошо сознавали, что съ потерей нами Трестенива удержаніе Мечкинской позиціи было невозможно. М. С.

Монаршею милостью. Государь Императоръ изволилъ пожаловать его императорскому высочеству великому князю Владиміру Александровичу, командующему 12-мъ армейскимъ корпусомъ, орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-й степени и 150 знаковь отличія военнаго ордена 4-й степени нижнимъ чинамъ и повелѣлъ Мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, передать сердечное, Его Величества, спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ!“

17-го ноября Его Высочество лично изволилъ благодарить войска 12-го корпуса на ихъ позиціяхъ за отраженіе непріятеля. Передъ собранными войсками былъ отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ. Въ Обрѣтеникѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ раненыхъ въ бою 14-го ноября.

Въ отбитіи атаки турокъ 14-го ноября приняли участіе наши батареи лѣваго берега Дуная: въ теченіи всего боя у Мечки „парапанская“ батарея поддерживала огонь по турецкимъ колоннамъ и много содѣйствовала къ отбитію непріятеля на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Мечкинской позиціи.

Послѣ Мечкинскаго и Трестеникскаго боя снова наступило затіпие на нашемъ восточномъ фронтѣ, которое продолжалось семь дней, т. е. до 22-го ноября.

Сводя за это время свѣдѣнія отъ разъѣздовъ, можно было придти къ заключенію, что на пространствѣ между нижнимъ теченіемъ Ав-Лома и османъ-базарской дорогой происходили передвиженія войскъ и численность ихъ на этомъ фронтѣ уменьшилась. По свѣдѣніямъ же отъ 19-го и 20-го ноября изъ 11-го корпуса оказывалось, что турки усиливаютъ свои войска противъ Еленинскаго отряда и производятъ рекогносцировки нашей передовой маренской позиціи. 22-го ноября были произведены войсками 13-го корпуса рекогносцировки къ сторонѣ Соленика, Констанце и Садины, т. е. въ пространство между Рущукъ и Разградомъ, а отъ Чаиркюйскаго отряда къ сторонѣ расположенія Джумской арміи. Независимо отъ сего, генеральнаго штаба полковникъ Пичугинъ 21-го и 22-го числа обрекогносцировалъ расположеніе непріятеля на позиціяхъ къ сторонѣ Рущука. Эти рекогносцировки подтвердили свѣдѣнія о меньшей численности турецкихъ войскъ впереди фронта Рущукскаго отряда. Оставалось неразъясненнымъ—въ какихъ направленіяхъ отошли турецкія

части. Рекогносцировки къ сторонѣ Джумской арміи обнаружили наступленіе непріятеля отрядами изъ трехъ родовъ оружія къ сторонѣ Поломарце и Ковачицы; но ограничившись лишь перестрѣлкою съ нашими кавалерійскими частями, поддержанными огнемъ конной батареи, непріятель отступилъ къ Кара - Лому. 22-го ноября была получена депеша въ отрядномъ штабѣ о наступленіи значительныхъ силъ турокъ по османъ-базарской дорогѣ и на Елену.

Такъ какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ рекогносцировками 22-го числа, можно было не опасаться за положеніе Рущукскаго отряда, то Наслѣдникъ Цесаревичъ распорядился немедленно отправить подкрѣпленія 11-му корпусу: 1-я бригада 32-й пѣхотной дивизіи, 5 баталіоновъ и 4 эскадрона отъ войскъ 13-го корпуса должны были выступить въ районъ расположенія 11-го корпуса въ Чаиркюй для смѣны тамъ частей 26-й пѣхотной дивизіи, которая въ свою очередь была свободна выступить къ Тырнову.

Какъ извѣстно, 22-го числа Сулейманъ, сосредоточивъ въ области сѣверныхъ Балванъ 40 баталіоновъ ¹⁾, съ 26 баталіонами рѣшился овладѣть Еленою, а 14 баталіоновъ онъ оставилъ на османъ-базарской дорогѣ для демонстративныхъ дѣйствій на Попкюй и Ковачицу, чтобы отвлечь вниманіе праваго фланга Рущукскаго отряда отъ главнаго пункта атаки. Еленинскій отрядъ, подавленный численнымъ превосходствомъ, послѣ упорнаго и несчастнаго для насъ боя, отступилъ отъ Маренской позиціи и Елены къ Яковицѣ ²⁾.

Къ сторонѣ Рущукскаго отряда непріятель демонстрировалъ 22-го и 23-го ноября со стороны Гагова и Попкюя. 22-го, какъ

¹⁾ Дивизія Фуада изъ Разграда 18 баталіон., османъ-базарскій отрядъ 14 батал. и сливенскихъ 8 батал.

²⁾ У Елены, съ авангардомъ у Марены, было всего, подъ начальствомъ начальника 9-й пѣх. див., ген.-ад. кн. Святополкъ-Мирскаго, 6 бат., 4 эск., 26 ор.; на османъ-базарской дорогѣ (у Кесарева, Джулиницы и Ново-Село) авангардъ отъ 11-й пѣх. дивизіи—3 бат., 6 эскадр. и сотень, 12 ор.; главныя силы—8 бат., 5 эск. и сотень, 38 ор.—въ окрестностяхъ Лѣсковаца и Козаре-Видъ, подъ начальствомъ начальника 11-пѣх. див. ген. Эрнрота; въ Златарицѣ, для связи съ Еленинскимъ отрядомъ, стояли 1 бат., 1 сот., 2 ор.; 4-я стр. бригада, какъ стратегическій резервъ, была сосредоточена въ окрестностяхъ Тырнова. Войсками 11-го корпуса, за отъѣздомъ кн. Шаховскаго, командовалъ ген. Делингегаузенъ.

уже было сказано, рекогносцировавшія въ этомъ направленіи части нашей кавалеріи обнаружили наступленіе противника къ Поломарце и Ковачицѣ; 23-го непріатель произвелъ въ томъ же направленіи наступленіе и опять, не втягиваясь въ бой, отступилъ къ Кара-Лому.

1-я бригада 26-й дивизіи двинулась еще 22-го числа изъ Чаиркюя въ направленіи къ Джулину (Джулюница) на османъ-базарскую дорогу; а 2-я бригада этой дивизіи, вслѣдствіе недоразумѣнія въ отдачѣ ординарцемъ приказанія, выступила лишь въ ночь съ 24-го на 25-е¹⁾; позиціи 26-й дивизіи были заняты бригадою 1-й дивизіи и бригадою 32-й дивизіи, которая, въ случаѣ востребованія, должна была бы также быть готовою выступить къ Тырнову.

Послѣ Еленинскаго боя Сулейманъ не воспользовался одержаннымъ имъ успѣхомъ и на мѣсто того, чтобы энергично преслѣдовать нашъ отрядъ, отступившій до Евковцы, онъ останавливается на позиціяхъ у Яковицы и остается въ полномъ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока противъ него сосредоточиваются такія силы, что турки сами попадаютъ въ положеніе или быть разбитыми, или окруженными нашими войсками. Дѣйствительно, уже 24-го ноября, благодаря подошедшимъ подкрѣпленіямъ и въ томъ числѣ 1-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи, для прикрытія Тырнова съ восточной стороны, мы могли противопоставить непріателю 30 баталіоновъ, 17 эскадроновъ и сотенъ при 95-ти орудіяхъ; а съ приходомъ 2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи и подкрѣпленій, направленныхъ главнокомандующимъ, къ 26-му и 27-му эти силы уже доходили до 40 баталіоновъ, 23-хъ эскадроновъ и сотенъ при 133-хъ орудіяхъ. Такимъ образомъ, опасенія за крайній правый флангъ миновали. 24-го ноября бригада 26-й пѣхотной дивизіи съ Якутскимъ полкомъ, съ боя, заняли Златарицу на османъ-базарской дорогѣ, угрожая этимъ правому флангу расположенія Сулеймана. Хотя Сулейманъ и сознавалъ свое рискованное положеніе, тѣмъ не менѣе онъ, судя по его показаніямъ на процессѣ, не желалъ отказаться отъ дальнѣйшихъ операцій къ сторонѣ Тырнова; для этого онъ считалъ

¹⁾ См. „Матеріалы для описанія дѣйствій Русскаго отряда“. Воен. Сборн. 1886 г. № 8, стр. 183.

обходимымъ притянуть къ Еленѣ подкрѣпленія и обезпечить свой тылъ; а до того онъ рѣшился оставаться противъ Тырнова въ оборонительномъ положеніи и принять мѣры къ отвлеченію отъ Елены войскъ Цесаревича. Предполагая, что Цесаревичъ направилъ часть своихъ силъ къ югу, къ угрожаемому флангу, Сулейманъ рѣшилъ вновь предпринять демонстративное наступленіе противъ нашего крайняго лѣваго фланга, т. е. противъ войскъ 12-го корпуса, что заставило бы насъ вновь перетянуть войска съ юга на сѣверъ, и тѣмъ успѣхъ наступленія на Тырново вновь былъ бы обезпеченъ. Это рѣшеніе Сулеймана привело къ сраженію 30-го ноября у Мечки и Трестеника. Такимъ образомъ Сулейманъ старался доказать, что бои 14-го и 30-го ноября у Мечки и Трестеника были второстепенными дѣйствіями для обезпеченія успѣха операцій къ сторонѣ Тырнова. Въ такомъ случаѣ надо удивляться тому обстоятельству, что для второстепеннаго дѣла Сулейманъ вводитъ гораздо больше силъ, чѣмъ ихъ введено было имъ въ главномъ, подъ Еленою. Намъ представляется, что первоначальный планъ Сулеймана былъ наступать на Бѣлу; потерпѣвъ неудачу у Трестеника и Мечки, 14-го ноября, и убѣдившись, что позиціи эти сильно укрѣплены, онъ сдѣлалъ попытку отвлечь часть войскъ отъ Руссускаго отряда къ Еленѣ. Достигнувъ здѣсь успѣха, онъ его не развиваетъ, оставаясь вѣрныя своему первоначальному плану и предположивъ, что значительная часть Руссускаго отряда двинута на югъ, Сулейманъ-паша рѣшается снова атаковать наши позиціи у Дуная и дѣйствовать затѣмъ на наши сообщенія на этой рѣкѣ¹⁾. Когда на крайнемъ

¹⁾ Для подтвержденія нашего предположенія можетъ служить депеша Сулеймана, посланная имъ въ сераскириатъ 28-го сентября: „что касается нашихъ операцій, то военное искусство и правила войны намъ доказываютъ, какъ дважды два четыре, что наша главная цѣль должна клониться, прежде всего, къ занятію линіи Янтры и взятію Бѣлы“. Procès de Suléïman Pacha. T. III, p. 14.

Кромѣ того, въ подтвержденіе нашего предположенія, что Сулейманъ не имѣлъ болѣе намѣренія продолжать наступательныхъ дѣйствій противъ Тырнова, можетъ служить то обстоятельство, что когда онъ рѣшился вновь атаковать войска 12-го корпуса, то онъ не оставляетъ своего южнаго отряда въ оборонительномъ положеніи противъ тырновскаго отряда, какъ онъ то показывалъ на судѣ, а отводитъ его и отступаетъ въ горы, а тырновскій отрядъ снова возстановилъ свое положеніе на еленинской дорогѣ.

правомъ флангъ положеніе улучшилось и получено было извѣщеніе въ штабъ Руссукскаго отряда, что Сулейманъ не продолжаетъ наступленія къ Тырнову и оттягиваетъ отъ Елены свои войска, снова должны были явиться опасенія за наступленіе турокъ противъ войскъ Руссукскаго отряда. Оставалось разгадать въ какомъ направленіи поведетъ Сулейманъ свое наступленіе. Великій князь главнокомандующій сообщалъ Наслѣднику Цесаревичу, что, „по полученнымъ свѣдѣніямъ, турки намѣрены произвести общее наступленіе по всѣмъ направленіямъ; войска, отбросившія насъ отъ Елены, подъ начальствомъ Реуфа-паши, въ числѣ 40,000, собраны изъ руссукскихъ войскъ и изъ Стамбула; по частнымъ слухамъ, сообщеннымъ изъ Лондона, на Руссукскій отрядъ предположено наступленіе изъ Сарнасуфлара и Эски-Джумы, по направленію къ Церковно“.

Слѣдовательно, судя по этимъ свѣдѣніямъ, надо было ожидать наступленія противъ праваго фланга 13-го корпуса. Между тѣмъ лазутчики сообщали, что турки въ кадыйкойскомъ лагерѣ снова готовятся къ нападенію на 12-й корпусъ; что бывший начальникъ Ферикъ-Асафъ-паша, который велъ атаку на Мечку-Трестеникъ 14-го ноября, быть смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ муширъ Фазли-паша, который уже нѣсколько дней какъ прибылъ и поселился въ Руссукѣ. Онъ получилъ строгое приказаніе стянуть къ себѣ всѣ свободныя войска, безотлагательно перейти въ наступленіе и во что бы то ни стало сбить наши войска съ позицій у Мечки-Трестеника и овладѣть сообщеніями на Дунаѣ. Командиръ Стародубовскаго полка полковникъ Бильдерлингъ доносилъ, что, по свѣдѣніямъ, имъ добытымъ, уже 25-го ноября турки намѣревались атаковать насъ и въ этотъ день выступили съ частью войскъ изъ Руссука. Это движеніе было дѣйствительно замѣчено съ нашихъ аванпостовъ, а часть, вышедшая изъ Бессарбова, встрѣчена была рекогносцировочнымъ отрядомъ отъ 12-го корпуса. Туманъ и ненастная погода принудили непріятеля вернуться и отложить наступленіе до болѣе благопріятной погоды. Наконецъ, было замѣчено усиленное движеніе по Руссуко-варнской желѣзной дорогѣ и, какъ показывали болгары, на этихъ поѣздахъ перевозится къ Руссуку и Кадыйкою фуражъ и все необходимое для значительнаго числа войскъ.

Сводя всѣ эти свѣдѣнія, можно было, во всякомъ случаѣ,

ожидать наступленія противъ Рущукскаго отряда; но, въ виду неизвѣстности истинныхъ намѣреній непріятеля, надо было быть готовымъ встрѣтить его или войсками 12-го, или 13-го корпусовъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ возложилъ на 12-й корпусъ прикрытіе нижней Янтры и Батинской переправы со стороны Рущука; а на войска 13-го корпуса—прикрытіе средней Янтры, т. е. доступовъ къ Бѣлѣ со стороны Разграда и Ески-Джумы. Во исполненіе этого приказанія, войска отряда сгруппировались на трехъ участкахъ:

Лѣвофланговый—войска 12-го корпуса (24 бат., 20 эскадр. и сотень, 116 оруд.) на позиціи у Мечви и Трестеника съ частью войскъ на высотахъ Домогилы и Табачки и у Батина.

Центральный—35-я пѣхотн. дивизія съ частью кавалеріи, прикомандированной къ 13-му корпусу (12 батал., 18 эскадр. и сотень, 60 оруд.). Основаніемъ для обороны служила укрѣпленная Баничко-Батиницкая позиція, на лѣвомъ берегу Баницкаго Лома, съ передовою позиціею у Синанкіоя, ближайшая цѣль дѣйствій—прикрытіе доступовъ къ Бѣлѣ со стороны Разграда.

Правофланговый—1-я пѣх. дивизія и 1-я бригада 32-й пѣх. дивизіи съ частью кавалеріи, прикомандированной къ 13-му корпусу (18 батал., 14 эскадр. и сотень, 60 орудій). Основаніемъ для обороны служила укрѣпленная Чаиркіюйская позиція съ передовою позиціею у Ковачицы; ближайшая цѣль дѣйствій—прикрытіе доступовъ къ Бѣлѣ со стороны Ески-Джумы и Шумлы; независимо отъ сего на этихъ войскахъ лежала обязанность прикрывать съ этой стороны путь къ Тырнову и въ случаѣ надобности поддержать войска на османъ-базарской дорогѣ. Кавалерія была выдвинута на Ломъ, Кара-Ломъ до Опаки и далѣе на югъ до Кадыкіоя (Кади-вѣой, на рѣкѣ того же названія).

Такимъ образомъ, войска Рущукскаго отряда заняли, по фронту, линію въ 45 верстѣ, кавалерія наблюдала по линіи въ 80 верстѣ. Въ этомъ расположеніи являлись самыми слабыми частями центръ и интервалъ въ 20 верстѣ между нашимъ правымъ флангомъ и войсками на османъ-базарской дорогѣ. Но, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, наступленіе непріятеля изъ Разграда на Бѣлу, кратчайшимъ путемъ, представлялось въ настоящее время наименѣе вѣроятнымъ; что же касается промежутка между правымъ флангомъ Рущукскаго отряда и лѣвымъ Тырновскаго,

то командиръ 13-го корпуса, князь Дондуковъ-Корсаковъ, распорядился выставить въ Кадыкюй, центральномъ пунктѣ между обоими расположеніями, отрядъ изъ трехъ родовъ оружія. Наконецъ, между расположеніемъ 12-го корпуса и 13-го было всего 7 верстъ, слѣдовательно, въ случаѣ надобности, войска обоихъ корпусовъ могли оказать быструю взаимную поддержку, что и подтвердилось въ бою 30 ноября.

Намѣренія непріятеля не замедлили обнаружиться.

28-го числа утромъ, съ передовыхъ постовъ 12-го корпуса дано было знать, что турецкая пѣхота начала переходить Ломъ у Іованъ-Чифтлика и Краснаго (Красенъ) и наступаетъ на наши авангарды. Около полудня, значительное число непріятельскихъ баталіоновъ, приблизительно отъ 20-ти до 30-ти, показались на высотахъ впереди Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме. Медленность движенія и остановка нѣсколькихъ группъ, на отдаленныхъ высотахъ, указывали, что непріятель производитъ рекогносцировку. По послѣдующимъ свѣдѣніямъ оказалось, что рекогносцировку производилъ Сулейманъ-паша, указывая лично направленіе атаки и движеніе колоннъ. Во второмъ часу непріятель началъ отходить, оставивъ на линіи нашихъ аванпостовъ прокламаціи на польскомъ языкѣ ¹⁾, между прочимъ въ нихъ сообщалось, что Османъ-паша, одержавъ побѣду, пробился изъ - подъ Плевны, Какъ бы въ отвѣтъ на это сообщеніе, вечеромъ того же дня было, наконецъ, получено столь томительно ожидавшееся радостное извѣстіе о паденіи Плевны. Государь Императоръ телеграфировалъ Цесаревичу: „Ура! побѣда полная. Османъ-паша пытался сегодня утромъ прорваться черезъ наши линіи по видинской дорогѣ, но былъ отброшенъ гренадерами обратно къ Плевнѣ,

¹⁾ Одновременно съ рекогносцировкой нашихъ позицій у Мечки-Трестеника, Сулейманъ предписалъ произвести демонстративное движеніе противъ праваго фланга 13-го корпуса. 10 таборовъ, при 4-хъ орудіяхъ, были направлены отъ Амуркюя (Баджикъ - умуръ) на Кособину (Посабина), на правый флангъ расположенія нашихъ войскъ у Ковачицы. Рекогносцировка, предпринятая въ этотъ же день генераломъ Горшковымъ (командир. 1 бриг. 32 пѣх. див.) съ 13 ротами Курскаго полка, 4-мя эскадронами Лубенскихъ гусаръ, при 10-ти орудіяхъ, предупредила турокъ. Обнаруживъ наступленіе непріятеля, генералъ Горшковъ навелъ его на устроенную засаду; турки въ полномъ разстройствѣ отступили, оставивъ на мѣстѣ 309 тѣлъ.

Наши потери убитыми и ранеными были 108 человекъ.

уже занятой нами, и принужденъ сдаться со всею своею арміею. Ты поймешь и раздѣлишь Мою радость и благодарность Богу“. Депеша Царя быстро распространилась по отряду и еще болѣе воодушевила войска для ихъ послѣдующихъ геройскихъ подвиговъ.

29-го ноября, въ 4 часа пополудни, турки начали переправу черезъ Кара-Ломъ у д. Красной; кромѣ густыхъ массъ непріятеля, столпившагося у мѣста переправы, длинныя линіи колоннъ тянулись туда изъ Кадыкюя, а передъ вечеромъ, значительныя силы, не менѣе 30-ти баталіоновъ, вышли изъ Рущука. По донесенію съ аванпостовъ, къ ночи, на лѣвый берегъ Кара-Лома было переправлено уже 38 баталіоновъ. При переправѣ черезъ рѣку вечеромъ, въ темнотѣ, турки зажигали факелы и далеко раздавались ихъ восторженные крики „Аллахъ“.

По полученіи вечеромъ донесенія о переходѣ значительныхъ силъ турокъ черезъ Ломъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ: 1-й бригадѣ 35-й пѣх. дивизіи идти, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, изъ Батинцы и Челнова (Чилново) къ Домогилѣ, куда прибыть къ 9-ти часамъ утра и поступить въ распоряженіе Августѣйшаго командира 12-го корпуса; двумъ баталіонамъ и 4-мъ орудіямъ двинуться изъ Батины въ Мечку для усиленія лѣваго фланга позиціи ¹⁾. Сверхъ того было послано приказаніе нашимъ осаднымъ орудіямъ, на противоположномъ берегу, на парпанскихъ батареяхъ и броненосной лодкѣ „Никополь“ на Дунаѣ принять участіе въ дѣлѣ, стрѣляя по колоннамъ непріятеля. Съ своей стороны великій князь Владиміръ Александровичъ приказалъ: 129-му Бессарабскому полку перейти изъ Домогилы въ Трестеникъ и присоединиться къ 2-й бригадѣ 33-й дивизіи.

30-го ноября укрѣпленныя позиціи у Мечки и Трестеника были заняты, какъ и 14-го ноября ²⁾, только въ резервѣ, у трестеникского виноградника стали три полка 33-й дивизіи, которые должны были оборонять открытый промежутокъ между

¹⁾ Двѣ роты 7-го саперн. батал., четыре роты 130 Херсонскаго полка, рота 132 Бендерскаго полка, четыре полуроты Гвардейскаго экипажа изъ Петрошанъ и 4 орудія 6-й батар. 33-й артл. бригады.

²⁾ 1-я бригада 12-й пѣх. див. у Мечки съ авангардомъ у Пиргоса; 2-я бригада 12-й пѣх. див. у Трестеника съ авангардомъ у Ханъ-Гюль-Чесме.

Мечкой и Трестеникомъ; на немъ также были возведены полевые укрѣпленія. Кавалерія была усилена двумя сотнями 31-го полка и 21 донскою батареею; она расположилась, по бригадно, за центромъ и за правымъ флангомъ позицій. Общее начальство надъ позиціями имѣлъ генераль-лейтенантъ Фиресь; начальство надъ Трестеникскою позиціею—генераль Фофановъ; центромъ—генераль Тимофѣевъ; Мечкинскою—генераль Цитлядзевъ. Всего, до прихода подкрѣпленій изъ Домогилы и Батина, на позиціи у Мечки и Трестеника были сосредоточены, въ утру 30-го числа, 21 баталіонъ, 20 эскадроновъ и сотенъ и 96 пѣшихъ и конныхъ орудій, а съ приходомъ подкрѣпленій эти силы должны были дойти до 28 баталіоновъ, 21 эскадронъ и сотенъ и 130 орудій. Независимо отъ сего два баталіона 130-го Херсонскаго полка съ 8-ю орудіями и двумя сотнями 37-го полка оставались у Табачки въ готовности дѣйствовать на сообщенія противника.

30-го ноября, въ восьмомъ часу утра, съ парпанскихъ батарей, на румынскомъ берегу, были даны два условныхъ выстрѣла, означавшихъ наступленіе турокъ изъ Рущука, и вслѣдъ затѣмъ непріятель, въ густыхъ массахъ, предшествуемыхъ кавалеріею, развернулся передъ нашими авангардами, которые, въ виду опредѣлившагося рѣшительнаго наступленія значительныхъ силъ непріятеля, и въ силу полученной инструкціи—не вѣдаться въ серьезный бой, отошли на главныя позиціи. Обнаружилось, что непріятель поставилъ себѣ цѣлью направить главныя усилія противъ Мечки и въ промежутокъ между этою деревнею и Трестеникомъ, такъ какъ густыя массы турокъ двинулись въ этомъ направленіи; а колонны, наступавшія на Іованъ-Чифтликъ и Трестеникъ, спустившись въ лощину передъ трестеникскимъ плато, далѣе не двигались и резервы ихъ остановились на іованъ-чифтликскомъ плато. Казалось, что Сулейманъ желалъ употребить всѣ силы, чтобы взять мечкинскую позицію и, прорвавъ нашу оборонительную линію, отбросить насъ отъ Дуная и овладѣть Батинскимъ мостомъ. Къ 10¹/₂ часамъ утра противъ Мечки было уже сосредоточено 30 турецкихъ баталіоновъ при 20-ти орудіяхъ. Турки вели атаку на центръ и оба фланга мечкинской позиціи. Одновременно съ этими атаками, непріятель энергично наступалъ противъ центра общаго расположенія; укрѣпленія центра тотчасъ же были заняты полками 2-й бригады

33-й пѣхотной дивизіи съ 129-мъ Бессарабскимъ полкомъ въ резервѣ. Не смотря на численное превосходство турецкой артиллеріи, вскорѣ стало замѣтнымъ, что огонь нашихъ орудій превосходилъ непріятельскій. Батареи 33-й артиллерійской бригады, почти не обращая вниманія на турецкую артиллерію, направили свои выстрѣлы исключительно противъ непріятельской пѣхоты, сосредоточившейся въ лощинѣ для атаки праваго фланга мечвискской позиціи. Въ 11-мъ часу, когда бой у Мечки и въ центрѣ былъ въ полномъ разгарѣ, прибылъ на поле сраженія великій князь Владиміръ Александровичъ и, остановившись на позиціи 33-й пѣхотной дивизіи, прошелъ на батарею. Замѣтивъ, что турки ведутъ главную атаку на нашъ лѣвый флангъ и центръ, ограничиваясь противъ Трестеника лишь демонстраціями, его высочество рѣшилъ, по прибытіи въ Трестеникъ изъ Домогилы 2-й бригады 35-й дивизіи, перейти тотчасъ же въ наступленіе, правымъ флангомъ, чтобы ударить на лѣвый флангъ турокъ и затѣмъ атаковать ихъ центръ и правый флангъ. Движеніе обходной колонны на лѣвый флангъ турокъ должно было отвлечь вниманіе непріятели отъ ихъ главнаго пункта атаки и тѣмъ воспрепятствовать имъ сосредоточить противъ него еще большія силы. Одновременно было отправлено приказаніе 130-му Херсонскому полку (2 батал.) съ батареею и двумя сотнями № 31 полка идти отъ Табачки на Кошово и Іованъ - Чифтликъ, внизъ по Лому, и дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ лѣваго фланга и тыла противника.

Какъ только что прибыли Зарайскій и Моршанскій полки 35-й дивизіи, подъ начальствомъ полковника Назарова, великій князь приказалъ, присоединивъ къ нимъ Украинскій полкъ, находившійся на позиціи у Трестеника, начать наступленіе по шоссе до Ханъ-Гюль-Чесме, а затѣмъ, зайдя правымъ флангомъ, направиться къ Пиргосу и ударить во флангъ непріятели. Кавалерія должна была выдвинуться въ промежутокъ между шоссе и Ломомъ и содѣйствовать наступленію обходной колонны. Всего было назначено для удара на лѣвый флангъ турокъ 8¹⁾ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и сотенъ и 48 орудій. Командованіе обходною колонною было поручено генералу Фофанову. Маневръ удался

¹⁾ Одинъ баталіонъ Зарайскаго полка и 4 орудія 2-й батареи 35-й артиллерійской бригады были оставлены въ Челновѣ.

блистательно. Подъ прикрытіемъ кавалеріи, наша пѣхота развернулась, выбила противника съ высотъ у Ханъ-Гюль-Чесме, заняла ихъ и наши 5 пѣшихъ и донская № 21 батареи начали громить скученные въ лощинахъ резервы непріятели фронтальнымъ и продольнымъ огнемъ. Когда 2-я бригада 35-й дивизіи и 47-й Украинскій утвердились на высотяхъ у Ханъ-Гюль-Чесме, очутившись на флангѣ и даже почти въ тылу у непріятели, дѣйствовавшего противъ Мечки и центра нашихъ позицій, его высочество, командующій корпусомъ, приказалъ, около 2-хъ часовъ дня, 2-й бригадѣ 33-й дивизіи, генерала Дохтурова, съ Бессарабскимъ полкомъ въ резервѣ, перейти въ наступленіе и отбросить непріятели, сосредоточившагося противъ праваго фланга мечкинской позиціи. Великій князь выѣхалъ впередъ, чтобы слѣдить за наступленіемъ бригады. Когда генералъ Дохтуровъ далъ сигналъ въ наступленію и тираспольцы и бендерцы, разомъ выскочивъ изъ ровиковъ, бросились впередъ, — густая турецкая цѣпь, лежавшая за гребнемъ, встала какъ одинъ человекъ и открыла частый и убійственный огонь; не было мѣста—гдѣ бы можно было безопасно стоять и въ свитѣ его высочества былъ смертельно раненъ унтеръ-шталмейстеръ и тяжело раненъ переводчикъ. Полки 33-й дивизіи живо спустились въ лощину и овладѣли противуположнымъ гребнемъ высотъ; турки не выдержали смѣлаго натиска и, поражаемые огнемъ нашей артиллеріи, начали отступать, оставляя на пути массу труповъ. Успѣхъ полковъ 33-й дивизіи далъ возможность генералу Цитлядзеву также перейти въ наступленіе; его бригада, поддержанная частями, подошедшими изъ Батина, бросилась на непріятели, опровернула его и турки отступили къ Лому. Такимъ образомъ къ 3 1/2 часамъ пополудни всѣ наши войска, послѣ тяжелаго оборонительнаго боя, перешли по всему фронту въ рѣшительное наступленіе. Генералы Цитлядзевъ и Дохтуровъ фронтальнымъ наступленіемъ, а генералъ Фофановъ наступленіемъ во флангъ и тылъ, поддержанный на правомъ флангѣ кавалеріею и отрядомъ, подошедшимъ изъ Табачки, обратили непріятели въ безпорядочное бѣгство и втиснули его въ уголь, образуемый Дунаемъ и Ломомъ; наши войска развернулись длинною линіею по гребнямъ высотъ впереди Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Дунаю, а правымъ къ Кара-Лому на высотѣ Іованъ-

Чиѣтлика, выдвинувшись, такимъ образомъ, на 5 — 10 верстъ впереди отъ главныхъ позицій. Общее преслѣдованіе турокъ прекратилось лишь съ наступленіемъ темноты. Наслѣдникъ Цесаревичъ слѣдилъ за боемъ съ кургана, насыпаннаго на дорогѣ изъ Яли-Абланова въ Мечку; съ этого кургана можно было не только видѣть все расположеніе нашихъ войскъ на позиціяхъ у Мечки и Трестеника, но и всю окрестность впереди верстъ на семь. Увидавъ, что бой у Мечки, все болѣе и болѣе разгораясь, принимаетъ для насъ опасный оборотъ, его высочество поѣхалъ въ Мечку; но какъ разъ въ это время, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ колонны генерала Фофанова, нашъ центръ могъ перейти въ наступленіе; не доѣзжая еще Мечки, Цесаревичъ былъ обрадованъ донесеніемъ, что генераль Цитлядзевъ также уже перешолъ въ наступленіе. Когда, за темнотою, прекратилось дальнѣйшее преслѣдованіе противника, великій князь Владиміръ Александровичъ приказалъ оставить авангарды у Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме, а войскамъ вернуться на свои биваки.

Наши потери простирались до 836 человекъ убитыми и ранеными; турки оставили 800 труповъ и 300 тяжело раненныхъ на полѣ сраженія; кромѣ того попались въ плѣнъ 16 человекъ и въ томъ числѣ одинъ штабъ - офицеръ. Вообще же вся потеря турокъ исчисляется, ими самими, болѣе чѣмъ въ 3,000 человекъ. Когда наши войска, послѣ перемирія, заняли Руцукъ, то турецкіе доктора утверждали, что въ этотъ день къ нимъ въ госпиталь перевезли около 2,500 человекъ раненныхъ. Особенно сильныя потери турки понесли отъ нашей артиллеріи при обратномъ переходѣ черезъ Ломъ, когда русскія батареи выскочили впередъ и съ трехъ сторонъ стали осыпать картечью столпившіяся къ переправамъ массы турецкой пѣхоты. Не мало нанесли также потерь непріятелю, въ теченіе дня, парпанскія батареи и лодка „Нивополь“.

Въ этомъ бою турки ввели болѣе 60-ти баталіоновъ; распоряжался боемъ самъ Сулейманъ-паша. Съ нашей стороны было введено въ боевыя линіи, съ резервами, по прибытіи всѣхъ подкрѣпленій, 30 батал., 23 эскадрона и сотни и 134 орудія. Сулейманъ утверждаетъ, что, только возвратясь съ сраженія, онъ узналъ о паденіи Плевны. Плѣнные говорили, что имъ было объявлено, что Цесаревичъ болѣшую часть своихъ силъ направилъ на под-

крѣпленіе нашихъ войскъ подѣ Плевну, оставивъ лишь незначи- тельное прикрытіе къ сторонѣ Рущука; что вслѣдствіе этого Сулейманъ настолько былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что не допу- скалъ мысли объ отступленіи своихъ войскъ и назначилъ себѣ ноч- легъ на 30-е въ Брестовцѣ (Брѣстовица), въ мѣстѣ расположенія главной квартиры Цесаревича; въ случаѣ же отступленія турокъ, ихъ главнокомандующій грозилъ открыть по отступающимъ огонь съ батареей праваго берега Лома; плѣнные утверждали, что Сулей- манъ сдержалъ свое обѣщаніе! Если вѣрить этому показанію, то турки попали, такимъ образомъ, при переправѣ черезъ Ломъ, подѣ артиллерійскій огонь съ четырехъ фасовъ. 1-го декабря Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣхалъ часть позиціи у Мечки и Трестенива, благодарилъ войска и присутствовалъ на благодар- ственномъ молебствіи. Въ этотъ же день Его Высочеству коман- дующему 12-мъ корпусомъ пожалована золотая шпага, брилльантами украшенная, съ надписью: „14 и 30 ноября 1877 года“. 3-го декабря Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Брестовецъ, въ главную квартиру отряда. Его Императорское Величество назна- чилъ Наслѣдника Цесаревича шефомъ 2-го Софійскаго пѣх. полка и пожаловалъ Его Высочеству орденъ св. великомученика и побѣ- доносца Георгія 2-й степени. Великій князь Владиміръ Алексан- дровичъ былъ назначенъ шефомъ 47-го пѣх. Украинскаго полка, а исправлявшій должность начальника штаба Рущукскаго отряда генералъ-лейтенантъ Ванновскій награжденъ орденомъ св. вели- комученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени. Наслѣдникъ Цеса- ревичъ изволилъ извѣстить войска Рущукскаго отряда о пожало- ваніи Его Высочеству ордена св. Георгія слѣдующимъ при- казомъ:

„Государь Императоръ въ 3-й день сего декабря Всемило- стивѣйше пожаловалъ Мнѣ орденъ св. Георгія 2-й степени. Его Величество, награждая Меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, желалъ выразить свое удовольствіе молодецкимъ войскамъ, Мнѣ вѣреннымъ, и Я, гордясь полученною наградою, не менѣе горжусь имѣть подѣ своимъ начальствомъ храбрыя и доблестныя войска, состоящія въ отрядѣ,—войска, которыя самоотверженіемъ и беззапятною хра- бростью, вполне заслуженно носятъ названіе російскаго побѣдо- носнаго воинства“.

„Да поможетъ намъ Господь благополучно довести до конца борьбу, начатую за братьевъ христіанъ“.

Битва при Мечкѣ, 30-го ноября, была послѣднимъ наступательнымъ предпріятіемъ арміи Сулеймана-паши противъ Русскаго отряда. Истопивъ всѣ усилія и вида невозможность прорвать восточный фронтъ нашей арміи, Сулейманъ, узнавъ о паденіи Плевны и движеніи русскихъ за Балканы, съ частью своей арміи поспѣшно отступилъ съ береговъ Лома за Балканы. Въ предвидѣніи этого, Наслѣдникъ Цесаревичъ находилъ необходимымъ безотлагательное усиленіе войскъ Русскаго отряда съ тѣмъ, чтобы, наступленіемъ въ пространствѣ между Разградомъ, Ески-Джумою и Шумлою, лишить турецкаго главнокомандующаго возможности переводить большую часть своихъ силъ за Балканы.

Великій Князь главнокомандующій нашелъ такое наступленіе преждевременнымъ и вслѣдствіе этого, въ теченіе декабря и первой половины января, никакихъ серьезныхъ дѣйствій въ Русскаго отрядѣ не было; столкновенія съ непріателемъ ограничивались незначительными перестрѣлками на аванпостахъ.

Въ концѣ декабря, какъ извѣстно, западный отрядъ генерала Гурко перевалилъ за Балканы и занялъ Софію, а отрядъ генерала Радецаго, 28-го декабря, одержавъ побѣду у Шейнова и Шипки, взялъ въ плѣнъ всю шипкинскую турецкую армію. Тогда Великій Князь главнокомандующій, чтобы не дать туркамъ времени оправиться отъ неожиданныхъ ударовъ, предположилъ ускорить общее наступленіе войскъ къ Адрианополю. Для обезпеченія этого движенія, войска, оставшіяся по сѣверную сторону Балканъ, должны были двинуться къ сторонѣ дунайскихъ крѣпостей. Съ этою цѣлью, 1-го января, всѣмъ войскамъ, расположеннымъ на восточномъ фронтѣ, къ сѣверу отъ Балканъ и до Дуная, и Журжевскому отряду на лѣвомъ берегу Дуная, предписано образовать одинъ „Восточный отрядъ“ подъ общимъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Въ составъ его поступило 105 баталіоновъ, 78 эскадроновъ и сотенъ и около 420-ти орудій¹⁾. Частямъ

¹⁾ 12-й и 13-й корпуса, полторы дивизіи 11-го корпуса, 2-я пѣх. дивизія, болгарское ополченіе и временно три полка 24-й пѣх. дивизіи до движенія ихъ за Балканы, 12 и 11 кавал. дивизіи, бригада 13 кавал. дивизіи, бригада

войскъ, находившимся на лѣвомъ берегу Дуная, было предписано, при первой возможности, т. е. когда установится переправа или станетъ ледъ на Дунаѣ, двинуться на присоединеніе къ своимъ частямъ и идти за Балканы къ Адрианополю.

Восточному отряду Цесаревича надлежало перейти въ наступленіе къ Рущуку, Разграду, Ески-Джумъ и Османъ-Базару.

Движеніе это было замедлено распоряженіемъ изъ главной квартиры арміи и лишь только въ половинѣ января 1878 г. войска восточнаго отряда получили разрѣшеніе начать наступленіе. 16-го января, послѣ непродолжительной перестрѣлки, 1-я пѣх. дивизія генерала Прохорова заняла Разградъ, а наканунѣ, 15-го января, генераль Эрнротъ съ частями 11-й пѣх. дивизіи занялъ Османъ-Базаръ и 17-го числа—Ески-Джуму. Гарнизоны этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ отступали къ Шумлѣ; Котель былъ занятъ безъ боя 13-мъ Нарвскимъ гусарскимъ полкомъ 14-го числа, а 15-го вступили въ него двѣ дружины болгарскаго ополченія; частями 33-й пѣх. дивизіи, 17-го января, былъ занятъ Кадыкюй, подъ Рущукомъ.

Чтобы извлечь выгоды изъ занятія нами Разграда и разобщенія рущукскаго и шумлинскаго гарнизоновъ, а также вслѣдствіе свѣдѣній о малочисленности гарнизона Рущука, Наслѣдникъ Цесаревичъ рѣшилъ предпринять съ войсками 12-го корпуса наступленіе къ Рущуку; предполагено было произвести его 21-го числа; но какъ разъ въ этотъ день получено было извѣстіе о заключенномъ 19-го января перемиріи ¹⁾. На основаніи условій этого перемирія, турки обязались очистить всѣ дунайскія крѣпости.

Такъ закончились дѣйствія нашихъ восточныхъ отрядовъ противъ четырехугольника крѣпостей.

Сводя все вышеизложенное, мы видимъ, что дѣйствія Рущукскаго отряда, отъ его сформированія (22-го іюня 1877 г.) до заключенія перемирія (19-го января 1878 г.), можно раздѣлить на три періода:

2 донской дивизіи, 37 казачій и л.-гв. Атаманскій полки, 1 гусарскій Сумскій и казачій № 40 полки; журжевскій отрядъ—бригада 32 пѣхотный дивизіи и 96 Омскій полкъ.

¹⁾ Войска 13 корпуса, продолжая наступленіе, получили извѣстіе о заключенномъ перемиріи въ окрестностяхъ Шумлы.

1. Активно-оборонительныя дѣйствія. Первоначальная цѣль, поставленная отряду, — овладѣть Рущукомъ, въ теченіи этого періода, нѣсколько разъ измѣнялась директивами главнокомандующаго; дѣйствія отряда, вслѣдствіе этого, носили то активный, то наблюдательно-оборонительный характеръ. Этотъ періодъ былъ самый короткій и продолжался до половины іюля. Сосредоточившись 29-го іюня на Янтрѣ, въ окрестностяхъ Бѣлы, Рущукскій отрядъ 10-го іюля развернулся на Ломѣ въ 12 верстахъ отъ Рущука. Этому періоду соотвѣтствуютъ пассивныя дѣйствія непріятеля.

2) Оборонительныя дѣйствія. Въ силу событій подъ Плевною, неудачи передоваго отряда за Балванами, — Рущукскій отрядъ былъ поставленъ въ необходимость охранять коммуникаціонную линію арміи и тылъ войскъ, расположенныхъ подъ Плевною и на Балванахъ у Шипки, отъ значительной непріятельской арміи, сосредоточенной въ четырехугольникѣ крѣпостей. Съ малыми силами отряду пришлось охранять линію значительнаго протяженія, т. е. раздѣлять свои силы и быть, въ то-же время, въ полной готовности встрѣтить непріятеля сосредоточенными силами въ любомъ пунктѣ. Этотъ періодъ продолжался 5 мѣсяцевъ. Непріятель въ это время ставитъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало прорвать растянутое расположеніе Рущукскаго отряда и дѣйствовать затѣмъ на наши сообщенія, чтобы заставить русскую армію отступить къ Дунаю. Въ августъ и сентябрь, турецкій главнокомандующій Мехметъ - Али, подготовивъ свои операціи рядомъ административныхъ мѣръ и демонстраціями, атакуетъ сперва центръ, а потомъ правый флангъ расположенія Рущукскаго отряда. Неудачи подъ Аблавою (24-го августа) и подъ Чаиркюемъ (9-го сентября) разрушаютъ планы Мехмета-Али. Послѣ него, Сулейманъ - паша избираетъ цѣлью дѣйствій лѣвый флангъ Рущукскаго отряда, имѣя въ виду отрѣзать русскія войска отъ переправъ на Дунаѣ. Неудача 14-го ноября заставляетъ Сулеймана атаковать 22-го ноября Елену, на крайнемъ правомъ флангѣ нашего восточнаго фронта; разбивъ тамъ малочисленный русскій отрядъ, онъ не пользуется своимъ успѣхомъ и, недѣлю спустя, снова атакуетъ лѣвый флангъ Рущукскаго отряда. Страшное пораженіе, которое потергѣли турки 30-го ноября, заставляетъ ихъ отказаться отъ активныхъ дѣйствій на Ломѣ.

По волѣ главнокомандующаго, войска Рущукскаго отряда продолжаютъ оставаться на своихъ позиціяхъ, держась исключительно оборонительнаго образа дѣйствій, до половины января 1878 г. Въ началѣ января, всѣ войска, сосредоточенныя на нашемъ восточномъ фронтѣ, переформируются въ одинъ общій, „Восточный отрядъ“ ¹⁾.

3) Наступательныя дѣйствія и захватъ Кадыкюя, Разграда, Ески-Джумы, Османъ-Базара и Котла, безъ особо упорнаго сопротивленія со стороны противника.

Подъ влияніемъ событій подъ Плевною и впослѣдствіи блистательнаго наступленія нашей арміи за Балканами, дѣйствія Рущукскаго отряда оставались какъ бы въ тѣни. Тѣмъ не менѣе русская армія, въ войнѣ 1877 и 1878 годовъ, не можетъ забыть, что своимъ успѣхомъ она обязана стойкости Рущукскаго отряда, который, не взирая на всю трудность своего положенія, удержалъ на своихъ плечахъ армію четырехугольника крѣпостей, давъ черезъ то возможность остальнымъ нашимъ войскамъ пережить кризисъ и побѣдоносно дойти до стѣнъ Константинополя.

1-го февраля 1878 года Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхалъ въ Петербургъ. Прощаясь съ войсками восточнаго отряда, его императорское высочество отдалъ слѣдующій приказъ:

„Отъѣзжая, согласно высочайшаго повелѣнія, въ С.-Петербургъ, Я передаю начальство надъ войсками отряда генералъ-адъютанту Тотлебену.

„Во исполненіе полученнаго Мною высочайшаго повелѣнія, подписываю его императорскому высочеству великому князю

¹⁾ Благодаря роли, которая выпала на Рущукскій отрядъ, при его малой, сравнительно, численности, было въ немъ особенно широкое примѣненіе полевыхъ укрѣпленій. По отступленіи за Баницкій Ломъ, линія обороны была всетаки значительнаго протяженія; во избѣжаніе излишняго дробленія силъ было рѣшено отряднымъ штабомъ избрать позиціи лишь на главныхъ путяхъ возможнаго наступленія противника и занимать ихъ, по возможности, меньшимъ числомъ войскъ, оставляя прочія части въ резервахъ частныхъ и общимъ отрядномъ; въ зависимости отъ этого, позиціи должны были быть настолько укрѣплены, чтобы дать возможность войскамъ держаться на нихъ до подхода подкрѣпленій, которыя не рѣдко задерживались на своемъ пути, изъ-за отвратительныхъ дорогъ. Не взирая на всѣ заботы отряднаго штаба объ исправленіи дорогъ, — благодаря грунту, а также недостатку рабочихъ рукъ, нельзя было привести ихъ въ совершенный порядокъ. М. С.

Владиміру Александровичу отправиться немедленно въ С.-Петербургъ и командованіе 12-мъ армейскимъ корпусомъ сдать командиру сего корпуса, исправляющему нынѣ должность начальника штаба вѣреннаго Мнѣ отряда, генераль-лейтенанту Ванновскому.

„Разставаясь съ войсками, которыми Я имѣлъ честь командовать въ теченіе шести слишкомъ мѣсяцевъ, выражаю сердечную Мою благодарность всѣмъ чинамъ отряда, отъ генерала до солдата, свято и честно исполнившимъ свой долгъ въ самое тяжелое время боевой службы.

„Вы были поставлены на стражѣ успѣховъ всей русской арміи. На огромномъ пространствѣ вы сдерживали значительно превосходную числомъ и благоустроенную непріятельскую армію опирающуюся на грозныя крѣпости. Всѣ усилія отчаянно нападавшаго врага сломались о вашу доблестную стойкость и непоколебимое мужество. Задача отряда, по милостивому выраженію Государя Императора, „выполнена блистательнѣйшимъ образомъ“.

„Но кромѣ непріятельской арміи, вы вынуждены были неустанно бороться съ невзгодами — знойнымъ жаромъ, холодомъ, ненастьемъ, бездорожьемъ. Борьба невидная и не имѣющая блеска боевыхъ подвиговъ, но выйти изъ нея съ честью могутъ только войска, сильныя духомъ; и вы сильны, вы это доказали.

„Никогда не забуду, что высочайшему воинскою наградою Я обязанъ славной боевой службѣ войскъ Рущукскаго отряда, съ которыми Я дѣлилъ труды и успѣхи, и о которыхъ на всю жизнь сохраняю самое отрадное воспоминаніе.

„Объявляю Мою искреннюю признательность командирамъ корпусовъ: его императорскому высочеству великому князю Владиміру Александровичу, генераль-лейтенанту Зотову, генераль-адъютанту князю Дондукову - Корсакову и исправлявшему должность начальника штаба вѣреннаго Мнѣ отряда генераль-лейтенанту Ванновскому и искреннюю Мою благодарность генераль-лейтенантамъ: Деллингаузену, барону Фирксу, Прохорову, барону Дризену, Нѣлову, Винклеру, Баранову, Аллеру, Эрнроту и Бѣлокопытову; генераль-адъютанту графу Воронцову - Дашкову; свиты его величества генераль-маіорамъ: Тимофѣеву и Родіонову; генераль-маіорамъ: Косичу, Дукмасову, Новицкому, Немирѣ и Зару-

баеву, а также всѣмъ бригаднымъ, полковымъ и батарейнымъ командирамъ. Сердечно благодарю лицъ главной Моей квартиры, отрядныхъ управленій и штабъ-и оберъ-офицеровъ отряднаго штаба, неутомимою своею дѣятельностью успѣшно замѣнившихъ малочисленность состава, а также всѣхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ и всѣхъ врачей войскъ, управленій и учрежденій всего отряда.

„Нижнимъ чинамъ, молодецки сослужившимъ свою службу Россіи и Царю, объявляю Мое сердечное спасибо.

„До свиданья, храбрыя войска! Да хранить васъ Богъ!“

М. П. Степановъ.

30-го ноября 1887 г.

С.-Петербургъ.

* *
*

Умолкли рыданія бури кипучей,
 Клокочущей бездны волна улеглась;
 Опять выплывает луна изъ-за тучи,
 Надъ гладью морской тишина разлилась.

Въ борьбѣ непрестанной съ мятежною страстью
 Опять побѣжденъ ненасытный недугъ,—
 И съ новою силой, и съ новою властью
 Воспрянетъ опять торжествующій духъ!

1883 г.

* *
*

Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь,—
 Опустился предъ нимъ на колѣни,
 И въ лице мнѣ пахнула весенняя ночь
 Благовоннымъ дыханьемъ сирени.

А вдали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
 Я внималъ ему съ грустью глубокой
 И съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей;
 Объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,—

Гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
 И, не зная земныхъ огорченій,
 Заливается цѣлую ночь напролетъ
 Надъ душистою вѣтвой сирени...

К. К. Р.

1885 г.

Примѣчаніе. Изъ собранія стихотвореній К. Р., изданіе Спб., 1886 г.

САНЪ-СТЕФАНО И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

въ ФЕВРАЛЬ 1878 г.

Замѣтки князя В. Д. Давижа.

«Замѣтки изъ прошлаго», относящіяся къ пребыванію нашихъ войскъ подъ стѣнами Константинополя и набросанныя налету, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и окружавшей ихъ обстановки, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могли быть своевременно напечатаны. Теперь, по истеченіи десяти лѣтъ послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, возникшее въ Болгаріи движеніе воскрешаетъ славную эпоху торжества русскаго оружія ¹⁾. Являются снова во всей реальной яркости красокъ тѣ же событія и выдвигаются, точно въ волшебномъ фонарѣ, чудный городъ, куда съ такимъ нетерпѣніемъ стремились помыслы каждаго русскаго, какъ къ окончательной цѣли и какъ къ логическому завершенію столь блистательно пройденнаго пути... Быть можетъ, воспоминаніе объ этомъ исполненномъ надеждъ времени заставитъ найти нѣкоторый интересъ и въ «Замѣткахъ изъ прошлаго».

Князь В. Д. Давижа.

1887 г. Спб.

¹⁾ Историческую поминку десятилѣтней годовщины достопамятнаго дня 19 февраля 1878 г., заключенія славнаго Санъ-Стефанскаго договора см. далѣе, въ этой же книгѣ „Русской Старинѣ“, въ особой статьѣ.

Ред.

На берегу Мраморнаго моря.

I.

Отъездъ изъ Одессы.—Ночь на крейсера „Ливадія“. — Сулина.—26 февраля.—
Приближеніе къ столицѣ султановъ.

Въ 11 часовъ ночи на военномъ крейсера «Ливадія» все было готово, чтобы сняться съ якоря. Съ капитанской площадки раздался отрывистый голосъ команды. Въ воздухѣ пронесся рѣзкій свистъ, за которымъ послышалось нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ машины. Колеса завертѣлись, шумно взбивая воду, и пароходъ понесся легко и стройно, держа курсъ на Сулину.

Ночь была звѣздная, тихая. Въ морѣ ни малѣйшей зыби. Но на душѣ было тяжело. Нигдѣ такъ не обнимаетъ человѣка неизвѣстность, какъ среди водяной стихіи: кругомъ безпредѣльность, внизу пучина. Темнота еще болѣе усиливаетъ тревожное чувство, придавая всему чудовищные размѣры и облекая каждый предметъ таинственностію. Слышится какой-то шепотъ, исполненный враждебныхъ замысловъ, и руки невольно протягиваются къ виднѣющейся еще на горизонтѣ черной полосѣ роднаго берега: тамъ все близкое къ сердцу, тамъ поддержка и утѣшеніе... На вахтѣ раздался звукъ колокола и безответно замеръ въ ночной тишинѣ, нарушаемой ударами колесъ и мѣрными шагами часовыхъ.

Между тѣмъ въ каютъ-компаніи было свѣтло и пріятно. Вокругъ стола, на которомъ весело шипѣлъ самоваръ, собрались главный командиръ Черноморскаго флота генераль-адъютантъ Аркасъ, капитанъ «Ливадіи» флигель-адъютантъ Кроунъ и офицеры. Бесѣда шла живая, ничѣмъ не сдержанная, точно бесѣда между членами родной семьи. Говорили о недавнихъ подвигахъ нашихъ моряковъ, о чудесномъ переходѣ русской арміи черезъ Балкаскія горы, объ освобожденіи болгаръ, о свѣтлой будущности славянства и о предстоящемъ мирѣ: говорили, однимъ словомъ, о томъ, что въ это время заставляло биться сердце каждаго русскаго; подъ стѣнами-ли Константинополя, въ необозримыхъ-ли равнинахъ Россіи, или же на безбрежныхъ водахъ морей,—вездѣ и надъ всѣмъ господствовали одни и тѣ же чувства: сознаніе блестяще достигнутой великой цѣли и своего политическаго могущества, направленнаго къ торжеству правды. Такъ продолжалась общая бесѣда далеко за полночь и стихла только при мысли, что завтрашнее пробужденіе приблизитъ насъ къ

мѣстамъ славы русскаго имени. Во очію мы будемъ созерцать то, что доселѣ составляло предметъ нашихъ восторженныхъ стремленій, изъ разныхъ мѣстъ нашей отдаленной родины.

На другой день, въ 9 ч. утра, нашъ крейсеръ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ бросилъ якорь у Сулина, но на такомъ большомъ разстояніи, что нельзя было видѣть ни города, ни недавно возведенныхъ турками укрѣпленій. Только однѣ волны темнаго, стальнаго цвѣта катились къ берегу и, разбиваясь о него, обозначали бѣлою пѣнистою полоскою его углубленія и самое устье Дуная. Пока мы всматривались въ даль, на горизонтѣ показалась шляпка, правившая на Ливадію. Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ на ней можно было разсмотрѣть русскій флагъ и лица въ русской морской формѣ. Это были офицеры отряда, недавно занявшаго Сулину, согласно съ условіями перемирія. Они прибыли къ главному начальнику Черноморскаго флота. Изъ ихъ разсказовъ мы узнали, что въ Сулинѣ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи турецкій вице-адмиралъ Реуфъ-паша: безъ копѣйки денегъ и безъ пуда угля! А между тѣмъ ему приказано немедленно прибыть въ Константинополь... Реуфъ-паша намѣревался посѣтить генераль-адъютанта Аркаса и проситъ у него помощи. Но нашъ пароходъ, имѣвшій экстренное назначеніе, не могъ ожидать. И едва только отчалила шляпка съ храбрыми моряками, какъ раздалась команда... Тяжело повисъ на своихъ цѣпяхъ якорь, блистая на солнцѣ еще не опавшими каплями воды и пароходъ понесся по направленію къ Босфору.

Въ тихую погоду море, точно песчаная пустыня, не представляетъ особеннаго разнообразія. Пароходъ рѣжетъ его своею могучею грудью, ставляя за собою на зеленоватой синевѣ серебристую полосу, которая, какъ вновь проложенная дорога, долго сохраняетъ его слѣдъ. Стада дельфиновъ, выказывая свои черныя спины, выныривая и опрокидываясь, стараются обогнать насъ. А въ сторонѣ морскія чайки, послушныя малѣйшему дуновенію вѣтра, легкія, игривыя, блестятъ серебристою бѣлизною на синевѣ неба, или же, быстро спускаясь, едва касаются поверхности воды и снова улетаютъ въ горнюю высь, оглашая воздухъ какимъ-то болѣзненнымъ воплемъ... Вотъ и все. За то глазъ наблюдателя, ничѣмъ не развлекаемый, можетъ точнѣе распознавать, что выдѣляется изъ этого однообразія картины. Каждая точка на горизонтѣ, черный-ли это обломокъ судна, сдѣлавшагося жертвою стихіи, озолоченный-ли лучами солнца парусъ,—ничто не ускользаетъ отъ вниманія моряка и все имѣетъ для него значеніе. То и дѣло вахтенные дежурные, вооруженные зрительными трубками, остатриваютъ все видимое пространство и немедленно извѣщаютъ капитана о томъ, что ими замѣчено

Понятно, что при этихъ условіяхъ у моряковъ должны необыкновенно развиться зрѣніе и наблюдательность. Каждую минуту имъ слѣдуетъ быть готовыми ко всѣмъ случайностямъ: враждебное-ли то настроеніе стихій, или же появленіе непріятеля. При этомъ невольно приходятъ на память тѣ отдаленныя времена, когда человѣкъ еще не зналъ о теперешнихъ средствахъ борьбы; когда у него не было компаса, когда ему неизвѣстна была сила пара и когда самое пылкое воображеніе не могло допустить существованія пушекъ Крупа,— этихъ страшныхъ орудій защиты и разрушенія. . . Бѣдный злополучный Одиссей! Онъ долго былъ игрищемъ стихій и своихъ дѣтскихъ вымысловъ, постоянно создававшихъ на пути его новыя чудовища и новыя страхи! . . .

Въ 11 часовъ служащіе собрались въ парадной формѣ, въ походной церкви, чтобы выслушать молебеніе по случаю дня рожденія государя наследника. Молитвы произносились однимъ изъ офицеровъ (кн. П...ъ), а обычное пѣніе исполнялось хоромъ матросовъ. При поднятіи флага цесаревича, изъ орудій сдѣланъ положенный салютъ. Громовыми ударами пронеслись голоса нашихъ пушекъ по гладкой поверхности воды и гдѣ-то, въ сторонѣ, отразились эхомъ. Но страшные врагамъ, теперь они извѣщаютъ о мирномъ торжествѣ, связанномъ съ дорогимъ для каждого русскаго именемъ, съ которымъ хочется также соединить на землѣ миръ и въ человѣцехъ благоволеніе.

На Ливадіи, по принятому обыкновенію, въ 1 ч. завтракаютъ, а въ 5 ч. обѣдаютъ. Прекрасно приготовленный столъ много выигрывалъ отъ любезности нашихъ хозяевъ. Огражденные стѣнами судна, мы невольно сблизились между собою. Всякая натяжка и церемонность показались бы неумѣстными. И снова пошла дружеская бесѣда, среди которой незамѣтно летѣло время. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ, возвѣщавшихъ наступленіе полуночи, всѣ разошлись по каютамъ, собираясь пораньше встать, чтобы видѣть Босфоръ и Константинополь во всей ихъ красѣ.

Входъ въ Босфоръ началъ обрисовываться около 7-ми часовъ утра. По расчету, мы находились отъ него еще на разстояніи 20 миль; но уже на горизонтѣ обозначились двѣ синія, прозрачныя скалы, представлявшіяся столбами исполинскихъ воротъ. Это дѣйствительно ворота; они даютъ естественный выходъ водамъ Чернаго моря. Но въ преданіяхъ народовъ сохранилось воспоминаніе, когда это море, прежде Понтъ Эвксинскій, было закрыто съ юга. Въ него вливались черезъ Киммерійскій Босфоръ (Керченскій пр.) воды Меотійскаго моря (Азовское море), которое древніе называли матерью Понта.

Matrem Ponti perhibent Moeotidis undam
 Scilicet hic Ponti vis exit gurgite vasto,
 Cimmericum torrens per Bosphorum.

(E. Dionisio, Prisciani perieg. v. 155).

А Меотійское море, въ свою очередь, питалось безпредѣльнымъ Скиѣскимъ океаномъ, занимавшимъ все пространство Россіи и, быть можетъ, доходившимъ до полюса. Рано или поздно эта масса вода должна была найти выходъ для себя. И это случилось, когда уровень скиѣскаго океана былъ приподнятъ, повинувъ какой-то внутренней механической силѣ. Громадною волною, занявшею пространство между горъ Кавказскихъ и Фракіѣйскихъ, устремились воды съ сѣвера, разрушая на пути естественныя препятствія, людей и ихъ поселенія, Затопивъ низменныя мѣста по берегамъ Европы и Азіи, они прорвали себѣ выходъ и вылились въ болѣе свободное вмѣстительство Средиземнаго моря. У всѣхъ народовъ, когда-то обитавшихъ по берегамъ Понта, сохранилось въ той или другой формѣ воспоминаніе объ этомъ страшномъ событіи.

Но пока воображеніе уносило насъ въ отдаленныя доисторическія времена, пароходъ все болѣе и болѣе приближался къ цѣли нашего странствованія и, облегчаемый быстротою теченія, влетѣлъ въ Босфоръ.

II.

Берега Босфора и Константинополь съ моря.—Укрѣпленія. — Пріѣздъ въ С.-Стефано.—Представленія.—Видность города. — Первые впечатлѣнія. — Помѣщенія въ домахъ и въ палатахъ.

Никакое описаніе не въ состояніи изобразить величественной картины Босфора! По обѣ стороны пролива выступаютъ колоссальныя развалины башенъ Баязида-Ильдирима и Магомета II—Гюзель-Гиссаръ и Богазкезень. Это тѣ башни, которыми началось наступленіе турокъ на Византію. За ними мало по малу выдвигаются на европейской сторонѣ Вуюкъдере, Терапія, Ортакіой, Бешикташъ, съ рядомъ бѣломраморныхъ дворцовъ. Легкія, какъ видѣнія, эти сооруженія, украшенныя затѣйливою, чисто кружевною, рѣзьбою и опоясанныя золоченными рѣшетками, точно выходятъ изъ моря. Позади ихъ сплошная масса платановъ, кипарисовъ и итальянскихъ пиннъ, на темной зелени которыхъ бѣлизна мрамора выступаетъ еще ярче. Еще нѣсколько поворотовъ колесъ, еще нѣсколько усилій машины и весь городъ разстилается волнообразными уступами. Надъ

нимъ поднимаются куполы безчисленныхъ мечетей съ ихъ иглообразными минаретами, далеко уносящимися въ небо. И все это: дворцы зданія, мечети и минареты, съ стѣною зелени позади, повторяется въ бирюзовыхъ водахъ моря, но только въ обращенномъ видѣ! На азіатскомъ берегу тѣ-же бѣломраморныя изваянія. Каждый выдающійся мысъ, каждая выставившаяся скала служитъ подножіемъ зданія. Тамъ же бѣлѣветъ и классическая башня Леандра. И на томъ берегу та-же роскошная зелень, сливающаяся съ синевою горь. Все легко и прозрачно, и все располагаетъ зрителя къ самымъ отраднымъ и вѣстѣ торжественнымъ ощущеніямъ.

Босфоръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, при входѣ въ Мраморное море, не имѣетъ болѣе версты, но къ выходу въ Черное море онъ гораздо уже. Теченіе его очень быстро и постоянно мѣняется, переходя отъ одного берега къ другому ¹⁾). Мы не замѣтили особенно сильныхъ укрѣпленій ни по количеству орудій, ни по ихъ размѣрамъ. Только на азіатской сторонѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія полукруглая батарея, обстрѣливающая проливъ по всѣмъ направленіямъ. На этой батарее мы успѣли сосчитать 36 орудій, повидимому, 12-ти дюймоваго калибра.

При входѣ въ Босфоръ приказано было опустить вице-адмиральскій флагъ, развѣвавшійся на нашемъ крейсерѣ. Тихо, какъ бы не желая быть замѣченными, мы миновали укрѣпленія. Что это значитъ? Для чего мы уклонились отъ почестей, которыя съ гордостью принимаютъ военные флаги всѣхъ государствъ? И не дастъ ли наша непостижимая скромность повода къ заключенію о нашемъ безсиліи?

Оставивъ позади Золотой Рогъ и обогнувъ мысъ Сералия, Ливадія направилась къ С.-Стефано, отлогій берегъ котораго уже начиналъ обозначаться. На крейсерѣ начали готовиться къ ожидаемому представленію: чистилась палуба, убирались чахлы съ орудій, служащіе надѣвали мундирное платье: скюртукъ, большіе до колѣнъ сапоги, фуражку, самыя необходимыя ордена и оружіе по роду службы. Ровно въ 10 ч. утра мы стали на рейдѣ и уже собирались сѣсть въ ожидавшіе насъ дымящіеся катера. Какъ вдругъ сигналъ съ пристани: «приостановиться, Великій Князь Главнокомандующій тотчасъ прибудетъ на пароходъ». Каждый занялъ свое мѣсто, команда выстроилась и черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли высокаго посѣтителя. «Какъ отрадно ступить на русское судно: точно стоишь на родной землѣ», были первыя слова его,—слова, въ которыхъ чувствовалось невольное

¹⁾ См. Опись капитана 1-го ранга М. Манганари.—Проливъ Константинопольскій, 1848 г.

воспоминаніе о жизни, исполненной всевозможныхъ лишеній и тревогъ и въ то-же время дышашія неудержимой любовью къ давно покинутой родинѣ. Слѣды испытанныхъ страданій, физическихъ и нравственныхъ, замѣтны были на лицѣ Великаго Князя. Онъ поху-дѣлъ и постарѣлъ; прибавилось сѣдыхъ волосъ и морщинъ, этихъ несомнѣнныхъ спутниковъ тяжелыхъ тревогъ. Поговоривъ съ каждымъ съ свойственною ему ободряющею ласкою, Великій Князь поздоро-вался съ командою, посмотрѣлъ быстроту приготовления орудій къ бою, обошелъ всѣ части парохода и сошелъ на берегъ вмѣстѣ съ главнымъ командиромъ черноморскаго флота.

С.-Стефано небольшой городокъ, въ 15-верстовомъ разстояніи отъ Константинополя, расположенный на низменномъ берегу Мрамор-наго моря. Напротивъ него синѣютъ Принцесы острова, а за ними, на горизонтѣ, подымаетъ свою убѣленную снѣговыми сѣдинами голову Олимпъ. Въ С.-Стефано есть хорошіе дома, въ особенности по берегу, съ небольшими садиками и мраморными террасами, спускающимися къ морю. Въ обыкновенное время, въ сезонъ купанья, привлекающій богатыхъ перетовъ, тамъ должно быть очень хорошо. Но теперь, когда война коснулась и этого мирнаго уголка, когда по улицамъ то и дѣло проходятъ войска и двигаются тысячи подводъ, С.-Сте-фано, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, неузнаваемъ. Онъ представ-ляетъ болото, въ которомъ тонуть дома и люди, и отъ котораго не спасаетъ никакая обувь. Всѣ расхаживаютъ по немъ въ грязи по колѣна, отъ солдата и до генерала, и такъ идутъ, не стѣсняясь, и къ Великому Князю. Извозчиковъ нѣтъ, развѣ кто выпишетъ за большія деньги изъ Константинополя. Въ С.-Стефано и вокругъ располо-жено 40,000 войска. Можно себѣ представить, какая тѣснота въ городѣ, который можетъ вмѣстить не болѣе двухъ, трехъ тысячъ человѣкъ! Немудрено, что многіе жители должны были выѣхать и уступить свои дома непрощеннымъ гостямъ. Но и это мало помогало. Только немногіе высшіе чины имѣли помѣщеніе всего въ одну ком-нату, которая была и спальнею, и приемною, и рабочимъ кабинетомъ, и складомъ для вещей. На время прѣбававшіе генералы помѣщались гдѣ-нибудь по 4 и по 5 человѣкъ вмѣстѣ. Но *à la guerre, comme à la guerre!* Только въ очень немногихъ домахъ есть калориферы; въ другихъ даже нѣтъ и каминовъ. А между тѣмъ наружная темпера-тура понижается ночью до нуля!.. Когда въ комнатѣ сдѣлается не-стерпимо холодно, вносятъ жаровню (мангалъ), наполненную раска-леннымъ деревяннымъ углемъ. И тутъ приходится выбирать между холодомъ и угаромъ... Но если такія неудобства терпятъ люди, имѣ-ющіе всѣ средства сдѣлать ихъ, по возможности, менѣе чувствитель-

ными, то что же приходится на долю солдатъ? Въ изорванныхъ шинеляхъ и почти безъ обуви, но все таки смотряще молодцами, они только ползкомъ могутъ забраться въ свои палатки, разбитыя въ той-же грязи. Дождь-ливень идетъ день и ночь, насквозь пронизываетъ эти тантъ-абри и леденитъ воздухъ. Но русскій солдатъ выносить и эту невзгуду также геройски, какъ онъ выносилъ плевненскую осаду и зимнія вьюги на Шипкъ и во время перехода черезъ Балканы! Намъ объясняли, что эти палатки заимствованы у французовъ. Каждая состоитъ изъ нѣсколькихъ кусковъ полотна, которые въ походѣ солдаты несутъ на себѣ. Конечно, это большое удобство при быстрыхъ передвиженіяхъ, когда тяжести не могутъ поспѣвать. Но тѣмъ не менѣ завидно смотрѣть на стоящія невдалекѣ палатки турецкаго лагеря, высокія, просторныя и покрытыя непроницаемымъ для дождя составомъ. Впрочемъ, говорятъ, что скоро и нашимъ солдатамъ нечему будетъ завидовать туркамъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи одежды и обуви: надняхъ ожидаются суда съ вещами для полковъ, расположенныхъ по берегу Мраморнаго моря. Эти вещи, по какой-то странной случайности, сначала попали въ Бургась и были тамъ выгружены.

III.

Поиски за квартирой.—Какъ проводить время въ С.-Стефано. — Площадь улицы, магазины.—Вечернія бесѣды.

Наступило время проститься съ «Ливадіей» и съ ея любезнымъ, всегда памятнымъ, гостепріимствомъ. Пожавъ отъ души руку капитана и поблагодаривъ его товарищей за нѣсколько пріятныхъ дней, проведенныхъ въ ихъ просвѣщенномъ кругу, я съѣхалъ на берегъ и обратился къ коменданту главной квартиры съ просьбой о назначеніи мнѣ помѣщенія. «Помилуйте, что мнѣ дѣлать? Въ городѣ нѣтъ пустаго угла. Видите, въ моей комнатѣ помѣщается пять генераловъ. Я рѣшительно не знаю какъ быть...». Генераль III., повидимому, былъ въ отчаяніи, которое должно было сообщиться и мнѣ, такъ какъ послѣ его словъ оставалось одно: устроиться подъ открытымъ небомъ. Но, къ моему благополучію, коменданта вдругъ осѣнила счастливая мысль. «Знаете что, обратился онъ ко мнѣ, здѣсь есть одинъ господинъ, чрезвычайно враждебно настроенный къ намъ: я васъ помѣщу у него». И вслѣдъ за этимъ приказалъ позвать квартирмейстера. Какъ ни непріятно исполнять роль какой-то экзекуціи, но *la nécessité fait loi*.

какъ говорятъ французы, и я побрелъ по с.-стефанской грязи, слѣдуя за лицомъ, которому была поручена моя судьба. Квартирмейстеръ, маленькій и толстенный офицеръ, сознался мнѣ на пути, что онъ, кромѣ своего роднаго, русскаго языка, другаго не знаетъ, и что поэтому всегда находится въ страшномъ затрудненіи, когда ему дѣлаютъ подобныя порученія. Входимъ мы въ большой домъ, и насъ встрѣчаютъ гг. Шнейдеръ, австрійцы по происхожденію, служащіе въ турецкой администраціи. Понятно, что намъ было не совсѣмъ пріятно помѣщать у себя незнакомаго человѣка, а тѣмъ болѣе принадлежащаго къ враждебному лагерю. Но мы объяснились. Я нашелъ въ нихъ людей образованныхъ. Въ результатѣ я получилъ большую комнату съ прекраснымъ видомъ на море. Я слышу прибой волнъ, мѣрно раздающійся, точно удары маятника, и вижу величественныя очертанія Олимпа, возобновляющаго въ моей памяти небожителей древняго міра. И если бы не исполненное слишкомъ большихъ тревогъ настоящее, то здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, можно было бы надолго отдохнуть, уносясь воображеніемъ къ свѣтлымъ и успокоивающимъ идеаламъ прекраснаго прошедшаго!..

Какъ проводить время въ С.-Стефано? Утро у всѣхъ посвящается дѣлу. Идутъ различные доклады, дѣлаются распредѣленія войскъ, происходятъ смотры. Если выдается свѣтлый день и неидетъ дождь (такихъ дней было очень немного въ теченіе февраля), то къ часу площадь передъ помѣщеніемъ вел. кн. главнокомандующаго начинаетъ оживляться. Тутъ можно встрѣтить всѣхъ. Генералы: Скобелевъ, Гурко, Раухъ, гр. Шуваловъ, Радецкій и другіе, пріобрѣвшіе громкую славу русскому оружію, съ бѣлыми крестами и съ мужественными загорѣлыми лицами, идутъ къ главнокомандующему. Спустя немного, за ними направляется представитель нашей дипломатіи.

На подъѣздѣ у дворца показываются дежурные, адъютанты и между ними внушительная фигура черногорца, тѣлохранителя великаго князя, въ расшитой золотомъ одеждѣ, украшеннаго орденами и медалями, съ страшнымъ запасомъ всякаго оружія и съ еще болѣе страшными длинными-предлинными усами. Самые разнообразныя мундиры, армейскіе и гвардейскіе, русскіе и иностранные, снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Часовые не успѣваютъ дѣлать на караулъ. Въ сторонѣ стоитъ группа мѣстныхъ жителей, мужчинъ и женщинъ; они не скрываютъ своего удивленія при видѣ совершенно новаго для нихъ зрѣлища.

Понемногу наполняется площадь. Вотъ привели арабскую лошадь, и продавцы стараются выказать ея качества передъ офицерами. Немного далѣе персіянинъ расослалъ коверъ и разложилъ на немъ обложенные

серебромъ ятаганы, мелкія золотыя вещи, разные амулеты, шелковые платки и т. п. Тутъ же маленькая деревянная лавочка, въ которой ловкій армянинъ завлекаетъ покупателей дешевизною продаваемыхъ имъ драгоценныхъ камней. У него же выставка фотографическихъ портретовъ константинопольскихъ красавицъ. А вотъ и русскій магазинъ купца Смурова, съ нѣсколькими кусочками высохшаго сыру, двумя, тремя ящиками промокшихъ галетъ, или заплеснѣвшей пастилы. Тамъ же какая-то трава, отзываются запахомъ сѣнной трухи и продаваемая подъ названіемъ чая по 2 р. за $\frac{1}{4}$ фунта! И неужели это все, что осталось отъ тѣхъ товариществъ для снабженія нашей арміи, которыя съ такими громкими рекламами организовались въ Одессѣ и въ Москвѣ... Кто только ни шелъ въ эти товарищества? Ужъ изъ что специалисты науки, казалось, были далеки отъ этого рода дѣятельности; но надежда на быстрое обогащеніе заставила одного профессора университета промѣнять наблюденія въ астрономической башнѣ и рефракторъ на наблюденія за кулями овса и муки... Изъ Москвы устремились на миллионное дѣло люди, дотогѣ не выѣзжавшіе изъ Бѣлокаменной, смиренные чиновники, числившіеся по благотворительнымъ учрежденіямъ, громко обѣщая благотворить арміи, прожившіеся помѣщики, военные и юристы... Одинъ изъ нихъ говорилъ, что ихъ товарищество будетъ доставлять сухари на славу, что твой бархатъ! И всѣ эти благія намѣренія, бархатные сухари, какъ и многообѣщавшія товарищества, превратились въ ничто, пошли прахомъ... Около 2 часовъ наступаетъ время обѣда. Лица, принадлежащія къ главной квартирѣ, пользуются гостепріимнымъ радушіемъ главнокомандующаго; у великаго князя обыкновенно садится за столъ отъ 150 до 180 человѣкъ, размѣщающихся въ нѣсколькихъ залахъ. Можно также найти весьма сносный обѣдъ, и не очень дорогой, въ ресторанахъ, переселившихся изъ Константинополя. Къ вечеру, гдѣ нибудь играетъ хоръ трубачей, большею частью мотивы изъ итальянскихъ оперъ. Но иногда раздается и русская пѣсня, отъ которой дѣлается и сладко, и вмѣстѣ больно стосковавшемуся русскому сердцу. Вечеръ посвящается пріятельскимъ сходкамъ, на которыхъ происходитъ большею частью обмѣнъ мыслей о томъ, что было и что еще будетъ. О томъ же, что прежде называлось кутежами, о розливанномъ морѣ вина и баснословныхъ суммахъ, проигрываемыхъ въ карты, какъ-то мало слышно, хотя у всѣхъ не мало денегъ. Люди невольно сдѣлались серьезнѣе, ставши лицомъ къ лицу съ серьезными событіями.

О чемъ же говорятъ на этихъ сходкахъ?

Говорятъ о повесенныхъ трудахъ, о достигнутыхъ блестящихъ военныхъ успѣхахъ. Говорятъ, что переходъ черезъ Балканы и уни-

чтоженіе турецкой арміи дѣлаютъ честь не только мужеству русскихъ солдатъ, но и способностямъ русскихъ генераловъ. Было глубоко рассчитано все значеніе нашей зимней кампаніи не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Шипкинскіе герои, окруженные турками, были освобождены, турецкія войска разсѣяны и все пространство забалканской Болгаріи было очищено, такъ сказать, однимъ ударомъ. Въ политическомъ отношеніи наши постоянные противники были ошеломлены этимъ изумительнымъ успѣхомъ: захваченные въ расплохъ, они не были готовы противостоять намъ силою и волею неволею пошли-бы на всевозможныя уступки, если-бы увидѣли у насъ ту-же энергію до конца. Но совершенный конецъ, къ несчастью, не былъ достоинъ начала...

Вспоминали, какъ русская армія хотѣла и могла занять Галиполи, запереть входъ въ Дарданельскій проливъ; но это не совершилось. И тѣмъ, отъ чего мы, неизвѣстно по какимъ причинамъ, отказались, завладѣли англичане. Никѣмъ не останавливаемые, они ввели свой флотъ въ Мраморное море и готовятся отнять отъ насъ плоды нашихъ побѣдъ.

И много высказывалось горькихъ рѣчей подъ влияніемъ наболѣвшаго, неудовлетвореннаго послѣдними событіями чувства...

IV.

Константинополь. — Отдѣльныя части. — Уличное населеніе. — Поѣздки на канкъ. — Дворцы. — Азіятскій берегъ.

Отъ С.-Стефано до Константинополя всего $\frac{3}{4}$ часа ѣзды. Четыре раза въ день поддерживается между ними сообщеніе пароходами франко-турецкой компани «Мессудіе» и три раза по желѣзной дорогѣ. Появленіе русскаго въ столицѣ султановъ пока еще составляетъ рѣдкость. Военные могутъ бывать тамъ только по особому разрѣшенію своего начальства, и при томъ не иначе, какъ въ гражданскомъ платьѣ. Миѣ никто не могъ объяснить этой мѣры. Заплативъ одинъ франкъ за мѣсто 1-го класса на пароходѣ, наполненномъ всякимъ народомъ и загроможденномъ тюками, я уместился на палубѣ. Вокругъ меня постоянно раздавался русскій говоръ. Это были поставщики, маркитанты и разные гешефтмахеры, справлявшіеся другъ у друга о цѣнахъ. Гарсонъ въ замасленномъ пиджакѣ и красной фескѣ, неутомимо сновавшій между пассажирами, предложилъ миѣ чашку чернаго турецкаго кофе и мѣстную французскую газету. Углубившись

въ чтеніе послѣднихъ новостей, я и не замѣтилъ, какъ нашъ пароходъ подошелъ къ пристани.

Константинополь состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей: Истамбола (испорченное «Еκ τῆς πόλις»), Галаты, Перы, Фанара и Балаты. Истамболъ, древняя Византія, въ настоящее время городъ, населенный преимущественно мусульманами, расположенъ на возвышенности, двѣ стороны которой омываются водами Золотаго Рога и Мраморнаго моря. Въ немъ находятся главнѣйшія мечети: Св. Софін, Ахмета, маленькаго Софін, Баязида, Сулеймана Великаго и др. Улицы Истамбола довольно просторны и тщательно вымощены, и вообще опрятнѣе содержатся, чѣмъ въ другихъ частяхъ. Большинство построекъ изъ дерева. Частные дома выкрашены пестрыми цвѣтами: синія, красныя, желтыя, зеленыя полосы безпрестанно рябятъ въ глазахъ. Эти помѣщенія обыкновенно состоятъ изъ двухъ этажей: изъ нихъ верхній выступаетъ впередъ, какъ это еще можно видѣть въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ городахъ Германіи. Нерѣдко къ стѣнамъ прикрѣпляются закрытые балконы (мухораби), откуда турецкія женщины могутъ видѣть все, что происходитъ на улицѣ. Позади этихъ домовъ идутъ тѣнистыя сады. Почти всѣ нижніе этажи заняты лавками и мастерскими, отчего цѣлая улица представляется однимъ непрерывнымъ рынкомъ. Истамболъ соединенъ съ Галатой и Перой деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ заливъ Золотаго Рога. Каждый проходящій, каждый проѣзжающій платитъ въ началѣ моста нѣсколько мелкихъ монетъ (около 3 коп.), сборъ, составляющій ежедневный приходъ въ 12,000 франковъ. Изъ этого можно заключить, какое здѣсь постоянное движеніе! На этомъ мосту происходятъ и казни. Въ началѣ послѣдней войны тутъ было повѣшено нѣсколько болгаръ. Немного далѣе, въ глубину залива, начата постройка желѣзнаго моста, но, по недостатку средствъ, это предпріятіе приостановлено. Галата вмѣщаетъ въ себѣ всевозможныя національности и всякіе роды занятій. Это центръ торговаго движенія, съ банкирскими конторами, гуртовыми складами товаровъ, съ множествомъ кофеенъ, тавернъ и съ цѣлыми улицами подозрительныхъ домовъ, возлѣ которыхъ даже и среди дня встрѣчаются вооруженные полицейскіе обходы. Галата есть вмѣстѣ и обыкновенное пристанище того люда, который выбрасываетъ Европа и для котораго Востокъ представляетъ большія удобства, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу. Немудрено, что большая часть преступленій совершается преимущественно здѣсь. Въ этой части много каменныхъ домовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ еще можно видѣть гербы ихъ прежнихъ владѣльцевъ: генуэзцевъ и венеціанцевъ, пользовавшихся въ прежнія времена особеннымъ расположе-

нiемъ византiйскихъ императоровъ и турецкихъ султановъ, и сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ торговлю востока.

Выше надъ Галатой, на отдѣльномъ холмѣ, расположена Пера. Туда можно подняться по каменнымъ ступенямъ отлогой, но очень длинной, занимающей всю ширину улицы, лѣстницы,—или еще удобнѣе — черезъ тоннель, въ вагонѣ желѣзной дороги, превосходно устроенной какимъ-то англiйскимъ обществомъ. Въ Перѣ находятся помѣщенiя представителей всѣхъ европейскихъ государствъ. Это настоящiе дворцы. Самое обширное изъ нихъ принадлежитъ русскому посольству. Оно господствуетъ надъ Константинополемъ и видно далеко съ моря. Поставленный на немъ русскiй двуглавый орелъ, широко распростирающiй свои крылья, представляется парящимъ надъ городомъ. По величинѣ второе мѣсто, послѣ русскаго, занимаетъ домъ германскаго посольства. Въ Перѣ, кромѣ того, много магазиновъ съ европейскими произведенiями, кондитерскiя, книготорговли, весьма бѣдныя по содержанию и страшно дорогiя по цѣнамъ книгъ, театръ, въ которомъ даются французскiе водевили на турецкомъ языкѣ, кафешантаны въ крайне грязныхъ помѣщенiяхъ и съ не менѣе грязнымъ персоналомъ исполнителей, и нѣсколько высшихъ учебныхъ заведенiй. Фанаръ находится въ верхней части Золотаго Рога; онъ населенъ греками. Въ Фанарѣ имѣетъ пребыванiе вселенскiй патрiархъ и состоящiй при немъ синодъ. Тамъ же живетъ и экархъ болгарскiй.

Балата—исключительно еврейская часть города. Въ ней особенно выдаются грязь и неряшливость, эти обыкновенные спутники еврейскаго племени. Было время, когда евреи вели всѣ финансовыя дѣла Турци. Но нѣтъ ничего вѣчнаго, и они теперь совершенно устранены. Замѣчательно, что съ прекращенiемъ финансовой и торговой дѣятельности начинается паденiе евреевъ. Какъ будто въ этомъ народѣ нѣтъ другаго стремленiя, кромѣ того, которое ведетъ къ непосредственному обогащенiю!

Вся чарующая прелесть Константинополя, представляющагося съ моря въ такой величественной картинѣ, мгновенно исчезаетъ, какъ прекрасный сонъ послѣ пробужденiя, съ первыхъ шаговъ внутри его. Въ Перѣ, на примѣръ, улицы узкiя, кривыя, съ глыбами булыжника, между которыми сочится жидкая грязь; идешь точно по каменистому дну не вполне высохшаго потока. Уличныя постройки, въ свою очередь, поражаютъ какимъ-то заброшеннымъ, грязнымъ видомъ. Возлѣ четырехъ-этажнаго каменнаго дома стоитъ полуразвалившаяся лачуга и тутъ же едва огороженное кладбище, съ своими надгробными, увѣнчанными чалмами, тюрбе! Зеркальныя стекла магазиновъ, съ роскошною выставкою произведенiй европейскихъ ману-

фактуръ, и рядомъ мясная лавка съ выдавшимися на улицу, болтающимися на крючьяхъ, кусками мяса! Нечистота, грязь и вонь, на каждомъ шагу десятки спящихъ отъѣвшихъ собакъ неприятно поражаютъ непривычный глазъ, и это на самой лучшей улицѣ, носящей громкое названіе *la grande rue de Réga!* То-же самое и въ другихъ частяхъ, хотя Истамболъ все-таки опрятнѣе. Вездѣ въ Константинополѣ необыкновенное движеніе. Вы видите всевозможные костюмы и слышите самый разнообразный говоръ, какъ будто всѣ языки міра и всѣ народности сошлись сюда на свиданіе. Европейцы, черкесы, албанцы въ адыхъ расшитыхъ золотомъ курткахъ и бѣлыхъ фустанеллахъ, зейбеки въ высокихъ, на подобіе сахарной головы, шапкахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія, въ сѣрыхъ войлочныхъ колпакахъ дервиши, протягивающіе руку цыгане, негры, турчанки въ плащахъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ—красныхъ, синихъ, зеленыхъ и въ полупрозрачныхъ бѣлыхъ покрывалахъ, оставляющихъ открытыми темные широко смотрящіе глаза, невольницы, съ головы до ногъ обтянутыя кускомъ полосатой ткани, красные фесы различныхъ оттѣнковъ, носимые поклонниками европейской цивилизаціи, бѣлыя и зеленыя чалмы истинныхъ послѣдователей Магомета, темная верблюжья ряса подпоясаннаго простой веревкой босоногого капуцина—все это толкаетъ другъ друга и движется сплошною стѣною по разнымъ направленіямъ улицы, представляя самую пеструю смѣсь «одежды и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній...» Варда (берегись)! громко раздается голосъ, и всѣ жмутся подъ навѣсы домовъ, чтобы пропустить ѣдущаго за своимъ кавасомъ пашу: какъ бронзовая статуя, сидитъ онъ неподвижно на своемъ арабскомъ конѣ и ни однимъ мускуломъ не показываетъ, что замѣчаетъ кого-либо. Портогалло, Портогалло! кричать, въ свою очередь, разнощики апельсинъ, неся ихъ на спинѣ въ громаднѣйшихъ корзинахъ, и вслѣдъ за ними продавецъ бычачьихъ внутренностей, навѣшанныхъ по концамъ коромысла, громко предлагаетъ ихъ желающимъ. Варда! снова слышится окликъ, и снова заколыхалась толпа: изящная парижская карета съ турецкими дамами останавливается у входа въ магазинъ, изъ котораго торопливо выбѣгаютъ услужливые *сopmis*, поднося различныя вещи интереснымъ покупателямъ.

Но скорѣе отсюда, скорѣе на просторъ,—туда, гдѣ природа представляется во всей своей красѣ и гдѣ произведенія человѣка достойно съ нею соперничаютъ!

Пройдя съ однимъ моимъ знакомымъ настоящій лабиринтъ узкихъ улицъ и еще болѣе узкихъ переулковъ, я очутился у вагона желѣзной дороги, проложенной черезъ тоннель, и черезъ 4—5 минутъ былъ уже въ Галатѣ. Оттуда всего $\frac{1}{4}$ часа ходьбы по такимъ же узкимъ

и еще болѣе грязнымъ переходамъ къ пристани Русскаго Общества Пар. и Торг. По знаку моего провожатаго, сильный и красивый каякчи (лодочникъ, хозяинъ каяка—лодки) ловко придвинулъ свой каякъ, борты котораго были украшены рѣзьбою и позолотой, и мы быстро помчались по зеркальной поверхности моря. Точно сказанія «Тысячи и одной ночи» развернулись передъ нами чудныя картины: Мечеть Махмуда, Дольма Бахче, мечети Абдуль-Меджида и султанши Валиде, Чераганъ! Чѣмъ-то необыкновеннымъ, волшебнымъ представились эти мраморныя ярко бѣлыя изваянія среди зелени кипарисовъ, лавровъ и платановъ! И нигдѣ ни одного живаго существа! Огромныя зеркальныя стекла плотно завѣшены, а позолоченныя рѣшетки дверей на-глухо заперты. Вокругъ таинственность и тишина. Дольма-Бахче служитъ резиденціею теперешняго повелителя правовѣрныхъ султана Абдуль-Гамида. Въ Чераганѣ заключенъ бывший владыка Турціи, султанъ Мурадъ; въ этомъ же дворцѣ окончили свои дни злосчастный султанъ Абдуль-Азисъ. Фасадъ Дольма-Бахче смѣшаннаго стиля. Особенно красива его средняя часть со множествомъ колоннъ, розасовъ и арабесокъ; она опирается на пространную платформу, оканчивающуюся мраморными ступенями. Чераганъ выстроенъ султаномъ Махмудомъ почти въ классическомъ стилѣ. Знаменитый реформаторъ и произведеніями искусства хотѣлъ выразить свои симпатіи къ Европѣ. Бешикъ-Ташъ, любимый дворецъ султана Абдуль-Меджида, въ восточномъ стилѣ, точно венеціанскій палаццо, перенесенный съ береговъ Адриатики. Далѣе тянутся къски султанши Валиде, Сайда и Решида-пашей, виллы, сады, зелень! Изъ мечетей, стоящихъ на берегу, по легкости архитектуры и красотѣ отдѣлки обращаетъ на себя вниманіе мечеть султанши Валиде; два ея минарета изъ чистаго бѣлаго мрамора кажутся издали двумя пощаженными временемъ колоннами античнаго храма. Пространство, заключающееся между дворцами, мечетями и моремъ, выложено мраморными плитами; въ концѣ его, у самой воды, стоятъ монументальныя мраморныя постаменты для фонарей, соединенныя между собою вызолоченною рѣшеткою. Слѣдуетъ замѣтить, что ничто не отдѣляетъ эти сооруженія отъ моря. Нѣтъ ни бечевника, ни узаконенныхъ дорогъ, благодаря которымъ требованія искусства не принимаются въ расчетъ, коль скоро рѣчь идетъ о большой водѣ. Здѣсь же, какъ и во многихъ мѣстахъ юго-западной Европы, всѣ эти чудныя сооруженія представляются какъ будто выросшими изъ самаго моря, и вотъ, вотъ готовы снова погрузиться въ прозрачную морскую пучину!...

Въ воздухѣ тихо. Море точно дремлетъ и, какъ кокетливая красавица, позволяетъ любоваться собою. Сложивъ весла и окрестивъ

на груди руки, нашъ кайччи, статный албанецъ, служившій на кайчъ султана Абдула-Азиса, погрузился въ глубокую думу. И ему, быть можетъ, какъ и большинству турокъ, говорить какой-то невѣдомый голосъ, что уже время идти въ землю отцовъ, съ которою столь тѣсно связаны обѣщанія пророка и гдѣ все рисуется въ такихъ дивно хорошихъ образахъ!... И дѣйствительно, въ эту минуту заходящее солнце чудно-хорошо озарило азіатскій берегъ! По немъ бѣлою полосою тянутся скутарійскія постройки съ огромными зеркальными окнами: точно бѣлое эмалевое ожерелье съ рядомъ сіяющихъ драгоценныхъ камней. Стоящіе позади минареты мечетей ярко выдѣлились изъ темной зелени кипариснаго лѣса. Ближе башня Леандра, охваченная какъ дымкой, голубоватымъ вечернимъ туманомъ, вдругъ заблестѣла золотомъ. По неподвижной поверхности темно-изумруднаго у береговъ Европы и ярко бирюзоваго на противоположной сторонѣ моря скользятъ пароходы, оставляя за собою легкія струйки дыма, а за ними, какъ стая лебедей, летаютъ бѣлые паруса... Правѣе — синія, прозрачныя очертанія Принцевыхъ острововъ, надъ которыми царственно возвышается покрытый своими вѣчными сѣдинами вѣчный Олимпъ.

Солнце уже скрылось за возвышенностями Истамбола и мысль Сераля началъ одѣваться въ свои ночные покровы, когда мы причалили къ берегу.

V.

Собиратели новостей.—Мои знакомцы Яни Манейя и Фѣдоръ Николаевичъ.—Обѣдъ въ греческомъ ресторанѣ.—Фруктовая лавка.

Въ Константинополѣ встрѣчаются личности, созданныя мѣстными условіями и имѣющія мѣстный типическій характеръ. Это собиратели новостей, слуховъ и вмѣстѣ распространители ихъ. Если одни изъ нихъ удостоиваются счастія говорить съ высокопоставленными лицами—министрами, пашами, то другіе довольствуются бесѣдами съ прислужниками пашей, съ ихъ кафеджи и съ разнаго рода меньшею братією, терпѣливо выжидая своей очереди подняться выше по ступенямъ турецкой іерархической лѣстницы. Какъ тѣ, такъ и другіе, едва услышавъ какую нибудь интересную новость, слѣшатъ, не щадя ногъ, передать ее своимъ благодѣтелямъ. Конечно, благодѣтели не остаются въ долгу и нерѣдко весьма щедро вознаграждаютъ своихъ вѣстовщиковъ. Еще съ большею щедростію платятъ имъ европейскія посольства, для которыхъ во время узанная интрига часто составляетъ вопросъ о преимуществѣ вліянія. Такими носителями новостей

обыкновенно бывают греки, левантинцы и итальянцы; изъ другихъ национальностей попадаются рѣже. Турки, отъявленные любители всякихъ новостей, сами не пускаются въ поиски за ними; для этого нужно своего рода искусство, гибкость ума и нерѣдко тѣла, однимъ словомъ то, на что не всегда стаетъ величаваго выходца изъ Азій, и что не совмѣстно съ понятіемъ о господинѣ, которое каждый турокъ считаетъ своею принадлежностію. Я имѣлъ случай познакомиться съ двумя личностями этого рода. Одинъ изъ нихъ грекъ-пероть Яни Манейя, служившій начальникомъ какой-то желѣзно-дорожной станціи и потерявшій свое мѣсто съ появленіемъ нашихъ войскъ. Это еще молодой человѣкъ, бывшій воспитанникъ константинопольскаго коммерческаго училища. Онъ долго жилъ между болгарами, знаетъ ихъ языкъ и съ грѣхомъ пополамъ объясняется по-русски. Г. Манейя владѣетъ еще французскимъ языкомъ, носить европейскій костюмъ и, какъ всѣ пероты, красную феску. Другое лице, уроженецъ великой Греціи и носитель великой идеи, ради которой подвергся гоненію, жилъ нѣкоторое время въ Россіи и выучился русскому языку. Я говорю съ нимъ не какъ съ какимъ либо великимъ Перикломъ илиThemistокломъ, а нѣсколько проще и, по русскому обычаю, называю его Ѳедоромъ Николаевичемъ. У грековъ слово великій (μέγας, μεγάλη) играетъ огромную роль. Все, что близко ихъ чувству, они видятъ преувеличенно и называютъ великимъ. Королевство греческое они называютъ великою Греціею. Надежды или вѣрнѣе мечты — τάμεγάλα — о восстановленіи Византіи съ Константинополемъ, какъ столицею, облечены ими въ таинственное названіе великой идеи. Это имѣетъ свою хорошую сторону: чувство грека съ дѣтства свывается съ мыслию, что все родное носить печать величія; это въ тысячу разъ лучше нашего всероссійскаго самоприниженія. Но можно опасаться и того, что слово «великій—μέγας»—будетъ оставаться только въ одномъ словарѣ сладкорѣчивыхъ эллиновъ и что за ними останется одно прозваніе мегафროновъ (μέγαφρονεῖν — многодумающихъ о себѣ), по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока великое отечество не дастъ великихъ гражданъ. Итакъ, мой великій грекъ или же попросту Ѳедоръ Николаевичъ, простоявъ извѣстные часы у воротъ счастья и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ нужными людьми, побывавъ у нѣсколькихъ пашей и не забывъ завернуть въ посольскія канцеляріи, заходитъ ко мнѣ. Онъ является торжественно, съ важностію человѣка, посвященнаго въ государственныя тайны; все ему извѣстно, не только то, что уже рѣшено, но даже и то, что будетъ рѣшено. Своимъ всевѣдніемъ онъ поражаетъ васъ и, какъ настоящій артистъ, самъ любитъ собою, и свое удовольствіе послѣ

каждой сообщенной новости, выражает небольшой ругадой полусдержаннаго смѣха, какъ-бы говорящаго: «видите-ли, каковъ я!» Или: «я еще много кое-чего знаю, и все будетъ такъ, какъ я говорю». Ѳеодоръ Николаевичъ всегда одѣтъ какъ джентльменъ и носить цилиндръ англійской формы. Какъ г. Манейя, такъ и Ѳеодоръ Николаевичъ были дорогими людьми для меня: благодаря имъ я ознакомился со многими достопримѣчательностями Константинополя. Имъ я обязанъ и многими свѣдѣніями политическаго характера. Г. Манейя сообщилъ мнѣ много интереснаго о бытѣ болгаръ и о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались въ послѣднее время. По его отзыву, болгаре такъ много вынесли въ послѣднюю войну, такъ много выстрадали, что уже это одно заставляетъ снисходительно относиться къ ихъ недостаткамъ, — недостаткамъ, вынесеннымъ изъ многолѣтней неволи, — отзывъ тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что онъ произнесенъ чужеземцемъ.

Прогулка въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сначала въ морѣ, а потомъ въ городѣ пѣшкомъ сильно возбудила нашъ аппетитъ, подсказывавшій и мнѣ и моему спутнику, г. Манейѣ, что обѣдъ былъ вполне заслуженнымъ нами вознагражденіемъ. Мы отправились въ греческій ресторанъ, въ которомъ мѣстные гастрономы лакомятся произведениями греко-турецкой кухни. Великолѣпныя устрицы, пилавъ и кебабъ (мелко изрѣзанная и поджаренная баранина), катаифъ съ каймакомъ (первое — очень тонкая лапша, поджаренная на маслѣ съ сахаромъ, а второе — сливочныя пѣнки толщиной въ три пальца) вполне довели насъ. На возвратномъ пути мы зашли въ фруктовую лавку и купили великолѣпныхъ яфскихъ апельсинъ, нѣжныхъ и душистыхъ, величиною съ небольшую дыню. Константинопольскія фруктовые лавки устраиваются на воздухѣ подъ деревяннымъ навѣсомъ. И нужно удивляться, съ какимъ вкусомъ расположены въ нихъ фрукты; какую роль играетъ ихъ подборъ, соотвѣтственно съ внѣшностію и цвѣтомъ, какъ все это изящно перевито зеленью мирта и лавра! И это дѣло рукъ простолюдина-турка, у котораго не было другаго учителя, кромѣ окружающей его природы!

Усѣвшись спокойно въ номерѣ Hôtel'a de Bysance, г. Манейя и я повели рѣчь о болгарахъ: о стремленіи ихъ къ свободѣ и самостоятельности, о бытовыхъ особенностяхъ этого народа и степени его благосостоянія. Не вдругъ и не всѣ предложенные мною вопросы были разрѣшены моимъ собесѣдникомъ; за многимъ пришлось мнѣ обращаться къ другимъ источникамъ, живымъ и печатнымъ. Какъ туристъ, я не имѣлъ ни времени, ни возможности провѣрить мною слышанное, и потому многое пришлось принимать на вѣру. Не смотря,

однако-же, на это, помѣщаемыя за симъ свѣдѣнія могутъ представлять, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый интересъ для принимающихъ участіе въ бывшей и въ настоящей судьбѣ болгарскаго народа.

VI.

Вопросы о происхожденіи болгаръ.—Ихъ расселеніе.—Стремленіе къ независимости.—Болгарскіе дѣятели.—Образованіе и школы.—Церковный вопросъ.—Численность.—Наружность.—Характеръ.—Отношеніе болгаръ къ русскимъ во время войны.

Между различными народностями, населяющими Европейскую Турцію, болгаре обращаютъ на себя особенное вниманіе загадочностію своего происхожденія. Они носятъ названіе народа, принадлежавшаго къ турано-финскому племени и тѣмъ не менѣе считаютъ своимъ природнымъ языкомъ одно изъ славянскихъ нарѣчій. Отброшенные движеніемъ народовъ отъ береговъ Волги, болгаре въ концѣ VII (680 г.) вѣка переправились черезъ Дунай, перешли Гемусъ и, распространившись въ верхней долинѣ рѣки Марицы, овладѣли Родопскимъ плоскогоріемъ и частью Македоніи. Въ этой мѣстности болгаре основали свое царство, долго бывшее грозою Византіи и другихъ сосѣдей. Эта же мѣстность принадлежитъ имъ и въ настоящее время. Какое именно славянское племя застали завоеватели, и въ какой мѣрѣ они имѣли вліяніе на него? Были-ли покоренныя племена родственны древнимъ еракійцамъ? Можно ли еще и теперь найти потомковъ пришедшихъ болгаръ? Имѣли-ли эти болгаре свой языкъ, или же и принесенный ими языкъ былъ отраслью славянскаго? Это вопросы, которые будутъ долго занимать ученыхъ, и для которыхъ наступающее ближайшее знакомство съ мѣстомъ жительства турецкихъ болгаръ, съ ихъ преданіями и обычаями, быть можетъ, откроетъ новыя указанія.

Болгаре долѣе всѣхъ оставались вѣрными Турціи. Примѣры босняковъ, герцеговинцевъ, сербовъ, грековъ и албанцевъ, добивавшихся лучшей участи вооруженной рукой, не имѣли на нихъ ни малѣйшаго вліянія. Только тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, нѣсколько болгарскихъ торговцевъ, ознакомившихся за границею съ иными порядками, священники и учителя, получившіе образованіе въ Россіи, начали мечтать о лучшей будущности для своего народа. Они говорили, что въ другихъ странахъ живутъ иначе, что тамъ жизнь и имущество обезпечены закономъ, и каждый чело-

вѣкъ настолько обученъ, что имѣеть возможность знать и защищать свои права. Сознвая, что сила народа имѣеть корень въ его образованіи, болгаре: Василій Априловъ, Мустаковы, Беронъ, Раковскій, Палаузовы и др. много содѣйствовали учрежденію народныхъ училищъ въ Болгаріи. Раковскаго въ особенности слѣдуетъ считать отцемъ болгарскаго національнаго движенія. Онъ руководилъ его своею мыслью и давалъ для поддержки значительныя матеріальныя средства. Это былъ человекъ замѣчательной энергіи, которую не могли ослабить ни аресты, ни преслѣдованія враговъ, ни малодушіе и измѣна единоплеменниковъ. Стараніемъ этихъ почтенныхъ дѣятелей первыя училища были учреждены въ Габровѣ и Тырновѣ. Образовавшееся въ Румыніи Болгарское общество, поддерживавшее у болгаръ стремленія къ лучшей будущности, и Одесское болгарское настоятельство, приготавлившее учителей для Болгаріи, въ свою очередь, много сдѣлали для упроченія школьнаго дѣла въ этой странѣ. Народъ во многихъ мѣстахъ обложилъ себя налогомъ въ пользу школъ. Въ теченіе очень непродолжительнаго времени въ одномъ Филиппопольскомъ санджакѣ были учреждены 2 центральныя школы съ программю средняго учебнаго курса, 25 школъ пригготовительныхъ и 198 начальныхъ, изъ коихъ 18-ть школъ для дѣвочекъ. Но стремленіе къ образованію болгаръ не ограничилось однѣми школами; оно выразилось еще въ изданіи школьныхъ руководствъ и книгъ элементарнаго содержанія по различнымъ отраслямъ наукъ. Засимъ переведены на болгарскій языкъ Пушкинъ, Гоголь, Шевченко; переведена Петкомъ Словейковымъ біблія, которую нью-іоркское библейское общество включило въ число своихъ изданій. А за этими изданіями появился цѣлый рядъ газетъ съ явнымъ стремленіемъ къ независимости. Это были газеты, издававшіяся въ Румыніи: «Старая Планина», «Болгарскій Гласъ», «Сѣкидневный Новинарь», расходившійся въ 2,000 экземпляровъ; издавалъ его Аженовъ, бывший вмѣстѣ редакторомъ и нерѣдко разсылнымъ для своего изданія; «Знамя», издававшееся Стамбуловымъ, проповѣдовавшимъ турецкимъ раамъ свободу; «Знаніе», научный журналъ, имѣвшій 4,000 подписчиковъ, издававшійся Каравеловымъ и Словейковымъ и выходившій въ Константинополѣ; «Напредокъ», призывавшій къ свободѣ и независимости. Такимъ образомъ мысль о свободѣ возникла въ народной школѣ, куда ее внесли учителя, и изъ нея, мало по малу, стала распространяться по всѣмъ мѣстамъ расселенія болгаръ. Какъ одно изъ высшихъ выраженій наступившаго сознанія своей національности и стремленія къ независимости, у болгаръ возникъ церковный вопросъ. Въ теченіе

вѣковъ болгарская церковь управлялась греческими епископами, назначаемыми константинопольскимъ патріархомъ. Греческіе епископы не обращали никакого вниманія на потребности своей паствы. Не создавъ ни одной школы для мірянъ, ни одного училища для духовенства, и занимаясь лишь сборомъ денегъ съ народа и съ церковныхъ имуществъ, они подавляли всякое проявленіе болгарской національности, преслѣдовали болгарскій языкъ и, вмѣсто него, навязывали народу чужой и непонятный ему греческій языкъ. Даже о поддержкѣ церквей не заботилось греческое духовенство. Ответшавшія церковныя зданія постепенно разрушались, и приходы ихъ соединялись съ другими ближайшими. И это было и съ монастырями, и даже съ епископіями. Понятно послѣ этого, почему въ Болгаріи не сохранилось никакихъ слѣдовъ о множествѣ когда-то существовавшихъ тамъ епархій, упоминаемыхъ теперь въ однихъ официальныхъ спискахъ константинопольскаго патріархата. Гдѣ именно онѣ находились и когда онѣ не стали болѣе имѣть своихъ епископовъ, на эти вопросы никто не можетъ отвѣтить. При такихъ обстоятельствахъ стремленіе болгаръ къ національной іерархіи представляется вполнѣ естественнымъ. Это явленіе не ново въ исторіи константинопольской церкви. Какъ только народъ образовывался въ самостоятельное государство, онъ тотчасъ же разрывалъ іерархическія связи съ вселенскимъ патріархомъ. Такъ было въ средніе вѣка въ Россіи, въ царствахъ сербскомъ и болгарскомъ, и въ недавнее время въ королевствѣ греческомъ и въ княжествахъ Румынскомъ и Сербскомъ. Тому же примѣру послѣдовали болгаре. Они пожелали имѣть своихъ епископовъ, природныхъ болгаръ; они желали слушать слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ. А ихъ соотечественники, воспитывавшіеся въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, и достигшіе священства и даже епископскаго сана, не щадившіе своихъ трудовъ и нерѣдко жертвовавшіе своею жизнію ради своего народа, наглядно показывали, какое огромное значеніе можетъ имѣть національное духовенство въ дѣлѣ національной независимости. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бесплодныхъ сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ, болгаре, при содѣйствіи русской дипломатіи, объявили свою церковь аутокефальною, самостоятельною. Послѣ этого шага политическая самостоятельность Болгаріи являлась уже неизбѣжною; она представлялась вопросомъ, разрѣшеніе котораго зависѣло отъ ближайшихъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Сама численность болгарскаго народа, простирающаяся по обѣ стороны Балканскихъ горъ до пяти милліоновъ душъ, показываетъ, что раньше или позже ему суждено играть свою роль въ исторіи.

Теперь къ этой роли призываютъ его обстоятельства, созданныя русскимъ оружіемъ.

Не смотря на расселеніе болгаръ на значительномъ пространствѣ,—отъ Дуная до Эгейскаго моря,—наружность этого народа почти вездѣ представляетъ одинъ общій типъ. Исключеніе остается только за небольшимъ участкомъ въ Деспото-Планинѣ (Родопскія горы). Небольшаго росту, но крѣпкосложенный болгаринъ, не отличается ни красотой, ни даже выразительностію своей фізіономіи. Въ немъ проглядываетъ смѣсь турка и славянина, хотя и не высказывается ни одного изъ признаковъ, составляющихъ принадлежность этихъ расъ. Весьма вѣроятно, что долговременное униженіе изгладило въ немъ всякую самобытность. Болгарскія женщины рѣдко бываютъ красивы, хотя лица ихъ гораздо выразительнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Но и при самой миловидности болгарокъ, въ нихъ почти незамѣтно молодости и неразлучной ея спутницы—игривости, какъ будто непосильный трудъ съ самаго дѣтства положилъ на нихъ печать утомленія и преждевременнаго истощенія. Дѣвушки любятъ украшать себя цвѣтами, которые вплетаютъ себѣ въ волосы; замужнія и пожилыя женщины носятъ на головѣ бѣлыя покрывала. Болгарка имѣетъ большое вліяніе на мужа,—черта чисто славянская,—въ противоположность гречанкѣ, которая въ своей семьѣ считается наравнѣ съ дѣтьми.

Вообще болгаринъ одѣвается бѣдно. Куртка, лѣтомъ изъ шерстяной ткани, а зимою изъ овчины, такіе же широкіе штаны, поддерживаемые поясомъ, барашковая шапка, а на ногахъ опанки,—куски полотна или шерстяной ткани, обмотанные ремнемъ, вотъ и все его одѣяніе, напоминающее отчасти одѣяніе пастуховъ новороссійскихъ степей.

Въ характерѣ болгарина нѣтъ смѣлости; онъ даже робокъ. Въ сношеніяхъ его съ другими проглядываютъ недовѣрчивость и подозрительность. Славянское гостепрѣимство болгарину мало знакомо, и на своего посѣтителя онъ смотритъ какъ на лицо, отъ котораго онъ можетъ получить извѣстныя выгоды, или же какъ на врага. Все это черты крайне непривлекательныя. Когда миновали первые восторги, вызванные появленіемъ нашихъ войскъ за Дунаемъ, болгарское населеніе не только не высказывало намъ расположенія, но даже относилось къ намъ развѣ только немногимъ лучше, чѣмъ къ туркамъ. При приближеніи русскихъ отрядовъ они обыкновенно прятали все свое имущество. «Нима ништо, сичко турци-то пожарили», большею частью отвѣчали болгаре на просьбы истомленныхъ и проголодавшихся офицеровъ и солдатъ. — «Позвольте хотя обогрѣться въ избѣ; видите, люди совсѣмъ оконечѣли», продолжалъ умолять офицеръ. «Слаби вси,

жена, дѣти» настаивалъ болгаринъ и безсердечно замыкалъ двери. Но едва только удалялись отъ избы, какъ больные мгновенно выздоравливали и садились за трапезу, на которой въ обиліи появлялись кушанья. Часто болгаринъ отказывалъ русскому въ стаканѣ воды. Въ этихъ случаяхъ одинъ видъ знаменитой русской нагайки быстро смягчалъ самыхъ жестокосердыхъ. Это средство, само по себѣ отвратительное, представлялось въ высшей степени страннымъ въ рукахъ тѣхъ, которые являлись избавителями. Впрочемъ, эти случаи бывали рѣдки и скорѣе составляли исключеніе. Вообще же русскіе держали себя сдержанно, ясно сознавая, что они въ родной землѣ по вѣрѣ, крови и языку. Замѣтивъ золото въ кошелькѣ офицера и, главное, убѣдившись въ готовности его платить, болгаринъ дѣлался доступнѣе, т. е. уже не пряталъ ни воды, ни хлѣба и продавалъ все, запрашивая въ десять разъ дороже, и продолжая такую благосклонность, пока не вытягивалъ послѣдней желтицы (червонца). Конечно, такое отношеніе къ намъ болгаръ именно въ то время, когда для нихъ приносились столь огромныя жертвы, оскорбляло насъ. Но мы забывали, что каждый приходъ нашъ въ Турцію былъ источникомъ величайшихъ несчастій для болгаръ, ихъ раззоренія и почти поголовнаго истребленія. Такъ было въ 1828 и 1853 годахъ; то-же произошло и теперь, когда нашъ передовой отрядъ перешелъ Балканы и занялъ южную Болгарію. Болгарское населеніе долины Марицы и Тунджи встрѣтило русскія войска съ восторгомъ; оно увидѣло въ нихъ избавителей отъ вѣковаго угнетателя и должно было заплатить кровавыми жертвами за столь легкомысленныя упованія. Мы удалились также быстро, какъ и пришли, не оставивъ даже оружія болгарамъ, которымъ бы они могли защищать себя отъ неистовствъ баши-бузуковъ. Оставшіеся въ живыхъ обратились въ нищихъ; безъ крова и безъ куска хлѣба, они сдѣлались добычею голода и болѣзней.

Могли-ли болгаре особенно радоваться нашему приходу? Не нравились болгарамъ и наши реквизиціи у нихъ хлѣбомъ, кормомъ для лошадей и подводами... Впрочемъ, мы отчасти и сами были виною такого отношенія болгаръ. Мы упустили изъ виду, что болгаре привыкли къ силѣ, которую они только и уважали. Мы должны были внушить имъ, что всякая повинность, вызванная войною, есть ихъ долгъ, а не предоставлять удовлетвореніе нуждъ арміи на ихъ волю. Говорятъ, что населенію даже было объявлено, что оно ничего не должно давать безъ денегъ... Но и тутъ мы не позаботились установить таксу за припасы и разныя услуги... Военные, въ особенности, жаловались на такую нераспорядительность гражданской власти. Наконецъ, необходимо принять во вниманіе еще и то, что народъ, вынесшій пяти-

содлѣтнее рабство, не могъ вдругъ переродиться, вслѣдъ за удаленіемъ его притѣснителей. Мгновенное возникновеніе въ немъ качествъ свободнаго человѣка было бы равносильно возникновенію древняго феникса изъ собственнаго пепла. Разсчитывая найти въ болгаринѣ то, чего въ немъ не было, мы обманывали самихъ себя ¹⁾. Болгаринъ никогда не видѣлъ другой вооруженной силы, кромѣ турецкой, и, увидѣвъ русскія войска, не могъ отнестись къ нимъ иначе, чѣмъ онъ относился прежде къ войскамъ низама. Болгаринъ постоянно хитрилъ съ турецкими властями и постоянно ихъ обманывалъ; тотъ же обманъ и ту-же хитрость онъ высказывалъ и въ отношеніи русскихъ. Золото, въ глазахъ его, всегда было самымъ надежнымъ средствомъ не только упроченія своего благосостоянія, но даже и сохраненія самой жизни. И при видѣ легкаго способа его пріобрѣтенія отъ русскихъ, корыстолюбіе и жадность должны были заглушить въ немъ всякое другое чувство. Лучшихъ, болѣе человѣчныхъ инстинктовъ пока не могло быть у болгарина, такъ какъ не могли дать ему ихъ ни его гражданское положеніе, ничѣмъ не обезпеченное отъ случайностей произвола, ни его общественная, крайне неразвитая среда, ни даже самое духовенство, до послѣдняго времени ему чуждое и не менѣе тяжелое своими поборами, чѣмъ турецкія власти. Этимъ должно быть объяснено то странное настроеніе болгаръ въ отношеніи русскихъ, которое они выказывали въ минувшую войну.

Тѣмъ не менѣе многіе военные съ восторгомъ вспоминаютъ о болгаряхъ въ прибалканской и забалканской мѣстностяхъ, какъ они подъ огнемъ непріятели доставляли вино и воду шипкинскимъ героямъ, какъ они убирали нашихъ раненыхъ и относили ихъ на плечахъ въ свои дома... На горѣ св. Николая, на которую постоянно былъ устремленъ самый сильный огонь турокъ, весьма часто можно было видѣть старухъ болгарокъ, приносявшихъ пищу нашимъ солдатамъ и ухаживавшихъ за нашими ранеными. Габровскіе жители лишились всего своего скота, возя нашихъ раненыхъ шипкинскаго отряда, наши снаряды и припасы. Все это они дѣлали добровольно. Точно это былъ другой народъ, а не болгаре, съ которыми пришлось намъ имѣть сношенія, послѣ переправы чрезъ Дунай.

¹⁾ Графъ Э. И. Тотлебенъ постоянно говорилъ, что онъ нигдѣ у болгаръ не видѣлъ расположенія къ русскимъ, и что, напротивъ, ихъ задушевное желаніе было, чтобы освободители ихъ, по возможности, скорѣе покинули страну (Шлевенское сидѣнье. „Русск. Стар.“ 1886 г., кн. XI).

VII.

Болгарскія села и жилища.—Ярмарки.—Развлеченія.—Народныя вѣсни.—
Болгаре-помаки.—Народное благосостоянiе.

Болгарскія села очень живописны въ мѣстахъ, близкихъ къ Балканамъ. Они тонуть въ зелени садовъ, орошаемыхъ быстрыми струями горныхъ рѣчекъ. Улицы, сами по себѣ узкія, представляются еще уже отъ выступающихъ верхнихъ этажей, до которыхъ достигаютъ цѣпкія вѣтви виноградныхъ лозъ. Постройки изъ камня. За то въ степныхъ мѣстностяхъ онѣ слѣплены, большею частью, изъ земли, смѣшанной съ соломой. Свѣтъ проникаетъ въ нихъ черезъ дверь и чрезъ отверстіе въ крышѣ, оставленное для выхода дыма. Въ единственной комнатѣ этого жилища разставлены скамьи, гдѣ нибудь низкій турецкій столикъ, по стѣнамъ домашняя посуда, развѣшанная на гвоздяхъ, а въ углу складъ одѣялъ и подушекъ, служащихъ вмѣсто постели. Самые скудные болгарскіе дома содержатся чисто. Полъ въ нихъ земляной, гладкій, еженедѣльно смазывается глиною, также точно, какъ и стѣны дома внутри и снаружи. Домашняя утварь, посуда, платье и постельныя принадлежности ежедневно чистятся и провѣтриваются. Вездѣ видна рука дѣятельной хозяйки. Въ болѣе зажиточныхъ домахъ нерѣдко находятся въ стѣнахъ тайники и подземныя помѣщенія, гдѣ прячется болѣе дорогое имущество отъ нежданныхъ и незваныхъ посѣтителей.

Болгаринъ—земледѣлецъ, а потому и образъ его жизни имѣетъ тѣсную связь съ этою отраслю дѣятельности. Во время полевыхъ работъ онъ занимается обработкою принадлежащаго ему участка земли, или же нанимается на такую же работу къ какому нибудь богатому землевладѣльцу, греку или армянину. Развлеченія для него составляютъ ярмарки, на которыя собирается все окрестное населеніе. «Обыкновенно, говоритъ Альбертъ Дюмонъ ¹⁾, долго жившій въ Болгаріи и хорошо изучившій эту страну, въ октябрѣ, по окончаніи сельскихъ работъ, на полѣ разбиваются два ряда шатровъ, въ которыхъ помѣщаются продавцы и покупатели. Позади ихъ разставляются повозки; нѣсколько далѣе пасутся длиннорогіе волы и табуны лошадей. Въ одномъ мѣстѣ на открытомъ воздухѣ цѣликомъ жарятся ягнята, въ другомъ происходитъ дѣятельная мѣна привезеннаго товара.

¹⁾ Le Balkan et l'Adriatique par Alb. Dumont, Paris.

Это простыя сукна и мелкія произведенія, столь необходимы въ быту земледѣльца. Тутъ также можно видѣть зерновой хлѣбъ, мѣха, шерсть и шелкъ въ необработанномъ видѣ. Но что поражаетъ въ этихъ собраніяхъ, въ которыхъ нерѣдко бываетъ по нѣсколько тысячъ человѣкъ,—это отсутствіе всякаго оживленія, нигдѣ не слышно ни пѣсни, ни звука музыкальнаго инструмента! Толпа молча движется, упорно сохраняя самое мрачное настроеніе. Не смотря на то, что у болгаръ есть также и свой народный танецъ, называемый ими хоро, но и онъ нисколько не вызываетъ обычнаго танцамъ одушевленія. Въ хоро принимаютъ участіе отъ 20 до 30 дѣвушекъ въ разъ; взявшись за руки, онѣ составляютъ длинную вереницу, которую ведетъ обыкновенно молодой человѣкъ; онъ ускоряетъ или замедляетъ движеніе участвующихъ. У грековъ существуетъ тотъ же самый танецъ; но у нихъ вся прелесть его заключается въ равномерныхъ и исполненныхъ граціи движеніяхъ, совпадающихъ съ ритмомъ музыки.

Ничто такъ не выражаетъ характера народа, какъ его пѣсня. Въ ней высказывается его взглядъ на окружающую природу, которую онъ призываетъ какъ свидѣтельницу и участницу своихъ радостей и горя. Судьбы его прошедшаго и то впечатлѣніе, какое это прошедшее производитъ на душу, также находятъ мѣсто въ пѣснѣ. Въ ней народъ отражается, какъ въ чистомъ зеркалѣ водъ, со всѣмъ, что ему мило и немило, со всѣмъ своимъ внутреннимъ міромъ. И въ ней, наконецъ, почти всегда ярко горитъ надежда на лучшее будущее. Но едва ли что нибудь подобное можно найти въ пѣснѣ болгарина. Эпизоды народной болгарской пѣсни отличаются крайнею неразвитостію и стоятъ одиноко, безъ всякой связи между собою. Едва какая нибудь мысль зарождается среди множества не имѣющихъ никакого значенія словъ, какъ тотчасъ же она и исчезаетъ безслѣдно, подобно ручью, показавшемуся на мгновеніе между нагроможденными на него камнями. Представленія въ ней до того просты и несложны, что напоминаютъ собою лепетъ ребенка. Но несвязность и неясность содержанія пѣсни болгарина еще болѣе дѣлаются замѣтными, когда въ ней идетъ рѣчь о предметахъ религіозныхъ, о которыхъ онъ имѣетъ самыя смутныя понятія. Замѣчательно, что въ болгарской пѣснѣ нѣтъ героя, нѣтъ лица, къ которому бы народъ устремлялъ свои лучшія желанія, какъ будто настоящая дѣйствительность связала его по ногамъ и рукамъ, и не пускаетъ ни въ міръ прошедшаго, ни въ чаяніе будущаго. По временамъ въ пѣснѣ появляется мѣстный блюститель порядка, скромный заптія; въ немъ власть и сила, и онъ вершитель всѣхъ дѣлъ, играющій роль древней судьбы.. Если болгаринъ умираетъ, то онъ съ наслажденіемъ оставляетъ этотъ міръ плача и

постояннаго страданія. Какъ во всемъ этомъ виденъ народъ, который свыкъся съ своимъ игомъ и въ которомъ нравственная энергія до того убита, что онъ изъ-за своего непривлекательнаго настоящаго не можетъ видѣть другаго будущаго, какъ только загробной жизни! При такомъ душевномъ безсиліи, овладѣвшемъ народомъ, дѣлаются понятными тѣ страшныя неистовства турокъ, которыя они выносили. Въ сербскую и въ русско-турецкую войны были минуты, когда болгарскій народъ похожъ былъ на стадо овецъ, покорно подставлявшихъ свою шею подъ ножъ мясника.

Лучшаго, болѣе достойнаго выраженія народнаго чувства въ болгарской пѣснѣ нужно искать у болгаръ, живущихъ въ Родопскихъ горахъ, въ Деспото-Планинѣ. Тамъ сохранилось многочисленное племя, мало кому извѣстное и посѣщаемое только одними купцами, доставляющими туда транспорты съ виномъ и масломъ. Это племя болгаре-помаки. Помаки исповѣдуютъ мусульманскую религію, хотя о коранѣ имѣютъ весьма слабое понятіе; ихъ родной языкъ болгарскій. Типъ этого народа чисто горный. Высокаго роста, съ черными вьющимися волосами и съ прекрасными выразительными глазами, они во всѣхъ своихъ движеніяхъ обнаруживаютъ много живости и врожденнаго изящества. Помаки обладаютъ громаднымъ количествомъ пѣсенъ, между которыми есть много такихъ, которыя относятся къ самой глубокой древности. Однѣ изъ нихъ описываютъ выходъ этого воинственнаго славянскаго племени изъ странъ, лежащихъ по ту сторону Карпатъ, и борьбу его на пути къ тихому, бѣлому Дунаю съ разными чудовищами: другія говорятъ о расселеніи его въ горахъ Гемуса и Родопа. Древнія вѣрованія, упоминаемыя въ пѣсняхъ помаковъ, представляютъ олицетвореніе силъ природы: солнца, огня, облаковъ, молніи и т. п. Земля изображается въ нихъ во время зимы, въ видѣ женщины, спящей въ пещерѣ; весною солнце снимаетъ съ нея тяжелые снѣжные покровы и своимъ дыханіемъ призываетъ къ жизни. И въ пѣсняхъ помаковъ, также точно какъ и въ пѣсняхъ сербовъ, являются самовилы, дивы, упыри. Но пѣсня этого народа представляетъ и его первобытный земледѣльческій бытъ, мирную обработку полей: ихъ вожди проводятъ борозду по пашнѣ и собираютъ созрѣвшіе колосья. Пѣсни болгаръ-помаковъ собраны Верковичемъ ¹⁾. Замѣтивъ между ними общее содержаніе, онъ соединилъ ихъ въ одно цѣлое и этимъ возбуждалъ сомнѣнія въ подлинности ихъ. Тѣмъ не

¹⁾ Веда Словена Български народни песни отъ предисторично и предхристијанско доба, открилъ и въ Тракија и Македонија и издалъ Ст. Верковичъ. Београдъ. 1874.

менѣ эти пѣсни представляютъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго изслѣдованія, быть можетъ, самой древней героической и бытовой эпохи жизни славянъ.

Стремленіе болгаръ къ приобрѣтенію независимости выразилось сначала въ борьбѣ съ невѣжествомъ массъ и въ учрежденіи народныхъ школъ; потомъ въ борьбѣ съ греческимъ духовенствомъ и въ освобожденіи отъ его притѣсненій роднаго языка. Наконецъ, русскому оружію суждено было даровать имъ политическое существованіе.

«Между болгарами почти нѣтъ бѣдныхъ; Болгарія есть страна общаго довольства», говорятъ люди, исходившіе ее во всѣхъ направленіяхъ, и при томъ въ недавнее военное время, когда народъ выносилъ всѣ тягости войны. Такому благосостоянію страны способствуютъ какъ замѣчательно богатая ея почвенная и благоприятная климатическія условія, такъ и необыкновенная трезвость и бережливость народа. Богатство болгаръ состоитъ въ обиліи хлѣба, въ виноградникахъ, въ шелковичныхъ плантаціяхъ и въ скотѣ. У рѣдкаго изъ нихъ нѣтъ двухъ, трехъ буйволовъ, одного, другаго десятка овецъ, а нерѣдко и пары лошадей. Если не всякая изба въ болгарскомъ селѣ обращаетъ на себя вниманіе своею обширностію, за то въ каждой можно найти всю необходимую домашнюю утварь, разную посуду, прекрасную постель, одѣяла и ковры. А если открытъ помѣщающіеся въ стѣнахъ тайники, то въ нихъ найдутся цѣлыя склады всякаго платья изъ шерсти и даже шелка. Въ пищѣ также не отказываетъ себѣ болгарская семья и, по своему, ѣсть хорошо. Однимъ словомъ, въ быту простолюдина зажиточнѣе болгарина трудно быть. Но въ такомъ случаѣ откуда же жалобы на бѣдственное состояніе населенія, на его угнетеніе? Эти жалобы слѣдуетъ объяснить непрочностью собственности въ Болгаріи. Каждый сборщикъ податей, каждый полицейскій ага могъ забрать все достояніе болгарина, и на это не было никакого суда. Благосостояніе болгарина, это именно то благосостояніе, даже то богатство, которое существуетъ десятки лѣтъ у подножія огнедышащаго кратера; полилась лава и въ мигъ ничего не осталось... Такою лавою по отношенію къ болгарскому населенію была очень часто турецкая администрація, безслѣдно уничтожавшая не только труды годовъ, но даже и тѣхъ, которые трудились.. Неувѣренность въ томъ, чѣмъ человѣкъ можетъ владѣть и располагать, неувѣренность въ жизни, этомъ самомъ драгоцѣнномъ изъ всѣхъ благъ, вотъ что заставляло болгаръ жаловаться на свое положеніе и находить его подчасъ невыносимымъ, не смотря на всю его внѣшнюю удовлетворительность. Слѣдуетъ упомянуть еще и о другихъ врагахъ болгарской самостоятельности, именно о чорбаджіяхъ. Это тѣ-же

міроѣды, обогатившіеся на счетъ народа и покорные слуги турокъ, обдѣлывавшіе при ихъ помощи свои дѣла. Во время войны они постоянно созывали у себя турецкихъ эмисаровъ и даже покровительствовали баши-бузукамъ. Чорбаджіи не только прятали у себя награбленные турками у болгаръ вещи, но, рассказываютъ, были между ними даже и такіе, которые наводили турокъ на истребленіе болгарскихъ деревень и указывали имъ на болѣе богатыхъ своихъ соотечественниковъ...

Кн. В. Д. Давижа.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Надпись къ картинѣ.

Съ какою кротостью и скорбью нѣжной
Пречистая взираетъ съ пологна!
Грядущій часъ печали неизбѣжной
Какъ-бы предчувствуетъ Она.

* * *

Къ груди Она Младенца прижимаетъ
И Имъ любитъся, о Немъ грустятъ...
Какъ Богъ, Онъ взоромъ вѣчность проникаетъ
И беззаботенъ, какъ дитя.

1882 г.

О т д о х н и.

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь;
Ты устала, моя дорогая!
Не пора-ли тебѣ отдохнуть?

Среди всякаго зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себѣ утѣшенья
Въ этой грустной юдоли земной.

Какъ волна безпокойнаго моря,
Безъ тревоги ты жить не могла:
Если-бъ даже и не было гора,
Ты сама-бы его создала!

Но взгляди: въ нашей жизни печальной
Развѣ нѣтъ и хорошихъ сторонъ?
Вѣдь не все слышенъ звонъ погребальный, —
Раздается-жъ и радости звонъ.

Помирись-же съ судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, собираясь съ силою новой,
Милый другъ, отдохни, отдохни!

К. К. Р.

1882 г.

Примѣчаніе. Изъ собранія стихотвореній К. Р., изд. 1886 г., Спб.

ССЫЛЬНЫЕ И ЗАТОЧЕННЫЕ ВЪ ОСТРОГЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ XVI—XIX ВВ.

Историческій очеркъ.

XIV¹⁾.

Раскольническій попъ Николай Петровъ, будучи православнымъ священникомъ, бѣжалъ къ раскольникамъ, но былъ тамъ пойманъ и заключенъ въ Новгородъ-сѣверскій монастырь. Изъ этого монастыря ему вскорѣ удалось бѣжать опять къ раскольникамъ, но и на этотъ разъ не удачно: его чрезъ два года, въ 1851 г., поймали и заключили навсегда въ Соловецкій монастырь. При поимкѣ Петрова, у него отобрали 2,060 р. денегъ, которые повелѣно было передать въ Соловецкій монастырь съ тѣмъ, чтобы проценты съ капитала шли на его содержаніе. Послѣ смерти Петрова, случившейся въ 1860 г., въ Соловецкомъ острогѣ, остался сынъ—стряпчій Пермской губерніи, который, по праву наслѣдства, хотѣлъ получить отцовскій капиталъ, оставляя монастырю на поминъ отцовской души 300 р., но синодъ въ этой просьбѣ ему отказалъ. Обращался онъ и къ монастырю, надѣясь на его великодушіе, но монастырь вмѣсто денегъ далъ икону и утѣшеніе, что на томъ свѣтѣ за это получится съ лихвою.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LVI, октябрь, стр. 45—71; ноябрь, стр. 333—360, декабрь, стр. 591—617; изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 37—62.

Въ 1852 г. схвачены въ Москвѣ: 1) эмиссаръ заграничныхъ раскольниковъ, проживающій въ Турціи женовъ Ипполитъ, называющійся мѣщаниномъ Егоромъ Ивановымъ. По высочайшему повелѣнію сосланъ навсегда въ Соловки. Будучи въ острогѣ, изъявилъ желаніе присоединиться къ единовѣрью, а посему, послѣ предварительнаго искуса, былъ освобожденъ въ 1858 г.

2) Московскій мѣщанинъ Михаилъ Поликарповъ, имянующій себя инокомъ Маркіаномъ—за расколъ. Онъ жилъ въ Буковинѣ и черниговскихъ раскольниковыхъ скитахъ, сосланъ за сношенія съ этими раскольниками и распространеніе раскола. Умеръ въ 1864 г. вѣрный своимъ убѣжденіямъ.

Проживавшій у начальника черчуковской этапной команды Раткевича слабоумный сынъ окружнаго генерала IV округа внутренней стражи генералъ-лейтенанта Мандрыка, Андрей Николаевъ, 27 лѣтъ, 26 октября 1852 года, пришелъ къ обѣдни въ церковь с. Чепчугова, гдѣ, простоявъ литургію, по окончаніи оной, вошелъ въ алтарь холодной церкви въ то время, когда весь причтъ занятъ былъ пѣніемъ молебновъ, и тамъ всѣ лежащія на престолѣ вещи, какъ-то: антиминсъ, лентіонъ, два евангелія, крестъ, дарохранительницу и самое престольное одѣяніе вымаралъ ранѣе приготовленнымъ имъ. Совершивъ это, онъ объявилъ о своемъ преступленіи причту. Причиною такого поступка, по его словамъ, было желаніе избавиться отъ надзора родителя своего за его поступками, поэтому онъ принялъ намѣреніе сдѣлать какое-либо преступленіе, чтобы удалиться отъ родныхъ въ Сибирь и жить тамъ, а до рѣшенія дѣла содержаться въ гражданскомъ казематѣ. Слѣдствіемъ выяснено, что Мандрыка ранѣе былъ набоженъ и религіозенъ, а преступленіе совершилъ по слабоумію. Отецъ его подалъ государю просьбу, чтобы прекратить дѣло, а сына сослать навѣчно въ Соловецкій монастырь, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ монастырѣ Андрей Мандрыка жилъ то въ тюрьмѣ, то на ряду съ братією. Въ тюрьмѣ велъ себя смиренно, а лишь былъ выпускаемъ на свободу—начиналъ безчинствовать: пьянствовать, воровать по кельямъ чай, сахаръ и пр. вещи, даже сбивалъ для этого замки, христорадничалъ у пріѣзжающихъ богомольцевъ,

въ случаѣ отказа ругался, дѣлалъ мальчикамъ безнравственныя предложенія, а потому снова былъ на время заключаемъ въ тюрьму. Такъ прожилъ онъ до 1864 года, когда былъ отправленъ въ домъ умалишенныхъ, куда-бы слѣдовало отправить его съ самаго начала.

Вахтеръ ставропольскаго полеваго комисіонерства Иванъ Бураковъ (изъ воронежскихъ крестьянъ) въ 1853 г. заточенъ въ соловецкій острогъ за „отступленіе въ расколъ и ученіе еретическое и богохульное“. „Расколъ“ Буракова настолько былъ необыкновененъ и чуждъ религіознымъ понятіямъ русскаго народа, что трудно понять откуда онъ могъ приобрѣсти свои мнѣнія. Со словъ Буракова, внукомъ его написана была цѣлая книга, излагающая его ученіе, которая была вытребована въ синодъ и тамъ хранится. Благочинный архангельскихъ церквей протоіерей Ѡ. Жаравовъ, которому была отдана эта книга для разсмотрѣнія, далъ о ней такой отзывъ: „книга Буракова преисполнена суемудрыхъ и нелѣпыхъ вымысловъ; правила вѣрученія, въ ней заключающіяся, отзываются грубыми ересями жида Захаріи и аптекаря Башкина, бывшаго въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ; есть даже прямыя мысли и изложенія хульно-отвергающія божество Іисуса Христа, новозавѣтное изложеніе спасенія и вообще христіанство“. О происхожденіи и содержаніи еретическаго ученія Буракова мы лучше всего можемъ познакомиться изъ донесенія объ этомъ въ синодъ архимандрита Александра, такъ какъ донесеніе есть результатъ его личныхъ бесѣдъ съ Бураковымъ:

— „Съ самаго начала своей жизни, какъ Бураковъ сталъ хорошо все понимать, онъ почувствовалъ охлажденіе отъ таинства причащенія, и какъ я могъ заключить изъ словъ его, это было поводомъ, что въ полудни явился ему ангелъ въ саду Буракова и сказалъ: „приходи въ полночь на кладбище, въ лѣсъ, тамъ есть камень на могилѣ, на немъ получишь отравленіе Божіе, котораго ты достоинъ“. Бураковъ часто началъ удаляться на таинственный камень, бесѣдовать съ двумя ангелами, или попеременно, то съ однимъ, то съ другимъ; между прочимъ ему объявлено, что святѣ нѣтъ на небеси и на земли царя Давида, а Іисусъ Христосъ не святъ, боялся смерти, когда молился въ саду Геосиманскомъ, да мимо идетъ отъ него чаша.

„За всѣмъ тѣмъ Бураковъ продолжалъ исполнять всѣ таинства св. нашей церкви. Съ своимъ не малымъ семействомъ и приходскимъ священникомъ жилъ дружно, на исповѣди и причастіи св. таинъ также бывалъ, и явленій никому не объявлялъ. Когда же получилъ повелѣніе отъ архангела Измаила оставить христіанскую церковь, то открыто объявилъ о себѣ каковъ есть, и сталъ составлять книгу, которая представляется св. синоду. Начальство тамошнее не обратило строгаго вниманія съ самаго начала на эту ересь Буракова, и онъ успѣлъ утвердить себя въ ней, но, по словамъ его, никому не передавалъ оной, ни своему семейству (которое, какъ видно изъ писемъ къ Буракову, очень хорошее и благочестивое), ни постороннимъ; не было на это повелѣнія отъ ангеловъ. Но за то самъ Бураковъ величайшій врагъ имени Иисуса Христа. Когда я (архимандритъ), при посѣщеніи его на Пасху, сказалъ: Христось воскресе! то онъ молчалъ, а когда сказалъ: во имя воскресшаго прими яцо красное, то онъ отвѣчалъ мнѣ грубо, съ запальчивостью и ругательствомъ на святыню... Изъ сего я заключаю, что съ этимъ жалкимъ, несчастнымъ челоукомъ нужно имѣть терпѣніе и осторожно дѣйствовать на него, чтобы съ Божіею помощію вылечить его душевную болѣзнь“. Но на самомъ дѣлѣ вылечить душевную болѣзнь Буракова не удалось; всѣ увѣщанія отлетали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Умеръ онъ въ тюрьмѣ въ 1860 году, полный вѣры въ себя самого и въ свои откровенія.

Мѣщанинъ города Воскресенска, Московской губерніи, Василій Занегинъ, за распространеніе сектаторскихъ толковъ, стараніе совратить православныхъ въ расколъ и предсказаніе Россіи бѣдствій и скорого ея окончанія, въ 1851 году былъ заключенъ въ Суздальскій монастырь. Во время посѣщенія его арестантской камеры владимірскимъ гражданскимъ губернаторомъ, Занечинъ сорвалъ камлавку съ головы и бросилъ на полъ у сопровождавшаго его архимандрита сего монастыря Іоакима, за что былъ преданъ уголовному суду, который приговорилъ его къ 80 ударамъ розогъ. Послѣ наказанія, по высочайшему повелѣнію былъ, въ 1853 году, сосланъ въ Соловецкій острогъ для строжайшаго содержанія. Въ Соловкахъ ему не поздоровилось, болѣлъ три года, не выходя изъ каземата, и пока шла переписка о переводѣ его для леченія въ больницу города Архан-

гельска, онъ, 7 марта 1863 года, умеръ. Въ своихъ заблужденіяхъ былъ твердъ до самой смерти; для увѣщанія принималъ архимандрита, увѣщанія его выслушивалъ охотно, но ничему священному не вѣровалъ, упорно противился церкви и порицалъ ея уставы.

Въ 1856 г. привезенъ въ Соловецкій монастырь крестьянинъ Ярославской губерніи Меркурій Киселевъ (Никита Семеновъ), для духовнаго назиданія, а не какъ арестантъ. Пойманъ онъ былъ въ городѣ Вологдѣ, и оказался наставникомъ страннической секты. Сидя въ вологодской тюрьмѣ, изъявилъ желаніе присоединиться къ единовѣрцію, что было и исполнено; но для духовнаго назиданія все-таки нашли нужнымъ послать его въ Соловки. Во время пути изъ Вологды въ Соловки, сопровождаемый двумя жандармами, близъ города Шенкурска, успѣлъ бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ и привезенъ въ Соловки. Въ Соловкахъ, въ виду этого, нашли нужнымъ посадить его въ острогъ, гдѣ онъ и пробылъ до 1858 года. Въ этомъ году государь Александръ Николаевичъ, во время своего посѣщенія Соловецкаго монастыря, обходилъ и арестантскіе чуланы, и, между прочимъ, въ виду раскаянія Киселева, повелѣлъ освободить его изъ острога для житья въ монастырѣ. Вскорѣ по выходѣ изъ острога онъ встрѣтился съ своими единомысленниками, прибывшими въ монастырь провѣдать своего наставника, съ помощью которыхъ успѣшно бѣжалъ изъ монастыря 22 іюля 1858 года. Всѣ розыски на первое время оказались безуспѣшными, лишь въ 1865 г. въ городѣ Кинешмѣ, Костромской губерніи, полиціею былъ, между прочими людьми, захваченъ неизвѣстный человѣкъ, принадлежавшій къ сектѣ странниковъ, у котораго была найдена рукописная поэма, изображающая освобожденіе судьбами Всевышняго промысла кого-то изъ соловецкаго заключенія. Судебный слѣдователь города Кинешмы, принимая во вниманіе отобранную поэму, обратился въ Соловецкій монастырь съ запросомъ, подробно описывая примѣты пойманнаго владѣльца поэмы, не бѣжалъ-ли кто въ недавнемъ прошломъ изъ Соловецка. По примѣтамъ оказалось, что пойманный былъ не кто иной, какъ бѣжавшій Киселевъ.

Я позволю себѣ привести эту поэму какъ образецъ раскольническаго стихосложенія:

Поэма страдаваго и освобожденнаго судьбами Вышняго промысла.

Изложить хочу въ поэму повѣсть горестныхъ причинъ.
 Всѣмъ любимымъ подаему кто свободенъ злыхъ личинъ.
 Что есть въ мѣрѣ—все преложно, постоянства тверда нѣтъ;
 Доказать о томъ возможно тѣмъ, что явный есть предметъ.
 Станьте тѣломъ, будьте духомъ во приближныхъ мѣрахъ намъ
 И внушайте чистымъ слухомъ, ясну повѣсть передамъ.
 Уважаемъ былъ я всѣми, кто свѣтъ истины любилъ,
 Но не знаемъ-же и тѣми и на вѣрныхъ кто грозилъ.
 Былъ вложенъ потомъ въ горнило искушеній, тяжкихъ ранъ
 И участны тамъ, гдѣ гнило и нечестій полный планъ.
 Онъ нашъ древній врагъ завистникъ принялъ мѣры и успѣхъ,
 Испросилъ насъ ненавистникъ у Владыки Бога всѣхъ.
 Оскорбилъ тѣхъ, кто есть вѣренъ, Богомъ знаемъ навсегда,
 Всѣхъ утѣшилъ, кто зловѣренъ, хулить истину всегда,
 Кто не смысленъ какъ скотина и имѣетъ правъ звѣрей,
 Въ комъ нечестія вся тина и нѣсть евангельскихъ дверей.
 Эти приняли насъ въ руки, столь терзали, такъ трясли,
 Не влагая въ явны муки, тѣхъ не меньше поднесли.
 Чѣмъ томится умъ и тѣло и лишаются тѣхъ мѣсть,
 Въ чемъ стоитъ правды дѣло и терпѣнья Христовъ крестъ,
 Явна ближнихъ въ чемъ разлука, и унынья весь каналъ,
 Столь несносна есть та мука, въ самомъ опытѣ позналъ.
 Когда былъ я удаленнымъ въ страны сѣверна края
 Въ полномъ нидѣ всѣхъ лишеннымъ, ближнихъ, Бога и рая.
 Заключенъ въ число несчастныхъ горьку участь понести,
 Всѣхъ Спасителя подвластныхъ въ страхъ и трепетъ привести.
 Гдѣ съ побѣдою спасенье вѣрныхъ было отъ враговъ ¹⁾,
 Теперь явное смущенье и сонмъ антихриста враговъ,
 Эта славная обитель, монастырь на Соловкахъ,
 Гдѣ Зосимъ былъ вѣрный житель, имѣлъ крестъ христовъ въ рукахъ,
 Такъ какъ агнецъ въ той я былъ, и терпѣлъ въ такой страданиѣ,
 Межъ волковъ тѣхъ скорбно жилъ, достоинъ той судьбы.
 Чтобъ мнѣ было во утѣшность—не имѣлось тѣхъ въ виду.
 Лишь коварство и насмѣшность въ томъ нечестія саду
 Проливалъ тамъ къ Богу слезы, ежедневно, навсегда,
 И избѣженъ былъ тѣхъ грозы, богоборцевъ тѣхъ слѣда,
 И святыхъ я призывалъ первобытныхъ тѣхъ отцовъ.
 Монастырь кто основалъ и ихъ потомныхъ остальцовъ.
 Конъ жительства всѣ мѣры тѣхъ хранили навсегда,
 Что не приняли той вѣры, гдѣ душевна есть бѣда.
 Вѣрно, ясно обличали, что насѣялъ въ то драконъ,
 Муки горьки пострадали за Христовъ святой законъ.

¹⁾ Англичанъ въ 1854 году.

Простиралъ я къ тѣмъ моленье и просилъ ихъ какъ отца,
 Чтобы простить мнѣ согрѣшенье, умолить о томъ Творца.
 И не быть-бы въ этой мѣрѣ, что несносной есть судьбой,
 Но служить-бы въ правой вѣрѣ при любимыхъ вѣрно мной.
 Тѣхъ утѣшить въ скорби тѣсной и оправдать ихъ тѣмъ,
 Это знаетъ Богъ небесный, быть желаютъ они съ кѣмъ.
 Охранялъ кто церковь вѣрныхъ отъ всѣхъ публики враговъ,
 Заточенъ есмь отъ зловѣрныхъ, разлученъ своихъ друзей,
 Съ кѣмъ имѣлъ расположенье и всю преданность хранилъ,
 И давалъ надъ тѣмъ сужденье, какъ Сусаннѣ Даниилъ.
 Свобождалъ тѣхъ всякой мѣры отъ неправившихъ судей,
 Что измыслилъ (?) правой вѣры фанатизмъ грубыхъ людей.
 Конхъ видѣтъ онъ желаетъ и разгнать въ нихъ скорби мракъ
 Конхъ письмамъ утѣшаетъ, для вѣрности имъ знакъ (?)
 Ихъ любовь не забываетъ и въ несчастной той судьбѣ
 Навсегда ихъ поминаетъ и держимый въ той судьбѣ.
 Чтожъ Всевышній устрояетъ внять молитвамъ и слезамъ,
 Явну милость простираетъ очевидно всѣмъ глазамъ.
 Посылаетъ въ ту обитель высочайша всѣхъ людей,
 Кто россиянъ есть правитель и начальникъ всѣхъ судей ¹⁾.
 Онъ ходилъ, смотря обитель, быстрымъ шагомъ ногъ своихъ,
 Какъ отецъ, и не мучитель посѣщалъ тамъ и острогъ,
 Былъ со членомъ самолично въ самыхъ каморахъ того,
 И сказалъ при всѣхъ публично, нужно выпустить сего.
 Отвѣщалъ за мя несчастна странъ поморья архирей ²⁾,
 Оправдалъ мя быть подвластна трону сѣверныхъ царей.
 Тѣмъ я духъ свой оживилъ и въ надежды планъ пришлоъ,
 И не много въ замкѣ былъ, во обитель жить взошлоъ.
 Видя дѣло во успѣху, что мнѣ Вышній назначалъ
 И еще послалъ утѣху, вдругъ я ближнихъ тамъ встрѣчалъ.
 Тогда оныхъ я цѣлуя въ духѣ радостныхъ лучей,
 И въ восторгѣ ужъ ликуя, пусть слезы изъ очей.
 Видя явно Бога милость и любовь своихъ друзей,
 Это ясно изъявилось, что избуду рукъ враговъ.
 Въ томъ не много провождали, въ путь готовися идти,
 Свои вещи забирали, что возможно унести.
 Вышній, видя нашу немочь, послалъ помощь въ нашъ уходъ,
 Явилъ случай въ явну помощь, вдругъ пришелъ тамъ пароходъ
 Такъ подъ видомъ пассажировъ, вещь не трудная была,
 Черноризныхъ тѣхъ кумировъ изъ среды насъ извела.
 Богомольцами вмѣнились, кто мнѣ вѣрные слуги,
 Такъ навѣрно въ томъ прельщались насъ и Бога всѣхъ враги.
 Что во внутренности насъ, это знать тѣмъ не дано,
 И табашна носа глазъ почиталъ всѣхъ за одно,

¹⁾ Здѣсь разумѣется посвященіе Соловецкаго монастыря императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ 1858 году.

²⁾ Епископъ архангельскій Александръ, бывший соловецкій архимандритъ.

Чѣмъ весьма было не трудно ту судьбу намъ окончатъ,
 Гдѣ стояло нашихъ судно, къ тому путь свой совершатъ.
 Первымъ долгомъ мы на ономъ оградилися крестомъ.
 Все управя, что при ономъ, парусъ подняли на томъ.
 Креста силой живоносной все способно было намъ,
 Быль и вѣтръ весьма попутной и доставилъ скоро тамъ.
 Въ вѣдрахъ моря мы имѣли кратко время продолжать,
 Знаки въ пользу нашей цѣли Вышній началъ выражать.
 Гдѣ пристанище намъ было у любимыхъ намъ людей,
 Первымъ долгомъ, это мило, что избывши рукъ судей,
 Кон вѣрныхъ истязаютъ какъ преступниковъ всеалыхъ,
 Казни тяжки налагаютъ съ разлученьемъ всѣхъ родныхъ.
 А кто добрыхъ всѣхъ лишившись, тотъ и вѣрнѣсть есть для тѣхъ,
 Табакъ нюхать изучившись, православнѣе тотъ всѣхъ,
 Конхъ дѣло исправленье, праву вѣру разрушатъ,
 Только въ томъ и утѣшенье,—табакъ въ носы набивать.
 Въ перво(мъ) мѣстѣ мы прибывши, себѣ спутники наши,
 Одинъ день притомъ проживши, прямихъ трактомъ ужъ пошли.
 Въ помощь Бога призывая и молитвы святыхъ всѣхъ,
 Тѣмъ всѣхъ вредныхъ избывали—въ томъ и былъ нашъ весь успѣхъ.
 Такъ пріавши вѣрнѣку вѣру и Владыку Бога всѣхъ,
 Тѣмъ скончалъ я скорбныхъ мѣру, ужъ избывши оныхъ всѣхъ.
 Въ церкви вѣрныхъ торжествуя, слава Бога и святыхъ,
 И съ любимымъ всѣмъ ликуя, напишю этотъ стихъ.
 Нужно вѣрять въ промыслъ Бога и быть вѣрнымъ для того,
 Не страшиться чтобъ острога, вездѣ промыслъ есть Его.
 Аминь.

Мѣщанинъ посада Воронка, Черниговской губерніи, Григорій Медвѣдевъ, по подозрѣнію въ исправленіи обязанности раскольническаго уставщика при отцѣ своемъ, находившемся въ безвѣстной отлучкѣ, лжепопѣ Степанѣ Медвѣдевѣ, предварительно съ 1854 по 1857 г. сидѣлъ въ харьковскомъ тюремномъ замкѣ, въ секретномъ отдѣленіи, гдѣ отъ него допытывались о мѣсто-нахожденіи его отца, но не узнавъ ничего, по высочайшему повелѣнію, въ 1857 г. усади въ Соловецкій монастырь, подъ строжайшій надзоръ. По прибытіи въ Соловки, онъ изъявилъ желаніе принять единовѣріе и священство, и въ 1859 году былъ освобожденъ.

Въ 1857 г. самарскій мѣщанинъ Лазарь Шепелевъ „за противузаконные по расколу проступки“ присланъ въ Соловки подъ строжайшій надзоръ. Въ Соловкахъ онъ былъ помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ тюрьмы, особо отъ всѣхъ арестантовъ.

Проживъ ровно годъ въ казематѣ, „отъ старости и дряхлости волею Божіею умре“. Умеръ не раскаявшись.

Въ 1861 г. посланъ въ Соловки подъ строжайшій надзоръ священникъ Ѳеодоръ Померанцевъ за неправильное толкованіе крестьянамъ высочайшаго манифеста объ освобожденіи ихъ отъ господъ.

Отношеніе архангельскаго губернатора, при которомъ былъ присланъ Померанцевъ, такъ объясняетъ его вину:

Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, села Студенки, священникъ Ѳеодоръ Померанцевъ оказался виновнымъ въ неправильномъ толкованіи крестьянамъ имѣнія графа Уварова высочайше утвержденного 19 февраля 1861 года манифеста. Вслѣдствіе необузданнаго и предосудительнаго образа дѣйствія священника Померанцева крестьяне деревни Черная, графа Уварова, оказали неповиновеніе и ослушаніе, дошедшее потомъ до возмущенія, которое прекращено только силою воинской команды. Командированный по высочайшему повелѣнію свиты е. и. в. генералъ-маіоръ Дренякинъ, на основаніи высочайше дарованнаго права рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію, приговорилъ священника Померанцева, вдовца, какъ очевидно вреднаго и виновника столькихъ бѣдствій, какія произошли отъ неправильнаго толкованія манифеста, въ примѣръ прочимъ отправить въ Соловецкій монастырь. Съ этимъ рѣшеніемъ генерала Дренякина согласился и генералъ-адъютантъ Ефимовичъ, командированный въ Пензенскую губернію для прекращенія возникшихъ между крестьянами безпорядковъ.

Померанцевъ былъ посланъ при отношеніи архангельскаго губернатора, а со стороны духовной власти о немъ не было никакого распоряженія. Когда черезъ годъ соловецкій архимандритъ, донося въ синодъ о примѣрномъ поведеніи Померанцева, просилъ разрѣшить ему священнослуженіе, то синодъ отвѣчалъ, что оно и не было никогда запрещено ему. Въ 1863 году, по представленію архимандрита Порфирія о слабости здоровья Померанцева и вредности для него соловецкаго климата, онъ былъ переведенъ въ Суздальскій монастырь. По всему было видно, что духовное начальство скорѣе сожалѣло объ участи Померанцева, нежели гнѣвалось на него.

На этомъ я кончю длинный трехсотлѣтній скорбный листъ этихъ несчастныхъ людей, изъ числа которыхъ, какъ видѣли читатели, было много душевно-больныхъ; дѣла слѣдующихъ годовъ не представляютъ еще старины, да нѣкоторыя изъ нихъ еще и въ архивъ не сданы, а потому ихъ мы не касаемся.

Послѣдній арестантъ Давидовъ, хотя выпущенъ изъ тюрьмы еще въ октябрѣ 1883 года, но до сихъ поръ (май 1887 г.), находится въ Соловкахъ подъ надзоромъ.

Списокъ дѣлъ, касающихся арестантовъ, хранящихся въ соловецкомъ архивѣ и ризницѣ:

- № 295. Грамота Макарія митрополита, излагающаго вину и осужденіе игумена Артемія 1554 г.
 Грамоты Филарета партіарха о ссылкѣ:
 № 2. Феодора Семенскаго 1623 г.
 № 3. Дьякона Ефрема 1627 г.
 № 4. Старца Пахома Нащокина 1627 г.
 № 6. Дьячка Васьки Маркова 1628 г.
 Грамоты духовныхъ особъ: №№ 133, 135, 139, 147, 150, 216, 217, 226, 281, 235, 244, 247, 278, 286, 294, 301.
 № 1. Указы и распоряженія Петра I.
 № 159. Дѣла арестантскія VIII ст., больш. связка.
 № 161. Дѣла, по секрету производимыя.
 № 163. Дѣла провинціаль-инквизиторовъ разныхъ годовъ.
 № 750. О крестьянинѣ Нязовѣ за оскорбленіе святыни, 1825 г. началось.
 № 947. О наставникахъ московск. старообр. владб. Гнусинѣ и Федотовѣ 1823 года.
 № 948—9. О бродягахъ Егорѣ Ивановѣ и Иванѣ, не признающихъ власти и религіи 1830—1835 гг.
 № 950. О дворовомъ человѣкѣ Подшиваловѣ за подбрасываніе писемъ 1830 года.
 № 691. О московск. купцѣ П. Курьяковѣ—за убійство сестры своей 1827 года.
 № 693. О рядовыхъ Никитинѣ и Дементьевѣ—за расколъ 1830 г.
 № 694. О рядов. Потайниковѣ—за заблужденія въ понятіи св. Писанія.
 № 745. О рядов. Евсѣевѣ, Яковлевѣ, Лобановѣ и Дружинѣ—скопцахъ 1835 года.
 № 747. О старообр. Львѣ Павловѣ 1835 г.
 № 749. О побѣгѣ изъ монастыря монаха Теофила, оказавшагося оскпленнымъ.
 № 751. О крест. Безтолченовѣ—за кровосмѣшеніе.
 № 796. О Шумскомъ.
 № 799. Объ отставн. солдатѣ Ив. Кузнецовѣ—за распространъ раскола 1820 года.

- № 800. О свящ. Семеновъ—за произнесеніе дерзкихъ словъ 1838 г.
- № 1,139. Объ учителѣ Воскресенскомъ—за богохульные слова 1825 г.
- № 1,308. О поручикѣ Горожанскомъ—за дерзкій поступокъ 1831 г.
- № 1,309. Объ іеромонахѣ Іеронимѣ—за доносы и сварливый характеръ 1834 года.
- № 1,310. О пахотн. солдатахъ Герасимовѣ, Павловѣ, Ефимовѣ—за старообрядчество 1831 г.
- № 1,311. О лишѣнн. священства Спиридонѣ Ивановѣ—за нарушеніе спокойствія церкви и совращеніе другихъ въ расколъ.
- № 1,171. О полковникѣ Ганнибалѣ—за буйство и дерзости 1827 г.
- № 1,173. Объ іеромонахѣ Иларіи (Вас. Волковѣ)—за расколъ 1836 г.
- № 994. О свящ. Лавровскомъ, обвиняемомъ въ подбрасываніи возмутительныхъ листовъ по Владимірской губ. 1831 г.
- № 1,261. О военн. посел. Хоменко—за объявленіе нелѣпостей 1834 г.
- № 1,679. Объ эсаулѣ войска донскаго Евламп. Котельниковѣ—за отступленіе отъ православной вѣры.
- № 2,200. О свящ. Померанцовѣ—за неправильное толкованіе манифеста 1861 года.
- № 2,202. Объ игуменѣ Израилѣ—за измѣненіе чина св. церкви и распространіе еретической своей вѣры въ Сибиріи 1833 г.
- № 1,967. О вахтерѣ Бураковѣ—за отпаденіе отъ христіанства 1853 г.
- № 2,945. О заключенн въ Соловецк. монастырь студента духовн. академіи Яхонтова съ постриженіемъ въ монашество подъ именемъ Ирнарха 1864—7 гг.
- № 3,115. О крест. Макс. Рудометкинѣ—за открытіе своей секты 1859—71 гг.
- № 3,116. О московск. мѣщ. Дм. Кричинѣ—за расколъ.
- № 3,241. О штабсъ-капит. Созоновичѣ—за скопчество.
- № 3,273. О крест. Иванѣ Скутинѣ—за порицаніе вѣры, иконъ и произнесеніе оскорбительныхъ словъ на счетъ особы его величества 1860—66 гг.
- № 3,276. О крест. Ег. Воронинѣ—за расколъ 1861—66 гг.
- № 3,481. О крест. Антонѣ Дмитріевѣ—за оскорбленіе себя 1878—1880 гг.
- № 4,516. О пермскомъ мѣщ. Адрианѣ Пушкинѣ—за распространіе особой религіозной секты 1866—82 гг.
- № 4,517. О крест. Тверск. губ. Яковѣ Потаповѣ—за участіе въ демонстраціи 6 декабря 1876 г., 1879—82 гг.
- № 4,518. О крест. Ярославск. губ. Матв. Григорьевѣ—по приговору особаго присутствія сената 18—25 января 1877 г.—за государств. преступленіе 1879—82 гг.
- № 4,522. О капитанѣ Ильинѣ—за основаніе на Уралѣ религіозной секты 1859—83 гг.
- № 4,519. Оношеніе тов. оберъ-прокур. св. синода объ усиленіи надзора надъ арестантами.

Вѣдомость объ арестантахъ, содержащихся въ соловецкой тюрьмѣ, поданная командированному изъ С.-Петербурга по высочайшему повелѣнію подполковнику корпуса жандармовъ Озерецковскому, въ 1835 году.

1) Семень Шубинъ, крестьянинъ Вятск. губ., Орловск. уѣзда, содержится съ 1812 г. По рѣшенію прав. сената и высочайшей конфирмаціи за старообрядчество и богохульные слова на св. дары и церковь. Къ обращенію въ православіе по непреклонности его къ сему нѣтъ надежды впредь.

2) Антошъ Дмитріевъ, крестьянинъ гр. Головкина, съ 1818 г. По высоч. повелѣнію заключенъ навсегда за оскотленіе себя и своего господина графа Головкина и за распространеніе сей зловерной секты. Къ раскаянію въ своей ереси непреклоненъ; живетъ скромно.

3) Иванъ Кузнецовъ, отставной солдатъ, съ 1820 г. По высоч. повелѣнію за совращеніе въ расколъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Къ раскаянію непреклоненъ; живетъ смиренно.

4) Семень Кононовъ, спб. мѣщанинъ, съ 1822 г. По высоч. повелѣнію за обращеніе въ скопческую секту. Къ раскаянію непреклоненъ; подозритель въ многомъ зловеріи. Поведенія очень грубаго.

5) Иванъ Ивановъ, 6) Клементій Григорьевъ и 7) Иванъ Низовцевъ, бывшіе рядовые 34 егерскаго полка, съ 1823 г. По высоч. повелѣнію за скопческую секту. Къ раскаянію непреклонны; живутъ смиренно.

8) Гнусинъ и 9) Федотовъ, наставники московск. преображ. кладбища, съ 1823 г. По высоч. повелѣнію за распространеніе раскольничества; къ удержанію отъ сего предписано содержать ихъ подъ строгимъ карауломъ. Къ раскаянію не мало непреклонны; живутъ смиренно.

10) Варфол. Павловъ, Калужской губ. экон. крестьянинъ, съ 1823 г. По высоч. повелѣнію за оскотленіе себя. Къ раскаянію непреклоненъ и еще болѣе старается укоренить себя въ ереси.

11) Степанъ Евсѣевъ, 12) Алек. Яковлевъ и 13) Игн. Дружининъ, рядовые 34 егерскаго полка, съ 1823 г. По конфирмаціи главноком. 2-й арміи по высоч. повел. за скопческую ересь. Къ раскаянію непреклонны, изъ конхъ Дружининъ пришелъ было къ раскаянію, но опять остался въ той ереси; живутъ смиренно.

14) Василій Воскресенскій, бывшій учитель новоржевскаго приходскаго училища, съ 1825 г. По высоч. повел. на всю жизнь за дерзкія и богохульные слова. Раскаялся и присоединенъ къ православію; живетъ смиренно.

15) Василій Кудимовъ, изъ бродягъ, съ 1825 г. По высоч. повелѣнію за отступленіе отъ православна вѣры и надругательство надъ иконами, который вовсе лишился зрѣнія. Раскаялся и присоединенъ къ православію; живетъ смиренно.

16) Иванъ Низовъ, крестьян. Нижег. губ., Бнягин. уѣзда, съ 1825 г. По высоч. повел. за отступленіе въ расколъ и совращеніе въ оный другихъ. Раскаялся и присоединенъ къ православію, но по предписанію синода остается еще впредь до усмотрѣнія; живетъ смиренно.

17) Иванъ Кузнецовъ, изъ Финляндіи крестьянинъ, съ 1825 г. По высоч. повелѣнію за раскольническую ересь. Къ раскаянію не преклоненъ; живетъ смирно.

18) Евлампій Котельниковъ, есаулъ донскаго войска, съ 1826 г. По высочайш. повелѣнію за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ и богопротивныя дѣянія. Былъ раскаявшись, но ложно, въ надеждѣ на освобожденіе, ибо опять остался въ своей ереси, и надежды къ обращенію нѣтъ. Права самаго сварливаго, притворнаго, клеветливаго и лживаго.

19) Егоръ Афонасьевъ, Саратовск. губ., Актор. уѣзда, съ 1826 г. По высоч. повел. за убійство малолѣтнаго своего сына и отступленіе отъ православія въ расколъ. Непреклоненъ къ раскаянію; живетъ смирно.

20) Николай Поповъ и 21) Мих. Критскій, бывшіе студенты московск. университета, съ 1828 г. По высоч. повел. по изобличеніи ихъ въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ. Критскій во все время живетъ смирно, а Поповъ иногда оказываетъ грубости, во нравѣ вздоренъ.

22) Алексѣй Степановъ, бывшій священникъ, лишенный навсегда сего сана, съ 1828 г. По опредѣленію синода на груды монастырскіе за законопротивныя поступки, нетрезвость, буйство и побѣгъ къ раскольникамъ со вступленіемъ въ ихъ секту. Раскаялся и присоединенъ къ православію; жизнь проводитъ постоянную.

23) Петръ Потаповъ, мастеровой модиковскаго чугунаго завода, съ 1828 г. На вѣчное содержаніе за убійство въ припадкѣ сумасшествія отца своего Потапа Ѳ. и жены его Парасковьи. Находится въ высшей степени сумасшествія, о коемъ представлено въ св. синодъ объ отсылкѣ куда слѣдуетъ для леченія.

24) Иванъ Понасенко, малолѣтній казачій сынъ, съ 1829 г. По опредѣленію сената на 15-лѣтній срокъ въ работы за убійство 8 мѣсячной дѣвочки Имѣетъ нынѣ отъ роду 16 лѣтъ. Живетъ смирно; за раскаяніе, по опредѣленію синода, допускается къ причастію св. таинъ.

25) Чиновникъ 8 класса Крестинскій, съ 1830 г. По высоч. повелѣнію за совращеніе себя, жены своей и дѣтей въ раскольническую ересь безпоповщины. Остается понинѣ въ нераскаяніи и духовное начальство злословить, не приема увѣщаній.

26) Степанъ Сергѣевъ, крестьянинъ помѣщика Дурново, съ 1830 г. По высоч. повел. за крещеніе себя двухперстнымъ сложеніемъ по раскольнически, рассказы нечѣпостей отъ религіознаго вступленія. Живетъ смирно; но двухперстнаго сложенія креста не хочетъ никогда оставить.

27) Егоръ Ивановъ, изъ бродягъ, съ 1830 г. По высоч. повелѣнію для употребленія въ работы за сокрытіе своего званія и непризнаваніе никакихъ властей. Называетъ себя Христовымъ только странникомъ. Углубленъ въ раскольничество и понинѣ не открываетъ, кто онъ такой. Работать по старости не можетъ.

28) Ѳеодоръ Рабочій, военный поселянинъ псковскаго округа, съ 1830 г. По высоч. повел. для показанія на всю жизнь за убійство имъ въ скрытномъ сумасшествіи 3-хъ своихъ дочерей и роднаго брата, покушеніе произвести многія убійства. Находится нынѣ въ сильномъ сумасшествіи и даже пометъ свой употребляетъ съ пищею. Представлено о немъ св. синоду для отсылки куда слѣдуетъ.

29) Федоръ Подшиваловъ, дворовый челоувѣкъ вн. Лобанова-Ростовскаго, съ 1830 г. По высоч. повел. за мнѣніе его о религіи и гражданскомъ устройствѣ, обнаруживающія превратность идей его о сихъ предметахъ и нѣкоторое въ умѣ устройство. Былъ раскаявшись, но послѣ по помѣшательству разсудка началъ толковать сумасбродные свои сны, которое приходитъ къ нему по временамъ полагать надо. Живеть смирно.

30) Горожанскій, поруч. 7 оренб. лин. батал., съ 1831 г. По высочайш. повел. за дерзкій поступокъ и произнесеніе неприличныхъ словъ на счетъ особы его величества. Будучи здѣсь, закололъ до смерти въ скрытномъ своемъ сумасшествіи часоваго солдата. Представлено о немъ св. синоду для отсылки куда слѣдуетъ для леченія.

31) Василій Герасимовъ, 32) Арх. Павловъ и 33) Зах. Ефимовъ, старо-обрядцы, не служащіе инвалиды округовъ военного поселенія, съ 1831 г. По высоч. повел. присланы навсегда за распространеніе раскола и покушеніе къ побѣгу изъ старорусскаго Спасо-Преображенскаго монастыря. Непремолонны къ раскаянію; живутъ смирно.

34) Яковъ Кирилловъ, кантонистъ, съ 1832 г. По конфирмаціи управленія главн. штабомъ по военному поселенію присланъ на 15-лѣтній срокъ въ работу за нападеніе въ полѣ съ топоромъ на инвалида Васильева съ намѣреніемъ убить его и ограбить. Ведеть жизнь изрядно.

35) Свящ. Лавровскій, владимірской епархіи г. Муромъ, съ 1832 г. По высоч. повел. для исправленія и покаянія по подозрѣнію на него въ подкидываніи по разнымъ мѣстамъ Владимірской губ. возмутительныхъ листовъ. По увѣщаніямъ не признается ни въ чемъ и знаетъ, яко-бы за что сюда посланъ.

36) Михайло Курочкинъ, послушникъ Коневскаго монастыря, съ 1833 г. По высоч. повел. за отлучку изъ Конева въ С.-Петербургъ въ помѣшательствѣ разсудка съ письменными нелѣпными предсказаніями. Помѣшанъ на лжепророчествѣ, но предсказанія его не сбываются; живеть смирно.

37) Федоръ Шершневъ, пахотный солдатъ, съ 1833 г. По высоч. повел. за вторичное обращеніе изъ православія въ расколъ. Раскаялся и присоединенъ къ православію, но по предписанію синода остается еще впредъ до усмотрѣнія.

38) Иванъ Смирновъ, рядовой, бывш. въ Валаамскомъ монастырѣ служителемъ, съ 1833 г. По высоч. повел. за побѣгъ изъ Валаамскаго монастыря, коего предписано держать подъ строгимъ надзоромъ. Содержится съ арестантами на общемъ положеніи.

39) Спечинскій, отставной корнетъ, съ 1833 г. По высоч. повелѣніи за развратное поведеніе, пьянство и буйство, по жалобѣ о семь отца его, пока утвердился въ доброй нравственности и особенно въ правилахъ нашей религіи. Жизнь понинѣ ведеть смирную.

40) Федоръ Хоменко, военный поселенинъ, съ 1834 г. По высоч. повел. присланный по секрету для содержанія подъ присмотромъ, а за что именно— не сказано. Живеть смирно.

41, 42, 43) Кузьма и Филиппъ Макѣевы и Тарасъ Семеновъ, пахотные солдаты, съ 1834 г. По высоч. повел. за несогласіе ихъ крестить дѣтей своихъ по обряду православной церкви. Живуть смирно, но ереси своей не оставляють.

44) Иванъ Безтолченовъ, крест. Тамбовск. губ., съ 1834 г. По опредѣленію синода за кровосмѣшеніе со снохою своею присланъ для выполненія епитиміи на 7½ лѣтъ, который посему и употребляется въ труды монастырскіе безъ заключенія въ острогъ.

45) Израиль, бывшій игуменъ Селенгинскаго монастыря, Иркутск. губ., съ 1834 г. Заключенъ здѣсь навсегда по высоч. повел. за введеніе имъ новой секты съ ученіемъ, противнымъ ученію св. церкви и проч.

46) Діом. Григорьевъ и 47) не помнящій родства Василій, бѣглецы крест. кн. Вяземскаго, съ 1835 г. Присланы во исполненіе положенія о нихъ комитета г. министровъ.

48) Левъ Павловъ, съ 1835 г. Присланъ по секретному отношенію арх. губ. правленія изъ востромской градск. полиціи за старообрядчество.

49) Незвѣстный бродяга, называющій себя Ивановымъ, ожидается еще присылкою. По положенію комитета г. министровъ за непризнаваніе св. угодниковъ, государя императора и начальственной власти.

50) Ивалидъ Мелетій Мининъ, ожидается еще присылкою. По высоч. повел. за совращеніе военныхъ поселянъ изъ православія въ расколъ.

Его превосходительству и. д. оберъ-прокурору св. синода г-ну тайному совѣтнику и навалеру Александру Ивановичу Карасевскому. Настоятеля Соловецкаго монастыря архимандрита Александра

Донесеніе.

Во исполненіе секретнаго предписанія вашего п—ва, отъ 21-го іюня сего года за № 3285 послѣдовавшаго ко мнѣ, имѣю честь почительнѣйше представить вашему п—ву вѣдомость о лицахъ, заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ, съ подробнымъ о каждомъ изъ нихъ описаніемъ, и мнѣніемъ мнѣ, помѣщеннымъ въ послѣдней графѣ.

Долгъ имѣю почительнѣйше доложить вашему п—ву, что я не упускаю сколько можно чаще посѣщать ихъ для увѣщанія къ обращенію на путь истины отъ заблужденія, по свойству каждаго. Сверхъ того, къ просвѣщенію ихъ знанія православной нашей вѣры даются грамотнымъ для чтенія книги духовныя изъ монастырской бібліотеки. Помощника же изъ братіи для увѣщанія арестантовъ я не имѣю: малоученые неспособны, а ученые сами заражаются (что и было къ несчастію на опытъ) отъ хитрыхъ, злоковарныхъ и способныхъ завлекать своею притворно-лицемѣрною невинностію и смиреніемъ въ свои жемудрованія, и это неизлечимая язва, если членъ братства впадетъ въ прелесть, согласится повѣрить еретику.

На случай заболѣвающихъ, врачеванія имъ здѣсь не бываетъ по немнѣнію ни медиковъ, ни лекарствъ; впрочемъ, нынѣ заключенные находятся въ положеніи здоровомъ отъ спокойнаго житія и хорошей пищи, которая дается братская. Но если впадалъ кто въ сумасшествіе, такіе отиравались съ разрѣшенія высшаго начальства въ назначенныя гражданскія больницы для излѣченія, но при мнѣ больныхъ не было.

Съ глубочайшимъ чувствомъ безпредѣльной преданности и совершеннаго высокопочитанія, имѣю честь быть и проч. Архимандритъ Александръ.

Іюля 28-го дня 1855 г. № 239.

1) Семень Шубинъ, Вятской губерніи государственный крестьянинъ, отъ роду 88 лѣтъ, содержится съ 1812 г. мая 31-го.

Содержится по высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей на рѣшеніе правительствующаго сената за старообрядчество и произнесеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ. Срокъ заключенія не назначенъ.

Отъ старости лѣтъ не выходитъ никуда изъ келіи, большею частію лежить въ постелѣ; въ баню возятъ на лошади.

Пища дается братская.

Малограмотенъ и книгъ не читаетъ, кромѣ собственной псалтыри; въ церковь никогда не ходитъ по ненависти къ ней.

Одержимъ давнею грыжею, безъ врачеванія ея, по неизмѣннѣ здѣсь ни медиковъ, ни лекарствъ.

Понятія отъ невѣжества тупаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія при всякомъ случаѣ дѣлаются, но онъ, состарившись въ ереси, не принимаетъ ихъ и безнадеженъ къ раскаянію; права ропотливаго и сварливаго.

По укорененію въ ереси и за старостію долженъ оставаться въ теперешнемъ его положеніи.

2) Крестьянинъ гр. Головкина Антонъ Дмитріевъ, отъ роду 81 года, съ 1818 г. іюня 5-го.

По высочайшему повелѣнію за оскопленіе себя и распространеніе этой секты. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридоръ, а лѣтомъ на дворъ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Неграмотенъ и книги слушаетъ только при чтеніи другими, въ церковь Божію не ходитъ.

Здоровъ.

Понятій скрытныхъ, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но имъ не принимаются, и безнадеженъ къ раскаянію; ведетъ себя смирно.

По его ереси, опасной другимъ, долженъ оставаться въ заключеніи.

3) С.-петербургскій мѣщанинъ Семень Коконовъ, отъ роду 64 лѣтъ, съ 1822 г. мая 23-го.

По высочайшему повелѣнію за обращеніе въ скопческой сектѣ и законсвѣніе въ пагубныхъ заблужденіяхъ. Срскъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридоръ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а особенно Новый Завѣтъ, опираясь своимъ понятіемъ на 19 главу евангелиста Маттея. Въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятій коварныхъ, скрытныхъ; разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ отнюдь не принимаетъ ихъ и давно уже объявилъ рѣшительно, что не перемѣнитъ себя. Нравственности иногда дерзкой, лстивъ, хитръ, лицемѣренъ и безнадеженъ къ раскаянію.

Долженъ остаться въ заключеніи, яко опаснѣйшій изъ скопцовъ, и весьма вреднымъ можетъ быть обществу своимъ ученіемъ.

4) Саратовской губерніи, Актор. округа, помѣщ. Гурьевой крестьянинъ Егоръ Афанасьевъ, отъ роду 81 года, съ 1826 г. іюля 1-го.

По высочайшему повелѣнію за неисполненіе имъ духовной эпитиміи за убіеніе малолѣтняго своего сына и отступленіе отъ православія въ расколъ, который покусился было и здѣсь распространять арестантамъ. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридоръ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, но въ церковь не ходитъ; по его толку церковь не существуетъ и таинства нѣтъ, потому не признаетъ ее.

Здоровъ.

Понятія отъ невѣжества тупаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ, не повинувся матери нашей церкви, твердо стоитъ въ своей ереси или толкѣ, называемомъ нѣтовщиною. Ведетъ себя скромно.

Долженъ остаться въ заключеніи.

5) Крестьянинъ Калужской губерніи помѣщика Дурново Степанъ Сергѣевъ, отъ роду 57 лѣтъ, съ 1830 г.

По высочайшему повелѣнію за крещеніе себя старообрядчески двуперстнымъ сложеніемъ, рассказы нечѣстей, происходящихъ отъ религіознаго изступленія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ корридоръ, а лѣтомъ на дворъ арестантскій.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь въ праздники и воскресные дни ходитъ неупустительно.

Здоровъ.

Понятія тупаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ отъ привычки своей разсказывать другимъ лживыя свои пророчества не отстаетъ, да и креститься двуперстнымъ сложеніемъ не оставляетъ; ведетъ себя смиренно.

По не совершенному раскаленію въ заблужденіи своемъ и страсти къ лживымъ своимъ пророчествамъ не можетъ быть освобожденъ.

6) Бывшій игуменъ Селенгинскаго монастыря, лишенный игуменства, священства и монашества Израиль, отъ роду 61 годъ, съ 1834 г. мая 29-го.

По высочайшему повелѣнію за введеніе имъ новой секты съ ученіемъ противнымъ святой нашей церкви и прочія богопротивныя его дѣйствія. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ и свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, ходитъ въ церковь ко всякимъ службамъ.

Здоровъ.

Умъ имѣетъ съ хорошими понятіями, но отъ высокоумія о себѣ и лжемудрованія преданъ духовной прелести, вѣруетъ, что благодать Божія въ немъ дѣйствовала и она-же спасетъ его.

Увѣщанія дѣлаются, но не дѣйствуютъ на него къ чистосердечному

сознанію преступленія его, пристрастенъ къ вѣрованію своимъ движеніямъ внутренняго духа, по которымъ онъ, яко отъ благодати, по его мнѣнію, происходящимъ, слѣдовалъ во всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ и не сознаетъ себя виновнымъ, а правымъ. Ведетъ себя смирно.

По его скромной жизни и усердію къ храму Божию и молитвѣ, и что онъ ни кому не передаетъ своихъ заблужденій, всегда болѣе молчитъ, чѣмъ разговариваетъ, можно его перемѣстить въ монастырь московской или казанской епархіи, подѣ присмотрѣ однихъ послушниковъ, гдѣ онъ изъ уваженія къ архипастырямъ тѣхъ губерній можетъ раскаяться совершенно подѣ надзоромъ умнаго увѣщателя.

7) Крестьянинъ Ярославской губерніи Феопситъ Никитинъ, 37 лѣтъ, съ 1848 г. мая 30-го.

По высочайшему повелѣнію за непреборимое упорство въ своихъ вредныхъ мнѣніяхъ: о благословенномъ крестѣ, духовной пѣсни аллилуіа и другихъ религиозныхъ предметахъ и дерзкія политическія разсужденія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Не выпускается изъ келіи по причинѣ ревности его разсѣвать другимъ заблужденія свои, въ коихъ самъ упорно пребываетъ, развѣ за пищу, дровами и въ баню.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ.

Увѣщанія дѣлаются объ оставленіи имъ принятыхъ несправедливыхъ мнѣній, но онъ, не внимая сему, остается непреклоненъ, ревностно защищаетъ ихъ и объявилъ рѣшительно, что не перемѣнитъ своей вѣры. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

8) Губернскій секретарь Іосифъ Дыбовскій отъ роду 49 лѣтъ, съ 1848 г. сентября 25-го.

По высочайшему повелѣнію изъ кемской городской тюрьмы за дерзость и богохульство. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ и свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книгъ не читаетъ, а только однѣ газеты.

Здоровъ.

Понятія хорошаго, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ, кажется отъ болѣзненнаго состоянія, которому въ Соловецкой обители не пособить.

Увѣщанія дѣлаются съ напоминаніемъ его латинской религіи, но не дѣйствуютъ на него; называетъ себя вѣры еврейско-христіанской, иконы въ свою комнату не принимаетъ, на вѣрность подданства присяги не захотѣлъ выполнить. Характера раздражительнаго, вспыльчиваго и ожидаетъ какихъ-то событій по своимъ таинственнымъ замѣчаніямъ отъ болѣзненнаго состоянія.

Если-бы правительство учинило распоряженіе о переводѣ его въ монастырь католическій или въ городъ, гдѣ есть католическій священникъ, то его скорѣе можно-бы привести въ нравственное и физическое состояніе и

полный разсудокъ, а въ настоящемъ его теперь заключеніи не можно врачевать его духовно; онъ заслуживаетъ снисхожденія на перемѣщеніе и облегченіе его участи.

9) Крестьянинъ Калужской губерніи помѣщика Быстрова Иванъ Сорочкинъ, называющій себя по расколу монахомъ Иракліономъ, 68 лѣтъ, съ 1849 г. мая 21-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольниковство. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а гѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, а въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ столь ревностно держится раскола, что рѣшительно отозвался не оставлять его, и чтобъ не трудиться увѣщевать его, потому что какъ предки его въ такой вѣрѣ были, такъ и онъ пребудетъ въ ней. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

10) Государственный крестьянинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, деревни Абрамовой Емельянъ Климовъ (по женочечски Елисей), 57 лѣтъ, съ 1850 г. іюня 2-го.

По высочайшему повелѣнію за бродяжничество и противозаконныя по расколу поступки. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а гѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Неграмотенъ, въ церковь ходитъ.

Здоровъ.

Понятія тупаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщаніямъ не внимаетъ и остается непреклоннымъ въ своемъ расколѣ; объявляетъ, что какъ предки его въ томъ были, такъ и онъ будетъ. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

11) Иванъ Голицынъ изъ солдатскихъ дѣтей, бывшій полковой писарь, находившійся въ арестантской ротѣ въ Свеаборгской крѣпости и въ бытность свою наказанный двукратно за разныя преступленія шпицрутенами, а въ 1850 г. выключенъ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское за достиженіемъ тогда отъ роду 50 лѣтъ, а нынѣ ему 55 лѣтъ, съ 1850 г. августа 20-го.

По высочайшему повелѣнію за пребываніе въ ереси и отрицаніе таинствъ исповѣди и святаго причащенія. Срокъ заключенія не назначенъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а гѣтомъ во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книгъ не читаетъ, только псалтырь держитъ въ келіи, отзывается, что все знаетъ, въ церковь никогда не ходитъ, таинствъ не принимаетъ и не вѣритъ ни чему.

Здоровъ.

Понятія хорошаго, но прельщенъ своимъ жемудрованіемъ.

Увѣщанія ему дѣлаются, но не имѣютъ на него дѣйствія, присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выолнить, хотя ведетъ себя смирно, но характера очень надмѣннаго. Имѣетъ сильное влеченіе и способность съ охотою разсказывать, что онъ происходитъ изъ великихъ русскихъ бояръ, за что и обреченъ на закланіе. Образъ мыслей вредный.

Не можетъ быть освобожденъ никогда, хотя бы и раскаялся. Имѣетъ даръ необыкновенно краснорѣчиво вовлекать въ свои заблужденія бесѣдующихъ съ нимъ, желаетъ раскаяться, но чтобы вытребованъ былъ въ самому царю, а иначе не желаетъ.

12) Никоноръ Петровъ, раскольническій жепопъ. Объявилъ нынѣ о себѣ (скрываемое до того свѣдѣніе), что онъ изъ духовнаго званія, былъ священникомъ церкви св. мученика Александра, Пензенской губерніи, Нижегородской округи, въ с. Блиновкѣ, и въ 1831 г. изъ оной церкви удалился въ ирдинскіе раскольническіе монастыри, 79 лѣтъ, съ 1852 г. іюня 9-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольничество и побѣгъ въ 1849 г. изъ Новгородъ-сѣверскаго Преображенскаго монастыря. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь ходитъ ко всякимъ службамъ.

Отъ старости очень слабъ здоровьемъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

По дѣлаемымъ отъ меня увѣщаніямъ раскаивается въ преступленія своемъ чистосердечно; въ исповѣди бываетъ и желаетъ искренно причаститься св. таинъ Христовыхъ, что ему не дозволяется. Ведетъ себя очень смирно.

Заслуживаетъ быть допущеннымъ причаститься св. Христовыхъ таинъ, и притомъ оказанія ему въ теперешнемъ его положеніи возможнаго снисхожденія. Освободить его и помѣстить на жительство съ послушниками или же отдать на поруки его родному сыну, столоначальнику пермской духовной консисторіи Ивану Никанорову Протектову.

13) Московскій мѣщанинъ Михайло Поликарповъ, по расколу именующій себя инокомъ Маркіаномъ, 54 лѣтъ, съ 1852 г. іюня 18-го.

По высочайшему повелѣнію за противозаконныя и крайне вредныя по расколу дѣйствія. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія ему дѣлаются, но по закоснѣлости въ расколѣ не пришелъ къ раскаянію. Ведетъ себя смирно.

Не можетъ быть освобожденъ.

14) Неслужащій дворянинъ Казанской губерніи Андрей Мандрыка, 40 лѣтъ, съ 1853 г. мая 24-го.

По высочайшему повелѣнію за оскорбленіе святини въ церкви Казанскаго уѣзда, въ с. Чепчугахъ, въ коемъ жительство имѣлъ. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и во дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь по праздникамъ и въ воскресные дни ходитъ.

Совершенно здоровъ.

Отъ природы не въ полномъ разсудѣ.

По дѣлаемымъ отъ меня увѣщаніямъ раскаявается въ своемъ преступленіи. А въ прошломъ 1854 г., за бытіе его въ числѣ охотниковъ при отраженіи нападенія на Соловецкій монастырь двухъ англійскихъ военныхъ судовъ освобожденъ былъ за это изъ острога для жительства на свободѣ съ послушниками монастырскими, по воспослѣдовавшему на сіе высочайшему соизволенію, но живя на такой свободѣ перемѣнилъ себя своевольствомъ своимъ такъ, что нельзя было долѣе оставлять его на свободѣ, а затѣмъ помѣщенъ опять въ острогъ, во избѣжаніе неприятныхъ приключеній, могущихъ случиться по его природному слабоумію; гдѣ опять сдѣлался, какъ и прежде былъ тутъ, тихимъ и кроткимъ. О чемъ донесено мною св. синоду.

Долженъ оставаться въ заключеніи, но облегчить его участь можно, дозволить часто ходить въ церковь за карауломъ, быть въ исповѣди и св. таинъ Христовыхъ причастія одинъ или два раза въ годъ; болѣе невозможно ему оказывать снисхожденія.

15) Исполитъ, женнокъ, эмисаръ заграничныхъ раскольниковъ, объявившій вышѣ о себѣ, что онъ Херсонской губерніи, города Аваньяна мѣщанинъ Иванъ Егоровъ, 37 лѣтъ, съ 1853 г. мая 24-го.

По высочайшему повелѣнію за раскольниковство и совѣщаніе съ сектаторами. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ духовныя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія хорошаго и разсудкомъ здоровъ.

Должныя увѣщанія ему дѣлаются, но не имѣютъ дѣйствія, потому что онъ упорствуетъ въ своихъ закоренѣлыхъ заблужденіяхъ. Ведетъ себя хорошо.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи.

16) Раскольниковскій жепопъ Серафимъ, называвшій себя мѣщаниномъ Севастьяномъ Матвѣевымъ, 53 лѣтъ, съ 1853 г. іюня 25-го.

По высочайшему повелѣнію за составленіе и распространеніе зловредныхъ рукописей. Заключенъ навсегда.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корридорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Книги читаетъ старыя, въ церковь не ходитъ.

Здоровъ.

Понятія всегда хорошаго, разсудкомъ здоровъ.

Увѣщанія дѣлаются, но онъ по сильному расположенію къ расколу не пріемлетъ и дѣйствительно признаетъ себя инокомъ; присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнять. Ведетъ себя не худо.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи.

17) Рядовой грузинскаго линейнаго № 8 баталіона Петръ Воронинъ 43 лѣтъ, съ 1853 г. сентября 19-го.

По конфирмаціи г. главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ за со-
вращеніе себя, жену и дочь въ расколъ.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корри-
дорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Въ церковь никогда не ходитъ, книгъ не читаетъ, потому что еврей-
скаго закона.

Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, но понятій ложныхъ, не отъ болѣзни, а отъ вѣро-
ванія вреднаго.

Увѣщаній не принимаетъ, объявилъ себя, что онъ еврейской вѣры
былъ и будетъ, присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить
хотя ведетъ себя смирно, но скрытный и лукавый. Его родителя за еврей-
скую вѣру сослали на поселеніе, а потому и его содержать надобно строго.

По безнадежности къ раскаянію долженъ быть заключенъ навсегда.

18) Ставропольскаго провіантскаго комисіонерства вахтеръ Иванъ Бу-
раковъ, 57 лѣтъ, съ 1853 г. октября 13-го.

По конфирмаціи г. главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ за
отступленіе отъ православія въ расколъ, каковаго еще не бывало: ничему не
вѣрить.

Выпускается изъ келіи для прогулки въ просторномъ, свѣтломъ корри-
дорѣ, а лѣтомъ и на дворѣ арестантскомъ.

Пища дается братская.

Въ церковь никогда не ходитъ, книгъ никакихъ не читаетъ, хотя и
грамотенъ. Книга, написанная имъ, отправлена въ синодъ въ 1854 г. при
донесеніи отъ 27 апрѣля за № 87.

Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, но отъ разстроенаго воображенія о своей ереси
понятій самыхъ неосновательныхъ.

Величайшій богоотступникъ, увѣщаній не принимаетъ, святыню, дог-
маты и самого Иисуса Христа хулить, вѣреть какому-то явленіямъ и по-
нятиѣ ожидаетъ измѣненія въ церкви и во всемъ мірѣ. Присяги на вѣрность
подданства не захотѣлъ выполнять. Характера дерзкаго.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи.

19) Московской губерніи, заштатнаго города Воскресенска, мѣщанинъ
Василій Занегинъ, 60 лѣтъ, съ 1854 г. мая 15-го.

По высочайшему повелѣнію за распространеніе сектаторскихъ толковъ
и дерзость противъ духовныхъ властей. Срокъ заключенія не назначенъ.

Не выпускается изъ келіи по опасности отъ него совращать другихъ
въ расколъ.

Пища дается братская.

Въ церковь не ходитъ, книги читаетъ псалтырь и новый завѣтъ.
Здоровъ.

Разсудкомъ здоровъ, но въ понятіяхъ замѣтно какое-то ожесточеніе на правительство и на всякую власть.

Образъ мыслей самый вредный и опасный. Присяги на вѣрность подданства не захотѣлъ выполнить. Увѣщаній никакихъ не принимаетъ и опасно съ нимъ долго входить въ бесѣды о ложномъ его мудрованіи, потому что онъ по строптивому характеру готовъ броситься на увѣщателя; имѣетъ склонность совращать другихъ въ расколъ, а потому посаженъ въ такое мѣсто, гдѣ съ одной стороны—еврейской секты, а съ другой—скопецъ, всѣ трое непримиримые враги и смотрѣть другъ на друга не могутъ.

Долженъ оставаться въ строгомъ заключеніи до дальнѣйшаго усмотрѣнія его жизни.

28-го іюля 1855 г. Архимандритъ Александръ.

Сообщ. М. А. Колчинъ.

Николай Ивановичъ Надеждинъ.

Къ Запискамъ Н. Н. Мурзакевича.

Въ VI книгѣ „Русской Старины“, изд. 1887 г., на стр. 661, въ воспоминаніяхъ Н. Н. Мурзакевича помѣщенъ рассказъ о любви Н. И. Надеждина къ своей ученицѣ, дочери одного московскаго помѣщика, и неудачномъ намѣреніи бѣжать съ нею, захвативъ материнскій ларецъ. Рассказъ этотъ, имѣющій въ виду очернить личность Н. И. Надеждина, невѣренъ и особенно живо сообщеніе о ларцѣ. Стоитъ посмотреть біографію Н. Х. Кетчера, напечатанную въ „Сборникѣ посмертныхъ сочиненій А. И. Г.“, 1874 г., стр. 7, гдѣ дѣло рассказано совсѣмъ иначе. Притомъ же я документально могъ бы опровергнуть этотъ рассказъ, если-бъ не зналъ, что эта особа жива еще до сихъ поръ и носитъ фамилію одной извѣстной русской писательницы. Покойный Мурзакевичъ, можетъ быть и невольно, оклеветалъ высокое чувство дѣвушки и ея учителя, въ то, по крайней мѣрѣ, время высоко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи.

И. Пляпинъ.

Спб., 24 декабря 1887 г.

Одинъ изъ душевладѣльцевъ крѣпостной эпохи

1840 г.

Позволяемъ себѣ сохранить на страницахъ „Русской Старины“ замѣтку объ одномъ изъ душевладѣльцевъ крѣпостной эпохи въ жизни русскаго народа. Вызвана эта замѣтка въ нашей памяти чтеніемъ превосходнаго изслѣдованія В. И. Семевского о крестьянскомъ вопросѣ, а въ немъ главою о борьбѣ крѣпостныхъ съ помѣщиками въ царствованіе Николая I-го.

Въ концѣ 1840 годовъ проживая въ г. Черни, я много слышался о помѣщикѣ Т—цынѣ и двухъ его возмужалыхъ сыновьяхъ, безукоризненныхъ исполнителяхъ воли отца. Что жестокими пытками и наказаніями дворовые и крестьяне содержались въ страхѣ—это не диво и считалось въ тогдашнемъ помѣщичьемъ режимѣ обычнымъ правомъ, но замѣчательно то, что въ такомъ же страхѣ предъ Т—цынными была и мѣстная администрація, т. е. исправники, становые, засѣдатели, стряпчіе и даже предводители; расправа у нихъ была коротка: хлопнуть въ ладоши, явятся человекъ пять охотниковъ, фалды приподымутъ и арапники въ ходъ.

Когда дѣло о жестокихъ пыткахъ Т—цына дошло до высшаго правительства и по распоряженію его арестованъ и препровожденъ былъ въ Тулу старикъ Т—цынъ, то сыновья его ожесточились и навели страхъ на убѣдную власть и почему-то въ особенности на стряпчаго, котораго подозревали главнымъ виновникомъ гибели отца, и поэтому преслѣдовали его на каждомъ шагѣ и положительно травили какъ зайца.

Однажды лѣтомъ, въ полдень, ко мнѣ, жившему съ угла на уголѣ съ зданіемъ Чернскихъ присутственныхъ мѣстъ, влетѣлъ какъ бомба блюститель законовъ, полумертвый, и только успѣлъ проговорить:

— „Спасите, меня хочеть убить Т—цынъ“.

Въ мгновеніе ока я втолкнулъ его въ спальню и двери заперъ на ключъ. Выйдя во дворъ, я столкнулся съ молодымъ Т—цыннымъ, одѣтымъ въ охотничьемъ костюмѣ съ кинжаломъ и ножомъ за поясомъ и арапникомъ черезъ плечо; онъ вѣжливо поклонился и спросилъ меня:

— Не у меня ли г. стряпчій и что ему очень нужно видѣть его по дѣлу.

Конечно, отвѣтъ мой былъ отрицательный и онъ удалился. Не ранѣе вечера и мой невольный арестантъ, по предварительной сдѣланной моими людьми рекогносцировкѣ, подъ надежною охраною препровожденъ былъ домой.

Вотъ какіе душевладѣльцы бывали во времена крѣпостнаго права, когда и судъ и правда все молчало и только воля монарха смиряла черезъ чуръ уже расходившагося крѣпостника.

Иосифъ Влад. Лохвицкій.

7-го января 1888 года.

г. Тихвинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГОЛОДѢ НА СѢВЕРѢ РОССІИ

въ 1868 г.

V ¹⁾.

Мая 11-го 1868 г. въ обители былъ праздникъ по случаю памяти св. первоучителей славянскихъ и именинъ настоятеля обители. Братія собралась для привѣтствія его въ настоятельской кельѣ. Неожиданно въ это собраніе прибылъ смотритель Ненокской станціи и привезъ денежную корреспонденцію. Въ числѣ посылокъ была одна крупная въ 1,000 р. Это были деньги, присланныя изъ петербургской комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государа Наслѣдника Цесаревича. Такое пособіе обрадовало всѣхъ, особенно ободрило меня, придало новыя силы на дѣло пособія и борьбы, расположило въ дѣлу добродушію тѣхъ изъ братіи, которые не совсѣмъ сочувственно относились къ раздачѣ пособій. Чтобы быть вполне правдивымъ, я долженъ сказать, что и между монахами были такіе, которымъ не совсѣмъ по сердцу была такая раздача пособій, чтобы дѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба; такихъ я увѣщевалъ надеждою на Бога, сторицею вознаграждающаго за помощь бѣднымъ, и на добрыхъ людей, которые сочувственно отнесутся къ нашему воззванію о помощи. Увѣщевая ихъ, я въ то-же время велѣлъ на трапезѣ власть во время обѣда хлѣбъ изъ мха и соломы. Пославъ въ Петербургъ муку

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 63—86.

и хлѣбъ изъ мха и соломы, а въ то-же время ежедневно показывалъ ихъ за столомъ братіи, чтобы они видѣли громадную разницу между тѣмъ, что подается имъ, и чѣмъ питаются бѣдняки. Это имѣло свою долю вліянія. Но когда монахи увидѣли, что на самомъ дѣлѣ общество на нашъ голосъ отозвалось сочувственно, присылая намъ щедрыя пособія, когда увидѣли, что и Государю Наслѣднику Цесаревичу не безызвѣстно служеніе Пертоминской пустыни народу, тогда положили не отказывать болѣе никому въ подаваніи помощи.

Для этого положили продолжать выдачу пособій раздачею хлѣба тѣмъ, кто не могъ приобрести его на деньги. Но чтобы таковая раздача не пріучала къ нищенству, мы положили начать въ монастырѣ работы. Бѣдствіе населенія состояло, между прочимъ, и въ томъ, что оно не могло нигдѣ найти работы съ уплатою за нее, а потому мы рѣшили дать населенію возможность трудиться. Для того мы рѣшились строить домъ для гостинницы на каменномъ фундаментѣ; это работа для плотниковъ и каменщиковъ; продолжать работы на кирпичномъ и смолокуренномъ заводѣ; исправить дорогу къ станціи Красногорской; заняться разработкою полей и сѣнокосовъ, также раздѣлкою выгоновъ для скота; проложить дорогу чрезъ болото къ полямъ вновь раздѣляемымъ; заняться рубкою и складываніемъ дровъ. Всѣ эти работы, при обыкновенныхъ хозяйственныхъ занятіяхъ, давали работу множеству рукъ. Къ этимъ работамъ присоединилось устройство водяной мельницы, устройство пристани на берегу, поправка и оснащиванье старой купленной ладьи - поморки и т. д. Всѣми этими работами и рабочими распоряжался о. казначей, дѣятельности, честности и трудолюбію котораго должно отдать полную справедливость. Безъ его содѣйствія и неутомимости нельзя бы имѣть успѣха въ такомъ дѣлѣ пособія, которое принимало огромные размѣры. Кромѣ него были и другіе участники въ этомъ дѣлѣ. Одному была поручена выдача пособій хлѣбомъ, другому одеждою и обувью, иному ввѣрена была покупка приносимыхъ продуктовъ: рыбы, коровьяго масла, холста и проч. Себѣ же я оставилъ выдачу пособій по мелочамъ. Это, между прочимъ, сдѣлано было для того, чтобы оградить себя отъ подозрѣнія въ безеорыстной раздаче пособій.

Устроивъ такимъ образомъ раздачу пособій хлѣбомъ, одеж-

дою и проч., мы сверхъ того надѣляли сѣменами для посѣвовъ. Безъ обсѣмененія полей голодъ грозилъ населенію и въ 1869 году, а потому необходимо было не только кормить населеніе, но дать ему возможность засѣять поля.

Однимъ изъ бѣдствій голоднаго времени были для семействъ дѣти. Каждый день отцы и матери приводили къ намъ мальчиковъ и просили принять ихъ въ монастырь. Но что имъ дѣлать въ обители? былъ вопросъ. Я хотѣлъ открыть школу. Но братія не согласилась на это предложеніе и имѣла на это свои не безрезонныя основанія. Я не противорѣчилъ, но надобно же было и имъ оказать помощь. Для этого въ 2¹/₂ верстахъ отъ монастыря помѣстили ихъ въ просторной избѣ, выстроенной тамъ раньше для помѣщенія рабочихъ. Поселивъ тамъ мальчиковъ, надзоръ и начальство надъ ними поручили 75-ти лѣтней старухѣ, которая настолько еще имѣла крѣпость силъ, что сама добровольно занималась рубкою дровъ. Ея примѣръ располагалъ къ труду и мальчиковъ. Одни изъ нихъ рубили дрова, другіе носили ихъ, третьи убирали щепу или складывали дрова въ сажени. Такъ никто не проводилъ время праздно. Разъ въ недѣлю старуха съ нѣсколькими мальчиками приходила въ монастырь взять провизіи, затѣмъ же она сама и готовила для нихъ пищу, а въ монастырь только приходили къ богослуженію въ дни воскресныя и праздничныя.

Вотъ какъ устроено было пособіе бѣднымъ. Казалось бы, при этомъ должно было только ожидать сочувствія и помощи отъ администраціи мѣстной. Но не тутъ-то было. Заявляя о голодѣ и помогая бѣдствующему населенію, подтверждая тѣмъ дѣйствительность его, мы имѣли враговъ, и притомъ сильныхъ, въ мѣстномъ начальствѣ. Надобно же было подумать и объ отпорѣ имъ.

Встрѣтивъ сочувствіе въ петербургской комиссіи, мы рѣшились благодарить Наслѣдника Цесаревича и Государыню Цесаревну, по высоко благодѣтельной инициативѣ которыхъ и учреждено было пособіе голодавшимъ. 6-го мая родился Великій Князь Николай Александровичъ. Возблагодаривъ Бога за дарованіе ихъ высочествамъ наследника, мы съ поморами рѣшились отправить Цесаревнѣ адресъ, иконы св. Николая и Вассіана и Іоны — Цертоминскихъ. Адресъ нашъ послѣ обычнаго титула начинался такъ: „нынѣ цари не строгостью

устрашаютъ, но милостію утѣшаютъ; въ этой мысли и мы, обитатели отдаленной сѣверной пустыни, которымъ невѣдомы никакія инстанціи (передаю мысль неточными выраженіями подлинника, черновая котораго имѣется при дѣлѣ о голодающихъ въ Пертоминскомъ монастырѣ), осмѣливаемся прямо писать Ея Высочеству и при этомъ братія съ бѣдными, обращающимися къ милости христіанской любви Цесаревны и ея супруга, испрашиваютъ имъ и новорожденному всѣхъ благъ отъ щедродателя Бога“. На иконѣ св. Николая сдѣлана была надпись: „Его Императорскому Высочеству в. кн. Николаю Александровичу“.

Дѣятельность обители въ пользу голодныхъ, какъ и дѣятельность голода, были въ глазахъ общественнаго мнѣнія заподозрѣны мѣстной администраціей; надобно было защищаться; съ этою цѣлью составлена была статья, въ которой я доказывалъ, прежде всего, дѣятельность голодной смерти Желѣзникова, такъ какъ ее-то и оспаривали. Но что Желѣзниковъ, въ самомъ дѣлѣ, умеръ съ голода и холода, это доказано показаніями его семейства, которое не имѣло средствъ къ пропитанію, и потому Желѣзниковъ дѣтей роздалъ по людямъ. По словамъ жены, онъ ушелъ изъ дому голодный. Чтобы опровергнуть это, администрація архангельская въ своей статьѣ заявляла, что на умершемъ нашли хлѣбъ. Но это ложь; предъ составленіемъ акта понятые изъ Луды и о. казначей осматривали его и не нашли при немъ ровно ничего. Самъ же Желѣзниковъ одѣтъ былъ въ изодранное рубище. Безъ сомнѣнія, холодъ ускорилъ смерть, которая подготовлена была голодомъ. Ложь заявленія „Губернскихъ Вѣдомостей“ была и въ томъ, будто о смерти Желѣзникова было произведено вторичное дополнительное дознаніе. Мнѣ положительно было извѣстно, что никакого дознанія не было, а вторичнаго и дополнительнаго тѣмъ болѣе не было. Чиновничество мѣстное изолгалось, увѣряя общество въ томъ, что голода нѣтъ въ Архангельской губерніи.

Такъ писалъ я (подробности позабыты. Статья черновая при дѣлѣ о голодныхъ въ Пертоминскомъ монастырѣ) въ статьѣмоей, написанной въ опроверженіе статьи Арханг. „Губернскихъ Вѣдомостей“. Газеты отозвались сочувственно къ моему заявленію. Почти всѣ повременныя изданія перепечатали мою статью, а нѣкоторыя посвятили передовыя статьи вопросу о положеніи населенія на

сѣверѣ и о способахъ принять на будущее время мѣры въ предупреденію такого бича, каковъ голодъ. Невольно рождается вопросъ: что побуждало администрацію города Архангельска къ жи? что заставляло ее отрицать дѣйствительность голода? Мнѣ неизвѣстны всѣ причины, заставлявшія отрицать дѣйствительность этого бѣдствія, постигшаго сѣверное поморье.

Говорили, напр., что губернаторъ кн. Гагаринъ допустилъ вывозъ всего хлѣба изъ архангельскаго порта; затѣмъ, сдѣлавъ такое упущеніе и не имѣя запасовъ для населенія, сталъ увѣрять правительство, что голода нѣтъ. Но этотъ отзывъ едва ли справедливъ. Изъ наблюденія надъ способами заготовки хлѣба на зиму и закупки его въ Архангельскѣ мнѣ извѣстно, что причина голода—отпускъ всего хлѣба за границу выставлялся тѣми, кто не вникалъ, кажется, въ дѣло. Не знаю, существуютъ или нѣтъ правила, которыми опредѣляется количество вывозимаго за границу хлѣба. Но по отзывамъ купцовъ они безпрепятственно со стороны администраціи изъ привозимаго матеріала отпускаютъ за границу столько, сколько есть запроса со стороны иностранныхъ покупателей. Въ то же время купцы свободно продаютъ мѣстному населенію столько, сколько могутъ закупить мѣстные жители.

Сколько бы ни оставлено было въ запасъ жизненныхъ припасовъ, но если нѣтъ запроса на нихъ, они остаются непроданными. Такъ дѣло было, кажется, не въ отпускѣ всѣхъ жизненныхъ припасовъ за границу.

Причина голода была въ скудости рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ въ 1868 г. Поморскіе жители съ ранней весны, даже еще въ концѣ января, отправляются на морскіе звѣриные промыслы; съ этихъ промысловъ они возвращаются въ концѣ мая или въ іюнѣ; въ то-же время только позже они отправляются на ловлю трески; съ половины іюля начинается уловъ семги. Если удачны эти промыслы, то во время сентябрьской ярмарки поморы на ворвань, шкуры морскихъ животныхъ и рыбу (семгу, сельдей и проч.) обмѣниваютъ на хлѣбъ. Незначительный уловъ рыбы, скудость морскихъ промысловъ лишали поморовъ возможности вымѣнивать на свои произведенія хлѣбъ. Въ кредитъ же купцы имъ товаровъ не отпускали. Къ этой причинѣ голода нужно прибавить слѣдующее. Весна 1867 г. на сѣверѣ была поздняя и холодная.

Въ іюнѣ еще лежалъ глубокой снѣгъ, значить посѣвы ячменя были несвоевременны, озимый хлѣбъ не могъ выколоситься какъ слѣдуетъ; затѣмъ въ теченіе лѣта 1867 г. были не разъ морозы и сѣверные вѣтры. Тѣ и другіе убили посѣвы и огородныя овощи. Даже малина вымерзла; къ тому же вѣтры производили сильныя разливы и по берегамъ моря и большихъ рѣкъ, на которыя море влияетъ, уносило покосы. Все это вмѣстѣ съ скудностью рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ увеличивало бѣдствія населенія и вело за собою голодъ.

Значить причины голода зависѣли отъ неурожаевъ, отъ неудачи промысловъ, отъ скудности улова рыбы. Къ чему же губернской администраціи нужно было увѣрять петербургскихъ властей и общественное мнѣніе въ томъ, что голода нѣтъ, если она не была виновата въ томъ, что допустила его развиться?

Не будучи виновною въ появленіи голода, арханг. администрація не была права въ томъ, что не приняла всѣхъ зависѣвшихъ отъ нея мѣръ къ облегченію участи пострадавшихъ отъ голода. Въ своей статьѣ она увѣряла, что хлѣбъ находится въ избыткѣ для населенія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ запасовъ этихъ не было. Не даромъ она писала, что производится даровая раздача хлѣба нуждающимся, тогда какъ таковой раздачи не было, а если гдѣ и выдавали, то въ размѣрахъ до того ничтожныхъ, что населеніе не могло отъ того быть накормлено; да и самая раздача хлѣба производилась такъ безтолково, что большее количество хлѣба попадало къ тѣмъ, кто и безъ того имѣлъ больше средствъ къ прокормленію. Не даромъ мѣстная администрація дѣлала видъ, что она дала средства населенію обсеменить поля, тогда какъ во время посѣвовъ не выдано было жителямъ ни зерна, а присланы были сѣмена не своевременно. Значить, всѣмъ этимъ ясно доказывается, что тогдашняя администрація Архангельской губерніи сама чувствовала свою виновность въ усиленіи голода и, стараясь отклонить отъ себя вину, увѣряла власть и общество, что голодъ существуетъ только въ воображеніи нѣкоторыхъ лишь лицъ.

Архангельская администрація въ 1868 г. окружена была поляками, имѣвшими на властей огромное вліяніе. Изъ наблюдений надъ дѣятельностію ихъ я убѣдился, что они враждебно относились къ мѣстному русскому населенію, но въ то-же время

между собою дѣйствовали единодушно, одинъ другаго поддерживали. Изъ вражды къ Россіи они увѣрили мѣстную администрацію, что все де обстоитъ въ краѣ благополучно, не допускали никакихъ мѣръ къ облегченію участи голодныхъ и самый фактъ существованія этого бѣдствія сокрывали даже отъ мѣстной власти. Не даромъ же губернаторъ, нынѣ покойный, кн. Гагаринъ, меня увѣрялъ, что голода нѣтъ. Мнѣ кажется, что онъ самъ былъ обманутъ своими наперстниками поляками, увѣрившими его, что голода въ краѣ дѣйствительно нѣтъ. Неужели можно допустить крайнюю безсовѣстность въ человѣкѣ, такъ высоко поставленномъ, безсовѣстность, доходившую до сознательнаго отрицанія очевиднаго факта. Скорѣе я готовъ думать, что губернаторъ былъ обманутъ поляками, увѣрившими его сіятельство, что голода дѣйствительно нѣтъ; а эти враги всего русскаго, съ одной стороны, закрывали фактъ существованія голода и чрезъ то не давали принять мѣръ къ отвращенію его; съ другой стороны, допуская усилиться голоду, знали, что одни изъ русскихъ отъ него погибнутъ, другіе изъ русскаго народа будутъ деморализованы. Не напрасно же они злились на русскихъ дѣятелей, старавшихся открыть истину о положеніи края и вмѣстѣ помочь бѣднымъ. Поляки знали, что помощь голоднымъ упреждаетъ развращеніе населенія, а деморализовать правительственныхъ лицъ и народъ—такова цѣль дѣятельности каждаго истиннаго послѣдователя польскаго ватизиса. Мы говоримъ, конечно, про небольшую группу тогдашнихъ поляковъ, бывшихъ въ Архангельскѣ.

Въ пособіи со стороны обители нуждающимся, въ трудѣ ихъ, оплачиваемомъ на счетъ пособій, получившихся изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, въ стараніяхъ администраціи повредить дѣятелямъ, хлопотавшимъ о прокормленіи страдавшихъ отъ голода, прошелъ май 1868 г. Въ началѣ іюня распространилась молва о томъ, что начальникъ губерніи самъ предпринялъ обзорѣніе края. Естественно было думать, что и Пертоминскій монастырь будетъ имѣть счастье видѣть въ оградѣ своей немаловажнаго гостя.

VI.

Настало 5-е іюня, день памяти святыхъ угодниковъ Пертоминскихъ: Вассіана и Іоны. Въ этотъ день изъ окрестныхъ деревень собралось въ обитель довольно богомольцевъ; видъ обители былъ праздничный. Въ этотъ же день дѣлается крестный ходъ съ мощами преподобныхъ вокругъ монастырской ограды. День былъ солнечный, свѣтлый, только дулъ довольно сильный вѣтеръ. Въ 7^{1/2} часовъ утра прибѣжали мнѣ сказать, что ѣдетъ начальство. Я одѣлся и вышелъ на монастырскій дворъ встрѣтить посѣтителя. Это была личность росту незначительнаго, фізіономія пріѣзжаго была скроена на чиновничью мѣрку; по бокамъ лица виднѣлись рѣдкіе и незначительные бакенбарды. Эта личность былъ вице-губернаторъ архангельскій, назвавшій себя очень скромно: чиновникъ Страховскій; съ нимъ былъ другой господинъ, чиновникъ особыхъ порученій. Поздоровавшись съ ними, я просилъ ихъ въ настоятельскія кельи. Тамъ предложенъ былъ посѣтителѣмъ чай. Къ началу литургіи со мною вмѣстѣ отправились гости; въ крестномъ ходѣ они принимали участіе. Въ обычное время сказано было поученіе на тему — что въ одномъ только христіанствѣ, переводимомъ въ жизнь, находятъ облегченіе себѣ иго жизни семейной, общественной и пустынной. Послѣ молебна предложены посѣтителѣмъ иконы преподобныхъ; затѣмъ въ кельяхъ настоятельскихъ приготовленъ былъ завтракъ для братіи и посѣтителей. Когда послѣднимъ захотѣлось курить, настоятель повелъ гостей въ комнату, устроенную въ родѣ мезонина, откуда видъ былъ на Унскую губу. Естественно при этомъ было завязаться разговоръ о голодѣ, такъ какъ изъ оконъ комнаты видно было мѣсто, на которомъ на льду лежалъ Желѣзниковъ. Вице-губернаторъ выслушалъ разсказъ настоятеля о томъ пособіи, какое оказывается въ пустынной обители нуждающимся. Когда пришли просить благословенія настоятеля ударить въ колоколь въ трапезѣ, настоятель пригласилъ съ собою и посѣтителей. По окончаніи трапезы настоятель, самъ пригласивъ посѣтителей отслушать молебенъ преподобнымъ, отправился съ ними въ церковь. По окончаніи молебнаго пѣнія,

поданы были экипажи. Когда посѣтителы вышли съ лѣстницы настоятельскаго дома, къ нимъ подошла толпа крестьянъ, изъ которыхъ нѣкоторые, болѣе смѣлые, сказали:

— Не оставьте насъ бѣдныхъ, помогите намъ въ нашемъ бѣдствіи!

Посѣтителы видимо растерялись и замялись, не зная, что дѣлать, тогда настоятель сказалъ толпѣ:

— Что вамъ нужно? вѣдь вы накормлены и напоены.

— Да, отвѣчали, мы весьма благодарны святой обители, тебѣ и братіи. Да семейства-то наши бѣдствуютъ.

— А развѣ, продолжалъ настоятель, вы не отдаете семействамъ того, что здѣсь зарабатываете? Развѣ изъ монастыря не даютъ пособія тѣмъ, кто нуждается въ семействахъ вашихъ? Подите съ Богомъ! Зачѣмъ вы беспокоите посѣтителей!

Во время этого разговора посѣтителы ретировались въ самый экипажамъ. Настоятель сѣлъ въ свою одноколку, съ намѣреніемъ проводить ихъ до границы монастырскихъ владѣній. Въ это время дорога еще не совсѣмъ была исправлена. Въ одномъ мѣстѣ можно было бояться, чтобы не завязли экипажи. Здѣсь ожидало человѣкъ пятнадцать на случай оказанія помощи завязшему въ болотѣ экипажу, который, впрочемъ, проѣхалъ благополучно. Проводивъ до моря почетныхъ гостей, настоятель простился съ ними, при чемъ вице-губернаторъ изъявилъ желаніе скоро видѣть настоятеля въ Архангельскѣ, чего тотъ отъ души не желалъ.

Слѣдствіемъ посѣщенія монастыря была увѣренность, что администрація хотѣла лично удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно ли монастырь оказываетъ пособіе бѣдствующему населенію. До сего времени, агенты власти развѣзжали около монастыря по деревнямъ, но вице-губернаторъ и самый монастырь посѣтилъ, да еще въ праздникъ, когда стеченіе народа было болѣе обыкновеннаго; сцена въ монастырѣ, не подготовленная нами, доказала администраціи, что монастырь, какъ рабочимъ, такъ и семействамъ ихъ, оказываетъ пособіе. Способъ, какимъ отъ самаго народа вице-губернаторъ старался вывѣдать—оказываетъ ли монастырь пособіе населенію, уронилъ, въ глазахъ жителей, властей. Народъ ясно понялъ всю недобросовѣстность разспросовъ. Обыкновенно развѣдываніе со стороны властей производилось слѣдующимъ образомъ: созвавъ сельскій людъ, вице-губернаторъ спрашивалъ:

— Что, вамъ монастырь не помогаетъ?

— Помогаетъ, помогаетъ, былъ единодушный отвѣтъ крестьянъ и мѣщанъ.

— Что-же? не даромъ помогаетъ? спрашивала власть.

— Кто имѣетъ средства купить, тѣмъ въ монастырѣ продаютъ. Другимъ въ монастырѣ даютъ работу, и за то платятъ, а кто не можетъ ни купить, ни работать, тѣхъ даромъ кормятъ, отвѣчали крестьяне.

— Кто посѣялъ ваши поля? Начальство дало вамъ сѣмена? спрашивалъ вице-губернаторъ.

— Нѣтъ, было отвѣтомъ. Засѣяны наши поля по милости монастыря, а отъ начальства раздавались сѣмена тогда, когда уже поздно было сѣять.

Въ такомъ духѣ происходили разпросы; они ясно показали смѣлому и неробкому сѣверному населенію, что архангельскому начальству хотѣлось слышать отъ народа, что монастырь совсѣмъ не помогаетъ жителямъ, если же помогаетъ, такъ не даромъ. Жители видѣли это и не дались въ обманъ. Такое настроеніе чиновниковъ, высказывавшее желаніе ихъ вредить обители, уронило окончательно мѣстную власть въ глазахъ народа. Не успѣвъ хитростью выспросить у жителей, довольныхъ помощью обители, чего-либо не въ пользу монастыря, агенты начали употреблять запугиванье старшинъ и другихъ лицъ крестьянскаго населенія, съ явною цѣлью отторгнуть ихъ отъ монастыря и его настоятеля. Гориневскій, полякъ, и другіе, то пріѣзжавшіе временно, то жившіе на дачахъ въ Сузьмѣ и Неноксѣ, употребляли брань, застрачиванье, угрозы ни въ чемъ невиновнымъ жителямъ. А тѣ немедленно передавали мнѣ о всѣхъ продѣлкахъ чиновниковъ. Но эти лица, старавшіяся разъединить населеніе съ монастыремъ, были при этомъ такъ неосторожны, что проговаривались о томъ, какъ ихъ пугаетъ Пертоминскій монастырь. Одинъ изъ агентовъ, отправлявшійся по порученію власти въ одну деревню, смежную монастырю, на вопросъ крестьянина, переправлявшаго его черезъ рѣчку Сузьму, зачѣмъ ихъ благородія ѣздятъ такъ часто въ сосѣдствѣ монастыря, не выдержалъ и такъ отвѣчалъ:

— „Охъ, ужъ этотъ монастырь, вотъ онъ гдѣ сидитъ“, и при этомъ рукою показавъ на свою шею,—жестъ, значеніе котораго слишкомъ хорошо понятно всякому русскому. Изъ такихъ при-

знаній словоохотливымъ сѣвернымъ поморцамъ, быстро переходившихъ изъ усть въ уста, жители убѣдились, что властямъ сильно насолилъ монастырь и что значеніе его не маловажно для нихъ.

Прощаясь съ вице-губернаторомъ, я не желалъ, да и не думалъ быть въ Архангельскѣ; между тѣмъ обстоятельства заставили отправиться въ этотъ городъ скорѣе, нежели я предполагалъ. Я избѣгалъ столкновенія съ лицами, враждебными мнѣ, а прибывъ въ Архангельскъ—неизбѣжно было столкновение съ ними. Жизненныхъ припасовъ оставалось немного; за покупкою ихъ я думалъ отправить въ Архангельскъ о. казначея; но онъ заболѣлъ, а потому я, совершивъ литургію 8-го іюня, въ день памяти св. великомученика Θεодора Стратилата, имени коего посвященъ храмъ въ Пертоминской пустынѣ, простясь съ братіей, отправился съ священникомъ села Яреньги въ Архангельскъ. Отъ станціи Солзы до Архангельска мы ѣхали моремъ; на устьѣ р. Двины стоитъ Никольскій монастырь, возобновленный и устроенный извѣстною въ русской исторіи Марѳою, Новгородскою посадницею. Въ этомъ монастырѣ погребены ея дѣти, утонувшіе въ Бѣломъ морѣ. Здѣсь же заключены были Θεодосій Яновскій, архіепископъ Новгородскій, и Арсеній Маціевичъ; первый въ немъ и скончался.

Отъ Никольскаго монастыря до Архангельска нужно по Двинѣ проѣхать 25 верстъ; это пространство мы ѣхали ночью. Густой туманъ покрывалъ рѣку и разстился по окрестности. Я полагалъ, что этотъ туманъ вреденъ посѣвамъ, но жители, крестьяне и священникъ увѣряли меня, что, напротивъ, этотъ туманъ составляетъ благодѣяніе для произрастеній.

Іюня 10-го, утромъ, я увидѣлъ Архангельскъ, представлявшій ѣдущимъ по рѣкѣ видъ привлекательный.

VII.

Я зналъ, что въ Архангельскѣ одни ожидали меня съ настроеніемъ принять враждебно, другіе сочувственно, третьи съ любопытствомъ, что за личность, осмѣлившаяся бороться съ сильными города Архангельска! Первый мой выѣздъ былъ къ преосвященному Нафанилу. Этотъ человекъ, потому что я хорошо описалъ и сдѣлалъ извѣстными власти и обществу дѣятельность губернатора, ласково меня принялъ. Выслушавъ мой рассказъ съ начала до моего отъѣзда, о перепискѣ съ разными лицами, о дѣятельности внутри монастыря, о враждебности властей и т. д., архіерей вполне сочувственно отнесся ко всему этому. Онъ обѣщалъ мнѣ свою поддержку и покровительство. Откланиваясь, я спросилъ у него, можно ли поѣхать отдать визитъ вице-губернатору; на это онъ отвѣчалъ, что въ знакомствахъ моихъ онъ меня не стѣсняетъ, что я могу знакомиться съ кѣмъ хочу.

Не задавая себѣ плана относительно составленія себѣ круга знакомыхъ, предоставляя времени и обстоятельствамъ составленіе его, я рѣшился начать мои визиты съ вице-губернатора, посѣтившаго Пертоминскій монастырь. Въ первый мой визитъ я не засталъ дома вице-губернатора. Приняла меня жена его, дочь купца Торопова. Изъ разговора съ нею я не вынесъ никакого дурнаго впечатлѣнія. Она отъ меня узнала, что я не былъ у губернатора, а потому просила меня сдѣлать ему визитъ, а потому я прямо отправился къ его сіятельству.

При входѣ моемъ въ пріемную, дежурный чиновникъ на вопросъ мой, принимаетъ ли князь, отвѣчалъ—не принимаетъ. Тогда я сказалъ: я васъ прошу доложить обо мнѣ г. губернатору. Я къ нему пріѣхалъ не по дѣламъ службы и хотѣлъ бы представиться ему какъ начальнику губерніи. Приметь онъ или нѣтъ, это его дѣло. Я только прошу васъ доложить ему обо мнѣ.

Тогда чиновникъ пошелъ доложить. Не успѣлъ тотъ сказать губернатору мое имя, какъ отворились двери и его сіятельство проворно, чуть не выбѣжалъ со словами: „пожалуйте“, и съ этиаъ я вошелъ въ кабинетъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ князь Гагаринъ, нынѣ покойный, завелъ рѣчь о положеніи голодныхъ.

— Статья ваша, сказалъ онъ, выставляетъ положеніе населенія въ слишкомъ грустномъ видѣ, но это совсѣмъ не такъ, голода совсѣмъ нѣтъ.

— Очень можетъ быть, отвѣтилъ я, что въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи его и нѣтъ, но въ той мѣстности, гдѣ находится монастырь, мною управляемый, голодъ дѣйствительно есть. Если бы я былъ убѣжденъ въ противномъ, если бы мнѣ представили дѣйствительно доказательства того, что голода нѣтъ, я о томъ самъ заявилъ бы въ газетахъ.

— Знаете ли, возразилъ на это кн. Гагаринъ, что вы своими заявленіями ставите начальство въ затруднительное положеніе? Знаете ли, что вы доставляете нѣмецкой партіи въ самомъ Архангельскѣ торжество.

— Я, сказалъ, человекъ здѣсь только прибывшій. О партіяхъ я не имѣю никакого понятія. Не знаю даже есть ли нѣмцы въ Архангельскѣ. Что-же касается затруднительнаго положенія, въ какое пособіе голоднымъ ставить начальство, я не могу понять чѣмъ это? Я вполне убѣжденъ, что начальство не можетъ помочь во многомъ населенію, и также былъ увѣренъ, что частная помощь не только не затрудняетъ, но облегчаетъ положеніе начальства.

— Да, отвѣчалъ кн. Гагаринъ, но вотъ вы утверждаете, что Желѣзниковъ умеръ отъ голода, а при немъ нашли хлѣбъ.

— Позвольте, ваше сіятельство, замѣтилъ я, спросить, отъ кого вы объ этомъ знаете?

— Это, отвѣтилъ онъ, сообщили чиновники, которымъ было поручено дознаніе.

Такая наглость заявленія приказнаго сѣмени, обманывающаго своего начальника, возмутила меня, а потому я съ горечью сказалъ:

— Это вашему сіятельству сказали тѣ, кому вы можете приказать сказать все, что угодно. Но когда найденъ былъ Желѣзниковъ, при первоначальномъ осмотрѣ его былъ человекъ, который по совѣсти покажетъ, что при Желѣзниковѣ не только хлѣба, но ничего не нашли.

— Но вторичное дознаніе, сказалъ кн. Гагаринъ, было. Вотъ оно-то и опровергаетъ ваше заявленіе.

— Извините, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, если я на это замѣчу, какъ жестоко васъ обманываютъ тѣ, отъ кого вы должны были-бы слышать истину. Мнѣ нѣтъ нужды входить въ повѣрку

дѣйствию администраціи. Но я, не выходя изъ стѣнъ монастыря, знаю, какъ несправедливо то, что напечатано въ „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Вторичное, какъ и первое, дознаніе не могло быть произведено безъ вызова лицъ, которыя дали знать о смерти Желѣзникова. Но вызвать ихъ не могли безъ моего позволенія, такъ какъ они состоятъ рабочими въ монастырѣ.

Этимъ и кончился разговоръ нашъ о положеніи голодающаго населенія. Далѣе кн. Гагаринъ началъ говорить о положеніи губерніи, о трудности управлять. Въ сужденіяхъ его не было ни основательности, ни мѣткости. Въ заключеніе кн. Гагаринъ выразилъ желаніе пригласить меня къ обѣду и тогда еще со мною поговорить.

Послѣ того повелъ онъ меня въ гостинную и тамъ представилъ женѣ своей. Напередъ мнѣ архіерей сказалъ, что княгиня обо мнѣ распространяла въ Архангельскѣ слухъ, что я пьянствую въ Цертоминскомъ монастырѣ. Я порѣшилъ при случаѣ отразить клевету ея. Случай этотъ въ разговорѣ съ нею же представился. Послѣ того, какъ она узнала, что монастырь, мною управляемый, находится вдали отъ всякаго житія, ей естественно было спросить:

— Не скучаете ли въ монастырѣ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, оттого я и не прибѣгаю къ тѣмъ средствамъ, которыми тщетно стараются убить скуку.

Такой прямой намекъ на сплетню ея сіятельства, на мой счетъ распространяемую, видимо сконфузилъ ее, а потому мнѣ пришлось выручать ее изъ неловкаго положенія. Послѣдствіемъ знакомства съ княземъ Гагаринымъ было то, что онъ приказалъ квартальному, который самъ въ томъ сознался мнѣ впоследствии, наблюдать за мною, за посѣщеніями, дѣлаемыми мнѣ, за моими выѣздами. Не предполагая даже возможности такого надзора, я рѣшился какъ можно меньше имѣть знакомыхъ или знакомиться съ такими лицами, которыя были независимы отъ губернатора. Затѣмъ кн. Гагаринъ имѣлъ столько недобросовѣстности, что пустилъ молву въ обществѣ, будто я пріѣзжалъ къ нему просить извиненія за мои статьи о голодѣ. Такая клевета побудила меня при случаѣ показать моимъ обращеніемъ съ кн. Гагаринымъ,

что я не думалъ ни извиняться въ моемъ правдивомъ заявленіи, ни унижаться предъ нимъ.

Изъ лицъ нейтральныхъ въ обществѣ, но сочувствовавшихъ голоднымъ, первый мой визитъ былъ англійскому консулу г. Рене. Никогда до того времени я не имѣлъ болѣе пріятныхъ, болѣе благородныхъ знакомыхъ, какъ семейство г. Рене.

День спустя отдалъ мнѣ визитъ вице-губернаторъ, хотя его я и не нашель дома, какъ написалъ уже выше. Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей я спросилъ у него: убѣжденъ ли онъ послѣ своего посѣщенія въ томъ, что голодъ дѣйствительно существуетъ и что монастырь Пертоминскій оказываетъ помощь несчастнымъ?

„Да, — отвѣчалъ онъ съ явнымъ желаніемъ уклониться отъ продолженія разговора, — убѣжденъ“.

— Я понимаю, — продолжалъ я, — что положеніе ваше очень щекотливо. Если вы донесете губернатору правду, онъ будетъ золь на васъ; вѣдь онъ посылалъ васъ не съ тѣмъ, чтобы вы донесли правду. Если же на основаніи вашего донесенія будетъ составлена новая статья въ опроверженіе истинности моего заявленія, тогда я буду писать опроверженіе, а это для васъ можетъ быть непріятно.

Онъ ничего не отвѣчалъ на мои слова. Уѣзжая, онъ просилъ бывать у него. Я дѣйствительно посѣщалъ его семейство, но такъ какъ при этомъ ничего не было говорено относительно голоднаго времени, то и не стоить упоминать объ этихъ посѣщеніяхъ.

Затѣмъ отдалъ визитъ г. Рене; при этомъ просилъ къ себѣ на обѣдъ. Обстоятельство это не важно само по себѣ, но обѣдъ этотъ не простое имѣлъ значеніе угостить знакомаго. Нѣтъ, это былъ протестъ общества противъ губернатора. На этомъ обѣдѣ собрались всѣ почти представители высшаго административнаго круга въ г. Архангельскѣ. Изъ постороннихъ были графъ Толстой. Послуживъ заявленіемъ противъ губернатора, обѣдъ этотъ былъ заявленіемъ безмолвнымъ. Никто ни слова не говорилъ ни о губернаторѣ, ни о голодѣ. Только когда прощались со мною хозяйка уже въ передней, жена г. Рене сказала съ улыбкою мужу и мнѣ: „Ахъ вы, фантазеры! Забрали себѣ въ голову, будто есть голодъ“. Этимъ она сдѣлала намекъ на статью „Архангельскихъ Вѣдомостей“, гдѣ г. Рене и я такимъ именемъ названы были.

По отношенію ко мнѣ объѣдъ этотъ былъ желаніемъ общества познакомиться съ моею личностію. Составивъ понятіе о Пертоминскомъ монастырѣ самое невыгодное, они думали, что быть не можетъ, чтобы статьи о голодѣ принадлежали настоятелю такого малоизвѣстнаго монастыря. А потому эти статьи одни приписывали ректору, другіе—самому епископу. Но послѣ объѣда сказали: нѣтъ, этотъ человекъ не позволитъ свое имя подписать подъ чужою статьею.

На этомъ же объѣдѣ, гдѣ я приобрѣлъ благосклонность однихъ, другіе стали враждебны ко мнѣ. Это были поляки, одинъ изъ нихъ присутствовалъ здѣсь. Я не скрывалъ моихъ антипатій къ римскому папизму и польщизнѣ. Откровенностію моею я нажилъ себѣ враговъ, которые много мнѣ вредили. Но это обнаружилось въ другое время и въ другомъ дѣлѣ.

Сочувствіе высшей публики въ Архангельскѣ къ Пертоминской обители и ея дѣятельности выразилось и вещественными пособіями. Предсѣдатель контрольной палаты, человекъ умный и благородный, прислалъ мнѣ для пособія голоднымъ 50 руб. Купцы и мѣщане вполне сочувствовали дѣятельности монастыря. Они наперерывъ читали статьи, списывали ихъ; иные зазывали къ себѣ въ гости, всѣ же ненавидѣли губернатора, который, съ своей стороны, старался не дать публикѣ въ руки статей, напечатанныхъ противъ дѣятельности архангельской администраціи. Для этого въ клубахъ, въ публичной бібліотекѣ отбирались и уничтожались всѣ тѣ номера газетъ, гдѣ были статьи, приходившіяся не по нраву администраціи.

Во время жительства моего въ Архангельскѣ подворье Пертоминскаго монастыря ежедневно наполняли просители въ одиночку и толпами: всѣ просили пособія. Но особенно жители деревни Солзы, раскольники, настойчиво просили пособія. Случилось такъ, что въ то время, какъ я толковалъ съ ними о томъ, какъ имъ помочь, принесли съ почты пакетъ. Это былъ отвѣтъ секретаря Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны на мой адресъ, посланный изъ монастыря. Секретарь отъ имени Ея Высочества въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ благодарилъ за помощь, оказанную бѣдствующему населенію, и въ концѣ писалъ, что ея высочество приказала присовокупить, что помощь, оказанная бѣдствующимъ, никогда не изгладится изъ памяти Ея Высочества.

Это милостивое вниманіе государыни цесаревны къ монастырю и во мнѣ такъ меня тронуло, что я рѣшился жителямъ Солзы купить хлѣба на 400 р., что немедленно и исполнилъ; купецъ Мохинъ, по моему порученію, выдалъ имъ на эту сумму ржаной муки.

Въ то время, какъ я въ Архангельскѣ занимался то покупкою и отправленіемъ припасовъ въ монастырь, то пособіемъ голоднымъ, въ обители продолжалось пособіе нуждающимся. Закулисная интрига противъ монастыря и меня велась сама собою. Слухи о ней доходили и до меня, но поелику это были толки, то не стоило и упоминать о нихъ.

По отправленіи всего, что нужно было закупить въ Архангельскѣ, я и самъ возвратился въ монастырь. Проѣзжая по деревнямъ, я изъ разговора жителей узналъ, что они надѣются на хорошій урожай. Надежда имѣть собственный хлѣбъ оживляла ихъ, когда же началась уборка хлѣба, всѣ повеселѣли.

VIII.

Наступило 15 августа, храмовой праздникъ въ Пертоминской пустыни. Къ этому времени уже готовъ былъ хлѣбъ изъ новой муки. Къ нашему празднику собралось народу довольно, а потому въ этотъ день я рѣшился торжественно возблагодарить Господа Бога и Пресвятую Матерь Божию за избавленіе отъ голоднаго времени.

Предъ литургіей съ иконою Успенія Божіей Матери былъ изъ одного храма въ другой крестный ходъ. Между тѣмъ на дворѣ были приготовлены 5 хлѣбовъ изъ новой муки. Отслуживъ благодарственный молебенъ, я прочелъ надъ хлѣбами молитву на благословеніе хлѣбовъ. Во время молебна вдругъ изъ лѣсу прибѣжалъ бѣлый олень, присоединился къ крестному ходу, шелъ рядомъ со мною, потомъ когда остановились для чтенія молитвъ, остановился и олень; сперва онъ постоялъ, потомъ легъ. Это животное, присоединившееся къ людямъ на молитвѣ, сильно на всѣхъ подѣйствовало. Олень не отходилъ отъ церкви и во время литургіи. Когда настало время раздавать антидоръ,

вмѣстѣ съ нимъ раздаваемы были и благословенные изъ новой муки хлѣбы. На всѣхъ лицахъ отпечатлѣлась радость.

На трапезу съ колокольнымъ звономъ принесли образъ Успенія Царицы небесной. Какъ тогда по успеніи Заступница христіанъ явилась апостоламъ и увѣрила ихъ, что Она и по представленіи своемъ есть мать милосердія всѣхъ, къ Ней прибѣгающихъ, такъ и насъ страдавшихъ Она утѣшила и подкрѣпила среди скорбей голоднаго времени. Ея предстательствомъ не оскудѣла обитель, дѣлившаяся послѣднимъ съ несчастными. Отъ этой мысли всѣ были радостны, и день Успенія былъ истиннымъ праздникомъ пустыни.

Такъ окончилось голодное время для населенія сосѣдняго Пертоминской пустыни.

Если жертвъ голодной смерти, т. е. умиравшихъ непосредственно отъ голода, было мало, то этимъ населеніе обязано было Пертоминской пустыни. Въ другихъ мѣстахъ, по словамъ лицъ, имѣвшихъ возможность видѣть дѣйствіе голода, жертвъ этого бича было много. Но при всей помощи, получаемой отъ монастыря, населеніе, питавшееся мхомъ, соломою, получило для своихъ организмовъ сильный вредъ. Но терпя нужду и бѣдствія голода, населеніе не деморализовалось; оно осталось такимъ же честнымъ и прямымъ, какимъ и до того было. Несчастіе еще укрѣпило жителей поморья въ этихъ свойствахъ.

Монахи и другія лица, жившія въ Пертоминской пустыни, видѣвшіе помощь и заступленіе Божіе, не могли не окрѣпнуть въ вѣрѣ въ Бога и упованіи на Него. Одинъ разъ дошло въ обители оскуденіе продовольствія до того, что нечѣмъ было замѣсить хлѣбъ; не смотря на такую скудость, никто не ропталъ и Господь присылкою муки вскорѣ всѣхъ утѣшилъ.

Не въ однихъ обителяхъ пустыни голодъ укрѣпилъ вѣру въ Бога. Окрестные жители до голоднаго времени мало прибѣгали къ обители. Голодъ заставилъ ихъ обращаться за помощью къ обители. Въ то же время, какъ обращались они за вещественною помощью, невольно обитель вліяла на нихъ и въ религіозномъ отношеніи. Стройный чинъ церковнаго служенія, тихое пустынное пѣніе невольно дѣйствовали на душу, предрасположенную самимъ бѣдствіемъ къ молитвѣ. Оттого съ голоднаго времени стали больше стекаться въ пустынную обитель.

Окрестные раскольники, до голоднаго времени не знавшіе даже мѣстоположенія обители съ наступленіемъ голода стали обращаться къ ней за помощію, въ то же время, видя чинъ и порядокъ пустыннаго богослуженія не могли не располагаться къ вліанію православія. Такъ, голодь сдѣлалъ то, что пустынная обитель становилась центромъ нравственнаго вліанія на окрестное населеніе. Въ предупрежденіе появленія голода правительство стало съ того времени принимать всѣ мѣры къ предупрежденію этого явленія; съ этою цѣлью оно стало дѣлать изысканія о краѣ, предположило учредить пароходство по Бѣлому морю, дѣлать исчисленія о продолженіи желѣзной дороги отъ Вытегры къ Онегѣ, ускорило постройку дороги до Вологды, стало собирать свѣдѣнія о положеніи населенія, о Мурманскомъ берегѣ и т. д. Въ то же время монастырь Пертоминскій становился торговымъ пунктомъ для поморья. Онъ стоитъ почти на равномъ разстояніи отъ Архангельска и отъ Онеги. Только въ этихъ двухъ городахъ жители, сосѣдніе Пертоминской обители, могутъ сбывать свои продукты и покупать для себя все нужное. Но какъ до Архангельска, такъ и до Онеги почти по 120 верстѣ, ближе торговаго пункта нѣтъ. Отрываться отъ сельской работы и ѣхать для покупки или продажи на такое разстояніе для жителей тяжело, а потому они съ удовольствіемъ сбывали свои произведенія: холстъ, масло, рыбу и пр. монастырю. Въ то время въ обмѣнъ на свои произведенія или за деньги получали въ монастырѣ хлѣбъ, крупу, пеньку для рыбныхъ сѣтей и проч. Монастырь не безъ выгоды для себя прибрѣталъ эти произведенія, затѣмъ отсылалъ въ Архангельскъ весь излишекъ и тамъ продавалъ. Такъ-то съ голоднаго времени монастырь сдѣлался центромъ торговымъ для окрестныхъ жителей.

Не одному окрестному населенію сдѣлало извѣстнымъ обитель несчастное время голода. Изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, даже изъ Ташкента, Пертоминская пустынь получала пособіе деньгами и въ то же время прибрѣтала себѣ сочувствіе; но въ то время, когда обитель начинала прибрѣтать сочувствіе и извѣстность, настоятелю ея, т. е. мнѣ, предстоялъ новый крестъ.

Еще въ іюнь мѣсяцѣ 1868 г. вдругъ получено было мною предписаніе ѣхать въ Крестный монастырь, принять его и управлять имъ. Но по полученіи этого предписанія я немедленно

послалъ отказъ отъ временнаго принятія монастыря. На это согласились власти архангельскія. Когда же поѣхалъ я въ Архангельскъ, преосвященный Наѳанаилъ уговорилъ меня не отказываться отъ назначенія въ Крестный монастырь и я согласился. Но жители, сосѣдніе Пертоминскому монастырю, узнавъ о моемъ новомъ назначеніи, послали въ С.-Петербургъ прошеніе о томъ, чтобы меня оставили въ Пертоминской пустынѣ¹⁾. Какая судьба этого прошенія, я не знаю, только мнѣ кажется, что если оно не было въ Архангельскѣ перехвачено чиновниками, то, во всякомъ случаѣ, ускорило мой переводъ въ Крестный монастырь изъ Пертоминскаго. Не стояло дѣло въ производствѣ...

Въ іюнѣ 22 или 23 изъ Архангельска послано представленіе о моемъ переводѣ; получено оно въ Петербургѣ не раньше 30 іюня и 10 іюля уже былъ подписанъ указъ о моемъ переводѣ. Это изумительная скорость.

Въ то время, какъ праздновали окончаніе голода, я уже зналъ, что меня чрезъ назначеніе въ монастырь Крестный ожидалъ крестъ. Мнѣ нужно было составить отчетъ по употребленію суммъ, присланныхъ изъ комиссіи, доставленныхъ частными лицами, и затѣмъ проститься съ Пертоминскою обителью.

По составленіи отчета оказалось, что сверхъ 1,000 р., присланныхъ изъ С.-Петербурга, изъ комиссіи, сверхъ полученныхъ средствъ отъ частныхъ лицъ, монастырь вошелъ въ долгъ,

¹⁾ Вышеупомянутое прошеніе, посланное въ С.-Петербургъ, писано самими крестьянами; правда, они прежде отсылки его показывали мнѣ, но я ни одного слова, ни даже запятой не поправилъ. Подобнаго рода поправки я считалъ дѣломъ нечестнымъ. Впослѣдствіи, собирая документы, относящіеся къ голодному времени, я хотѣлъ найти черновое прошеніе, но крестьяне, боявшіеся хранить документы, относившіеся къ доказательствамъ сочувствія ихъ ко мнѣ, уничтожили самое прошеніе. Я помню, что прошеніе ихъ начиналось такъ: ...,настоятель насъ кормить и поить, одѣваетъ и обуваетъ и просимъ ваше—ство оставить его съ нами бѣдными“. Подъ прошеніемъ подписались многіе представители Солзы, Неноксы, Сюзьмы, Яренъги и пр. Когда прошеніе подавали на почту, почтмейстеръ П—скій, креатура и сторонникъ (покойнаго) кн. Гагарина, спросилъ подателей, о чемъ это вы подаете? Тѣ, не моргнувъ ни однимъ глазомъ, отвѣчали: о своей бѣдности. Но, вѣроятно, прошеніе было прочитано на почтѣ, такъ какъ почтмейстеръ вполне былъ преданъ интересамъ губернатора. Оттого все, что могло быть противно его интересамъ, все то на почтѣ было прочитываемо или даже не допускаемо.

который состоялъ изъ 1,800 р., объ уплатѣ его я просилъ комиссію. По моему ходатайству этотъ долгъ былъ выплаченъ сполна. Такъ окончилось голодное время, постигшее мѣстность, сосѣдную Пертоминской пустыни.

IX.

Разсказъ о пертоминскихъ оленяхъ.

Когда, по приѣздѣ моемъ въ Пертоминскую пустынь, я съ отцемъ казначеемъ іером. Савватиємъ пошелъ осматривать хозяйственныя заведенія монастыря, вдругъ около скотнаго двора я увидѣлъ стадо животныхъ, доселѣ мною невиданныхъ. Огромные рога торчали въ обѣ стороны на небольшой головѣ, небольшой особенно для такой кучи роговъ, какая торчала у нихъ. Собою они были сѣрые, только одинъ изъ нихъ былъ совершенно бѣлый. На вопросъ, что это за животныя? о. казначей отвѣтилъ, что это стадо монастырскихъ оленей. Они мнѣ очень полюбились съ перваго раза. Бѣлый назывался Вася или Бѣля, другой, довольно неуклюжій, другъ Бѣли, назывался Кузьмой. Остальные были безъ названія.

Къ числу особенностей или нравственныхъ свойствъ этихъ животныхъ братія приписывала то, что олени по цѣлой недѣлѣ не приходятъ въ монастырь, а въ воскресные дни или праздники непременно являются въ обитель. Я и самъ сталъ наблюдать за этимъ и, въ самомъ дѣлѣ, они такъ дѣлали. Не звонъ-же ихъ къ тому располагалъ? Въ Пертоминской пустыни звонъ одинъ, что въ будни, то въ праздники; скорѣе располагало къ тому пѣніе, и такъ какъ по праздникамъ пѣніе бываетъ лучше, то олени по праздникамъ и приходятъ слушать пѣніе. Одинъ разъ въ церкви пѣвчіе спѣвались, это было въ будни. Форточка въ окнѣ была отворена; олени до тѣхъ поръ лежали противъ окна, пока продолжалось пѣніе. Но если праздничное пѣніе заставляетъ ихъ приходить слушать оное, то какъ же они знаютъ, когда это бываетъ пѣніе? Это уже психологическая тайна. Только то несомнѣнный фактъ, что они по праздникамъ приходили въ монастырь. До прибытія моего, по

разскажамъ братіи, одинъ разъ олени ушли на весь постъ. Братія думала, что они одичали. Желая воспользоваться хотя шеурами, братія послала охотника Никиту застрѣлить ихъ. Когда тотъ пойдетъ съ ружьемъ, олени, завидя его, уходятъ такъ быстро, что остаются внѣ ружейнаго выстрѣла. Когда же пойдетъ безъ ружья, то близко подходятъ къ нему. Затѣмъ къ празднику Пасхи всѣ олени пришли въ монастырь, и тогда начали приходиться туда по праздникамъ.

Въ мою бытность на праздникъ Вознесенія Господня все стадо пришло къ литургіи. Они стояли подъ храмомъ во время богослуженія, потому олени подошли къ трапезѣ и стояли подлѣ нея, пока братія кушала. По выходѣ изъ трапезы, я ихъ не видалъ. Когда же я подошелъ къ пристани, отъѣзжая въ Луду (о чемъ сказано выше), то вмѣстѣ съ братіей все стадо ожидало тутъ, когда же я сталъ садиться въ карбасъ, все стадо пробѣжало мимо пристани; это провозжанье меня оленями очень меня удивило.

Не разъ олени сопровождали меня въ то время, когда я осматривалъ послушанія. Такъ, когда я еще осматривалъ мѣсто для устройства пристани, и я для этого шелъ, то и олени пошли со мною. Я обошелъ пристань и они обходили ее. Когда же я пошелъ къ монастырю, они отправились въ лѣсъ и это они дѣлали не просто, а по зову. Скажемъ имъ: пойдѣмъ на послушаніе, они идутъ. Особенно Бѣляка между ними отличался смышленностью.

Когда настала весна, олени стали ходить опустошать поля. Братія для того, чтобы они не опустошали полей, стала запираеть ихъ въ огородѣ на ночь. Одинъ разъ, вышедши на монастырскій дворъ, я увидѣлъ, что они тоскуютъ, ищутъ воротъ, въ которые могли бы выйти; но видя, что вездѣ заперто, съ тоскою переходятъ отъ однихъ воротъ къ другимъ. Мнѣ стало жаль бѣдныхъ животныхъ, лишенныхъ свободы; я подошелъ къ воротамъ и отворилъ имъ калитеку, сказавъ Бѣлякѣ: „смотри, завтра приведи мнѣ мать съ ребенкомъ“.

Въ поясненіе этого нужно сказать, что олени никогда не рождаютъ дѣтей въ монастырѣ, а всегда гдѣ нибудь на болотѣ. Тамъ и остается мать съ ребенкомъ до того времени, пока дитя не окрѣпнетъ. Прочіе олени ходятъ къ ней навѣщать, когда же дитя окрѣпнетъ, мать приводитъ его въ монастырь. Тутъ нельзя безчувственнымъ быть при видѣ той любви, съ какою мать смот-

рить на свое дитя и бережетъ его. Когда олень подходитъ, она, сильная только материнскою любовью, отгоняетъ его прочь, когда же кто изъ монаховъ подходитъ къ молодому олененку, мать не смѣетъ его отогнать, а только пристально глядитъ на подошедшаго, какъ-бы упрасивая его не трогать ея любимца. Но такъ какъ дитя бываетъ слабо, то мать съ нимъ отстаетъ отъ стада и остается на болотахъ. Вотъ почему и въ тотъ разъ, какъ прочіе были въ монастырѣ, матери съ ребенкомъ не было съ ними, а потому шута я отдалъ мой приказъ.

На утро, прежде нежели я проснулся, старецъ Θεодосій вышелъ изъ своей кельи, которая была подлѣ моего крыльца, и удивился, увидѣвши все стадо оленей у моего крыльца. Они пришли всѣ, привели мать съ ребенкомъ и ожидали, когда я выйду. По выходѣ моемъ, я удивился выполненію приказанія, похвалилъ за то, и они убѣжали въ лѣсъ.

Въ 1-й день августа 1868 г., когда было освященіе воды, скотъ былъ пригнанъ для окропленія св. водою. Олени также сами пришли, стояли во время освященія воды до тѣхъ поръ, пока я, проходя мимо, не окропилъ ихъ св. водою; тогда они убѣжали.

Изъ всѣхъ оленей отличался умомъ и привязанностью ко мнѣ Бѣля. Я безъ всякаго труда приучилъ его здороваться со мною, подавая при этомъ ногу. Когда протянешь при этомъ руку, онъ протягиваетъ ногу. Одинъ разъ я протянулъ ему руку, а онъ протягиваетъ обѣ переднія ноги. Я сказалъ: „Дуракъ! я не могу тебя удержать за обѣ ноги“. Онъ какъ бы обидѣлся и ушелъ.

Въ другой разъ я стоялъ съ о. Савватіемъ. Бѣляка подошелъ къ намъ. Я протянулъ ему руку, здороваясь съ нимъ, а онъ мнѣ протянулъ ногу. О. Савватій, въ свою очередь, протянулъ ему руку; но Бѣляка взглянулъ на него и отворотился. Тогда я сказалъ: „Что-же ты не слушаешь? Протяни-же ногу“. Онъ послушался и подаль о. Савватію ногу. Вслѣдъ за тѣмъ, о. Савватій еще протянулъ руку во ожиданіи того, что Бѣляка протянетъ ему ногу, но тотъ взглянулъ на о. Савватія и отворотился. Когда мнѣ бывало дѣлалось скучно, тяжело, Бѣлява прибѣжитъ изъ лѣса, какъ бы для утѣшенія моего. Но одинъ разъ я стоялъ на монастырскомъ дворѣ, Бѣлява былъ подлѣ меня. Я гладилъ и щекоталъ ему подъ шею, что ему очень нравилось. Подошелъ къ

намъ въ это время старецъ о. Ѳеодосій. Я сказалъ старцу: „Смотри, какое умное и благородное животное. Когда знаетъ, что мнѣ скучно, непременно придетъ“; олень, услышавъ это, отошелъ прочь. Въ тотъ вечеръ Бѣлява, не смотря на мой зовъ, болѣе не показывался.

Разъ Бѣляка вывелъ меня изъ большаго затрудненія. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Архангельскъ столяры перессорились. Никто изъ нихъ не хотѣлъ подь присмотромъ другаго работать. Никакъ не могъ я ихъ примирить. Даже когда лошади запряженные стояли у крыльца, я никакъ не могъ ихъ уговорить примириться, уже готовый садиться. Въ то самое время, когда съ ними разговаривали, вдругъ Бѣляка, заломивъ рога на спину, мчится изъ пустыни и прямо бѣжитъ ко мнѣ. Тогда я сказалъ столярамъ: „Постыдитесь вы хотя оленя. Смотрите, Богъ послалъ его изъ пустыни, чтобы пристыдить васъ и заставить примириться. Вѣдь вы работаете для Божьяго храма“.

Они были пристыжены такимъ упрекомъ и примирились.

Много бы еще можно представить примѣровъ ума, смѣтливости, понятливости, дружелюбія между собою этихъ благородныхъ животныхъ. Но чтобы не утомлять читателя, скажу съ пророкомъ: „яко олень на источникахъ водные, сице желаетъ душа моя къ тебѣ, Боже!“

Ѳеофанъ Доброленскій.

1871 г

Примѣчаніе. Считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя данныя изъ біографіи составителя этой статьи, вполне заслуженно прославившагося въ 1868 году энергическою дѣятельностью на поприщѣ спасенія сѣверныхъ поморовъ отъ всѣхъ ужасовъ голода:

— „Ѳеофанъ Леонтіевъ Доброленскій, въ монашествѣ архимандритъ Кириллъ, родился 1829 года марта 12-го дня, въ селѣ Велико-Бору, Черниговской губерніи, Суражскаго уѣзда, въ духовномъ званіи; воспитаніе получилъ въ черниговской семинаріи и кіевской академіи съ 1851 по 1855 годъ; въ монашество поступилъ 27-го іюня 1854 года; былъ наставникомъ волынской, потомъ инспекторомъ смоленской семинарій; затѣмъ настоятелемъ Пертоминскаго (въ 1868 году) и Крестнаго (1869—1870 гг.) монастырей.

Уволенъ изъ духовнаго званія въ 1872 г. и поселился въ Калугѣ. Въ 1881 г. мая 28-го вновь вступилъ въ духовное званіе. Посѣтилъ редакцію „Русской Старинъ“ 13-го января 1882 г., когда по просьбѣ нашей и передалъ намъ свои интересныя воспоминанія „Голодъ на сѣверѣ Россіи въ 1868 г.“.

Ред.

РАЗСКАЗЫ ПРАСКОВЬИ ЕГОРОВНЫ АННЕНКОВОЙ

рожденной Гебль.

Записаны ея дочерью, въ Нижнемъ-Новгородѣ, 20-го іюля 1861 г.

IV¹⁾.

Въ 1825 г., за шесть мѣсяцевъ до происшествій 14-го декабря, я познакомилась съ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ; онъ началъ неотступно за мною ухаживать, предлагая жениться на мнѣ. Оба мы были молоды, онъ былъ чрезвычайно красивъ собою, необыкновенно симпатиченъ, уменъ и пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Совершенно понятно, что я не могла не увлечься имъ. Но цѣлая бездна раздѣляла насъ. Онъ былъ знатенъ и богатъ, я бѣдная дѣвушка, существовавшая своимъ трудомъ; разница положеній и чувство гордости заставляли меня держаться осторожно, тѣмъ болѣе, что въ то время я съ недовѣріемъ иностранки относилась къ русскимъ. Что заставляло меня особенно удаляться отъ Ивана Александровича, это ужасный примѣръ въ одной французкѣ, который былъ у меня въ то время на глазахъ. Эта французка, вышедшая замужъ за русскаго (Полторацкаго), была болѣе, чѣмъ несчастна съ нимъ. Жизнь ея была такъ печальна, что она не выдержала и вскорѣ умерла. Ей казалось, что всякая иностранка, выходящая замужъ за русскаго, подвергалась той же участи, какая

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LVII, стр. 169—198.

выпала на ея долю; съ сожалѣніемъ смотрѣла на меня эта несчастная женщина и всячески старалась предостеречь: «берегитесь, душа моя, повторяла она мнѣ безпрестанно,—вы молоды и хороши, много соблазну ожидаетъ васъ, а мужчины-русскіе такъ лукавы и такъ измѣнчивы».

Между тѣмъ Иванъ Александровичъ не переставалъ меня преслѣдовать и настоятельно требовалъ обѣщанія выйти за него замужъ, но я желала, чтобъ онъ предварительно выхлопоталъ на женитьбу согласіе своей матери, что было весьма нелегко сдѣлать, такъ какъ мать его была извѣстна какъ женщина въ высшей степени надменная, гордая и совершенно безсердечная. Вся Москва знала Анну Ивановну Анненкову, окруженную постоянно необыкновенною, сказочною пышностію, такъ что ее прозвали (*la reine de Golconde*). Французы много мнѣ рассказывали про нее, и тѣ, которые принимали во мнѣ участіе, были увѣрены, что эта недоступная, спѣсивая женщина возстанетъ противъ брака сына своего съ бѣдною дѣвушкою.

Иванъ Александровичъ надѣялся, однако, склонить ее, но это была одна надежда—ничто не ручалось за успѣхъ, напротивъ, можно было ожидать,—и я замѣчала, что Иванъ Александровичъ самъ боялся этого,—что, въ случаѣ ея требованія разойтись со мною, если-бъ только онъ не подчинился ея волѣ, она была въ состояніи лишить его наслѣдства, которое въ то время было громадное, такъ какъ онъ оставался единственнымъ наслѣдникомъ послѣ смерти брата своего Григорія Александровича, убитаго на дуэли. Половина состоянія, которымъ въ то время владѣла Анна Ивановна Анненкова, перешла къ ней отъ отца ея Ивана Вареоломеевича Якобія, бывшаго намѣстника Сибири; остальное было передано ей по духовному завѣщанію въ пожизненное владѣніе ея покойнымъ мужемъ Александромъ Никаноровичемъ Анненковымъ, стало быть, все находилось въ рукахъ Анны Ивановны, и она имѣла возможность, при первомъ неудовольствіи на своего сына, лишить его всего. Понятно, что я не могла желать подвергать любимаго человѣка гнѣву его матери, и никогда не рѣшилась бы сдѣлаться виновницею его раззоренія.

Не смотря, однако-жъ, на всѣ мои предосторожности, сама судьба сблизала меня съ нимъ, и вскорѣ одинъ случай помогъ этому: мы были тогда въ Пензѣ, куда собралось множество

народа по случаю ярмарки. Я приѣхала съ домомъ Диманси, который имѣлъ модный магазинъ, гдѣ я и была *première demoiselle du magasin*. Анненковъ приѣхалъ за ремонтомъ лошадей для кавалергардскаго полка, въ которомъ онъ служилъ; съ нимъ было очень много денегъ и я узнала, что шайка игроковъ стоваривалась обыграть его, а раньше я слышала, что его обыграли уже въ одинъ вечеръ на 60,000 руб. Тогда, чтобъ спасти его отъ заговора негодяевъ, я рѣшилась употребить разныя женскія хитрости и въ тотъ самый вечеръ, когда игроки ожидали его, продержала у себя до глубокой ночи. На другой день онъ узналъ все отъ своего человѣка, былъ очень тронутъ и остался мнѣ признательнымъ. Съ тѣхъ поръ человѣкъ его, который былъ ему очень преданъ, часто приносилъ мнѣ его портфель на сбереженіе.

Наконецъ, закупивъ лошадей, Анненковъ сталъ собираться уѣзжать. Ему предстояло большое путешествіе: онъ долженъ былъ объѣхать всѣ свои имѣнія, находившіяся въ Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерніяхъ. Намъ приходилось разстаться и я замѣтила, что Иванъ Александровичъ становился все мрачнѣе и задумчивѣе, а мнѣ становилось жаль его, тѣмъ болѣе, что, не смотря на блескъ и богатство, его окружавшіе, онъ казался глубоко несчастнымъ. Его прекрасное, задумчивое лицо выражало иногда такъ много грусти, что невозможно было относиться къ нему безучастно. Казалось, онъ скрывалъ какую-то глубокую печаль, какую-то затаенную мысль.

Въ то время я и не подозрѣвала, что онъ участвовалъ въ тайномъ обществѣ, но замѣчала только, что мать много отравляла ему жизнь, и это заставляло меня все болѣе и болѣе къ нему привязываться. Съ другой стороны, меня стало осаждать собственное горе. Жизнь моя, до тѣхъ поръ веселая и беззаботная, вдругъ стала измѣняться; я встрѣтила разныя неожиданныя непріятности въ семьѣ, гдѣ жила, а Иванъ Александровичъ все твердилъ мнѣ про свою любовь, и я чувствовала тѣмъ женскимъ инстинктомъ, которымъ одарила насъ природа, что онъ говорилъ искренно.

Наконецъ, я поняла и сознала, что для меня уже невозможно счастье безъ него.

Однажды вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ совершенно разстро-

енный. Его болѣзненный видъ и чрезвычайная блѣдность поразили меня. Онъ пришелъ со мною проститься и говорилъ: «если-бъ вы знали, чтѣ ожидаетъ меня, то, вѣроятно, сжалились бы надо мною». Я не поняла тогда всего смысла его словъ, но онъ уже предчувствовалъ свою судьбу.

Разстаться съ нимъ у меня не достало духу и мы выѣхали вмѣстѣ изъ Пензы 3-го іюля 1825 года.

Въ одной изъ деревень его, гдѣ была церковь, онъ настаивалъ, чтобъ мы обвѣнчались, и уже приготовилъ для этого священника и двухъ свидѣтелей, но я рѣшительно отказалась отъ брака безъ согласія его матери.

Въ Сибирской губерніи мы долѣ всего оставались въ селѣ Петинѣ. Это богатѣйшее имѣніе на Сурѣ, и тутъ я въ первый разъ ѣла знаменитыя сурскія стерляди. Барскій домъ въ Петинѣ былъ довольно старый и запущенный. Когда мы пріѣхали, ставни кругомъ были закрыты.

Я, по живости своего характера, тотчасъ же обѣжала всѣ комнаты и была очень удивлена, замѣтя въ одной изъ нихъ, гдѣ ставни не успѣли еще раскрыть, въ углу, цѣлую груду чего-то, покрытую толстымъ слоемъ пыли.

Я тотчасъ же побѣжала за Иваномъ Александровичемъ и когда мы съ нимъ стали разсматривать что лежало въ углу, то оказалось, что то была старинная серебряная посуда, и когда свѣсили всю эту посуду, то оказалось 60 пудовъ серебра. Иванъ Александровичъ приказалъ все сложить попрежнему и запереть комнату. Онъ ничѣмъ не распорядился безъ вѣдома своей матери.

Она постоянно жила въ Москвѣ и, конечно, не знала, что дѣлалось въ ея имѣніяхъ. Въ Москвѣ у нея былъ свой домъ, который стоитъ и до сихъ поръ (1861 г.) на углу Петровки и Газетнаго переулка. Въ Сокольникахъ была богатѣйшая дача, съ замѣчательными оранжереями. Дача эта была такъ извѣстна своею роскошью и обстановкою, что иностранцы, пріѣзжавшіе въ Москву, ѣздили ее осматривать. Тамъ особенно въ одной изъ комнатъ обращали на себя вниманіе двери изъ цѣльнаго богемскаго хрустала, сдѣланныя съ необыкновенно роскошными бронзовыми ручками.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же 1825 года мы пріѣхали въ Москву.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Москвѣ, Иванъ Александровичъ все становился задумчивѣе. Ясно было, что его что-то сильно тревожило. Разспрашивать его о томъ, что онъ, казалось, хотѣлъ скрыть, я стѣснялась, но ясно видѣла, что имъ все болѣе и болѣе овладѣвало какое-то безпокойство. Наконецъ, все сдѣлалось понятнымъ для меня: внезапно и совершенно неожиданно разнеслась вѣсть, что скончался императоръ Александръ I, и эта вѣсть какъ громомъ поразила всѣхъ. Это было именно 29-го ноября, что Москва узнала о кончинѣ своего государя. Анненковъ былъ страшно пораженъ этою новостью и я стала замѣчать, что смерть императора тревожила его по какимъ-то особеннымъ причинамъ. Въ то время къ нему собиралось много молодыхъ людей; они обыкновенно просиживали далеко за полночь и изъ разговоровъ ихъ я узнала, наконецъ, что всѣ они участвовали въ какомъ-то заговорѣ. Это, конечно, меня сильно встревожило и озаботило, и заставило опасаться за жизнь обожаемаго мною человѣка, такъ что я рѣшилась сказать ему о моихъ подозрѣнiяхъ и умоляла его ничего не скрывать отъ меня. Тогда онъ сознался, что участвуетъ въ тайномъ обществѣ и что неожиданная смерть императора можетъ вызвать страшную катастрофу въ Россiи, и заключилъ свой рассказъ тѣмъ, что его навѣрно ожидаетъ крѣпость или Сибирь.

Тогда я поклялась ему, что послѣдую за нимъ всюду.

2-го декабря 1825 г. онъ простился со мною и уѣхалъ въ Петербургъ — это было ночью. Второпяхъ онъ забылъ свой портфель, въ которомъ было на 60,000 банковыхъ билетовъ на его имя. Предполагая, что они ему понадобятся, я приготовилась скакать за нимъ съ портфелемъ и садилась уже въ повозку, когда онъ самъ взошелъ ко мнѣ, вернувшись съ первой станци. Судьба какъ будто нарочно устроила это, чтобы дать возможность намъ обняться въ послѣднiй разъ передъ тѣмъ, какъ страшная буря должна была разразиться надъ нами и разлучить насъ надолго. Послѣ этого послѣдняго прощанiя мнѣ суждено было увидѣть его только въ крѣпости.

Проводивъ друга моего, я впала въ безотчетную тоску. Мрачныя предчувствiя тѣснили мнѣ грудь. Сердце сжималось и ныло. Я ожидала чего-то необыкновеннаго, сама не зная чего именно, какъ вдругъ разнеслось ужасное извѣстiе о томъ, что

произошло 14-го декабря. Вся Москва опять встревожилась. Въ домахъ царствовало глубокое уныніе. На улицахъ встрѣчались одні мрачныя и грустныя лица, всѣ ходили какъ приговоренные и никто не смѣлъ громко говорить о случившемся. Это было время всеобщаго страха, печали и слезъ. Въ это время забѣжалъ ко мнѣ Петръ Николаевичъ Свистуновъ ¹⁾ который служилъ въ кавалергардскомъ полку, былъ впоследствии сосланъ по дѣлу 14-го декабря; онъ не былъ въ Петербургѣ въ день 14-го декабря. Я знала, что Свистуновъ товарищъ и большой другъ Ивана Александровича и была увѣрена, что онъ приходилъ ко мнѣ не даромъ, а вѣроятно имѣя что-нибудь сообщить о своемъ другѣ. На другой же день я поспѣшила послать за нимъ, но человѣкъ мой возвратился съ извѣстіемъ, что онъ уже арестованъ. Можно себѣ представить мое отчаяніе при мысли, что та-же участь ожидаетъ и Ивана Александровича. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ Петербургѣ, я не имѣла отъ него ни одного письма и рѣшительно не знала, что съ нимъ сдѣлалось. Брѣсаясь ко всѣмъ, къ кому только была возможность обратиться, чтобъ получить о немъ хотя малѣйшее извѣстіе, я ничего не могла узнать, никто не могъ сказать мнѣ ничего положительнаго и вѣрнаго; одни говорили, что онъ раненъ; другіе, что убитъ, третіе, что онъ въ крѣпости. Чему было вѣрить, на чемъ остановиться—не было возможности рѣшить. Чтобъ сколько нибудь подкрѣпить себя, я каждый день ходила въ католическую церковь; тамъ молитва утѣшала меня и обновляла душевныя силы. Но дойти до церкви я никогда не могла покойно, ужасъ преслѣдовалъ меня все время. На Кузнецкомъ мосту, который нельзя было миновать, я всякій разъ встрѣчала повозки, тщательно закупоренныя со всѣхъ сторонъ и сопровождаемыя жандармами. Повозки эти были наполнены арестованными и приводили меня въ содроганіе. Картина была невыносимо тяжелая и печальная. Однимъ словомъ, невозможно описать все, что я испытала въ то короткое время, пока узнала правду о томъ, что произошло 14-го декабря 1825-го года въ С.-Петербургѣ.

Между тѣмъ, пока я находилась въ такой мучительной не-

¹⁾ Нынѣ въ 1888 г. живетъ въ Москвѣ.

извѣстности, Иванъ Александровичъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость. Сначала его отвезли въ Выборгъ, гдѣ посадили въ замокъ, а потомъ перевели въ Петропавловскую крѣпость. Но я узнала обо всемъ этомъ только въ январѣ мѣсяцѣ 1826 года.

Вотъ какъ рассказывалъ впоследствии самъ Иванъ Александровичъ въ кругу близкихъ ему людей про свой арестъ.

V.

— «14-го декабря я не былъ въ рядахъ возмущившихся; еще 12-го числа въ собраніи у князя Оболенскаго я высказалъ, что не отвѣчаю за кавалергардскій полкъ, гдѣ служилъ тогда, потому что зналъ очень хорошо, что солдаты не были расположены къ вспышкѣ, которая готовилась, да и самъ я видѣлъ въ поднятій войскъ большую ошибку и не рассчитывалъ на удачу предпріятія. 14-го числа я вышелъ на площадь съ кавалергардскимъ полкомъ, занимая свое мѣсто, какъ офицеръ 5-го эскадрона. Полкъ былъ расположенъ на томъ концѣ площади и я стоялъ у самаго дома Лобановыхъ, у того угла, который къ Невскому. Командовалъ полкомъ графъ Апраксинъ. Что происходило въ тотъ день уже извѣстно всѣмъ, говорю только о тѣхъ подробностяхъ, которыя кромѣ меня едва ли кто знаетъ. Государь былъ верхомъ, разбѣжалъ все время, былъ страшно разстроены и блѣденъ, какъ полотно. Великій князь Михайлъ Павловичъ, казалось, сохранялъ болѣе хладнокровія. По окончаніи дѣла я возвратился въ казармы и былъ свободенъ до 19-го числа, но ожидая, понятно, каждую минуту ареста. Наконецъ, 19-го числа дежурный офицеръ по полку, часовъ въ 11 ночи, пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «ну, одѣвайся, только шпаги не бери». Мы поѣхали къ эскадронному командиру Фитингофу, который тотчасъ же отвезъ меня во дворецъ. Тамъ ввели меня въ зало, гдѣ я нашелъ двухъ своихъ товарищей по полку: Александра Муравьева и Арцибашева. Мы сошлись, чтобъ поздороваться, но дежурный развелъ насъ по угламъ и запретилъ говорить. Кромѣ насъ троихъ, въ залѣ была толпа генераловъ и придворныхъ. Всѣ говорили о проис-

шествiяхъ 14-го декабря, очень горячились, возмущались смѣлостiю предпрiятiя и громко порицали участниковъ въ этомъ дѣлѣ, называя ихъ злодѣями, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствiемъ; многiе хвалились своими подвигами.....

Черезъ нѣсколько времени одна изъ дверей залы растворилась и въ ней показался Николай Павловичъ, съ словами: «Подите сюда». Я снова былъ пораженъ страшною блѣдностiю его лица.

Я первый вошелъ въ комнату, въ которой былъ государь; онъ тотчасъ же заперъ дверь въ залъ, увлекъ меня въ амбразуру окна и началъ говорить:

— «И вы забыли милости покойнаго государя! Васъ давно надо было уничтожить, но братъ по своей добротѣ щадилъ и прощалъ васъ».

Этимъ императоръ Николай Павловичъ намекалъ на мою бурную молодость и особенно на то, что я не былъ наказанъ по всей строгости законовъ покойнымъ императоромъ Александромъ Павловичемъ за дуэль съ Ланскимъ, гдѣ я имѣлъ несчастье убить своего противника и за это просидѣлъ только три мѣсяца на гауптвахтѣ. Государь говорилъ отрывисто, повелительно; я не могъ не замѣтить въ немъ страшнаго волненiя и гнѣва, съ трудомъ сдерживаемаго. Онъ продолжалъ:

— «Были вы въ обществѣ? какъ оно составилось? кто участвовалъ? чего хотѣли?»

Какъ я ни старался отвѣчать уклончиво и осторожно, но не могъ не выразить, что желали лучшаго порядка въ управленiи, освобожденiя крестьянъ и проч. Государь снова началъ разспрашивать:

— «Были вы 12-го декабря у Оболенскаго? говорите правду, правительству все извѣстно».

— Былъ.

— «Что тамъ говорили?»

— Говорили о злоупотребленiяхъ, о томъ, что надо пресѣчь зло.

— «Что еще?»

— Больше ничего.

— «Если вы знали, что есть такое общество—отчего вы не донесли?»

— Какъ было доносить, тѣмъ болѣе, что многого я не зналъ, во многомъ не принималъ участія, все гѣто былъ въ отсутствіи, ѣздилъ за ремонтомъ, наконецъ, тяжело, нечестно доносить на своихъ товарищей.

На эти слова государь страшно вспылилъ:

— «Вы не имѣете понятія о чести», крикнулъ онъ такъ грозно, что я невольно вздрогнулъ:— «знаете-ли вы, что заслуживаете?»

— Смерть, государь.

— «Вы думаете, что васъ разстрѣляютъ, что вы будете интересны, нѣтъ—я васъ въ крѣпости сгною».

Послѣ этого государь отпустилъ меня, приказавъ послать моихъ товарищей. Я, выходя изъ комнаты государя, подошелъ къ Муравьеву, чтобы сказать въ полголоса:

— Ступай, тебя зоветъ.

Тогда всѣ присутствующіе въ залѣ пришли въ такой ужасъ, что бросились къ намъ и въ смущеніи своемъ повторяли: «нельзя говорить»; съ трудомъ я могъ ихъ успокоить и убѣдить, наконецъ, что исполняю волю государя. Тогда пошелъ Муравьевъ. Онъ былъ очень молодъ, застѣнчивъ и немного заикался. Государь сдѣлалъ тѣ-же вопросы, какъ и мнѣ. Муравьевъ, вѣроятно, сконфузившись, началъ отвѣчать по французски; но едва онъ произнесъ: «Sige», какъ государь вышелъ изъ себя и рѣзко остановилъ:

— «Когда вашъ государь говоритъ съ вами по русски, вы не должны смѣть говорить на другомъ языкѣ».

Потомъ такимъ же порядкомъ государь допрашивалъ и Арцибашева. Послѣ этого мы опять всѣ трое были въ залѣ, но чрезъ нѣсколько времени меня снова потребовали. Когда я вошелъ, государя уже не было въ той комнатѣ (онъ удалился къ императрицѣ). За столомъ сидѣлъ Левашевъ и, посадивъ меня въ кресла противъ себя, началъ снова допросы, но на этотъ разъ уже подробнѣе и въ надлежащемъ порядкѣ; спросилъ имена членовъ общества; я назвалъ Пестеля, зная, что онъ уже арестованъ, и избѣгалъ называть другихъ. Въ это время вошелъ снова государь и, подошедши къ столу, за которымъ мы сидѣли, онъ оперся на него рукою. Тогда въ присутствіи государя Левашевъ сталъ говорить такъ:

— «Вы слишкомъ много на себя взяли, молодые люди, и кто вамъ вложилъ въ голову такія преступныя мысли? Вы заботились о судьбахъ народовъ, а связали государю руки въ его благихъ намѣреніяхъ на 50 лѣтъ».

Послѣднія слова Левашева поразили меня. Онъ снова началъ настаивать—откуда мы почерпнули такія идеи? Я указалъ на Европу, на нѣкоторыя книги, которыя читались тогда. Левашевъ все записывалъ, а государь продолжалъ стоять, опираясь на столъ; меня, наконецъ, отпустили и снова позвали Муравьева и Арцибашева.

Черезъ нѣсколько времени опять отворилась дверь и государь, подозвавъ меня, сказалъ:

— «Позовите вашихъ товарищей».

Мы всѣ трое опять вошли въ комнату, гдѣ онъ находился; тогда онъ приказалъ позвать графа Апраксина и обратился къ нему съ словами:

— «Полкъ распущенъ, офицеры ничего не дѣлають».

Помолчавъ немного, обратился снова къ намъ:

— «Васъ всѣхъ давно надо было перевести въ армію; судьбами народовъ хотѣли править, взводомъ командовать не умѣете».

Въ эту минуту государь былъ гораздо покойнѣе, гнѣвъ его смягчился; со мною онъ обошелся даже милостиво, взялъ меня за пуговицы мундира, притянулъ къ себѣ и снова упрекнулъ:

— «Забыли милости покойнаго государя—это неблагодарность».

Тогда графъ Апраксинъ подтолкнулъ меня сзади, шепнувъ:

— «Baissez douc la main».

Я сдѣлалъ движеніе, но государь отдернулъ руку, говоря:

— «Я этого не ищу». Потомъ опять началъ:—«Васъ за это всѣхъ надо продержатъ въ крѣпости 6 мѣсяцевъ, надѣюсь, что послѣ этого вы выкините глупости изъ головы и будете заниматься службою».

Съ этимъ онъ насъ отпустилъ, прибавя, обращаясь къ графу Апраксину:

— «Я вамъ поручаю ихъ, генералъ, а если кто смѣетъ упрекнуть ихъ прошлымъ, вы будете отвѣчать мнѣ за нихъ».

Въ эту минуту мы, конечно, вообразили, что намъ даруютъ свободу, и обрадованные направились къ той двери, въ которую

вошли, но тутъ насъ попросили въ другую комнату, гдѣ каждый окружили солдаты съ саблями на-голо и повели на гауптвахту. Тамъ разсадили порознь; дежурный офицеръ Прянишниковъ оказалъ мнѣ нѣкоторое участіе. На полъ положили тюфякъ, на который я улегся, но не надолго. Вскорѣ Прянишниковъ сказалъ мнѣ, чтобы я послалъ на квартиру за курткукомъ, да велѣлъ бы кстати взять побольше бѣлья. Я началъ догадываться, что меня хотять куда-то отпривить; и дѣйствительно не замедлилъ явиться фельдъегеря, съ которымъ надо было отправиться. Въ этихъ случаяхъ, понятно, всего ужаснѣе неизвѣстность, и я пытался узнать отъ фельдъегеря—куда онъ везетъ меня, но сколько я ни старался, на всѣ мои вопросы онъ упорно молчалъ или отвѣчалъ сердито:

— «Вамъ какое дѣло, вотъ увидите».

Между тѣмъ мы ѣхали къ Выборгской заставѣ. Когда миновалась Петропавловская крѣпость, я вздохнулъ свободнѣе, но въ то-же время вспомнилъ, что дорога, по которой мы скакали, вела и въ Шлиссельбургъ и что тамъ крѣпость не хуже другихъ. Мысль попасть въ крѣпость была для меня самая ужасная и сердце болѣзненно сжималось, когда я думалъ объ этомъ. Между тѣмъ мы продолжали скакать. Мучимый неизвѣстностью, ожиданіями и теряясь въ догадкахъ, я опять обратился къ фельдъегерю съ разными вопросами, но тотъ оставался вѣрнѣ своимъ обязанностямъ и продолжалъ молчать. Только на послѣдней станціи, предъ Выборгомъ, онъ сознался, что везетъ меня именно туда; это меня немного обрадовало, потому что я зналъ, что другія крѣпости гораздо страшнѣе еще, чѣмъ въ Выборгѣ, какъ, напримеръ, крѣпость Свартъ-Гольмъ, гдѣ потомъ сидѣлъ Батенковъ, который прекрасно выразилъ въ своихъ стихахъ безотрадность и ужасъ одиночества Свартъ-Гольмской крѣпости. Страшная крѣпость по своему мѣстоположенію!

По приѣздѣ въ Выборгъ меня посадили въ замокъ. Александра Муравьева отвезли въ Нарву, Арцибашева не знаю куда.

Въ Выборгѣ сидѣть было довольно сносно, офицеры и солдаты были народъ добрый и сговорчивый, большой строгости не соблюдалось, комендантъ былъ человекъ простой, офицеры часто собирались въ шлоссъ какъ на рауты; тамъ всегда было вино, потому что у меня были деньги, я былъ радъ угостить, офицеры

были рады выпить и каждый день расходились очень довольные, а комендантъ добродушно говаривалъ:

— «Я полагаюсь на ваше благоразуміе, а вы моихъ то поберегите».

Чувствительныя нѣмки, узнавъ о моей участи, принимали во мнѣ большое участіе, присылали Выборгскихъ кренделей и разной провизіи, даже носки своей работы. Однажды кто-то бросилъ въ окно букетъ фіалокъ, который я встрѣтилъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности; цвѣты эти доставили мнѣ несказанное удовольствіе.

Такимъ образомъ прошло три мѣсяца. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1826 г. дѣла слѣдственной комиссіи приняли болѣе серьезный оборотъ, была открыта мысль о царевубійствѣ и сдѣланы нѣкоторыя показанія на меня. Снова явился фельдъегерь и отвезъ меня въ Петербургъ, прямо въ главный штабъ. Когда я входилъ по лѣстницѣ, меня поразила случайность, какія иногда бываютъ въ жизни и предъ которыми нельзя не остановиться: я очутился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ провелъ свое дѣтство; меня ввели даже въ ту самую комнату, гдѣ я когда-то весело и беззаботно прыгалъ, а теперь сидѣлъ голодный, потому что меня цѣлый день продержали безъ пищи и никто не позаботился даже спросить — не голоденъ-ли я. Тутъ я видѣлъ одного изъ своихъ родственниковъ, который ужаснулся только тѣмъ, что у меня выросла борода, и не нашелъ ничего болѣе сказать мнѣ. Къ счастью, я встрѣтилъ тутъ Стремоухова, своего товарища по службѣ, и спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, просилъ Стремоухова повидать мою дорогую Pauline и передать ей, что я живъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею въ Москвѣ, я не имѣлъ отъ нея извѣстій, тоска по ней съѣдала меня и я былъ увѣренъ что она не менѣе меня страдала отъ неизвѣстности.

Изъ главнаго штаба меня привезли въ армітажъ, гдѣ Левашевъ вторично снялъ допросы, начавъ словами:

— «Вы въ первый разъ сказали неправду, потому что не могли не знать о царевубійствѣ».

Я повторилъ, что не зналъ, и говорилъ истинную правду. Послѣ этого допроса отворились двери Петропавловской крѣпости и меня посадили въ 19 №.

Не могу не обратить еще разъ вниманіе на странную случай-

ность. 19-ое число я считаю для себя несчастнымъ, роковымъ:

19-го числа я имѣлъ дуэль съ Ланскимъ, 19-е числа арестованъ, подъ 19 № сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости и еще нѣсколько такихъ случаевъ было въ моей жизни.

Когда привезли меня изъ эрмитажа въ крѣпость, то повели въ Невскую куртину. На вопросы мои куда ведутъ, комендантъ отвѣчалъ:

— «Сами увидите». Е. М. увѣрялъ, что есть отличный номеръ.

Меня ввели въ небольшую комнату со сводомъ. По серединѣ еще можно было стоять во весь ростъ, но къ бокамъ комнаты надо было сгибаться. Стояла лазаретная кровать, на которой лежалъ матрасъ изъ соломы, на столикѣ горѣла лампада. Е. М. опять началъ утѣшать:

— «Не горюйте, все пройдетъ, номеръ отличный, сухой, теплый».

Я осмотрѣлся, съ трубы такъ и капало; на меня надѣли халатъ, туфли и заперли двери. Первое чувство было такое, что положили живаго въ могилу; потомъ пришла мысль не ѣсть. Такъ прошелъ день, другой, на третій приходитъ Е. М.

— «Что вы не кушаете?»

— Не хочется.

— «Полноте, кушайте, вѣдь заставляютъ».

— Какимъ образомъ?

— «Вставятъ машинку въ ротъ и нальютъ бульона, а то запрутъ подъ землю, тамъ мѣшки есть такіе, ну это не то, что здѣсь, темно, сыро, нехорошо. Все пройдетъ, вотъ и Ермоловъ сидѣлъ (въ царствованіе Павла I), а какъ выпустили, то мнѣ и не кланяется; вотъ и съ вами также будетъ».

Угрозы на счетъ бульона, вливаемого насильно, и мысль о мѣшкахъ навели на меня неволью ужасъ. На четвертый день я сталъ ѣсть. Черезъ мѣсяцъ меня повели въ слѣдственную комиссію, какъ обыкновенно водили всѣхъ, съ завязанными глазами, и допросы снова начались.

Однажды ко мнѣ входитъ плацъ-адъютантъ, страшно блѣдный, подаетъ мнѣ 5 лимоновъ и проситъ не выдавать его. Одинъ изъ лимоновъ былъ надрѣзанъ и въ немъ я нашелъ записку отъ Васильчикова; онъ писалъ, что одинъ изъ членовъ нашего

общества показалъ, что принялъ его при мнѣ, и прибавлялъ, что отъ меня зависитъ спасти его или погубить. Потомъ Васильчиковъ былъ переведенъ на Кавказъ офицеромъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я получилъ лимоны, меня опять повели въ комиссію. На этотъ разъ въ залѣ было только двое изъ членовъ слѣдственной комиссіи, графъ Бенкендорфъ и князь Голицынъ. Оба знали меня съ дѣтства, князь Голицынъ бывалъ часто у моей матери.

— «Послушайте, Анненковъ, — началъ Голицынъ, — я вамъ желаю добра, повѣрьте, говорите правду».

— Извольте, ваше превосходительство.

Тогда Бенкендорфъ продолжалъ.

— «Вы знаете, государь милосерденъ. Сознайтесь чистосердечно, вѣдь ваша вина незначительна, есть государственные люди, замѣшанные въ этой исторіи, но вы ничего вѣдь не можете измѣнить. Вашей смерти не нужно, будьте только откровенны. Если вы во всемъ сознаетесь и раскаетесь, то самое большое наказаніе, васъ разжалуютъ въ солдаты и сошлютъ на Кавказъ. Теперь начинается персидская война, первое дѣло — и вы офицеръ, а тамъ можно служить или выдти въ отставку—это ваше дѣло. Не сознаетесь—васъ оставятъ въ крѣпости, вы имѣете теперь понятіе о ней, вѣдь это живая могила».

Слова Бенкендорфа невольно наводили на меня ужасъ, и я въ эту минуту подвергался страшной внутренней борьбѣ. По совѣсти я дѣйствительно многого не зналъ, что происходило за послѣднее время въ обществѣ, такъ какъ мало видѣлся съ участвовавшими въ немъ, но слышалъ, что лѣтомъ, когда я ѣздилъ за ремонтомъ, главные члены общества собирались въ Новой Деревнѣ. Царская фамилія жила тогда въ Елагинскомъ дворцѣ и Александръ I часто гулялъ одинъ. Вадковскій предлагалъ воспользоваться этимъ случаемъ и выстрѣлить изъ духоваго ружья. Разсчитывали, что тогда произойдетъ суматоха и этимъ думали воспользоваться, чтобы ввести конституцію. Но обо всемъ этомъ только говорили и нашли лишнимъ сообщать другимъ членамъ общества, и я узналъ объ этомъ гораздо позднѣе, поэтому говорилъ истинную правду, когда отвѣчалъ на всѣ вопросы Бенкендорфа—«не знаю,» но онъ не вѣрилъ и продолжалъ настаивать.

— «Вы сами себѣ вредите, — заговорилъ онъ опять, — я понимаю, что теперь вы не хотите сознаться въ томъ, что говорили

за бокаломъ шампанскаго, но вы напрасно упорствуете, васъ ожидаетъ крѣпость, будьте лучше откровенны.

— Да я готовъ, но положительно ничего не знаю.

— «Государь милостивъ и если вы сознаетесь, онъ васъ проститъ, иначе...»

Понятно, что въ эту минуту нервы у меня были сильно распатааны всѣмъ пережитымъ, крѣпость стояла передъ глазами, какъ фантомъ; не смотря на всю твердость моего характера, я настолько былъ потрясенъ, что, наконецъ, почти машинально выговорилъ, что дѣйствительно слышалъ о царубійствѣ; тогда Бенкендорфъ тотчасъ же велѣлъ подать мнѣ бумагу и я также машинально подписалъ ее. Меня снова отвели въ крѣпость.

Е. М. пришелъ на другой день и сталъ меня укорять:

— «Что вы, батюшка мой, тамъ надѣлали, зачѣмъ наговорили на себя. Теперь чаю не велѣли давать».

Этимъ кончились допросы и до сентенціи Ивана Александровича болѣе не трогали.

VI.

Между тѣмъ я изнывала съ тоски по немъ и послѣ напрасныхъ попытокъ, сдѣланныхъ мною въ Москвѣ, чтобы узнать что нибудь о постигшей его участи, я рѣшилась, наконецъ, отправить одного изъ преданныхъ ему слугъ въ Петербургъ, чтобъ узнать, гдѣ онъ могъ находиться; но для этого нужны были деньги, а у меня уже вышли тѣ, которые оставилъ мнѣ Иванъ Александровичъ, уѣзжая въ Петербургъ. Разставаясь, мы не предвидѣли всего, что потомъ случилось въ такое короткое время и думали, что расстаемся не надолго. Заложивъ свои бриліанты и турецкія шали, я, наконецъ, отправила челоуѣка въ Петербургъ. Въ то время съ матерью его я еще не видѣлась, но знала, что она мало заботилась о немъ. Когда челоуѣкъ былъ готовъ къ отъѣзду, я послала его къ бездушной старухѣ, чтобъ спросить — не прикажетъ ли она что нибудь передать ея несчастному сыну; она отвѣчала, что ничего, и приказала только благодарить меня за мои заботы.

Изъ Петербурга челоуѣкъ писалъ мнѣ отчаянныя письма,

объяснял, что, не смотря на всѣ его старанія, онъ ничего не можетъ узнать на счетъ своего барина, что носятся слухи, что онъ въ крѣпости, но въ какой именно—невозможно допытаться. Отчаяніе мое возрастало съ каждымъ днемъ; я болѣе не въ состоянїи была выносить такой неизвѣстности, но Господь сжалился надо мной и, наконецъ, блеснулъ для меня лучъ надежды отыскать любимаго мною человѣка. Ко мнѣ зашелъ Стремоуховъ, братъ того, котораго Анненковъ встрѣтилъ потомъ въ главномъ штабѣ; этотъ служилъ также въ кавалергардахъ, но не былъ замѣшанъ въ исторїи 14-го декабря. Отъ него я узнала, что Иванъ Александровичъ находится въ крѣпости въ Выборгѣ—это было въ январѣ мѣсяцѣ 1826 г. Оба брата Стремоуховы были прекрасные, очень сердечные люди. Въ то время было очень нелегко узнать что-бы то ни было объ участи, постигшей молодыхъ людей послѣ 14 декабря. Стремоуховъ сумѣлъ это сдѣлать, заставивъ болтать одного господина, котораго встрѣтилъ за столомъ въ гостинницѣ и въ которомъ подозрѣвалъ шпиона; отъ этого господина онъ узналъ также подробности о томъ, что происходило въ роковой день, и утѣшалъ меня тѣмъ, что Иванъ Александровичъ не былъ раненъ и что онъ не можетъ быть такъ строго осужденъ, какъ другіе, потому что на площади находился съ своимъ полкомъ. Я немного успокоилась послѣ визита Стремоухова, но тоска все болѣе душила меня. Я чувствовала непреодолимую потребность увидеть любимаго человѣка и думала только о томъ, какъ бы поѣхать къ нему; но изъ Москвы выбраться мнѣ было не легко: кромѣ того, что средства мои истощались, и я должна была снова работать, противъ меня начались интриги со стороны живущихъ въ домѣ матери Ивана Александровича, которыхъ былъ цѣлый легіонъ.

Старуха была окружена приживалками, и жила невозможною жизнью. Позднѣе, когда она меня потребовала къ себѣ, я была поражена всѣмъ, что увидала. Мнѣ, какъ иностранкѣ, казалось, что я попала въ сказочный міръ: домъ былъ громадный, въ немъ жило до 150 человѣкъ, составлявшихъ свиту Анны Ивановны; парадныхъ комнатъ было безъ конца, но Анна Ивановна никогда почти не выходила изъ своихъ апартаментовъ; болѣе всего поражала комната, гдѣ она спала: она никогда не ложилась въ постель и не употребляла ни постельнаго бѣлья, ни одѣяла. Она не выносила никакого движенія около себя, не

терпѣла шума, поэтому всѣ лакеи ходили въ чулкахъ и башмакахъ, и никто не смѣлъ говорить громко въ ея присутствіи. Безъ доклада къ ней никто никогда не входилъ. Чтобъ принять кого нибудь, соблюдалось двадцать тысячъ церемоній, а нерѣдко желавшіе видѣть ее ожидали ея пріема или выхода по цѣлымъ часамъ.

Въ офиціантской сидѣло постоянно 12 офиціантовъ; на кухнѣ было 14 поваровъ, и огонь никогда не переводился, потому что Аннѣ Ивановнѣ иногда приходила фантазія спросить что нибудь закусить не въ назначенный часъ и это случалось всего чаще ночью, такъ какъ для сна у нея, также какъ и для обѣдовъ и завтраковъ, не было назначенныхъ часовъ. Все дѣлалось по капризу, по первому требованію Анны Ивановны. Комната, гдѣ она постоянно находилась, была вси обита малиновымъ штофомъ; посрединѣ было сдѣлано возвышеніе, на которомъ стояла кушетка подъ балдахиномъ, отъ кушетки полукругомъ съ каждой стороны стояло по 6 вазъ изъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора самой тонкой работы, и въ нихъ горѣли лампы. Эффектъ, производимый всей этой обстановкой, былъ чрезвычайный. Въ этой комнатѣ Анна Ивановна совершала свой туалетъ также необыкновеннымъ способомъ: передъ нею стояло 6 дѣвушекъ, кромѣ той, которая ее причесывала; на всѣхъ 6 дѣвушкахъ были надѣты разныя принадлежности туалета Анны Ивановны: она ничего не надѣвала безъ того, чтобъ ни было согрѣто предварительно животной теплотой; для этого выбирались все красивыя дѣвушки отъ 16 до 20 лѣтъ; послѣ 20 лѣтъ ихъ назначали на другія должности; даже мѣсто въ каретѣ, передъ тѣмъ какъ ей выѣхать, согрѣвалось тѣмъ же способомъ, и для этого въ домѣ содержалась очень толстая нѣмка, которая за полъ-часа до выѣзда садилась въ каретѣ, на то мѣсто, которое потомъ должна была занять Анна Ивановна. Пока она выѣзжала, нѣмка нагрѣвала мѣсто въ креслахъ, въ которыхъ Анна Ивановна всегда сидѣла. Надменность и эгоизмъ Анны Ивановны Анненковой, а также ея необыкновенныя причуды становятся понятными, если знать ея жизнь. Она была единственная дочь Ивана Варѣоломеевича Якобія, намѣстника всей Сибири въ эпоху императрицы Екатерины II. Матери своей не знала, такъ какъ лишилась ея при своемъ рожденіи. Отецъ ея страстно любилъ и баловалъ. Когда

она кончила свое воспитаніе въ Смольномъ, то поѣхала къ отцу въ Сибирь, гдѣ, не смотря на свою молодость, сразу стала полноправною хозяйкою, окруженною несказанной роскошью, такъ какъ въ то время начинали устанавливаться торговья сношенія съ Китаемъ. Можно себѣ представить какіе богатые и рѣдкіе подарки несли торговые люди такому сильному человѣку, какъ намѣстнику сибирскому, и какимъ поклоненіемъ окружали балованную дочку. Якобій вывезъ изъ Сибири и рѣдкія китайскія матеріи, и дорогіе мѣха, и, наконецъ, значительную сумму денегъ. Вкладные листы были утеряны подъ конецъ жизни Анны Ивановны ея повѣреннымъ.

Вышла замужъ Анна Ивановна поздно, подъ сорокъ лѣтъ; такъ долго не могла найти себѣ человѣка по сердцу.

Я уже сказала, что Анна Ивановна никогда не ложилась въ постель, она спала на кушеткѣ, на которую разстилалось что-нибудь мѣховое, и покрывалась она какимъ нибудь салопомъ или турецкою шалью; на ночь она не только не раздѣвалась, но совершала даже другой туалетъ, не менѣе парадный, какъ дневной, и съ такими же церемоніями. Надѣвался обыкновенно бѣлый пенюаръ, вышитый или съ кружевами на шелковомъ цвѣтномъ чехлѣ, потомъ пышный чепчикъ съ бантами, затѣмъ шелковые чулки, непременно тѣлеснаго цвѣта, и бѣлые башмаки, по тогдашней модѣ, съ лентами, которыя завязывались, а бантики тщательно расправлялись, какъ будто бы она ѣхала на какой нибудь балъ. Въ такомъ пышномъ туалетѣ она прилежала на кушетку и никогда не оставалась одна. При ней было до 40 избранныхъ дѣвушекъ и женщинъ разнаго возраста, которыя поочередно должны были находиться въ ея комнатѣ. На ночь въ комнату Анны Ивановны вносились диваны, на которыхъ и помѣщались дежурныя; онѣ должны были сидѣть всю ночь и непремѣнно говорить въ полголоса; подъ ихъ говоръ и шопотъ дремала причудлиха, а если только онѣ умолкали, она тотчасъ же просыпалась. Столъ ея былъ не менѣе прихотливъ, какъ все остальное, и накрывался каждый день на сорокъ приборовъ; сама она обѣдала за особеннымъ столомъ, къ которому приглашались только избранныя, а зачастую даже въ своей комнатѣ, куда вносился уже накрытый столъ на 4 прибора, такъ какъ она требовала около себя положительной тишины и спо-

койствіа. Она не хотѣла знать никакой заботы, никакого горя, и когда ея второй сынъ Григорій былъ убитъ на дуэли, то ей рѣшились сказать объ этомъ только годъ спустя. Ея многочисленными имѣніями управлялъ Чернобой, изъ ея же крѣпостныхъ, нажившій себѣ нѣсколько домовъ въ Москвѣ, а всѣмъ хозяйствомъ заправляла дальняя родственница Марія Тихоновна Перская; всѣ доходы съ имѣній привозились и сдавались Маріи Тихоновнѣ, въ комнатѣ которой стоялъ комодъ, куда ссыпались деньги по ящикамъ, по качеству монеты, и навѣрно Марія Тихоновна сама не знала хорошенько, сколько ссыпалось въ комодъ и сколько изъ него расходовалось. Безпорядокъ и воровство въ домѣ были такъ велики, что подъ конецъ жизни Анны Ивановны все серебро, котораго было не мало, было все заложено; оно выкупалось изъ ломбарда, когда давался какойнибудь обѣдъ, и на другой день снова закладывалось.

Послѣ ссылки сына ея въ Сибирь, раззореніе пошло такъ быстро, что въ 1830-хъ годахъ Анна Ивановна жила уже на квартирѣ, продавъ свой пышный домъ и дачу въ Сокольникахъ, а когда она умерла въ 1842 г., то нечѣмъ было похоронить ее и расходы на похороны были сдѣланы Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ, женившимся на ея внучкѣ, дочери моей Александрѣ Ивановнѣ.

Но когда я попала въ 1826-мъ году въ домъ старухи Анны Ивановны Анненковой, то у нея всего было такъ много, что комнаты, гдѣ хранились эти богатства, были похожи на магазинъ. Однихъ платьевъ счетомъ было до 5,000; для нихъ велась особенная книга, съ приложеніемъ образчиковъ, по которымъ Анна Ивановна назначала—какое платье желала надѣть. Два сундука были наполнены самыми рѣдкими кружевами, цѣнностью въ 100,000 руб. Цѣлая комната была занята разными дорогими мѣхами, привезенными, какъ говорили, изъ Сибири. Анна Ивановна страшно любила наряжаться, забирала очень много по магазинамъ, особенно въ англійскомъ, который былъ тогда въ модѣ, и гдѣ она пользовалась безграничнымъ кредитомъ, такъ какъ магазину было извѣстно, что въ лондонскомъ банкѣ находится громадный капиталъ, на который она имѣла право. Когда ей нравились какіянибудь матеріи, то покупала цѣлыми кусками, чтобъ у другихъ не было подобныхъ. Когда я ее узнала, она была окружена

ореоломъ величія, къ ней ѣздила вся Москва, и, между прочими, бывалъ часто митрополитъ московскій—Филаретъ, который въ 1827 году меня напутствовалъ, когда я уѣзжала въ Сибирь. Эта бездушная женщина была неизмовѣрно строга съ своимъ сыномъ, и онъ являлся къ ней не иначе, какъ затянутый въ мундиръ, и постигшее его несчастіе нисколько не расшевелило ее. Она не сдѣлала ни шагу для того, чтобъ утѣшить его или облегчить его участь. Только изъ тщеславія и гордости, пока сынъ ея былъ въ крѣпости, послала она серьги дочери Подушкина ¹⁾, оцѣненные въ 5 тысячъ. Когда она узнала, что я собираюсь въ Петербургъ, чтобъ видѣть ея сына, она сдѣлала все, чтобъ отклонить меня отъ этой поѣздки. Ко мнѣ явилась одна изъ ея приближенныхъ (Караулова) и всячески уговаривала не ѣздить, увѣряя, что я этимъ много могу повредить Ивану Александровичу.

Между тѣмъ челоувѣкъ, котораго я посылала въ Петербургъ, вернулся и, конечно, не привезъ мнѣ ничего утѣшительнаго.

Сердце разрывалось, я стремилась къ любимому мною челоувѣку и не могла вырваться изъ Москвы, гдѣ приковывала меня страшная нужда. Мнѣ положительно нечѣмъ было существовать и я должна была усиленно работать, чтобъ не умереть съ голоду, а у меня на рукахъ были еще люди, которые раньше служили Ивану Александровичу и которыхъ мнѣ жаль было распустить. Такимъ образомъ я прожила своими трудами до марта мѣсяца 1826 г. Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ ко мнѣ Стремоуховъ, братъ того, который былъ прежде, и сообщилъ, что видѣлъ Ивана Александровича въ главномъ штабѣ, что далъ ему слово повидать меня и сколько возможно успокоить, но между тѣмъ Стремоуховъ предупредилъ меня, что дѣла принимаютъ болѣе серьезный оборотъ и что у Ивана Александровича остается мало надежды на освобожденіе. Отъ меня Стремоуховъ пошелъ къ Аннѣ Ивановнѣ, чтобъ сказать ей, что сынъ ея нуждается во всемъ; онъ въ то время былъ безъ бѣлья, безъ платья и даже безъ сапогъ, а деньги, которыя онъ имѣлъ съ собою, истощились. Но все это нисколько не потревожило бездушную старуху; она приняла Стремоухова по боярски, заставила долго ждать

¹⁾ Плацъ-маіоръ Петропавловской крѣпости въ 1826 году.

себя, вышла сопровождаемая цѣлою свитою приживалокъ и объявила, что вещи сына ея находятся въ кавалергардскихъ казармахъ и что тамъ вѣроятно есть все, что ему нужно. Стремоуховъ вернулся ко мнѣ, возмущенный такимъ пріемомъ до глубины души.

Тогда я начала собирать все, что могла найти, добилась нѣсколько бѣлья, разныхъ мелочей, вездѣ вышила и нацарапала свое имя (Pauline) и, наконецъ, достала его любимый халатъ и отправила это все ему черезъ Стремоухова; но такъ какъ халатъ былъ очень красивый и дорогой, то не дошелъ до узника. Плацъ-маіоръ крѣпости Подушкинъ нашель, что халатъ хорошъ и для него.

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ у меня Стремоуховъ, до іюля мѣсяца, т. е. до объявленія приговора, происшедшаго 13-го іюля 1826 г., я не имѣла никакихъ извѣстій объ Иванѣ Александровичѣ.

Приговоръ въ Москвѣ произвелъ страшное впечатлѣніе, снова всѣ впали въ глубокое уныніе; ко мнѣ съ этой ужасной новостью прибѣжалъ Затрапезный. Этотъ человѣкъ былъ страшная пьяница, нигдѣ не служилъ и жилъ только тѣмъ, что ему давалъ Иванъ Александровичъ. Когда онъ прибѣжалъ ко мнѣ, я тотчасъ же послала человѣка въ типографію съ 25-ти-рублевою ассигнаціею и человѣкъ возвратился съ только что напечатаннымъ листомъ, такъ что онъ былъ еще сырой. Затрапезный читалъ мнѣ и заливался слезами.

Интересно, какъ было сообщено узникамъ о приговорѣ.

Родственникамъ и женамъ было разрѣшено видѣться съ ними разъ въ недѣлю, и жены подъ разными предлогами, а иногда переодѣтыя, безпрестанно пробирались въ крѣпость. Когда сдѣлалось извѣстнымъ болѣе или менѣе къ чему будутъ приговорены заключенные, тогда фонъ-Визина и, кажется, Давыдова, переодѣтыя, отправились пройти по стѣнѣ, окружающей крѣпость, по которой, какъ извѣстно, совершался разъ въ годъ крестный ходъ, въ одинъ изъ весеннихъ праздниковъ. Такъ какъ онѣ были одѣты въ простое платье, то часовые не обратили на нихъ вниманія; онѣ держась на извѣстномъ разстояніи, стали какъ будто перекликаться, и, наконецъ, фонъ-Визина прокричала: «les sentences seront terribles, mais les peines seront commuées»,

въ отвѣтъ на эти слова разнесся страшный гулъ по казематамъ. Узники отвѣчали «Merci».

Что касается меня лично, то мнѣ было очень не легко пробираться въ крѣпость, такъ какъ я на это не имѣла права ни родственницы, ни жены, и мнѣ стоило большихъ усилій и много денегъ всякій разъ, какъ я добивалась свиданія съ Иваномъ Александровичемъ.

Пока я оставалась въ Москвѣ, горе осаждало меня со всѣхъ сторонъ.

Господь послалъ мнѣ столько испытаній въ это время, что теперь (1861 г.), когда я вспоминаю все, то удивляюсь, что можетъ вынести иногда женщина!

11-го апрѣля 1826 г. у меня родилась дочь, послѣ чего я жестоко захворала и слегла на 3 мѣсяца въ постель; 6 недѣль я лежала при смерти, потому что молоко бросилось въ голову.

Желая кормить своего ребенка, я нажила себѣ грудницу. Страданія были жестокия, увеличенныя, конечно, душевными скорбями и тревогами, но самое ужасное было то, что я не могла работать, и потому впадала съ каждымъ днемъ все болѣе въ нужду. Между тѣмъ всѣ меня оставили, всѣ знакомые, въ которыхъ я думала видѣть много друзей, отвернулись отъ меня. И только одна французенка, старушка Charpantie, меня не покидала и ухаживала за мной, какъ за своей родной дочерью, да еще одно прелестное существо, молодая дѣвушка, изъ горничныхъ Анны Ивановны, ходила ко мнѣ. Однажды она принесла съ собой портретъ ея молодаго барина и поставила въ ногахъ у меня на кровати, пока я задремала. Проснувшись и увидя портретъ, я залилась слезами. Кажется, чрезъ эту дѣвушку дошли, наконецъ, слухи до Анны Ивановны о моемъ ужасномъ положеніи; не знаю, была ли она этимъ тронута или опять таки изъ тщеславія, но она прислала мнѣ 600 рублей. Первое мое движеніе было не принимать деньги, но старушка Шарпантье не позволила мнѣ сдѣлать эту глупость. Рожденіе дочери сильно встревожило всю семью Анненковыхъ. Думали, что мы обвиняемы, одни желали этого и радовались, другіе боялись. Особенно Анна Ивановна была этимъ озабочена; она даже сама допрашивала, обвиняемы мы или нѣтъ, человѣка, котораго я посылала къ ней за приказаніями, когда отправляла его въ Петербургъ.

Сыну она отвѣчала, что не имѣетъ ничего передать и ничего не послала ему, но человѣку сулила 2,000, чтобъ только онъ открылъ ей все; тогда человѣкъ поклялся, что мы не обвѣнчаны. Мнѣ кажется, въ эту минуту мать была бы рада узнать противное, потому что въ такомъ случаѣ я и дочь являлись наследницами, а старуха думала, что это можетъ спасти состояніе, которое въ то время, какъ я узнала позднѣе, было уже сильно разстроено, не смотря на весь блескъ и величіе, окружавшіе еще Анну Ивановну. Убѣдившись, что мы не обвѣнчаны, она рѣшилась перезаложить имѣніе и этимъ, конечно, погубила бы все окончательно, если-бъ родственники Анненковы, которые узнали о ея намѣреніи, не поспѣшили-бы заявить свои права и наложить запрещеніе. Такимъ образомъ была спасена та часть состоянія, которая находилась въ пожизненномъ владѣніи Анны Ивановны, по духовному завѣщанію мужа ея Александра Никаноровича Анненкова. И уцѣлѣла настолько значительная часть, что впоследствии Иванъ Александровичъ, по возвращеніи изъ ссылки, получилъ изъ нея до 10,000 десятинъ...

Все, что Анна Ивановна имѣла отъ своего отца, было ею прожито, все несмѣтное ея богатство, всѣ дорогія, драгоценныя вещи, находившіяся въ ея домѣ, все исчезло безслѣдно. За нѣсколько лѣтъ до своей смерти она впала въ болѣзненное состояніе, и понятно, что живущіе въ домѣ дѣлали, что хотѣли. Понятно, насколько рожденіе дочери Ивана Александровича должно было взволновать и встревожить всѣхъ ея приближенныхъ. Крестины ребенка также всѣхъ озаботили. Я, какъ католичка, не спѣшила исполнить этотъ обрядъ. Тогда начали являться ко мнѣ нѣкоторые изъ родственниковъ и стали уговаривать крестить ребенка въ православную вѣру. Я, наконецъ, согласилась и воспріемниками ея были Бахметьевъ и Титова.

Едва я оправилась отъ болѣзни, какъ начала собираться въ Петербургъ, но никакъ не могла добиться паспорта. Въ то время меня начали осаждать приближенные Анны Ивановны то своимъ вниманіемъ, то разными преслѣдованіями. Пока я хворала, меня всѣ забыли и оставили въ покоѣ, но когда узнали, что я хлопочу о паспортѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, то стали снова убѣждать меня не ѣздить и даже интриговали, чтобъ я не могла получить паспорта, но тутъ на помощь ко мнѣ явилась одна

франпуженка m-lle *Phélice*, которая жила въ домѣ Шульгина, московскаго оберъ-полиціймейстера. Она пріѣхала ко мнѣ, хотя я ее совсѣмъ не знала.

— «Я не имѣю удовольствія васъ знать, сказала она, входя ко мнѣ,—но мнѣ жаль васъ, я знаю, что вамъ дѣлаютъ много непріятностей и не пускаютъ въ Петербургъ. Хотите имѣть паспортъ?»

Я, конечно, съ радостію приняла ея предложеніе. Черезъ часъ у меня былъ паспортъ, выданный Шульгинымъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я не могу забыть услуги, оказанной мнѣ добрѣйшей m-lle *Phélice*. Какъ только паспортъ былъ въ моихъ рукахъ, такъ я, не медля ни минуты, собралась въ дорогу и выѣхала въ Петербургъ на другой день, поручивъ ребенка старушкѣ *Charpentie*.

П. Е. Анненкова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ ТЕРЕНТЬЕВИЧЪ ОСИНИНЪ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Род. 1835 г., † 1887 г.

I.

Въ ночь съ 23-го на 24-е февраля 1887 г., въ С.-Петербургѣ (на Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, въ домѣ женской гимназіи), скоропостижно скончался отъ удара почетный опекунъ, предсѣдатель учебнаго комитета вѣдомства учреждений императрицы Маріи и попечитель женскихъ гимназій, тайный совѣтникъ Иванъ Терентьевичъ Осининъ, около 20-ти лѣтъ служившій въ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій.

Смерть застигла Осинина на 52 году жизни, въ самомъ разгарѣ его плодотворной дѣятельности на пользу образованія, среди разнообразныхъ трудовъ и занятій по вѣдомству, въ должностяхъ, возложенныхъ на него милостью и довѣріемъ Государя Императора. Тяжесть и неожиданность утраты глубоко поразили и огорчили его сослуживцевъ, товарищей, друзей, отцевъ и матерей многочисленныхъ бывшихъ и настоящихъ его ученицъ, воспитанницъ женскихъ гимназій и педагогическихъ курсовъ.

Не смотря на усиленные труды и постоянныя заботы, а равно и на рядъ тяжелыхъ для сердца потерь въ семьѣ, Иванъ Терентьевичъ отличался вообще добрымъ здоровьемъ и бодростью. Совершенная надъ нимъ въ 1877 году весьма серьезная операція (полипъ въ ухѣ) нѣсколько надорвала его силы, но безъ какихъ-либо опасеній за его жизнь. Въ 1885 г. его постигла сильная

болѣзнь, оставившая за собою удушье и катаральное состояніе легкихъ. Еще въ день смерти, 23-го февраля, Иванъ Терентьевичъ, бодрый и здоровый, былъ въ канцеляріи вѣдомства и бесѣдовалъ съ нѣкоторыми лицами; послѣ обѣда и обычнаго приѣма многихъ посѣтителей и просителей, въ 9 ч. вечера онъ бесѣдовалъ съ своей матушкой и дочерью за семейнымъ чаемъ; въ обычное время легъ спать.... и, съ книгою въ рукахъ, заснулъ вѣчнымъ сномъ!

Горячія молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи души его возсылались и въ залѣ Васильеостровской женской гимназіи, гдѣ стоялъ гробъ усопшаго, и въ другихъ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ особенно памятна его дѣятельность и священна его память. Кромѣ того, панихиды были совершаемы въ опекуномъ совѣтѣ, въ духовной академіи и въ другихъ учрежденіяхъ и храмахъ. Выносъ тѣла покойнаго и погребеніе въ Александро-Невской лаврѣ состоялись 27-го февраля. Масса скорбящихъ людей присутствовала на заупокойной литіи въ Васильеостровской женской гимназіи и до богослуженія съ глубокимъ вниманіемъ выслушано было прочувствованное слово законоучителя гимназіи протоіерея Ставронскаго. Эта масса все болѣе и болѣе увеличивалась по мѣрѣ печальнаго шествія къ мѣсту упокоенія праха покойнаго труженика; воспитанницы гимназій со слезами на глазахъ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчали и провожали гробъ съ останками дорогаго учителя; болѣе ста каретъ замыкали шествіе. Послѣ заупокойной литургіи, совершенной въ церкви св. Духа въ Невской лаврѣ преосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, при чемъ пѣлъ хоръ пѣвчихъ-студентовъ духовной академіи, ректоръ семинаріи, протоіерей Розановъ, товарищъ покойнаго по академіи, произнесъ прекрасную и высокопоучительную надгробную рѣчь. Отпѣваніе съ рѣдкою торжественностью совершено экзархомъ Грузіи высокопреосвященнымъ Павломъ (сотоварищемъ покойнаго по академіи) въ сослуженіи съ четырьмя іерархами, при участіи духовника ихъ императорскихъ величествъ, протопресвитера Янышева, и большаго числа лицъ столичнаго духовенства.

Въ церкви присутствовали—августѣйшій ученикъ покойнаго его имп. выс. вел. князь Сергій Александровичъ, многія высокопоставленные лица и, средч публики, весьма значительное число

дѣтей, дѣвицъ и дамъ, нынѣшнихъ и бывшихъ воспитаницъ гимназій и педагогическихъ курсовъ, сошедшихся въ этотъ печально-торжественный день, чтобы отдать покойному послѣдній христіанскій долгъ. Наконецъ, при умильномъ пѣніи студенческаго хора, прахъ горячолюбимаго педагога отнесенъ былъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, и совершенно погребеніе. Могила засыпана была многочисленными вѣнками, въ числѣ которыхъ былъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ—дань послѣдняго благоволенія къ почившему отъ Государыни Императрицы, августѣйшей покровительницы женскаго образованія. Почти во всѣхъ органахъ столичной печати помѣщены были о покойномъ некрологи, въ которыхъ замѣчательны единодушіе и теплота отзывовъ о его жизни и дѣятельности ¹⁾.

По смерти Ивана Терентьевича, круглою сиротою осталась его 15-лѣтняя дочь Евгенія, и лишилась сыновней опоры его престарѣлая (78 л.) мать Марія Васильевна. „Нельзя описать моего состоянія“, говоритъ пораженная горемъ мать усопшаго въ одномъ изъ писемъ по поводу смерти ея сына: „въ агоніи лежала опора моей старости! Моя радость и счастье моей жизни погибали!“ Состояніе несчастной сироты не менѣе тяжело. Великимъ утѣшеніемъ для нея и для почтенной ея бабушки явилась новая милость августѣйшихъ покровителей женскаго образованія, высоко цѣнившихъ дѣятельность покойнаго, а именно высочайшимъ соизволеніемъ дочери покойнаго назначена изъ суммъ государственнаго казначейства пенсія, съ 14-го февраля 1887 г. до замужества, 1000 рублей въ годъ, во вниманіе къ выдающейся дѣятельности покойнаго на пользу женскаго образованія въ Россіи ²⁾.

¹⁾ Особенно обстоятельнымъ и проникнутымъ горячею скорбью и глубокимъ уваженіемъ къ покойному Ивану Терентьевичу—явился некрологъ подъ названіемъ „Памяти Ивана Терентьевича Осинина“, написанный профессоромъ духовной академіи А. П. Лопухиннымъ, преемникомъ покойнаго по кафедрѣ сравнительнаго богословія, помѣщенный въ 10 № „Церковнаго Вѣстника“ 1887 г. и перепечатанный въ 15 № „Русскаго Паломника“.

²⁾ Таковой пенсіей пожалованъ, состоя на службѣ, — покойный Иванъ Терентьевичъ за преподаваніе ихъ императорскимъ высочествами великой княжнѣ Маріи Александровнѣ и великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ.

По всеподданнѣйшему докладу о смерти почетнаго опекуна тайнаго совѣтника Осинина, Государь Императоръ высочайше соизволилъ начертать: „это большая потеря“.

Монаршіи отзывъ увѣковѣчилъ то, что такъ ясно сознавалось всѣми, кому извѣстны были личность и дѣятельность покойнаго. Въ немъ хоронилъ Петербургъ высокопросвѣщеннаго, въ высшей степени гуманнаго, твердаго, увѣжденнаго и вполнѣ умѣлаго устроителя и защитника воспитанія и образованія женщины. Объемъ и солидность его ученыхъ познаній и образованія были поразительны. Его имя, какъ профессора академіи по каедрѣ сравнительнаго богословія, пользовалось большимъ почетомъ; въ западной Европѣ, и даже въ Америкѣ, онъ извѣстенъ и своими сочиненіями по предмету богословія, и своею дѣятельностью въ качествѣ делегата Россіи на богословскихъ конференціяхъ.

Призванный на должность начальника женскихъ гимназій, по личному желанію въ Бозѣ почившей государыни Маріи Александровны, и позднѣе на должность попечителя гимназій, по личному желанію Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, Осининъ болѣе 20 лѣтъ неутомимо работалъ на пользу женскаго образованія. Въ званіи члена или предсѣдателя различныхъ комиссій онъ оказывалъ огромныя заслуги своимъ просвѣщеннымъ участіемъ и горячимъ стремленіемъ къ истинѣ и совершенству. Въ званіи предсѣдателя учебнаго комитета,—онъ, по особому довѣрію къ нему со стороны высшей власти,—трудился, какъ непосредственный помощникъ этой власти и какъ посредникъ между главнымъ управленіемъ и подчиненными ему учебно-воспитательными учрежденіями по всѣмъ вопросамъ образованія и воспитанія. Какъ членъ высочайше назначенной комиссії о женскомъ образованіи въ Россіи,—онъ до послѣдняго времени употреблялъ всѣ свои способности и усилія къ наилучшему разрѣшенію этого важнѣйшаго вопроса.

Иванъ Терентьевичъ Осининъ былъ горячій патріотъ, вполнѣ европейски-просвѣщенный человекъ, отличный семьянинъ, вѣрный другъ, добрый сослуживецъ, отецъ служащихъ и учащихся,—а главное,—истинный христіанинъ....

II.

Иванъ Терентьевичъ Осининъ, сынъ псаломщика русской императорской посольской церкви въ Копенгагенѣ, родился въ этомъ городѣ въ 1835 году. Получивъ первоначальное воспитаніе подъ руководствомъ отца и матери, родомъ датчанки, мальчикъ помѣщенъ былъ въ одну изъ общественныхъ школъ въ Копенгагенѣ. Блестящія способности его къ ученью, а равно—усидчивость и прилежаніе обозначились въ немъ еще въ годы дѣтства и отрочества. Окончивъ курсъ въ копенгагенской школѣ, даровитый мальчикъ получилъ хорошую общеобразовательную подготовку, приобрѣлъ знаніе нѣмецкаго языка и нѣкоторое знакомство съ европейской литературой. Кромѣ того, по самому своему происхожденію и первоначальному образованію, онъ еще ребенкомъ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ характеромъ другихъ вѣроисповѣданій не только въ ихъ теоріи, но и въ практическомъ осуществленіи, въ самой жизни инославныхъ народовъ. Чтобы дать сыну образованіе въ православномъ русскомъ духѣ, родители Осинина переселились въ Петербургъ, гдѣ отецъ Ивана Терентьевича былъ посвященъ въ священники, но вскорѣ умеръ на новомъ мѣстѣ своего служенія (въ Ставрополѣ). При поступленіи въ с.-петербургскую семинарію въ 1847 году, Осининъ, по отзывамъ его сотоварищей; былъ значительно выше ихъ по подготовкѣ къ серьезной научной работѣ, хотя плохо говорилъ и худо зналъ еще языкъ русскій, который давался ему особенно трудно. Онъ владѣлъ имъ такъ дурно, что своими отвѣтами выводилъ изъ терпѣнія даже такого добраго профессора, какъ архимандритъ Макарій (впослѣдствіи знаменитый іерархъ московской епархіи). Много труда надо было положить жаждущему знаній юношѣ, чтобы, среди непрерывныхъ упорныхъ занятій въ семинаріи, а потомъ въ духовной академіи, овладѣть нашею, столь трудною для не родившагося въ Россіи и отъ не русской матери, рѣчью, — и, тѣмъ не менѣе, благодаря твердой волѣ и ясному сознанію необходимости усовершенствованія въ русскомъ языкѣ, студентъ Осининъ постепенно овладѣлъ нашею богатою рѣчью и превосходно пользовался ею впослѣдствіи и устно, и въ своихъ литературныхъ сочиненіяхъ, и въ служебныхъ запискахъ.

Незнание русскаго языка вызывало даже легкія надъ нимъ насмѣшки товарищей по семинаріи, прозавшихъ его „Негг Осининъ“. Кромѣ того, ему пришлось много работать и надъ другими предметами, вслѣдствіе того, что языкъ преподаванія былъ для него почти чужой. Знаніе же нѣмецкаго языка и нѣкоторая начитанность облегчили ему занятіе по предметамъ словеснымъ. Къ концу семинарскаго курса онъ былъ уже въ первомъ пяткѣ и, въ числѣ троицъ, былъ принятъ на казенный счетъ въ духовную академію, гдѣ шелъ все время однимъ изъ первыхъ студентовъ.

Въ 1857 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, Осининъ окончилъ курсъ въ академіи первымъ магистромъ и, съ разрѣшенія митрополита Григорія, оставленъ при академіи въ должности бакалавра по кафедрѣ сравнительнаго богословія (6 ноября 1857 г.; исправлялъ должность съ 1 сентября 1857 г.). Въ томъ-же 1857 г. определенъ, кромѣ того, преподавателемъ нѣмецкаго языка въ академіи, въ каковой должности оставался 12 лѣтъ. Представивъ и защитивъ ученую диссертацию (о римскомъ догматѣ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи), молодой ученый утвержденъ въ должности магистра богословія (3 марта 1858 года), и черезъ 5 лѣтъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора академіи (14 октября 1863 года). Рѣдко на академическую кафедру входилъ юный профессоръ съ такимъ всеоружіемъ образованія и спеціальныхъ познаній. Довольно сказать, что покойный изъ языковъ зналъ: датскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, латинскій, греческій и еврейскій. Въ этотъ періодъ времени Осининъ нѣсколько разъ былъ за границей — на родинѣ, въ Даніи, и въ Англій, гдѣ онъ вступилъ въ первый бракъ съ дочерью извѣстнаго поборника единенія церквей, настоятеля посольской церкви въ Лондонѣ, протоіерея Е. И. Попова. Году не прожилъ онъ съ своею молодою женою: тяжкая болѣзнь лишила его избранной имъ подруги жизни, которая умерла въ 1859 году ¹⁾.

¹⁾ Второй бракъ Осинина также не далъ ему продолжительнаго наслажденія семейнымъ счастьемъ. Онъ женился на своей ученицѣ Елизаветѣ Тихоновнѣ Тимановской, незадолго до назначенія его начальникомъ женскихъ гимназій, но вскорѣ потерялъ ее: нѣжно-любимая супруга умерла отъ чахотки, оставивъ ему двухъ дѣтей: сына Владимира, умершаго въ дѣтствѣ отъ крупа, и дочь Евгению. Елисавета Тихоновна была прелестная, въ нравственномъ отношеніи, женщина и оставила по себѣ самую свѣтлую память въ средѣ

Сердечное горе, отвлекши молодого ученаго отъ утѣхъ міра и семейнаго счастья,—побудило его еще болѣе предаться наукѣ и живой дѣятельности профессора и богослова. Занимая кафедру, требующую широкаго умственнаго кругозора и гуманнаго истинно христіанскаго отношенія къ западнымъ собратьямъ по вѣрѣ въ Христа, Иванъ Терентьевичъ оказался вполне достойнымъ своего назначенія и, увлекшись академическою работою и живою дѣятельностью и за предѣлами академіи, все болѣе и болѣе приобрѣтала любовь и уваженіе учениковъ и товарищей, вниманіе и поощреніе со стороны начальства и извѣстность въ ученomъ мѣрѣ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Существовавшія по его профессурѣ сухія руководства чисто схоластическаго содержанія и изложенія онъ замѣнилъ прекрасно составленными, вполне научными записками, исполненными въ то-же время живаго интереса.

Многочисленные ученики его съ истиннымъ наслажденіемъ слушали талантливое изложеніе историческихъ судебъ вѣроисповѣдной сущности и церковно-практическихъ особенностей иностранныхъ вѣроисповѣданій, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ начиналъ приобретать въ то время особенно-живой интересъ, вслѣдствіе знаменательныхъ движеній, которыя не замедлили сказаться въ скоромъ времени въ открытомъ стремленіи нѣкоторыхъ западныхъ исповѣданій къ сближенію съ православною церковью. Вскорѣ талантливый профессоръ обратилъ на себя доброе вниманіе митрополита Григорія, который приблизилъ къ себѣ молодого бакалавра, и многіе вечера проводилъ съ нимъ въ домашнихъ богословскихъ бесѣдахъ, оставившихъ неизгладимую печать духовнаго озаренія на благородный и воспримчивой личности покойнаго профессора. Съ 1860 года въ академическомъ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ появился рядъ статей И. Т. Осинина, направленныхъ къ изученію современнаго состоянія западнаго христіанскаго міра, отдѣльныхъ моментовъ въ его исторической жизни и различныхъ движеній, къ правильному взгляду на которыя необходимо было подготовить общество. Вотъ заглавія важнѣйшихъ статей трудолюбиваго профессора:

всѣхъ лицъ, ее знавшихъ. Мы имѣли истинное удовольствіе знать ее весьма близко. Умерла она отъ чахотки и прахъ ея поконится на православномъ кладбищѣ въ Висбаденѣ, въ королевствѣ Прусскомъ. М. С.

1) Римскій новый догматъ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха предъ судомъ св. писанія и св. преданія св. отцевъ.

2) Взглядъ на характеръ и направленіе западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

3) Нѣсколько словъ по поводу адреса о папской непогрѣшимости.

4) Попытки протестантовъ въ соединенію съ православною восточною церковью въ XVI вѣкѣ.

5) Обзоръ XXXIX членовъ англійскаго вѣроисповѣданія.

6) Объ англійскомъ священствѣ и мног. друг. (часто безъ подписи) ¹⁾.

Въ опроверженіе лжесвидѣтельствъ извѣстнаго отступника іезуита князя Ив. Гагарина, который въ особой брошюрѣ подобралъ свидѣтельства изъ исторіи и богослужебной практики русской православной церкви, будто бы доказывающихъ, что наша церковь несознательно исповѣдуетъ тотъ же римскій догматъ о зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи, нашъ профессоръ написалъ статью, въ которой обстоятельно опровергъ всѣ лжесвидѣтельства отступника отъ православія.

Его богословская дѣятельность и сношенія съ западными представителями богословской мысли продолжались и позднѣе, въ самый разгаръ его трудовъ на другомъ поприщѣ, а именно, когда онъ уже былъ начальникомъ женскихъ гимназій.

Такъ, въ началѣ 1870 года Осининъ былъ командированъ отъ святѣйшаго синода за границу на церковный конгрессъ и принималъ дѣятельное участіе въ обнаружившемся за границею стремленіи сблизиться съ православною церковью. Какъ знатокъ сущности и практическаго примѣненія западныхъ исповѣданій, профессоръ Осининъ какъ бы предвидѣлъ появленіе извѣстнаго старокатолическаго движенія, какъ неизбѣжный и естественный результатъ односторонняго развитія папской системы.

¹⁾ Съ признательностью вспомнимъ, что одну изъ интересныхъ статей своихъ И. Т. Осининъ—помѣстилъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1874 года, т. IX, именно „Записки квакера Мобилье о пребываніи въ Россіи, 1818—1819 гг.“. До конца своей жизни дорогой нашъ другъ Иванъ Терентьевичъ являлъ самое доброе вниманіе къ нашему изданію и живо интересовался „Русской Стариной“.

Петербургскій отдѣлъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, членомъ-основателемъ котораго былъ профессоръ Осининъ,—поставилъ себѣ задачею поддержать начинавшееся въ иновѣрныхъ церквахъ движеніе въ пользу соединенія съ православіемъ, но политическія усложненія въ Европѣ, кончившіяся разгромомъ Франціи, помѣшали выполненію этой задачи. Тѣмъ не менѣе, это движеніе привело къ извѣстнымъ боннскимъ конференціямъ (1874—1875 гг.), на которыхъ профессоръ Осининъ выступилъ достойнымъ представителемъ богословія отечественной церкви; имя его сдѣлалось общеевропейскою извѣстностью и нѣкоторыя изъ произнесенныхъ имъ на конференціяхъ рѣчей появились потомъ на англійскомъ языкѣ въ отдѣльномъ изданіи въ Англии и Америкѣ; съ тѣхъ поръ многіе иностранные представители богословской мысли обращались непосредственно къ нему за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ недоумѣній касательно православной церкви. Къ этому же времени его жизни и дѣятельности относится и появленіе Ивана Терентьевича въ велико-свѣтскомъ русскомъ обществѣ, гдѣ онъ явился достойнѣйшимъ представителемъ нашей духовной школы и науки; лучшіе аристократическіе дома и многія высокопоставленныя лица открыли для него салоны и кабинеты, оцѣнивъ его познанія, умъ, любезность и простоту въ обращеніи.

Въ 1863 году осенью Иванъ Терентьевичъ назначенъ былъ высочайшею волею преподавателемъ исторіи ея императорскому высочеству великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, а впослѣдствіи и ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ. Его познанія, интересъ и воспитательное значеніе его чтеній были замѣчены августѣйшими родителями его высокихъ учениковъ, и рядъ царскихъ милостей былъ достойною наградою за его труды. Кромѣ подарковъ отъ милостиваго монарха, по окончаніи его преподавательской дѣятельности въ царскомъ семействѣ, ему была назначена изъ суммъ государственнаго казначейства пенсія въ 1258 рублей. Съ этого же времени для него открылась новая широкая перспектива общественной дѣятельности.

Съ 1867 года Иванъ Терентьевичъ Осининъ получилъ назначеніе, по личному желанію Государыни Императрицы, быть исправляющимъ должность начальника с.-петербургскихъ и цар-

скосельской женскихъ гимназій (съ 1868 года утверждёнъ въ этой должности). Не покидая любимой имъ каведры въ духовной академіи, до 1883 года, когда оказалось возможнымъ передать ее вполнѣ достойному преемнику, Иванъ Терентьевичъ все остальное время въ теченіе этихъ 16 лѣтъ и затѣмъ послѣдующихъ 4 лѣтъ своей жизни посвятилъ неутомимымъ трудамъ по приведенію ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній въ возможно лучшее состояніе, благодаря которому какъ женскія гимназіи, такъ и педагогическіе курсы получили прочное устройство и право на дальнѣйшее существованіе. Онъ принялъ столичныя женскія гимназіи на 10 году существованія старѣйшей изъ нихъ, въ количествѣ 7 (въ томъ числѣ и царскосельская), при общемъ количествѣ учащихся до 1500, учебно-воспитательнаго персонала 100 человекъ; тѣмъ не менѣе, какъ будетъ разъяснено ниже, положеніе этихъ учебныхъ заведеній, какъ равно и соединенныхъ съ ними педагогическихъ курсовъ, было далеко не прочно. Много надо было съ его стороны усилій, такту, трудовъ, чтобы отстоять и упрочить дорогое для него дѣло женскаго гимназическаго и высшаго образованія, оберегать его отъ опасныхъ вліяній и защищать отъ незаслуженныхъ подозрѣній. Живой, отзывчивый на все свѣжее, чуждый всякой рутины и сухой формалистики, искренно убѣжденный, съ ясными устойчивыми идеалами нравственности, онъ вносилъ эти качества въ свою служебную дѣятельность и далъ ввѣреннымъ ему учебнымъ заведеніямъ здоровый истинно христіанскій характеръ, выработавъ изъ нихъ лучшій до сихъ поръ въ нашемъ отечествѣ типъ женскихъ учебныхъ заведеній, доведя ихъ до общаго количества 13 (11 восьмиклассныхъ гимназій, педагогическіе курсы и четырехклассная прогимназія), при общемъ числѣ учащихся свыше 4,000 и лицъ учебно-воспитательнаго персонала свыше 300 человекъ.

На его долю выпала трудная и отвѣтственная задача.

III.

Первое въ Россіи учебное заведеніе для женщинъ основано только въ царствованіе императрицы Екатерины II, а именно, въ 1764 году учреждено было воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), по примѣру образцоваго въ то время Сенъ-Сирскаго института во Франціи, еще ранѣе привлекашаго своимъ устройствомъ вниманіе Петра I во время его путешествія.

Возникшіе впослѣдствіи другіе институты и въ столицахъ, и въ губернскихъ городахъ Россіи, какъ заведенія закрытыя, удовлетворяли, въ извѣстной степени, потребностямъ воспитанія и образованія женщины, но были доступны только высшему классу общества, которое одно только, до общаго благодѣтельнаго перелома въ Россіи, вызваннаго рядомъ жизненныхъ реформъ Царя Александра II, предоставляло исключительное право на стройное образованіе женщины въ той степени, которая тогда считалась достаточною, для обезпеченія выхода въ замужество и поддержанія своего достоинства въ семьѣ и свѣтѣ.

Прошло почти столѣтіе: институты, постепенно освобождаясь отъ первоначальныхъ увлеченій, въ смыслѣ отчужденія дѣтей отъ семьи и искусственной подготовки особой породы матерей, внѣ вліянія семьи и общества, дѣлали шаги ко внесенію семейныхъ началъ въ общую сферу воспитанія и образованія женщины, вводя иногда своихъ питомицъ и въ нѣдра ихъ семействъ,—но мысль о необходимости школьнаго воспитанія и образованія и для дѣвицъ средняго сословія, а въ то-же время и объ учрежденіи такихъ училищъ, гдѣ ученицы только посѣщаютъ школу, оставаясь остальное время подъ непосредственнымъ вліяніемъ семьи и родныхъ,—эта мысль все еще пробивалась, не находя для себя ни почвы, ни попутнаго теченія. Не смотря на примѣръ Германіи, гдѣ открытыя женскія училища учреждались въ большомъ количествѣ еще со времени реформаціи и гдѣ задачи общаго образованія уже ясно сознаны были, благодаря живительнымъ идеямъ XVIII вѣка—„вѣка просвѣщенія по преимуществу“, — въ нашемъ отечествѣ открытыя женскія

учебныя заведенія возникли значительно позже, чѣмъ проявилась глухая потребность въ всеобщемъ образованіи женщины.

Первая мысль объ открытіи у насъ „училищъ для приходящихъ дѣвицъ“ и первоначальный проектъ ихъ учрежденія принадлежатъ бывшему инспектору Павловскаго института, профессору Вышнеградскому, нынѣ покойному, который въ исходѣ 1857 г. ходатайствовалъ передъ совѣтомъ Павловскаго института о разрѣшеніи открыть при институтѣ, съ курсомъ, совершенно равнымъ институтскому, классы для экстернъ, т. е. для дѣвицъ, которыя только приходили-бы на урокъ, проводя все остальное время дома, у родителей и родныхъ.

Главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, не признавъ удобнымъ открывать новое заведеніе при институтѣ, поручилъ профессору Вышнеградскому составить проектъ отдѣльнаго открытаго женскаго училища.

Новый проектъ, при особой запискѣ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, былъ представленъ на возрѣніе императора Александра II и, по высочайшей волѣ, — переданъ на обсужденіе въ главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній. Главный совѣтъ высказалъ убѣжденіе, что „въ настоящее время для Россіи настоятъ необходимость, въ видахъ распространенія женскаго образованія, имѣть и такія учебныя заведенія, гдѣ дочери недостаточныхъ родителей могли-бы получать основательное и къ ихъ назначенію принаровленное образованіе, не отлучаясь на продолжительное время отъ своихъ семействъ“. Въ силу послѣдовавшаго за симъ высочайшаго соизволенія, 15 марта 1858 года, — состоялось открытіе Маріинскаго женскаго училища для приходящихъ дѣвицъ (19 апрѣля 1858 г.), и въ знаменательный этотъ день въ исторіи образованія русской женщины осчастливила новое училище своимъ присутствіемъ императрица Марія Александровна.

Въ день открытія поступило 162 дѣвицы ¹⁾. Потребность въ новомъ типѣ училищъ была такъ велика, что не только Маріинское училище черезъ мѣсяцъ перешло уже установленный ком-

¹⁾ По происхожденію — дѣтей дворянъ — 70%, купцовъ — 14%, духовенства — 8%, мѣщанъ — 7% и крестьянъ — 1%. Замѣчательно, что это, повидимому, случайно образовавшееся процентное отношеніе между сословіями, съ небольшимъ лишь колебаніемъ, какъ указываютъ точныя официальные данныя, сохранилось въ гимназіяхъ и на все послѣдующее время.

плекть (250 уч.), но въ томъ-же 1858 году учреждены были еще три подобныхъ училища. Затѣмъ, въ 1859 г. нѣсколько такихъ училищъ учреждено и въ провинціи и, въ виду ихъ умноженія, послѣдовало высочайшее повелѣніе о распредѣленіи учрежденныхъ и учреждаемыхъ женскихъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ между вѣдомствами императрицы Маріи и народнаго просвѣщенія, при чемъ въ вѣдомствѣ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній назначено состоять тѣмъ училищамъ, которыя получаютъ средства содержанія отъ означеннаго вѣдомства. Въ виду всего этого главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, при обсужденіи проектовъ устава и штатовъ этихъ училищъ въ 1861 г. (высочайше утвержденныхъ 9 января 1862 года), имѣлъ уже полное право сказать, что „училища блистательнымъ своимъ развитіемъ доказали, насколько общество глубоко сочувствуетъ возрѣнію правительства на настоящей способъ образованія женскаго пола“. Въ томъ же 1862 году этимъ училищамъ, согласно высочайшему утвержденію (10-го ноября 1862 года), присвоено названіе женскія гимназіи. Переименованіе это послѣдовало по ходатайству попечителя училищъ виленскаго, ковенскаго и гродненскаго, — генераль-адъютанта В. И. Назимова, который, въ своемъ по этому предмету представленіи, между прочимъ, изъяснялъ: „люди, незнакомые съ учебными программами женскихъ училищъ, смѣшиваютъ ихъ съ другими низшими училищами, и названіе ихъ „училищами для приходящихъ дѣвицъ“ употребляется только въ официальныхъ бумагахъ и идетъ наперекоръ установившемуся въ обществѣ обычаю именовать ихъ гимназіями“.

Въ 1860 г. при Маринскомъ училищѣ открытъ педагогическій классъ для спеціального приготовленія учительницъ и воспитательницъ. Въ 1863 году этотъ классъ преобразованъ въ педагогическіе курсы спб. женскихъ гимназій. Къ концу 1864 года число гимназій вѣдомства возрасло до 17, а съ 1865 года и московскія гимназіи вошли въ составъ учреждений импер. Маріи.

Устройство всѣхъ женскихъ училищъ (гимназій) въ С.-Петербургѣ и начальство надъ ними, согласно представленію главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, высочайшею волею (15-го марта 1858 года) возложено на профессора Вышнеградскаго, который и состоялъ въ этой должности 9 лѣтъ, отъ 1858

до 1867 года, когда, за его увольненіемъ, согласно прошенію, съ должности, — обязанности начальника с.-петербургскихъ и царскосельскихъ женскихъ гимназій, высочайшею волею, были возложены на профессора духовной академіи—И. Т. Осинина.

Для того, чтобы вполне оцѣнить плодотворную дѣятельность Ивана Терентьевича на пользу женскаго образованія, на сохраненіе женскихъ гимназій и педагогическихъ курсовъ, чтобы выяснить самый характеръ его управленія сложнымъ мѣханизмомъ гимназическаго и высшаго образованія женщинъ, чтобы понять борьбу, болѣе или менѣе открытую, какую приходилось ему вести за право существованія и процвѣтанія дорогихъ для его сердца учреждений, чтобы оцѣнить, наконецъ, оставленное имъ наслѣдство, обеспечивающее дальнѣйшее процвѣтаніе женскихъ гимназій и курсовъ, необходимо, хотя бы и не во всей подробности,—прослѣдить развитіе женскаго гимназическаго образованія въ первое девятилѣтіе его существованія при предмѣстникѣ И. Т. Осинина, извѣстномъ педагогѣ Н. А. Вышнеградскомъ.

IV.

Появленіе открытыхъ женскихъ училищъ (гимназій) и ихъ значеніе, какъ учебно-воспитательныхъ заведеній, предоставившихъ русской дѣвицѣ возможность получить твердыя основанія религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія, въ тѣсномъ единеніи школы съ семьей,—непосредственно связано съ незабвеннымъ царствованіемъ императора Александра II-го и его благодѣтельными реформами, направленными на дарованіе всѣмъ его подданнымъ разумной свободы и широкаго простора для гражданской дѣятельности на пользу государства и отечества... „Съ благоговѣйнымъ чувствомъ, говорилъ покойный И. Т. Осининъ¹⁾, мысль моя останавливается на великомъ Царѣ-Освободителѣ, который вполне сознавалъ, что внѣшняя гражданская свобода не мыслима безъ освобожденія отъ внутренняго рабства, отъ оковъ невѣжества, страстей и пороковъ. Святое призваніе матери

¹⁾ Рѣчь И. Т. Осинина, на праздникѣ 25-тилѣтія Василеостровской женской гимназій.

и воспитательницы не исполнимы безъ образованія женщины; только тогда она можетъ оказаться достойною двигательницею семьи, когда она пронизана истинно-христіанскими стремленіями и чувствами и одарена свѣтомъ умственнаго образованія; тогда только она въ состояніи будетъ внести этотъ свѣтъ, эти чувства и стремленія въ окружающую ее среду, когда она сама подготовлена образованіемъ къ этой плодотворной дѣятельности. Благодаря такимъ убѣжденіямъ, въ Бозѣ почившій государь положилъ прочное начало широкому развитію въ Россіи женскаго образованія черезъ учрежденіе, въ первые-же годы своего царствованія, значительнаго числа открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній новаго типа, т. е. женскихъ гимназій⁴. Благопріятнымъ предзнаменованіемъ для судьбы и прочности новаго типа учебныхъ заведеній явилось то счастливое обстоятельство, что государь отдалъ эти училища подъ высокое покровительство матери своего народа и высшій надзоръ за исполненіемъ въ этихъ расадникахъ образованія своихъ предназначтаній его императорское величество возложилъ на члена царской своей семьи, назначивъ попечителемъ женскихъ маріинскихъ училищъ (высочайшій указъ 22-го марта 1858 года) принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго, который неусыпными своими трудами и заботами о преуспѣяніи этихъ училищъ оставилъ благословенную память въ потомствѣ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ тѣсной связи съ общей преобразовательной идеей монарха и съ давно пробудившеюся потребностью общества,—появились общедоступныя, всесловныя женскія училища, на которыхъ и легла задача своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ способствовать тому, чтобы въ русскомъ обществѣ развилось и окрѣпло сознаніе громадной нравственной силы, пользы и добра, какую можетъ принести образованная женщина семьѣ, обществу и родинѣ. Покойный И. Т. Осининъ ясно сознавалъ всю высоту этой задачи, и все значеніе гимназій, какъ учреждений всесловныхъ, призванныхъ на соединеніе въ одно гармоническое цѣлое вліянія семьи и общественной школы. „Для дѣвицъ, въ особенности, говорилъ онъ ¹⁾, единственная

¹⁾ Рѣчь на празднествѣ 25-тилѣтія Васильеостровской женской гимназіи.

нормальная почва воспитанія есть, именно, почва семьи, родительскій домъ; здѣсь, безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, развиваются тѣ сердечныя привязанности, которыя ведутъ человѣка на путь нравственнаго усовершенствованія, тѣ навыки и склонности, которыя скрѣпляютъ человѣка съ тою средою, къ которой онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Никакой пансіонъ, хотя бы обставленный богатыми матеріальными средствами и трудами опытныхъ, искусныхъ педагоговъ, никогда не замѣнитъ для дѣвочки родной семьи и не волеетъ въ ея душу тѣхъ чувствъ и стремленій, которыя естественно разовьются подъ сѣнью родительскаго дома“.

О сущности гимназическаго всесословнаго образованія покойный педагогъ говорилъ такъ: „когда мы говоримъ объ образованіи гимназическомъ, то мы разумѣемъ лишь развитіе въ смыслѣ человѣческомъ или общеобразовательномъ, развитіе въ тѣхъ размѣрахъ и въ томъ направленіи, въ какомъ оно необходимо не для той или другой отдѣльной профессіи, не для извѣстнаго лишь сословія или слоя общественнаго, а для всякой, вообще, образованной женщины. Отсюда вытекаютъ — всесословныя гимназіи, ихъ призваніе, во имя общественныхъ нуждъ и интересовъ, сглаживать узкіе сословные предрассудки и преграды, возбуждать и поддерживать тѣ узы общаго единства, которыя вытекаютъ изъ общихъ государственныхъ, гражданскихъ и семейныхъ задачъ и стремленій“.

Принцъ Ольденбургскій, попечитель женскихъ гимназій, съ обычной энергіей посвящалъ труды и заботы на процвѣтаніе этого новаго типа женскихъ учебныхъ заведеній. Ближайшимъ его сотрудникомъ явился ихъ начальникъ Н. А. Вышнеградскій. Вслѣдъ за открытіемъ женскихъ училищъ, на основаніи временныхъ правилъ, вошедшихъ потомъ въ основу высочайше дарованнаго имъ устава 1862 года, его высочествомъ утверждены были (26-го февраля) составленные Н. А. Вышнеградскимъ: „Правила внутренняго порядка Маріинскаго женскаго училища“; въ этихъ правилахъ вполне отразились тѣ гуманныя идеи, которыя широкой струей влились въ русскую жизнь царствованіемъ Александра II; до настоящаго времени эти правила не потеряли своего значенія. Чтеніе этихъ правилъ приводитъ къ убѣжденію, что еще при самомъ началѣ жизни женскихъ

гимназій руководяція ими лица составили стройный опредѣленный планъ веденія ихъ къ прогрессу, на твердыхъ религіозно-нравственныхъ и разумно-педагогическихъ принципахъ и въ сферѣ, доступной для „открытыхъ“ училищъ. Такъ, этими правилами (§§ 2, 11—13 и 37) родители приглашаются къ усиленной заботливости о своихъ дѣтяхъ, когда они находятся внѣ стѣнъ училища. Съ другой стороны — училище обязано принимать всѣ зависящія отъ него мѣры для правильнаго физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія и образованія ребенка въ тѣ часы, когда дѣти находятся внѣ семейнаго вліянія, а именно въ стѣнахъ училища. Въ § 6 правилъ есть весьма важное указаніе на то, что главная надзирательница гимназій есть ближайшая помощница начальника училища не только во всемъ, что относится до здоровья, благоприличія и нравственности, но и во всемъ, что относится до умственнаго образованія дѣвицы. Трудъ ея по всѣмъ симъ частямъ раздѣляютъ классныя надзирательницы. По § 8 правилъ „наставники и наставницы убѣдительнѣйше приглашаются давать такое направленіе своему преподаванію, чтобы имъ не только обогащался умъ, но и развивалось, облагороживалось чувство, утверждалась въ добрѣ воля. И въ мужчинахъ одно только знаніе безъ облагороженнаго и развитаго чувства мало имѣетъ цѣны,—а въ женщинахъ рѣшительно пагубно: оно дѣлаетъ ихъ сухими, надменными эгоистками, неспособными къ добросовѣстному, искреннему отправленію тихихъ семейныхъ обязанностей“. Особенно замѣчателенъ по своему высоко-гуманному и педагогическому принципу § 28 правилъ, гдѣ говорится о классномъ порядкѣ и дисциплинѣ: „въ классѣ во время урока долженъ господствовать строгій порядокъ. Но сіе понятіе часто понимается совершенно превратно, а потому и требуетъ въ настоящемъ случаѣ точнаго изясненія. Истинный педагогическій порядокъ класса состоитъ не въ мертвой тишинѣ и не въ однообразномъ, неподвижномъ физическомъ положеніи дѣтей: какъ то, такъ и другое, будучи несвойственно живой природѣ дѣтей, налагаетъ на нихъ вовсе ненужное стѣсненіе, крайне утомляетъ ихъ, разрушаетъ довѣрчивое дѣтское отношеніе между наставниками и ученицами. Ни мало не нарушается педагогическій порядокъ класса, если ученица, уставъ сидѣть совершенно прямо, обопрется на спинку

своего стула, если она нѣсколько разъ перемѣнитъ положеніе рукъ и ногъ, скромно и встаетъ засмѣется по поводу того, что говоритъ наставникъ, прерветъ рѣчь его или отвѣтъ своей подруги выраженіемъ своего недоумѣнія, лишь-бы только все это дѣлалось въ формахъ, согласныхъ съ природою дѣтскаго возраста и требованіями нравственнаго приличія. Классъ долженъ, сколько возможно, больше походить на семью; чѣмъ полнѣе будетъ это сходство, тѣмъ ближе будетъ и классъ къ своей истинной цѣли. А въ благоразумныхъ семействахъ никогда не требуютъ, чтобы дѣти сидѣли неподвижно и однообразно, чтобы они не смѣли засмѣяться или обратиться къ старшимъ съ вопросомъ по поводу того, что кажется имъ непонятнымъ. Уничтоженіе семейнаго элемента въ общественныхъ училищахъ убиваетъ природную живость дѣтей, омрачаетъ Богомъ дарованную имъ веселость, истребляетъ довѣрчивость и любовь къ наставникамъ и наставницамъ, къ училищу, къ самому ученію,—въ натурахъ энергическихъ образуетъ характеры скрытые, недовѣрчивые, раздражительные; въ натурахъ мягкихъ—ничтожные, совершенно безличныя“.

Таково было назначеніе, задачи и рекомендованныя приемы гимназическаго образованія женщины. Кромѣ того принимались различныя мѣры для ихъ преуспѣянія, а равно и для охраненія отъ увлеченій и пагубныхъ ошибокъ. Такъ, для выполненія вышеозначенныхъ цѣлей явилась потребность въ подготовкѣ истинно-просвѣщенныхъ педагоговъ, дѣльныхъ учительницъ и воспитательницъ. И вотъ, для дополненія педагогическаго образованія преподавателей, вѣдомство отправляло ежегодно на казенный счетъ двухъ, трехъ способнѣйшихъ изъ нихъ (преимущественно исполнявшихъ инспекторскія обязанности) за границу съ тѣмъ, чтобы они посѣщали лучшія изъ иностранныхъ учебныхъ заведеній и знакомились съ принятыми тамъ методами преподаванія, и также съ дѣятельностью извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ педагоговъ. Съ другой стороны — типъ научно подготовленной учительницы сталъ выработываться постепенно, благодаря учрежденію педагогическихъ классовъ (впослѣдствіи—курсовъ). Ученицы педагогическихъ классовъ при Маріинскомъ училищѣ, кромѣ научныхъ занятій, пріобрѣтали педагогическую практику, посѣщая уроки

учителей и занимаясь, подъ правильнымъ руководствомъ, съ дѣтьми трехъ младшихъ классовъ училищъ. Въ Москвѣ дѣвицы, оканчивающія курсъ и признанныя лучшими по нравственности и успѣхамъ въ наукахъ,—съ разрѣшенія императрицы,—оставлялись при гимназiи, для надзора за обучающимися дѣтьми и практическаго навыка въ дѣлѣ преподаванiя. И вотъ, подобно тому, какъ институты выработали типъ гувернантки, такъ въ свое время гимназiи и педагогическiе классы и курсы создали типъ образованной и дѣльной учительницы. О томъ, насколько въ обозрѣваемое нами время предусмотрительно заботились объ огражденiи питомицъ вновь возникшихъ женскихъ училищъ (гимназiй) отъ пагубныхъ увлеченiй,—краснорѣчиво свидѣтельствуемъ, между прочимъ, распоряженiе принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго о томъ, чтобы естественныя науки преподавались не иначе, какъ со всегдашнимъ указанiемъ на премудрость Божiю, какъ единственный источникъ благъ.

Повидимому, все благопрiятствовало дальнѣйшему развитiю и процвѣтанiю женскихъ гимназiй, особенно столичныхъ... Онѣ явились удовлетворенiемъ давно созрѣвшей потребности общества, и, быстро наполнившись и распространившись, стали на правильный путь....

Тѣмъ не менѣе въ извѣстной части общества, еще при самомъ учрежденiи всесословныхъ разсадниковъ образованiя, проявился глухой ропотъ, имѣвшiй послѣдствiемъ самыя разнорѣчивыя сужденiя и нареканiя, основанныя, вѣроятно, на поспѣшномъ обобщенiи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ и неизбежныхъ ошибокъ, а главнымъ образомъ, на недостаточномъ знакомствѣ съ ихъ внутреннимъ духомъ. Въ строѣ внутренней жизни женскихъ гимназiй, по мысли ихъ высокаго попечителя, возможно бѣльшая свобода для воспитанницъ, какъ удовлетворенiе ихъ дѣтской природѣ, равнымъ образомъ, была соединена съ началами строгаго внутренняго порядка и дисциплины и, какъ показалъ уже опытъ многихъ лѣтъ, это обстоятельство очень много содѣйствовало процвѣтанiю гимназiй и устойчивости порядковъ ихъ внутренней жизни. Но, на первыхъ порахъ, неизбежны были ошибки, уклоненiя, увлеченiя, особенно въ тотъ живой перiодъ жизни русскаго общества, когда все несло

какомъ-то обаятельномъ увлеченіи прогрессомъ и женскимъ гимназіямъ, на первыхъ порахъ своего существованія, пришлось пережить и то трудное, не для нихъ только, но и для всѣхъ почти учебныхъ заведеній Россіи, время,—время увлеченій..

Были увлеченія, были ошибки и въ женскихъ гимназіяхъ... но, по счастью, не роковыя и совершенно частныя. Между тѣмъ, неудовольствіе противъ новаго типа учебныхъ заведеній, толки, интриги и влвета дѣлали свое дѣло; частные случаи и ошибки получали обобщеніе, ропотъ становился сильнѣе, самому существованію гимназій стала грозить опасность.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СЕРГІЙ ИВАНОВИЧЪ ЗАРУДНЫЙ,

род. въ 1820 г., умеръ 18-го декабря 1887 г.

I.

18-го декабря 1887 года, во Франціи, въ Ниццѣ, на 67-мъ году отъ рожденія, скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по заслугамъ и дарованіямъ непосредственныхъ участниковъ въ великихъ реформахъ императора Александра II—не стало С. И. Заруднаго.

Петербургское общество, въ особенности петербургскій служилый людъ высшихъ сферъ, конечно, очень долго будетъ помнить этого подвижнаго, бодратаго, небольшого по росту и большаго по уму и способностямъ, неутомимаго, нервно-раздражительнаго, но въ сущности самаго добродушнаго человѣка.

Помнимъ и мы его живо,—помнимъ съ января мѣсяца 1864 года, когда, поступивши на службу въ государственную канцелярію, застали его—сначала исправлявшимъ должность, а затѣмъ и статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, и вѣдавшимъ все дѣлопроизводство департамента законовъ.

Этотъ департаментъ, всегда главнѣйшій въ составѣ государственнаго совѣта, былъ тогда въ апогеѣ своего значенія и своей кипучей дѣятельности: созидалась часть въ его нѣдрахъ, часть подъ его сѣнью, судебная реформа на началахъ, въ немъ же выработанныхъ въ 1862 году. С. И. Зарудный былъ во главѣ редакторовъ возникавшихъ судебныхъ уставовъ. Государственный секретарь В. П. Бутковъ — великій мастеръ выбирать сотрудниковъ, мастеръ (къ чести его сказать) и отличать ихъ, и испрашивать имъ награды, — отлично зналъ выдающіяся изъ ряду способности Заруднаго и вручилъ ему въ дѣлѣ судебной реформы, такъ сказать, книги въ руки. И цѣлко взялся Сергій Ивановичъ за это дѣло, близкое и сердцу,

и его уму! Не разъ небольшія комнаты государственной канцеляріи, въ ея бывшемъ помѣщеніи въ нижнемъ этажѣ эрмитажнаго зданія, выходящаго на Неву, оглашались рѣзкимъ голосомъ Заруднаго. Это онъ спорилъ до запальчивости, отстаивая предъ Бутковымъ или кѣмъ-либо другимъ то, что находилъ нужнымъ внести въ докладъ и вести затѣмъ въ законъ.

Такіе люди съ ихъ благороднымъ задоромъ, съ ихъ энергією, съ ихъ поразительнымъ, самоотверженнымъ трудолюбіемъ,—крайне пригодны въ эпоху реформъ, и ими тогда очень дорожили. Но свершалась реформа и—они, столь выдающіеся дѣятели, каковы Николай Алексѣевичъ Милютинъ, Сергій Ивановичъ Зарудный и нѣкоторые другіе—заслонялись какъ-то особенно скоро людьми болѣе покладистыми, чтобы не сказать — совершенно ординарными. Пionеровъ реформы хоронили, иногда, въ сенатѣ. На Николая Алексѣевича Милютина объявилась, однако, скоро новая нужда—и въ 1864 году онъ вновь былъ призванъ къ самой кипучей дѣятельности, — къ окончательной побѣдѣ надъ Польшей, которую онъ и побѣдилъ—предложивъ и проведя съ поразительною энергією цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ преобразованій всего ея внутренняго строя; на С. И. Заруднаго—нужда не предъявилась—и онъ—схороненный для дѣла 1-го января 1869 г., т. е. назначенный къ присутствованію въ сенатѣ (притомъ въ старомъ сенатѣ)—опочилъ для дѣла государственной важности за долго до смерти, смежившей навсегда его очи 18-го декабря 1887 г.

Дмитрій Павловичъ Шубинъ-Поздѣвъ, сослуживецъ и болѣе двадцати лѣтъ постоянный сотрудникъ покойнаго, сообщилъ намъ интересную, и что всего важнѣе, вполне вѣрную характеристику дѣятельности и личности опочившаго сномъ смерти государственнаго дѣятеля ¹⁾).

Помѣщая сообщеніе Д. П. Шубина-Поздѣва, считаемъ необходимымъ предпослать этой характеристикѣ имъ же весьма обязательно сообщенные главнѣйшіе факты изъ послужнаго списка сенатора, тайнаго совѣтника С. И. Заруднаго. Вотъ эти данныя:

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, Д. П. Шубинъ-Поздѣвъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ С. И. Заруднаго: еще во время службы ихъ обоихъ при консультаціи министерства юстиціи они работали вмѣстѣ и С. И. Зарудный совѣщался всегда съ своимъ сотрудникомъ какъ въ дѣлахъ, такъ и по отношенію лицъ; то-же было и при разсмотрѣніи дѣла о судебной реформѣ. Поступивъ въ январѣ 1864 г. въ государственную канцелярію, пишущій эти строки уже засталъ Д. П. Шубина—въ отдѣленіи департамента законовъ, дѣлопроизводствомъ котораго энергично и въ высшей степени умѣло вѣдалъ, какъ сказано нами выше, С. И. Зарудный. Мих. Семевскій.

Сергій Ивановичъ Зарудный родился въ 1820 г. Въ службу вступилъ онъ 4 декабря 1842 года. И. д. юрисконсульта назначенъ 25-го октября 1849 г. И. д. старшаго юрисконсульта—24 октября 1852 г., утвержденъ въ этой должности 21 марта 1853 г. Причисленъ къ департаменту министерства юстиціи, съ откомандированіемъ въ распоряженіе генераль-адъютанта князя Васильчикова 2-го (гдѣ состоялъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для раскрытія злоупотребленій по интендантству южной и крымской армій, во время войны 1854 и 1855 гг.) 13-го іюня 1856 г. Помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта назначенъ 27-го апрѣля 1857 г. И. д. статсъ-секретаря—20-го октября 1859 г. Статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта—31-го декабря 1864 г. Къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ назначенъ 1-го января 1869 года.

Мих. Семеновскій.

II.

Къ характеристикѣ личности и служебной дѣятельности С. И. Заруднаго

† 18 го декабря 1887 г.

Памяти недавно сошедшаго въ могилу виднаго дѣятеля по судебному преобразованію были посвящены небольшія сообщенія въ «Новомъ Времени» (№ 4,245, 1887 г.) и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 279, 1887 г.). Обѣ статьи вызываютъ поправки и дополненія въ интересахъ справедливости и того общаго вниманія, какого заслуживаетъ дѣятельность покойнаго. С. И. Зарудный не былъ ни «въ петербургскомъ университетѣ» и не имѣлъ «степени кандидата правъ харьковскаго университета», равно никогда не «состоялъ помощникомъ государственнаго секретаря» при рассмотрѣніи какого бы то ни было проекта въ государственномъ совѣтѣ или въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Принадлежа по рожденію къ старинному роду малороссійскихъ дворянъ, С. И. Зарудный окончилъ курсъ по математическому факультету, въ харьковскомъ университетѣ, и въ 1842 году поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ директоромъ департамента въ то время былъ Б. К. Данзасъ, съ братомъ котораго (К. К. Данзасомъ) Зарудный состоялъ въ нѣкоторомъ родствѣ. Равнымъ образомъ онъ никогда не состоялъ начальникомъ гражданскаго отдѣленія департамента министерства юстиціи; только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы онъ едва достигъ должности столоначальника гражданскаго отдѣленія,

гдѣ начальникомъ былъ М. Н. Любощинскій, нынѣ членъ государственнаго совѣта. Изъ невидной коленіи зауряднаго чиновника покойный выбился не по однѣмъ блестящимъ способностямъ своимъ, но и благодаря тѣмъ особымъ приемамъ, которые прилагалъ къ своей дѣятельности покойный министръ юстиціи, графъ В. Н. Панинъ, по званію генераль-прокурора. Занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ дѣлами, поступавшими за разногласіемъ изъ сената на консультацію, учрежденную при министерствѣ юстиціи, графъ Панинъ не довольствовался поручать доклады дѣлъ этого рода ординарнымъ чинамъ консультаціи (юрисконсультамъ, ихъ помощникамъ и кандидатамъ правъ), но назначалъ докладывать ихъ сенатскимъ оберъ-секретарямъ и нѣкоторымъ чинамъ департамента министерства. По счастливой случайности графъ Панинъ поручилъ и С. И. Зарудному доложить дѣло на консультаціи. Докладъ его, изложенный съ надлежащею обстоятельностью въ письменномъ журналѣ консультаціи, съ перваго раза понравился графу Панину, который оцѣнилъ дарованіе и назначилъ С. И. Заруднаго юрисконсультомъ при консультаціи министерства. Тогда только открылась для С. И. Заруднаго возможность выказать свои способности, и дѣятельность его по докладу и разсмотрѣнію дѣлъ на консультаціи была истинно замѣчательна во все время его тамъ пребыванія въ теченіи четырехъ лѣтъ. Ему скоро было поручено завѣдываніе всѣми дѣлами консультаціи въ званіи старшаго юрисконсульта, который обязанъ былъ скрѣплять всѣ даваемые министромъ юстиціи сенату предложенія. Дѣла этого рода весьма часто переходили изъ сената въ государственный совѣтъ, гдѣ такимъ образомъ разсматривались печатныя предложенія министра юстиціи и, конечно, не могла остаться незамѣченною та основательная разработка, которую получали сенатскія дѣла на консультаціи министерства юстиціи. Умъ Заруднаго былъ по преимуществу математическій, изложенія его по всѣмъ вопросамъ, а особенно сложнымъ, отличались самою строгою послѣдовательностію и подробнымъ анализомъ. Писалъ онъ не цвѣтисто, но необыкновенно точно и ясно; въ докладахъ его не было краснорѣчія, но строгая логическая послѣдовательность проходила во всемъ изложеніи отъ начала и до конца. Цѣлыя сотни дѣлъ консультаціи, выходяшія изъ-подъ пера С. И. Заруднаго, представляли образцовую разработку самыхъ трудныхъ спорныхъ вопросовъ частныхъ и общихъ. Къ великой чести графа В. Н. Панина слѣдуетъ отнести, что онъ не только не тяготился читать самыя подробныя доклады С. И. Заруднаго (иногда даже на 50 и болѣе листахъ), но всегда поощрялъ подобную добросовѣстную и талантливую работу. На многихъ изъ такихъ докладовъ графъ Панинъ писалъ свои длинныя соображенія. Не

рѣдко графъ Викторъ Никитичъ письменно изъявлялъ С. И. признательность за подробную и основательную разработку дѣлъ и вообще, когда дѣло было разработано серьезно, весьма часто соглашался съ заключеніемъ докладывавшаго дѣло, вопреки мнѣнію большинства членовъ консультаціи или сенаторовъ. Работы С. И. Заруднаго по дѣламъ консультаціи составили цѣлую эпоху; выработались даже положенія о признаніи безспорными извѣстныхъ взглядовъ на многіе юридическіе вопросы и служили примѣромъ, на который ссылались при разсмотрѣніи дѣлъ однородныхъ. Такая дѣятельность С. И. составила ему репутацію самаго дѣльнаго юриста въ департаментѣ министерства юстиціи. Многіе изъ чиновъ министерства и сенатскихъ оберъ-секретарей нерѣдко обращались къ нему за совѣтомъ по труднымъ юридическимъ вопросамъ. С. И. Зарудный сумѣлъ образовать при консультаціи цѣлую школу, въ которой пробовали свои силы способные молодые юристы. Каждый выдающійся по своимъ дарованіямъ докладчикъ на консультаціи дѣлался, по своимъ работамъ, извѣстенъ министру, который, читая очень внимательно доклады, умѣлъ понимать и цѣнить истинныя дарованія. Служба на консультаціи мин. юстиціи сдѣлалась самою видною, на которую стремились многіе молодые образованные юристы, но попадали туда весьма не многіе. С. И. Зарудный имѣлъ особенную способность, работая самъ болѣе всѣхъ, побуждать и другихъ работать и притомъ работать не по казенному только, а съ полною любовью къ дѣлу, съ желаніемъ не только написать заключеніе, но разработать каждый вопросъ всесторонне-исторически. Онъ впервые завелъ предварительныя совѣщанія по дѣламъ, гдѣ изъ многихъ и долгихъ споровъ вопросы выяснялись и облегчалось изложеніе заключеній болѣе правильныхъ и болѣе убѣдительныхъ. Такое доброе наследіево С. И. Зарудный оставилъ своимъ преемникамъ по служенію на консультаціи!

Благодаря своей репутаціи, какъ дѣльнаго юриста, С. И. Зарудный получилъ, въ 1856 году, приглашеніе отъ извѣстнаго въ то время дѣятеля по военной администраціи генерала-адъютанта князя Васильчикова участвовать въ комисіи для раскрытія злоупотребленій по интендантству южной и крымской армій. И здѣсь С. И. Зарудный много работалъ вмѣстѣ съ другимъ сотрудникомъ Ив. Серг. Аксаковымъ, сближеніе съ которымъ, къ слову сказать, послужило впоследствии для С. И. Заруднаго причиною не малыхъ служебныхъ невзгодъ.... Своей репутаціи Зарудный обязанъ тому, что вскорѣ по возвращеніи изъ командировки съ юга Россіи онъ былъ приглашенъ государственнымъ секретаремъ В. П. Бутковымъ на службу въ государственную канцелярію и назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря

въ отдѣленіе законовъ. Здѣсь въ то время подлежалъ рассмотрѣнію внесенный графомъ Д. Н. Блудовымъ проектъ бывшаго втораго отдѣленія объ измѣненіяхъ въ судопроизводствѣ. Всю эту работу несъ на себѣ С. И. Зарудный, который по каждому отдѣлу проекта составлялъ критическія замѣчанія для князя Павла Павловича Гагарина. Рассмотрѣніе означеннаго проекта, при посредствѣ такихъ критическихъ замѣчаній, привело къ общему заключенію о несостоятельности всего проекта и послѣдовало высочайшее повелѣніе о коренномъ преобразованіи всей судебной части. Для этого великаго дѣла были составлены основныя положенія, удостоившіяся высочайшаго утвержденія 29-го сентября 1862 года. Для составленія же самыхъ проектовъ судебного преобразованія была образована особая коммиссія при государственной канцеляріи подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова. Тутъ началась самая широкая дѣятельность Сергѣя Ивановича по разработкѣ обширныхъ матерьяловъ, требовавшихся для составленія судебныхъ уставовъ. Его безпримѣрной энергіи и безграничной преданности дѣлу надо приписать весь успѣхъ по составленію такого обширнаго труда. Хотя работа была раздѣлена на три главные отдѣла, и Сергѣй Ивановичъ непосредственно завѣдывалъ составленіемъ проекта гражданскаго судопроизводства, но направленіе всѣхъ отдѣловъ всецѣло принадлежало ему. Вездѣ была его инициатива—и въ приглашеніи дѣятелей, и въ направленіи работъ. Составъ коммисіи разросся до громаднхъ размѣровъ: были привлечены всѣ лучшія силы почти изъ всѣхъ вѣдомствъ, преимущественно судебного, и со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ постоянныхъ членовъ въ трудахъ и совѣщаніяхъ принимали участіе и лица постороннія по разнымъ специальностямъ, начиная отъ профессоровъ университета и кончая полицейскими чинами. Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ работа въ коммисіи кипѣла: было написано и напечатано многое множество матерьяловъ и проектовъ по всѣмъ частямъ; работы обсуждались въ частныхъ коммисіяхъ и совѣщаніяхъ, исправлялись, передѣлывались, вновь печатались и обсуждались въ цѣлыхъ отдѣлахъ коммисіи и т. д. Для засѣданій не щадили ни времени, ни трудовъ; работающіе собирались и днемъ, и по вечерамъ. Споровъ всюду было множество. Выступали ораторы всякаго рода, и скромные, и задорные, и уклончивые. Душею всего дѣла былъ и оставался постоянно Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Самъ онъ работалъ болѣе всѣхъ, цѣлыя ночи проводилъ весьма часто за работою, которую никогда не откладывалъ. Онъ былъ самый рьяный фанатикъ своихъ убѣжденій, которыя защищалъ съ энергіею, доходившею до запальчивости; въ спорахъ не зналъ

предѣловъ, былъ откровененъ до рѣзкости, никого не щадя; часто увлекался до того, что не могъ представить, чтобы существовали взгляды и мнѣн'я болѣе основательныя, чѣмъ его.... Отсюда разныя столкновенія и нерасположеніе къ нему многихъ....

Когда судебныя уставы получили 20-го ноября 1864 года высочайшее утвержденіе, то Сергѣю Івановичу, къ сожалѣнію, уже не довелось участвовать въ приведеніи ихъ въ исполненіе...., онъ утратилъ дальнѣйшее вліяніе на дѣло судебного преобразованія; а когда потомъ былъ назначенъ въ старый сенатъ, то не имѣлъ возможности видѣть, какъ проводятся въ жизнь тѣ уставы, на которые онъ положилъ столько труда, силъ и энергій....

Въ старомъ сенатѣ С. И. Зарудный не могъ измѣнить привычкамъ своей рьяной натуры: вопреки укоренившемуся тамъ обычаю, онъ самъ писалъ свои особыя мнѣнія по дѣламъ, облегчая такимъ образомъ трудъ сенатскихъ секретарей и оберъ-секретарей. Такихъ его трудовъ осталось не мало въ канцеляріяхъ тѣхъ департаментовъ, гдѣ онъ состоялъ, и общихъ собраніяхъ сената, гдѣ онъ почти всегда ораторствовалъ съ привычнымъ его натурѣ увлеченіемъ. Онъ до того былъ проникнутъ дѣлами, по которымъ говорилъ въ засѣданіяхъ сената, что даже при встрѣчѣ съ своими друзьями и сослуживцами не могъ воздержаться, чтобы не рассказать о своихъ успѣхахъ или понесенныхъ пораженіяхъ.... Все это дѣлалось съ тою искренностію, какою была проникнута вся его натура...

Но таковая дѣятельность видимо не удовлетворяла Сергѣя Івановича, который, по своей энергичной натурѣ, искалъ умственныхъ работъ и въ другихъ сферахъ: занимался итальянскою литературою, переводилъ итальянскіе законы....

Дѣятельность С. И. Заруднаго, послѣ законодательныхъ его работъ по судебнымъ уставамъ, представляетъ собою весьма тяжелую картину неосуществившагося призванія...

Онъ обладалъ необычайною способностью разрабатывать трудныя законодательныя вопросы и готовить для нихъ разрѣшенія необходимыя матеріалы... Поэтому нельзя не пожалѣть, что ему не было суждено участвовать въ законодательныхъ работахъ бывшаго втораго отдѣленія, гдѣ его дарованія, при необычайномъ трудолюбіи и способности работать чрезвычайно быстро, могли бы выказаться во всей полнотѣ и безъ сомнѣнія оставили бы самыя видныя слѣды... Какъ на малый образецъ способности С. И. Заруднаго къ библиографическому законодательному труду можно указать на изданіе государственною канцеляріею судебныхъ уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны. Этотъ трудъ С. И. Зарудный вынесъ рѣшительно нѣ

своихъ плечахъ и окончилъ чуть не въ два-три мѣсяца. Должно съ чувствомъ глубочайшей грусти пожалѣть о человѣкѣ, который еще въ полномъ цвѣтѣ умственныхъ силъ и способностей былъ брошенъ и оставленъ дѣйствовать не въ той сферѣ, къ которой имѣлъ прямое призваніе и гдѣ могъ бы принести несомнѣнную пользу.... Обстоятельства для него сложились такъ тяжело, что онъ не встрѣтилъ въ свое время нравственной поддержки со стороны тѣхъ, на которыхъ даже вправѣ былъ разсчитывать....

По личному характеру своему Сергій Ивановичъ Зарудный былъ прекрасный товарищъ и безгранично простой человѣкъ. Тѣ, которые знали его близко, согласятся, что въ этомъ лицѣ подъ формою, весьма часто оригинальною, скрывалась душа человѣка самаго искренняго и вполне незлобиваго, чуждаго всякаго эгоизма. Миръ праху твоему, честный труженикъ и истинно добрый человѣкъ....

Д. Шубинъ-Повдѣвъ.

Адольфъ Петровичъ Берже.

Памятникъ ему въ городѣ Тифлисѣ.

[Письмо къ редактору „Русской Старины“ М. И. Семеvскому].

М. г. Михайлъ Ивановичъ! Вы первый сочувственно откликнулись на мою мысль украсить могилу Адольфа Петровича Берже достойнымъ его имени памятникомъ. Приславъ 100 руб. и напечатавъ мою рѣчь въ «Русской Старинѣ»¹⁾, вы значительно способствовали осуществленію моего намѣренія. Въ виду этого, считаю себя обязаннымъ вамъ первому дать отчетъ въ томъ, что мною сдѣлано.

Какъ близкій другъ почившаго, вы, конечно, порадуетесь результатамъ, которыхъ я достигъ. Съ вашей легкой руки подписка пошла прекрасно, и я, при содѣйствіи изданныхъ мною брошюръ, собралъ на памятникъ около 1,700 руб. При посредствѣ ближайшаго друга А. П. Берже, молодого и талантливаго художника Рубо, я заказалъ въ Мюнхенѣ бронзовый бюстъ покойнаго. Рубо обязался слѣдить за сходствомъ. Въ сентябрѣ 1887 г. я получилъ бюстъ въ Тифлисѣ. Сходство съ покойнымъ поразительное, отдѣлка въ высшей степени художественна. Поясной, въ двойномъ размѣрѣ головы, бюстъ и по выполненію и по замѣчательному сходству съ покойнымъ ученымъ удовлетворяетъ каждаго, кто только зналъ Берже и кто смотритъ на этотъ бюстъ. Обошелся онъ въ 970 руб. Плохой курсъ и громадная пошлина золотомъ повліяли на его цѣну. Пока, до изготовленія пьедестала, онъ поставленъ въ публичной библиотекѣ.

Когда бюстъ былъ полученъ, я задумался надъ мыслью поставить его на могилѣ, въ глуши, на далекомъ кладбищѣ, гдѣ его мало кто будетъ видѣть. Я сообразилъ, что Ад. П. Берже, какъ общественный дѣятель, имѣетъ несомнѣнное право на общественное чествованіе, и потому рѣшилъ хлопотать о разрѣшеніи поставить бюстъ въ цвѣтникѣ кавказскаго музея, гдѣ онъ сохранится на вѣчныя времена.

Пьедесталъ подъ бюстъ, вышиною въ 3½ арш., заказанъ изъ шлифованнаго кутаисскаго сѣраго камня, и въ первыхъ числахъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., томъ XLIX, мартъ, стр. 741—744.

февраля 1888 г. памятникъ Ад. П. Берже будетъ торжественно открытъ. Чтобы не нарушить основной мысли моей надгробной рѣчи— не оставить заброшенной могилы—я и туда заказалъ памятникъ съ рѣшеткою, цѣною въ 300 руб. Недостающія деньги мнѣ обѣщали собрать ближайшіе друзья Ад. П. Берже въ Тифлисѣ, восхищенные тѣмъ, что главный памятникъ ему будетъ всегда у всѣхъ на виду. Такая мѣра—поставить бюстъ въ музей—тѣмъ болѣе была необходима, что всѣ кладбища въ Тифлисѣ въ будущемъ, 1889-мъ году, переносятся на новое мѣсто. Черезъ 30—40 лѣтъ кладбище застроится, и отъ чествованія Ад. П. не осталось-бы и слѣда.

Независимо отъ постановки памятника, я испросилъ разрѣшеніе помѣстить въ одиннадцатомъ томѣ «Актвъ Кавказской археографической комиссіи» біографію Ад. П. Берже, какъ творца этого изданія, а также его портретъ, который заказанъ мною въ Мюнхенѣ, и, наконецъ, рисунокъ памятника въ Музеѣ.

XI томъ «Актвъ» будетъ, вѣроятно, готовъ въ іюлѣ 1888 года.

Дмитрій Арх. Кобяковъ.

Примѣчаніе. Въ числѣ подписавшихся на сооруженіе памятника, имѣя, благодаря энергіи и просвѣщенной дѣятельности Д. А. Кобякова, воздвигаемаго незабвенному ученому труженнику Ад. П. Берже, находятся ихъ императорскія высочества великіе князья Николай, Александръ и Георгій Михайловичи, баронъ А. П. Николаи, экзархъ Грузіи Павелъ, гг. акад. Радде, проф. Паткановъ, а также нѣкоторые мусульмане въ Тифлисѣ, почитаемъ духовныхъ дѣлъ которыхъ былъ покойный Адольфъ Петровичъ, и другія лица изъ его друзей и почитателей. Дм. Арх. Кобяковъ распространилъ до 500 брошюръ біографическаго очерка Ад. П. Берже и описаніе его погребенія. Должно выразить глубокую признательность отъ лица всѣхъ почитателей ученыхъ заслугъ покойнаго Берже—князю А. М. Дондукову-Корсакову, разрѣшившему постановку бюста славному историку Кавказа и ориенталисту въ цвѣтникъ кавказскаго музея (по размѣрамъ своимъ бюстъ былъ неудобенъ къ постановкѣ въ залъ музея). Будемъ надѣяться, что воздавая должное опочившему знаменитому кавказскому дѣятелю, кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ окажетъ добрую поддержку къ обезпеченію вдовы Ад. П. Берже: не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, Софія Николаевна Берже—слабая, больная женщина, живетъ въ Тифлисѣ и получаетъ въ настоящее время (въ 1888 г.) всего лишь двадцать три рубля пенсіи въ мѣсяцъ. На эти деньги, гдѣ бы то ни было, возможно влечь лишь нищенскую жизнь, и это обезпеченіе—вдовѣ тайнаго совѣтника, извѣстнаго не только въ Россіи, но и въ Европѣ ученаго, смѣемъ думать, не соответствуетъ значенію тѣхъ громаднхъ заслугъ, какія оказалъ ея покойный мужъ Ад. П. Берже русской наукѣ вообще и исторіи Кавказа въ особенности. Ред.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПЕРВОЕ ЕГО ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1878—1888.

Торжественное засѣданіе 15-го января 1888 г.

15-го января 1888 года, въ С.-Петербургѣ, въ актовомъ залѣ археологическаго института (Висяльевскій островъ, на углу набережной Большой Невы и 9-й линіи, д. № 37—2), въ торжественномъ собраніи значительнаго числа лицъ обоого пола чествовалось первое десятилѣтіе бытія этого учрежденія, всецѣло посвященнаго служенію отечественной археологій и исторіи.

Въ собраніи участвовали почетные и дѣйствительные члены и сотрудники института, профессора и слушатели института, члены академіи наукъ, профессора и преподаватели университета и разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и многочисленная публика.

Засѣданіе открылось чтеніемъ профессора института по кафедрѣ церковныхъ древностей Н. В. Покровскаго—чтеніемъ обзора дѣятельности археологическаго института за время 1878—1888 гг. Отчетъ этотъ выслушанъ былъ собраніемъ съ величайшимъ вниманіемъ.

Затѣмъ на кафедре взошелъ директоръ археологическаго института, профессоръ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, и встрѣченъ былъ громомъ рукоплесканій, не смолкавшихъ нѣсколько минутъ.

Рѣчь этого глубокоуважаемаго профессора и достойнѣйшаго преемника знаменитаго основателя археологическаго института Н. В. Калачева была о задачахъ археологическаго института; она прерываема была и закончилась единодушными аплодисментами.

Сказана была рѣчь блистательно, съ самымъ искреннимъ одушевленіемъ и убѣдительностію.

Представляя на страницахъ «Русской Старины» какъ отчетъ за десятилѣтіе, такъ и рѣчь г. директора археологическаго института, присоединяемъ наши горячія пожеланія да развивается дѣятельность этого учрежденія все болѣе и болѣе и да выполнитъ оно, при всеобщемъ сочувствіи и поддержкѣ всѣхъ любителей науки,—столь прекрасно указанная его нынѣшнимъ директоромъ задачи на пользу всесторонняго изученія отечественной старины и во славу дорогаго нашего отечества.

Мих. Семевскій.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

I.

Учрежденіе Археологическаго института.

15-го января 1888 года исполнилось десять лѣтъ со времени открытія археологическаго института.

Институтъ явился продуктомъ убѣжденія въ его необходимости большинства русскихъ историковъ и археологовъ, но дѣйствительнымъ и смѣлымъ осуществленіемъ этого убѣжденія обязанъ неутомимой энергіи его учредителя—крупнаго дѣятеля въ области русской исторіи, исторіи русскаго права и архивнаго дѣла,—незабвеннаго Н. В. Калачова.

На второмъ археологическомъ сѣздѣ, бывшемъ въ декабрѣ 1872 года въ Петербургѣ, возникла мысль о необходимости позаботиться объ улучшеніи положенія многочисленныхъ архивовъ, имѣющихся въ Россіи и хранящихъ драгоцѣнные для исторіи и права документы. Эта мысль была развита особою комиссіею избранною изъ среды сѣзда. Комиссія пришла къ выводу, что необходимо представить ходатайство правительству объ учрежденіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ временной комиссіи, которой поручить составить планъ созданія главной архивной комиссіи, какъ центральнаго правительственнаго учрежденія, имѣющаго доставить многочисленнымъ архивамъ Россіи единство и обезпечить какъ храненіе документовъ, такъ и удобство пользованія. Ходатайство археологическаго сѣзда было уважено, и въ 1873 году открылась высочайше учрежденная комиссія объ устройствѣ архивовъ, подъ предсѣдательствомъ Калачова. Этой комиссіи (въ засѣданіи 18 декабря

1873 года) Калачовъ и повѣдалъ свою великую мечту о необходимости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности создать въ Россіи археологическій институтъ, который сослужилъ бы Россіи ту службу, какую сослужили уже для Франціи Ecole des chartes, и для Италіи и Германіи особые классы при архивахъ. На первый разъ Калачовъ рисовалъ комиссіи образъ археологическаго института въ самыхъ общихъ чертахъ: въ такомъ институтѣ, говорилъ онъ, „молодые люди, ованчивающіе курсъ наукъ въ университетѣ, дополняли бы свое классическое и юридическое образованіе изученіемъ отечественныхъ древностей и палеографіи въ особенности, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи“. Комиссія отнеслась къ мысли Калачова вполне сочувственно и выработала проектъ положенія объ археологическомъ институтѣ, какъ правительственномъ учрежденіи въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ скромнымъ, но постояннымъ штатомъ въ 15,000 рублей ежегодно. (Сборникъ археологическаго института, кн. I). Но этому плану не пришлось осуществиться скоро, а Калачовъ, такъ горячо бравшійся за дѣло и такъ пламенно лелѣявшій мечту объ осуществленіи учрежденія археологическаго института, въ чемъ встрѣтилъ такую сильную поддержку со стороны бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, сталъ ходатайствовать объ открытіи археологическаго института, хотя бы и на частныя средства. И его ходатайство увѣнчалось успѣхомъ.

23-го іюля 1877 года Государю Императору благоугодно было утвердить положеніе объ археологическомъ институтѣ, какъ объ учрежденіи, открываемомъ въ С.-Петербургѣ на частныя средства, въ видѣ опыта на четыре года, имѣющемъ готовить специалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, — курсъ ученія ограниченъ двумя годами и сдѣланъ бесплатнымъ. Институтъ поставленъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія и ввѣренъ особому директору, опредѣляемому и увольняемому высочайшимъ привазомъ по министерству. Директоромъ археологическаго института назначенъ былъ Н. В. Калачовъ.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, 15 января 1878 года, состоялось открытіе института.

Калачовъ привѣтствовалъ благодарнымъ словомъ белстящее общество, собравшееся присутствовать при рожденіи совершенно новаго учено-учебнаго установленія въ Россіи. Онъ справедливо цѣнили громадность принимаемой на себя археологическимъ институтомъ задачи—готовить спеціалистовъ по русской старинѣ. Онъ вѣрно говорилъ, „что для всякаго, кто любитъ свое отечество, кому дорого его прошлое, древности его имѣютъ, безспорно, весьма важное значеніе. И намъ, хотя юному еще народу въ семьѣ другихъ, опередившихъ насъ и лѣтами, и образованіемъ, народовъ Европы, есть уже чѣмъ помянуть свое бывшее, есть даже многое, на что могли бы указать нашимъ западнымъ собратамъ, какъ на драгоцѣннѣйшіе памятники жизни, дѣятельности и, смѣемъ сказать, результатовъ, достигнутыхъ неутомимыми трудами нашихъ предковъ“. Вполнѣ сознавая важность принимаемой на себя археологическимъ институтомъ задачи, Калачовъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великую ея трудность. Но для преодоленія всѣхъ затрудненій онъ отыскалъ могучее средство: держать въ археологическомъ институтѣ высоко знамя науки. И въ этомъ онъ не ошибся. Протекли указанные въ Положеніи, въ видѣ опыта, четыре года, и оказалось, что институтъ сталъ завоевывать снисходительное къ себѣ вниманіе и правительства, и общества: институтъ сдѣлался необходимымъ.

11-го января 1880 года высочайше утверждено новое положеніе объ археологическомъ институтѣ, а чрезъ два года г. министръ народнаго просвѣщенія исходатайствовалъ законодательнымъ порядкомъ высочайшее разрѣшеніе объ отпускѣ съ 1883 г. на три года правительственной субсидіи археологическому институту, въ размѣрѣ 6,000 рублей ежегодно (высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 22-го іюня 1882 года). По такому же ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія эта временная субсидія въ 1886 году обращена въ постоянную субсидію: 9-го апрѣля 1886 года Государю Императору благоудно было высочайше утвердить мнѣніе государственнаго совѣта о предоставленіи министерству народнаго просвѣщенія вносить съ 1887 года въ подлежащія подраздѣленія смѣты сего министерства по шести тысячъ рублей въ годъ на производство пособія на содержаніе археологическаго института.

II.

Составъ Археологическаго института.

Въ составъ почетныхъ членовъ института за истекшее первое десятилѣтіе его существованія избраны слѣдующія лица:

Андреевскій, Иванъ Ефимовичъ, заслуженный ординарный профессоръ, директоръ археологическаго института.

Барсовъ, Николай Ивановичъ, профессоръ спб. дух. академіи.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳеодоровичъ, академикъ.

Бюлеръ, баронъ, Ѳеодоръ Андреевичъ, гофмейстеръ, директоръ моск. главнаго архива минист. иностр. дѣлъ.

Валуевъ, графъ Петръ Александровичъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, профессоръ спб. университета.

Гагаринъ, князь Константинъ Дмитріевичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ, профессоръ историко-филологическаго института.

Гинцбургъ, баронъ, Горацій Осиповичъ, дѣйств. ст. сов.

Глазуновъ, Иванъ Ильичъ, дѣйств. ст. сов.

Григоровичъ, Николай Ивановичъ, начальникъ архива св. синода.

Деляновъ, Иванъ Давидовичъ, министръ народнаго просвѣщенія.

Долгоруковъ, князь Владиміръ Андреевичъ, московск. генераль-губернаторъ.

Жизневскій, Августъ Казиміровичъ, предсѣдатель тверской ученой архивной комиссіи.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣд. моск. общ. исторіи и древностей, директоръ историческаго музея въ Москвѣ.

Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, профессоръ спб. университета.

Ивановскій, Левъ Константиновичъ, прозекторъ военно-медицинской академіи.

Игнатьевъ, графъ Николай Павловичъ, членъ госуд. совѣта.

Исѣевъ, Петръ Ѳеодоровичъ, конференцъ-секретарь акад. художествъ.

Калачова, Лидія Александровна, супруга основателя археол. института.

Кахановъ, Михаилъ Семеновичъ, членъ государственнаго совѣта.

Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ, почетный вольный общникъ акад. художествъ.

Кохманскій, Валентинъ Сифоріановичъ, тайн. сов.

Куломзинъ, Анатолій Николаевичъ, управляющій дѣлами комитета министровъ.

Куникъ, Аристъ Аристовичъ, академикъ.

Лееръ, директоръ баварскихъ архивовъ.

Леонидъ, архимандритъ, намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры.

Ливень, князь, Андрей Александровичъ.

Лорисъ-Меликовъ, графъ, Михаилъ Тариеловичъ, членъ госуд. совѣта.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощникъ директора импер. публичной библіотеки.

Марковъ, Павелъ Алексѣевичъ, товарищъ министра юстиціи.

Микѣшинъ, Михаилъ Осиповичъ, профессоръ живописи.

Миллеръ, Лукіанъ Адамовичъ, профессоръ историко-филолог. института.

Набиковъ, Дмитрій Николаевичъ, членъ госуд. совѣта.

Найденовъ, Николай Александровичъ, предсѣдатель московск. биржев.

комитета.

Николевъ, Иннокентій Николаевичъ, начальн. отдѣл. въ моск. архивѣ минист. юстиціи.

Орловъ, Алексѣй Алексѣевичъ, дѣйств. ст. сов.

Островскій, Михаилъ Николаевичъ, министръ госуд. имуществъ.

Павловъ, Алексѣй Степановичъ, профессоръ московск. университета.

Пестовъ, Семень Григорьевичъ, колл. сов.

Покровскій, Николай Васильевичъ, профессоръ слб. дух. академіи.

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, профессоръ слб. университета.

Пономаревъ, Александръ Ивановичъ, профессоръ слб. дух. академіи.

Посъетъ, Константинъ Николаевичъ, министръ путей сообщенія.

Прозоровскій, Дмитрій Ивановичъ, преподаватель археол. института.

Путятинъ, князь, Павелъ Арсеньевичъ, почетный мировой судья.

Розенбаумъ, Эдуардъ Федоровичъ, дѣйств. ст. сов.

Сабуровъ, Андрей Александровичъ, сенаторъ.

Савва, архіепископъ тверской и кашинскій.

Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ, дѣйств. ст. сов.

Северинъ, Викторъ Егоровичъ, дѣйств. ст. сов.

Селифонтовъ, Николай Николаевичъ, статсъ-секретарь, товарищъ министра путей сообщенія.

Семевскій, Михаилъ Ивановичъ, тайн. сов., изд.-ред. «Русской Старины».

Сергіевичъ, Василій Ивановичъ, профессоръ слб. университета.

Смирновъ, Василій Дмитріевичъ, профессоръ слб. университета.

Султановъ, Николай Владиміровичъ, гражд. инженеръ.

Титовъ, Владиміръ Павловичъ, членъ госуд. совѣта.

Толстой, графъ, Дмитрій Андреевичъ, президентъ импер. академіи наукъ, министръ внутр. дѣлъ.

Толстой, Александръ Васильевичъ.

Труворовъ, Аскалонъ Николаевичъ, дѣйств. ст. сов.

Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, членъ госуд. совѣта.

Харитоненко, Иванъ Герасимовичъ, дѣйств. ст. сов.

Холмогоровъ, Василій Ивановичъ, начальн. отдѣл. въ московск. архивѣ минист. юстиціи.

Черкасовъ, баронъ, Павелъ Гавриловичъ.

Ягичъ, Игнатій Виентьевичъ, академикъ, профессоръ вѣнскаго университета.

Ясенскій, Александръ Петровичъ, правитель дѣлъ археол. института.

Составъ профессоровъ археологическаго института за истекшее десятилѣтіе былъ слѣдующій: Ко дню открытія института назначены были профессорами института: академикъ А. Ѳ. Вычковъ, проф. Е. Е. Замысловскій, докторъ гражданскаго права Н. В. Калачовъ, магистръ русской словесности Л. Н. Майковъ, доцентъ спб. духовной академіи Н. В. Покровскій, проф. В. И. Сергѣевичъ и академикъ И. И. Срезневскій. Изъ нихъ трое—Н. В. Калачовъ, Е. Е. Замысловскій и Н. В. Покровскій съ начала 1878 года приступили къ чтенію лекцій въ институтѣ по предметамъ: 1) юридическихъ древностей, 2) исторической географіи и 3) церковной археологіи. Въ замѣнъ оставившихъ институтъ профессоровъ, А. Ѳ. Вычкова, Е. Е. Замысловскаго, Л. Н. Майкова, В. И. Сергѣевича и И. И. Срезневскаго, въ томъ же 1878 году утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія профессорами: тайный совѣтникъ А. Д. Галаховъ, ст. сов. Л. А. Миллеръ, профессоръ И. Е. Андреевскій и дѣйств. ст. сов. П. И. Саввантовъ, такъ что въ слѣдующемъ 1879 году, кромѣ вышеуказанныхъ предметовъ—юридическихъ древностей и церковной археологіи, читались еще лекціи по исторіи полипейскаго права и земскихъ учреждений въ Россіи (И. Е. Андреевскій) и по латинской палеографіи (проф. Л. А. Миллеръ). Приглашенный въ качествѣ специалиста для чтенія лекцій въ институтѣ Д. И. Прозоровскій въ томъ же году приступилъ къ изложенію курса древне-русской метрологіи. Тѣ-же самыя лица продолжали чтеніе лекцій въ институтѣ въ 1880 и 1881 гг. Въ 1882 году гражданскій архитекторъ Н. В. Султановъ началъ читать въ институтѣ лекціи по исторіи русскаго искусства.

Въ 1883 и 1884 гг. въ составѣ профессоровъ института не послѣдовало никакихъ измѣненій.

Въ 1885 году скончался директоръ и профессоръ института Н. В. Калачовъ, и начали чтеніе лекцій: И. Е. Андреевскій по наукѣ объ архивахъ, И. В. Ягичъ по славянской палеографіи.

Въ 1886 году составъ институтскихъ профессоровъ и преподавателей значительно увеличился: профессоръ В. И. Сергѣевичъ приступилъ къ чтенію

лекцій по юридическимъ древностямъ, бывшій слушатель института, докторъ философіи іенскаго университета, А. К. Марковъ, началъ чтеніе лекцій по нумизматикѣ, Д. И. Прозоровскій, за выбытіемъ проф. Ягича,—по русской палеографіи, почетные члены института дѣйств. ст. сов. А. Н. Труворовъ и ст. сов. И. И. Василевъ начали практически знакомить слушателей съ чтеніемъ и разборомъ древнихъ актовъ.

Въ настоящее время (1888 г.) въ археологическомъ институтѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1) наука объ архивахъ (проф. И. Е. Андреевскій); 2) церковныя древности (проф. Н. В. Покровскій); 3) юридическія древности (проф. В. И. Сергѣевичъ); 4) нумизматика (А. К. Марковъ); 5) русская палеографія (Д. И. Прозоровскій); 6) метрологія (Д. И. Прозоровскій), и 7) чтеніе древнихъ актовъ (И. И. Василевъ).

Слушателей въ институтѣ на первомъ двухгодичномъ курсѣ 1878—1879 гг. было 26 дѣйствительныхъ, поступившихъ въ институтъ по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и два вольнослушателя. Изъ нихъ 17 окончили въ 1879 г. курсъ институтскихъ наукъ, а именно: кандидатъ правъ московскаго университета С. В. Арсеньевъ, кандидатъ спб. духовной академіи А. А. Благовѣщенскій, кандидатъ университета св. Владиміра П. Е. Ваденюкъ, кандидатъ Демидовскаго юридическаго лицея А. Н. Виноградовъ, кандидатъ спб. духовной академіи А. В. Гавриловъ, кандидатъ спб. университета И. Г. Даниловъ, кандидатъ спб. духовной академіи Я. И. Зарницкій, кандидаты московскаго университета Д. П. Лебедевъ и Д. М. Мейчикъ, кандидатъ кievской духовной академіи Н. Н. Оглоблинъ, кандидатъ спб. университета Е. М. Тимаевъ, кандидатъ казанскаго университета М. С. Чевскій, дѣйствительный студентъ московск. универс. К. А. Шапошниковъ, воспитатель 1-ой военной гимназіи подполковникъ А. Н. Шишкинъ, дѣйств. студ. спб. университета П. С. Яковлевъ и два вольнослушателя: командированный государственнымъ секретаремъ для слушанія лекцій въ институтѣ колл. ассесоръ Р. И. Доброхотовъ и ротмистръ гвардіи А. А. Туганъ-Мирва-Барановскій.

Во вниманіе къ ученымъ трудамъ слушателей совѣтомъ института постановлено было выдать нѣкоторымъ изъ нихъ медали. Золотыми медалями награждены: гг. Гавриловъ, Даниловъ, Мейчикъ и Оглоблинъ, серебряными: Арсеньевъ, Благовѣщенскій, Ваденюкъ, Лебедевъ, Тимаевъ, Шапошниковъ и Яковлевъ.

Въ слѣдующемъ курсѣ, 1880—1881 гг., всѣхъ слушателей въ институтѣ было 18 дѣйствительныхъ и 35 вольнослушателей. Изъ нихъ шестеро окончили полный курсъ: кандидатъ спб. дух. академіи А. Н. Львовъ, докторъ іенскаго университета А. К. Марковъ, кандидатъ правъ университета св. Владиміра И. Рагозинъ, окончившій курсъ въ бывшей лѣсной академіи Ф. Родзевичъ и два вольнослушателя: бывшій студ. московскаго университета

Н. Я. Ермаковъ и дворянинъ П. О. Черневскій. Гг. Марковъ и Родзевичъ, за ученые труды ихъ во время пребыванія въ институтѣ, награждены золотыми медалями, гг. Львовъ и Рагозинъ—серебряными, а г. Черневскій признанъ достойнымъ почетнаго отзыва.

Такъ какъ слушатели, вступившіе въ институтъ вмѣстѣ съ открытіемъ новаго институтскаго курса съ 15-го января 1882 г., посѣщали институтъ въ продолженіе дѣлаго года на правахъ частныхъ слушателей, а между тѣмъ къ 15-го января 1883 г. поступило въ институтъ значительное количество новыхъ слушателей, которые по своему образованію удовлетворяли требованію § 2 Положенія объ археологическомъ институтѣ (и были включены въ число дѣйствительныхъ слушателей), то совѣтъ института, по предложенію директора Н. В. Калачова, опредѣлилъ начать новый двухгодичный курсъ съ 15-го января 1883 года. Въ составъ этого курса 1883—1885 гг. вошли 12 дѣйствительныхъ слушателей и три вольнослушателя. Окончили полный курсъ четверо: дѣйств. студ. харьковскаго университета Н. П. Ильинскій, дѣйств. студ. спб. университета С. Климовскій, кандидатъ спб. университета П. Мясниковъ и окончившій курсъ наукъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія Д. Яновъ. Въ 1885 году вступило въ институтъ 8 дѣйствительныхъ слушателей и 11 вольнослушателей. Въ 1886 году явилось еще 15 дѣйствительныхъ и 7 частныхъ слушателей. Поэтому съ 1886 года всѣ слушатели института раздѣлены были на двѣ группы, для которыхъ установлено два курса чтеній. Старшая группа въ составѣ пяти дѣйствительныхъ слушателей—окончившаго курсъ наукъ въ спб. практическомъ-технологическомъ институтѣ С. Гольдштейна, дѣйств. студ. спб. универс. В. В. Полюхова, студ. спб. универс. П. Романовскаго, окончившаго курсъ въ спб. историко-филологическомъ институтѣ А. Смирнова и П. Шафранова и пяти вольнослушателей—М. Безребренникова, коллежскаго регистратора г. Вирюлькина, графа Н. Ланскаго, сына подполковника г. Ливкина и губ. секр. А. Селиванова—въ началѣ 1887 года окончила курсъ наукъ въ институтѣ. Въ настоящее время въ институтѣ состоятъ двѣ группы слушателей—старшая и младшая, съ двумя курсами чтеній: въ первой 15 дѣйствительныхъ слушателей и 7 вольнослушателей, во второй 15 дѣйствительныхъ слушателей и 6 вольнослушателей, всего 43.

Всѣ окончившіе курсъ въ институтѣ дѣйствительные слушатели его, на основаніи § 7 положенія объ археологическомъ институтѣ, получили отъ совѣта института званіе дѣйствительныхъ членовъ археологическаго института: число такихъ членовъ къ началу 1888 года простиралось до 24-хъ. Нѣкоторые изъ частныхъ слушателей, а именно: гг. Черневскій, Ермаковъ, Безребренниковъ, Вирюлькинъ, гр. Ланской, Ливкинъ и Селивановъ, во вниманіе къ усерднымъ занятіямъ въ институтѣ и ученымъ трудамъ, получили званіе членовъ-сотрудниковъ института. Бывшіе питомцы археоло-

гическаго института разошлись по разнымъ путямъ государственной и общественной дѣятельности. Но не смотря на это различіе путей, почти всѣ они находятся въ живыхъ сношеніяхъ съ институтомъ и съ успѣхомъ занимаются какъ собираніемъ матеріаловъ по археологій и исторіи, такъ и ученою разработкою и изданіемъ ихъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ, уже напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, доставлены ихъ авторами, во дню десятилѣтія, подробныя свѣдѣнія:

1. С. В. Арсеньевъ напечаталъ: а) историческій очеркъ восточнаго вопроса съ 1453 года (Сборникъ „Родное племя“), б) о древностяхъ Уфимской губерніи („Спб. Вѣд.“ 1879 г.), в) хожденія Игнатія Смольянина 1389—1405 гг. въ Царь-Градъ, Іерусалимъ и на Аѳонъ (Палест. сборн. 1887 г.).

2. А. А. Благовѣщенскій: а) изслѣдованіе объ „островѣ Эвель и его древностяхъ“, б) исторію казанской духовной академіи; в) исторію казанской духовной семинаріи и духовныхъ училищъ въ XVIII и XIX вв., г) историческіе очерки школьнаго быта въ духовныхъ училищахъ казанской епархіи; д) жизнь и дѣятельность казанскихъ архіепископовъ Филарета Амфитеатрова, Павла Зернова и Амвросія Протасова („Русск. Стар.“ 1883 г.), и нѣсколько замѣтокъ по обзору памятниковъ художественной археологій въ Вѣстникѣ археологій и исторіи (кн. IV) и др. изданіяхъ.

3. А. В. Гавриловъ напечаталъ: а) матеріалы синодальнаго архива, относящіеся къ царствованію императора Александра I (Сборн. археол. инст., кн. 1—3), б) историко-археологическое описаніе Бѣлогостицкаго монастыря (ibid., кн. IV), в) древности Толгскаго монастыря (ibid., кн. V), г) отчетъ объ архивѣ канцеляріи упраздненнаго оренбургскаго генералъ-губернаторства (ibid., кн. V), д) постановленія и распоряженія св. синода 1855—1830 гг. о сохраненіи и изученіи памятниковъ древности (Вѣстн. археол. и истор., вып. VI), е) два тома описанія дѣлъ архива св. синода за 1724 и 1727 гг., ж) два тома бумагъ москов. митр. Филарета.

4. И. Г. Даниловъ: а) замѣтки о курганахъ при деревнѣ Ново-Сиверской (Сборн. арх. инст., кн. II); б) раскопки кургановъ въ Гдовскомъ, Лугскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ (ibid., кн. III); в) о значеніи и собираніи древне-русскихъ юридическихъ символовъ (ibid., кн. IV); г) правительственныя распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ императоровъ Петра I до Александра II (Вѣстн. археол. и истор., вып. IV); д) о трудахъ директора археол. института Н. В. Калачова по крестьянскому дѣлу (ibid., вып. V); е) два сборника рѣшеній I департамента правит. сената по крестьянскимъ дѣламъ 1862—1882 гг., и ж) двѣ части положеній о сельскомъ состояніи, дополненныхъ и разъясненныхъ позднѣйшими законами.

5. Я. И. Зарницкій: а) священное коронованіе и помазаніе царей на царство (Страникъ, 1883 г.); б) древняя деревянная церковь въ с. Кусягахъ Новоладожскаго уѣзда (Записки импер. русск. археол. общ. 1886 г.).

6. Д. П. Лебедевъ: а) собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, б) отчетъ по отдѣленію рукописей моск. публичнаго и румянцевскаго музеевъ за 1879—1882 гг., в) отчетъ по отдѣленію рукописей моск. публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1883—1885 гг.

7) А. Н. Львовъ: а) отчетъ о занятіяхъ въ архивѣ бывшей оренбургской генералъ-губернаторской канцеляріи (Сборн. археол. инст., кн. V), б) вос-

поминавіа о Н. В. Калачовѣ, какъ руководителѣ занятіями слушателей археол. института (Вѣстн. археол. и истор., вып. V).

8. А. К. Марковъ: а) татарскій шлемъ, найденный на Кулиновомъ полѣ (Вѣстн. археол. и истор., вып. III); б) объ одномъ загерійскомъ диргеми мамелюкскаго султана Бибарса I (ibid. вып. IV); в) старинныя монеты, принесенныя въ даръ археол. институту гг. Соловьевымъ и Глузовымъ (ibid., вып. I); г) неизданный фельсь халифа Гарунъ-эл-Рашида (ibid., вып. VII); д) библиографія классической археологіи за 1884—1886 гг. (Зап. импер. русск. археол. общ., т. II); е) критическій разборъ соч. г. Трутовскаго: каталогъ восточныхъ монетъ Румянцевскаго музея (Зап. восточн. отд. император. русскаго археол. общ.).

9. П. Мясниковъ: а) о дѣятельности орловской архивной комисіи за 1884 годъ (Вѣстн. археол. и истор. 1885 г.); б) опись дѣламъ бывшаго V отдѣленія с. е. н. в. канцеляріи съ 1836 по 1856 г.

10. Н. Н. Оглоблинъ: а) Арсеній архіепископъ Элассонскій и его „Описаніе путешествія въ Московію въ 1588—1589 гг. (Историч. библ. 1879 г., № № 8 и 9); б) объяснительная записка къ картѣ полоцкаго повѣта во 2-й половинѣ XVI вѣка, съ картою (Сборн. археол. инст. 1880 г., кн. III и 1881 г., кн. IV); в) раскопки кургановъ въ Гдовскомъ и Лугскомъ уѣздахъ (ibid. кн. III); г) раскопки городища и кургановъ близъ г. Рязани (Моск. Вѣд. 1882 г., № 231); д) къ исторіи холеры 1830—1831 гг. (Истор. Вѣстн. 1883 г., № 10); е) обзоръ историко-географическихъ матеріаловъ XVII—XVIII вв., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа (опис. докум. и бум. моск. архива минист. юстиціи 1884 г., кн. IV); ж) воеводскія вѣстовыя отписки XVII в. (Кіев. Стар. 1885 г., № 7); з) къ вопросу о началѣ кіевской академіи (ibid., 1886 г., № 3); и) кіевскій столъ разряднаго приказа (ibid., 1886 г., № 11); і) провинціальныя архивы въ XVII в. (Вѣстн. археол. и истор. 1887 г., вып. VI); к) очерки изъ быта Украйны конца XVIII в. (сожженіе вѣдьмъ. Кіев. Стар. 1887 г., № 5); л) вяземскій архимандритъ Θεодосій (Истор. Вѣстн. 1887 г., № 7); м) раскопки клада въ Можайскѣ въ 1702 году (Вѣстн. археол. и истор., вып. VII).

11. Е. М. Тимаевъ: а) замѣтки къ исторіи уложенія царя Алексѣя Михайловича (см. ст.: Поѣздка въ Москву, Сборн. археол. инст., кн. II); б) опись предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ музеѣ института (Сборн. археол. инст., кн. III); в) описаніе раскопокъ могилъ и сопокъ въ Гдовскомъ, Лугскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ (ibid., кн. III); г) библиографическая замѣтка по поводу изданія: „древнія каменныя орудія, собранныя въ предѣлахъ Казанской губ. В. И. Заусойловымъ“ (Вѣстн. археол. и истор., вып. I).

12. П. А. Шафрановъ: а) опись дѣламъ бывшаго V отдѣл. с. е. н. в. канцеляріи; б) отчетъ о дѣятельности тверской ученой архивной комисіи (Вѣстн. археол. и истор., вып. III)

13) П. С. Яковлевъ: а) опись предметамъ каменнаго и бронзоваго вѣка (Сборн. археол. инстит., кн. III); б) свѣдѣнія объ архивахъ министерства путей сообщенія (Журналъ минист. п. с. за 1879 г.); в) отчетъ о поѣздкѣ съ археологическою цѣлью на Ладожское озеро и берега Волхова; г) отчетъ объ археологической экскурсіи въ среднюю Европу (Вѣстн. археол. и истор., вып. VI).

14. А. Н. Виноградовъ (іеромонахъ пеллиской миссіи, Алексѣй) напе-

чталъ въ „Извѣстіяхъ импер. русск. археол. общества“ нѣсколько статей о древнихъ русскихъ церквахъ и иконахъ.

Перечень этотъ обнимаетъ археологическую дѣятельность бывшихъ слушателей института лишь отчасти. Многие изъ нихъ еще не успѣли привести къ окончанію своихъ работъ, другіе по тѣмъ или другимъ причинамъ не доставили свѣдѣній въ институтъ о своихъ занятіяхъ. Институту извѣстно, что А. В. Гавриловъ продолжаетъ работы по изданію бумагъ митрополита московскаго Филарета; И. Г. Даниловъ принималъ участіе въ составленіи систематическаго азбучнаго указателя для словаря русскихъ историческихъ дѣятелей Я. И. Зарницкій занимается церковно-археологическою бібліографіею; Д. П. Лебедевъ приступилъ къ изданію историко-юридическихъ актовъ, относящихся главнымъ образомъ къ мѣстности нынѣшняго шуйскаго уѣзда, и описей нѣкоторыхъ монастырскихъ и семинарскихъ бібліотекъ сѣверной Россіи; А. Н. Львовъ, кромѣ своихъ рефератовъ въ институтѣ, описалъ до 4,000 дѣлъ архива оренб. генераль-губерн. канцеляріи, составилъ проектъ разбора и описанія дѣлъ архива с.-петербургской думы и описалъ до 30,000 дѣлъ этого архива; А. К. Марковъ печатаетъ свои труды по археологической бібліографіи русской и иностранной; г. П. Мясниковъ занимался описаніемъ архива князей Куракиныхъ, разсматривалъ присланныя изъ министерства финансовъ описи дѣламъ (съ 1778 г.), хранящимся въ архивахъ казенныхъ палатъ, и производилъ въ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ работы по изысканію матеріаловъ для исторіи этого министерства; Н. Н. Оглоблинъ приготовилъ къ печати нѣсколько новыхъ трудовъ по исторіи, на основаніи архивныхъ документовъ; Е. М. Тимаевъ приготовилъ нѣсколько статей по первобытной археологіи, палеографіи, нумизматикѣ, архивовѣдѣнію и проч.; Н. Я. Ермаковъ—указатель къ изданнымъ Н. В. Калачовымъ актамъ, относящимся до юридическаго быта древней Россіи; П. А. Шафрановъ описывалъ дѣла архивовъ—министерства государственныхъ имуществъ и куракинскаго; П. О. Черневскій занимался бібліографіею русской археологіи; К. А. Шапошниковъ—раскопкою кургановъ въ валдайскомъ, устюженскомъ, ярославскомъ, вышневолоцкомъ и рузскомъ уѣздахъ, обзорѣніемъ древнихъ пещеръ близъ колыванской гранильной фабрики и другихъ археологическихъ памятниковъ Сибири; гр. Н. С. Ланской изучалъ древности первобытныя въ Старой Ладогѣ и въ Лугскомъ уѣздѣ, а въ Новгородѣ занимался главнымъ образомъ русскою эпиграфикою и памятниками древне-русскаго религіознаго искусства; М. И. Безсребренниковъ собираетъ матеріалы для исторіи рода Воронцовыхъ и составилъ, по архивнымъ источникамъ, статью о печатникѣ и думномъ дякѣ первой половины XVII вѣка, И. Т. Грамотинъ; А. Θ. Селивановъ посѣтилъ съ цѣлью археологическою многіе пункты Россіи, собралъ матеріалы для исторіи нѣкоторыхъ русскихъ монастырей, произвелъ, по порученію предварительнаго комитета

ярославскаго археологическаго съѣзда, раскопки кургановъ въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ: въ настоящее время г. Саливановъ собираетъ матеріалы, относящіяся къ исторіи народнаго образованія въ Россіи.

III.

Библіотека института и музей. Основаніемъ институтской бібліотеки послужили иностранныя ученія изданія, относящіяся главнымъ образомъ къ архивовѣдѣнію, приобретенныя покойнымъ директоромъ института Н. В. Калачовымъ на сумму въ 1,000 руб., ассигнованную ему для этой цѣли по ходатайству г. министра народнаго просвѣщенія. Затѣмъ уже въ первый годъ существованія института поступило въ институтскую бібліотеку 117 названій книгъ въ 456 томахъ и до 50 рукописей, пожертвованныхъ разными учрежденіями и частными лицами; въ 1879 г. 255 наименованій книгъ, заключающихъ въ себѣ 334 тома и 70 рукописей; въ 1880 г. 209 наименованій книгъ въ 224-хъ томахъ и 113 рукописей; въ 1881 г. — 72 наименованій книгъ въ 104 томахъ и 89 рукописей. Пополняясь преимущественно пожертвованіями, институтская бібліотека въ 1886 году обогатилась крупнымъ вкладомъ вдовы покойнаго директора Н. В. Калачова—Л. А. Калачовой, передавшей въ институтъ сполна всю бібліотеку покойнаго Николая Васильевича, заключающую въ себѣ свыше 4,000 наименованій книгъ археологическаго, историческаго и юридическаго содержанія, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы въ случаѣ закрытія института книги эти переданы были въ московскій архивъ министерства юстиціи; поэтому онѣ хранятся въ институтѣ отдѣльно въ особыхъ шкафахъ, не смѣшиваясь съ другими книгами институтской бібліотеки. Въ настоящее время число всѣхъ книгъ институтской бібліотеки простирается свыше 5,000 наименованій и до 500 рукописей, кромѣ архивныхъ дѣлъ, составляющихъ особый институтскій архивъ.

Музей института образовался частію изъ пожертвованій, частію изъ предметовъ, добытыхъ слушателями института при производствѣ раскопокъ. Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) первобытныя, въ которыхъ находятся предметы каменнаго и бронзоваго періодовъ, въ оригиналахъ и снимкахъ; 2) древности Херсониса, Керчи, Кавказа, Укека, какъ-то: фрагменты сосудовъ, лампы, металлическія вещи; 3) старинныя рукописи, начиная съ XV вѣка; свитки, грамоты и старо-печатныя изданія; 4) древности церковныя: иконы, металлическіе складни, рѣзные и эмалевые предметы, церковные сосуды, кресты и одежды; 5) предметы домашняго обихода: ядовы, женскіе уборы; 6) вооруженія; 7) отдѣлъ нумизматическій, въ которомъ, кромѣ русскихъ монетъ, находятся греческія, римскія, восточныя и западно-европейскія. Общее количество всѣхъ предметовъ музея простирается до 3,000.

IV.

Дѣятельность института.

Взявшись за выполненіе трудной задачи, Археологической институтъ для усиленнаго ея выполненія проявилъ въ теченіе перваго десятилѣтія свою дѣятельность въ шести слѣдующихъ способахъ: въ чтеніи лекцій, въ устройствѣ вечернихъ занятій, въ публичныхъ вечернихъ чтеніяхъ и бесѣдахъ, снаряженіи лѣтнихъ экскурсій, изданіи своего органа и устройствѣ губернскихъ архивныхъ ученыхъ комиссій.

1) Чтеніе лекцій по утрамъ открылось тотчасъ по учрежденіи въ 1878 году института, но достигало постепенно большаго и большаго развитія, хотя и до сихъ поръ еще далеко отъ желательной полноты. Первоначально лекціи читались соединенно двумъ курсамъ слушателей, и только съ 1885—1886 г. найдено возможнымъ настолько усилить преподаваніе, что уже чтеніе лекцій дается отдѣльное для слушателей 1-го и 2-го курсовъ. Нѣкоторые предметы уже заняли прочное и вполне опредѣлившееся положеніе въ институтскомъ преподаваніи, какъ-то: русско-славянская палеографія съ чтеніемъ рукописей; нумизматика, метрологія, церковныя древности, юридическія древности и наука объ архивахъ. Относительно же другихъ, столь-же необходимыхъ, предметовъ были только по временамъ попытки преподаванія, по латинской палеографіи, по исторіи русскаго искусства, по исторической географіи,—но этихъ предметовъ не удалось еще ввести въ кругъ постояннаго преподаванія.

2) Систематическое преподаваніе лекцій пополнялось устройствомъ вечернихъ чтеній, которыя посѣщаются не только слушателями института, но и его бывшими слушателями, дѣйствительными членами института. На такихъ вечернихъ чтеніяхъ, сначала явившихся въ видѣ пробныхъ занятій, могущихъ пополнить сообщаемое на лекціяхъ, читались рефераты и изслѣдованія какъ слушателей, такъ и дѣйствительныхъ членовъ, или разбирались историческіе, законодательные и литературные памятники старины, или подвергались критическому изученію историческія работы. Сознанная слушателями польза такихъ практическихъ занятій привела институтъ въ послѣдніе годы къ упорядоченію и нѣкоторому систематизированію такихъ вечернихъ чтеній, которыя теперь и назначаются еженедѣльно.

3) Но кромѣ этихъ внутреннихъ, такъ сказать, школьныхъ занятій, археологической институтъ, съ самаго его открытія, нашелъ необходимымъ устраивать нѣсколько разъ въ теченіе учебнаго года публичныя вечернія чтенія и бесѣды. Ознакомленіе публики съ положеніемъ того или другаго историческаго или археологическаго вопроса, научное разъясненіе приемовъ,

толкованій, партій, представленіе новыхъ матеріаловъ, возбужденіе и постоянное поддерживаніе въ обществѣ интереса и вниманія къ различнымъ областямъ отечественной старины,—вотъ главные цѣли вечернихъ публичныхъ чтеній и бесѣдъ института. И кромѣ его профессоровъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, въ теченіе перваго десятилѣтія многіе изъ почтеннѣйшихъ русскихъ ученыхъ, не находящіеся въ составѣ членовъ института, входили на институтскую кафедру, чтобы подѣлиться съ удостоившимися институтскій залъ посѣщеніемъ своими изысканіями и изслѣдованіями, нерѣдко по вопросамъ весьма специальнымъ, но большею частію, вслѣдствіе открывавшихся затѣмъ бесѣдъ, дѣлавшихся не только для всѣхъ доступными, но и привлекающими прелестями родной старины.

4) Имѣя же въ виду цѣли педагогическія, прямыя интересы своихъ слушателей, археологическій институтъ, конечно, въ большой зависимости отъ состоянія своихъ денежныхъ средствъ, устраивалъ для каждаго выпуска своихъ слушателей лѣтнія экскурсіи, имѣвшія цѣлю какъ самостоятельную слушателями института раскопку кургановъ, такъ и ознакомленіе съ памятниками древности въ нашихъ изстаринныхъ историческихъ центрахъ. Сначала такими экскурсіями руководилъ самъ Н. В. Калачовъ, а потомъ такія экскурсіи предпринимались подъ руководствомъ какъ профессоровъ, такъ и учениковъ Калачова, дѣйствительныхъ членовъ института.

5) Открывъ столь разнообразную, но прямо вызывавшуюся его задачами, дѣятельность, археологическій институтъ, съ самаго его учрежденія, сталъ издавать свой органъ. «Сборникъ Археологическаго Института», 1-я книга котораго издана въ 1878 году, а послѣдняя, 5-я (въ двухъ частяхъ), въ 1886 г. Въ этомъ сборникѣ одинъ отдѣлъ посвященъ лѣтописи археологическаго института: въ нее записалось все важнѣйшее изъ дѣлъ института, для возможной его отвѣтственности предъ государствомъ и обществомъ и для возбужденія критическаго отношенія къ нему людей науки, съ самыхъ первыхъ дней института поддерживавшихъ его вниманіемъ и сочувствіемъ. Въ другомъ отдѣлѣ сборника помѣщались историческіе матеріалы, а въ третьемъ изслѣдованія по предметамъ древностей. Этими пятью книгами ограничилось изданіе сборника: такъ какъ съ 1885 года археологическій институтъ вслѣдствіе крупнаго пожертвованія, сдѣланнаго почетнымъ членомъ института Матвѣемъ Варооломеевичемъ Глумовымъ, сталъ издавать «Вѣстникъ археологіи и исторіи», предположивъ сначала сдѣлать его изданіемъ повременнымъ, издавая опредѣленное число книжекъ въ годъ, но потомъ пришлось подчиниться необходимости—издавать эти выпуски, по мѣрѣ полученія денежныхъ средствъ. При такомъ характерѣ Вѣстника оказалось возможнымъ помѣщать въ него и все то, что печаталось прежде въ сборникѣ. Съ 1885 года издано всего 6 выпусковъ Вѣстника, изъ которыхъ 5-й выпускъ

посвященъ памяти учредителя института—Н. В. Калачова. Теперь печатается 6-й выпускъ.

6) Съ 1884 года открылось еще новое поле дѣятельности для археологическаго института, сколько важное по цѣли, столько же и обширное по объему. По плану учредителя института, Н. В. Калачова, одобренному г. президентомъ академіи наукъ графомъ Д. А. Толстымъ, императорскою академіею наукъ составленъ былъ въ 1884 г. проектъ положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, внесенный графомъ Толстымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе комитета министровъ. Этотъ проектъ удостоенъ комитетомъ министровъ «полнаго сочувствія» и относительно его осуществленія признанъ «заслуживающимъ поощренія правительства». Согласно съ такимъ положеніемъ комитета министровъ, графу Д. А. Толстому высочайше разрѣшено открытіе означенныхъ архивныхъ комиссій въ Орлѣ, Тамбовѣ, Твери и Рязани, и затѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, по мѣрѣ надобности и имѣющихся средствъ, открывать таковыя и въ другихъ губерніяхъ (высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 13-го апрѣля 1884 года). Въ циркулярномъ сообщеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ разъяснены правила, по которымъ могутъ учреждаться въ губерніи ученые губернскія архивныя комиссіи. Именно, разъяснено, что таковыя составляются по взаимному соглашенію директора археологическаго института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ, который и дѣлается непремѣннымъ попечителемъ комиссій. Комиссіи создаютъ губернской исторической архивъ, могутъ производить ученые историческія розысканія, описанія и объясненія всякихъ памятниковъ старины, представляя отчетъ о своихъ занятіяхъ, въ концѣ года, директору археологическаго института, который въ свою очередь представляетъ академіи наукъ отчетъ о дѣятельности всѣхъ ученыхъ архивныхъ комиссій. И такіе отчеты представлены были археологическимъ институтомъ о дѣятельности 5-ти ученыхъ архивныхъ комиссій (тверской, тамбовской, орловской, рязанской и костромской) за 1885 и за 1886 года. Теперь дѣйствуетъ уже 8 архивныхъ комиссій: къ 5 прежнимъ присоединились саратовская (открывшаяся 12-го декабря 1886 г.), таврическая (открывшаяся 24-го января 1887 г.) и нижегородская (открывшаяся 17-го октября 1887 г.). Дѣятельность трехъ послѣднихъ можетъ быть введена только въ общій отчетъ археологическаго института за 1887 годъ. Въ этихъ общихъ отчетахъ археологической институтъ доводитъ до свѣдѣнія академіи наукъ о всѣхъ сторонахъ дѣятельности ученыхъ архивныхъ комиссій, представляя сравнительно итоги работъ каждой комиссій: 1) по составленію губернскаго историческаго архива какъ посредствомъ выдѣленія документовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, такъ и выписей изъ центральныхъ правительственныхъ архивовъ и изъ архивовъ частныхъ лицъ; 2) по собиранію свѣдѣній о древностяхъ края; 3) по печатанію историческихъ и юридиче-

скихъ документовъ; 4) по разсмотрѣнію археологическихъ, историческихъ и литературныхъ трудовъ членовъ комиссій, и 5) по денежной части, по приходамъ и расходамъ комиссій.

Роль и дѣятельность археологическаго института по отношенію къ архивнымъ комиссіямъ была очерчена учредителемъ археологическаго института и основателемъ архивныхъ комиссій, Н. В. Калачовымъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Институтъ долженъ быть посредникомъ между академіею наукъ и учеными архивными комиссіями—проводникомъ заботливости академіи по работѣ мѣстныхъ архивовъ и описанію древностей; докладчикомъ въ ея годичныхъ торжественныхъ собраніяхъ о состояніи губернскихъ историческихъ архивовъ и о занятіяхъ ученыхъ архивныхъ комиссій; хранителемъ составляемыхъ ими архивныхъ описей; двигателемъ ихъ ученыхъ работъ и оцѣнщикомъ этихъ послѣднихъ; въ то же время на немъ лежитъ нравственный долгъ не только возбуждать, но и развивать археологическую и археографическую дѣятельность въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыя еще вовсе не пробуждались или находятся въ зачаткѣ».... («Вѣстникъ археологіи и исторіи», № 1, стр. II).

Доходы и расходы археологическаго института

въ первое десятилѣтіе его существованія

1878—1888 гг.

Приходъ.

1. Правительственная субсидія съ 1883 г., по 6,000 рублей въ годъ	30,000 р. — к.
2. Взносы почетныхъ членовъ	26,000 » — »
3. Единовременныя пожертвованія отъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ:	
а) на учебную и хозяйственную части института	42,142 » — »
б) на изданія института	8,000 » — »
в) на ученые архивныя комиссіи	5,000 » — »
4. Отъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений и отъ почетныхъ членовъ института на изслѣдованіе архивовъ, ихъ разборъ и устройство.	18,510 » 80 »
5. Проценты на свободныя наличныя деньги и фонды	4,248 » 26 »
6. Плата отъ частныхъ слушателей за слушаніе лекцій.	200 » — »
7. Отъ продажи изданій института	654 » 35 »
Итого.	134,755 р. 41 к.

Расходъ.

1. По учебной части:			
а) жалованье профессорамъ	31,900-р.	—	к.
б) пособие слушателямъ	8,782	»	—
в) вознагражденіе членовъ и слушателей по командировкамъ съ научною цѣлію . .	2,259	»	52
г) экскурси и учебныя пособия	1,927	»	67
2. На изслѣдованіе, описаніе и устройство архивовъ правительственныхъ и общественныхъ	18,041	»	91
3. На изданія института	14,973	»	69
4. Въ пособие ученымъ архивнымъ комиссіямъ .	4,323	»	40
5. По хозяйственной части:			
а) плата за квартиру	32,116	»	70
б) содержаніе канцеляріи, прислуги и канцелярскіе расходы	7,597	»	50
в) покупка новой и ремонтъ старой мебели.	2,785	»	51
г) отопленіе, освѣщеніе, почтовые и другіе мелочныя расходы	4,558	»	50
Итого . . .	129,266	»	40
Къ 1 му января 1888 г. въ остаткѣ.	5,489	»	1
Балансъ . .	134,755	»	41

Предсѣдатель правленія, директоръ института И. Андреевскій.

Правитель дѣлъ А. Ясенскій.

О ЗАДАЧАХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

Рѣчь И. Е. Андреевскаго.

Вашему благосклонному вниманію сейчасъ были представлены коротенькія данныя о первомъ десятилѣтіи археологическаго института. Въ жизни учено-учебнаго установленія десятилѣтіе, конечно, только моментъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ десятилѣтіе есть извѣстный періодъ, земско-юридическій: онъ настолько достаточенъ, чтобы положить основы пріемамъ дѣятельности, породить обычаи, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже настолько продолжителенъ, что даетъ возможность осмотрѣться и критически отнестись въ тому, что сдѣлано, признать вѣрное и основательное за руководительное для будущаго и отказаться отъ того, что оказалось неудовлетворительнымъ, недостаточнымъ, мало достигающимъ поставленныхъ цѣлей и задачъ.

Но приступая къ разъясненію задачъ археологическаго института во второе десятилѣтіе, въ которое онъ теперь вступаетъ, я съ особою радостью долженъ заявить, что археологическій институтъ вступаетъ во второе десятилѣтіе при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Сергію Александровичу благоугодно было изъявить согласіе на принятіе археологическаго института подъ свое августѣйшее покровительство и Государь Императоръ въ 10 день сего января всемилостивѣйше соизволилъ на поставленіе археологическаго института подъ покровительство Его Высочества.

Лѣтопись института вносить на свои страницы и еще излиую на институтъ монаршую милость. Членамъ института

хорошо извѣстно, сколько обязанъ институтъ своимъ преуспѣяніемъ постояннымъ пожертвованіямъ и заботамъ объ институтѣ своему почетному члену и члену правленія—барону Горасу Осиповичу Гинцбургу. Институтъ считалъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ правительствомъ объ этихъ заботахъ барона Гинцбурга, и на основаніи ходатайства института, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Государю Императору благоугодно было пожаловать, въ 1 день января сего года, барону Гинцбургу орденъ св. Станислава 1-й степени.

Разставаясь съ первымъ десятилѣтіемъ, археологическій институтъ не могъ не остановиться на тѣхъ дѣятеляхъ, которые въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ содѣйствовали задачамъ института и еще не были его почетными членами, и потому свой списокъ почетныхъ членовъ пополнилъ именами лицъ, которые также, какъ и прежде избранные почетные члены, потрудились на пользу дѣла отечественной старины. Хорошо зная тѣ трудныя условія, въ которыя поставлены были создавшіяся въ вѣдѣніи института новыя совершенно учрежденія—ученыя архивныя комиссіи, эти быстро разрастающіяся вѣтви археологическаго института, съ функціями первѣйшей важности и съ крайне малыми средствами и громадными затрудненіями, институтъ, желая выразить, во первыхъ, свою благодарность просвѣщеннымъ архипастырямъ, благословившимъ нашихъ тружениковъ на ихъ высокое дѣло и много облегчившимъ своимъ архипастырскимъ содѣйствіемъ на первыхъ порахъ дѣятельность архивныхъ комиссій, избралъ въ свои почетные члены преосвященныхъ владыкъ—костромскаго Александра, орловскаго Симеона, рязанскаго Теоکتиста, (преосвященный Савва тверской давно состоитъ нашимъ почетнымъ членомъ); во вторыхъ, желая выразить свою благодарность непремѣннымъ попечителямъ архивныхъ комиссій, избралъ въ свои почетные члены: бывшаго рязанскаго губернатора, нынѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князя Константина Дмитриевича Гагарина, взлелѣявшаго рязанскую комиссію; Тамбовскаго губернатора барона А. Л. Фредерикса, обезпечившаго возможность дѣятельности тамбовской комиссіи, уплачивая изъ собственныхъ средствъ всѣ издержки комиссіи въ теченіе цѣлаго года, и

Костромскаго губернатора, такъ заботящагося объ устроен-

ной его роднымъ братомъ, учредителемъ института Н. В. Калачовымъ, особенно близкой потому институту востромской архивной комиссіи—В. В. Калачова.

Въ третьихъ, желая выразить уваженіе къ сотоварищамъ по архивной работѣ, трудящимся въ архивныхъ комиссіяхъ, институтъ избралъ въ свои почетные члены предсѣдателей архивныхъ комиссій: И. И. Дубасова—тамбовской, А. Б. Солнцева-Засѣкина—орловской, Кастріото-Скандербека—рязанской и А. С. Гациссаго—нижегородской. (Предсѣдатель тверской комиссіи г. Жизневскій уже состоитъ почетнымъ членомъ института).

Въ число почетныхъ членовъ своихъ институтъ избралъ и поучавшихъ здѣсь въ нашихъ публичныхъ вечернихъ собраніяхъ: извѣстнаго археолога, генераль-маіора Н. Е. Бранденбурга, и почтенныхъ ориенталистовъ профессоровъ с.-петербургскаго университета В. Д. Смирнова и Н. И. Веселовскаго. И изъ собственной среды, изъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ, бывшихъ питомцевъ института, онъ нашелъ вполне справедливымъ приобщить къ числу своихъ почетныхъ членовъ: А. К. Маркова, преподающаго теперь въ институтѣ нумизматику, и стяжавшихъ себѣ извѣстность крупными трудами—Александра Васильевича Гаврилова и Ив. Григ. Данилова.

Въ члены-сотрудники институтомъ избраны:

Профессоръ харьковскаго университета Д. И. Багалъй.

Профессоръ кievской духовной академіи Петровъ, столько потрудившійся по созданію музея.

Г. Мартьяновъ, создатель минусинскаго музея.

Н. М. Ядринцевъ, изслѣдователь Сибири.

Александръ Алекс. Дмитріевъ, преподаватель пермской гимназіи.

Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, дѣятель рязанской архивной комиссіи, и

Иванъ Вас. Миловичъ, дѣятель востромской архивной комиссіи.

Считаемъ непремѣннымъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность за оказанное институту, въ теченіе десятилѣтій, со стороны почтенныхъ редакцій нашей повременной

печати. Не говоря уже о нашем почетномъ членѣ, редакторѣ-издателѣ „Русской Старины“, М. И. Семеvскомъ, который по праву все изстаринное, все историческое считаетъ для себя роднымъ, и потому отерываетъ гостепримный пріютъ въ своемъ почтенномъ журналѣ всѣмъ статьямъ и объ архивныхъ комиссіяхъ, и объ институтѣ, но и почтенныя редакціи столичныхъ газетъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, постоянно давали сообщенія о всѣхъ публичныхъ засѣданіяхъ института. Выполняя свою почтенную обязанность, редакціи газетъ оказывали тѣмъ постоянное содѣйствіе и значительную поддержку стремленіямъ института: свѣдѣнія о его работахъ по изученію отечественной старины разносились въ сильно распространенныхъ листкахъ по различнымъ уголкамъ Россіи, вызывая, большею частію, одобреніе нашимъ скромнымъ трудамъ.

Переходя къ анализу задачъ, возлагающихся на археологическій институтъ, не будемъ скрывать отъ себя всей трудности и громадности дѣла, ему предстоящаго въ новое десятилѣтіе.

I.

Преподаваніе въ институтѣ еще не успѣло достигнуть намѣченныхъ въ Положеніи объ институтѣ указаній. Правда, главнѣйшія науки не только введены въ институтскій курсъ, но и самое преподаваніе окрѣпло; ввѣренное опытнымъ ученымъ, оно уже постепенно принаровилось къ большимъ требованіямъ институтскихъ аудиторій. Такъ стоитъ преподаваніе: русской и славянской палеографіи, при практическомъ изученіи чтенія старинныхъ рукописей, метрологія, юридическія древности, церковныя древности и нумизматика; являются попытки, стремленія создать и надлежащее преподаваніе науки объ архивахъ. Кромѣ того, временно пріостановившееся преподаваніе исторіи русскаго искусства скоро будетъ возстановлено. Но этимъ и ограничивается институтскій курсъ. Между тѣмъ необходимо было бы преподавать: 1) палеографію вообще, какъ и указываетъ положеніе, не ограничиваясь только русскою. Временно и была

попытка преподаванія (Луц. Миллеръ) латинской палеографіи, но, къ сожалѣнію это преподаваніе замолкло. Между тѣмъ и латинской палеографіи недостаточно: нѣкоторые наши архивы, и весьма крупныя, хранятъ акты и на средневѣковомъ нѣмецкомъ языкѣ (Plattddeutsch), литовскомъ, польскомъ, шведскомъ; имѣется и не мало актовъ на восточныхъ языкахъ. Естественно, было бы совершенно напрасно мечтать о подготовленіи архивистовъ, знающихъ всѣ эти языки и могущихъ разбирать всѣ старинныя акты. Здѣсь въ этой области подготовленія архивистовъ необходимо раздѣленіе труда: составляя въ государствѣ одно цѣльное, они могутъ мѣняться взаимными услугами и совершать работы другъ для друга по своей специальности. Часть требуемыхъ знаній можетъ быть приобретаема въ университетѣ, съ которымъ институтъ всегда долженъ находиться въ тѣсной внутренней связи. Онъ въ правѣ рассчитывать получить свѣдущихъ ориенталистовъ, филологовъ, знакомыхъ съ латинскою и греческою палеографіею, но палеографіи древненѣмецкаго языка, шведскаго, литовскаго и польскаго получить негдѣ, и потому задача археологическаго института открытъ преподаваніе чтенія актовъ на этихъ языкахъ—не подлежитъ сомнѣнію.

2) Указанное въ Положеніи преподаваніе хронологіи, генеалогіи, сфрагистики и геральдики составляетъ опять пробѣлъ институтскаго курса, пробѣлъ, который можетъ быть пополненъ если не введеніемъ постояннаго курсоваго преподаванія, то открытіемъ временныхъ періодическихъ курсовъ, которые могли бы быть посѣщаемы и бывшими слушателями, дѣйствительными членами института.

3) Указанная далѣе въ положеніи древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII ст. вѣлжчительно непремѣнно должна быть введена въ курсъ спеціального изученія архивиста. При самомъ началѣ института преподаваніе этого предмета и было открыто нашимъ почтеннымъ сотоварищемъ, уважаемымъ историкомъ Е. Е. Замысловскимъ, но, къ сожалѣнію, обремененный громадными трудами, почтенный профессоръ оставилъ, надѣясь только на время, преподаваніе этого предмета въ институтѣ.

Таковы недоимки, и откровенно скажемъ, крупныя въ на-

шемъ преподаваніи. Пополнить ихъ—это задача института въ предстоящее десятилѣтіе.

Мы въ этомъ отношеніи, очевидно, въ долгу у нашихъ уважаемыхъ слушателей, и долгу, тѣмъ болѣе для насъ чувствительномъ, что ихъ стремленія въ приобрѣтенію всестороннихъ знаній для возможности изучить родную старину дѣлаются все болѣе и болѣе явственными. Скажу безъ всякихъ преувеличеній, что ихъ стремленіямъ значительно обязанъ археологическій институтъ, что чувствуешь сегодня десятилѣтіе, особенно, если вспомнить грустный моментъ, когда опочилъ его учредитель, Н. В. Калачовъ, все создавшій не знавшею препятствій энергіею, не знавшимъ усталости трудомъ. Съ его кончиною, казалось, все должно было распасться, всему нужно было исчезнуть. Но архивисты, обученные самимъ Калачовымъ, и новые слушатели, еще при немъ вступившіе, такъ энергично и такъ научно предъявили спросъ на продолженіе калачовскаго дѣла, ихъ такъ плѣняло высоко поставившееся въ институтѣ знамя наука, имъ такъ нравилась поселившаяся въ институтѣ простота отношеній маститыхъ ученыхъ къ молодымъ труженикамъ, ихъ такъ манило свѣтлое, чисто научное, даваемое институтомъ,—что спросъ ихъ не могъ остаться безъ отвѣта: распадавшееся стало опять собираться, начатое стало продолжаться, институтъ уцѣлѣлъ и можетъ уже вспоминать свое десятилѣтіе.

У многихъ еще въ обществѣ держится предрассудокъ, что русская молодежь имѣетъ мало склонности къ научнымъ, безкорыстнымъ занятіямъ, что наша молодежь не находитъ прелести въ чисто научномъ трудѣ. Если-бы и наиболѣе ослѣпленные такимъ предрассудкомъ имѣли возможность, подобно намъ, наблюдать, какъ эта университетская молодежь, приходящая затѣмъ въ институтъ, рвется къ занятіямъ чисто научнымъ и вполне безкорыстнымъ, они поняли бы какимъ предрассудкомъ были ослѣплены. Старыя хартии, записавшія данныя, иногда повидимому и незначительныя, надписи полупонятныя, фасады церквей, давно исчезнувшихъ, сказанія о дѣлахъ весьма отдаленныхъ—представляютъ и для нашей молодежи здѣсь въ институтѣ предметы вполне излюбленные, изучаемые и съ внѣшней стороны и во всей полнотѣ ихъ содержанія: молодыя стремленія, побѣждающія иногда весьма упорный трудъ, сообщаютъ этому ветхому,

старому, отжившему, не только жизненное, но и плѣняющее; для нихъ оживаетъ давно умершее, развѣтываетъ передъ ними то человѣческое, никогда не умирающее, что жило и вдохновляло русскихъ людей во времена отдаленнѣйшія, то національное, что составляло прелесть русской земли, то общечеловѣческое, что вводитъ изслѣдователя въ чарующій міръ идей, доступный ученому.

Да, институтъ можетъ свидѣтельствовать, что русская молодежь способна къ безкорыстнымъ научнымъ занятіямъ и любитъ научный трудъ!

II.

Другая, не меньшая задача для археологическаго института, сравнительно съ расширеніемъ преподаванія, это—работы по упорядоченію русскихъ архивовъ. Наше время въ этомъ отношеніи значительно отстало отъ работъ XVIII столѣтія, когда дѣйствовалъ по созданію русскихъ архивовъ правит. сенатъ, и его дѣятельность была весьма плодотворна: онъ сохранилъ въ цѣлой Россіи дѣла и документы, въ которыхъ записались какъ многообразныя реформы государственныя, такъ и цѣлая масса юридическихъ отношеній; подготовленныя имъ хранилища съ реформами XIX ст. спутались, перемѣшались и до сихъ поръ стоятъ въ мало разобранномъ видѣ. Была попытка проектировать центральное управленіе по дѣламъ архивовъ, въ видѣ главной архивной комиссіи, собраны были нѣкоторыя данныя отъ разныхъ вѣдомствъ, но не успѣли выработать сколько нибудь точныхъ мотивированныхъ положеній. Я разумѣю высочайше учрежденную комиссію, которая дѣйствовала съ 1873 г., подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, и съ его кончиною работы этой комиссіи, только начатыя, остались въ неопредѣленномъ положеніи. Между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайной важности снова возникнетъ и археологическій институтъ долженъ быть готовымъ, чтобъ пролить на эту область надлежащій научный свѣтъ.

Независимо отъ этого общаго вопроса по упорядоченію всего архивнаго дѣла, институту необходимо позаботиться о подго-

товѣ архивистовъ для двухъ центральныхъ архивовъ, виленскаго и витебскаго, нуждающихся въ такихъ архивистахъ. Центральный архивъ кіевскій, какъ, можетъ быть, и московскій архивъ мин. юстиціи, найдутъ средства для подготовленія своего персонала и помимо археологич. института. Но кромѣ подготовленія архивистовъ для архивовъ виленскаго и витебскаго, на институтѣ лежитъ непремѣнная обязанность помочь устройству создаваемаго по инициативѣ института и на средства имъ отысканныя центрального малороссійскаго архива въ Харьковѣ. Онъ нуждается, главнымъ образомъ, въ помѣщеніи и денежныхъ средствахъ. Богатыя историческія сокровища, въ немъ заключающіяся и отчасти уже обрабатываемыя профессоромъ харьк. университета, почетнымъ членомъ-сотрудникомъ института, Д. И. Багалѣемъ, съ каждымъ годомъ увеличиваются, открываются въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи и могутъ быть свозимы въ этотъ центральный архивъ, если-бъ создалось помѣщеніе и образовался персоналъ архива. Теперь имъ завѣдуетъ историко-филолог. общество при харьковскомъ университетѣ, и въ его просвѣщенныхъ рукахъ и желательно оставить этотъ архивъ, но институту необходимо позаботиться о его судьбѣ: онъ созданъ институтомъ и долженъ быть веденъ институтомъ къ надлежащему устройству и постепенному развитію.

Точно также институту необходимо позаботиться и о созданіи въ Одессѣ центрального южно-русскаго архива: безъ этого погибнетъ множество драгоценнѣйшихъ документовъ.

И эти архивы центральные, какъ главнымъ образомъ историческіе, должны встать въ точную связь съ архивами присутственныхъ мѣстъ. Не требуется такого центрального учрежденія, которое управляло бы архивами всѣхъ вѣдомствъ, какъ предполагали нѣкоторые члены комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Калачова, но требуется такое центральное управленіе, которое доставило бы всѣмъ архивамъ Россіи надлежащую связь. И созданіе самаго плана и указаніе способовъ его практическаго осуществленія есть дѣло государственной важности, къ которому археологическій институтъ не въ правѣ остаться безучастнымъ.

III.

Третья задача, не менѣе важная и не менѣе трудная, касается созданныхъ институтомъ и состоящихъ въ его вѣдѣніи— губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Эти новыя совершенно учрежденія дѣйствуютъ уже въ восьми губерніяхъ (Твери, Рязани, Тамбовѣ, Орлѣ, Костромѣ, Саратовѣ, Симферополѣ, Нижнемъ-Новгородѣ), надняхъ открывається 9-я въ Оренбургѣ, имѣющая, между прочимъ, образовать изъ архива дѣла бывшаго генераль-губернаторства весьма важный архивъ, могущій получить значеніе центрального архива для нашей восточной окраины.

Ученыя архивныя комиссіи, получающія значеніе мѣстныхъ историческихъ обществъ, трудящихся для созданія губернскихъ историческихъ архивовъ и для собиранія и храненія предметовъ старины, показали на первыхъ порахъ, какъ видно изъ двухъ отчетовъ, составленныхъ институтомъ, много энергіи и много труда. Но ихъ положеніе еще далеко не окрѣпло. По отношенію къ архивнымъ комиссіямъ институту предстоитъ:

1) Изыскивать средства для поддержанія матеріальной стороны дѣятельности тѣхъ архивныхъ комиссій, которыя не имѣютъ никакихъ средствъ, даже и тѣхъ скромныхъ, которыми располагаютъ нѣкоторыя изъ указанныхъ комиссій.

2) Позаботиться о постройкѣ безопасныхъ каменныхъ зданій для помѣщенія историческихъ губернскихъ архивовъ, такъ какъ большая часть комиссій пріютили начавшіе устраиваться архивы во временныхъ, мало удобныхъ и не безопасныхъ отъ огня помѣщеніяхъ.

3) Устройство губернскихъ историческихъ архивовъ уже приводитъ въ мысли о необходимости устройства въ уѣздномъ городѣ общаго для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ архива, часть котораго могла бы быть отведена для историческаго архива, какъ отдѣленія губернскаго.

4) Для успѣшной дѣятельности всѣхъ архивныхъ комиссій, по описанію создающихся историческихъ архивовъ, институту предстоитъ выработать списовъ всѣхъ книгъ, которыя необхо-

димы для справокъ каждому, занимающемуся въ архивѣ. Такого списка въ нашей литературѣ вовсе не существуетъ, ни въ одномъ изъ большихъ архивовъ объ этомъ не помышляли; напротивъ, при многихъ архивахъ стали образовываться случайныя и иногда обширныя библіотеки, для архива вовсе ненужныя. Выработавъ таковой списокъ, институтъ долженъ оказать свое посредничество по снабженію cadaго историческаго архива этими, существенно для него необходимыми, книгами. Если удастся этого достигнуть, то институту необходимо оказать свое посредничество и въ томъ отношеніи, чтобы массы книгъ, посылаемыя уже и теперь въ архивныя комиссіи, ненужныя для дѣла архива, были выдѣлены въ мѣстныя публичныя библіотеки, гдѣ таковыя имѣются, или походатайствовать объ устройствѣ таковыхъ, гдѣ ихъ не имѣется.

5) Наконецъ, относительно архивныхъ комиссій, институту уже пора приступить къ тому способу единенія съ комиссіями, который онъ проектировалъ при самомъ ихъ учрежденіи и что внесено въ ихъ положеніе. Онъ долженъ начать получать отъ комиссій копии съ составляемыхъ ими карточекъ тѣхъ актовъ и документовъ, которые ими приняты въ ихъ архивъ. Изъ всѣхъ этихъ карточекъ, которыя расположатся здѣсь въ институтѣ, и получится общій указатель всѣхъ историческихъ матерьяловъ, хранящихся въ губернскихъ историческихъ архивахъ. При успѣхѣ этой операціи, при тѣхъ громадныхъ выгодахъ, которыя получатся какъ для занимающихся здѣсь, такъ и для мѣстныхъ работниковъ, въ которыхъ будутъ обращаться заказы, институтъ постепенно будетъ входить въ общеніе и съ другими архивами, не состоящими въ его вѣдѣніи, будетъ богатѣть карточками множества архивовъ, а затѣмъ можетъ наступить время, когда и всѣ архивы въ Россіи сообщать ему карточки: онъ сдѣлается тѣмъ справочнымъ научнымъ бюро, которое войдетъ въ единеніе съ имѣющимися уже въ западной Европѣ подобными научными бюро.

IV.

Есть и еще задача, въ выполненію которой институтъ долженъ приступить въ наступающее десятилѣтіе—посодѣйствовать единенію всѣхъ, занимающихся археологіею и исторіею. Я не разумѣю здѣсь археологическихъ сѣздовъ, имѣющихъ въ виду, между прочимъ, и эту задачу: сѣзды ведутъ свое дѣло и институтъ началъ принимать въ нихъ посильное участіе, которое несомнѣнно съ каждымъ сѣздомъ будетъ энергичнѣе и плодотворнѣе. Я разумѣю два дѣла, специально институту принадлежащія:

1) Давно уже возникла мысль—ее лелѣялъ и покойный Калачовъ,—о необходимости составить полную библиографію по археологіи и исторіи Россіи, съ начала печатанія до 1886 г. такъ какъ начиная съ этого года институтъ уже началъ составлять библиографическій указатель, и все изданное въ 1886 г. будетъ означено въ печатаемомъ теперь шестомъ выпускѣ Вѣстника археологіи и исторіи. Но полная библиографія, какъ монументальная работа, возможна только при участіи всѣхъ нашихъ историческихъ обществъ: нуженъ влечь по всей русской землѣ, нужно единеніе всѣхъ русскихъ работниковъ по археологіи и исторіи, нужно найти не малый капиталъ, нужно создать сложную редакцію, но такая библиографія нужна, и инициативу этого дѣла громадной важности долженъ взять на себя институтъ.

2) Другое средство для доставленія единенія работникамъ по археологіи и исторіи, это развитіе и надлежащее поставленіе издаваемого институтомъ органа „Вѣстникъ археологіи и исторіи“. Его необходимо поставить такъ, какъ мечталъ Калачовъ. Этотъ Вѣстникъ долженъ сдѣлаться, кромѣ склада и лѣтописи работъ самаго института, средоточіемъ и обмѣномъ мыслей множества архивистовъ, работающихъ въ разныхъ уголкахъ Россіи. Обезпеченные надеждою полученія хотя и скромнаго гонорара, архивисты, теперь разсѣянные и мало кому извѣстные, соберутся здѣсь въ одно, весьма почтенное цѣлое. Масса вопросовъ, поднимающихся и теперь мало для кого интересныхъ, на страницахъ этого органа должна находить разрѣшеніе. Масса замѣтокъ и ука-

заній, теперь пропадающихъ, можетъ постепенно составить важнѣйшій матеріалъ, снова могущій возбудить изслѣдованія, поправки, словомъ, достигнуть того единенія между работающими, безъ котораго не слагатся цѣльное, могучее.

Вотъ задачи, возлагающіяся на археологическій институтъ, задачи, правда, громадной трудности, но и громадной необходимости. Преклонимся-ли предъ ними, сознавая свое безсиліе, или пойдемъ на ихъ разрѣшеніе?

Вспомнимъ того пионера въ этой области, симпатичный образъ котораго всегда передъ нами, вдохновляя и ободряя. Вспомнимъ, при какихъ условіяхъ дѣйствовалъ Калачовъ, и сравнимъ его условія съ нашими. Долго носившій свою думу, онъ приступилъ къ ея осуществленію совершенно одинъ и безъ средствъ; и образованные люди только съ снисходительною улыбкою слушали его проповѣдь о значеніи архива и ученаго архивиста. Но онъ не страшился ни громадности задачъ, ни важности препятствій: неутомимая энергія и вѣра въ трудъ и трудящихся помогли его дѣлу: нашлись и пособники, нашлись и средства, и началъ дѣйствовать археологическій институтъ.

Наши условія совсѣмъ другія: мы уже празднуемъ десятилѣтіе. Осыпаемые монаршими милостями, имѣя во главѣ августѣйшаго покровителя, ободряемые сочувствіемъ просвѣщеннаго общества и печати, остановимся-ли предъ трудностію и громадною выпадающихъ для насъ задачъ?

Нѣтъ, уважаемые архивисты, не остановимся, но смѣло и бодро будемъ стремиться впередъ на разъясненіе родной старины.

И. Е. Андреевскій.

15-го января 1888 г.

С.-Петербургъ.

* * *

Отцвѣтаетъ сирень у меня подь окномъ,
 Осыпаются кисти пушистыя....
 Ужь пахнуло, повѣяло гѣтнимъ тепломъ;
 Гуще зелень березъ; солнце знойнымъ лучомъ
 Золотить ихъ стволы серебристыя.

Скоро гѣто придетъ и опять уберетъ
 Васильками всю ниву зеленую;
 Скоро жимолость въ нашемъ саду зацвѣтетъ,
 И опять незабудками сплошь заростетъ
 Мшистый берегъ надъ рѣчкой студеною.

Скоро скошеннымъ сѣномъ запахнетъ кругомъ....
 Какъ-бы до-сыта, власть, грудью жадною
 Надыхаться мнѣ этимъ душистымъ тепломъ,
 Пока мѣръ ледянымъ не уснулъ еще сномъ,
 Усыпленный зимой безотрадною!

1885 г.

* * *

Вчера мы ландышей нарвали,
 Ихъ много на полѣ цвѣло;
 Лучи заката догорали,
 И было такъ тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
 Кой-гдѣ березовый гѣсокъ,
 Необозримая равнина,
 Болото, глина и песокъ.

Пускай все это и уныло,
 И некрасиво, и бѣдно;
 Пусть хорошо все это было
 Знакомо намъ давнымъ-давно, —

Налюбоваться не могли мы
 На эти ровныя поля....
 О сѣверъ, сѣверъ мой родимый,
 О сѣверъ, родина моя.

К. Р.

1885 г.

Примѣчаніе. Изъ собранія стихотвореній К. Р., изд. 1886 г., Сиб.

19-го февраля

САНЪ-СТЕФАНСКІЙ ДОГОВОРЪ

19-го февраля 1878 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОМИНКА

КО ДНЮ ЕГО ДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ

1878 $\frac{19\text{-го февраля}}{5 \text{ час. пополудни.}}$ 1888.

1878—1888.

ДЕСЯТИЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА С.-СТЕФАНСКАГО ДОГОВОРА

1878 ^{19-е}_{февраля} 1888 гг.

Историческая поминка.

Десять лѣтъ минуло съ того достопамятнаго и славнаго въ новѣйшей исторіи Россіи дня, 19-го февраля 1878 года, когда, предъ стѣнами Царяграда, въ станѣ побѣдоноснаго русскаго войска предписанъ былъ Турціи Санъ-Стефанскій договоръ.

Договоръ этотъ былъ покорно принятъ разгромленнымъ непріателемъ и падишахъ восточной имперіи поспѣшилъ его ратифицировать.

„Русская Старина“, сохраняющая на своихъ страницахъ множество данныхъ къ исторіи дорогаго нашего отечества, долгомъ своимъ считаетъ, въ виду наступающей десятилѣтней годовщины Санъ - Стефанскаго договора, напомнить читателямъ всѣ стадіи этого въ высшей степени достопамятнаго дѣла.

Этихъ стадій всего лишь три: константинопольская конференція европейскихъ дипломатовъ въ декабрѣ 1876 года, энергически и въ высшей степени разумно веденная достойнымъ представителемъ Россіи въ Стамбулѣ—гр. Н. П. Игнатьевымъ.

Санъ - Стефанскій договоръ, имъ же составленный и заключенный 19-го февраля 1878 года, и

Сокрушеніе этого акта на берлинскомъ, печальной для Россіи памяти, конгрессѣ.

Оставаясь въ предѣлахъ фактовъ и только фактовъ, приводимъ сжатое обзорніе оныхъ, на несомнѣнныхъ официальныхъ

данныхъ основанное. Таковая справка будетъ лучшею историческою поминкою и тѣхъ ликованій, которыми встрѣченъ былъ всѣмъ славянскимъ міромъ Санъ-Стефанскій договоръ, и тѣхъ разочарованій, той тяжелой скорби, которая овладѣла всѣми въ безпредѣльныхъ предѣлахъ славянства—кому дорога слава Россіи, при вѣсти о вынужденномъ у нея Англіей и Германіей согласіи на берлинскій трактатъ 13-го іюля 1878 г.

I.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ н. с. 1876 года, по предложенію Англіи (лорда Дерби), созвана была въ Константинополь конференція ¹⁾ для мирнаго разрѣшенія европейскихъ затрудненій, возникшихъ по поводу возстанія въ Герцеговинѣ и въ Босніи, беспорядковъ въ Болгаріи и злодѣйствъ, совершенныхъ турецкими властями и мусульманами надъ христіанскимъ населеніемъ, въ теченіи 1876 года. Для представительства Англіи былъ присланъ первый уполномоченный маркизь Салисбюри²⁾; 2-мъ англійскимъ уполномоченнымъ былъ сэръ Генри Эллиотъ—англійскій посолъ въ Турціи. Изъ Франціи прибылъ, въ качествѣ 2-го уполномоченнаго, графъ Шадорди, для содѣйствія 1-му уполномоченному, послу республики въ Турціи, графу Бургоэну; а въ помощь австро-венгерскому уполномоченному, послу графу Зичи, былъ присланъ изъ Вѣны баронъ Каличе, нынѣшній представитель Австро-Венгріи въ Турціи. Представителемъ Германіи на конференціи оставался германскій посолъ въ Турціи баронъ Вертеръ, а Италіи—графъ Корти, бывшій впоследствии кратковременно министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Римѣ. Единственнымъ представителемъ Россіи на конференціи былъ посолъ генераль-адъютантъ гр. Н. П. Игнатьевъ, остававшійся постояннымъ представителемъ Россіи въ Константинополь съ 14-го іюля 1864 г.

Для того, чтобы избѣгнуть слишкомъ рѣзкаго различія во

¹⁾ См. *Annuaire diplomatique* 1877 г., печ. въ С.-Петербургѣ.

²⁾ Тогда министръ Индіи и чрезвычайный посолъ, а теперь первый министръ Англіи.

взглядахъ и раздора между собою, въ присутствіи турецкихъ уполномоченныхъ, которыми были назначены министръ иностранныхъ дѣлъ Савфеть-паша и посоль въ Берлинѣ Эдхемъ-паша ¹⁾, европейскіе представители, по настоянію Россіи, согласились вступить въ предварительное соглашеніе между собою, выразившееся въ рядѣ засѣданій ²⁾, происходившихъ въ перскомъ домѣ русскаго посольства, подъ предсѣдательствомъ русскаго посла. На этихъ засѣданіяхъ разномысліе между Россіею и Англіею было устранено полнымъ соглашеніемъ маркиза Салисбюри съ генераломъ Игнатьевымъ и, общими усилиями всѣхъ уполномоченныхъ, была выработана, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ русскимъ посломъ, программа единогласныхъ требованій державъ къ Портѣ.

Европа требовала отъ Турціи присоединенія къ Черногоріи большей части возставшихъ первоначально Герцеговинскихъ округовъ—Зубцы, Баньяны, Пивы, Дробняка, Шаранцы, Калашина и укрѣпленнаго города Ниешича, облитого кровью черногорцевъ. Со стороны Албаніи къ Черногоріи рѣшено было присоединить землю Кучей-Дреколовичей, Кучей-Браимы, Восоевичей, Мало и Велико Брдо, а также крѣпости Спужъ и Жаблякъ. Чтобы доставить черногорцамъ доступъ къ морю, плаваніе по рѣкѣ Боанѣ объявлено свободнымъ и крѣпостцы турецкія на Скутарскомъ озерѣ разоружались.

Сербіи возвращались старыя границы ³⁾ и уступался Малый Зворникъ, предметъ многолѣтняго спора между турками и сербами.

Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи обезпечивалась автономія и мѣстное самоуправленіе съ выборными, по большинству вѣроисповѣданія населенія, административными должностями и назначеніемъ генераль-губернатора Портою, съ одобренія гарантирующихъ державъ, на пятилѣтній срокъ. Въ областяхъ этихъ

¹⁾ Впослѣдствіи верховный визирь.

²⁾ Интересные протоколы девяти засѣданій, бывшихъ отъ 29 ноября (11 декабря) до 11 (23) декабря 1876 г., напечатаны въ „Annuaire diplomatique“, Спб., 1877 года. М. С.

³⁾ Во время несчастной для Сербіи войны 1876 г., прекращенной ультиматумомъ, по высочайшему повелѣнію сообщеннымъ Портѣ генераломъ Игнатьевымъ, 20 октября 1876 г., турки захватили часть сербской территоріи.

вводились земскія учрежденія и областныя совѣты изъ мѣстныхъ жителей, избираемыхъ населеніемъ на четыре года. Земскія собранія устанавливали бюджеты и раскладку податей. 70 процентовъ изъ доходовъ должны были идти на мѣстныя, а лишь 30 процентовъ на обще-государственныя потребности. Судебное устройство обезпечивало христіанское населеніе уставомъ, который долженъ былъ быть выработанъ международною наблюдательною комиссіею. Регулярныя турецкія войска имѣли сосредоточиться въ крѣпостяхъ и главнѣйшихъ городахъ. Остальная часть страны охранялась туземными: милиціею и жандармеріею, съ запрещеніемъ селить кавказскихъ горцевъ въ европейскихъ областяхъ. Предполагалось ввести новое устройство въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Обширная территория Болгаріи, заключающая не только всю Болгарію (съ Добруджею), сѣверную и южную, но и Македонію, въ предѣлахъ почти, какъ увидимъ далѣе, тождественныхъ съ Сань-Стефанскимъ договоромъ, была раздѣлена, по настоянію англійскихъ и австрійскихъ представителей, на западную и восточную, съ центрами въ Софіи и Тырновѣ. Ясно было, что такое противоестественное раздѣленіе еще краткосрочнѣе продержалось бы, чѣмъ граница, проведенная, по Балканамъ, между сѣверною и южною Болгаріею. Соображеніе это понудило русскаго посла, въ видахъ сохраненія единогласія, принять англо-французское предложеніе, а равно и назначеніе европейца (бельгійца) генераль-губернаторомъ Болгаріи, съ 4,000 конвойнымъ отрядомъ, для европейской наблюдательной международной комиссіи, составленной изъ всѣхъ представителей гарантирующихъ державъ.

Вышеозначенныя требованія европейскихъ державъ, заявленныя турецкимъ уполномоченнымъ на общей конференціи 13-го (25-го) декабря 1876 г., были,—послѣ восьми засѣданій конференціи и предъявленія единогласнаго европейскаго ультиматума, съ предвареніемъ турокъ, что непринятіе онаго повлечетъ прекращеніе конференціи и отъѣздъ всѣхъ уполномоченныхъ и пословъ изъ Константинополя и что Порта понесетъ тяжкую отвѣтственность за послѣдствія ея опаснаго рѣшенія,—отвергнуты турецкимъ правительствомъ.

Порта рассчитывала на разногласіе державъ, и когда русскому представителю удалось это отстранить и нанести Портѣ, а равно и враждебнымъ намъ вліяніямъ, нравственное и дипломатическое поражение на конференціи, руководители турецкой политики стремились вызвать разрывъ, въ надеждѣ, что при единоборствѣ Россіи съ Турціею Англія не покинетъ послѣднюю и что Австрія, увлекаемая мадьярами, будетъ ей благопріятствовать.

Въ Западной Европѣ были увѣрены въ миролюбіи императора Александра II, а равно и въ томъ, что мы не готовы къ войнѣ и потому надѣялись, что можно будетъ предотвратить слишкомъ рѣшительные успѣхи наши, при неизбѣжности войны, и умалить, во всякомъ случаѣ, выгоды, которыя мы могли бы извлечь изъ пріобрѣтеннаго нами на Балканскомъ полуостровѣ положенія.

Когда зимній переходъ черезъ Балканы, рядъ блистательныхъ побѣдъ и удивительная доблесть русскихъ войскъ довела ихъ до Адріанополя, тогда генераль-адъютантъ Игнатьевъ, вызванный Государемъ Императоромъ въ Петербургъ, былъ отправленъ 14-го января 1878 г. въ дѣйствующую армію, въ расчетѣ что онъ успѣетъ доѣхать до главной квартиры до заключенія перемирія. Но расчетъ этотъ, въ сожалѣнію, не оправдался.

Проѣхавъ чрезъ Яссы, Бухарестъ, Брестовець, Шипку, Казанлыкъ, Херманлы, Н. П. Игнатьевъ могъ прибыть лишь 26-го января 1878 г. въ Адріанополь. Между тѣмъ, уже 19-го января 1878 г. было заключено въ главной квартирѣ перемиріе и проведена демаркаціонная линія между турецкими и русскими войсками. Вслѣдъ затѣмъ англійская эскадра взшла въ Дарданеллы, вступивъ въ Мраморное море, и очутилась ближе къ Константинополю, нежели наши передовыя войска.

При такой обстановкѣ начались переговоры о мирѣ между генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ и турецкимъ уполномоченнымъ въ Адріанополь. Они были прерваны 8-го и возобновились 12-го февраля, послѣ перемѣщенія главной квартиры въ С.-Стефанно.

19-го февраля, въ пять час. дня, С.-Стефанскій договоръ былъ подписанъ.

Главнoкомандующій объявилъ о заключеніи мира собраннѣмъ, въ виду стамбульскихъ стѣнъ и турецкой арміи, русскимъ войскамъ.

Въ Петербургѣ вѣсть эта была получена вечеромъ того-же дня ¹⁾.

Генераль-адъютантъ Игнатьевъ, зная, что европейцы не посягнутся на интриги противъ насъ, какъ только ознакомятся съ содержаніемъ договора, потребовалъ отъ турокъ немедленной ратификаціи.

Султанъ ратификовалъ договоръ 25-го февраля 1878 г.

Генераль-адъютантъ Игнатьевъ отправился въ Петербургъ, по высочайшему повелѣнію, вмѣстѣ съ турецкимъ военнымъ министромъ Реуфъ-пашею, которому было поручено поднести ратификованный экземпляръ договора Государю Императору.

С.-Стефанскій договоръ, который и генераль Игнатьевъ и сами турки въ дни заключенія этого договора считали окончательнымъ, былъ наименованъ „прелиминарнымъ“, и это было сдѣлано исключительно по распоряженію князя А. М. Горчакова, вслѣдствіе принятія державами предложенія созвать конгрессъ для окончательнаго разрѣшенія затрудненій, возникшихъ на востокѣ. Русскіе уполномоченные получили формальное привязаніе о томъ по телеграфу, передъ самымъ подписаніемъ договора.

¹⁾ Пальба въ тотъ же вечеръ и торжественный молебенъ на другой день сопровождали эту радостную вѣсть для всей Россіи.

II.

Великъ былъ восторгъ, велико было ликование, возбужденное во всей Россіи, во всемъ славянскомъ мірѣ Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

Мы живо помнимъ въ С.-Петербургѣ февральскіе дни 1878 г., начиная съ вечера 19-го февраля, когда прилетѣла телеграмма о подписаніи этого славнаго акта, достойно увѣнчавшаго побѣды нашей геройской арміи.

Никому въ голову не приходило, чтобы Россіи пришлось поступиться отъ многихъ, самыхъ существенныхъ статей этого договора, и въ угоду кому-же—Англіи, Пруссіи и Австріи, но главнымъ образомъ Англіи, которая такъ охотно, еще такъ недавно предъ тѣмъ, въ декабрѣ 1876 г., поддерживала русскаго посла гр. Н. П. Игнатъева на Константинопольской конференціи...

Но вотъ политическій горизонтъ сталъ омрачаться. Въ Берлинѣ съѣхался ареопагъ судей Россіи и защитникомъ ея интересовъ явился не тотъ, къмъ созданъ былъ Санъ-Стефанскій договоръ, но престарѣлый (80-ти лѣтъ) вн. А. М. Горчаковъ, къ тому времени человекъ уже съ увядшими и физическими и въ особенности душевными силами

Подлѣ нихъ, въ эти столь важные для Россіи дни, на Берлинскомъ конгрессѣ не оказалось лицъ, которыя, во всеоружіи всесторонняго знанія дѣла, вдохнули бы въ уполномоченныхъ русскаго правительства энергію и удержали бы ихъ отъ непрерывныхъ уступокъ одна за другою...

Съ 13-го (25-го) іюня по 13-ое (25-го) іюля 1878 г. Берлинскій трактатъ сокрушилъ въ конецъ Санъ-Стефанскій договоръ.

Въ то время, когда Санъ-Стефанскій договоръ, по остроумному выраженію одного изъ истинно русскихъ людей, былъ сваренъ въ чисто русскомъ соусѣ, берлинскій трактатъ явился кушаньемъ, приготовленнымъ „честнымъ маклеромъ“, подъ соусомъ вполне австрійскимъ.

Самый бѣглый взглядъ на оба вполне историческіе акта совершенно подтверждаетъ это сравненіе.

Сравнить ихъ легко. Покойный кн. А. М. Горчаковъ заботливо напечаталъ оба эти документа въ официальномъ ежегодникѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—въ „*Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1878 г.*“ Сиб., 1878, стр. 245—263: „*Préliminaires de paix de San-Stefano*“ и стр. 265—292: „*Traité de Berlin, en date de Berlin, 13 (25) juillet 1878 г.*“, съ приложеніемъ протоколовъ берлинскаго конгресса, тамъ же стр. 293—579.

Сравненіе двухъ помянутыхъ актовъ чрезвычайно облегчено тѣмъ же изданіемъ „*Annuaire diplomatique*“ 1878 г., при которомъ приложены иллюминированныя карты Турціи, Европейской и Азіятской, съ нанесеніемъ на нихъ границъ, предписанныхъ Россіей ея разгромленному врагу—Турціи, 19-го февраля 1878 г., и ею покорно принятому и ея султаномъ тотъ договоръ ратификовавшему, и на тѣхъ же картахъ красками-же начертаны тѣ предѣлы, до коихъ попятились наши уполномоченные на берлинскомъ договорѣ съ 13-го іюня по 13-е іюля 1878 г. ¹⁾.

Пользуясь этимъ официальнымъ и притомъ весьма нагляднымъ пособіемъ, сравнимъ актъ 19-го февраля съ актомъ 13-го іюля 1878 г., съ цѣлью выяснить ко дню исторической поминки десятилѣтней годовщины дня 19-го февраля 1878-го года, осталось ли что-либо существеннаго и что именно въ Берлинскомъ трактатѣ отъ Санъ-Стефанскаго договора?

Начнемъ съ Болгаріи, площадь которой была столь обильно обогрена русскою кровью.

Берлинскій договоръ совершенно ее исполосовалъ урѣзками того, что было создано для нея—Болгаріи—Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

¹⁾ Санъ-Стефанскій договоръ 19-го февраля 1878 г., съ даннымъ ему кн. Горчаковымъ наименованіемъ „*преиминарнаго мирнаго договора*“, ратификованъ императоромъ Александромъ II—4-го марта того же года; обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 5-го марта; затѣмъ 8-го марта 1878 г. сенатъ, по высочайшему повелѣнію, опубликовалъ этотъ договоръ. М. С.

Въ составъ княжества, по Берлинскому трактату, вошли лишь два полныхъ санджака, Виддинскій—въ сѣверо-западной части котораго существуетъ смѣшанное населеніе румынское и сербское—и Тырновскій; почти весь санджакъ Рущукскій (сѣверо-восточный уголь урѣзанъ въ пользу Румыніи и санджакъ Варнскій) сѣверная полоса—большая часть Мангальскаго уѣзда и частица Базарджикскаго отданы Румыніи вмѣстѣ съ санджакомъ Тульчинскимъ (а равно большая часть Софійскаго); восточная часть Златицкаго и Ихтиманскаго уѣздовъ, часть уѣзда Джума и южная часть Кюстендилскаго отошли первые два къ Восточной Румелии, а послѣдніе къ Турціи.

Вслѣдствіе таковыхъ урѣзокъ Болгарское княжество оказалось не только втрое менѣе, нежели то, которое условлено было, по Санъ-Стефанскому договору, между Россією и Портою, но почти втрое менѣе по пространству Болгаріи, опредѣленной еще въ декабрѣ 1876 года константинопольскою конференціею, и даже несравненно менѣе протяженіемъ, нежели совокупность епархій, уже вошедшихъ въ составъ эвзархата—по настоянію русскаго посольства—до герцеговинскихъ событій и андрашевской ноты ¹⁾.

Новое княжество оказалось лишеннымъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей, наиболѣе натерпѣвшихся отъ турокъ и грековъ, населеній самыхъ развитыхъ и значительныхъ центровъ промышленности и интеллигенціи болгарской, а также и областей, гдѣ славянское православное населеніе наиболѣе нуждалось въ сильной поддержкѣ и благопріятномъ разрѣшеніи мѣстныхъ затрудненій, для успѣшнаго противодѣйствія уніатской и протестантской пропагандамъ (Неврокопъ, Мельникъ, Битолія и проч.) и поглощенія эллинизациею. Болгарія лишилась на Черномъ морѣ портовъ: Мисивріи, Анхіала, Бургаса и Сизеболи; на Эгейскомъ морѣ: Кавалы и Орфанскаго залива, всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Эгейское море, городовъ: Сливны, Котла, Карнабада, Айдоса, всѣхъ приморскихъ къ югу отъ Балканъ: Ямболи, Кирекъ-Килиссы, Люлебургаса, предполагавшейся столицы Пловдива (Филиппополя), Казанлыка, Ески-Загры, Татаръ-Базарджика, Сереса,

¹⁾ Это та нота графа Андраши, осенью 1876 г., которая положила начало тройственному дѣйствію въ Турціи.

Драмы, Ускюба, Велеса, Водены, Дибры, Монастыря и древняго церковнаго (каноническаго) центра Охриды, мѣстностей, славящихся табачными и виноградными плантаціями, и всего края, спорнаго съ греками и отчасти съ сербами.

Румынія, не державшая и думать въ дни Санъ-Стефанскаго договора о Добруджѣ, получила эту область въ Берлинѣ.

Уступка Добруджи Румыніи могла имѣть лишь тогда мѣсто, (какъ неизбѣжное зло), когда Болгарія образовала бы могущественное и сплоченное княжество съ 5 милліоннымъ населеніемъ, какъ то и совершалось по Санъ-Стефанскому договору. Въ такомъ случаѣ связь съ Россією, чрезъ многочисленныя порты черноморскіе, не могла бы быть легко прервана, а Добруджа не поддавалась бы румынизации. Румыны опасались принять Добруджу, зная впередъ, что русское, татарское и болгарское населенія устоятъ противъ напора румынскаго элемента до тѣхъ поръ, пока Болгарское княжество, собравшись съ силами, не выгонитъ румынъ изъ Добруджи. Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ было лишь упомянуто, что Россія предполагаетъ отдать Добруджу вмѣсто Бессарабіи (съ цѣлью избѣгнуть насильственнаго захвата), замѣнивъ его простымъ обмѣномъ территорій (но до Берлинскаго договора румыны положительно отказывались отъ Добруджи). Предполагалось симъ воспользоваться и отдать Тульчинскій санджакъ, уступленный Турцією не кому другому, какъ Россіи, взаимѣнъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей денегъ, княжеству Болгарскому съ тѣмъ, чтобы послѣднее обязалось вознаградить Румынію посредствомъ годовыхъ платежей, опредѣленныхъ на извѣстное число лѣтъ. Княжество Болгарское въ предполагавшемся по Санъ-Стефанскому договору составѣ и безъ обремененія его тѣми отягощеніями, которыя наложены на него Берлинскимъ договоромъ, могло согласиться на такую выгодную въ политическомъ отношеніи сдѣлку. Но послѣ Берлинскаго трактата ни Болгарія не въ состояніи уже была принять на себя бремя новаго денежнаго взноса, ни Румынія, конечно, не отступилась отъ Добруджи, такъ какъ ей уже нечего было бояться ни Болгаріи, ни даже Россіи.

Обрѣзанное въ комокъ Болгарское княжество обременено было въ Берлинѣ еще цѣлымъ рядомъ тягостныхъ условий.

Пограничная черта на югѣ проведена была съ соображеніемъ оборонительныхъ мѣръ, потребныхъ Турціи! И это такъ, потому что ей было предоставлено укрѣпить проходы балканскіе и границы восточной Румелии и размѣстить тамъ свои гарнизоны.

Доступъ въ Софійскую долину облегченъ Турціи; около Самакова на 10 верстъ запрещено болгарамъ возводить укрѣпленія; оговорка Санъ-Стефанскаго договора, сдѣланная единственно въ виду присоединенія западной Македоніи къ Болгарскому княжеству, касательно принятія во вниманіе правъ и потребностей турецкаго, греческаго, валашскаго и другихъ населеній, оставлена для придунайской Болгаріи, что, конечно, должно было оказаться крайне стѣснительно и клонилось лишь къ проложенію пути всевозможнымъ интригамъ.

Вмѣсто простой формальности присутствія турецкаго комиссара, какъ то было по Санъ-Стефанскому договору, русскій комиссаръ, по силѣ Берлинскаго трактата, связанъ былъ не только совѣщательнымъ голосомъ турецкаго представителя и консуловъ-делегатовъ иностранныхъ, но симъ послѣднимъ предоставлено тѣми же нашими берлинскими добротами равносильное вліяніе съ русскимъ комиссаромъ, черезъ что скорое и благополучное устройство Болгаріи, безъ интригъ, потрясеній и внутреннихъ раздоровъ, дѣлалось невозможнымъ. Притомъ введенная въ маленькой Болгаріи Берлинскимъ же трактатомъ администрація явилась для нея слишкомъ дорогою и сложною, что несомнѣнно должно было содѣйствовать, какъ то и предвидѣли русскіе люди, поддержанію неудовольствія населенія въ Болгаріи, противъ Россіи возбужденнаго уже исходомъ Берлинскаго конгресса и постигшимъ единовѣрцевъ нашихъ полнѣйшимъ разочарованіемъ.

На урѣзанную Болгарію, вопреки Санъ-Стефанскому договору, силою Берлинскаго трактата наложена была не только дань, да еще неопредѣленнаго размѣра, въ пользу Порты, но еще соотвѣтствующая и тоже неизвѣстная часть государственнаго долга Турціи! Сверхъ того, Болгарія, все потому же Берлинскому трактату, лишена была права измѣнить торговые законы и обязательства, унаслѣ-

дованные отъ Турціи, и обязана была сохранить консульскую юрисдикцію и всѣ формы иностраннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла подъ предлогомъ защиты иноземныхъ подданныхъ и консульскихъ protégés. Такимъ образомъ въ Берлинѣ радѣльцы благополучія Болгаріи подготовили въ этой странѣ почву для эксплуатаціи Болгаріи промышленной, торговой, нравственной и религіозной—иностранцами, преимущественно австро-венграми и англичанами. Всѣ тяжкія обязательства Турціи въ отношеніи къ компаніи желѣзныхъ дирогъ Гирша взвалены на Болгарію.

Въ то время, какъ съ одной стороны оговорено право турецкаго правительства укрѣплять границы Восточной Румелии, княжество обязано не воздвигать крѣпостей и новыхъ укрѣпленій, срывъ существующія въ теченіи года. Срытіе крѣпостей имѣло смыслъ при нахожденіи южныхъ границъ Болгаріи за Адрианополемъ (Люле-Бургасъ и проч.) и на Родопѣ; при отдачѣ же балванскихъ проходовъ въ руки турокъ, срытіе Шумлы и другихъ крѣпостей лишало Болгарію опорныхъ пунктовъ, необходимыхъ для самозащиты.

Вся Македонія отнята у Болгарскаго княжества и возвращена Турціи, а между тѣмъ военная этапная дорога, допущенная по 10 статьѣ Санъ-Стефанскаго договора единственно въ виду совершенной невозможности попасть въ Албанію изъ Царьграда иначе, какъ чрезъ Македонію и Салоники, оставлена Турціи, чрезъ Софійскій санджакъ, урѣзанный уже съ западной и южной стороны.

Обрѣзавъ Болгарію, опутавъ ее всевозможными невыносимыми тяготами, Берлинскій трактатъ создалъ новую полуавтономную страну между нею и ея многовѣковой владычицею Турціею и создалъ изъ лучшей части освобожденной Россіей страны, именно изъ тѣхъ областей Болгаріи, которыя были упитаны кровью ея лучшей части народа, павшаго жертвами кровожадности и звѣрствъ турецкихъ ордъ: создана Восточная Румелия и совершена, такимъ образомъ, Европою вопіющая несправедливость.

Эта область на югѣ отъ Балканъ, изъ Сливненскаго и Фи-

липпопольскаго санджаковъ, съ придачею двухъ казъ Адрианопольскаго, составлена изъ частей, вошедшихъ было въ Болгарію еще по Константинопольской конференціи (декабрь 1876 г.), и вообще граничная черта отъ Хаджи-Мустафы до Чернаго моря значительно удалена отъ Адрианополя и Константинополя на сѣверъ, въ сравненіи не только съ границами Санъ-Стефанскаго договора, но и Константинопольской конференціи.

Южная и западная границы проведены были самымъ произвольнымъ и неблагопріятнымъ для болгарскаго населенія образомъ. „Автономія“, данная этой области, представляла послѣ берлинскаго трактата, гораздо менѣ значенія, облегченія и выгоды населенію болгарскому, нежели то дѣлали постановленія константинопольской конференціи. Такъ, напримѣръ, положено было по берлинскому трактату, чтобы офицеры полиціи и милиціи туземной назначаемы были султаномъ. Генераль-губернаторъ, назначенный Портою, хотя и съ утвержденія державъ, получалъ право призывать оттоманскія войска всякій разъ, когда внутреннему или внѣшнему спокойствію угрожаетъ опасность, т. е. когда это вздумалось бы Портѣ, Англии или Австро-Венгрии. Въ виду всего этого, невольно приходило на мысль, при сличеніи двухъ актовъ 19-го февраля и 13-го іюля 1878 г., что для болгаръ, въ особенности въ отношеніи ихъ будущаго, было бы несравненно выгоднѣе, если-бы наши уполномоченные въ Берлинѣ, въ виду встрѣченнаго ими противодѣйствія, предложили бы возвратиться просто къ принципамъ и постановленіямъ Константинопольской конференціи (дек. 1876 г.), съ добавкою, конечно, срытія крѣпостей и вывода турецкихъ гарнизоновъ, какъ пріемаго и неизбежнаго результата нашей побѣдоносной войны.

Еще замѣтка о территоріи созданнаго Санъ-Стефанскимъ и обрѣзаннаго Берлинскимъ трактатомъ Болгарскаго княжества: Часть Адрианопольской казы, входившей въ составъ княжества Болгарскаго по Санъ-Стефанскому договору, уѣзды: Кирекъ-Килисса, Бабаески, Бунаръ-Хиларъ, Люле-Бургасъ и часть Хаджи-Мустафы и Мидійскаго возвращены Турціи безусловно.

Вся западная часть страны, заключающая около полутора милліона болгаръ, т. е. Македонія, по Санъ-Стефанскому договору отдана вліанію Австро-Венгрии и эллинизма, подъ владѣтельствомъ Порты и пашей.

Легко было затѣмъ нашимъ противникамъ распространить унію и измѣнить настроеніе угнетеннаго населенія, возбудивъ его противъ Россіи, что до нѣкоторой степени и сбылось, — и заставивъ обратить взоры къ державѣ, обѣщающей все въ будущемъ и увѣренной, будто она въ состояніи заставить Россію отступить.

Сербское княжество лишилось въ Берлинѣ всей западной части территоріи, отходившей къ нему по С.-Стефанскому договору, и самой важной въ стратегическомъ отношеніи: окрестностей Новаго Базара и Митровицы, города Вышеграда, долинъ р. Ибара, Ситницы и Лабы, а равно близости желѣзной дороги, идущей въ Салоники. Сербія удалена отъ сердца старой Сербіи и сферы естественнаго развитія княжества, по направленію съ одной стороны къ Босніи, а съ другой—къ Приштинѣ и Призрѣву, имѣвшася въ виду при заключеніи С.-Стефанскаго договора. Взамѣнъ, ея границы раздвинуты въ восточномъ и юго-восточномъ направленіи, на счетъ Болгаріи. Сверхъ отходившихъ къ Сербіи по С.-Стефанскому договору Ниша, Лесковаца и Агъ-Паланки, присоединены къ ней (въ Берлинѣ) Вранья и Пиротъ, съ территорією почти двойною противъ отнятой съ запада въ пользу Австріи. Такимъ образомъ, посѣяны неизгладимыя сѣмена раздора между Сербією и Болгарією. вмѣсто полюбовнаго размежеванія пограничною комиссією, „по большинству населенія“, у Болгаріи прямо отнята спорная земля. При разрѣшеніи вопроса, согласно постановленіямъ С.-Стефанскаго договора, Сербія, сохранивъ за собою все западное пространство, отнятое у нея, по берлинскому трактату, Австро-Венгрією, и возможность постоянного непосредственнаго и быстрого сообщенія съ Черногорією, Боснією и старою Сербією, могла получить еще Вранью и отодвинуть нѣсколько къ юго-востоку границу, намѣченную Санъ-Стефанскимъ договоромъ лишь въ общихъ чертахъ, до окончательнаго размежеванія при нашемъ исключительномъ посредствѣ.

Княжеству Сербскому навязаны Австро-Венгрією старыя турецкіе торговые договоры, обязательство не взимать транзитной пошлины и терпѣть старыя льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ съ консульскою юрисдикцією и покровительствомъ.

Желая поднять нравственно Сербію и выказать наше безкорыстіе и довѣріе къ нашимъ единоплеменникамъ, Россія уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ отказалась оффиціально отъ этого права. Странно, что наши уполномоченные въ Берлинѣ забыли упомянуть объ этомъ при составленіи договора, и, въ угоду Европѣ, сдѣлали, такъ сказать, шагъ назадъ, поставивъ Россію на одну доску съ прочими державами въ глазахъ славянства.

На Сербію взвалены всѣ обязательства Порты и Австро-Венгріи предъ обществомъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Турціи (Гирша), даже въ отношеніи путей, которые будутъ въ послѣдствіи проведены.

На Сербію наложена часть государственнаго долга Оттоманской Имперіи, падающая на новую территорію; размѣръ этого денежнаго обязательства имѣлъ быть опредѣленъ въ послѣдствіи по соглашенію между Портою и представителями державъ.

У Черногоріи отняты: Спицца (бухта), отданная Австро-Венгріи; Дульшино (портъ и прекрасный городокъ), берегъ рѣки Бояны и южная часть Скутарійскаго озера, возвращенные Турціи; урѣзана герцеговинская часть, отходившая къ Черногоріи по С.-Стефанскому договору и главное—Гацѣметохія, центръ мѣстности, возставшей первоначально, отобранъ Австріею; отнято сліяніе рѣки Пивы съ рѣкою Тарою и весь правый берегъ рѣки Тары до Лима, т. е. весьма значительное, населенное и плодородное пространство съ городами: Чайницы, Плевлье, Бѣлополье, Прилѣполье и Берани; округи: Бихоръ и Ругова; земли племенъ албанскихъ: Клементи, Хоти и Кастрачъ, уже прежде заключившихъ союзъ съ Черногоріею. Однимъ словомъ, по Берлинскому договору, къ Черногоріи присоединено не болѣе $\frac{1}{2}$ территоріи и $\frac{1}{4}$ населенія уступленныхъ уже этому геройскому народу самою Турціею по С.-Стефанскому договору (приращеніе было въ 200 квадратныхъ миль съ 200,000 жителей).

Черногоріи навязаны въ Берлинѣ слѣдующія стѣснительныя условія: а) равноправность вѣроисповѣданій для способствованія интригамъ католическаго духовенства и австрійскихъ агентовъ,

а равно и для затрудненія возвращенія къ православію омусульманенныхъ и окатоличенныхъ славянъ на присоединяемой къ Черногоріи территоріи.

Черногорія лишена права имѣть военныя суда и военный морской флагъ. Портъ и воды Черногоріи закрыты для военныхъ судовъ другихъ націй, и слѣдовательно Россіи, но открыты для Австро-Венгрии, которая приобрѣла (по берлинскому трактату) право полицейскаго, санитарнаго и морскаго надзора въ Антиварѣ и на всемъ берегу, навязывая Черногоріи и свое консульское покровительство ея торговымъ судамъ. Слѣдовательно, тутъ установлена полная промышленная, торговая и морская эксплуатація Черногоріи Австро-Венгрією, которая выговорила еще себѣ право постройки и содержанія желѣзной дороги на черногорской территоріи.

На Черногорію, обрѣзанную со всѣхъ сторонъ и стѣсненную до крайности въ своихъ правахъ—на пользованіе новою территорією, еще возложена часть Оттоманскаго государственнаго долга въ размѣрѣ, соовѣтственномъ присоединенной территоріи и который опредѣленъ въ послѣдствіи по соглашенію между представителями державъ и Портою.

Статья о Критѣ измѣнена невыгоднымъ для христіанъ образомъ. Имѣя въ виду, что еще до подписанія мира въ С.-Стефано критяне подали Портѣ требованія полнѣйшей автономіи (т. е. установленія дани и туземной милиціи, выхода турецкихъ войскъ и избранія народомъ князя христіанина), въ договорѣ 19-го февраля было сказано, что въ примѣненіи органическаго устава 1868 г. примутся во вниманіе послѣднія заявленія островитянъ. Въ берлинскомъ же договорѣ, 13-го іюля, это умышленно пропущено, съ вставкою взамѣнъ фразы: „съ тѣми измѣненіями (въ уставѣ), которыя будутъ признаны справедливыми“. Спрашивается, вѣмъ могли быть въ послѣдствіи оцѣнены требованія христіанъ? не Портою ли?

Боснія и Герцеговина и часть Старой Сербіи (до Митровицы) отданы Австро-Венгріи—около полутора милліона жителей и богатѣйшій край. Турція можетъ съ того времени располагать 50 тысячами регулярнаго войска болѣе прежняго противъ бол-

гарь, черногорцевъ и Россіи. Сербія и Черногорія поставлены въ зависимость отъ Австро-Венгріи и вынуждены подписать всѣ требуемыя отъ нихъ конвенціи, цѣль которыхъ обратить эти два православныхъ княжества въ вассаловъ Австро-Венгріи.

Румынія, признанная независимою лишь съ условіемъ равноправности евреевъ, что противорѣчитъ понятіямъ, интересамъ и правамъ румынъ и доставило Австро-Венгріи поводъ заступаться за евреевъ и производить давленіе на румынское правительство, такъ какъ большая часть евреевъ въ Румыніи и Сербіи находится подъ покровительствомъ австрійскихъ агентовъ, — Румынія обязана силою Берлинскаго трактата не взимать транзитныхъ пошлинъ и ограничить свое самоуправленіе въ отношеніи къ иностраннымъ подданнымъ особыми конвенціями, сохраняя до того времени, вопреки постоянному желанію Румынскаго правительства и палаты, прежнія права иностранцевъ.

Дѣйствіе европейской международной комиссіи распространено отъ устья Дуная до Галаца, чему русское правительство прежде, вмѣстѣ съ турецкимъ, постоянно противилось.

Змѣнный островъ, отходившій на основаніи С.-Стефанскаго договора къ Россіи, съ цѣлью имѣть въ нашихъ рукахъ маякъ, обозначающій не только входъ въ Дунай, но и подступы къ Одессѣ, что весьма важно въ военное время (возможность погасить освѣщеніе) отданъ Румыніи и маякъ, съ іюля 1878 г., поставленъ въ зависимость отъ дунайской комиссіи, техническая часть которой находилась въ рукахъ англичанъ. Вопросъ о „комиссіи прирѣчныхъ государствъ“, долженствовавшей, на основаніи парижскаго (1856 г.) договора, замѣнить европейскую, разрѣшенъ согласно всегдашнему желанію Англіи. Россія была бы съ возвращеніемъ Килійскаго рукава включена въ число прирѣчныхъ государствъ и могла имѣть своего комиссара, тогда какъ Англія никоимъ образомъ не участвовала бы въ новой комиссіи. Существовавшая до того дунайская комиссія, въ которой участвовали морскія державы, оставалась компетентною до Галаца и усиливалась участіемъ делегатовъ отъ прибрежныхъ государствъ при составленіи лишь

правилъ навигаціонныхъ. Такимъ образомъ, Англія сохранила свой первенствующій голосъ, заручившись участіемъ Германіи, и устранивъ выгодное для русскаго вліянія соперничество въ новой комиссіи второстепенныхъ прирѣчныхъ государствъ, желавшихъ прежде скорѣйшей замѣны дунайской комиссіи прирѣчной.

Вопросъ о разработкѣ желѣзныхъ воротъ въ Дунаѣ и объ установленіи денежнаго сбора въ пользу Австро-Венгріи разрѣшенъ въ Берлинѣ совершенно въ смыслѣ давнишнихъ желаній Венгріи, чего безуспѣшно добивался въ 1876 г. графъ Андраши въ Константинополѣ. Всѣ домогательства Австро-Венгріи касательно проведенія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ Турціи, съ которыми, поддержанные русскимъ посольствомъ, такъ долго и успѣшно боролись „старые турки“, въ Берлинѣ удовлетворены вполне. Австро-Венгріи предоставлено хозяйничать въ европейской Турціи какъ ей угодно.

Новая азіятская граница Россіи съ Турціей испорчена въ стратегическомъ, коммерческомъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Вся плодородная Алашкертская долина и городъ Баязетъ, имѣвшій большое значеніе не только въ отношеніи къ Турціи, но въ особенности Персіи, возвращены Турціи, а около Ольты мы лишились порядочнаго участка и весьма важныхъ позицій. При этомъ не принято во вниманіе, что уступленная Россіи, въ силу 15-й ст. С.-Стефанскаго договора, территорія замѣняла значительную сумму денежнаго вознагражденія, обязательнаго для Турціи. Слѣдовательно, справедливость требовала, чтобы урѣзки территориальныя были замѣнены деньгами, по взаимному условію договаривающихся сторонъ.

До тѣхъ поръ, пока суммы не уплачены, мы не обязаны были отдавать туркамъ занятую уже нами и формально уступленную султаномъ территорию „по собственному его желанію“, какъ умышленно выставлено въ текстѣ С.-Стефанскаго договора.

Статья о русскихъ учрежденіяхъ, духовенствѣ и паломникахъ въ Турціи, а также о русскихъ монахахъ, живущихъ на Аеонѣ „въ имъ принадлежащихъ, трехъ монастыряхъ“ обезображена

Берлинскимъ трактатомъ до такой степени, что цѣль, имѣвшаяся въ виду Россіей при заключеніи договора, вовсе не достигалась. Напротивъ того, выговорено все то, что необходимо и полезно для совратителей православныхъ—латинскаго духовенства, протестантскихъ миссіонеровъ и для Порты. Спеціально ограждены на святыхъ мѣстахъ лишь права державы, не пролившей на этотъ разъ ни капли своей крови—Франціи, а равно выгорожены искусно права папы въ отношеніи къ армяно-католикамъ. О Россіи и русскихъ интересахъ умолчано самымъ обиднымъ для насъ образомъ, что несомнѣнно произвело потомъ на всемъ востокѣ неблагоприятное для нашего вліянія впечатлѣніе.

Всего замѣчательнѣе, что въ Берлинскомъ трактатѣ, окончившимъ нашу кровопролитную и славную войну, державы принудили насъ подтвердить особою статьею (65) парижскій и лондонскій договоры, тогда какъ Англія нарушила ихъ до 1878 г. три раза: 1) самовольнымъ вступленіемъ флота въ проливы; 2) подписаніемъ договора объ уступкѣ Кипра въ замѣнъ оборонительнаго союза, и 3) заявленіемъ Салисбюри на Берлинскомъ конгрессѣ, уничтожившимъ значеніе двухъ статей договоровъ, подтвержденныхъ рѣшеніемъ того-же конгресса. Статьи же Санъ-Стефанскаго договора, касавшіяся нашихъ непосредственныхъ интересовъ, какъ-то: денежнаго вознагражденія русскимъ подданнымъ, разрѣшенія затянувшихся тяжбъ и главное—уплаты военной контрибуціи, вовсе исключены и умолчаны.

Вышеозначеннаго бѣлаго обзора вполне достаточно, чтобы оживить въ памяти нашихъ читателей—до какой степени Берлинскій договоръ умалилъ, просто уничтожилъ, Санъ-Стефанскій договоръ.

Но чѣмъ значительнѣе пораженіе, понесенное нами въ Берлинѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г., тѣмъ болѣе добраго воспоминанія заслуживаетъ день 19-го февраля того-же года, день заключенія и подписанія Санъ-Стефанскаго договора.

И эти поминки исключительно въ интересахъ исторической правды, которая рано или поздно, но всегда является во всей своей чистотѣ и непреложности, — мы и заносимъ нынѣ,

въ десятилѣтнюю годовщину этого крупнаго историческаго событія, на страницы „Русской Старины“, посильно служащей исторіи нашего отечества ¹⁾).

Ред.

¹⁾ Осень 1881 г. и весну 1882 г. пишущій эти строки провелъ въ Ниццѣ. Тамъ-же въ это время короталъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни кн. А. М. Горчаковъ, скончавшійся потомъ въ Баденъ-Баденѣ, въ 1883 г. Мы видѣлись съ нимъ довольно часто, по утрамъ, у него-же. Старикъ, (84-хъ лѣтъ), впадавшій часами въ совершенно странное состояніе, когда разговоры его касались женщинъ, много сообщилъ намъ подробностей, ясно и обстоятельно изложенныхъ, изъ его многолѣтней дипломатической службы. Многое мы тогда же записали, съ его же согласія. Немногое мы напечатали послѣ его смерти на стр. „Русской Старины“ (изд. 1883 г., т. XL, стр. 159—180). За-мѣчательно, что когда старшій канцлеръ начиналъ говорить о Берлинскомъ трактатѣ, онъ просто ожесточался противъ своихъ сочленовъ по конгрессу вообще и противъ русскаго въ особенности; на этого послѣдняго канцлеръ валилъ всю вину.—„Онъ, онъ испортилъ въ четыре недѣли всю мою службу Россіи!“ Но, конечно, кн. А. М. былъ самъ виноватъ во многомъ, а въ особенности въ томъ, что, какъ извѣстно, чуть не со слезами напросился не-премѣнно ѣхать представителемъ Россіи на этотъ роковой конгрессъ и съ простодушіемъ старца, себя пережившаго, думалъ, что Бисмаркъ не болѣе, какъ его воспитанникъ! За это самообольщеніе и довелось дорого заплатить.

Ред.

ПРОФЕССОРЪ ЖИВОПИСИ Ѳ. Г. СОЛНЦЕВЪ

въ его попеченіяхъ о художникахъ изъ крестьянскаго сословія

въ императорской академіи художествъ

1858 ^{24-го}_{февраля} 1888.

Принося должную дань глубокаго уваженія знаменитому русскому художнику въ лицѣ Ѳедора Григорьевича Солнцева, мы разновременно посвятили ему многія страницы «Русской Старины», передавъ на нихъ личныя воспоминанія маститаго творца нашей археологической живописи, обзоръ его многолѣтнихъ и разнообразныхъ трудовъ, также очеркъ чудныхъ акварелей, типовъ и костюмовъ обитателей всѣхъ странъ Россіи, и т. д. ¹⁾ Надѣясь еще, и не одинъ разъ, возвратиться къ этой свѣтлой личности, мы, въ дополненіе къ біографическимъ свѣдѣніямъ о почтенномъ Ѳедорѣ Григорьевичѣ, напомнимъ читателямъ о его благотворной дѣятельности въ особой, непосредственно связанной съ его служеніемъ русскому художеству, должности, исполняемой имъ со свойственною ему добросовѣстностію, притомъ безъ всякаго вознагражденія ²⁾),—должности, которой 24 февраля нынѣшняго 1888 года исполнится тридцать лѣтъ. Это напоминаніе тѣмъ болѣе кстати нынѣ, когда вопросъ—если не о пріязненныхъ, то хотя-бы гуманныхъ, а не полицейскихъ только отношеніяхъ начальниковъ-педагоговъ къ учащемуся юношеству составляетъ

¹⁾ Моя жизнь и художественно-археологическіе труды. Разсказъ академика Ѳ. Г. Солнцева, 1801—1876 гг. («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 109—128, 311—323, 617—644; т. XVI, стр. 147—160, 263—302). Большая золотая медаль, поднесенная Ѳ. Г. Солнцеву 20 мая 1876 г. импер. археологическимъ обществомъ за 50-ти-лѣтніе труды (1876 г., т. XVI, стр. 303—308). Ѳ. Г. Солнцевъ, біографическій очеркъ Н. А. Бѣлозерской съ приложеніемъ гравированнаго на мѣди портрета художника (изд. 1887 г., т. LIV, стр. 713—737); «Русская Старина» изд. 1887 г., т. LVI, декабрь, стр. 851—852: «Русскій народъ въ 324 аквареляхъ Ѳ. Г. Солнцева» и проч.

²⁾ Лишь годовъ шесть тому назадъ г. Солнцеву назначена маленькая сумма на развѣзды.

злобу дня и требуетъ указанія на высокій образецъ попечителей, которымъ ввѣряется надзоръ какъ за занятіями, такъ и руководство воспитывающихся.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда крѣпостное право, доживая послѣдніе годы своего бытія, еще полагало рѣзкую черту между общественными сословіями, и простому русскому человѣку, если только онъ не былъ Ломоносовъ или Кулибинъ, преграждало путь къ образованію и развитію дарованій—покойный графъ М. Н. Муравьевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, посѣтивъ Рязанскую губернію, обратилъ вниманіе на двухъ талантливыхъ крестьянскихъ юношей, имѣвшихъ призваніе къ живописи; то были: Иванъ Пожалостинъ и Василій Екимовъ ¹⁾. Оба они были приняты въ академію художествъ.

Тогда же М. Н. Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, пригласилъ лично ему извѣстнаго О. Г. Солнцева и просилъ его принять на себя доброе дѣло самаго заботливаго попечительства какъ надъ названными крестьянами-художниками, такъ затѣмъ и вообще надъ тѣми лицами, изъ государственныхъ крестьянъ, которыя будутъ поступать въ академію художествъ.

Тогда же была испрошена сумма къ ежегодному отпуску изъ казны, до 3,000 руб. въ годъ, на выдачу стипендій достойнѣйшимъ изъ помянутыхъ крестьянъ.

Такое назначеніе славнаго академика (нынѣ профессора) живописи О. Г. Солнцева попечителемъ крестьянъ-художниковъ состоялось 24-го февраля 1858 года.

По увольненіи впоследствии М. Н. Муравьева отъ должности министра государственныхъ имуществъ, затѣмъ, по освобожденіи крестьянъ изъ вѣдѣнія этого министерства, съ обращеніемъ ихъ въ общее сословіе сельскихъ обывателей, — добрая миссія О. Г. Солнцева не прекратилась.

Кредитъ означенный былъ переданъ въ департаментъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ которому по всеѣмъ дѣламъ, до крестьянъ-художниковъ касающихся, и сталъ обращаться Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ.

Уважаемый старецъ-художникъ (Федору Григорьеву.—нынѣ 88 лѣтъ!) съ признательностью говорить о томъ постоянномъ вниманіи и предупредительности гг. директоровъ помянутаго департамента — прежде Н. П. Мансурова, а нынѣ В. Д. Заика, равно начальника отдѣ-

¹⁾ См. «Русская Старина» изд. 1881 г., томъ XXXI, стр. 569—598, томъ XXXII, стр. 111—136, 351—376; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 402 и слѣд.

ленія того же департамента В. Л. Попова — каковыя чрезвычайно облегчили исполненіе обязанности г. Солнцева, сопряженной съ постоянными и нерѣдко довольно хлопотливыми заботами о нуждахъ вѣрен-ныхъ его попечительному надзору учениковъ - художниковъ изъ крестьянъ.

О. Г. Солнцевъ съ самымъ живѣйшимъ сочувствіемъ относился къ будущимъ художникамъ изъ крестьянъ, явился съ 1858 года посредникомъ между ними и высшимъ начальствомъ; слѣдилъ и слѣдить за ихъ успѣхами, разсматривая рисунки и наблюдая за получаемыми ими «нумерами», сообщалъ объ успѣхахъ родителямъ молодыхъ людей, поддерживалъ сношенія между тѣми и другими; добрыми, отеческими совѣтами умѣлъ и умѣлъ отклонять оныя своихъ питомцевъ отъ всякихъ увлеченій, свойственныхъ молодымъ людямъ вообще, художникамъ — въ особенности. Въ теченіе тридцати лѣтъ нѣсколько поколѣній учениковъ искренно любили и любятъ своего попечителя и не престають его почитать и нынѣ состоящіе подъ его попечительствомъ художники.

Сколькихъ-же и какихъ именно дѣятелей приобрѣло русское художество въ это тридцатилѣтіе (1858—1888 гг.) изъ русскихъ крестьянъ, отличенныхъ вниманіемъ и состоявшихъ подъ заботливымъ руководствомъ О. Г. Солнцева? Вотъ они:

Иванъ Петровичъ Пожалостинъ — нынѣ почетный вольный общникъ академіи, академикъ, адъюнктъ-профессоръ гравировальнаго класса академіи художествъ, произведенія его знакомы читателямъ «Русской Старины»; назначенія его полнымъ профессоромъ всѣ почитатели превосходнаго дарованія Пожалостина ждуть съ нетерпѣніемъ, какъ давно уже заслужившаго это высшее отличіе.

Василій Бочинъ—окончилъ курсъ по живописи, нынѣ учитель рисованія въ Бѣлоруссіи.

Александръ Долотовъ—былъ замѣчательный архитекторъ (нынѣ скончался).

Харитонъ Платоновъ—жанристъ. Съ успѣхомъ кончилъ курсъ; участвовалъ на выставкахъ.

Василій Екимовъ, тоже.

Семень Судбинскій, тоже; талантливый портретистъ.

Василій Максимовъ—художникъ жанристъ, участвуетъ на выставкахъ.

Александръ Швайкевичъ, съ успѣхомъ окончилъ курсъ; золотая медаль за программу исторической живописи; преподаватель рисованія въ Одессѣ.

Егоръ Нечаевъ, окончилъ курсъ въ академіи, скончался.

Иванъ Мосаловъ окончилъ съ большимъ успѣхомъ; золотая медаль по исторической живописи.

Никита Холодковъ окончилъ курсъ, учитель рисованія.

Петръ Окуловъ, окончилъ курсъ съ большимъ успѣхомъ: художникъ даровитый; учитель рисованія въ Бѣлоруссіи.

Сергѣй Лучшевъ—золотая медаль: преподаватель перспективы въ школѣ живописи въ Москвѣ.

Иванъ Творожниковъ—золотая медаль по исторической живописи.

Михаилъ Щербатыхъ—высокоталантливый, съ блестящею будущностью портретистъ; исполнилъ превосходно портреты Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича; нынѣ г. Щербатыхъ имѣеть множество заказовъ и выполняетъ ихъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ.

Иванъ Хапаловъ—золотая медаль, портретистъ; былъ отправленъ за границу, гдѣ и скончался; былъ весьма трудолюбивый и талантливый художникъ.

Тимоѣй Котырло, занимался архитектурой; бібліотекаръ академіи художествъ.

Василій Воронковъ—пейзажистъ; отличился на выставкѣ; даровитый художникъ.

Петръ Сычевъ—жанристъ; окончилъ курсъ и на собственный счетъ уѣхалъ въ Парижъ для самоусовершенствованія.

Павель Крюковъ окончилъ курсъ; учитель рисованія въ Петербургѣ.

Николай Прокудинъ, хорошій медальеръ; вслѣдствіе отбытія воинской повинности курса не окончилъ.

Капитонъ Косцевъ, окончилъ курсъ; нынѣ (1888 г.) учитель рисованія въ Таганрогѣ.

Ипполитъ Явнишко, окончилъ курсъ по архитектурѣ.

Василій Ликинъ, ученикъ-жанристъ.

Аѳанасій Архиповичъ, тоже.

Андрей Рябушкинъ, тоже; очень даровитый художникъ; успѣшно занимается исторической живописью.

Прокофій Скляръ, ученикъ-пейзажистъ.

Александръ Кузнецовскій, тоже: по исторической живописи.

Димитрій Понезеровъ—граверъ на мѣди—и

Михаилъ Мосаловъ—учитель рисованія въ Бѣлоруссіи. Оба успѣшно окончили курсъ.

Съ 1 января 1888 года на мѣсто выбывшихъ Крюкова и Косцева поступили въ академію художествъ стипендіатами изъ крестьянъ:

Осина и Поляковъ.

Итого тридцать два даровитыхъ художника изъ низшаго слоя русскаго народа, притомъ изъ бѣдняковъ, выдвинуто непосредственными заботами нашего маститаго старѣйшаго представителя профессоръ всей современной императорской академіи художествъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ — выбиралъ и выбираетъ ежегодно изъ толпы крестьянъ, являющихся учиться въ академію, наидостойнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ художествамъ; представляетъ ихъ къ выдачѣ имъ ежемѣсячной, въ размѣрѣ 25 рублей, стипендіи изъ вышепомянутаго фонда, слѣдить и слѣдилъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю, за трудами выбранныхъ имъ стипендіатовъ; представлялъ и представляетъ ихъ къ пособіямъ денежнымъ къ праздникамъ; иногда къ пособіямъ на заграничную поѣздку (такъ было, напр., по отношенію къ знаменитому нынѣ граверу на мѣди И. П. Пожалостину), — хлопоталъ и заботится о поддержкѣ своихъ питомцевъ по окончаніи ими курса въ академіи художествъ, для чего въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ выдавались нѣкоторымъ изъ нихъ стипендіи, пока работа не упрочивала ихъ положенія; словомъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ теченіе тридцати лѣтъ (съ 1858 по 1888 годъ) несъ и продолжаетъ нести возложенное на него святое дѣло — съ тою добросовѣстностью, съ какою служить этотъ маститый художникъ русскому художеству въ теченіе четырехъ послѣдовательно царствовавшихъ Державныхъ Монарховъ Россіи т. е. въ теченіе почти семидесяти лѣтъ (съ 1820 года; род. онъ въ 1801 г.).

Нынѣ, въ тридцатилѣтнюю годовщину служенія Ѳ. Г. Солнцева, собственно въ должности попечителя крестьянъ-художниковъ, пожелаемъ ему крѣпости силъ и здоровья къ продолженію его службы, а доброму учрежденію стипендіатовъ-художниковъ изъ крестьянъ вѣковѣчнаго упроченія для питомцевъ Императорской Академіи художествъ.

Ред.

СОЧИНЕНІЯ К. Н. БАТЮШКОВА.

Изданія четвертое и пятое

(1887 и 1888 гг.).

Превосходно изданное Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ въ 1887 году полное собраніе сочиненій брата его К. Н. Батюшкова, напечатанное въ трехъ большихъ томахъ, въ количествѣ 2,135 экземпляровъ, съ обширною біографіею поэта, написанною Л. Н. Майковымъ, и съ многочисленными примѣчаніями, составленными В. И. Саитовымъ, съ приложеніемъ портрета работы профессора гравера на мѣди И. П. Пожалостина, съ иллюстраціями и fac simile, не смотря на относительно высокую цѣну (15 руб. за экземпляръ), разошлось въ продажѣ настолько успѣшно, что въ настоящее время (21-го января 1888 г.) въ складѣ изданія (Литейная, 30) осталось всего, какъ намъ извѣстно, 180 экземпляровъ, которые, надо надѣяться, будутъ распроданы въ непродолжительномъ времени. Затѣмъ изданіе это, потребовавшее затраты значительныхъ суммъ, уже не повторится.

— „Столь успѣшное распространеніе помянутаго изданія, превысившее мои ожиданія, пишетъ къ намъ П. Н. Батюшковъ, равно выраженное мнѣ многими лицами желаніе имѣть общедоступное по цѣпѣ изданіе сочиненій моего брата, побудило меня приступить къ новому тисненію этихъ сочиненій, но уже компактному и недорогому по цѣнѣ. Изданіе это, по счету пятое, нынѣ выпущено въ одномъ томѣ (въ 6. 8 д. 633 стр.), съ портретомъ поэта и статьею о жизни и произведеніяхъ

К. Н. Батюшкова. Въ это изданіе вошли всѣ его сочиненія, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были писаны имъ въ ранней молодости, равно и писемъ семейнаго характера, не представляющихъ литературнаго или общественнаго интереса и включенныхъ въ 4-е изданіе, въ видѣ матеріала для біографіи“.

Цѣна этому изданію назначена два руб. пятьдесятъ коп. Складъ изданія: Спб., Литейная, 30.

Успѣвъ ознакомиться съ новымъ, пятымъ, общедоступнымъ изданіемъ „Сочиненій К. Н. Батюшкова“, мы послѣдшаемъ сообщить, что оно, не смотря на малую, вполнѣ общедоступную, цѣну, напечатано на отличной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, вообще превосходно въ типографскомъ отношеніи (типографія В. С. Балашова, Спб.) и вмѣщаетъ въ себѣ: краткую біографію поэта, затѣмъ LXXII его стихотворенія, XVIII сатирическихъ произведеній, XVIII статей въ прозѣ, избранныя письма Батюшкова къ наиболѣе близкимъ ему лицамъ, наконецъ, имѣетъ указатель къ личнымъ именамъ въ сочиненіяхъ поэта. Лица, къ которымъ приведены въ этомъ изданіи письма поэта Батюшкова, суть наиболѣе даровитые и уважаемые представители современной ему отечественной словесности, таковы: Жуковскій, кн. Вяземскій, Оленинъ, Гнѣдичъ, Дашковъ, Сѣверинъ, С. С. Уваровъ, В. Л. Пушкинъ, А. И. Тургеневъ; а также нѣкоторыя, особенно дорогія для поэта, лица, таковы: Е. Ѳ. Муравьева, Е. Пушкина, Петинъ и нѣкоторые другіе. Выбраны, конечно, лучшія, наиболѣе характерныя, письма и по содержанию и, въ особенности, по слогу, именно служащія образцомъ для этого рода произведеній пера писателя.

Рекомендуемъ всѣмъ и каждому, въ особенности учащимся въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ, это вполнѣ, повторяемъ, общедоступное, изящное и хорошее изданіе; но для фундаментальныхъ библиотекъ, какъ общественныхъ, такъ и учебныхъ заведеній, равно для учащихся и вообще для истинныхъ любителей отечественной словесности и ея славнѣйшихъ представителей, мы совѣтуемъ послѣдшить приобрѣтеніемъ четвертаго, въ трехъ томахъ, изданія сочиненій Батюшкова, столь превосходно исполненнаго въ минувшемъ году П. Н. Батюшковымъ, при участіи

Л. Н. Майкова, составителя обширной и весьма замѣчательной біографіи поэта, и съ драгоценными, также обширными, примѣчаніями г. Сайтова, каковыя труды гг. Майкова и Сайтова не вошли въ пятое изданіе.

Помянутаго четвертаго изданія осталось всего лишь, какъ сказано выше, 180 экз., и за распродажею ихъ, оно, въ виду громадности на него издержекъ, повториться не можетъ, а потому, конечно, сдѣлается большою рѣдкостью, причемъ цѣнность его, при случайности покупки, весьма увеличится.

Ред.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРІЕВИЧЪ ГАЛАХОВЪ.

Ко дню LXXXI-й годовщины его жизни.

1-го января 1888 года былъ день восемьдесятъ первой годовщины А. Д. Галахова, старѣйшаго представителя семьи современныхъ русскихъ писателей.

Пишущій эти строки почелъ вполне приличнымъ и уместнымъ—привѣтствовать маститаго историка отечественной словесности напоминаемъ читателямъ—о литературныхъ заслугахъ Алексѣя Дмитріевича въ слѣдующей заимѣткѣ, явившейся въ газетѣ «Новости», какъ разъ въ день 1-го января сего года. Вотъ она:

1-го января 1888 г., день рожденія маститаго писателя русскаго, историка отечественной словесности, Алексѣя Дмитріевича Галахова. Онъ вступилъ въ восемьдесятъ второй годъ своей жизни.

Другъ и со товарищъ по литературной дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго (родился 1810 года + 1848 года), Алексѣй Дмитріевичъ (родился 7-го января 1807 года) получилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ, по физико-математическому факультету, въ 1826 году, кандидатомъ. Началъ онъ писать и печатать свои труды еще въ бытность студентомъ, именно, въ 1823 г.; но первый серьезный литературный трудъ его явился въ 1827 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, подъ названіемъ: „Возрасты естественной исторіи“. Въ 1839 году, при самомъ основаніи „Отечественныхъ Записокъ“, подъ редакцію другаго старѣйшаго изъ современныхъ русскихъ писателей — А. А. Краевскаго, — А. Д. Галаховъ примкнулъ къ кружку ближайшихъ сотрудниковъ этого превосходнаго въ то время (1839—1849 гг.) журнала и сдѣлался его усерднымъ вкладчикомъ. Рядъ обширныхъ статей А. Д. Галахова—историко-критическаго и библиографическаго характера о цѣломъ рядѣ писателей русскихъ XVIII вѣка и первой четверти XIX столѣтія, главнымъ образомъ по поводу изданія ихъ сочиненій Смирдинымъ, внесъ массу новыхъ знаній въ исторію русской словесности и былъ большимъ подспорьемъ знаменитому критику Бѣлинскому.

Каждому изучающему исторію русской словесности приходится и до сихъ поръ обращаться къ помянутымъ статьямъ почтеннаго А. Д. Галахова и розыскивать ихъ въ журналахъ того времени. Посвятить себя

трусамъ въ этой области знанія, А. Д. Галаховъ составилъ первыя по времени и по достоинству хрестоматіи, расходящіяся и до сихъ поръ (въ теченіи болѣе сорока пяти лѣтъ) по всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ въ Россіи; имъ же составленъ капитальный трудъ „Исторія русской словесности“.

Членъ-корреспондентъ академіи наукъ (съ 1868 г.), ординарный профессоръ исторіи русской словесности въ историко-филологическомъ институтѣ (1867—1882 г.), профессоръ русской словесности въ академіи генеральнаго штаба съ 1866 года, членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія съ 1863 года, — А. Д. Галаховъ продолжаетъ трудиться до сихъ поръ на поприщѣ отечественной словесности; онъ оканчиваетъ послѣдній томъ исторіи русской словесности и помѣщаетъ въ повременныхъ изданіяхъ своихъ интересныя изысканія изъ той же области знанія; въ январьской книгѣ „Русской Старины“ (изд. 1888 г.) читатели найдутъ его статью: „О подражательности первоклассныхъ русскихъ поэтовъ“; въ той же книгѣ помѣщена автобіографія Алексѣя Дмитриевича и обстоятельный перечень главнѣйшихъ его литературныхъ трудовъ за время (легко сказать) шестидесяти пяти лѣтъ (1823—1888 г.)!

Въ заключеніе настоящей замѣтки долгомъ считаемъ вспомнить съ признательностью, что А. Д. Галаховъ принадлежалъ всегда къ семьѣ, такъ сказать, коренныхъ русскихъ писателей: онъ участвовалъ въ учреженіи литературнаго фонда въ 1859 году и, вмѣстѣ съ Е. П. Ковалевскимъ, А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ, П. В. Анненковымъ, И. С. Тургеневымъ, Н. Г. Чернышевскимъ, А. В. Никитенко, Е. И. Ламанскимъ, С. С. Дудышкинымъ, А. А. Краевскимъ и А. П. Заблоцкимъ, — Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ былъ членомъ, въ первое же трехлѣтіе, комитета литературнаго фонда.

Мы назвали двѣнадцать лицъ членовъ перваго состава этого комитета и вотъ въ 28 лѣтъ изъ нихъ осталось въ живыхъ всего лишь четыре лица: гг. Галаховъ, Чернышевскій (въ г. Астрахани), Ламанскій и Краевскій.

Искренно желаемъ А. Д. Галахову, вступающему въ 82-й годъ своей жизни и въ 66-й литературной своей дѣятельности, — продолжать сію послѣднюю еще многіе, многіе годы съ тою же бодростью и энергіею, съ каковыми трудился онъ до настоящаго времени.

М. С.

4-го января 1888 года, А. Д. Галаховъ отвѣчалъ намъ слѣдующимъ открытымъ письмомъ, явившимся въ той же газетѣ «Новости»:

„Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Приношу вамъ искреннюю благодарность за лестный для меня отзывъ о моей посильной дѣятельности — педагогической и литературной. Я вижу въ немъ доказательство вашей ко мнѣ дружбы, закрѣпленной давнишнимъ знакомствомъ. Но въ интересѣ истины я обязанъ отклонить отъ себя честь, которую вы мнѣ приписали слѣдующими словами: „Рядъ статей А. Д. Галахова — критическаго и библиографическаго характера, преимущественно по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій русскихъ писателей, былъ большимъ подспорьемъ знаменитому критику Бѣлинскому“. Нѣтъ, многоуважаемый Михаилъ Ива-

новичъ, это не согласно съ хронологіей. Бѣлинскій, задолго до появленія указанныхъ вами статей, уже имѣлъ опредѣленное, твердое понятіе о значеніи отечественной литературы вообще, и ея дѣятелей, въ частности, что доказывается его критикой въ московскихъ журналахъ: „Молвъ“ (1834), „Телескопъ“ (1835—36) и „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1838—39). Да и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ его критическая работа предупредила меня многими годами; поэтому его статьи могли служить мнѣ подспорьемъ, а не наоборотъ. Примите увѣреніе и пр. А. Галаховъ“.

Мы съ большимъ удовольствіемъ сохранимъ это письмо на страницахъ «Русской Старины» именно потому, что оно несомнѣнно составляетъ одну изъ чертъ для характеристики А. Д. Галахова, являя его скромность и совершенно справедливое требованіе имъ строгой точности въ выраженіяхъ.

Мы и въ мысляхъ не имѣли, а тѣмъ менѣе и не думали писать, чтобы Бѣлинскій усвоилъ понятіе «о значеніи отечественной литературы вообще, и ея дѣятелей въ частности» изъ статей А. Д. Галахова. Мы, перечисляя заслуги Алексѣя Дмитріевича, сказали лишь, между прочимъ, что его труды были подспорьемъ знаменитому критику Бѣлинскому. Алексѣй Дмитріевичъ говоритъ, что этого не было,—такъ и запишемъ; но мы знаемъ изъ его же собственнаго перечня трудовъ по русской литературѣ, что его труды для нея, и притомъ серьезные, были уже въ 1842 году; что его статья о «Басурманѣ» Лажечникова—явилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще въ 1839 году; что обстоятельная статья его, А. Д. Галахова, «Характеристика поэзіи Баратынскаго» напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844 года, т. е. именно въ то время, когда въ этомъ журналѣ работалъ—младшій его годами, но вполнѣ мощный по уму, знаніямъ въ литературѣ и критическому дарованію—Бѣлинскій.

Слѣдовательно, говоря, что труды г. Галахова служили подспорьемъ великому критику, мы разумѣли это въ томъ лишь смыслѣ, въ какомъ можетъ служить подспорьемъ дѣятельность писателя, трудящагося на одномъ и томъ же поприщѣ, въ одной и той же области литературы, съ его современникомъ.

А. Д. Галаховъ отрицаетъ это,—мы и поспѣшаемъ, согласно его указанію, исправить нашу обмолвку.

Ред.

Примѣчаніе: Напомнимъ, встати, что о В. Г. Бѣлинскомъ, его жизни и дѣятельности литературной, кромѣ интересныхъ отдѣльныхъ документовъ, мы помѣстили въ нашей „Русской Старинѣ“—двѣ обширныхъ статьи, въ которыя ввели драгоцѣнныя новыя данныя къ біографіи этого славнаго писателя, данныя дотошъ неизданныя. См. „Русскую Старину“ изд. 1876 г., т. XV, стр. 46—87, 324—347. См. также „Русскую Старину“ т. XV, стр. 677. 1874 г., т. IX, стр. 142. 1880 г., т. XXVIII, стр. 140, изд. 1882 г., т. XXXVI, стр. 494 и проч.

Ред.

Изъ апокалипсиса.

....„Се стою при дверехъ и толку:
аще кто услышитъ гласъ Мой и отвер-
зеть двери, вниду къ нему, и вечеряю
съ нимъ, и той со Мною“. Глава 20-я.

Стучася, у двери твоей я стою:
Впусти меня въ келью свою!
Я немощенъ, нагъ, утомленъ и убогъ,
И труденъ мой путь, и далекъ.
Скитаюсь я по міру бѣденъ и нищъ,
Стучуся у многихъ жилищъ:
Кто гласъ Мой услышитъ, кто дверь отопретъ,
Къ себѣ кто Меня призоветъ,—
Къ тому Я войду и того возлюблю
И вечерю съ нимъ раздѣлю.
Ты слабъ, изнемогъ ты въ трудѣ и борьбѣ,—
Я силы прибавлю тебѣ;
Ты плачешь—послѣднія слезы съ очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду въ печали тебя утѣшать,
И сяду съ тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня въ келью свою!

1883.

На порогъ жизни.

Дверь распахнулась... Облиты лучами
Зеленый садъ благоухалъ;
Широкой путь, усыянный цвѣтами,
Въ даль голубую убѣгалъ.

Изъ тѣсноты докучливой и душной
Ты въ жизнь привольную вступишь,
И свѣтъ заманчивый тебѣ радушно
Свои объятія раскрывъ.

Дверь распахнулась... Съ Богомъ, отрокъ милый,
Пускайся смѣло въ дальній путь
И полнъ отваги, полнъ надеждъ и силы
Неустршимъ и крѣпокъ будь!

1883.

Примѣчаніе. Изъ книги: „Стихотворенія К. Р.“, Сиб. 1886 г.; книга не поступила въ продажу.

Catalogue d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,
A FRANCFORT S. MEIN.

(Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise d'une librairie).

- 134¹⁾. Georgi, J. G., Versuch e. Beschreib. v. St. Petersburg und. d. Merkwürdigkeiten der Gegend. 2 Bde. mit 1 Plan und 1 Karte. St. Petersb. 1790. gr. 8°. Hfrz. M. 4. —
135. Ghika, Princesse Aurélie, La Valachie moderne. Paris 1859. gr. 8°. Hfrz. Fehlt im Buchh. M. 8.—
136. Giustiniani, La Muse italienne en Russie. Recueil d'improvisations diverses, avec traductions ou imitations en différentes langues. St. Pétersb. 1841. gr. 8°. Hfrz. M. 6. —
137. Goeteeris, A. Journal, der Legatie ghedaen in de jaren 1615 en 16 by Heer Reynhart van Brederode—Dirck Bas—ende A. Joachimi; by de Stat Gen. afghesonden aende Coninghen van Sweden ende Denemercken, mitsgaders aenden Groot Vorst van Moscovien, op den Vredenhandel. Inhoudende verhael vande seltsame ende wonderberalike Gesteltenisse des Landes van Rusland, entz. S'Gravenh. 1619. 4°. Mit viel Ansichten. Prge. M. 120. —
* Sehr selten, s. Adelung II, 258.
138. Goldbaum, W., Entlegene Culturen. (Russisch.—Polnisch.—Judisch.) Berlin 1877. 8° (M. 6.) Sars. M. 3. —
139. Gordon, Tagebuch des Generals Patrick Gordon, seine Kriegsdienste unter den Schweden u. Polen 1655—61 u. s. Aufenthaltes in Russland 1661—1699, veröffentl. durch M. A. Obolensky u. M. C. Posselt. 3 Bde. mit Portraits, Facsimile u. Tfln. St. Petersb. 1851—53 gr. 8°. (M. 36.) br. M 12.—
140. Görtz, Graf J. E., gen. v. Schlitz, k. preuss. Staatsminister, Historische u. politische Denkwürdigkeiten (1761—1768). A. d. hinterlass. Papieren. 2 Bde. Stuttg. 1827—1828. gr. 8°. (M. 9.) br. M. 3. —
141. Gossip, Rob., Turkey and Russia, their races, history and wars. Embracing a graphic account of the great Crimean war and of the Russo-Turkish war. Edinb. 1879. 4°. With 28 plates and maps. Lwd. m. Goldschn. M. 20
142. Grahame, The progress of science, art and Literature in Russia. Lond. n. d. 8°. Lwd. M. 4. 50.
143. Greene, F. V., Sketches of Army life in Russia. Lond. 1881. 8° (9 sh.). Lwd. M. 4. —

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь и декабрь; изд. 1888 г., т. LVII, январь, объявления въ концѣ книгъ.

144. Grove, F. C., „The frosty Caucasus“. An account of a walk through part of the Range and of an ascent of Elbruz 1874. London 1875. 8°. With plates. (15 sh.). Lwd. M. 7. 50.
145. Guerrier, W., Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland u. Peter dem Grossen. Petersb. 1873. gr. 8°. br. M. 6. —
146. Guthrie, Mrs., Through Russia fr. St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea. 2 vols. Lond. 1874. 8°. (£ 1 1 sh.). Sars. M. 10. —
147. (Haigold), Neuverändertes Russland oder Leben Chatharina II, Kayserinn von Russland. 2 Bde und Beylagen, 2 Bde=4 Bde, mit Portrait und Karte. Riga 1769—1772. 8°. Pbd. M. 10. —
148. Halem, Leben Peters des Grossen. 3 Bde mit Kpfrn. Münster u. Leipz. 1803—1807. 8°. (M. 4 $\frac{1}{2}$) br. M. 6. —
149. Halem, J. van, Mémoires, conten. le récit de sa campagne au Caucase, sous Yermolow en 1819—1820 etc. 2 vols. avec portr., facs. et une carte. Paris 1827. 8°. Pbd. M. 8. —
150. Hamel, J., England and Russia; compris. the voyages of John Tradescant the Edler, Sir Hugh Willoughby, Rich. Chancellor, Nelson and others, to the White Sea etc. Transl. by J. St. Leigh. London 1854. gr. 8°. (12 sh.). Sars. M. 6. —
151. Hamilton, W., Reisen in Kleinasien, Pontus und Armenien. Deutsch von O. Schomburgk. Nebst e. Vorwort von C. Ritter. 2 Bde. mit Kpfrn. u. Krtn. Leipz. 1843. gr. 8°. (M. 19 $\frac{1}{2}$). Pbd. M. 8. —
152. Hamard, C. F. E., Reise durch Oberschlesien zur Russischen Armee der Ukraine u. z. Feldmarschall Rūmanzow Sadunaiskoy. 2 Thle. mit Kpfrn. Gotha 1787. gr. 8°. Pbd. M. 4. —
153. Hanway, J., Hist. account of the British trade over the Caspian Sea, with the autor's journal of travels, fr. England trough Russia into Persia etc. 2 vols. with many plates and maps. Lond. 1762. 4°. Frz. M. 12.—
154. — Beschreibung seiner Reisen v. London durch Russland u. Persien u. wieder zurück, 1740—1750. A. d. Engl. 2 Thie. mit vielen Landcharten u. andern Kpfrn. Hamb. 1754. 4°. Hfrz. M. 6. —

La Librairie Joseph Baer & Co. à Francfort s. Mein possède un assortiment de plus de 300,000 ouvrages anciens et modernes en toutes langues, classés systématiquement: histoire, sciences politiques, généalogie, numismatique, littérature, beaux-arts, arts industriels, sciences exactes et naturelles etc. Elle distribue régulièrement des catalogues spéciaux, qui sont à la disposition de quiconque lui fera l'honneur de les demander.

Prière d'adresser les commandes directement a Francforte s. M. ou par l'entremise d'une librairie de St. Pétersbourg ou de Moscou.

(Продолженіе слѣдустъ).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

В. И. ВОДОВОЗОВА.

ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII-го ВѢКА.

Содержаніе: До-Петровская Русь. Переходное время. (Патріархъ Никонъ и Кривжаничъ. Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царствованіе Петра Великаго. Отъ Петра I-го до Петра III-го. (Царствованія Екатерины I-й, Петра II-го и Анны Иоанновны. Правленіе Анны Леопольдовны. Царствованіе Елизаветы Петровны). Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I-го. Петръ III и Екатерина II-ая. Царствованіе Екатерины II. (Характеръ Екатерины и первые годы ея царствованія. Наказъ. Комиссія Уложенія. Внутреннія и внѣшнія дѣла. Пугачевщина. Внутреннее состояніе общества при Екатеринѣ II-й (Положеніе различныхъ сословій и образованіе). Царствованіе им. Павла I-го и его время. Книга въ 548 стр. Ц. 1 р. 50 к.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

выпускъ I-й, изд. 7-е, одоб. Учен. Ком. Министерства Народнаго Просвѣщенія Цѣна 40 к.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

вып. II, одоб. Ученымъ Комитет. Министерства Народнаго Просвѣщ. Ц. 60 к

Въ память девятистлѣтія крещенія Руси, имѣющаго совершиться въ 1888 году, С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество издаетъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ житіе св. равноапостольнаго Князя Владиміра, составленное профессоромъ Киевской духовной академіи И. И. Малышевскимъ. Житіе будетъ напечатано in 4°, въ два столбца, на 14 страницъ. Къ житію будетъ приложено изображеніе св. Владиміра, роскошно отпечатанное въ хромо-литографіи В. В. Комарова, 17-ю красками, по оригиналу, исполненному профессоромъ И. А. Кошелевымъ. Житіе будетъ сброшюровано въ хромо-литографированную 3-мя красками обложку, на которой будутъ изображены въ медальонахъ: 1) Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, 2) Храмъ св. Владиміра въ Кіевѣ, 3) Развалины „Десятинной церкви“, 4) Церковь Спаса-на-Берестовѣ, 5) Памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ—и 6) Кресты—памятникъ въ Кіевѣ же. Цѣна „житія“ св. Владиміра съ его изображеніемъ назначена по 15 к. за экз. съ пересылкою. Цѣна отдѣльно „житія“ св. Владиміра и отдѣльно „изображенія“ равноапостольнаго князя назначена по 10 коп. за экз., съ пересылкою же. Совѣтъ Славянскаго Общества приглашаетъ учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, желающихъ приобрести вышеозначенныя изданія, въ томъ или другомъ количествѣ экземпляровъ, присылать о томъ заблаговременно заявленія въ помѣщеніе Совѣта: С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 7.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

(ГОДЪ 14-й).

Будетъ въ 1888 г. выходить съ 7 Іюня одинъ и два раза въ недѣлю, въ размѣрѣ 2-хъ и болѣе листовъ, всего около 40 номеровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 6 книгъ переводимыхъ романовъ и 4 номера Парижскихъ Модъ.

Главная цѣль газеты, по прежнему, давать въ сжатомъ, но полномъ видѣ безпристрастный отчетъ по внѣшней и внутренней политикѣ, а также сообщать свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ въ литературѣ, прессѣ, наукѣ, искусствахъ, ремеслахъ и торговлѣ. Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти, рассказы и стихотворенія. Рисунки помѣщаются относящіяся къ современнымъ событіямъ и явленіямъ жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1888 г. 4 руб.

Разсрочка допускается по 2 руб. черезъ 3 мѣсяца духовенству, училищамъ и войскамъ.

Подписчики 1887 г., не допущившіе „Газеты“ по случаю приоста-новки ея г. Министромъ Вн. Д., будутъ бесплатно получать ее съ Іюня по Сентябрю 1888 г.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. Ѳ. ЖУРОВА, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособие, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей. См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1876 г., кн. 10-я, стр. 103 (такого одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. ЖУРОВА. Цѣна 25 к.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Ѳеодору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

И А

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

который выходитъ въ 1888 году подъ той же редакціей и по той же программѣ ежемѣсячно, между 1—10 числами, книжками отъ 25—30 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ предѣлахъ Россіи	12 руб.
За границу.	15 „
За 16 книж. съ Сент. 1887 г. по Янв. 1888 г.	17 „

Въ видахъ сокращенія расходовъ подписчикамъ какъ въ городѣ, такъ и въ иногородныхъ, редакція принимаетъ на себя расходы по пересылкѣ и доставкѣ.

Разсрочка допускается въ казенныхъ учрежденіяхъ за ручательствомъ казначейвъ слѣдующая: 3 р. при подпискѣ, 3 р. 1-го Мая, 3 р. 1-го Августа и 3 р. 1-го Октября.

Кромѣ того учащимся, а также духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. взаимнѣ 12 р. за 10 р. и притомъ съ разсрочкою: при подпискѣ 3 р., 1-го Мая 2 р., 1-го Августа 3 р., и 1-го Октября 2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала на углу Николаевской улицы и Кузнечнаго переулка, д. № 26, кв. № 6, и на Невскомъ у Полицейскаго моста въ книжномъ магазинѣ Мелье, на Большой Итальянской въ книжномъ магазинѣ Панафидина и на Литейной въ книжномъ магазинѣ Карбасникова. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 к. съ экземпляра.

Иногородныхъ просить обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція принимаетъ на себя ответственность за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 4 пополудни, исключая праздниковъ. Личныя объясненія по Четвергамъ и Субботамъ отъ 2 до 4 пополудни.

Издательница А. В. Сабашникова.

Редакторъ А. М. Евреинова.

Продаются послѣдніе 183 экземпляра втораго изданія:

АЛЬБОМЪ

Русскіе дѣятели въ гравюрахъ

академика Л. А. Сѣрякова

[пятьдесятъ гравюръ].

ЦѢНА ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить этотъ Альбомъ за ДВА руб. съ пересылкою. Новаго изданія этого альбома не будетъ въ виду значительности на этотъ предметъ издержекъ.

Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить по уменьшенной цѣнѣ, именно за ДВА руб. 50 коп. съ пересылкою (вмѣсто 3 руб. 50 коп.), книгу:

I. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе второе, значительно дополненное весьма интересными показаніями лицъ близкихъ къ покойному Государю. Издалъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1887 г., 517 стр.

II. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за ДВА рубля съ пересылкой, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849 г.**, съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ б. 8 д.
(*Имѣется всего лишь около 190 экземпляровъ*).

III. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **ОДИНЪ руб.** съ пересыл.

дніа эти дають обстоятельное представ-
леніе какъ объ исторической судьбѣ ли-
товской метрики, такъ и о составѣ ея.

Въ основаніе инвентаря книгъ и актовъ,
хранящихся въ литовской метрицѣ, поло-
жена опись, составл. въ 1836 г., но тща-
тельно проверенная и просмотрѣнная; дре-
вніе акты вновь описаны. Въ концѣ при-
веденъ перечень родословныхъ и межевыхъ
картъ.

В. И.

Родословный сборникъ рус-
скихъ дворянскихъ фамилій. Спб.,
въ 8 д., 1886 и 1887 г. Изданіе А. С.
Суворина. Составили: В. В. Руммельъ
и В. В. Голубцовъ. Томъ первый, стр.
628. Томъ второй, стр. 925. Цѣна за оба
тома десять рублей.

Послѣ выпуска въ свѣтъ, въ 1854 —
1857 гг., кн. П. В. Долгоруковымъ
«Россійской родословной книги», въ четы-
рехъ томахъ, изданъ былъ въ 1873 и 1875 гг.
редакціей нашего журнала «Русская Ста-
рина» почтенный трудъ кн. А. Б. Лоба-
нова-Ростовскаго: «Русская родослов-
ная книга», въ двухъ частяхъ. Появив-
шееся нынѣ изданіе А. С. Суворина:
«Родословный сборникъ русскихъ дворян-
скихъ фамилій» является третьимъ, по
времени, и притомъ въ высшей степени
важнымъ вкладомъ въ область генеалогіи
русскаго дворянства. Должно сказать за
такое изданіе большое спасибо г. Суво-
рину, не остановившемуся предъ значи-
тельностью издержекъ на напечатаніе та-
коваго труда, каковая затрата, если когда-
либо и окупится, то весьма не скоро;
въ особенности сердечное спасибо соста-
вителю сборника, Василию Владиміровичу
Руммелю. Это большой знатокъ генеало-
гич. дворянства русскаго; неутомимый со-
биратель ихъ родословій и внимательный,
добросовѣстный изсѣдователь всѣхъ дан-
ныхъ и вопросовъ, до выясненія ихъ отно-
сящихся. При этомъ, сколько намъ извѣ-
стно, громаднѣйшій трудъ В. В. Руммеля
совершенно имъ вполне безкорыстно, чисто
изъ любви къ этому, на первый взглядъ
довольно сухому и скучному, но какъ по-
собіе къ исторіи—крайне важному и необ-
ходимому дѣлу. Изъ ближайшихъ сотруд-
никовъ въ составленіи помнятаго сбор-
ника наименуемъ—кн. А. Б. Лобанова-
Ростовскаго и Гавріила Пльча Сту-

денниа; послѣдній передалъ г. Руммелю
значительное собраніе родословій, изъ ко-
торыхъ еще многія не вошли въ помяну-
тые два тома.

До тысячи родословій собраны неудо-
мыми изыскателемъ В. В. Руммелемъ;
изъ нихъ сто тридцать шесть вполне
разработанныхъ родословій составляютъ
содержаніе обозрѣваемыхъ здѣсь двухъ
томовъ.

Родословія эти, въ значительнѣйшемъ
числѣ ихъ, или никогда и видѣ не были
напечатаны, или же были напечатаны въ
неполномъ видѣ; всѣ они составлены на
основаніи дѣлъ архива департамента ге-
рольдн въ сенатѣ, а также разныхъ истори-
ческихъ сборниковъ матеріаловъ, какъ-то:
различныхъ актовъ, также сочиненій и
свѣдѣній, полученныхъ непосредственно
отъ представителей родовъ.

Съ удовольствіемъ замѣтимъ мы также,
что въшность изданія, а также порядокъ
расположенія родословій, колоннъ-титловъ,
въ особенности расположеніе поправокъ и
дополненій,—число которыхъ обширно,—
приняты достопочтеннымъ В. В. Румме-
лемъ тѣ же, какія приняты были нами въ
изданіи «Русской родословной книги», со-
ставленной кн. А. Б. Лобановымъ - Ро-
стовскимъ. В. В. Руммельъ приобщилъ,
помрѣ того, къ выпущеннымъ нынѣ то-
мамъ своего сборника заботливо состав-
ленный адеватный указатель. Василий
Владиміровичъ готовить въ печати слѣ-
дующіе томы «Родословнаго сборника»;
обращаемъ на это вниманіе представите-
лей русскихъ дворянскихъ фамилій и по-
вторяемъ просьбу г. Руммеля, изложенную
имъ въ предисловіяхъ къ первымъ двумъ
томамъ, о доставкѣ ему (черезъ книжный
магазинъ газеты «Новое Времѣ», въ Спб.)
поправокъ и дополненій къ емо, во всѣхъ
отношеніяхъ замѣчательному, труду. Не-
скрвенно желаемъ, дабы и издатель, А. С.
Суворинъ, продолжилъ выпускъ въ свѣтъ
послѣдующихъ томовъ «Родословнаго сбор-
ника», такъ какъ такое изданіе всево-
нечно займетъ мѣсто въ отдѣлѣ наиболее
важныхъ и полезныхъ для науки книгъ,
изданныхъ г. Сувориннымъ; общее же число
его изданій, какъ видно изъ списка,
имъ напечатаннаго, превышаетъ двѣсти
пятьдесятъ названій.

Ред.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (29 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портрет., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ девятнадцатый.

МАРТЪ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Разказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гобль. Главы VII—X. 567
- II. Въ странахъ средней Азіи. Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извлеч. и перев. В. В. Тимошукъ. Гл. V—VI. 605
- III. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его дѣятельности. Гл. V—VII 655
- IV. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1885 гг. (Окончаніе) 673
- V. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина. Гл. V—VIII. . 695
- VI. Принцъ Карлъ-Эрнестъ Нурландскій въ Бастиліи съ 8-го января по 24-е января 1768 г. Сообщ. вл. А. Б. Д-Р. 739
- VII. Императрица Екатерина II: Житіе преподобнаго Сергія въ ея редакціи 751
- VIII. Николай Васильевичъ Гоголь: Незадѣланная его статья: „1834 г.“ и письма къ гр. С. С. Уварову и П. Н. Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ. — Къ биографіи П. В. Гоголя. Сообщ. Н. В. Быховъ. 761
- IX. Петръ Кононовичъ Меньковъ, рож. 1814 г. † 1875 г. Эпизодъ изъ его жизни, 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ. 771
- X. Историческіе документы, замѣтки и стихотворенія: Кн. В. В. Голицынъ, 1677 г. (735). — Петръ I и А. Д. Меншиковъ (733). — Сергій Пушкинъ и Жуковъ (757). — Бар. Гейкинъ (801). — Моисей Гумилевскій (799). — Сутерландъ и Рмльевъ (791). — Маскаррадъ 1799 г. (734). — Эджвортъ де-Фирмонъ (804). — Университетскій пѣснопѣ (796). — Ал-дръ и Ник. Тургеневы, 1830 г. (793). — А. И. Герценъ (769). — А. Г. Рубинштейнъ (811). — А. О. Гальфердингъ (731). — К. Д. Хрущовъ (785). — Вел. кн. Елена Павловна (805). — Замѣтки по дню XXVII годовщины 19-го февраля. Сообщ. П. П. Семснотъ и Ред. (813). — Стихотворенія. К. Р. и П. А. Кускова (693 и 831).
- XI. Библиографическій листокъ.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Ивана Александровича Анненкова, гравюра Н. И. Матюшина съ портрета, писаннаго Кларенскимъ (1823 г.). — II. Портреты бухарскаго эмира Мозафаръ-Эддина и Кушъ-Бегъ, гравированы въ Парижѣ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1888.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Томъ первый (1688—1701гг.). Печатано по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1887г., въ 6. 8 д., стр. XXIII+XXXII+888+LIII. Съ фототипическими снимками съ двухъ портретовъ Петра I.

Другое, болѣе роскошное, изданіе того же тома въ 6. 4-ю долю, съ портретомъ Петра Великого. Спб. стр. XXIV+733+32. Цѣна четыре рубля.

Графу Д. А. Толстому принадлежитъ прекрасная мысль приступить къ изданію такого собранія писемъ и бумагъ Петра Великого, которое совиѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи. Мысль эта была высказана гр. Толстымъ императору Александру II въ 1872 г., и государь, столь отзывчивый на все полезное, доброе, на все, что служило ко славы Россіи и прусейнѣю науки—одобрилъ представленіе графа Д. А. Образована была тогда же, по высочайшему повелѣнію, комиссія, а душой ея явился академикъ А. Ф. Вычковъ. Приступлено было къ обширнѣйшему труду розысканія повсюду и въ Россіи, и за предѣлами оной—всего, что писалъ Преобразователь нашего отечества. Обо всемъ ходѣ этого труда—подробно изложено въ предисловіи къ книгѣ, заглавіе которой выписано нами выше. Въ томъ же предисловіи, весьма обстоятельно и интересномъ, приведено все, что относится до плана и исполненія оного по отношенію къ сему изданію.

Понятно, что вышедшее собраніе и послѣдующіе его томы—составятъ краеугольный камень всей послѣдующей литературѣ историческихъ изслѣдованій, до новѣйшей, Петровской, Россіи касающихся. Значеніе вошедшихъ въ эту книгу четырехъ сотъ двухъ писемъ, указовъ и прочихъ актовъ Великаго Петра—имъ составленныхъ, его рукою писанныхъ, а также 362 отвѣтныхъ писемъ отъ 50 лицъ (документы эти введены въ примѣчанія), настолько понятно каждому, что объ этомъ и говорить не приходится: теперь кто-бы и что-бы ни сталъ писать объ эпохѣ преобразованія, о личности царя Петра, о птенцахъ ли его, о членахъ ли его семьи—безъ обращенія къ этому сборнику не обойдется.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что вошедшіе сюда документы напечатаны съ поразительною точностью и самою образцовою добросовѣстностью, что, впрочемъ, и не могло быть иначе, такъ какъ душа и рука комиссіи издательской были уважаемый академикъ А. Ф. Вычковъ. Этимъ сказано все, но крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ многочисленными изданіями, вышедшими изъ-подъ въ высшей степени опытной редакціи директора Императ. Публичной библіотеки, товарища президента археологическаго общества и заѣстителя председателя археографической комиссіи.

Время и мѣсто не позволяютъ намъ остановиться на драгоцѣнномъ сборникѣ. Мы къ нему, всеконечно, возвратимся; а здѣсь же только спѣшимъ оповѣстить нашихъ многочисленныхъ читателей о выхождѣ въ свѣтъ этого вѣстнаго сокровища для науки новѣйшей русской исторіи.

Дай, Господи, увидѣть и все послѣдующіе томы этого сборника. Глубокая благодарность отъ всѣхъ любителей отеч. исторіи, какъ начинателю всего этого дѣла, гр. Д. А. Толстому, такъ и всѣмъ лицамъ, для мону-ментальнаго сего сборника потрудившимся. Изданіе мало сказать — изящно; оно роскошно въ полномъ смыслѣ слова и вполне достойно Великаго Петра.

А. Ф. Кови. Судебныя рѣчи 1868—1888.—Обвинительныя рѣчи.—Руководящія наутствія присяжныхъ.—Бассационныя заключенія. Спб., въ 8 д. 1888 г., стр. I—IV+750. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 руб.

Русское общество получаетъ въ этой книгѣ одинъ изъ итоговъ дѣятельности одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей суда правды, суда свѣта, суда разума. Книга посвящена памяти профессора римскаго права московскаго университета Никиты Ивановича Брылова, однимъ изъ слушателей котораго былъ Анатолій Федоровичъ Кови — питомецъ московскаго университета, въ которомъ онъ, окончивъ кандидатомъ курсъ въ 1865 г.

Отличная научная подготовка, обширныя знанія, выработанныя неустаннымъ трудомъ, преданность и любовь къ избранному дѣлу служенія на поприщѣ полагая суда, необыкновенное дарованіе истиннаго оратора—быстро выдвинувъ Анатолія Фе-

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ АННЕНКОВЪ.

СЪ ПОРТРЕТА ПИСАННАГО КИПРЕНСКИМЪ
ВЪ 1823 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ ПРАСКОВЬИ ЕГОРОВНЫ АННЕНКОВОЙ

рожденной Гёбль.

Записаны съ ея словъ дочерью, О. И. Ивановою, 20-го іюля 1861 г.

VII ¹⁾.

По приѣздѣ въ 1826 году въ Петербургъ я остановилась въ гостинницѣ, гдѣ, однако-жь, оставаться не хотѣла, и послала за Стремоуховымъ, чтобъ просить найти мнѣ квартиру, что онъ тотчасъ-же исполнилъ, и я на другой день переѣхала въ Офицерскую улицу. Никогда не забуду всѣхъ услугъ, оказанныхъ мнѣ Стремоуховымъ. Онъ сообщалъ мнѣ всѣ новости и своими услугами много разъ выводилъ изъ разныхъ затрудненій. Ему обязана я, что вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ получила записку-отъ Ивана Александровича чрезъ какого-то унтеръ-офицера. Можно себѣ представить мой восторгъ при полученіи этой первой записки со дня нашей разлуки. Я узнала, наконецъ, что человѣкъ, столь дорогой для меня, живъ, но узнала также—въ какомъ онъ находился отчаяніи. Въ запискѣ было только нѣсколько словъ, но въ этихъ словахъ было столько выстраданнаго и пережитаго, что сердце болѣзненно сжималось, читая ихъ: „Où es tu donc, писалъ мой неизмѣнный другъ, qu'as tu fait, mon enfant? Mon Dieu! pas une aiguille pour anéantir mon être“. За эту записку надо было

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 169—198; февраль, стр. 433—456.

дать 200 рублей унтеръ-офицеру, конечно, въ то время ассигнаціями. Стремоуховъ также сказалъ мнѣ, что, если я желаю видѣть Петропавловскую крѣпость, то это возможно будетъ сдѣлать, и объяснилъ моему человѣку какъ пробраться туда.

Я тотчасъ-же отправилась.

Когда мы подходили къ крѣпостнымъ воротамъ, я невольно пріостановилась; но человѣкъ мнѣ сдѣлалъ знакъ, что можно идти далѣе. Мы осторожно пробирались; когда вошли во дворъ, человѣкъ показалъ мнѣ на окна, вымазанныя мѣломъ, прибавя въ полголоса: „тамъ сидятъ они“. Но оконъ было много и какъ было узнать, за которымъ изъ нихъ могъ сидѣть Иванъ Александровичъ. Не смотря на неудачу моихъ розысковъ, я все-таки возвратилась домой гораздо покойнѣе отъ одной мысли, что я недалеко отъ любимаго человѣка, и съ надеждою скоро увидѣть его.

Между тѣмъ ко мнѣ явились люди, которые служили прежде Ивану Александровичу и объяснили, что одинъ изъ родственниковъ, именно Якобій, бываетъ у него въ крѣпости и только раздражаетъ его своими визитами. Отъ нихъ я узнала, что Якобій имѣлъ отъ матери Ивана Александровича 1,500 рублей, которые долженъ былъ передать ея сыну, но нашелъ, что эта сумма велика для крѣпости, и передалъ только 500 рублей, а остальные оставилъ у себя. Иванъ Александровичъ зашилъ эти деньги въ помочи, но однажды, когда онъ былъ въ банѣ, помочи распорили и деньги вынули; такимъ образомъ несчастный узникъ былъ лишенъ возможности получить то, что другіе имѣли на свои деньги, и часто подвергался даже голоду, не будучи въ состояніи выносить пищу, которую давали въ крѣпости, хотя для того, чтобъ кормить осужденныхъ, отпускались довольно большія деньги, но онѣ, вѣроятно, расходились по разнымъ карманамъ, а ихъ кормили довольно плохо. Самое чувствительное лишеніе было—недостатокъ блага хлѣба, и чтобъ имѣть его, Иванъ Александровичъ распустилъ свои серебряные эполеты, которые ему удалось какимъ-то образомъ продать. Много еще другихъ подробностей сообщили мнѣ бывшіе слуги Ивана Александровича. Преданность ихъ ему и участіе, которое они принимали въ судьбѣ своего барина, трогали меня до слезъ. Якобія я знала за человѣка грубаго и черстваго, но, не имѣя возможности открыто просить свиданія съ Иваномъ Александровичемъ, я рѣши-

лась обратиться къ посредничеству его, какъ ни былъ онъ мнѣ противенъ: я умоляла передать Ивану Александровичу,—чтобы какъ нибудь только дать ему знать, что я въ Петербургѣ,—крестъ, который я всегда носила, куда я спрятала бумажку съ словами: „Je te suivrai en Sibérie“; завернувъ все это хорошенько въ цѣпочку, я передала Якоби. Крестъ онъ передалъ, но на вопросъ Ивана Александровича: „Pauline est ici?“, не знаю почему нашель нужнымъ отвѣчать, что—нѣтъ и увѣряль, что получилъ отъ меня крестъ еще въ Москвѣ.

Невозможно себѣ представить, до какой степени люди иногда бываютъ злы безъ всякой причины. Такъ, Якобій преслѣдовалъ меня, какъ только могъ, наговаривалъ на меня плацъ-маіору крѣпости Подушкину, убѣждая его не пускать меня въ крѣпость, и тотъ одно время приказалъ гонять меня, такъ что однажды я была выведена изъ церкви. Не могу забыть — сколько я выстрадала отъ Якобія. Иванъ Александровичъ его также очень не любилъ, но онъ былъ единственный изъ родственниковъ, который бывалъ въ то время въ крѣпости, и мы оба поневолѣ хватались за него, чтобъ добиться свиданія. Однажды Иванъ Александровичъ передалъ ему письмо ко мнѣ; узнавъ объ этомъ случайно, я слѣдила за Якобіемъ. Въ крѣпость я пробиралась безпрестанно и видя, какъ Якобій выходилъ отъ коменданта, я бросилась къ нему и умоляла отдать мнѣ письмо, но онъ грубо отвѣчалъ, что никакого письма не имѣетъ. Между тѣмъ, отошедши отъ него, я замѣтила, что онъ вынулъ письмо изъ кармана и собирается прочесть его. Я снова бросилась къ нему съ мольбами, но онъ почти оттолкнулъ меня. Впослѣдствіи я узнала, что письмо это было передано Якобіемъ матери Ивана Александровича. Вообще всѣ родственники съ ея стороны и всѣ жившіе въ ея домѣ относились къ ея несчастному сыну отвратительно. Они осаждали его своими письмами, пока онъ былъ въ крѣпости. Одни напоминали не забыть ихъ въ своихъ распоряженіяхъ, другіе просили то одну, то другую вещь на память. Якобія я однажды застала въ дорогомъ, очень богатомъ халатѣ Ивана Александровича и въ его торжковыхъ сапогахъ; даже очки золотые Ивана Александровича, съ которыми тотъ, по своей близорукости, никогда не разставался, были на Якобіи. Впослѣдствіи очки эти отъ него вытребовали.

Чтобъ пробраться въ крѣпость, мнѣ всякій разъ стоило большаго труда, а иногда и много денегъ, но это нисколько не охлаждало меня. Я безпрестанно и всюду появлялась, такъ что на меня, наконецъ, былъ сдѣланъ доносъ такого рода, что есть одна французженка, которую такъ часто видно, что она уже надоѣла всѣмъ. Когда объ этомъ доложили государю, онъ отвѣчалъ: „оставьте ее“. Какъ я ни хлопотала, но не могла добиться видѣть Ивана Александровича иначе, какъ во время прогулки, и не болѣе, какъ минутъ на пять. Въ первый разъ, когда мнѣ, наконецъ, привелось его встрѣтить, онъ проходилъ мимо меня въ сопровожденіи плацъ-адъютанта. Видъ его до такой степени поразилъ меня, что я не въ силахъ была двинуться съ мѣста: послѣ блестящаго кавалергардскаго мундира на немъ былъ какой-то странный костюмъ изъ сѣрой нанки, даже картузь былъ изъ той же матеріи. Онъ шелъ тихо и задумчиво, опутивъ голову на грудь, и прошелъ мимо, не узнавъ меня, такъ какъ былъ безъ очковъ, безъ которыхъ ничего не видѣлъ. Въ ту минуту я ужъ немного опомнилась отъ своего перваго впечатлѣнія и замѣтила, что плацъ-адъютантъ мнѣ дѣлалъ едва замѣтный знакъ рукой, чтобы я подошла; но я не рѣшилась это сдѣлать, такъ какъ стояла противъ гауптвахты, на которой въ это время мѣняли караулъ, и чтобы какъ нибудь привлечь вниманіе Ивана Александровича, я пустила собачку, которую держала на рукахъ и съ которой никогда не разлучалась, и потомъ стала звать ее; тогда я увидѣла, что Иванъ Александровичъ очень удивился, услышавъ мой голосъ, и вернулась домой успокоенная нѣсколько мыслью, что онъ уже знаетъ о томъ, что я въ Петербургѣ.

Въ другой разъ, переодѣвшись въ платье горничной, когда я снова бродила по крѣпости, я вдругъ увидала Ивана Александровича, который, гуляя по саду, куда ихъ выпускали также, подошелъ къ калиткѣ и пріостановился; въ одинъ мигъ я бросилась къ нему на шею, крѣпко обняла, поцѣловала и исчезла прежде, чѣмъ часовой успѣлъ одуматься.

Главное, что заботило меня въ то время, это мысль, что онъ подвергается разнымъ лишеніямъ; особенно я не могла помириться съ тѣмъ, что онъ часто бываетъ голоденъ, и ломала себѣ голову какимъ образомъ доставлять ему что-нибудь съѣстное. Передать

что бы то ни было невозможно было безъ посредства Подушкина, а тотъ каждый разъ ломался и говорилъ, что онъ подвергается страшной отвѣтственности, однако-жъ, каждый разъ соглашался, когда я дѣлала подарки его дочери. Такимъ образомъ я часто снимала съ себя то ту, то другую вещь, которыя тогда носила, и наконецъ отдала лорнетъ съ цѣпочкою, не смотря на то, что мнѣ очень было больно съ нимъ разстаться, такъ какъ это былъ подарокъ Ивана Александровича.

Не одна я пробиралась въ крѣпость, другія дамы дѣлали то же самое, не смотря на то, что для нихъ были назначенные дни для свиданія съ мужьями, но такъ какъ назначался одинъ день въ недѣлю, то это имъ казалось мало, и онѣ пользовались минутами гулянья, чтобы повидать еще своихъ мужей. Такъ однажды я встрѣтила въ большомъ волненіи Михаила Александровича фонъ-Визина, который, вѣроятно, привыкъ видѣть во время прогулокъ жену свою; онъ спросилъ меня: „Madame, n'avez vous pas vu passer une très jolie femme?“

Въ это время я познакомилась съ Grisier, бывшимъ учителемъ фехтованія въ Москвѣ, у котораго и Иванъ Александровичъ бралъ уроки. Разказы Grisier впоследствии дали поводъ Александру Дюма написать по поводу меня романъ, подъ заглавіемъ: „Mémoires d'un maître d'armes“.

Grisier пришелъ ко мнѣ съ полнымъ желаніемъ и готовностію услужить мнѣ и бывшему его ученику, котораго онъ, какъ видно, очень любилъ, и такъ любезно предлагалъ располагать его кошелькомъ, говоря, что знаетъ очень хорошо, какъ дурно относятся родные къ Ивану Александровичу, что, наконецъ, заставилъ меня воспользоваться его услугами. Я взяла у него 200 рублей, которые, конечно, успѣшила потомъ возвратить при первой возможности.

Между тѣмъ у меня явилась очень смѣлая мысль, которую я рѣшила привести въ исполненіе, это—увести Ивана Александровича за границу; а случай познакомилъ меня съ однимъ нѣмцемъ, который продавалъ мнѣ свой паспортъ за 6,000 рублей. Безпрестанно бывая въ крѣпости, я познакомилась тамъ со многими и узнала, что вывести оттуда Ивана Александровича было бы не такъ трудно, какъ казалось сначала. Потомъ мы могли сѣсть на купеческое судно и съ помощью паспорта,

подъ чужимъ именемъ, пробраться далѣе. Но для этого необходимы были деньги и много денегъ, а у меня ихъ не было; тогда я начала придумывать разныя хитрости, чтобъ пробраться къ матери Ивана Александровича, отъ котораго, впрочемъ, я тщательно скрывала свое намѣреніе, такъ какъ была увѣрена, что онъ не согласится на бѣгство въ то время, какъ товарищи его должны будутъ отправиться въ Сибирь; но я мечтала уговорить его въ рѣшительную минуту, а пока убѣждала, что мнѣ необходимо ѣхать къ его матери, на что онъ, наконецъ, согласился. Ему также, какъ и всѣмъ, было извѣстно, что не легко попасть къ его матери Аннѣ Ивановнѣ, которая жила недоступной барыней. Чтобъ помочь мнѣ пробраться въ заколдованный домъ старухи, онъ написалъ три письма: два къ родственникамъ, живущимъ въ домѣ, именно къ Титовой и Карауловой, а третье къ Варварѣ Николаевнѣ Анненковой. Только эта послѣдняя имѣла достаточно твердости характера, чтобъ сказать Аннѣ Ивановнѣ обо мнѣ, когда я пріѣхала въ Москву; другія не подумали и заикнуться.

Сначала старуха очень встревожилась, объявила, что Варвара Николаевна поступила неосторожно, сказавъ ей, безъ особыхъ приготовленій, что я вернулась изъ Петербурга. Но на другой день прислала за мной карету. Карета была у моего подъезда въ 9 часовъ вечера; я, конечно, не заставила ждать себя, за то меня заставили ждать въ пріемной комнатѣ и только въ 2 часа ночи позвали къ моей будущей belle-mère. Встрѣча наша, конечно, не могла обойтись безъ внутренняго волненія съ той и другой стороны; я съ трудомъ сдерживала біеніе моего сердца, столько уже выстрадавшего. Въ эту минуту во мнѣ съ новой силой проснулось то чувство гордости и сознанія своего достоинства, которое заставляло меня сначала избѣгать и удаляться Ивана Александровича. По совѣсти я могла смотрѣть прямо въ глаза этой надменной женщинѣ, потому что не искала ея сына въ то время, когда онъ былъ знатенъ и богатъ, и если предалась потомъ всею силою любви къ нему, такъ это потому, что онъ казался глубоко несчастнымъ.

Когда я вошла въ комнату Анны Ивановны Анненковой, она сидѣла въ большомъ креслѣ; одинъ уголокъ этой комнаты былъ весь установленъ образами, что меня поразило, какъ францу-

женку; передъ образами теплилась лампада. На старухѣ былъ пышный ночной туалетъ, одинъ изъ тѣхъ, какіе ею совершались на ночь. Она была вся въ бѣломъ — я была вся въ черномъ. Входя, я поклонилась ей очень церемонно; она привстала съ своего кресла; тогда одна изъ окружавшихъ сказала мнѣ: „*ma cousine veut vous embrasser, madame*“. Я подошла ближе, она бросилась ко мнѣ на шею и зарыдала. Я хотѣла ее утѣшать, она остановила меня: „*Laissez moi pleurer, madame, ces larmes me feront du bien*“. Въ эту минуту казалось, что все величіе, окружавшее эту женщину, ее оставило; она являлась матерью, но этотъ порывъ материнскаго чувства продолжался не долго. У меня были письма ея сына, которыя я просила позволеніе прочесть ей, на что она изъявила свое согласіе. Въ одномъ изъ писемъ сынъ просилъ ее позаботиться о немъ, обезпечить жизнь его въ Сибири, и такъ какъ онъ лично не имѣлъ ни на что право, то просилъ все сдѣлать на мое имя. Все это она прослушала молча и не сказала ни слова; но когда я стала говорить ей о своемъ намѣреніи увезти Ивана Александровича за границу и просить въ этомъ ея содѣйствія, она отвинулась назадъ въ своемъ креслѣ и отвѣчала: „*Mon fils un fuyard, madame, je n'y consentirai jamais, il subira son sort honorablement*“. Отвѣтъ прекрасный, можетъ быть, но заглушающій чувство матери, а же думала въ эту минуту болѣе всего о самомъ Иванѣ Александровичѣ и невольно воскликнула: „*C'était bon pour les romaines, madame, mais ce temps est passé*“. На этомъ и кончилась моя попытка увезти Ивана Александровича за границу.

Между тѣмъ Анна Ивановна продолжала присылать за мною каждый день карету. Она говорила, что мой веселый французскій характеръ оживляетъ ее и заставляетъ забывать горе, однимъ словомъ, что я ей такъ понравилась, что она не можетъ болѣе жить безъ меня; часто усаживая около себя, она цѣловала меня и говорила, что не хотѣла бы со мною разстаться. Съ ея стороны это была необыкновенная нѣжность, потому что эта женщина никогда никого не ласкала. Она меня всячески задерживала, даже давала вечера, воображая этимъ развлечь меня; на вечерахъ всегда присутствовала вся разряженная, но мнѣ было, конечно, не до этого; я рвалась къ ея сыну и никакъ не могла постигнуть—какимъ образомъ могла мать оставаться въ своихъ

раззолоченныхъ креслахъ, одѣтая въ бархатъ, принимая гостей, въ то время, какъ сынъ ея томился въ душномъ и сыромъ казематѣ, лишенный свѣта, воздуха и самыхъ необходимыхъ вещей, не всякій день имѣя даже кусокъ блага хлѣба.

Не смотря на всѣ мои усилія вернуться скорѣе въ Петербургъ, я еще нѣсколько времени не могла вырваться отъ Анны Ивановны. Впрочемъ, отъ Ивана Александровича я получала довольно часто извѣстiя и въ этомъ помогала мнѣ одна добрѣйшая нѣмка, съ которой я условилась, уѣзжая изъ Петербурга, что она будетъ ходить въ крѣпость въ мое отсутствiе, переодѣтая въ платье горничной. Такимъ образомъ она передавала мои записки и получала отъ Ивана Александровича для меня. Обыкновенно записки передавались чрезъ солдатъ, и за это имъ платили очень щедро.

Не могу не рассказать одного случая, который меня очень встревожилъ и поразилъ какъ черта характера русскаго солдата. Одна изъ записокъ попала въ руки большаго пьяницы. Я на другой же день узнала объ этомъ потому, что Иванъ Александровичъ спросилъ меня, получила ли я такую-то записку, и очень былъ встревоженъ, когда я отвѣчала, что — нѣтъ. Тогда онъ сообщилъ мнѣ примѣты солдата; я тотчасъ же догадалась который изъ нихъ, потому что всѣхъ ихъ знала въ лицо и хотя не говорила по русски, но отлично объяснялась съ ними знаками; они также всѣ знали меня. Солдатъ съ запиской пропалъ на цѣлую недѣлю и я очень обрадовалась, когда, наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, встрѣтила его на дворѣ крѣпости. Онъ, казалось, также очень былъ радъ меня видѣть и показывалъ мнѣ знаками, что ему нужно говорить со мною; я подошла къ нему и каково же было мое удивленiе, когда онъ вытащилъ записку изъ-за голенища своего сапога, объясняя, что онъ напился пьянъ, что его допрашивали о запискѣ и даже очень били, но что онъ не сознался въ томъ, что записка у него. Я была болѣе всего поражена, что онъ даже не уничтожилъ ее и возвратилъ мнѣ въ цѣлости.

Въ Москвѣ я пробыла только 8 дней, но Иванъ Александровичъ нашелъ, что это слишкомъ долго, и я получила отъ него письмо, гдѣ онъ торопилъ меня вернуться къ нему; онъ писалъ, что зима устанавливается, что ихъ навѣрно отправятъ въ Сибирь и что, такимъ образомъ, мы болѣе не увидимся. Тогда, не смотря

на всѣ задержки Анны Ивановны, я поторопилась выѣхать изъ Москвы. Какъ она ни сѣтовала на меня за это, но отпустила милостиво, дала въ этотъ разъ денегъ на дорогу, и предложила взять къ себѣ ребенка, котораго я оставила со старушкой Чагрантиѣ,—на что, конечно, я была рада согласиться. Такимъ образомъ моя старшая дочь, а ея внучка оставалась при ней до самой ея смерти. Но едва я пріѣхала въ Петербургъ, какъ, выходя изъ дилижанса, была страшно встревожена тѣмъ, что узнала отъ одного изъ прежнихъ слугъ Ивана Александровича. Этотъ преданный человѣкъ ожидалъ меня тутъ, чтобъ передать, что баринъ его едва не лишилъ себя жизни, думая, что я его совсѣмъ оставила; тогда я бросила всѣ вещи, которыя были со мною, на руки этому человѣку и, не заѣзжая на квартиру, поспѣвала въ крѣпость. Была уже ночь и человѣкъ старался удерживать меня и убѣдить, что такъ поздно мнѣ никуда нельзя будетъ пробраться, но я ничего не слушала и чрезъ нѣсколько минутъ была уже у Невы.

Это происходило въ декабрѣ мѣсяцѣ, 9 числа, 1826 года.

Въ это время мосты были всѣ разведены и по Невѣ шель страшный ледъ; иначе какъ на яликѣ невозможно было переѣхать на другую сторону. Теперь, когда я припоминаю все, что случилось въ ночь съ 9 на 10 декабря, мнѣ кажется, что все это происходило во снѣ. Когда я подошла къ рѣкѣ, то очень обрадовалась, увидавъ человѣка, привязывавшаго яликъ, и еще болѣе была рада узнать въ немъ того самаго яличника, который обыкновенно перевозилъ меня черезъ Неву. Въ такую пору, безспорно, не только было опасно пускаться въ путешествіе, но и безрасудно; между тѣмъ меня ничто не могло остановить; я чувствовала въ себѣ сверхъестественныя силы и необыкновенную готовность преодолѣть всевозможныя препятствія. Лодочникъ меня также узналъ и спросилъ, отчего не видалъ такъ долго? Я старалась ему дать понять, что мнѣ непременно нужно переѣхать на другую сторону. Онъ отвѣчалъ, что это положительно невозможно; но я не унывала, продолжала его упрашивать и, наконецъ, сунула ему въ руку 25 руб.; тогда онъ призадумался, а потомъ сталъ показывать мнѣ, чтобы я спустилась по веревкѣ, такъ какъ лѣстница была вся покрыта льдомъ. Когда онъ подалъ мнѣ веревку, я съ большимъ трудомъ могла привязать ее къ кольцу, до такой степени все

было обледенѣвши; но, одолѣвъ это препятствіе, мигомъ спустилась въ яликъ; потомъ только я замѣтила, что руки у меня были всѣ въ крови: я оборвала о ледяную веревку не только перчатки, но и всю кожу на ладоняхъ.

Право, не понимаю, какъ могли мы переѣхать тогда, пробираясь съ такою опасностью сквозь льдины!

Бѣдный лодочникъ крестился все время, повторяя: „Господи помилуй“, наконецъ, съ большимъ трудомъ мы достигли другаго берега; но когда я подошла къ вѣрнопостнымъ воротамъ, то встрѣтила опять препятствіе, которое, впрочемъ, ожидала; часовой не хотѣлъ пустить, потому что было уже 11 часовъ ночи. Я прибѣгла опять къ своему вѣрному средству,—сунула и ему денегъ. Ворота отворились, я быстро прошла до церкви, потомъ повернула на право къ зданію, гдѣ были офицерскія квартиры, пошла по лѣстницѣ, гдѣ было темно, хотъ глазъ выколи, перепугала множество голубей, которые тутъ свили свои гнѣзда, потомъ вошла въ комнату, гдѣ на полу спали солдаты. Я въ темнотѣ пробиралась, наступая безпрестанно имъ на ноги. Наконецъ, добралась до комнаты Виктора Васильевича. Это былъ одинъ изъ офицеровъ, котораго я знала болѣе другихъ, особенно жену его. У нихъ было еще темнѣе, но я такъ хорошо знала расположеніе ихъ комнаты, что ощупью дошла до кровати и разбудила жену Виктора Васильевича, говоря, что мнѣ необходимо видѣть его. Онъ тотчасъ же вскочилъ; я объявила, что хочу видѣть Ивана Александровича. Онъ отвѣчалъ, что никакъ нельзя, и началъ рассказывать, какъ Иванъ Александровичъ хотѣлъ повѣситься на полотенцѣ, но къ счастью полотенецъ оборвалось и его нашли на полу безъ чувствъ. На это я стала ему доказывать, что мнѣ тѣмъ болѣе необходимо видѣть Ивана Александровича. Викторъ Васильевичъ колебался, я взялась опять за кошелекъ, вынула 100 рублевую ассигнацію и показала ему. Тогда сонъ у него прошелъ, онъ сдѣлался сговорчивѣе и отправился за Иваномъ Александровичемъ, а я вышла на улицу и прижалась у какого-то зданія, близъ котораго проходилъ какой-то каналъ—это было довольно пустынное мѣсто, гдѣ почти не было проходящихъ. Вскорѣ Викторъ Васильевичъ привелъ узника. Мы горячо обнялись, но едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ Викторъ Васильевичъ началъ торопить насъ и

все время тащила Ивана Александровича за рукавъ. Чтобы выиграть еще хотя одну минуту, я сняла съ себя послѣднюю цѣпочку съ образомъ и отдала Виктору Васильевичу. Онъ немного подождать, потомъ опять началъ сердиться. Дѣлать было нечего — приходилось разстаться, я успѣла только передать Ивану Александровичу кольцо съ большимъ брилліантомъ, которое посылала ему мать, и сказала, что напишу все, что имѣю еще передать ему отъ нея. Мы простились—и надолго этотъ разъ. Иванъ Александровичъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вернулся, торопливо передалъ мнѣ кольцо, говоря, что отнимутъ, и прибавилъ, что ихъ, вѣроятно, скоро увезутъ въ Сибирь. Тогда я сняла съ своей руки другое маленькое кольцо, которое всегда носила и которое было составлено изъ двухъ очень тоненькихъ кольчиговъ; я раздѣлила ихъ, отдала ему одно, догоняя его, другое оставила у себя и сказала въ слѣдъ, что если не добьюсь позволенія ѣхать за нимъ въ Сибирь, то пришлю другую половину кольца. Все это было сдѣлано въ одну минуту. Вскорѣ вернулся ко мнѣ Викторъ Васильевичъ, котораго я просила проводить меня изъ крѣпости.

У меня была на всякій случай вторая квартира на Петербургской сторонѣ, и чтобы попасть въ нее, мнѣ приходилось выйти изъ крѣпости въ тѣ ворота, противъ которыхъ были поставлены нѣбогда, а именно въ ночь на 13-е іюля 1826 года, пять висѣлицъ, и всякій разъ, какъ мнѣ случалось проходить черезъ это мѣсто, мнѣ казалось, что пять несчастныхъ повѣшенныхъ идутъ передо мной. Не смотря на всю мою твердость, я никакъ не могла отдѣлаться отъ этихъ призраковъ. Викторъ Васильевичъ проводилъ меня и черезъ нѣсколько минутъ я была на квартирѣ, которая была въ двухъ шагахъ отъ крѣпости; но едва я взошла къ себѣ и присѣла къ столу, приготовившись писать, чтобы передать Ивану Александровичу все, что не успѣла сказать ему, какъ вдругъ страшный шумъ поразилъ меня: я услышала звонъ колокольчиковъ и свистъ ямщиковъ; не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета въ томъ, что такъ поразило меня, я упала на диванъ въ какомъ-то мучительномъ предчувствіи. Въ это самое время вбѣжала ко мнѣ жена Виктора Васильевича и старалась объяснить (она не говорила по французски), что Ивана Александровича увезли. Я не могла

прийти въ себя и думала, что она говорить, что скоро увезутъ его, но она въ отчаяніи повторяла, что уже увезли. Этой женщинѣ было предложено мною 2,000 рублей вознагражденія, если только она предупредитъ меня заранѣе, когда должны будутъ увезти Ивана Александровича; понятно, что, не успѣвъ этого сдѣлать, она приходила въ отчаяніе. Наконецъ, послѣ большихъ усилій я поняла, что она говорила мнѣ, и узнала отъ нея, что не успѣла я выйти изъ крѣпости, какъ пріѣхало нѣсколько повозокъ съ фельдъегеремъ и жандармами; потомъ вывели узниковъ, закованныхъ въ цѣпи, въ числѣ которыхъ былъ Иванъ Александровичъ, посадили ихъ въ повозки и помчались.

Это были первые изъ осужденныхъ второй категоріи декабристовъ, которыхъ увозили въ Сибирь. Ранѣе, до коронаціи, но тотчасъ послѣ сентенціи, въ іюлѣ 1826 года, было отправлено 8 человекъ: князь С. Н. Трубецкой, князь С. М. Волконскій, князь Евг. Петров. Оболенскій, Василій Львовичъ Давыдовъ, два брата Борисовыхъ, Артамонъ Муравьевъ и Якубовичъ. По первому зимнему пути были отправлены: Никита и Александръ Муравьевы, К. П. Торсонъ, морякъ, и Иванъ Александровичъ Анненковъ. Потомъ уже однихъ за другими отправляли и остальныхъ. Тогда носились слухи, что Муравьевыхъ и Анненкова не безъ причины поспѣшили отправить, а именно потому, что мать Муравьевыхъ, Екатерина Федоровна, которая безумно любила сыновей своихъ, потомъ жена одного изъ нихъ, Никиты, Александра Григорьевна, рожденная графиня Чернышева, и, наконецъ, я были самыя безпокойныя, самыя смѣлыя: мы всѣмъ изъ властей въ С.-Петербургѣ рѣшительно надоѣли и отъ насъ не знали, какъ отдѣлаться.

Когда я, наконецъ, сознала всю истину, слушая жену Виктора Васильевича, я потеряла голову и не могла положительно сообразить, что мнѣ дѣлать. Всего ужаснѣе была мысль, что могли увезти осужденныхъ не въ Сибирь, а въ одну изъ крѣпостей, и тамъ оставить ихъ, если не навсегда, то надолго. Я знала, что всего болѣе ихъ пугала возможность оставаться въ крѣпости и всѣ они смотрѣли какъ на большое облегченіе ихъ участи, если ихъ сошлютъ въ Сибирь. Сама я вполнѣ раздѣляла ихъ страхи и опасенія, и въ эту минуту сгорала желаніемъ и нетерпѣніемъ узнать—куда ихъ увезли?

Тогда я вспомнила, что Николай Николаевич Анненковъ, котораго раньше не было въ Петербургѣ, долженъ былъ вернуться въ это время ¹⁾. Онъ былъ адъютантомъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Я послала за извозчикомъ и приказала везти себя во дворецъ. Приходилось сдѣлать большой объѣздъ, чтобы переѣхать Неву въ томъ мѣстѣ, гдѣ уже всталъ ледъ; это, кажется, было около Смольнаго. Хозяйка квартиры уговаривала меня подождать до утра и убѣждала, что мнѣ необходимо одѣться, но я отвѣчала, что она съ ума сошла, что я одѣта очень хорошо, позабывъ совершенно и не сознавая, что на мнѣ былъ надѣтъ старый халатъ Ивана Александровича, который я очень любила, но въ которомъ, конечно, невозможно было показаться во дворецъ. Хозяйка, испугавшись, видя меня въ такомъ состояніи, болѣе не противорѣчила, и черезъ часъ (то было еще раннее утро, часовъ 8) я была во дворцѣ великаго князя. Тамъ въ мужскомъ халатѣ воѣжала я въ ярко-освѣщенный залъ, гдѣ въ то время находился Николай Николаевичъ Анненковъ и множество военныхъ; онъ бросился ко мнѣ на встрѣчу, обнялъ и увлекъ въ другую комнату, стараясь успокоить. Я умоляла сказать—буда могли увести Ивана Александровича, въ Сибирь или въ крѣпость? Онъ увѣрялъ, что не знаетъ, но далъ слово извѣстить меня, и дѣйствительно черезъ часъ, не позже, послѣ того какъ я уѣхала отъ него, далъ знать, что увезли въ Сибирь.

Я осталась глубоко благодарна Николаю Николаевичу за участіе, которое онъ оказалъ мнѣ въ эту ужасную для меня минуту.

Отъ него я поѣхала въ Титову, и какъ только получила извѣстіе, что Иванъ Александровичъ отправленъ въ Сибирь, такъ просила Титова послать за лошадьми и мы тотчасъ же поскакали съ нимъ на первую станцію, но, какъ и надо было ожидать, никого уже тамъ не застали. Титовъ спросилъ почтовую книгу, тамъ была записана только фамилія фельдъегеря Желдыбина и города: Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ.

Фельдъегерь Желдыбинъ былъ ужасный человекъ: онъ обходился жестоко съ тѣми, кого везъ, не давалъ имъ ни ѣсть, ни отдохнуть, билъ ямщиковъ и загонялъ нѣсколько лошадей. И

¹⁾ Это отецъ М. Н. Анненкова, извѣстнаго энергическаго строителя желѣзныхъ дорогъ и дѣятеля въ Средней Азіи. Ред.

все это для того, чтобы успѣть доскакать съ одними до мѣста назначенія, кажется, до Иркутска¹⁾ и вернуться за другими: такъ соблазнительны были для этого изверга прогоны и разныя сбереженія отъ сданныхъ на его руки арестантовъ. Какъ ни былъ смѣль его расчетъ, однако-же, удался.

Позднѣ Иванъ Ивановичъ Пуцинъ (лиценстъ по воспитанію, другъ А. С. Пушкина) былъ отправленъ съ этимъ самымъ фельдъегеремъ.

Мало, что этотъ звѣръ Желдыбинъ заставлялъ безпощадно мчаться первыя жертвы свои, но онъ еще чуть не заморозилъ всѣхъ. Никто изъ нихъ не имѣлъ шубы, Иванъ Александровичъ былъ въ офицерской шинели, между тѣмъ морозы стояли жестокіе, и у него руки, и особенно ноги, закованныя въ желѣзо, распухли страшнымъ образомъ. А главное—съ нимъ не было денегъ, такъ что на одной изъ станцій онъ отдалъ свой носовой платокъ женщинѣ, которая накормила его. Впрочемъ, Муравьевымъ, которыхъ ждали на первой станціи мать ихъ, Екатерина Федоровна, и жена Никиты, Александра Григорьевна, было передано много денегъ и они при первой возможности, когда только можно было запасться теплымъ платьемъ и всѣмъ необходимымъ, дѣлились съ своими товарищами. Екатерина Федоровна задарила также и Желдыбина, но и это не помогло: онъ до самаго Томска мчался, не обращая вниманія на то, что его упрашивали остановиться гдѣ нибудь, чтобы купить еще теплаго платья; только въ Томскѣ удалось имъ это сдѣлать. Тутъ былъ Степанъ Михайловичъ Семеновъ, участвовавшій также въ ихъ обществѣ, но переведенный въ Томскъ на службу. Семеновъ купилъ имъ сибирскія шубы, дохи. Тутъ ихъ и накормили очень хорошо, и надѣлили запасами провизіи на дорогу.

¹⁾ Расстояніе отъ Петербурга до Иркутска 6,000 верстъ.

VIII.

Вернувшись домой, послѣ напрасной поѣздки на станцію, я тотчасъ же взяла билетъ въ дилижансѣ и на другой день выѣхала. Передъ отъѣздомъ, однакожь, успѣла получить, чрезъ одного изъ солдатъ въ крѣпости, записку отъ Ивана Александровича, въ которой было сказано: „se rejoindre ou mourir!“.

Въ дилижансѣ со мною ѣхали: полковникъ Глазенапъ и кавалергардскій офицеръ; они говорили по французски и все время о томъ, что происходило 14-го декабря. Я съ любопытствомъ слушала ихъ; полковникъ спросилъ, много-ли было замѣшанныхъ въ этой исторіи? Кавалергардъ отвѣчалъ, что довольно, но что болѣе всего они сожалѣютъ объ Анненковѣ, котораго очень любили въ полку. При этомъ я не могла выдержать болѣе и зарыдала. Это ихъ очень удивило и заинтересовало, какъ видно, потому что, когда мы встрѣтились на слѣдующей станціи съ знакомыми мнѣ французами, они тотчасъ же спросили ихъ, кто я такая; послѣ этого были очень любезны со мною и предупредительны; на одной изъ станцій, гдѣ былъ большой залъ, кавалергардъ сказалъ мнѣ, что тутъ недавно Анненковъ давалъ имъ великолѣпный обѣдъ, гдѣ много было выпито шампанскаго.

Вернувшись въ Москву, я прямо поѣхала въ домъ Анны Ивановны Анненковой. Она уже знала, что сынъ ея отправленъ въ Сибирь,—казалась опечаленною, даже плакала, но не предавалась горю. Напротивъ, еще утѣшала меня и всячески старалась разсвѣять мои мрачныя мысли; но, не смотря на всѣ ея старанія, я ни на минуту не могла забыть, что Ивана Александровича везутъ закованнаго въ Сибирь. Въ это время воображеніе мое слѣдовало за нимъ и рисовало самыя ужасныя картины. Я впала въ болѣзненное состояніе, лишилась совершенно сна и аппетита; у меня оставалось только одно желаніе, одна мысль, на которой я вся и сосредоточилась—это ѣхать въ Сибирь во что бы то ни стало; а Анна Ивановна все меня отговаривала: то пугала Сибирью, представляя всѣ ужасы страны дикой, холодной, увѣряя, что я не въ состояніи буду ни преодолѣть всѣ трудности такого

дальняго путешествія, ни вынести всёхъ лишеній, какія меня тамъ ожидаютъ; то утѣшала меня тѣмъ, что сынъ ея не можетъ долго оставаться въ ссылке, и увѣряла, что онъ долженъ возвратиться не позднѣе, какъ черезъ два года. Тогда всё родственники сосланныхъ питали надежду, что ссылка не будетъ продолжительна; известно уже, какъ они ошиблись: декабристы пробыли въ Сибири тридцать лѣтъ, вплоть до восшествія на престолъ незабвеннаго Александра II-го - Освободителя.

Хотя я невольно поддавалась увѣреніямъ какъ Анны Ивановны, такъ и многихъ другихъ, что Иванъ Александровичъ пробудетъ въ ссылке не болѣе двухъ лѣтъ, однако-жъ, рѣшила все-таки ѣхать въ Сибирь и обратилась къ Шульгину, московскому оберъ-полиціймейстеру, который бывалъ часто у Анны Ивановны, съ просьбою выдать мнѣ паспортъ.

На мои разспросы какъ ѣхать и могу ли я это сдѣлать безпрепятственно, Шульгинъ отвѣчалъ, что, конечно, задерживать меня никто не имѣетъ права, и что до Иркутска я навѣрное доѣду свободно, но что онъ не ручается—пустить ли меня далѣе. Тогда я рѣшила добраться хотя-бы до Иркутска, и тамъ до времени оставаться. Конечно, я не могла себѣ представить—какое разстояніе отдѣляло бы меня еще отъ Ивана Александровича, и воображала, что такимъ образомъ я, во всякомъ случаѣ, буду къ нему ближе. Шульгинъ былъ такъ любезенъ, что черезъ нѣсколько дней привезъ мнѣ паспортъ, но вскорѣ явился за нимъ и просилъ возвратить ему, говоря, что было получено изъ Петербурга приказаніе не пускать меня въ Сибирь. Приказъ былъ присланъ изъ Собственной Его Величества канцеляріи, что заставляло думать, что тутъ былъ сдѣланъ какой-нибудь доносъ. Когда Шульгинъ остановилъ меня, я уже успѣла все приготовить къ отъѣзду и даже экипажъ былъ купленъ, но препятствіе являлось непреодолимымъ и приходилось уступить необходимости.

Горе и отчаяніе овладѣли мною. Я не въ силахъ была болѣе владѣть собою и слегла въ постель: отъ сильной потери крови сдѣлался такой упадокъ силъ, что я не могла подняться съ постели безъ того, чтобы не упасть въ обморокъ, пока, наконецъ, молодость и громадный запасъ здоровья не взяли верхъ. Болѣзнь уступила леченію и я стала поправляться, хотя очень медленно; какъ только я почувствовала, что силы возвращаются, такъ сейчасъ

же стала придумывать какъ устроить свои дѣла. Мысль ѣхать въ Сибирь не оставляла меня, это сдѣлалось положительно моею *idée fixe*, но послѣ явившагося препятствія мнѣ невозможно было двинуться иначе, какъ выхлопотавъ высочайшее разрѣшеніе на поѣздку въ Сибирь. Я сознавала, что для этого было только одно средство, обратиться къ милости самого государя, но въ то-же время знала, что очень трудно, почти невозможно дойти до него. Въ то время всѣ боялись напомнить императору Николаю Павловичу, чѣмъ бы то ни было, о декабрьской исторіи и о тѣхъ, кто участвовалъ въ ней.

Положеніе мое въ эту минуту было невыносимое; я удивлялась тогда и позднѣе мнѣ нѣсколько разъ приходилось задумываться надъ тѣмъ, зачѣмъ и для чего люди такъ много другъ другу дѣлаютъ зла? Какъ объяснить, что заставляло всѣхъ въ то время такъ сильно возставать противъ моего желанія, въ сущности очень естественнаго и никому рѣшительно не приносившаго ни малѣйшаго ущерба ни въ чемъ—ѣхать въ Сибирь. Я еще понимала, что тѣ, которые имѣли право унаслѣдовать состояніе Ивана Александровича Анненкова, послѣ того, какъ онъ считался политически умершимъ, могли желать, чтобъ я не слѣдовала за нимъ, но надо отдать имъ справедливость, что они никогда не возставали противъ моихъ намѣреній пріѣхать къ нему въ Сибирь. Впрочемъ, надо объяснить, что здѣсь я говорю о наслѣдникахъ со стороны Анненковыхъ, тѣхъ именно, которые имѣли право на состояніе послѣ отца Ивана Александровича. Другое дѣло тѣ, которые могли претендовать на состояніе Якобьевское; т. е. со стороны его матери. Отъ этихъ лицъ я встрѣтила бездну непріятностей, и въ особенности отъ всѣхъ жившихъ тогда въ домѣ Анны Ивановны. Послѣдніе положительно интриговали противъ меня и старались запугать, увѣряя, что не только меня не пустятъ въ Сибирь, но что если я буду хлопотать объ этомъ, то прикажутъ выслать за границу. Признаюсь, что болѣе всего я боялась послѣдняго, потому что такая мѣра должна была разлучить меня на вѣкъ съ тѣмъ, кого я такъ глубоко любила. Что заставляло меня болѣе всего страдать, такъ именно то, что сама мать любимаго мною человѣка возставала противъ моего желанія слѣдовать за ея сыномъ въ Сибирь.

— „Зачѣмъ хотите вы ѣхать,—говорила она мнѣ,—сынъ мой молодъ, здоровъ и легко перенесетъ свою ссылку; повѣрьте, вы гораздо болѣе принесете пользы и ему самому, если останетесь со мною; вы мнѣ еще нужнѣе, чѣмъ сыну, иначе вы меня бросите совершенно одну: нѣтъ ни одной души, изъ всѣхъ окружающихъ меня, которая была бы ко мнѣ привязана. Когда вы уѣдете, они отравятъ меня“.

И еще много подобнаго говорила старуха, въ которой эгоизмъ заглушалъ голосъ матери. Впрочемъ, была доля справедливости въ ея эгоистическихъ желаніяхъ; послѣ ссылки сына и моего отъѣзда раззореніе ея пошло быстрыми шагами, благодаря окружавшимъ; но что я могла сдѣлать, чтобы спасти ее? Молодая, неопытная, не имѣя никакого понятія о русскихъ законахъ, развѣ я могла остановить ея раззореніе? Наконецъ, я не въ состояніи была принести чувство, которое питала къ ея несчастному сыну, въ жертву какимъ бы то ни было расчетамъ. Я думала только о томъ, что будетъ съ Иваномъ Александровичемъ, если я его оставлю.

Въ это время я узнала, что Наталья Дмитриевна фонъ-Визина (жена генераль-маіора Михаила Александровича фонъ-Визина, сосланнаго по дѣлу 14-го декабря) собирается ѣхать въ Сибирь къ своему мужу; тогда я рѣшилась идти къ ней и просила дать совѣтъ, какъ дѣйствовать; она находила, что самое будетъ лучше обратиться къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ; но мнѣ казалось, что лучше идти прямо къ государю. Какой-то тайный, непонятный для меня самой, голосъ руководилъ мною въ эту минуту, — и я рѣшила идти, броситься къ ногамъ того, предъ которымъ въ то время всѣ трепетали.

Однако-жъ, послѣ моего свиданія съ фонъ-Визиной я провела еще почти шесть мѣсяцевъ въ страшныхъ колебаніяхъ, все не зная на что мнѣ рѣшиться. Время шло невыносимо медленно.

Я забыла сказать раньше, что когда Иванъ Александровичъ былъ арестованъ въ дек. 1825 г., то при немъ находились тѣ ломбардные билеты, которые онъ взялъ съ собою, когда мы разставались съ нимъ въ Москвѣ. Билетовъ было на 60 тысячъ и они были отобраны, съ прочимъ имуществомъ его. Все это хранилось въ собственной его величества канцеляріи. Я знала, что Иванъ Александровичъ нѣсколько разъ просилъ графа Бенкендорфа, чтобы билеты

эти были переданы мнѣ; просилъ и барона Фитингофа, бывшаго его эскадроннаго командира, который бывалъ у него въ крѣпости, чтобъ онъ похлопоталъ объ этомъ. Потомъ Фитингофъ даже предлагалъ мнѣ свои услуги и хотѣлъ просить государя, приказать положить эти деньги въ банкъ на мое имя; но я отказалась отъ предложенія Фитингофа, говоря, что у меня будетъ въ государю гораздо важнѣе просьба, что я буду просить разрѣшенія императора ѣхать въ Сибирь, и потому ни о чемъ другомъ не хочу хлопотать, боясь возбудить противъ себя неудовольствіе, а можетъ быть и гнѣвъ государя. Между тѣмъ Анна Ивановна писала государю и просила его дозволенія на передачу 60 тысячъ въ ея руки. Государь отвѣчалъ: „si elle a droit à cet argent, qu'elle aille par distance“. Тогда родственники заявили свои права, и деньги были переданы имъ. Дальше я расскажу въ свое время, какъ милостію государя деньги эти были переведены на мое имя и на проценты съ этого капитала мы и жили все время въ Сибири.

Анна Ивановна объясняла мнѣ свои хлопоты о 60 тысячахъ рублей тѣмъ, что она желала этими деньгами заплатить $\%$, накопившіеся на одномъ изъ ея имѣній, потомъ продать его и вырученныя деньги положить на мое имя. Но она умерла, не сдѣлавъ никакихъ рѣшительно распоряженій ни въ пользу сына, ни въ мою. Впрочемъ, когда спросили ея согласіе на то, чтобы 60 тысячъ были переведены на мое имя, она не замедлила отвѣтить утвердительно.

Когда я жила у нея, въ 1827-мъ году, она болѣе всего хлопотала, чтобы меня разсѣять и развлечь; понятно, что для меня положительно никакое развлеченіе не было возможно; я старалась убѣдить въ этомъ Анну Ивановну и хлопотала отклонить ее отъ непонятнаго желанія устроить балъ, въ то время, какъ мы не имѣли даже извѣстій о ея сынѣ. Мнѣ казалось это чудовищнымъ. На время о балѣ замолчали и пріостановили приготовленія, но потомъ Анна Ивановна объявила, что балъ будетъ непременно и назначила его 6-го января 1827 года. Мало того, она пожелала, чтобы балъ былъ костюмированный, и приказала всѣмъ, жившимъ у нея въ домѣ, готовить себѣ костюмы.

Я уже говорила, что домъ Анны Ивановны былъ наполненъ разными приживалками при ней, а также близкими и дальними родственницами. Между ними было много молодыхъ и хорошенькихъ

дѣвушекъ; онѣ, конечно, были рады и потанцовать, и нарядиться. Все оживилось снова, начались приготовления, болѣе всего хлопотали выборомъ костюмовъ. Анна Ивановна приказала подать себѣ книги съ рисунками изъ разныхъ оперъ и балетовъ, сама пересматривала ихъ, выбирала костюмы, давала совѣты, но потомъ вдругъ отсылала книги, надувалась и не говорила со мною. Я никакъ не могла понять, что съ нею дѣлалось, и въ душѣ своей думала, что она занимается всѣмъ этимъ только для того, чтобы заглушить тоску по сынѣ, но что мысли ея также, какъ и мои, уносятся далеко; къ сожалѣнію, я ошибалась. Тѣ, которые знали ее лучше, чѣмъ я, наконецъ, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло: „Madame se fâche, parce que vous ne choisissez pas de costume; vous voyez donc, que c'est pour vous qu'elle fait le bal“. Нечего было дѣлать, — я, скрѣпя сердце, наконецъ, сказала, что наряжусь, какъ только ей будетъ угодно; тогда она повеселѣла, приказала снова принести книги и выбрала для меня костюмъ изъ оперы: „La lampe merveilleuse“. Костюмъ былъ дѣйствительно великолѣпный и очень дорогой, но это не смущало Анну Ивановну, въ ея кладовыхъ находилось все, что было нужно и для этого и для всѣхъ остальныхъ костюмовъ; даже были такія вещи, какихъ нельзя было найти въ то время въ магазинахъ. Мнѣ надѣли на голову кружевной вуаль, который стоилъ 14 тысячъ франковъ. Въ день бала тоска душила меня; я не могла видѣть всего, что дѣлалось, и безпрестанно обливалась слезами; танцовать, понятно, я не была въ состояніи; тогда Анна Ивановна надулась и не говорила со мною весь вечеръ. Подъ конецъ бала я сдѣлала туръ вальса и подошла къ ней спросить довольна ли она мною, она отвѣчала: „non, madame, très mécontente, je vous avais prié et je desirais, que vous dansiez toute la soirée“; этого было слишкомъ, я убѣжала въ свою комнату и залилась слезами. Послѣ бала она нѣсколько времени не говорила со мною, потомъ понемногу успокоилась и снова начала ласкать меня.

Однажды, когда на мнѣ было темное бархатное платье (къ ней всегда надо было являться разодѣтою, какъ на балѣ), она нашла, что цвѣтъ платья очень шелъ ко мнѣ, позвала свою Надежду, у которой хранились ея всѣ драгоценности, приказала принести одну изъ шкатулокъ съ брилліан-

тами, и надѣла на меня не менѣе какъ тысячъ на 100 вещей; это былъ цѣлый паркуръ изъ великолѣпныхъ каме, обложенныхъ крупными брилліантами, даже кушакъ былъ такой же. Позднѣе, когда я рассказывала Ивану Александровичу объ этой забавѣ его матери, у насъ съ нимъ уже ничего не было. Мы жили тогда въ Читѣ, около Нерчинска, и нуждались во всемъ. Онъ мнѣ сказалъ шутя:

— „Tu as eu tort de ne pas lui faire ta révérence et de ne pas t'en aller avec tous ces diamants“.

Между тѣмъ мысль ѣхать въ Сибирь не покидала меня; наступала весна; наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ узнала я, что императоръ Николай Павловичъ собирается въ Вязьму, гдѣ готовились большіе маневры; мнѣ внезапно пришла мысль скакать туда, чтобъ подать просьбу государю.

Въ Петербургѣ въ то время подойти къ государю было немислимо и я разсудила, что въ Вязьмѣ онъ будетъ доступнѣе, и не ошиблась.

Мнѣ удалось тогда сдѣлать такое дѣло, которое всѣ считали невозможнымъ; но въ этомъ, конечно, я вижу волю Провидѣнія; оно мною и руководило всегда. Когда я сказала Аннѣ Ивановнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Вязьму, она еще съ бѣльшей настойчивостью стала удерживать меня, и чтобъ поколебать, не щадила ничего; наконецъ, сказала:

— «Vous ne connaissez pas encore mon fils, madame, il est soupçonneux, vous imaginez d'aller où il y a 70 m. hommes, mais il doutera de vous».

Эти слова привели меня въ такое отчаяніе, что я убѣжала въ свою комнату и машинально, не зная, что дѣлать, чѣмъ успокоить себя, раскрыла книгу, которая лежала на столѣ, это было „Imitation de Jésus Christ“, и прочла не помню что именно, но смыслъ былъ такой: persévère et tu réussiras. Меня такъ это убѣдило, что я позвала челоуѣка и приказала идти за подорожной въ Вязьму. Между тѣмъ я послала также за однимъ французомъ (M-r le Fevre) и просила его написать мнѣ просьбу на имя государя, что онъ и сдѣлалъ тотчасъ съ большою любезностію, и, отдавая, сказалъ:

— „J'étais dans la diligence avec Charlotte Cordée, quant elle est venu à Paris pour assassiner Marat“.

Я отвѣчала ему, смѣясь, что ѣду въ Вязьму вовсе не съ этимъ намѣреніемъ.

На другой же день, а именно 12-го мая 1827 года, я выѣхала изъ Москвы.

IX.

15-го мая 1827 года я была уже въ Вязьмѣ, не смотря на то, что лошадей было очень трудно доставать, но деньги вездѣ помогаютъ; я платила сверхъ прогоновъ и давала щедро на чай. Такимъ образомъ перегоняла безпрестанно полковниковъ и генераловъ, которые скакали также въ Вязьму.

Подѣхавъ къ самой Вязьмѣ, я вообразила, не знаю почему, что меня не пропустятъ, и отъ страха и волненія у меня такъ сильно билось сердце, что темнѣло въ глазахъ, но плагбаумъ подняли и я вздохнула свободнѣе. Въ Вязьмѣ я знала, что была гостинница, которую содержалъ французъ, и велѣла везти себя прямо туда, но въ гостинницѣ было такое множество военныхъ и положительно ни одной женщины, что непріятно было оставаться тамъ. Тогда знакомый мой французъ предложилъ мнѣ отдѣльную квартиру, приготовленную имъ для французскаго консула Веера (Weuer), который почему-то не приѣхалъ, и квартира оставалась свободною. Не смотря на то, что она была страшно дорога и условія были такія, что пробыть день или мѣсяць все равно надо было заплатить 400 руб., я всетаки согласилась взять ее, тѣмъ болѣе, что квартира эта была въ двухъ шагахъ отъ дворца и рядомъ съ тѣмъ домомъ, гдѣ помѣщался великій князь Михаилъ Павловичъ.

Какъ только я немного устроилась въ своей квартирѣ, такъ сейчасъ же послала за М-г Ралуе, французъ, котораго я также знала, когда еще раньше жила въ Москвѣ; онъ не замедлил явиться, сообщилъ все, что дѣлалось въ это время въ Вязьмѣ, и сказалъ, что М-г Muller уже тутъ. Государь долженъ былъ приѣхать на другой день. Мюллеръ былъ *maitre d'hôtel* при покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ и въ то время находился при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Съ нимъ я

встрѣчалась по приѣздѣ въ Москву на балахъ, которые давали тогда французы, и просила Raue привести мнѣ его непременно. Raue былъ прелестный старикъ, чрезвычайно обязательный, вѣжливый до тонкости, настоящій французъ старыхъ временъ. Въ немъ я нашла большую нравственную поддержку—онъ былъ для меня самымъ нѣжнымъ отцомъ въ тѣ ужасныя минуты, которыя пришлось мнѣ пережить въ Вязьмѣ. Нелегко было рѣшиться въ то время подойти къ государю Николаю Павловичу съ такою просьбою, какова была моя. Къ тому-же я была такъ изнурена отъ душевной тревоги, что едва держалась на ногахъ. Raue не оставлялъ меня ни на минуту, и только опираясь на его руку, я была въ состоянii двигаться. Онъ привелъ мнѣ и Мюллера. Тотъ изумился, когда увидаль меня,—такъ я въ то время измѣнилась; онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ я была та самая, которую онъ когда-то встрѣчалъ на балахъ. Я просила Мюллера посоветовать мнѣ какъ и когда будетъ удобнѣе подать просьбу государю. Онъ отвѣчалъ, что дастъ мнѣ отвѣтъ черезъ полчаса, и дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, какъ вышелъ отъ меня, вернулся и сказалъ, что я должна непременно прежде всего обратиться къ князю Алексѣю Лобанову-Ростовскому, такъ какъ онъ болѣе всѣхъ любимъ государемъ. Тогда, поблагодаривъ Мюллера, мы тотчасъ-же съ Raue отправились розыскивать вн. Лобанова. Но очень было трудно застать князя дома. Въ первый разъ, когда мы съ Палю подошли къ дому, гдѣ онъ остановился, намъ сказали, что онъ на маневрахъ; темного погода, когда мы вернулись, отвѣчали, что онъ обѣдаетъ у государя; такимъ образомъ мы въ этотъ вечеръ подходили семь разъ къ его квартирѣ, и только въ восьмой разъ застали его, наконецъ, у подѣзда, разговаривавшаго съ крестьянами. Когда онъ кончилъ, я подошла; онъ просилъ подождать немного и ушелъ къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ насъ позвали и князь вышелъ въ мундирѣ, тогда какъ раньше былъ въ военномъ скюртугѣ. На его вопросъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ, я отвѣчала:

— Mon prince, on m'a dit, que c'est à vous, que je devais m'adresser, pour savoir comment présenter une supplique à Sa Majesté l'empereur.

— De quoi s'agit-il, madame?

— Veuillez prendre connaissance de ma supplique, mon prince.

Онъ пробѣжалъ просьбу, но не совсѣмъ понявъ смыслъ ея, обратился ко мнѣ съ словами:

— Mais les autres dames ont reçu la permission, madame, de suivre leurs maris.

— Oui, mon prince, mais elles sont leurs femmes légitimes, et moi, je n'ai pas droit à ce titre, je n'ai pour recommandation que l'amour, que je porte à m-r Annenkoff, et c'est un sentiment du quel on doute toujours.

— Mais, madame, vous me ferez croire à l'avenir.

Потомъ прибавилъ онъ:

— Du reste, madame, ces messieurs dans votre pays auraient été condamnés à mort?

— Oui mon prince, mais ils auraient eu des avocats pour les défendre.

Тогда князь Лобановъ-Ростовскій посмотрѣлъ на меня выразительно; у него были прекрасные черные глаза; онъ не прерывалъ меня, я хотѣла продолжать и высказать, что во Франціи Иванъ Александровичъ не былъ бы осужденъ такъ строго, потому что не былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ и 14 декабря находился въ своемъ полку, который не возмущался, но въ это время вошелъ въ комнату графъ Строгоновъ, тоже флигель-адъютантъ; тогда я поклонилась Лобанову, а онъ сказалъ, чтобъ я оставила ему просьбу. Мы съ Раице вышли, но едва отошли отъ квартиры князя, какъ услышали за собою торопливые шаги и, обернувшись, увидѣли князя Лобанова, который, казалось, догонялъ насъ, и дѣйствительно, онъ отдалъ мнѣ просьбу, говоря, чтобъ я прибавила на ней—въ собственныя руки его величества, и прибавилъ, чтобъ на другой день я была бы непременно съ просьбою у подъезда дворца въ то время, какъ государь будетъ садиться въ коляску; наконецъ, посоветовалъ написать также великому князю Михаилу Павловичу и просить его ходатайствовать за меня. Мы съ Палю поспѣшили вернуться домой и принялись немедленно сочинять письмо къ великому князю, вотъ оно:

Monseigneur! L'éloge brillant de vos bienfaits, qui retentit encore dans ma patrie, m'en hardit aujourd'hui d'implorer le secours de votre altesse impériale. Je vous supplie à genoux d'interséder pour moi auprès de sa majesté impériale pour la demande, que j'ai faite par une supplique, qui sera présentée à sa majesté, par laquelle je demande à suivre en exil un crimine

d'Etat et de pouvoir, en l'épousant, unir mon sort au sien, afin de ne plus le quitter.

J'aime a me flatter, monseigneur, que vous n'abandonnez pas une mère affigée, qui depuis dix neuf mois n'a pu trouver un instant de repos, et qui n'a d'autre espérance, que dans la clémence de sa majesté et dans l'extrême bonté de votre altesse impériale.

Je renonce à ma patrie et remplirai pieusement tout ce que les lois me prescriront. Annenkoff m'avait promis l'hymenée. N'ayant pu accomplir sa promesse, je ne doute pas cependant, qu'il ne persiste dans le même sentiment. Sa majesté n'a qu'à l'ordonner, j'attendrais avec la plus grande resignation.

Veuillez, monseigneur, excusez la liberté de votre très humble suppliante et y jeter un oeil de compassion sur sa demande.

Je suis de votre altesse impériale la très respectueuse et très dévouée servante.

Письмо это было мною отправлено съ человѣкомъ къ Николаю Николаевичу Анненкову, адъютанту великаго князя, съ просьбою передать его высочеству; что Николай Николаевичъ и не замедлилъ сдѣлать, какъ пришелъ мнѣ сказать человѣкъ, котораго я посылала. Въ это время я подошла къ окну и увидала, что великій князь садился въ коляску съ Лобановымъ, чтобъ ѣхать къ государю; кн. Лобановъ говорилъ что то съ оживленіемъ, а великій князь, казалось, внимательно слушалъ его. У меня нервы такъ были разстроены и напряжены, что мнѣ показалось, что они говорятъ обо мнѣ; эта мысль такъ меня встревожила, что я вскрикнула вслухъ, не смотря на то, что была одна въ комнатѣ:—C'est de moi, qu' ils parlent! Человѣкъ прибѣжалъ на мой крикъ и спрашивалъ, что со мною, но я сама не знала, что со мною дѣлается. Черезъ часъ Палю пришелъ за мною и мы пошли съ нимъ въ дворецъ, пріискивать мѣсто, гдѣ встать, такъ какъ на другой день я должна была подать просьбу государю. Предъ дворцомъ была такая толпа, что мы съ трудомъ могли пробраться къ подъѣзду. Едва остановились мы, какъ я увидѣла на балконѣ Лобанова съ великимъ княземъ; на этотъ разъ я не ошиблась, что Лобановъ говорилъ обо мнѣ, потому что онъ съ балкона показывалъ на насъ. Услышавъ въ то же время за собой какой то шумъ, я обернулась и увидала верхомъ жандармскаго генерала; это былъ графъ Бенкендорфъ, онъ горячился и, опять таки указывая на насъ, подзывалъ къ себѣ квартальнаго, который тотчасъ же подошелъ. Въ эту минуту я жестоко струсила; мнѣ представилось, что меня приказываютъ схватить и отправить за границу; я до такой

степени растерялась, что совершенно бессознательно сняла съ себя часы, деньги и отдала все это человѣку моему, который очутился тутъ, слѣдуя за нами, конечно, изъ любопытства. Между тѣмъ квартальный подошелъ къ Палю, спросилъ какъ его зовутъ, жена ли я его? Палю отвѣчалъ, что нѣтъ; „дочь“ — нѣтъ; я стояла чуть жива, и дрожала какъ листъ въ полной увѣренности, что меня сейчасъ же схватятъ. Но въ это время подоспѣлъ мнѣ на помощь князь Лобановъ-Ростовскій. Сопедши съ балкона, онъ подошелъ ко мнѣ съ словами, которыя въ эту минуту были какъ нельзя болѣе кстати, потому что иначе, мнѣ кажется, я бы отъ страха и отчаянія лишилась разсудка, если бъ этотъ страхъ не разсѣялся тотчасъ же. Лобановъ говорилъ, что моя просьба уже известна великому князю, что его высочество будетъ ходатайствовать за меня предъ государемъ, и что я могу надѣяться на успѣхъ. Когда подошелъ къ намъ князь Лобановъ, квартальный тотчасъ же исчезъ, чему я болѣе всего была рада.

Все таки я вернулась домой совершенно разбитая и утомленная. Ночь я провела въ ужасныхъ мученіяхъ, то терзаемая сомнѣніями, то поддерживаемая надеждою; къ утру только, часовъ въ 5, я начала было засыпать, какъ вдругъ меня разбудилъ страшный шумъ барабановъ; я вскочила, стала прислушиваться, и была очень удивлена тѣмъ, что шумъ этотъ происходилъ въ комнатѣ великаго князя, а такъ какъ мою квартиру отдѣляла только одна стѣна отъ помѣщенія великаго князя Михаила Павловича, то понятно, что я не могла спать подъ этотъ шумъ.

Великій князь училъ барабанщиковъ выбивать бой. Я встала и подошла къ окну, чтобъ освѣжить себя утреннимъ воздухомъ. Тутъ поразила меня сцена, которая, какъ иностранку, меня очень заняла: у подъѣзда великаго князя стоялъ солдатъ, очень красивый мужчина, большаго роста, зятанутый въ мундиръ, и такой прямой, что походилъ на деревяннаго; около него суетился офицеръ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, обмахивалъ своимъ батистовымъ платкомъ пыль съ мундира и даже съ сапогъ; я догадалась, что они должны были представляться великому князю. Когда все затихло, я снова предалась своимъ думамъ и ожиданіямъ.

Наступающій день былъ самымъ рѣшительнымъ для меня въ жизни.

Я должна была быть у дворца съ моею просьбою къ 10-ти часамъ; когда пришелъ за мною Палю, я давно уже была одѣта и ждала его. На мнѣ было бѣлое простое платьѣ, шляпка съ огромными полями, какъ тогда носили, и черная турецкая шаль.

У дворца опять была толпа.

Мы съ Палю встали какъ можно ближе къ подъѣзду. Мой старикъ тоже принарядился; одѣтый въ черный фракъ, съ шляпою въ рукахъ, съ его сѣдыми, густыми волосами, зачесанными назадъ, онъ былъ очень представительнъ. Князь Лобановъ предупредилъ меня, что бой барабановъ долженъ будетъ возвѣстить выходъ государя. Къ 11-ти часамъ барабаны забили и на лѣстницѣ дворца показался императоръ Николай Павловичъ въ сопровожденіи цѣлой толпы генераловъ и адъютантовъ; я была снова поражена гробовымъ молчаніемъ, которое царствовало въ толпѣ, и подумала, что у насъ во Франціи бываетъ не такъ. За государемъ слѣдовалъ князь Лобановъ; онъ оглянулся въ ту сторону, гдѣ мы стояли съ Палю, и отъ моего напряженнаго вниманія не ускользнуло, что онъ что-то сказалъ государю. Въ эту минуту я чувствовала, что силы оставляютъ меня, ноги дрожали, и немудрено: съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхала изъ Москвы, я ни разу не сѣла за столъ, чтобы съѣсть хотя бы ложку бульона, и питалась одной сахарной водой. М-г Мюллеръ присылалъ мнѣ каждый день цѣлый обѣдъ изъ дворца, но я ни до чего не дотрогивалась и отдавала все человѣку. Упоминаю объ обѣдахъ, потому что это дало поводъ ко многимъ толкамъ. Я такъ ослабѣла въ то время, что должна была сдѣлать большое усиліе, чтобы подойти къ государю. Когда я протянула руку, чтобы вручить ему просьбу, Николай Павловичъ взглянулъ на меня тѣмъ ужаснымъ, грознымъ взглядомъ, который заставлялъ трепетать всѣхъ, и дѣйствительно, въ его глазахъ было что-то необыкновенное, что невозможно передать словами. Вообще во всей фигурѣ императора было что-то особенно внушающее. Онъ отрывисто спросилъ:

— „Что вамъ угодно“.

Тогда, поклонившись, я сказала:

— Sire, je ne parle pas le russe, je veux implorer la grâce de suivre en exil le criminel d'état Aunenkoff.

— „Ce n'est pas votre patrie, Madame, vous seriez peut-être bien malheureuse“.

— Je sais, Sire, mais je suis prête à tout.

Тогда государь сдѣлалъ знакъ кому-то, чтобы взяли просьбу, между тѣмъ приложился, все смотря мнѣ въ глаза. Я низко присѣла; потомъ, садясь въ коляску, Николай Павловичъ приложился еще и, наконецъ, отъѣзжая, обернулся въ мою сторону и приложился въ третій разъ.

Я никакъ не думала, чтобы всѣ три поклона государя императора относились ко мнѣ; но Палю, который поддерживалъ меня сзади подъ руки, шепталъ мнѣ:

— „Rassurez vous, cela va bien, l'Empereur vous salue“.

Все это ободрило меня. Я возвратилась домой гораздо покойнѣе и съ какою-то увѣренностію и надеждою на успѣхъ.

Послѣ обѣда государя Мюллеръ прибѣжалъ ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ, поздравлялъ и увѣрялъ, что дѣло мое выиграно, потому что государь за обѣдомъ говорилъ обо мнѣ, и видимо былъ тронутъ моею просьбою. Государь былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и говорилъ Мюллеру, который стоялъ за его стуломъ:

— „Mais vous voulez donc nous faire mourrir, mon cher, à force de nous faire trop bien manger“.

Вечеромъ я пошла въ сопровожденіи Мюллера къ князю Лобанову, который повторилъ мнѣ слово въ слово то, что я уже знала, прибавя, что онъ заранѣе увѣренъ въ моемъ успѣхѣ. Потомъ сказалъ, что баронъ Дибичъ очень желаетъ меня видѣть и что я хорошо сдѣлаю, если пойду къ нему; я, конечно, готова была исполнить желаніе Дибича, но меня смущало только идти одной, такъ какъ Палю въ этотъ вечеръ не могъ сопровождать меня. Отълаживать, впрочемъ, было некогда, и я рѣшилась отправиться, взявъ человѣка, чтобы проводить меня.

Дибичъ занималъ маленькій домикъ противъ самаго дворца, съ прескверной лѣстницею, которая вела на балконъ, и другаго хода въ его квартиру не было.

Когда я подошла и увидѣла на балконѣ множество военныхъ, то очень сконфузилась, и обращаясь къ человѣку, который принималъ по французски, невольно сказала:

— Mon Dieu, combien d'officiers!

Добрый мой Степанъ ободрялъ меня, говоря:

— „Ничего, барыня“.

Тогда я преодолѣла робость, овладѣвшую мною въ первую минуту, завернулась въ свою шаль, надвинула шляпу на глаза, стараясь скрыть лицо, и стала подниматься по лѣстницѣ. Едва я поднялась, какъ ко мнѣ подбѣжалъ какой-то адъютантъ, говоря, что баронъ не можетъ принять меня, потому что ѣдетъ сейчасъ къ государю, такъ какъ государь оставляетъ Вязьму. Я отвѣчала.

— *Veillez dire au baron, monsieur, qu'il a désiré me voir.*

Въ это время, взойдя въ переднюю, я увидала цѣлый рядъ комнатъ передъ собою и въ самой дальней Дибича, который шелъ ко мнѣ на встрѣчу. Онъ былъ маленькаго роста, поразительно дурень собою и шелъ хромя и переваливаясь съ боку на бокъ; подходя ко мнѣ, онъ повторилъ то, что я уже слышала два раза:

— *„L'Empereur a lu votre supplique, Madame, il en a été touché, je l'ai lu aussi et j'ai versé des larmes, je vous félicite, vous réussirez“.*

Возвратясь домой, я тотчасъ же послала за лошадьми и, простившись съ моимъ другомъ Палю и Мюллеромъ, выѣхала изъ Вязьмы. По дорогѣ, когда намъ пришлось проѣзжать мимо Бородинскаго поля, я приказала челоуѣку остановиться. Тутъ я вышла изъ экипажа и помолилась за тѣхъ, которые облили эту землю своею кровью. Въ числѣ прочихъ былъ убитъ одинъ изъ моихъ дядей.

Подѣзжая къ Москвѣ, версть за 50, на одной изъ станцій челоуѣкъ сказалъ мнѣ, что въ избѣ есть одинъ старикъ больной, который проситъ меня зайти непременно. Я была очень удивлена этимъ и упрекала Степана, говоря, что онъ, навѣрно, что нибудь тутъ разболталъ; но Степанъ настаивалъ, и я, наконецъ, уступила и вошла въ избу. Старикъ крестьянинъ сидѣлъ на кровати: длинные сѣдые волосы и большая борода покрывали буквально ему грудь и плечи. Увидя меня, онъ привсталъ немного съ своей постели и поклонился низко, касаясь пола своей дряхлой рукой. Еще болѣе поразили меня слова старика; въ то время я начинала уже понимать по русски и съ помощію Степана, который могъ переводить нѣсколько, я поняла, что старикъ говорилъ такъ:

— „Здравствуй, матушка, я узналъ отъ твоего человѣка, зачѣмъ ты ѣздила къ государю. Дѣло, матушка; Господь сохранить тебя, вѣдь я знаю, чего они хотѣли: господа-то хотѣли свободы нашей, свободы крестьянъ“.

Когда я вѣзжала въ Москву, солнце стояло уже высоко и освѣщало ярко московскія колокольни; городъ точно улыбался; вездѣ ставили березки—въ этотъ день была Троица.

X.

Когда я вернулась изъ Вязьмы, Анна Ивановна, недовольная тѣмъ, что я не оставалась при ней, приняла меня очень сухо, почти не говорила со мною и когда хотѣла сказать что нибудь, то обращалась къ третьему лицу.

Въ это время нѣкоторыя изъ живущихъ въ домѣ ея собирались въ Троицко-Сергіевскую лавру; я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы помолиться, и мы всѣ отправились пѣшкомъ. Пройдя въ первый день 25 верстъ, на другой, конечно, мы слегли, особенно у меня съ непривычки очень распухли ноги, однако-жъ, отдохнувъ, все-таки дошли и даже назадъ вернулись также пѣшкомъ. Меня приводило въ восторгъ православное богослуженіе, я находила его великолѣпнымъ, отстояла обѣдню и всенощную и горячо, и искренно молилась. Въ церкви было много купцовъ, которые узнавъ, что я ни слова не говорила по русски, дивились на меня и потомъ пришли въ восторгъ, когда увидѣли, съ какимъ аппетитомъ я ѣла русское постное кушанье. Когда, по возвращеніи въ Москву, я снова пошла въ католическую церковь, куда имѣла привычку ходить почти каждое утро, l'Abbé Guégier замѣтилъ мнѣ, почему такъ давно не видать меня; и на мой отвѣтъ, что я ходила помолиться къ Троицѣ, сталъ упрекать, что я, католичка, хожу въ русскіе монастыри, но кончилъ тѣмъ, однако-жъ, что согласился со мной, что молиться все равно въ какой бы ни было церкви.

По прошествіи нѣкотораго времени я получила отъ великаго князя Михаила Павловича письмо, которое передалъ мнѣ адъютантъ его, Николай Николаевичъ Анненковъ. Очень сожалѣю,

что потомъ въ Иркутскѣ, когда губернаторъ потребовалъ всѣ мои бумаги, мнѣ пришлось сжечь это письмо вмѣстѣ съ другимъ, также отъ его высочества. Это письмо было въ такомъ смыслѣ, что по повелѣнію государя комендантъ Нерчинскихъ заводовъ Лепарскій долженъ былъ спросить Анненкова, желаетъ ли онъ на мнѣ жениться, „а такъ какъ я не сомнѣваюсь въ утвердительномъ отвѣтѣ Анненкова“, писалъ великій князь, „то заранѣе могу васъ поздравить“.

Вскорѣ послѣ этого Анна Ивановна собралась въ Сокольники на свою великолѣпную дачу. Мы пробыли все лѣто тамъ и когда возвратились въ Москву, Анна Ивановна все еще не говорила со мною; между тѣмъ мы, по обыкновенію, каждый день ѣздили съ нею кататься въ каретѣ и она сочла бы преступленіемъ съ моей стороны, если-бы я вздумала не поѣхать.

Однажды мнѣ удалось испросить ея согласіе на то, чтобы заказать нѣкоторое платье для Ивана Александровича, такъ какъ я была увѣрена, что онъ нуждался во всемъ. Когда все было готово, я разложила всѣ вещи на стулья и просила ее посмотреть; она вышла въ комнату, гдѣ находились вещи, и осмотрѣвъ все съ большимъ вниманіемъ, замѣтила:

— „Est ce que cela ne sera pas trop beau, Madame?“

Укладывая вещи въ чемоданъ, я сунула въ карманъ одной изъ бекешъ письмо, въ которомъ подробно описывала все, что со мною случилось съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ Ивановъ Александровичемъ. Мнѣ очень хотѣлось также зашить куда нибудь деньги, я уже держала ихъ въ рукахъ и часа три ходила съ ними по комнатѣ, но не рѣшилась этого сдѣлать. Когда чемоданъ съ вещами былъ готовъ, я пошла спросить Анну Ивановну, могу ли его отправить. Она съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣчала:

— „Mais vous voulez donc, que l'Empereur se fâche contre moi“.

Удивительно, до какой степени эта эгоистичная женщина не любила своего сына; особенно, мнѣ кажется, она не могла простить ему его образъ мыслей и увлеченія, тѣмъ болѣе его участія въ декабрьской исторіи. Однажды она такъ предалась своему неудовольствію на сына, что начала проклинать его; я бросилась на колѣни и насилу могла успокоить ее. Меня такъ огорчило, что я не могу отправить чемодана Ивану

Александровичу, что я ушла въ свою комнату и на этотъ разъ заперлась и рѣшила не выходить. Черезъ нѣсколько времени Анна Ивановна прислала узнать о моемъ здоровьѣ, а потомъ прислала мнѣ разныя разности, то буветъ цвѣтовъ, то фруктовъ, наконецъ, написала записку, очень любезную, и спрашивала, когда я выздоровлю; я отвѣчала, что тогда только, когда она позволитъ отослать чемоданъ. Разрѣшеніе послѣдовало; я обрадованная немедленно отправила посылку и явилась къ ней.

Нѣсколько дней спустя, утромъ, когда она одѣвалась (а я всегда должна была присутствовать при ея туалетѣ), принесли записку отъ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, та писала:

— „Madame, une lettre de ma belle fille m'apprend que votre fils manque de tout, et je crois de mon devoir de vous en informer“.

Екатерина Ѳедоровна была необыкновенно любящая, нѣжная и заботливая мать; сыновья ея ни въ чемъ не нуждались во все время ссылки и даже много помогали своимъ товарищамъ. Когда они жили на поселеніи около Иркутска, Екатерина Ѳедоровна много перевела имъ денегъ черезъ иркутскихъ купцовъ, а потомъ совершенно обезпечила дѣтей ихъ, рожденныхъ въ Сибири. На письмо Екатерины Ѳедоровны, Анна Ивановна приказала М. Т. Перской, которая заправляла всѣмъ домомъ и была также ея секретаремъ, отвѣчать:

— „Madame Anpenkoff a deja envoyé tout ce, dont son fils peut avoir besoin“.

Потомъ Анна Ивановна бросилась цѣловать меня и говорила: „décidément vous me portez bonheur en tout“.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1827 г. Вадковская прислала за мною и передала два письма. Одно было отъ великаго князя Михаила Павловича. Великій князь писалъ, что государь разрѣшаетъ мнѣ ѣхать въ Сибирь, но предупреждалъ, что я не должна никому объ этомъ сообщать, пока меня не потребуютъ къ генераль - губернатору. Вадковская была крестная мать Ивана Александровича. Она и дочь ея, Елагина, съ радостію приняли милость государя, цѣловали меня, называли героинею и Елагина благословила меня образомъ. Когда я возвратилась къ Аннѣ Ивановнѣ, вечеромъ въ тотъ же день пріѣхала къ ней Титова и сказала что - то на ухо; тогда Анна Ивановна посмотрѣла на меня искоса и упрек-

нула, говоря: *madame, vous êtes bien discrète*. Я созналась, что дѣйствительно уже знала о милости государя, но что не имѣла права говорить объ этомъ. На другой день квартальный принесъ мнѣ бумагу, гдѣ было сказано, что меня просятъ пріѣхать къ князю Голицыну, московскому генераль-губернатору.

Когда я явилась въ канцелярію, тамъ было множество народу; мнѣ подали бумагу, писанную по русски, я читать не могла и передала Степану, чтобы онъ перевелъ мнѣ. Бумага была о томъ, что государь императоръ разрѣшаетъ мнѣ ѣхать въ Сибирь; я съ радости, забывъ гдѣ я, начала хлопать въ ладоши и прыгать, повторяя: „j'ai la permission d'aller en Sibérie!“ Мой веселый характеръ, не смотря ни на какія испытанія и горе, безпрестанно бралъ верхъ надъ всѣмъ. Потомъ я должна была идти къ самому князю Голицыну. Онъ очень любезно меня принялъ и просилъ пріѣхать на другой день, говоря, что бумаги, которыя я должна подписать, на русскомъ языкѣ и что, вѣроятно, я не пойму ихъ, а потому онъ прикажетъ перевести.

На другой день, когда я снова явилась къ генераль-губернатору, бумаги были мнѣ прочтены секретаремъ князя въ его присутствіи. Въ одной изъ нихъ было сказано, что государь приказалъ спросить меня, что будетъ мнѣ нужно на дорогу и сколько денегъ. Я отвѣчала, что прошу дать мнѣ фельдъегера, если найдутъ это возможнымъ, но что въ деньгахъ я не нуждаюсь, такъ какъ получила отъ родственниковъ Ивана Александровича достаточно. Дѣйствительно, Вадковская и Елагина дали мнѣ одна 2,000 руб., другая 1,000 рублей. Я ожидала получить также что нибудь и отъ Анны Ивановны, но она ничего не дала.

Князь Голицынъ объяснилъ мнѣ, что нельзя государю отвѣчать отказомъ, на что я сказала, что въ такомъ случаѣ прошу все, что угодно будетъ государю прислать мнѣ.

Бумаги, которыя сообщили мнѣ, были слѣдующія. Одну изъ нихъ я подписала.

L'ordre de monsieur le général gouverneur militaire de Moscou à monsieur le grand maître de police de Moscou, du 6 novembre 1827 № 221. En ajoutant ici le rapport du général-déjour de l'état major de sa majesté impériale (№ 1332) de l'étrangère Pauline Gueble, qui a supplié la permission de partir en lieu d'exil du criminel d'Etat Annenkoff pour l'épouser, et la copie des règles ci-jointes, relativement aux femmes des criminels, exiles aux travaux

publics,—je recommande à votre excellence de faire annoncer le contenu de ces papiers à la dite Gueble et prendre d'elle des avis: si elle désire, conformément aux règles ci-dessus mentionnées, de partir pour Nertchinsk, afin de s'unir par le mariage légitime avec le criminel Annenkoff et en cas si elle consentira de lui demander, combien d'argent aura-t-elle besoin pour son voyage. En annonçant ces papiers, vous ne manquerez pas de donner à Gueble des éclaircissements à quoi elle sera exposée par le mariage avec le criminel Annenkoff. Après avoir exécuté cette prescription vous me ferez le rapport en présentant les papiers si-joints.

Rapport à monsieur le général-gouverneur militaire de Moscou par le général-déjour de l'Etat major de sa majesté imperiale, du 30 octobre 1827. N° 1332.

L'étrangère Pauline Gueble le 14 de mai de cette année avait supplié sa majesté l'empereur à Viasma de lui permettre de partir pour le lieu de l'exil du criminel d'Etat Annenkoff, ci-devant lieutenant au régiment des Chevaliers Garde, pour l'épouser. Comme le dit Annenkoff, sur la demande, que lui fut faite à ce sujet, avait répondu: qu'il épouserait volontiers m-lle Gueble, si le gouvernement accorde sa permission, on en fit le rapport à sa majesté l'empereur et sa majesté a daigné ordonner: de permettre à l'étrangère Pauline Gueble de partir pour Nertchinsk et d'épouser le criminel d'Etat Annenkoff et que, si elle a besoin de quelques secours pour son voyage, de le lui accorder.

Je prie très humblement votre excellence de vouloir bien ordonner, qu'on annonce à l'étrangère Pauline Gueble, demeurante à présent à Moscou près du pont de Marechaux, dans la maison de madame Annenkoff, cette volonté de sa majesté et les règles ci-jointes, que l'on observe par rapport aux femmes des criminels, qui sont envoyés aux travaux publics, de lui faire demander en même temps: si elle souhaite, ayant en vue ces règles, de partir pour Nertchinsk, afin d'y épouser le criminel Annenkoff et que si elle le désire, de quel espèce de secours elle aura besoin pour son voyage—du résultat je prie votre excellence de m'honorer de votre réponse.

Règles par rapport aux femmes des criminels, qu'on envoie aux travaux publics:

1) Les femmes de ces criminels en suivant leurs maris et continuant avec eux l'union conjugale, doivent naturellement participer à leur sort et perdre leur premier état, c'est-à-dire, elles ne seront plus regardées, que comme femmes des exilés aux travaux publics et leurs enfants, qui seront nés en Sibérie, entreront au nombre des paysans de la couronne.

2) Aussitôt qu'elles partiront pour la contrée de Nertchinsk, il ne leur sera permis de prendre avec eux ni des sommes d'argent, ni des effets d'un grand prix, car ceci est non seulement défendu par les règles, qui existent à ce sujet, mais il est même nécessaire pour leur propre sûreté, puisqu'elles vont dans des lieux, peuplés de gens, prêts à toutes sortes de crimes et que par conséquent en ayant avec elle de l'argent et des choses précieuses, elles peuvent s'exposer à des événements dangereux.

3) Il n'est permis à chaque femme d'être suivée que d'une seule personne du nombre des esclaves, arrivés avec elle, et cela encore de ceux, qui y consentiront de bon gré et donneront des obligations, signées de leur propre main, ou faute de savoir écrire ils déclareront leur consentiments, personnellement, en pleine présence du gouvernement, les autres pourront retourner en Russie.

4) Si les femmes de ses criminels arriveront chez eux de Russie avec la résolution de partager le sort de leurs maris et qu'elles désireront demeurer ensemble avec eux dans l'ostrog (une maison de correction), cela leurs est permis, mais alors les femmes ne doivent avoir auprès d'elles personne pour leur service. Mais si elles demeureront séparées de leurs maris hors de l'ostrog, dans ce cas elles peuvent avoir auprès d'elles pour leur service, mais pas plus d'un seul homme ou d'une seule femme.

5) Il est permis aux femmes qui souhaiteront de demeurer séparées hors de l'ostrog, de voir leurs maris dans l'ostrog une fois après tous les deux jours, mais toutes communications des femmes avec leurs maris par le moyen de leurs serviteurs est sévèrement interdites.

6) Si les esclaves, arrivées avec les femmes, ne voudront pas y rester avec elles, il leurs est permis de retourner en Russie, mais sans leurs enfants nés en Sibirie.

7) Il est sévèrement prescrit que les criminels et leurs femmes ne puissent apporter avec eux, ni recevoir après de qui que ce soit de grandes sommes soit en argent comptant, soit en choses de grand prix, excepté la somme nécessaire pour leur entretien et cela même pas autrement, que par le moyen du commandant, qui leur livrera cette somme par parties et selon leur besoin.

8) Les femmes des criminels, soit qu'elles demeurent dans l'ostrog ou hors de celui-là, ne peuvent envoyer leurs lettres autrement qu'en les rendant ouvertes au commandant, il n'est de même permis aux criminels et à leurs femmes de recevoir les lettres, qui leurs seront adressées, que par le commandant; toute autre communication par écrit d'une autre manière est sévèrement défendue.

Vérifiée par le grand maître de police général-major Schoulguine.

Mon général. Ayant reçu de votre excellence, en copie: 1) l'ordre de monsieur le général-gouverneur militaire de Moscou, du 3 novembre 1827, № 221, adressé à vous, 2) le rapport à son excellence par le général-déjour de l'Etat major de sa majesté imperiale du 30 octobre № 1332 et 3) les règles relativement aux femmes des criminels, exilés aux travaux publics, et après avoir lu tous ces papiers, j'ai l'honneur de répondre, que je consents à tous et je pars à Nertchinsk pour épouser le criminel d'état Annenkoff et y rester toujours. Concernant la somme qui peut m'être nécessaire pour le voyage, je n'ose en fixer aucune; mais je serais satisfaite de tout ce que sa majesté l'empereur daignera me faire remettre.

J'ai l'honneur d'être très respectueusement de votre excellence, la très humble

Толкамъ и разговорамъ по случаю дарованнаго мнѣ государемъ позволенія ѣхать въ Сибирь не было конца. Въ домѣ Анны Ивановны всѣ волновались. Титовъ пришелъ мнѣ передать, что Якобій, тотъ самый, который такъ много мнѣ вредилъ, пока Иванъ Александровичъ былъ въ крѣпости, говорить, что когда я получу деньги отъ государя, то, конечно, не поѣду въ Сибирь, а навѣрное вернусь во Францію. Это меня такъ возмутило и обидѣло, что я не выдержала и передала объ этомъ Аннѣ Ивановнѣ, которая возмутилась не менѣе меня и, наконецъ, сказала, что я ей сдѣлала бы большое одолженіе, если-бы помогла ей избавиться отъ Якобія, который также жилъ въ ея домѣ.

Уполномоченная Анною Ивановною, я, конечно, была очень рада высказать Якобію то, что давно накопилось у меня противъ него на сердцѣ; онъ сначала старался отдѣлаться шутками, но потомъ сильно призадумался, когда я ему объявила рѣшительно желаніе Анны Ивановны, чтобы онъ оставилъ ея домъ. Наконецъ, я потребовала, чтобы онъ мнѣ возвратилъ очки Ивана Александровича, которыя тотъ очень любилъ, а онъ имѣлъ дерзость носить ихъ на глазахъ у всѣхъ насъ. Очки эти, немѣняя даже стекль, Иванъ Александровичъ носилъ потомъ до самой глубокой старости.

Анна Ивановна, между тѣмъ, все продолжала, не смотря ни на что, удерживать меня и долго еще, кажется, питала надежду поставить на своемъ. Въ то время, когда я заперлась въ своей комнатѣ и не выходила, пока она не разрѣшила отослать чемоданъ съ вещами Ивану Александровичу, она присылала ко мнѣ одну изъ своихъ барышень сказать, что если-бы я осталась при ней, то она рѣшила купить для меня домъ, для убранства котораго она уже многое приготовила, и что я тогда буду жить у себя; но я отвѣчала, что если государю не угодно будетъ разрѣшить мнѣ ѣхать въ Сибирь, то я ни за что не останусь въ Россіи, и возвращусь во Францію. Теперь, когда разрѣшеніе было уже получено, она все еще старалась удержать меня, и какъ ни странно покажется, но я замѣчала, что она даже говорила съ Тургеневымъ, секретаремъ князя Голицына, который также часто бывалъ у нея, чтобы задержать меня.

Князь Голицынъ въ это время куда-то собирался. Я такъ испугалась, чтобы меня не задержали подъ какимъ нибудь пред-

логомъ, во время его отсутствія, что побѣжала къ князю Голицыну и, не смотря на то, что мнѣ объявили, что князь не принимаетъ, взопла къ нему. Онъ, впрочемъ, былъ очень любезенъ и общалъ на мою просьбу сдѣлать распоряженіе, уѣзжая, чтобы бумаги, какія будутъ для меня, не задерживали. Дѣйствительно, спустя семь дней, Шульгинъ, который также часто бывалъ у Анны Ивановны, передалъ мнѣ, что на другой день просить меня пріѣхать къ нему въ канцелярію, гдѣ не замедлили мнѣ выдать всѣ бумаги, которыя я ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, а, наконецъ, самъ Шульгинъ вынесъ мнѣ 3,000 рублей, все 100 рублевыми ассигнаціями, и подавая вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то бумагу, просилъ меня подписать ее. Бумага вся была покрыта цифрами; я съ удивленіемъ спросила Шульгина, что это за бумага. Онъ отвѣчалъ, что это номера тѣхъ сто рублевыхъ ассигнацій, которыя я получаю на дорогу отъ государя Николая Павловича, и прибавилъ, улыбаясь, что государь, вѣроятно, не довѣряетъ имъ, т. е. полиціи. Уходя, я вынула 25 рублей, чтобы дать чиновнику, который переводилъ мнѣ бумаги, и не знала какъ предложить ему, такъ какъ онъ былъ увѣшенъ весь орденами, но онъ принялъ и очень благодарилъ меня.

Возвратясь домой, я была въ такомъ восторгѣ, сознавая, что ничто болѣе не могло удержать меня, что, забывъ совершенно, что Анна Ивановна не раздѣляетъ со мною этого восторга, вбѣжала къ ней въ комнату и разложила передъ ней на столъ всѣ бумаги мои и деньги. Она сдѣлала непріятное движеніе, и какъ всегда бывало съ нею, когда что нибудь не нравилось ей, откинулась назадъ въ своихъ креслахъ. Но я не помнила себя отъ радости и побѣжала къ себѣ приготовить все къ отъѣзду.

Я забыла рассказать, что, уѣзжая изъ Петербурга, когда Иванъ Александровичъ былъ отправленъ въ Сибирь, я ѣздила къ графинѣ Лаваль, чтобы повидать француза гг. Washé, который жилъ у нея въ домѣ и провожалъ въ Сибирь дочь ея, княгиню Трубецкую, жену декабриста полковника князя С. П. Трубецкаго. Въ то время Washé только что возвратился изъ своего дальняго путешествія и собирался снова въ дорогу, такъ какъ ему было приказано оставить Россію. Отъ Washé я достала маршрутъ и онъ успѣлъ мнѣ рассказать, что когда онъ возвращался изъ Иркутска, гдѣ онъ оставилъ княгиню Трубецкую,

то при въѣздѣ въ Петербургъ его попросили на гауптвахту, гдѣ продержали четверо сутокъ, бумаги его были отобраны и самъ государь подчеркнулъ всѣ замѣтки, сдѣланныя Waché о Сибири, и послѣ этого объявили ему, что онъ болѣе не можетъ оставаться въ Россіи.

Когда я уѣзжала, къ Аннѣ Ивановнѣ собралось множество народу, всѣ старались разсѣять и развлечь ее. Не легко мнѣ было оставить ребенка; бѣдная дѣвочка моя какъ будто предчувствовала, что я покидаю ее; когда я стала съ нею прощаться, она обвила меня рученками и такъ вцѣпилась, что насилу могли оттащить ее, но везти ее съ собою было немислимо. Потомъ я встала на колѣни предъ Анною Ивановною и просила благословить меня и сына ея, но она объявила, что эта сцена ее слишкомъ разстраиваетъ. Впрочемъ, погода немного, позвала и просила передать сыну, что когда она продастъ симбирское имѣніе, то положить капиталъ на мое имя. Но имѣніе было продано и другія также — и она ничего не сдѣлала ни для сына, ни для меня, его жены. Меня посадили почти полумертвую въ экипажъ. Въ это время кончился спектакль, а театръ былъ въ двухъ шагахъ отъ дома; тогда французы, вышедшіе изъ театра, остановили мой экипажъ и, прощаясь со мною, провожали благословеніями. Я отправилась въ Сибирь немного успокоенная напутствованіями и пожеланіями моихъ соотечественниковъ, французовъ.

Было одиннадцать часовъ ночи, когда я оставила Москву 23-го декабря 1827 года.

П. Е. Анненкова.

Примѣчаніе. Записано со словъ Прасковьи Егоровны, въ Нижнемъ-Новгородѣ, по нашей просьбѣ, въ 1861 году, ея дочерью, Ольгою Ивановной Ивановой, рожденной Анненковой. Ред.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СТРАНАХЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера

1882—1883 гг.

V 1).

Туземное населеніе Ташкента относится къ европейцамъ крайне недружелюбно, чтобы не сказать враждебно; причина этого кроется въ томъ, что ихъ вѣра и обычаи слишкомъ рѣзко отличаются отъ религіи и привычекъ пришлаго населенія

«Я подѣлился этими впечатлѣніями», говоритъ Мозеръ, съ однимъ товарищемъ, давно уже жившимъ въ Ташкентѣ.

«Какъ вы думаете, сказалъ я, удастся-ли вамъ побороть это враждебное къ вамъ отношеніе туземцевъ?»

— «Въ этомъ я твердо увѣренъ, отвѣчалъ онъ, взгляните на всѣхъ этихъ лѣнтяевъ, которые ничего не дѣлаютъ, не терпя ни въ чемъ нужды; но когда они научатся пить водку, пролетаріатъ будетъ созданъ, бѣднякъ продастъ свое имущество, чтобы удовлетворить своей страсти къ вину и потомъ уже волей не волей примется за работу; отъ этого выиграетъ промышленность и вмѣстѣ съ тѣмъ наше вліяніе упрочится».

Итакъ, водка явится, быть можетъ, орудіемъ цивилизаціи въ этомъ краѣ!!

Вскорѣ по приѣздѣ Мозера въ Ташкентъ, ему удалось присутствовать на большихъ маневрахъ, которые происходили въ 6-ти верстахъ отъ города и воочію доказали, что полки, находящіеся въ Тур-

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, январь, стр. 137—167.

кестанѣ, составляя армію въ 26,600 человекъ, вполне заслуживаютъ названіе лучшей арміи нашей имперіи.

По окончаніи маневровъ, генераль-губернаторъ отправился въ лагерь, чтобы присутствовать на обѣдѣ, устроенномъ для офицеровъ. За столомъ М. Г. Черняевъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью на французскомъ языкѣ, въ которой онъ высказалъ свою симпатію къ французамъ и уваженіе, питаемое имъ къ французской арміи. «Господа, произнесъ генераль, русская армія встрѣтилась впервые на полѣ брани съ арміей французовъ почти сто лѣтъ тому назадъ, въ Италіи; съ тѣхъ поръ эти двѣ націи не разъ сходились на полѣ битвы какъ соперницы, но между тѣмъ всеѣмъ извѣстно, что между этими двумя арміями существуетъ симпатія, которую ничто не могло поколебать; симпатія эта вызвана храбростью, великодушіемъ и истинно рыцарскою доблестью французскаго войска. Я пью, господа, за французскую армію и за ея представителя, полковника Сермета, котораго мы имѣемъ удовольствіе видѣть среди насъ».

Полковникъ Серметъ отвѣтилъ на этотъ горячій привѣтъ тостомъ за туркестанскую армію; вслѣдъ за тѣмъ Черняевъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, обратился къ окружающимъ его солдатамъ, напомнивъ имъ славные подвиги, совершенные русской арміей въ этихъ отдаленныхъ странахъ, и выразилъ надежду, что они поддержать славу русскаго оружія, если имъ придется снова идти въ походъ.

Ознакомившись съ Ташкентомъ и со всеѣмъ тѣмъ, что заслуживало въ немъ вниманія, Мозеръ сталъ снова готовиться въ путь, намѣреваясь посѣтить Бухару вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, отправлявшимся туда, имѣя во главѣ кн. Витгенштейна; отъѣздъ былъ назначенъ на 4-е октября 1883 года.

«Съ истинною грустью простился я съ генераломъ Черняевымъ, говоритъ Мозеръ, котораго я успѣлъ въ это время узнать очень близко; благодаря ему мнѣ удалось исполнить мою завѣтную мечту, побывать въ Ташкентѣ и объѣхать Среднюю Азію, поэтому немудрено, что сердце мое проникнуто чувствомъ искренней признательности къ этому генералу; во время моего пребыванія въ Ташкентѣ я могъ лично убѣдиться въ томъ, съ какими великими трудностями былъ сопряженъ постъ, принятый имъ отъ генерала Кауфмана, но я зналъ, что Черняевъ стоитъ на высотѣ этой задачи, отъ которой отказались бы многіе.

«Пожимая, на прощанье, руку Михаила Григорьевича, я не ожидалъ, что мнѣ придется услышать вскорѣ то горестное извѣстіе, которое дошло до меня во время моего пребыванія въ Закавказ-

скомъ краѣ. Хотя виды высшей власти его отозвали изъ Азіи, но всякій, бывшій свидѣтелемъ управленія Черныевымъ завоеванной имъ области, для которой онъ составлялъ столь обширные и полезныя проекты, невольно чувствуетъ глубокое сожалѣніе по поводу столь поспѣшнаго отозванія его съ этого поста».

Благодаря добротѣ и предупредительности генерала Черныева, Мозеръ, выѣхавшій изъ Ташкента вмѣстѣ съ бар. Серметомъ, опредѣливъ нѣсколько русское посольство, ѣхалъ безостановочно, съ удивительною быстротою; на всѣхъ станціяхъ для нихъ были заготовлены лошади, такъ какъ впереди ихъ ѣхала эстафета. Миновавъ такъ называемую Голодную степь, которая лишена въ зимнее время всякой растительности, по мѣрѣ приближенія къ Самарканду они встрѣчали все чаще и чаще огромныя рисовыя поля, прорѣзанныя многочисленными ручейками; благодаря этой превосходной системѣ орошенія ни одна капля Зеравшана не пропадаетъ даромъ, но содѣйствуетъ обогащенію этой плодородной мѣстности; дорога, идущая въ долину, осѣнена деревьями, жилища возвышаются среди рощицъ. Въ то время деревья эти представляли любопытное зрѣлище: сохранивъ еще свѣжую, зеленую листву, они были покрыты снѣгомъ, и это свидѣтельствовало о томъ, что зима настала тутъ вдругъ; дѣйствительно, въ этой мѣстности почти не бываетъ осени и весны, и трудно себѣ представить какъ могутъ туземцы переносить эти рѣзкія перемены температуры, тѣмъ болѣе, что жилища ихъ плохо защищены отъ вѣтра, и ихъ одежда также мало предохраняетъ отъ стужи.

«Русскіе принесли намъ снѣгъ и морозы», говорятъ они; дѣйствительно, со времени покоренія русскими—зимы стали здѣсь суровѣе.

Прибывъ въ Самаркандъ, путешественники отправились прежде всего съ визитомъ къ губернатору генералу Иванову. «Это старый степнякъ, не смотря на то, что ему не болѣе 45 лѣтъ; онъ живетъ уже въ этой мѣстности цѣлыхъ 20 лѣтъ; украшенный Георгіевскимъ крестомъ, онъ представляетъ собою типъ русскаго военнаго человѣка».

Отъ него Мозеръ отправился на базаръ, гдѣ онъ встрѣтилъ стараго знакомаго — сарта, у котораго покупалъ разныя вещи еще въ первую свою поѣздку въ Среднюю Азію. Купецъ тотчасъ узналъ его. Отобравъ у него нѣкоторыя вещи, Мозеръ началъ было торговаться, но тотъ остановилъ его съ перваго же слова.

«Вы, иностранцы, наши гости, сказалъ онъ; я былъ бы плохой мусульманинъ, если бы я запросилъ съ васъ лишнее». Это было сказано съ достоинствомъ, спокойно и съ чисто восточною вѣжливостью, не допускавшею возраженія, поэтому покупатели заплатили не торгуясь, а въ результатѣ оказалось, что сартъ жестоко надулъ ихъ.

Въ Самаркандѣ заслуживаетъ вниманія обширное медресе (университетъ), состоящее изъ мечети, въ которой до завоеванія русскими показывали знаменитый коранъ Ходви-Араара. Рассказываютъ, что этотъ святой человекъ получилъ этотъ коранъ въ знакъ особаго почтенія отъ одного калифа, и что коранъ этотъ писанъ рукою третьяго калифа Османа и запечатлѣнъ его кровью, иные же говорятъ, будто онъ писанъ рукою Али, зятя Магомета; книга эта, величиною въ квадратный метръ, писана на пергаментѣ, кувическими знаками, безъ гласныхъ и точекъ, и принадлежала къ числу священныхъ предметовъ, пользовавшихся особеннымъ почитаніемъ на востокѣ; въ настоящее время она находится въ императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Кромѣ медресе, въ Самаркандѣ заслуживаетъ вниманія мечеть Амадза, куда лѣтомъ стекается множество богомольцевъ, затѣмъ мечеть Икрада-хана, построенная Тимуромъ, и, наконецъ, Гурь-Эмиръ; гробница этого завоевателя, представляющая собою великолѣпное осьмиугольное зданіе, роскошной архитектуры, въ которое ведетъ мраморная лѣстница и которое увѣнчано куполомъ.

Самая древняя часть города занята нынѣ кладбищемъ недалеко; оттуда находится могила святаго Даніара или пророка Даніила и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея «производились въ 1883 г. раскопки, подъ наблюденіемъ полковника Крестовскаго. Каждый ударъ кирки обнаруживалъ новыя сокровища: изразцы, покрытые самыми великолѣпными рисунками, монеты, урны и проч. Результаты этихъ раскопокъ были, по всей вѣроятности, довольно значительны, такъ какъ въ 1885 г. изъ Петербурга былъ командированъ на мѣсто профессоръ Веселовскій, для производства дальнѣйшихъ работъ».

Всѣ зданія Самарканда, построенныя архитекторами персами, поразительны по своимъ грандіознымъ размѣрамъ и по чудесной окраскѣ; мечети покрыты орнаментами и надписями, которые поражаютъ своею простотою и изяществомъ: русскій археологъ Симанковъ, авторъ появившагося недавно изслѣдованія «Среднеазиатское искусство», пришелъ къ тому убѣжденію, что персидскіе орнаменты, считавшіеся до сихъ поръ оригинальными, суть не что иное, какъ подражаніе среднеазиатской монгольской орнаментовкѣ.

Въ Самаркандѣ г. Мозеръ встрѣтилъ своего стариннаго и хорошаго знакомаго, ген. Королькова, военнаго стараго закала, трудящагося непрестанно надъ преуспѣяніемъ и цивилизаціей этихъ отдаленныхъ странъ. Онъ изучилъ вполне основательно почву Туркестанскаго края и условія обработки въ немъ земли; изъ его интересныхъ бесѣдъ г. Мозеръ познакомился съ слѣдующими любопытными подробностями объ этомъ вновь приобрѣтенномъ русскими владѣніи.

«Плодородіе почвы въ Туркестанскомъ краѣ зависитъ исключительно отъ воды: нигдѣ не встрѣтишь столь поразительныхъ контрастовъ, какъ въ этой странѣ, гдѣ голая степь смѣняется оазисами съ самой роскошной растительностью; плодородіе этихъ оазисовъ зависитъ отъ замѣчательной канализаціи, которую можно сравнить лишь съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи въ Китаѣ. Эти каналы, нынѣ отчасти заброшенные и засыпанные пескомъ, были прорыты въ глубокой древности самымъ примитивнымъ способомъ, такъ какъ люди не имѣли еще въ ту отдаленную эпоху никакихъ понятій о гидравликѣ и не имѣли въ своемъ распоряженіи тѣхъ усовершенствованныхъ орудій, которыя находятся къ нашимъ услугамъ въ настоящее время. Къ тому же эта канализаціонная сѣть, покрывающая всю страну, не устраивалась по какому либо определенному плану и не находилась въ вѣдѣніи сложной администраціи; жители каждой деревни сами прорывали и поддерживали «арыки» или каналы, оплодотворяющіе ихъ поля, и устраивали гдѣ нужно плотины, представляющія собою просто напросто груды глины, поддерживаемую плетнемъ. Лица, обязанныя наблюдать за прорытіемъ и содержаніемъ этихъ каналовъ, называются «арыкъ-аксакалы»; избираются они самими земледѣльцами разныхъ округовъ и получаютъ вознагражденіе за свои труды натурою, смотря по урожаю; они же распределяютъ по деревнямъ необходимое количество воды; когда она имѣется въ изобиліи, то трудъ ихъ не великъ, но въ случаѣ засухи, напр. весною, до начала таянія снѣговъ, когда каждая капля воды цѣнится земледѣльцемъ на вѣсь золота, задача ихъ становится весьма трудною: встрѣчаются мѣстности, гдѣ одинъ каналъ долженъ оплодотворить пространство земли на протяженіи 30 километровъ и каждая деревня, каждое поле получаютъ воду по очереди, въ извѣстные дни и часы; поэтому трудъ арыкъ-аксакала требуетъ большой опытности и эти лица поистинѣ незамѣнимы: русское правительство вначалѣ пыталось ввести въ это сложное дѣло нѣкоторое однообразіе и подчинить его извѣстнымъ правиламъ, назначивъ арыкъ-аксакаламъ жалованіе отъ правительства и превративъ ихъ такимъ образомъ въ чиновниковъ, но эту мысль пришлось вскорѣ оставить, такъ какъ земледѣльцы умоляли, чтобы имъ было дозволено попрежнему самимъ вознаграждать этихъ людей.

«Пословица справедливо говоритъ: «посади въ желтую почву стени палку, проводи къ ней ручеекъ и на слѣдующій годъ у тебя будетъ дерево». Въ этихъ словахъ кроется все преимущество земледѣльца Средней Азіи сравнительно съ нашимъ: въ Европѣ урожай зависитъ круглый годъ отъ погоды, совсѣмъ иное дѣло въ Туркестанѣ; дожди

составляютъ тутъ рѣдкость, градъ почти неизвѣстенъ, засухи устраняются орошеніемъ и, такимъ образомъ, вода вмѣстѣ съ солнцемъ является единственнымъ факторомъ плодородія почвы.

«Если каналы содержатся хорошо и воды въ нихъ достаточно, то урожай бываетъ ежегодно одинаково изобилень. Рядомъ съ полями, орошенными только что описаннымъ способомъ, есть клочки земли, расположенные по скатамъ горъ и получающіе влагу лишь отъ дождей; они даютъ поэтому лишь самый ничтожный урожай.

«Количество воды въ нашихъ европейскихъ рѣкахъ обыкновенно увеличивается по мѣрѣ удаленія ихъ отъ истоковъ, а Зеравшанъ, напротивъ того, чѣмъ дальше, тѣмъ становится мелководнѣе и арыки, наконецъ, совершенно истощаютъ его. Въ Каракулѣ онъ представляетъ собою лишь узенькій ручеекъ, который окончательно пересыхаетъ во время сильныхъ жаровъ.

«Между Самаркандомъ и Бухарой на желтоватой почвѣ пустыни выдѣляются тамъ и сямъ зеленѣющіе оазисы, эта лѣсистая, обработанная и населенная часть степи; все богатство «кишлаковъ» (деревень) въ этой мѣстности зависитъ отъ количества воды, приходящейся на ихъ долю.

«Русскіе, владѣющіе среднимъ теченіемъ Зеравшана, одно изъ развѣтвленій котораго, Шахри-Рудъ, доставляетъ воду г. Бухарѣ, держатъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ жизнь обитателей этого города и въ случаѣ войны между эмиромъ и русскими послѣднимъ стоитъ только запереть Зеравшанъ плотиною—и непріятель будетъ вынужденъ сдаться или погибнуть отъ голода и жажды.

«Долина Зеравшана представляетъ рядъ кишлаковъ, какъ бы одинъ нескончаемый садъ; лишь только кончаются земли одного кишлака, тотчасъ начинаются сады и поля другой деревни. Съ высоты эта долина имѣетъ видъ оживленной зеленѣющей ленты, извивающейся среди пустыни. Въ садахъ, обнесенныхъ стѣнами, находится обыкновенно посрединѣ бассейнъ воды, осѣненный карачемъ, среднеазиатской ивой, имѣющей тутъ видъ огромнаго дерева, листва котораго защищаетъ отъ солнечныхъ лучей. Ирригаціонные каналы обсажены миндальными, персиковыми и др. плодовыми деревьями, вдоль которыхъ вьется виноградная лоза. И что это за виноградъ! Мусульманскіе поэты воспѣвали его уже въ древнія времена въ своихъ стихахъ.

«Далѣе идутъ поля, засѣянные дынями и арбузами; клеверъ и люцерна, играющіе столь видную роль въ Европѣ, разводились здѣсь еще до Р. Х., точно также какъ хлопчатникъ, который былъ извѣстенъ уже въ достоисторическія времена; но такъ какъ онъ не отли-

чается особенно высокимъ качествомъ, то его стараются замѣнить въ настоящее время «sea island'омъ», который даетъ превосходные результаты и обѣщаетъ въ будущемъ такой хлопокъ, который въ состояніи будетъ соперничать съ лучшими американскими сортами этого растенія.

«Попытка насадить деревьями окрестныя горы Самарганда, произведенная ген. Корольковымъ, также даетъ удовлетворительные результаты; на нихъ прививаются сосны, туи и буквыя деревья и это сулитъ въ будущемъ для страны огромное богатство, такъ какъ въ настоящее время тамъ совсѣмъ не имѣется строительнаго лѣса. Въ Самаркандѣ существуетъ, кромѣ того, питомникъ фруктовыхъ деревьевъ, заведенный въ послѣдніе годы, который далъ возможность снабдить туземцевъ около 10 тысячъ деревцовъ лучшихъ европейскіхъ видовъ».

12-го октября (1883 г.) Мозеръ выѣхалъ изъ Самарканда; отъ этого города до Катта-Кургана, небольшого пограничнаго русскаго форта, лежащаго отъ него на разстояніи 60 верстъ, пришлось ѣхать три станціи; на первой изъ нихъ путешественниковъ ожидалъ пріятный сюрпризъ: кн. Витгенштейнъ, выѣхавшій изъ Самарканда нѣсколько ранѣе, ожидалъ ихъ на этой станціи, приказавъ изготовить прекрасный завтракъ, съ французскими винами. Находясь во главѣ посольства, отправленнаго въ Бухару, ген.-маіоръ князь Фердинандъ Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ во все время путешествія относился къ своимъ спутникамъ какъ хозяинъ и притомъ какъ хозяинъ весьма гостепріимный и радушный; «будучи германецъ по происхожденію, и притомъ младшій сынъ въ семьѣ, онъ долженъ былъ поступить на службу въ чужую страну и началъ свою боевую карьеру въ рядахъ русской арміи на Кавказѣ, въ эпоху покоренія этой страны, и съ доблестью совершилъ, подъ начальствомъ кн. А. И. Барятинскаго, походъ противъ Шамиля. Обладая замѣчательною физическою силою, князь страстный спортсменъ и охотникъ, что не мѣшаетъ ему серьезно заниматься изученіемъ нравовъ и обычаевъ востока. Это одинъ изъ немногихъ офицеровъ, которые, прибывъ въ Туркестанъ уже въ значительныхъ чинахъ, сумѣли заслужить любовь туземцевъ, вотъ почему ему было поручено въ третій уже разъ вести переговоры съ бухарскимъ дворомъ о дѣлахъ первостепенной важности, тѣмъ болѣе, что онъ пользуется лично особымъ расположеніемъ эмира; такимъ образомъ князь Витгенштейнъ можетъ служить типомъ военнаго дипломата, каковой существуетъ только въ Россіи».

Кромѣ посланника, въ экспедиціи принимали участіе его адъютантъ, капитанъ Алабинъ, гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій въ Тур-

кестанъ искать случая отличиться, докторъ Эрнъ, эстляндскій уроженецъ, человѣкъ весьма милый и обходительный, переводчикъ посольства Асламъ Бегъ и одинъ черкесъ.

Въ путешествіи по Средней Азій самая необходимая для путешественника вещь послѣ лошади—джигитъ; это нѣчто въ родѣ средне-вѣковаго ландскнехта, который нанимается въ услуженіе хорошо вооруженный и съ хорошою лошадыю; лучшіе и наиболѣе храбрые джигиты бывають изъ авганцевъ и туркменъ; обязанности ихъ заключаются въ слѣдующемъ; они смотрять за лошадьми, объѣзжаютъ ихъ и оказываютъ своему хозяину всевозможныя личныя услуги, не получая, впрочемъ, за все это никакого опредѣленнаго жалованья; джигита кормить также, какъ его коня и дѣлають ему подарки, когда онъ чѣмъ нибудь отличится; во время путешествія онъ служитъ проводникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняетъ вооруженный конвой.

Г. Гродековъ упоминаетъ о слѣдующемъ фактѣ, доказывающемъ преданность этихъ людей; одинъ джигитъ киргизъ былъ посланъ въ Хиву во время извѣстной экспедиціи Маркозова, заблудился въ степи и умеръ. Его сыновья отправились на поиски за нимъ, но имъ удалось розыскать лишь трупъ коня несчастнаго посланца, котораго тотъ вѣроятно убилъ, чтобы напиться его крови ¹⁾; однако, бумаги, довѣренныя ему, не пропали: палка, воткнутая въ песокъ, обозначала мѣсто, въ которомъ былъ зарытъ мѣшокъ съ денешами».

«Весьма любопытно, говоритъ г. Мозеръ, что во время путешествія по Средней Азій, въ противоположность европейскимъ обычаямъ, самое важное лицо ѣдетъ не во главѣ колонны, а въ срединѣ и даже въ хвостѣ колонны; поэтому мы все время наслаждались прелестнымъ и оживленнымъ зрѣлищемъ скачущихъ передъ нами лошадей и всадниковъ, что составляло единственное наше развлеченіе, ибо, вступивъ на почву Бухары, мы должны были отказаться отъ быстрой ѣзды, на которую были способны наши прекрасныя скакуны; церемоніаль требовалъ, чтобы нашъ поѣздъ двигался съ торжественною медленностью; въ добавокъ, лица столь важныя, какъ мы, должны были говорить какъ можно меньше, никогда не должны смѣяться и выказывать нетерпѣнія».

¹⁾ Предположеніе это—основано не болѣе какъ на легендѣ въ родѣ той, что въ убитомъ верблюдѣ находятъ воду и утоляютъ ею жажду. Ч.

VI.

Первая остановка посольства на бухарской территории была въ Ширинъ-Катунѣ, небольшомъ городкѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ сынъ Заединскаго бега, долженствовавшій сопровождать посольство до самаго Заедина. Добравшись до этого города, путешественники отправились прямо къ жилищу бега, образующему внутреннюю цитадель города, передъ которой былъ выстроенъ первый пикетъ туземныхъ солдатъ.

«Въ самой большой комнатѣ, куда насъ ввели, пишетъ Мозеръ, былъ накрытъ длинный столъ; передъ нимъ на почетномъ концѣ стояло кресло, обитое бархатомъ, на которое усѣлся князь; по правую руку отъ него стояло два кресла для насъ съ барономъ Серметомъ, а по лѣвую еще три кресла для прочихъ членовъ посольства; всѣ мы усѣлись съ покрытою головою передъ этимъ столомъ, на которомъ былъ поданъ дастраканъ,—такъ называется въ Средней Азій угощеніе, подаваемое въ честь пріѣзда какого нибудь лица и служащее знакомъ гостепримства, оказываемаго посѣтителю. Передъ нами на столѣ стояло до 50 фаянсовыхъ и металлическихъ блюдъ съ миндалемъ, виноградомъ, кишмишемъ, фисташками, абрикосами и проч.

«Сынъ бега, исполняющій обязанности хозяина дома, явился съ привѣтствіемъ; князь встрѣтилъ его сдержанно и передалъ ему при помощи переводчика, что посольство останется въ Заединѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ получено отъ эмира извѣстіе о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя сдѣланы для его пріема, о чемъ онъ просить сообщить эмиру.

«Князь говорилъ весьма холодно, ибо, зная правила бухарскаго церемоніала, онъ ожидалъ, что его встрѣтитъ не сынъ бега, а какой нибудь высшій сановникъ.

«По окончаніи обѣда, поданнаго намъ вслѣдъ за сладкимъ угощеніемъ, въ залу вошелъ Карауль-Беги, важный бухарскій сановникъ, со свитою, и почтительно поклонившись князю, тогда какъ мы стояли съ покрытою головою, обратился къ нему съ рѣчью, въ которой онъ высказалъ, что эмиръ удостоилъ его чести выѣхать на встрѣчу русскому посланнику и привѣтствовать его со вступленіемъ на бухарскую почву и что кромѣ того эмиръ поручилъ ему сопровождать посольство до столицы и заботиться вообще о томъ, чтобы оно ни чемъ не нуждалось.

«На это привѣтствіе князь отвѣчалъ, что онъ умѣетъ цѣнить

оказанный ему хороший приемъ, и что ему весьма приятно слышать, что его прїездъ радуеть его высочество.

«Церемоніаль требуетъ, чтобы послѣ этихъ первыхъ привѣтствій посланецъ эмира освѣдомился у посланника о здоровьи императора; князь же въ свою очередь долженъ былъ освѣдомиться о здоровьѣ эмира; затѣмъ послѣдовалъ вопросъ о здоровьѣ генералъ-губернатора, съ одной стороны, и Тура-джанъ (бухарскаго наследника) съ другой стороны и т. д. Наконецъ, посланный освѣдомляется о здоровьи самаго князя и ему представляютъ всѣхъ членовъ посольства.

«По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній является цѣлая масса служителей, неся предназначенные для насъ подарки; затѣмъ Карауль-Беги предлагаетъ намъ взглянуть на лошадей, которыя дарить намъ бегъ. Въ пакетѣ, предназначенномъ для меня, говоритъ Мозерь, я нашель нѣсколько халатовъ, парчевый, кашемировый, атласный, два бухарскихъ халата и, наконецъ, два другихъ изъ «адрасса», туземной полупелкуовой, полубумажной ткани. Нашимъ слугамъ, начинающая отъ джигитовъ и кончая казаками, также были розданы халаты; вообще заединскому бегу пришлось раздать по этому случаю по крайней мѣрѣ 150 халатовъ и 7 лошадей; то-же самое мы получали при каждой остановкѣ вплоть до Бухары, а затѣмъ и въ столицѣ, при каждомъ официальномъ посѣщеніи.

«На слѣдующій день, передъ отъѣздомъ, князь вручилъ подарки, предназначенные бегу съ нашей стороны; серебряныя вещи русскаго издѣлія, револьверы и парчевой халатъ.

«По мѣрѣ приближенія къ столицѣ бухарскаго ханства мѣстность становится все болѣе и болѣе плодородной, деревни попадаются чаще, вездѣ растутъ виноградникъ и хлопчатникъ.

«Наша кавалькада увеличивается съ каждымъ шагомъ и въ ней насчитываютъ, наконецъ, до 200 всадниковъ; однѣ лошади, полученные нами въ подарокъ, составляютъ цѣлую вереницу.

«Наконецъ, намъ выѣзжаютъ на встрѣчу еще два сановника бухарскаго двора, облеченные въ богатые парчевые халаты; имъ было поручено привѣтствовать посольство отъ имени эмира и сопровождать его до резиденціи.

«Подъѣхавъ къ столицѣ, мы должны были ожидать разрѣшенія эмира въѣхать въ городъ. Одинъ изъ джигитовъ отправился возвѣстить о нашемъ прїездѣ; наконецъ, разрѣшеніе было получено и мы двинулись по предмѣстьямъ Бухары, которыя весьма обширны и населены болѣе, нежели самый городъ.

«На слѣдующій день по прїездѣ нашемъ въ столицу Бухары, въ

МОЗАФФАРЪ-ЭДДИНЪ, ЭМИРЬ БУХАРСКІЙ.

1883 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1898 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Digitized by Google

домъ, отведенный для посольства, явился Рахметъ-Уллахъ, иранецъ, бывший нѣкогда чрезвычайнымъ посломъ эмира при генералѣ Черняевѣ, и привѣтствовалъ насъ съ прїѣздомъ. Ему вручили одиннадцать писемъ, адресованныхъ эмиру и вложенныхъ въ портфель, изъ золотой парчи; содержаніе этихъ писемъ было, кажется, не по душѣ бухарскому сановнику, такъ какъ въ нихъ, между прочимъ, требовалось согласіе эмира на проведеніе телеграфной линіи отъ границы ханства до г. Бухары. Князь Витгенштейнъ, посѣтившій Бухару за годъ передъ тѣмъ, также въ качествѣ чрезвычайнаго посла, тогда уже предъявлялъ подобное требованіе Мозаффаръ-Еддину, но тотъ отвѣчалъ на него уклончиво, ссылаясь на то, что онъ ничего не можетъ рѣшить безъ согласія муллъ и улемовъ, всесильныхъ въ Бухарѣ, и что подобное нововведеніе можетъ послужить поводомъ серьезныхъ волненій въ государствѣ.

«Вы можете повелѣть это своею властью, сказалъ онъ князю, такъ какъ наша жизнь въ вашихъ рукахъ; лишите насъ водъ Заравшана—и оазисъ будетъ въ вашей власти; жизнь моя коротка, я уже старъ; да будетъ воля Аллаха и Бѣлаго царя!»¹⁾ На этомъ остановились въ то время переговоры и теперь князю Витгенштейну было поручено возобновить ихъ.

«Рахметъ-Уллаху было извѣстно о цѣли посольства еще во время его пребыванія въ Ташкентѣ; желая вести переговоры непосредственно съ самимъ министерствомъ, онъ добивался поста постоянного посланника въ С.-Петербургъ, поэтому всѣ его дѣйствія клонились къ тому, чтобы переговоры князя не увѣнчались успѣхомъ; тогда, по его расчету, веденіе этого дѣла было бы поручено ему, что, въ свою очередь, повлекло бы назначеніе его на тотъ постъ, коего онъ добивался. Съ этою цѣлью, этотъ восточный Макіавели убѣдилъ эмира отправить посольство къ генералу Черняеву, бывшему въ то время въ Самаркандѣ, чтобы начать переговоры непосредственно съ самимъ генералъ-губернаторомъ, но русское правительство, желая по возможности умалить значеніе азіятскихъ монарховъ, рѣшило въ принципѣ вести съ ними переговоры лишь черезъ второстепенныхъ своихъ администраторовъ, поэтому всѣ домогательства бухарскаго посольства окончились неудачею и когда оно вернулось ни съ чѣмъ, тогда только эмиръ рѣшился начать переговоры съ княземъ Витгенштейномъ, продержавъ насъ предварительно 17 дней въ бездѣйствіи и неизвѣстности. Съ этой минуты Рахметъ-Уллахъ не принималъ болѣе участія въ переговорахъ и дѣло пошло превосходно.

¹⁾ Прилагается портретъ бухарскаго эмира.

«18-го октября, во время нашего завтрака, къ намъ явились «миракуръ», чиновникъ, на обязанности котораго лежало представить посольство эмиру, и «инакъ», высшій послѣ визиря придворный чиновникъ, и объявили, что мы будемъ въ тотъ же день приняты эмиромъ въ торжественной аудіенціи. Согласно принятому обычаю, всѣмъ лицамъ, принадлежавшимъ къ посольству, было предложено наканунѣ взять ванну въ одномъ изъ большихъ «гаммавовъ» (общественныя бани) Бухары, такъ намъ, прежде чѣмъ явиться монарху, всякій долженъ подвергнуться предварительному омовенію.

«Сановники, присланные Мозаффаръ-Эддиномъ, осмотрѣли подарки, привезенные нами для эмира; самымъ драгоценнымъ изъ нихъ была великолѣпная сабля, усыпанная драцінными камнями, подарокъ наследнику бухарскаго престола, затѣмъ двѣ вазы, отдѣланныя въ серебрѣ, и эмалированный чайникъ—подарки генерала Черняева эмиру.

«Ровно въ часъ дня мы вышли изъ дома посольства, предшествуемые инакомъ, на которомъ былъ дорогой бархатный халатъ, вышитый солнцами, величиною съ десертную тарелку; насъ окружала толпа придворныхъ джигитовъ; весь поѣздъ состоялъ изъ 150 всадниковъ, что представляло чрезвычайно красивое зрѣлище; поѣздъ двигался въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхало 2 эссаулъ-бахи, вооруженные палками, чтобы разогнать толпу, за ними наши джигиты, арба съ подарками, инакъ, миракуръ, окруженные придворными, наконецъ, князь въ казацкой шапкѣ и полной парадной формѣ, весь увѣшанный орденами.

«Всѣ прочіе также были въ парадной формѣ и этотъ разъ мнѣ пришлось пожалѣть, говорить г. Мозеръ, что у меня не было мундира. Г. Струве, одинъ изъ первыхъ русскихъ посланниковъ при бухарскомъ дворѣ, рассказывалъ мнѣ, что когда онъ представлялся эмиру во фракѣ, то тотъ посмотрѣлъ на него пристально и приказалъ подать ему халатъ, чтобы накрыться.

«Эмиръ назначилъ посольству аудіенцію въ одномъ изъ своихъ лѣтнихъ дворцовъ; едва вступивъ во дворецъ этого жилища, инакъ сошелъ съ лошади и предложилъ князю сдѣлать то же; заставить посланника сойти съ коня какъ можно далѣе отъ тѣхъ комнатъ, гдѣ онъ будетъ принятъ монархомъ, считается особенно желательнымъ, такъ какъ эмиръ, вынужденный подчиняться всѣмъ требованіямъ Россіи, не упускаетъ случая поддержать обаяніе своей власти въ глазахъ своего народа, который не въ состояніи еще понять, что можетъ существовать власть, сильнѣе власти его монарха.

«Однако, русскіе не всегда поддавались этимъ маленькимъ комедіямъ, что свидѣтельствуешь отвѣтъ одного изъ русскихъ дипломатовъ

на замѣчаніе перваго министра бухарскаго эмира. Удивленный молодостью этого дипломата, Купшъ-Беги спросилъ его:

— «Понимаетъ ли Бѣлый Царь все значеніе моего властителя, что онъ прислалъ къ нему столь молодого посланника?»

— «Если бы императоръ зналъ эмира, отвѣчалъ ему посланникъ, то онъ послалъ бы къ нему козла, и то было бы для него слишкомъ большою честью!»

«Во второмъ дворѣ, куда мы вступили, стояли тѣлохранители эмира и тутъ же собрались всѣ высшіе сановники бухарскаго двора, одѣтые сообразно своимъ чинамъ; болѣе мелкіе чиновники носятъ халаты изъ канауса, шелка всѣхъ цвѣтовъ, атласа, бархата или кашемира, а высшіе сановники — парчевые халаты; у всѣхъ на головѣ были бѣлыя чалмы; всѣ эти сановники присоединились къ нашей свитѣ. Миновавъ садъ, окружающій дворецъ, мы вступили на террасу, ведущую въ покои эмира. Тутъ насъ встрѣтили опередившіе насъ инакъ, Рахметъ-Уллакъ и миракуръ; они шли задомъ, отвѣщая на каждомъ шагу низкіе поклоны. Поровнявшись съ ними, мы остановились; инакъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, бросилъ взглядъ въ полуотворенную дверь и, отступивъ назадъ, съ видомъ благоговѣйнаго ужаса, сдѣлалъ знакъ князю, что можно идти далѣе.

«Эти признаки боязни, эта дрожь въ голосѣ, съ какою говорятъ приближенные эмира въ его присутствіи, невольно дѣйствуютъ на нервы самаго хладнокровнаго человѣка, когда вспоминаешь при этомъ, что недавно еще одинъ взглядъ этого монарха могъ стоять жизни европейцу.

«Вслѣдъ за княземъ и мы вступили въ обширную залу, устланную ковромъ, въ глубинѣ которой возсѣдалъ на тронѣ эмиръ Бухары Сейдъ-Мозаффаръ-Эдинъ-ханъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ него у стѣны было поставлено обитое краснымъ бархатомъ кресло для князя, два стула для капитана Алабина и для доктора, а посреди комнаты, напротивъ трона, стояли два кресла для полковника Сермета и для меня.

«Сейдъ-Мозаффаръ-Эдинъ-ханъ, считающій себя по женской линіи потомкомъ Чингисъ-хана, родился въ 1823 г. и, будучи назначенъ 17-ти лѣтъ отъ роду бегомъ Кархи, жилъ въ совершенномъ бездѣйствіи до 1832 г., когда по смерти отца онъ вступилъ на бухарскій престолъ. Какъ мусульманинъ и фанатикъ, онъ окружилъ себя съ первыхъ же дней своего царствованія наиболѣе вліятельными улемами¹⁾

¹⁾ Законовѣды.

и управлялъ своими владѣніями весьма благоразумно, во всемъ слѣдующаго строго предписаніямъ корана.

«Набѣги туркменъ и смѣлыя нападенія афганцевъ, опустошавшихъ лѣвый берегъ Аму-Дарьи, вывели его изъ этого религіознаго экстаза. Въ это самое время М. Г. Черняевъ совершалъ покореніе Туркестана; эмиръ отправилъ ему письмо слѣдующаго содержанія: «Я здоровъ, требую, чтобы ты отступилъ, иначе я объявлю священную войну». Генераль Черняевъ отвѣчалъ на это оригинальное посланіе также весьма лаконически: «Я тоже здоровъ и съ помощью Божіею буду скоро въ твоей столицѣ». Послѣдствія этой переписки извѣстны.

«Мозаффаръ-Еддинъ, шестидесятилѣтній старикъ, значительно постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его послѣдній разъ; онъ былъ нѣкогда замѣчательно красивъ и глаза его сохранили до сихъ поръ юношескій блескъ; но вообще на лицѣ его отразилось утомленіе; лицо его кажется весьма симпатичнымъ, когда онъ улыбается; когда же онъ молчитъ, то его взглядъ имѣетъ какое-то неопредѣленное выраженіе.

«Насъ чрезвычайно заинтересовалъ его костюмъ; во время прежнихъ аудіенцій онъ надѣвалъ халаты, болѣе или менѣе разукрашенные драгоценными камнями; этотъ же разъ онъ надѣлъ на себя мундиръ, и, по правдѣ сказать, мундиръ въ высшей степени фантастичный. Представьте себѣ верхнюю одежду изъ бархата кирпичнаго цвѣта, спускавшуюся ниже колѣнъ, изъ-подъ которой торчалъ халатъ на мѣху; на груди и на полахъ этой одежды, въ видѣ треугольниковъ и другихъ фигуръ, были нашиты широкіе генеральскіе галуны; наконецъ, на немъ красовались густые золотые эполеты, попавшіе сюда, вѣроятно, отъ какого-нибудь русскаго генерала; на груди, справа и слѣва, видѣлись звѣзды св. Станислава и св. Анны, украшенные алмазами, а между ними висѣла бухарская звѣзда — орденъ, учрежденный недавно по случаю коронаціи русскаго императора и украшенный брилльянтомъ величиною въ голубиное яйцо; надъ этимъ орденомъ были прицѣплены еще двѣ звѣзды того же самаго ордена, изъ конхъ одна была украшена тремя, а другая четырьмя брилльянтами; наконецъ, гораздо ниже, на животѣ красовался цѣлый рядъ золотыхъ звѣздъ, все того-же бухарскаго ордена, представлявшихъ собою настоящую коллекцію драгоценныхъ камней; надѣвая съ поль-дюжины звѣздъ одного и того-же ордена, эмиръ, очевидно, не имѣетъ яснаго представленія о значеніи этихъ знаковъ отличія.

«Войдя въ тронную залу, князь подошелъ къ эмиру и, пожавъ ему руку, представилъ всѣхъ насъ по очереди; эмиръ протянулъ

каждому изъ насъ свою тонкую, худощавую руку и благосклонно улыбнулся намъ. Когда всё усьлиось, кромѣ переводчика Асламъ-бега, стоявшаго возлѣ трона, то эмиръ, говоря весьма слабымъ голосомъ, велѣлъ передать князю, что онъ радъ присутствію его въ Бухарѣ, а равно присутствію иностранцевъ, пріѣхавшихъ столь издалека.

«На это привѣтствіе кн. Витгенштейнъ отвѣчалъ, что онъ почитаетъ для себя за особое счастье, что императоръ въ третій разъ назначаетъ его посломъ въ Бухару, присовокупивъ, что онъ привезъ саблю, которую Е. И. В. посылаетъ наслѣднику, и что хотя сабля представляетъ собою орудіе войны, но въ данномъ случаѣ, по словамъ государя, она должна служить эмблемою и залогомъ дружественныхъ чувствъ.

«Эмиръ, который по правиламъ этикета, говоритъ во время торжественныхъ аудіенцій весьма мало, утвердительно кивнулъ въ отвѣтъ на это головою; затѣмъ въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Мы сидимъ минутъ съ пять не шевелясь и не смѣя взглянуть другъ на друга изъ боязни разразиться смѣхомъ. Эмиръ видимо томится, сидитъ сложа руки на животѣ и болтаетъ ногами, которыя висятъ на воздухѣ, такъ какъ его тронъ довольно высокъ.

«Наконецъ, князь велитъ спросить у его высочества имѣетъ ли онъ что-либо сообщить ему?

«Тогда эмиръ все тѣмъ-же едва слышнымъ, утомленнымъ голосомъ спрашиваетъ, кто будетъ служить переводчиками для иностранныхъ гостей; князь отвѣчаетъ, что переводчиками будутъ онъ самъ и Асламъ-Бегъ.

«Послѣ новаго молчанія князь заявляетъ о своемъ намѣреніи удалиться, на что эмиръ отвѣчаетъ кивкомъ въ знакъ согласія и мы проходимъ мимо трона и еще разъ удостоиваемся рукопожатія эмира, при чемъ его безучастное лицо вновь озаряется улыбкою.

«Въ одномъ изъ павильоновъ дворца для насъ было приготовлено угощеніе; тутъ намъ вручили подарки эмира: два коня и кипуха латовъ для князя, а для cadaго изъ насъ по одному коню и по 10 халатовъ, изъ коихъ одинъ кашемировый, замѣчательной тонкости и цвѣта.

«Салемъ или аудіенція у эмира послужила сигналомъ для цѣлаго ряда официальныхъ визитовъ къ разнымъ высшимъ придворнымъ сановникамъ; эти приемы, дѣлаемые по повелѣнію эмира, должны были также служить для насъ знакомъ его особой милости. Первый нашъ визитъ былъ къ Кушъ-Бега, важному сановнику, занимавшему первое мѣсто при дворѣ эмира. Онъ жилъ въ Урдѣ или цитадели, представляющей собою какъ бы отдѣльный городъ въ стѣнахъ сто-

лицы и служащей въ то-же время резиденціей эмира; тутъ хранятся, между прочимъ, въ особыхъ магазинахъ всѣ подарки, полученные эмиромъ отъ монарховъ и отъ разныхъ посѣтителей; говорятъ, что цѣлыя комнаты наполнены тутъ серебряными вещами, оружіемъ и драгоценными предметами; но никто не видалъ этихъ сокровищъ, собираемыхъ эмиромъ, который ввѣрилъ ихъ храненію Кушъ-Беги, вотъ почему этотъ сановникъ никогда не отлучается изъ цитадели.

«Когда мы вступили во дворъ крѣпости, Кушъ-Бегъ вышелъ намъ на встрѣчу, протянувъ князю въ знакъ привѣтствія обѣ руки; это маленький старичекъ лѣтъ шестидесяти, съ сѣдой бородою, съ взоромъ быстрымъ и пронзательнымъ; онъ весьма привѣтливъ и лъстивъ, но въ сущности человекъ въ высшей степени хитрый.

«Согласно обычаю, для насъ былъ приготовленъ дастраканъ и вслѣдъ за нимъ обѣдъ, состоявшій изъ нескончаемаго числа туземныхъ кушаній, до которыхъ, впрочемъ, мы едва дотрогивались, какъ того требовали правила этикета. Такъ какъ Кушъ-Бегъ сидѣлъ за столомъ рядомъ со мною, то я могъ вдоволь разсмотрѣть его. По его манерамъ никакъ нельзя было бы сказать, что это бывший невольникъ и поваръ эмира; его одежда отличалась замѣчательнымъ богатствомъ: громадная чалма была усыпана изумрудами и рубинами, на бѣломъ атласномъ халатѣ, по золотой и серебряной парчѣ, были вышиты всевозможные узоры настоящимъ жемчугомъ. Его маленькіе, быстрые глаза такъ и бѣгали отъ одного къ другому, въ нихъ отражались всевозможныя чувства; когда же ему вручили наши подарки, то они заискрились отъ удовольствія. Чрезвычайно нуждаясь въ немъ для моего путешествія по Аму-Дарьѣ, я привезъ ему вызолоченную чашу, вѣсомъ въ пять фунтовъ, весьма изящной работы, наполненную разными мелочами: духами, косметиками и пр. Наше посѣщеніе окончилося торжественной передачей намъ подарковъ, состоявшихъ, также какъ и подарки эмира, изъ халатовъ и коней со сбруей, съ тою разницею, что лошади, подаренныя намъ Кушъ-Бегу, были страшнѣйшія клячи, а халаты были буквально всѣ поѣдены молью.

«Изъ безчисленнаго множества оффиціальныхъ пріемовъ и дастракановъ, устроенныхъ въ честь нашего пріѣзда, заслуживаетъ упоминанія смотръ, произведенный, по повелѣнію эмира, въ нашемъ присутствіи начальникомъ артиллеріи. По правдѣ сказать, мнѣ очень хотѣлось увидѣть вновь бухарскихъ солдатъ, которые не разъ забавляли меня своими ученіями во время моей первой поѣздки въ Бухару. Меня чрезвычайно удивилъ и насмѣшилъ тогда одинъ маневръ, производившійся солдатами весьма стройно: по данному сигналу они пускались бѣжать, затѣмъ, заслышавъ вторичный сигналъ, бросались

спиною на землю и начинали болтать ногами по воздуху. Впослѣдствіи одинъ русскій офицеръ, участвовавшій во взятіи Самарканда, объяснилъ мнѣ эту странную военную эволюцію: когда русская пѣхота перешла въ бродъ Зеравшанъ, съ намѣреніемъ напасть на бухарцевъ, расположившихся на противоположномъ берегу, то у солдатъ сапоги, разумѣется, наполнились водою, тогда они легли на спину и подняли ноги кверху, чтобы дать водѣ стечь и чтобы имъ было такимъ образомъ легче идти далѣе. Бухарцы, видѣвши все это, приняли это за особый маневръ и, будучи побиты русскими, сочли его образцовымъ и ввели у себя.

«Парадъ, о которомъ было упомянуто выше, прошелъ превосходно; бухарское войско казалось прекрасно дисциплинированнымъ, солдаты были одѣты безукоризненно; оказывается, что солдаты уже съ дѣтства начинаютъ изучать сигнальные знаки, коихъ насчитываютъ до 150; пятнадцати лѣтъ они поступаютъ въ армію волонтерами и служатъ до 20-лѣтняго возраста. По окончаніи парада начальнику артиллеріи были переданы отъ насъ подарки: все тѣ-же неизбѣжные халаты и лошади».

Во все пребываніе г. Мозера въ столицѣ Бухары ему удалось всего только одинъ разъ осматривать городъ; все остальное время, которое не было занято официальными визитами, онъ проводилъ въ своихъ покояхъ, точно также какъ и всѣ прочіе члены посольства; на всѣ ихъ попытки выйти на улицу имъ отвѣчали вѣжливымъ отказомъ. Когда, наконецъ, былъ назначенъ день для осмотра города, то они посѣтили прежде всего Иръ-Назаръ-медрессе, построенное на деньги, пожалованныя императрицей Екатериной II; «всѣхъ медрессе (университетовъ), коими славится Бухара, насчитываютъ въ этой столицѣ до 100 и множество студентовъ получаютъ въ нихъ высшее образованіе; богатые являются въ нихъ только для слушанія лекцій, а бѣднымъ отводятся помѣщенія въ самомъ зданіи медрессе. Надобно замѣтить, что образованіе чрезвычайно распространено въ этой странѣ; неграмотные составляютъ тутъ рѣдкость; въ одной Бухарѣ насчитываютъ до 1000 элементарныхъ школъ, содержимыхъ не казною, а самимъ обществомъ; въ каждой улицѣ имѣется своя школа, въ которую учитель избирается родителями учащихъ дѣтей и содержится на ихъ счетъ.

Начальное образованіе начинается съ 5-ти-лѣтняго возраста и продолжается до 7—8 лѣтъ; когда ученики усвоятъ азбуку и научатся немного писать, то они начинаютъ учить отрывки изъ корана, а когда научатся читать и переписывать Фарзенъ и Чаръ-Китобъ, двѣ книги, заключающія въ себѣ всѣ знанія, необходимыя для человѣка, то образованіе ихъ считается оконченнымъ и они могутъ поступать въ медрессе. Школы для дѣвочекъ также весьма многочисленны.

Покончивъ осмотръ учебныхъ заведеній, путешественники посѣтили базары, которые далеко не такъ оживлены, какъ базары Ташкента, купцы показываютъ свои товары какъ бы нехотя; главнымъ предметомъ вывозной торговли въ Бухарѣ является хлопчатая бумага, которая, надобно замѣтить, во многомъ уступаетъ американскому хлопку; затѣмъ идутъ шелковыя ткани, сарнакъ или шелковые очески и бараній мѣхъ, извѣстный въ Бухарѣ подъ названіемъ «каракулей».

27-го октября (1883 г.) русское посольство было принято въ торжественной аудіенціи Тура-джавомъ, бухарскимъ наслѣднымъ принцемъ; это красивый, молодой человекъ 24-хъ лѣтъ (1883 г.), съ черной шелковистой бородою, умными глазами и изящными манерами. Онъ встрѣтилъ князя съ изысканною вѣжливостію и съ сердечнымъ чувствомъ; однако, было замѣтно, что онъ чѣмъ-то озабоченъ. Будучи посланъ эмиромъ на коронацію нынѣ царствующаго Императора, онъ встрѣтилъ въ Россіи весьма радушный пріемъ и, какъ человекъ умный, весьма скоро понялъ, чѣмъ отличаются западныя державы отъ его отечества, представляющаго собою какъ бы островокъ среди песчаной пустыни, и который правительство эмира такъ долго старалось устранить отъ соприкосновенія съ европейскою цивилизаціей. Въ Россіи его обласкали и всюду пріивѣтствовали какъ наслѣдника престола бухары; быть можетъ, именно это обстоятельство и вызвало неудовольствіе къ нему со стороны отца; какъ бы то ни было, онъ находится съ тѣхъ поръ въ немилости; чувствуя себя окруженнымъ соглядатаями эмира, онъ былъ съ европейцами не болѣе какъ вѣжливъ.

«На слѣдующій день посольство было съ официальнымъ визитомъ у инака или министра торговыхъ дѣлъ (ministre du commerce), сына Кушъ-Беги, челевѣка, имѣющаго въ настоящее время наибольшее вліяніе на дѣла; съ нимъ бесѣда шла весьма оживленно; онъ интересовался разными подробностями о Швейцаріи и съ своей стороны настаивалъ на томъ, что его монарху доставило особенное удовольствіе пребываніе въ его столицѣ иностранца, пріѣхавшаго столь издалека ¹⁾».

«1-го ноября (1883 г.) насъ посѣтилъ наперсникъ эмира, продолжаетъ свой рассказъ г. Мозеръ; это простой «хаджи», по имени Ходья-Уракъ; онъ явился съ извѣстіемъ, что мы будемъ вновь приняты эмиромъ и что по этому случаю иностранцы, желающіе продолжать свой путь, могутъ откланяться его высочеству».

«Дѣйствительно, на слѣдующій день, ровно въ 12 часовъ дня, за нами, въ зданіе посольства, явился почетный караулъ, предводимый инакомъ; аудіенція должна была происходить въ Шеръ-Бодинѣ, люби-

¹⁾ Прилагается здѣсь портретъ Кушъ-Беги.

КУШЪ-БЕГУИ.

1883 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1893 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ОКТЯБРЯ 1897 г.

Экспедиция заготовления государственныхъ бумагъ.

Digitized by Google

мой резиденціи эмира, въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ столицы. Посреди огромной залы, одна сторона которой занята окнами, идущими отъ потолка до пола, стоялъ тронъ, на которомъ возсѣдалъ эмиръ; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, влѣво отъ трона, было приготовлено два кресла, для кн. Витгенштейна и его адъютанта; докторъ и второй переводчикъ помѣстились на стульяхъ; вправо стояли два кресла, для полковника Сермета и для меня. Во всей огромной комнатѣ не было никакой другой мебели, но полъ былъ устланъ европейскими коврами. Странная вещь, между тѣмъ какъ у насъ стараются безуспѣшно подражать ковровымъ тканямъ востока, здѣсь, въ тронной залѣ азіятскаго монарха, встрѣчаются произведенія нашей промышленности.

«Мы удостоились поочередно пожать руку эмиру, который этотъ разъ былъ одѣтъ въ красный бархатный халатъ, вышитый драгоценными каменьями; онъ отнесся къ намъ съ тою же особенною любезностью, какъ и въ первую аудіенцію; освѣдомился—довольны ли мы пребываніемъ въ его владѣніяхъ. Лишь только мы усѣлись, кн. Витгенштейнъ заявилъ, что иностранные гости явились къ его в—ву съ просьбою дозволить имъ уѣхать обратно. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ бар. Серметомъ, я обратился также къ эмиру съ рѣчью, въ которой высказалъ ему, что я первый изъ швейцарцевъ переступилъ предѣлы Бухары и, возвратясь домой, расскажу имъ о гостепріимномъ приѣмѣ, который былъ оказанъ мнѣ во владѣніяхъ эмира. Затѣмъ я обратилъ вниманіе его в—ва на то обстоятельство, что между моей родиной и владѣніями его свѣтлости есть нѣкоторое сходство; ученыхъ въ Швейцаріи, какъ и въ Бухарѣ, весьма много и швейцарскія медресе долгое время славилась въ Европѣ, подобно тому, какъ медресе Бухары славятся во всей Азіи.

«Эмиръ отвѣчалъ мнѣ на это увѣреніемъ, что онъ весьма радъ приѣзду въ его владѣнія иностранныхъ гостей и тому, что я доволенъ приѣмомъ, оказаннымъ мнѣ въ Бухарѣ. «Скажи своему государю», прибавилъ онъ, «что я радуюсь тому, что онъ прислалъ тебя ко мнѣ; передай ему отъ меня поклонъ и скажи ему, что всѣ тѣ, кого онъ пошлетъ сюда, также будутъ желанными гостями.

«Что касается насъ, прощальная аудіенція была окончена; мы откланялись эмиру и удалились изъ залы, оставивъ тамъ русское посольство. Пройдя нѣсколько обширныхъ залъ, мы усѣлись за предложенное намъ, по обычаю, угощеніе, во время котораго я вступилъ въ бесѣду съ «хаджи», наперсникомъ эмира, говорившимъ немного по русски; оказалось, что онъ исходилъ съ палкою въ рукахъ буквально всю Азію, побывалъ въ Меккѣ, пять лѣтъ прожилъ въ Стамбулѣ и лично знаетъ многихъ коронованныхъ особъ.

«Во время этой бесѣды въ намъ присоединился кн. Витгенштейнъ

и его свита; по лицу князя тотчасъ было замѣтно, что онъ доволенъ результатомъ своихъ переговоровъ; дѣйствительно, эта аудіенція была рѣшительная и эмиръ согласился, наконецъ, на главныя требованія, предложенныя ему княземъ: онъ изъявилъ свое согласіе на устройство телеграфной линіи отъ границы русскаго Туркестана до Бухары. Надобно хорошо знать эту страну, чтобы повяъ какую нравственную побѣду одержалъ Черняевъ надъ упрямствомъ и фанатизмомъ бухарцевъ, добившись этой уступки, которой онъ придавалъ особенное значеніе. Его имя навсегда останется связаннымъ съ этою брешью, пробитою имъ въ китайской стѣнѣ, отдѣляющей владѣнія эмира отъ цивилизованнаго міра.

«Первая мысль и энергичное преслѣдованіе этой цѣли принадлежать М. Г. Черняеву, точно также какъ честь выполненія этого плана принадлежитъ безспорно кн. Витгенштейну, выказавшему въ этомъ случаѣ замѣчательныя дипломатическія способности.

«Всѣ мы были обрадованы одержанною побѣдою и не могли налюбоваться подарками, полученными нами, которые превосходили великолѣпнѣмъ всѣ предшествовавшіе.

«Между тѣмъ явился иначе съ приглашеніемъ отъ имени эмира переночевать въ Шеръ-Бодинѣ. Провести ночь подъ одной крышею съ эмиромъ считается величайшею честью, которой можетъ удостоиться человѣкъ: до сихъ поръ ни одному посольству не было оказано этой чести.

«Къ моему величайшему удовольствію, эмиръ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы я снялъ фотографическіе виды его дворца и дозволилъ даже фотографировать придворныхъ чиновниковъ; снимки удались какъ нельзя лучше; весьма комично было видѣть страхъ мусульманъ передъ моимъ маленькимъ инструментомъ.

«На слѣдующій день меня ожидалъ пріятный сюрпризъ: передъ нашимъ отъѣздомъ изъ дворца Хаджи-Урака вручилъ мнѣ, отъ имени эмира, на память моего пребыванія въ его столицѣ, орденскіе знаки бухарской звѣзды второй степени; она представляла собою массивную золотую бляху, вѣсомъ около фунта и величиною съ блюдечко; этотъ крайне оригинальный орденъ носится на груди и, кажется, изъ иностранцевъ я получилъ его первый».

6-го ноября г. Мозеръ простился съ Бухарой; передъ самымъ отъѣздомъ эмиръ оказалъ ему еще одно вниманіе, приславъ къ нему инака и своего приближеннаго Хаджи-Урака съ пожеланіемъ ему счастливаго пути и назначивъ состоять при немъ новаго техмендара (оффиціальнаго гоффурьера) мирзу Мохамедъ-Али, коему было приказано сопровождать г. Мозера до Чарджуи. На этомъ пути всѣ беги были предувѣдомлены о проѣздѣ путешественника, ѣхавшаго какъ гость

эмира; поэтому они выѣзжали ему на встрѣчу съ цѣлой свитой и предлагали угощеніе. Такимъ образомъ онъ достигъ благополучно Чарджуи, резиденціи наслѣднаго принца, Тура-Джана; все населеніе города высыпало на встрѣчу пріѣзжему; у городской стѣны, среди роскошнаго сада, было приготовлено для него помѣщеніе. На слѣдующій день онъ былъ принятъ Тура-Джаномъ, который бесѣдовалъ съ нимъ съ полъ-часа, былъ чрезвычайно любезенъ и много разспрашивалъ его о Швейцаріи и обѣщалъ оказать ему свое содѣйствіе въ дальнѣйшемъ его путешествіи.

На слѣдующій день г. Мозеръ получилъ отъ принца великолѣпные подарки: десять роскошныхъ чапановъ и превосходнаго туркменскаго коня со сбруей: уздечка изъ чистаго золота была усыпана бирюзой, а бархатный чепракъ украшенъ золотыми блестками; кромѣ того, онъ прислалъ ему двухъ превосходнѣйшихъ туркменскихъ борзыхъ собакъ и охотничьяго сокола, повелѣвъ сказать ему, что этимъ онъ обезпечиваетъ ему продовольствіе на все время путешествія, такъ какъ, имѣя превосходныхъ лошадей, борзыхъ собакъ и сокола, всегда будетъ обезпеченъ пищею въ этой мѣстности, изобилующей всякаго рода дичью. Это были, поистинѣ, царскіе подарки, такъ какъ пара подобныхъ борзыхъ собакъ стоитъ цѣлое состояніе, а хорошій соколъ равняется цѣнностью доброму коню.

Лѣвый берегъ Аму-Дарьи за Чарджуи представляетъ собою оазисъ, по которому среди обработанныхъ полей разбѣяны жилища, но за Динау начинается область песковъ, простирающаяся до самой границы Хивинскаго ханства. У Иль-Джика, лежащаго на правомъ берегу Аму-Дарьи, г. Мозеръ разстался съ конвоемъ, даннымъ ему Тура-Джаномъ, и поплылъ на баркѣ по рѣкѣ, приставая время отъ время къ берегу, чтобы поохотиться; такимъ образомъ онъ добрался до Учъ-Учака, послѣдняго бухарскаго форта, лежащаго на правомъ берегу Аму-Дарьи. Начиная съ этого пункта, по правую сторону рѣки, тянется вновь присоединенная къ Туркестанскому краю Аму-Дарьинская область, а по лѣвую сторону начинаются владѣнія хивинскаго хана. Вплоть до Акъ-Камыша, правый берегъ рѣки заселенъ аулами туркменскаго племени Ата, нынѣ покорнаго и смирнаго, которое управляется волостными старшинами, избираемыми самими туркменами.

«Наконецъ, послѣ многодневнаго плаванія по рѣкѣ, я достигъ, рассказываетъ г. Мозеръ, Петро-Александровска, вновь построеннаго русскаго форта, въ которомъ первый разъ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я имѣлъ удовольствіе растянуться на настоящей кровати, засланной чистымъ бѣльемъ, и могъ, наконецъ, снять съ себя

верхнюю одежду, въ которой я спалъ, не раздѣваясь съ отъѣзда изъ Чарджуи.

«На слѣдующій день меня ожидалъ радушный пріемъ у генерала Гротенгельма, губернатора этой провинціи; хотя я зналъ этого генерала съ давнихъ поръ, но все же М. Г. Черняевъ снабдилъ меня рекомендательными къ нему письмами. Въ его миломъ семействѣ я провелъ лучшія минуты пребыванія моего въ этой крѣпости; меня уговаривали даже поселиться тутъ навсегда. «Черезъ нѣсколько недѣль вы сдѣлаетесь тутъ домовладѣльцемъ», убѣждали меня: «за 50 рублей здѣсь можно построить домъ и даже весьма уютный».

«Но это предложеніе не соблазнило меня, я спѣшилъ отправиться въ Хиву; генералъ Гротенгельмъ поручилъ консулу хивинскаго хана, Абасъ-Насъ-Мехрему, сопровождать меня до столицы ханства. Я хотѣлъ сдѣлать ему визитъ, но генералъ отговорилъ меня отъ этого: «Я пришлю его къ вамъ, сказалъ онъ, съ этими людьми нечего церемониться».

«Хотя фортъ Петро-Александровскій существуетъ уже около 10 лѣтъ, но въ немъ нѣтъ никакихъ прочно возведенныхъ зданій: частные дома представляютъ собою жалкія глиняныя лачуги, такъ и чувствуется, что эта крѣпостца не болѣе, какъ временный этапъ».

Отдохнувъ въ Петро-Александровскѣ и возстановивъ свои силы, нашъ путешественникъ отправился далѣе; мѣстность, по которой ему пришлось ѣхать по пути въ Хиву, прекрасно обработана; плодородіе почвы и тутъ, какъ въ Бухарскомъ ханствѣ, зависитъ отъ воды, съ тою разницею, что здѣсь она изобилуетъ, такъ что весною прорываеъ плотины, и задача земледѣльца заключается именно въ томъ, чтобы предупредить эти наводненія; эти работы выполнялись нѣкогда невольниками персами, но вотъ уже десять лѣтъ какъ (1873—1883 гг.) туземцы вынуждены производить эти работы сами и это служить источникомъ нескончаемыхъ жалобъ съ ихъ стороны на русское правительство; въ настоящее время эта мѣстность совершенно спокойная, но до появленія въ Средней Азійи русскихъ туркмены производили свои хищническіе набѣги до воротъ самой Хивы.

Генрихъ Мозеръ.

Извлеч. и переводъ Вѣры Вас. Тимошукъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИВАНЪ ТЕРЕНТЬЕВИЧЪ ОСИНИНЪ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Род. 1835 г., † 1887 г.

V¹⁾.

Покойный Н. А. Вышнеградскій, какъ начальникъ женскихъ гимназій, глубоко оскорбленный возникшими въ 1865—1866 гг. нареканіями противъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій въ извѣстной части петербургскаго общества, самъ просилъ принца Ольденбургскаго, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ о женскихъ гимназіяхъ, о назначеніи ревизіонной комиссіи изъ благонадежныхъ и опытныхъ людей. Въ составъ этой комиссіи, назначенной по высочайшему ея императорскаго величества Маріи Александровны повелѣнію, поступилъ и И. Т. Осининъ, экстраординарный профессоръ духовной академіи. На него, по распоряженію предсѣдателя комиссіи, извѣстнаго педагога, покойнаго М. Б. Чистякова, кромѣ общихъ съ другими членами трудовъ, назначено было разсмотрѣніе печатныхъ и письменныхъ матеріаловъ (программы, лекціи, записки, работы ученицъ и т. д.) по исторіи и географіи.

Какъ членъ комиссіи, И. Т. Осининъ вполне оправдалъ оказанное ему его начальствомъ (оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода) довѣріе, а равно и высокое довѣріе августѣйшей покровительницы женскаго образованія. Онъ отнесся къ дѣлу не только съ полнымъ вниманіемъ, но, въ виду особой его важности, — съ нѣкоторою строгостью, и въ то-же время съ сохраненіемъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVII, февраль, стр. 457—476.

полнаго достоинства просвѣщеннаго человѣка и безпристрастнаго судьи, ставъ совершенно независимо и отъ постороннихъ злобныхъ вліаній, и отъ праздныхъ слуховъ въ обществѣ. Съ меньшею строгостью и съ меньшимъ искусствомъ, но также серьезно и безпристрастно отнеслись къ своей обязанности и другіе члены комиссіи, за исключеніемъ одного лица, которое, какъ оказалось, нѣкогда состояло на службѣ въ одной изъ женскихъ гимназій и было уволено начальствомъ ея за неумѣлое и нерадивое исполненіе своихъ обязанностей. Этотъ членъ комиссіи, при всемъ желаніи повредить дѣлу гимназическаго женскаго образованія, а, главное—лично Н. А. Вышнеградскому, явился не на высотѣ своего положенія ревизора и судьи дѣла и, по счастью, не повліялъ ни на другихъ членовъ комиссіи, ни на августѣйшихъ покровителей образованія русской женщины. Хотя и онъ вынужденъ былъ заявить, что не замѣтилъ въ гимназіяхъ ничего антирелигіознаго или прямо безнравственнаго, но тѣмъ не менѣе онъ нашель, что религіозный элементъ проводится въ гимназіяхъ весьма слабо, и въ своемъ измышленіи на невинныхъ дѣтей дошелъ до заявленія, будто при чтеніи моленій за государя императора и царствующій домъ—дѣти стоятъ спокойно, какъ будто эти моленія не доходятъ до ихъ слуха. На чтеніе Св. Евангелія, въ гимназіяхъ, во время утренней молитвы, этотъ членъ указалъ, какъ на увлеченіе суемудріемъ въ религіозномъ воспитаніи православныхъ дѣтей.

Оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ указаній на дѣйствительные и мнимые недостатки гимназическаго образованія женщины, а равно—отзывы другихъ членовъ, обращаемся къ отзыву профессора Осинина, въ которомъ находятся, между прочими, такія мысли, которыя интересны и полезны даже въ настоящее время.

Представляя въ комиссію результаты своихъ двухмѣсячныхъ наблюденій и изученія современнаго состоянія женскихъ гимназій, почтенный профессоръ прежде всего съ похвалою отзывается о начальникѣ гимназій, Н. А. Вышнеградскомъ, какъ о человѣкѣ, обладающемъ рѣдкими педагогическими способностями; съ похвалою же говоритъ и объ учебно-воспитательномъ персоналѣ ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеній, прибавляя, что по отношенію къ учебной части женскія гимназіи производятъ пріятное

и отрадное впечатлѣніе. Что касается до воспитательной части, то профессоръ Осининъ замѣтилъ нѣкоторую распушенность въ старшихъ классахъ Маринской гимназіи и неумѣстную слабость дисциплинарныхъ мѣръ, необходимыхъ для поддержанія надлежащаго порядка и тишины какъ во время отдыха, такъ и въ самыхъ классахъ. Что касается до духа и характера даваемого въ гимназіяхъ воспитанія, то единственное, на что счелъ себя въ правѣ указать профессоръ Осининъ, это одностороннее преобладаніе естественныхъ наукъ въ женскомъ курсѣ, отнюдь не соотвѣтствующее цѣли женскаго воспитанія, какъ дающее воспитанію женщины характеръ слишкомъ эмпирической, неблагоприятный для успѣшнаго нравственнаго и эстетическаго ея развитія. По мнѣнію профессора, въ этомъ отношеніи достаточно было-бы ограничиться общимъ курсомъ физики и тѣми лишь свѣдѣніями изъ физиологіи и народной гігіены, которыя могутъ имѣть прямое практическое приложеніе при исполненіи обязанностей матери и хозяйки. Что - же касается до введеннаго въ младшихъ классахъ гимназій нагляднаго обученія, то предметомъ его, по мнѣнію Осинина, всего лучше могли-бы служить частью историческія и нравоучительныя повѣствованія, принаровленные, по своей формѣ, къ степени развитія дѣтей, частью-же, описаніе предметовъ, принадлежащихъ къ области искусствъ и промышленности.

Останавливаясь пока на этомъ мѣстѣ отзыва профессора Осинина, въ дополненіе къ нему, приведемъ два факта, свидѣтельствующіе, что преподаваніе естествовѣдѣнія въ женскихъ гимназіяхъ, дѣйствительно, подпало господствовавшему въ ту эпоху увлеченію и вѣянію, не подходившему къ цѣлямъ педагогическимъ. Такъ, еще за два года до работы коммисіи, —оказалось необходимымъ выработать особое постановленіе конференціи педагогическаго курса по вопросу о томъ, какія статьи изъ зоологіи и анатоміи человѣка должны быть изучаемы ученицами педагогическаго курса и какія должны быть опускаемы?

Конференція единогласно постановила: такъ какъ тщательное охраненіе женской стыдливости составляетъ одно изъ существенныхъ условій надлежащаго женскаго воспитанія, то — статьи о половыхъ органахъ и совершающихся въ нихъ процессахъ какъ у человѣка, такъ и у млекопитающихъ животныхъ должны быть

всѣмъ выпускаемы изъ курса, и, вообще, изложеніе всѣхъ вообще предметовъ, независимо отъ научнаго образованія молодыхъ дѣвушекъ—должно быть тщательно примѣняемо къ особенностямъ ихъ пола и потому всѣ подробности, могущія какимъ-бы то ни было образомъ оскорбить дѣвическую стыдливость, должны быть возможно обходимы.

Очевидно, такое постановленіе конференціи, само по себѣ неумѣстное, по самому характеру своему,—было вызвано необходимостью предостеречь и обуздать педагоговъ, увлеченныхъ модною наукой.

Другой фактъ, доказывающій, что преподаваніе естественнѣдѣнія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ стояло на пути опасныхъ увлеченій, это—внезапное (за мѣсяць до назначенія коммиссіи) закрытіе естественнаго факультета при педагогическомъ курсѣ (14 апрѣля 1866 г.), вслѣдствіе чего четыре профессора естественныхъ наукъ освобождены отъ занятій на курсѣ.

Переходя къ другимъ частямъ отзыва профессора Осинина о женскихъ гимназіяхъ, — остановимся на его замѣчаніи о неумѣстности обремененія памяти дѣтей сухой номенклатурой въ ущербъ живаго воздѣйствія на ихъ сердце въ смыслѣ религіозно-воспитательномъ.

„Дѣйствуя на память и разумокъ дѣтей, говоритъ онъ, гимназическое ученіе, вообще, въ своемъ теперешнемъ видѣ, слишкомъ мало направлено къ облагороженію сердца и къ пробужденію нравственно-религіознаго настроенія. Оно упускаетъ изъ вида или, по крайней мѣрѣ, ставитъ въ тѣнь то, что составляетъ сущность истинно-женскаго воспитанія“. Говоря далѣе объ излишнемъ количествѣ времени и трудовъ, отдаваемыхъ въ женскихъ гимназіяхъ на изученіе новыхъ языковъ, профессоръ Осининъ говоритъ, между прочимъ: „большинство дѣтей, воспитываемыхъ въ гимназіяхъ, принадлежитъ къ среднему классу общества и живетъ въ такой средѣ, которая не имѣетъ обыкновенія замѣнять нашъ родной, прекрасный языкъ — языками иностранными, да не имѣетъ въ этомъ и никакой надобности“. Въ связи съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ, въ доказательство излишняго увлеченія въ женскихъ гимназіяхъ преподаваніемъ новыхъ языковъ—можно привести тотъ фактъ, что въ 1862 году, на 4-мъ году существованія женскихъ открытыхъ училищъ, одинъ изъ

инспекторовъ классовъ входилъ съ представленіемъ о томъ, чтобы въ училищѣ введено было преподаваніе исторіи и географіи на иностранныхъ языкахъ, въ виду крайней, по его убѣжденію, необходимости, значительно усилить практическія занятія въ училищѣ этими языками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, заведеніе можетъ упасть въ мнѣніи мѣстнаго населенія, состоящаго преимущественно изъ небогатыхъ чиновниковъ.

Съ этимъ оригинальнымъ мнѣніемъ согласился и начальникъ училища, выключивъ только исторію Россіи съ перенесеніемъ преподаванія ея на уроки русской словесности, и даже учебный комитетъ вѣдомства признавалъ, что училище для приходящихъ дѣвицъ въ такой мѣрѣ зависить отъ общества, что рѣзко идти наперекоръ его убѣжденіямъ, хотя бы даже не вполне справедливымъ, значило бы подвергнуть опасности самое существованіе этихъ заведеній. Дѣло перешло въ главный совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній и уже изготовленное заранѣе (по существовавшему обычаю) журнальное постановленіе пошло къ подписи членовъ, но возраженіе одного изъ членовъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ковалевскаго, изложенное имъ въ отдѣльномъ мнѣніи, увлекло всѣхъ остальныхъ членовъ, и вызвало со стороны главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній отказъ въ представленіи означеннаго выше проекта на благоусмотрѣніе государя императора Александра Николаевича.

Изъ всего изложеннаго можно вывести заключеніе, съ какимъ вниманіемъ, тактомъ и разумною строгостью покойный Осининъ отнесся къ важной обязанности члена высочайше утвержденной комиссіи; съ другой стороны, какъ это подтверждается фактами и самымъ постановленіемъ комиссіи, — онъ указалъ на дѣйствительно большія мѣста женскаго гимназическаго образованія и далъ рядъ педагогическихъ указаній для улучшенія дѣла.

Основываясь на внимательномъ просмотрѣ программъ, литографированныхъ и писанныхъ лекцій, ученическихъ сочиненій и черновыхъ тетрадей, а также на непосредственныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ гимназіяхъ, при посѣщеніи ихъ въ теченіи мѣсяца, большинство членовъ комиссіи оказались согласными въ томъ, что общее впечатлѣніе, производимое гимназіями, весьма отрадно и что во всемъ внѣшнемъ обиходѣ со стороны воспитанницъ видѣнъ отпечатокъ благородства, деликатности, нрав-

ственности, приличія и стыдливости. Признавая иногда значительную обширность преподаваемыхъ курсовъ, большинство членовъ комиссіи заявило, что въ развитіи учебныхъ предметовъ, въ выборѣ стихотвореній и темъ для сочиненій не проскользнуло ничего, что было бы противно религіи и разрушительно для основъ семейной и общественной жизни. Дисциплина признана ими вообще весьма удовлетворительною. Учебно-воспитательный персоналъ заслужилъ въ общемъ полное одобреніе, за исключеніемъ одного профессора зоологіи. Педагогическій классъ заслужилъ тоже одобреніе комиссіи. При этомъ два члена комиссіи, въ томъ числѣ профессоръ Осининъ, признали, что хотя нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ того, что въ женскихъ гимназіяхъ господствовало направленіе, не соответствующее здравому развитію ума и сердца, но и нѣтъ никакой возможности дать положительный отзывъ о томъ, что въ жизни гимназій не было и нѣтъ никакихъ явленій, не оправдываемыхъ принципами христіанской педагогики.

Для окончательнаго выясненія своего взгляда на порученное ей дѣло, комиссіа дала рядъ вопросовъ главнымъ надзирательницамъ гимназій относительно такихъ малоизслѣдованныхъ сторонъ дѣла, которыя не легко поддаются личнымъ наблюденіямъ и оставляютъ въ изслѣдователяхъ сомнѣніе. Въ своемъ окончательномъ заключеніи комиссіа высказала убѣжденіе, что собственно въ гимназическомъ преподаваніи ничего вреднаго для религіи и нравственности не было, что въ педагогическомъ классѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ было несообразно съ потребностями женскаго воспитанія и что въ отношеніяхъ начальника къ главнымъ надзирательницамъ нѣтъ надлежащей гармоніи.

Всѣ журналы ревизіонной комиссіи, равно особенныя мнѣнія профессора Осинина и другаго члена, а также и объясненіе Н. А. Вышнеградскаго, принцъ П. Г. Ольденбургскій имѣлъ счастье читать отъ слова до слова Государынѣ Императрицѣ. Ея Императорское Величество (1867 г.) благоволила отозваться, что во всѣхъ этихъ бумагахъ она не изволила усматривать такой вины Вышнеградскаго, за которую онъ подлежалъ бы какому либо законному взысканію. Но, съ другой стороны, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, не находя возможнымъ оставить его во главѣ

женскихъ гимназій, Ея Величеству, по уваженію заслугъ Вышнеградскаго по устройству гимназій,—угодно было согласиться на причисленіе Вышнеградскаго къ IV отдѣленію, съ полученіемъ содержанія, если Государь императоръ изволить разрѣшить сіе.

Весною 1867 г. воспослѣдовало высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе на увольненіе Вышнеградскаго, согласно прошенію, отъ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельскихъ женскихъ гимназій съ причисленіемъ его, для занятій, въ IV отдѣленіе собственной канцеляріи съ производствомъ получаемаго нынѣ по с.-петербургскимъ гимназіямъ содержанія 3,620 руб. въ годъ и съ выдачею ему одновременно годоваго его оклада 4,420 р. Затѣмъ, высочайшимъ приказомъ 24-го мая 1867 г. экстраординарный профессоръ спб. духовной академіи коллежскій ассесоръ Осининъ назначенъ исправляющимъ должность начальника женскихъ гимназій с.-петербургскихъ и царскосельской (утвержденъ въ должности 14-го января 1868 г.).

VI.

Въ должности начальника с.-петербургскихъ и царскосельскихъ женскихъ гимназій Иванъ Терентьевичъ состоялъ отъ 13-го мая 1867 г. до 16-го декабря 1885 г. и въ должности попечителя означенныхъ гимназій съ 18-го января 1886 г. по роковой день смерти, 24-го февраля 1887 г.

Такимъ образомъ, принявъ столичныя женскія гимназіи на 9-мъ году существованія старѣйшей изъ нихъ, Иванъ Терентьевичъ завѣдывалъ ими въ теченіи почти 20 лѣтъ.

Онъ принялъ пять гимназій семиклассныхъ и одну трехклассную—съ 1,200 ученицъ и съ 100 человѣкъ учебно-воспитательнаго персонала; въ 1880 г. (въ 25-ти-лѣтней годовщинѣ царствованія императора Александра II)—гимназій было уже 11 восьмилассныхъ, 1 прогимназія 4-классная и педагогическіе курсы при 3,800 учащихся и 300 человѣкъ учебно-воспитательнаго персонала. Хотя съ тѣхъ поръ число женскихъ гимназій въ столицѣ не увеличилось, но за то значительно увеличилось число параллельныхъ классовъ и, слѣдовательно, возрасло число учащихся и служащихъ.

На новаго начальника столичныхъ женскихъ гимназій и педагогическихъ курсовъ легла тяжелая и отвѣтственная задача. Съ одной стороны, предстояло исправить всѣ дѣйствительно существовавшіе недостатки, имѣ лично найденные и сознанные, въ бытность его членомъ ревизіонной комиссіи, съ другой стороны,—необходимо было успокоить общественное мнѣніе, встревоженное и возникшими слухами о вредномъ направленіи женскаго гимназическаго и высшаго образованія, самымъ назначеніемъ ревизіонной комиссіи и клеветой противниковъ женскаго образованія. При этомъ, въ виду сильнаго броженія въ умахъ, вызваннаго злодѣйскимъ покушеніемъ 4 апрѣля 1866 года и послѣдовавшими затѣмъ явленіями отрицательнаго характера, болѣе чѣмъ когда либо необходимо было отдѣлать святое дѣло воспитанія и образованія отъ роковыхъ увлеченій болѣзненными вопросами эпохи, а равно и словомъ, и дѣломъ разъяснить родителямъ и обществу истинное назначеніе гимназическаго образованія женщины, — и тѣ идеалы, которые преслѣдуетъ правильная школа, идеалы, ничего общаго не имѣющіе съ тѣмъ ложнымъ мнѣніемъ, которое, безъ достаточныхъ основаній, путемъ невѣрнаго обобщенія и даже намѣренной клеветы, — составилось объ этихъ разсадникахъ женскаго образованія. Трудно себѣ представить для той эпохи человѣка, какъ профессоръ Осининъ, болѣе подходившаго на этотъ постъ, въ виду важности, сложности и отвѣтственности задачи.

Иванъ Терентьевичъ былъ глубоко вѣрующій христіанинъ, истинно православный, гуманный и идеально честный человѣкъ. Уже по личнымъ своимъ свойствамъ онъ привлекалъ къ себѣ симпатіи и уваженіе всѣхъ знавшихъ его людей. Добрый, благородный по натурѣ, врагъ лжи и всякихъ виляній, необыкновенно сдержанный, съ большимъ тактомъ, онъ бывалъ строгъ и взыскателенъ, но только тогда, когда это было необходимо для блага горячо любимаго имъ дѣла, и всегда былъ далекъ отъ преслѣдованія личныхъ интересовъ въ служебномъ и общественномъ дѣлѣ. Его личное благодушіе, кротость и гуманность, которыми иногда нѣкоторыя лица злоупотребляли, — въ общемъ дали и служащему и учащемуся персоналу женскихъ гимназій то спокойное, доброе, сердечное отношеніе къ дѣлу и къ окружающему міру, которое особенно отличаетъ женскія

гимназіи въ С.-Петербургѣ отъ другихъ учебныхъ заведеній. Какъ ни тяжело иногда бывало бѣднымъ труженикамъ и труженицамъ на скромномъ поприщѣ гимназической педагогической дѣятельности, какъ ни тяжело доставались иногда и учащимся ихъ успѣхи, всѣ они не проявляли ни ожесточенія, ни злобы на свою участь, но всегда выносили благодарныя воспоминанія о мѣстѣ службы и ученія. Это положительно такъ и подтверждается тысячами лицъ.

Какъ администраторъ, Иванъ Терентьевичъ умѣлъ назначать на учебно-воспитательныя должности людей образованныхъ, способныхъ и преданныхъ дѣлу и умѣлъ привлекать такихъ - же лицъ изъ другихъ вѣдомствъ. Какъ ни скромно было поурочное вознагражденіе и награды по женскимъ гимназіямъ, все-же, лучшія педагогическія силы столицы охотно удѣляли хоть нѣсколько уроковъ симпатичному дѣлу женскаго гимназическаго образованія, находя въ главномъ руководителѣ его, профессорѣ Осининѣ, достойный подражанія примѣръ и горячее поощреніе.

Какъ педагогъ, Иванъ Терентьевичъ былъ глубоко убѣжденъ, что только истинное религіозно-нравственное направленіе воспитанія и ученія даетъ достойный плодъ и что, въ то-же время, оно не только не препятствуетъ разумному просвѣщенію чело-вѣка, но, напротивъ, нуждается въ немъ для прочнаго уврѣпленія и устойчивости отъ ложныхъ вѣяній, а равно и отъ грубаго лицемѣрія и фарисейства.

Обладая разностороннимъ образованіемъ, онъ принесъ много пользы при составленіи нормальныхъ программъ въ 1863 году и въ 1879 году и, кромѣ того, могъ съ научнымъ авторитетомъ превосходно руководить трудами учащихся лицъ, направляя и содержаніе, и форму ихъ уроковъ къ возможному совершенству. При частыхъ посѣщеніяхъ гимназій, Иванъ Терентьевичъ часто замѣнялъ уроки отсутствующихъ преподавателей, принимая на себя продолженіе урока или курса по любому предмету безъ какой-либо подготовки. Не говоря уже о томъ, что такія занятія были очень полезны и пріятны ученицамъ, до сихъ поръ вспоминающимъ и ясность изложенія, и занимательность его уроковъ, они были очень важны тѣмъ, что тутъ-же, путемъ собесѣдованія съ ученицами, начальники гимназій контролировали состояніе ихъ познаній и развитія — для дальнѣйшаго на-

правления дѣла къ лучшему. Точно такъ-же на экзаменахъ Иванъ Терентьевичъ, съ одной стороны, внимательно слѣдилъ за отвѣтами ученицъ, съ цѣлью выработать правильную оцѣнку ихъ отвѣтовъ и вѣрное общее убѣжденіе о ихъ успѣхахъ; съ другой стороны, онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы ходъ испытаній и самый тонъ экзаменуемыхъ лицъ были какъ можно спокойнѣе, безъ запугиванія дѣтей и истощенія ихъ молодыхъ силъ.

Не смотря на то, что онъ занималъ въ то-же время катедру сравнительнаго богословія въ духовной академіи (до 1883 года) и давалъ уроки педагогики въ Смольномъ институтѣ, Осининъ удѣлялъ гимназіямъ массу времени до середины дня. Кромѣ того, ежедневно принималъ родителей (отъ 5 до 8 часовъ), внимательно выслушивалъ всѣ ихъ заявленія, разъяснялъ все для нихъ непонятное въ строѣ и направленіи гимназическаго образованія, и, по мѣрѣ возможности, устранялъ или смягчалъ недоразумѣнія между родителями и школьнымъ персоналомъ. При этомъ онъ былъ человѣкъ искренне убѣжденный въ пользѣ ввѣреннаго ему дѣла, горячій и умѣлый защитникъ самаго принципа женскаго образованія, всегда благодарный за разумные совѣты и дѣльныя указанія на недостатки или несовершенство, и въ то-же время всегда готовый отразить преднамѣренную ложь и клевету....

Какъ человѣкъ, пользовавшійся всегда милостивымъ расположеніемъ августѣйшихъ покровителей женскаго образованія, онъ тѣмъ болѣе могъ оправдать высокое довѣріе ихъ императорскихъ величествъ, что имѣлъ счастье часто непосредственно докладывать имъ о состояніи и нуждахъ заведеній и получать непосредственно отъ августѣйшихъ особъ указанія и благія пожеланія.

VI.

Съ 1872 года И. Т. Осининъ выступаетъ на литературное поприще съ вопросами о женскомъ гимназическомъ образованіи. Убѣдившись, въ теченіе 5-ти лѣтней дѣятельности на преуспѣваніе женскихъ гимназій, въ томъ, что въ обществѣ далеко еще не установился правильный взглядъ на отношеніе школы къ семьѣ и на само воспитаніе, и въ то-же время убѣжденный, что безъ гармоніи семьи и школы не можетъ гимназическое образованіе достигнуть своей цѣли, Иванъ Терентьевичъ съ 1872 года становится во главѣ періодическаго изданія: „Педагогическій листокъ Спб. женскихъ гимназій“ (переименованный съ 1876 года въ „Женское Образованіе“), при двухъ членахъ редакціоннаго комитета, извѣстныхъ педагогахъ—гг. Бетхеръ и Павловичъ.

Рядъ статей, съ подписью и безъ подписи главнаго редактора, проливаютъ истинный свѣтъ на цѣль, задачи и приемы гимназическаго образованія. Указавъ на одно изъ заблужденій общества, а именно, на заботу лишь о прибыльности знанія въ смыслѣ устройства карьеры каждаго человѣка, Иванъ Терентьевичъ поставилъ на первый планъ—полезность самаго знанія внѣ исключительной заботы о карьерѣ. Долгое время, по словамъ почтеннаго педагога, карьерой для женщины считалось выгодное и скорѣйшее замужество и въ исключительныхъ объ этомъ заботахъ—внѣшняя сторона воспитанія и образованія преобладала надъ внутренней, и главная задача женскаго воспитанія и образованія, указанная высочайшею волею (образованіе добрыхъ женъ и полезныхъ матерей семействъ), была понимаема односторонне и часто на практикѣ сводилась въ исключительнымъ заботамъ о подготовкѣ дѣвицъ въ скорѣйшему замужеству. Признавая нѣкоторыя увлеченія въ сторону внѣшняго направленія воспитанія и образованія, Осининъ относится съ уваженіемъ къ многимъ хорошимъ сторонамъ прежней системы и, по закону прогресса, признаетъ необходимымъ не уничтоженіе основъ этой системы, а только болѣе развитіе ихъ и болѣе всестороннее пониманіе назначенія женщины. Исходя изъ мысли, что далеко не всѣ

женщины дѣлаются женами и матерями (органическіе недостатки и другія вполне уважительныя причины), и указывая, что въ Англіи—40% женщинъ не вступаютъ въ бракъ, а въ Германіи остается ежегодно до 100,000 дѣвицъ внѣ брака, онъ не допускаетъ мысли, что всѣмъ безбрачнымъ женщинамъ слѣдуетъ остаться бесполезными членами для общества, и усматриваетъ для такихъ лицъ другое предназначеніе—быть воспитательницами и учительницами не своихъ, а чужихъ дѣтей.

Для такихъ лицъ вопросъ объ образованіи выдвигается на первый планъ. Считаая все-таки важнѣйшимъ призваніемъ для женщины быть матерью, Иванъ Терентьевичъ признаетъ, что и для будущихъ матерей очень важенъ вопросъ о надлежащемъ прочномъ образованіи, которое и проявляется не въ одной внѣшней подготовкѣ къ скорѣйшему и выгоднѣйшему замужеству,—а въ усвоеніи ими истинныхъ знаній и въ гармоническомъ развитіи ума и сердца. Въ противномъ случаѣ, говоритъ Осининъ, женщина-хозяйка будетъ хуже простой кухарки, а женщина-мать хуже деревенской кормилицы и няньки. Если-же женщины будутъ прививать только хорошія манеры, то жена выйдетъ хуже и кухарки, и няньки.

„Быть другомъ своему мужу во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, помогать ему въ его иной тяжелой работѣ, терпѣливо переносить всѣ случайности жизни, воспитывать, какъ слѣдуетъ, своихъ дѣтей,—все это требуетъ такихъ качествъ, развитіе которыхъ нельзя предоставить только одной случайности, простому опыту жизни; нѣтъ, необходимо въ самомъ воспитаніи стремиться къ развитію въ дѣтяхъ этихъ качествъ“.

На этомъ и строить почтенный педагогъ задачу общеобразовательной школы, а именно, развитіе ума въ тѣсной связи съ развитіемъ нравственности, гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ человѣка (физической, умственной и нравственной) и всѣхъ способностей каждой изъ этихъ сторонъ.

Однимъ изъ средствъ необходимаго объединенія интересовъ между обществомъ, школою и ея питомцами и долженъ былъ служить редактированный Осининымъ „Педагогическій Листокъ“.

Неоднократно указывая родителямъ на необходимость ихъ содѣйствія благимъ усиліямъ школы на пользу дѣтей,—Осининъ

обращаетъ къ нимъ, между прочимъ, три просьбы, а именно: они должны, въ взаимодействіи со школой, приучать дѣтей къ правдивости, труду и порядку. Существованіе враговъ женскаго гимназическаго образованія онъ приписываетъ невѣрности точки отправления при составленіи сужденій, вслѣдствіе того, что для общества не выяснены еще истинныя начала этого типа учебныхъ заведеній, а именно: ихъ общеобразовательность и значеніе общаго образованія вообще, которое должно предшествовать спеціальному, и въ то-же время имѣть съ нимъ внутреннюю органическую связь. Идеи труда и развитія общечеловѣческаго, гуманнаго чувства составляютъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ гимназическаго образованія женщины. Вополнѣ сознавая, что гимназіи далеко не достигли совершенства, Осининъ на свою статью смотритъ не какъ на апологію существующаго, а какъ на установленіе масштаба при сужденіи о существующемъ, и заключаетъ свое разсужденіе слѣдующимъ періодомъ, исполненнымъ искренности и отчасти того благороднаго увлеченія, которое столь памятно въ лучшихъ людяхъ 1860-хъ годовъ: „если насъ будутъ упрекать въ томъ, пишетъ Осининъ, что мы выпускаемъ дѣвицъ безъ практическихъ знаній, необходимыхъ для приобрѣтенія средствъ въ жизни, и такихъ лицъ, которымъ спеціальнѣйшій путь нужно начинать почти съ азовъ, то мы отвѣчаемъ, что напередъ это знали и за этимъ не гонялись; если на насъ будутъ жаловаться за то, что воспитанницы наши не блистаютъ на балахъ и въ собраніяхъ, а предпочитаютъ въ свободное время почитать дѣльную книжку, нашъ отвѣтъ будетъ тотъ-же; если кто-нибудь скажетъ, что дѣвица, кончившая курсъ въ гимназіи, не смотря на свое богатство и знатность, испорчена до того, что готова протянуть публично руку своей бѣдной подругѣ въ ситцевомъ платьѣ и въ шляпкѣ прошлогодняго фасона, то мы и опять-таки повторяемъ, что очень рады такой порчѣ. Но если мы не дали общаго образованія дѣвицѣ, если послѣдняя выходитъ изъ нашего заведенія неспособною ни къ какой честной, трудовой дѣятельности, если она чужда гуманно-христіанскаго направленія, то мы, разумѣется, виноваты, впрочемъ, въ томъ случаѣ, когда домашняя среда не мѣшала нашей работѣ, а, напротивъ, старалась пособить ей“.

Всѣ, кто знали дѣятельность покойнаго автора этихъ мыслей, какъ начальника женскихъ гимназій, особенно многочисленныя его сослуживцы и воспитанницы, конечно, подтверждаютъ, что онъ всегда прилагалъ самыя усердныя старанія къ достиженію въ гимназіяхъ наилучшихъ успѣховъ въ смыслѣ религиозно-правственнаго воспитанія и общаго всесловнаго образованія.

Идея „всесловности“ особенно много вызывала нареканій и въ нѣкоторыхъ сферахъ русскаго общества, и въ близорукихъ судьяхъ дѣла женскаго образованія.

Не возражая на общій вопросъ о всесловности, Осининъ говоритъ, что съ противниками женскихъ гимназій, какъ съ представителями разсужденія, истекающаго изъ взглядовъ искреннихъ и честныхъ,—онъ всегда готовъ имѣть спокойное разсужденіе и, признавая нѣкоторыя частныя неудобства, въ виду громадности полезнаго результата отъ существованія гимназій, какъ заведеній всесловныхъ-общеобразовательныхъ, — онъ энергически ихъ отстаивалъ и путемъ печати, и путемъ совмѣстнаго съ другими лицами обсужденія принципиальныхъ и практическихъ вопросовъ о гимназіяхъ и тѣсно связанныхъ съ ними педагогическихъ курсахъ (какъ увидимъ это впослѣдствіи).

Къ числу заблужденій относится весьма распространенное (и по настоящее время) мнѣніе о томъ, что женскія гимназіи, вслѣдствіе небольшой сравнительно платы за обученіе, привлекаютъ-де учащихся, главнымъ образомъ, изъ низшихъ слоевъ общества,—дѣтей мѣщанъ и простолюдиновъ. Съ цѣлью провѣрки и опроверженія такого мнѣнія, по распоряженію Осинина, нѣсколько разъ (почти ежегодно) были собираемы подробныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ учащихся по сословіямъ во всѣхъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ, и результаты показали совершенную ошибочность подобнаго рода сужденій, по крайней мѣрѣ, относительно гимназій въ С.-Петербургѣ.

Статистическія цифры, почти вполне совпадающія съ процентнымъ отношеніемъ учащихся по сословіямъ въ годъ учрежденія первой женской гимназіи, свидѣтельствуютъ, что дѣтей дворянъ и чиновниковъ въ гимназіяхъ все время было приблизительно 70%, а мѣщанъ и крестьянъ 8%. Этимъ опровергается, слѣдовательно, и то ходячее мнѣніе, будто гимназіи, давая дѣтямъ образованіе, вовсе не соответствующее условіямъ ихъ жизни,

разобщаютъ дѣтей съ ихъ семьями, обыкновенно необразованными, порождаютъ образованныхъ женщинъ-пролетаріевъ, оторванныхъ отъ ихъ среды и не могущихъ, по своему положенію и состоянію, примкнуть къ среднему образованному классу. Такое мнѣніе о демократизмѣ женскихъ гимназій совершенно несправедливо; но вполнѣ вѣрно то, что большинство ученицъ принадлежатъ къ семействамъ бѣднымъ, но образованнымъ, которыя не жалѣютъ послѣднихъ средствъ и не стыдятся нерѣдко обратиться къ общественной благотворительности, лишь бы дать дѣтямъ общее образованіе.

И оно понятно, — продолжаетъ незабвенный И. Т. Осининъ, — это единственное наслѣдство, которое они могутъ оставить своимъ дѣтямъ.

Это убѣжденіе въ необходимости дать дѣтямъ полное гимназическое образованіе, благодаря процвѣтанію гимназій и вышесказаннымъ разъясненіямъ ихъ начальника И. Т. Осинина, до такой степени глубоко проникло въ общество, что, не смотря на постепенно увеличивавшуюся дороговизну жизни, не смотря на то, что плата за ученіе въ гимназіяхъ женскихъ, постепенно увеличиваясь, дошла до размѣра въ четыре раза болѣе первоначальной, — число ученицъ гимназій въ такой же постепенности все увеличивалось и большинство изъ нихъ стремилось и продолжаетъ стремиться къ окончанію, по мѣрѣ возможности, полного курса образованія.

VII.

При пересмотрѣ и измѣненіи учебныхъ пособій и программъ въ 1872 и въ 1879 годахъ Осининъ принималъ самое видное участіе. Августѣйшій попечитель гимназій, принцъ П. Г. Ольденбургскій, постоянно присутствуя на выпускныхъ экзаменахъ воспитанницъ гимназій, неоднократно выражалъ циркулярами свою благодарность лицамъ, завѣдывающимъ учебно - воспитательнымъ дѣломъ въ гимназіяхъ, указывая при этомъ каждый разъ и на замѣченные имъ незначительные недостатки... По отзыву преосвященнаго Гермогена, бывшаго главнаго наблюдателя за преподаваніемъ въ с.-петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ закона Божьяго, экзамены по сему важнѣйшему предмету образованія въ женскихъ гимназіяхъ оставили въ немъ доброе впечатлѣніе, и успѣхи воспитанницъ признаны имъ удовлетворительными, не смотря на то, что онъ, по его-же собственнымъ словамъ, „относился къ отвѣтамъ даже, можетъ быть, съ нѣкоторою строгостью“. По словамъ самого И. Т. Осинина, для достиженія общеобразовательныхъ цѣлей, гимназіи ставятъ на первый планъ нравственно-религіозное развитіе дѣвицъ. Это въ высшей степени важная и существенная задача школьнаго воспитанія въ гимназіяхъ достигается, по возможности, какъ уроками закона Божія, такъ и другими чисто практическими средствами: ежедневно общемо утреннею молитвою, равно какъ и молитвою по окончаніи ученія, постоянною заботою о приученіи дѣтей къ правдивости, къ добросовѣстному исполненію ихъ школьныхъ обязанностей, къ соблюденію ими требованій нравственнаго закона христіанина, насколько, конечно, это зависитъ отъ воздѣйствія на ученицъ въ стѣнахъ заведенія. По словамъ Осинина, приучая ученицъ къ правдивости, къ честному исполненію долга, къ уваженію авторитетовъ, къ послушанію, къ дисциплинѣ, гимназія этимъ восполняетъ нравственно-просвѣтительное вліяніе уроковъ и внушеній законоучителя. Изъ другихъ предметовъ школьнаго обученія Осининъ высоко ставилъ языкознаніе, культуру слова, какъ наиболѣе важное изъ внѣшнихъ отличій человѣка. По его мнѣнію, изученіе нашего богатаго своими формами русскаго слова и сравнительное съ нимъ

вѣдомства таковыхъ было—56 человекъ; въ 1 января 1888 года въ 240 городскихъ начальныхъ училищахъ, содержимыхъ с.-петербургскою городскою думою, состояло въ числѣ 213 учительницъ¹⁾, 119 вышедшихъ изъ педагогическихъ въ Спб. курсовъ. Эти учительницы, какъ видно изъ отчетовъ училищной комиссіи и отзывовъ отдѣльныхъ ея членовъ, ведутъ вѣренное дѣло особенно успѣшно.

При такихъ обстоятельствахъ казалось-бы уже невозможнымъ появленіе какихъ нибудь сомнѣній въ пользѣ женскихъ гимназій и педагогическихъ курсовъ вѣдомства императрицы Маріи, и имъ оставалось только процвѣтать, постепенно прогрессируя, при общемъ сочувствіи и уваженіи общества. Между тѣмъ, однако, въ 1874 году, то есть на седьмой годъ управленія Осинина гимназіями и курсами, ему пришлось вынести большую борьбу за существованіе гимназій и, главнымъ образомъ, педагогическихъ курсовъ.

Въ этой борьбѣ, а равно и въ общемъ дѣлѣ объ устройствѣ въ Россіи новаго высшаго учебнаго заведенія для женщинъ,—И. Т. Осининъ проявилъ замѣчательную энергію, знаніе дѣла и тактъ, чему и слѣдуетъ приписать успѣхъ, какъ въ томъ смыслѣ, что проектированное было большинствомъ членовъ высочайше утвержденной комиссіи высшее женское училище не было открыто, такъ и по отношенію въ тому, что педагогическіе курсы уцѣлѣли и, благодареніе Богу, въ русскому обществу еще милосердому, существуютъ до сихъ поръ.

¹⁾ Прочіе 27 учащихся—мужчины.

ландію и часть Финляндіи, но начатое дѣло необходимо было довести до конца. Съ этихъ поръ Швеція и спеціально сосѣдній край на Ботническомъ заливѣ начинаютъ входить въ сферу дипломатическихъ комбинацій русскаго правительства. Такое явленіе имѣетъ совершенно естественную причину, именно стремленіе правительства обезпечить занятое на сѣверѣ преобладающее положеніе посредствомъ достиженія имперіею естественныхъ своихъ границъ. Постепенно политика вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Швеціи приняла опредѣленное направленіе и стала выражаться въ стремленіи русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Стокгольмѣ пробудить и поддержать оппозиціонный и сепаратистическій духъ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, являвшійся естественнымъ продуктомъ неудовлетворительнаго положенія края послѣ Ништадскаго мира. Эта политика опиралась главнымъ образомъ на пропагандѣ, въ средѣ недовольныхъ финляндскихъ дворянъ, мысли объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и созданіи изъ края самостоятельной автономіи подъ гарантіею Россіи или прочихъ европейскихъ державъ. Такая мысль, выраженная въ приведенномъ нами манифестѣ императрицы Елизаветы, повидимому была распространена въ правительственныхъ сферахъ и имѣла приверженцевъ между сановниками тогдашняго времени, на что нами тоже было указано. Съ другой стороны, такое направленіе политики, настойчиво веденной и послѣ войны, не могло не готовить постепенно въ Финляндіи почвы для сепаратистическихъ стремленій среди лицъ недовольныхъ въ край общей неурядицей, царствовавшей въ Швеціи во время такъ называемой «эпохи свободы». Хотя такіа стремленія не проникали въ народъ и не находили сочувствія въ немъ, тѣмъ не менѣе идея о возможной національной самостоятельности финскаго народа, поддерживаемая и постоянно, такъ сказать, подогрѣваемая русскою дипломатіею, не умирала, наоборотъ, служила звѣномъ соединенія недовольныхъ элементовъ въ Финляндіи, въ теченіи продолжительнаго періода времени, что указываетъ на живучесть самой идеи и на подходящую для нея почву въ Финляндіи. Затѣмъ послѣ государственнаго переворота въ 1772 г. появляется на сцену человекъ, который въ своемъ лицѣ и вокругъ себя соединилъ оппозиціонный элементъ въ Финляндіи, именно баронъ, впоследствии графъ ¹⁾, Георгій-Магнусъ Спренгпортенъ, личность и дѣятельность котораго освѣщаются въ шведской и финляндской литературѣ съ двухъ различныхъ сторонъ, смотря по точкѣ зрѣнія, на

¹⁾ Послѣ боргосскаго сейма баронъ Спренгпортенъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

ческой республики подъ гарантію Россіи. Съ цѣлью получить содѣйствіе русскаго правительства, Спренгпортенъ отправился туда и поступилъ на русскую службу. Затѣмъ во время войны между Швеціею и Россіею въ 1787 г. составился, какъ нами разобрано подробно, такъ называемый анъяласкій заговоръ, участники котораго вступили въ переговоры съ русскимъ правительствомъ и находившимся у русской границы Спренгпортеномъ. Отвѣтъ императрицы Екатерины II на предложенія заговорщиковъ также извѣстенъ читателямъ; мы замѣтимъ лишь здѣсь, что императрица въ то время была занята турецкой войной и не могла сосредоточить достаточнаго количества военныхъ силъ на сѣверѣ Имперіи и поэтому держалась болѣе оборонительнаго способа веденія войны. Этимъ и объясняется собственно слабая поддержка со стороны русскаго правительства открыто выраженнаго впоследствии стремленія заговорщиковъ отдѣлать Финляндію отъ Швеціи. Впрочемъ, въ Финляндіи почва къ самостоятельному національному существованію далеко еще не была подготовлена, также какъ у самихъ заговорщиковъ не было достаточно ни силы, ни энергіи, чтобы эманципироваться къ самостоятельной дѣятельности, и хотя на этотъ разъ тлѣвшая давно искра вспыхнула открыто, тѣмъ не менѣе огонь не могъ распространиться, не находя достаточно пищи. Наоборотъ, неудавшаяся попытка вызвала въ народѣ реакцію, укрѣпляя еще тѣснѣе узы, соединявшія Финляндію со Швеціею. Такимъ образомъ заговоръ привелъ лишь къ побѣдѣ престижа королевской власти и сознанія законности въ финскомъ народѣ, между тѣмъ какъ союзъ заговорщиковъ распался окончательно, при чемъ тѣ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ въ Россію, подверглись аресту, суду, изгнанію и даже казни. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ этого заговора былъ переходъ замѣшанныхъ въ немъ лицъ въ Россію, гдѣ они, вступивъ въ русскую службу, впоследствии, именно въ 1808 и 1809 гг., имѣли вліяніе на послѣдующее рѣшеніе судьбы Финляндіи.

Перейдя затѣмъ къ императору Александру I и къ событіямъ, вызвавшимъ организацію изъ вновь завоеваннаго края, самостоятельной, во внутреннемъ управленіи, автономической единицы, мы позволимъ себѣ поближе остановиться на причинахъ, которыми, повидимому, руководствовался Александръ I, создавъ изъ Финляндіи отдѣльное отъ Имперіи по законодательству, администратіи и формѣ правленія государство, подвластное лишь скипетру русскаго монарха. Мы уже постарались въ первой части настоящаго очерка указать читателю на послѣдовательное, начиная съ Ништадскаго мира, развитіе политическихъ отношеній Россіи къ Финляндіи, прослѣдивъ

при этомъ историческую преемственность идеи возможности создать изъ края, по выдѣленіи его отъ Швеціи, самостоятельнаго государства, подъ покровительствомъ Россіи.

Такая идея эманципаціи Финляндіи проходитъ нитью въ теченіи почти 100 лѣтъ, черезъ политическія и дипломатическія сношенія Россіи съ Швеціею, и какъ мысль, служившая руководящимъ началомъ политики Россіи къ финскому народу, постепенно придала этому направленію традиціонный характеръ. Съ другой стороны, эта идея вызвала или, лучше сказать, сошлась съ зародышемъ стремленія въ нѣкоторыхъ классахъ финскаго народа къ самостоятельному національному существованію, и создала такимъ образомъ почву, на которой стало возможнымъ соглашеніе и соблюденіе взаимныхъ интересовъ великаго русскаго народа и малочисленнаго финскаго. И хотя эта мысль сознательно чувствовалась въ Финляндіи лишь нѣкоторыми болѣе выдающимися личностями, тѣмъ не менѣе инстинктивное пониманіе внутреннего значенія русской политики къ Финляндіи стало созрѣвать въ самомъ народѣ, который, подъ условіемъ соблюденія національной самостоятельности и приобрѣтенныхъ плодовъ культурной и государственной жизни, съ довѣріемъ вступилъ въ подданство русскихъ монарховъ, и твердою стопою пошелъ по пути самобытнаго развитія. Изъ этого мы дѣлаемъ заключеніе, что императоръ, также какъ и русская дипломатія, были воспитаны на освященной традиціями политикѣ по отношенію къ Финляндіи, и что Александръ I воспользовался плодами и результатомъ этой традиціонной политики, тѣмъ болѣе, что въ данное время осуществленіе ея лучше всего отвѣчало интересамъ имперіи. Дѣйствительно, мы знаемъ, что во время ожесточенной борьбы между Наполеономъ и прочими европейскими державами и въ виду ожидаемой войны между Франціей и Россіею, Александру I-му не было основанія создавать себѣ затрудненія на сѣверѣ по сосѣдству къ столицѣ имперіи и сосредоточивать тамъ свои войска для войны со Швеціею. Только уступая Наполеону, который хотѣлъ отмстить Густаву IV-му за его враждебную политику къ Франціи, Александръ приступилъ къ походу въ надеждѣ на быстрый успѣхъ и на возможно скорое и прочное умиротвореніе населенія края. Для послѣдней цѣли ему представлялись два пути: или съ одной стороны завоевать край силою оружія и затѣмъ уничтожить существующій порядокъ вещей, упразднить унаслѣдованный отъ Швеціи государственный строй, и замѣнить все прежнее русскимъ государственнымъ устройствомъ, со включеніемъ Финляндіи, въ видѣ составной части въ Имперію, поддерживая и охраняя новый порядокъ

достаточнымъ количествомъ расположенныхъ въ краѣ русскихъ войскъ, — или же, съ другой стороны, воспользовавшись постепенно подготовлявшейся способностью финскаго народа къ самостоятельной политической жизни, выдѣлить вновь завоеванный край изъ законодательной и административной сферы Имперіи и создать изъ Финляндіи отдѣльное, подвластное лишь своему скипетру, государство. Какъ и теперь, такъ и въ то время Финляндія имѣла для Россіи только одно значеніе — именно стратегическое, въ виду близости ея къ столицѣ, громаднаго протяженія береговой линіи и пересѣченной горами и внутренними водами мѣстности края, который поэтому представлялъ собою удобный операціонный базисъ для непріятельскаго флота и десанта, въ случаѣ нападенія на Кронштадтъ и С.-Петербургъ. Въ виду этого казалось бы болѣе выгоднымъ имѣть или создать себѣ въ краѣ населеніе дружественное, спокойное, довольное своимъ положеніемъ и заинтересованное въ вѣншемъ могуществѣ и силѣ Россіи, нежели элементъ, вырванный изъ своей обычной колеи, поневолѣ угнетенный новыми порядками и поэтому враждебный.

Неудивительно поэтому, что императоръ выбралъ первый, болѣе вѣрный, путь умиротворенія населенія края тѣмъ, что, не касаясь унаслѣдованной отъ Швеціи конституціи и системы управленія, предоставилъ вступающему подъ его скипетръ народу права самоуправленія и самостоятельнаго національнаго существованія, тѣмъ болѣе, что такое гуманное и основанное на довѣрїи къ честности и политической зрѣлости народа отношеніе ближе всего соответствовало либеральному образу мыслей характеру императора Александра I.

Такое же гуманное отношеніе проявилъ Александръ I, нѣсколько лѣтъ спустя, къ польскому народу, послѣ Вѣнскаго конгресса и послѣдняго раздѣла Польши, ибо, наравнѣ съ Финляндією, императоромъ были даны Царству Польскому, вопреки настояніямъ представителей прочихъ европейскихъ державъ, всѣ права и атрибуты самостоятельнаго во внутреннемъ управленіи государства.

Но польскій народъ, когда-то независимый и могущественный, не сумѣлъ отказаться отъ своихъ историческихъ традицій, и поэтому кончилъ тѣмъ, что лишился своей независимости, между тѣмъ какъ малочисленный финскій народъ, призванный по почину императора въ «число націй» изъ прежней скромной роли, которую онъ игралъ въ шведскомъ королевствѣ, съ благодарностью видѣлъ въ этомъ довѣрїи къ нему императора залогъ будущаго самобытнаго развитія и благоденствія и поэтому никогда не допустилъ себя до какихъ либо увлеченій, могущихъ поколебать или нарушить оказанное довѣрїе. Съ другой сто-

роны, императоръ, рѣшившись разъ сохранить въ Финляндіи прежнюю систему управленія и предоставить народу права широкаго внутренняго самоуправленія, строго провелъ въ своихъ организаторскихъ мѣрахъ въ краѣ принципъ послѣдовательнаго выдѣленія Финляндіи въ самостоятельную автономическую единицу, лишь непосредственно подвластную императору.

Такъ мы видѣли, что первоначально Александръ I, въ своемъ приемѣ финляндской депутаціи и въ самоличномъ прибытіи на сеймъ въ Борго, затѣмъ въ торжественномъ подтвержденіи конституціи Великаго Княжества передъ собравшимися представителями народа, присягнувшими ему на вѣрность, наконецъ, въ прочихъ манифестахъ и рѣчахъ на сеймѣ, старался придать факту присоединенія края извѣстный торжественный колоритъ дружественнаго соглашенія съ финскимъ народомъ, врядь-ли умѣстный при простомъ включеніи Финляндіи въ имперію въ видѣ составной ея части. Затѣмъ, утверждая конституцію и слѣдовательно выдѣляя Великое Княжество по самой формѣ правленія изъ Имперіи, Александръ I сохранилъ прежній административный строй края, оставилъ въ силѣ прежнее судоустройство и судопроизводство, отдѣлилъ для края отдѣльное финансовое управленіе, утверждая проектированную земскими чинами финансовую систему и государственный бюджетъ, наконецъ, организовалъ для Княжества отдѣльное правительство въ видѣ коллегіальнаго учрежденія, такъ называемаго правительственнаго совѣта, переименованнаго впоследствии въ финляндскій сенатъ, гдѣ сосредоточено все высшее управленіе краемъ.

Согласно съ этимъ, были учреждены посты генераль-губернатора, являющагося предсѣдателемъ сената и высшимъ начальникомъ мѣстной администраціи, и министра статсъ-секретаря, докладывающаго сенатскія представленія, подлежащія утвержденію императора. Къ этому должно замѣтить, что именно въ это время шли реформы въ имперіи, были организованы государственный совѣтъ и министерства, но ни одно изъ этихъ учреждений не распространяло своей компетенціи на Финляндію. Такая государственная организація Великаго Княжества была установлена при непосредственномъ участіи Сперанскаго, который былъ назначенъ первымъ статсъ-секретаремъ Финляндіи. Это подтверждаетъ баронъ М. А. Корфъ въ своей біографіи Сперанскаго, подъ заглавіемъ «Жизнь графа Сперанскаго», слѣдующими словами ¹⁾: «По завоеваніи въ 1808 году Великаго Княжества

¹⁾ «Жизнь графа Сперанскаго», барона М. Корфа, т. I, стр. 262, «Отдѣлъ о дѣлахъ финляндскихъ».

Финляндскаго, возникъ вопросъ объ его устройствѣ. Александръ рѣшилъ, чтобы новопріобрѣтенный край былъ образованъ въ видѣ отдѣльнаго государства, только лишь подвластнаго скипетру русскаго монарха». Тутъ же сообщается, что «въ 1809 году Государь пожелалъ, чтобы въ нему явилась изъ Финляндіи депутація. Представить ее и вести дѣла по сему предмету поручено было Сперанскому. Французскія рѣчи при открытіи и закрытіи сейма сохранились въ черновыхъ подлинникахъ, написанныхъ его же рукою». Далѣе мы читаемъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Сперанскаго за 1810 годъ о Финляндіи слѣдующее его изреченіе: «Финляндія есть государство, а не губернія. Слѣдовательно, нельзя управлять ею мимоходомъ и среди множества текущихъ дѣлъ».

Что же касается взгляда самого императора Александра I на юридическое положеніе Финляндіи, то опредѣленнѣе и яснѣе всего онъ выражается въ манифестѣ отъ 15-го (27-го) марта 1810 года, который начинается со слѣдующихъ, переведенныхъ съ французскаго текста, словъ: «съ того времени, когда Провидѣніе предоставило Намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшили управлять этою страню согласно правамъ, дарованнымъ ей конституціею свободному народу.

«Доказательства преданности, проявленные Намъ населеніемъ со дня принятія присяги, добровольно Намъ принесенной представителями его, собравшимися на сеймѣ, способствовали только укрѣпленію въ насъ этого рѣшенія.

«Всѣ распоряженія, изданныя въ области внутренней администраціи края, суть только послѣдствія и примѣненіе этого принципа.

«Сохраненіе религіи и обязательности законовъ, созваніе сейма, устройство правительственнаго совѣта среди самаго народа могутъ служить доказательствомъ, что за финскимъ народомъ утверждены права его политическаго существованія».

Таковъ взглядъ на организацію края самихъ же организаторовъ, императора Александра и Сперанскаго, и изъ этого краткаго сопоставленія историческихъ фактовъ при завоеваніи и организаціи Финляндіи должно вывести заключеніе, что императоръ руководствовался, въ общемъ направленіи своихъ дѣйствій въ завоеванномъ краѣ, опредѣленнымъ планомъ создать изъ Финляндіи самостоятельное во внутреннемъ управленіи государство, находящееся въ реальной связи съ имперіею, и что этотъ планъ осуществленъ на дѣлѣ Александромъ I съ принципиальною послѣдовательностью, при непосредственномъ участіи въ немъ великаго организатора тогдашняго времени М. М. Сперанскаго. Но такое устройство изъ Финляндіи обособленнаго отъ имперіи государства было, во всякомъ случаѣ, вопросомъ внутренней поли-

тики, а не международного права, такъ какъ въ обнародованныхъ въ то время международныхъ актахъ, касающихся Финляндіи, именно въ деклараціи отъ 28-го марта 1808 года, въ которыхъ иностранныя державы извѣщаютъ о завоеваніи и присоединеніи Финляндіи къ Имперіи и въ заключенномъ впоследствии, уже послѣ боргоскаго сейма, Фридрихсгамскомъ мирномъ трактатѣ, вовсе нѣтъ опредѣленій о правахъ населенія края и системѣ его управленія. Изъ этого слѣдуетъ, что императоръ Александръ не считалъ надѣленіе Финляндіи правами и атрибутами государства дѣломъ, касающимся международнаго права, наоборотъ, избѣгалъ всякихъ опредѣленій по сему предмету съ этой точки зрѣнія, считая этотъ вопросъ исключительно дѣломъ внутренняго устройства вновь завоеваннаго края. Поэтому послѣ завоеванія Финляндіи, также какъ и по присоединеніи Польши въ видѣ самостоятельнаго во внутреннемъ управленіи государства, Россійская Имперія осталась единоличной въ международномъ отношеніи личностью, между тѣмъ какъ Финляндія и Польша, не смотря на присвоенную имъ государственную организацію, всегда считались, съ точки зрѣнія международного права, составными, а не самостоятельными частями имперіи, подвластной единому монарху. Съ другой стороны было бы ошибочно вывести изъ такого рода отсутствія положительныхъ постановленій въ международныхъ актахъ, объ утвержденіи конституціи Финляндіи, заключенія, что будто основаніе, на которомъ построена государственная организація Великаго Княжества, юридически не обезпечено. Очевидно, этого обезпеченія не слѣдуетъ искать въ международныхъ актахъ и трактатахъ, потому что вопросъ о созданіи изъ Финляндіи государства никогда не подлежалъ обсужденію или гарантіи прочихъ европейскихъ державъ: а былъ дѣломъ взаимнаго соглашенія между императоромъ и представителями финскаго народа на боргоскомъ сеймѣ. Поэтому лишь обнародованнымъ 15-го (27-го) марта 1809 года въ Борго манифестомъ о высочайшемъ утвержденіи конституціи края опредѣляется юридическое положеніе Великаго Княжества. Также было бы ошибочно или тенденціозно подписывать въ изданныхъ во время войны до боргоскаго сейма манифестахъ, а равно и въ прокламаціяхъ главнокомандующаго графа Буксгевдена подходящія мѣста и положенія для подтвержденія вышеприведенной мысли объ отсутствіи юридическаго основанія государственной организаціи Финляндіи, ибо нельзя отрицать значенія факта подтвержденія конституціи и прежней системы управленія краемъ въ силу боргоскаго акта 1809 года уже потому, что этотъ манифестъ съ тѣхъ поръ былъ возобновляемъ и повторяемъ каждый разъ при восшествіи русскихъ императоровъ на

престоль. Этимъ выдѣляется манифестъ 1809 года въ своемъ значеніи отъ всѣхъ прочихъ выходившихъ въ то время высочайшихъ актовъ и не подлежитъ сомнѣнію, что только имъ, а не упомянутою нами деклараціею къ иностраннымъ державамъ, также какъ и не Фридрихсгамскимъ трактатомъ, заключеннымъ лишь послѣ боргоскаго сейма, или же другимъ какимъ либо манифестомъ опредѣляется юридическое основаніе государственнаго устройства Финляндіи.

Резюмируя вышензложенное, мы приходимъ къ выводамъ, что императоръ Александръ I, воспользовавшись традиціонною политикою русскаго правительства по отношенію къ Финляндіи, создалъ, съ участіемъ представителей финскаго народа на боргоскомъ сеймѣ, то государственное устройство Великаго Княжества, которое въ общей его формѣ сохранилось до сихъ поръ, и что эта государственная организація стоитъ на твердомъ юридическомъ основаніи, именно на высочайшемъ подтвержденіи конституціи Финляндіи, возобновляемомъ съ тѣхъ поръ императорами при восшествіи ихъ на престоль, а также, что Финляндія, выдѣленная, по начертаніямъ императора Александра I, изъ законодательной и административной сферы имперіи въ самостоятельную автономію съ присвоеніемъ ей конституціонной формы правленія, представляетъ собою обособленное во внутреннемъ управленіи государство, находящееся въ реальной уніи съ имперіею ¹⁾.

IV.

Послѣ выводовъ, сдѣланныхъ изъ указанныхъ историческихъ фактовъ, намъ предстоитъ теперь бросить бѣглый взглядъ на направленіе политики русскихъ императоровъ въ Финляндіи въ послѣдующій послѣ организаціи края періодъ до настоящаго времени.

При этомъ намъ нѣтъ надобности, для характеристики 76-ти-лѣтняго періода послѣ 1809 года, (т. е. до 1885-го года) останавливаться на вѣдшей и внутренней исторіи края или на отдѣльныхъ распоряженіяхъ и мѣрахъ верховной власти въ Финляндіи. Наоборотъ, мы коснемся лишь развитія принципа конституціонализма въ Финляндіи и попытаемся въ этомъ отношеніи прослѣдить руководящее

¹⁾ Наука государственнаго права, какъ за границею, такъ и въ Россіи, признаетъ Финляндію за государство. Между русскими учеными можемъ указать на такіе авторитеты, каковы извѣстные ученые и профессора А. Д. Градовскій (Основы русскаго государственнаго права) и В. И. Сергѣевичъ (Лекціи по русскому праву). Ш. Ш.

начало политики русских императоровъ къ Финляндіи, послѣ созданія изъ оной благотворною волею русскаго монарха обособленнаго во внутреннемъ управленіи государства, такъ какъ именно въ послѣдовательномъ, по начертаніямъ императоровъ, расширеніи правъ самоуправленія финскаго народа лежитъ смыслъ и значеніе этой основанной на довѣрїи и соблюденіи обоюдныхъ интересовъ политики, также какъ и прочное обезпеченіе принципа обособленности государственной организаціи Финляндіи.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы можемъ отмѣтить въ исторіи этого времени періодъ застоя до восшествія на престолъ императора Александра II, а затѣмъ періодъ правильнаго развитія конституціонализма въ край. Извѣстно, что послѣ боргоскаго сейма императоромъ Александромъ I земскіе чины собираемы не были. Послѣ смерти Александра I и по восшествіи на престолъ Николая I, 12-го (24-го) декабря 1825 года, послѣдовало вторичное подтвержденіе конституціи Великаго Княжества, но и въ теченіе всего этого царствованія сеймовыя собранія также созываемы не были, хотя въ официальномъ актѣ императора Николая Павловича, именно въ высочайшемъ объявленіи отъ 21-го апрѣля 1826 г., есть признаніе права участія сейма въ законодательствѣ. Это мѣсто въ манифестѣ гласитъ, «что обстоятельства и время нынѣ не позволяютъ предоставить на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ предположеніе объ отжѣивъ общаго закона».

Только по восшествіи на престолъ въ Бозѣ почившаго государя Императора Александра II, который также подтвердилъ конституцію края по манифесту отъ 19-го февраля, прекратился административный періодъ государственной жизни Финляндіи и возобновлены были сеймовыя собранія съ ихъ участіемъ въ законодательствѣ. Первоначально, согласно манифесту, изданному 29-го мая 1861 года, была составлена коммиссія изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій Финляндіи, которая должна была собраться въ Гельсингфорсѣ къ 20-му января 1862 года. Эта коммиссія, состоявшая изъ 48 представителей четырехъ сословій края, подъ предсѣдательствомъ сенатора барона Грипенберга, осталась въ сборѣ до 6-го марта того же года. Наконецъ, 6-го (18-го) іюня 1863 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о созваніи земскихъ чиновъ Финляндіи на общій сеймъ въ г. Гельсингфорсѣ 3-го (15-го) сентября того же года. Въ означенный день императоръ Александръ II прибылъ въ Гельсингфорсъ и лично открылъ засѣданіе сейма слѣдующею рѣчью, обращенною къ собравшимся представителямъ финскаго народа:

— «Представители Великаго Княжества Финляндскаго! Видя васъ собранными вокругъ Меня, считаю себя счастливымъ, что могу

осуществить Мои желанія и ваши надежды. Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе сейма. Высшія соображенія, оцѣнка которыхъ принадлежитъ Миѣ, не дозволили Миѣ собрать представителей четырехъ сословій Великаго Княжества въ первые годы Моего царствованія. Тѣмъ не менѣе, Я своевременно принялъ нѣкоторыя приготовительныя мѣры, направленныя къ этой цѣли, и такъ какъ нынѣ обстоятельства не требуютъ дальнѣйшей отсрочки, то Я созвалъ васъ для соучастія въ дѣлѣ, выслушавъ предварительно мнѣніе финляндскаго Моего сената о проектахъ законовъ и нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ, разсмотрѣніемъ которыхъ вы займетесь въ теченіи нынѣшней сессіи. Имѣя въ виду важность этихъ законовъ и мѣръ, Я поручилъ комиссіи, составленной изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, разсмотрѣть ихъ предварительно. Гласность, которая была допущена относительно преній комиссіи, могла уже заранѣе ознакомить васъ съ тѣмъ, что составитъ предметъ вашихъ сужденій, и вы имѣли возможность обдумать вполнѣ эти проекты, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ и потребностями края. По этой причинѣ, не смотря на значительное число и важность этихъ проектовъ, вы будете имѣть возможность разсмотрѣть ихъ окончательно въ установленное закономъ время. Отчетъ о положеніи финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ и что значительное увеличеніе косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующее объ общественномъ благосостояніи, дозволило приложить болѣе значительныя средства къ развитію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ края. Я разрѣшилъ правительству Великаго Княжества Финляндскаго заключать займы исключительно для того, чтобы удовлетворить потребностямъ, обнаружившимся въ послѣднюю войну, и покрыть издержки по сооруженію желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ. Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ, который также будетъ сообщенъ вамъ, покажетъ, что нынѣшніе доходы государства достаточны для погашенія этого долга съ процентами. При всемъ томъ Я желаю, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключенъ безъ участія сейма Великаго Княжества, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія, которыя вынудили бы Насъ уклониться отъ этого. Новые налоги, предлагаемые Мною сейму, клонятся къ тому, чтобы осуще-

ствить различныя мѣры, принятія съ цѣлью увеличенія благосостоянія края и процвѣтанія народнаго образованія.

«Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени эти мѣры настоятельны и въ какихъ размѣрахъ онѣ должны быть осуществлены. Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несомѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшихъ послѣ присоединенія этого княжества къ имперіи, другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣленности. Желая исправить эти недостатки, Я намѣренъ поручить составить проектъ закона, который будетъ заключать въ себѣ поясненія и дополненія въ этимъ постановленіямъ, и предложить его на разсмотрѣніе слѣдующаго сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года.

«Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ его законы и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ уже принадлежащее сейму право опредѣлять размѣры количества налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ сеймъ пользовался въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собою инициативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона.

«Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ Я желаю счастья и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между государемъ и народомъ. Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Онъ будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужить для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки.

Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ въ сужденіяхъ доказать, что въ рукахъ народа мудраго и готоваго за одно съ государемъ дѣйствовать съ практическимъ смысломъ въ интересахъ развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но и составляютъ залогъ порядка и благоденствія.

«Объявляю засѣданія сейма открытыми».

Мы привели цѣликомъ эту въ высокой степени замѣчательную рѣчь императора Александра II, столь справедливо именуемаго въ благодарной памяти всѣхъ народовъ, населяющихъ русскую монархію, Освободителемъ, привели цѣликомъ въ виду значенія, которое рѣчь эта имѣетъ въ исторіи конституціонализма въ Финляндіи, именно потому, что въ этой

рѣчи, впервые послѣ пятидесятилѣтняго отсутствія сеймовыхъ собраній, высказываются изъ государственнаго акта первѣйшей важности тѣ конституціонныя начала, которыя глава верховной власти признаетъ обязательными какъ для народа, такъ и для себя. Здѣсь провозглашается открыто, что сохранившееся лишь въ принципѣ и забытое въ длинный періодъ застоя участіе народа въ законодательствѣ и управленіи финансами государства возстановляется въ прежнемъ своемъ объемѣ и найдеть себѣ примѣненіе согласно утвержденной конституціи. Но помимо такого обновленія конституціи, въ рѣчи заключается и программа будущей политики покойнаго императора, выражающейя въ постепенномъ развитіи и расширеніи правъ народнаго представительства и въ сохраненіи «неприкосновенности принципа конституціонной монархіи». Наконецъ, въ этихъ словахъ императора выраженъ его взглядъ на юридическое положеніе Финляндіи по отношенію къ имперіи, такъ какъ признавая въ официальной рѣчи передъ представительнымъ собраніемъ Великое Княжество за конституціонную монархію, императоръ этимъ самымъ надѣлилъ Финляндію первостепеннымъ атрибутомъ самостоятельнаго во внутреннемъ управленіи государства, отличающагося даже по самой формѣ правленія отъ имперіи.

Черезъ три года, именно 22-го января 1867 года, былъ созванъ второй общій сеймъ, на которомъ земскимъ чинамъ былъ переданъ на обсужденіе проектъ сеймоваго устава, который, по принятіи его всѣми четырьмя палатами сейма, (3-го) 15-го апрѣля 1869 года удостоился утвержденія императора. Въ этотъ уставъ включено важное расширеніе правъ народнаго представительства установленіемъ періодичности сеймовыхъ собраній, такъ какъ только при оной участіе сейма въ законодательствѣ могло облечься въ прочную и правильную форму, какъ необходимая часть общей системы управленія государствомъ.

Слѣдующіе затѣмъ сеймы въ царствованіе императора Александра II были собираемы въ 1872 и 1877 гг., причемъ значительныхъ измѣненій въ основныхъ законахъ не было произведено; но за то разработавъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣвшихъ огромное вліяніе на духовное и экономическое развитіе финскаго народа въ теченіе минувшаго царствованія.

Благодаря дѣятельному участію народнаго представительства въ Финляндіи, въ теченіе минувшаго царствованія, произведенъ рядъ реформъ въ устарѣломъ частно заводательствѣ, унаслѣдованномъ отъ Швеціи. Финансы Великаго Княчества приведены въ блестящее состояніе введеніемъ золотой монеты, для избѣжанія колебанія курса; край покрытъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ; введена всеобщая воинская повинность, вмѣсто прежде существовавшихъ вербованныхъ и такъ называемыхъ посе-

ленныхъ войскъ; установлены, впрочемъ не черезъ сеймъ, права финскаго языка; обращено самое серьезное вниманіе на народное образованіе, благодаря чему Финляндія, по числу грамотныхъ, въ настоящее время занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ; организовано общинное самоуправленіе, введенъ подоходный налогъ и т. д. и т. д.

Вообще успѣхи, которые въ политическомъ, духовномъ и экономическомъ отношеніи, по свидѣтельству всѣхъ, Финляндія сдѣлала въ теченіе минувшаго столѣтія славнаго, по величайшимъ въ исторіи Россіи реформамъ, царствованія, слѣдуетъ въ значительной степени приписать, мы говоримъ по отношенію къ Финляндіи,—дѣятельности народнаго представительства, которое, не смотря на свое устарѣлое средневѣковое дѣленіе на четыре палаты, тѣмъ не менѣе постоянно служило вѣрнымъ отголоскомъ возрѣвній, питаемыхъ финскимъ народомъ.

V.

На этомъ можно считать нашу задачу оконченною, ибо, указавъ первоначально на историческій ходъ политическихъ отношеній Россіи и Финляндіи, намѣтивъ затѣмъ тѣ историческія событія во время завоеванія и организаціи края, которыя являются естественнымъ продуктомъ предшествовавшихъ политическихъ отношеній, мы закончили нашъ очеркъ разборомъ предначертаній императора Александра II въ Финляндіи и руководящаго начала его политики въ краѣ, выразившагося въ постепенномъ расширеніи конституціонализма въ Финляндіи. Этою, по возможности объективно составленною, картиною политики Россіи къ Финляндіи мы, напоминая объ историческихъ фактахъ и выводами изъ нихъ, надѣемся, дали всякому образованному, а главное безпристрастному читателю возможность составить себѣ точное понятіе о той роли, которую Финляндія играла и въ будущемъ можетъ играть въ общей совокупности государственныхъ интересовъ имперіи.

Но на этомъ намъ не хотѣлось бы покончить нашъ очеркъ.

Возстановивъ въ своей памяти относящіяся къ предмету историческія событія и прослѣдивъ сдѣланныя изъ оныхъ заключенія, читатель становится лицомъ къ лицу передъ выводомъ изъ всего прочитаннаго, предъ вопросомъ о пригодности или дѣлесообразности таковой политики по отношенію къ Финляндіи.

Вопросъ этотъ далеко не можетъ считаться выясненнымъ или

порѣшеннымъ ни въ обществѣ, ни въ русской литературѣ, и мы часто встрѣчаемся, въ особенности по поводу вопросовъ, гдѣ, повидимому, сталкиваются интересы Россіи и Финляндіи, съ полемикою въ газетахъ, которая въ сущности есть не что иное, какъ споръ о томъ, слѣдуетъ-ли предпочесть для будущаго времени сохраненіе прежней политики, основанной на довѣрїи и уваженіи національной самостоятельности народа—или же есть основаніе вступить на новый путь, на путь разрушенія прежняго и совершенія, по отношенію къ Финляндіи, государственнаго переворота? Другаго выбора или средняго пути нѣтъ, такъ какъ теперешняя обособленная государственная организація Финляндіи стоитъ на твердой почвѣ основныхъ законовъ края, которые, какъ извѣстно, могутъ быть отмѣнены только по почину государя императора и съ согласія всѣхъ четырехъ палатъ сейма. Намъ предстоитъ такимъ образомъ остановиться на вопросѣ перво-степенной важности. Прибавимъ къ сему, что мы сочтемъ нашу задачу исполненною, если, благодаря нашей скромной попытки свести въ одно цѣлое всѣ данныя для разбора этого вопроса, читатель составитъ себѣ болѣе опредѣленное понятіе о смыслѣ и значеніи настоящей системы управленія краемъ, а также окончательно убѣдится въ томъ, что она же лучше всего соотвѣтствуетъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ государственнымъ интересамъ Россіи.

Приступая къ разбору вопроса о цѣлесообразности настоящей политики въ Финляндіи, мы разсмотримъ нашъ предметъ съ двухъ сторонъ, именно съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ финскаго народа и со стороны общегосударственныхъ интересовъ имперіи, т. е., другими словами, мы постараемся доказать, что въ принципѣ національной самостоятельности заключаются для финскаго народа всѣ условія внутренняго развитія и преуспѣянія его, между тѣмъ какъ основанная на этомъ система предоставленія правъ автономіи краю отнюдь не противорѣчитъ государственнымъ интересамъ имперіи, наоборотъ, является вполне естественною и разумною. Для подтвержденія нашего перваго тезиса намъ необходимо указать на одно любопытное явленіе въ исторіи финскаго народа, именно на образованіе двойственности въ финской націи между шведскимъ и финскимъ элементами и на характеристическую черту этого дуализма.

Не выдѣляясь ни по своимъ гражданскимъ правамъ, ни какъ цѣлое въ административномъ отношеніи, финскій народъ хотя и входилъ, какъ составная часть, въ общій составъ шведскаго государства, сохранилъ, однако, свою національную самобытность, а также и финскій языкъ, который былъ въ общемъ употребленіи еще въ первой половинѣ XVII-го столѣтія. Но въ послѣдующе евремя, въ особенности

послѣ основанія шведской академіи въ г. Або и нѣсколькихъ шведскихъ школъ въ другихъ городахъ, шведскій языкъ сталъ все болѣе и болѣе распространяться. Вслѣдствіе этого, въ связи съ другими причинами, шведскій языкъ скоро сдѣлался преобладающимъ въ образованныхъ и высшихъ слояхъ населенія Финляндіи и уже къ началу XVIII-го столѣтія проявляется постепенное сліяніе высшихъ классовъ, главнымъ образомъ дворянства, со шведскимъ элементомъ, между тѣмъ какъ низшій народъ продолжалъ держаться своего роднаго языка. Но въ этомъ раздвоеніи народа должно имѣть въ виду важную характеристическую черту, заключающуюся въ томъ, что высшій классъ народа, приобщившійся къ шведской культурѣ и языку, не есть элементъ пришлый извнѣ, а вышель, за малымъ исключеніемъ, и постоянно пополнялся изъ финскаго большинства народа, вслѣдствіе чего онъ не лишался тѣсной связи съ нимъ и не могла образоваться вражда или національный антагонизмъ. Вытекающее изъ такого общаго происхожденія чувство племеннаго единства и родства всегда существовало и должно было привести къ той солидарности интересовъ и отсутствію эксплуатаціи между обоими элементами народа, благодаря которымъ крестьянство никогда не было лишено личной свободы, и не смотря на тяжелыя условія быта, успѣло подвинуться на пути цивилизаціи. Такому чувству солидарности, въ связи съ возрожденіемъ національнаго самосознанія въ финскомъ народѣ, отчасти содѣйствовали политическія обстоятельства, главнымъ образомъ Ништадскій миръ, раздѣлившій край и его населеніе между двумя государствами, и произошедшій въ Швеціи государственный переворотъ. Въ особенности сосредоточеніе власти въ рукахъ шведскихъ аристократовъ и постоянная борьба партій изъ-за личныхъ интересовъ отодвинули Финляндію и финляндскій элементъ на второй планъ, содѣйствуя этимъ путемъ развитію чувства солидарности въ собственно финскомъ народѣ.

Къ этому необходимо прибавить еще одно важное обстоятельство, именно вліяніе русской дипломатіи, въ особенности послѣ войны во время царствованія Елизаветы Петровны и вторичнаго присоединенія части края къ имперіи. Всѣ эти обстоятельства въ ихъ взаимодѣйствіи должны были подготовить и привести къ постепенному зарожденію мысли о выдѣленіи финскаго народа въ одну націю, связанную дѣйствительною солидарностію интересовъ, а также и къ инстинктивному стремленію къ національной самостоятельности и самоуправленію. Эта мысль была инстинктивна въ массѣ, но выражалась сознательно и послѣдовательно во всѣхъ проявленіяхъ оппозиціи къ шведскому правительству, въ особенности, напр., въ дѣятельности Спренгпортена и въ дѣйствіяхъ

ангъясскихъ заговорщиковъ финляндскаго происхожденія. Отрицать же такое стремленіе въ обществѣ и народѣ, также какъ и подготовлявшуюся въ немъ способность къ самоуправленію и самобытной культурной жизни, не приходится уже, судя по спокойному и твердому вступленію націи на путь самостоятельнаго государственнаго существованія, по созданіи изъ края, въ 1809 году, отдѣльной политической единицы. Этотъ выводъ подтверждается любопытнымъ историческимъ фактомъ, именно тѣмъ, что когда въ 1812 году, во время нашествія Наполеона, со стороны Швеціи былъ возбужденъ вопросъ объ обратномъ присоединеніи Финляндіи къ Швеціи, мѣстное населеніе отнеслось несочувственно къ этому проекту, даже нашлись голоса ¹⁾, которые публично протестовали противъ присоединенія края къ Швеціи безъ надѣленія Финляндіи утвержденными русскимъ императоромъ правами самостоятельной, конституціонной монархіи.

Изъ приведеннаго факта и изъ доказанной въ первыхъ же годахъ преданности финскаго народа своему монарху видно, что Александръ I нашелъ лучшее средство связать вновь завоеванный край и его до тѣхъ поръ враждебное населеніе съ Имперією и Императорскимъ Домомъ, даровавъ народу широкія права самоуправленія.

Такое звѣно соединенія Финляндіи съ Имперією заключалось въ соблюденіи обоюдныхъ интересовъ и оно положило основаніе тому взаимному довѣрію между народомъ и монархомъ, которое и до настоящаго времени (1885 г.), по прошествіи 76-ти лѣтъ, характеризуетъ отношенія русскихъ монарховъ къ финскому народу.

Въ виду этого нѣтъ надобности останавливаться болѣе на томъ, что національная и автономическая самостоятельность Финляндіи отвѣчаетъ интересамъ населенія ея. Къ тому же, высказавшаяся за 76 лѣтъ (1809—1885) самостоятельнаго существованія способность финскаго народа къ самоуправленію, прогрессъ и общее развитіе умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ силъ народа за этотъ длинный періодъ времени, все это говорить за себя, все это явно доказываетъ цѣлесообразность основанной императоромъ Александромъ I и получившей столь сильное развитіе при императорѣ Александрѣ II политики по отношенію къ Финляндіи.

Перейдя затѣмъ къ разбору вопроса о цѣлесообразности этой политики въ Финляндіи съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ имперіи, мы не остановимся на исторической сторонѣ этого вопроса, потому что она разъяснена нами въ достаточной степени. Также не станемъ мы повторять причинъ, побудившихъ императора

¹⁾ „Finland och dess framtid“ af Israel Hvasser.

Александра I создать изъ Финляндіи обособленное во внутреннемъ управленіи государство. Замѣтимъ лишь вкратцѣ, что вмѣстѣ съ основаніемъ Петербурга Финляндія приобрѣла для имперіи стратегическое значеніе и что завоеваніе края, а главное, сплоченіе онаго—связями не только матеріальными, но и нравственными съ имперіей, сдѣлалось необходимою для упроченія занятаго Россіей на сѣверѣ положенія. Далѣе можно прослѣдить исторически, что для этой цѣли русскому правительству представлялось выгоднымъ разьединить Финляндію отъ Швеціи и создать изъ края особое государство, связанное солидарностью интересовъ съ Имперією. Какъ тогда, такъ и нынѣ лежало въ интересахъ имперіи создать себѣ въ мѣстномъ населеніи элементъ въ высокой степени дружественный, связанный прежде всего выгодною своего положенія съ интересами имперіи, а не элементъ враждебный, постоянно тяготящийся къ врагамъ имперіи.

Цѣль эта была вполне достигнута призваніемъ финскаго народа къ національной самостоятельности и самоуправленію.

Такимъ образомъ, созданіе Великаго Княжества Финляндскаго отнюдь не можетъ и не должно быть приписано одному изъ увлеченій Александра I идеальными стремленіями въ лучшіе годы его царствованія, но является вполне естественнымъ и логическимъ довершеніемъ исконной русской политики въ Финляндіи и сознательно разумнымъ обезпеченіемъ интересовъ какъ Имперіи, такъ и финскаго народа.

Ш. Ш.

Октябрь 1885 г.
Спб.

Россія и Финляндія.

Замѣтки къ первой статьѣ этого очерка.

I.

[Письмо къ редактору „Русской Старины“ М. И. Семевскому].

М. г. Михаилъ Ивановичъ! помѣщеніемъ въ январской книгѣ издаваемаго вами журнала, за сей годъ, историческаго очерка „Россія и Финляндія“, вы оказали большую услугу русской читающей публикѣ.

Въ первый разъ является послѣдовательное, хотя и очень краткое, изложеніе событій, положившихъ начало исключительному положенію этой сѣверо-сѣверо-западной окраины Россіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что статья эта есть произведеніе финляндскаго пера и очевидно составлена только по финляндскимъ источникамъ, русскіе же источники авторомъ игнорируются и онъ даже говоритъ, что за малымъ исключеніемъ ихъ вовсе нѣтъ. Поэтому

неудивительно, что статья эта страдает односторонностью и что во многих мѣстах изложеніе ея не согласуется съ истинною. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи (особенно 2-й главы), оказывается то невѣрное освѣщеніе фактовъ, то неточность переводовъ и выраженій, то умолчаніе о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, то приданіе иного смысла, словомъ все направлено къ тому, чтобы доказать излюбленную авторомъ идею о договорѣ. До сихъ поръ мы, русскіе, считали, а въ прежнее время и сами финляндцы признавали, что дарованіе правъ Финляндіи есть монаршая милость, теперь же авторъ, подобно финляндскому сенатору Мехелину, старается этотъ актъ монаршей милости обратить въ обязательство. Очень жаль, что тенденціозность статьи лишаетъ ее должнаго значенія и интереса.

Подписчикъ на „Русскую Старину“ съ 1870 г.

II.

По поводу вышеприведеннаго письма мы обратились за разъясненіемъ къ одному изъ финляндцевъ, близко знакомому съ исторіей своей родины и живо интересующемуся минушею и настоящею историческою судьбою Финляндіи, и получили отъ него нижеслѣдующее объясненіе: Ред.

„Авторъ письма въ редакцію „Русской Старины“ ошибается, если думаетъ, что въ настоящее время финляндцы не признаютъ дарованія правъ автономіи своей родинѣ „актомъ монаршей милости“.

„Въ мартѣ 1809 года, когда произошла торжественная присяга представителей финскаго народа на вѣрноподданство императора Александра I-го, всякое вооруженное сопротивленіе въ Финляндіи было подавлено и весь край былъ занятъ русскими войсками. Не можетъ быть сомнѣнія, что если бы императоръ Александръ I-й того захотѣлъ, ничто не мѣшало бы ему включить завоеванную страну въ составъ имперіи безъ надѣленія правами самоуправленія. Но дѣло въ томъ, что, желая основать свою власть въ Финляндіи не на одной только матерьяльной силѣ, а также упрочить болѣе крѣпкими узами связь вновь приобрѣтеннаго края съ Русскою имперіей, онъ самъ предпочелъ, за шесть мѣсяцевъ до заключенія мира съ Швеціей, вступить въ непосредственныя сношенія съ финскимъ народомъ, предоставить послѣднему широкія права самоуправленія и сдѣлаться великимъ княземъ Финляндскимъ на основаніи присяги представителей финскаго народа, принесенной ими, какъ императоръ самъ выразился въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, „добровольно и непринужденно“.

Исключительно съ этой точки зрѣнія финляндскіе историки считаютъ достопамятныя событія боргскаго сейма соглашеніемъ или, лучше сказать отдѣльнымъ миромъ (sergat fred) хотя и не формулированнымъ юридически, между императоромъ Александромъ Павловичемъ и финскимъ народомъ.

Весь финскій народъ, какъ тогда, такъ и теперь, вполне сознаетъ, что императоръ Александръ I-й имѣлъ полную возможность поступить совсѣмъ иначе относительно Финляндіи и потому въ дарованіи правъ самоуправленія видитъ актъ монаршей милости, за который онъ до сихъ поръ платитъ и впредь будетъ платить неизмѣнной преданностью къ Царствующему Дому“.

Подписчикъ на „Русскую Старину“ съ 1876 г.

П и с ь м о.

.... Ты помнишь-ли тѣ алме цвѣты,
 Что такъ плѣняли насъ, пока судьбою
 Разлучены мы не были съ тобою?
 Припоминаешь-ли то время ты,
 Когда вдвоемъ мы по лѣсу бродили,
 Срывая тѣ цвѣты, и какъ любили
 Ихъ красотою любоваться мы?
 — Но та пора погребена на вѣки:
 Такъ погребаются поля и рѣки
 Подъ бѣлоснѣжнымъ саваномъ зимы.
 Теперь, когда вдали мы другъ отъ друга,
 Когда подъ небомъ ты роскошнымъ юга,
 А я, гдѣ плачетъ сѣверная вьюга,
 Случайно если взоръ твой упадетъ
 На тѣ цвѣты, — о вспомни обо мнѣ!
 И думай, что привѣтъ тебѣ несетъ
 Любвеобильная душа поэта,
 Что вспоминаемъ о тебѣ согрѣта
 Она и что настроены тобой
 Златыя струны лиры молодой!...

1882 г.

З а т и ш ь е.

Голубыя покоились волны,
 Голубой сводъ небесный дремалъ...
 Въ мертвомъ снѣ цѣпенѣи, безмолвный
 Часъ томительный полдня насталъ.
 Застывала, палима лучами,
 Раскаленная почва земли,
 Трепетала лишь чайка крылами
 И вилась, и кружилась вдали...

Притупилися всѣ ощущенья,
 Всѣ застыли волненья въ груди,
 И душа, забывая стремленья,
 Ничего не ждала впереди.
 Лишь испуганно, гдѣ-то глубоко
 Въ задремавшемъ умѣ притаилась,
 О минувшемъ мечтѣ одиноко
 Трепетала, кружилась, вилась.

1882 г.

СЪ НѢМЕЦКАГО.

О нѣтъ! за красоту ты не люби меня
 И не люби меня за то, что я живу богато:
 За красоту люби сіянье дня,
 А за богатство — серебро и злато.

* *
*

И не люби меня за молодость мою:
 Люби весну, — она все та же безконечно.
 Меня люби за то, что я люблю,
 И что любить тебя я буду вѣчно!

1882 г.

* *
*

Пойметель-ль вы тѣ чудныя мгновенья,
 Когда нисходитъ въ душу вдохновенье,
 И зарождающейся пѣсни звукъ
 Въ ней пробуждаетъ столько тайныхъ мукъ
 И столько неземнаго восхищенья?
 Тѣ приступы восторженной любви,
 Тотъ сокровенный творчества недугъ —

Поймете-ль вы?...

Я всю любовь, всѣ лучшія стремленья,
 Все, что волнуетъ грудь въ ночной тиши,
 И всѣ порывы пламенной души

Илигъ въ свои стихотворенья...

Но если безсознательно порою,
 Высокій долгъ поэта позабывъ,
 Плънялся я чарующей мечтою,
 И звуковъ увлекалъ меня наплывъ, —
 Не осудите слабости случайной,
 Души моей поймите голосъ тайный.
 — Что можетъ умъ безъ сердца сотворить?
 Я не умѣю пѣть безъ увлеченья
 И не могу свои произведенья
 Холодному разуму подчинить!
 — Поймите-же недугъ души поэта
 И ласковой улыбкою привѣта
 Или похвалою слова одного
 Не откажитесь наградить его.

К. Р.

1882 г.

Примѣчаніе. Изъ собранія стихотвореній К. Р., изд. 1886 г., Сиб.

ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ ПАВЛА АРСЕНЬЕВИЧА ПУТЯТИНА.

V¹⁾.

Послѣдующія строки воспоминаній начинаю съ попытокъ сдѣланныхъ людьми науки съ цѣлю поддержать наши умственныя и религіозно-нравственныя силы, въ борьбѣ противъ безцеремоннаго обращенія малообразованныхъ людей съ памятниками родной старины.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи реальныя понятія нерѣдко доводились многими положительно до животныхъ стремленій. Эти господа не только что отвергали поэзію, живопись, ваяніе, музыку и проч., и проч., но даже самую исторію нашего народа.

Для нихъ изученіе развитія родины становилось пустою причудой праздныхъ людей...

Чувство истиннаго патріотизма невольно заставляеть русскаго человѣка проникаться грустью въ тѣхъ случаяхъ, когда ему встрѣчаются картины разрушенія нашихъ немногихъ древнихъ историческихъ остатковъ—Херсониса, Новгорода, Пскова, Кіева, Москвы, Полтавы, Острога на Волини,—и пр., и пр., которые какъ будто являются союзниками крайнихъ реалистовъ.

Это-же чувство заставило и меня взяться за перо.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось:

Въ 1875 году мнѣ пришлось по дѣлу посѣтить Новгородъ Великій; времени свободнаго было много и потому съ книгой

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., томъ LIII, январь, стр. 107—132.

графа М. Толстаго („Святыни и древности Великаго Новгорода 1862“) мы посвятили его осмотру новгородскихъ древностей.

Кремль со св. Софіей, мостъ съ часовней чуднаго креста, Ярославово городище съ уцѣлѣвшей древней башней, домъ предполагаемой Марфы Посадницы заняли не мало времени.

Что же касается до другихъ древностей, то вотъ въ какомъ видѣ большинство изъ нихъ оказалось: Ѳеодоровская церковь у ручья, съ фресками XIV вѣка, была въ такомъ жалкомъ видѣ, что по случаю продольной трещины ее полагали совсѣмъ уничтожить.

Покойный Василій Александровичъ Прохоровъ ¹⁾ отстаивалъ это упраздненіе, думая сохранить потомкамъ замѣчательныя Ѳеодоровскія фрески, въ числѣ которыхъ имѣлись даже оригинальныя изображенія ея строителей новгородскихъ князей. И что-же? Дѣйствительно, ее не разобрали, но за то нашелся такой благодѣтель, который, вѣроятно, для благообразія, задѣлавъ трещину, заштукатурилъ и фрески.

Можете себѣ вообразить всю силу оскорбленія чувства любви къ наукѣ, испытанное В. А. Прохоровымъ при видѣ подобнаго уничтоженія! Я какъ теперь помню, съ какимъ волненіемъ онъ намъ рассказывалъ объ этомъ варварствѣ покровителей церковнаго благолѣпія.

Затѣмъ говорю словами статьи моей о томъ положеніи, въ какомъ были найдены мною многія другія историческія древности.

„Никольская церковь на Липнахъ уничтожается временемъ; фрески Николо-Дворищенскаго собора 1113 года, въ Ярославовомъ Городищѣ, не видны; въ церкви св. Прокопія 1359 года провалился полъ въ алтарѣ, что, можетъ быть, для исторіи и счастье, такъ какъ она еще до сихъ поръ остается въ своей древней красотѣ и ждетъ просвѣщенной руки для ея поддержки.

„А сколько безобразно перемазанныхъ фресокъ, которыя, можетъ быть, еще найдется возможность возстановить, смывъ и очистивъ уродливо наляпанныя новыя краски, такъ какъ древній грунтъ всегда тверже новыхъ слоевъ.

¹⁾ Авторъ издаваемаго, по высочайшему соизволенію, „Журнала христіанскихъ и русскихъ древностей“ и многихъ другихъ почтенныхъ трудовъ, посвященныхъ святой старинѣ.

„Однимъ словомъ, въ Новгородѣ много славы для просвѣщенныхъ дѣятелей, много дѣла, заслуживающаго благодарность отъ потомковъ. Всякая страна дорожитъ не только что своимъ прошлымъ, но даже часто интересуется и стариною другихъ странъ; такъ Франція производила раскопки въ Римѣ, Пруссія дѣлаетъ ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, и все это безъ вещественнаго интереса.

„У насъ же, у которыхъ и безъ того немного мѣстностей, каковы Новгородъ, Херсонисъ, Кіевъ и пр., изобилующихъ стариною, при просвѣщенныхъ любителяхъ, мало предпринимается не только что для открытій, но даже для подвожковъ или для сохраненія существующаго“.

Эта выдержка взята изъ замѣтки, посланной въ императорское русское археологическое общество подъ заглавіемъ „Взглядъ на новгородскія древности“.

Въ ней высказывается вся та горечь, которая накопилась при видѣ бѣдственныхъ условій, при которыхъ обрѣтаются наши новгородскіе историческіе памятники; въ томъ числѣ упоминается о фрескахъ, заштукатуренныхъ въ Благовѣщенской церкви на Рюриковомъ Городищѣ; ихъ положительно нужно бы было возобновить,—тоже реставрировавъ и въ Знаменскомъ соборѣ.

Далѣ говорится о реставраціи Спасо-Нерядицкой-Преображенской церкви В. А. Прохоровымъ, за которую присуждена медаль на Парижской всемірной выставкѣ.

Въ отвѣтъ на замѣтку (отъ секретаря императорскаго русскаго археологическаго общества И. В. Помяловскаго отъ 20-го апрѣля 1876 года, за № 38) я получилъ слѣдующее заключеніе отдѣленія славяно-русской археологіи:

„Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ получена записка ваша и г. художника Братскаго, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на новгородскія древности“, каковая записка и была передана на разсмотрѣніе и обсужденіе отдѣленія славяно-русской археологіи. Нынѣ отдѣленіе передало въ общество слѣдующія свои по поводу вашей записки заключенія: отдѣленіе постановило:

1. Благодарить составителей записки за сообщенныя ими свѣдѣнія; самую-же записку напечатать въ Извѣстіяхъ общества;
2. Благовѣщенская церковь въ 6850 г. была нарушена и

построена вновь на прежнемъ основаніи; въ 6851 году была кончена и освящена каменная церковь; послѣ этого въ лѣтописяхъ упоминается о ней по случаю пожаровъ и возобновленій. Все это даетъ поводъ предполагать, что настѣнная живопись Благовѣщенской церкви, для которой по повелѣнію князя Мстислава написано Алексѣю извѣстное Мстиславово евангеліе, не можетъ относиться къ XI вѣку ¹⁾;

3. Сообщить составителямъ записки, что въ настоящее время образуется коммиссія, на которую будетъ возложена обязанность начертать правила по сохраненію памятниковъ древности.

Говоря о новгородскихъ древностяхъ, приходится сказать нѣсколько словъ и о новгородскомъ музеѣ. Музей при основаніи помѣщался на площади противъ памятника Императора Александра I, въ квартирѣ, нынѣ занимаемой новгородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Дѣятельное участіе въ его устроеніи принимали губернаторъ А. Я. Сварятинъ, совѣтникъ губернскаго правленія П. П. Косоговскій ²⁾ и новгородскій губернскій предводитель дворянства Г. М. Коковцевъ.

Священникъ, завѣдывавшій музеемъ, Н. Г. Богословскій, разъѣзжая по разнымъ новгородскимъ церквамъ, собиралъ археологическіе для музея предметы, который видимо разрастался. Въ него стали поступать отъ разныхъ лицъ вещицы пожертвованія и собралась коллекція дѣйствительно рѣдкихъ вещей.

Музей удостоился посѣщеній ихъ высочествъ великихъ князей и ихъ покровительства. Однимъ словомъ, это учрежденіе стало пріобрѣтать популярность.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день, земство нашло излишнею роскошью это научное учрежденіе и отказало ему не только что въ субсидіи, но даже и въ помѣщеніи; вещи снесли въ сарай, часть, и то небольшая, этого собранія поступила въ с.-петербургскій музей духовной академіи; ее спасъ профессоръ Н. В. Покровскій.

¹⁾ Я всетаки остаюсь при убѣжденіи, что настѣнная живопись Благовѣщенской церкви почти одновременна съ Спасо-Нерядицкими фресками.

²⁾ Нынѣшній курскій губернаторъ.

Кн. П. П.

Затѣмъ предметы въ значительно меньшемъ количествѣ поступили въ новое зданіе, устроенное для музея губернаторомъ Э. В. Лерхэ, и затѣмъ музей только съ 28-го января 1887-го года открытъ для публики.

Къ несчастію, не смотря на просвѣщенное и энергическое участіе нынѣшняго губернатора А. Н. Мосолова, въ новгородскомъ музеѣ уже любителямъ не можетъ представиться столько интересныхъ матеріаловъ, какъ въ прежнемъ. Небрежность къ научному интересу уничтожила первый музей и второму уже трудно возродиться.

Въ настоящее время въ Новгородѣ даже возникла мысль учредить самостоятельное „Общество русской старины“. Не знаю—какъ это устроится, тѣмъ болѣе, что самостоятельное общество, не имѣющее опоры въ авторитетныхъ учрежденіяхъ, — какъ, напримѣръ, императорскія археологическія общества, императорская археологическая коммисія и пр., пр., не могутъ имѣть должной силы. Основываясь-же на твердыхъ установленіяхъ центральныхъ учреждений и поддерживая съ ними постоянныя сношенія, получается большая живучесть и твердость въ дѣйствіяхъ.

Разсказанная исторія съ новгородскимъ музеемъ могла бы охладить всякое желаніе частныхъ людей въ пожертвованію въ пользу науки. Никто не пожелаетъ отдавать свои вещи не твердымъ установленіямъ, которыя, цѣня ихъ сегодня, на другой день преполюжаютъ, какъ старый хламъ, въ неподобающія хранилища. Этотъ фактъ и бѣдственное состояніе церквей Великаго Новгорода невольно наводятъ тоску, — такъ и хотѣлось бы возродить, возстановить заброшенныя древности мало посѣщаемаго города, тѣмъ болѣе, что въ немъ могутъ совершиться открытія въ области древняго искусства, которыми возгордилась-бы любая европейская страна.

Статья моя о новгородскихъ древностяхъ послужила отчасти къ тому, что въ 1878 году 28-го декабря я былъ избранъ въ сотрудники императорскаго русскаго археологическаго общества и затѣмъ 20-го октября 1881 года въ его дѣйствительные члены. Въ этотъ-же 1878-й годъ въ имѣніе мое, въ Бологое, приѣзжалъ членъ сотрудниковъ археологическаго и географическаго обществъ въ С.-Петербургѣ А. Н. Виноградовъ, который, осмотрѣвъ мою палеографическую коллекцію, бібліотеку, автографы, картины и пр., помѣстилъ описаніе въ „Памятникахъ древней

письменности“ 1878—1879 годы, страницы 214 — 229. Нынѣ А. Н. Виноградовъ выполняетъ миссіонерскія обязанности въ Пекинѣ, подѣ именемъ отца Алексія. Послѣ прїѣзда А. Н. Виноградова, въ 1879 году, меня посѣтилъ нашъ извѣстный знатокъ христіанской старины В. А. Прохоровъ, съ которымъ нами произведены раскопки кургановъ близъ деревни „Любенца“ (Любава) и села Бологое. Описаніе результатовъ раскопокъ было помѣщено въ статьѣ В. А. въ 3-й книгѣ Сборника археологическаго института подѣ заглавіемъ: „О раскопѣхъ кургановъ близъ Бологое“.

Во время раскопокъ большаго любенецкаго кургана надѣ нами разразилась дождевая туча; дождь лилъ ливнемъ, но В. А., закутавшись въ плащъ, какъ воинъ во время битвы, руководилъ раскопкой. Его длинная сухощавая фигура стояла вытянувшись въ струнку у разрѣза кургана, и чуть-ли не каждый взмахъ заступа тщательно провѣрялся, а находки отмѣчались въ записной книжкѣ. При этомъ онъ перекидывался со мною словами, такъ какъ я, глядя на него, остался заняться раскопкой другаго меньшаго кургана.

В. А. удивлялся смѣтливости простыхъ крестьянъ; имъ только стоило указать на вещь достойную вниманія, чтобы они почти безошибочно подавали ей подобное, не упуская въ раскопкахъ ничего, имѣющаго значеніе. Этотъ фактъ крестьянской смѣтливости замѣчался мною и впослѣдствіи во время изслѣдованій на мысу бологовскаго озера. Они усиленно интересуются предметами первобытной жизни и спрашиваютъ объ ихъ назначеніи. Видно, что любознательность присуща простому русскому народу.

Для характеристики трудовъ В. А. привожу въ примѣръ его два письма; въ одномъ онъ упоминаетъ о худой погодѣ, нами испытанной во время раскопокъ любенецкаго кургана, а въ другомъ объ ужасной дорогѣ въ Ребовскому погосту, которую онъ совершилъ по порученію императорскаго археологическаго общества. Вотъ они:

13-го іюля 1879 года.

„Душевноуважаемый князь Павелъ Арсеньевичъ. По прїѣздѣ моемъ въ Петербургъ, не успѣлъ еще отдохнуть, какъ долженъ былъ ѣхать въ Шлиссельбургъ дня на три по дѣламъ. Возвратившись, я справился на счетъ Калачева; мнѣ сказали, что онъ

былъ нѣсколько времени по дѣламъ въ Петербургѣ, потомъ уѣхалъ въ Москву, — такъ что я основательно не успѣлъ ничего узнать. Когда что узнаю, то непременно сообщу вамъ. Я думаю, что теперь воображеніе ваше занято курганами, работаетъ надъ разными выводами и т. п. Съ своей стороны я искренно благодаренъ за доставленное мнѣ удовольствіе, хотя и въ дурную погоду мы побезпокоили прахъ тысячелѣтнихъ покойниковъ, но они будутъ такъ великодушны, что извинять насъ за наше увлеченіе.

„Душевно благодарю васъ, дорогой мой князь Павелъ Арсеньевичъ, за родное ваше гостепріимство, также и многоуважаемую княгиню Ольгу Ивановну ¹⁾, я былъ у васъ точно въ родномъ семействѣ. Дай Богъ побольше мнѣ встрѣчать такихъ людей, какъ вы; тогда не оскудѣетъ наша русская земля. Да будетъ благословеніе Господне на вашемъ добромъ семействѣ. Поцѣлуйте за меня вашихъ милыхъ дѣтокъ, которымъ я искренно желаю добраго здоровья и всего лучшаго въ мірѣ. Душевно вамъ преданный и глубоко уважающій васъ Прохоровъ.

„Прошу васъ передать отъ меня мое искреннее и глубокое уваженіе и поклонъ вашему батюшкѣ князю Арсенію Степановичу“.

27-го іюня 1879 года.

„Судьба какъ будто-бы нарочно оттягиваетъ наше свиданіе. По порученію императорскаго археологическаго общества я долженъ былъ отправиться для осмотра одной изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ древностей: въ Тихвинскомъ уѣздѣ, въ Ребовской погостъ. Тамъ находится древняя обветшалая церковь, построенная великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ (отцомъ Іоанна Грознаго). Эту церковь предполагали сломать наши премудрые попы ²⁾ но къ счастью въ настоящее время высочайше утвержденныя правила, что ни одна древность не можетъ быть уничтожена,

¹⁾ Это имя моей покойной жены, дочери генерала отъ кавалеріи И. П. Шабельскаго, кавалера Георгія 4-го класса.

Въ настоящее время я женатъ на внучкѣ фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя М. И. Голенищева-Кутузова, которая и поддерживаетъ меня горячо въ археологическихъ занятіяхъ.

²⁾ В. А. Прохоровъ былъ человекъ религіозный и потому это выраженіе относится только къ извѣстному факту. Кн. П. П.

ни исправлена безъ освидѣтельствованія ея археологомъ-спеціалистомъ, спасли эту рѣдкость отъ уничтоженія. Какъ вамъ извѣстно, что въ нашемъ археологическомъ обществѣ одинъ я только занимаюсь церковными древностями и въ особенности церковной архитектурой, то всѣ единогласно возложили на меня это порученіе; я съ удовольствіемъ принялъ на себя это порученіе и исполнилъ его, какъ только могъ: снялъ планъ и видъ этой замѣчательной церкви, которая находится дѣйствительно въ полуразвалинахъ, но замѣчательна по своей архитектурѣ и ея древности (ей около 350 лѣтъ), для деревянной церкви это маусаиловскій вѣкъ. При свиданіи съ вами я сообщу вамъ всѣ подробности о ней. Дорога моя къ Ребовскому погосту — это была чистая пытка; ни дорогъ, ни лошадей—ничего не оказалось; въ иныхъ мѣстахъ приходилось ѣхать верхомъ шагомъ по обрывамъ горъ, то по болотамъ выше колѣнъ лошади и пр. При этомъ, какъ нарочно, три дня безпощадно мочилъ насъ дождь съ 15-го іюня. Приходилось и съ голодомъ познакомиться. Когда я возвратился въ Петербургъ, то едва дотащился домой весь разбитый и больной, — теперь мнѣ нѣсколько лучше. Но меня всетаки не покидаетъ мысль видѣться съ вами. Если теперь еще не поздно и не помѣшаю вашимъ работамъ по хозяйству, то я бы душевно желалъ посѣтить васъ, хотя на два или на три дня. Если-же теперь будетъ поздно, то будьте откровенны со мной и тогда мы отложимъ это свиданіе до болѣе благопріятнаго для васъ времени. Если-же я не буду вамъ помѣхой, то я въ началѣ слѣдующей недѣли пріѣду къ вамъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, душевно уважаемый князь Павелъ Арсеньевичъ, увѣдомьте меня объ этомъ“ и пр., пр.

Кстати расскажу о курьезныхъ слухахъ, порождаемыхъ нашими раскопками. Простой народъ никакъ не могъ мириться съ мыслью, что раскопки не дѣлались съ какой-либо матеріальной цѣлью: имъ все мерещилась нажива и потому воображеніе разыгрывалось. Напримѣръ, послѣ раскопокъ Любенецкаго кургана распространился слухъ, что мы съ В. А. Прохоровымъ откопали боченокъ золота. Послѣ раскопокъ съ Н. В. Калачевымъ около Куженкина говорили, что тамъ была вырыта золотая чаша. Раскопки на Бологовскомъ мысу породили молву о находкѣ какаго-то шлема и т. п. Такъ что, не смотря на мои

увѣренія, что мы не только что неотрываемъ золото, но, напротивъ, зарываемъ его, платя за труды раскопокъ, находились такіе свептики, которые изумлялись этому отрицанію простонародныхъ фантазій. Наша мѣстность не имѣла золотыхъ россыпей; въ ея лѣсахъ жили бѣдные люди и потому эти фантастическія представленія по меньшей мѣрѣ не умѣстны.

Черезъ В. А. Прохорова и А. Н. Виноградова возобновилось мое знакомство съ Н. В. Калачевымъ, директоромъ Археологическаго института. Кому неизвѣстна дѣятельность Николая Васильевича хотя бы на поприщѣ изслѣдованія древней юриспруденціи? Онъ спеціально занимался своимъ предметомъ, но не съ узкими взглядами, — любимый имъ предметъ не мѣшалъ заниматься и другими. Калачеву не чужды были и прочія науки: первобытная археологія, лингвистика, нумизматика, архивная часть, древнее искусство и проч., проч., все было ему близко, все возбуждало его вниманіе, тѣмъ заставляя и другихъ проникаться желаніемъ учиться, учиться и учиться. Такіе люди нарождаются не годами, а столѣтіями. Сколько трудовъ положилъ этотъ человѣкъ для науки!

Археологическій институтъ, какъ учрежденіе безъ положительнаго денежнаго фонда, часто находился между жизнью и смертью; не смотря на громадную для науки пользу, были моменты, въ которые чуть-чуть это учрежденіе не замерло совсѣмъ.

Николай Васильевичъ тогда не унывалъ: онъ надѣвалъ сенаторскій мундиръ и для общей пользы и пользы науки, уничтожая свое я, отправлялся вымаливать у сильныхъ міра сего поддержку учрежденія — и учрежденіе оставалось. Впрочемъ, должно отдать справедливость гг. профессорамъ, преподавателямъ, совѣту, членамъ-ученикамъ и секретарю г. Ясенскому, которые дружески поддерживали труды своего высокоуважаемаго директора.

Дѣятельность института поистинѣ была замѣчательна. Занятія въ немъ производились не только что зимою, но даже и лѣтомъ. Во время лѣта большинство слушателей для практики отправлялись въ разныя мѣстности; одни на раскопки кургановъ, городищъ, до-историческихъ стоянокъ, другіе для изслѣдованія историческихъ зданій, архитектуры и принадлежностей древнихъ церквей, а также архивовъ, музеевъ, библіотекъ и проч.

Два раза я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя многихъ членовъ этихъ экскурсій съ Н. В. Калачевымъ во главѣ. Такъ,

въ 1879 году мною было получено отъ него отъ 15 іюня слѣдующее предваряющее письмо:

„Милостивый государь князь Павелъ Арсеньевичъ.

„По случаю отъѣзда моего въ Москву я не могъ до сихъ поръ увѣдомить васъ, что А. Н. Виноградову уже въ концѣ мая стало лучше: онъ вышелъ изъ больницы и отправился къ отцу; послѣ же того я о немъ свѣдѣнія не имѣю.

„Нѣкоторые изъ слушателей института сообщали мнѣ, что вы приглашали ихъ пріѣхать въ вашу мѣстность для раскопокъ, такъ какъ въ ней есть курганы. А какъ я съ нѣкоторыми изъ слушателей только что совершили такую экскурсію въ Гдовскій и Лугскій уѣзды, гдѣ наши раскопки были очень удачны, то слушатели до того увлеклись ими, что желали бы воспользоваться и вашимъ предложеніемъ. Мнѣ бы также было пріятно принять участіе и въ этой экспедиціи, и какъ я не сомнѣваюсь, что вы не откажетесь быть въ настоящемъ случаѣ нашимъ руководителемъ, то позволяю обратиться къ вамъ съ поворнѣйшею просьбой увѣдомить меня: можете-ли вы оказать намъ содѣйствіе въ нашемъ предпріятіи произвести раскопки въ вашей мѣстности, т. е. близъ Бологое, у васъ или у другихъ помѣщиковъ, на землѣ которыхъ есть курганы или другія насыпи?

„Прося васъ принять увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности, имѣю честь быть вашъ покорный слуга Н. Калачовъ“.

Согласно этому письму, вскорѣ послѣ него ко мнѣ пріѣхалъ Н. В. съ слѣдующими слушателями института: А. А. Благовѣщенскимъ, А. А. Туганъ-Мирза-Барановскимъ, Г. Даниловымъ, Н. Н. Оглоблинымъ, Е. М. Тимаевымъ, И. Феноменовымъ, К. А. Шапошниковымъ и А. Н. Шишкинымъ.

Почти всѣ члены этой экскурсіи кончили курсы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и заявили печатно свою научную дѣятельность.

Исслѣдованія около Бологое ограничились двумя мѣстностями, а именно: послѣ осмотра доисторическихъ останковъ близъ Бологое, какъ-то: городковъ, дольменообразныхъ жальниковъ и проч., были произведены раскопки кургановъ изъ древне-железнаго періода: а) въ Лодыгинскомъ бору Хоти-

ловской волости и б) въ Осиновомъ рогу Ильятинской волости, во владѣніяхъ Н. Н. Рыбачева. Во время раскопокъ кургановъ Лодыгинскаго бора обрисовался фактъ снисходительной общности Н. В. Калачева съ слушателями института. Исслѣдованія одного дня въ Лодыгинскомъ бору оказались недостаточными; раскопщики, заинтересовавшись результатами, пожелали продолжить ихъ на другой день. До помѣщичьихъ усадебъ было далеко и потому мы рѣшились ночевать на мельницѣ. Помѣщенія всего было только двѣ комнаты. Какъ быть? Пришлось расположиться по охотничьи: принесли ароматнаго сѣна, заслали имъ полъ, покрыли простынями и всѣ расположились на немъ въ повалку. Н. В. захотѣлъ лечь между нами. Нѣсколько минутъ прошло въ разговорахъ и потомъ все крѣпко заснуло на импровизованномъ ложѣ, и хотя быстроногіе скакуны изрѣдка и покусывали, но, право, намъ спалось не дурно. Трудъ и усталость, аромат свѣже-скошенной и на солнцѣ высушенной травы какъ будто убаюкалъ на эту ночь нашу семью, подвижниковъ науки. А рано утромъ уже снова закипѣла научная работа.

Отчетъ объ этихъ исслѣдованіяхъ былъ помѣщенъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и изданъ отдѣльными оттисками.

Лѣтнія занятія съ Н. В. такъ насъ соединили, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1879 г. я еще ближе сталъ къ институту чрезъ то, что его совѣтъ удостоилъ меня, во вниманіе къ нравственнымъ услугамъ, избранія въ его почетные члены, что и было утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія отъ 10 ноября. Въ эту же зиму 22 марта 1879 года состоялось мое первое публичное чтеніе въ археологическомъ институтѣ.

Публичныя вечернія чтенія въ археологическомъ институтѣ приносили и приносятъ много пользы. Съ одной стороны они развиваютъ въ референтахъ способность передавать свои исслѣдованія и мысли предъ публикой, съ другой знакомятъ слушателей съ новыми выводами науки, практическими и теоретическими. По окончаніи чтенія происходитъ обыкновенно диспутъ, который имѣетъ вполнѣ хорошую сторону, давая возможность разносторонне выяснить суть реферата и приучаетъ къ разумнымъ пріемамъ. Всякій самовольный перерывъ со стороны слушателей тотчасъ же останавливался Николаемъ Васильевичемъ, и понятно

подобная неумѣстность, сбивая докладчика, можетъ повредить общему впечатлѣнію. Въ особенности Н. В. возставалъ противъ одностороннихъ нападокъ, съ цѣлью тѣмъ осмѣять весь трудъ референта. Обыкновенно недоброжелатели, рассчитывая заранѣе на то, что многіе поклоняются только успѣху, не входя въ научную оцѣнку, стараются нападать на какой либо мелочной фактъ, съ цѣлью уронить и весь рефератъ. Даже диспутъ въ этомъ смыслѣ для нихъ пріятенъ, потому что послѣ него находится возможность поговорить о рефератѣ въ отрицательномъ смыслѣ — поколебать его достоинства. Николай Васильевичъ зналъ хорошо неделикатную форму подобныхъ проявленій и всегда умѣлъ во время остановить безтактность оппонентовъ.

О немъ совершенно вѣрно высказался въ своихъ воспоминаніяхъ нашъ знаменитый юристъ К. П. Побѣдоносцевъ, что „голова Н. В. Калачова работала непрестанно и работала всегда за одно съ сердцемъ“. Потомъ, что „онъ радовался дѣтскою радостью всякому успѣху въ ученикахъ своихъ и заботился всего болѣе о томъ, чтобы выставить заслугу и значеніе каждаго труда, совершеннаго подъ его руководствомъ“¹⁾.

Такъ бы и хотѣлось выписать всѣ слова этого воспоминанія, которыя столь вѣрно выразили мысли всѣхъ почитателей Н. В. и чувство уваженія къ его жизненнымъ подвигамъ. На акты, чтенія и бесѣды археологическаго института собиралась многочисленная и избранная публика. Многіе были извѣстны цѣлой Россіи или какъ люди науки, или какъ администраторы, или какъ литераторы.

Такъ какъ мнѣ приходилось реферировать впервые, то легко понять ту тревогу, которая во мнѣ происходила. Французская пословица совершенно справедлива: „La critique est aisée, mais l'art et difficile“.

Да! очень не легко всходить на общественную кафедру, зная, что критика бываетъ съ этимъ не разрывна. Меня это тревожило уже по одному тому, что съ разнообразными мнѣніями трудно сообразиться.

Сознаю свою слабохарактерность: недовѣріе къ собственнымъ

¹⁾ См. V выпускъ „Вѣстника археологій и исторій“, издаваемаго археологическимъ институтомъ, 1886 г., стр. 75—78.

археологіей съ научною цѣлью и объ ея отношеніи къ нѣкоторымъ сопрягающимся къ ней знаніямъ“.

2) Профессоръ инстит. Н. В. Покровскій: „Устройство римскихъ катакомбъ“.

3) Нѣсколько словъ по поводу проекта А. Тиша-Тишинскаго: „Храмъ славы Россіи на 19-ое февраля 1880 г.“.

4) Слушатель института А. К. Марковъ: „О древнихъ русскихъ монетахъ“.

Но вотъ раздается звонокъ за звонокъ, комнаты все болѣе и болѣе наполняются. У большаго длиннаго стола по срединѣ зала, покрытаго красной съ золотыми кистями покрывкой, садятся почетные гости. Одна каеэдра и пространство отъ нея къ столу и къ выходу свободны. Раздается предсѣдательскій звонокъ и Н. В. Калачовъ садится посреди стола на свое мѣсто, предоставляя мнѣ право голоса. Все смолкло.... Я чувствую какое-то неопредѣленное ощущеніе: голова кружится,—знаешь, что на тебя обращено вниманіе; въ глазахъ мельбаютъ какіе-то круги.

Наконецъ, осиливъ эту излишнюю слабость, я твердыми шагами взшелъ на ступени каеэдры. Рукопись лежитъ на пюпитрѣ, еще одно усиліе и чтеніе началось. Сперва слова выходили медленно, голосъ слабъ, но затѣмъ я сталъ смѣлѣе, интонація усилилась, а произношеніе стало тверже и увѣреннѣе. Изрѣдка я только давалъ себѣ возможность, останавливаясь на извѣстныхъ періодахъ, всматриваться въ публику, приучая себя тѣмъ къ большому самообладанію. Наконецъ, чтеніе кончилось и я относительно спокойно сошелъ съ каеэдры при рукоплесканіяхъ.

Вторымъ на каеэдру взшелъ Н. В. Покровскій,—красно-рѣчивый профессоръ археологіи христіанскаго искусства въ духовной с.-петербургской академіи и археологическомъ институтѣ. Его смѣнилъ А. К. Марковъ, питомецъ іенскаго университета, членъ имп. петерб. археологическаго общества и института, знатокъ греческихъ и восточныхъ древностей, а также нумизматъ. Всѣ чтенія потомъ закончились сообщеніемъ А. Тишо-Тишинскаго.

Нѣсколько дней спустя о чтеніяхъ появились отчеты въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новомъ Времени“ и другихъ газе-

тахъ. Затѣмъ впечатлѣнія у меня улеглись и въ скоромъ времени имъ пришли уже новыя на смѣну. Другія чтенія съ новымъ научнымъ интересомъ. Одно только впечатлѣніе оставалось неизмѣннымъ,—это чувство искренняго уваженія къ незабвенному Николаю Васильевичу, къ его заботамъ, воодушевлявшимъ всѣхъ его окружавшихъ къ разумному, неумолчному труду на пользу русской науки.

Миръ праху твоему, многолюбимый Николай Васильевичъ! Въ твоихъ глазахъ столько свѣтилось доброты, такой доброты, которая невольно возбуждала къ тебѣ симпатію. Скоро навсегда простятся слабыя строки моихъ воспоминаній съ твоей благотворной и могучей личностью. Еще разъ миръ праху твоему, славный дѣятель русской земли.

Продолженіе преуспѣянія Археологическаго Института нынѣ возложено на новаго его директора, всѣми уважаемаго И. Е. Андреевскаго, знаменитаго профессора по юриспруденціи и бывшаго сердечно почитаемаго ректора императорскаго с.-петербургскаго университета. Иванъ Ефимовичъ съ начала дѣятельности института занималъ въ немъ преподавательскую кафедру и принималъ постоянное участіе въ его чтеніяхъ и бесѣдахъ, а также во всемъ, что касалось до упроченія и развитія этого учрежденія. Археологическій институтъ, со всѣми имѣющими къ нему близкое отношеніе учеными архивными въ Россіи коммиссіями, имѣетъ въ профессорѣ И. Е. Андреевскомъ наидостойнѣйшаго преемника Н. В. Калачова.

На слѣдующее лѣто 1880 года я опять получилъ письмо отъ Николая Васильевича. Вотъ текстъ этого письма. „Крайне виноватъ передъ вашимъ сіятельствомъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше любезное письмо. Но именно, наше общее желаніе—сдѣлать поѣздку съ пользою—побудило меня обдумать хорошенько наше предпріятіе, и какъ цѣль нашего пути въ одинъ конецъ есть мое устюжское имѣніе (въ Новгородской губ.), то освѣдомиться: нельзя ли, ѣхавъ по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ, завернуть въ Бѣжецы, а изъ Рыбинска проѣхать въ Ярославскую губ. Съ этою цѣлью я написалъ тамошнимъ моимъ знакомымъ, чтобы увѣдомили меня о древностяхъ и кур-

курганахъ, которые мы можемъ видѣть и посѣтить въ ихъ мѣстности. Если-бы имѣніе вашего батюшки было въ той-же сторонѣ, то мы могли бы также посѣтить и тѣ курганы, о которыхъ вы намъ говорили: ничего, что нѣкоторые изъ нихъ разрыты, но какъ описанія разрытыхъ кургановъ нѣтъ, то наши раскопки не были бы также безъ пользы. Я предполагаю пробить въ Петербургѣ до конца этого мѣсяца, затѣмъ поѣду къ себѣ въ Подмосковную, а около 9-го іюля думаю соединиться съ слушателями, которые выѣдутъ изъ Петербурга ¹⁾ въ Бологомъ. Очень было бы пріятно встрѣтиться тамъ съ вашимъ сіятельствомъ и при вашемъ знаніи нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстностей въ Тверской губ. воспользовались бы вашими указаніями и мнѣніемъ о предстоящей намъ поѣздкѣ. Въ пріятной надеждѣ скорого свиданія имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію“ и пр., пр.

„20-го іюля 1880 года.

«Р. С. Мы имѣемъ даровые билеты отъ Бологова до Рыбинска и обратно и будемъ въ Бологомъ между 9 и 10 часамъ утра 9-го іюля».

Вслѣдствіе вышеизложеннаго письма я предварительно осмотрѣлъ нѣсколько мѣстностей Тверской губерніи съ курганами и городищами и произвелъ развѣдку въ имѣніи гг. Пыжевыхъ „Воронцово“. Развѣдка доказала, что хотя въ этой мѣстности большіе курганы и имѣли выемки, произведенныя г. Ушаковымъ, который увезъ найденныя въ нихъ вещи, но нижнія древнѣйшія погребенія первобытныхъ жителей остались нетронутыми. Даже и теперь можно въ этой мѣстности сдѣлать много полезныхъ изслѣдованій.

При раскопкахъ выразился тотъ же фактъ народныхъ фантазій о кладахъ. Пробныя ямы, дѣлаемыя крестьянами, заставили ихъ предполагать, что мы разыскиваемъ золото. Одинъ изъ рабочихъ находилъ, что мы не тамъ ищемъ кладъ. — А гдѣ же?— Не хочу сказать, хотя даже и знаю: онъ мнѣ снился. — Какъ-же онъ тебѣ снился?— Да вотъ, знаете, сплю я это и вижу мѣсто знакомое, а подъ нимъ, сквозь землю-то, видать какъ-бы деревянный погребъ; въ погребѣ на цѣпяхъ боченокъ висить, а въ боченкѣ-то все золото! золотые!— Какіе золотые?— Какъ какіе? разумѣется нашинскіе, — что жаръ горять. Только

мѣсто я вамъ не уважу: перво-наперво потому, что кладъ слѣдуетъ брать не спроста: нужно чистымъ быть,—а потомъ какая мнѣ отъ того польза!

Разумѣется, мы посмѣялись его разсужденію, но для того, чтобы разсѣять предрассудокъ, предложили дать законную часть клада, если онъ его отроетъ, а такъ какъ, кромѣ того, требовалась чистота, то и рѣшили, дабы его собственная персона занялась копейкой видѣнной во снѣ мѣстности. Крестьянинъ привелъ насъ къ маленькому ручейку къ курганамъ и смѣло началъ рыть землю одного изъ пригорковъ. Мы же расположились на травѣ около него отдохнуть отъ развѣдокъ. Потъ градомъ лилъ съ лица; отъ волненія и усилій онъ задышался, но разумѣется ничего и ничего.

Наконецъ, быстрыя движенія въ началѣ заступа стали постепенно уменьшаться, уменьшаться и, наконецъ, онъ остановился въ изнеможеніи.

— „Вотъ-те и незадача! А видѣлъ-то близко отъ земли и на самомъ эвтомъ мѣстѣ“.

Разумѣется, у насъ пошли шутки надъ нимъ. Мы утверждали, что видно кладъ отъ того ушелъ въ землю, что онъ многого захотѣлъ, и пр., пр.

Исканіе кладовъ очень распространено въ средѣ крестьянства, даже составились легенды о неудачныхъ поискахъ кладоискателей. Обыкновенно монеты, по ихъ мнѣнію, спрятаны въ глиняныхъ горшкахъ, а вслѣдствіе незачуранія, или прочихъ несоблюденій ищущими обрядностей, находки обращаются въ угли.

Эти понятія возникли отъ натуральныхъ причинъ, во-первыхъ—крестьяне въ былое время въ опечьяхъ или близъ дорогъ дѣйствительно иногда зарывали свои сбереженія въ глиняныхъ кубышкахъ. И потому, хотя и рѣдкія, но таковыя находки прославили глиняный сосудъ какъ хранилище денегъ; во-вторыхъ—у насъ при языческихъ погребеніяхъ зарывались съ покойникомъ прибавленія (Beigaben) въ видѣ обугленныхъ костей животныхъ (кальцинированныхъ), смѣшанныхъ съ чистымъ углемъ. Въ большихъ урнахъ особаго типа помѣщались даже цѣлые обугленные остовы самихъ покойниковъ. Потому и немудрено, что кладоискатели,

нападая на подобныя погребенія, составили мнѣніе о превращеніи денегъ въ угли.

Послѣ обзорнїя мѣстностей Тверской губерніи я занялся болѣе тщательнымъ изслѣдованіемъ окрестностей „Бологое“. И что-же. Около деревни Озеревичи, на земляхъ, отдаваемыхъ въ аренду наслѣдниками Вессели, оказались дюны съ вучами каменныхъ осколковъ, въ которыхъ попадались и цѣлыя каменные орудія. Прежде, говорятъ крестьяне, хотѣли на этихъ мѣстахъ устроить лядинныя поля, но вѣтеръ ихъ уничтожилъ, оголивъ песокъ съ первобытными остатками. Песокъ тутъ постоянно сдувается вѣтромъ и тогда на волнистой поверхности появляются снова другіе экземпляры. Кромѣ того въ той-же мѣстности открыта первобытная кричная плавка желѣза. Разложеніе шлаковъ было сдѣлано впоследствии горнымъ инженеромъ Д. А. Сабанѣевымъ и описаніе помѣщено въ 1882 году въ „Трудахъ комиссіи по производству химико-техническихъ анализовъ древнихъ бронзъ“, приложенныхъ къ тому X „Извѣстій императорскаго русскаго археологическаго общества“. Въ составъ комиссіи были назначены Л. К. Ивановскій, Н. Е. Бранденбургъ, Ю. Б. Иверсенъ, князь П. А. Путятинъ и Д. И. Прозоровскій.

Мѣстность Озеревичи въ научномъ отношеніи въ высшей степени интересна, почему тотчасъ-же по ея обзорнїи я написалъ письмо къ Н. В. Калачеву, прося поскорѣе прїѣхать для изслѣдованія. Дѣло позамедлилось и потому для точныхъ опредѣленій я рѣшился снестись съ знаменитымъ англійскимъ ученымъ Джономъ Лѣбокомъ¹⁾, который написалъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ:

London, 10 Juli 1880.

Sir. I have the honour of acknowledging the receipt of Your letter of the 29-th Juin containing an account of Your researches. The small box has also come to hand, and I will, as You suggest, forward them to our Society of Antiquaries.

Stopping that You will continue Your researches. Remain Your ob. serv.
John Lubbock.

P. S. I observe that Your speach of Palaeolithic impliments; my impression in however that they are Neolithic.

Въ этомъ письмѣ г-мъ Лѣбокъ озеревичскіе типы отнесены

¹⁾ Авторъ сочиненія „Доксторическій человекъ“. Переводъ Икова.

въ неолитному каменному періоду. Затѣмъ сообщеніе, посланное сэру Лёбокъ, читалось оченью 1881 года въ Лондонѣ, въ англійскомъ антропологическомъ институтѣ, во время предсѣдательства извѣстнаго Э. Тайлора ¹⁾. Первое чтеніе было г. Беддое объ антропологическихъ цвѣтныхъ феноменахъ въ Бельгіи и Эльзевирѣ; въ немъ онъ напоминалъ труды и изслѣдованія по этому отдѣлу извѣстнаго германскаго ученаго профессора Вирхова, швейцарскаго ученаго Гильома изъ Нефшателя и бельгійскаго Ванъ-деръ-Киндеръ. Вторая статья была г. И. Ф. Ровботамъ о различныхъ стадіяхъ въ развитіи музыкальнаго искусства въ доисторическое время и третья читалась моя статья о неолитическихъ имплементахъ въ Россіи, въ которой было описаніе находокъ вблизи Болгое и высказано мнѣніе, что они могли принадлежать прототипамъ скиеской расы ²⁾. Отчетъ объ этомъ засѣданіи печатался въ Times. Теплое участіе маститыхъ англійскихъ ученыхъ чрезвычайно меня тронуло.

Мои первые шаги изученія каменнаго вѣка Россіи были очень шатки и говорю по совѣсти, если-бы не присоединилась эта поддержка отъ знаменитыхъ научныхъ авторитетовъ Англій, то, думаю, эти изслѣдованія не возымѣли бы должной силы. Заручившись-же мнѣніемъ г. Лёбокъ, касательно неолитнаго періода, я съ новымъ рвеніемъ сталъ изучать условія быта нашихъ первобытныхъ людей,—флору и фауну, ихъ окружающую, а также и ихъ самихъ.

Осенью, согласно вышеприведеннаго письма, ко мнѣ пріѣхалъ опять Н. В. Калачовъ со многими слушателями института. До поѣздки въ Тверскую и Ярославскую губерніи мы направились въ Озеревичи, предварительно испрося разрѣшеніе произвести тамъ изслѣдованіе у его совладѣлицы, Ольги Николаевны Василисиной.

Собранныя въ этой мѣстности каменные орудія были переданы, частью черезъ К. А. Шапошникова, въ музей Археологическаго института. Затѣмъ въ 1881 году, 21-го марта, во время

¹⁾ Автора „Первобытная культура“, „Доисторическій бытъ человѣчества и начало цивилизаціи“, и проч. Перев. Д. А. Корончевскаго и Валицкаго.

²⁾ „Prince Paul Pontiatine contributed the last paper read 3: „On Neolithic Implements in Russia“. It gave an interesting account of finds on his own estate, which he thought were to be referred to prototypes of Scythie race.

вечерняго засѣданія, Н. В. Калачовъ прочелъ свой обзоръ поѣздки подъ заглавіемъ: „Объ осмотрѣ лѣтомъ и осенью 1880-го года членами и слушателями Археологическаго института памятниковъ древностей и ихъ работахъ въ архивахъ“. Текстъ обзора былъ помѣщенъ въ „Сборникѣ Археологическаго института“, 1881 года, книга V, половина первая.

Экскурсіи въ кругу друзей науки возбудили питическія стремленія. Я настроилъ свою лиру, запѣлъ въ честь археологій. Собственно „археологическихъ“ стихотвореній у меня было два. Одно въ честь „Озеревичей“, которое тутъ и приводится; другое въ память хотиловскихъ дольменовъ, помѣщенное далѣе. Вотъ первое произведеніе:

Озеревичи (1880 года).

Никогда не забуду я яснаго дня,
 Когда на пескахъ мы, друзья, пировали;
 Кругомъ окружали издѣлья кремня
 И кости въ изломахъ лежали.
 Прозрачнаго воздуха вверхъ синева
 Далеко, далеко струилась,
 И хвойныхъ лѣсовъ заповѣдная мгла
 Вдали какъ кайма зеленилась...
 Дышалось легко той веселой порой,
 Все къ счастью, любви насъ манило
 И дружной и любящей братской семьей
 Какъ крикая дѣнь единило...
 И вспомнили мы про былые пиры
 Первобытныхъ людей, ихъ потомки,
 И дума ваша, что дойдетъ до поры,
 Когда и отъ насъ лишь обломки
 Да куча костей, какъ и здѣсь среди полей,
 Оставимъ потомству наслѣдствомъ.
 Нѣтъ! нужно прожить эту жизнь веселѣй,
 Съ хорошимъ и дружнымъ сосѣдствомъ.

Удивительное дѣло, какъ иногда даже серьезное, научное сухое занятіе способно настраивать человѣческое сердце на поэтической ладъ. Обыкновенная жизнь, поприще поэтовъ въ періодъ возмужалости, не извлекала у меня стиховъ, а тутъ при такихъ мертвенныхъ археологическихъ условіяхъ, совершенно въ зрѣлыхъ лѣтахъ, взялъ перо какъ юноша, не обращая вниманія на питические диссонансы слабой лиры. Все это потому, что въ изслѣдованіяхъ нашей доисторической жизни есть своеобразная суровая поэзія.

Эти дивари съ ихъ борьбой для существованія, съ ихъ работой ума для усовершенствованія пищи, одежды, техники орудій и оружій.

VI.

Говоря о вліяніяхъ, побуждавшихъ меня къ занятіямъ, не могу не воздать должное русскому духовенству, которое поддерживало меня въ минуты отчаянія и болѣзни. Такъ, я многимъ обязанъ нашему великому проповѣднику митрополиту Филарету, митрополитамъ: Григорію петербургскому, Арсенію и Филоею кievскимъ и Иннокентію московскому; архіепископамъ: Евсѣвию, бывшему экзарху Грузіи, и Алексѣю тверскимъ. Наконецъ, архимандриту Иверскаго монастыря въ Валдаѣ—Лаврентію. Всѣ эти іерархи уже почиваютъ отъ дѣлъ своихъ, но успокоительное вліяніе ихъ словъ и поученій и до сихъ поръ благотворно отзывается на нашемъ строѣ.

Имѣніе отца моего было въ Тверской губерніи; онъ самъ одно время жилъ въ Твери, потому яснымъ становится его близость къ митрополиту Григорію, который въ это время былъ тверскимъ архіереемъ. Я помню тогдашній строй тверскаго общества, выдающимися членами котораго былъ нашъ хорошій знакомый, знаменитый русскій романистъ, вице - губернаторъ И. И. Лажечниковъ ¹⁾, поэтъ Ѡ. Н. Глинъ, Коншинъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), Милюковы, Самойловы. Затѣмъ, разумѣется, и другіе архіепископы тверскіе, по своимъ отношеніямъ къ паствѣ, стояли близко къ отцу. Мой отецъ былъ человѣкъ религіозный; при его помощи въ Волочкѣ устроился женскій монастырь во имя Казанской Богоматери. Главнымъ дѣятелемъ сооруженія была теперешняя его настоятельница игуменья Досифея.

Этотъ монастырь, въ началѣ женская община, осуществился съ большимъ трудомъ. Невольно удивляешься до какой степени разрослось безъ положительныхъ фондовъ совершенно новое

¹⁾ Авторъ романовъ: „Ледяной домъ“, „Послѣдній Новикъ“, драмы: „Опричники“ и проч., проч. У меня сохраняется его гравированный портретъ, подаренный моему отцу съ его подписью. Кн. П. П.

учрежденіе. Монастырь уже по тому одному сталъ мнѣ близокъ, что въ немъ умеръ мой незабвенный отецъ и тамъ покоится его прахъ. Изъ числа благодѣтелей монастыря упомяну о московскомъ купцѣ покойномъ Германовѣ и петербургскомъ — Сивохинѣ. Г. Сивохинъ приобрѣлъ монастырю знаменитую святыню - икону греческой Божіей матери, именуемую Андрониковой. Она названа такъ потому, что находилась во дворцѣ греческаго императора Андроника II-го Палеолога. Живопись иконы приписывается евангелисту Лукаѣ. Судя по ея древнему типу, она дѣйствительно должна подходить къ тому времени. Андроникова икона изъ Зимняго дворца поступила въ Троицкій соборъ. Съ причтомъ Троицкаго собора возникъ процессъ отъ грека, ввезшаго эту икону въ Россію. Адвокатъ, взявшій на себя веденіе процесса, далъ истцу отступное, выигралъ процессъ и получилъ икону. Г-нъ Сивохинъ, въ свою очередь, перекупилъ святыню отъ него и передалъ ее Вышневолоцкому женскому монастырю.

Говоря о моемъ отцѣ, не могу умолчать и о моей матушкѣ (рожденной Мельницкой), которая своимъ христіански - разумнымъ словомъ поддерживала всѣ стремленія мои въ научнымъ занятіямъ. Одно время меня мучило сомнѣніе, — не разнится-ли съ религіозными взглядами раскопка древнихъ усыпальницъ, и хотя мои изслѣдованія касались только языческихъ обрядностей, но все-таки какое-то неловкое чувство ощущалось при переборкѣ чело-вѣческихъ костей. Это мое смущеніе, въ первые годы занятій, я повѣрилъ на исповѣди покойному моему учителю Закона Божія, отцу Петру Скородумову, въ Бологомъ, который успокоилъ меня приблизительно слѣдующими словами:

— „Не смущайтесь; научныя практическія занятія неидутъ въ разрѣзъ съ религіей, не нужно только ихъ дѣлать съ цѣлью наживы“.

То есть, какъ видно, онъ подъ этимъ подразумѣвалъ ограбленія древнихъ могилъ и кургановъ съ корыстными цѣлями.

Изъ нынѣшнихъ святителей упомяну о митрополитахъ: Исидорѣ петербургскомъ и Іоанниіи московскомъ. Высокопреосвященнѣйшему Исидору я имѣлъ честь, какъ экзарху Грузіи представляться въ Тифлисѣ; потомъ объ отцѣ Саввѣ, архіепископѣ тверскомъ; знаменитомъ палеографѣ, нынѣшнемъ архи-

VII.

Въ 1881 году разрушительныя силы анархіи дошли до своего апогея. Какъ будто на Россію нашель какой-то кошмаръ! Горсть крамольниковъ, поддерживаемая, надо полагать, виѣшними врагами Россіи и коммунарами, наводила страхъ на всѣхъ благомыслящихъ людей. Во многихъ городахъ стало водворяться военное положеніе, производилось обезоруженіе и т. п. Какъ параллель, двумъ различнымъ положеніямъ, приведу то, чему я былъ очевидцемъ, т. е. встрѣчи покойнаго государя императора въ тихій періодъ его царствованія, лѣтъ за 14-ть до 1879 года, и сколько помнится, въ 1879 г.

Это было, если не измѣняетъ мнѣ память, въ 1865 году. Былъ чудный осенній день; массы крестьянъ собирались на станцію Бологое; они шли повидать батюшку-царя. Широкой стѣной становился народъ по обѣимъ сторонамъ рельсовыхъ путей къ Петербургу и Москвѣ. Выборные изъ деревень наблюдали за благочиніемъ и тишиной, разставляя крестьянъ по порядку. Около станціи за зелеными рогатками толпился простой народъ и служащіе при станціи. Болѣе интеллигентныя дамы и мужчины помѣщались близъ дверей втораго класса.

Въ этотъ день крестьяне моего участка подносили императору хлѣбъ-соль. Депутація состояла изъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Хлѣбъ-соль, убранная цвѣтами, была изъ персиковъ, винограда, вишенъ и другихъ фруитовъ нашего сада. Долго я мучился со старшиной Сопкинской волости, однимъ изъ лучшихъ представителей зажиточныхъ, домовитыхъ крестьянъ. Онъ съ трудомъ заучалъ рѣчь, хотя она и состояла изъ немногихъ словъ, а именно: „Ваше императорское величество! примите хлѣбъ-соль отъ вѣрноподданныхъ“. Должно замѣтить, что сопкинскій старшина былъ безграмотенъ, но всѣ крестьяне моего участка его уважали за честность и справедливыя отношенія къ міру, чрезъ что и выбрали своимъ представителемъ. Но вотъ дали знать, что поѣздъ приближается; все засуетилось; изъ двери, ведущей въ царскія комнаты вокзала, разослали коверъ по платформѣ.

Двери въ эти комнаты отворили. По правую сторону встала

депутація крестьянъ въ праздничныхъ нарядахъ. Старшины съ цѣпями на шеѣ, старосты съ медалями; все имѣло при всей официальнойности, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то семейный, добродушный характеръ. Мы стояли у колоннъ платформы, такъ какъ первыми должны были встрѣтить императора. Солнце весело играло своими лучами, даже больно было смотрѣть на блестящіе предметы; птицы щебетали, порхая по станціонному саду, къ этому дню тщательно вычищенному и прибранному. Все веселило, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ проникались предстоящей минутой представленія Царю-Освободителю и тревожное чувство примѣшивалось къ радостному. Но вотъ вдали появилась черная масса поѣзда, все замедляющая и замедляющая свой бѣгъ. Наконецъ, поѣздъ остановился. Императорскій вагонъ сталъ какъ разъ противъ ковра, ведущаго въ покои. Минута ожиданія... Всѣ вытянулись.... кто приложилъ руку къ козырьку, кто снялъ шляпу, кто шапки.... Подлѣ вагона мгновенно встали два рослыхъ гиганта козака и изъ него вышелъ императоръ Александръ II. Прекрасное лицо государя, какъ солнышко, такъ и сіяло весельемъ; оживленное, доброе, радостное. Все выраженіе лица дорогаго царя-батюшки мгновенно разсѣяло всѣ тревожныя мысли, тревожныя ожиданія. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ нами, онъ подошелъ къ депутаціи. Старшина смѣшался и затверженное приѣтствіе, которое онъ самъ такъ просилъ его научить сказать, остановилось въ горлѣ.... ваше.... ваше.... пре.... преевосходительство и потомъ выпалилъ какъ изъ пушки: „примите нашу хлѣбъ-соль“, да тѣмъ и закончилъ. Государь разсмѣялся, приложилъ два пальца къ хлѣбъ-соли и тогда одинъ изъ придворныхъ подхватилъ блюдо въ вагонъ. Я понимаю положеніе старшины. Видя въ первый разъ государя, имѣя официальное порученіе отъ волостей, онъ не могъ совладать съ чувствомъ, охватившимъ его, и языкъ прильпе къ гортани.

Со мной незадого до этого, во время другой встрѣчи, случился почти подобный казусъ, но только обратнаго свойства: мой языкъ слишкомъ громко заговорилъ. Тогда проѣзжали императоръ съ императрицей. Они подъ ручку пошли прогуливаться по платформѣ, по направленію къ нашему дому, въ которомъ государь императоръ останавливался во время охотъ. „Покажи императрицѣ, гдѣ вашъ домъ“. Моя традиціонная выправка

сдѣлала свое дѣло; какъ военный, я взглянулъ прямо въ царскія очи и, указывая рукой, отвѣтилъ громогласно, отчетливо, по формѣ: „Въ этой сторонѣ, ваше императорское величество“.

Эта формалистичека вызвала улыбки на лицахъ государя и государыни, а меня страшно сконфузила. Инстинктивно я почувствовалъ неправильность, при извѣстныхъ условіяхъ, официальныхъ военныхъ привычекъ. Впрочемъ, какъ видно, моя застѣнчивость не повредила впечатлѣнію и государь, проникнувъ своимъ свѣтлымъ умомъ въ мысли, милостиво обошелся со мной.

Продолжаю прерванный рассказъ.

Принявъ хлѣбъ-соль, государь (дѣло идетъ о встрѣчѣ, сколько помню, въ 1865 году) пожелалъ пройти въ народную толпу. Я двинулся за нимъ слѣдомъ.... Народъ пришелъ въ восторженное состояніе... пронеслось пережатное ура, цѣловали скортку государя, бросались на колѣни, шапки летѣли вверхъ,—однимъ словомъ, совершилось искреннее увлекательное воодушевленіе.

— „Тихе, тихе, дѣтки!“—пронесли по толпѣ слова царя, и все смолкло. „Благодарю васъ“, и затѣмъ императоръ пошелъ въ вагону. Поѣздъ въ Бологомъ тогда останавливался нѣсколько минутъ. Раздался тихій свистокъ оберъ-кондуктора, всѣ стали садиться въ вагоны, взошелъ и императоръ. Машина и вагоны вздрогнули и тихо, тихо сдвинулись съ мѣста. Опять шапки полетѣли въ воздухъ.

Лицо государя еще нѣсколько времени виднѣлось кланяющимся изъ окна, затѣмъ дымъ заслалъ вагоны и въ непродолжительномъ времени отъ поѣзда вдали виднѣлась только одна незначительная точка. Крестьяне обступили меня съ благодарностями, что я ихъ представилъ. „Вѣдь батюшка-то царь назвалъ насъ дѣтками, благодарилъ“ и проч., и проч.

На другой день послѣ этого меня встревожило слѣдующее происшествіе.

Вставалъ я тогда около восьми часовъ; смотрю наша эконома что-то сильно хлопочетъ, бѣгая по комнатамъ; приготовляются водка, пироги и проч. Подобныя приготовленія озадачили меня.

— „Дуняша! что это за суетня?“

„А какъ-же, ваше сіятельство, много мужиковъ вашихъ волостей пришли къ намъ на помощь въ благодарность за то, что

букетами. Поѣздъ изъ Харькова не всегда соединялся на станціи Лозовой съ севастопольскимъ поѣздомъ. Была ночь, какъ я прибылъ на Лозовую. Надо было торопиться; лошади меня дожидались въ Самуиловѣ.

Какъ быть? Возлѣ станціи стояла одинокая нетычанка. Я нанялъ ее и маленькая лошаденка потащила насъ рысцой. Ночь дѣлалась все темнѣе и темнѣе, такъ что въ селѣ Криштоповка возница сталъ убѣдительно просить сдѣлать остановку до утра. Ночь тепла; тишина кругомъ полная; все покоилось и я рѣшился отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ. Отдыхъ этотъ былъ оригиналенъ: въ телѣженкѣ на снѣгѣ.... Но вотъ утренній холодокъ, не смотря на теплое пальто и пледъ, разбудилъ меня. На небѣ чуть-чуть краснѣла заря.

Я крикнулъ парубка. — „Чи прикажете панычку?“ — Поѣдемъ. Лошадь запряжена, часа полтора ѣзды и я дома. Тотчасъ же былъ призванъ столяръ, который, по моему указанію, сдѣлалъ основу изъ досокъ для соединенныхъ вензелей императора и императрицы, которые были оклеены цвѣтной бумагой, обрамленной багетами. Вензель на волахъ въ длинной арбѣ двинулся въ Самоиловку при крикахъ „цобъ-цобѣ“.... Въ саду тогда массами цвѣли розы, центифоліи и моховые. Срѣзанными въ бочкѣ съ водой ихъ провезли 15 верстъ до станціи сохранно. Весь вензель покрылся въ разбросъ симметрично розовыми и бѣлыми букетами въ золоченыхъ портъ-буке; и право, этотъ импровизованный вензель былъ недуренъ. Надо отдать справедливость: тогдашній начальникъ станціи Пашута мнѣ очень помогалъ во всѣхъ этихъ украшеніяхъ и хлопотахъ.

По всей платформѣ кромѣ вензеля были разставлены тумбы, на которыхъ помѣщались вазы съ цвѣтами, а на бокахъ щиты съ гербами; между тумбами висѣли цвѣточные гирлянды, все-же зданіе станціи украсилось водруженными на немъ флагами.

Хотя станція была и маленькая, но декорация вышла до того эффектна, что инженеры этого участка просили—нельзя-ли ее перевезти на станцію Лозовую; но я, разумѣется, не согласился, имѣя въ виду, во первыхъ то, что та станція гораздо больше и потому украшеніе потеряло бы свой видъ, и во-вторыхъ, — отъ Самуиловки наше имѣніе было ближе, черезъ что яснѣе опредѣлялась цѣль, по которой я устраивалъ эти украшения на станціи Самуиловка. Поѣздъ проходилъ днемъ.

Кромѣ меня, станціонныхъ и старшинъ на платформахъ и близости нѣого больше не было, и хотя поѣздъ шелъ по другому пути, въ виду того, что на нашей маленькой станціи остановки не полагалось, его бѣгъ былъ уменьшенъ и даже на секунду онъ остановился.

Въ окнахъ вагоновъ и даже на тормазныхъ площадкахъ видѣлись смотрящіе на это украшеніе пассажиры высочайшаго поѣзда.

Затѣмъ въ этотъ же 1874 годъ, въ половинѣ ноября, на возвратномъ пути изъ Крыма императора, я опять устроилъ украшеніе станціи; но такъ какъ въ то время была гололедаца и цвѣты уже отцвѣли, то ихъ замѣнили купленные въ Таганрогѣ имитационныя французскіе, которые дѣлали декорацию не менѣе красивой.

Въ этотъ поѣздъ публики гораздо было болѣе и въ трудахъ по устройству даже оказана была помощь: такъ, нѣкоторыя лица изъ администраціи и помѣщики принимали даже личное участіе въ постановкѣ вензеля и проч.

Много дамъ, не смотря на изморозь, пріѣхали посмотреть на поѣздъ государя императора; однимъ словомъ, если бы не непогода, то въ общемъ все бы вышло удачно. Убранство станціи на Лозово-Севастопольской дорогѣ въ послѣдующихъ годахъ производилось лучше и роскошнѣе. Тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ большихъ станціяхъ устраивались официальные представленія. Подобныя встрѣчи депутаціями, приближая представителей сословій къ монарху, радовали ихъ сердца возможностью ближе повидать царственную семью. Дворянство стало на высоту своего положенія; изъ него выдвигались люди безразсечно любящіе, готовые на всѣ жертвы для своего государя. Тогда все умоляло при единодушномъ желаніи выразить свою преданность.

Но вотъ какъ шеваль налетѣли ужасныя событія: родовыя и сословныя условія пошатнулись, капиталъ сдѣлался идиломъ, выдвинувъ новыхъ людей минуты, не признающихъ ничего святаго. Для людей подобнаго закала борьба тѣмъ болѣе была легка, что они, при полной нравственной разнузданности, не пренебрегали никакими средствами. Въ комнатѣ, занимаемой крамольниками въ Москвѣ, близъ Московско-Курской ж. дороги, въ моментъ покушенія, еще теплилась предъ образами лампада, тогда какъ

конечно съ достовѣрностью надо полагать, что ни одинъ изъ динамичивовъ въ другомъ мѣстѣ не только что не принималъ обликъ читателя иконъ, но даже открыто стоялъ за анархію и другія съ ней нераздѣльныя разрушительныя начала. Подобныя лукавыя дѣйствія вполне понятны: прикрывая себя святынею, крамольники одновременно коварно старались компрометтировать обрядовую сторону православныхъ.... А крамола, ютившаяся въ Зимнемъ дворцѣ?... Вѣдь онъ долженъ быть охраняемъ какъ зеница ока; и что-же—въ его стѣнахъ отъ взрыва геройски, на караулѣ, погибають многіе изъ моихъ однополчанъ, вѣрные лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка охранители царскіе... Изъ дворца на другой или третій день взрыва вывозились цѣлыя возы имущества не гласныхъ, не законныхъ и даже, говорятъ, безпаспортныхъ постояльцевъ. Почти вся дворцовая набережная до эрмитажнаго мостика была запружена разными пожитками. Но всѣхъ злодѣйствъ не перечесть.... Сердце и умъ содрагаются надъ послѣдовательнымъ, почти непрерывнымъ, рядомъ преступлений, опозорившихъ русскую землю, и это когда? въ царствованіе самаго гуманнаго, самаго свободолюбиваго Монарха, какового когда либо имѣло наше дорогое Отечество!

Обратимся въ наиболѣе тяжелымъ моментамъ въ жизни незабвеннаго Государя-Освободителя.

Въ Парижѣ совершилось преступное, безумное покушеніе Березовскаго. Отъ ужаса и негодованія вновь дрогнула вся Россія. Извѣстіе объ ужасномъ событіи какъ молнія пролетѣло повсюду, даже въ маленькихъ, судьбой заброшенныхъ, уголкахъ и тамъ оно скоро стало извѣстно и въ любящихъ русскихъ сердцахъ этотъ фактъ тяжело отозвался. Отецъ мой, возмущенный до глубины души, какъ представитель вышневолоцкаго дворянства, рѣшился послать отъ имени дворянъ поздравительный адресъ государынѣ императрицѣ. Сколько я знаю, въ то время за адреса въ газетахъ печаталась общая благодарность. Но отецъ, хотя онъ былъ только уѣзднымъ предводителемъ, получилъ письменный рескриптъ. Вотъ онъ:

— „Вышневолоцкому уѣздному предводителю дворянства князю Путятину.

„Съ сердечнымъ удовольствіемъ прочтала я присланный мнѣ вами адресъ отъ имени дворянъ Вышневолоцкаго уѣзда по поводу

вторичнаго спасенія по неизрѣченной благодѣи Божіей, драгоценныхъ дней нашего возлюбленнаго Государя. Душевно благодарю васъ и дворянъ вашего уѣзда за выраженные въ адресѣ вѣрноподданническія чувства.

„Пребываю къ вамъ благосклонною Марія“.

Въ Варшавѣ. Іюня 9 дня 1867 года ¹⁾.

Это милостивое вниманіе монархини такъ тронуло отца, что онъ подъ портретомъ государыни помѣстилъ въ залѣ рескриптъ въ нарочно заказанной для того изъ чистаго серебра рамкѣ. Рескриптъ и до сихъ поръ находится въ нашемъ домѣ, какъ памятникъ высочайшаго вниманія и благоволенія.

Рядъ разнообразныхъ покушеній на жизнь монарха принудилъ выискивать охранительныя мѣры. Во время императорскихъ проѣздовъ на станціи командировались разныя части войскъ, устраивались караулы и патрули. Около станцій остановокъ на большомъ разстояніи разставлялась цѣпь часовыхъ, которая не допускала къ платформамъ постороннихъ. Вотъ изъ этого-то времени усиленной охраны 1878 и 1879 годовъ и приведу рассказъ, параллельный къ прежнему, для того, чтобы рельефнѣе выразился фактъ—до какой степени отдаляли дѣйствія злоумышленниковъ русскій народъ отъ своего возлюбленнаго царя...

День былъ такой - же ясный, какъ и въ прежде описанный проѣздъ. Отца моего не было въ Бологомъ,—онъ тогда находился въ Тверской губерніи, въ другомъ нашемъ имѣніи Братское. Полиція мнѣ сообщила, что предполагается чрезъ Бологое проѣздъ государя или государыни. Надо думать, что это сообщеніе дѣлалось въ видахъ того, чтобы не распространились слухи—кто проѣзжаетъ. Я надѣлъ мундиръ и при помощи полиціи про-

¹⁾ „Собственная государыни императрицы Маріи Александровны канцелярія. 14-го іюня 1867 года, № 1042.

С.-Петербургъ.

„Милостивый государь, князь Арсеній Степановичъ! По высочайшему повелѣнію государыни императрицы имѣю честь препроводить у сего Рескриптъ ея императорскаго величества на имя вашего сіятельства, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, о полученіи онаго меня увѣдомить и вмѣстѣ принять увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и таковой-же преданности. Н. Шторхъ.

„Его сіятельству князю Арсенію Степановичу Путятину“.

шелъ съвозъ цѣпь часовыхъ. На платформѣ, кромѣ новгородскихъ губернатора Э. В. Лерхэ, да жандармскаго полковника, никого не было и никто не допускался. Но вотъ прошелъ поѣздъ со свитой, а черезъ четверть часа подошелъ и императорскій.

Какъ я уже говорилъ, на платформѣ, исключая насъ, никого не было и, не смотря на ясный день, эта непривычная пустота отзывалась какимъ-то тяжелымъ, чревычайно тревожнымъ чувствомъ. Вотъ изъ вагона вышелъ государь. Но какъ онъ измѣнился! глубокая грусть выражалась на его утомленномъ блѣдномъ лицѣ. Какъ будто оно говорило: что это со мною дѣлаютъ? со мною, освободителемъ и благодѣтелемъ многомилліоннаго русскаго народа? Зачѣмъ крамольничаютъ, чего они хотятъ, зачѣмъ посягаютъ на мою жизнь?

Губернаторъ подошелъ и отрапортовалъ о благосостояніи губерніи. Затѣмъ государь замѣтилъ меня.

— „А, и ты тутъ! А гдѣ-же твой отецъ?“

„Онъ очень будетъ жалѣть, что не могъ присутствовать при проѣздѣ вашего императорскаго величества; дѣла и нездоровье задержали его въ Тверской губерніи“.

Говоря это, я всматривался въ лицо государя. Сердце мое мучительно сжималось; мысль безпредѣльно до глубины души возмущалась проявленіями той черной неблагодарности, которою враги и злодѣи Россіи отплачивали Ему за все совершенное добро. Моя привязанность и охватившее чувство любви такъ должно быть ясно выражались на моемъ лицѣ, что императоръ произнесъ слѣдующія слова:

— „Жаль, что я не видалъ твоего отца, влѣняйся ему“—и потомъ немного погодя,—„да, онъ, кажется, въ тебя все вложилъ“.

Никогда не забуду я этихъ словъ,—они были высшимъ даромъ моей жизни. Къ несчастію, я не имѣлъ ни силъ, ни возможности съ своимъ слабымъ организмомъ сдѣлать все то, чего жаждала моя душа и мой умъ. Живя и работая все время въ народныхъ сферахъ, въ многотрудныхъ, хотя и маленькихъ, сельскихъ должностяхъ, я тольео по мѣрѣ силъ и возможности старался выполнять свои обязанности. Съ Петербургомъ же меня связывала только любовь къ наукѣ и нераздѣльная съ нею научныя практическія занятія... Поговоривъ немного съ губернаторомъ и мною,

государь какъ будто вспомнилъ о бывшихъ народныхъ встрѣчахъ въ Бологоѣ. Его лицо оживилось прежней очаровательной улыбкой, прежнимъ веселымъ взглядомъ. Онъ по старой привычкѣ пожелалъ пройтись по платформѣ по направленію къ саду у царскихъ комнатъ. Но тамъ уже не стояла восторженная толпа добраго, безпредѣльно благодарнаго русскаго крестьянства!! Государь повернулъ назадъ и остановился у открытой двери салонъ-вагона.

— „Кланяйся отцу, да не забудь-же!“

Вотъ послѣднія слова, которыя я слышалъ отъ Александра II Освободителя. Потомъ не довелось уже мнѣ ни видѣть его добрые ласкающіе глаза, ни слышать его голосъ.

Проводивъ поѣздъ, я тотчасъ-же рѣшился вечеромъ въ тотъ самый день обрадовать старика отца рассказами о милостивомъ вниманіи государя и для того на рыбинскомъ поѣздѣ поѣхалъ нарочно на станцію Брусово, которая расположена верстахъ въ трехъ отъ нашего имѣнія Братское. Лошадей не было, приходилось идти въ имѣніе пѣшкомъ. Отецъ обрадовался рассказамъ о милостивомъ вниманіи государя. Его небольшая простуда уже близилась къ концу, что и меня успокоило.

Оканчиваю здѣсь мои краткія воспоминанія о радостныхъ минутахъ встрѣчи въ Бозѣ почивающаго императора. Какъ сказочный сонъ промелькнуло это время, но задушевная ангелоподобная доброта монарха оставила глубокой слѣдъ въ моемъ сердцѣ, которое никогда его не забудетъ.

VIII.

Наступилъ жестокой, самой злой памяти, 1881 годъ.

Зима этого года была по многимъ причинамъ для меня тягостна. Смертельная болѣзнь первой жены вызвала насъ въ Петербургъ; хорошо еще, что отецъ изъ любви ко мнѣ поѣхалъ вмѣстѣ. Немного спустя послѣ ея смерти разразилось новое для насъ, но и не для однихъ насъ, для всей Россіи, бѣдствіе, а именно катастрофа 1-го марта.

Въ этотъ день я, какъ помнится, ѣздилъ въ археологическій институтъ, на Васильевскій островъ.

Возвращаясь домой чрезъ Царицынъ лугъ (Марсово поле), мимо Лѣтняго сада, чрезъ Пантелеймоновскій цѣпной мостъ, я увидѣлъ на тротуарахъ необычайное народное движеніе. Цѣлыя толпы ходили по нимъ, съ озабоченными, испуганными и грустными лицами. Подобная необычайность меня изумила и заинтересовала. У моста стояла полиція. Подозвавъ одного изъ городскихъ, я его спросилъ о значеніи подобнаго собранія людей. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что совершилось новое покушеніе на жизнь государя, котораго израненнымъ отвезли во дворецъ. Съ этою ужасною вѣстью я послѣшилъ къ отцу. Но мы все еще себя успокоивали и, не смотря на носившіеся слухи, боялись повѣрить возможности смертельнаго исхода. Но страшное горе—свершилось! Государя-Освободителя не стало. Печальное извѣстіе такъ поразило моего отца, что съ нимъ сдѣлался обморокъ и только благодаря непрерывно перемѣняемымъ холоднымъ компрессамъ, болѣзненный приливъ крови успокоился. Впрочемъ, послѣ того отецъ недолго прожилъ; болѣзнь сердца такъ ослабила его организмъ, что при совмѣстныхъ условіяхъ съ простудой, онъ не вынесъ и въ декабрѣ 1882 года, въ казанской вышневолоцкой общинѣ, мой другъ, моя надежда, моя защита, отецъ скончался! Эта смерть почти одновременно совпала съ кончиною моего сына Ивана, его любимаго внука. Если бы въ это время я не встрѣтилъ поддержки въ обожаемой мною второй женѣ, то не знаю—какъ бы я могъ перенести всѣ эти послѣдовательные удары судьбы, которые тогда сыпались на меня такъ нещадно....

Смерть покойнаго императора безпредѣльно поразила всѣхъ истинно русскихъ до глубины души. Его христіанское милосердіе не было уважено развращеннымъ извергомъ социалистомъ убійцей. Основатель правильной организаціи учрежденія ухода за ранеными, поборникъ идеи Краснаго Креста, Александръ II умеръ на службѣ этой идеѣ, умеръ, помогая мальчику, пострадавшему отъ взрыва бомбы, предназначенной для него, умеръ отъ второй бомбы злодѣя, который не остановилъ своей преступной руки даже въ тотъ моментъ, въ который всякое нападеніе признается подлостью и величайшимъ нарушеніемъ международныхъ правъ. И при этомъ-то беззавѣтномъ выполненіи долга совершилось кровавое убійство... Застоналъ русскій народъ, закатилось его солнце красное, скончался Царь-Освободитель!...

Жестокое отозвался совершившійся фактъ на истинно русскихъ людяхъ. У многихъ не выдержало здоровье, другіе же пришли въ какое-то странное состояніе, въ состояніе какого-то паралича чувствъ. Мысли всѣхъ были полны событіемъ... Справки о здоровьѣ, затѣмъ о послѣднихъ минутахъ государя, о самомъ происшествіи, хлопоты о возможности проститься съ нимъ и горячія, искреннія, слезныя, болѣзненные молитвы. Измучилась вся Россія. Она оплакивала налюбимѣйшаго Царя-человѣка. Мы съ отцомъ нашли возможность повидать въ самый день похоронъ въ крѣпости его останки, помолиться, поклониться Царю-мученику и проститься въ послѣдняя. Одни наши знакомые были хороши съ бывшимъ комендантомъ Петропавловской крѣпости; чрезъ нихъ получился пропускной билетъ, при помощи котораго мы вѣхали въ крѣпостныя ворота и видѣли изъ комендантской квартиры дефилирующую печальную процессію перенесенія останковъ Императора Александра II изъ Зимняго дворца въ Петропавловскую усыпальницу. Когда Высочайшія особы отбыли изъ Петропавловскаго собора, тогда явилась возможность и намъ зайти помолиться и сказать послѣднее прости. Какъ только комендантъ объявилъ, что возможно идти, я, какъ былъ во фракѣ, такъ и пошелъ чрезъ небольшую площадку къ ближайшимъ дверямъ собора. Тамъ еще оставались многіе придворные и другія высокопоставленныя лица, которыя не успѣли проститься. Сначала я ихъ не замѣтилъ; все было въ глазахъ какъ бы въ туманѣ. Но вотъ передо мной

обрисовался высокій катафалкъ, кругомъ котораго стоялъ военный карауль... Взошелъ по ступенькамъ къ самому гробу, покрытому широкой пеленой. Чувство неизъяснимое овладѣло мной, до того тяжелое, что я почти не въ силахъ былъ вглядѣться въ блѣдное лицо почившаго Императора и появлялось желаніе укоротить скорѣе трудныя минуты прощанія. Тягостное, почти невыносимое положеніе.... Подошелъ мой отецъ, — только тогда проявилось присутствіе духа и я, совершивъ послѣднее цѣлованіе, сошелъ со ступеней катафалка. Всѣ эти тяжелыя впечатлѣнія отразились глубоко на строѣ мыслей, такъ что въ одномъ изъ моихъ стихотвореній это выразилось рельефно, вотъ оно:

«Хотилоскѣ камни».

„Друновъ камни, гдѣсь дремучій—
Мертвѣщій холодъ—жизни силы.
Природа съ властею могучей
И позабытыя могилы.
Вѣва прошли... Все измѣнилось,
Нѣтъ жертвъ на камняхъ гроб. вѣхъ.
Гдѣ прежде скифовъ кровь струилась,
Тамъ корни сосенъ вѣковыхъ...
Но лучше-ль стало?... Все-жъ страданья
И если тѣлу нѣтъ борьбы,
То есть душевныя рыданья,
Безповоротный рокъ судьбы“.

Археологическія занятія въ тяжелый 1881 г. совершенно для меня прекратились и не смотря на обязательныя порученія Николая Васильевича Калачова, которыя онъ мнѣ сдѣлалъ, въ виду моихъ занятій русской и иностранной антропологіей, я не могъ выполнить его желаніе. Вотъ это порученіе:

„М. г. князь Павелъ Арсеньевичъ! Зная, какъ много ваше сіятельство занимаетесь послѣднее время антропологіей, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою—не найдете ли вы возможнымъ взять на себя трудъ составить для предстоящей V книги „Сборника археологическаго института“ хотя краткій библиографическій очеркъ о всѣхъ вышедшихъ за минувшіе два года трудахъ по части антропологіи, чѣмъ крайне

изволили бы обязать археологическій институтъ и меня лично.
„Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Н. Калачовъ“.

Окончивъ описаніе самыхъ тяжелыхъ дней моей жизни, обращаюсь къ трудамъ археологическихъ сѣздовъ: тифлисскаго и послѣдующихъ, а также къ уясненію результатовъ бологовскихъ раскопокъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ. Эти описанія будутъ предметомъ послѣдующихъ моихъ замѣтокъ и воспоминаній.

Князь П. А. Путятинъ.

С.-Петербургъ.
1-го февраля 1888 г.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ

1862 г.

Въ январской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 г., т. I, въ первыхъ главахъ моихъ Воспоминаній упоминается о хорошемъ моемъ знакомомъ и замѣчательномъ ученомъ славистѣ Александрѣ Ѳедоровичѣ Гильфердингѣ.

Черта его добродушія и мягкость въ обращеніи выражаются наглядно въ его письмѣ ко мнѣ отъ 2-го іюля 1862 года.

Александръ Ѳедоровичъ, любимецъ впоследствии крестьянъ, вначалѣ, однако, порядочно отъ нихъ терпѣлъ. Какъ новый помѣщикъ, не далеко отъ моего имѣнія Бологое, въ сельцѣ Арфинѣ, принадлежавшемъ его достойнѣйшей, милой супругѣ Варварѣ Францовнѣ, имѣя еще не вполне нарушенными условія прежняго быта крестьянъ, Гильфердингъ поневолѣ затруднялся деревенскими жизненными случайностями, и потому крестьяне вначалѣ пользовались тѣмъ, желая получить завѣдомо не должное.

Но дѣло уладилось, его мягкость взяла верхъ, всѣ полюбили Александра Ѳедоровича и сближеніе съ крестьянами осуществилось. Вотъ его письмо ко мнѣ:

«Добрѣйшій князь Павелъ Арсеневичъ. Позвольте спросить ва-

шего совѣта по слѣдующему вопросу, прямо относящемуся къ вашей посреднической должности.

«Надѣлъ для арефинскихъ крестьянъ, какъ вамъ извѣстно, нарѣзанъ и они имъ пользуются вполнѣ, хотя грамота еще не утверждена. Въ немъ есть и сѣнокосъ. Не смотря на то, крестьяне, основываясь на томъ, что рожь у нихъ еще въ нынѣшнемъ году засѣяна черезполосно съ помѣщичьей (такъ какъ въ прошлогодній посѣвъ еще надѣлъ не былъ обозначенъ и рожь сѣялась барщиной по старому порядку)— требуютъ также, чтобы я позволилъ имъ косить внѣ надѣла на тѣхъ лугахъ около моего дома, которые примыкаютъ къ полосамъ, засѣяннымъ въ настоящее время ихъ рожью. При продажѣ мнѣнія, г-жа Пестрикова предупредила меня объ этой претензiи и говорила съ тѣмъ вмѣстѣ, что она неосновательна и что я не долженъ на нее согласиться.

«Не зная, однако, до какой степени правы крестьяне, или права была г-жа Пестрикова, давая мнѣ этотъ совѣтъ, я рѣшаюсь спросить вашего мнѣнія. Я ни въ какомъ случаѣ не желаю обидѣть крестьянъ; но, съ другой стороны, замѣчая вообще, что они стараются пользоваться моею неопытностью для того, чтобы вымогать лишнее, не желалъ бы въ этомъ случаѣ вдаться въ обманъ. Очень обяжете двумя строками отвѣта. Преданнѣйшій вамъ А. Гильфердингъ.

2-го iюля 1862 г

«P. S. Когда вы прѣдете къ намъ? У меня до завтрашняго вечера новый гость, весьма замѣчательный человекъ. И. С. Аксаковъ».

Сообщ. кн. П. А. Путятинъ.

Царь Петръ I и князь А. Д. Меншиковъ

1715 г.

I.

Петръ I къ Юву, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому.

Честнѣйшій Отче. Объявляю Вамъ, что сей ночи въ 11-мъ часу далъ мнѣ Богъ сына Петра; прошу Вашихъ молитвъ ко Господу, дабы призрѣлъ на его младенчество и благословилъ благимъ возрастомъ.

Петръ.

Изъ Санктъ-Питербурха въ 29 день октября 1715 г.

Примѣчаніе. Письмо собственноручное, сложено пакетомъ и было запечатано небольшою красною сургучною печатью съ государственнымъ гербомъ. Наоборотъ письма адресъ: „Преосвященному Юву митрополиту Новгородскому и Великолуцкому“.

Подобное же письмо не собственноручное, подписанное государемъ, отъ того же числа, отправлено было къ митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану (Яворскому) ¹⁾.

II.

Князь А. Д. Меншиковъ къ Юву, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому.

Въ Бозе сиятельный Господине, Господине Архипастырю, пречестнѣйшій мой Отче и Благодѣтелю;

О преславной радости, что Вышній Богъ даровать изволилъ Государя Царевича Его Высочество Петра Петровича, чаю Вашей Святости извѣстно, чѣмъ по моей должности Вашу Святость поздравляю

¹⁾ Описаніе докум. и дѣлъ, хранящ. въ арх. св. синода. Т. I, прилож. стр. VII. Спб., 1868 г.

и притомъ посылаю Его Царскаго Величества богомольную грамоту ¹⁾ и наконецъ самого себя вкушѣ со всеми моими въ Ваши Богу угодныя молитвы предавъ, остаюсь Вашей Святости доброжелательный сынъ и слуга, Александръ Меншиковъ.

Отъ Санктъ-Питербурха ноября 14 дня 1715 г.

Примѣчаніе. Подписано собственноручно крупными, неравными и неправильно расположенными буквами.

Оба письма хранятся въ библиотекѣ Воронежской духовной семинаріи, въ числѣ автографовъ.

Сообщ. Ст. Звѣревъ.

Маскерадъ въ 1799 г.

(Приглашеніе жителей Петербурга въ 1799 г. на маскерадъ въ Гатчинѣ).

Рекомендую господину инспектору съ полученіемъ сего тотчасъ разослать квартальныхъ офицеровъ по обывателямъ, какъ-то дворянству и купечеству, для отобранія свѣдѣнія, кто намѣренъ ѣхать въ Гатчину въ маскерадъ, объявя имъ, чтобы непременно ѣхали, ибо на сіе есть Высочайшая воля, развѣ кто либо имѣетъ основательныя къ небытію причины, и что о непоѣхавшихъ безъ причинъ донесено будетъ Государю Императору. Сочинивъ же о таковыхъ, какъ ѣхавшихъ, равно и здѣсь остающихся, списки, подать ко мнѣ сего числа. Октября 22-го дня, 1799 года.

Оберъ-полиціиместеръ и кавалеръ Аксаневичъ.

Сообщ. А. А. Гатцужъ.

¹⁾ Разумѣется предыдущее письмо.

Татьяны Ивановны и про здоровье государя батюшки Ивана Ѳеодоровича, и про матушку Настасью Ивановну, и про Олешенку, и про Оринушку и про меня, государь, изволишь напамятовать, и мы на Москвѣ іюля въ 12 день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божию. А обо всемъ, государь, къ тебѣ писала матушка въ своей грамотѣ, а надежи, государь, тебѣ и помочи, окромѣ Бога, ни отъ кого нѣтъ, что и бьемъ челомъ о твоихъ дѣлахъ всѣмъ, и инъ указу нѣтъ и (ни) отъ кого помочи нѣтъ. Писавы женишка твоя Дунка челомъ бьетъ!

На оборотѣ: «Государю моему князю Василью Васильевичу. Іюля 23-го подалъ грамотку Стефанъ Ловчиковъ».

3.

Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу сынышко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бьетъ! Здравствуй, государь мой батюшка, на многія лѣта! А ко мнѣ, государь мой батюшка, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье, какъ тебя государя моего батюшка Христосъ Богъ милостию своею хранить. А изволишь, государь мой батюшка, вѣдать про здоровье государыни моей бабушки и про здоровье государыни моей матушки и про здоровье государыни моей сестрицы и про меня, и государыни моя бабушка княгиня Татьяна Ивановна и государыни моя матушка княгиня Авдотья Ивановна и государыни моя сестрица княжна Ирина Васильевна на Москвѣ іюля въ 14 день живы до воли Божией, а впредь Его жъ создавшего Владыки воля. А изволишь, государь батюшка князь Василій Васильевичъ, про здоровье государя моего дѣдушка Ивана Ѳеодоровича и про здоровье государыни моей бабушки Настасьи Ивановны, и они по се писаніе Богъ далъ здоровы. Да послали, государь батюшка, мы съ сестрицею къ тебѣ фунтъ миндальныхъ ягодъ, и тебѣ-бъ, государю батюшка, кушать на здоровье. Писавый сынышко твой Алешка благословенія прося и много челомъ бьетъ.

На оборотѣ: «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу. Іюля въ 23 день подалъ грамотку Андрей Петровъ сынъ Мосоловъ».

4.

Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу дочериска твоя Орютка благословенія прося и много челомъ бьетъ! Буди, государь мой, здоровъ на многія лѣта! А ко мнѣ, государь мой батюшка, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье, какъ тебя, государя

моего батюшка, Богъ милуетъ. А изволишь, государь мой батюшка, вѣдать про здоровье государыни моей бабушки и государыни моей матушки и государя моего братца и про меня, и государыня моя бабушка княгиня Татьяна Ивановна и государыня моя матушка княгиня Авдотья Ивановна и государь мой братецъ князь Алексѣй Васильевичъ и я на Москвѣ іюля въ 12 д. жива до воли Божіей, а впредь Его жъ создавшаго Владыки воля. Челомъ, государь батюшка, бью на твоємъ жалованѣ на мыльцѣ! Да пожалуй, государь батюшка, не держи меня безъ вѣсти о своемъ многолѣтномъ здоровѣ. Писавый дочеришка твоя Орютка благословенія проси и много челомъ бьетъ.

На оборотѣ: «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу. Іюля 23 подалъ грамотку Стефанъ Ловчиковъ».

5.

Государю моему милостивому князю Василью Васильевичу работникъ твой Ивашка Дивовъ челомъ бьетъ! Пожалуй, государь мой милостивой! вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровѣ, какъ тебя государя моего Господь Богъ милостію своею хранить; а по милости, государь, своей изволишь вспомануть о мнѣ, работникѣ своемъ, и я на Москвѣ іюля въ 15 д. до воли Божьи живъ. Челомъ бью, государь мой милостивый, на твоей, государя своего, премногой милости, что пожаловалъ ты, государь мой, меня, работника своего, милостію своею взискалъ и забвенно не учинилъ, приказалъ ко мнѣ отписать о своемъ многолѣтномъ здоровѣ, и я, работникъ твой, слыша твое государя своего многолѣтное здоровье и вида къ себѣ твою государя своего всыскательную премногую милость, Господу Богу радостно душевно и сердечно Ему, Содѣтелю своему, хвалу воздаю и долженъ за твое, государя своего, многолѣтное здоровье со всѣмъ домишкомъ вѣчно Бога молить. Извѣстно тебѣ государю буди: іюля въ 10-й д., на праздникъ Положенія ризы Господа Бога нашего, великій государь пожаловалъ въ окольнічье Андрея Ивановича Чирикова, да изъ думныхъ дворянъ Петра Тимофеевича Кондырева. А іюля-жъ, государь, въ 13 д. великій государь пошелъ въ походъ въ село Покровское, а бытъ ему государю въ Покровскомъ до Ильина дня. А дядя твой, государь мой князь Иванъ Андреевичъ, отпущень и съ дѣтьми своими, а твоими, государя моего, братьями, въ подмосковную вотчину въ село Богородское и поѣхалъ съ Москвы іюля въ 9 числѣ въ добромъ здоровьи. А сынъ твой, государь мой, князь

Алексѣй Васильевичъ за великимъ государемъ въ походѣ. Сего-жъ, государь, числа изъ Астрахани къ Москвѣ пріѣхала станица. По Волгѣ до Астрахани милостью Божіею все смирно. А изъ Тобольска отъ боярина Петра Васильевича пріѣхали два человекъ рейтаръ да человекъ его, а въ отпискахъ своихъ къ великому государю писать и въ грамоткахъ, что волею праведнаго Бога мая въ 29 д. небо помрачилось и началъ быть громъ и молнія и буря страшная и дождь великой и загорѣлось на посадѣ въ Знаменскомъ монастырѣ отъ молніи вдругъ три церкви, а потомъ, съ четъ часа помотчавъ, загорѣлось въ городѣ и въ острогѣ отъ молніи - жъ вдругъ три церкви - жъ, а потомъ загорѣлась отъ молніи - жъ соборная церковь, да приходскихъ одиннадцать церквей и отъ того городъ и приказная изба и дворы боярской и митрополей и дьячей и гостинной и тобольскихъ жителей восемьдесятъ восемь дворовъ выгорѣли въ одинъ часъ безъ остатку. Пріятель твой, государь мой, Петръ Васильевичъ погорѣлъ и раззорился совсѣмъ до конца, а воеводской, государь, дворъ, гдѣ живутъ товарищи, и дворъ другаго дьяка цѣлы. А вѣтръ, государь, такой былъ: бумагу и окончины носило отъ города верстѣ по пяти и по шти, а доски версты по двѣ, а бревна хоромныя отъ города носило по верстѣ. И видя такой гнѣвъ Божій и страшное прещеніе, митрополитъ и бояринъ со всѣмъ домомъ и съ товарищи и тобольскіе всякихъ чиновъ жителей другъ друга не познали, а митрополитъ де немного и самъ не сгорѣлъ; а которыхъ, государь, людей въ городѣ захватило, и тѣхъ въ ворота не пропустило: просѣкая городовую стѣну уходили. И отъ тое-де, государь, печали Петръ Васильевичъ едва будетъ живъ. Милости у тебя, государя своего милостиваго, прошу: только, государь, въ сынишеѣ моемъ Янкѣ по его молодости объявится какая шатость, прикажи въ дому своемъ свое милостивое наказанье чинить ему безъ пощады. Работникъ твой Ивашко Дивовъ челомъ бѣю.

Сообщ. А. Востоковъ.

1765 г. октября 8, онъ обѣдалъ у вел. кн. Павла Петровича и отгла-
нивался по случаю отъѣзда яко-бы въ Курляндію, на самомъ же дѣлѣ, какъ
видно изъ прилагаемой статьи, онъ отправлялся именно въ то путешествіе,
которое описано въ Бастильской бумагѣ. Любопытна отмѣтка Порошина (изд.
„Русской Старины“ 1881 г., стр. 469—470):

„Его прев-во Никита Ив. (Панинъ) рассказывалъ, какъ его (т. е. принца
Карла) покойная имп. Анна Іоан. жаловала, и болѣе, нежели отъ старшаго
брата, проку отъ него ожидала.... Въ принцѣ Карлѣ бездну премудрости и
разума всѣ тогда находили, а теперь всѣ мы видимъ, что онъ шалунъ и
повѣса, не только свѣтлѣйшій, но и пресвѣтлѣйшій“.

1768 г. 8 янв.—24 апр. Принцъ Карлъ сидитъ въ Бастиліи.

1778 г. февр. 7 (18). Женится на княжнѣ Аполоніи Понинской, (род.
4 февр. 1760). Ему почти 50 лѣтъ, ей 18.

1800 г. іюля 24. Принцесса умираетъ въ Сиб.

1801 г. окт. 4 (16). Принцъ умираетъ 73 лѣтъ отъ роду въ своемъ замкѣ.
Вартенбергъ (въ Силезіи). Кн. А. В. Л.-Р.

1.

[Переводъ съ французскаго]. Карль-Эрнестъ, принцъ Кур-
ляндскій, 39 лѣтъ отъ роду, уроженецъ митавскій, генераль, коман-
дующій пѣхотными войсками Ея Имп. Величества всея Россіи, за-
ключенъ въ Бастилію по королевскому повелѣнію отъ 8-го января
1768 года.

Онъ былъ арестованъ за совершеніе фальшивыхъ векселей и под-
дѣлку подписей.

Этотъ принцъ прибылъ въ Парижъ 20 декабря 1767 года съ мно-
гочисленною свитою, и, подъ именемъ графа Бралинскаго, остано-
вился въ гостинницѣ «Испанія» на улицѣ Генегò. При немъ были
два кавалера или офицера, изъ коихъ одинъ носилъ званіе адъю-
танта; оба они вскорѣ уѣхали въ Лондонъ. Остальная свита состояла
изъ секретаря, пажа, дворецкаго съ женою, повара и двухъ лакеевъ.

Полицейскій офицеръ Бюгò (Buhot) арестовалъ принца въ то
самое время, когда онъ ложился спать, хотя было едва 10 часовъ
вечера. Бюгò съумѣлъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, пробраться
до второй передней, но былъ остановленъ пажемъ и камердинеромъ
у самой спальни, гдѣ принцъ, въ одной рубашкѣ и съ голою ногою,
находился съ своею любовницею. Нахаль сталъ увѣрять, что ему
поручено передать принцу въ собственныя руки письмо отъ министра,
на которое требовался немедленный отвѣтъ. Его впустили вмѣстѣ съ

frères et Rillier) въ Парижѣ за подписью Вареолюея Гюберта и вдовы Гè (Barthélemy Hubert et veuve Gay).

Подлинный вексель былъ уплаченъ названными банкирами самому принцу, который отказался дать въ томъ квитанцію. Этотъ вексель былъ сравненъ съ копіею, найденною въ портфель принца. Обѣ бумаги были столь похожи одна на другую, что поддѣлка казалась своего рода чудомъ, и до того поражала своимъ совершенствомъ, что рѣшительно невозможно было отличить копію отъ оригинала.

На одѣланные принцу вопросы: почему эта копія находилась въ его бумагахъ и кѣмъ она была сдѣлана, онъ отвѣчалъ, что она сдѣлана была, по его приказанію, въ Лионѣ путешествовавшимъ при немъ курляндцемъ, по фамиліи Тирль (Tirl), въ самый день выдачи ему подлиннаго векселя, и что она должна была служить ему для памяти, согласно съ существующимъ будто бы въ его отечествѣ обычаемъ всегда сохранять копіи съ подлинныхъ документовъ. Онъ постоянно, подъ присягою, утверждалъ, что не поддѣлывалъ этого векселя.

Кромѣ того, ему представляли еще два бланка съ подписями трехъ негоціантовъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ имѣлъ у себя эти бланки, такъ какъ ими легко было злоупотребить, онъ отвѣтилъ, что приказывалъ тому же курляндцу записать фамиліи названныхъ негоціантовъ, и что этотъ послѣдній записалъ ихъ гдѣ и какъ хотѣлъ, но что онъ, принцъ, не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія и никогда не намѣревался пользоваться означенными бланками. Существовали, однако, доказательства тому, что принцъ самъ поддѣлывалъ подписи на бланкахъ; но такъ какъ не представлялось желательнымъ компрометтировать лицо, присутствовавшее при совершеніи этого подлога, то на этомъ вопросѣ не стали настаивать.

Въ теченіи допроса, коему принцъ былъ подвергнутъ г-номъ де-Сартиномъ, замѣтили, что онъ придумалъ существованіе никогда небывалой личности какого-то искателя приключеній, который будто бы выдавалъ себя въ Италіи за сына герцога Курляндскаго и совершилъ тамъ множество мошенничествъ. Очевидная цѣль этой выдумки состояла въ томъ, чтобы приписать этой вымышленной личности всѣ дѣла, за которыя онъ самъ подлежалъ бы отвѣтственности.

Всѣ письма, къ нему адресованныя, доказываютъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ разными мошенниками, и что онъ указывалъ имъ тѣ дѣла, изъ коихъ можно было извлечь какую нибудь пользу.

Принцъ выпущенъ былъ изъ Бастиліи 24-го апрѣля 1768 года, подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, до освобожденія, онъ заплатилъ всѣ сдѣланные имъ во Франціи французскимъ подданнымъ долги.

Эти долги простирались до 49,353 ливровъ. Другъ его, виленскій епископъ, сынъ литовскаго великаго генерала князя Михаила Масальскаго, изъявилъ готовность заплатить эту сумму. Онъ получилъ разрѣшеніе видѣться съ принцемъ въ Бастиліи, дабы условиться съ нимъ относительно необходимыхъ для сего мѣръ. Послѣ нѣсколькихъ свиданій епископъ подтвердилъ свое намѣреніе уплатить долги принца Курляндскаго, а такъ какъ онъ долженъ былъ вернуться въ Польшу, то передъ отъѣздомъ онъ отдалъ надлежащія приказанія аббату Будѣ (Boudot), назначенному имъ духовнымъ начальникомъ въ Видзинишкахъ. Но этотъ уполномоченный, въ поданной имъ запискѣ, предложилъ для уплаты долговъ принца такія средства, которыя, какъ кажется, не были приняты.

А именно, въ ней заявлялось отъ имени епископа виленскаго, что патентомъ, даннымъ въ Версалѣ 1 декабря 1736 года, король пожаловалъ его отцу, князю Михаилу Масальскому, пенсію въ 6,000 ливровъ, въ вознагражденіе за свыше 150,000 ливровъ, имъ израсходованныхъ для образованія въ Литвѣ партіи, преданной французскому двору въ то время, когда этотъ дворъ пытался возратить королю Станиславу Лещинскому польскій престолъ; что пенсія эта аккуратно уплачивалась до 1752 года включительно; что съ того времени князь Масальскій пересталъ ее получать, и что прекращеніе платежей онъ приписывалъ единственно войнѣ и смерти двухъ банкировъ, парижскаго и кенигсбергскаго, чрезъ которыхъ эти деньги ему пересылались. Вслѣдствіе сего аббату Будѣ поручалось епископомъ виленскимъ ходатайствовать объ уплатѣ недоплаченныхъ отцу его суммъ, а между тѣмъ банкиру епископа приказывалось выдавать, на счетъ сего послѣдняго, все, что министерство ни потребовало бы для погашенія заключенныхъ принцемъ Курляндскимъ съ французами долговыхъ обязательствъ.

Этимъ и ограничивались предложенія епископа виленскаго. Никакое рѣшеніе, какъ кажется, не было принято относительно претензій князя Масальскаго.

Тайну приготовленія чернильнаго состава, который совершенно исчезалъ на бумагѣ, такъ что нельзя было полагать, что когда либо чтонибудь было написано, принцъ Курляндскій получилъ отъ нѣкотораго италіянца Казановы.

Слѣдующій довольно интересный анекдотъ заслуживаетъ вниманія. Изъ него видно, что Россійская Императрица, если только она узнала о настоящей причинѣ задержанія принца Карла-Эрнеста Курляндскаго, не могла быть очень удивлена, потому что она сама, при

весьма критическихъ обстоятельствахъ, съ успѣхомъ воспользовалась опасными талаитами этого сына державнаго отца.

Государыня эта, при жизни своего супруга, покойнаго Петра III, имѣла при его дворѣ, во время пребыван'я онаго въ Ораніенбаумѣ, преданныхъ себѣ людей, которые въ точности доносили ей о всемъ томъ, что тамъ происходило. (Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ то время императрица проживала въ Петергофѣ, лежащемъ на дорогѣ между С.-Петербургомъ и Ораніенбаумомъ¹⁾). Поэтому она была своевременно извѣщена, что нѣкоторому офицеру, коего примѣты ей сообщались, удалось доставить въ руки императора анонимное письмо, полученное изъ С.-Петербурга и предупреждавшее государя о составившемся противъ него заговорѣ. На государя это письмо, повидному, не произвело никакого впечатлѣнія: онъ сказалъ, что вполне полагается для своей безопасности на свое войско, что преданность онаго ему хорошо извѣстна, и что въ этомъ отношеніи единственное исключеніе составляетъ Преображенскій полкъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ столь важнаго для императрицы предостереженія, она велѣла слѣдить за означеннымъ офицеромъ, и нѣсколько дней спустя обнаружилось, что ему поручена передача новаго письма на имя императора. Офицеръ вмѣстѣ съ находившимися при немъ депешами былъ схваченъ на дорогѣ; депеши были задержаны въ продолженіе только нѣсколькихъ часовъ, и тутъ-то императрица воспользовалась опаснымъ искусствомъ Курляндскаго принца.

Принцъ, бывши посвященъ въ тайну готовившагося предпріятія, вскрылъ перехваченное письмо, не дотрогиваясь до печати. Вотъ какъ онъ объяснилъ это г-ну Демарѣ (г. Демарѣ слышалъ этотъ рассказъ отъ самого принца Карла Курляндскаго): онъ разрѣзалъ ножомъ одинъ край конверта; за симъ письмо было вынуто и замѣнено другимъ, написаннымъ въ выраженіяхъ, долженствовавшихъ отклонить ту опасность, которая угрожала имъ всеѣмъ неминуемою гибелью. Поддѣлка почерка, исполненная принцемъ, и изумительное искусство, съ которымъ онъ сдѣлалъ, посредствомъ бѣлаго порошка

¹⁾ Петръ III поселился въ Ораніенбаумѣ 12 іюня 1762 г. Екатерина перѣехала изъ Спб. въ Петергофъ 17 іюня; пріѣзжала она въ Ораніенбаумъ 19 іюня, дабы присутствовать при представленіи оперы, но въ тотъ же вечеръ возвратилась въ Петергофъ. (См. „Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ.“ XVIII, 404, 405 и 406).

Стало быть, эпизодъ Бирона могъ имѣть мѣсто только между 17 и 27 іюня 1762 г., т. е. въ одинъ изъ десяти дней, непосредственно предшествующихъ перевороту.

Переводчикъ.

генераль-маіора, орденомъ Христа, и въ особенности привлекательною наружностію Далё.

Въ Нюренбергѣ принцъ Карль закупилъ разныхъ драгоценностей на 40,000 ливровъ, и кредиторы его, благодаря только своей ловкости, успѣли спастись отъ обмана. Онъ потомъ хотѣлъ заключить заемъ въ 60,000 ливровъ; но проникательные вѣмцы потребовали обезпеченія, и заемъ не состоялся.

Повидимому, принцъ Карль не очень богатъ, или банкиры его не очень аккуратны, ибо во Флоренціи его держали подъ арестомъ четыре или пять сутокъ. Онъ оттуда пріѣхалъ во Францію и предполагаетъ переправиться въ Англію. Надо ожидать, что онъ неминуемо прельстится ачностъ или добродушіе какого нибудь парижанина.

II.

Найденныя нами въ Бастильскихъ бумагахъ свѣдѣнія о принцѣ Карлѣ - Эрнестѣ вполнѣ подтверждаются перепискою графа Кирилла Григор. Разумовскаго съ Ив. Ив. Шуваловымъ. Отъ 26 февраля 1768 г. Разумовскій писалъ Шувалову слѣдующее (Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. I. 340):

«Въ третьемъ письмѣ отъ 23 янв. подъ № 3 пишете вы ко мнѣ о деньгахъ, которыя вы доставили принцу Курляндскому, 1350 червонныхъ, въ Венеціи... Сей дѣтина есть сущій промышленникъ, который таскается по свѣту безъ воли, слѣдовательно и безъ заплаты отъ отца своего, который ему не больше даетъ, какъ 6,000 (талеровъ) въ годъ, что учинить съ не большимъ 5,000 нашихъ руб. Онъ уже столько намоталъ и столь поступковъ непристойныхъ званіямъ его подѣлалъ, что, наконецъ, въ Бастиліи теперь резидуетъ по фальшивымъ вексямъ, и говорятъ, что будто отъ него и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается... Однако, любезный мой другъ, когда вы заблагоразсудили дать мнѣ сію комиссію, чтобы вамъ отыскать сіи деньги, то я не оставлю употребить всевозможнаго старанія, вслѣдствіе чего рассудилъ призвать Ал-дра Ив. Черкасова, которому вручилъ для пересылки письмо къ принцу Петру, давъ ему знать, сколько вашъ поступокъ честенъ и знатенъ въ разсужденіи сей фамиліи, и что вы по справедливости для спокойствія вашего немедленно удовлетворены быть должны» и т. д.

Отъ того же къ тому же 29-го февраля 1768 г. (на стр. 341):

... «Что касается до заплаты денегъ, которыя вы заняли

для принца Курляндскаго, то будь, мой люб. другъ, спокоенъ: я ничего не упущу, что̀ нужно будетъ къ доставленію вамъ оныхъ».

Изъ этого должно заключить, что обѣщанная виленскимъ епископомъ помощь не была оказана принцу Карлу.

Дальше, на стр. 342, Разумовскій снова обнадеживаетъ Шувалова, что деньги, данныя имъ въ займы принцу Курляндскому, не пропадутъ; наконецъ, на стр. 344, 9 апрѣля 1768 г., извѣщаетъ, что деньги (1,300 червонц.) имъ приняты; «итакъ, ваши деньги на принца Курляндскомъ не пропали».

То, что выше написано объ отреченіи принца Карла (по словамъ Гельбига) отъ правъ на курляндскій престолъ, должно быть исправлено.

Старшій братъ его, Петръ, имѣлъ, кромѣ дочерей, сына; но сынъ этотъ умеръ въ малолѣтствѣ (род. 1787, † 1790). Изъ этого слѣдуетъ, что Екатерина имѣла поводъ требовать отреченія принца Карла-Эрнеста только между 1790 г. (годомъ кончины этого ребенка) и 1795 (годомъ присоединенія Курляндіи къ Россіи).

Можно также оговорить, что Карлъ-Эрнестъ умеръ 4 окт. 1801 г. въ Вартенбергѣ, который не задолго передъ тѣмъ наслѣдовалъ по кончинѣ своего старшаго брата († 13 янв. 1800 г.).

Бастильскія бумаги, изъ коихъ извлечена статья о принцѣ Карлѣ-Эрнестѣ Биронѣ, были извѣстны Гельбигу (нѣмецкій подлинникъ, стр. 174, примѣч.); но онъ не входитъ въ ихъ разборъ, хотя сомнѣваться въ ихъ достовѣрности нѣтъ никакой причины. Гельбигъ говоритъ, что принцъ Карлъ-Эрнестъ былъ, изъ-за денежныхъ требованій, въ постоянной ссорѣ какъ съ отцемъ, такъ и съ братомъ своимъ, и что въ теченіе своей жизни онъ имѣлъ, не по своей будто бы винѣ (!), множество самыхъ непріятныхъ приключеній; вслѣдъ за симъ онъ прибавляетъ, что общественное мнѣніе было крайне не расположено къ нему, и что имп. Екатерина должна была потребовать отъ него, въ пользу его сына, отреченія отъ правъ его на курляндскій престолъ (послѣ того, какъ единственный сынъ старшаго его брата умеръ малолѣтнимъ въ 1790 году).

Полное собраніе бастильскихъ бумагъ предпринято было французскимъ ученымъ François-Ravaisson-Mollien, conservateur de la bibliothèque ¹⁾ de l' Arsenal, подъ заглавіемъ: Archives de la Bastille. Вышло 16 томовъ съ 1876 г. по 1884 г.; но, за смертію издателя, послѣдовавшей въ 1884 году, изданіе прократилось. Я не имѣю этого

¹⁾ François Ravaisson-Mollien, conservateur de la Bibliothèque de l' Arsenal, † въ сентябрѣ 1884 г.

сочиненія подъ рукою для сравненія съ текстомъ, напечатаннымъ въ *Journal des révolutions de l'Europe*, откуда я заимствовалъ приведенную выше статью.

III.

Просматривая Записки Казановы (*Mémoires de Casanova, édition de 1826—1838, 12 vol. in 12*), я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько разъ имя принца Карла-Эрнеста.

Казанова познакомился съ нимъ въ 1764 году въ Ригѣ, гдѣ принцъ стоялъ съ своимъ полкомъ (X, 144 и 146), видѣлъ его потомъ въ Спб. съ его любовницею (X, 216); осенью 1765 принцъ выѣхалъ изъ Спб., и зимою того же года эти два пріятели встрѣтились въ Варшавѣ (X, 271), откуда принцъ поѣхалъ въ Венецію (X, 325).

Но, еще прежде сего, Казанова встрѣчался во Франціи и въ Итали съ какою-то загадочною личностью, которая выдавала себя за принца Курляндскаго. Въ запискахъ его (VII, 51, 74, 172, 303) читаемъ мы, что въ концѣ 1760 года онъ находился въ Греноблѣ. Однажды онъ былъ въ гостяхъ въ одномъ французскомъ домѣ, когда туда пришелъ какой-то русскій и принесъ хозяину дома стклянку съ бѣлою жидкостію, которая, какъ онъ увѣрялъ, мгновенно вылечивала отъ ушибовъ. На вопросъ Казановы, что это за человекъ, ему сказали, что никто этого не знаетъ положительно, что у этого русскаго нѣтъ ни экипажа, ни прислуги, ни денегъ, и что онъ живетъ въ гостинницѣ въ долгъ; но что тѣмъ не менѣе онъ хорошо принятъ во многихъ домахъ.

Нѣсколько времени спустя, этотъ русскій пришелъ къ Казановѣ, велѣлъ доложить о себѣ подъ именемъ Карла Иванова и просилъ денегъ, чтобы расплатиться съ хозяиномъ гостинницы и уѣхать. Въ разговорѣ онъ объявилъ: «Я — Карлъ, второй сынъ герцога Иоганна Курляндскаго, который въ ссылкѣ, въ Сибири. Я бѣжалъ».

Въ Генуѣ, за обѣдомъ у банкира Беллони, Казанова, къ крайнему своему удивленію, встрѣтилъ обманщика Иванова. Онъ былъ порядочно одѣтъ, много говорилъ, но былъ печаленъ. Когда разговоръ коснулся Россіи, гдѣ царствовала императрица Елизавета Петровна, онъ замолчалъ, вздохнулъ и отвернулся какъ бы для того, чтобы утереть слезы... Его лакей, который за нимъ служилъ за столомъ, былъ въ желтой ливреѣ съ красными галунами. Послѣ обѣда онъ нашелъ возможность поговорить наединѣ съ Казановою и просилъ его

о помощи. «Вы можете, сказалъ онъ, однимъ словомъ достать мои 100,000 эку (écus), и изъ нихъ я дамъ вамъ половину». Казанова отвернулся отъ него, и больше не видѣлъ его въ Генуѣ.

Во Флоренціи съ Казановою случилось, по винѣ этого русскаго, особенно неприятное происшествіе. Въ одинъ прекрасный день Казановѣ подають пакетъ; онъ вскрываетъ его и находитъ въ немъ вексель въ 200 эку, на флорентинскаго банкира Сасси, и письмо, за подписью Карла Иванова, писанное изъ почтовой гостинницы въ Пистоѣ. «Будучи все еще въ несчастномъ положеніи и безъ денегъ, писалъ этотъ Ивановъ, я открылся одному англичанину, который ѣхалъ изъ Флоренціи въ Лукку, и онъ великодушно подарилъ мнѣ 200 эку, выдавъ мнѣ на эту сумму вексель на имя предьявителя, который онъ написалъ въ моемъ присутствіи. Я боюсь ѣхать за этими деньгами во Флоренцію, гдѣ меня могутъ арестовать за несчастную мою исторію въ Генуѣ. Поэтому покорнѣйше прошу васъ сжалиться надо мною, приказать взять эту сумму у банкира Сасси и доставить мнѣ ее сюда, дабы я могъ расплатиться въ гостинницѣ и выѣхать».

Хотя подобная услуга, сама по себѣ, нисколько не была затруднительна, но Казанова не захотѣлъ компрометтировать себя и огласить свое знакомство съ человѣкомъ, коего имя и примѣты помѣщены были въ газетахъ; онъ поэтому рѣшился съѣздить въ Пистою.

По прибытіи въ Пистою, Казанова былъ введенъ самимъ хозяиномъ гостинницы въ комнату мошенника, и объявивъ этому послѣднему, что не намѣренъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, возвратилъ ему вексель. «Я вамъ совѣтую, сказалъ онъ, отдать этотъ вексель вашему хозяину; онъ представитъ его г-ну Сасси и привезетъ вамъ деньги».

— Я послѣдую вашему совѣту, отвѣчала русскій.

Прошло два дня, какъ вдругъ къ Казановѣ является г. Сасси съ хозяиномъ Пистойской гостинницы. Банкиръ, вынувъ изъ кармана вышеозначенный вексель, сказалъ Казановѣ, что онъ обманутъ былъ тѣмъ, кто передалъ ему этотъ документъ; что, во 1-хъ, этотъ вексель не написанъ рукою англичанина, коего подпись на немъ находится, а что, во 2-хъ, хотя бы подпись и была подлинная, но милордъ, не имѣя у него, Сасси, никакихъ денегъ, не былъ въ правѣ выдавать вексель на его домъ. «Хозяинъ гостинницы, — прибавилъ онъ, — уже эсконтировалъ этотъ вексель; русскій уѣхалъ, и когда я сказалъ хозяину, что вексель—фальшивый, онъ отвѣтилъ мнѣ, что Карлъ Ивановъ получилъ его отъ васъ, и что, зная васъ, онъ (хозяинъ) не

усумнился выдать деньги, но что теперь онъ отъ насъ требуетъ возвращенія 200 экю».

Казанова отказался платить. Хозяинъ обратился въ полицію, и полиція объявила Казановѣ, что онъ обязанъ либо уплатить вексель, либо немедленно выѣхать изъ Флоренціи. Казанова выбралъ послѣднее, и выѣхалъ въ Римъ.

Приведенныя выписки изъ записокъ Казановы заключаютъ въ себѣ довольно интересныя свѣдѣнія; изъ нихъ слѣдовало бы заключить, что Карль Эрнестъ бѣжалъ изъ Россіи еще до помилованія отца и шатался безъ всякихъ средствъ по Европѣ. Странно, что Казанова, когда, четыре года спустя, встрѣтился официально съ принцемъ Карломъ, не узналъ въ немъ того обманщика, которому онъ обязанъ былъ своею высылкою изъ Флоренціи. Не должно-ли предположить, что принцъ увѣрилъ Казанову (какъ онъ впоследствии старался увѣрять французовъ), что не имѣетъ ничего общаго съ этимъ негодяемъ.

Я долженъ прибавить, что мнѣ приходилось нѣсколько разъ провѣрять то или другое изъ записокъ Казановы, и что показанія его всегда оказывались вѣрными. Разумѣется, я не говорю здѣсь о его любовныхъ походахъ, въ которыхъ не можетъ не быть значительной доли хвастовства.

Въ періодическомъ изданіи: *Le livre* (1881 года), стр. 11, есть весьма интересная статья извѣстнаго Armand Baschet о сличеніи записокъ Казановы съ официальными венеціянскими документами; это сравненіе вполне доказываетъ несомнѣнную достовѣрность разсказовъ Казановы.

Кн. А. В. Л.-Р.

Февраль 1888 г.

что на это указывает другое житіе, которое она начала составлять, но не кончила, а именно, житіе святаго митрополита Алексія (помѣщенное г. Бартевымъ въ приложеніи къ его изданію);

что оба житія должны были, какъ надо думать, войти въ дальнѣйшія главы записокъ касательно россійской исторіи, и

что какъ въ этихъ запискахъ, такъ и въ обоихъ житіяхъ, Екатерина ведетъ разсказъ свой то по русски, то языкомъ церковно-славянскимъ и подлинными словами рукописныхъ источниковъ».

Такимъ образомъ, не указывая въ точности источника, изъ котораго Екатерина почерпнула свѣдѣнія о преподобномъ Сергіи и о святомъ Алексіи, г. Бартевъ признаетъ, что она пользовалась разными источниками, въ числѣ коихъ были и рукописные.

Съ этимъ мнѣніемъ совершенно невозможно согласиться.

Что императрица Екатерина тщательно собирала какъ печатные, такъ и рукописные источники для составляемой ею исторіи Россіи, это несомнѣнно. Сохранилась даже опись этихъ матеріаловъ, находившихся въ ея кабинетѣ Зимняго дворца ¹⁾, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ опредѣленіи источника одной частной, специальной ея статьи,—Житія Сергіева, самое заглавіе которой «Историческая Выпись» уже должно наводить на мысль, что это есть извлеченіе, выписка изъ какого либо сочиненія. Для того же, чтобы опредѣлить, откуда заимствована Екатериною ея выпись о преподобномъ Сергіи, не нужно углубляться въ источники русской агиографіи; довольно знать лѣтопись по Никонову списку.

Въ IV части лѣтописи по Никонову списку (изданіе 1788 года, стр. 203 — 239) подъ 1391 годомъ помѣщена, въ видѣ отдѣльной и самостоятельной статьи, «Повѣсть о преподобномъ Сергіи», которая и передѣлана Екатериною въ Выпись о преподобномъ. Дѣлать сравненіе этихъ двухъ произведеній я считаю лишнимъ: Никонова лѣтопись и помѣщенная въ ней повѣсть о Сергіи, конечно, извѣстны всѣмъ, серьезно занимающимся русскою исторіею ²⁾.

Измѣненія, допущенныя императрицею Екатериною при редактированіи ею Повѣсти, помѣщенной въ Никоновой лѣтописи, слѣдующія:

1) Выпущены помѣщенные въ лѣтописи (стр. 236—238) сказанія о видѣніи пречистыя Богородицы игумену Сергію и видѣніе ученикомъ его, Симеономъ, сошествія божественнаго огня на жертвенникъ и на

¹⁾ См. статью Н. Н. Мурзакевича: „Кабинетъ Зимняго дворца императрицы Екатерины II“, въ Ж. М. Н. Пр. 1872 г. № 8.

²⁾ Болѣе краткая редакція житія преподобнаго внесена въ Софійскую вторую лѣтопись. П. С. Р. Л. VI, 120—122.

Храповицага въ его дневникѣ ¹⁾, изучала княженіе Александра Невскаго. Событія его времени вошли въ VI (и послѣдній) томъ записокъ, оканчивающійся разсказомъ о смерти Василя Ярославича Владимірскаго († 1276 г.). Въ письмѣ къ Гримму отъ 29-го августа 1794 г. ²⁾ императрица сообщила, что VII томъ ея исторіи находится въ работѣ (*est sur le métier*) и будетъ, вѣроятно, доведенъ до Дмитрія Ивановича Донскаго. Занимаясь исторіею Донскаго въ 1794 году, императрица, естественно, должна была обратиться къ изученію дѣяній выдающагося своими достоинствами, жизнью и значеніемъ его современника, преподобнаго Сергія, и при этомъ пользовалась Никоновою лѣтописью, IV часть которой явилась еще въ 1788 г.

Подтверженіемъ мнѣнія, что при составленіи Выписи о преподобномъ Сергіи императрица руководствовалась исключительно IV-ю частью означенной лѣтописи, служить и то, что, одновременно съ составленіемъ Выписи о Сергіи, она приступила къ составленію житія Алексѣя митрополита († 1378 г.); источникомъ же этой ея послѣдней работы послужила «Повѣсть о Алексѣѣ митрополитѣ всеа Русіи», помѣщенная также въ видѣ отдѣльной статьи въ той-же IV части Никоновой лѣтописи, подъ 1377 годомъ (стр. 55).

Эти краткія замѣчанія приводятъ къ заключенію, что жизнеописанія Сергія и Алексѣя, этихъ двухъ, какъ ихъ характеризуетъ г. Бартеневъ, боярскихъ сыновей, составленныя Екатериною приблизительно около 1794 года, не были ея самостоятельными произведеніями, а предназначались ею для включенія въ записки касательно Россійской исторіи. Подтверженіемъ этому служитъ какъ самое заглавіе первой статьи Историческая выпись, такъ и то, что въ обоихъ житіяхъ императрица говоритъ о Сергіи и Алексѣи лишь какъ о дѣятеляхъ общественныхъ и, если можно такъ выразиться, политическихъ, и заботливо устраняетъ все, что напоминаетъ объ ихъ подвигахъ духовныхъ, проистекавшихъ отъ свыше ниспосланной имъ, благодатіею Божіею, силы чудодѣйства, т. е. все то, что въ житіи святыхъ угольниковъ дорого, любезно и понятно только истинно православному русскимъ людямъ. Составленныя ею житія суть отрывки изъ внѣшней, формальной исторіи русской церкви, насколько церковная исторія входитъ, какъ часть, въ общую исторію Россіи, подобно ея-же черновымъ замѣткамъ о соборѣ въ Переяславлѣ 1313 г., о его причинахъ и о мѣстѣ погребенія иноковъ Пересвѣта и Ослябія, напечатанныхъ Пекарскимъ въ вышеуказанномъ его изданіи. Поэтому и нельзя, кажется, придавать составленію ею означенныхъ житій того

¹⁾ Подъ 21, 22 и 25 сентября и 31 октября 1791 г.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О., XXIII, 6⁹⁹.

съ свойственною истинно ученымъ сдержанностью въ выводахъ. Такъ, С. М. Соловьевъ (Ист. Россіи, т. XXV, 81) говоритъ лишь, «что домовыя церкви были запечатаны и что писатель иностранный (Кастера), сочувствующій Петру III, выставляетъ все неблагоразуміе распоряженія относительно выноса иконъ изъ церкви», но при этомъ оговаривается, что сочиненіемъ Кастеры должно пользоваться съ большою осторожностью. Точно также и преосвященный Филаретъ Черниговскій (Ист. русск. церкви. М. 1848, V, 80) ограничился словами: «писали будто Петромъ III было предположено вынести изъ храмовъ иконы, уничтожить посты, уничтожить монашество и священниковъ одѣть въ пастырскія мантии», и воздержался отъ оцѣнки этихъ слуховъ.

Написанная императрицею Екатериною Выпись о преподобномъ Сергіи могла бы, конечно, найти себѣ мѣсто въ полномъ собраніи сочиненій императрицы, если мы дождемся такого изданія, но значенія это произведеніе не имѣетъ и не прибавляетъ ничего къ литературной ея извѣстности. Равнымъ образомъ, не содержитъ оно ничего, что бы могло увеличить наши свѣдѣнія о житіи чтимаго русскими людьми преподобнаго Сергія.

Сличеніе исторической Выписи Екатерины съ Повѣстью о преподобномъ Сергіи, помѣщенной въ Никоновой лѣтописи, было бы полезно для исправленія изданнаго г. Бартевевымъ текста. Въ доказательство этого укажемъ одинъ лишь отрывокъ:

По изданію г. Бартевева, стр. 17.

«Въ 1378 году преосвященному Алексію митрополиту въ старости (сущу) и изнемогшу, призвалъ къ себѣ преподобнаго Сергія, бесѣдовалъ съ нимъ, желая его по себѣ быти на митрополичѣ столѣ всеа Русіи. И взявъ крестъ съ парамантомъ, украшенъ златомъ и бисеромъ и каменіемъ многоцѣннымъ, благослови преподобнаго игумена Сергія. Онъ-же рече: Прости ми, великій святителю Божій. Нѣсть се моя мѣры. И с му (?) много бывшу, отпусти его митрополитъ».

По Никоновой лѣтописи IV, 233.

«По семъ же преосвященному Алексію митрополиту въ старость пришедшу изнемогшу и призва къ себѣ преподобнаго Сергія, бесѣдоваше съ нимъ, желая его по себѣ быти на митрополиче столе всеа Русіи. И взявъ крестъ съ порамандомъ, украшенъ златомъ и бисеремъ, и каменіемъ многоценнымъ, благослови преподобнаго игумена Сергія. Онъ-же речѣ: прости мя великии святителю Божию, нѣсть се моя мѣры: отъ юности нѣсмь златоносице, нынежѣ на старость нищетиѣе хошу пребывати, и сему много бывшу тоже отпусти его митрополитъ».

„Осылъные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ“.

Замѣтки къ изслѣдованію о нихъ М. А. Колчина, см. „Русская Старина“, изд. 1887 и 1888 гг.

I.

На стр. 608—609 и 612 вышеозначенной весьма любопытной и важной въ историческомъ отношеніи статьи (кн. 12 «Русск. Ст.» 1887 г.) разсказывается о ссылкѣ въ 1781 г. въ Соловецкій монастырь «особеннаго колодника, который именовался бывшимъ Пушкинымъ». При этомъ авторъ замѣчаетъ: «Кто онъ былъ — изъ дѣла не видно, извѣстно только, что онъ привезенъ былъ изъ Пустозерска». Тайна этого дѣла настолько соблюдалась, что въ предписаніи вологодскаго и ярославскаго генераль-губернатора Мельгунова, о приготовленіи для заключеннаго соотвѣтственнаго помѣщенія, выражено только о переводѣ одного секретнаго колодника изъ того мѣста, гдѣ онъ нынѣ содержится».

По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ изъ братьевъ Пушкиныхъ (Сергѣй), осужденныхъ по дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ въ 1772 г. Въ началѣ означеннаго года императрица Екатерина II узнала о подозрительной перепискѣ, происходившей между членомъ мануфактуръ-коллегіи коллеж. совѣтн. Михаиломъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ ¹⁾ и его братомъ капитаномъ Сергѣемъ Ал.

¹⁾ По указанію М. Н. Лонгинова — это отецъ извѣстнаго впоследствии остряка и стихотворца Ал. Мих. Пушкина, умершій въ ссылкѣ въ Сибири (XVIII в., изд. Бартенева, III, 348). За нимъ послѣдовала и молодая супруга его Наталья Абрамовна, рожд. княжна Волконская (1746—1819 гг.; см. XVIII вѣкъ, кн. I, 74 и 82). Объ А. М. Пушкинѣ см. „Русскій Архивъ“ 1873 г., стр. 2150—52. В. И.

Пушкинымъ, уѣхавшимъ въ Голландію съ цѣлью приготовленія штемпеля и бумаги для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій. Послѣ этого сдѣлано было распоряженіе о просмотрѣ ихъ переписки и задержаніи возвращавшагося изъ-заграницы Сергѣя Пушкина. Послѣдній былъ арестованъ, а въ Ригѣ, дѣйствительно, найдены при немъ ассигнаціонные штемпеля и литеры.

Такъ какъ это дѣло было еще новостью тогда въ Россіи, то императрица принимала весьма близкое участіе въ его раскрытіи (подробности объ этомъ см. въ «Сборн. Русск. Историч. Общ.», т. XIII, 219—229; XVIII вѣкъ, изд. г. Бартевымъ, т. I, 69—79, 390—395). Указомъ же 25-го окт. 1772 г. (Полн. Собр. Зак., т. XIX, № 13,890)¹⁾ приговоренные сенатомъ къ смертной казни Сергѣй и Михайлъ Пушкины, по рѣшенію императрицы, были осуждены—первый на вѣчное заключеніе, а второй на жительство въ дальнія сибирскія мѣста (оба съ лишеніемъ чиновъ и дворянства). Прикосновенный къ дѣлу Федоръ Сукинъ, по лишеніи чиновъ, отправленъ былъ въ ссылку въ Оренбургскую губ. (см. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XIII, 229).

По фамильнымъ преданіямъ извѣстно, что Михайлъ Пушкинъ окончилъ жизнь въ Tobольскѣ, а Сергѣй въ Соловецкомъ монастырѣ (XVIII вѣкъ, кн. I, 74).

Въ изслѣдованіи М. А. Колчина есть нѣкоторое противорѣчіе: на стр. 609 авторъ говоритъ, что въ началѣ 1785 г. «бывшій Пушкинъ былъ куда-то увезенъ изъ Соловокъ», а на стр. 611—612 сообщаетъ вѣдомость о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ отъ іюня по октябрь 1786 г., въ числѣ которыхъ значится и «бывшій Пушкинъ» съ 18-го іюня 1781 года.

Перемѣщеніе Пушкина въ Соловецкій монастырь состоялось по высоч. повелѣнію, причемъ онъ былъ аттестованъ какъ человѣкъ «хитрый и дерзкій», а потому и помѣщенъ былъ «въ особливомъ покоѣ за особымъ карауломъ», чтобы «какъ онъ никого, такъ и его никто-бъ видѣть не могли» —это указываетъ намъ на какое-то ближайшее обстоятельство, послужившее предлогомъ къ отягощенію участи виновнаго. Данныя по этому предмету, вѣроятно, находятся въ архивѣ ярославскаго и вологодскаго намѣстничества и въ дѣлахъ архангельскаго оберъ-коменданта, съ которымъ переписывался Мельгуновъ объ отправкѣ Пушкина въ Соловки. Здѣсь, какъ видно изъ

¹⁾ О представленіи совѣту инструментовъ для дѣланія подложныхъ ассигнацій (Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. II, 314).

отзыва архимандрита, онъ велъ жизнь смирную и никакихъ продерзостей не дѣлалъ ¹⁾.

Наша догадка о ссыльномъ Пушкинѣ вполне подтверждается тѣмъ же указомъ (№ 13,890), въ которомъ обоихъ осужденныхъ повѣлѣно было впредь именовать «бывшими Пушкиными» и въ послѣдующихъ актахъ это соблюдается (№ 13,969). Необходимо замѣтить, что еще до настоящаго дѣла Сергѣй Пушкинъ былъ исключенъ изъ службы и уличенъ въ какихъ-то безчестныхъ поступкахъ (№ 13,890).

По дѣлу Пушкиныхъ о приготовленіи инструментовъ для дѣланія ассигнацій былъ причастенъ и французъ Баро, котораго Екатерина называетъ «начинщикомъ» (XVIII вѣкъ, I, 73). По этому съ голландскимъ правительствомъ велась дипломатическая переписка о выдачѣ виновнаго. Такъ, 7-го мая 1772 г. въ совѣтѣ докладывалось «о трудности вывезти сюда приличившагося по дѣлу Пушкина французъ», 14-го мая—«объ арестѣ» его, а 17-го «о соглашеніи амстердамскаго магистрата на выдачу извѣстнаго арестованнаго тамъ французъ» (Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. I, стр. 171—175).

Вниманіе Екатерины тѣмъ болѣе было возбуждено къ этому дѣлу, что всего за нѣсколько мѣсяцевъ до того времени (въ іюнѣ 1771 г.) въ особой комиссіи разсматривалось другое дѣло—о поддѣлкѣ ассигнацій 25-рублеваго достоинства на 75-рублевныя, вслѣдствіе чего послѣднія были изъяты изъ употребленія и уничтожены (Сборн. Рус. Истор. Общ., т. XIII, 116—117; Полн. Собр. Зап., т. XIX, №№ 13,629, 13,671, 13,945, 14,099).

II.

Въ томъ же изслѣдованіи М. А. Колчина находимъ заключеніе къ знаменитому дѣлу Жуковыхъ, начавшемуся при Елисаветѣ Петровнѣ (1754 г.) и оконченному въ царствованіе Екатерины II (1766 г.). Дѣло это («убійство матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенск. полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевною по отцѣ Полтевыхъ и сообщниками ихъ—столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное», какъ

¹⁾ О Мельгуновѣ см. статьи Л. Н. Трефолева и Ф. Фортунатова (Рус. Арх. 1865 г., стр. 873—952; XVIII вѣкъ, I, 351—366; Русскій Арх. 1879 г., III, стр. 88—135). В. И.

выражено о немъ въ манифестѣ Екатерины II, напеч. въ Полн. Собр. Зак.) было въ 1860 г. со всѣми подробностями рассказано на страницахъ «Русскаго Вѣстника» (т. XXX, 462—501) К. II. Побѣдоносцевымъ, а затѣмъ перепечатано въ сборникѣ сочиненій автора: «Историческія изслѣдованія и статьи», Спб. 1876 г. (стр. 262—324).

Какъ извѣстно, главные преступники, т. е. Жуковы, были подвергнуты торжественному церковному покаянію, а затѣмъ Алексѣй Жуковъ сосланъ въ Соловецкій монастырь и жена его Варвара въ Далматскій монастырь тобольской епархіи, гдѣ имъ повелѣно было, по правиламъ свят. отецъ о убійцахъ, 20 лѣтъ, включая и время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, ходить на всякое церковное пѣніе и становиться не въ церкви, но въ трапезѣ, и всякій постъ исповѣдываться, только не причащаться, кромѣ смертнаго случая. Настоятели же тѣхъ монастырей должны употреблять ихъ въ сносные, по силѣ каждого, монастырскіе труды и т. д.

«Таковъ былъ конецъ исторіи Жуковыхъ. О дальнѣйшей судьбѣ преступниковъ нѣтъ болѣе свѣдѣній», замѣчаетъ авторъ означеннаго разсказа (Историч. изслѣд., стр. 324).

На основаніи архивныхъ дѣлъ Соловецкаго монастыря досказывается печальная исторія одного изъ нихъ.

Оказывается, что Жуковъ, будучи помѣщикомъ, взялъ съ собою друхъ слугъ, но, не нуждаясь въ ихъ услугахъ въ казематѣ, онъ посылалъ ихъ сначала на заработки въ Архангельскъ, но когда ему запретили это дѣлать, то продалъ ихъ по 10 рублей заштуку.

Въ числѣ секретныхъ дѣлъ Соловецкаго монастыря находится «дѣло о важномъ блеваніи смертоубійцы колодника Жукова», заключающееся въ порицаніи въ церкви самой императрицы, по которому онъ снова подвергся допросамъ и отправленъ въ Архангельскъ, но Екатерина повелѣла дѣло прекратить, и Жукова возвратить въ Соловки, но заключить его такъ, чтобы про него никто ничего не зналъ. Спустя два года «Жуковъ своею волею удавился» («Русск. Стар.» № 12, стр. 609—611).

М. А. Колчинъ не обозначилъ времени этого происшествія, но по излагаемому имъ порядку дѣлъ оно должно приходиться на промежутокъ съ 1781—1786 гг.

В. С. Ивонниковъ.

Опечатки: въ декабрьской книгѣ „Русск. Ст.“ изд. 1887 г., въ статьѣ М. А. Колчина „Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ“, на стр. 611, 6 строкъ сверху, напечатано: 1787 г., слѣд. читать: 1784 г.; на стр. 116, стр. ка 11 сверху, напечатано: 1824 г., читай: 1829 г.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ 1834—1845 гг.

Предлагаемый здѣсь, вмѣстѣ съ слѣдующими дагѣ двумя, не бывшими въ печати, письмами Н. В. Гоголя, набросокъ „Встрѣча Гоголемъ наступавшаго 1834 года“ вполнѣ выражаетъ то настроеніе, въ какомъ находился тогда нашъ великій поэтъ.

Это былъ моментъ многозначительный въ его жизни, важность котораго онъ болѣе ощущалъ, нежели сознавалъ. Это—моментъ перваго сильнаго подъема его духа и его творческой силы, направленной въ иную сторону, когда Гоголь принялся за созданіе своего „Ревизора“, когда успѣхъ его рассказовъ и повѣстей и общеніе съ А. С. Пушкинымъ, пробудили въ немъ увѣренность въ свои творческія силы, и когда поэтомъ овладѣло неудержимое стремленіе бѣжать изъ шумнаго Петербурга:

На берега пустынныхъ волянь
Въ широкошумныя дубравы,

или, по крайней мѣрѣ, какъ мечталъ онъ тогда, въ тихій, благодатный, родной Киевъ, гдѣ думалъ онъ занять въ университетѣ каеедру русской исторіи, и горячо принялся было уже за изученіе исторіи Малороссіи.

Этотъ моментъ въ жизни Гоголя вообще мало изслѣдованъ его біографами; поэтому предлагаемая его статья „1834“ должна имѣть не малое значеніе въ его біографіи.

Она, какъ и предлагаемыя письма, печатаются нами со списка, сдѣланнаго собственноручно такимъ опытнымъ и тщательнымъ издателемъ историческихъ актовъ, каковъ былъ нашъ первый ученый славистъ, пріятель Гоголя, покойный профессоръ Ос. М. Бодянский. Этотъ почтенный ученый и великій труженикъ съ замѣчательною тщательностью собиралъ въ свое время и лично переписывалъ все гоголевское, что могъ онъ добыть черезъ посредство Шевырева, Погодина, Аскаковыхъ и другихъ.

Послѣ небывалаго въ лѣтописяхъ новой исторіи разгрома въ мирное время единственной въ мірѣ славянской бібліотеки Бодянскаго, кропотливо въ теченіе всей ученой дѣятельности покойнаго собиравшейся имъ на

средства, добываемыя тяжелымъ ученымъ трудомъ⁴⁾, пишушему эти строки удалось приобрести отъ вдовы Бодянского часть его бумагъ, случайно сохраненныхъ ею, какъ такія, которыми, по ея словамъ, покойный особенно дорожилъ, ибо держалъ ихъ по близости своей конторки. Въ этихъ, разрозненныхъ во время разгрома кипахъ бумагъ (принесенныхъ мною впоследствии въ даръ университету Св. Владиміра), мною найдено большое собраніе писемъ и произведеній Гоголя, съ большимъ знаніемъ дѣла собственноручно скопированныхъ нашимъ знаменитымъ воспитателемъ въ Россіи славянскаго самосознанія, но, къ сожалѣнію, собраніе, несомнѣнно разрозненное во время разгрома. Подобно тому мною найдена была здѣсь и часть дневника Бодянскаго...

Не могу не вспомнить покойнаго А. А. Котляревскаго, который также, какъ и я, если-бы зналъ, что московскій университетъ отказывается отъ приобретения библіотеки Бодянскаго, конечно, не пощадилъ бы не только 12-ти, но и 15-ти тысячъ, и приобрѣлъ бы цѣлкомъ это рѣдкое сокровище.

А. А. Гатцузь.

⁴⁾ Этотъ разгромъ библіотеки О. М. Бодянскаго совершился, благодаря, съ одной стороны, вражды къ покойному ученому М. Н. Каткова, въ особенности за напечатаніе въ «Чт. Ист. и Др.» известной «Трилогіи на трилогію», съ другой-же, благодаря недостаточной заботливости и настойчивости представителей словесныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ. По словамъ вдовы Бодянскаго, ей было отказано въ ассигновкѣ 12,000 р. на приобретение библіотеки для какого нибудь университета. Московскій университетъ предлагалъ за библіотеку изъ экономическихъ суммъ всего 7,000 руб. Полуграмотная вдова покойнаго, находя невозможнымъ платить за квартиру для помѣщенія библіотеки и не встрѣчая нравственной поддержки со стороны ученыхъ, продала, наконецъ, библіотеку за 3,000 р. букинистамъ толкачаго рынка. По словамъ послѣднихъ, отъ розничной распродажи этой библіотеки они выручили болѣе 20,000 рублей.

Слѣдуетъ замѣтить, что при продажѣ библіотеки букинистамъ въ ней почти не было уже древнихъ рукописей и документовъ: они куда-то исчезли; между прочимъ, тамъ погибла и сданныя мною Бодянскому для печатанья рукописи, изъ которыхъ особенно дороги для меня подлинныя вопросныя пункты Полуботку въ Петропавловской крѣпости, съ собственноручными отвѣтами несчастнаго гетмана. У кого они найдутся—прошу возвратить ихъ мнѣ. А. Г.

I.

1834 г.

Великая торжественная минута. Боже, какъ слились и столпились около нея волны различныхъ чувствъ! Нѣтъ, это не мечта! Это та роковая, неотразимая грань между воспоминаніемъ и надеждою. Уже нѣтъ воспоминанія, уже оно несется, уже пересиливаетъ его надежда. У ногъ моихъ шумитъ мое прошедшее, надо мною, сѣвось туманъ, свѣтлѣетъ неразгаданное будущее.

Молю тебя, жизнь души моей, хранитель ангелъ мой, геній, о, не скрывайся отъ меня! Пободруствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ!

Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, какими великими для меня подвигами, или... О, будь блистательно, будь дѣятельно, всегда предано труду и спокойствію!

Что-же ты такъ таинственно стоишь передо мною, 1834 годъ? Будь и ты моимъ ангеломъ! Если лѣнь и безчувственность, хотя на время, осмѣлятся коснуться меня, о, разбуди меня тогда, не дай имъ овладѣть мною, пусть твои многоговорящія цифры, какъ неумолкающіе часы, какъ Завѣтъ, стоятъ передо мною; чтобы каждая цифра твоя громче набата разила мой слухъ, чтобы она, какъ гальваническій пруть, производила судорожное потрясеніе во всемъ моемъ составѣ.

Таинственный, неизъяснимый 1834 годъ! Гдѣ я означу тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и низкой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ древнемъ обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, окаймленномъ моимъ южнымъ прекраснымъ чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ горы обсыпаны кустарниками съ своими гармоническими обрывами, и подмывающій его, мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ? Тамъ ли? ¹⁾.

О, я не знаю, какъ назвать тебя, мой геній! Ты, отъ колнбелы еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ

¹⁾ Гоголь въ то время мечталъ перебраться въ Кіевъ, въ университетъ, профессоромъ, и работалъ по исторіи Малороссіи. См. письма къ Максимовичу. А. Г.

ушей, такіа чудныя, необъяснимыя донныѣ во мнѣ думы, такіа необъятныя и упоительныя, лелѣяль во мнѣ мечты. О, взгляни, прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи! Я на колѣняхъ, я у ногъ твоихъ. О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой. Я совершу, совершу! Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество. Я совершу. О, поцѣлуй и благослови меня! Н. Гоголь.

II.

Письмо Н. В. Гоголя къ графу С. С. Уварову,

министру народнаго просвѣщенія.

Письмо это безъ даты, какъ и многія другія письма Гоголя. Должно полагать, что писано оно около 1842 г., такъ какъ отвѣтъ Гоголя Плетневу на сообщеніе о передачѣ рукописи цензору Нивитенкѣ относится къ 17-му февраля этого 1842 г. („Соч. и письма Н. В. Гоголя“, т. V, стр. 481). Въ извлеченіи и безъ имени адресата (гр. С. С. Уварова) оно было напечатано въ „Опытѣ біографіи Гоголя“, Николая М. (П. А. Кулиша); нмѣ воспроизводится по собственноручному списку покойнаго профессора О. М. Бодянского, который тщательно собиралъ и собственноручно переписывалъ все относившееся къ Гоголю, равно какъ и письма его, и появившіяся въ рукописяхъ его произведенія.

Другое письмо къ гр. С. С. Уварову, напечатанное въ „Сѣверной Почтѣ“ 1865 г. № 277, вмѣстѣ съ докладомъ гр. Уварова государю и письмомъ министра къ Гоголю, и перепечатанное въ томѣ VI „Соч. и письма Н. В. Гоголя“ (1867 г.), относится къ апрѣлю 1845 г. Оно писано въ отвѣтъ на официальное письмо министра Уварова и заключаетъ въ себѣ выраженіе горячей признательности государю за жалованіе годичнаго (на 3 года) содержанія Гоголю по 1000 руб.—Изъ доклада гр. Уварова государю видно, что ходатайствовала о вспоможеніи Гоголю жена гофмейстера Смирнова, подавшая докладную записку государю черезъ посредство вел. княгини Маріи Николаевны. Министръ Уваровъ опредѣлилъ только сумму вспоможенія и сообщилъ Гоголю о царской милости. Самое же дѣло о вспоможеніи начато было заботами Плетнева, послѣ того какъ въ 1843 г., въ письмѣ изъ Дюссельдорфа, Гоголь писалъ ему: „въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспоможеніе. Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь...“ („Опытъ біографіи Г.“ стр. 62). Благодаря заботамъ Плетнева и извѣстности Гоголя послѣ изданія „Мертвыхъ Душъ“, Уваровъ не только исходатайствовалъ ему вспоможеніе, но и сталъ писать ему.

А. Г.

Милостивый государь Сергій Семеновичъ! Не получая дозволенія цензуры на печатанье моего сочиненія, я прибѣгаю къ вашему покровительству.

Все мое имущество и состояніе заключено въ трудѣ моемъ. Для

него я пожертвовалъ всёмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенныя соотечественники преклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякой русской принести своей отчизнѣ. Я думалъ, что получу скорѣе ободреніе и помощь отъ правительства, доселѣ благородно ободрявшаго всѣ благородныя порывы, и что же?..

Вотъ уже пять мѣсяцевъ меня томятъ мистификаціи цензуры, то манищей позволеніемъ, то грозящей запрещеніемъ, и, наконецъ, я уже самъ не могу понять, въ чемъ дѣло, и чѣмъ моя рукопись могла навлечь неблаговоленіе, и въ чемъ могутъ состоять обвиненія, въ силу котораго она задерживается. И между тѣмъ, никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что, такимъ образомъ, я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ своемъ покровительствѣ? Подумайте: я не предпринимаю дерзости просить вспомошествованія и милости, я прошу правосудія, а своего прошу: у меня отнимаютъ мой единственный, мой послѣдній кусокъ хлѣба. Почему знать, можетъ быть, не смотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасныя подвиги для наукъ, скажетъ въ то-же время, что вы были равнодушны къ созданіямъ русскаго слова и не тронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями, писателя, не могшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ. Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны. У русскаго вельможи должна быть русская душа. Вы дадите мнѣ рѣшительный отвѣтъ вашъ на сіе письмо, излившееся прямо изъ глубины моего сердца.

Съ чувствомъ совершеннаго почтенія и таковой-же преданности имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга, Николай Гоголь.

Примѣчаніе. Къ этому письму Гоголя въ свискѣ О. М. Бодянскаго присовокуплена слѣдующая замѣтка, писанная, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Гоголя; но кѣмъ? не самимъ ли О. М. Бодянскимъ?

„Какъ понималъ человѣкъ, къ которому послано было это умоляющее письмо, себя, поэта и потомство, о которомъ тотъ грозно ему напоминаетъ,

видно уже изъ одного того, что самъ онъ не нашелъ времени отвѣчать ему, или не нашелъ причиннымъ входить въ непосредственную переписку съ такимъ человѣкомъ, какъ Гоголь, а передалъ письмо, полученное имъ, Плетневу, и поручилъ ему отвѣчать Гоголю, что рукопись его отлана для цензуры Никитевнѣ. На это-то, видно, увѣдомленіе Гоголь отвѣчалъ Плетневу письмомъ отъ 17-го февраля.

А. Г.

III.

Письмо Н. В. Гоголя къ П. Н. Демидову.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ! Мое сожалѣніе на мои неудачи васъ видѣть такъ велико, что я рѣшилъ писать къ вамъ. Нѣтъ, во что бы то ни стало, но я долженъ васъ видѣть. Впечатлѣніе, оставленное вами въ моемъ сердцѣ, слишкомъ приятно и сильно, чтобъ отъ этого отказаться. Это не условіе, не приличіе, нѣтъ, это потребность внутренняя, въ которой я самъ не могу дать себѣ отчета, которая понуждаетъ меня видѣть и слышать васъ еще одинъ разъ. Вы сами въ этомъ виноваты: зачѣмъ вы стали выше вашихъ соотечественниковъ, прочихъ аристократовъ? Зачѣмъ вы мыслите болѣе и дальновиднѣе устремляете взглядъ на предметы, чѣмъ многіе другіе? Вы должны теперь бояться двойной осады: со стороны людей, которые влекутся къ вамъ вашими отношеніями, вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ, вашею щедростью и богатствомъ, и, наконецъ, со стороны людей, которые гоняются по всему свѣту за умомъ и чувствами, такъ рѣдкими на этомъ свѣтѣ.

Я терпѣлъ въ жизни строгую нужду, не былъ богатъ и не имѣлъ никакихъ связей, но умѣлъ гордо презирать одно и не искать другаго.

Не зная еще вашихъ достоинствъ личныхъ, я васъ почиталъ по имени, которое слилось съ народностію и Россією и осталось съ ними нераздѣльнымъ съ вашимъ подвигомъ для просвѣщенія; но никогда бы я не приблизился къ вамъ. Ваше богатство стояло передо мною рубежемъ, какъ вдругъ вапъ раздавшійся голосъ и ваше полное великодушія предстательство о мнѣ, вамъ неизвѣстномъ, вниманіе къ малой крупицѣ моего таланта, все это меня тронуло сильно. Это уже вамъ извѣстно. Это было однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній, какія только вывезъ съ собою изъ Россіи. Но, признаюсь, я убѣгалъ старательно встрѣчи съ вами. Мнѣ не хотѣлось, чтобы вы переимѣнили обо мнѣ ваше доброе мнѣніе. Мы обыкновенно воображаемъ видѣть писателя чѣмъ-то болѣе обыкновеннаго человѣка, стало быть, чѣмъ-то болѣе, чѣмъ онъ есть, и увидѣвши пошлую, даже слишкомъ обыкновенную его фигуру, мы никакъ не можемъ соединить съ ней то лицо, которое намъ представлялось въ мысляхъ. Вотъ почему

мнѣ не хотѣлось, чтобы вы меня когда либо увидали, хотя очень хотѣлъ васъ увидѣть. Но теперь, когда мнѣ удалось услышать лично изъ устъ вашихъ просвѣщенный образъ вашихъ сужденій и глубокое знаніе Россіи, рѣдкое въ государственномъ человѣкѣ, и вашъ твердый, вѣрный взглядъ на вещи и ваши мнѣнія, когда все это удалось, говорю, услышать, неужели я буду такъ глупъ, что не постараюсь ими воспользоваться? Нѣтъ, вы для меня кладъ,—я теперь привязанъ къ вамъ собственнымъ своимъ интересомъ. Я васъ увижу; этого мало: я, по старой авторской наглости, поймаю пальцемъ петлю вашего кафтана и заставлю васъ выслушать четыре, пять огромныхъ листовъ и добьюсь вашего сужденія, которое для меня дорого, и это неизбѣжно, какъ судьба. Вамъ только остается заранѣе и добровольно согласиться и назначить часъ, когда я, не помѣшавъ вамъ въ занятіяхъ, могу имѣть это счастье.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и вѣчною признательною преданностію, вашъ покорнѣйшій слуга, Н. Гоголь.

Примѣчаніе. Объ этомъ, повидимому, Демидовъ, подъ литерами GG, Гоголь неблагоклонно отзывается, какъ въ письмѣ къ А. С. Данилевскому (V т., стр. 430, „Соч. и письма Гоголя“, Кулишъ), когда онъ еще не видѣлся съ Демидовымъ, такъ и послѣ свиданія: „Видѣлся, наконецъ, съ Демидовымъ; но лучше бы не дѣлалъ этого. Чудакъ страшный!..“ (ibid., стр. 370).

Гоголь былъ натура слишкомъ впечатлительная и подвижная, чтобы можно было ставить ему въ упрекъ нерѣдко встрѣчающіяся въ его письмахъ противорѣчія въ мнѣніяхъ о людяхъ; тѣмъ болѣе невозможно заподозрѣвать его въ лести и искательства относительно Демидова или кого другаго.

Сообщ. А. А. Гатцукъ.

IV.

Изъ біографіи Н. В. Гоголя.

Въ декабрьской книгѣ 1887 года уважаемаго журнала „Русской Старинѣ“ помѣщена статья Н. А. Бѣлозерской: „Н. В. Гоголь и его служба въ Патріотическомъ институтѣ“. Въ концѣ этой статьи авторъ задается двумя вопросами:

- 1) На чей счетъ воспитывались сестры Н. В. Гоголя?
- 2) Какъ велико было лично принадлежавшее ему имущество и имущество его матери?

Первый вопросъ г-жа Бѣлозерская считаетъ рѣшеннымъ окончательно и говоритъ:

„Такимъ образомъ очевидно, что сестры Н. В. Гоголя только первый годъ своего пребыванія въ Патріотическомъ институтѣ воспитывались на счетъ брата, а все остальное время на счетъ государини“.

Если принимать въ расчетъ только обыкновенную плату за помѣщеніе въ институтѣ, то г-жа Бѣлозерская права; но имѣя въ виду, что сестры Ник. Васильевича брали уроки музыки, за которые плата производилась отдѣльно и шла изъ кошелька Н. В., затѣмъ, что всегда и вездѣ являются разныя

нужды, которыя могутъ быть удовлетворены только за свой счетъ, и что, наконецъ, выпускъ сестеръ цѣликомъ легъ на Н. В., какъ и дальнѣйшая ихъ жизнь въ Москвѣ,—я думаю правильнѣе будетъ придти къ заключенію, что сестры Н. В. первый годъ воспитывались исключительно на его счетъ, а затѣмъ на половину.

Второй вопросъ я не считалъ-бы нужнымъ разъяснять, если-бы г-жа Блюзерская не придавала ему известной важности; лично мы (родные Н. В. Гоголя) такъ мало придавали ему значенія, что я, напримѣръ, въ письмѣ своемъ, по поводу статьи: „М. И. Гоголь“, поставилъ цифру количества земли—приблизительно, а А. В. Гоголь въ письмѣ своемъ къ Г. П. Данилевскому, сдѣлавъ ошибку въ цифрѣ, не сочла нужнымъ исправить ее. Если-же этотъ вопросъ имѣетъ значеніе, то я могу дать на него самыя точныя свѣдѣнія, такъ какъ у меня въ рукахъ находятся планы:

въ с. Васильевкѣ числилось . . .	970	десят.	съ	саж
въ урочищѣ Стѣпка гдѣсь . . .	51	"	"	"
и при с. Ярески хуторъ въ . . .	70	"	"	"

Итого всего земли болѣе . . . 1091 десятина.

Все это принадлежало М. И. Гоголю съ дочерью, такъ какъ Николай Васильевичъ совершенно отказался отъ своей части въ пользу матери. Такимъ образомъ и этотъ вопросъ можно считать окончательно выясненнымъ, такъ какъ оправдательные документы находятся у меня въ рукахъ.

Теперь мнѣ хотѣлось-бы еще разъяснить одно недоразумѣніе, часто попадающееся въ печати, когда говорятъ о Н. В. Гоголѣ, и которое повторяетъ г-жа Блюзерская въ концѣ своей статьи, именно:

„Какимъ образомъ Н. В. Гоголь и его мать рѣшались прибѣгать къ благотѣвляніямъ Д. П. и А. А. Трошчинскихъ и эти въ свою очередь считали нужнымъ помогать имъ?“

Прежде всего долженъ сказать, что всѣ, которые, выясняя отношенія семьи Гоголей къ семьѣ Трошчинскихъ, дѣлаютъ Трошчинскихъ какими-то благотѣтелями и покровителями — сильно ошибаются, хотя въ эту ошибку ихъ вводятъ отчасти сами Николай Васильевичъ и М. И. Гоголь, которые, изъ чувства благодарности и пожалуй самоуниженія, часто самое пустое одолженіе возводили на степень благотѣвлянія и слишкомъ щедро раздавали титулъ благотѣтеля, въ особенности-же по отношенію къ семьѣ Трошчинскихъ. Между тѣмъ эти отношенія носили чисто родственныя характеръ и притомъ добраго стараго времени; Трошчинскій иначе не называлъ М. И. Гоголь какъ „сестрица“ и былъ всегда въ высшей степени внимателенъ и родствененъ. Такъ какъ называемыя благотѣвлянія состояли въ томъ, что иногда Трошчинскіе ссужали деньгами Николая Васильевича, который не имѣлъ, какъ мы видимъ, никакого состоянія, и М. И. Гоголь, хотя и имѣвшую состояніе, но благодаря неумѣнью вести свои дѣла, нуждавшуюся часто въ деньгахъ, — эти займы всегда акуратно возвращались. Кромѣ того подобныя одолженія дѣлались и со стороны семьи Гоголей—Трошчинскимъ и даже въ концѣ концовъ семья Трошчинскихъ осталась должна нашей семьѣ около 40 тысячъ рублей. Что существовали именно такія отношенія между этими двумя семьями—это могутъ подтвердить и лица, находящіяся еще въ живыхъ, и сама семья Трошчинскихъ въ лицѣ ея теперешняго представителя.

Н. В. Выжовъ

20-го января 1888 г.

Александръ Ивановичъ Герценъ

гражданская его служба

въ 1820—1841 гг.

Въ архивѣ новгородскаго губернскаго правленія хранится дѣло 1841 года, по указу правительствующаго сената, о бытіи служащему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коллежскому ассесору Александрѣ Герцену совѣтникомъ въ семь правленій.

Въ этомъ дѣлѣ имѣется копія съ формулярнаго списка о его службѣ, доставленная губернатору (Е. А. Зурову) изъ департамента полиціи исполнительной вслѣдъ за назначеніемъ Герцена совѣтникомъ. Копія подписана тогдашнимъ директоромъ департамента Оржевскимъ.

Изъ формуляра Герцена видно, что онъ былъ зачисленъ на гражданскую службу съ малолѣтства, для приобрѣтенія правъ, которыхъ не могъ имѣть по рожденію.

Въ графѣ о его происхожденіи значится: «воспитанникъ гвардіи капитана Яковлева».

При составленіи послужнаго списка Герценъ показанъ 31 года, т. е. родившимся въ 1810 году, а 10-го декабря 1820 года онъ вступилъ уже въ службу въ вѣдомство экспедиціи Кремлевскаго строенія съ чиномъ канцеляриста.

Затѣмъ черезъ каждые три года онъ послѣдовательно награждается по указамъ сената, т. е. за выслугу лѣтъ, чинами коллежскаго регистратора, губернскаго секретаря и коллежскаго секретаря.

12-го октября 1831 года, при преобразованіи экспедиціи въ московскую дворцовую контору, Герценъ остался за реформою и изъ вѣдомства конторы уволенъ.

Черезъ годъ онъ снова опредѣленъ на службу въ ту-же контору. Состоя на службѣ и получая чины, Герценъ, съ дозволенія начальства, былъ допущенъ къ слушанію въ московскомъ университетѣ профессорскихъ лекцій. Окончивъ курсъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, онъ удостоенъ степени кандидата и за лучшее на заданный предметъ сочиненіе и за отличное поведеніе награжденъ серебряною медалью (5-го іюня 1833 года).

Въ 1834 году Герценъ произведенъ въ титулярные совѣтники, а въ 1835 г., по высочайшему повелѣнію, поступилъ на службу въ Пермскую губернію и въ томъ же году переведенъ на службу въ Вятку, гдѣ опредѣленъ въ губернское правленіе переводчикомъ.

Въ Вяткѣ Герценъ прослужилъ два съ половиною года и 30-го ноября 1837 г. переведенъ на службу во Владиміръ въ канцелярію гражданскаго губернатора, при чемъ ему поручено губернаторомъ занятіе редакцію прибавленій къ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Губернскія Вѣдомости начали повсемѣстно выходить съ 1837 года.

16-го марта 1839 г. Герценъ опредѣленъ старшимъ помощникомъ правителя канцеляріи, а 31-го августа того-же года чиновникомъ особыхъ порученій гражданскаго губернатора. 11-го января 1840 г. утвержденъ въ званіи члена владимірскаго тюремнаго комитета, съ возложеніемъ на него должности секретаря.

Это было, повидимому, время самой дѣятельной службы Герцена. Въ февралѣ 1840 г. онъ, согласно прошенія, перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ прикомандированіемъ для занятій къ канцеляріи министерства (впослѣдствіи департаментъ общихъ дѣлъ). При этомъ случаѣ владимірскій губернаторъ въ данномъ Герцену аттестатѣ изъяснилъ, что въ теченіи двухлѣтнаго служенія во Владимірской губерніи, исполняя обязанности службы съ отличнымъ стараніемъ, при хорошемъ образованіи своемъ, онъ былъ вполнѣ полезенъ для службы и отличался всегда похвальными правилами нравственности.

Прослуживъ годъ въ министерствѣ и получивъ, по выслугѣ, чинъ коллежскаго ассесора, Герценъ былъ назначенъ, въ маѣ 1841 года, совѣтникомъ новгородскаго губернскаго правленія.

Въ послужномъ списокѣ Герцена значится, что онъ женатъ, имѣетъ сына Александра 2-хъ лѣтъ, а въ графахъ, гдѣ отмѣчается недвижимое имѣніе, коимъ владѣетъ самъ служащій, или родители его, или жена, буде женатъ, хотя и проставлено: «не имѣетъ», но ниже этого въ графѣ: «благопріобрѣтенное» рукою новгородскаго чиновника вписано: «у самаго въ Костромской губерніи 229 душъ». Эти души составляютъ, очевидно, позднѣйшее пріобрѣтеніе и внесены въ послужной списокъ не иначе, какъ по показанію самого Герцена. До полученія чина коллежскаго ассесора онъ не могъ владѣть крѣпостными, не будучи потомственнымъ дворяниномъ. Въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ этотъ чинъ сообщалъ дворянство.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній о службѣ Герцена въ дѣлѣ не имѣется.

А. Н. М.

26-го декабря 1887 г.

ПЕТРЪ КОНОРОВИЧЪ МЕНЬКОВЪ

род. 1814 † 1875 г.

Извлекаемъ изъ архива «Русской Старины» нѣсколько документовъ, относящихся къ одному изъ эпизодовъ въ жизни покойнаго редактора «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида», генераль-лейтенанта генеральнаго штаба Петра Кононовича Менькова. Эпизодъ этотъ довольно характеристиченъ, какъ по отношенію къ его личности, далеко не дюжинной, такъ въ особенности по отношенію къ внутренней жизни русскаго общества, въ концѣ 1840-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Напомнимъ главнѣйшія данныя изъ біографіи покойнаго генерала. Родился Меньковъ въ 1814 году; получилъ образованіе въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ артиллерію прапорщикомъ въ 1833 году; въ 1838 году онъ поступилъ въ военную академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1840 г. Съ 1844 по 1848 годъ Меньковъ былъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 10-й пѣхотной дивизіи, въ каковое время имъ, уже въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, составлено «Военно-статистическое обозрѣніе Кіевской губерніи», одно изъ лучшихъ въ этомъ родѣ сочиненій ¹⁾.

Въ мартѣ 1849 года съ нимъ произошелъ тотъ непріятный случай, къ которому относятся ниже напечатанные нами документы. Одно письмо его, отъ 7-го февраля 1848 г., къ нѣкому А. Петрову — подало поводъ къ его арестованію. Капитанъ Меньковъ былъ препровожденъ изъ провинціи въ С.-Петербургъ и подвергнутъ допросу;

¹⁾ Эти и послѣдующія біографическія свѣдѣнія о П. К. Меньковѣ мы извлекаемъ изъ «Русскаго Инвалида» 1875 г., № 249, изъ некролога этого генерала. Указаніемъ и сообщеніемъ некролога — мы обязаны академику Н. О. Дубровину, которому и свидѣтельствуемъ нашу признательность. Ред.

вопросы и отвѣты на нихъ Менькова, а затѣмъ и переписка, этимъ дѣломъ вызванная, сообщены намъ въ 1874 году лично почтеннымъ Петромъ Кононовичемъ, съ которымъ мы съ 1860 года по самый годъ его кончины 1875 г. состояли въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ; документы эти читатели найдутъ ниже.

Арестъ и допросы — кончились для Менькова благополучно. Въ 1849 г. онъ, состоя при главной квартирѣ дѣйствующей арміи, принялъ участіе въ Венгерской кампаніи, получилъ Владимира 4-й степени съ бантомъ и чинъ подполковника. Въ 1850 г. имъ было составлено и тогда же издано, по порученію начальства, описаніе Венгерской кампаніи, описаніе, составленное подъ руководствомъ князя И. Ѳ. Паскевича. Въ войну 1853—1854 гг. мы видимъ Менькова при кн. М. Д. Горчаковѣ на Дунай, а затѣмъ въ его же штабѣ въ Севастополѣ; здѣсь Меньковъ провелъ шесть мѣсяцевъ изъ одиннадцатимѣсячнаго періода геройской самообороны многострадальнаго Севастополя. Петръ Кононовичъ велъ официальный журналъ обороны; при собираніи свѣдѣній для такового труда, подъ непрерывнымъ огнемъ, Меньковъ подвергалъ свою жизнь большимъ опасностямъ. 9-го мая 1855 г., на одномъ изъ бастионовъ Меньковъ былъ контуженъ въ подбородокъ и шею.

Участіе въ геройской оборонѣ Севастополя составило наиболѣе дорогую эру въ жизни Менькова, и онъ возвращался къ ней, въ послѣдующіе годы своей жизни, весьма часто, и какъ писатель — въ бойкихъ, живыхъ разсказахъ и воспоминаніяхъ, появлявшихся въ военныхъ органахъ («Русскій Инвалидъ»), а также въ разныхъ изданіяхъ Н. Ѳ. Дубровина, А. Ѳ. Петрушевскаго и друг., — и на ежегодныхъ обѣдахъ въ С.-Петербургѣ, обѣдахъ участниковъ обороны Севастополя, и при дѣлѣ основанія Севастопольскаго музея. Этому музею, основанному въ 1870—1871 годахъ, Меньковъ завѣщалъ свои обширныя Записки и капиталъ на ихъ изданіе, а также средства къ осуществленію имъ же высказанной въ 1871 году мысли объ основаніи въ Севастополѣ—при историческомъ музеѣ—пріюта для инвалидовъ и школы для дѣтей инвалидовъ, каковой пріютъ въ 1887 году и открытъ.

Въ 1857 г. Меньковъ произведенъ въ генераль-майоры; въ іюнь мѣсяцѣ 1859 г. назначенъ главнымъ редакторомъ «Военнаго Сборника», а въ 1869 г. главнымъ же редакторомъ соединенныхъ военныхъ изданій «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида».

Въ апрѣлѣ 1872 г. генераль-лейтенантъ и кавалеръ Бѣлаго Орла Меньковъ по болѣзни уволенъ отъ должности редактора помянутыхъ изданій; онъ былъ назначенъ членомъ главнаго военно-учебнаго

комитета, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ и членомъ военно-ученаго комитета главнаго штаба.

Заслуги Менькова, какъ редактора военныхъ органовъ, вполне справедливо охарактеризованы бывшимъ военнымъ министромъ, генералъ-адъютантомъ гр. Д. А. Милютинимъ — въ его письмѣ въ 1872 году, къ Петру Кононовичу:

— «Ваше просвѣщенное содѣйствіе, сказано, между прочимъ, въ письмѣ, во многомъ помогло весьма замѣтному развитію военно-научныхъ и военно-образовательныхъ интересовъ въ средѣ нашего военного общества, и тѣмъ самымъ вполне отвѣтило одной изъ существеннѣйшихъ заботъ правительства».

Генералъ-лейтенантъ Меньковъ скончался въ С. Петербургѣ внезапно, отъ паралича сердца, въ 1875 году, на 62 году жизни и 42-мъ году службы. Тѣло его погребено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ С.-Петербургѣ.

Мы знали Петра Кононовича довольно близко. Это былъ человекъ хорошо образованный, — вполне достойный питомецъ Военной, нынѣ Николаевской, академіи генеральнаго штаба, даровавшей много дѣльных, отличныхъ офицеровъ - руководителей русской арміи. Съ ранняго періода своей службы Меньковъ отлично изучилъ недостатки и нужды русскаго войска, и потому всею душою присоединился къ реформамъ, подъятымъ, по указаніямъ Государя-Освободителя, во всѣхъ частяхъ русскаго военного дѣла, подъятымъ и исполненнымъ найдостойнѣйшимъ сподвижникомъ съ 1861 года Александра II, графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинимъ.

Съ полнѣйшею искренностью служилъ Меньковъ дѣлу этихъ реформъ, стоя во главѣ изданій «Военнаго Сборника» и «Русскаго Ивалида», и надо отдать полную ему справедливость — то былъ редакторъ весьма свѣдущій, лично хорошо владѣвшій перомъ, умѣвшій выбирать себѣ дѣльныхъ сотрудниковъ, а также хорошо справляться съ тѣмъ матеріаломъ, который поступалъ въ редактируемыя имъ изданія.

Конечно, могущественная поддержка графа Д. А. Милютина, совѣты и указанія этого государственнаго мужа, почти еженедѣльнымъ гостемъ котораго былъ Меньковъ, много ему помогали и отъ многого его ограждали. За всѣмъ тѣмъ, на долю Петра Кононовича все-таки выпадало и не мало неприятностей: то были извѣты различныхъ самолюбивыхъ военныхъ людей, преимущественно старцевъ, каковъ былъ, наприм., покойный гр. П. Е. Коцебу, — извѣты его на Менькова доходили до самыхъ высшихъ сферъ; то придирки бывшаго

въ то время (въ самомъ началѣ 1860 годовъ) военнаго цензора. А такъ какъ въ прошломъ у П. К. Менькова были тяжелыя воспоминанія, — соединенныя съ арестомъ и допросомъ его въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1849 г., да затѣмъ бывшая съ нимъ большая передрыга, вызванная его бойкою брошюрою 1855 года: «Нѣмцы и Дунай», явившеюся въ печати за границу, кажется, въ 1857 году, — то не мудрено, что Меньковъ переживалъ иногда и въ 1859—1872 гг. тяжелыя минуты, а это, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовало къ развитію въ немъ болѣзни сердца, которая и низвела его въ могилу.

Ред.

I.

П. К. Меньковъ — А. М. Петрову.

7-го февраля 1848 г., с. Юхново.

Здравствуйте, Алексѣй Михайловичъ! Вѣрный моему чувству, я протягиваю вамъ руку и зову на переписку, на передачу не свѣтскихъ новостей, а ученыхъ вѣсточекъ, вѣсточекъ старыхъ и новыхъ, касающихся быта нашей родины.

Въ настоящее время—я загроможденъ матеріалами для труда, о началахъ котораго я говорилъ съ вами—военная исторія Малороссіи суть обильное поле для предметовъ новыхъ, нетроганныхъ, трудъ страшно обширный; но я не трушу передъ нимъ, не отступаю отъ него. Въ бытность дома я набросалъ программу, въ Москвѣ я показывалъ ее Бодянскому, ученый мужъ въ восторгѣ,—онъ благословилъ меня на трудъ тяжелый. Вы поможете мнѣ изъ чѣмъ либо? Исторія казачества, съ ополченія 1812 года и до основанія казачьихъ полковъ въ 1831 году, становится темна—вѣроятно, есть у васъ оффиціальныя бумаги, обвиненія и оправданія Рѣпина. Это можетъ объяснить дѣло; согласно нашимъ предположеніямъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, узнать изъ извѣстнаго источника, откуда почерпнуть факты? — Пишите.

Еще, мой другъ, услуга: мой товарищъ дѣтства, Ѳедоръ Васильевичъ Чижевъ, по подозрѣнію въ дѣлахъ Малороссіи, былъ схваченъ въ Петербургъ—понимается, что онъ какъ истинно умный и благородный человѣкъ, чуждый вздоровъ, былъ оправданъ,—но на него были доносы изъ-за границы—нельзя-ли схватить резюме этихъ доносовъ, въ чѣмъ они заключались и черезъ кого они шли; по его мнѣнію, изъ Австріи. Одолжите—онъ никогда не узнаетъ источника—

что же касается до меня, то моя съ виду болтливая натура нѣма и крѣпка.

Примеся за дѣло. Письмо мое коротко, потому что съ дороги до мѣста не добрался. Пишите. Во мнѣ вы имѣете истиннаго, преданнаго и расположеннаго вамъ человѣка — Меньковъ.

II.

А. М. Петровъ — П. Н. Менькову.

Питеръ. 28 апрѣля (1848 г.).

Что могу сказать я въ оправданіе своего долгаго молчанія, добрый-шій Петръ Кононовичъ,—или ровно ничего, или очень мало; если вы готовы повѣрить тому, что политическія обстоятельства, прежде чѣмъ коснутся васъ, на насъ уже имѣютъ сильное вліяніе и мы похожи теперь на карантинныхъ надсмотрщиковъ въ цвѣтѣ незабудочки, то примите это незначительное обстоятельство къ свѣдѣнію.

Но въ послѣднемъ письмѣ своемъ вы обязали меня словомъ дружбы и ей-то поручаю я оправдать себя въ глазахъ вашихъ.

И исторія, и жизнь людей тружениковъ науки доказываютъ какъ трудно развиваются идеи, но гораздо труднѣе убѣдить другихъ къ содѣйствию въ осуществленіи уже развившейся идеи, потребность которой уже признана, здѣсь опять нужно начинать дѣло едва-ли не сначала. По полученіи послѣдняго письма вашего, много говорилъ я съ Александромъ Васильевичемъ; но онъ мнѣ сказалъ, что вы выбрали дурное время для своего труда, что Бергъ теперь очень занятъ; вообще въ немъ замѣтна какая-то мертвенность, слишкомъ мало энергіи и сочувствія къ труду полезному и истинно высокому, а въ дѣлѣ науки, сами знаете, что мы можемъ сдѣлать, если остальная наша братія не подастъ намъ руки помощи, не поддержитъ, не ободритъ на этомъ скользкомъ пути,—грустно, крѣпко грустно, да что-же дѣлать!

Сидимъ въ тиши своего кабинета, чаще безъ дѣла, чѣмъ съ дѣломъ, согрѣваемъ свою завѣтную мысль однимъ надеждами на будущее; случилось что нибудь узнать, что нибудь открыть новенькое, и радуешься, какъ ребенокъ, и ослабѣвавшія силы слова воскресаютъ, снова начинается борьба, томленіе до другаго свѣтлаго дня.

Почти такъ существую и я теперь, каждый день роюсь въ дѣлахъ, глотаю пыль, беру каждое дѣло съ надеждою, что явится что нибудь новое, откроется какой нибудь забытый фактъ, и часто проходятъ дни и недѣли, а новыя свѣдѣнія не прирастаютъ; съ отъѣзда вашего

я пересмотрѣлъ, перечиталъ 4,000 дѣлъ всѣхъ возможныхъ содержаній, а въ сущности только два заслуживающія вниманія: 1) объ устройствѣ почтъ въ Малороссійскомъ краѣ и 2) письмо графа Рѣпина къ государю о бѣдственномъ положеніи Малороссіи отъ налоговъ; послѣднее надѣлало много шума въ свое время; содержаніе того и другаго я могу сообщать вамъ, если вы это найдете нужнымъ.

Недѣли двѣ тому назадъ я выпросилъ у Александра Васильевича рѣдкую книгу: Путешествіе Олеаруса по Россіи, Татаріи и Персіи въ 1633 г.; ею-то я и занимаюсь въ настоящую минуту; много, очень много занимательнаго въ разсказахъ умнаго путешественника. Касательно Малороссіи я почерпнулъ мало свѣдѣній, одно только, что казаки бушевали въ то время по Волгѣ, и во время путешествія ихъ отъ Нижняго Новгорода до Астрахани они ежедневно трепетали за жизнь свою; впрочемъ, это не новость, а только подтвержденіе стараго, и что слово майданъ, до сихъ поръ употребляемое у насъ, есть чисто персидское. Вотъ та небольшая масса познаній, которую приобрѣлъ я по вашимъ занятіямъ.

Топерь нужно сказать нѣсколько словъ о вашей программѣ и, въ особенности, о пособіяхъ къ труду; противъ перваго мало что придется замѣтить; конечно, это одно только общее понятіе, общая идея, раздробленная на главныя составныя части, но вы нигдѣ не упоминаете о Донѣ; мнѣ кажется, что это также одна изъ основныхъ частей главной мысли, желалъ бы знать ваше мнѣніе объ этомъ; одно меня занимаетъ: вы пишете Исторію военную Малороссіи; я не отчаиваюсь въ томъ, что вы обратите на себя вниманіе людей знающихъ и имѣющихъ средства помогать вамъ; а если это одинаково радостное ожиданіе, какъ для меня, такъ и для васъ, сбудется, то вамъ уже останется немного досказать вообще и для полной исторіи Малороссіи. Этотъ трудъ будетъ стоить того, чтобы для него посвятить если и не всю жизнь, то, по крайней мѣрѣ, большую часть оной.

Избравши въ пособіе Чтенія, вы, конечно, не оставите безъ вниманія и вообще нѣкоторыхъ томовъ нашихъ актовъ, въ которыхъ найдете много любопытнаго и для себя, въ особенности въ періодъ междоударствія и далѣе. Вы соберете все, что только ни есть печатнаго о Малороссіи; если чего нибудь не достанете, напишите ко мнѣ, и ни одинъ книжный уголокъ не будетъ оставленъ мною безъ вниманія; большое пособіе могутъ сдѣлать польскія лѣтописи, особенно позднѣйшихъ временъ; будьте добры и милостивы, не скупитесь на извѣстія, если прибрѣтете ихъ, о чемъ бы то ни было.

Извините, что до сихъ поръ не могъ доставить свѣдѣній о (Гед. Вас.) Чижовѣ—дѣло въ ходу. Письмо полоцкаго архіепископа написано на

смѣшеніи польскаго съ латинскимъ; образчикъ такого языка вы можете найти въ сборникѣ Муханова въ рѣчи, говоренной Владиславу виленскимъ архіепископомъ при отправленіи его въ Россію; о времени же перевода ничего не могу сказать; я нашелъ это письмо между довольно старыми бумагами покойнаго отца.

Теперь я занимаюсь сказаніями о гайдамачинѣ и, переписавши, могу подѣлиться съ вами; это чистое преданіе изъ ума народа.

Западъ бушуетъ; тамъ образуются новыя идеи и страшно борются за нихъ; пріятно быть спокойнымъ зрителемъ этихъ мировыхъ переворотовъ, безмолвно слѣдить за образованіемъ новыхъ мыслей, новыхъ взглядовъ и понятій о жизни. Valle. А. Петровъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня благородному семейству Багговутовъ, я самъ думаю писать нѣсколько словъ къ нимъ въ письмѣ сына, который здоровъ и трудится надъ экзаменомъ.

III.

Вопросы, предложенные капитану Менькову, и его отвѣты.

27 марта 1849 г.

Вопросъ 1. Опишите ваше происхожденіе, лѣта, службу и другія важнѣйшія обстоятельства вашей жизни?

Отвѣтъ Менькова. Родина моя: Тверской губерніи г. Кашинъ; отъ роду мнѣ 35 лѣтъ. Въ годину отечественной войны отецъ мой служилъ въ рядахъ защитниковъ Россіи. Въ 1814 г. поручикъ Меньковъ, за ранами и болѣзнию, изъ дѣйствующихъ войскъ назначенъ былъ въ мѣстный г. Кашина гарнизонъ начальникомъ инвалидной команды. Мнѣ было 4 года, когда я лишился отца. Кромѣ нѣсколькихъ сажень земли и ветхаго деревяннаго дома, у матушки моей нѣтъ никакого достоянія.

Въ 1826 г., имѣя 12 лѣтъ отъ роду, я былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Въ 1833 г. былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ въ 13-ю полевую артиллерійскую бригаду; въ 1837 г., по волѣ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, какъ лучшій изъ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса, я былъ потребованъ въ званіе дежурнаго офицера во 2-й кадетскій корпусъ. Сознавая въ себѣ недостатокъ военныхъ и другихъ знаній, я просилъ начальство мое о содѣйствіи мнѣ къ поступленію въ императорскую военную академію. Въ 1840 г., по окончаніи курса въ военной академіи, я былъ назначенъ въ войска дѣйствующей арміи, въ штабъ

4-го пѣхотнаго корпуса. Вступивъ на поприще новой службы, я продолжалъ занятія и посвятилъ себя на изученіе всего, въ чемъ сознавалъ наибольшую необходимость. Желая соединить службу съ трудами историческими и литературными, я имѣлъ еще и другую цѣль—успокоить жизнь 70-ти-лѣтней старухи моей матери; мнѣ хотѣлось отдалить отъ нея нужду и обезпечить остатокъ дней ея. Съ 1841 по 1843 годъ, до времени назначенія меня въ званіе дивизионнаго квартирмейстера 10-й пѣхотной дивизіи, я занимался на съемкахъ, рекогносцировкахъ и работами при войскахъ. Въ 1846 г., по предписанію департамента генеральнаго штаба, я составилъ маршрутную карту Кіевской губерніи; въ 1847 г. я представилъ Военно-статистическое описаніе Кіевской губерніи. Добросовѣстный и усердный трудъ мой обратилъ особое вниманіе генераль-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества.

Эти первые труды придали мнѣ силы къ новымъ занятіямъ. Нѣкоторыя изъ моихъ историческихъ статей, вошедшихъ въ Военную статистику, какъ-то: этнографія края и описаніе городовъ Кіевской губерніи, были одобрительно приняты обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. Наблюдательно объѣзжая Кіевскую, части Волынской и Подольской губерній, я познакомился съ краемъ и нѣкоторыми замѣчаніями моими былъ полезенъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, составленной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 г. я былъ вытребованъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи; высочайшимъ приказомъ 15-го декабря 1848 г. назначенъ въ должность дежурнаго штабъ-офицера при начальникѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

Вопросъ 2. Были-ли вы знакомы съ чиновникомъ 3-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи Петровымъ, если были, то когда и по какому случаю познакомились, и въ какихъ отношеніяхъ съ нимъ находились?

Отвѣтъ Менькова. Находясь при штабѣ 4 пѣхотнаго корпуса, который былъ расположенъ въ г. Кіевѣ, я нанималъ квартиру въ домѣ артиллеріи подполковника Багговута, служащаго при кіевскомъ арсеналѣ. Подполковникъ Багговуть, не имѣя возможности нанимать для воспитанія дѣтей своихъ гувернера или особыхъ учителей, держалъ въ домѣ своемъ, для первоначальныхъ занятій съ мальчиками, студента университета св. Владиміра Петрова. Бывая почти ежедневно въ домѣ своего хозяина, Багговута, я встрѣчалъ Петрова

и, замѣчая въ немъ ясный и здравый умъ, обходился съ нимъ привѣтливо; но въ Кіевѣ этимъ и кончилось все наше знакомство. Почти весь 1846 г. я былъ въ разъѣздахъ по предмету исполненія возложенныхъ на меня порученій; по возвращеніи же въ Кіевъ я узналъ, что Петровъ вытребованъ въ С.-Петербургъ и получилъ соответственное его способностямъ назначеніе.

Въ 1847 году, 2 декабря, я пріѣхалъ въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отсюда навѣстить старушку мать мою. По прибытіи моемъ въ столицу, конечно, я и не вспомнилъ бы о Петровѣ, если-бъ сей послѣдній не жилъ вмѣстѣ, на одной квартирѣ, съ подпоручикомъ артиллеріи Багговутомъ, сыномъ моего кіевского хозяина, съ семействомъ котораго я соединенъ искреннею дружбою. Въ Петровѣ я встрѣтилъ человѣка, съ усердіемъ занимающагося изученіемъ исторіи.

Въ это самое время, счастливый успѣшнымъ окончаніемъ возложеннаго на меня труда по Военной статистикѣ, и видѣвшись съ гвардіи полковникомъ Висковатовымъ, который, по высочайшему повелѣнію, составляетъ «Исторію полковъ русской арміи», мы говорили съ нимъ о планѣ составленія «Исторіи казачьихъ полковъ». Проникнутый важностію предмета, я тотчасъ-же составилъ программу Военной исторіи Малороссіи съ тѣмъ, чтобы въ составъ общей исторіи вошли частныя исторіи полковъ. Какъ полковникъ Висковатовъ дядя молодому Багговуту, съ которымъ жилъ Петровъ, то весьма естественно, что онъ (Петровъ) слышалъ о задуманномъ планѣ моего труда и, съ жаромъ юноши, предложилъ мнѣ свои услуги въ дѣлѣ науки; съ солдатскою искренностію я протянулъ Петрову руку, просилъ его, какъ сотрудника, помогать мнѣ въ отысканіи необходимыхъ фактовъ. Петровъ говорилъ мнѣ, что, состоя въ 3-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи и заслуживъ довѣріе своего начальства, онъ, черезъ посредство его, можетъ испросить ходатайства у высшаго начальства о выдачѣ ему тѣхъ фактовъ, которые, не составляя секрета, могутъ пояснить пробѣлы историческіе.

Видитъ Богъ, что мнѣ и идеи не приходило въ голову подвинуть молодого человѣка на дѣло недостойное.

Вопросъ 3. Признаете-ли вы предъявленное вамъ письмо отъ 7-го февраля 1848 года къ Петрову своимъ, и если признаете, то по какому поводу вы просили его доставить вамъ свѣдѣнія, изъ оффиціальныхъ бумагъ, касающіяся до исторіи казачества съ ополченія 1812 года до основанія казачьихъ полковъ въ 1831 году, также объ обвиненіи и оправданіяхъ Рѣпина?

Отвѣтъ Менькова. Письмо отъ 7-го февраля 1848 года дѣйствительно писалъ я.

Составивъ планъ моего труда Военной исторіи Малороссіи, мнѣ тотчасъ-же хотѣлось ознакомиться со всѣми источниками, могущими руководить меня по сему предмету. Многое, что было писано о Малороссіи,—я прочелъ; но почти всѣ писатели малороссійскіе оканчиваютъ исторію на послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, между тѣмъ какъ извѣстно, что казачьи полки формировались какъ во время отечественной войны, такъ и въ 1831 году, и что при послѣднемъ формированіи полковъ дѣятельно участвовалъ князь Рѣпинъ. Въ то время мнѣ казалось такъ естественно просить Петрова сдѣлать объ этомъ справку не въ архивѣ канцеляріи его императорскаго величества, а въ любой библиотекѣ; мнѣ казалось даже возможнымъ, что я бы на мѣстѣ Петрова пришелъ къ моему начальству и, изложивъ причины, не прося того, что мнѣ не должно знать, просилъ бы возможнаго.

Вопросъ 4. По какой причинѣ и съ какою цѣлю, въ томъ же письмѣ, просили вы Петрова доставить вамъ свѣдѣніе о доносѣ на Ѳедора Чигова, выражаясь слѣдующими словами: «На него были доносы изъ заграницы; нельзя-ли схватить резюме этихъ доносовъ, въ чемъ они заключались и черезъ кого они шли, — по его мнѣнію изъ Австріи. Одолжите—онъ никогда не узнаетъ источника, что же касается до меня, то моя съ виду болтливая натура—нѣма и крѣпка. Примемся за дѣло..., во мнѣ вы имѣете истинно преданнаго вамъ человѣка».

Отвѣтъ Менькова. Почти въ это же время я встрѣтился съ товарищемъ моего дѣтства Ѳедоромъ Чиговымъ.

Во время бытности моей въ кадетскомъ корпусѣ, не имѣя никого знакомыхъ въ С.-Петербургѣ, въ воскресные дни иногда бралъ меня къ себѣ Дмитрій Семеновичъ Чиговъ, бывший профессоръ с.-петербургскаго университета. На благодѣянія почтеннаго старца я не имѣлъ другаго права, кромѣ общей съ нимъ родины г. Кашина. Въ домѣ его я видалъ студента Ѳедора Чигова. Онъ кончилъ курсъ университетскій—я поступилъ на службу. Черезъ 15 лѣтъ, въ Кіевѣ, я встрѣтилъ Чигова; признавая въ немъ и свѣтлый умъ, и способности, я удивился его странствующей, безцѣльной жизни. Въ минуты откровенія онъ признался мнѣ, что усталый званіемъ профессора математики, и испытавъ неудачу въ трудахъ литературныхъ, онъ предался историческому изученію славянскихъ языковъ, и что съ этою цѣлю ѣздилъ заграницу; но что и тамъ поступки его были перетолкованы

иначе, и что, наконецъ, сдѣланный на него изъ Австріи доносъ, возбуждая недовѣріе правительства, лишаетъ его возможности принятъся, какъ онъ предполагалъ, за изданіе журнала или взяться за какой-либо литературный трудъ.

Со всею искренностію принявъ участіе въ положеніи моего стараго знакома, и увлеченный непростительною необдуманностію и живостию моего характера, я просилъ Петрова увѣдомить меня, не знаетъ-ли онъ основаній доноса, сдѣланнаго на Чижова, полагая въ свою очередь, что обвиненія, противу него представленныя, не могутъ служить препятствіемъ къ трудамъ полезнымъ.

Въ настоящую минуту я понимаю всю опрометчивость и все безсмысліе моей просьбы, — хотя первое движеніе къ оной было участіе въ человѣкѣ, который за 15 лѣтъ передъ симъ такъ много обѣщалъ по своему уму и способностямъ.

Вопросъ 5. Исполнилъ-ли Петровъ ваше желаніе, не присылалъ-ли къ вамъ, изъ дѣлъ 3-го отдѣленія, официальныхъ бумагъ или копій съ оныхъ, или выписокъ и свѣдѣній изъ дѣлъ 3-го отдѣленія; если присылалъ, то какія именно?

Отвѣтъ Менъкова. Всѣ сношенія мои съ Петровымъ ограничались однимъ письмомъ моимъ отъ 7-го февраля 1848 года. На письмо мое я получилъ отвѣтъ, который находится въ моихъ бумагахъ.

Ни свѣдѣній, ни выписокъ никакихъ я отъ него не получалъ.

Въ половинѣ февраля 1848 года войска 4-го пѣхотнаго корпуса получили направленіе къ границѣ. Имѣя положительныя занятія при войскахъ, я оставилъ и самое предположеніе о трудахъ Военной исторіи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что настоящія занятія мои имѣютъ прямое отношеніе къ моей службѣ, которой я посвятилъ себя съ полнымъ усердіемъ и ревностію.

Вопросъ 6. Въ бумагахъ вашихъ найдены двѣ тетради, изъ которыхъ въ одной вы оуждаете войско наше, говоря, что гвардія приготовлена болѣе для парадовъ, нежели для битвъ, и что армія уже не являетъ прежняго воинскаго духа; а въ другой записывали политическія заграничныя событія послѣдняго времени. Объясните со всею откровенностію, какими случаями приведены вы къ такому понятію о нашемъ войскѣ и для чего записывали политическія событія?

Отвѣтъ Менъкова. Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1848 года, командированный изъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса къ войскамъ 10-й пѣхотной дивизіи, и оставаясь при штабѣ сей послѣдней, я жилъ нѣкоторое время въ г. Житомирѣ, въ жидовской корчмѣ, гдѣ, не имѣя

никакихъ занятій и не привыкнувъ оставаться празднымъ, я набросалъ нѣсколько идей въ попавшуюся мнѣ подъ руку тетрадь. Смутно припоминая содержаніе написаннаго, я краснѣю за себя,—мнѣ со вѣстно, что даже въ грустную и скучную минуту я могъ написать подобную нелѣпость. Естественно, что тетрадь эта, никѣмъ не читанная, сохранилась въ бумагахъ моихъ единственно потому, что не попадалась мнѣ на глаза.

Не имѣлъ я счастья служить въ гвардіи, но всегда съ высокимъ уваженіемъ смотрѣлъ на славныхъ представителей могучей русской славы! Гвардія, находясь въ главѣ арміи, всегда указывала намъ путь къ славѣ и побѣдамъ! Эпоха отечественной войны, кампанія 1813 и 1814 годовъ, битвы съ персами и турками и война польская—краснорѣчиво говорятъ къ какимъ великимъ подвигамъ способна русская гвардія!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1848 года, находясь при войскахъ, расположенныхъ на границѣ Галиціи, я видѣлъ и понималъ, потому что сочувствовалъ общему воинственному духу, который раздѣляли войска арміи отъ начальниковъ до послѣдняго солдата. Слыша и почти слѣдя за волненіями, происходившими въ Галиціи, каждому изъ насъ хотѣлось перескочить завѣтный рубежъ границы, — всѣ мы жаждали битвы, всѣ были проникнуты высокимъ чувствомъ славы русскаго оружія и всѣ одинаково были воодушевлены заповѣдною любовію къ престолу!

Что касается до второй тетради, то съ назначеніемъ моихъ въ главный штабъ дѣйствующей арміи, находя необходимымъ слѣдить за движеніями всѣхъ частей арміи, я записывалъ только тѣ политическія событія въ Познани и Галиціи, о которыхъ доносили начальники нашихъ отрядовъ, на границѣ расположенныхъ, и которыя имѣли прямую связь съ измѣненіями, происходящими въ общемъ расположеніи нашихъ войскъ. Записи эти, кромѣ желанія слѣдить за современнымъ ходомъ дѣлъ, велись исключительно съ цѣлію служебною. Меньковъ.

преданный государю императору и отечеству, и можетъ быть со временемъ весьма полезнымъ для службы. Посему князь Голицынъ и Дубельтъ полагали возвратить Менькова къ мѣсту его служенія съ тѣмъ, чтобы случай вытребованія его въ столицу не составлялъ препятствія въ дальнѣйшихъ успѣхахъ его по службѣ.

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, высочайше повелѣть соизволилъ препроводить Менькова, съ бумагами его, къ вашей свѣтлости, предоставляя вамъ опредѣлить—слѣдуетъ-ли окончить это дѣло по предложенію князя Голицына и Дубельта, или подвергнуть Менькова дальнѣйшему взысканію по вашему усмотрѣнію.

Въ исполненіе таковой монаршей воли, препровождая къ вашей свѣтлости капитана Менькова, подлинное показаніе его, письмо его къ Петрову и письмо послѣдняго къ нему, двѣ выше помянутыя тетради Менькова и всѣ другія бумаги его, въ особомъ пакетѣ, не заключающія въ себѣ ничего важнаго, приѣмлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, удостоить меня увѣдомленіемъ, для всеподданнѣйшаго доклада его императорскому величеству, чѣмъ настоящее дѣло будетъ кончено. Графъ Орловъ.

№ 653.

20-го апрѣля 1849 года.

V.

Князь М. Д. Горчаковъ (нач. штаба дѣйствующей арміи) графу А. Ѳ. Орлову.

Май 1849 года.

.... «Разсмотрѣвъ бумаги Менькова, я также не нашелъ въ нихъ того, чтобы онъ излагалъ на бумагѣ мысли свои съ какою либо вредною цѣлью; а потому раздѣляю мнѣніе князя Голицына и Дубельта, чтобы случай вытребованія Менькова въ столицу не составлялъ препятствія въ дальнѣйшихъ успѣхахъ его по службѣ. Но какъ въ памятной тетради его заключаются нѣкоторыя неприличныя сужденія о политическихъ событіяхъ и о нашемъ войскѣ, то посему, не находя удобнымъ оставлять его при настоящей должности, я приказалъ обратить его на службу при войскахъ» ¹⁾.

Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ.

¹⁾ Въ черновомъ отпускѣ зачеркнуто:

„Прикомандировать его на службу къ летучему отряду казаковъ“.

Константинъ Дмитріевичъ Хрущовъ и бывшіе его крестьяне

въ 1861—1874 гг.

Лѣтъ 10—12 тому назадъ пришлось мнѣ узнать, что въ Ахтырскомъ уѣздѣ основанъ новый монастырь въ селѣ Рясномъ, подъ названіемъ Свято-Дмитріевскаго Рясненскаго, на средства мѣстнаго помѣщика, и тогда же я заинтересовался—какъ это дѣло могло случиться. Я зналъ, что село Рясное, при крѣпостномъ правѣ, принадлежало очень богатому помѣщику—губернскому секретарю Константину Дмитріевичу Хрущову. Чтò это былъ за человекъ, какое получилъ воспитаніе, какой имѣлъ характеръ, какой велъ образъ жизни, каковы были отношенія его къ крестьянамъ—я ничего не зналъ тогда и теперь не знаю. Не слыхалъ я и не знаю, чтобы Хрущовъ служилъ гдѣ-нибудь, чтобы былъ выбираемъ въ какую нибудь почетную должность по уѣзду и по губерніи, не смотря на его богатство. Значить, думалъ я, возросъ Константинъ Дмитріевичъ подъ крылышкомъ строго-религіозной матери, окруженной странниками и богомолками, воспитался подъ вліяніемъ крѣпостныхъ мамокъ и нянекъ, въ крѣпостномъ духѣ и порядкѣ, наслушался всевозможныхъ сказаній, дослужился, не выѣзжая изъ деревни, до чина губернскаго секретаря, считаясь въ какой нибудь канцеляріи, возросъ, возмужалъ, состарился въ такихъ убѣжденіяхъ, а когда пришлось подумать о приближающейся смерти, то, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, основалъ и построилъ на свой счетъ Св.-Дмитріевскій монастырь, а затѣмъ, какъ ниже окажется, желая обезпечить существованіе монастыря и въ будущемъ, завѣщалъ ему и все свое недвижимое имѣніе, оставшееся за надѣломъ крестьянъ, стоимостью свыше полу-милліона рублей. Все это можно было предполагать, но нижеприводимые документы даютъ другой видъ дѣлу. Что Константинъ Дмитріевичъ воспитанъ, возросъ и состарился въ глубоко-религіозномъ духѣ—это несомнѣнно, но что основаніе монастыря и завѣщаніе ему своего громаднаго состоянія было послѣдствіемъ неудавшагося другаго добраго

дѣла Константина Дмитріевича, это доказывається нижеслѣдующимъ протоколомъ занятій мѣстнаго мирового посредника В. Пассека, при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ К. Д. Хрущова въ 1861 году, очень скоро послѣ объявленія Положеній 19 февраля.

Дѣло о введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ К. Д. Хрущова попало мнѣ въ руки случайно, и какъ протоколъ мирового посредника, такъ и послѣдующія официальные бумаги и цифры я воспроизвожу съ дословною вѣрностью и ручательствомъ за точность.

«Протоколъ распоряженій мирового посредника Пассека по уставной грамотѣ села Рыснаго, деревень Закобыльа и Александровки съ хуторами Сагайдачнымъ, Смородинымъ и Зѣньковымъ.

1861 г. іюля 6-го дня. Собраннымъ обществамъ, при учрежденіи ихъ, я объявилъ содержаніе Высочайшаго повелѣнія отъ 10-го марта 1861 года о соизволеніи на всеподданнѣйшее прошеніе владѣльца «обратить домохозяевъ въ государственные крестьяне при безвозмездномъ надѣлѣ, вмѣстѣ съ лѣсомъ, 4¹/₂ десятины на душу, со всѣмъ ихъ строеніемъ, угодьями, заведеніемъ и разнаго рода имуществомъ, безъ всякаго за то вознагражденія, обязывая себя сверхъ того платить за нихъ подати по жизнь свою съ тѣмъ, чтобы эти крестьяне остальную свободную при имѣніи землю 6,141¹/₂ десятинь отдавали въ наемъ и вырученныя деньги обращали на монастыри, богоугодныя заведенія, какъ въ договорѣ съ ними установлено будетъ».

1861 г. сентября 16-го дня. Общества съ видимымъ недовѣріемъ приняли это предложеніе, просили время на размышленіе и общали дать опредѣлительный отвѣтъ по окончаніи полевыхъ работъ; но будучи собраны вновь, они единогласно отказались отъ предложенія владѣльца, подозрѣвая, что подобнымъ договоромъ они снова закрѣпостятъ себя и что наслѣдники владѣльца уничтожатъ, въ случаѣ его смерти, составленный договоръ и они, крестьяне, останутся не при чемъ.

Всѣ старанія разсѣять эти сомнѣнія оказались напрасными и на вопросъ мой, какую повинность избираютъ крестьяне при переходѣ на грамоту, они указали на оброкъ.

1862 г. марта 26-го дня. По поводу составленія и повѣрки грамотъ вновь были собраны общества и нѣкоторые изъ крестьянъ, напомнивъ мнѣ о предложенномъ помѣщикомъ договорѣ, спрашивали—можно ли его безопасно хранить отъ похищенія и перемѣны. Я объявилъ весь порядокъ совершенія, утвержденія и храненія договоровъ и въ видѣ успокоительнаго для нихъ исключенія предложилъ, если воля владѣльца не измѣнилась и договоръ при моемъ надзорѣ и

участіи состоится, отдать одну копію за скрѣпою и печатью для храненія въ церковь, а другую послать въ какое нибудь царское заведеніе, гдѣ для сбереженія все подъ запорами и замками и у желѣзныхъ дверей стоятъ безсмѣнные часовые. По всей вѣроятности, общество не вполне повѣрило этому объясненію, потому что прекратило разговоръ, а я не счелъ нужнымъ возобновлять его, чтобы этимъ не возбудить большаго недовѣрія.

При моемъ пособіи и участіи составленныя грамоты для всѣхъ имѣній владѣльца, по внимательной повѣркѣ ихъ съ ревизскими сказками и планомъ въ гор. Ахтыркѣ, оказались неудовлетворительными и возвращены владѣльцу, съ просьбою безъ замедленія исправить замѣченные мною неполноты и недостатки.

1862 г. май—декабрь. Во все продолженіе времени ведена была съ владѣльцемъ дѣятельная и настойчивая переписка объ исправленіи грамотъ, вслѣдствіе которой приглашенъ былъ землемѣръ, составленъ новый планъ и, по соглашенію съ крестьянами, произведены разверстанія угодій по всѣмъ имѣніямъ.

Декабря 15-го дня. Получивъ грамоты въ совершенно исправленномъ видѣ и при повѣркѣ и соглашеніи не встрѣтилъ уже ни малѣйшихъ препятствій, почему и составлены повѣрочные акты, а когда грамоты введены были по д. д. Александровкѣ и Закобылью въ дѣйствіе, то на вопросъ мой о причинѣ отказа отъ столь выгоднаго, сравнительно съ грамотами, договора, на который теперь самъ владѣлецъ не изъявляетъ согласія, крестьяне отвѣтили, безъ угазанія, впрочемъ, лицъ, въ чемъ я не настаивалъ, что во время предложеній владѣльца и моихъ соглашеній, когда нѣкоторые изъ нихъ только что начали сознавать выгоду договора и чѣмъ нибудь выражать это, то другіе утверждали съ настойчивостью, будто это обманъ и ловушка и будто если помѣщикъ предлагаетъ даромъ столько земли и лѣса, но несомнѣнно, что Царь отдастъ крестьянамъ все.

Но я полагаю, что неудача соглашенія на этотъ договоръ заключается не въ одной этой причинѣ, а равно сильнѣе и въ неразвитіи крестьянъ, которые всякую сдѣлку, какъ бы она выгодна ни была, отвергаютъ, если она выходитъ изъ круга ихъ обыкновенныхъ мелочныхъ и ограниченныхъ понятій; въ недовѣрїи къ владѣльцу общемъ и повсемѣстномъ тоже за неимѣніемъ дѣйствительнаго къ тому основанія, проистекающемъ отъ неразвитія и вновь полученнаго права свободно выражать свое согласіе или несогласіе, права, которое крестьяне, по непониманію его, примѣняютъ даже въ ущербъ своихъ выгодъ; въ совершенномъ незнаніи сущности актовъ: при крѣпостномъ состояніи никакіе акты не имѣли мѣста, а по изданіи Поло-

женій время было слишкомъ коротко для знакомства съ ними. Всѣ акты, не составляемые у крестьянъ другихъ обществъ и селеній, кажутся крестьянамъ, на нихъ соглашаемымъ, небывалыми и заключающими въ себѣ покушеніе на ихъ свободу, что они и выражаютъ боязнью за кабалить себя; наконецъ, въ содержаніи самого договора, которымъ владѣлецъ, предлагая крестьянамъ, хотя и за даровой надѣлъ, обязательно обрабатывать остальную землю, сохраняя видъ прежде существовавшей барщины, а на повинность эту крестьяне смотрѣли и смотреть съ отвращеніемъ, и если гдѣ принимаютъ ее по грамотамъ, то не искренно, а временно и въ ожиданіи исполненія несбыточныхъ надеждъ.

Я счелъ необходимымъ изложить въ протоколѣ подробности соглашеній потому, что едва ли это не единственный случай, гдѣ крестьяне, при полной готовности владѣльца на значительный и очевидно выгодный даръ и при повторительныхъ объясненіяхъ мирового посредника, который терпѣливо и настойчиво желалъ развить въ нихъ пониманіе собственныхъ выгодъ—отказались быть самобытными и во всемъ обеспеченными собственниками. Мировой посредникъ В. Пассекъ.»

Протоколъ этотъ, кажется, не требуетъ поясненій, да и я не могу дать ихъ, потому что не стоялъ близко этого дѣла, когда оно дѣлалось. Тѣмъ не менѣе этотъ голый фактъ едва ли не единственный во время уничтоженія крѣпостнаго права; дѣло, неудавшееся только по крайнему неразумію такъ недавно освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, очевидно, крѣпко боявшихся за свою недавно дарованную волю. Теперь посмотримъ, что потеряли крестьяне, не согласившись на это предложеніе владѣльца.

Изъ протокола видно, что владѣлецъ предлагалъ крестьянамъ даровой надѣлъ по $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу. Не согласившись на это, крестьяне перешли на уставную грамоту, оброкъ и затѣмъ на выкупъ. По уставной грамотѣ и выкупному договору они получили и выкупили съ пособіемъ отъ правительства и съ уплатою владѣльцу пятой части тотъ самый надѣлъ, которымъ пользовались при крѣпостномъ правѣ. Разница выходитъ громадная! Село Рясное съ прочими деревнями и хуторами имѣли всѣ вмѣстѣ 894 ревизскія души крестьянъ; при крѣпостномъ правѣ они имѣли въ своемъ пользованіи 2,370 дес. 1,200 кв. с.; это самое количество земли перешло имъ по уставнымъ грамотамъ и выкупнымъ договорамъ, изъ коихъ послѣдніе состоялись 11, 12 и 13 декабря 1862 года; выкупной ссуды выдано помѣщику отъ правительства 96,899 р. 67 к., разсроченной крестьянамъ на 49 лѣтъ изъ 6 % съ погашеніемъ; пятой части крестьяне заплатили въ теченіи 10 лѣтъ 23,244 руб. 17 коп., а между тѣмъ если бы они

Такимъ образомъ выходитъ, что К. Д. Хрущовъ и въ послѣднемъ своемъ желаніи быть полезнымъ своимъ бывшимъ крестьянамъ, обезпечить ихъ даровымъ лѣснымъ надѣломъ, въ количествѣ 316 десятинъ, потерпѣлъ неудачу, не могъ дозваться уполномоченныхъ отъ крестьянъ къ нотаріусу получить дарственную, долженъ былъ прибѣгнуть къ содѣйствію правительства. Что удержало крестьянъ отъ принятія этого дара, какія условія были соединены съ этимъ дареніемъ, что, наконецъ, заставило крестьянъ отъ него отказаться — изъ дѣла не видно.

Дѣло указываетъ только, что вслѣдъ за симъ является дополнительное духовное завѣщаніе К. Д. Хрущова 13-го апрѣля 1874 г., коимъ, очевидно, закрѣпощается монастырю все остальное имѣніе Хрущова, но что именно теперь завѣщано—изъ дѣла не видно. Видно только то, что 19-го марта 1880 г. монастырь введенъ во владѣніе всѣми имѣніями, какія по двумъ вышеобозначеннымъ духовнымъ завѣщаніямъ отданы монастырю К. Д. Хрущовымъ.

Сообщ. II. II—чѣ.

Къ сообщенному нами о Сутерландѣ прибавимъ выписки изъ с.-петербургской городской обывательской книги, заведенной въ 1786 г., и указъ сената:

I. „Ричардъ Александровичъ Судерландъ, двора ея императорскаго вел—ва банкиръ, отъ роду 45 лѣтъ, внесенъ въ III томѣ I части подѣ № 2815. на листу 36-мъ“. (Томъ IV, стр. 69, № 225).

II. „Ричардъ Судерландъ, аглинской купецъ, отъ роду 45 лѣтъ, вновь поселился. Женатъ аглинскаго купца на дочери Саррѣ Ивановой, у нихъ дѣти сынъ Ричардъ, 13 лѣтъ, и дочь Сарра, 20 лѣтъ. Имѣеть домъ каменной въ 1-ой адмиралтейской части, въ 4-мъ кварталѣ подѣ № 245, доставшей по купчей. Живеть въ городѣ и (состоить) при дворѣ ея имп—го вел—ва банкиромъ“. (Т. III, 1 ч., стр. 31, № 2815).

III. „Во уваженіе отличныхъ заслугъ нашего двора банкира Ричарда Судерланда, всемилостивѣйше пожаловали мы ему и его потомкамъ, рожденнымъ и впродъ рождаемымъ, баронское имперіи нашей достоинство, повелѣвая сенату заготовить на оное грамоту для нашего подписанія“. (Имен. указъ отъ 7 іюля 1788 г., прописанный въ указѣ сената 18 іюля, № 1696).

Занесеніе Сутерланда и его семьи въ городovou обывательскую книгу, очевидно, послѣдовало послѣ назначенія его въ придворные банкиры и раньше возведенія въ баронское достоинство, т. е. въ 1786 и 1787 г.

Смерть Сутерланда въ октябрѣ 1791 г. подтверждается перепиской Н. Н. Вантышъ-Каменскаго съ княземъ А. Б. Куракинымъ; въ письмѣ отъ 22 октября того года первый дѣлаеть такую приписку:

„И Сутерландъ умеръ“. (Русск. Арх. 1876 г., кн. 3, стр. 269).

Должно быть молодой баронъ Р. Р. Сутерландъ, послѣ окончанія дѣла о растратѣ казенныхъ денегъ его отцомъ, или вскорѣ умеръ, или оставилъ Россію, такъ какъ намъ не доводилось видѣть въ печати эту фамилію въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Г. И. Студенкинъ.

повторялъ онъ мнѣ неоднократно; но я дѣйствовалъ по одному слѣ-
 пому внушенію сердца и вредилъ ему и себѣ. Если голосъ мой
 еще доступенъ сердцу государя, то скажите его величеству о моемъ
 раскаяніи: да не падеть вина моя на невиннаго брата, особливо
 теперь, когда онъ ввѣряетъ всю судьбу свою великодушію и справед-
 ливости государя.

Ободренный однимъ словомъ, убѣжденный, проникнутый чувствомъ
 своей невинности,—онъ отдаетъ себя государю, обѣщавшему ему вели-
 кодушіе и правосудіе. Въ этомъ движеніи я не участвовалъ: оно при-
 надлежитъ вполне его душѣ, его чувству, его довѣренности къ госу-
 дарю. Скоро будетъ онъ предъ лицомъ его. Бросая все—онъ вѣритъ
 своей невинности и государю. Онъ дѣйствуетъ безъ всякаго посто-
 роннаго внушенія, но свободно, по вѣрѣ своей въ Провидѣніе, въ
 правосудіе государя и въ свою невинность. Прочитавъ отзывъ госу-
 даря, рѣшился онъ на сіе по первому движенію: съ тѣхъ поръ неко-
 лобимъ въ своей рѣшимости.

Братъ увѣдомляетъ, что не остался бы ни одного дня въ Англии,
 если бы въ самыхъ словахъ государя, мнѣ сообщенныхъ, не нахо-
 дилъ онъ волю его величества о приѣздѣ его въ Петербургъ во время
 присутствія государя императора.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію и проч.
 Александръ Тургеневъ.

II.

Парижъ, (6-го мая) 24-го апрѣля 1830 г.

М. г. Александръ Христофоровичъ! На прошедшей недѣлѣ я
 имѣлъ честь отвѣчать вашему высокопревосходительству на отно-
 шеніе отъ 29-го января, полученное мною въ здѣшнемъ посольствѣ
 14-го (26-го) апрѣля. Не зная—гдѣ и когда мой первый отвѣтъ най-
 деть васъ, м. г., я осмѣливаюсь, въ столь важномъ для меня дѣлѣ,
 повторить существенное и препроводить къ вамъ копію съ письма
 брата моего къ его слѣтлости князю Ливену, написаннаго прежде,
 нежели я получилъ отношеніе ваше, отъ 29-го января.

Касательно моей просьбы о позволеніи жить брату на континентѣ,
 я повторяю, что братъ не только никогда сего не желалъ, но, узнавъ
 о моихъ хлопотахъ, отвѣчалъ, что никогда не воспользуется такимъ
 дозволеніемъ. Если доселѣ онъ не предался великодушію его импера-
 торскаго величества, то это потому, что онъ не имѣлъ для сего ника-
 кого случая. Не явившись къ суду въ самомъ началѣ, въ чемъ онъ

Малолѣтнему воспитаннику благороднаго при университетѣ пансіона.

Чтобъ онъ старался быть таковъ, какъ здѣсь изображено.

I. Какъ добродѣтельное дитя понимаетъ и любитъ Бога? Дитя добродѣтельное при имени Богъ чувствуетъ въ невинномъ сердцѣ своемъ радость, любовь, страхъ и почтеніе. «Кто сдѣлалъ это—такъ думаетъ онъ—что я живу на свѣтѣ, что я здоровъ, что я веселъ, когда веду себя хорошо? Кто маленькимъ моимъ товарищамъ и всѣмъ большимъ сдѣлалъ такое-же добро? Кто для всѣхъ насъ создалъ такъ много прекрасныхъ вещей? и мы всѣхъ ихъ лучше!—это Богъ. Онъ всѣхъ больше, всѣхъ сильнѣе. Сколько онъ къ намъ милостивъ! Мы его не видимъ, а онъ насъ знаетъ, все намъ даетъ. Какъ-же не любить и не почитать его, какъ не быть къ нему благодарными? Онъ намъ всѣмъ отецъ... отецъ!» восклицаетъ оно—и дитя такое счастливо.

II. Какъ оно чувствуетъ благоговѣніе къ государю и любовь къ отечеству? «Великій государь нашъ имѣетъ отъ Бога власть надъ нашими батюшками и надъ нами. Сколько людей въ государствѣ, а онъ о нихъ печется и всѣмъ дѣлаетъ добро. Я чувствую къ нему въ сердцѣ благоговѣніе. О если-бы мнѣ поскорѣе вырасти и научиться всему, чтобы служить ему и отечеству такъ охотно, такъ усердно, какъ тѣ, которыхъ онъ милостиво жалуетъ, и которыхъ всѣ любятъ и почитаютъ!»

III. Сколько оно чувствительно къ родителямъ? «Какъ нѣжно батюшка и матушка меня любятъ! сколько они ласкаютъ меня, тѣшатъ, всѣмъ довольствуютъ! какъ рады, когда веду себя порядочно! Я буду и все такъ поступать. Я ихъ сердечно люблю и почитаю. Сколько я ихъ обрадую, когда они услышатъ, что я прилеженъ, не-

рѣзовъ и послушенъ!» Такъ говорить само себѣ наше прекрасное дитя и такъ поступаетъ.

IV. Какъ оно почитаетъ наставниковъ своихъ? «Начальники, учителя и надзиратели поступаютъ со мною какъ родные мои. Они хвалятъ и отъ всѣхъ отличаютъ меня, когда я отмѣнно хорошо учусь, и когда бываю скромнѣе; а ежели что худое сдѣлаю, то какъ имъ быть довольнымъ, они выговариваютъ мнѣ и отводятъ меня отъ того, чтобъ не былъ дурень. О! они меня любятъ, и хотятъ мнѣ добра. Я буду съ своей стороны любить ихъ, почитать и во всемъ слушаться. Куда какъ весело ихъ видѣть и быть съ ними: какъ они ласково и пріятно будутъ на меня смотрѣть! Приѣдетъ батюшка, они меня похвалятъ; а это ему очень будетъ пріятно». Вотъ чувствованія добронравнаго дитяти!

V. Какъ оно ведетъ себя въ классѣ? «Прежде всего я попрошу Бога, чтобъ онъ помогъ мнѣ все вытверживать и помнить; въ классѣ буду сидѣть смиренно, учтиво; безъ спросу и позволенія не встану никогда съ мѣста; буду слушать и примѣчать, что говорить мой учитель, и ежели спросить меня, постараюсь отвѣчать исправно. Прекрасно! скажетъ онъ, и всѣ товарищи на меня посмотрятъ! Какъ тогда мнѣ будетъ весело! У меня все будетъ въ порядкѣ; перо очищено, чернильница чиста, тетради сшиты и написаны какъ надобно. Учитель и за то меня похвалитъ, подпишетъ мнѣ хорошо и скажетъ всѣмъ: вотъ прилежной ученикъ! такъ-то и вы дѣлайте!»

VI. Какъ поступаетъ при повтореніи уроковъ и во время отдыха? «У меня есть уроки—говорить онъ ввечеру при повтореніи.— Я тотчасъ примусь за нихъ; прочту сперва одну строчку; вспомню какъ изъяснялъ учитель; повторю ее два, три раза, и замѣчу наизусть, проговорю безъ книжки; ежели ошибусь, еще посмотрю, пока вучу, наконецъ, твердо; а послѣ такимъ-же образомъ поступлю и далѣе; и скоро, скоро весь урокъ у меня поспѣетъ. Тутъ сдѣлаю и другое, что задано, или перепису, что нужно, набѣлю. А тамъ гулять! да какже? Вить не рѣзвиться, не кричать, не толкать другъ дружки, не бѣгать безпрестанно! О! такъ дѣлаютъ только избалованные мальчишки! Нѣтъ! я буду всегда подлѣ надзирателя своего, онъ мнѣ скажетъ, гдѣ я зашалюсь слишкомъ. Съ маленькими товарищами моими буду друженъ, учтивъ, услужливъ; мы никогда не поссоримся, будемъ играть вмѣстѣ, а ежели захочется побѣгать или во что поиграть, то напередъ спрошусь, да и то играть стану тихонько»...

Вотъ миниатюрный портретецъ прекраснаго, добраго и умнаго дитяти. Имѣйте его, любезный воспитанникъ, всегда предъ глазами. и ведите себя точно такъ, какъ будто съ васъ снятъ этотъ образецъ; тогда вы будете и сами прекрасное, доброе и умное благородное дитя.

Примѣчаніе. Документъ этотъ, интересный для исторіи одного изъ видныхъ нѣкогда учебныхъ заведеній въ Москвѣ—благороднаго при университетѣ пансіона, взростившаго между прочими своими питомцами нѣсколькихъ славныхъ государственныхъ дѣателей. Мы перепечатаваемъ съ экземпляра начала XIX-го вѣка, оттиснутаго на большомъ листѣ толстой сѣрой бумаги; на оборотѣ листа нижеслѣдующая учебная табель дней и уроковъ.

Учебная табель.

Имена учащихъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ:
князь Волконскій, Прохоровъ, Калайдовичъ.

Д и и.

Понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятница и суббота.

Утренніе часы:

Чистаго письма, російскаго языка, риторики и логики, ариѳметики, геометріи, алгебры и тригонометріи, гражданской архитектуры, фортификаціи и артиллеріи, географіи, всеобщей исторіи, натуральной исторіи и физики, російскаго судопроизводства, христіанскаго закона и нравственности.

Послѣобѣденные часы:

Юриспруденціи и политики, латинскаго языка и миеологіи, нѣмецкаго языка, французскаго языка, англійскаго языка, рисованія, музыки, фехтованія, танцованья.

Благороднаго университетскаго пансіонера....[имя и фамилія].

Сообщ. А. Е. Конж.

Моисей Гумилевскій

1789 г.

I.

По поводу сообщеннаго А. Е. Мерцаловымъ въ „Русской Старинѣ“ (октябрь, изд. 1887, стр. 213) „Разказа священника очевидца о взятіи Очакова“ (письмо отъ 4 января 1789 г.), принадлежащаго Моисею Гумилевскому, приводимъ слѣдующія о семь лицѣ свѣдѣнія:

Моисей (Гумилевскій) былъ оберъ - іеромонахомъ молдавской арміи; въ должность эту онъ былъ назначенъ кн. Потемкинымъ въ началѣ 1788 года. Свѣдѣнія о немъ находимъ у митрополита Евгенія (Слов. пис. дух. чина. ч. II, 439 — 440), который говоритъ, что Моисей Гумилевскій, будучи въ молодыхъ годахъ причетникомъ во Владимірѣ, по склонности къ научному образованію, поступилъ въ московскую духовную академію, гдѣ, по окончаніи философскаго курса, былъ учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ и поэзи; потомъ, по постриженіи въ монашество, реторики, проповѣдникомъ и игумномъ Знаменскаго монастыря, а въ 1785 г. назначенъ преподавателемъ философіи и префектомъ академіи.

Моисей Гумилевскій по своимъ дарованіямъ и учености принадлежалъ къ числу видныхъ лицъ современнаго ему московскаго духовенства, почему, кажется, и пользовался особеннымъ вниманіемъ и благосклонностію митрополита Платона, а черезъ него и кн. Потемкина, находившагося въ дружбѣ съ московскимъ владыкою. Очень можетъ быть, что по указанію, или, какъ говорится, по рекомендаціи послѣдняго Моисей и былъ взятъ на высшую духовную должность въ армію.

Онъ дѣйствительно былъ архимандритомъ (Спасоиколаевскаго монастыря въ екатеринославской епархіи), но позднѣе, а не во время взятія Очакова, когда онъ былъ еще только іеромонахомъ; въ 1791 г. Моисей былъ возведенъ въ санъ епископа Феодосійскаго и Маріупольскаго съ назначеніемъ викаріемъ Екатеринославской епархіи.

Письмо о взятіи Очакова (отъ 4 января 1789 г.) было писано къ митрополиту Платону, которому онъ, какъ своему патрону, сообщалъ о томъ, что происходило въ молдавской арміи, такъ по крайней мѣрѣ надо заключать изъ первыхъ строкъ его письма:

„Я утруждаю ваше преосвященство частыми письмами“...

О чемъ же могъ писать Моисей Платону, какъ не о происходившемъ подъ Очаковымъ, на который тогда устремляла взоры вся Россія, слѣдя за дѣйствіями и образомъ жизни кн. Потемкина.

О взятіи Очакова Моисей писалъ Платону три письма: первое — на другой день штурма ¹⁾, другое то, которое теперь сообщено А. Е. Мерцаловымъ, и третье — на латинскомъ языкѣ, содержаніе котораго остается еще неизвѣстнымъ.

¹⁾ ... „На другой день послѣ взятія Очакова писалъ я къ вамъ весьма коротко“...

Пресловутый въ свое время протоіерей московскаго архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ, изощрявшійся въ интригахъ противъ митрополита Платона и въ доносахъ на него, не оставилъ безъ вниманія и послѣдніа два письма Моисея, набрасывая на нихъ тѣнь какой-то непонятной предосудительности. Такъ, въ письмѣ или, лучше сказать, въ доносѣ на Платона, посланномъ имъ къ статсъ-секретарю Храповицкому отъ 3 сентября 1789 года, онъ писалъ:

„Имѣется у московскаго митрополита французская книга, содержащая въ себѣ пріятельскую о разныхъ матеріяхъ переписку господина Волтера съ нѣкоторою особою, которая подписывалася его фавориткою. Преосвященный всякому рассказываетъ, что подъ именемъ фаворитки разумѣется ея императорское величество, и многія, изъ той книги вырывая пункты, толкуетъ сообразно своимъ намѣреніямъ; а какъ большая часть людей господина Волтера почитаютъ здѣсь не только еретикомъ, но и безбожникомъ, то чтобы не пало нареканія и на ту персону, которая съ нимъ дружески переписывалася, и не вышло бы изъ того каковыхъ либо непріязненныхъ толковъ, а паче не заставилъ бы митрополитъ перевести оную книгу на нашъ языкъ (отъ чего Боже сохрани), такъ какъ письмо іеромонаха Моисея латинское о взятіи Очакова и прочихъ тамошнихъ обстоятельствахъ увидѣла Москва, его же стараніемъ не кстати переведенное“... и проч. (см. Русск. Арх. 1882 г. III, 73).

Черезъ нѣсколько дней, именно 27 сентября 1789 г., къ Храповицкому же онъ писалъ:

„Конію со втораго Моисеева по взятіи Очакова письма при семъ представляю вашему превосходительству на благоразсужденіе: согласно ли оно съ публичными вѣд-мостями, а съ перваго письма еще не досталъ“.

Желательно, чтобы случай доставилъ кому нибудь въ руки латинское письмо Моисея, увѣдомлявшее Платона „о тамошнихъ (Очаковскихъ) обстоятельствахъ“, по мнѣнію Петра Алексѣева для публики „не кстати переведенное“.

А. Корсаковъ.

Село Капустино
Серпуховскаго уѣзда.

II.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ (1887 г., стр. 213 — 215) помѣщенъ „Разсказъ священника - очевидца о взятіи Очакова“, за подписью Моисея. Въ „Справочномъ словарѣ“, изданномъ Геннади (Берлинъ, 1880 г., т. II, стр. 336 — 337), указано, что этотъ Моисей (въ мѣрѣ Михайль Гумилевскій), по вызову кн. Потемкина въ 1788 г., былъ оберъ-іеромонахомъ молдавской арміи, затѣмъ — архимандритомъ Николаевскаго монастыря въ Екатеринославѣ, наконецъ, епископомъ еодосійскимъ и маріупольскимъ до дня кончины — 5-го октября 1792 года.

Дж. Языковъ.

„Всемигостивѣйше повелѣваемъ нашему тайному совѣтнику и сенатору барону фонъ-Гейкингу быть президентомъ юстицъ-коллегии лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ“. (27-го февраля 1797 г.).

Первымъ изъ этихъ указовъ баронъ фонъ-Гейкингъ производился одновременно въ два чина; президентство въ юстицъ-коллегии перешло къ нему послѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Эрнста-Бургарда фонъ-Менгдена, занимавшаго эту должность съ 28-го января по 26-е февраля 1797 г. послѣ председательства въ рижской уголовной палатѣ, и назначеннаго 26-го февраля Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Вотъ этотъ-то баронъ фонъ-Гейкингъ, женатый на дочери директриссы Смольнаго монастыря С. П. де-Лафонъ († въ августѣ 1797 г.) и есть авторъ изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1886 г. мемуаровъ, а затѣмъ помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1887 г., въ извлеченіи.

Судя по запискамъ барона фонъ-Гейкинга, императоръ Павелъ велъ съ нимъ рѣчь объ открытіи католическаго департамента при юстицъ-коллегии послѣ назначенія автора на должность президента, но въ дѣйствительности этотъ департаментъ былъ учрежденъ днемъ раньше назначенія Гейкинга въ юстицъ-коллегію, именно 26-го февраля. То-же самое нужно сказать и о восстановленіи прежнихъ присутственныхъ мѣстъ въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Курляндіи; восстановление этихъ мѣстъ не было послѣдствіемъ разговора императора съ Гейкингомъ, но предшествовало ему, такъ какъ прежнія присутственныя мѣста были восстановлены именными указами—въ первыхъ двухъ губерніяхъ 28-го ноября, въ третьей 12-го декабря и въ Курляндіи 24-го декабря 1796 г., и императоръ не могъ сказать въ концѣ января или началѣ февраля 1797 г. такія слова:

„Довольны были-бы ваши земляки, если бы восстановить ихъ прежніе судебныя порядки?“ послѣ того, что они были восстановлены раньше.

Кстати укажемъ здѣсь на нѣкоторыхъ лицъ, о которыхъ упоминаетъ фонъ-Гейкингъ въ своихъ мемуарахъ.

Ховень (Говень) баронъ Отто Германъ (Карловичъ) находился вмѣстѣ съ барономъ фонъ-Гейкингомъ въ числѣ присягнувшихъ въ 1795 г. депутатовъ, назначенъ сенаторомъ 19-го декабря 1796 года и показывается такимъ и по кончинѣ императора Павла.

Ламсдорфъ, Матвій Ивановичъ, генералъ-маіоръ, назначенъ курляндскимъ губернаторомъ 17-го октября 1795 г., переименованъ въ дѣйствительныя статскіе совѣтники 7-го января 1797 года.

Кампенгаузенъ, баронъ Балтасаръ Ивановичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, назначенъ рижскимъ вице-губернаторомъ въ 1795 г., пожалованъ въ тайные совѣтники 23 іюня 1796 г., сдѣланъ рижскимъ или лифляндскимъ губернаторомъ 6-го января 1797 г., отставленъ отъ службы 26-го февраля, назначенъ сенаторомъ 20-го сентября 1797 года.

Гурко, Іосифъ Іосифовичъ, курляндскій вице-губернаторъ съ 1795 г., статскій совѣтникъ съ 28-го іюня 1796 года.

Г. И. Студенжинъ.

II.

О баронѣ Гейкингѣ, составительѣ интересныхъ Записокъ, изданныхъ „Русской Стариной“ въ переводѣ съ нѣмецкаго, имѣются въ I томѣ „Сенатскаго Архива“ слѣдующія свѣдѣнія.

24-го декабря 1796 года въ указѣ Павла I сказано: „Дѣйствительнаго статскаго совѣтника, предсѣдателя Курляндской губерніи гражданской палаты, Гейкинга жалуюемъ въ наши тайные совѣтники, повелѣвая присутствовать въ сенатѣ“.

Указъ 25-го декабря 1796 года: „По сдѣланному намъ доносу отъ находившагося при экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей и порта одесскаго, въ должности контролера, маіора Иванова, повелѣваемъ учредить особую комиссію, въ которой присутствовать сенаторамъ Сперсеру, Завадовскому, Соймонову, кн. Голицыну (забытъ авторомъ записокъ), Васильеву, Тарбѣеву, Гейкингу, Анарову и генералъ-прокурору“.

Указъ 27-го февраля 1797 года: „Повелѣваемъ тайному совѣтнику и сенатору барону фонъ-Гейкингу быть президентомъ юстиць-коллегіи“.

Г. К. Рѣпинскій.

III.

Въ Запискахъ своихъ бар. Гейкингъ говоритъ, что онъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла былъ вызванъ изъ Митавы (гдѣ занималъ должность предсѣдателя суда въ чинѣ стат. совѣтн.) въ Петербургъ, назначенъ сенаторомъ въ 3-й департаментъ, а затѣмъ предсѣдателемъ юстиць-коллегіи эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ. Въ Полн. собр. законовъ (томъ XXIV, № 18234, отъ 5 ноября 1797 г.) помѣщено письмо президента юстиць-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ барона Гейкинга къ генералъ-прокурору кн. Куракину о скрѣпѣ нѣмецкихъ актовъ, посылаемыхъ частными лицами за границу, и объявленный по сему предмету тому же президенту высочайшій указъ.

Вѣдѣнію президента означенной коллегіи былъ подчиненъ сначала и департаментъ для разбора дѣлъ римскаго исповѣданія (т. XXIV, №№ 17836, 17870), но вскорѣ, по причинѣ неудобства такого соединенія, этотъ послѣдній былъ отдѣленъ и ввѣренъ управленію архіепископа могилевскаго Сестренцевича-Вогуша (№ 18345, отъ 26 января 1798 г.), причемъ въ томъ же Полн. собр. закон. есть указанія и на дѣятельность по департаменту римскаго исповѣданія тайнаго совѣтника сенатора Гейкинга (т. XXV, № 18560).

Упомянувъ затѣмъ объ учрежденіи при Павлѣ I комиссіи составленія законовъ, авторъ прибавляетъ, что онъ былъ назначенъ въ нее членомъ, вмѣстѣ съ двумя другими сенаторами, указомъ 31 мая 1797 г. Дѣйствительно, на основаніи указа отъ того же числа, помѣщеннаго въ Полн. собр. закон. (т. XXIV, № 17978), въ комиссію были назначены сенаторы: Колокольцовъ,

Леонтьевъ и фонъ-Г—гъ. Въ Россіи авторъ назывался Карломъ Александровичемъ.

Авторъ, какъ самъ говоритъ, былъ женатъ на дочери де-Лафонъ, первой начальницы Смольнаго монастыря (1764—1797 гг.). Двѣ взрослыя дочери послѣдней жили при ней (библиографическія свѣдѣнія о ней см. въ изданіяхъ: Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе императрицы Екатерины II, Н. Р—ой, Спб. 1864 г.; ср. Памятныя записки Г. И. Ржевской, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., стр. 7, 9—13, 16, 21, 26 и 29; Статсъ-дамы русскаго двора, П. О. Карабанова, „Русская Старина“ 1871 г., т. III, стр. 45; Бумаги Екатерины II, въ Сборн. русск. истор. общ., т. X, стр. 159; т. XIII, стр. 212, 338—342). Женитьба на дочери де-Лафонъ сблизила автора съ Нелидовой (ср. XVIII вѣкъ, изд. Бартеневымъ, т. III, переписка послѣдней, стр. 434). Быть можетъ о его семейныхъ отношеніяхъ и участіи въ курляндскомъ вопросѣ идетъ рѣчь въ одномъ изъ писемъ императрицы Екатерины II къ П. А. Зубову (Сборн. русск. истор. общ. т. XLII, стр. 324—325).

Фамилія Гейкинга принимала дѣятельное участіе въ судьбахъ Курляндіи въ XVIII столѣтіи. Есть рядъ мемуаровъ и политическихъ статей, относящихся къ современнымъ событіямъ, написанныхъ членами этой фамиліи, частью напечатанныхъ, а частью остающихся въ рукописяхъ (*Bibliotheca Livoniae historica*. V. Ed. Winkelmann, Berl. 1878, Ss. 384—385, 400—401¹). Нѣкоторые лица той же фамиліи служили въ Россіи до присоединенія Курляндіи (Сборн. русск. истор. общ., т. XLII, 106, 371; XVIII вѣкъ, изд. Бартеневымъ, т. III, 217); другіе изъ нихъ упоминаются въ актахъ о присоединеніи Курляндіи, а также въ спискѣ лицъ, которымъ были пожалованы Екатериною II аренды по присоединеніи Курляндіи къ Россіи (Поли. собр. законовъ, т. XXIII, № 17319, стр. 671—683; Курляндія подъ управленіемъ Екатерины II, А. Н. Мосолова, „Русск. Вѣсти.“ 1870 г., № 5, стр. 26—60).

В. С. Иконниковъ.

Эджвортъ де - Фирмонъ.

На страницѣ 810 „Русской Старины“ за декабрь 1887 года, строка 9, напечатано: Эджмонъ де-Фирмонъ, вмѣсто Эджвортъ де-Фирмонъ (*Edgeworth de Firmont, abbé*) такъ, по крайней мѣрѣ, значится въ подписи на брачномъ договорѣ герцога ангулемскаго, заключенномъ 9-го іюня (29-го мая) 1799 года въ Митавѣ (Сенатскій Архивъ, I, 539).

Г. К. Рѣпинскій.

¹) Одно изъ названій, относящихся къ мемуарамъ, повидному, имѣетъ близкую связь съ неизданною частью записокъ того же автора. В. И.

Великая княгиня Елена Павловна

р. 1806 г., † 1873 г.

къ ея біографіи; замѣтки.

Въ 1876 г. Эдитта Ѳедоровна баронесса Раденъ просила дать ей прочитатъ мою рукопись, составляющую отдѣлъ біографіи графа П. Д. Киселева, за время его посольства въ Парижѣ (въ то время еще далеко не оконченную). Въ разговорѣ съ этою умною и замѣчательно образованною женщиною я, между прочимъ, выразилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ нѣтъ обстоятельной біографіи покойной великой княгини Елены Павловны ¹⁾, при которой баронесса была фрейлиной. Высокое значеніе Елены Павловны, столь достопамятной по ея горячему участию въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно; умъ и дарованія ея были оцѣнены не въ одной только Россіи. Въ 1839 г., когда великой княгинѣ было всего 32 года, маркизъ де Кюстинъ ²⁾ писалъ, что Елена Павловна одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ въ Европѣ и что разговоръ съ нею чрезвычайно поучителенъ.

Баронесса Раденъ мнѣ на это сказала, что для составленія біографіи

¹⁾ Въ то время еще не появлялся въ печати интересный, но, къ сожалѣнію, неоконченный „Очеркъ жизни великой княгини Елены Павловны“ Ив. Ив. О....., доведенный только до 1855 года („Русская Старина“ 1832, т. XXXIII, стр. 781—802).

²⁾ Въ очеркѣ „Русской Стар.“, на стр. 791, маркизъ де Кюстинъ ошибочно названъ сыномъ знаменитаго генерала; генералъ графъ Филиппъ де-Кюстинъ (de Custine), казненный въ 1793 г. за неудачу въ защитѣ кр. Майнца противъ пруссаковъ, былъ дѣдомъ автора „La Russie en 1839 г.“; отецъ автора, женатый на извѣстной своимъ самоотверженіемъ дѣвицѣ де-Сабранъ, кончилъ тоже жизнь на эшафотѣ, въ страшные дни террора. К. В.

великой княгини еще не наступило время и надо пока ограничиться собираніем матеріаловъ; что особенно интересными матеріалами могли бы служить ея письма къ любимому брату принцу Фридриху Виртембергскому, хранящіяся въ Штутгартѣ, въ придворномъ архивѣ, и что въ Версали живетъ госпожа Андре, воспитывавшаяся вмѣстѣ съ Еленою Павловною, которая, своими воспоминаніями, можетъ пролить свѣтъ на дѣтство и отроческіе годы великой княгини.

Такъ какъ разговоръ нашъ происходилъ почти наканунѣ моего отъѣзда за границу, то я вызвался, между прочимъ, посѣтить Штутгартъ и Версаль, изъ которыхъ въ первомъ попытаться получить доступъ въ королевскій архивъ, для списанія копій съ тѣхъ писемъ, которыя наиболѣе характеризуютъ дѣятельность великой княгини въ новомъ ея отечествѣ, а во второмъ познакомиться съ госпожею Андре. Баронесса Раденъ, вполнѣ одобривъ мой планъ, дала мнѣ письмо къ г-жѣ Андре.

Въ Штутгартѣ я обратился къ мѣстнымъ властямъ; но мнѣ сказали, что безъ разрѣшенія короля допустить кого бы то ни было въ архивъ невозможно, а король и королева находятся въ своемъ загородномъ дворцѣ на Констанцкомъ озерѣ, въ ожиданіи прибытія туда высокаго ихъ гостя германскаго императора. Остаться въ Штутгартѣ, до возвращенія королевской четы, я не могъ, по краткости моего отпуска, и потому уѣхалъ въ Парижъ.

На пути въ Парижъ, въ поѣздѣ молнія, изъ Вѣны въ Парижъ, я разговорился съ архитекторомъ Emile Richon, ѣхавшимъ изъ Вѣны и везшимъ на конкурсъ свои проекты зданій для предполагавшейся парижской выставки 1878 года. Собесѣдникъ этотъ оказался весьма образованнымъ и интереснымъ, и мнѣ вздумалось, чтобы не разставаться, остановиться въ Парижѣ въ одномъ съ нимъ отелѣ. Онъ увѣрилъ меня, что отель «Вольтеръ» дешевъ, хорошъ и такимъ образомъ я очутился въ этомъ крайне плохомъ помѣщеніи, выѣхать изъ котораго уже не могъ рѣшиться, не оскорбивъ своего спутника.

Я не замедлилъ отправиться въ Версаль къ г-жѣ Андре, жившей въ своей загородной великолѣпной виллѣ, служившей, во время осады нѣмцами въ 1870 г. Парижа, резиденціей наслѣднаго германскаго принца Фридриха Вильгельма. Вилла эта расположена въ большомъ паркѣ, обнесенномъ каменною стѣною, и на въѣздныхъ воротахъ парка начертано краткое изреченіе изъ св. писанія.

Въ паркѣ нѣсколько изящныхъ построекъ, изъ которыхъ въ главной живетъ сама г-жа Андре, а въ одной изъ остальныхъ—реформатскій духовный ея пастырь. Набожность обладательницы виллы видима на каждомъ шагѣ: въ первой комнатѣ *Prie-Dieu* съ раскры-

жилица, написалъ ей письмо, приглашая принять участіе въ бѣдствующихъ, причѣмъ сообщалъ, что русскіе люди, не выключая крестьянъ, шлютъ деньги, хлѣбъ, бѣлье, всякую одежду и что не сомнѣваюсь, что она сама, съ помощью знакомыхъ ея обширнаго круга, приметъ участіе въ добромъ дѣлѣ. Она отвѣчала отказомъ и этотъ отвѣтъ я послалъ Э. Ф. Радень.

Буда дѣвались бумаги и книги г-жи Радень? Миѣ неизвѣстно. Говорятъ, что все ея имущество, не исключая библіотеки и бумагъ, продаю, книги и бумаги будто бы букинисту! Если это справедливо, то нельзя не пожалѣть исчезновенія не только названныхъ мною матеріаловъ для біографіи Елены Павловны, но и много другихъ любопытныхъ бумагъ, хранившихся у покойной баронессы ¹⁾.

Въ послѣдности моего отъѣзда въ Цетинье я, къ сожалѣнію, не могъ оставить себѣ копій съ переданныхъ баронессѣ бумагъ, но кое-что изъ рассказовъ г-жи Андре сохранилось въ памяти, что и записываю теперь.

Виртембергскій король Вильгельмъ I-й вступилъ на престолъ въ 1816 г., имѣя отъ роду 35 лѣтъ; сначала онъ былъ бездѣтнымъ; отъ втораго брака съ вдовствующею герцогинею Гольштейнъ-Ольденбургскою, великою княгинею Екатериною Павловною, хотя у него были двѣ дочери, но въ Виртембергскомъ королевствѣ, въ отношеніи престолонаслѣдія, дѣйствуетъ салическій законъ, исключаящій женскую линію; поэтому, въ случаѣ его смерти, королевскій престолъ долженъ

¹⁾ Въ концѣ 1870-хъ годовъ мы были раза два у баронессы Э. Ф. Радень и просили подѣлиться собранными ею матеріалами къ біографіи великой княгини Елены Павловны; баронесса общала, потомъ нашла осуществленіе общанія преждевременнымъ (?), конечно, предполагая жить еще многіе годы, а, между тѣмъ, смерть уже ждала г-жу Радень. Это напоминаетъ намъ покойнаго князя Павла Павловича Гагарина — престарѣлаго предсѣдателя комитета гг. министровъ: въ 1871 году онъ, при посѣщеніи его нами, показывалъ намъ свои записки, изъ году въ годъ веденныя съ 1820-хъ годовъ! Тогда же мы видѣли у него — переплетенными въ книги — письма къ князю массмъ лицъ, имѣвшихъ видныя положенія и игравшихъ въ различныхъ сферахъ роли. Все это князь находилъ еще преждевременнымъ приготовить къ печати, затѣмъ въ 1872 году умеръ, а груды его бумагъ гдѣ, неизвѣстно. Мы видѣли у одного любителя автографовъ томы писемъ изъ собранія князя П. П. Гагарина, купленные на толкучкѣ. Будемъ надѣяться, что хотя записки, взятая куда-то на просмотръ, быть можетъ, уцѣлѣютъ отъ гибели. Во всякомъ случаѣ, вотъ къ чему приводитъ шаблонная фраза — преждевременно, повторяемая если не всегда гнѣвно, то небрежно, невниманіемъ къ требованіямъ исторіи и жизнеописаній достопамятныхъ дѣятелей.

Ред.

былъ перейти въ линію брата его Павла, у котораго были два сына и двѣ дочери.

Принцъ Павелъ любилъ общественныя удовольствія и вести разсѣянную жизнь, на что скучный Штутгартъ и чопорный дворъ виртембергской королевской семьи давалъ мало пищи; притомъ съ королемъ, своимъ братомъ, онъ не ладилъ и однажды, вслѣдствіе размолвки, рѣшился оставить Штутгартъ и поселиться въ Парижѣ. Какъ ни уговаривалъ его король остаться,—особенно въ виду необходимости старшему изъ его сыновей, предполагавшемуся будущему наслѣднику престола, получить въ своемъ отечествѣ соответственное воспитаніе и образовательную подготовку,—принцъ Павелъ остался непреклоннымъ и уѣхалъ.

Но пріѣздѣ въ Парижъ, онъ помѣстилъ дочерей (въ томъ числѣ старшую принцессу Фредерику-Шарлоту-Марию, будущую нашу великую княгиню Елену Павловну), въ одинъ изъ лучшихъ въ то время парижскихъ институтовъ для дѣвицъ, а сыновей въ лицей. Въ институтѣ, куда были помѣщены принцессы, воспитывались дочери графа Вальтера, который при Наполеонѣ I-мъ командовалъ императорскою гвардіею. Вальтеры были въ близкомъ родствѣ съ знаменитымъ ученымъ и натуралистомъ Кювье, жившимъ въ то время въ Jardin des plantes. Дѣвицы Вальтеръ, изъ которыхъ одна сдѣлалась впослѣдствіи г-жею Андре, подружились съ принцессами и Кювье бралъ изъ института, въ праздничные и вакантные дни, вмѣстѣ со своими родственницами, также прицесъ къ себѣ. Почтенный ученый особенно полюбилъ принцессу Фредерику, которая живостью ума и сердечною простотою привораживала къ себѣ всѣхъ ее окружавшихъ. Продолжительныя гулянья по Jardin des plantes, гдѣ собраны со всего свѣта замѣчательнѣйшія коллекціи флоры и царства животнаго, въ сопровожденіи всесторонне-образованнаго человѣка, какимъ былъ Жоржъ Кювье, при прирожденной любознательности принцессы, конечно, много послужили къ ея развитію. Напротивъ, въ домашнемъ быту, по словамъ г-жи Андре, дѣтское ея воображеніе могло мало находить здоровой для ума пищи. «Sa grande-mère ¹⁾, une princesse d'Angleterre, s'adonnait à l'ivrognerie — mais elle avait un caractère bien ferme. Le prince Paul, son père, était brutal». Великая княгиня имѣла непреодолимую болѣзнь мышей. «Однажды, рассказываетъ г-жа Андре, отецъ ея велѣлъ набрать цѣлый мѣшокъ мышей и, не

¹⁾ Вдовствующая королева Шарлота-Августа-Матильда, дочь великобританскаго короля Георга III, род. 29-го сент. 1766 г., бывшая въ супружествѣ съ виртембергскимъ королемъ Фридрихомъ и овдовѣвшая 30-го окт. 1816 г.

предупредивъ дочь, велѣлъ высыпать ихъ на полъ. Насилу привели въ чувство бѣдную дѣвочку».

Принцъ Павелъ жилъ въ Парижѣ и послѣ вступленія въ бракъ его дочери съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; онъ, по увѣренію г-жи Андре, получалъ субсидію отъ русскаго правительства и умеръ (16-го) 28-го апрѣля 1852 г. У брата его, въ мартѣ 1823 г., родился отъ третьяго брака съ герцогинею Виртембергскою Полиною-Терезою-Луизою сынъ, нынѣ царствующій король Карлъ, вступившій на престолъ въ 1864 г., и такимъ образомъ устранились бывшія, при отъѣздѣ въ Парижъ принца Павла, опасенія покойнаго короля Вильгельма I-го.

Великая княгиня Елена Павловна нерѣдко прѣзжала въ Парижъ и всякій разъ навѣщала своихъ подругъ по институту. Г-жа Андре говорить, что она обворожала ихъ своею самою непритворною любезностью и пріятливостью, умомъ, необычайнымъ достоинствомъ и вкусомъ ко всему изящному. Эти качества великой княгини были, впрочемъ, свидѣтельствуемы иностранцами, посѣщавшими Россію.

Кюстинъ, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи, описывая балъ, данный великою княгинею 18-го іюня 1839 г., по случаю бракосочетанія в. к. Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, говорить, что праздникъ этотъ отличался отъ всѣхъ другихъ баловъ, данныхъ по этому случаю, вкусомъ и изобрѣтательностью украшеній какъ наружности дворца, такъ и внутреннихъ покоевъ, имѣвшихъ волшебный видъ. «A chaque fête que donne la grande duchesse Helène, elle imagine, m'a-t-on dit, quelque chose d'inconnu ailleurs; je n'ai rien vu de plus magnifique, de mieux ordonné que cette fête. Cette princesse si belle, si spirituelle, est célèbre en Europe pour la grâce de ses manières et l'intérêt de sa conversation».

На этомъ балѣ случилась неловкость камергера **, которую Кюстинъ рассказываетъ такъ: вел. кн. Марія Николаевна поручила состоявшему при ней, недавно назначенному камергеромъ **, пригласить на танецъ съ нею австрійскаго посланника. На бѣду, въ то время государь Николай Павловичъ говорилъ съ посланникомъ. Камергеръ кинулся къ посланнику съ словами: *monsieur le comte, madame la duchesse de Leuchtenberg vous prie à danser, pour la première polonaise. Николай Павловичъ его остановилъ: vous venez d'être nommé à votre charge, monsieur, apprenez donc à la remplir: d'abord ma fille ne s'appelle pas la grande duchesse de Leuchtenberg, elle s'appelle la grande duchesse Marie; ensuite, vous devez savoir qu'on ne vient pas m'interrompre quand je cause avec quelqu'un.*

К. А. Вухъ.

о публичномъ концертѣ этого ребенка-артиста, данномъ въ пользу бѣдныхъ. Благотворительная цѣль и, повторимъ, просьбы нѣкоторыхъ любителей музыки склонили скромныхъ родителей молодого артиста на то, чтобы познакомить московскую публику съ талантомъ ихъ сына. 11-го іюля, молодой Рубинштейнъ, ученикъ извѣстнаго артиста г-на Виллуана (Villoing) далъ въ Петровскомъ паркѣ первый свой концертъ на фортепьяно.

Рубинштейнъ игралъ аллегро изъ концерта Гуммеля съ акомпаниментомъ оркестра г. Теплова, анданте Тальберга и четыре маленькія пьесы: Фильда, Листа, Гензелта; громкія рукоплесканія и общее выраженіе удивленія наполняли почти всѣ антракты между пьесами; дѣйствительно, все игранное молодымъ Рубинштейномъ было выполнено съ удивительнымъ, можно сказать, искусствомъ, удивительнымъ потому, что миниатюрный артистъ побѣждаетъ своимъ искусствомъ физическія затрудненія, налагаемыя его лѣтами: крошечные пальчики, перебѣгая съ чрезвычайною ловкостью по клавишамъ, вызываютъ звуки чистые, прекрасные, слабая маленькая ручка старается придавать этимъ звукамъ надлежащую силу, и, что всего замѣчательнѣе, онъ вникаетъ въ идею композитора, постигаетъ и передаетъ ее ясно, выразительно и съ возможною точностью, однимъ словомъ, въ этомъ ребенкѣ вполне обнаруживается душа артиста, чувство изящнаго; въ немъ таится столько музыкальнаго дарованія, что усовершенствованіе и полное развитіе этого таланта можетъ со временемъ доставить молодому артисту почетное мѣсто въ ряду европейскихъ музыкальныхъ знаменитостей“.

Іюль 1839 г.

Москва.

ОДНО ИЗЪ НЕВѢРНЫХЪ МНѢНІЙ

объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи.

(Ко дню XXVII-й годовщины 19-го февраля).

Во время освобожденія крестьянъ между лицами, стоявшими тогда во власти, господствовало убѣжденіе, что во избѣжаніе внутреннихъ потрясеній освобожденіе крестьянъ должно было бы совершаться постепенно. Это убѣжденіе слышится еще и повторяется теперь.

Мнѣніе, что главнымъ препятствіемъ къ экономическому, политическому и всякому развитію страны служить въ Россіи крѣпостное право, отъ котораго не только вдругъ, но еще очень долгое время, не отдѣляется Россія, было распространено въ Европѣ.

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ путешествовалъ у насъ, въ качествѣ туриста, маркизъ де-Кюстинъ. Его принимало у себя съ славянскимъ радушіемъ и предупредительною любезностью наше высшее общество. По возвращеніи въ свое отечество онъ издалъ книгу о своемъ путешествіи, въ которой, выражая свои симпатіи къ этому обществу, порицалъ абсолютизмъ, поддерживаемый будто бы и укрѣпленный крѣпостнымъ правомъ. Онъ пророчилъ, что Россіи нужны столѣтія, чтобъ избавиться отъ крѣпостнаго состоянія, и находилъ, что правительству невозможно приступить къ его упраздненію безъ такихъ предварительныхъ мѣръ, которыя не разлучны съ колебаніемъ основъ государства.

И въ это самое время, какъ и прежде того, еще въ царствованіе Александра I, дѣлались, отъ срока до срока, окружавшіеся всегда тайной, приступы къ освобожденію, почти ничѣмъ не кончавшіеся или разрѣшавшіеся такими мѣрами, которыя не прививались къ государственной жизни, какъ напримѣръ: «обязанные крестьяне».

Это западно-европейское мнѣніе страннымъ образомъ совпадало со

взглядами нашихъ соотечественниковъ, требовавшихъ не только какаго-то особаго подготовленія, но и такихъ положеній объ освобожденіи, которыя постепенно, незамѣтно и въ продолжительный срокъ привели бы крестьянъ къ воспріятію ими свободы. Эти люди, повидимому, не представляли себѣ ясно, въ чемъ именно могла бы заключаться желаемая постепенность?

Если ближе взглянуть въ дѣло, то несостоятельность такого возрѣнія обнаружится вполне.

Въ западной Европѣ крѣпостное право сложилось въ силу феодальныхъ отношеній. Подчиненіе крестьянъ помѣщикамъ представляло какъ бы отношеніе вассаловъ къ своимъ сюзеренамъ. Крестьяне были, можно сказать, подданными своихъ помѣщиковъ, составлявшихъ привилегированное сословіе въ государствѣ. Такъ, въ ближайшей къ намъ сосѣдней Пруссіи эти отношенія были точно опредѣлены закономъ.

Еще до освобожденія тамъ крестьянъ, земли ихъ представляли отдѣльные отъ помѣщичьихъ участки (Bauerland), составлявшіе какъ бы собственность крестьянства, только въ разныхъ степеняхъ крѣпости—полной собственности, владѣнія пожизненнаго или вѣчнаго. Повинности и разныя обязательства крестьянъ, какъ подданныхъ, къ помѣщикамъ были однообразно установлены закономъ. Помѣщику принадлежала патримоніальная юрисдикція и крестьянинъ платилъ ему установленную пошлину за судъ и расправу, какъ правительству. За выдачу свидѣтельства о дозволеніи вступить въ бракъ помѣщикъ взымалъ тоже опредѣленную пошлину. Относительно другихъ повинностей хозяинъ двора долженъ былъ поставлять ему, на извѣстный срокъ, въ личное услуженіе, членовъ своего семейства, которые, отбывъ такимъ образомъ въ узаконенный возрастъ свою повинность, дѣлались отъ личной зависимости свободными и т. п. ¹⁾.

Легко понять, что такое крѣпостное состояніе могло быть упразднено постепенно, въ неопредѣленное время, отмѣною нѣкоторыхъ правъ феодала или облегченіемъ для крестьянъ тѣхъ или другихъ обязанностей, до совершеннаго прекращенія ихъ всѣхъ, за признаніемъ крѣпостнаго права вообще не соответствующимъ болѣе требованіямъ времени.

Ничего подобнаго въ исторической жизни русскаго народа не было.

У насъ крѣпостное состояніе явилось послѣдствіемъ прикрѣпленія

¹⁾ См. статью: Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи, Юрія Самарина. Журналъ «Сельское благоустройство» 1858 года, № 1, и мою статью: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи», „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г. № 8, Августъ. Н. С.

помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми. При такихъ условіяхъ о постепенности освобожденія крестьянъ не могло быть и рѣчи.

Тутъ невольно приходитъ на мысль, что если бы на примѣръ лошадь была привязана на веревкѣ къ столбу и было бы признано необходимымъ отпустить ее на волю, чтобъ она отходила, то неужели одно удлиненіе мало по малу веревки можно было бы считать достиженіемъ этой цѣли и постепеннымъ доставленіемъ свободы? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что лошадь тогда только была бы на волѣ, когда веревка была бы отрѣзана или отвязана совсѣмъ, а въ такомъ случаѣ переходъ къ свободѣ, когда бы онъ ни былъ сдѣланъ, былъ бы все таки не постепенный, а внезапный.

Неудача всѣхъ приступовъ и мѣропріятій къ освобожденію у насъ крестьянъ въ царствованіе двухъ императоровъ — Александра I и Николая Павловича должна была бы, кажется, убѣдить, что эти способы пріема не удобны.

Въ концѣ царствованія государя Николая Павловича поднимался вопросъ объ установленіи опредѣленныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, введеніемъ во всей Россіи инвентарей, подобно тому, какъ они были введены генераль-губернаторомъ Дмитріемъ Гавриловичемъ Вибиковымъ въ Киевской и прочихъ ему подвѣдомыхъ губерніяхъ; но это не только не встрѣтило сочувствія дворянства, а напались и другія препятствія къ осуществленію этого предположенія.

Въ западной Европѣ, какъ мы видѣли, крѣпостное состояніе представляло сумму правъ привилегированнаго сословія съ одной стороны и обязанностей къ нему вассаловъ съ другой. Поэтому ближайшая къ намъ Пруссія, которую мы приводили въ примѣръ, могла свободно совершать у себя освобожденіе крестьянъ въ продолженіе 108 или пожалуй 158 лѣтъ. Тамъ было приступлено къ освобожденію еще въ 1702-мъ году (16 декабря), и прежде всего, государственныхъ крестьянъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, когда на Европу собиралась гроза Наполеона, министръ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, Штейнъ, далъ толчекъ медленному дотолѣ движенію освобожденія крестьянъ, чтобъ поднять духъ народный и привлечь поголовно весь народъ къ оружію. Эдиктомъ 9 октября 1807 года, между прочимъ, было постановлено, что съ будущаго Мартынова дня 1810 года всякая личная крѣпостная зависимость вообще прекращается безусловно въ цѣломъ государствѣ, а за тѣмъ было еще оставлено 50 лѣтъ на совершенное разведеніе крестьянъ съ ихъ господами (Regulirung), такъ что окончательное освобожденіе тамъ крестьянъ дотянулось почти до освобожденія ихъ у насъ.

Въ Россіи узелъ крѣпостныхъ отношеній составляла барщина. Предстояло или держать крѣпостныхъ людей, такъ сказать, на привязи или отпустить ихъ на волю.

Державнымъ словомъ Александра II было избрано послѣднее:

Рескриптами генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ въ 1857 году (съ 20 ноября) призвано было къ труду освобожденія дворянство, а манифестомъ 19 февраля 1861 года, слѣдовательно съ небольшимъ въ три года, протекшихъ въ начертаніи положеній, дарована была разомъ помѣщичьимъ крестьянамъ свобода, а затѣмъ въ непродолжительномъ времени она на тѣхъ же основаніяхъ была распространена на крестьянъ какъ государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, такъ и на крестьянъ бывшаго Царства Польскаго.

Еще въ 1819 году нашъ безсмертный Пушкинъ, глубоко постигавшій своимъ гениемъ русскій народъ и отзывавшійся на всѣ біенія русской жизни, въ своемъ пророческомъ прозрѣніи, сказалъ:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя?..

Такъ и свершилось!

Государь императоръ Александръ II подалъ знакъ—и оковы рабства пали въ Россіи.

Николай Семёковъ.

19 февраля 1888 года.

Двадцать седьмая годовщина дня освобожденія крестьянъ

1861 $\frac{19\text{-е}}{\text{февраля}}$ 1888 гг. ¹⁾.

Обычный, ежегодный, хотя не установленный никакою табелю, праздник 19-е февраля послужилъ и нынѣ днемъ чествованія великаго акта освобожденія крестьянъ и благоговѣйнаго поминовенія памяти покойнаго Государя-Освободителя. И въ этомъ году, какъ въ предыдущіе годы, повсюду на Руси вспоминалось въ этотъ день имя Александра II.

Въ Петербургѣ историческая тризна по Царѣ-Освободителѣ была отпразднована 19-го февраля въ нѣсколькихъ обѣдненныхъ собраніяхъ представителей науки, литературы, администраціи, преимущественно лицъ, служащихъ въ учрежденіяхъ, имѣющихъ близкое соотношеніе къ земству и крестьянству. Но, какъ всегда, главнѣйшимъ, наиболѣ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи было собраніе непосредственныхъ участниковъ въ составленіи законоположеній 19-го февраля 1861 г. и въ составленіи соприкасавшихся къ нимъ законовъ, а также лицъ, служившихъ въ высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ, на которыхъ лежала задача развитія и наблюденія за примѣненіемъ помянутыхъ законоположеній. На этотъ послѣдній обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота, собралось въ этомъ году 20 лицъ.

Съ каждыиъ годомъ этотъ кружокъ рѣдѣеть и рѣдѣеть. Минувшій годъ, къ прежнимъ тяжкимъ утратамъ дѣятелей крестьянскаго дѣла, прибавилъ еще три новыя жертвы, таковы: Сергій Ивановичъ Зарудный, бывшій членъ стоявшей рядомъ съ редакціонною комиссіею — комиссіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений; князь

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., томъ XII, стр. 669—734; изд. 1885 г., томъ XLV, стр. 757—758; изд. 1886 г., томъ XLIX, стр. 760—765; изд. 1887 г., томъ LIV, стр. 180.

Сергій Павлович Голицынъ, а также Иванъ Павловичъ Арапетовъ,—члены славной памяти редакціонныхъ комиссій.

Собраніе участниковъ въ реформѣ по крестьянскому дѣлу сопровождалось обычными для этого дня, изъ года въ годъ, въ теченіе 27-ми лѣтъ повторяемыми, тостами; всѣ они были провозглашены председателемъ собранія К. К. Гротомъ:

- 1) За здоровье Государя Императора.
- 2) Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.
- 3) За великое дѣло 19 февраля 1861 г.
- 4) За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.
- 5) Въ память умершихъ труженниковъ по крестьянской реформѣ.
- 6) За благоденствіе Россіи.

Здравицы сопровождались восторженными кликами «ура»; тосты поминанія сопровождались вставаніемъ присутствовавшихъ и благоговѣйнымъ молчаніемъ. Послѣдній тостъ за благоденствіе Россіи председатель сопровождалъ чтеніемъ слѣдующихъ, въ высшей степени знаменательныхъ, строкъ изъ рѣчи, произнесенной его предшественникомъ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ на такомъ же обѣдѣ 19-го февраля 1873 года. Вотъ эти строки, которыя председатель прочелъ изъ нашего журнала «Русская Старина» изд. 1884 г., мартовская книга, въ которой помѣщенъ историческій очеркъ обѣдненныхъ сходовъ 19-го февраля въ память крестьянской реформы:

«Мм. гг.! Нашъ кружокъ постепенно дѣлается тѣснѣе; жизненная спираль наша закручивается и когда она дойдетъ до точки, которая уже не будетъ имѣть, какъ говорятъ математики, никакого измѣренія, тогда некому уже будетъ справлять обѣдъ 19 февраля; но самое дѣло будетъ долго, долго вспоминаться. Быть можетъ, вспомнятъ нѣкогда и о насъ; вспомнятъ, что была небольшая группа людей, которыхъ соединяла одна мысль, которые работали по мѣрѣ своихъ силъ великому дѣлу, были преданы ему до конца своей жизни, которые желали одного — добра тому, что было прежде ихъ и осталось послѣ ихъ,—желали добра своему великому отечеству».

Затѣмъ К. К. Гротъ прочелъ слѣдующую телеграмму, полученную изъ Тифлиса отъ обычнаго на этихъ обѣдахъ гостя Юрія Николаевича Милютина, сына Николая Алексѣевича Милютина, имя котораго неразрывно связано съ актами освобожденія крестьянъ въ Россіи и Польшѣ 19-го февраля 1861 и 1864 гг.:

„Поздравляю славныхъ работниковъ освобожденія крестьянъ съ новой годовщиной бессмертнаго дня. Присоединяюсь къ вашимъ обычнымъ тостамъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ о вновь выбывшемъ изъ вашей среды, другъ моего отца, Иванъ Павловичъ Аралетовъ, и ненарушимой вѣрой въ будущее благоденствіе Россіи. Юрій Милютинъ“.

Тутъ же приводимъ телеграмму, относящуюся къ этому же дружескому собранію, но полученную утромъ слѣдующаго дня. Она прислана обычнымъ участникомъ этихъ сходовъ—Павломъ Егоровичемъ Татаринovýmъ, въ теченіе 16-ти лѣтъ (1866—1882 гг.) занимавшимъ постъ помощника статсъ-секретаря и затѣмъ бывшаго помощника управляющаго дѣлами въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія—нѣкогда высшаго законодательнаго учрежденія по крестьянскому дѣлу ¹⁾).

„Сухумъ. Лишенный третій годъ удовольствія быть на обычномъ обѣдѣ 19-го февраля, прошу передать собравшимся дѣятелямъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ мой искренній привѣтъ. Мысленно присоединяюсь къ ихъ тостамъ и пожеланіямъ. Павелъ Татариновъ“.

Вслѣдъ за симъ, по приглашенію предсѣдателя, произнесены были рѣчи въ память опочившихъ въ минувшемъ году тружениковъ крестьянской реформы. Съ глубокимъ чувствомъ, голосомъ взволнованнымъ, прочелъ высокоуважаемый Маркъ Николаевичъ Любощинскій слѣдующія строки въ память С. И. Заруднаго:

«Къ общему нашему прискорбію мы не увидимъ болѣе въ своей средѣ дорогаго всѣмъ намъ Сергія Ивановича Заруднаго. Онъ почилъ на вѣки вдали отъ родины, для которой такъ много и плодотворно потрудился, которую такъ горячо любилъ.

«Сорокапятилѣтняя дружба соединяла меня съ покойнымъ. Но не мои личныя сердечныя чувства къ Сергію Ивановичу побуждаютъ меня теперь говорить о немъ. Мои дружескія отношенія блѣднѣютъ и меркнутъ предъ той свѣтлой историческою памятью, которую оставилъ по себѣ усопшій.

«Идеалистъ въ настоящемъ значеніи этого слова, пылкій и неутомимый боецъ во имя всего высокаго и честнаго, и безпощадный, непримиримый врагъ всякой неправды, онъ былъ призванъ къ сотрудничеству въ томъ великомъ дѣлѣ, которое увѣнчалось дарованіемъ свободы двадцати милліонамъ русскихъ. Но логика исторіи требовала,

¹⁾ Въ томъ же комитетѣ и въ тотъ же періодъ времени, 1866—1882 гг., имѣлъ честь быть сначала дѣлопроизводителемъ, а потомъ помощникомъ статсъ-секретаря пишущій эти строки.

чтобы за 19-мъ февралемъ 1861 года слѣдовало 24-ое ноября 1864 г. Съ предоставленіемъ права суда 20-ти милліонамъ новымъ гражданамъ надлежало устранить то безотрадное явленіе, которое исторгло изъ устъ поэта жестокое, но справедливое слово о родинѣ:

„Черна въ судахъ неправдой черной!“

«Участіе Сергія Ивановича въ осуществленіи судебной реформы всѣмъ намъ памятно. Если улучшение нашего судебного строя не ограничилось частными измѣненіями въ существовавшихъ до 1864 г. порядкахъ, то этимъ мы обязаны настойчивой и неутомимой дѣятельности Сергія Ивановича. По его мысли началась разработка основныхъ положеній судебного преобразования. Его сильное и плодотворное вліяніе отразилось на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Онъ всего себя принесъ въ жертву борьбѣ за осуществленіе того единственнаго идеала суда, въ который онъ вѣрилъ, суда гласнаго, скораго, праваго и милостиваго. И онъ достигъ своей цѣли.

«Будущій историкъ съ любовію и должнымъ уваженіемъ остановится на личности Сергія Ивановича и оцѣнитъ по достоинству его заслуги предъ потомствомъ. Для насъ, его ближайшихъ современниковъ, на чьихъ глазахъ протекла вся дѣятельность усопшаго, его свѣтлый образъ неразрывно будетъ связанъ съ воспоминаніями о лучшей порѣ нашей жизни, озаренной завѣтными мечтами и посвященной дружному труду на благо дорогого намъ отечества.

«Почтимте же единодушно добрую память сотрудника. Миръ праху его!»

Рѣчь М. Н. Любощинскаго была дополнена весьма трогательнымъ указаніемъ М. П. Миткова на слѣдующій фактъ. С. И. Зарудный скончался въ вагонѣ, за нѣсколько минутъ до пріѣзда въ Ниццу, тамъ онъ и погребенъ на православномъ кладбищѣ; надъ могилой С. И. Заруднаго поставленъ бѣлаго мрамора крестъ, на которомъ, независимо отъ года рожденія и смерти С. И., начертаны два самые знаменательные дня его жизни, а именно: 19-ое февраля 1861 г. и 24-ое ноября 1864 г.; едва-ли надо говорить, что это дни высочайшаго утвержденія двухъ величайшихъ реформъ Государя-Освободителя, въ которыхъ столь пылкимъ, столь просвѣщеннымъ и даровитымъ участникомъ былъ С. И. Зарудный.

Подробною, и какъ всегда съ искусствомъ сказанною, рѣчью П. П. Семеновъ почтилъ память князя Сергія Павловича Голицына. Ораторъ обрисовалъ нравственный обликъ этого добраго, во всѣхъ отношеніяхъ благороднаго помѣщика и человека, бывшаго члена славной

памяти редакціонныхъ комиссій. Покойный князь С. П. Голицынъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, въ которыхъ мысль о необходимости освобожденія уже вполнѣ созрѣла, когда раздался впервые великодушный призывъ Государя къ великому дѣлу. При всемъ томъ близко принялъ къ сердцу кн. С. П. Голицынъ первыя вѣсти о предстоящемъ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ и чутко на нихъ отозвался. Въ его напечатанной для народа и народнымъ языкомъ брошюрѣ «Печатная правда» конечно еще выразилась та тревога, которая не могла не волновать многихъ русскихъ людей, гражданъ и помѣщиковъ, въ виду той великой реформы, которая возникала столь рѣшительно и грандіозно. Брошюра князя С. П. Голицына была вызвана, главнымъ образомъ, опасеніями, чтобы народъ не понималъ ошибочно намѣреній правительства и не былъ взволнованъ каними нибудь несбыточными ожиданіями.

«Между тѣмъ, стали формироваться, по волѣ государя, редакціонныя комиссіи. Извѣстно, какъ близко интересовался императоръ Александръ Николаевичъ всѣмъ этимъ дѣломъ; какое живое участіе принималъ онъ во всей сложной закипѣвшей работѣ и какъ онъ заботился о надлежащемъ составѣ редакціонныхъ комиссій...

«Озабочиваясь этимъ, государь императоръ, однажды, на балѣ въ Зимнемъ дворцѣ подходя къ Я. И. Ростовцеву, высказалъ мысль, что желательно видѣть въ этихъ комиссіяхъ нѣсколько представителей крупнаго землевладѣнія въ Россіи. При этомъ его величеству угодно было указать: на губернскихъ предводителей дворянства С.-Петербургскаго графа П. П. Шувалова и Орловскаго — В. В. Апраксина, князя Ф. И. Паскевича и князя Голицына.

«Помянутымъ лицамъ были разосланы за подписью Я. И. Ростовцева приглашенія отъ имени Государя Императора къ участію въ редакціонныхъ комиссіяхъ. При этомъ покойный Ростовцевъ направилъ приглашеніе къ князя С. П. Голицыну. Это послѣднее приглашеніе оказалось ошибкою, которая скоро и разъяснилась. Князь С. П. Голицынъ былъ адъютантомъ государя до вступленія его на престолъ, а желаніе Государя относилось къ другому кн. Голицыну, бывшему флигель-адъютантомъ.

«На откровенное объясненіе Я. И. Ростовцевымъ случившейся ошибки государь отвѣтилъ, что онъ очень радъ приглашенію и кн. С. П. Голицына и не встрѣчаетъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы вмѣсто одного кн. Голицына было бы въ редакціонныхъ комиссіяхъ два. Другой кн. Голицынъ по болѣзни уѣзжалъ въ то время за границу и хотя остался въ спискахъ членовъ комиссій, но не возвращался до окончанія ихъ работъ, и не принималъ въ нихъ фактическаго участія. Князь же Сергій Павловичъ сдѣлался ревностнымъ участникомъ въ

трудахъ комиссій. Послѣ первыхъ же засѣданій хозяйственнаго отдѣленія онъ отчетливо уяснилъ себѣ предстоявшія задачи и глубоко и искренно примкнулъ къ тому большинству комиссій, согласно съ мнѣніями котораго и былъ составленъ проектъ положеній 19 февр. 1861 г. Вѣрнымъ и неизмѣннымъ своимъ убѣжденіемъ остался онъ навсегда. Послѣ кончины Якова Ивановича былъ моментъ, въ который должно было обозначиться въ какой мѣрѣ глубоки и искренни убѣжденія членовъ комиссій, составлявшихъ большинство ихъ, и кн. С. П., вмѣстѣ со всѣми другими своими товарищами, вышелъ съ честью изъ этого испытанія, а потому имя его пребудетъ тѣсно связаннымъ съ великимъ дѣломъ, выпавшимъ на долю редакціонныхъ комиссій. Поработалъ онъ и надъ приведеніемъ въ исполненіе положеній 19-го февраля—въ качествѣ Черниговскаго губернатора.

«Впослѣдствіи, когда возникли ежегодныя сходки въ память 19-го февраля, князь С. П. являлся на нихъ весьма усердно, а въ 1885 году, въ виду наступавшей, въ слѣдующемъ году, 25-й годовщины великаго акта освобожденія крестьянъ, онъ обратился къ К. К. Гроту съ запиской, въ которой проектировалъ учрежденіе училища для крестьянъ, какъ одного изъ лучшихъ и вполне благотворныхъ памятниковъ великаго дѣла. Этимъ добрымъ дѣломъ—прекрасно охарактеризовалась нравственная личность кн. С. П. Голицына, его глубокая преданность крестьянскому дѣлу и горячее желаніе блага дорогому отечеству».

Приводимъ здѣсь переданную намъ К. К. Гротомъ записку кн. С. П. Голицына, о которой упомянулъ П. П. Семеновъ, приводимъ именно какъ документъ весьма важный для характеристики кн. Сергія Павловича, столь недавно почившаго сномъ смерти члена бывшихъ редакціонныхъ комиссій.

С.-Петербургъ, 22-го февраля 1885 года.

„М. г. Константинъ Карловичъ. На обѣдѣ 19-го февраля настоящаго года было высказано предположеніе объ ознаменованіи имѣющаго совершиться 19-го февраля 1886 года двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вполнѣ сочувствуя такому предположенію, рѣшаюсь изложить на предварительное воззрѣніе в-го высокоп-ства пришедшую мнѣ въ голову мысль:

„Находясь постоянно въ довольно близкомъ соприкосновеніи съ крестьянами, я пришолъ къ убѣжденію, что большое мѣсто крестьянства нашего есть неграмотность большинства и полуграмотность тѣхъ, которые прошли чрезъ имѣющіяся школы. Не говоря о томъ, что сельскихъ школъ вообще недостаточно, не могу не сказать, что обученіе въ большинствѣ существующихъ и неудовлетворительно и не цѣлесообразно. Въ богѣ выдающихся изъ нихъ, весьма впрочемъ рѣдкихъ, по программамъ обученія залетаютъ довольно далеко; но мнѣ не случилось еще встрѣтить вышедшаго изъ сельской школы крестьянина-мальчика, который могъ-бы читать осмысленно пе-

чайное слово, такъ сказать, перевести читаемое на разговорный обычный, понятный каждому, языкъ; читаютъ бѣгло, но бессознательно. Между тѣмъ, именно въ такого-то рода грамотности (т. е. въ сознательной) представляется для крестьянъ, въ настоящее время, настоятельная необходимость

„Распространяться въ доказательствахъ этой несомнѣнной истины едва ли нужно. На каждомъ шагу приходится слышать отъ самихъ крестьянъ: мы люди темные, неграмотные. И дѣйствительно, отъ нихъ такъ и вѣетъ мракомъ, въ которомъ они обрѣтаются, и, вслѣдствіе того, неуверенностью, сомнѣніемъ и колебаніемъ. Еще вреднѣе для крестьянъ послѣдствія полуграмотности, вовлекающей ихъ въ ошибочное уразумѣніе дѣлъ и въ промахи, отъ которыхъ они же страдаютъ. Въ общемъ же результатъ оказывается, что крестьянинъ или не рѣшается приняться за какое либо дѣло, или же принимается за него съ ошибочной точки зрѣнія, превратно понявъ прочитанное имъ печатное слово. Крестьянинъ нашъ, въ глубинѣ души, склоненъ къ предпримчивости, но сплошь да рядомъ боится и роздежъ является собственно потому, что темна вода во облацѣхъ. Все это положительно тормозитъ ходъ сельскохозяйственнаго поступательнаго развитія и экономическаго преуспѣянія крестьянскаго сословія.

„Исходя, затѣмъ, изъ того принципа, что правильное развитіе образованія составляетъ, для крестьянства, краеугольный камень его экономическаго благосостоянія, я полагаю, что дружескій кружокъ, сплотившійся съ остатками редакціонныхъ комиссій и галванически ихъ возжившій, могъ бы, по случаю предстоящаго знаменательнаго юбилея, принести свою лепту оказаніемъ существеннаго подспорья дѣлу крестьянскаго просвѣщенія.

„Развивая далѣе мысль мою, я не считаю неосуществимымъ даже учрежденіе, отъ имени дружескаго кружка, крестьянской школы. Мнѣ одному приняться за исполненіе такого дѣла и затѣмъ обезпечивать впослѣдствіи матеріальную его сторону—не позволяетъ мое личное состояніе; но по складчинѣ и заручившись содѣйствіемъ, напримѣръ, комитета грамотности, дѣло, мнѣ сдается, выполнимо.

„Съ моей стороны, моя доля участія заключалась бы въ слѣдующемъ:
1) Дарю я подъ школу участокъ земли до трехъ десятинъ въ имѣніи моемъ Московскаго уѣзда, Троицкомъ-Кайнарджи, въ 20 верстахъ отъ Москвы.
2) Вношу я единовременно одну тысячу рублей въ составъ потребной на постройку школы сумми; и 3) До тѣхъ поръ, пока школа будетъ существовать, обязуюсь я вносить на ея содержаніе, ежегодно 19-го февраля, по сто пятидесяти рублей.

„Не предрѣшая дальнѣйшихъ подробностей этого дѣла, я однакоже полагаю бы: а) Школѣ именоваться: Школа 19-го февраля 1886 года имени Императора Александра II. б) Быть ей въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. в) Школѣ быть не болѣе какъ двухклассною. г) Устроить ее первоначально на пятьдесятъ учениковъ и ученицъ, съ тѣмъ однакоже, что если дѣло пойдетъ уснѣшно, то это число увеличить до ста. д) Обученіе въ школѣ бесплатно. е) Независимо отъ законоучителя, имѣть въ школѣ одного учителя и одну учительницу, для конхъ устроить помѣщенія, п ж) Изъ предметовъ преподаванія обратить особенное вниманіе на осмысленное, толговое и сознательное чтеніе.

„Въ заключеніе, необходимымъ считаю заявить, что если бы мнѣ не довелось дожить до осуществленія моей мысли, то всѣ принятія мною на себя, въ настоящемъ письмѣ, обязательства возлагаю я на моего прямаго

единственнаго наследника, сына моего, князя Николая Сергѣевича Голицына, причѣмъ не могу не присовокупить, что онъ, сынъ мой, какъ постоянно живущій въ названномъ имѣніи моемъ, могъ бы быть весьма полезнымъ почителемъ школы.

„Съ глубокимъ почтеніемъ и проч. Князь Сергій Голицынъ“¹⁾.

Вслѣдъ за воспоминаніемъ о князѣ С. П. Голицынѣ представлена была собранію живая характеристика И. П. Арапетова. К. И. Домонтовичъ, весьма близко знавшій въ теченіе многихъ лѣтъ этого члена редакціонныхъ комиссій, указалъ на то, что «Иванъ Павловичъ былъ глубоко-искреннимъ поклонникомъ великой реформы 19-го февраля. Онъ усердно работалъ въ составѣ редакціонныхъ комиссій, а по упраздненіи ихъ, являлся, гдѣ было возможно, горячимъ защитникомъ крестьянскихъ положеній. Онъ всегда былъ готовъ вступить въ бой съ ихъ порицателями и его умная и страстная рѣчь многихъ убѣдила, многихъ заставила замолчать. Заслуга его не мало-важна, такъ какъ успѣшная пропаганда гуманныхъ идей въ образованномъ обществѣ часто болѣе полезна, чѣмъ дѣятельность, связанная съ служебными обязанностями. Впрочемъ, Иванъ Павловичъ, состоя еще на службѣ имѣлъ значительное вліяніе на принятіе тѣхъ основаній, которыя были окончательно утверждены для устройства быта удѣльныхъ крестьянъ.

«Мнѣ всегда больно было слышать несправедливыя сужденія объ Иванѣ Павловичѣ, какія высказывались, конечно, не его друзьями, а въ обществѣ лицъ, мало его знавшихъ. Всѣ признавали въ немъ умнаго, образованнаго и пріятнаго собесѣдника, но вмѣстѣ съ тѣмъ многіе считали его черствымъ эгоистомъ и нелюдимымъ. Безспорно, своимъ образомъ жизни онъ могъ вызвать такое о себѣ мнѣніе, но безспорно также и то, что многіе люди кажутся не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ есть, и къ числу такихъ личностей принадлежалъ Иванъ Павловичъ Арапетовъ.

«Онъ былъ человѣкъ своеобразный и далеко не дюжинный. При ясномъ, логическомъ умѣ, большая впечатлительность и воспримчивость, отвращеніе отъ всякой лжи и фальши, солидныя знанія, любовь ко всему изящному. Онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ художественныхъ произведеній, особенно въ литературѣ, сочувствовалъ всему хорошему и умѣлъ всегда отличить истину отъ фальши.

«Поэтому его не только любили, какъ пріятнаго собесѣдника, такіе люди, какъ Тургеневъ, Самаринъ, Черкасскій, Кавелинъ и др., но и

¹⁾ Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что изложеннымъ въ этой запискѣ предположеніямъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до сихъ поръ не было суждено осуществиться.

уважали въ немъ знатока въ области изящной литературы, исторіи, политическихъ и социальныхъ наукъ.

«Иванъ Павловичъ не любилъ общества, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, когда разстроился тотъ симпатичный ему кружокъ пріятелей, которые были ему особенно дороги. Онъ не понималъ прелести свѣтской болтовни, боялся глупыхъ людей и нелѣпыхъ сужденій о серьезныхъ предметахъ. Его нетерпимость въ этомъ отношеніи была такъ сильна, что онъ предпочиталъ бесѣду съ книгами и съ самимъ собою, всякимъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Вотъ почему въ обществѣ, гдѣ его мало знали, онъ слылъ за эгоиста, безсердечнаго человѣка, мизантропа.

«Нѣтъ, онъ не былъ эгоистъ. Онъ любилъ истину и все прекрасное въ природѣ и созданіяхъ человѣка; нельзя же винить его за то, что онъ избѣгалъ столкновенія съ людьми, которые раздражали его до боли или наводили на него тоску.

«Этотъ эгоистъ проявлялъ въ интимномъ кругу самыя нѣжныя чувства. Я могу указать только на то, что всѣмъ извѣстно. Тѣсная дружба соединяла его съ незабвеннымъ Н. А. Милютинымъ. Онъ былъ преданъ ему безпредѣльно, любилъ его какъ человѣка и чтилъ какъ замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Въ продолженіе моей жизни я не встрѣчалъ другаго примѣра такой сильной, безкорыстной и трогательной привязанности, какую питалъ Иванъ Павловичъ къ братьямъ Милютинымъ и ихъ семействамъ.

«Древніе греки превозносили чувство дружбы какъ великую добродѣтель. Иванъ Павловичъ Арапетовъ проявилъ такую классическую добродѣтель въ нашъ эгоистическій вѣкъ».

Сказанная—вслѣдъ за рѣчью К. И. Домонтовича—рѣчь М. И. Семейскаго было посвящена воспоминанію объ Александрѣ Васильевичѣ Головиннѣ и именно объ его отношеніяхъ къ сельскому населенію роднаго А. В. края—Рязанской губерніи, Пронскому уѣзду, въ которомъ принадлежало покойному имѣніе, село Гулынки.

Немедленно по освобожденіи крестьянъ, именно тогда, когда громадное большинство помѣщиковъ, когда-либо и что либо дѣлавшихъ для своихъ крестьянъ, прекратили поддержку въ своихъ имѣніяхъ различныхъ, нѣкогда учрежденныхъ ими, благотворительныхъ учреждений, А. В. Головиннѣ, напротивъ того, усилилъ, развилъ и увѣковѣчилъ плоды своей высоко-благотворительной дѣятельности по отношенію къ прежнимъ своимъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, въ 1863 г. онъ занялся сооруженіемъ въ с. Гулынкахъ каменнаго храма и довершилъ эту постройку на свое иждивеніе въ 1865 году, положивъ въ это святое дѣло значительный капиталъ; при церкви тогда же

устроена имъ церковная библіотека, нынѣ имѣющая болѣе 1000 названій книгъ.

Въ томъ же году основано А. В. въ с. Гулынкахъ училище для мальчиковъ, для котораго вскорѣ сооружено было каменное зданіе съ квартирами для двухъ учителей. Зданіе было обставлено, до послѣднихъ мелочей, съ необыкновенною любовью и заботливостью, и тогда же приглашены были отличные народные учителя; дѣло обученія въ этомъ училищѣ не прекращается и поднесъ, въ теченіе четверти столѣтія. При училищѣ устроены двѣ библіотеки: одна ученическая, въ которой находится нынѣ до 425 названій книгъ, на сумму болѣе 1,000 р., и библіотека для мѣстнаго населенія, а также для учащихся, изъ 5,000 книгъ, на сумму до 3,200 р. Въ училищѣ имѣется собраніе музыкальных инструментовъ, физическій кабинетъ и всевозможныя пособия на сумму болѣе 1,000 руб. какъ для обученія нѣню, музыкѣ, такъ и для нагляднаго преподаванія въ области естествознанія и отечествовѣдѣнія. Вскорѣ послѣ того, какъ основано мужское училище,—незабвеннымъ покойникомъ было учреждено такое же училище и въ томъ же селѣ Гулынкахъ для дѣвочекъ; для женской школы выстроенъ былъ деревянный домъ и также снабженъ рѣшительно всѣмъ необходимымъ, и эта школа, подобно мужской, существуетъ и поднесъ, съ 1870 года. Чтобы привлечь дѣвочекъ въ школу и къ руководѣльнымъ работамъ, А. В., въ первые годы по открытіи училища, озаботился, дабы приходящія были на его счетъ кормимы горячею пищею, а бѣднѣйшимъ раздавалась теплая одежда; въ праздники же выдавались подарки и все это продолжалось не годъ, не два, не въ пору только увлеченій различными благотворными вѣяніями, каковыя увлеченія отличали нѣкоторыхъ русскихъ людей шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ, нѣтъ, со стороны А. В. Головнина это продолжалось всю его жизнь, до самаго того времени, когда смерть смежила очи этого истинно русскаго человѣка и патріота въ самомъ возвышенномъ значеніи сего слова.

Основаніемъ двухъ школъ не ограничилась благотворная дѣятельность А. В. Головнина по отношенію къ населенію его края; лѣтомъ въ помѣщеніи женской школы, устраивался, — онъ и понынѣ существуетъ, — пріютъ для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей сельскихъ работницъ. Уходя на работу въ поле, крестьянки приносили сюда своихъ дѣтей и вѣряли ихъ самому заботливому уходу мѣстной учительницы. Въ тѣхъ-же Гулынкахъ былъ устроенъ, все на счетъ того-же землевладѣльца А. В. Головнина, родильный пріютъ; была акушерка, фельдшерница, врачъ. Подъ вѣдѣніемъ послѣдняго находилась лечебница для приходящихъ.

Передъ нами лежитъ довольно объемистая брошюра, изданіе 1874 года, подъ заглавіемъ: «Замѣтки о лечебницѣ для приходящихъ и о двухъ начальныхъ училищахъ, мужскомъ и женскомъ, въ селеніи Гулынкахъ, и объ имѣющейся въ томъ-же селеніи акушеркѣ».

Брошюра заключаетъ въ себѣ весьма много интересныхъ данныхъ; она издана иждивеніемъ А. В. Головинна, но, вслѣдствіе обычной его скромности, о благотворителѣ не упоминается въ брошюрѣ ни единымъ словомъ; точно также какъ и въ другой брошюрѣ: «Замѣтки о двухъ церквахъ въ с. Гулынкахъ, описаніе ихъ для прихожанъ этихъ церквей», изданной въ 1873 году. Въ ней также вовсе не названа фамилія Головинна.

Результаты высоко благотворной дѣятельности Александра Васильевича по отношенію къ сельскому населенію таковы: въ женской школѣ обучалось ежегодно отъ 25 до 40 дѣвочекъ, а мужское училище, за время съ 1863 года по 1887 годъ, выпустило, въ теченіе 24-хъ лѣтъ, шестьсотъ пятьдесятъ одного мальчика, прошедшихъ курсъ начального училища, при чемъ значительное число выпущено со льготой по воинской повинности. Изъ тѣхъ-же мальчиковъ 13 прошли затѣмъ полный курсъ земской учительской семинаріи и сдѣлались отличными народными учителями.

При мужской-же школѣ въ 1870 г. была устроена метеорологическая станція, существующая и до сихъ поръ.

Озабочиваясь охраненіемъ всего содѣяннаго имъ въ селеніи Гулынки, А. В. въ 1867 г. передалъ всѣ свои благотворительныя учрежденія въ вѣдѣніе Провскаго уѣзднаго земства, вмѣстѣ съ капиталомъ въ 12,000 р.

— «Сдѣлано это, пишетъ онъ 16-го мая 1867 г., въ с. Гулынки, къ почтенному учителю Н. С. Федотьеву, — изъ желанія упрочить существованіе этихъ заведеній, ибо наслѣдники мои не будутъ въ состояніи содержать оныя послѣ моей смерти, а по причинѣ постоянныхъ болѣзней, я не могу рассчитывать прожить долго».

Но и послѣ передачи земству своихъ учрежденій А. В. Головинъ остался самымъ заботливымъ попечителемъ всего имъ насажденнаго с. въ Гулынкахъ. Ежегодно доставлялись туда для нихъ всѣ необходимыя вещи: книги, картины, сѣмена огородныхъ овощей и цвѣтовъ, все необходимое для насажденія, а также предметы по отношенію къ пчеловодству, садоводству и т. д., и т. д.

Трогательно перечитывать письма А. В. Головинна къ помянутому учителю Н. С. Федотьеву, переданныя сямъ послѣднимъ (въ количествѣ болѣе 200 писемъ) редакціи «Русской Старины»¹⁾.

¹⁾ Далѣе мы дополняемъ нашу рѣчь выписками изъ собственноручныхъ писемъ А. В. Головинна, о которыхъ въ застольномъ нашемъ словѣ мы лишь упомянули.

Письма эти объемлют время съ 6-го сентября 1865 г. по 5-е сентября 1886 года, т. е. доходятъ почти до послѣднихъ дней жизни А. В. Головнина. И какаѣ деликатности въ отношеніяхъ этого государственнаго сановника къ скромному сельскому учителю, какаѣ предупредительность отличала Александра Васильевича!.. Беру на выдержку одно изъ его писемъ:

— «С.-Петербургъ. 28 октября 1871 г. Сегодня я послалъ къ вамъ ящикъ съ 5-ю скрипками, смычками, футляромъ и запасными принадлежностями.... Я поручилъ доставить ящикъ къ вамъ; по полученіи онаго съ мороза, потрудитесь не вдругъ открывать его и дайте отогрѣться и увѣдомьте меня, какъ вы находите инструменты; они были выбраны г. Ломакинымъ, регентомъ шереметьевскихъ пѣвчихъ».

Эти скрипки предназначались для учителей при обученіи крестьянъ въ с. Гулынкахъ пѣнію, — предметъ, между многими другими, живо интересовавшій А. В., который писалъ объ этомъ нѣсколько длинныхъ писемъ учителю Н. С. Федотьеву, сообщая ему въ какомъ положеніи находится обученіе музыки въ народныхъ школахъ Германіи:

— «Очень я радъ, что пѣніе у васъ идетъ хорошо, пишетъ А. В. 19-го февраля 1871 года г. Федотьеву; музыка — большое образовательное средство и въ Германіи обращаютъ на нее вниманіе. Представьте, что въ учительской семинаріи въ Карлсруэ (Баденъ) употребляютъ на обученіе музыкѣ будущихъ народныхъ учителей 27 часовъ въ недѣлю» и т. д.

Вотъ еще нѣсколько строкъ А. В. Головнина:

— «21 декабря 1883 г. Я имѣю случай получить сѣмена отличныхъ огородныхъ овощей. Потрудитесь спросить нашего священника, учительницу, а также гулынскихъ огородниковъ и мельниковъ какія сѣмена, т. е. какихъ овощей они желали бы получить; а также увѣдомьте меня, пожалуйста, какія вамъ могли-бы быть полезны. Сверхъ того, я пришлю сѣмена разныхъ медоносныхъ растений для пчелъ, чтобы посѣять въ саду, на лугахъ и по межахъ».....

Благотворная дѣятельность Головнина, по отношенію къ сельскому населенію, продолжалась, какъ мы уже сказали, до послѣднихъ дней его жизни.

Въ октябрѣ 1885 года онъ съ грустью замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что уменьшеніе его доходовъ вынуждаетъ съ его стороны уменьшать пособія на разныя добрыя дѣла.

Любопытна черта, которая видна изъ этого же письма, черта для характеристики незабвеннаго покойнаго:

— «Я уже 18 лѣтъ отказываю себѣ, пишетъ Головнинъ, въ поѣздкахъ на минеральныя воды и лечусь въ Царскомъ селѣ привозными», и все это дѣлалось, между прочимъ, какъ можно о томъ догадываться,

для того, чтобы имѣть возможность продолжать поддержку благотворительныхъ учреждений, заботиться о нихъ и выдавать пособия однофамильцамъ, родственникамъ въ разныхъ губерніяхъ, которые осаждали его своими просьбами.

— «Я очень порадовался, пишетъ А. В. Головинъ тому же Н. С. Федотьеву, 5-го сентября 1886 г., изъ Царскаго села, узнавъ, что высокопреосвященный владыко рязанскій посѣтилъ наши школы и благословилъ ихъ иконами. А. Головинъ»...

Эти были послѣднія строки, въ которыхъ А. В., уже въ виду смерти, присоединялся къ благословенію, которымъ осѣнилъ мастиный архипастыръ прекрасное дѣло, основанное, развитое, упроченное А. В. Головиннымъ для того населенія, которое нѣкогда было его крѣпостнымъ.

Не правда-ли, какъ высоко нравственна эта личность, какъ тѣсно соединилось для него слово съ дѣломъ, какъ горячо любилъ онъ то населеніе, для котораго несъ свой трудъ, свои заботы въ эпоху его освобожденія, въ эпоху установки его быта на новыхъ началахъ, положенныхъ великимъ актомъ 19-го февраля 1861 года.

Остается напомнить, заключилъ М. И. Семевскій, какое горячее сочувствіе выражалъ Головинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, къ чествованію великаго дня 19-го февраля. Вотъ что пишетъ, напри- мѣръ, А. В., 20-го февраля 1882 г., къ высокоуважаемому нашему предсѣдателю К. К. Гроту:

«20-го февраля 1882 года. Суббота.

«Дорогой Константинъ Карловичъ! Я въ полномъ восхищеніи отъ Вашего вчерашняго (19-го февраля) обѣденнаго собранія. Это постоянное, 20-ти-лѣтнее доказательство сочувствія къ великому дѣлу, благодарной памяти за оное,—заслуживаетъ большаго уваженія.

«Вамъ принадлежитъ главнѣйше честь этого постоянства.

«Теперь, когда такъ мало встрѣчается отраднаго въ жизни, еще болѣе цѣнишь хорошія явленія. Искренно преданный Головинъ».

Чтеніемъ этого письма закончилось воспоминаніе М. И. Севе- ского о Головинѣ.

К. И. Домонтовичъ присоединился къ словамъ и привѣту, обра- щенному, такъ сказать, изъ могилы, А. В. Головиннымъ къ К. К. Гроту, и провозгласилъ тостъ за здоровье Константина Карловича, какъ лица, которому, по справедливому выраженію Головина, «при- надлежитъ главная честь постоянного выраженія, ежегодно въ этотъ день, сочувствія великому дѣлу освобожденія крестьянъ».

Все собраніе съ одушевленіемъ присоединилось къ этому тосту. Въ 9-мъ часу присутствующіе разъѣхались. Ред.

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ,

очеркъ Н. М. Колмакова.

Описки и опечатки въ этой статьѣ.

„Русская Старина“, изд. 1887 г., книги XI и XII:

	Напечатано:	Читай:
Стр. 299, строка 4, почтемъ		почтѣмъ
„ 301, снизу строка 7, 12 класса		10 класса
„ 313, строка 3, на праздность, развращаютъ денежные взмысканія и раззоряютъ крестьянъ		на праздность и развращаютъ, а денежные взмысканія раззоряютъ крестьянъ
„ 320, „ 8, доклады составляютъ		доклады составлялись
„ — „ 9, всякія дѣла представляютъ		всякія дѣла представлялись
„ 322, „ 14, были консультаціи, учрежденныя		была консультація, учрежденная
„ 324, составленіе по оному предложенію		составленное по оному предложенію
„ 325, строка 13, Широа		Шираа
„ 328, „ 6, въ опредѣленіяхъ		въ опредѣленіяхъ
„ 758, снизу, И. И. Мансуровъ		Б. П. Мансуровъ
	И. И. Суцовъ	Н. Н. Суцовъ
„ 763, строка 4, не върояны		не въроятны
„ 762, „ 7, снизу, Вирадъ		Варадъ
„ 760, П. Я. Бугаковъ		П. А. Бугаковъ
„ — строка 14, улыбался		улыбался
„ 769, Карпіюлевъ		Карпіюлинъ
„ 770, строка 8, Ивановичъ		Михайловичъ
„ 778, Кетгеръ		Капгеръ
„ — снизу строка 1, злюбѣе		злюблю

Въ разныхъ мѣстахъ очерка напечатано: Топильскій, читай: Топильской.

Сообщ. Н. М. Колмаковъ.

П о п р а в к и.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г., томъ LVII, февраль, стр. 432, напечатано: **Θ. Л. Доброленскій** поступилъ вновь въ духовное званіе...

Это не точно. **Читай:** поступилъ вновь на службу въ духовное вѣдомство...

Въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г., стр. 832, въ автобиографической замѣткѣ о В. Θ. Коршѣ сказано, что онъ кончилъ курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1830 г., слѣдуетъ читать: въ 1850 г. **А. Ч.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1888 г.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТР.
I. Разказы Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной Гебль (Gueuble), род. 1800, † 1876 г. Записаны О. И. Ивановою, рожд. Анненковою. Гл. I—III.	169—198; 433—456; 567—604
II. Записки Д. И. Ростиславова, профессора спб. духовной академіи, † 18-го февраля 1877 г., о бѣломъ духовенствѣ. Гл. XXII.	87—107
III. 8-е сентября 1862 года. Изъ воспоминаній современника	1—16
IV. Воспоминанія о голодѣ на сѣверѣ Россіи въ 1868 г. Сообщ. Теофанъ А. Доброленскій.	63—86; 409—432
V. Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г. Замѣтки кн. В. Д. Дабижа Гл. I—VII.	355—383
VI. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина. Очеркъ второй.	695—731

Историческіе и біографическіе очерки. Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	СТР.
I. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Письма къ князю разныхъ лицъ въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ	735
II. Царь Петръ I и князь А. Д. Меншиковъ, 1715 года. Сообщ. С. Звѣревъ.	733
III. Принцъ Карлъ-Эрнестъ Курляндскій въ Бастили съ 8-го января по 24-е апрѣля 1768 г. Состав. и сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій	739—750
IV. Житіе преподобнаго Сергія, въ редакціи императрицы Екатерины II.	751—756
V. Московская Старина. Выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1786 г. Сообщ. Аск. Ник. Труворовъ . . .	108
VI и VII. Сутерландъ и Рылѣвъ. Сообщ. Г. И. Студенкинъ.	791
VIII. Эджвортъ де-Фирмонъ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій . .	802
IX. Моисей Гумилевскій, 1789 г. Сообщ. А. Корсаковъ и Д. Языковъ	797
X. Маскерадъ (приглашеніе жителей Петербурга въ 1799 г. въ маскерадъ въ Гатчинѣ)	734
XI. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историч. очеркъ. Гл. XIV. Сост. М. А. Колчинъ	37—62; 385—407
XII. Замѣтки къ статьѣ: «Ссылные и заточенные въ Соловецкомъ монастырѣ». Сообщ. В. С. Иконниковъ	757—760
XIII. Баронъ Карлъ Александровичъ фонъ-Гейкинъ. Род. 22 юля 1751 г., † 18 октября 1809 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ, Г. К. Рѣпинскій и В. С. Иконниковъ	797
XIV. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I, 1806—1815 гг. Гл. I—IV. Изслѣдованіе. Состав. Н. К. Шильдеръ . . .	269—319
XV. Россія и Финляндія. Историческій очеркъ, 1721—1809—1881 гг. Сообщ. въ 1885 г. Е. Е. 109—135; 673—693	
XVI. Александръ и Николай Ивановичи Тургеневы 1830 г. Сообщ. П. А. Висковатовъ	793
XVII. Александръ Ивановичъ Герценъ. Гражданская его служба въ 1820—1841 гг. Сообщ. А. Н. Мосоловъ.	769—770

стр.

- XVIII. Одинъ изъ душевладѣльцевъ крѣпостной эпохи 1840 г. Сообщ. I. В. Лохвицкій. 408
- XIX. Великая княгиня Елена Павловна, 1806, † 1873 г. Ея біографія; замѣтки. Сообщ. К. А. Бухъ 803
- XX. Петръ Кононовичъ Меньковъ, род. 1814, † 1875 г. Эпизодъ изъ его жизни, 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ 771—784
- XXI. Константинъ Дмитріевичъ Хрущовъ и бывшіе его крестьяне въ 1861—1874 гг. Сообщ. П. П.—чъ . . . 785—790
- XXII. Николай Ивановичъ Надеждинъ. Къ Запискамъ Н. Н. Мурзакевича. Сообщ. И. Шляпкинъ 407
- XXIII. Рушукскій отрядъ въ 1877 — 1878 гг. Историческій очеркъ. Состав. М. П. Степановъ . . . 199—230; 321—353.
- XXIV. Санъ-Стефанскій договоръ 19-го февраля 1878 г. Историческая поминка ко дню его десятилѣтней годовщины 1878 г. 19-го февраля 5 час. пополудни, 1888. . . 519—554
- XXV. Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Первое его десятилѣтіе, 1878—1888 гг. Обзоръ дѣятельности и его задачи. Сообщ. проф. И. Е. Андреевскій. 487—517
- XXVI. Въ странахъ Средней Азии. Путевыя впечатлѣнія Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извлеч. и переводъ В. В. Тимошукъ. Гл. I—IV 137—167; 605—626
- XXVII. Адольфъ Петровичъ Берже. Памятникъ ему въ городѣ Тифлисѣ. Сообщ. Д. А. Кобяковъ 485—486
- XXVIII. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Род. 1835 г., † 1887 г. 457—476; 655—672
- XXIX. Сергій Ивановичъ Зарудный, род. въ 1820 г., † 18-го декабря 1887 г. Сообщ. Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ
477—484
- XXX. Первая бесплатная городская читальня въ С.-Петербургѣ, 24-го ноября 1887 г. 265—268
- XXXI. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, очеркъ Н. М. Колмакова. Описки и опечатки въ этой статьѣ. Сообщ. Н. М. Колмаковъ. 832
- XXXII. Одно изъ невѣрныхъ мнѣній объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Ко дню XXVIII-й годовщины 19-го февраля. Сообщ. Н. П. Семеновъ. 813—817
- XXXIII. Двадцать седьмая годовщина 19-го февраля. Замѣтка Ред. 818—830

Исторія русской литературы.

- I. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.
 1. Столѣтняя годовщина его рожденія, 1787—1887 гг. 261—264
 2. Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданіе четвертое и пятое (1887 и 1888 гг.). 560—562
- II. Василій Львовичъ Пушкинъ и князь Шаляковъ.
 Сообщ. Алекс. Тулова 136
- III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
 Вновь открытыя строфы его романа «Евгеній Онѣгинъ». Путешествіе Онѣгина, 1827—1830 гг. Сообщ. акад. А. Ѳ. Бычковъ. 231—258
- IV. Николай Васильевичъ Гоголь.
 1. Встрѣча Гоголемъ наступавшаго 1834 г.
 2. Два письма Гоголя къ гр. С. С. Уварову и къ П. Н. Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ 761—767
 3. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. Н. Быковъ. 767—768
- V. Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ.
 1. О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ 1—16
 2. Автобіографическая замѣтка и перечень главнѣйшихъ трудовъ А. Д. Галахова. 17—36
 3. Ко дню LXXXI годовщины А. Д. Галахова . 563—565
- VI. К. К. Р....въ.
 1. Стихотворенія его, 1882—1885 гг. 168, 320, 354, 384, 518, 566, 694
 2. Поэту К. К. Р—ву. Сообщ. унт.-офицеръ л.-г. Павловскаго полка К***. 259—260
- VII. П. А. Кусковъ. Стихотвореніе его: «Съ самимъ собою». 831

Исторія искусствъ.

- I. Профессоръ живописи Ѳ. Г. Солнцевъ, въ его попеченіяхъ о художникахъ изъ крестьянскаго сословія въ императорской академіи художествъ, 1858 г.—24-го февраля—1888 г. Очеркъ Ред. 555—559
- II. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ полъ-вѣка тому назадъ. Сообщ. Я. П. Полонскій 811—812
-

ПОРТРЕТЫ И РИСУНКИ.

- I. Портретъ Ивана Александровича Анненкова, гравюра исполнена съ портрета Кипренскаго, 1823 г. Гравир. И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 567).
- II. Портретъ Ивана Терентьевича Осинина. Гравиров. на мѣди художн. О. А. Мѣркинъ.
(См. стр. 269).
- III. Портретъ Михаила Григорьевича Черняева, генераль-губернатора Туркестанскаго края, 1883 г.
(См. стр. 137).
- IV. Портретъ Генриха Мозера въ 1883 г.
(См. стр. 167).
- V. Портретъ бухарскаго эмира Мозаффаръ-Эддина.
(См. стр. 615).
- VI. Портретъ Кушъ-Беги.
(См. стр. 622).
- VII. Рисунокъ: Сартская женщина 1883 г.
(См. стр. 145).
- VIII. Рисунокъ: Ауль киргизовъ.
(См. стр. 161).
- Примѣчаніе. Портреты и рисунки съ III-го по VIII-й гравированы въ Парижѣ.
- IX. Отчетная карта театра дѣйствій Рушукскаго отряда въ 1877—1878 гг. Исполнена въ главномъ штабѣ.
(При стр. 230).
-

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Историческій очеркъ инженернаго управления въ Россіи. Части I и II. Составилъ генераль-лейтенантъ А. И. Савельевъ. Спб. 1879 и 1887 гг. 8 д., съ портретами и картами. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старины“ изд. 1888 г.). Зам. П. И. О. и Ред.
2. Е. С. Шумигорскій. Очерки изъ Русской исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб., 1887 г., въ 8 д., 67 стр. (Тамъ-же).
3. Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, архіепископа херсонскаго и таврическаго. Собралъ и издалъ профессоръ спб. духовной академіи Николай Ив. Барсовъ. Выпускъ 2-й. Спб. 1888 г. (На оберткѣ I-й книги „Русской Старины“, изд. 1888 г.).
4. Графъ Л. Н. Толстой, какъ художникъ и мыслитель.—Критическіе очерки и замѣтки А. М. Скабичевскаго.—Спб. 8 д. 1887, стр. 234. (Тамъ-же). Зам. Ред.
5. Расколъ-сектанство. Матеріалы для изученія религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Собр. А. С. Пругавинимъ. В. I. Библиографія старообрядчества и его развѣтвленій. М. 1887. 521 стр. (Тамъ-же).
6. Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. Т. I. Второе исправленное изданіе. Спб. 1883 г. (На оберткѣ II-й книги „Русской Старины“ изд. 1888 г.). Зам. Н. Н. Куликова.
7. Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики. Состав. метрикантъ С. Л. Пташицкій. Спб. 1887, 278 стр. (Тамъ-же). Зам. В. С. И.
8. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій. Спб., въ 8 д., 1886 и 1887 гг. Изданіе А. С. Суворина. Составили: баронъ В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ. Томъ первый, стр. 628. Томъ второй, стр. 925. (Тамъ-же). Зам. Ред.
9. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Томъ первый (1698—1701 гг.). Печатано по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1887 г., въ 6. 8 д., стр. XXIII+XXVII+898+LIII. Съ фототипическими снимками съ портретовъ Петра I-го 1698 и 1700 гг. Другое, болѣе роскошное, изданіе того же тома въ 6. 4-ю долю съ портретами Петра Великаго (1697 и 1700 гг.). (На оберткѣ III-й книги „Русской Старины“, изд. 1888 г.). Зам. Ред.
10. А. Э. Кони. Судебныя рѣчи 1868—1888.—Обвинительныя рѣчи.—Руководящія напутствія присяжнымъ.—Кассационныя заключенія. Спб. въ 8 д. 1888 г., стр. I—IV+750. Зам. Ред. (Тамъ же).

Catalogue d'ouvrages en toutes langues relatifs à la Russie,

en vente aux prix marqués

A LA LIBRAIRIE DE JOSEPH BAER & C.,
A FRANCFORT S. MEIN.

Prière d'adresser les commandes directement à Francfort ou par l'entremise d'une librairie).

155 ¹⁾ Haxthausen, A. v., Transkaukasien. Andeut. üb. d. Familien- u. Gemeinleben etc. einiger Völker zwischen d. Schwarzen u. Kaspischen Meere. 2 Bde. mit 1 Titelkupfer, 2 Lithogr., viel Holzschn. und 1 color. Karte. Leipz. 1856. gr. 8°. (M. 16) Hfrz. M. 9.—

156. (Hempel, C. F., Pseud. Phlebo), Leben, Thaten, und betrübter Fall des Grafens Burchards Christ. v. Münnich. Aus sicheren Nachrichten. Bremen 1742. 8°. Mit Portr. br. M. 4.—

157. Herberstein, S. de, Rerum Moscoviticarum commentarii; acc. Russiae et Moscoviae brevis descriptio, chorographia totius imperii Moscici, etc. Basil., J. Oporinus 1551. Mit 2 Holzschn. u. 1 Karte.—Krantz, A. (Hamburgensis). Chronica regnorum aquilonarium Daniae, Suetiae, Norvagiae Argentor. J. Schott. 1548. Mit Wappen in blattgrossem Holzschn. Folio. Schönes Ex. in Frzbd. M. 75.—

158. Herrmann, E., Diplomatische Beiträge d. russischen Geschichte aus dem K. Sächs. Hauptstaatsarchiv zu Dresden mitgetheilt 1728—1734 u. 1742—1744. 2 Thle. St.-Petersb. 1870—1871. Imp. 8°. br. M. 5.—

159. Hertzberg, Recueil des déductions, manifestes, déclarations, traités etc. qui ont été rédigés et publiés pour la cour de Prusse, par le Ministre d'Etat Cte. de Hertzberg, depuis 1756 jusqu'a 1790. 3 vols. (Vol. I. 2. éd. augm.). Berlin 1790—1795. 8°. Frz. M. 15.—

160. Heym, J., Versuch e. vollständ. geograph.-topograph. Encyclopädie des Russischen Reichs. Gött. 1796. gr. 8°. (1148 p.) br. M. 8.—

161. Historiae Ruthenicae scriptores exteri saec. XVI. Ed. A. de Starczewski. 2 voll. Berol. et Petrop. 1841—1842. Imp. 8°. Pbd. M. 20.—

* Prof. Hermann's Handex., vielfach mit Randnotizen von ihm versehen.

162. Holderness, Notes relating to the manners and customs of the brim Tatars. With coloured plates. London. 1821. 8°. Half calf. M. 7. 50.

163. Hornby, Lady, Constantinople dur. the Crimean war. With many coloured illustrations. Lond. 1863. Imp. 8°. (£ 1. 1 sh.) Sars. M. 10.—

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1887 г., т. LV, сентябрь, т. LVI, октябрь, ноябрь и декабрь; изд. 1888 г., т. LVII, январь, февраль, объявления въ концѣ книгъ.

164. Humboldt, A. de, Asie centrale. Recherches sur les climats des montagnes et la climatologie comparée. 3 vols. avec plans et 1 carte. Paris 1843. gr. 8°. Hfrz. Fehlt im Buchh. M. 54.—

165. Hupel, A. W., Ehstnische Sprachlehre; nebst e. vollst. Wörterbuch. Riga 1780. gr. 8°. Pbd. M. 4.—

— Von den Kosaken. Nebst anderen kürzeren Aufsätzen. Riga 1790. 8°. Hsars. M. 6.—

166. Huschberg, J. F., Die drei Kriegsjahre 1756, 1757, 1758 in Deutschland. Mit Ergänzungen herausg. von H. Wuttke. Nach bisher unbenutzten Archiven. Leipz. 1856. gr. 8°. (M. 12.—) Lwd. m. Goldsch. M. 6.—

167. James, J. T., Journal of a tour in Germany, Sweden, Russia, Poland, during 1813 and 1814. With 18 plates. Lond. 1816. 4°. (L 3. 3 sh.) cart., unbeschn. M. 20.—

168. Johnston, R., Travels through part of the Russian Empire and the country of Poland, along the shores of the Baltic. Illustr. with maps and numerous colour. plates. London 1815. 4°. Schönes Ex. in citrongelbem Maroquin m. Goldsch. M. 36.—

169. (Joll, J. G.), Histoire de la Pologne et du Grand Duché de Lituanie depuis la fondation de la monarchie jusques à présent. Amsterd., Dan. Pain 1698. 12°. Pbd. M. 6.—

170. Jus eligendi Duceum, statibus Curlandiae et Semigalliae ex principiis juris naturalis vindicatum (Lat. et German.) S. 1. 1736. 4° br. M. 6.—

171. Juslenii, D., Fennici lexic tentamen. Stockh. 1745. 4°. Hprgt. M. 12.

172. Karamsin, N. M., Geschichte des russischen Reichs. Nach der 2 Original. ausg. übersetzt. 11 Bde. mit Portrait. Riga 1820—33. gr. 8°. (M. 65^{1/2}) M. 20.—

173. (Katharina II) Aufsätze betreffend die russische Geschichte. Von J. K. M. d. K. a. R. 7 Bde. Berlin 1786—88. 8°. Pbd. M. 12.—

La Librairie Joseph Baer & Co. à Francfort s. Mein possède un assortiment de plus de 300,000 ouvrages anciens et modernes en toutes langues, classés systématiquement: histoire, sciences politiques, généalogie, numismatique, littérature, beaux-arts, arts industriels, sciences exactes et naturelles etc. Elle distribue régulièrement des catalogues spéciaux, qui sont à la disposition de quiconque lui fera l'honneur de les demander.

Prière d'adresser les commandes directement à Francforte s. M. ou par l'entremise d'une librairie de St. Pétersbourg ou de Moscou.

(Продолжение слѣдуетъ).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

В. И. ВОДОВОЗОВА:

Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова. Переводы изъ Сафо, Анакреона, Пиндара, Софокла, Еврипида, Катулла, Горация, Гёте, Байрона, Беранже, Гейне и посмертныя оригинальныя стихотворенія. Спб. 1888 г. 512 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII-го ВѢКА.

Содержаніе: До-Петровская Русь. Переходное время. (Патріархъ Никонъ и Крѣпачичъ. Западно-русскіе ученые и начало раскола). Царствованіе Петра Великаго. Отъ Петра I-го до Петра III-го. (Царствованія Екатерины I-й, Петра II-го и Анны Іоанновны. Правленіе Анны Леопольдовны. Царствованіе Елизаветы Петровны). Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I-го. Петръ III и Екатерина II-ая. Царствованіе Екатерины II. (Характеръ Екатерины и первые годы ея царствованія. Наказъ. Комиссія Уложенія. Внутреннія и внѣшнія дѣла. Пугачевщина. Внутреннее состояніе общества при Екатеринѣ II-й (Положеніе различныхъ сословій и образованіе). Царствованіе им. Павла I-го и его время. Книга въ 548 стр. Ц. 1 р. 50 к.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

выпускъ I-й, изд. 7-е, одоб. Учен. Ком. Министерства Народнаго Просвѣщенія Цѣна 40 к.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

вып. II, одобр. Ученымъ Комитет. Министерства Народнаго Просвѣщ. Ц. 60 к.

Василій Ивановичъ Водовозовъ. Біографическій очеркъ В. И. Семеновскаго. Спб. 1888 г. 169 + VIII стр. Ц. 50 к.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

(ГОДЪ 14-й).

Будетъ въ 1888 г. выходить съ 7 Юня одинъ и два раза въ недѣлю, въ размѣрѣ 2-хъ и болѣе листовъ, всего около 40 номеровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 6 книгъ переводныхъ романовъ и 4 номера Парижскихъ Модъ.

Главная цѣль газеты, по прежнему, давать въ сжатомъ, но полномъ видѣ безпристрастный отчетъ по внѣшней и внутренней политикѣ, а также сообщать свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ въ литературѣ, прессѣ, наукѣ, искусствахъ, ремеслахъ и торговлѣ. Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти, рассказы и стихотворенія. Рисунки помѣщаются относящіеся къ современнымъ событіямъ и явленіямъ жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1888 г. 4 руб.

Разрочка допускается по 2 руб. черезъ 3 мѣсяца духовенству, училищамъ и войскамъ.

 Подписчики 1887 г., не допущившіе „Газеты“ по случаю пріостановки ея г. Министромъ Вв. Д., будутъ бесплатно получать ее съ Юня по Сентябрю 1888 г.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: **Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.**

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся, соч. **Ѳ. ЖУРОВА**, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: „Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособие, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей. См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1876 г., кн. 10-я, стр. 103 (такого одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается Краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) **Ѳ. ЖУРОВА**. Цѣна 25 к.

Адресующіеся за которою-либо книгою прямо къ автору: въ г. Шуу, **Федору Гавриловичу Журову**, за пересылку не прилагаютъ.

Продаются послѣдніе 43 экземпляра втораго изданія:
АЛЬБОМЪ
Русскіе дѣятели въ гравюрахъ

академика Л. А. Сѣрякова

[пятьдесятъ гравюръ].

цѣна **шесть** рублей.

Подписчики «Русской Старины» могутъ получить этотъ Альбомъ за **ДВА** руб. съ пересылкою. Новаго изданія этого альбома не будетъ въ виду значительности на этотъ предметъ издержекъ.

*Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить по уменьшенной цѣнѣ, именно за **ДВА** руб. 50 коп. съ пересылкою (вмѣсто **3** руб. 50 коп.), книгу:*

I. Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи въ 1877 году. Изданіе второе, значительно дополненное весьма интересными показаніями лицъ близкихъ къ покойному Государю. Издалъ Л. М. Чичаговъ. Спб. 1887 г., 517 стр.

II. Подписчикамъ «Русской Старины» предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за **ДВА** рубля съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны **4** руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала Н. И. Ореуса: **Описаніе Венгерской войны 1849** г., съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб., въ 6. 8 д.
(Имѣется всего лишь около 188 экземпляровъ).

III. Записки Сельскаго Священника, о. протоіерея и благочиннаго А. И. Розанова. Спб., 1882 г., въ 8 д., изд. второе, пересмотрѣнное и дополненное. Цѣна **одинъ** руб. съ пересыл.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ
СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ.

(Отзывъ редакціи „Русской Старины“ въ октябрьской книгѣ, изд. 1887 г.).

Ихъ Императорскія Величества Всемилостивѣйше повелѣли включить Свои Августѣйшія Имена въ число подписчиковъ на «Словарь». Государь Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другіе члены императорской фамилии также изволили подписаться на это изданіе.

Св. Синодъ и г. оберъ-прокуроръ рекомендовали «Словарь» вниманію епархіальныхъ архіереевъ.

Императорское общество любителей древней письменности признало этотъ «Словарь»—«необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи Новозавѣтной части Библии».

Шесть книгъ (всего: 2520 печатныхъ страницъ). Изданіе окончено.

Цѣна: на обыкновенной бумагѣ—пятнадцать (15) рублей; на веле-
невой—двадцать (20) рублей; на слоновой бумагѣ (осталось 5 экз.,
въ листахъ)—55 руб. за экземпляръ. Требованія на «Словарь», вмѣстѣ
съ деньгами (безъ денегъ «Словарь» не высылается ни лицамъ, ни
учрежденіямъ), должны быть адресованы исключительно: Петру Андре-
вичу Гильтебрандту, Петербургъ, Кабинетская, 13.

NB. Осталось 3 экз. для роскошныхъ праздничныхъ подарковъ,
въ сафьяновыхъ золотообрѣзныхъ переплетахъ, на слоновой бумагѣ,
по 100 руб. за экз.; на упаковку и пересылку 10 руб.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ЦИНЗЕРЛИНГА

Спб., Невскій проспектъ, д. № 46.

Продаются съ 1-го марта 1888 г. по обыкновеннымъ, не пониженнымъ цѣнамъ, оставшіеся экземпляры нижеслѣдующихъ изданій ред. «Русской Старины»:

I. СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ РОСПИСЬ содержанія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ за первые пятнадцать лѣтъ. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами, издана въ 1885 г.

Цѣна ТРИ рубля съ пересылкою.

II. СЛОВО И ДѢЛО! историческіе очерки М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр., съ рисунками пытокъ. Спб., 1884-го года, изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное.

Цѣна ДВА рубля съ пересылкою.

III. „ДАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛЛИМЪ МОНСЪ“ историческій очеркъ М. И. Семеvскаго изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга въ 8-ю долю, 350 стр. Спб., 1884 г., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ.

Цѣна ДВА рубля ПЯТЬДЕСЯТЬ коп. съ пересылкою.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору, удостоена Высочайшаго одобрения: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II, Императоръ всероссійскій.

Рисоваль и гравироваль на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЮРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры— $\frac{3}{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзда покойнаго Гравера Его Величества Александра II, — Академика Сѣрякова, —предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины» —

 Лица, подписавшіяся на „Русскую Старину“ 1888 года (необходимо замѣтить, что хотя число экземпляровъ гравюры меньше противъ обычнаго числа подписчиковъ „Русской Старины“, но ихъ все таки довольно много), могутъ получить за семь семикопѣчныхъ почтовыхъ марокъ (или 50 копѣекъ) эту гравюру — съ пересылкою въ хорошо укупоренномъ картонномъ свертѣ.

Примѣчаніе. Семь почтовыхъ марокъ или 50 копѣекъ уплачивають за этотъ, повторяемъ, вполне замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“ изд. 1888 года.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ эпоху его великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНИЯ ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА.

(Спб. Екатерининскій каналъ, соб. домъ № 78).

I. Строительная памятная книжка. Составилъ В. Карловичъ. Изящное изданіе въ переплетѣ. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

II. Малорусскій театръ М. П. Старицкаго. В. А. Кендзерскаго. Спб. Цѣна 50 к.

III. Вѣнчаніе Русскихъ Самодержавцевъ. Церковный обрядъ Коронованія и подробное описаніе трехъ Коронацій выпѣшняго столѣтія. Н. Л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

IV. И. А. Чанцевъ. Скобелевъ какъ полководецъ. 1880 — 1881. Историческій очеркъ. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

V. Очеркъ Николаевскаго уѣзда (Самарской губерніи), въ статистическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Составилъ Иванъ Липинъ. Цѣна 1 р.

VI. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра—Освободителя. Составилъ А. П. Сафоновъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

VII. Сочиненія Николая Ивановича Павлицева:

Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Изслѣдованіе. Въ 3 частяхъ. Цѣна за 3 тома 6 р. съ пересылкою.
Тт. I, II, III.

Седмицы польскаго мятежа 1861—1864. Историческая монографія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылою.
Тт. IV и V.

VIII. П. А. Матвѣевъ.—Болгарія послѣ Берлинскаго Конгресса. Историческій очеркъ. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

IX. С. Каратаевъ. — Библиографія финансовъ, промышленности и торговли со времени Петра Великаго по настоящее время. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

X. Русскіе въ Берлинѣ. П. Я. Бугайскаго. Цѣна 20 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ на историческій журналъ „Русская Старина“ дѣлается на каждое изъ десяти поименованныхъ изданій типографія В. С. Балашева, скидка 50% (пятьдесятъ процент).

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Русская Старина“ — С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. 7, каковая контора поименованныя требованія имѣеть обращаться въ типографію В. С. Балашева.

E. С. Шумигорскій: «Очерки изъ Русской Исторіи. I. Императрица-публицистъ. Эпизодъ изъ исторіи литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1887 г., въ 8 д.

Цѣны для подписчиковъ „Русской Старины“ пятьдесятъ копѣекъ съ пересылкой.

доровича Кони и окружил его имя почетною известностью.

Г. Кони, товарищ прокурора и затѣмъ прокуроръ (1867—1875), председатель суда (1878—1881 гг.), председатель гражданского деп-та судебной палаты, и, наконецъ, оберъ-прокуроръ сената (съ 1885 г.), давно уже представлялъ собою авторитетъ въ русской современной юридической практикѣ и къ его голосу издавна прислушиваются всѣ дѣятели новаго суда, въ лицахъ разнообразныхъ его представителей. Въ виду этого вышедшій сборникъ судебныхъ рѣчей г. Кони — послужить не только предметомъ чтенія, но изученія, въ особенности для молодежи, готовящей себя для практическо-юридической дѣятельности.

Настоящій однако сборникъ, не смотря на свой значительный объемъ и довольно убористую печать, выѣстивъ въ себя лишь малую долю тѣхъ судебныхъ рѣчей, которыя довелось произнести А. Ф. Кони въ теченіи двадцати послѣднихъ лѣтъ. А именно, сюда вошло — пятнадцать обвинительныхъ рѣчей по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ заседателей и двѣ по дѣламъ безъ участія присяжныхъ, — три руководящихъ напутствія по наиболее сложнымъ дѣламъ и семь заключеній оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената. Обвинительнымъ рѣчамъ и напутствіямъ, какъ то и указано въ краткомъ предисловіи автора, предпослано сжатое положеніе существенныхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для преданія суду, и тѣхъ недозвѣданныхъ и осложненій, которыми сопровождались эти данныя при разсмотрѣніи ихъ на судѣ. Въ концѣ сборника приложены — алфавитный указатель толкованій и объясненій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ судебныхъ рѣчахъ, а также и указатель статей закона, на которыя сдѣланы въ нихъ ссылки.

Перечислимъ тѣ судебныя дѣла, по предмету которыхъ сказаны г. Кони судебныя рѣчи, нѣкогда явившіяся въ газетахъ и которыя имѣли нашли мѣсто въ разсматриваемомъ сборникѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, какъ увидать читатели даже изъ заголовковъ, очень хорошо памяты по всему лицу земли русской. Вотъ перечень этихъ рѣчей:

Обвинительныя рѣчи: I. По дѣлу

объ утопленіи престыянки Емельяновой ея мужемъ.—II. По дѣлу о расхищеніи имущества умершаго Николая Солодовникова.—III. По дѣлу о подлогѣ росписки въ 35,000 руб. сер. отъ имени княгини Щербатовой.—IV. По дѣлу о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ дѣлѣ супруговъ З—ныхъ.—V. По дѣлу о Станиславѣ и Эмиль Ясенахъ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и Герминіи Акарь, обвиняемой въ выпускѣ въ обращеніе такихъ билетовъ.—VI. По дѣлу объ убійствѣ статскаго совѣтника А. И. Рыжова.—VII. По дѣлу объ оскотпленіи Горшково.—VIII. По дѣлу объ убійствѣ Штрамъ.—IX. По дѣлу о подлогѣ завѣщанія отъ имени купца Вьялева (дѣло Мясниковыхъ).—X. По дѣлу о поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги.—XI. Убійство іеромонаха Иларіона.—XII. Убійство Чихачева.—XIII. Подлогъ завѣщанія Съдкова.—XIV. По дѣлу о побояхъ мѣщанину Северину, вызвавшихъ его смерть.—XV. Убійство рядоваго Вѣлова.—XVI. Дѣло объ Андреевѣ, обвиняемомъ въ несоблюденіи осторожности, причинившемъ смерть крестьянину Липовому.—XVII. По дѣлу объ игромомъ домѣ штабсъ-ротмистра Колемина.—Руководящія напутствія присяжнымъ: 1. По дѣлу Юханцова.—2. По дѣлу Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи.—3. По дѣлу Гулакъ. Артемовской—подлогъ вѣстей.—Кассационныя заключенія:—1. Дѣло Соболевскаго—клевета въ печати.—2. Дѣло ред. «Новаго Времени»—г. Федорова.—3. Дѣло Ланггауза, обвиняемаго въ клеветѣ.—4. Злоупотребленія въ Таганрогской таможѣ.—5. Дѣло бывшаго нотаріуса Назарова.—6. Скопскій городской банкъ,—и 7. Саратовско-Симбирскій Земельный банкъ (злоупотребленія).

Одно перечисленіе этихъ «достопамятныхъ» дѣлъ, занимавшихъ и волновавшихъ въ свое время русское общество—повышаетъ, кромѣ громадный интересъ имѣеть сборникъ, имѣетъ столь своевременно изданный однимъ изъ наиболее уважаемыхъ представителей высшей обвинительной власти въ Россіи. Интересъ этотъ не одинъ только юридическій; это сборникъ произведеній самаго глубокаго, иногда вполне художественнаго анализа главнѣйшихъ явъ, свидѣющихъ жизнь современнаго русскаго общества.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1888 г.

ДВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

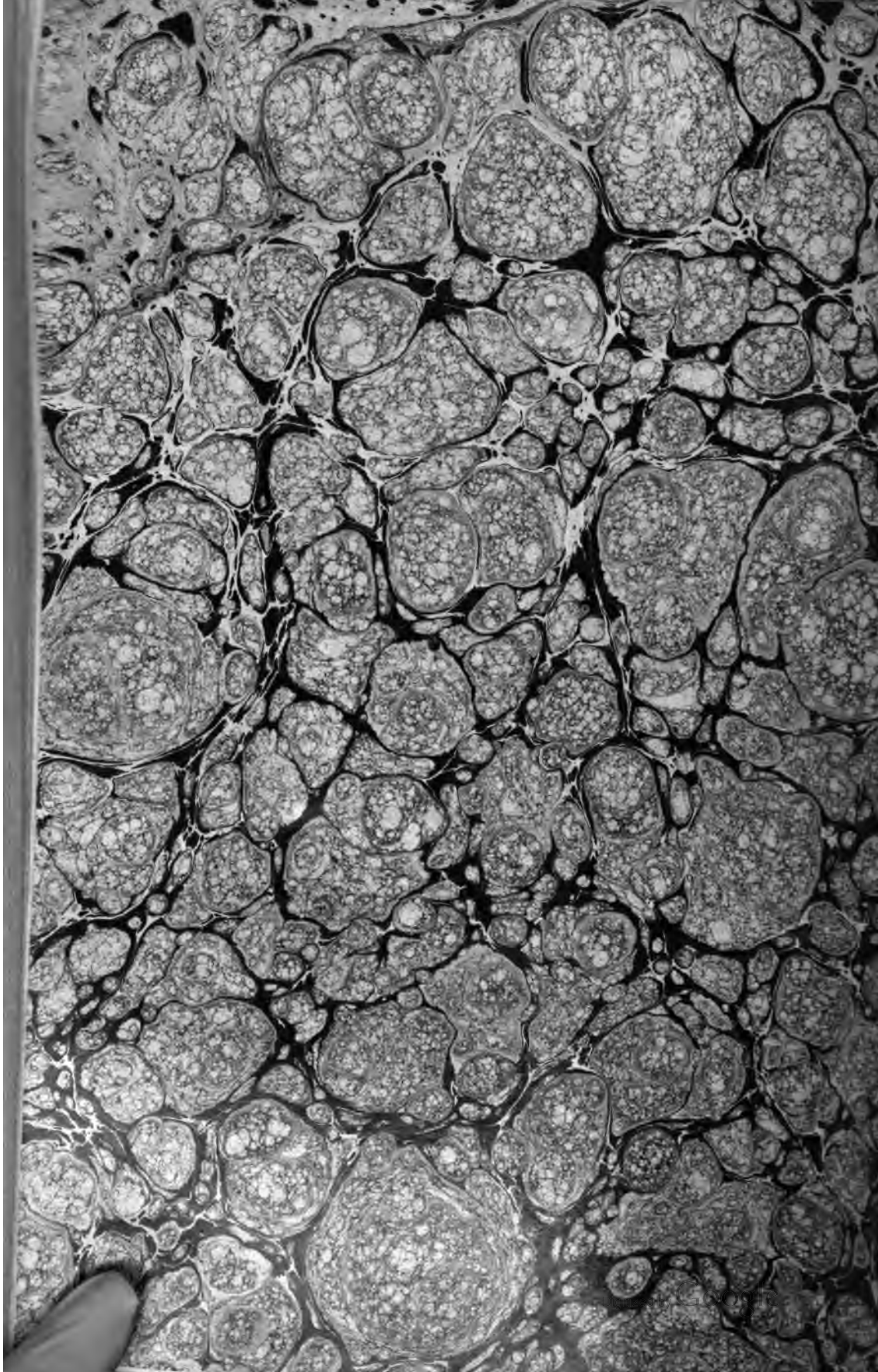
Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошл. времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (50 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (22 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изд. второе, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1886 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портрет., 9 руб.

3 0000 054 466 267

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

QEMCO

